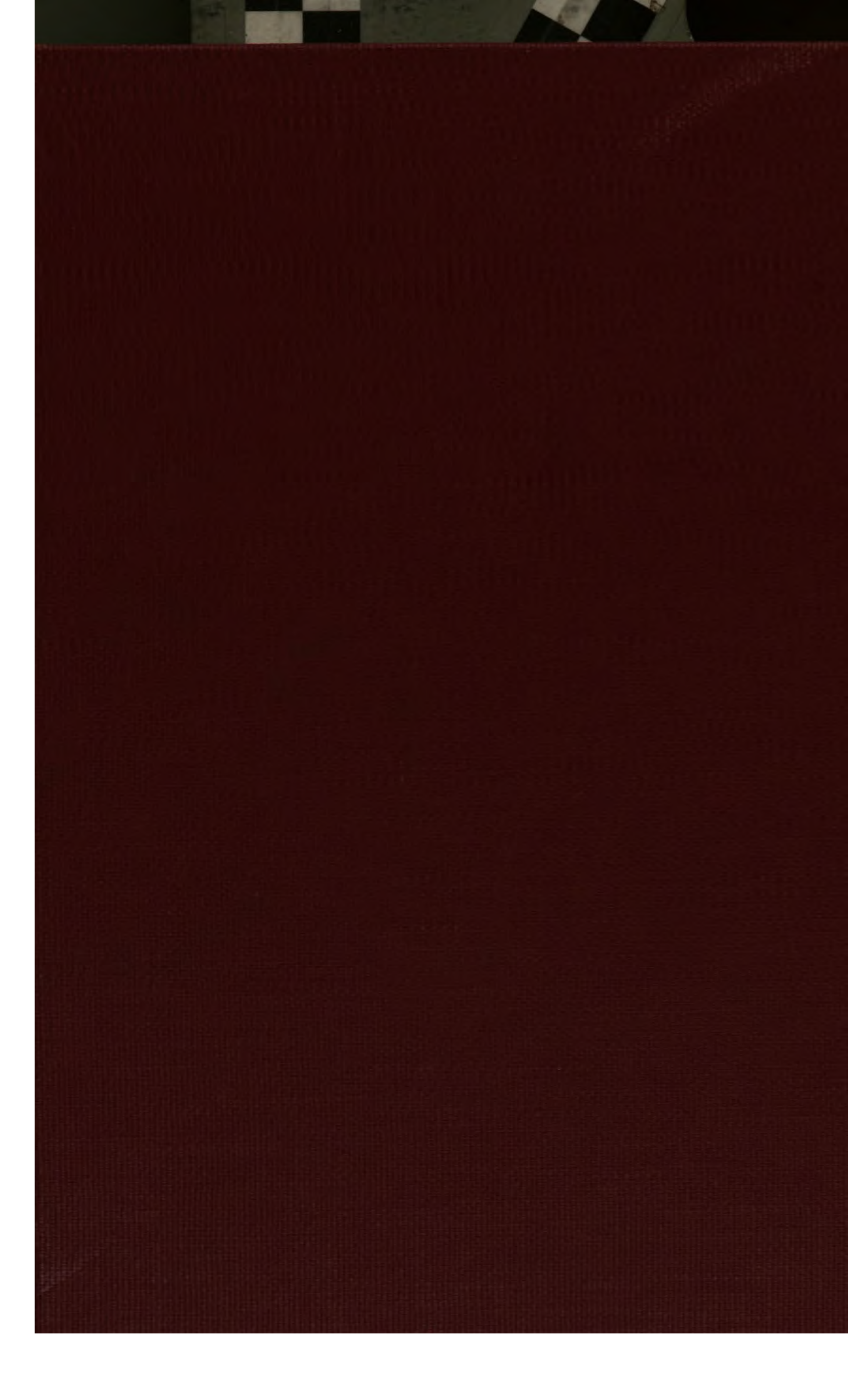
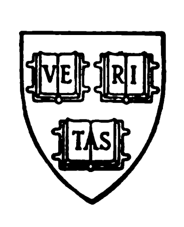



VE
RI
TAS

РУССКОЕ БОГАТСТВО

ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ

ЛИТЕРАТУРНЫЙ, НАУЧНЫЙ и ПОЛИТИЧЕСКІЙ ЖУРНАЛЪ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія Н. Н. Клобукова, Лиговская ул., д. № 34.
1906.

Къ свѣдѣнію гг. подписчиковъ.

1) Контора редакціи не отвѣчаетъ за аккуратную доставку журнала по адресамъ станцій желѣзныхъ дорогъ, гдѣ нѣтъ почтовыхъ учрежденій.

2) Подписавшіеся на журналъ черезъ книжные магазины—съ своими жалобами на неисправность доставки, а также съ заявленіями о перемѣнѣ адреса благоволятъ обращаться непосредственно въ контору редакціи—*Петербургъ, уг. Спасской и Басковой ул., д. 1—9.*

Книжные магазины только передаютъ подписныя деньги въ контору редакціи и не принимаютъ никакого участія въ доставкѣ журнала.

3) Жалобы на неисправность доставки, согласно объявленію отъ Почтоваго Департамента, направляются въ контору редакціи не позже, какъ по полученіи слѣдующей книжки журнала.

4) При заявленіи о неполученіи книжки журнала, о перемѣнѣ адреса и при высылкѣ дополнительныхъ взносовъ по разсрочкѣ подписной платы, **необходимо прилагать печатный адресъ**, по которому высылается журналъ въ текущемъ году, или сообщать его №.

Не сообщающіе № своего печатнаго адреса затрудняютъ наведеніе нужныхъ справокъ и этимъ замедляютъ исполненіе своихъ просьбъ.

5) При каждомъ заявленіи о перемѣнѣ адреса въ предѣлахъ Петербурга и провинціи слѣдуетъ прилагать 25 коп. почтовыми марками.

6) При перемѣнѣ петербургскаго адреса на иногородный уплачивается 1 р.; при перемѣнѣ же иногородняго на петербургскій—65 к.

7) Перемѣна адреса должна быть получена въ конторѣ не **позже 15 числа каждаго мѣсяца**, чтобы ближайшая книга журнала была направлена по новому адресу.

8) Лица, обращающіяся съ разными запросами въ контору редакціи или въ отдѣленія конторы, благоволятъ прилагать почтовые бланки или марки для отвѣтовъ.

Къ свѣдѣнію авторовъ статей.

1) На отвѣтъ редакціи по поводу присланной статьи, а также на случай возвращенія обратно рукописи должны быть приложены марки.

2) **Непринятыя рукописи**, обратная пересылка которыхъ не была оплачена, возвращаются заказной бандеролью съ наложеннымъ платежомъ стоимости пересылки.

3) По поводу непринятыхъ стихотвореній редакція не ведетъ съ авторами никакой переписки, и такія стихотворенія **уничтожаются**.

СОДЕРЖАНІЕ.

		Стран.
1.	**Побѣгъ**. Повѣсть. *Вацлава Сѣрошевскаго*. Окончаніе	1— 33
2.	**Темной ночью**. Стихотвореніе. *С. Иванова Райкова*	34
3.	**Начало**. *В. Башкина*	35— 82
4.	**Элементъ стихійности** въ массовыхъ движеніяхъ. *Гр. К.*	83— 97
5.	**Мать** (Изъ былыхъ временъ). *А. Погорѣлова*	98—115
6.	**Донскіе казаки**. Очеркъ. *С. Я. Л—на*	116—152
7.	**Сказка**. *М. Подвальнаго*	153—161
8.	**Когда наступитъ ночь**. Стихотвореніе. *Е. С.*	162—163
9.	**Инсургенты 1871 г.** Романъ. *Жюля Валлэса*. Переводъ съ французскаго Я. А. Глотова. Продолженіе	164—198
10.	*** Стихотвореніе *Г. Галиной*	198
11.	**О причинѣ смерти**. Переводъ съ нѣмецкаго В. С. Елпатьевскаго. Проф. *Рихарда Гертвига*	199—218
12.	**Въ потѣ лица**. Очерки и наблюденія русскаго путешественника. *П. Владыченко*. (Въ приложеніи).	1—107
13.	**На новый годъ**. Стихотвореніе. *С. Иванова-Райкова*	108
14.	**Изъ воспоминаній нѣмецкаго революціонера**. *Карла Шурца*. Переводъ съ нѣм. А. Н. Анненской (Въ приложеніи)	1—132
15.	**Изъ Англіи**. *Діонео*	1— 21
16.	**Французскій синдикализмъ** (Письмо изъ Франціи). *Н. Е. Кудрина*	22— 63
17.	**Русская Польша наканунѣ новыхъ выборовъ**. *Л. Василевскаго*	64— 92

(*См. на оборотѣ*)

СТРАН.

18. **«Локаутъ» въ Вервье** (Письмо изъ Бельгіи). *Виеа* . 93—97
19. **На разныхъ языкахъ**. *А. Петрищева* . . . . . . 97—116
20. **Новыя книги**.
А. Н. Плещеевъ. Стихотворенія. — Эмиль Верхарнъ. 1) Стихи о современности. 2) Зори. Пьеса въ четырехъ актахъ.—Д. Ратгаузъ. Полное собраніе стихотвореній.—Борисъ Зайцевъ. Разсказы.—Д. Мережковскій. Воскресшіе боги.—Ю. Айхенвальдъ. Силуэты русскихъ писателей.—Проф. Врюкнеръ. Русская литература въ ея историческомъ развитіи.—И. Лапшинъ. Законы мышленія и формы познанія.—Н. Симбирскій. Правда о Гапонѣ и 9-мъ января.—Новыя книги, поступившія въ редакцію. . 116—141
21. **Хроника внутренней жизни**: I. Думская кампанія.—II. Указъ о грабежѣ.—III. Углубленіе революціи.—IV. Ея усложненіе. *А. Пѣшехонова* . . . . . . 142—166
22. **Викторъ Александровичъ Гольцевъ**. *Вл. Кор.* . . 166—169
23. **Николай Георгіевичъ Гаринъ-Михайловскій**. *С. Елпатьевскаго* . . . . 170—173
24. **Отчетъ конторы редакціи**.
25. **Объявленія**.

ПОБѢГЪ.

Повѣсть.

XIX.

Съ тѣхъ поръ Аркановъ совершенно измѣнился. Онъ сталъ веселъ, разговорчивъ, внимателенъ и уступчивъ. Онъ видимо силился расположить къ себѣ даже Красусскаго. А жену еще въ тотъ же вечеръ трогательно умолялъ о прощеніи, на колѣняхъ ползая у ея ногъ и повторяя со слезами:

— Увези меня отсюда, увези, Женя! Бѣжимъ!.. Ты не знаешь, ты представить себѣ не въ состояніи, что со мной происходитъ!.. Я съ ужасомъ слѣжу за собою, какъ за какимъ-то постороннимъ человѣкомъ, который поселился въ моей душѣ и дѣлаетъ все, чтобы погубить меня... Бѣжимъ отсюда!.. Тамъ, на волѣ, вернется ко мнѣ и спокойствіе, и доброжелательность къ окружающимъ... Тамъ открыты тысячи путей для труда... Тамъ нѣтъ необходимости лгать себѣ и другимъ! Иго рабства и вынужденной праздности ужаснѣй всего!..

— Да, Артя, — повторяла она, поглаживая его волосы, — ужасно иго рабства!..

Казалось, что именно съ той несчастной ночи счастіе и миръ опять прочно вернулись въ ихъ измученныя сердца. И хотя въ городѣ происходило какое-то подозрительное движеніе, напоминавшее о внѣшнихъ опасностяхъ, — они были веселы, какъ никогда. Евгенію огорчали только подозрѣнія, высказанныя Красусскимъ относительно ея мужа, а также холодность, съ какой юноша принималъ теперешнія ухаживанія Арканова. Она дулась на молодого поляка и не скрывала этого, а послѣдній становился отъ этого еще подозрительнѣе и суше по отношенію къ нимъ обоимъ.

Онъ съ крайнимъ нетерпѣніемъ прислушивался, не трогаются ли льды на рѣкѣ, и когда, наконецъ, покатился

глухой гулъ по долинѣ и стали гремѣть одинъ за другимъ мощные раскаты, похожіе на пушечные выстрѣлы, неимовѣрная радость охватила его душу. Вѣжливо, почти дружески поздоровался онъ съ Аркановымъ и сказалъ ему, что больше не будетъ утруждать его, такъ какъ ему нужно лишь окончить приборъ для измѣренія скорости хода лодки, съ чѣмъ онъ и самъ можетъ справиться.

— Поведите Евгенію Ивановну на рѣку. Вскрытіе Джурджуя—великолѣпнѣйше зрѣлище въ своемъ родѣ!..—совѣтовалъ онъ Арканову.

Супруги были теперь неразлучны, что успокоительно дѣйствовало на Красусскаго, который такъ боялся одиночества Арканова и его неожиданныхъ поступковъ.

Онъ повеселѣлъ и, насвистывая какой-то беззаботный мотивъ, подвязывалъ суконный мѣшечекъ къ небольшому ободку морского прибора. Весна, тепло, солнечный свѣтъ, дуновенія вѣтра, разнообразные голоса, врывавшіеся черезъ открытыя настежь окна мастерской, настраивали его радостно и бодро. Къ тому же, сквозь грохотъ ломавшихся на рѣк льдовъ, сквозь шумъ вѣтра и гомонъ пролетавшихъ птицъ, его опытное ухо охотника и кузнеца улавливало съ самаго утра тихій, мѣрный и частый стукъ молотковъ, заклепывавшихъ за рѣкою болты. Это работали товарищи, и съ каждымъ ударомъ Красусскій чувствовалъ ближе и ближе родину и волю, съ каждымъ ударомъ лопалось одно изъ звеньевъ рабскихъ оковъ!..

Ночью онъ не могъ заснуть, такъ какъ въ наступившей тишинѣ природы постукиванія молотковъ звучали до того ясно, что можно было опасаться, что и другіе горожане обратятъ на нихъ вниманіе. Онъ отправился на рѣку, къ тому мѣсту, гдѣ была спрятана на всякій случай крохотная душегубка, и подумывалъ о томъ, какъ бы перебраться на тотъ берегъ и предостеречь товарищей. Но онъ сообразилъ, что раньше, чѣмъ достигнетъ того берега, взойдетъ солнце, поплывутъ воды, загремятъ льды, задержанные ночнымъ холодомъ, и въ грохотѣ ихъ и гомонѣ жизни потонетъ голосъ освободительнаго труда. Теперь же въ городѣ всѣ спали... Успокоенный, онъ вернулся домой, легъ спать и крѣпко уснулъ.

И снилось ему, что онъ въ Польшѣ...

Вдругъ кто-то крѣпко дернулъ его за плечо.

Красусскій открылъ глаза. Струи солнечнаго свѣта заливали мастерскую и крохотную спальню Красусскаго.

Надъ нимъ стоялъ Аркановъ.

— Несчастіе!.. — сказалъ онъ мрачно. — Джурджуйцы

устраиваютъ пикникъ, какъ разъ, напротивъ Бурунука на берегу рѣки!

Красусскій вскочилъ, не понимая еще, въ чемъ дѣло, но одновременно съ отдаленнымъ гудѣніемъ льдинъ на рѣкѣ, съ говоромъ городской жизни и быстрымъ, отрывистымъ, тихимъ, но несмолкаемымъ стукомъ работающихъ вдали товарищей въ сознаніе его мгновенно проникло представленіе о предстоящей опасности.

— Что же мы предпримемъ?—спросилъ Аркановъ.

Красусскій взглянулъ ему въ лицо. Печаль и озабоченность Арканова показались ему напускными; онъ уловилъ гдѣ-то на днѣ зрачковъ товарища, въ углахъ сжатыхъ губъ скрытую, подавленную радость. Поэтому онъ поспѣшно одѣвался, не отвѣчая ни слова. На улицѣ онъ тотчасъ же наткнулся на цѣлую вереницу джурджуйскихъ гражданъ, направлявшихся мимо полиціи въ сторону Бурунукскаго залива. Онъ узналъ зеленое платье попадьи, помидорнаго цвѣта костюмъ Козловой, фіолеты Варлаамовой, замѣтилъ шестовидную фигуру „madame Angôt“ и молодецкую поступь Денисова. За послѣднимъ шла гурьбою джурджуйская золотая молодежь... Быстро двигаясь мимо нихъ, онъ опередилъ сани, нагруженныя корзинами, бутылками, боченками и бѣлой палаткой новаго исправника — нововведеніе, неизвѣстное до тѣхъ поръ въ Джурджуѣ. Быкъ, на спинѣ котораго возсѣдалъ голый якутъ, съ трудомъ волокъ тяжелыя сани по черной, скрипящей землѣ. Красусскій безъ труда оставилъ позади себя якута и скользнулъ съ обрывистаго берега внизъ къ водѣ. Тутъ только онъ замѣтилъ, что Аркановъ и Евгенія бѣгутъ за нимъ. Онъ сердито взглянулъ на нихъ, отыскалъ весло, схватилъ за носъ челнокъ, перевернулъ его, поставилъ надлежащимъ образомъ и потащилъ къ водѣ. Запыхавшійся Аркановъ очутился по другую сторону суденышка и схватилъ его за бортъ. Мгновеніе они боролись, стараясь вырвать другъ у друга душегубку.

— Пусти... Что... чего тебѣ нужно... негодяй!..—вскричалъ Красусскій, замахиваясь весломъ на противника.

— Ты пусти!.. Ты не долженъ... ты утонешь... безъ тебя они... погибнутъ!..—простоналъ Аркановъ.

Красусскій, вѣроятно, не разслышалъ, а быть можетъ, и не понялъ его объясненія. Сильнымъ движеніемъ вырвалъ онъ челнокъ изъ его рукъ, вскочилъ въ него и оттолкнулъ далеко въ воду. Аркановы увидѣли, что онъ направляетъ его прямо въ водоворотъ несущихся льдинъ. Но онъ, видимо, скоро пришелъ въ себя, потому что повернулъ свое хрупкое суденышко параллельно ледоходу и поплылъ вдоль, отыскивая удобный проходъ. Льды уже не шли

сплошной массой, какъ въ началѣ, ихъ лента порвалась на части и неслась, главнымъ образомъ, серединой русла, скопляясь въ шумные „заторы“ исключительно на поворотахъ рѣки. У обоихъ береговъ сверкали широкіе плесы свободнаго отъ льдовъ теченія. Красусскій на то и разсчитывалъ. Онъ стрѣлою мчался внизъ по рѣкѣ, опережалъ большія ледяныя поля, мелкую шугу и громадные спертые другъ на другѣ „тороса“, пока не отыскалъ болѣе широкаго прорыва въ ледоходѣ. Онъ немедленно направился туда. Аркановы съ затаеннымъ дыханіемъ слѣдили, какъ онъ ловко уходилъ отъ столкновенія съ небольшими острыми обломками льдовъ, скрываясь отъ нихъ подъ защиту крупныхъ полей, движущихся гораздо правильнѣе и тише. Когда поля смыкались, онъ взлѣзалъ на нихъ, вытаскивалъ лодку и волокъ ее къ другому ихъ краю. Такимъ образомъ онъ добрался до середины рѣки. Аркановъ вытеръ потъ со лба: онъ понялъ, что ему никогда бы ничего подобнаго не удалось совершить, что онъ давно бы погибъ. Вдругъ пронзительный крикъ жены заставилъ его пристальнѣе взглянуть на рѣку. Душегубки уже тамъ не было, только человѣкъ стоялъ на льду на колѣняхъ. Что дальше онъ дѣлалъ, какъ прыгалъ со льдины на льдину, какъ, наконецъ, сбросилъ платье и вплавь пробрался сквозь послѣдній, широкій, свободный отъ льда плесъ, какъ онъ уцѣпился за прибрежные тальники, какъ оттуда высунулись люди и подхватили его—всего этого Аркановъ уже хорошенько не разобралъ, пораженный, точно громомъ, выраженіемъ лица и голосомъ жены. Евгенія была такъ блѣдна и такой имѣла страдальческій видъ... Вдругъ позади себя на высокомъ обрывѣ она услышала шаги и звонкіе голоса...

— Мое почтеніе, Евгенія Ивановна!..—обратился къ ней кто-то.—И вы, однако, вышли поглядѣть на игру нашего сибирскаго ледохода... Любопытное зрѣлище, не правда ли?

— Не столько любопытное, сколько поучительное!..—отвѣтилъ другой голосъ.

На краю обрыва стоялъ новый исправникъ съ учителемъ.

— Поглядите, вонъ тамъ что-то чернѣетъ далеко на льдинѣ... Точно упалъ человѣкъ, раскинувши руки... Навѣрно, человѣкъ!.. Пойдите, прикажите казакамъ, чтобы добрались къ несчастному, выручили его!..—кричалъ исправникъ, указывая на брошенное Красусскимъ платье.

Но учитель даже не взглянулъ въ указанномъ направленіи, такъ какъ въ противоположной сторонѣ замѣтилъ въ не затѣненныхъ еще листвою кустахъ платье своей жены рядомъ съ какими-то мужскими сапогами.

— Откуда тамъ найтись человѣку? Навѣрно, однако, ско-

тина!.. Да хотя бы и человѣкъ, то какой чортъ достанетъ его изъ такой мельницы... Шутка сказать... выручи!..—пробормоталъ онъ неохотно.

Между тѣмъ, Евгенія замѣтила, что мужа нѣтъ рядомъ, и медленно пошла къ городу.

Нашла она его на кровати, съ лицомъ, обращеннымъ къ стѣнѣ. Онъ не пошевелился, когда она вошла, и не отвѣтилъ, когда она позвала его.

— Ахъ, опять жалкія сцены... И это теперь... передъ лицомъ смерти!

Она такъ устала, такъ была измучена всѣмъ, что случилось, что предстоящія непріятности уже не волновали ее. Она опустилась въ кресла и повѣсила голову на грудь. Весь міръ казался ей страшной, безжалостной пустыней, по которой ея истомившаяся и безвольная душа напрасно блуждала, отыскивая, за что бы зацѣпиться. Она жаждала, къ кому бы прижаться, приникнуть головой на грудь и заплакать... Она тихонько сошла съ креселъ, присѣла къ мужу на кровать и положила руку на его плечо, но онъ грубо оттолкнулъ ее, не обернувшись даже къ ней лицомъ. Она просидѣла такъ нѣкоторое время, согнувшись, вглядываясь воспаленнымъ взоромъ въ пустой уголъ комнаты. Затѣмъ, чувствуя, что ей необходимо чѣмъ-нибудь заняться, чтобы спасти остатки мужества и силы, она полусознательно поставила самоваръ, заварила чай и жадно пила крѣпкій, какъ чернила, наваръ большими глотками.

Она поднесла и мужу чашку съ кускомъ хлѣба и холоднаго мяса. Онъ не двинулся; но когда она вышла затѣмъ на крыльцо, то разслышала, что стукнули его сапоги объ полъ. Вернувшись, она замѣтила, что онъ съѣлъ все поданное. Тѣмъ не менѣе, онъ по-прежнему отворачивалъ отъ нея лицо и мрачно склонялъ голову къ землѣ.

— Онъ погибъ! Что теперь будетъ?—тихонько спросила она.

— Совсѣмъ нѣтъ!.. Онъ живъ, и міръ... стоитъ на своемъ мѣстѣ!—насмѣшливо отвѣтилъ онъ.

— Что же ты не сказалъ мнѣ!..—воскликнула она со смѣсью обиды и радости.—Значитъ онъ, проплылъ и спасся!?

Онъ измѣрилъ ее злымъ взглядомъ и не отвѣтилъ. Она тоже замолкла, сознавая, что передъ ней опять не мужъ ея, а тотъ, другой... его двойникъ.

— Надо дать ему остыть, опомниться... Пусть наговорится, насердится!.. Опять будутъ упреки, просьбы и угрозы!.. — раздумывала она, садясь на крыльцѣ. — Итакъ, онъ не погибъ, все по старому... Бѣжимъ... Черезъ день, черезъ два, а можетъ быть, и черезъ нѣсколько часовъ мы уже

оставимъ это проклятое мѣсто пытки... Что произошло здѣсь, что случилось и чѣмъ мы стали?—Развѣ я та же, что была раньше? Развѣ такимъ былъ Артемій? И другіе — такіе ли, какъ прежде?.. Душу свою сохранили только тѣ, кто постоянно боролся! Ахъ, поскорѣе бы, поскорѣе... на свѣтъ, къ людямъ, къ плодотворному труду и жертвамъ!

Вдругъ она замѣтила дымъ въ юртѣ Красусскаго.

— Вернулся!—вскрикнула она пронзительно, врываясь въ комнату. Она схватила свою шапочку, свою кофту, но Аркановъ вскочилъ и сталъ въ дверяхъ.

— Куда?

— Узнать, когда... ѣдемъ!

— Не надо. Мы совсѣмъ не поѣдемъ!—отвѣтилъ онъ спокойно.

Она попятилась въ изумленіи.

— Почему?

— Послушай, загляни, наконецъ, хоть разъ смѣло на дно своей совѣсти и скажи мнѣ откровенно, какъ на исповѣди... Помни, что это крайне важно теперь не только для меня, но и для... васъ всѣхъ—зачѣмъ ты хочешь бѣжать?

— Странный вопросъ!.. Чтобы жить, чтобы... спасать тебя... себя...—лепетала она смущенно.

Она пробовала улыбнуться, но дрожавшія губы отказались сдѣлать это, и лицо ея только некрасиво перекосилось.

— Ну, да: чтобы жить! Этому я вѣрю, но чтобы вы думали... о моемъ спасеніи, въ этомъ позвольте мнѣ усомнится... Я вижу васъ насквозь и не позволю провести себя красивыми фразами. Развѣ вы уступали когда-либо моимъ просьбамъ? Развѣ вы дѣлали что-либо исключительно ради меня? Никогда!.. Вы всегда жертвовали мною для другихъ!.. Вы всегда все ловко одѣвали первосортными фразами о любви къ ближнему, о чести, о долгѣ... Но когда... тотъ... попалъ въ пламя, то вы взывали: „пусть все лучше погибнетъ!“ А сегодня надъ рѣкой—что было? Я думалъ, вы умрете тамъ же!. Это ужъ слишкомъ!.. Жена моя бѣжитъ отъ меня на мои деньги и при моей помощи!.. Это сверхъ всякой мѣры!.. Этого не оправдаютъ никакія доктрины!.. И вы... останетесь!..

— Но... не съ вами! Будьте увѣрены. Это, дѣйствительно... слишкомъ!..—отвѣтила она и выпрямилась.

Самообладаніе вернулось къ ней.

— Прошу васъ пропустить меня!

Онъ не двигался съ мѣста, не сводя съ нея глазъ и только слегка сощуривъ вѣки.

— Нѣтъ, вы отсюда не уйдете!

— Тогда... они придутъ за мной!

Она сѣла на стулъ и разстегнула кофту.

Онъ долго стоялъ, наблюдая за ней исподлобья.

— Пускай приходятъ... Тогда я еще здѣсь пущу ему въ лобъ пулю и... все это глупое предпріятіе рухнетъ!..—процѣдилъ онъ медленно и тихо.

Она продолжала сидѣть неподвижно, въ полъ-оборота къ нему, упорно скрывая лицо въ тѣни.

— Вы полагаете, что я этого не сдѣлаю... Вы надѣетесь, что и теперь все окончится чувствительной болтовней... Вы ошибаетесь, вы и не догадываетесь, какъ я... ненавижу... всѣхъ этихъ притворщиковъ, святошей, этиковъ и фразеровъ... Томные, тупые, полные тщеславія и самоувѣренности мозги... О, я сдѣлаю это, будьте увѣрены, съ большимъ даже удовольствіемъ!.. Вашъ душенька знаетъ мою твердость, мою рѣшимость... Онъ много выше цѣнитъ меня, чѣмъ вы. Онъ полагаетъ, что я въ состояніи даже... донести полиціи... Скотина!.. Онъ не понимаетъ, это не вмѣщается въ его куриномъ мозгу, что совсѣмъ другое дѣло сжечь хотя бы сушильню, или другимъ путемъ учинить самосудъ... Его мелкая душенка не знаетъ нравственныхъ оттѣнковъ...

Евгенія со стономъ закрыла лицо руками.

— Господи, Господи!.. Что это? Что творится съ тобой?

Онъ замолкъ.

— Мы можемъ еще избѣжать скандала,—заговорилъ онъ мягче.—Мы позволимъ имъ уѣхать... Пусть бѣгутъ съ миромъ!.. За ихъ побѣгъ насъ, по всей вѣроятности, сурово накажутъ, такъ какъ трудно будетъ отпереться, что мы не пособничали имъ... Тѣмъ не менѣе, я предпочитаю все это...

Она рѣзко-отрицательно покачала головой. Тогда онъ сжалъ губы и, прислонившись неподвижно къ косяку дверей, безмолвно глядѣлъ сквозь окно на далекій ландшафтъ.

Евгенія отвернулась, рыдая.

— Вы... уѣзжайте!..—сказала она порывисто.— Мы должны разстаться... Я останусь здѣсь... Вы бы здѣсь... окончательно погибли!..

— И на это согласенъ!—отвѣтилъ онъ послѣ нѣкотораго раздумья.—Экспедиція эта, по моему мнѣнію, погибнетъ... Такимъ образомъ я освобожу васъ отъ своей особы вполнѣ... Но и они погибнутъ вмѣстѣ со мною... Такъ что же я отвѣчу ему окончательно, такъ какъ онъ, вижу, идетъ къ намъ?..

— Отвѣтьте ему, что завтра...

Онъ значительно спряталъ взятый со стола револьверъ въ карманъ и вышелъ на крыльцо къ Красусскому.

Евгенія слышала, какъ онъ извинялся, что не приглашаетъ Красусскаго въ комнату, потому что жена неожиданно захворала... Она слышала, какъ Красусскій выразилъ по этому поводу соболѣзнованіе и нѣкоторое безпокойство относи

тельно предстоящей поѣздки за рѣку... Онъ расказалъ подробности своего приключенія и заключилъ разсказъ заявленіемъ, что завтра утромъ, самое позднее—послѣ обѣда они двинутся изъ города, такъ какъ рѣка очистилась отъ льда, слѣдуетъ воспользоваться высокимъ стояніемъ воды и поскорѣе спуститься внизъ, чтобы миновать джурджуйскіе пороги. Будущей ночью бѣглецы намѣрены тронуться въ путь къ океану...

— Я думаю, что нездоровье Евгеніи Ивановны не настолько серьезно, чтобы измѣнить наше рѣшеніе? Она, вѣрно, нервничаетъ, это понятно. Она отлично отдохнетъ въ лодкѣ.

— Конечно. Вы, впрочемъ, поѣзжайте въ челнокѣ, не дожидаясь насъ. Мы переберемся на тотъ берегъ перевозомъ, затѣмъ придемъ пѣшкомъ. Я полагаю, что перевозъ уже дѣйствуетъ. Во всякомъ случаѣ, мы не задержимъ васъ и къ вечеру будемъ на мѣстѣ!—отвѣтилъ Аркановъ.

— До свиданія. Только, помните, не опоздайте! Если бъ вы знали, какъ хороша наша шлюпка!? Мы прозвали ее „Королевой",— говорилъ Красусскій весело. — Да, вотъ что еще: если придетъ якутъ съ коровой Мусьи, не забудьте отказать ему и отправить корову обратно!

XX.

Эти послѣдніе нѣсколько часовъ прошли для Аркановыхъ, какъ страшная, медленная агонія. Они приближались неудержимо къ чему-то, что наполняло ихъ болью, страхомъ, отчаяніемъ, предчувствіемъ, что если *это* свершится — уже нельзя будетъ ни измѣнить, ни поправить. А между тѣмъ, они торопились къ этому безжалостному предѣлу, считали уплывающія минуты: гнетущая душу тяжесть казалась много мучительнѣе развязки. Безсознательно, автоматически дѣлали они приготовленія къ путешествію, обмѣниваясь короткими и сухими замѣчаніями, скрывавшими глубокія страданія и нетерпѣливыя мысли.

— Скорѣе, ахъ, скорѣе бы!..

Евгенія провожала мужа на перевозъ. Они прошли по хорошо знакомой имъ тропинкѣ среди расцвѣтавшихъ кустовъ, полныхъ весенняго запаха и тепла. Солнце, стоя низко, свѣтило за сѣтью черныхъ вѣтвей. Долина лепетала сонными голосами. Издали доносился новый, неумолчный шумъ теченія мощной, проснувшейся рѣки. Наконецъ, они увидѣли ее, сѣрую, какъ сталь, напряженную, изрытую струями теченія, точно узловатый, жилистый хребетъ труженика, толкающаго передъ собою непосильную тяжесть.

Евгенія остановилась.

— Послушай, Артемій, нѣтъ паденія, изъ котораго нельзя бы подняться, нѣтъ поступка, котораго нельзя бы было загладить, искупить... Знаешь что, разскажемъ все откровенно товарищамъ... и вмѣстѣ... понесемъ послѣдствія...

Она говорила спокойно и съ сухими глазами, но голосъ временами измѣнялъ ей и ломался. Аркановъ поднялъ голову.

— Вы говорите что-то объ искупленіи?.. Я не чувствую за собой вины... И... не знаю, что это: наивность или желаніе погубить меня окончательно?! Вы теперь ясно видите, насколько легче предписывать другимъ мужество и другія возвышенныя качества...

Евгенія поблѣднѣла.

— Впрочемъ... это ни къ чему не приведетъ!.. Вновь повторится все то же... Я чувствую это...—добавилъ онъ грустно.—Намъ необходимо разойтись... Оставайся... живи... и будь счастлива!.. Если уцѣлѣю, пріѣду за тобой... безъ нихъ! Перевозчикъ, какъ разъ, на этомъ берегу... Сейчасъ отчаливаетъ!..

Галка уже сѣлъ въ карбасъ, но, замѣтивши ихъ, задержался. Они наскоро, сухо попрощались, такъ какъ присутствіе казака и нѣсколькихъ туземцевъ окончательно стѣсняли ихъ и безъ того связанныя чувства.

— А что, Кузмичъ, ты тоже нанялся за перевозчика? А?!—спросилъ Аркановъ казака.

— Нее... Пошто?! Только исправникъ приказали сидѣть здѣсь, чтобы татары мяса въ городѣ не воровали...—добавилъ казакъ политично.

— Пошто бабу свою оставляшь?.. Не боись?.. Одинъ она... молодыхъ парень многа... На долго за рѣка?.. — болталъ Галка, загребая веслами.

За шумомъ воды и плескомъ волнъ Евгенія не разслышала отвѣта. Она медленно возвращалась обратно, все оглядывалась и видѣла, какъ Аркановъ вышелъ изъ карбаса и поднялся по крутому подъему съ узелкомъ на спинѣ и какъ исчезъ затѣмъ въ кустахъ.

Тогда ей показалось, что надъ рѣкой опустился занавѣсъ, а на нее саму упала прозрачная, но крѣпкая сѣть, отдѣлившая ее на вѣчныя времена отъ внѣшняго міра. Между тропинкой и ступнями ногъ она тоже чувствовала, ступая, эту страшную, мягкую ткань, охватывавшую ее, какъ воздухъ, со всѣхъ сторонъ и лишавшую ея движенія увѣренности. Она напрягала вниманіе и сосредоточенно глядѣла себѣ подъ ноги, чтобы не упасть; въ то же время ей пришлось усиленно заботиться о вѣткахъ кустовъ, нависшихъ

надъ тропинкою, разбирать странные голоса, доносившіеся къ ней издали, остерегаться колючекъ и шиповъ, рвавшихъ подолъ ея платья, — наконецъ... пугали ее... даже лучи солнца, заходившаго за горы... Ей казалось, что всѣ встрѣчные смотрятъ на нее особыми глазами, что всѣ замѣчаютъ странный прозрачный саванъ, который тащился за ней, давилъ ее и мѣшалъ дышать... Она жаждала момента, когда она очутится, наконецъ, одна дома, повалится лицомъ на подушки и выплачетъ свою скорбь. Но воспаленные глаза оставались сухими...

Могильная тишина покинутой квартиры и полные страшныхъ видѣній сумерки наступавшаго вечера — выгнали ее вскорѣ вонъ изъ дому... Она шла медленно безъ опредѣленной цѣли, осматривая внимательно строенія города, точно видѣла ихъ впервые въ дымкѣ длинныхъ, прозрачныхъ тѣней; она чутко и боязливо прислушивалась къ замирающему говору жизни, слѣдила съ глубокой тревогой за меркнущими красками дня... Ее поражало, что все это, въ сущности, точь въ точь такое же, какъ раньше, между тѣмъ какъ все вѣдь теперь другое... полно грядущихъ, неизвѣстныхъ событій, невозвратнаго прошлаго... Незамѣтно для самой себя она очутилась у юрты Александрова и открыла ее привычнымъ движеніемъ... Охватилъ ее кислый, промозглый запахъ нежилого помѣщенія. Евгенія затопила каминъ, сѣла у огня и впервые жгучее, несказанно гнетущее чувство совершеннаго одиночества пронзило и подавило ее. Ей противно было думать о прошломъ. А будущаго... ей казалось, что его нѣтъ у нея!.. Она застыла неподвижно на стулѣ, слѣдя глазами за прыгающимъ въ каминѣ пламенемъ и мужественно прогоняя назойливыя воспоминанія и размышленія. Итакъ, для нея въ этихъ юртахъ, во всемъ городѣ, больше—во всемъ мірѣ... остались единственно тоска да сновидѣнія!.. И такъ будетъ до самой смерти!.. Да, но вѣдь это невѣроятно, чтобы тѣ, которыхъ она такъ любила, покинули ее безчеловѣчно, безъ малѣйшаго знака вниманія, какъ вещь, какъ собаку!? Она *ихъ* знаетъ, она ручается, что *они* вернутся за ней... Возможно, что *они* уже ищутъ ее!.. Она должна увидѣть *ихъ* еще разъ, хотя бы затѣмъ, чтобы попрощаться съ ними!.. За что она такъ тяжело наказана?.. Въ чемъ ея вина?.. Развѣ въ томъ, что она позволила себѣ надѣяться на личное счастіе, пожелала его, отправилась на край свѣта за милымъ человѣкомъ, вмѣсто того, чтобы погибнуть въ борьбѣ за свободу и счастіе всѣхъ... Она, неловкая и слабая, погубила себя и мужа... Теперь ей слѣдуетъ все это искупить... Она будетъ прикрывать отсутствіе товарищей, будетъ отводить глаза полиціи и сердцемъ сочувствовать тѣмъ, которые покинули ее... Будьте

свободны, будьте добры и душевно чисты, какъ раньше!.. Нужно теперь вернуться домой, прибрать и уничтожить всѣ слѣды побѣга...

Она выбѣжала изъ юрты и вдругъ, вмѣсто того, чтобы повернуть къ своей квартирѣ, направилась къ рѣкѣ, гонимая неодолимымъ желаніемъ еще разъ увидѣть товарищей... Она быстро-быстро устремилась черезъ лѣсъ и луга къ тому мысу, мимо котораго обязательно должны были проплывать бѣглецы. Подъ конецъ она бѣжала бѣгомъ, не обращая ни на что вниманія, давши волю рыданіямъ и лишь прикрывая ротъ мокрымъ отъ слезъ платкомъ...

Наконецъ, она очутилась въ самомъ концѣ стрѣлки, гдѣ лиственницы, оставивши сплошной лѣсъ, рѣдкой цѣпью, въ одиночку подходили къ водѣ. Она остановилась у послѣдняго дерева, чуть перегнувшагося черезъ край глинистаго обрыва.

Сѣрая рѣка катилась внизу, унося на своихъ волнахъ розовый отблескъ зари и блѣдныя тѣни ближайшихъ лѣсовъ. На томъ берегу рѣки сѣрая чаща тальниковъ отбрасывала на сѣромъ зеркалѣ водъ жемчужную кайму, отдѣленную отъ земли тоненькой нитью серебристаго блеска. Изъ-за тальниковъ выглядывали горы, тѣ самыя горы, въ которыхъ ссыльные блуждали въ прошломъ году. Рѣка выплывала изъ-за тальниковой косы и исчезала за рыжимъ, высокимъ, и мрачнымъ утесомъ, увѣнчаннымъ лѣсомъ.

Было тихо. Даже птицы спали. И ничто не дрожало въ воздухѣ, кромѣ журчанія воды.

— А если они уже уплыли?!—раздумывала Евгенія.— Нѣтъ, это не возможно. Еще рано... Артемій едва успѣлъ добраться туда... Вѣдь не могли же они и его оставить?! Они скоро будутъ... Тогда онъ, увидѣвши ее, пойметъ, какую жестокость позволилъ себѣ по отношенію къ ней, и потребуетъ, чтобы они остановились и захватили ее... Онъ, навѣрно, уже и теперь жалѣетъ... А если нѣтъ?!. Или... что, если онъ теперь же въ дорогѣ, исполнитъ то, что задумалъ... въ Америкѣ!?. Не лучше ли не искушать судьбы и... остаться?.. Пусть уходятъ, пусть борются... Пусть онъ кается и исправляется въ одиночествѣ!.. Пусть будетъ, какъ есть... Только разъ, еще разъ взглянуть!..

Вдругъ у нея перехватило горло. Бѣглецы такъ неожиданно вынырнули изъ-за тальничнаго поворота, что она замѣтила ихъ только прямо передъ собою. Они плыли серединой. „Королева“ граціозно покачивалась, гонимая ударами длинныхъ веселъ. На кормовой палубѣ стоялъ у руля Негорскій, другіе сидѣли вдоль бортовъ. Она различала бѣлыя

пятна ихъ лицъ, хотя по отдаленности и не узнавала каждаго въ отдѣльности.

Шлюпка быстро неслась и почти что миновала ее.

Слезы затуманили ея взоръ, она подняла платокъ и махнула имъ на прощанье...

Вдругъ бѣглецы перестали ударять веслами, лодка пошла тише и повернулась бокомъ къ теченію. Немного спустя, отъ нея отдѣлился маленькій челночекъ и быстро, точно ласточка, понесся къ берегу.

— Мы были увѣрены, что вы не останетесь, что это какое-то недоразумѣніе!..—кричалъ ей снизу Красусскій. — Спѣшите... Еще немного, и взойдетъ солнце и якуты станутъ шляться по берегу...

Евгенія отыскала спускъ и скользнула къ водѣ.

— А гдѣ Артемій Павловичъ?..—спросилъ Красусскій, усаживая ее въ душегубку.

— Какъ?! Онъ не съ вами?

— Нѣтъ! Вы не шевелитесь, а то мы оба опрокинемся въ воду...—предостерегалъ юноша, крѣпко загребая весломъ и стараясь придать равновѣсіе покачнувшемуся сильно челноку.

— Артемій Павловичъ былъ и сказалъ, что вы не ѣдете... Съ тѣмъ и ушелъ...

Душегубка опять сильно покачнулась.

— Вы совсѣмъ не умѣете сидѣть въ душегубкѣ. Къ счастію, мы уже на мѣстѣ...

— А гдѣ же Аркановъ?—спрашивали ссыльные, протягивая руки къ Евгеніи.

Она взошла на бортъ, осмотрѣлась кругомъ, какъ бы желая провѣрить, что ей дѣйствительно сказали правду, и— безъ силъ упала на застланное постелями дно лодки.

— Трогайте, трогайте!..—кричалъ Янъ.—Послѣ узнаемъ... Здѣсь нельзя... тутъ мѣсто людное... Слышите, уже якуты гокаютъ по кустамъ, ищутъ коровъ...

Бѣглецы дружно ударили веслами, и лодка опять стала, вздрагивая, рѣзать съ шумомъ воду.

Неслись они быстро, опережая и пѣну, и бревна, и кусты, подхваченные разливомъ. Рыжій обрывъ давно уже закрылъ видъ на джурджуйскую долину; кругомъ были неизвѣстныя окрестности. Мощныя скалы падали прямо въ волны рѣки, низкія тальниковыя косы колыхались, точно подъ ударами вѣтра, подъ давленіемъ переливающихся черезъ нихъ теченій, устья быстрыхъ рѣчекъ полны были наноснаго лѣса, инея и щепы. Бѣглецамъ приходилось бдительно остерегаться всевозможныхъ препятствій: подводныхъ камней, шиверовъ, водоворотовъ и быстринъ, густо

разбросанныхъ по незнакомому руслу рѣки. Негорскій глазъ не сводилъ съ теченія. Гребцы обливались потомъ. Остальные должны были спать, чтобы отдохнуть до своей смѣны, но никто не спалъ. Всѣ молчали, взволнованные поступкомъ Арканова, мрачные, точно везли съ собою покойника. Евгенія все глухо плакала, лежа ничкомъ.

— Это, наконецъ, невыносимо! Я прыгну въ воду!..— проговорилъ по-польски, сквозь зубы, Красусскій.

Негорскій встряхнулъ головой и, не спуская глазъ съ рѣки, сталъ говорить быстро и рѣшительно:

— Господа!.. Пусть будетъ, что будетъ, но такъ нельзя этого оставить: мы не имѣемъ права покинуть товарища!..

— Возвращеніе погубитъ насъ, несомнѣнно!.. Возможно, что уже въ городѣ спохватились!—замѣтилъ Петровъ.

— Самъ хотѣлъ!—шепнулъ Гликсбергъ.

— Но возможно, что теперь онъ сожалѣетъ объ этомъ, что тутъ произошла роковая ошибка... Что, если это такъ?! Развѣ вы возьмете на свою совѣсть судьбу этого человѣка?.. Мы должны еще разъ дать ему возможность присоединиться къ намъ!.. Я сомнѣваюсь, что нашъ побѣгъ уже обнаруженъ, но насъ, навѣрное, погубитъ то чувство, съ которымъ мы уѣзжаемъ отсюда... Нельзя убить человѣка безнаказанно.. Если и теперь Аркановъ не согласится, тогда другое дѣло, тогда мы со спокойной совѣстью поѣдемъ безъ него!—доказывалъ Негорскій. Александровъ сочувственно кивалъ ему головой; Самуилъ и Воронинъ тоже поддержали его.

Евгенія подняла на Негорскаго глаза, съ выраженіемъ надежды и благодарности.

— Слѣдуетъ причалить гдѣ-нибудь въ тальникахъ, а двое пусть ѣдутъ за нимъ!..—рѣшилъ Янъ.

Принялись высматривать убѣжище у береговъ и совѣтоваться, кому отправиться за Аркановымъ.

Выборъ упалъ на Самуила и Негорскаго.

Бѣглецы отыскали со стороны Бурунука старую, густо заросшую тальникомъ, курью. Низкими проходами, подъ нависшими вѣтвями, подтягиваясь на рукахъ, они втащили въ глубь свою „Королеву", укрѣпили тамъ, причалили и наладили душегубку.

— Но раньше свезите меня на берегъ!.. Пойду и я еще разъ повидаться съ моей старухой и ребенкомъ!..—сказалъ Янъ.

— Только, ради Бога... возвращайся поскорѣе!.. Не задерживай!..

— Вернусь!.. Это не далеко отсюда... не будетъ и десяти верстъ... А я и табаку возьму себѣ, а то забылъ впопыхахъ!..—успокаивалъ ихъ панъ Янъ, набивая на послѣдяхъ „двустволку".

Красусскій всѣхъ ихъ по очереди свезъ на берегъ, и они ушли, а тѣ, что остались въ лодкѣ, позавтракали и легли спать.

Солнце заглядывало къ нимъ сквозь сѣтку черныхъ вѣтвей и мягко согрѣвало ихъ; вверху вѣтеръ шелестилъ тонкими побѣгами ивы, а внизу рокотала рѣка. Съ земли, изъ отдаленія, долетали посвистываніе, щебетаніе и клохтаніе милліоновъ птицъ, радующихся жизни, борющихся за существованіе и любовь. Изрѣдка розовая, точно омытая зарею, бѣлая чайка повисала въ солнечномъ воздухѣ и, замѣтивши бѣглецовъ, выражала свое удивленіе и тревогу пронзительнымъ крикомъ. Изрѣдка бурый орелъ или пестрый коршунъ проплывалъ отъ утеса къ утесу, отбрасывая по пути на воду свое черное отраженіе. Изрѣдка плескала рыба въ струяхъ.

Не спала только Евгенія, и не спалъ Красусскій, хотя и лежалъ, накрывшись съ головой одѣяломъ.

— Красусскій, они уже пришли!—сообщила, наконецъ, Евгенія.

Красусскій выглянулъ и, замѣтивши на противоположномъ берегу три фигуры, прыгнулъ въ челнокъ. Перваго онъ привезъ Арканова.

Вошелъ Аркановъ въ лодку съ сильно измѣнившимся, словно постарѣвшимъ лицомъ, точно отъ момента его разлуки съ женой прошли годы. Съ провалившимися, мокрыми отъ слезъ щеками онъ тотчасъ же, не стѣсняясь постороннихъ, упалъ къ ногамъ Евгеніи.

Охваченные волненіемъ, товарищи отвернулись отъ нихъ и наблюдали, какъ Красусскій перевозитъ въ душегубкѣ Самуила и Негорскаго.

А между тѣмъ, на томъ берегу зазвучалъ удалой призывъ пана Яна.

Пока рѣка шла однимъ русломъ, бѣглецамъ везло. Они скользили безъ труда по глубинѣ, уносимые напряженнымъ теченіемъ половодья. Нѣкоторую опасность представляли только „быки“—отвѣсные утесы, подымавшіеся непосредственно изъ воды, о которые прибой ударялъ съ необыкновенной силой, шумомъ и пѣной...

Негорскій оказался отличнымъ кормчимъ, а „Королева“ необычайно послушнымъ, поворотливымъ судномъ. Послѣ нѣкотораго упражненія, наши моряки стали, ради сбереженія силъ и времени, проплывать такъ близко около грозныхъ „быковъ“, что гнѣздившіяся въ изобиліи на ихъ уступахъ птицы подымали по этому поводу неописуемый гвалтъ. Тьмы стрижей, рыбалокъ, чаекъ и другихъ пернатыхъ невѣдомыхъ

названій долго послѣ того кружились надъ грудью задумчивыхъ утесовъ, съ вершинъ которыхъ обыкновенно свѣшивались одинокія деревья, точно заглядѣвшіяся на собственныя отраженія въ волнахъ. Разъ путники спугнули даже медвѣдя, который съ края обрыва тоже задумчиво глядѣлъ на рѣку и, увидѣвши неожиданно лодку съ людьми передъ собою—зрѣлище, не виданное имъ дотолѣ, поднялся отъ изумленія на дыбы.

Бѣглецы чувствовали себя прекрасно. Самоваръ по(с)янно шумѣлъ на кормѣ. Каждые четыре часа мѣнялась па(р)а гребцовъ. Рулевыхъ было два: Негорскій, которому поручено было общее руководство экспедиціей, и Петровъ, волжанинъ по происхожденію, знакомый съ дѣтства съ управленіемъ лодокъ.

Красусскаго и Александрова,—хотя они и были къ такимъ вещамъ способнѣе другихъ,—товарищи удержали въ числѣ гребцовъ, въ виду большой ихъ выносливости и силы.

Тѣ, кто не работалъ въ данное время, обязаны были ѣсть или спать.

— Остальное возбраняется нашимъ государственнымъ водянымъ уставомъ,—шутилъ Негорскій.

Только гребцы пользовались нѣкоторыми привилегіями и часто пѣли во все горло.

— Тише, разбудите спящихъ!..—унималъ ихъ въ началѣ Александровъ.

— Кто проснется, тому, въ наказаніе, добавить часъ гребли!..—рѣшилъ Янъ.

Угроза оказалась совершенно лишней. Всѣ спали прекрасно, несмотря на пѣніе, шумъ воды, покачиваніе судна, постоянную бѣготню вдоль бортовъ работающихъ. Случалось, что сброшенный сотрясеніемъ судна неопытный морякъ слеталъ внизъ, прямо на ноги или даже на болѣе благородныя части спящихъ товарищей. Особенно отличался въ этомъ искусствѣ косолапый Мусья.

— Нѣтъ, это уже сверхъ силъ! Я молчалъ, когда вы, Мусья, наступали мнѣ на руки, на ноги, даже на животъ... Но вѣдь вы теперь наступили мнѣ на... носъ! Прошу прекратить эти новшества!—запротестовалъ, наконецъ, Александровъ.

Изъ пѣсенъ большой популярностью пользовалось въ началѣ энергическое „дындай" пана Яна, прекрасно отвѣчавшее движенію веселъ. Кромѣ того, бѣглецы охотно пѣли отрывки «Drapeau rouge» (красное знамя), заученные Мусьей въ Парижѣ,—соціалистическую марсельезу еще не переведенную тогда ни по-польски, ни по-русски. Затѣмъ распѣвались многія народныя и революціонныя пѣсни, но, въ

концѣ концовъ, все вытѣснила грустная баллада, сочиненная наскоро Самуиломъ.

Сумракъ ночи повисъ надъ землей,
Спитъ спокойно враждебная стража,
Тихо бьется о берегъ прибой,
Тихо бьются сердца экипажа...
Имъ мерещится бой за свободу,
Улыбается воля и счастье...
Побороть бы имъ лишь непогоду,
Льды, теченье, туманы, ненастье...
Голодъ рѣетъ надъ славной дружиной,
Грозно дышетъ подъ ними пучина...
Беззаботно скользя надъ пучиной,
Распѣваетъ о жизни дружина...

. . . .

Лодка двигалась безостановочно, пользуясь все возраставшимъ свѣтомъ все уменьшавшихся ночей, по мѣрѣ того, какъ бѣглецы подвигались на сѣверъ. Все нужное, включая топливо, они везли съ собою на лодкѣ, и вскорѣ они научились удовольствоваться маленькимъ, отведеннымъ каждому пространствомъ и не тяготились особенно тѣснотой помѣщенія.

Они уже радовались, полагая, что такъ будетъ до самаго моря, какъ вдругъ неожиданно рѣка раздѣлилась на два протока. И раньше, чѣмъ бѣглецы успѣли сообразить и выбрать надлежащее направленіе, теченіе съ страшной силой подхватило ихъ и понесло въ болѣе широкую вѣтвь и немного пониже бросило на стремительный перекатъ, черезъ который рѣка переливалась, шумя и бурля, какъ водопадъ. „Королева" задѣла килемъ за подводные камни, мгновенно повернута была поперекъ и опрокинута на бокъ. И люди, и тяжести, все полетѣло въ ту сторону. Негорскій повисъ на рукояткѣ руля. Крикъ ужаса вырвался изъ груди людей, перепутавшихся безпомощно въ клубокъ: пѣнистые гребни волнъ забурлили надъ ихъ головами... Онѣ съ ревомъ пробовали перекатиться по туловищу накренившейся лодки и залить ея середину. Къ счастью, шиверъ былъ мелокъ, и Красусскій съ Яномъ, которые раньше другихъ выскочили въ воду, успѣли приподнять край лодки, подпереть его и не позволить волнамъ ни залить ее, ни перевернуть окончательно. Вскорѣ опомнились и другіе и, слушая приказанія Негорскаго, перебросились на бортъ, въ противовѣсъ напору волнъ. Немного зачерпнувъ воды, шлюпка стала на киль. Но повернуть ее по теченію удалось съ большимъ лишь трудомъ.— Подъ защитой лодки, точно у запруды, теченіе быстро на-

несло большую гряду щебня и крупныхъ камней. Послѣдніе катились съ такой силой, что сшибали съ ногъ работавшихъ по колѣна въ водѣ людей, а болѣе слабаго Самуила водоворотъ, подхвативъ, чуть не убилъ, бросивши на острыя скалы. Бѣглецы принуждены были разгрузить лодку, перевезти тяжести и часть провизіи на сосѣдній островъ, за быструю и пѣнистую протоку. Когда Красусскій сѣлъ въ утлую душегубку, полную жестянокъ съ пемикеномъ, и поплылъ по бурнымъ струямъ, у бѣглецовъ дыханіе захватило отъ тревоги. Малѣйшее неловкое движеніе — и судьба ихъ побѣга была рѣшена. Но юноша, ловко подгребая подъ себя набѣгавшія волны, скользилъ удачно среди пѣны и грохота съ одного водяного бугра на другой, пока не достигъ счастливо берега.

— Ура!—вскричали товарищи и запѣли пѣсню о „Смѣломъ Экипажѣ".

Настала „бѣлая" полярная ночь... Подулъ холодный, пронизывающій вѣтеръ, и студеная вода стала еще холоднѣе. Измокшіе и промерзнувшіе, мореходы рѣшили раньше всего послать на берегъ слабосильную, малостоющую „морскую милицію": Гликсберга, Мусью, Самуила, Аркановыхъ, чтобы тѣ развели немедленно огонь и сварили ужинъ. Аркановыхъ и Самуила удалось перевести безъ особыхъ приключеній, но съ Мусьей и Гликсбергомъ случилась, какъ говорятъ джурджуйцы, „маленькая ошибка". Уже у самаго берега Красусскій, не замѣтивъ плывшаго въ уровень съ водой древеснаго пня, наскочилъ на него — и душегубка сильно покачнулась. Мусья вылетѣлъ изъ нея и окончательно потопилъ челнокъ... Красусскій раньше всего схватилъ за вихры кувыркавшагося возлѣ него „бонапартиста" и поставилъ его на ноги. Воды было, по счастью, не выше пояса. Затѣмъ онъ бросился въ погоню за Гликсбергомъ, который уцѣпился за опрокинутый челнокъ и несся по волнамъ, сверкая въ сумеркахъ большимъ мѣднымъ котломъ. Несмотря на приключеніе, онъ не выпустилъ послѣдняго изъ рукъ, вѣрный своему долгу артельнаго повара... Красусскій безъ труда настигъ его вплавь и потащилъ къ берегу, откуда товарищи бросили имъ веревку. Затѣмъ всѣ устремились спасать Мусью, который, стоя въ двухъ шагахъ отъ земли въ пѣнистыхъ струяхъ, боялся пошевелиться и только взывалъ о помощи, увѣряя, что онъ погибъ, что онъ умираетъ... Въ результатѣ—вода унесла весло, двѣ шапки и одинъ сапогъ...

Въ это время оставшимся на „Королевѣ" удалось столкнуть судно на болѣе глубокую воду, и она опять торжествующе понеслась, послушная весламъ и рулю.

Бѣглецы впервые заночевали на берегу, съ удовольствіемъ выспались у богато растопленнаго костра, высушили намокшую одежду и перевязали свои ушибы и раны. Особенно пострадалъ Петровъ, который глубоко пробилъ себѣ ступню острымъ камнемъ.

Съ этихъ поръ начались неудачи...

Въ продолженіе пяти дней они блуждали изъ конца въ конецъ по заполнявшей всю долину сѣти безчисленныхъ протокъ, каналовъ,—быстрыхъ, ревущихъ, прегражденныхъ сотнями шиверовъ, мелей, водоворотовъ и перекатовъ... Они убѣдились, что „Королева“ слишкомъ крупна, тяжела и слишкомъ нагружена для маленькаго и неумѣлаго экипажа, и что грузъ угля, которымъ они замѣнили спиртъ, вопреки совѣту американцевъ, можетъ погубить ихъ.

Когда, наконецъ, они выбрались изъ ловушки мелкихъ каналовъ на болѣе глубокія воды, у нихъ было много опыта, но мало силъ. Менѣе выносливые страдали дизентеріей. Въ сильный противный вѣтеръ они не въ силахъ были гнать впередъ судно на веслахъ. Оно почти уже не двигалось съ мѣста и не слушалось руля.

Бѣглецы не пѣли больше о „Смѣломъ экипажѣ“. Негорскій глухо кашлялъ. Петровъ вторично пробилъ ногу осколкомъ кремня.

Только желѣзное тѣлосложеніе Яна, Александрова и Красусскаго побѣдоносно выдерживало искусъ. Въ сущности, подъ конецъ они одни везли всю экспедицію, но и ихъ силы таяли отъ непосильнаго труда и безсонницъ.

Въ довершеніе всего, бѣглецы настигли зиму. Они все чаще встрѣчали на рѣкѣ огромныя запоздавшія льдины, мокрый снѣгъ съ дождемъ все чаще хлесталъ имъ въ лицо. Въ непогоду они, поэтому, все охотнѣе причаливали къ берегу подъ защиту утесовъ и разводили большой огонь среди мшистыхъ скалъ и камней, у котораго сушились и согрѣвались. Одно удивляло ихъ: почему, несмотря на всѣ усилія, они двигаются такъ тихо впередъ? почему все виднѣются за ними столбы дыма брошенныхъ вчера костровъ?

Характеръ мѣстности измѣнился. Все меньше было лѣса, и деревья казались все ниже и тщедушнѣе. Мхи и лишайники замѣнили мало-по-малу травы и цвѣты. Тяжелые туманы грузными облаками или широкими струями стекали, точно водопады, по крутизнамъ горъ къ самой рѣкѣ. Не разъ лодка изъ ясныхъ водяныхъ пространствъ ныряла прямо въ темныя мглы, среди которыхъ неожиданно всплывали иногда, передъ самымъ ея носомъ, грозные „быки“ съ плещущими взлетами прибоя. Бѣглецы во мглѣ руководились больше слухомъ, чѣмъ зрѣніемъ, бдительно наблюдая за мрачнымъ

бурленіемъ рѣки. Они никакъ не могли разобраться въ мѣстности, опредѣлить, гдѣ находятся, и узнать, прошли ли они уже грозные „пороги", или тѣ ждутъ ихъ еще впереди. Карта рѣки Джурджуя не давала имъ никакихъ указаній. Они убѣдились, что она не больше, какъ простой „зигзагъ", проведенный на удачу рукой картографа.

По мѣрѣ того, какъ убывали ихъ силы, они все сильнѣе пугались этихъ „пороговъ".

— Ахъ, скорѣе бы... Ну, ихъ къ чорту!..—ворчалъ Негорскій, поправляя на головѣ свой шлыкъ изъ тюленьяго мѣха. Онъ водилъ взоромъ по омываемымъ водою и мглами горамъ и непріятно щурился:

— Да!.. Мы, какъ-будто, дѣйствительно оставили солнце навсегда позади... Теперь я чувствую, что мы плывемъ къ полюсу... Да! Что-жъ дѣлать!?.

Береговые утесы все сближались и все сильнѣе сжимали рѣку. Даже маленькіе островки исчезли на ней, исчезли у скалъ даже узенькіе, прибрежные карнизы, гальки и пески. Напряженная, выпуклая почти отъ бѣшенаго бѣга могучая струя рѣки, неслась подъ конецъ со страшнымъ гудѣніемъ по длинному скалистому корридору, по обѣимъ сторонамъ котораго подымались прямо изъ воды высокіе, отвѣсные обрывы. Бѣлыя нити тумановъ вѣшались на утесахъ; маленькіе клубочки ихъ постоянно отрывались отъ густаго свода облаковъ, скрывавшихъ вершины горъ. Они скатывались, точно мячики, на рѣку или струились, точно длинныя паутины, надъ водой, гдѣ неукротимое теченіе подхватывало ихъ и уносило съ собою.

— Все сѣро — и скалы, и воздухъ, и вода!.. Ничего не вижу... Стопъ весла!..—сказалъ, наконецъ, Негорскій.

Весла были, впрочемъ, совершенно лишними, такъ какъ теченіе опережало греблю, и весла безполезно только тяпали по водѣ. Края тумановъ свѣшивались мрачными кистями и излучинами къ самой водѣ... Утесы, казалось, уже не отвѣсно подымались изъ рѣки, а склонялись сводами надъ ней. Они быстро мелькали въ глазахъ путниковъ, точно колоннада какихъ-то адскихъ воротъ, влажныхъ, холодныхъ и неумолимыхъ...

— Ну!.. Если теперь о самый маленькій стукнемся камешекъ, никто изъ насъ даже не вынырнетъ...—замѣтилъ Янъ.

— Тише!.. Слышите: водопадъ!..—вскрикнулъ Негорскій.

Въ глубинѣ ущелья что-то выло, гремѣло, всплескивало и глухо рокотало низко подъ туманомъ.

Отъ бѣга путникамъ казалось, что лодка стоитъ на мѣстѣ и только вздрагиваетъ отъ испуга, а къ нимъ съ неимо-

вѣрной быстротой несутся навстрѣчу утесы да все крѣпчающіе голоса налетающей бури

— Красусскій и Александровъ, готовьсь!.. Живо!..—приказывалъ измѣнившимся голосомъ Негорскій.

Силачи усѣлись поудобнѣе и ухватились за рукоятки веселъ.

— Ждать команды!

Остальные бѣглецы, собравшись у носовой палубы, силились пронзить взглядомъ завѣсу тумана и разглядѣть непріятеля. И вдругъ, о ужасъ! они замѣтили громадный утесъ, который буквально запиралъ ущелье и какъ бы глоталъ рѣку. Снопъ блѣднаго, молочнаго свѣта, проникая откуда-то сбоку, точно отблескъ закрытой облакомъ луны, чертилъ таинственные узоры на темныхъ изломахъ скалы, серебрилъ скачущіе у ея груди пѣнистые гребни и бугры клокочущихъ буруновъ. Рѣка съ неимовѣрнымъ громомъ, ревомъ и шипѣніемъ съ размаху влетала подъ черный, зубчатый сводъ...

— Правымъ впередъ, лѣвымъ назадъ!—прозвучали слова команды. Весла разомъ погрузились въ рѣчной кипятокъ и согнулись, точно тонкія лучинки. Оглушительный вой рѣки лишалъ пловцовъ сознанія и, раньше, чѣмъ они разобрали въ чемъ дѣло, подумали о спасеніи или гибели,—лодка повернула почти на мѣстѣ, какъ волчекъ, среди пѣны и невѣроятнаго кипѣнія волнъ, накренилась, треснула, грохнулась краемъ кормы о скалу и выскочила изъ-подъ тумана, межъ двумя высокими обрывами, точно изъ воротъ, на просторную равнину, залитую яркимъ солнцемъ и накрытую голубымъ небомъ. По обѣимъ берегамъ зеленѣли лѣса. Рѣка вся сверкала золотой чешуей въ лучахъ ведренаго дня и широко разливалась съ веселымъ рокотаніемъ, точно радуясь и вздыхая послѣ пережитыхъ опасностей и трудовъ. Горы справа ушли круто на западъ, а на лѣвомъ берегу опустились, закруглились и покато нисходили къ рѣкѣ.

— Помогите!..—проговорилъ неожиданно Красусскій.

И тутъ только пловцы замѣтили, что Негорскаго нѣтъ на кормѣ, что онъ лежитъ въ объятіяхъ Красусскаго, и изъ его рта струится кровь. Товарищи бросились приводить его въ чувство, а Петровъ схватился за руль. Вскорѣ Негорскій открылъ глаза и, увидѣвши надъ собой небо и солнце, улыбнулся:

— Рукоятка руля... ударила меня... Должно быть, и „Королевѣ“ досталось... Посмотрите, много ли воды на днѣ...—проговорилъ онъ тихо.

Они уложили его въ постель, отдали на попеченіе Евге-

ніи, а сами принялись за насосы, и какъ разъ во время, такъ какъ вода быстро вливалась въ шлюпку невидимыми щелями. Красусскій вползъ подъ кормовую палубу, вынулъ оттуда вещи, снялъ настилку и принялся искать отверстіе.

— Хорошую построили мы посудину!.. Совѣстливая работа!.. Всякая другая непремѣнно раскололась бы въ щепки... — хвасталъ панъ Янъ. — И погони нечего намъ бояться!..

— Ну, нѣтъ!.. Если они знаютъ объ этомъ „быкѣ", то могутъ заблаговременно держаться лѣваго берега и пройти опасное мѣсто на шестахъ, — замѣтилъ Александровъ.

— Какая погоня?!. Что за погоня!?. Море рукой подать!.. Если насъ до сихъ поръ не поймали, то уже не поймаютъ... А когда выйдемъ въ море — тогда пиши-пропало: спрячемся во льдахъ и не отыщетъ насъ даже квартальный надзиратель...—шутили весело бѣглецы.

— Не отыщетъ даже квартальный надзиратель!—повторялъ, смѣясь, Мусья.

На берегу рѣки стали попадаться рыбачьи заимки. Бѣглецы остановились у одной изъ нихъ, чтобы узнать, гдѣ находятся, и купить рыбы. Но въ юртѣ никого не нашли. Жители убѣжали, бросивши все на произволъ судьбы. Путники увидѣли распластанную рыбу въ корзинѣ, полуочищенныхъ лососей на столешницахъ, горячую пищу въ котлахъ на очагѣ, разбросанныя впопыхахъ вещи... Они забрали часть рыбы, оставивши въ уплату табакъ и чай Плывя дальше, они наскочили-таки на одного рыбака, и тотъ разсказалъ имъ, что до моря осталось всего 200 верстъ. Затѣмъ, они миновали большую деревню на горѣ, съ церковью и безчисленными сараями и шестами для сушки рыбы. Деревня казалась пустой, никто не вышелъ поглядѣть на нихъ, и даже собакъ не было видно. Но за то въ слѣдующей деревушкѣ собрались на берегу, завидя ихъ, цѣлыя толпы людей и еще большія стаи собакъ.

Два рыбака въ изящныхъ мѣстныхъ „вѣточкахъ" (челнокахъ) быстро, наперерѣзъ, поплыли къ нимъ и, приблизившись на разстояніе ружейнаго выстрѣла, принялись дружески приглашать къ себѣ въ гости... Бѣглецы отказались, притворяясь, что не понимаютъ языка, и объясняя, что они—возвращающіеся на родину американцы...

Мощная рѣка, широкая, черная отъ глубины и многоводности, лилась одной струей среди веселыхъ, зеленыхъ береговъ.

Горы исчезли, исчезли лѣса, а вслѣдъ за тѣмъ и рѣка расщепилась на части и ровными, безконечно длинными, почти прямыми плесами покатилась по тундрамъ на сѣверъ.

Низкій небосклонъ блестѣлъ отъ множества разлитыхъ водъ, рѣка терялась въ перламутровой дали, гдѣ бѣглецамъ все чудилось море. Опять стремительные вѣтры ударили на нихъ... Путешественники попробовали тащить лодку бичевой, но покачиваніе громадныхъ волнъ вызвало у Негорскаго кровотеченіе. Тогда они остановились у стараго рыбачьяго шалаша, вынесли больного на землю, развели костеръ и усѣлись кругомъ. Теплота огня и свѣже-сваренная пища вскорѣ вернули имъ силы и хорошее расположеніе духа.

— Опять изъ-за меня остановка!.. — сокрушался Негорскій.

— Пустяки!.. Отдохнемъ всѣ и легко наверстаемъ потерянное время,—утѣшала его Евгенія. — Безъ васъ все не спорится!..

Красусскій отправился на охоту. Другіе починяли одежду или просто отдыхали. Самуилъ хлопоталъ у кипящихъ чайниковъ и пугалъ шутливо Мусью.

— Подумайте только, Мусья, что значитъ для кита наша лодка, если онъ безъ труда глотаетъ корабли... Помните, сколько дней Іона прожилъ въ его внутренностяхъ и даже не дурно тамъ устроился!?. Но все это еще цвѣточки... А слыхали ли вы про морского змѣя?..

Мусья качалъ отрицательно головою, а самъ водилъ круглыми глазами по товарищамъ, наблюдая, смѣются они или слушаютъ серьезно.

— Когда змѣй этотъ подниметъ надъ водою голову, то она выше самой высокой соборной колокольни... Сообразите только, Мусья, сколько его должно оставаться въ волнахъ. Вѣдь это его движенія вызываютъ въ моряхъ бури и водовороты... Вѣрно!.. Я самъ его не видѣлъ, но читалъ въ газетѣ...—продолжалъ серьезно поэтъ.

— А, что?!. Вотъ видите!?. Я давно говорю: бросьте вашу лодку до дьявола, раздѣлите вещи въ нѣсколько мѣшковъ, вложите мѣшокъ на спину и барда... по-якутски. Всетаки по землѣ безопаснѣе! Ого!.. Хорошо говорю!.. Французъ вовсе не такой дуракъ!..—смѣялся Мусья.

— Мы уже знаемъ, какъ по землѣ! — вмѣшался Негорскій. — Нѣтъ, Мусья, успокойтесь: змѣй нѣтъ въ Ледовитомъ океанѣ: слишкомъ холодно. А киты не подходятъ такъ близко къ берегамъ...

— Не смущай его!..—обратился онъ по-англійски къ Самуилу.

Разговоръ прекратился, но Мусья уже не съ такимъ, какъ раньше, увлеченіемъ отзывался о морѣ и мореплаваніи.

Они увидѣли море впервые въ ясномъ, солнечномъ по-

лунѣ. Чтобы скрыться отъ глазъ прибрежныхъ жителей и спутать погоню, они повернули въ восточный второстепенный рукавъ джурджуйскаго устья. Узкій, но глубокій каналъ змѣевидно вился среди торфяныхъ островковъ. Черные, влажные берега, прослоенные прожилками грязнаго льда, заслоняли горизонтъ со всѣхъ сторонъ. Неожиданно за однимъ изъ безчисленныхъ поворотовъ они увидѣли, что земля обрывается, исчезаетъ, растворяется, и передъ ними раскрылась безпредѣльная голубая пропасть съ черными островками, плавающими въ ней тамъ и сямъ, точно послѣднія крохи земного шара. Сплошная чешуя золотисто-голубой зыби наполняла эту пропасть и, постепенно блѣднѣя и мельчая, сливалась съ синевой неба въ одинъ безконечный, свѣтлый океанъ. Въ глубинѣ его — не то на небѣ, не то на землѣ — вытянулся длинный рядъ бѣлыхъ, прозрачныхъ облаковъ. На нѣкоторыхъ изрѣдка зажигались огненныя искры, дрожали нѣкоторое время, колыхались и гасли...

— Льды!..—воскликнули восторженно бѣглецы. — Льды!

Беззаботно скользя надъ пучиной,
Распѣваетъ о жизни дружина...—

пропѣла дрожащимъ голосомъ Евгенія.

Но остальнымъ некогда было распѣвать и сентиментальничать. Они рѣшили пробраться поскорѣе на одинъ изъ островковъ океана недалеко отъ устья Джурджуя, чтобы воспользоваться его прѣсной водой, отдохнуть, исправить „Королеву“ и полѣчить кой-кого изъ ея „экипажа“, — словомъ, приготовиться для дальнѣйшаго плаванія.

Они отыскали небольшую бухточку у высокаго не затопляемаго приливомъ берега, причалили къ нему и вбили въ землю якорь. Лодка была мгновенно разгружена и вытащена на мель, послѣ чего Красусскій и Александровъ немедленно принялись за починку поврежденій, конопатку щелей и просмолку ихъ. Они рѣшили не уменьшать ея бортовъ, о чемъ думали раньше, а скорѣе выбросить для облегченія судна часть угля, тѣмъ болѣе, что, какъ увѣряли ихъ якуты, вездѣ на меляхъ разбросано много древесныхъ остатковъ, достаточныхъ для разведенія огня.

Янъ съ Аркановымъ и Воронинымъ отправился на охоту. Самуилъ и Гликсбергъ осмотрѣли вещи, развѣсили мокрые предметы на устроенныхъ изъ веселъ козлахъ, а сухіе накрыли парусомъ. Въ сторонѣ, на небольшомъ холмикѣ, горѣлъ костеръ и суетилась у него Евгенія, приготовляя ужинъ. Она очищала отъ перьевъ только что убитыхъ утокъ; Мусья помогалъ ей и тащилъ съ берега топливо, бревна, щепки и кокоры, прибитыя и выброшенныя прибоемъ. Негорскій

лежалъ на медвѣжьей шкурѣ и глядѣлъ на теплое, чистое солнечное небо. Петровъ, нога котораго все еще не зажила, тоже смотрѣлъ на небо, грѣя на солнцѣ то одинъ, то другой бокъ. Онъ доказывалъ, что теперь только онъ понялъ психологію итальянскихъ лаццарони, для которыхъ высшимъ блаженствомъ представляется лежать на солнцѣ среди трудящихся людей вверхъ брюхомъ и ничего не дѣлать. Самуилъ, который, окончивъ свое занятіе, подсѣлъ къ Евгеніи и принялся вмѣстѣ съ нею ощипывать утокъ, увѣряя ее могильнымъ голосомъ, что одинъ только трудъ облагораживаетъ людей.

Дулъ легкій вѣтерокъ, мягко шумѣли волны моря, нѣжно лаская успокоенную, изливающуюся въ нихъ рѣку. Издали, съ позлащенныхъ солнцемъ мелей, долетали крики чаекъ и гомонъ другихъ птицъ; на льдахъ, въ безконечной голубой пропасти, все чаще загорались мимолетныя молніи, солнце покидало темныя равнины земли и поднималось надъ океаномъ.

Вернулись изъ похода охотники и принесли множество яицъ. Они не разсчитывали на такую обильную добычу и не захватили съ собою мѣшковъ. Теперь они несли яйца въ голенищахъ сапогъ, переброшенныхъ за спину, въ рубахахъ, которыя сняли съ себя, застегнувши взамѣнъ до верху свои австрійскія куртки. Такое обиліе пищи вызвало необычную радость. Даже суровые мастера-плотники оставили свою работу и прибѣжали поглядѣть. Яйца, узорчатыя точно пасхальныя „писанки", поражали разнобразіемъ красокъ, величиной и формами. Нѣкоторыя были до того хороши, что Евгенія не безъ колебанія разбивала ихъ для стряпни.

— Я заказываю себѣ яичницу изъ сорока яицъ. На меньшее моя нога не согласна!..—кричалъ Петровъ.

— Какъ больной, ты получишь известковую воду, настоенную на яичной скорлупѣ.. Пригодна для всякихъ ранъ!..—отвѣчалъ Самуилъ.

Солнце спустилось низко къ самому горизонту и покатилось среди ледяныхъ тумановъ, красное и огромное, точно раскаленный желѣзный дискъ. Море потемнѣло и отдѣлилось отъ небосклона рѣзкой темносиней линіей. На тундрѣ потухли серебряные отблески расцвѣчивающихъ ее водъ, она застыла и потемнѣла вдругъ, какъ трупъ. Повѣяло холодомъ. Пришла полярная лѣтняя ночь, первая ночь бѣглецовъ на морѣ. Янъ передъ отдыхомъ принесъ нѣсколько штукъ великолѣпныхъ лососей, пойманныхъ въ заброшенныя по близости сѣти. Бѣглецы уснули въ самомъ радужномъ настроеніи духа. Долго они спали, согрѣтые незаходящимъ солнцемъ, усталые отъ пережитыхъ трудовъ и

волненій. Когда они проснулись, то замѣтили, что Мусьи нѣтъ. Онъ взялъ лучшую двустволку, жестянку со спичками и исчезъ. Сначала они не особенно безпокоились его отсутствіемъ, предполагая, что онъ просто ушелъ на охоту. Но когда наступилъ полдень, а француза все не было, они съ тревогою стали посматривать на рыжія, необозримыя тундры — такія мертвыя, безголосыя, непривѣтливыя плоскія, что малѣйшій кустикъ прошлогодней травы казался издали, на фонѣ блѣднаго неба, въ лучахъ низкаго солнца, рощею роскошныхъ деревьевъ. Человѣкъ не могъ бы въ нихъ укрыться на десятки верстъ.

— Можетъ быть, онъ упалъ въ воду?.. Или сломалъ ногу, поскользнувшись на ледяномъ днѣ одного изъ безчисленныхъ мелкихъ озерковъ?.. Они тамъ на каждомъ шагу!..— высказалъ предположеніе Аркановъ. Бѣглецы послали Яна съ Аркановымъ на поиски. Янъ предложилъ Воронину и Гликсбергу раньше своего ухода обойти кругомъ всю стоянку, чтобы отыскать слѣды Мусьи и опредѣлить ихъ направленіе.

Слѣды были отысканы безъ труда и указывали, что французъ ушелъ въ глубь материка въ томъ приблизительно направленіи, въ какомъ недавно охотились Янъ и Аркановъ. Охотники пошли немедленно по слѣду и скоро исчезли за горизонтомъ. Вернулись они поздно ночью, грустные, раздраженные, хотя и принесли много дичи.

— Мы дошли до протоки, отдѣляющей нашъ островъ отъ слѣдующаго... Слѣдъ спустился въ воду и потерялся...—разсказывалъ Янъ.

— Насколько знаю, Мусья не умѣетъ плавать.—замѣтилъ Красусскій.

— Кто знаетъ?! Можетъ быть, онъ съ нами хитрилъ!.. Широкъ ли каналъ?—выспрашивалъ Негорскій.

— Довольно широкій. Мы не рѣшились переплыть его!

— А что же онъ дѣлалъ по дорогѣ?..

— Кружилъ, дѣлалъ петли, какъ заяцъ... Въ одномъ мѣстѣ онъ выстрѣлилъ, кажется, въ утку... Мы нашли бумажный фитиль заряда и замѣтили утиныя перья, плавающія на озеркѣ... Онъ тамъ входилъ въ воду и, повидимому, раздѣвался и возился, такъ какъ на сильно истоптанномъ помятомъ мху и ближайшемъ мокромъ пескѣ мы нашли оттиски босыхъ ногъ... Отсюда онъ пошелъ мхами, избирая нарочно самыя толстыя и густыя его полосы... Мы съ трудомъ прослѣдили его, пока опять не нашли мѣста, гдѣ онъ опять глубоко завязъ въ тинѣ надъ водой... Ноги были уже обуты...—разсказывалъ Янъ.

— А онъ ли это?.. Не на чужой ли вы напали слѣдъ?

— Возможно, что онъ блуждаетъ въ совершенно другой сторонѣ...—вмѣшался Александровъ.

— Не знаю навѣрно, но, какъ будто, это Мусья... Косолапый ворачиваетъ пятку, храмаетъ...—объяснялъ Янъ.

— Право, не знаю, что и дѣлать,—шепнулъ Негорскій.

— Подождемъ до завтра!..—совѣтовалъ Гликсбергъ.

— Если это островъ, и онъ заблудился, то онъ умретъ обязательно съ голода!..—разсуждалъ Негорскій.

— Обыщемъ весь островъ!.. Развѣ насъ мало?!.—воскликнулъ Воронинъ.

Ночь прошла безпокойно. Негорскій то и дѣло подымался и вглядывался въ горизонтъ: не увидитъ ли фигуры приближающаго Мусьи. Другіе изъ-подъ одѣялъ, которыми укрывались съ головой, спрашивали его:

— Ну, что-же?

— Ничего. Его нѣтъ!

Съ восходомъ солнца всѣ поднялись, съѣли поспѣшно завтракъ и разбрелись въ разныя стороны. Воронина и Гликсберга панъ Янъ послалъ въ противоположныхъ направленіяхъ вдоль морскихъ береговъ, сходившихся далеко подъ угломъ. Самуилъ пошелъ посерединѣ. Аркановъ кружился между Самуиломъ и Воронинымъ, а самъ панъ Янъ осматривалъ мѣстность между Самуиломъ и Гликсбергомъ. Такимъ образомъ они осмотрѣли каждую пядь острова и не нашли ничего, кромѣ вчерашнихъ слѣдовъ.

— Только я вотъ что еще нашелъ!.. — заявилъ подъ конецъ Воронинъ, показывая маленькую латунную трубочку, прикрѣпленную ремешкомъ къ толстому и короткому чубуку.

— Что же вы молчите?!—воскликнулъ Янъ, быстро хватая трубочку.

— Юкагирская... Недавно еще изъ нея курили... еще сокъ не успѣлъ высохнуть!—добавилъ онъ, осматривая ее внимательно. - Далеко нашли вы?..

— Далеко. Въ томъ краю!..

— Ну, что-жъ... Навѣрно, пріѣзжаютъ сюда юкагиры на охоту.

— Эти дни ихъ не было, иначе мы бы замѣтили...—сказалъ Петровъ.

— Во всякомъ случаѣ—скверно! Очевидно, они живутъ недалеко!—замѣтилъ Негорскій.—Но что же дѣлать?!. Не возможно вѣдь оставить на вѣрную гибель этого Богомъ обиженнаго человѣка!

— Ничего ему не будетъ! Если онъ утонулъ, такъ его уже нѣтъ. А если перебрался на ту сторону протоки, то переплыветъ и слѣдующую и доберется до людей... Твер-

дая онъ штука... Не мало вытеръ угловъ... — доказывалъ Янъ.

Никто не отвѣтилъ, никто не въ силахъ былъ согласиться съ нимъ.

— Еще подождемъ!..—сказалъ, наконецъ, послѣ короткаго раздумья Негорскій.

— Такъ-то такъ, почему бы и не подождать. Но вѣтеръ-то какъ разъ попутный... Лодка готова!.. Здорово бы отмахали мы!..—настаивалъ Янъ.

Дѣйствительно, вѣтеръ дулъ съ суши, и направленіе его мѣнялось, смотря по положенію солнца. Въ настоящее время онъ гналъ и зыбилъ море съ юга на сѣверъ, какъ вчера.

— Знаете, господа, мы сдѣлаемъ вотъ что,—настаивалъ Янъ,—часть пищи, пороху, спичекъ мы запасемъ въ жестянку и оставимъ здѣсь... Если онъ заблудился на сосѣднемъ островѣ, то вернется и найдетъ запасы, а потомъ онъ неминуемо встрѣтится съ рыбаками. Ясно, что они приходятъ сюда... Трубочка лучшее доказательство!..

Вдругъ Воронинъ вскочилъ и вскричалъ громко:

— Есть!.. Есть!.. Нашелся!.. Дымъ!..

Всѣ вскочили и обернулись въ указанную сторону. Далеко по другую сторону протоки, на краю горизонта, подымался большой столбъ сизаго, клубящагося дыма.

— Это онъ... подаетъ сигналъ! Почему онъ, дуракъ, не сдѣлалъ этого раньше?..—сердился Янъ.

— Пусть Янъ и Красусскій немедленно сядутъ въ душегубку и отправляются за нимъ. А остальные пусть грузятъ лодку!—приказалъ Негорскій.

Только вечеромъ Красусскій съ Яномъ достигли того мѣста, откуда уже пѣшкомъ имъ предстояло подойти къ пожарищу. Они вытащили челнокъ на берегъ и пошли быстро впередъ, жестоко ругая Мусью.

— Столько хлопотъ, безпокойства и такая трата времени изъ-за этого дурака!.. И все только потому, что ему вздумалось пѣшкомъ отправиться въ Америку!—ворчалъ Янъ.

— А если онъ, вправду, заблудился?!.

— Какъ же! Знаю я его!.. А жестянка со спичками?! Мерзавецъ!.. Право, если настигнемъ его, такъ вы меня держите за руку, а то не выдержу и побью эту чортову куклу...

Красусскій самъ былъ сильно озлобленъ противъ француза и, хотя отрицательно качалъ головой на предположенія Яна, сильно хмурился и посматривалъ недружелюбно на дымъ.

Солнце сѣло совсѣмъ низко и перестало грѣть. Съ моря подулъ холодный и пронзительный вѣтеръ. Мѣстность, по которой шли охотники, представляла спутанный лабиринтъ

длинныхъ, болотистыхъ промоинъ, прудиковъ, лужъ, озерковъ, разъединенныхъ низкими грядами мшистой тундры. Чтобы не бродить постоянно въ холодной и мѣстами глубокой водѣ, имъ приходилось постоянно сворачивать и кружиться далеко по болотинамъ. Наконецъ, они замѣтили сухую, выпуклую гряду и направились къ ней, чтобы оттуда обозрѣть окрестности и избрать самый удобный путь.

Уже издали ихъ привѣтствовали жалобные крики вившихся надъ холмикомъ чаекъ. Когда они приблизились къ нимъ, цѣлыя тучи птицъ смѣло устремились на охотниковъ. Послѣдніе увидѣли передъ собою странное явленіе—большой птичій городъ. Густо другъ около друга стояли гнѣзда, построенныя изъ травъ и вѣточекъ, на нихъ сидѣли полки птицъ, ничуть не встревоженныхъ появленіемъ людей. Всѣ онѣ повернуты были головками въ одну сторону, гдѣ между отдѣльными кварталами сплошныхъ гнѣздъ тянулись сухія, хорошо утоптанныя улицы. По улицамъ прохаживались, подпрыгивая, птичьи стражи...

Охотники остановились. Имъ жаль было топтать и портить безъ пользы яйца и гнѣзда. Впрочемъ, ни избрать обходнаго пути, ни придумать чего-нибудь другого они не успѣли, такъ какъ тучи чаекъ грозно набросились на нихъ. Птицы кружились, взлетали и быстро опускались имъ на головы, угрожая клювами и кривыми когтями ихъ лицамъ и глазамъ. Охотники защищались ружьями, били прикладами, но разъяренныя птицы взлетали лишь на мигъ, чтобы немедленно наброситься сверху. Нѣсколько разъ ихъ когти коснулись шапки и плечъ пана Яна. Пронзительный пискъ, трепетаніе крыльевъ выводили изъ себя охотниковъ, мѣшая имъ осматривать окрестности. Чтобы прогнать надоѣдливыхъ пернатыхъ, путешественники дали залпъ, но результаты получились еще худшіе. Съ неописуемымъ шумомъ, крикомъ, трепетаніемъ крыльевъ взлетѣла съ земли цѣлая туча птицъ и закружилась надъ врагами. Что значили выстрѣлы для этихъ тысячъ?!. Низко согнувшись, позорно бѣжали охотники прочь, а птицы преслѣдовали ихъ, ударяя клювами и крыльями по ихъ головамъ и спинамъ. Наконецъ, крики ослабѣли, и люди, оглянувшись, убѣдились, что преслѣдуетъ ихъ уже небольшая горсть самыхъ рьяныхъ защитниковъ птичьяго царства; остальные вернулись къ своимъ гнѣздамъ.

— Вотъ такъ оказія! - смѣялся Янъ.—Подождите, придемъ мы сюда на обратномъ пути... Оставимъ вамъ Мусью, а сами наберемъ яицъ, по крайней мѣрѣ, на мѣсяцъ... Знаешь, Красусскій, намъ придется снять обувь и пойти въ бродъ, а то не скоро попадемъ на мѣсто..

Пройдя прямикомъ полчаса, они очутились у дыма. Брошенный костеръ догоралъ – Мусьи нигдѣ и слѣда не было... Они тщательно осмотрѣли всю мѣстность и нашли только обглоданныя утиныя кости. Но былъ ли здѣсь Мусья, или кто другой, этого они опредѣлить не могли. Имъ казалось, что у огня сидѣлъ не одинъ человѣкъ, а много. Наконецъ, Янъ вскрикнулъ отъ радости: въ сторонкѣ лежала бумажка.

Это былъ кусокъ обыкновенной бумаги, какая могла очутиться и въ рукахъ мѣстныхъ инородцевъ вмѣстѣ съ европейскими товарами. Правда, посерединѣ ея была вырвана дырочка, а кругомъ были ногтемъ выдавлены какіе-то таинственные знаки, но трудно было что-либо заключить по нимъ. Разстроенные, они глядѣли сердито на затуманенную тундру, гдѣ незамѣтно уходили и терялись слѣды.

— Нечего дѣлать, вернемся! — проговорилъ, наконецъ, Янъ.—Надо торопиться, а то туманъ идетъ!..

Холодный вѣтеръ все стремительнѣе подувалъ съ моря. Охотники увидѣли, какъ неожиданно изъ льдовъ спустился длинный, во всю длину горизонта, валъ бѣлаго тумана и покатился къ нимъ по взбаломученнымъ, чернымъ волнамъ. Малиновое солнце скрылось до половины во мглѣ.

— Торопись... торопись... Скоро здѣсь будетъ!..—понуждалъ товарища Янъ.

Оба они бѣжали напрямикъ, прыгая черезъ лужи поменьше, перебираясь черезъ большія, иногда выше пояса въ водѣ. Вѣтеръ переходилъ въ бурю. Туманъ плылъ съ быстротою разлива. Первыя его облачка, завитушки и всклокоченные языки уже коснулись ступней охотниковъ, обогнали ихъ и покатились вглубь материка. Вскорѣ охотники брели по колѣни во мглѣ. Янъ вырвалъ немного сухой шерсти изъ мѣховой подкладки своей куртки и заткнулъ ею дула и капсули своего ружья. Красусскій послѣдовалъ его примѣру. Мгла уже доходила имъ до пояса. Она покрыла неровности земли, сушу и воды ровной бѣлой пеленой, чтò сильно затрудняло охотникамъ выборъ пути. То и дѣло они совершенно неожиданно проваливались въ ямы съ водою или болотной тиной. Вскорѣ туманъ достигъ имъ шеи, а затѣмъ сомкнулся надъ головами, окутывая все бѣлымъ мракомъ. Вѣтеръ бѣшено сталъ кружить, перегонять и волновать туманъ, точь въ точь какъ морскую пучину. Избитые ударами воздуха, исѣченные студеной мглою, не хуже снѣговой мятели, прозябшіе до костей, охотники шли ощупью впередъ, пока не услышали вдругъ оглушительнаго рева волнъ, и черные, какъ сажа, ихъ языки не хлестнули имъ подъ ноги. Тогда они быстро попятились

назадъ, въ страхѣ, что ихъ опрокинутъ и слижутъ мгновенно съ земли эти чудовищные языки.

— Что дѣлать?.. Какъ разыщемъ челнокъ?—спрашивалъ Красусскій, стуча зубами отъ холода.

— Зачѣмъ намъ теперь челнокъ? Развѣ затѣмъ, чтобы затащить его дальше... Чего добраго, вода его возьметъ!..— отвѣтилъ неохотно Янъ.

Неожиданно вѣтеръ ударилъ въ нихъ съ такой силой, что они покачнулись на ногахъ. Берегъ дрожалъ подъ напоромъ плещущаго прибоя. Но свистъ вѣтра, шумъ бушующихъ водоворотовъ, стонъ земли подъ напоромъ пучины,— все покрывалось безслѣдно растущимъ ревомъ играющаго вдали океана.

— Пойдемъ, Янъ, пойдемъ!.. Навѣрно унесетъ нашъ челнокъ...—говорилъ Красусскій, оттаскивая за рукавъ остолбенѣвшаго товарища.

— Куда пойдемъ... безъ глазъ!—отвѣтилъ тотъ грубо.— Развѣ знаешь, куда идти, гдѣ онъ лежитъ?! Подожди, надо сообразить, надо подумать... Ложись, а то насквозь прозябнешь, а я тѣмъ временемъ подумаю и... отдышусь!.. Собачья погода!

Они легли рядомъ въ маленькой ложбинкѣ и прижались другъ къ другу, чтобы лучше согрѣться. Янъ подперъ голову рукою и внимательно прислушивался къ гулу земли и моря, присматривался къ потокамъ переливавшихся черезъ нихъ струй тумана, наблюдалъ за вѣтромъ, который медленно, но неустанно мѣнялъ направленіе.

— Послушай, Красусскій: онъ и вчера былъ кружной?

— Кто? Вѣтеръ?

— Ну, да! Теперь онъ дуетъ совсѣмъ не съ той стороны, какъ въ то время, когда мы шли отъ рѣки. Въ такомъ разѣ намъ нужно идти вдоль воды, какъ разъ противъ вѣтру... Пойдемъ, милый, ляжемъ въ „вѣточку“, тамъ за бортами будетъ всетаки теплѣе...

Опять вѣтеръ сталъ ихъ теребить, опять мгла стала слѣпить имъ глаза и сѣчь лицо.

Они шли, низко нагнувши головы, съ протянутыми впередъ, какъ для плаванія, руками. Красусскій стучалъ зубами, какъ въ лихорадкѣ. Имъ не разъ приходилось далеко обходить плоскій берегъ, изъ опасенія, чтобы гривы волнъ не спутали имъ ногъ и не смыли прочь въ море. Туманъ кипѣлъ кругомъ удивительно густой, странный, но уже другой, чѣмъ въ началѣ, какой-то золотистый и просвѣтленный. Его струи и облака неслись мимо нихъ, точно водяная пыль водопада, кружась и загораясь минутами радужнымъ блескомъ. Охотники нашли, наконецъ, челнокъ, оттащили его отъ воды, поставили бокомъ къ вѣтру и легли въ немъ.

Вьюга свистѣла въ края лодочки, точно въ свирѣль, и перебрасывала черезъ нихъ молочныя волны, усыпая имъ лица холоднымъ, мелкимъ, какъ роса, дождемъ. Изрѣдка въ плывущихъ надъ охотниками мглистыхъ бурунахъ буря вышибала окно. Тогда они видѣли высоко надъ собою на короткое мгновеніе синее, позлащенное солнцемъ небо.

— Что это такое?.. Смотри!—воскликнулъ вдругъ Красусскій, указывая на мглу. На опаловой завѣсѣ ея засіяли вдругъ радужными цвѣтами громадныя, косматыя фигуры людей.

Оба бѣглеца присѣли отъ удивленія и не спускали глазъ съ привидѣній, колеблемыхъ неустанно бурей.

На спутанномъ подвижномъ холстѣ тумана, точно картины волшебнаго фонаря, мелкали и шевелились блѣдныя изображенія цѣлой человѣческой толпы. Раньше, чѣмъ охотники успѣли ее разсмотрѣть, она исчезла, сдунутая вьюгой.

— Идемъ, идемъ!.. Что такое тамъ дѣлается?.. Это, наконецъ, страшно!..—шепнулъ Красусскій.

— Потащимъ „вѣтку“ берегомъ. Наши по ту сторону протоки, какъ разъ напротивъ. Какъ только хоть немножко стихнетъ непогода, поплывемъ,—совѣтовалъ Янъ.

Они попробовали поднять челнокъ на плечи, но вѣтеръ сдулъ его мгновенно, какъ перышко, съ ихъ рукъ. Съ ужасомъ они наблюдали, какъ подхваченное бурей суденышко сначала поднялось на воздухъ, затѣмъ упало на землю и, катясь по ней, исчезло въ туманѣ... Они съ трудомъ нагнали его и, согнувшись дугою, выставивъ впередъ противъ вѣтра головы, потащили за собою по влажной, липкой землѣ. Тяжело имъ давался этотъ походъ противъ теченія воздуха и мглы, почти такой же густой, какъ вода. Невозможность сообразовать шаги и движенія съ встрѣчными препятствіями и неровностями почвы, непрерывное движеніе всего кругомъ, оглушительный шумъ вѣтра и воды, измѣнчивыя дуновенія бури мучительно дѣйствовали на душу; имъ хотѣлось присѣсть, упасть ничкомъ, втиснуть хоть лицо въ какую нибудь щель, гдѣ можно бы было подышать свободно, гдѣ сохранилось бы хоть небольшое количество чистаго, неподвижнаго воздуха.

Отвратительная смѣсь холодной морской мглы и вѣтра давила ихъ, какъ влажная, затхлая вата.

— Какая къ чорту польза трепаться безъ толку!?. Вѣдь ни зги не видно!..—вскричалъ Янъ, брошенный бурей на землю. Обезсиленный Красусскій сѣлъ рядомъ съ нимъ.

— Скоро перестанетъ!—утѣшалъ его Янъ.—Вѣтеръ поворачиваетъ и слабѣетъ!..

Они ждали терпѣливо, прижавшись ко дну челнока. Янъ

даже вздремнулъ. Вдругъ Красусскій разбудилъ его ударомъ локтя. Опять въ облакахъ надъ ними задвигались исполинскія тѣни людей. Бѣглецы не сказали другъ другу ни слова, но, дрожа отъ холода и волненія, потащили вновь лодочку къ мятущимся у берега волнамъ.

— Смотри только: рѣжь прямо противъ волны!.. Не пугайся!.. — поучалъ Красусскаго Янъ. — Самое трудное сѣсть, и самая худшая первая волна!

Они спустили челнокъ на воду въ маленькой бухточкѣ, защищенной крутымъ берегомъ отъ вѣтра. Но, хотя гребни волнъ здѣсь не заворачивались и самые валы были много положе, всетаки волненіе было настолько бурно, что суденышко дважды наполнилось водою, раньше чѣмъ они немного изловчились и сѣли въ него, наконецъ. Они дружно ударили веслами и выскользнули изъ бухточки, но въ тотъ же мигъ громадный валъ подхватилъ ихъ и понесъ обратно къ землѣ. Они сохранили на столько присутствія духа, что опрокинулись немедленно на бокъ и уцѣпились за край лодочки руками, опасаясь, что вода унесетъ ее прочь. Они не осмѣлились повторить сейчасъ же попытку, но и на мѣстѣ усидѣть было трудно. Они поплелись дальше вдоль берега и дотащились до самаго конца песчаной косы. Они поняли, что забрались слишкомъ на сѣверъ. Впереди бушевало уже открытое море. Они узнали его по острымъ, мощнымъ дуновеніямъ, по размѣрамъ водяныхъ горъ, подымавшихся и падавшихъ среди тумановъ съ мѣрнымъ гуломъ, похожимъ на взрывы вулкана, наконецъ, по большей яркости рѣявшаго надъ водой тумана.

Въ сравненіи съ тѣмъ, что происходило здѣсь, ревъ волнъ въ проливѣ показался имъ ничтожнымъ лаемъ собакъ.

Они вернулись, охваченные смущеніемъ и большей рѣшимостью. Они разыскали опять укромную бухточку и сдвинули челнокъ на воду. Непогода уже затихала. Имъ повезло въ этотъ разъ. Согласнымъ ударомъ веселъ они загнали челнокъ на вершину первой волны и счастливо миновали ее, лишь обрызганные ея пѣной. Они быстро скользнули внизъ, и раньше, чѣмъ могли сообразить, что съ ними творится, уже пѣна второго гребня кипѣла подъ ними. И тотъ миновали, слегка только черпнувъ однимъ бортомъ воды. Такимъ образомъ, послѣ нѣсколькихъ волнъ, они по поясъ сидѣли въ водѣ, но за то противоположный берегъ былъ уже недалекъ, а подъ нимъ и волненіе было тише.

Когда, промокшіе, они выползли, наконецъ, на землю и вытащили за собою челнокъ, вѣтеръ уже сильно упалъ, и туманъ порѣдѣлъ настолько, что они безъ труда узнали въ небольшомъ отдаленіи лагерь товарищей. Они замѣтили

качавшуюся въ бухточкѣ „Королеву", распознали темныя пятна товарищей, спавшихъ на землѣ. Но въ то же время они увидѣли нѣчто, что охватило ихъ ужасной дрожью, холодной, какъ сама смерть...

Они бросились къ своимъ, крича изо всей мочи:

— Вставайте, вставайте!..

— Что случилось?!—спрашивали тѣ, садясь и сбрасывая прочь одѣяла.

Янъ и Красусскій указали имъ рукою въ ту сторону, откуда должна была явиться свобода.

Тамъ, среди тумана, подкрадывался къ нимъ осторожно большой полукругъ людей съ ружьями въ рукахъ. За ними шла толпа другихъ существъ, имъ неизвѣстныхъ, мѣднолицыхъ, косоглазыхъ, толпа дикихъ варваровъ, зашитыхъ въ косматые мѣха, съ копьями въ рукахъ, со стрѣлами, заложенными на тетивы луковъ...

За этой толпой ревѣло черное, взбаломученное море, а изъ-подъ вздымавшихся вверхъ тумановъ, уже позлащенныхъ солнцемъ, выглядывали блѣдныя, радужныя тѣни льдовъ, плывшихъ съ грохотомъ къ землѣ...

Вацлавъ Сѣрошевскій.

Конецъ.

ТЕМНОЮ НОЧЬЮ.

Искрятся факелы. Улица, зданія
Алымъ зардѣлись огнемъ.
Грозное шествіе вижу въ туманѣ я...
Правда мнѣ кажется сномъ.
Въ полночь глухую по городу сонному,
Въ блескѣ кровавыхъ лучей,
Тихо проходятъ къ вокзалу безмолвному
Сотни усталыхъ людей.
Мѣрно и тяжко шагаютъ конвойные,
Голову хмуро склоня.
Молча идутъ, горделиво-покойные,
Плѣнники, цѣпью звеня...
Что-то знакомое: помню васъ, смѣлые!
Съ знаменемъ краснымъ въ рукахъ,
Шли вы на битву, борцы загорѣлые,—
Пѣсня рыдала въ устахъ...
Вотъ и теперь—молодые и сильные—
Вдаль вы идете толпой...
— Братья, прощайте!..—Молчанье могильное.
Городъ окутался тьмой.
Искры погасли, и шествіе грозное
Скрылось въ туманѣ сѣдомъ.
Плачетъ и хмурится небо беззвѣздное...
Правда мнѣ кажется сномъ.

С. Ивановъ-Райковъ.

НАЧАЛО.

I

Подпоручикъ Коровинъ былъ милый и веселый молодой человѣкъ. Ходилъ онъ, покачиваясь; голову склонялъ немного на бокъ и съ небрежной лѣнивой граціей козырялъ солдатамъ. Шелъ и всегда рисовалъ себѣ собственную фигуру, которая казалась ему воплощеніемъ изящества и красоты... Изящнымъ и красивымъ представлялось ему еще то, что курилъ онъ тонкія, длинныя папиросы изъ янтарнаго мундштука, умѣлъ хорошо ѣздить верхомъ и иногда проигрывалъ въ карты нѣсколько сотенъ рублей за одну ночь. Послѣ такого проигрыша имъ овладѣвало каждый разъ томно-мечтательное настроеніе, въ душѣ шевелилось щекочущее чувство гордости, что онъ ведетъ себя, какъ гвардейскій офицеръ съ какой-нибудь громкой фамиліей, и онъ разсказывалъ о своей игрѣ дома, въ гостяхъ и у товарищей, улыбаясь, какъ мило нашалившій ребенокъ... Смѣялся Коровинъ весело и заразительно и, смѣясь, обыкновенно говорилъ:

— Здòрово, чортъ возьми!.. Здòрово.

И ему нравился свой заразительный, искрящійся, какъ водяная струя, смѣхъ, веселое сочное слово „здóрово", то, что онъ офицеръ, и что у него много знакомыхъ, которые постоянно просятъ его пріѣзжать къ нимъ на вечера и балы.

Въ полку онъ считался добрымъ и славнымъ товарищемъ. Пилъ, правда, мало, но во всѣхъ полковыхъ пирушкахъ принималъ непремѣнное участіе и, вмѣстѣ съ самыми отпѣтыми кутилами, любилъ вспоминать о шумныхъ дебошахъ, о невѣроятномъ количествѣ выпитаго спирта и о многихъ другихъ не менѣе веселыхъ событіяхъ.

— Здóрово... чортъ возьми!.. Здóрово...—громко смѣялся онъ, разсказывая, какъ на именинахъ у капитана Сосновскаго въ довольно просторномъ залѣ были сооружены двѣ діагонали изъ пустыхъ пивныхъ бутылокъ.

Слушая его разсказъ, капитанъ Сосновскій—мужчина пожилыхъ лѣтъ съ небольшимъ круглымъ брюшкомъ—приходилъ въ радостное возбужденіе, засовывалъ руки въ карманы брюкъ и, пройдясь такимъ образомъ разъ пять по комнатѣ, начиналъ насвистывать маршъ двуглаваго орла... Штабсъ-капитанъ Миль гладилъ въ эти минуты длинные тараканьи усы, бѣгалъ вытаращенными глазами за Сосновскимъ и задумчиво басилъ:

— Такъ здóрово, по твоему? Черезчуръ даже—говоришь? Ну, что-жъ, принимая во вниманіе обстоятельства времени, тяжелую воинскую службу и доблестное отношеніе наше ко всякаго рода опасностямъ, этотъ случай можно предать забвенію... Сотворимъ по немъ тризну, господа, чѣмъ-нибудь... холодненькимъ... Вразумительно будетъ... Ей-Богу!

Со штабсъ-капитаномъ Милемъ, своимъ ротнымъ командиромъ, большимъ почитателемъ рапортовъ, приказовъ и другихъ служебныхъ бумагъ, Коровинъ былъ на ты... Въ шутку онъ называлъ добродушнаго и глуповатаго Миля своимъ папашей, возилъ его въ зоологическій садъ, принималъ всѣ расходы на себя и сочинялъ о папашѣ всевозможные анекдоты, въ которыхъ главное мѣсто занимали старые нѣмцы, родители Миля, аккуратно снабжавшіе сорокалѣтняго Ѳедю фуфайками и теплыми носками, чтобы онъ не схватилъ на маневрахъ ревматизма. Самой излюбленной темой для анекдотовъ было дѣйствительное происшествіе, случившееся послѣ посѣщенія зоологическаго сада, когда, безобразно-пьяный, Миль вернулся домой подъ самое утро и объяснилъ свое опозданіе тѣмъ, что у него простуда, и что гдѣ-то онъ пролежалъ всю ночь безъ памяти... Старые Мили заахали, заохали, уложили его въ теплую постель и потомъ цѣлый день отпаивали горячей малиной, умоляя его никогда не ходить въ разстегнутомъ пальто, не пить холоднаго пива и не засиживаться въ гостяхъ позже двѣнадцати часовъ.

Своимъ однополчанамъ Коровинъ старался дѣлать разныя мелкія одолженія,—и до чего доходила его предупредительность въ этомъ отношеніи, показываетъ случай съ поручикомъ Беклемишевымъ, допившимся до маніи отвращенія къ людямъ. Этотъ Беклемишевъ, послѣ мѣсячнаго запоя, сталъ увѣрять, что не можетъ бывать въ людскомъ обществѣ, и что ему необходимъ умный породистый песъ,—иначе онъ рискуетъ сойти съ ума. Коровинъ внимательно слушалъ разсужденія мрачнаго офицера о человѣческомъ ничтожествѣ, объ умѣ и привязчивости собакъ и въ одно изъ своихъ посѣщеній притащилъ къ Беклемишеву громаднаго молодого сенъ-бернара.

— Помилуйте...—изумился Беклемишевъ...—Такую благородную собаку вы мнѣ... Не знаю, какъ и благодарить васъ... Говорите, Герольдомъ зовутъ?.. Отлично... Ну, Герольдъ, иди сюда. Будемъ знакомиться.

Потомъ Беклемишевъ попросилъ разрѣшенія братски расцѣловать дорогого Андрея Андреевича, и у Коровина надолго сохранилось воспоминаніе объ угрюмой радости, о горячихъ сухихъ губахъ, плохо-выбритомъ подбородкѣ и воспаленномъ дыханіи спившагося поручика.

Съ этихъ поръ Беклемишевъ былъ неразлученъ съ Герольдомъ и, встрѣчая Коровина на улицѣ, показывалъ на него удивленно смотрѣвшему псу, какъ на милѣйшую, золотую личность.

Въ семьѣ къ Коровину относились съ чувствомъ благоговѣйнаго обожанія... Мать гордилась имъ, какъ необыкновенно красивымъ и необыкновенно умнымъ сыномъ, у котораго жизнь похожа на заманчивую прекрасную сказку, когда-то давно, въ молодости, прельщавшую ея дѣвичьи мечты и оставшуюся недоступной и далекой, схороненной глубоко въ сердцѣ, не сумѣвшемъ воплотить ее въ дѣйствительности... Кромѣ того, она любила своего Андрея, какъ кусочекъ самой себя, который останется послѣ ея смерти живымъ напоминаніемъ, что и она, Елена Ильинишна, ростила дѣтей, блюла земные законы, ходила въ церковь, имѣла большую квартиру и много, извѣстныхъ ей одной, заботъ и хлопотъ. Сестры ходили съ Андреемъ гулять на Морскую и Невскій, вмѣстѣ выѣзжали къ знакомымъ и упрашивали, чтобы онъ провожалъ ихъ въ Гостинный дворъ за покупками... Имъ казалось, что Андрей однимъ своимъ присутствіемъ дѣлаетъ ихъ интереснѣе, изящнѣе и красивѣе, и каждое его слово было для нихъ особеннымъ словомъ, и каждое его движеніе—особеннымъ движеніемъ. Андрей былъ съ ними, и глаза ихъ становились гордыми, презиравшими обыденную жизнь, и сердце билось для иного загадочнаго и манящаго міра, и воздухъ былъ не уличный воздухъ, а другой, принесенный братомъ изъ большихъ высокихъ залъ, гдѣ гремитъ музыка, звенятъ шпоры и сверкаютъ роскошные туалеты сидящихъ и танцующихъ женщинъ... Точно ихъ окружала непроницаемая плотная оболочка этого воздуха, и они трое были недоступны и чужды сновавшей около нихъ толпѣ, какъ недоступны ей алмазныя ожерелья, выставленныя въ витринахъ богатыхъ магазиновъ.

Особенное отношеніе установилось въ семьѣ и къ вещамъ, составлявшимъ собственность молодого офицера. Приходили гости къ Коровинымъ, такіе же состоятельные люди, какъ и они, и Елена Ильинишна занимала ихъ Андрюшинымъ

граммофономъ, долго и подробно разсказывая, гдѣ и за какую цѣну онъ купленъ... Вѣра, старшая дочь, бережно приносила пластинки, выбирала самыя любимыя, и гости слушали, какъ граммофонъ низкимъ ласковымъ баритономъ выводилъ:

Я хотѣлъ бы быть сучочкомъ,
Чтобы миленькимъ дѣвочкамъ
На моихъ сидѣть вѣтвяхъ...
Пусть сидѣли бы и пѣли,
Вили гнѣзда и свистѣли,
Выводили бы птенцовъ.

Хотѣлось закрыть глаза, чтобы ящикъ съ поющей трубой не вызывалъ комичнаго впечатлѣнія. Страннымъ казалось, что мечтательное, ласкающее чувство жило помимо его обладателя-человѣка, что пѣвецъ съ красивымъ голосомъ продалъ за деньги это чувство, и вотъ оно томится въ чужой квартирѣ, грустить и плачетъ...

Пѣніе кончалось... Наступало короткое молчаніе, но бесѣда скоро возобновлялась, переходя съ граммофона на фотографію, на Андрюшину поѣздку въ Крымъ и на Кавказъ, откуда онъ привезъ массу снимковъ... Снимки ходили по рукамъ. Старушка Коровина разсказывала, на какомъ пароходѣ онъ ѣздилъ, въ какихъ гостиницахъ останавливался и съ кѣмъ познакомился въ дорогѣ. Вѣра и младшая изъ Коровиныхъ—Лидія—поправляли ее, добавляли отъ себя разныя подробности и бережно снимали фотографическую камеру съ треножника... А гости хвалили граммофонъ, хвалили снимки, Крымъ и Кавказъ и про себя думали, что дорого стоитъ Еленѣ Ильинишнѣ ея любимый сынокъ.

На балахъ и танцовальныхъ вечерахъ обѣ сестры радовались, когда братъ приглашалъ ихъ на вальсъ и на па-де-катръ, нисколько не меньше, чѣмъ если бы ихъ позвалъ танцовать товарищъ Андрея—полковой адъютантъ Борисъ Сергѣевичъ Иволгинъ, офицеръ съ сердитыми голубыми глазами и съ презрительнымъ произношеніемъ въ носъ. Отъ робости замирало сердце, волна сладкаго щемящаго чувства охватывала душу, и душа улетала. Танцуя съ братомъ, Вѣра держала голову въ одномъ положеніи, будто у нея была мраморная несгибающаяся шея, выпрямлялась, дѣлалась выше и тоньше и умоляющимъ шепотомъ просила: „Андрюша, ради Бога, еще одинъ кругъ"... Туръ вальса слѣдовалъ за туромъ... Вмѣстѣ съ ними въ туманящую воображеніе неизвѣстность плыла воздушная мечтательная музыка, напоминавшая шелестъ многихъ бѣлыхъ крыльевъ... Залъ наполнялся бѣлыми крыльями. Хорошо было закрыть глаза, от-

—

даваться неизвѣстной волѣ, погружаться въ теплыя серебристыя волны... Вѣра мысленно любовалась на себя, и ей нравилось думать, что она танцуетъ не съ братомъ, а съ другимъ офицеромъ, съ которымъ ей предстоитъ еще познакомиться и который будетъ молчаливымъ, сдержаннымъ и холоднымъ. Шестнадцатилѣтняя Лидія отдавалась танцамъ болѣе непосредственно и не видѣла ни бѣлыхъ крыльевъ, ни незнакомаго молчаливаго офицера. Она во время вальса готова была разсмѣяться отъ радости безудержнымъ дѣтскимъ смѣхомъ, дышала открытымъ ртомъ и смѣющимися черными, какъ мокрыя спѣлыя вишни, глазами смотрѣла въ смѣющіеся глаза Андрея. А когда братъ велъ ее подъ руку по залѣ, прижималась къ нему и, со счастливымъ выраженіемъ на раскраснѣвшемся дѣтскомъ личикѣ, говорила:

— Андрюша! Милый! Съ тобой удивительно хорошо танцовать! Легче, чѣмъ съ нашимъ преподавателемъ танцевъ... Ты не вѣришь мнѣ? Нѣтъ? Вотъ Ѳома невѣрный... Ну, ладно-же...

И кокетливо надувала губки.

Очень пріятно для сестеръ Коровиныхъ, особенно для Вѣры, было сказать кому-нибудь, что это ихъ братъ, родной братъ стоитъ рядомъ съ Иволгинымъ, когда Андрей и Борисъ Сергѣевичъ наблюдали за танцами изъ курительной комнаты и дымили длинными папиросами изъ одинаковыхъ янтарныхъ мундштуковъ... Можно было видѣть, какъ Иволгинъ презрительно подымаетъ брови, презрительно отряхаетъ нагорѣвшій пепелъ и что-то шепчетъ Андрею, указывая на сидящихъ напротивъ нарядныхъ дамъ, и какъ Андрей съ заискивающей улыбкой киваетъ адъютанту головой. И на лицахъ обоихъ офицеровъ, сначала на матовомъ темномъ лицѣ Иволгина, а потомъ и на Андреевомъ, появлялась тѣнь брезгливаго равнодушія и усталости. Они принимали небрежныя позы, небрежно зѣвали и, спустя нѣкоторое время, шли танцовать съ такимъ видомъ, будто дѣлали кому-то незаслуженное снисхожденіе... Вѣрѣ становилось грустно... У нея создавалось безотчетное впечатлѣніе, будто братъ разлюбилъ танцы, музыку и красивыхъ женщинъ, и точно темная тѣнь ложилась на образъ неизвѣстнаго молчаливаго офицера. Она нервно складывала вѣеръ и слѣдила за Андреемъ и Иволгинымъ печальными глазами, безмолвно упрашивая ихъ быть такими, какими она привыкла рисовать ихъ въ своемъ воображеніи. А Лидія, нечуткая до настроеній сестры, приходила въ шумный ребячій восторгъ и радостно вскрикивала:

— Смотри, Вѣрунъ, какъ они интересничаютъ...

Вѣра строго смотрѣла на Лидію, и къ печальному выра-

женію глазъ прибавлялось молчаливое осужденіе ея ребячества... „Никогда не умѣетъ держать себя въ порядочномъ обществѣ... Постоянно выдастъ чѣмъ-нибудь свое купеческое происхожденіе“... И вѣеръ ходилъ еще нервнѣе, и она отодвигалась отъ сестры, бережно оправляя шелковое платье, точно защищаясь отъ вторженія ненавистнаго ей міра грубыхъ и простыхъ ощущеній... И она вся замыкалась въ себя и чувствовала гордое, точно вычеканенное, одиночество, въ родѣ одиночества бѣлаго лебедя на зеркальномъ озерѣ среди безшумныхъ тростниковъ.

Андрей перенималъ многія движенія Иволгина... Когда они шли рядомъ, можно было замѣтить это по ритмическому покачиванью того и другого... Часто оба они одновременно принимались закручивать усы, при чемъ первымъ начиналъ Борисъ Сергѣевичъ... Было похоже на то, что Андрей влюбленъ въ каждый жестъ, въ каждое слово Иволгина... И Лидія не понимала, что онъ нашелъ особеннаго въ своемъ товарищѣ... И когда раздумывала, что именно, то останавливалась на презрительномъ произношеніи въ носъ и на голубыхъ глазахъ этого „задававшагося“, по ея мнѣнію, офицера.

Выбирали Иволгинъ и Андрей на танцы однѣхъ и тѣхъ же раздушенныхъ и разодѣтыхъ женщинъ и говорили имъ одинаковыя фразы объ общихъ знакомыхъ, о томъ, кто числится у нихъ шефомъ полка и въ какомъ мѣсяцѣ бываетъ полковой праздникъ. Улыбающійся и возбужденный, Андрей, послѣ нѣсколькихъ круговъ вальса съ барышней Демьяновой или съ женой адвоката Мордвиновой, подходилъ къ сестрамъ, жаловался на невѣроятную усталость, бралъ у Лидіи вѣеръ и картинно опахивалъ имъ лицо... Вѣра спрашивала, съ кѣмъ онъ танцовалъ... Андрей, притворяясь не заинтересованнымъ, отвѣчалъ:

— Съ дочерью милліонера фабриканта Демьянова... Немного тяжела на подъемъ, но критику выдерживаетъ.

Со старшей сестрой онъ всегда былъ серьезенъ, посвящалъ ее въ свои тайны, и они уважали другъ друга... Младшая, хотя и завидовала ихъ откровеннымъ разговорамъ, но вести себя, какъ Вѣра, не умѣла. Она только тѣсно пододвигалась къ брату, брала его за руку и заискивающе говорила, что Демьянова очень недурна.

— Такъ очень, по твоему?—переспрашивалъ польщенный ея похвалой Андрей и, улыбаясь, смотрѣлъ, какъ Лидія въ одно и то-же время и сіяла, и конфузилась.

— Очень... очень... Какъ княжна Мери у Лермонтова.

— А ты, глупая, видѣла когда-нибудь эту княжну? Сразу можно узнать, что учишься въ гимназіи.

Андрей шутливо ударялъ ее вѣеромъ по щекѣ и, считая, что достаточно занялъ сестеръ, шелъ къ Иволгину. Они опять стояли въ курительной комнатѣ... Легкій синій дымокъ красиво плавалъ надъ ихъ старательно сдѣланными проборами... Иволгинъ бросалъ презрительные взгляды, сердито отряхалъ пепелъ и былъ, видимо, чѣмъ-то недоволенъ... Недовольнымъ, подражая ему, становился и Андрей...

Мягко лились звуки вальсовъ, па-де-катровъ, миньоновъ... Музыка струилась, какъ струится электрическій свѣтъ, и будила воспоминаніе о бѣлыхъ ночахъ, о цвѣтахъ, растущихъ въ клумбахъ передъ высокими дачами, о стеклянныхъ верандахъ... Мелькали бѣлыя, голубыя и розовыя платья... Кружился рой бабочекъ, шумѣлъ и сверкалъ блестящими крылышками, на минуту садился въ изнеможеніи и снова подымался, чтобы до конца опьяниться знойнымъ воздухомъ, страстнымъ дыханіемъ и неуловимыми искорками загорѣвшихся глазъ... Ткались и падали призрачныя тѣни... Плыли и уплывали неясные свѣтлые контуры... И не одна грудь въ мечтахъ льнула къ другой жадной груди, порывисто ловила біеніе чужого сердца, зной и тепло чужой жизни, чужую ласку...

Въ столовой двигали стульями и звенѣли посудой... Тамъ убирали столъ къ ужину... Разстилалась чистая, свѣжая скатерть, разставлялись вазы съ фруктами, хлѣбъ, нарѣзанный тонкими ароматными ломтиками и переливавшія шелковистыми радужными цвѣтами вина.

Потомъ столовая наполнялась оживленнымъ шумомъ, звонкимъ чоканьемъ, любезными упрашиваньями испробовать икры, балыка и осетрины, веселыми шутками другъ надъ другомъ. Иволгинъ сидѣлъ съ Мордвиновой, а Андрей съ Демьяновой... У Демьяновой краснѣли щеки, смѣялись глаза, и она на минуту забывала, что отецъ ея имѣетъ два милліона,—потомъ вспоминала и подавляла смѣхъ, и глядѣла на свою полную мамашу, у которой дрожалъ двойной подбородокъ, и отъ тяжелыхъ серегъ уши принимали страдальческій видъ, когда она возбужденно просила хозяйку дома пододвинуть къ ней свѣжую икру. Андрей красиво ѣлъ, красиво пилъ и разсказывалъ своей сосѣдкѣ о лагерной жизни, о штабсъ-капитанѣ Милѣ, о верховой ѣздѣ и о своихъ проигрышахъ.

Лидія бросала на брата восторженные взгляды... Она радовалась, что онъ сидитъ съ Демьяновой, самой богатой невѣстой ихъ круга, что имъ весело, и что они собираются вмѣстѣ пойти въ театръ на будущей недѣлѣ. Ей не хотѣлось ѣсть, но такъ заманчиво было сказать хоть слово брату, у котораго радостная блестящая жизнь, что она не могла

сдержаться и просила его положить „капельный“ кусочекъ ветчины на протянутую тарелку... Сидѣла потомъ счастливая, взволнованная и не слушала гимназиста Перепелкина, увѣрявшаго ее, что въ гимназіи у нихъ многіе пьютъ коньякъ прямо изъ горлышка бутылки, и что онъ каждое утро, когда у нихъ первый урокъ—алгебра, выпиваетъ для храбрости полъ-стакана мадеры и заѣдаетъ, чтобы не было запаха, сухимъ чаемъ.

А въ залъ въ это время, въ открытыя форточки, врывался холодный уличный воздухъ, и въ его неосторожномъ всюду проникавшемъ дыханіи чувствовался набѣгъ вольной и любопытной улицы... По угламъ кружились растерянныя озябшія бабочки, безшумно умирали бѣлые призраки, жаловались на холодъ знойные ароматы... Становилось покинуто и молчаливо. И страннымъ, печальнымъ казалось, что всего полчаса назадъ залъ дышалъ, какъ цвѣточный садъ, а теперь смѣющаяся веселая жизнь ушла изъ него и не помнитъ ни о музыкѣ, ни о сладостныхъ затаенныхъ мечтахъ... Одна Вѣра появлялась въ дверяхъ, окидывала залу пристальнымъ безмолвнымъ взоромъ и отдавалась жуткому настроенію одиночества и молчанія.

Слышно было, какъ въ столовой мамаша Демьяновой просила кого-то:

— Положите мнѣ балычка.. балычка. Не сардинъ, ради Бога... Отъ сардинъ мнѣ бываетъ нехорошо.

И она разсказывала, какъ съѣла ихъ недавно цѣлую жестянку. И послѣ этого раздавался взрывъ сочувственнаго смѣха. И среди другихъ голосовъ выдѣлялся молодой сочный голосъ подпоручика Коровина:

— Здóрово, чортъ возьми!.. Здóрово...

Вѣра вздыхала... Высокая и худая, въ свѣтломъ обтянунутомъ платьѣ, она сама была видѣніемъ не этого міра, гдѣ ее никто не могъ понять... Передъ ней вставали голубые глаза Иволгина, и она мысленно жаловалась имъ... жаловалась на то, что въ залъ впущенъ уличный воздухъ, что позволяютъ неуклюжей толпѣ наводнять панели около лучшихъ магазиновъ, что скоро до нихъ дойдетъ голосъ этой толпы. Надо запахнуть ставни и закрыть окна... Надо перестать смѣяться, ждать и готовиться къ встрѣчѣ съ тѣми чужими, которые непремѣнно придутъ.

А этого никто не знаетъ, никто не ждетъ.

И она, въ недоумѣніи, пожимала плечами.

II.

Полкъ, въ которомъ служилъ Коровинъ, стоялъ въ небольшомъ городкѣ на разстояніи часа ѣзды по желѣзной дорогѣ отъ Петербурга... Въ городкѣ было много темной зелени, бѣлыхъ одноэтажныхъ домиковъ, дачъ со стеклянными террасами и пустынныхъ, недостроенныхъ улицъ, упиравшихся въ сосновый лѣсъ... Лѣтомъ ярко голубѣло небо, далеко въ море уходили тростники, и на стрѣльбищѣ весь день раздавались раскатистые выстрѣлы.

Коровинъ снималъ квартиру въ три комнаты... Она купалась въ веселомъ солнечномъ свѣтѣ, и вся была заполнена мягкой мебелью, дорогими коврами, статуэтками и картинами, изображавшими Діану на охотѣ, невольницъ гарема и голыхъ женщинъ въ самыхъ животныхъ позахъ.

Въ окна можно было видѣть, какъ по берегу моря заботливо и суетливо бѣгутъ веселые дачные поѣзда... Иногда, вмѣсто синихъ, желтыхъ и зеленыхъ вагоновъ, локомотивъ тащилъ за собой цѣлый хвостъ красныхъ товарныхъ... Двери у каждаго вагона были раздвинуты, и весь онъ былъ наполненъ стоявшими и сидѣвшими на корточкахъ загорѣлыми солдатами въ сѣро-зеленыхъ рубашкахъ... Солдаты махали фуражками, хрипло кричали „ура", и въ глазахъ долго оставалось чье-нибудь багрово-бронзовое лицо съ окладистой рыжей бородой и съ безсмысленными глазами. Коровинъ смотрѣлъ, какъ кричавшій и махавшій фуражками поѣздъ исчезалъ за ближнимъ поворотомъ, представлялъ себѣ безконечно-длинную дорогу въ Манчжурію, рядъ дней, наполненныхъ хриплымъ „ура", и его охватывала безотчетная тоскливая тревога... Война происходила на огромномъ разстояніи съ мало-извѣстнымъ загадочнымъ народомъ и по этой причинѣ не вызывала никакого иного представленія, кромѣ безконечности пути, залповъ въ мертвой пустынѣ и глухой злобы противъ кого-то неизвѣстнаго. Ихъ полкъ, какъ было уже объявлено, оставался для несенія внутренней службы, и хотя офицеры высказывали вслухъ желаніе раздѣлить участь всей арміи, но въ глубинѣ души всѣ они были довольны, что теченіе ихъ жизни происходитъ въ томъ же порядкѣ, какъ происходило до войны. Только пили больше, да въ толпѣ чувствовали себя особеннымъ образомъ, точно на нихъ смотрятъ въ напряженномъ ожиданіи, а ожидать, собственно, нечего. Становилось совѣстно, и вмѣстѣ съ тѣмъ хотѣлось объяснить, что они не при чемъ, что каждый изъ нихъ обыкновенный человѣкъ, боится смерти и

не повиненъ ни въ пролитой крови, ни въ постоянныхъ неудачахъ.

У себя Коровинъ лежалъ на кушеткѣ, пускалъ къ потолку клубы синяго табачнаго дыма и насвистывалъ игривыя шансонетныя мелодіи... Утромъ онъ ходилъ на стрѣльбище, со стрѣльбища шелъ въ вокзальный буфетъ или въ офицерское собраніе и приводилъ оттуда кого-нибудь изъ товарищей... Громко раздавался оживленный говоръ. Шумно откупоривались бутылки... Пили за взятіе въ плѣнъ японскихъ генераловъ, за счастливое окончаніе войны, за лошадей, на которыхъ Иволгинъ и Коровинъ выиграли въ послѣдній день скачекъ. Говорили о женщинахъ, объ удачно начатыхъ романахъ... Разспрашивали Миля, какъ онъ по этой части, и шутливо увѣряли, что обязательно женятъ его на какой-нибудь аккуратной нѣмецкой Маргаритѣ, которая заберетъ „папашу" въ ежевыя рукавицы, и тогда—прощай навсегда зоологическій садъ, веселая холостая жизнь, ежедневныя пирушки! Народятся толстые сопливые маленькіе Мили... Маргарита станетъ ходить на рынокъ, жарить картофель и отбирать отъ мужа жалованье до послѣдней копѣйки... А „папаша" съ трубкой въ зубахъ будетъ слоняться изъ угла въ уголъ и, любуясь на свое семейное счастье, дастъ Маргаритѣ честное слово, что отнынѣ не позволитъ себѣ „ни единой".

— Не подходитъ намъ это...—возражалъ Миль на шутки товарищей, горячился, пыхтѣлъ, выпячивалъ грудь впередъ и разглаживалъ усы...—Ну, какой я женихъ... Судите сами... А что касается семейнаго счастья, то въ него я не вѣрю... окончательно не вѣрю... И ничѣмъ вы меня не соблазните... Да-съ!

Коровинъ, проводивъ гостей. ложился на кушетку, насвистывалъ игривый мотивъ и смѣялся самъ съ собой... Онъ живо представлялъ себѣ изобрѣтенную имъ Маргариту, навязывая ей роль то невѣсты, то жены Миля... Передъ глазами возникалъ цѣлый рядъ картинъ съ веселыми мелкими подробностями. Вотъ Маргарита собирается съ „папашей" на музыку. Она нарядилась въ лучшій костюмъ и вся трепещетъ отъ волненія... Внимательно оглядываетъ Миля: все ли на немъ въ порядкѣ... Заставляетъ поправить складки на пальто, проситъ показать носовой платокъ... Миль увѣряетъ, что платокъ у него чистый, что онъ только что досталъ его изъ комода... Она не вѣритъ и настаиваетъ на своемъ... Онъ краснѣетъ, надувается и, со слезами въ голосѣ, говоритъ:

— Ну, идемъ, что ли... Чего стоять? Смотри, на поѣздъ

опоздаемъ. Я правила приличія знаю... Не на улицѣ, а въ корпусѣ воспитывался.

Коровинъ приходилъ въ самое пріятное расположеніе духа, смотрѣлъ на потолокъ и мысленно благодарилъ небо за свое существованіе... По лицу блуждала хитрая улыбка... Ему казалось, что нельзя быть остроумнѣе, и онъ радостно предвкушалъ, какъ разскажетъ про прогулки Миля съ невѣстой на музыку Иволгину и другимъ... „Про носовой платокъ... я ловко придумалъ... Здóрово, чортъ возьми!" При этомъ воспоминаніи Коровинъ разражался взрывомъ смѣха, поднималъ высоко ноги и чуть не кувыркался отъ радости. Лежалъ нѣсколько минутъ спокойно, потомъ неожиданно вскакивалъ, быстро надѣвалъ пальто и шелъ на вокзалъ.

При красноватомъ освѣщеніи заходящаго солнца стройная фигура его казалась красивымъ дополненіемъ къ мирной и веселой природѣ. Засыпало спокойное, переливавшее потухающимъ золотомъ сѣро-дымчатое море... Что-то говорили болтливыя раскидистыя березы, смотрѣли вслѣдъ людямъ и ласкали взоръ своей яркой теплой зеленью... Цвѣли густыя высокія акаціи... Ихъ давно перестала стричь заботливая рука, онѣ перевѣшивались изъ палисадниковъ на пыльную волю улицы, купались въ пыли и были довольны этимъ недозволеннымъ раньше развлеченіемъ. Медленно попыхивалъ на запасномъ пути старый дежурный локомотивъ... Издали долеталъ гулъ только что отошедшаго поѣзда... Въ саду начиналъ играть оркестръ струнной музыки.

Подходили одинъ за другимъ знакомые офицеры... Коровинъ, едва удерживаясь отъ смѣха, разсказывалъ имъ про штабсъ-капитана Миля, про Маргариту Швейнфельдъ (къ этому времени онъ успѣлъ придумать фамилію) и про носовые платки... И всѣмъ представлялось жалкимъ и смѣшнымъ, что Миль любитъ не существующую Швейнфельдъ, и каждый вспоминалъ о своей любимой женщинѣ.

Иволгинъ крутилъ усы, щелкалъ портсигаромъ и презрительно говорилъ:

— Мразь...

Гулко отдавались шаги, ровные и отчетливые... Міръ былъ для нихъ, сильныхъ, красивыхъ и молодыхъ... Офицеры держались увѣренно и свободно... На нихъ смотрѣли, имъ уступали дорогу, съ любопытствомъ прислушивались, о чемъ они говорятъ.

Далеко простиралось поблѣднѣвшее и остывшее небо... Перестали болтать раскидистыя березы... Теплый лѣтній воздухъ ласкалъ грудь, какъ ласкаетъ душу пѣсня, спѣтая бархатнымъ молодымъ голосомъ... Густо пахло влажной зеленью... Большими ударами колотилось сердце, и неиз-

вѣстно какой порывъ окрылялъ думы. Но не находили эти думы соотвѣтствующаго выраженія, были онѣ не привычными, не офицерскими думами, и поэтому каждый торопился остановить ихъ въ самомъ зародышѣ.

— Такъ ты говоришь: онъ увѣрялъ Маргариту, что знаетъ правила приличія?—спрашивалъ кто-нибудь, чтобы прекратить молчаніе.

Коровинъ бралъ товарища подъ руку.

— Да... Не на улицѣ, говоритъ, а въ корпусѣ воспитывался.

И они смѣялись... А потомъ садились на скамейку... Подходили еще офицеры... Дѣлались замѣчанія относительно гулявшихъ по платформѣ дамъ и барышень... На пари давались обѣщанія познакомиться съ той или другой... Когда надоѣдало глазѣть на публику, разговоръ снова переходилъ на Миля, на мрачнаго Беклемишева съ его Герольдомъ, и Коровинъ, который сидѣлъ въ серединѣ, смѣялся громче всѣхъ. Въ густомъ тепломъ воздухѣ то и дѣло раздавалось:

— Здо̀рово... Чортъ возьми!.. Здо̀рово.

Темнѣло... Публика на платформѣ начинала рѣдѣть. Офицеры понемногу поднимались и шли, кто въ садъ на музыку, кто въ собраніе, кто въ вокзальный буфетъ. Коровинъ по большей части слѣдовалъ за Иволгинымъ. Они ужинали въ саду подъ струнный оркестръ, мѣнялись замѣчаніями о Мордвиновой, у которой ревнивый мужъ, находили, что Демьянова тяжела на подъемъ, составляли планы поѣздокъ въ Петербургъ, Петергофъ и на скачки. Борисъ Сергѣевичъ разсказывалъ Коровину о предстоящихъ перемѣнахъ въ высшихъ сферахъ, о своемъ дядѣ, губернаторѣ Приволжской губерніи, снисходительно хвалилъ Вѣру и пилъ маленькими глотками красное вино...

Поздно возвращался Коровинъ домой... На улицахъ никого не было. Въ дачахъ всѣ спали... Не переставая, драли горло пѣтухи... Изъ темныхъ, не проснувшихся еще садовъ вѣяло ночной прохладой.

Коровинъ шелъ, думалъ о себѣ и былъ доволенъ этими думами. Ему представлялось, что онъ беретъ отъ жизни самое лучшее, самое красивое и заманчивое... Въ полку онъ всѣхъ дружнѣе съ Иволгинымъ, Демьянова проситъ его приходить почаще и согласилась бы, если бы онъ захотѣлъ, стать его женой. Его всѣ любятъ и всѣ имъ интересуются.. Отъ гордаго, радостнаго сознанія, что жизнь дается ему безъ борьбы, ради какихъ-то его исключительныхъ достоинствъ, сладостно трепетало сердце... Онъ высоко поднималъ голову, и увѣренно и твердо звучалъ каждый шагъ.

И право на такую жизнь, какую ведетъ онъ, казалось неоспоримымъ прирожденнымъ правомъ, даннымъ ему природой, какъ дала она молодость и красоту...励лькомъ думалъ онъ, что есть люди, отрицающіе это право, но они представлялись въ видѣ фантастическихъ косматыхъ студентовъ въ порыжѣлыхъ пальто, надъ которыми всѣ смѣются и у которыхъ несчастные родители... И мысль эта покрывалась тотчасъ же мечтами о красотѣ Демьяновой и свободнымъ радостнымъ чувствомъ, что онъ дышетъ полной грудью.

Коровинъ останавливался у входа въ свою квартиру и нѣкоторое время упивался влажнымъ упругимъ воздухомъ... Занималась заря... Пробѣгалъ словно спѣшившій куда-то холодный предразсвѣтный вѣтерокъ, которому такъ и хотѣлось разсказывать всѣмъ, что ему некогда, что онъ торопится... Тихо трепетали почувствовавшія солнце разлѣнившіяся отъ сна деревья. Одну и ту же ноту тянула въ кустахъ на сосѣднемъ лугу какая-то, очевидно, очень глупенькая птичка, про которую Коровинъ думалъ, что она въ родѣ его сестры Лидочки... Ему казалось, что надо еще что-то сдѣлать: такъ много было въ немъ жизненной силы. Не то передразнить эту глупую птичку, не то пойти на море, сѣсть въ первую попавшуюся на глаза лодку и долго разсѣкать водяную сталь прочно вставленными въ уключины тяжелыми веслами.

Дома онъ приказывалъ денщику, чтобы тотъ снялъ съ него сапоги. Заспанный и еще не пришедшій въ себя, солдатъ не сразу понималъ, что отъ него требуютъ...

— Да что ты, Богдановъ, ошалѣлъ, что-ли? Очнись, братецъ... Протри глаза.

Богдановъ съ остервенѣніемъ теръ глаза, становился на колѣни, съ трудомъ стаскивалъ первый сапогъ и чуть не падалъ. Второй давался легче, и скоро, не зная, что дѣлать дальше, онъ стоялъ съ широко разставленными руками.

— Э... дурень... Хочешь, чтобы въ роту отослалъ?.. Могу... Ну, чего глаза на меня пялишь?.. Маршъ на кухню... Налѣво кругомъ.

Бранился и кричалъ на денщика Коровинъ безъ всякаго злого чувства, даже, наоборотъ, съ оттѣнкомъ добродушнаго покровительства и тѣмъ особымъ удовольствіемъ, которое люди чувствуютъ, когда упрекаютъ и стыдятъ животное, не понимающее, что оно должно сдѣлать... Богдановъ былъ существомъ низшаго порядка, предназначеннымъ служить для проявленія чьей-нибудь власти—сегодня одной, завтра другой... Между нимъ и Коровинымъ была такая же разница, какъ между убогой деревней и большимъ городомъ... Въ этомъ Коровинъ былъ увѣренъ твердо, и онъ бы раз-

смѣялся прямо въ лицо тому человѣку, который пожертвовалъ бы для Богданова часомъ времени, сталъ бы читать ему книгу или поздоровался бы съ нимъ за руку. Нѣсколько поражало Коровина, да и то только въ первые мѣсяцы офицерства, что онъ безъ всякой нужды можетъ приказать хмурому взрослому крестьянину повернуть направо или налѣво, и тотъ обязательно долженъ повернуться. Потомъ такая очевидная нелѣпость стала казаться просто забавной, придуманной чуть-ли не для его, Коровинскаго, развлеченія.

Говорятъ, что не надо денщиковъ...

Сонный мозгъ лѣниво соображалъ, кто-бы такой могъ это сказать, и безсознательная вкрадчивая мысль шептала, что не онъ, Коровинъ, для жизни, а жизнь для него... Онъ дѣлалъ свое дѣло однимъ тѣмъ, что существовалъ, что былъ красивъ и веселъ... Всѣ должны были признать его превосходство, подчиниться этому безспорному обстоятельству, какъ онъ подчинялся, въ свою очередь, первенству Иволгина.

Вечернее небо было передъ глазами, тщедушный, словно отощавшій, бѣлый мѣсяцъ и маленькія блѣдныя звѣзды. Потомъ вставалъ темный дворцовый паркъ съ влажными кустами жимолости и сирени, съ сонными гладкими прудами и потрескавшимися отъ времени мраморными статуями. Его замѣнялъ вокзалъ, желѣзнодорожная насыпь и море. Близко придвигалось женское лицо съ подведенными глазами и полураскрытымъ ртомъ. Она говоритъ... да... она говоритъ:

— Андрей! Ты такой красивый... Ты удивительно красивый... Тебѣ бы быть графомъ или княземъ...

Коровинъ улыбается во снѣ... Она сказала правду... Онъ сынъ купца, но и мысли, и интересы—все у него совершенно другое, все такое же изящное, какъ сѣрое офицерское пальто съ золотыми погонами, какъ новенькій блестящій мундиръ.

На лицо Коровина бьетъ снопъ утреннихъ радостныхъ лучей... Согрѣтая ими молодая кровь разноситъ по всему тѣлу ощущеніе бодрой свѣжей силы...

И опять снится насыпь желѣзной дороги, станціонная платформа, темный паркъ. Но теперь все залито яркимъ солнцемъ, и онъ идетъ куда-то въ короткомъ бѣломъ кителѣ, красиво мелькающемъ на фонѣ сочной зелени.

Рядомъ съ нимъ женщина. Только не та, у которой подведены глаза... Та бываетъ ночью, когда не смотритъ солнце и вокругъ нѣтъ людей... Съ нимъ теперь или Демьянова, или Мордвинова, точно онъ не знаетъ, да ему и все равно, которая изъ нихъ... Раскрытъ свѣтлый зонтикъ... Легкое платье кажется воздушнымъ, сотканнымъ изъ однихъ кру-

жевъ. Губы капризныя, тонкія... Каждая черта лица выточена...

Грудь Коровина дышитъ полно и ровно... Отчетливо вырисовывается профиль лица на слегка смятой подушкѣ... Изъ разстегнутаго ворота батистовой рубашки видна смуглая мускулистая шея.

Онъ просыпается.

— Богдановъ! Воды... Живо!..

И на его холеныя руки льется кристально-чистая холодная вода...

И ласкаетъ она свѣжее молодое лицо.

А передъ нимъ Богдановъ, темный, безтолковый.

— Здóрово... Чортъ возьми!.. Здóрово...—думаетъ про себя Коровинъ, когда замѣчаетъ, что денщикъ его боится, что отъ страху онъ расплескиваетъ воду, и что сѣрое молящее выраженіе глядитъ изъ его глубоко запрятанныхъ, недовѣрчивыхъ глазъ

III.

Коровинъ былъ возмущенъ, когда всюду въ Россіи началось броженіе, рѣзко стало проявляться озлобленіе противъ правительства и офицеровъ, и пошли разговоры о необходимости передать власть народному представительству... Ну, война неудачна, надежды на ея счастливое окончаніе нѣтъ, никто противъ этого не споритъ; такъ случилось—и больше толковать нечего. Обидно было вспоминать о безконечныхъ поѣздахъ съ красными товарными вагонами, о хрипломъ крикѣ „ура“ и о загорѣлыхъ солдатскихъ лицахъ... Солдаты должны были побѣдить, а если не побѣдили, то при чемъ здѣсь онъ, подпоручикъ Коровинъ, поручикъ Иволгинъ, ихъ военная блестящая форма и веселая беззаботная жизнь... Армія разбита; нанесено жестокое непоправимое оскорбленіе, но это оскорбленіе касается только ихъ, офицеровъ, и никого больше... Пристаютъ и требуютъ отчета, обвиняютъ, хотятъ, чтобы они передѣлали свою жизнь, стали такими же, какъ студенты, и вмѣстѣ со студентами и рабочими начали выходить на улицу, махать красными флагами и орать во все горло, что нужно новое правительство и новое устройство общества... Коровину коробило всю душу, когда онъ начиналъ думать о Богдановѣ, который тоже можетъ захотѣть, который, будто бы, одинаковъ съ нимъ въ правѣ на счастье. Богданову ничего не надо, онъ молчитъ: за него думаютъ и говорятъ самозванно... „Жиды!“—презрительно усмѣхался Коровинъ, увѣренный въ

томъ, что Богданову, въ самомъ дѣлѣ, ничего не надо, и что всѣ тѣ, о комъ говорятъ, какъ о народѣ, похожи на этого Богданова и иными не могутъ быть; потомъ онъ мысленно начиналъ искать, кому же, въ концѣ концовъ, желательно новое устройство общества, останавливался на родныхъ и знакомыхъ: на матери, на Демьяновой и Мордвиновой, на Иволгинѣ и богатыхъ купцахъ, и опять выходило, что никому изъ нихъ ничего не надо. Получался заколдованный кругъ, изъ котораго невозможно было выбраться иначе, какъ начавъ съ самого себя, осудивъ свою собственную жизнь и взявъ это осужденіе за исходную точку... „Жиды!“ — еще увѣреннѣе говорилъ себѣ Коровинъ и пожималъ прямыми широкими плечами. Къ фантастическимъ студентамъ прибавлялись новыя фантастическія существа, и все становилось понятнымъ и простымъ; и, несмотря на то, что онъ никогда не встрѣчалъ этихъ „жидовъ“ и поэтому не могъ представить, какъ они живутъ и что заставляетъ ихъ быть другими, чѣмъ его родные и знакомые, дальнѣйшая работа мысли въ этомъ направленіи прекращалась.

Снова слышался крикъ „ура“, мелькали сѣро-зеленыя рубашки, неслась отчаянная, не имѣвшая смысла пѣсня... Ихъ отправляли туда много, отправляли каждый день, и была какая то роковая загадка въ томъ, что изъ ихъ отправленія ничего не вышло... Коровинъ не могъ отдать себѣ отчетъ, какъ это произошло. У него не было навыка думать послѣдовательно, а являлись отдѣльныя разрозненныя представленія... Изъ этихъ представленій онъ улавливалъ то, что казалось ему существеннымъ и важнымъ... Тѣ, кого везли, отказались побѣждать... Правда, они этого отказа не высказали, шли, стрѣляли, убивали, умирали, видимо, слушались; но каждый ихъ поступокъ, какъ будто, сопровождался тайнымъ намѣреніемъ доказать, что безъ участія ихъ воли ничего нельзя сдѣлать, а для ея участія надо имъ наобѣщать все то, что обѣщаютъ „жиды“, т. е. какъ разъ новое устройство общества, съ которымъ несовмѣстимо его, Коровинское, существованіе въ томъ видѣ, въ какомъ оно сейчасъ проявлялось. И ему хотѣлось переупрямить кого-то назойливаго и безтолковаго, посылать солдатъ въ Манджурію безъ конца, не заключать мира, несмотря ни на какія пораженія, и посмотрѣть, что тогда они станутъ дѣлать, что тогда заговорятъ... Какъ будто начинался споръ съ неизвѣстнымъ противникомъ, и приходилось напрягать всѣ силы, чтобы доконать его... Онъ, Коровинъ, можетъ жить, какъ живетъ, — можетъ, потому что ему улыбается молоденькая Демьянова, потому что сестры зовутъ его Андрюшей, и Богдановъ, какъ бы его ни подговаривали, никогда не осмѣлится не испол-

нить приказанія снимать сапоги... Кому какое дѣло до всего этого? Кому, спрашивается, когда онъ не входитъ въ то, какъ живутъ всѣ эти разсуждающіе? Или они хотятъ вывести его изъ терпѣнія, чтобы онъ заговорилъ съ ними единственно понятнымъ для нихъ языкомъ?

Коровинъ представлялъ, что произойдетъ, когда онъ заговоритъ... Ему рисовался взводъ солдатъ, ружья, направленныя въ толпу, и приказъ, отданный отрывистымъ голосомъ.

Однако, острая обида не дѣлалась отъ этой картины ни легче, ни меньше. Онъ пересталъ быть для кого-то хорошимъ и любимымъ, отъ него отворачивались, несмотря на то, что онъ по прежнему красивъ и молодъ. И до боли хотѣлось высказаться, объяснить, что виноватъ не онъ, что въ немъ ничего не измѣнилось, что онъ прежній Андрей... Боль отъ безпомощности впервые заработавшей мысли постепенно переходила въ озлобленное негодованіе. Онъ начиналъ злиться, весь охватывался упрямымъ рѣшеніемъ, что если его ненавидятъ, то и онъ будетъ ненавидѣть... А думы замѣнялись б[illegible]анными словами.

Какъ-то за обѣдомъ у матери Коровинъ поругался со своимъ двоюроднымъ братомъ, университетскимъ студентомъ, когда тотъ началъ разсуждать о плохомъ офицерскомъ составѣ русской арміи. Студентъ уступилъ не сразу, онъ попробовалъ говорить съ Андреемъ спокойно, убѣждалъ его не горячиться и увѣрялъ, что, не имѣя ничего противъ Андрюши лично, рѣшаетъ только математическую задачу,— по какимъ причинамъ проиграна настоящая война. Коровинъ послалъ всѣ задачи къ чорту, шумно отодвинулъ тарелку и ушелъ изъ столовой. Лидія испуганно опустила глаза и покраснѣла. Вѣра посмотрѣла на студента пристальнымъ укоряющимъ взглядомъ, а Елена Ильинишна, крикнувъ племяннику: „Ты-то, Сергѣй, больно хорошъ!..“ пошла слѣдомъ за сыномъ. Лидія услышала, какъ Андрей сказалъ матери, чтобы она оставила его въ покоѣ; она испугалась еще больше и низко склонилась надъ мороженымъ. Обѣдъ кончили въ полномъ молчаніи.

Коровинъ взволнованно ходилъ по своей комнатѣ, и ему начинало казаться, что всѣ противъ него, что остается одно: дать Сережкѣ пощечину, уйти отъ матери и никогда не приходить... Она позволяетъ, чтобы въ ея домѣ оскорбляли сына-офицера... Какъ это началось сразу со всѣхъ концовъ,— и на улицѣ, и въ конкѣ и въ желѣзнодорожномъ вагонѣ... Правда, въ началѣ войны онъ самъ слегка посмѣивался, поругивалъ кой-кого, но теперь, когда разговоры переходятъ всѣ границы, когда на улицѣ вслѣдъ ему стали пу-

скать ругательства, и вездѣ, куда бы онъ ни показался, разговоръ, точно по какому-то уговору, переходитъ на военныя неудачи и на нихъ, военныхъ, и въ каждой фразѣ чувствуется зло, направленное противъ него лично, какъ противъ офицера, — онъ не можетъ больше сдерживаться, онъ имѣетъ право крикнуть всѣмъ этимъ, чтобы они замолчали. И въ его ушахъ уже звучалъ этотъ крикъ: „замолчать!..“

Пришла Вѣра, положила ему руки на плечи и долго ласкала его внимательными и сочувственными глазами. Она одна поняла, что вывело Андрея изъ себя, и ей хотѣлось пожать руку брату, чтобы показать, что она во всемъ съ нимъ согласна. — Коровину было тяжело это единственное участіе, онъ отстранилъ сестру и продолжалъ ходить.

Смѣютъ лѣзть въ ту красивую жизнь, которою живетъ онъ, Иволгинъ и еще немногіе. Смѣютъ учить, какъ учитъ этотъ безусый Сережка, который годъ тому назадъ считалъ для себя большимъ счастьемъ, если Андрей бралъ его на велосипедную прогулку.

Но, вмѣстѣ съ сознаніемъ своего исключительнаго положенія, являлась смутная боязнь, что отъ ихъ офицерской жизни могутъ отвернуться,—отвернется, можетъ быть, даже Демьянова, и удержать ее не въ его власти—что онъ станетъ вдругъ презираемымъ, котораго будутъ чуждаться, и что это отчужденіе готовится, назрѣваетъ, что оно близко, на улицѣ, и скоро, пожалуй, придетъ въ домъ матери.

Андрей не открылъ Вѣрѣ, что происходило у него на душѣ. Онъ привыкъ дѣлиться съ нею только своими радостями и успѣхами, и у него не являлось ни одного слова для передачи овладѣвшаго имъ настроенія.

— Пойдемъ туда... къ нимъ...

Голосъ Андрея дрогнулъ... Вѣра посмотрѣла на него вопросительно... Выраженіе ея глазъ было такое, будто она не хотѣла вѣрить, что онъ уступаетъ... Чувство благодарности охватило Коровина... Онъ пренебрежительно замѣтилъ, что Сергѣй мальчишка, и что не стоитъ обращать на него вниманіе. Пожалуй, начнетъ много о себѣ думать.

Въ гостиной пѣлъ граммофонъ... Елена Ильинишна, въ промежуткахъ между оперными аріями, громко,—нарочно, чтобы слышалъ Андрей,—пробирала Сережу и все время повторяла, что студентамъ прежде, чѣмъ осуждать офицеровъ, слѣдуетъ посмотрѣть на самихъ себя: никто изъ нихъ не учится и отъ бездѣлья устраиваютъ безпорядки.

— Поучись, какъ человѣкъ, кончи и тогда толкуй, что угодно.

„Не то, не то“... порывался крикнуть Андрей... Сергѣй обидчиво заявилъ, что назадъ онъ своихъ словъ не воз-

метъ, хотя бы объ этомъ его просили всѣ родственники, и началъ торопливо прощаться. Андрей вышелъ въ гостиную.

— Помиритесь вы... Родные вѣдь...—всполошилась Елена Ильинишна.

Лидія начала тормошить Андрея и потащила его къ Сережѣ. Сережу подталкивалъ сзади гимназистъ Перепелкинъ. Оба противника покраснѣли. На нихъ смотрѣло много глазъ, и всѣ глаза говорили, что случившееся—пустяки. Одна Вѣра стояла въ отдаленіи, не раздѣляя общаго мнѣнія о пустячности ссоры, и готова была вслухъ просить Андрея, чтобы онъ отказался отъ примиренія.

— Будь въ другой разъ осторожнѣе! — отчетливо выговорилъ Андрей.

— А ты не злись, когда самъ не правъ.

Лидія захлопала въ ладоши, поцѣловала того и другого и стала увѣрять, что любитъ офицеровъ и студентовъ безъ всякаго различія.

— Студенты умнѣе, а офицеры красивѣе,—тихо объяснила она Перепелкину.

Коровинъ успокоился, но затаенная мысль шептала, что это только начало, что онъ теперь во всякомъ обществѣ долженъ быть насторожѣ, и что дома, за исключеніемъ Вѣры, никто ясно не понялъ, отчего онъ разсердился, и что онъ имѣлъ право разсердиться.

Елена Ильинишна любовалась водвореннымъ миромъ, хвалила Андрея и Сережу, что они всегда жили въ дружбѣ, и убѣждала ихъ пойти вмѣстѣ на именины къ какому-то бѣдному дядѣ.

Вѣра дулась, не разговаривала съ Сережей и пришла въ себя только послѣ прихода Иволгина... Борисъ Сергѣевичъ принесъ ей коробку конфектъ, находился все время по близости, звенѣлъ шпорами и мелькомъ критиковалъ Мордвинову, какъ заурядную женщину.

— Выдумали, что она красива... Я никогда не говорилъ такой глупости.. Увѣряю васъ... Посудите сами: вдругъ я могу сказать, что Мордвинова хороша собой!

Полчаса онъ пожертвовалъ для Елены Ильинишны, которой подробно разсказалъ, какъ живетъ командиръ полка, въ какую цѣну снимаетъ дачу и сколько у него дѣтей. Елена Ильинишна благодушно улыбалась, часто повторяла: „скажите, пожалуйста!..“ и очень удивилась, что жена командира любитъ варить варенье.

Лидія во время разсказовъ Иволгина подкралась къ размечтавшейся въ своей комнатѣ Вѣрѣ, обхватила ее за шею руками и принялась цѣловать.

— Поздравляю... Я и не знала, что ты такая скрытница. Или по пословицѣ: въ тихомъ омутѣ...

Вѣра холодно разняла ея руки и поднялась.

— Оставила бы ты эти манеры.

Ее оскорбляла дѣтская шаловливость, врывавшаяся веселой и непрошенной волной въ мечты о недоступной для другихъ жизни, которая для нея открывалась во всей широтѣ... Она готовилась священнодѣйствовать въ каждомъ своемъ будущемъ поступкѣ и не хотѣла дѣлиться этимъ священнодѣйствіемъ ни съ матерью, ни съ сестрой...

Въ корридорѣ зазвенѣли шпоры.

— Уйди,—строго шепнула она Лидіи.

— Ага.. вотъ вы куда. Вѣра Андреевна, спрятались... Мило съ вашей стороны... Вы позволите?..

Вошелъ Иволгинъ и, съ разрѣшенія Вѣры, сѣлъ на диванъ... Слѣдомъ за нимъ появился Андрей... У нихъ троихъ составился тѣсный кружокъ, имъ никто не мѣшалъ, и каждый изъ нихъ чувствовалъ себя спокойно и уютно. Вѣра притворила двери, помѣстилась въ низенькомъ креслѣ напротивъ офицеровъ и откинула свою гордую головку на поданную Иволгинымъ подушку. Кружевной воротникъ чернаго шерстяного платья, на которомъ украшеніемъ была только маленькая золотая брошка въ видѣ стрѣлки, сдавливалъ ей горло и словно бы мѣшалъ дышать. Воздухъ съ едва уловимымъ свистомъ проходилъ черезъ тонкія прозрачныя ноздри, и онѣ слегка вздрагивали.

— Вы устали?—спросилъ Иволгинъ.—Можетъ быть, намъ уйти?

— Нѣтъ, мнѣ хорошо. Сидите...

Она хотѣла ихъ слушать, хотѣла, чтобы они говорили о томъ, о чемъ ей всегда думалось, что никто не посмѣетъ нарушить ихъ сегодняшнюю жизнь, что эта жизнь будетъ продолжаться до самой ихъ смерти и даже послѣ смерти... И она искала въ голубыхъ глазахъ Иволгина и въ позахъ, принятыхъ имъ и Андреемъ, увѣренности, что на самомъ дѣлѣ все будетъ происходить по ея желанію... Они оба, Андрей и Борисъ Сергѣевичъ, должны встать на защиту высокихъ залъ съ бѣлыми лѣпными потолками, плавной мечтательной музыки и тѣхъ словъ, которыя могутъ говориться ими одними и никѣмъ инымъ... Дыханіе ея дѣлалось глубже, глаза уходили далеко къ молчаливымъ серебрянымъ лебедямъ и принимали проникновенное выраженіе... Иволгинъ, внимательно слѣдившій за Вѣрой, думалъ, что она размечталась о немъ, прихорашивался и задумчиво крутилъ усы.

Потомъ повернулся къ Андрею и отрывисто заговорилъ,

что у него есть идея образовать кружокъ офицеровъ изъ разныхъ полковъ для поддержанія лучшихъ традицій русской арміи и для огражденія каждаго члена кружка отъ посягательства со стороны толпы на его честь...

Онъ взволнованно вставалъ, опять садился и коротко бросалъ:

— Мы горячимся только на словахъ... Такъ нельзя... Увѣряю тебя, что нельзя...

Андрею казалось необычайно умнымъ то, что говорилъ Иволгинъ, и онъ поспѣшно соглашался съ каждой его фразой. Вмѣсто того одинокаго приказа, отданнаго взводу солдатъ, который представлялся единственно возможнымъ выходомъ изъ созданнаго положенія, являлось стройное, согласованное дѣйствіе многихъ офицеровъ... Не стало одиночества, и просыпалась прежняя гордая увѣренность.

За ужиномъ было весело, какъ и всегда... Андрей шутилъ, смѣялся и былъ оживленъ, точно съ нимъ произошла какая-то внезапная перемѣна. Елена Ильинишна счастливо глядѣла на разошедшагося сына... Андрей налилъ себѣ и Иволгину по бокалу вина и предложилъ выпить за будущій офицерскій кружокъ... Вѣра протянула рюмку и чокнулась съ ними.

— И я хочу...—потянулась, было, и Лидія.

Но Вѣра остановила ее:

— Ты ничего не понимаешь.

Иволгинъ, съ медленными прочувствованными паузами, разсказывалъ, какъ его дядя, губернаторъ, „великолѣпно" усмирялъ крестьянъ... Елена Ильинишна пріятно улыбалась, кивала головой послѣ каждой фразы и иногда всплескивала руками, приходя въ ужасъ отъ этихъ крестьянъ, которые бросали въ казаковъ камнями, жгли усадьбы, ходили съ дрекольемъ и вилами и каждый разъ теряли убитыми по пять или шесть человѣкъ.

Лидія прислонилась къ Андрею, слѣдила за Борисомъ Сергѣевичемъ большими удивленными глазами и тихо шептала брату:

— Какой скверный его дядя...

— Молчи... Ты ничего не понимаешь... — успокоилъ ее Андрей, сдѣлалъ внимательное лицо и отодвинулся.

Лидія загнула скатерть, помуслила палецъ и, водя имъ по столу, писала крупными буквами:

„Губернаторъ Запольскій очень противный и жестокій человѣкъ".

IV.

Иволгинъ не торопился съ устройствомъ офицерскаго кружка и, когда Андрей напоминалъ ему, что недурно бы начать приводить эту мысль въ исполненіе, откровенно признавался:

— Не умѣю возиться... Потомъ, знаешь,—засѣданія, собранія... скучно все это.

Жизнь текла по прежнему, и снова не было выхода... Коровинъ шелъ по улицѣ; враждебно смотрѣли на него дома, и каждый прохожій, съ которымъ Андрей мѣнялся взглядомъ, торопился принимать таинственный видъ, будто вотъ-вотъ скажетъ что-нибудь очень оскорбительное... Насмѣшка и оскорбленіе чувствовались въ шелестѣ газетнаго листа, въ томъ, что стоящій у подъѣзда извозчикъ разговариваетъ со швейцаромъ о Куропаткинѣ, и что никто не запрещаетъ имъ вести этотъ разговоръ. Казалось, что и Куропаткинъ придуманъ нарочно только для того, чтобы побольнѣе задѣть его, Коровина. На лицѣ появлялась холодная усмѣшка, онъ начиналъ рисоваться своимъ пренебрежительнымъ равнодушіемъ, но на самомъ дѣлѣ слухъ насторажнвался, и глаза невольно слѣдили за мелькавшимъ впереди студентомъ, за пачками газетъ у газетчика и за раненымъ солдатомъ, выставлявшимъ на показъ свое убожество.

Тупое раздраженіе постепенно овладѣвало Коровинымъ, шагъ дѣлался быстрѣе, и иногда онъ безотчетно ощупывалъ револьверъ, стараясь припомнить, заряженъ онъ или нѣтъ... Было какое-то жуткое болѣзненное ожиданіе, что за угломъ въ нѣсколькихъ шагахъ улицы или за слѣдующимъ на него набросится неизвѣстный человѣкъ съ палкой, начнетъ бить куда попало и будетъ произносить при каждомъ ударѣ самыя бранныя слова... Кругомъ соберется любопытная толпа; никто не заступится за него; наоборотъ, всѣ будутъ довольны, что видѣли какъ бьютъ офицера, сами станутъ дразнить его, какъ затравленную собаку, и потомъ вездѣ разскажутъ о неизвѣстномъ человѣкѣ съ палкой и о молодомъ побитомъ подпоручикѣ.

Чувствовать себя затравленнымъ было оскорбительно и тяжело, и хотѣлось передать это чувство тѣмъ, кто его выростилъ, сдѣлалъ такимъ и еще продолжалъ любить... Коровинъ поднимался въ подъѣздъ, гдѣ жила мать, рѣзко звонилъ, торопливо сбрасывалъ шинель на руки прислугѣ и взволнованнымъ, раздраженнымъ голосомъ спрашивалъ, — у себя мамаша или въ другой комнатѣ.

— Маменька, какъ вамъ нравится, а? Сегодня ѣду съ вокзала на извозчикѣ, а какой-то парень изъ простонародья въ догонку мнѣ: „Божьи люди, смотрите: манджурская кавалерія на клячѣ ѣдетъ...“ Лавочники схватились за животы, хохочутъ. Извозчикъ повернулся ко мнѣ, улыбается... Тоже доволенъ... Что вы на это скажете?

Мать смотрѣла, какъ ея любимый сынокъ, полный негодованія, стоялъ передъ ней, точно требуя отчета, котораго дать она не могла. Въ глазахъ ея появлялось испуганное выраженіе; чтобы успокоить Андрюшу, она говорила:

— Вѣрно, хулиганъ какой-нибудь... Вонъ меня на улицѣ болванъ одинъ вчера со всей силы толкнулъ... Винищемъ разило — страсть!

— Хулиганъ—вы думаете?

Андрей взволнованно заходилъ... Онъ сердился на мать, что она даетъ этимъ случаямъ такое простое объясненіе и успокаиваетъ тѣмъ, что ее тоже толкнули... Ее толкнули случайно, а его задѣли нарочно... Какъ не понять этого?.. Не было яснаго отчета, что надо сдѣлать, но казалось, что мать, сестры и всѣ тѣ, среди кого онъ вращался, должны были вступиться за него, не разводить безпомощно руками, а очистить улицы отъ враждебнаго ему народа, уничтожить газетные листы, искоренить воспоминанія о неудачной войнѣ и прекратить знакомства со студентами.

— Конечно, если разсуждать по вашему, всѣ хулиганами стали. Куда ни пойдешь—вездѣ хулиганы... Скажете тоже!.. Жить невозможно становится. А вы всѣ ихъ слушаете, уши развѣсили, довольны... Неправду я говорю... что ли? Нечего мотать головой... Сами знаете, о чемъ... Зачѣмъ къ себѣ зовете Сергѣя? Племянникъ онъ вашъ, такъ плевать, что племянникъ... Ну, скажите, зачѣмъ? Затѣмъ, чтобы онъ оскорблялъ меня... Вамъ пріятно это?

— Андрюша, Господь съ тобой... Сболтнулъ онъ сдуру... Ты же помирился съ нимъ тогда при всѣхъ. Говорятъ только такъ, для разговору. Противъ тебя, кажется, никто ничего не имѣетъ.

— Вамъ всегда кажется...

Коровинъ рѣзко бросалъ послѣднюю фразу и уходилъ къ себѣ въ комнату, откуда долгое время на всю квартиру раздавались быстрые взволнованные шаги, въ отчетливомъ темпѣ которыхъ улавливались горячіе укоры и нескрываемое раздраженіе противъ матери.

Елена Ильинишна прислушивалась къ нимъ, съ безпокойствомъ смотрѣла на плотно прикрытую дверь и въ раздумьи шептала:

— Ума не приложу, что такое съ нимъ... Разсказалъ бы хоть толкомъ.

Въ семьѣ Коровиныхъ послѣ нѣсколькихъ такихъ объясненій сына съ матерью старательно стали избѣгать разговоровъ о войнѣ, точно ея не существовало вовсе, а когда приходили гости, то Елена Ильинишна и ближайшіе родственники употребляли всякія уловки, чтобы перевести общую бесѣду на какой-нибудь другой предметъ. Старушка Коровина чаще всего притворялась, что не слышитъ, если ей разсказывали о войнѣ и о военныхъ, перебивала, задавала посторонніе вопросы и слѣдила: не замѣчаетъ ли Андрей ея материнской хитрости? А онъ всегда замѣчалъ, замѣчалъ даже тогда, когда замалчиванье войны происходило само собой, безъ участія родственныхъ заботъ. Одна Вѣра держалась въ сторонѣ и гордо уединяла себя отъ шитой бѣлыми нитками семейной политики. Ей просто самой для себя не хотѣлось слушать добродушныхъ и насмѣшливыхъ разсужденій о правительствѣ и арміи, незамѣтно подтачивавшихъ красоту ея любимой жизни, какъ подтачиваетъ ржавчина блестящія полосы желѣза. Она хмурилась, выразительно молчала и за чѣмъ-нибудь отзывала Андрея, думая, что ему такъ же, какъ и ей, противно сидѣть среди этихъ разговоровъ, намековъ и неловкихъ, неумѣлыхъ пріемовъ Елены Ильинишны. Андрей злился на мать, злился даже на Вѣру, что она своимъ поведеніемъ какъ бы подчеркиваетъ сущность того, что происходитъ... Лучше, если бы она ничего не замѣчала... И онъ выходилъ изъ себя... Какъ это не могутъ понять, что ему надо совсѣмъ не то, что онъ вовсе не желаетъ ни замалчиванья, ни Вѣриной брезгливости. Наоборотъ, онъ хочетъ, чтобы всѣ говорили и говорили много, но онъ не можетъ выносить торжествующее или соболѣзнующее выраженіе окружающихъ лицъ, тѣ мысли, которыя, какъ ни скрывай, сидятъ у каждаго въ головѣ и напоминаютъ объ его, Андреевой, винѣ въ томъ, что армія терпѣла пораженіе за пораженіемъ, что у власти ненавистное для всѣхъ правительство, что скоро придется везти назадъ солдатъ въ красныхъ вагонахъ, и они не будутъ больше кричать „ура“ и махать фуражками. Въ концѣ концовъ онъ готовъ выслушать даже и это, но съ тѣмъ, чтобы съ нимъ согласились, что во всемъ виноваты... „жиды, жиды, жиды“. Откуда выплывало опять, что „жидамъ“ понадобилось повредить ему, Андрею, — услѣдить было почти невозможно... Въ разгоряченной головѣ это слово выплывало неожиданно, давало отвѣты на всѣ вопросы, цѣликомъ, заполняло пустоту. Пусть ихъ не было на войнѣ, на рабо-

чихъ безпорядкахъ, на пожарахъ усадьбъ: они хитрые, они подкупили солдатъ, крестьянъ, уличную толпу.

— Господа! Какого вы мнѣнія о настоящемъ положеніи Россіи? Мнѣ это очень любопытно...—громко и выразительно, окидывая всѣхъ загорѣвшимися глазами, спрашивалъ Андрей и, въ ожиданіи отвѣта, откидывался на прямую спинку высокаго стула.

Вѣра блѣднѣла... Онъ не долженъ былъ вовсе интересоваться, что думаютъ кругомъ... Онъ самъ заводитъ съ ними разговоры. Къ чему?... И она дѣлала видъ, что ничего не слушаетъ, что ея нѣтъ въ комнатѣ... Лидія опускала глаза. А Елена Ильинишна встревоженно оглядывала тѣхъ изъ гостей, которые, по ея мнѣнію, могутъ принять вызовъ Андрея, и упрашивала безпокойными глазами каждаго изъ нихъ не дѣлать этого... ну хотя бы изъ уваженія къ ней... Нѣсколько минутъ длилось напряженное молчаніе... Лидіи казалось, что всѣ слышатъ, какъ бьется ея сердце... Она открывала и закрывала ротъ.

— Ну, что-жъ, какое положеніе... Побѣдили насъ—и все тутъ... Мы слишкомъ просты были, а врагъ хитеръ оказался... Это Божья воля.

Такимъ оборотомъ Елена Ильинишна хотѣла дать безопасное направленіе спору, если онъ вслѣдствіе чьей нибудь неосторожности, несмотря на ея молчаливыя упрашиванья, всетаки возникнетъ, какъ это бывало уже не одинъ разъ. Дѣйствительно, учитель Лидіи, недавно окончившій университетъ Игнашкинъ поддавался искушенію „обтесать тупоумное воинство“, какъ называлъ онъ свои атаки на Андрея: онъ принималъ изысканно вѣжливый тонъ и прицѣплялся къ словамъ старушки Коровиной, будто бы отвѣчалъ ей, а не Андрею.

— Позвольте мнѣ, Елена Ильинишна, не согласиться съ вами... Ваше разсужденіе—это разсужденіе доброй женщины, которая заранѣе условилась со своимъ сердцемъ не искать виновныхъ... Но съ однимъ прощеніемъ да съ Божьей волей далеко не уѣдешь. Въ этомъ году насъ побили японцы, а лѣтъ черезъ десятокъ турки заведутъ у себя конституцію и тоже побьютъ... Мой взглядъ такой, —при этихъ словахъ Игнашкинъ веселыми прищуренными глазами посмотрѣлъ на Андрея, желая, чтобы къ дальнѣйшему тотъ отнесся съ возможно большимъ вниманіемъ:—все государство и въ томъ числѣ армію, намъ, русскимъ гражданамъ, необходимо перестроить на болѣе раціональныхъ основахъ. Пора, знаете ли, изъ рядового вырабатывать нѣчто большее, чѣмъ „слушаю-съ, ваше благородіе“, а ихъ благородіямъ не мѣшаетъ знать, кромѣ картъ, женщинъ и вина, что родина ждетъ отъ

нихъ творческаго труда и за этотъ трудъ, а не за мужскія достоинства, каждое двадцатое число платитъ наличными.

Вѣра блѣднѣла еще больше, презирала Игнашкина за то, что онъ ея любимую жизнь охарактеризовалъ, какъ мужскія достоинства, и, чтобы не услышать чего-нибудь худшаго, звала подругу Петрову посмотрѣть на новыя покупки, сдѣланныя утромъ въ Гостинномъ дворѣ... Лидія оставалась, но сидѣла съ низко опущенной головой и оправляла рукавчики форменнаго коричневаго платья. Она любила своего учителя, любила его иронію, но отчего-то ей становилось страшно и хотѣлось просить, чтобы Алексѣй Николаевичъ былъ поуступчивѣе... Андрей съ торжествующимъ видомъ глядѣлъ на мать и, словно бы, говорилъ ей: „Слышишь... каково?.. Какъ тебѣ нравится“.

Потомъ онъ начиналъ спорить съ Игнашкинымъ, пробовалъ передать все, что передумалъ послѣднее время, безсвязно упоминалъ о солдатахъ, которые не хотѣли побѣждать и открыто требовали, чтобы ихъ отправили домой, о „жидахъ“, подкупившихъ рабочихъ, но самъ чувствовалъ, что говоритъ не то, что путается, и что Игнашкинъ въ душѣ смѣется надъ каждымъ его словомъ... Алексѣй Николаевичъ давалъ ему высказываться, самъ помогалъ договариваться до конца, а когда Андрей договаривался, то выходило какъ-то само собой, что онъ сказалъ явную нелѣпость... Игнашкинъ велъ его безпомощнаго, какъ ребенка, куда хотѣлъ, забавлялся съ нимъ, и всѣ кругомъ понимали, что Андрею не по силамъ этотъ споръ, что онъ горячится зря... Кровь приливала къ головѣ, нервно дрожалъ голосъ и злобой блестѣли глаза. „Я не кончилъ университета...“—готовъ былъ крикнуть Андрей... „Вы только потому правы, что образованнѣе меня“... Но онъ не кричалъ этого, понимая, что, признавъ противника образованнѣе себя, онъ долженъ былъ признать и многое другое... Хотя опять-таки крадущаяся мысль шептала, что всѣ видятъ, что даже Лидія понимаетъ, кто изъ нихъ умнѣе и справедливѣе. Точно была разостлана какая-то невидимая сѣть, въ которой запутали его съ ногъ до головы, и вездѣ, куда онъ ни повертывался, его встрѣчали петли и узлы. Но сказать, что онъ накрытъ сѣтью, что ему не выйти изъ нея, было стыдно, и онъ становился все раздраженнѣе.

— Такъ по вашему... — въ изступленіи перебилъ онъ Игнашкина,—армія вовсе не нужна?

Въ этотъ вопросъ онъ старался вложить всѣ свои тревоги, всѣ свои опасенія. Была какая-то смутная надежда, что, обвиняя ихъ во многомъ, отрицать жизнь ихъ всю цѣликомъ всетаки не посмѣютъ.

— Такая, какъ теперь, конечно, не нужна... — спокойно отвѣтилъ Игнашкинъ, и свѣжее розовое лицо его съ острой свѣтлой бородкой весело засмѣялось.—Вѣдь это, помилуйте, какъ бы вамъ сказать помягче... Верхи за васъ, вы за верхи, и тѣ и другіе на шею народу... Рука руку моетъ... Вотъ что.

Андрей шумно всталъ.

— Вы меня оскорбляете... И, если бы это было не въ квартирѣ моей матери, я бы показалъ вамъ, чѣмъ отвѣчаютъ на подобныя оскорбленія...

Отъ рѣзкаго движенія упалъ стулъ, и Коровинъ его не поднялъ. Перепуганная и не знающая, что дѣлать, старушка Коровина металась туда и сюда, шептала Игнашкину, который тоже готовъ былъ разсердиться: „Ради Бога, оставьте этотъ разговоръ... Не придавайте ему значенія... Прошу васъ, для меня... Онъ не въ своемъ умѣ"... Говорила вслухъ: „Поспорили, какъ пѣтухи, погорячились и будетъ..." Подходила къ Андрею и просила: „Сдержись, Андрюша... Чего тебѣ стоитъ?"

Андрей тяжело дышалъ, пошелъ было въ переднюю, накинулъ на плечи пальто, но раздумалъ... Весь этотъ вечеръ онъ ходилъ дома, какъ посторонній, и ни съ кѣмъ не говорилъ ни слова, избѣгая даже Вѣры, которая пыталась спросить что-то объ Иволгинѣ... Ему казалось, что вотъ и у своихъ онъ сталъ чужимъ человѣкомъ, посмѣшищемъ для всѣхъ знакомыхъ матери... Не хотѣлось уже ни кричать, ни браниться, а махнуть на все рукой и предаться грустной горечи. Но въ мозгу завертѣлось, что онъ офицеръ... И отъ этого воспоминанія по всему организму пробѣжало что-то въ родѣ электрическаго тока. Снова все было въ прежнемъ свѣтѣ, снова росла обида, надо было не уступать ни на шагъ, не позволять того, что всѣ признаютъ справедливымъ, на оскорбленіе отвѣчать еще большимъ оскорбленіемъ... И вмѣстѣ съ тѣмъ поднималась жуткая боль, что онъ не можетъ быть простымъ человѣкомъ, какъ его сестра Лидія, которой ни до чего нѣтъ дѣла... И у него мелькало желаніе на зло кому-то вызвать Игнашкина на дуэль, застрѣлиться самому или скрыться куда-нибудь въ далекій городъ, гдѣ его никто не знаетъ, жить тамъ въ одиночествѣ и написать большую записку о своей жизни, которая покажетъ всѣмъ, что у него человѣческая душа.

Возвращаясь въ городокъ, гдѣ стоялъ полкъ, Коровинъ любилъ заходить къ Иволгину и разсказывать, о чемъ стали разсуждать всѣ эти студенты, учителя и мужики... У Иволгина ему было хорошо... Онъ заранѣе зналъ, что кромѣ сочувствія ничего не встрѣтитъ, и, не стѣсняясь, выкладывалъ накопившуюся въ душѣ горечь...

— Мерзавцы!..—презрительно бросалъ Иволгинъ и начиналъ, крутя усы, взволнованно ходить взадъ и впередъ.

— Мерзавцы!..—соглашался Коровинъ и тоже отъ волненія не могъ усидѣть на мѣстѣ.

Оскорбленный видъ Иволгина и сочно брошенное имъ ругательство подогрѣвали Коровина еще больше, чѣмъ разговоры дома... Онъ продолжалъ возмущаться и все разсказывалъ, разсказывалъ безъ конца.

Иволгинъ слушалъ внимательно и серьезно и все время свирѣпо ходилъ. Къ концу разговора доставалась бутылка краснаго вина. И у Иволгина дрожали руки, когда онъ разливалъ темную маслянистую жидкость въ маленькіе хрустальные стаканчики.

— Твое здоровье...—мрачно говорилъ онъ Коровину.

Коровинъ, молча, чокался, и въ душѣ его росло горькое сочувствіе къ задѣтому его разсказами блестящему адъютанту, предполаемому жениху Вѣры.

А тотъ ходилъ и точно раздумывалъ, чтобы такое сказать или сдѣлать.

— Такъ этого оставить нельзя... Мы должны показать всѣмъ этимъ господамъ ихъ настоящее мѣсто... Дѣло касается, чортъ возьми, теперь каждаго изъ насъ. Твое здоровье, Андрей...

Вечеръ опускался и смотрѣлъ въ окна квартиры, гдѣ жилъ Иволгинъ. Коровинъ разсматривалъ принадлежности туалета своего товарища: дорогіе французскіе духи какую-то особенную пасту для чистки зубовъ, коробки съ галстухами и перчатками... Ему становилось грустно... Мелькало какое-то дѣтское сожалѣніе къ тонкимъ нѣжнымъ духамъ и къ новенькимъ бѣлымъ перчаткамъ, точно разсматривалъ ихъ и смѣялся надъ ними Игнашкинъ, точно чьи-то грубыя, грязныя руки трогали каждую вещь, ощупывали ее со всѣхъ сторонъ и собирались выкинуть за окно.

На столѣ онъ отыскалъ душистую розовую записку, въ которой Мордвинова упрекала Бориса Сергѣевича, что онъ ее забылъ, просила навѣстить ее въ Петергофѣ, угрожая въ противномъ случаѣ навсегда разсердиться. Слово „навсегда" было подчеркнуто двумя толстыми прямыми линіями.

— Это кончено... Крестъ поставленъ...—объяснилъ Иволгинъ.

Становилось еще грустнѣе... Коровинъ не могъ объяснить почему, но ему было жаль Мордвинову. Конечно, если Борисъ Сергѣевичъ окончательно рѣшилъ жениться на Вѣрѣ, то продолжать ухаживать за Мордвиновой какъ-то неудобно. Неудобно, и всетаки хотѣлось, чтобы онъ по прежнему встрѣчался съ ней, говорилъ ей отрывистыя пренебрежи-

тельныя фразы, разсказывалъ Коровину, въ какія минуты она особенно привлекательна... Коровинъ вздохнулъ... Его потянуло уйти изъ квартиры, гдѣ все представлялось обиженнымъ и разочарованнымъ, на свѣжій воздухъ.

— Пойдемъ на вокзалъ...—предложилъ онъ Иволгину.

Иволгинъ долго умывался, стоялъ передъ нимъ безъ сюртука, вытиралъ руки и лицо полотенцемъ и презрительно говорилъ:

— Мерзавцы!.. Понимаешь, до сихъ поръ не могу успокоиться.

У Коровина послѣ этихъ словъ опять просыпалось озлобленіе, опять мысли переходили на тѣхъ, кто осмѣливается презирать ихъ и говорить, что они уже не офицерство, а простое сборище праздныхъ людей, съ оружіемъ въ рукахъ защищающихъ свою праздность.

— Имъ моего денщика жаль... а?..

Иволгинъ продолжалъ сердито тереть лицо полотенцемъ, и его налитые кровью глаза останавливались на Коровинѣ, какъ будто приглашая его уяснить себѣ безсмыслицу этой жалости, безсмыслицу того, что тѣ неизвѣстные, тѣ, кѣмъ Иволгинъ привыкъ гнушаться съ самаго своего рожденія, собираются переустраивать жизнь арміи, въ которой онъ, Борисъ Сергѣевичъ, служитъ.

Коровинъ сразу улавливалъ желчь и иронію сказаннаго. Въ самомъ дѣлѣ, кто далъ имъ такое право? Потомъ взять, напримѣръ, его, Коровинскаго, денщика Богданова... Развѣ худо ему? Развѣ не скопилъ онъ за лѣто четвертного билета?

— Оставимъ эту сволочь!

— Оставимъ?..—снова вскидывалъ на него глазами Иволгинъ...—Позволять этимъ господамъ... по твоему, позволять...

И Андрей еще опредѣленнѣе, чѣмъ прежде, начиналъ понимать, что позволять, дѣйствительно, нельзя, что надо отстоять свое сѣрое офицерское пальто, тыканье Богданову и все то, что выходило смѣшнымъ, нелѣпымъ или безчеловѣчнымъ въ разсужденіяхъ Игнашкина.

Была осень... Валился листъ съ толстыхъ многолѣтнихъ липъ, отъ тяжести давно переставшихъ смотрѣть на небо, и ихъ коренастые, мѣстами побурѣвшіе стволы, залитые яркимъ холоднымъ мѣсяцемъ, тянулись по дорогѣ правильнымъ прямымъ рядомъ... Пахло увядающей травой, листьями, гніющими въ канавѣ, недавно простучавшимъ дождемъ и черной крѣпкой землей... Великая печаль умирающей природы сказывалась въ необъятномъ молчаніи, въ далекомъ мѣсяцѣ и раскинутыхъ по всему небу звѣздахъ... На дворахъ лаяли собаки, но ихъ лай былъ чѣмъ-то постороннимъ,

словно даже не прикасавшимся къ застывшей тишинѣ и къ столѣтнимъ уставшимъ жить деревьямъ.

Коровинъ и Иволгинъ шли подъ руку... Подъ ногами чувствовались кучи опавшихъ за день и не прибитыхъ дождемъ къ землѣ мертвыхъ листьевъ. Одноэтажные бѣлые домики, сонные и мирные, плыли навстрѣчу... Ворота вездѣ были заперты... Клумбы въ маленькихъ палисадникахъ стояли безъ цвѣтовъ, и только въ рѣдкомъ мѣстѣ высился георгинъ съ низко опущенной шапкой.

Коровинъ пробовалъ поднять свое и Иволгина настроеніе воспоминаніями о штабсъ-капитанѣ Милѣ, о носовыхъ платкахъ и о старыхъ нѣмцахъ, которыхъ и теперь еще охватываетъ столбнякъ при одной мысли, что полкъ ихъ сына можетъ быть отправленъ въ походъ.

— Здóрово... чортъ возьми!

Но это „здóрово" не выходило такимъ молодымъ и радостнымъ, какимъ было прежде... Иволгинъ слушалъ, молча, не улыбался и не поддерживалъ разговора.

Отнято было и это.. Нарушалась вся жизнь... Ничего не осталось... Покинуты были старыя развѣсистыя липы, маленькій городокъ, вокзалъ, грузной массой выроставшій впереди. Покинуты были и они: Иволгинъ и Коровинъ... Холодный далекій мѣсяцъ, дорога, гдѣ падаютъ листья,—вотъ и все, что вмѣстѣ съ ними; а тамъ, у тѣхъ... верстъ за сорокъ... напряженная жизнь, шумныя улицы, огромное сердце, огромный мозгъ... И этотъ мозгъ работаетъ для чужихъ, думаетъ для чужихъ .. Шевелятся газетные листы, печатаются книги, горитъ огнями университетъ... Они захватили лучшую жизнь... они... Отъ внезапной мысли Коровинъ вздрогнулъ.

Навстрѣчу шелъ со своимъ Герольдомъ Беклемишевъ... Поровнявшись съ Андреемъ и Иволгинымъ, онъ сдѣлалъ подъ козырекъ.

— Герольдъ!.. Смотри... Не узналъ? Это Андрей Андреичъ... Самая милѣйшая личность на свѣтѣ.

Всколыхнулось въ душѣ у Коровина что-то теплое, жалѣющее, охватила жуткая тоска за свою жизнь, за Беклемишевскую, но онъ быстро сообразилъ, что это не стоющее, не подходящее для него чувство, и вопросительно, чтобы провѣрить себя, поглядѣлъ на Иволгина... А тотъ въ это время былъ занятъ неизвѣстными собственными думами, жмурился на что-то и, словно въ отвѣтъ Коровину, пробурчалъ:

— Мерзавцы!..

Коровинъ томительно вздохнулъ.

— Знаешь что... Пойдемъ въ буфетъ...

Въ этотъ разъ они пили больше, чѣмъ обыкновенно.

—

V.

Мелкій дождь шелъ съ утра... Частая водяная сѣть мелькала надъ моремъ, надъ бѣлыми домиками и дряхлыми старыми липами. Липы нахмурились, мокли подъ дождемъ и думали что-то тоскливое, не то о своей жизни, не то о сѣромъ морѣ, которое никогда не умираетъ, зябнетъ теперь безъ солнца и качаетъ на своихъ озябшихъ волнахъ черные пароходы съ грязными трубами. Изъ пароходныхъ трубъ вился густой черный дымъ... Тяжело было держаться ему въ пропитанномъ сыростью воздухѣ и въ то же время не хотѣлось прикасаться къ холодной водѣ. Насыпь желѣзной дороги уходила съ пустыннаго морского берега въ унылую рощу... Потемнѣлъ свѣжій красный песокъ, и блестящіе рельсы стали мутными и старыми.

Уныло раздавались шаги... Таилась и пряталась жизнь... Жалобно пѣло піанино въ комнатѣ, гдѣ были спущены шторы и гдѣ лѣтомъ на подоконникахъ стояли красныя и оранжевыя герани... Убогіе, надтреснутые звуки падали въ душу, какъ падаютъ вялые листья липъ на грязную дорогу... Женскій голосъ повторялъ одну и ту же пѣсню:

Отворите окно, отворите...
Мнѣ не долго осталося жить.

И странное чувство возникало въ душѣ. Казалось, что противъ воли того, кому осталось мало жить, опустили шторы въ комнатѣ, убрали съ оконъ цвѣтущія герани и принесли для выраженія тоскливыхъ жалобъ старенькое разбитое піанино... И хотѣлось просить того, кто все это сдѣлалъ, дать хотя на одинъ день выглянуть солнцу, убѣждать, что это въ послѣдній разъ, что больше жалобъ не повторится.

Послѣднее время Коровинъ, чаще чѣмъ прежде, уѣзжалъ днемъ въ Петербургъ и являлся къ вечеру съ женщиной въ большой шляпѣ, съ нарумяненными щеками и неестественно бѣлымъ лицомъ. Тогда въ квартирѣ спускались тяжелыя темныя шторы; денщикъ получалъ приказаніе говорить, что ихъ благородія нѣтъ дома, а куда они ушли— неизвѣстно; въ передней на вѣшалкѣ, рядомъ съ офицерской шинелью висѣла смятая женская жакетка; изъ собранія приносился ужинъ на двоихъ, и только поздно утромъ открывались окна въ садъ. На другой день вечеромъ можно было замѣтить, какъ капитанъ Сосновскій или штабсъ-капитанъ Миль уходили отъ Коровина подъ руку съ его вчерашней

спутницей, которая должна была обойти теперь всѣхъ холостыхъ офицеровъ полка: это у нихъ называлось кругосвѣтнымъ плаваніемъ... При этомъ женщина, извѣстная въ полку подъ именемъ Маруськи, останавливалась, поворачивалась, кричала: „До свиданія, Андрей!“ и посылала Коровину воздушные поцѣлуи.

Коровинъ смотрѣлъ вслѣдъ уходящимъ изъ окна, и ему было забавно вспоминать, какъ Маруська просила, чтобы онъ оставилъ ее у себя, какъ упрямилась и не хотѣла идти съ Милемъ, и какъ тотъ, кругленькій и красненькій, убѣждалъ ее слушаться и часто мигалъ слезящимися глазами.

— Ну, дѣвочка, одѣвайся... Терять золотое время не къ чему... Ѣсть я тебя не буду, честное слово, не буду... Въ обиду никому не дамъ... Бутылочки три пивка разопьемъ, и выйдетъ у насъ все поощрительно...

А когда она соглашалась и нехотя начинала надѣвать жакетку, Миль тревожно отзывалъ Коровина на два слова и, убѣгая глазами въ темный уголъ, просилъ рубля три въ долгъ до двадцатаго...

Они уходили... Слышно было тяжелое сопѣніе Миля, его обѣщаніе не напиваться и увѣренія, что ему всего сорокъ лѣтъ.

— Сорокъ лѣтъ, какъ въ аптекѣ... Не больше и не меньше

Коровинъ улыбался и думалъ о томъ, что Миль отродясь не зналъ другихъ женщинъ, что онъ влюбится теперь въ эту и станетъ мечтать о ней, какъ о дорогомъ, близкомъ существѣ, и что, можетъ быть, расчувствуется, разскажетъ о своихъ старикахъ-родителяхъ, о томъ, что онъ у нихъ единственный сынъ, расплачется и будетъ дарить ей разные подарки изъ своего домашняго обихода.

И сегодня у Коровина ночевала эта женщина. Она сидѣла безъ кофточки съ нимъ рядомъ и, по обыкновенію, удивлялась его молодости и красотѣ и говорила, что онъ похожъ на какого-то графа, который учился въ Правовѣдѣніи, поилъ ее шампанскимъ и обѣщалъ взять на содержаніе. Конечно, только обѣщалъ, а потомъ, какъ и всѣ они, женился на богатой невѣстѣ изъ своего круга. Коровинъ слушалъ, что она говоритъ, смотрѣлъ на ея круглыя бѣлыя руки и на полную, тоже бѣлую грудь... На грязной тесемкѣ, повязанной вокругъ шеи, болтался потемнѣвшій образокъ съ тонкимъ серебрянымъ крестикомъ. Коровинъ потрогалъ сначала образокъ, потомъ крестикъ... Едва-едва, сонно и лѣниво вспомнилась ему теплая дѣтская кроватка съ веревочной сѣткой и то, какъ по вечерамъ приходила Елена Ильинишна и крестила его и Вѣру на сонъ грядущій... Онъ брезгливо поморщился, точно образокъ на женской груди

былъ чѣмъ-то оскорбительнымъ для его вялыхъ воспоминаній.

— Зачѣмъ, Маруська, ты носишь это?

— А какъ же безъ Бога... Чудакъ-человѣкъ, чай меня тоже крестили.

И ее тоже крестили; и у нея было дѣтство, мать и своя жизнь... Пожалуй, и теперь есть... Онъ не замѣчалъ раньше этихъ чужихъ жизней, того, что бьется каждое сердце, и не могъ сразу освоиться съ новымъ чувствомъ, говорившимъ ему, будто земля не для него дного, а для всѣхъ живущихъ, каковы бы они ни были... Смутный инстинктъ подсказывалъ, что предаваться этому чувству нельзя, что это будетъ противъ Иволгина, противъ Вѣры... Но любопытство было задѣто, и онъ не сумѣлъ во время удержаться... Чтобы ощутить эту чужую, въ первый разъ сознаваемую, жизнь, онъ прикоснулся къ мягкому теплому плечу Маруськи и тихо спросилъ:

— А ты любишь кого-нибудь?

Говорить „ты“ почему-то стало неловко. Разъ у нея была своя жизнь, надо было относиться къ ней, какъ къ человѣку, равному себѣ... И онъ глядѣлъ на нее со все увеличивавшимся любопытствомъ, и то, что замѣчалъ въ ней, распространялось на Богданова, на уличную толпу, на всѣхъ... Да, правда... Вотъ и глаза, и изъ этихъ глазъ смотритъ незнакомая душа съ чуждыми желаніями, съ какой-то вѣрой въ своего Бога, съ другими понятіями о томъ, что хорошо, что худо... Онъ взялъ ея правую руку, повернулъ ладонью вверхъ и началъ разсматривать мелкія морщинки у большого пальца и линію жизни.

— Васъ люблю, васъ, Андрей...—захохотала она, пододвинулась совсѣмъ близко и стала дышать ему въ лицо...

Отъ того, что Коровинъ все еще держалъ ея руку въ своей и не отодвинулся, она осмѣлѣла совсѣмъ, начала трогать его за усы, расправляла ихъ и говорила, что такъ, навѣрное, будетъ ласкать его молодая жена, и удивлялась, что когда-то будетъ другое утро, другая комната, другая женщина, и точно урывала у этой другой женщины право ласкать ея избранника.

— У тебя глаза красивые, интересные, будто ты все время думаешь о чемъ-нибудь веселомъ...—не переставая, болтала она...—Милый! Посмотри на меня... Боже! Какъ я люблю офицеровъ.

И Маруська въ восторгѣ закрывала глаза и крѣпко сжимала руку Коровина, чтобы передать ему всю силу своей любви... Потомъ стала вслухъ мечтать, что если бы была его сестрой, гордилась бы имъ передъ всѣми подругами, вмѣстѣ съ нимъ

ходила бы въ церковь и въ театры... Она разсказывала ему о своихъ самыхъ маленькихъ, самыхъ затаенныхъ желаніяхъ и дѣлалась такой похожей то на Лидочку, то на Вѣру, что его всего передернуло... Этого не должно быть... Онъ сдѣлалъ рѣзкое движеніе, грубо освободился отъ ея рукъ, всталъ и закурилъ папиросу...

Съ улицы врывалось:

Отворите окно, отворите,
Мнѣ не долго осталося жить!

Тамъ, насупротивъ, тоже жилъ кто-то, у кого были свои интересы, своя жизнь. И эта жизнь не хотѣла молчать, она кричала громкимъ, немузыкальнымъ голосомъ, врывалась въ квартиру Коровина, дерзко заявляла о себѣ.

Коровинъ нахмурился... Горячо пронеслось въ мозгу, что онъ не хочетъ этого, и точно въ отвѣтъ выплыло, что поющая сосѣдка, въ свою очередь, можетъ не хотѣть, чтобы напротивъ ея дома жилъ офицеръ, у котораго въ комнатахъ развѣшены картины съ изображеньями голыхъ женщинъ, а эта, чьи губы онъ чувствовалъ на своихъ губахъ, въ какую-нибудь минуту вздумаетъ вдругъ возмущенно отвернуться отъ него, Коровина, какъ онъ только что отвернулся отъ нея.

Въ головѣ все спуталось. Опять не было ничего яснаго, опредѣленнаго... Смутно выростало сознаніе, что жизнь принадлежитъ не ему одному, а всѣмъ, и что надо считаться со всѣми... Цѣлый міръ маленькихъ зубчатыхъ колесиковъ вставалъ въ его воображеніи, и казалось, что эти колесики хорошо было бы приспособить такимъ образомъ, чтобы ни одно изъ нихъ не терялось въ массѣ, служило всей совокупности и въ то же время имѣло свое собственное вращеніе для одного себя.

Коровинъ не старался придумывать мысленныхъ возраженій... Новое представленіе о зависимости всѣхъ явленій жизни, объ ихъ сцѣпляемости было для него внезапно и до такой степени шло въ разрѣзъ съ прежними его понятіями объ окружающемъ мірѣ, точно онъ получилъ глухой ударъ по виску и потерялъ сознаніе, съ помощью котораго, какъ ни плохо, но всетаки разбирался въ каждомъ своемъ поступкѣ.

Нѣсколько минутъ онъ ни о чемъ не думалъ.

Потомъ сѣлъ на диванъ къ горько плакавшей и дрожавшей, какъ въ лихорадкѣ, Маруськѣ, и убогая мысль шептала ему, что они одинаково обижены: Маруська имъ, Коровинымъ, а онъ—неизвѣстно кѣмъ.

— Брось, Маня, пустяки...

Въ голосѣ его зазвучала робкая просьба. Пусть, въ са-

момъ дѣлѣ, все окажется пустяками: пустяки то, о чемъ толковалъ Игнашкинъ, и то, что сейчасъ, помимо воли, приходило въ голову насчетъ зубчатыхъ колесиковъ.

А она вздрагивала, она не соглашалась, что пустяки, упрямилась.

— Вотъ вы всегда такіе... Оскорбить, задѣть—это ваше дѣло... Пока нужна, до тѣхъ поръ и хороша... А потомъ... вонъ одинъ изъ такихъ третьяго дня избилъ меня... Вся спина синяками исполосована... Всѣ вы одинаковы... всѣ.

— Дура!..

Коровинъ вспыхнулъ. Не хочетъ понимать, что онъ ей же уступаетъ, мало для нея того, что вотъ сидитъ здѣсь... почти голая... Позволяетъ онъ это ей, или не позволяетъ?.. Дай имъ волю, такъ они на шею къ тебѣ сядутъ... Твари!

Онъ снова овладѣлъ собой, снова становился такимъ, какъ былъ вчера. Ощущеніе глухого удара проходило. Надо было отвѣтить тому, кто оглушилъ его.

Коровинъ прицѣпился къ тому, что Маруська сидѣла безъ кофточки.

— Одѣвайся!.. Довольно тебѣ красоваться.

Она не трогалась съ мѣста и молчала.

Ага!.. Хорошо... Тоже начинаетъ разыгрывать изъ себя. Онъ закусилъ губу, отошелъ къ окну, простоялъ тамъ нѣкоторое время, словно хотѣлъ, чтобы она сама одумалась. На диванѣ не было слышно никакого движенія. Это взорвало его окончательно.

— Ты что, цѣлый день сидѣть здѣсь намѣрена?

Маруськѣ захотѣлось подразнить Коровина.

— А хотя бы и такъ... Сижу вотъ... тебя не спрашиваю.

— Ну, это мы еще посмотримъ.

Онъ со злостью схватилъ ее за руку, поднялъ валявшуюся рядомъ кофточку и насильно началъ накидывать на плечи... Маруська сопротивлялась, старалась вырваться.

Борьба озлобила Коровина еще больше.

Смѣетъ сидѣть у него, когда онъ не хочетъ!.. Сейчасъ уберется на улицу. Онъ толкнулъ ее со всей силы, рванулъ кофточку, которую она уловчилась прижать скрещенными руками къ груди... Кофта затрещала. Маруська ударилась головой о дверь...

— Довольна теперь, или еще хочешь?

Ей было жаль свою разорванную кофточку, и она боялась, что на лбу вскочитъ синякъ. По щекамъ скатывались слезы, которыя она торопливо проглатывала. Отъ подымавшейся порывисто груди ходуномъ ходила рубашка. Коровинъ опять сказалъ, чтобы она убиралась... На этотъ разъ Маруська послушалась, жалко напялила кофточку на руки

и, всхлипывая, застегивала пуговицы... Одинъ рукавъ былъ почти оторванъ, и черезъ образовавшееся отверстіе выглядывалъ большой кусокъ рубашки.

— Видишь, что ты сдѣлалъ... Отъ всѣхъ ожидала, а отъ себя никогда не думала.

Она сѣла въ уголокъ и снова затряслась всѣмъ тѣломъ.

— Вотъ вы всегда такъ... И что это за жизнь!.. Сами позовутъ въ гости, наобѣщаютъ всего... А потомъ... точно прокаженная какая-то... въ самомъ дѣлѣ.

Въ рукахъ былъ носовой платокъ, которымъ она вытирала глаза и въ который долго, точно для того, чтобы замедлить время, сморкалась... Коровинъ брезгливо смотрѣлъ на нее... У него не было никакого другого чувства, кромѣ глухой злобы противъ этой женщины, вынудившей его, какъ ему казалось, на брань и драку.

— Ну, ты провалишься отъ меня когда-нибудь, или нѣтъ?

— Какъ это провалюсь?

— Очень просто... въ Петербургъ.

Раньше она всегда оставалась... оставалась для Миля, Иволгина... Но сегодня Коровину хотѣлось, чтобы она уѣхала. Онъ зналъ, что причинялъ ей этимъ какое-то большое оскорбленіе и лишалъ заработка, но этотъ поступокъ его былъ вызовомъ тому міру, который помимо его воли овладѣвалъ всѣмъ его существомъ и пользовался всякимъ обстоятельствомъ, чтобы проявить себя, показать, что онъ здѣсь, рядомъ, видитъ, какъ Коровинъ дерется, слышитъ, какъ онъ ругается...

Пусто... все пусто... Онъ ничего не боится...

Понялъ Коровинъ и то, что всю происшедшую сцену онъ поднялъ не для Маруськи, а для того, чтобы дать отвѣтъ этому міру, показать свое несогласіе съ нимъ, свою отчужденность отъ него... Опять было завертѣлись колесики, но теперь, послѣ того, какъ онъ разорвалъ Маруськину кофточку, не надо было признавать ихъ и желать стройности для ихъ массы, наоборотъ, хотѣлось войти туда, гдѣ было ихъ всего больше, начать размахивать шашкой, рубить направо и налѣво и видѣть, какъ они, одно за другимъ, изломанные, валятся подъ ноги, и топтать тѣ, которые свалены, ногами.

— Хорошо... я поѣду... только... это... это... Ты, значитъ, не любишь меня ни капельки?

— Вотъ еще... Выдумала тоже. Любить тебя?!

Коровинъ пожалъ плечами, притащилъ ея жакетъ, зонтикъ и шляпу.

Она ушла, не попрощавшись, постояла нѣкоторое время

у подъѣзда, потомъ рѣшительно раскрыла зонтикъ, подобрала юбки и скрылась за деревьями.

Почти непосредственно послѣ ея ухода пришелъ Миль... Что-то необычное, серьезное и вмѣстѣ съ тѣмъ жалкое было въ его толстой маленькой фигуркѣ. Онъ сопѣлъ носомъ, отъ волненія не садился, подходилъ къ столу, закуривалъ папиросу, клалъ ее на пепельницу и забывалъ... Потомъ сѣлъ, расправивъ сюртукъ, на кончикъ стула, развелъ руками и замогильнымъ голосомъ сказалъ:

— Экстренный приказъ, братъ...

Коровина все время подмывало засмѣяться, но необычайность поведенія Миля, испуганная торжественность, которая проглядывала въ каждомъ его движеніи, маленькіе, слезящіеся глазки, смотрѣвшіе грустно и виновато, удержали его отъ шутокъ, быстро сложившихся въ головѣ. Желая прослушать это необычное не такъ, какъ слушалось все остальное, Коровинъ присѣлъ съ нимъ рядомъ и принялъ дѣловой, серьезный тонъ.

— Какой приказъ, папаша? Мнѣ еще ничего не приносили... Я спрашивалъ у Богданова.

— Да вотъ, братъ, ничего не попишешь.

Глазки забѣгали, лицо побагровѣло... Снова Миль развелъ руками, привсталъ и, точно боясь того, что несъ въ своемъ мозгу, и вмѣстѣ съ тѣмъ сберегая принесенное, какъ берегутъ дорогую хрупкую вазу, когда держатъ ее въ рукахъ, выразительнымъ шепотомъ сказалъ:

— Посылаютъ насъ... меня и тебя... мою роту, то-есть, на фабрики.

Главное было сказано, и онъ могъ теперь передохнуть... На лбу выступила испарина... Онъ медленно провелъ по начавшей лысѣть головѣ широкой ладонью, погладилъ усы и, наклонившись всѣмъ корпусомъ впередъ, такимъ же выразительнымъ шепотомъ добавилъ:

— Въ Петербургъ... Въ распоряженіе полиціи... Сегодня ночью выступать велѣно... Безпорядки, по всей видимости, тамъ.

Коровинъ повеселѣлъ и возбужденно заволновался... Точно тяжесть какая упала у него съ плечъ. Глаза заблестѣли, грудь задышала шире и свободнѣе... Наконецъ-то!.. Жизнь сама указывала ему выходъ... Близилось то неизбѣжное, что все время слѣдило за нимъ изъ-за угла, заставляло его быть насторожѣ, испытывало рѣчами Сергѣя и Игнашкина и передѣлывало каждый день въ такой же безтолковый и крикливый, какъ сегодняшній... Теперь онъ могъ столкнуться съ неизвѣстнымъ противникомъ грудь грудью и такъ или иначе опредѣлить свое будущее.

— Ну что жъ, ѣдемъ, папаша...

— Приходится... Ничего не попишешь.

Миль вздохнулъ, и этотъ тревожный полуподавленный вздохъ придалъ ему что-то убогое, что было въ Маруськѣ, когда она по приказанію Коровина надѣвала кофточку... Пальцы рукъ его оттопырились и неуклюже лежали на широко разставленныхъ колѣняхъ... Похоже было на то, что кто-то грозный, имѣвшій власть надъ Милемъ, говорилъ ему о давно принятомъ имъ на себя обязательствѣ убивать людей и говорилъ такимъ тономъ, что это безчестное, непосильное обязательство непремѣнно надо исполнить, и Миль не смѣлъ даже мысленно отказаться.

— А пивка выпьемъ, папаша?

— Нѣтъ, ужъ уволь... Пойду, знаешь, къ себѣ.

Миль не согласился и на повторное приглашеніе и такимъ же серьезнымъ и растеряннымъ, какимъ пришелъ, направился къ выходу. Онъ не прослушалъ даже разсказа Коровина о милой его сердцу Маруськѣ, о ея слезахъ и разорванной кофточкѣ... Махнулъ безразлично рукой и въ наглухо застегнутомъ пальто съ поднятымъ воротникомъ поплелся на затканную дождемъ улицу.

Коровинъ слѣдилъ за его фигурой, пока она не свернула въ ближайшій переулокъ... Слѣдилъ, и его коробило, что эта фигура имѣла сходство съ неизвѣстно за что побитымъ слабосильнымъ человѣкомъ, не умѣвшимъ сообразить, кто его побилъ и имѣлъ ли право бить, и знавшимъ только одно, что послѣ этого раза, когда онъ не сумѣлъ защититься, съ нимъ каждый день можетъ повторяться то-же самое.

Въ Коровинѣ заговорила гордость, что онъ не таковъ, какъ этотъ Миль. Засунувъ руки въ карманы брюкъ, онъ молодцевато прошелся по комнатѣ, приподнялъ голову и свистнулъ:

„Г-мъ... да... Значитъ, они устраиваютъ безпорядки! Что же, посмотримъ, какіе это безпорядки.“

Эту фразу онъ подумалъ какъ-то иронически, и не самъ для себя, а для тѣхъ мыслей, которыя мучили его утромъ, для Игнашкина, разсуждавшаго о ихъ благородіяхъ, и для враждебной ему уличной толпы.

Былъ сдѣланъ крутой военный поворотъ; онъ невольно сталъ ритмически покачиваться, какъ покачивался, когда ходилъ съ Иволгинымъ, и точно смаковалъ новыя веселыя думы, которыя сводились къ одному — пора отвѣтить разсуждающимъ господамъ, пора показать, что никакихъ сцѣпляющихся колесиковъ нѣтъ, что есть подпоручикъ русской арміи Коровинъ, подвластные ему нижніе чины и короткій приказъ: пли...

Неопредѣленно замелькали соображенія о торжественной присягѣ, о вѣрности престолу, но такъ какъ лично для него все это не было нужно, а существовало для объясненія его поступковъ солдатамъ и постороннимъ лицамъ, то онъ на этихъ соображеніяхъ не сталъ останавливаться.

VI.

Ѣхала не только рота Миля, но еще и другая, капитана Сосновскаго, и поѣздъ былъ составленъ изъ ряда товарныхъ вагоновъ и одного пассажирскаго, помѣщеннаго въ серединѣ, для офицеровъ. Была ночь... На станціи, кромѣ трехъ-четырехъ желѣзнодорожныхъ служащихъ, никто не показывался. На платформѣ растянулись одни солдаты, и ихъ темныя небольшія фигурки въ боевомъ вооруженіи придавали вокзалу загадочный непривычный видъ чего-то копошащагося въ ночной мглѣ, готоваго ощетиниться и разинуть огромную пасть... Будто проснулось страшное допотопное чудовище, проспавши тысячи лѣтъ и само удивлявшееся тому, что оно еще живо, расправляло свои затекшія тяжелыя лапы, подымало безобразную голову...

Чуть-чуть моросилъ дождь... Мутно освѣщали фонари мокрую, точно кѣмъ-то вымытую, но не вытертую платформу... Въ концѣ платформы пыхтѣлъ локомотивъ, на которомъ заспанный машинистъ торопливо разводилъ пары... Впереди блестѣли черные глянцовитые рельсы, мягко вырисовывался сырой бархатный песокъ, въ одну темную массу сливались дома и деревья... Близко придвинулся садъ, разросшійся около крайней дачи, точно хотѣлъ посмотрѣть, что такое тайное и молчаливое дѣлается на станціи; куда собираются хмурые скучившіеся люди; дѣйствительность все это или сонъ, приснившійся ему въ холодную ночь отъ того, что онъ продрогъ, надышался сырымъ воздухомъ и давно не видѣлъ солнечнаго свѣта.

Садъ такъ и не отдалъ себѣ яснаго отчета: спалъ онъ или проснулся, хотя мимо его черезъ полчаса безшумно и плавно въ сторону Петербурга, точно толстый кольчатый змѣй съ тремя огненными глазами, потянулся никогда не отходившій въ такое позднее время таинственный поѣздъ. Мягко звякнула о металлическіе блоки семафорная проволока. Разомъ опустѣла платформа, которой хотѣлось скорѣе забыть о случившемся... Потушены были лишніе фонари... Часто застучалъ неизвѣстно отчего повеселѣвшій дождь, можетъ быть, обрадованный тѣмъ, что скрылось никогда невиданное имъ кровожадное чудовище, что не осталось

здѣсь терзать и уничтожать веселыя уютныя дачи, а можетъ быть—просто потому, что надоѣла тишина, и пришло шаловливое желаніе наполнить ее суетливымъ разговоромъ, что вотъ онъ, дождь, не спитъ, хорошо чувствуетъ себя въ осеннюю ночь и не нуждается ни въ теплѣ, ни въ уютѣ.

Коровинъ долго стоялъ на площадкѣ вагона, и ему нравилось, что сырой, щемящій холодокъ освѣжаетъ лицо, что всѣ спятъ—ничего не знаютъ, а онъ вотъ ѣдетъ по экстренному приказу разрѣшать тѣ недоумѣнія, которыя скопились въ каждой душѣ и привели къ оскорбленіямъ офицеровъ на улицѣ, къ шумнымъ демонстраціямъ, къ ненависти противъ нихъ, сытыхъ; нравилось ему еще то, что это разрѣшеніе выпало на него, совсѣмъ было потерявшаго почву, что подъ ногами опять выросла твердая земля, и никто уже не сможетъ столкнуть его въ мутную глубокую воду, въ которой онъ былъ вчера и гдѣ приходилось барахтаться изо-всѣхъ силъ, чтобы дать легкимъ возможность набрать достаточное количество кислорода. Не надо было жаловаться и упрекать мать, родныхъ и знакомыхъ, что они поставили его въ положеніе всѣми оскорбляемаго человѣка, сдѣлали общимъ посмѣшищемъ, и когда сами увидѣли, что творится дѣйствительно что-то очень неладное, то стали безпомощно разводить руками, скрывать, замалчивать и упрашивать другихъ, чтобы тѣ, другіе, тоже замалчивали... Нашелся болѣе властный, болѣе рѣшительный союзникъ, чѣмъ они, разрѣшилъ всѣ сомнѣнія, сказалъ Коровину, что онъ, Коровинъ, правъ, что жизнь пойдетъ по старому, какъ шла до войны, и если кто-нибудь вздумаетъ этому сопротивляться, то его заставятъ подчиниться силой, тѣми же самыми солдатами, которые отказались побѣждать въ Манджуріи, но могутъ побѣждать въ родной странѣ...

Чудовище просыпалось... Оно было оглушено такъ же, какъ и Коровинъ... Но оба они во время пришли въ себя, вспомнили о своемъ кровномъ союзѣ, поняли, что не все потеряно... Несся черной ночью черный поѣздъ съ тремя огненными глазами... Захваченный чужими, городъ будетъ смятъ и побѣжденъ, будетъ растоптана ихъ жизнь съ газетами, книгами, университетами... Опять начнутся балы, вечера, и снова Коровинъ станетъ нужнымъ, хорошимъ и любимымъ.

Коровину не хотѣлось представлять, что произойдетъ завтра, рисовать картины, которыя задуманы кѣмъ-то и будутъ нарисованы со всѣми штрихами при свѣтѣ дня... Сейчасъ все это казалось мелочнымъ, неважнымъ передъ тѣмъ, что совершалось въ его душѣ, давало задачу на всю жизнь, что хотѣлось перелить изъ себя въ огромное солдатское

тѣло... Завтра случится одинъ эпизодъ, одна страница цѣлаго ряда будущихъ Коровинскихъ поступковъ, имѣющихъ свою исходную точку въ томъ, что уже совершилось сегодня... Они, военные, перестаютъ быть молчаливыми свидѣтелями работы ума и сердца своей страны; они не подчинятся результатамъ, къ которымъ приведетъ эта работа, а выступятъ сами отъ себя на защиту прежнихъ условій своего существованія.

Было, очевидно, что онъ не одинъ, что ихъ много такихъ, какъ Иволгинъ, Сосновскій, Миль, что не надо никакого офицерскаго кружка, потому что они и такъ представляютъ изъ себя прочную обособленную организацію... Чувствовалась связь съ убѣгавшимъ въ сырую темноту поѣздомъ, и въ тонъ стуку колесъ стучало сердце... Онъ жилъ уже не самъ по себѣ, не отдѣльной единицей. Его захватывало и уносило желѣзное громоздкое чудовище, съ дыханіемъ котораго сливалось его дыханіе, и такъ же крадучись, какъ это чудовище, направлялся онъ, Коровинъ, въ спавшій и не знавшій объ ихъ приближеніи городъ.

Въ вагонѣ шла оживленная бесѣда между Сосновскимъ и двумя молоденькими офицерами, Краснопѣвцевымъ и Мартыновымъ. Сосновскій разсказывалъ анекдотъ. Краснопѣвцевъ издавалъ радостныя пронзительныя трели восторженнаго смѣха... Мартыновъ удивленно смотрѣлъ своими большими дѣтскими глазами сначала на Сосновскаго, потомъ на Краснопѣвцева, не сразу понималъ, надъ чѣмъ именно надо смѣяться, мысленно разбирался въ разсказанномъ анекдотѣ и тогда, когда уже Сосновскій переходилъ на новый, улавливалъ соль стараго, озарялся хорошей молодой улыбкой и, поблескивая глазами, весело говорилъ:

— Эге... Продолжайте, продолжайте... Я слушаю.

Миль сидѣлъ въ углу, не то дремалъ, не то все еще не могъ освоиться съ приказомъ, посылавшимъ его на усмиреніе... Онъ шевелилъ толстыми отвислыми губами, что-то соображалъ, кому-то доказывалъ, что онъ, собственно, не причемъ, и что ничего не подѣлаешь... Когда Сосновскій басилъ особенно густо и трель Краснопѣвцева брала самыя высокія ноты, Миль точно просыпался, мутно озиралъ своихъ однополчанъ и съ недовольнымъ глухимъ ворчаніемъ начиналъ возиться въ своемъ углу. Его безпокоило и смущало это чужое, какъ будто бы, неподдѣльное веселье въ ту минуту, когда душа хотѣла отвернуться отъ всего происходящаго и упрямо говорила, что ея участія ни въ чемъ нѣтъ...

— Ваше преподобіе, проснулись? — кричалъ ему Сосновскій...—Идите къ намъ... Мы васъ развеселимъ...

Миль ничего не отвѣчалъ, опять застывалъ въ темномъ

углу и съ тупымъ безпокойствомъ прислушивался къ стуку колесъ, по которому судилъ, что поѣздъ идетъ довольно таки быстро... Быстрота передвиженія не давала забыться ни на одинъ моментъ, напоминала, что такъ же, какъ бѣгутъ вагоны, бѣжитъ время, и что вагоны и время несутъ Миля въ Петербургъ, гдѣ онъ долженъ стоять со своими солдатами на какой-то неизвѣстной ему фабрикѣ, охранять ее отъ рабочихъ, почему-то не желающихъ работать, и въ случаѣ упорныхъ попытокъ съ ихъ стороны проникнуть въ мастерскія, отразить эти попытки силою оружія.

Коровинъ, войдя въ вагонъ, присѣлъ было сначала къ Милю, но, такъ какъ тотъ на всѣ его шутки отвѣчалъ однимъ неопредѣленнымъ мычаніемъ и, видимо, не имѣлъ никакого желанія вступать въ разговоръ, Коровинъ бросилъ свою затѣю растормошить „папашу“ и перебрался къ Сосновскому и его группѣ.

Сосновскій весело хлопнулъ Коровина по плечу, произвелъ звонкій звукъ, похожій на бульканіе жидкости, выливающейся изъ горлышка бутылки, и дѣловито освѣдомился:

— Ну, какъ вы, Андрей Андреичъ... никакой игры въ колѣняхъ передъ усмиреніемъ не чувствуете?.. Вы вѣдь у насъ сентименталъ...

— Рѣшительно никакой.

— Настоящій воинъ, значитъ... Превосходно, коли такъ... А ваше непосредственное начальство совсѣмъ въ меланхолію впало... Баба бабой сидитъ...

Краснопѣвцевъ зазвенѣлъ тоненькимъ серебрянымъ смѣшкомъ, а Мартыновъ на этотъ разъ задумался и серьезно сказалъ:

— Я постараюсь обойтись безъ выстрѣловъ.

— Бросьте, юноша, эту антимонію... Солдатъ, знаете, не что иное, какъ солдатъ. Веселъ, пьянъ въ свободное время, амуры и все прочее... А на службѣ—точное исполненіе приказа... Не онъ палитъ — форма его палитъ... Вы, Андрей Андреичъ, на этотъ счетъ какъ думаете?..

Коровинъ, который не могъ передать своихъ высшихъ соображеній, отрывисто отвѣтилъ:

— Про себя я знаю одно, что пустить пулю въ лобъ одному изъ мерзавцевъ для меня никакого труда не составитъ.

— Зрѣлое разсужденіе... Ваше преподобіе, штабсъ-капитанъ Миль, совѣтую послушать... Какъ куропаточку, слѣдовательно... Эхъ-хе-хе.

Сосновскій затрясся отъ добродушнаго смѣха.

Стало еще веселѣе, точно увѣренность Коровина въ

самомъ себѣ передалась каждому изъ офицеровъ, и ни у кого изъ нихъ не осталось скрытыхъ, крадущихся сомнѣній, которыя, какъ ни какъ, время отъ времени, завладѣвали сердцемъ и наполняли его неопредѣленной щемящей тоской... Одинъ рѣшилъ, а на міру и смерть красна... А то, что рѣшилъ онъ, какъ держаться, и такъ открыто и самостоятельно, первымъ, заявилъ передъ всѣми о своемъ рѣшеніи, перекладывало общую отвѣтственность на него одного... Онъ бралъ руководительство, слѣдовательно, зналъ, что такъ надо, что иначе нельзя... Особенно радовался этому Сосновскій, хотѣвшій было прикрыться солдатскимъ званіемъ и тѣмъ, что съ солдата спрашивать, собственно, нечего... Послѣ короткой паузы, переживъ снова жуткость того, что скоро, можетъ быть, придется убивать людей, и уже зная, что починъ въ убійствѣ принадлежитъ не ему, а другому, онъ благодарно поглядѣлъ на Коровина и не удержался отъ ласковой похвалы:

— Всегда, признаться, былъ о васъ самаго высокаго мнѣнія, а теперь побѣжденъ окончательно... Какъ куропаточку, эхъ-хе-хе...

Мартыновъ же точно все время соображалъ, о чемъ говорятъ его товарищи, сравнивалъ ихъ взгляды со своими, дѣлалъ мысленные выводы изъ этого сравненія и выбиралъ, на какомъ изъ нихъ остановиться.

Онъ робко посмотрѣлъ вглубь глазъ Коровина своими удивленными дѣтскими глазами и, словно бы добиваясь новаго нужнаго ему возраженія, грустно сказалъ:

— Всетаки, я буду избѣгать крови... Неизвѣстно еще... Понимаете, я застигнутъ врасплохъ, ново для меня все это... Ничего не соображаю... А сдѣлаешь,—не вернешь потомъ... Придется самому себѣ пулю пустить... Я органически не выношу несправедливости.

Послѣдней фразой онъ хотѣлъ оправдать свою нерѣшительность.

— „Молчалъ бы лучше“,—враждебно подумалъ про него Коровинъ, ничего не отвѣтилъ и вышелъ на площадку вагона.

По прибытіи въ Петербургъ, каждый изъ офицеровъ долженъ былъ отправиться со взводомъ солдатъ на особое назначенное для него мѣсто... Коровину пришлось идти за одну изъ заставъ. Городъ еще спалъ. На улицахъ почти не было движенія. Рѣдкіе ночные извозчики, проѣзжая мимо двигавшихся плотнымъ сѣрымъ прямоугольникомъ солдатъ, провожали ихъ любопытными глазами. Нѣкоторые изъ нихъ, отъѣхавъ на довольно значительное разстояніе, неожиданно приподнимались съ козелъ, хлестали со всей

силы лошадь и съ какой-то злобной рѣшимостью кричали бранныя оскорбительныя слова... Солдаты угрюмо шагали, старались не смотрѣть по сторонамъ, не слушать того, что кричатъ имъ извозчики, и хотѣли только одного—скорѣе дойти до мѣста назначенія, выполнить тамъ то, что прикажутъ, и потомъ вернуться въ казарму, гдѣ снова начнется обычный день и будетъ смѣняться такимъ же другимъ днемъ, пока ихъ не распустятъ по вольнымъ квартирамъ и каждый изъ нихъ не превратится въ обыкновеннаго человѣка, у котораго нѣтъ на плечѣ тяжелой винтовки, сбоку внимательнаго взора унтера и въ головѣ вбитой мысли о внутреннемъ его, солдатскомъ, врагѣ. Иныхъ брала злость на это свое исключительное положеніе, на то, что подняли ихъ въ холодную непогодную ночь, не спросивъ, согласны ли они ѣхать, повезли ихъ, какъ скотъ, въ товарныхъ вагонахъ, приказали зарядить винтовки боевыми патронами и ждать бунта... Злость эта получала самый ближайшій исходъ въ тупомъ враждебномъ чувствѣ противъ всѣхъ не такихъ, какъ они,—противъ рабочихъ, студентовъ, извозчиковъ и толпы, которая соберется на улицѣ... О чемъ толковать, когда имъ дали сдѣлаться солдатами, когда позволили увести ихъ въ казармы?.. И глаза мрачно и злобно выражали упрямую мысль, что, разъ они подчинились, когда ихъ оторвали отъ сохи, то они подчинятся и сегодня, потому что разницы между двумя этими подчиненіями нѣтъ.

На фабрикѣ околодочный провелъ Коровина въ помѣщеніе конторы, гдѣ сидѣли два пристава, жандармскій офицеръ и какіе-то субъекты въ штатскомъ. На столѣ въ бумажныхъ сверткахъ лежала разная закуска, стояло нѣсколько бутылокъ пива, толстобокій грязный самоваръ и стаканы съ оловянными ложками и плохо вымытыми, мѣстами подбитыми блюдечками.

— Простите ужъ, по походному...—извинился одинъ приставъ и распорядился, чтобы Коровину принесли стулъ.

— Военный совѣтъ въ Филяхъ...—съострилъ другой. — Видѣли такую картину?

Жандармскій офицеръ протянулъ ему черезъ столъ серебряный съ голубымъ шнуркомъ портсигаръ.

— Курите, пожалуйста, и располагайтесь, какъ дома... Вызовутъ васъ еще не скоро... Вы, должно быть, въ первый разъ?

— Въ первый...

— Ну, такъ знайте, что особеннаго ничего нѣтъ... По моему, скучно они устраиваютъ эти безпорядки... Не умѣютъ, вѣроятно, еще...

Коровину нравилось, что все здѣсь по домашнему—про-

сто и спокойно, и что его встрѣтили, какъ хорошо знакомаго человѣка. Ни у кого изъ нихъ, очевидно, никакихъ вопросовъ нѣтъ, они исполняютъ свою будничную обязанность, уважаютъ другъ друга и своимъ любезнымъ тономъ, вѣжливыми заботами о немъ показываютъ, что хотя онъ здѣсь всего въ первый разъ, но никто изъ нихъ не сомнѣвается, что онъ сдѣлается такимъ же, какъ они... Вотъ это онъ понимаетъ, такъ и надо было держаться все время, а не теряться отъ спора съ Игнашкинымъ, отъ цѣлаго моря новыхъ газетъ и разныхъ враждебныхъ слуховъ... Коровинъ, въ свою очередь, принималъ вѣжливый тонъ, предупредительно смѣялся всякой сказанной остротѣ, чокался, самъ острилъ и вообще старался показать, что находится въ привычной и не стѣсняющей его обстановкѣ.

Пристава куда-то уходили и приходили снова... Жандармскій офицеръ часто звонилъ въ телефонъ, говорилъ, что у нихъ пока все тихо, кивалъ головой и почтительно произносилъ: „Слушаю, ваше превосходительство"... Потомъ онъ предложилъ Коровину отдохнуть и провелъ его въ просторную комнату, гдѣ стоялъ столъ, покрытый зеленымъ сукномъ, клеенчатый диванъ, высокіе тяжелые стулья, а по стѣнамъ были развѣшаны портреты какихъ-то неизвѣстныхъ Коровину стариковъ.

— Вотъ здѣсь, въ правленіи, и располагайтесь... Спите крѣпче... Когда будетъ надо, васъ разбудятъ.

Коровинъ легъ, долгое время не закрывалъ глазъ, прислушивался къ движенію въ сосѣдней комнатѣ, смотрѣлъ сквозь мутныя оконныя стекла на красный фабричный корпусъ и большой дворъ съ утоптанной черной землей, огороженный глухимъ заборомъ... Прогудѣлъ гудокъ. Узкой лентой потянулись рабочіе... Ничего особеннаго не случалось; смотрѣть надоѣло, и онъ закрылъ глаза.

Какъ въ туманѣ, вспомнился ночной поѣздъ, унылый Миль, веселый Сосновскій... На минуту все это показалось лишнимъ, тревожащимъ усталый мозгъ... Захотѣлось обо всемъ позабыть... Потомъ уже ничего не было.

Проснулся онъ отъ шума и сутолоки, охватившей всю контору.

— Къ вамъ приходили?—слышался голосъ жандармскаго офицера...—Виноватъ, мнѣ мѣшаютъ слушать... Будьте любезны повторить... Вы говорите, приходили... Такъ-съ... Ваши побросали работу... Слушаю-съ.

Телефонъ далъ отбой.

Приставъ спросилъ:

— Ну что, какъ тамъ?..

— Толпа ходитъ и снимаетъ... Говорятъ: пошли въ нашу сторону.

— Много ихъ?..

— Въ одной около тысячи... Другая маленькая, человѣкъ въ двѣсти.

Коровинъ быстро вскочилъ, подошелъ къ окнамъ, но ничего не увидѣлъ.

— Ага, вы уже встали!.. Вотъ и отлично...—весело окликнулъ его одинъ изъ приставовъ...—Кажется, вамъ пора... Толпа идетъ снимать нашихъ.

— А эти работаютъ?..—Коровинъ указалъ на фабричный корпусъ...

— Пока что—да... Ждутъ сигнала... Они никогда первыми не начинаютъ.

Коровинъ выстроилъ своихъ солдатъ на указанномъ приставомъ мѣстѣ, какъ разъ напротивъ закрытыхъ воротъ, лицомъ къ улицѣ, и самъ всталъ поодаль, наблюдая за тѣмъ, что происходитъ... Второй изъ приставовъ объяснилъ ему, что на другой сторонѣ улицы огороженный пустырь, поэтому, въ случаѣ чего-нибудь, онъ можетъ не стѣсняться.

— Понимаете?..

Коровинъ, въ знакъ согласія, наклонилъ голову.

Черезъ пріотворенную маленькую дверцу видно было, какъ рысью промчался отрядъ конной полиціи и какъ, спустя нѣсколько минутъ, онъ же пролетѣлъ галопомъ въ обратномъ направленіи... Степенно и молча проходили небольшіе черные квадраты городовыхъ... Проѣхавшій мимо на рысакѣ полиціймейстеръ ударилъ своего кучера въ спину и, когда тотъ остановилъ лошадь, мотнулъ рукой стоявшему около воротъ молоденькому краснощекому полицейскому офицеру... Офицеръ подбѣжалъ, сдѣлалъ подъ козырекъ, и на его смѣтливомъ лицѣ появилось выраженіе торопливости и заботы... Послѣ этого мановенія рукой квадраты городовыхъ потеряли свою прежнюю степенность, стали ускорять шагъ и часто, неуклюже поддерживая шашки, пускались бѣгомъ то въ одномъ направленіи, то въ другомъ... Длинныя черныя пальто стѣсняли ихъ движенія; лица отъ напряженія побагровѣли, и глаза сдѣлались сердитыми и бѣгающими...

— Идутъ!.. идутъ!..—прокричалъ возбужденнымъ не своимъ голосомъ приставъ, извинявшійся передъ Коровинымъ, что у нихъ все по походному; онъ на ходу распорядился, чтобы прикрыли дверца воротъ и поставилъ у каждаго входа въ фабричный корпусъ по отряду городовыхъ.

Въ окнахъ корпуса показались взволнованныя фигуры рабочихъ. Часть изъ нихъ, дѣлая изъ рукъ трубку, крича-

ла, другіе махали шапками и платками и быстро исчезали. Торопливо и необычно прогудѣлъ гудокъ. Приставъ, въ сопровожденіи неизвѣстнаго штатскаго, широко размахивавшаго руками и что-то тревожно объяснявшаго, направился въ фабричный корпусъ. Съ улицы доносилось гудѣніе многоголовой оживленной толпы, долетали отдѣльные возгласы: „Бросать работу!“ „Не слушай фараоновъ!“ „Къ намъ, товарищи!“—„Ребята, что же вы?..“ Въ ворота веселыми отчетливыми ударами застучалъ градъ камней. Изъ фабричнаго корпуса выскочилъ разсвирѣпѣвшій и багровый приставъ. Онъ сердито отдувался, махалъ руками городовымъ. Тѣ летѣли отовсюду, точно выростали изъ-подъ земли. Рабочіе пытались открывать двери, напирая на нихъ упругой тяжелой массой. Городовые не поддавались. Одинъ изъ рабочихъ въ верхнемъ этажѣ отворилъ настежь раму и, могучій и веселый, во всю мочь выводилъ: „Наша взяла, товарищи... У-у-у... О-о-о...“ А потомъ сорвалъ съ себя красную ситцевую рубашку, вылѣзъ на наружный подоконникъ, потрясъ ею въ воздухѣ и опять кричалъ. Гдѣ-то раздалось ура. Городовые обнажили шашки. На дворъ стали перелетать камни. Изъ оконъ корпуса тоже стали бросать тяжелыми предметами. Зазвенѣли стекла.

Въ ворота ломились, стучали кулаками, ногами.

— Эй, открыть тамъ...—распорядился приставъ.—Дадимъ имъ гостинца.

Ворота распахнулись, и передъ возбужденной тысячной толпой неожиданно выросъ взводъ солдатъ. На минуту толпа притихла и, точно море, всей своей массой отхлынула назадъ, но, повинуясь какому-то безотчетному стремленію двигаться впередъ, не распадаться, сомкнулась снова и съ прежними криками, не смотря на солдатъ, полѣзла въ ворота.

— Ружья на прицѣлъ!..—звонкимъ металлическимъ голосомъ скомандовалъ Коровинъ, мускулы котораго точно превратились въ сталь.

— Расходись...—кричалъ приставъ.

Никто на него не обращалъ вниманія. Тогда онъ сдѣлалъ выразительный жестъ Коровину, посмотрѣлъ на него особеннымъ взглядомъ, пожалъ плечами. Коровинъ утвердительно мотнулъ головой.

Вотъ онъ... этотъ моментъ... Значитъ, все остается по старому. Значитъ, Игнашкинъ и всѣ другіе...

Онъ отошелъ немного назадъ, пріосанился, поднялъ кверху обнаженную шашку...

— Пли...

Нѣсколько человѣкъ упало. Толпа бросилась въ бѣгство.

Изъ-за угла галопомъ выскочили коннополицейскіе и понеслись вдоль улицы. Около труповъ и корчившихся раненыхъ собирались кучки изъ двухъ - трехъ рабочихъ. Откуда-то принесли носилки.

Одинъ молоденькій рабочій стоялъ около фонаря, смотрѣлъ на эту картину широко раскрытыми безумными глазами, потомъ рѣшительно побѣжалъ, но по дорогѣ остановился и неестественно-тонкимъ голосомъ крикнулъ:

— Да здравствуетъ соціализмъ!

Дѣтскій голосъ, зазвенѣвшій протестомъ надъ всѣмъ случившимся и словно чувствовавшій себя бо̀льшимъ, чѣмъ это случившееся, подѣйствовалъ на Коровина, какъ ударъ по лицу. Онъ не ожидалъ этой открытой смѣлости, этого вызова ему передъ цѣлымъ взводомъ только что стрѣлявшихъ солдатъ. Его всего передернуло. Не отдавая себѣ отчета, онъ бросился къ закрывшему въ ужасѣ руками лицо мальчугану, взмахнулъ шашкой—и тотъ, съ раскроеннымъ на двое черепомъ, рухнулъ на мостовую.

У Коровина осталось впечатлѣніе, будто онъ убилъ не человѣка, а звенящій дѣтскій голосокъ, кричавшій о соціализмѣ послѣ того, какъ онъ, Коровинъ, доказалъ, что никакого соціализма нѣтъ.

В. Башкинъ.

Элементъ стихійности въ массовыхъ движеніяхъ.

Въ томъ причудливомъ и своеобразномъ мірѣ, которымъ обнимается широкая область такъ называемой *массовой* психологіи, или психологіи *толпы*,—одно явленіе прежде всего обращаетъ на себя вниманіе: это—*стихійность*, стихійный характеръ массовыхъ движеній. Эта характерная черта въ психикѣ массовыхъ движеній ярко воспроизводится и отчасти точнѣе опредѣляется въ изслѣдованіи талантливаго французскаго психолога Г. Лебона. Названный авторъ доказываетъ, что всякій индивидъ, вступающій въ толпу, въ значительной степени теряетъ свою индивидуальность, обезличивается и начинаетъ обнаруживать въ своихъ движеніяхъ слѣдующія особенности, которыя могутъ быть ему совершенно чужды, какъ индивидуальной личности: преобладаніе *рефлекса*, или повышенную дѣятельность такъ называемыхъ низшихъ центровъ,—съ соотвѣтствующимъ пониженіемъ въ дѣятельности центровъ высшихъ, т. е. болѣе или менѣе глубокими аномаліями, дефектами, изъянами въ сферѣ логическаго мышленія, или критической способности. Съ этими элементарными чертами Лебонъ связываетъ и всѣ дальнѣйшія особенности, представляемыя психикой массовыхъ движеній. Чѣмъ менѣе толпа способна резонировать, тѣмъ ярче чувства, которыми толпа живетъ; теряя въ толпѣ способность критическаго сужденія, человѣкъ естественно теряетъ и всякую сознательную волю. Массы дѣйствуютъ, слѣдуя данному импульсу, сообразно всѣмъ случайностямъ дѣйствующихъ на нихъ въ каждую данную минуту возбужденій. Всякая *предумышленность*,—утверждаетъ въ этомъ смыслѣ авторъ,—въ массовыхъ движеніяхъ совершенно исключается *). То же повторяютъ, обыкновенно, лишь въ болѣе расплывчатыхъ выраженіяхъ, и другіе авторы, касавшіеся данной области коллективной психологіи. М. Дюкамъ (du Camp), одинъ изъ бытописателей исторіи Коммуны, въ моментъ *непроизвольности движеній* видитъ не только

*) G. Le Bon. Psychologie des foules. 9-e изданіе. 1905.

характерную черту, но и какъ бы самое выраженіе *души* народныхъ массъ*).

Можно, однако, спросить, чѣмъ же *объясняются* указанныя особенности въ психической организаціи массъ? Почему каждое отдѣльное лицо, входя въ толпу, въ значительной степени перестаетъ быть самимъ собой, начинаетъ обнаруживать въ своей психикѣ совершенно новыя черты? Почему мы наблюдаемъ въ массовыхъ движеніяхъ эту любопытную особенность—преобладаніе рефлекса,—неспособность резонировать,—печать чего-то стихійнаго, какой-то глубоко стихійной силы,—силы, источники которой лежатъ внѣ сферы сознательныхъ стремленій, сознательной воли индивидуальной личности?

Авторъ, котораго мы цитировали выше, замѣчаетъ, что значительно легче констатировать черты, которыми характеризуется психологія массъ, нежели объяснить эти черты. Сдѣлавши подобное признаніе, Г. Лебонъ затѣмъ уже не считаетъ необходимымъ останавливаться на болѣе тщательномъ анализѣ вопроса и находитъ возможнымъ удовольствоваться сравнительно простымъ «объясненіемъ» стихійности массовыхъ движеній. Онъ ссылается на извѣстную «заразительность» психическихъ массовыхъ явленій,—«феноменъ, который не трудно констатировать, но труднѣе объяснить и который слѣдуетъ связать съ явленіями, относящимися къ области гипноза». Ссылкою на такую «связь» авторъ думаетъ, повидимому, что-то объяснить; къ сожалѣнію, читатель скоро убѣждается, что и послѣ объясненія, даваемаго блестящимъ французскимъ авторомъ, онъ, читатель, по прежнему стоитъ передъ чрезвычайно темною загадкою... Въ поясненіе цитированнаго выше положенія, нѣсколькими строчками ниже, мы читаемъ: «Наблюденія, наиболѣе внимательныя, кажется, доказываютъ, что индивидъ, который находится нѣкоторое время среди дѣйствующей толпы, вскорѣ, *вслѣдствіе ли нѣкоторыхъ теченій, которыя устанавливаются въ толпѣ, или въ силу какой-либо иной причины, которой мы не знаемъ,* впадаетъ въ нѣкоторое специфическое состояніе, близко напоминающее состояніе гипнотизуемыхъ субъектовъ въ то время, какъ они находятся въ рукахъ гипнотизеровъ» **).

Способно ли такое «объясненіе» фактовъ сколько-нибудь удовлетворить насъ? Въ случаяхъ гипноза мы имѣемъ дѣло съ двоякимъ рядомъ причинно-обусловленныхъ явленій: опредѣленными формами психическаго воздѣйствія и опредѣленною реакціей. Въ массовомъ движеніи, вмѣсто опредѣленнаго психическаго воздѣйствія, передъ нами ставится совершенно неопредѣленная величина: какія-то невидимыя теченія, которыя устанавливаются въ толпѣ, или

*) L'inconscience semble être l'âme même des foules. См. D-r P. Aubry. La contagion du meurtre. 3-e изд. 1896 г. Стр. 230.

**) Назв. соч., стр. 19.

какая-либо иная сила, которой мы совсѣмъ не знаемъ. Оставаться въ области подобныхъ аналогій не значитъ ли откровенно сознаваться, что мы не понимаемъ, не въ состояніи выяснить сущности изслѣдуемыхъ явленій, стоимъ передъ темною и непроницаемой загадкой?

Намъ думается, необходимо подойти къ вопросу, становясь на существенно иную точку зрѣнія, осмысливъ, прежде всего, проблему въ ея глубокой *методологической* основѣ. Съ этой стороны задача, которою намъ предстоитъ заняться, представляется намъ въ слѣдующей общей схемѣ, въ слѣдующемъ логическомъ развитіи.

Прежде всего, совершенно очевидно, что между лицами, входящими въ толпу, устанавливаются извѣстныя формы психическаго взаимодѣйствія, и въ этихъ психическихъ взаимодѣйствіяхъ, а отнюдь не въ дѣйствіи какихъ-то невѣдомыхъ намъ силъ или въ какихъ-то загадочныхъ «теченіяхъ», лежитъ ключъ къ пониманію интересующихъ насъ явленій. Слѣдовательно, *психическія взаимодѣйствія*, существующія въ толпѣ, въ ихъ живомъ и реальномъ своеобразіи, вотъ въ наиболѣе общемъ и широкомъ опредѣленіи *объектъ* настоящаго изслѣдованія. Тайна названныхъ взаимодѣйствій можетъ быть открыта, конечно, лишь путемъ анализа, но, и не приступая къ еще такому анализу, мы не затруднимся намѣтить *руководящій принципъ*, который позволитъ намъ болѣе точнымъ образомъ формулировать вопросъ и свяжетъ предметъ нашего изслѣдованія съ болѣе общею и широкою проблемою. Особенности, представляемыя психикой массовыхъ движеній, будучи разсматриваемы съ извѣстной точки зрѣнія, должны быть отнесены къ явленіямъ *соціальной* жизни. Этимъ опредѣляется и та широкая область фактовъ, въ которой мы должны искать глубокихъ аналогій, освѣщающихъ темные пункты и именно глубокое психическое преобразованіе человѣка въ массовыхъ движеніяхъ. Подобныхъ аналогій у насъ передъ глазами, въ повседневной жизни, неисчерпаемое множество. Общество, общественная среда вездѣ, безусловно въ каждой сферѣ жизни, оказываетъ на личность глубокое и мощное вліяніе; удивительно ли, что это вліяніе нигдѣ и никогда не проявляется такимъ яркимъ и рѣзкимъ образомъ, какъ именно въ наиболѣе острые моменты соціальной жизни, или въ моменты наиболѣе интенсивной соціальной жизни, т. е. въ толпѣ или въ массовомъ движеніи.

Этотъ уголъ зрѣнія, какъ краеугольный камень, ляжетъ въ основу настоящаго очерка, имѣющаго своей задачей выяснить тѣ *специфическія*, конкретныя и живыя формы психическаго взаимодѣйствія, которыя устанавливаются *въ толпѣ* между индивидуальной *личностью* и окружающей *средой*.

Въ силу элементарныхъ особенностей человѣческой природы, переживанія человѣка существенно различны въ зависимости отъ условій соціальной обстановки. Настроеніе,—чувства, съ которыми мы относимся къ окружающимъ,—тонъ, окраска всѣхъ нашихъ переживаній,—все это въ значительной степени варіируетъ въ зависимости какъ отъ характера людей, съ которыми мы встрѣчаемся, такъ и отъ характера среды, въ которой намъ приходится вращаться. Данная категорія людей и данная среда отталкиваютъ насъ; другая соціальная среда, какъ и другая категорія людей, влекутъ къ себѣ, «притягиваютъ» насъ, завладѣваютъ нашими симпатіями, производятъ на насъ какое-то неотразимое нравственное обаяніе; между нами устанавливается глубокая нравственная общность съ извѣстными формами моральнаго взаимодѣйствія.

Чѣмъ же обусловливаются эти глубокія различія въ характерѣ отношенія личности къ окружающей средѣ? Не претендуя исчерпать вопросъ, какъ общее правило, можно утверждать: чѣмъ болѣе *общаго, общихъ переживаній* между мною и окружающей средой,—тѣмъ тѣснѣе и ближе наши отношенія, тѣмъ болѣе прочнымъ и глубокимъ образомъ завязывается между нами извѣстная нравственная связь. Люди, слишкомъ мало сходные по своей натурѣ, по своему общему нравственному складу, живущіе интересами совершенно разными, съ различными взглядами на вещи, разными привычками и пр.,—останутся другъ для друга болѣе или менѣе чуждыми. Въ обществѣ мы ежедневно сталкиваемся съ людьми, съ которыми, повидимому, не имѣемъ ничего—или чрезвычайно мало—общаго, и мы чувствуемъ, что между нами стоитъ что-то, — нѣчто, разъединяющее, отталкивающее насъ, сообщающее нашимъ отношеніямъ извѣстную натянутость, препятствующее нашему моральному, интимному, сближенію. Напротивъ, пусть вы встрѣтитесь съ людьми, съ которыми вы находите много общихъ точекъ соприкосновенія,—людьми, напр., раздѣляющими тѣ же политическіе, соціальные, научные и пр. взгляды, или одинаково интересующимися какою-нибудь общею областью явленій, — и вы сейчасъ же замѣчаете, что между вами устанавливается и извѣстная *нравственная связь*, — т. е. нѣкоторая общность, которая шире, нежели тѣ непосредственные интересы, какіе васъ связываютъ. Какимъ образомъ объясняется эта любопытная особенность человѣческой натуры, — на разсмотрѣніи даннаго вопроса я не могу останавливаться въ настоящемъ очеркѣ: это завело бы насъ слишкомъ далеко. Могу только повторить слова, которыя сказаны и подробнѣе развиваются много въ другомъ мѣстѣ и въ иной связи мыслей,—(въ изслѣдованіи, предметъ котораго—происхожденіе нравственныхъ привязанностей): «все, что способно создавать между людьми нѣчто общее,—прежде всего, разумѣется, долгое совмѣстное существованіе, общія традиціи, общія привычки, *всякое общее переживаніе вообще*,

какое-нибудь общее воспоминаніе, напр.,—все это связываетъ человѣка съ человѣкомъ, создаетъ между людьми извѣстную нравственную близость, извѣстную нравственную связь».

Мы настаиваемъ на этихъ общихъ и прелиминарныхъ замѣчаніяхъ. Они позволятъ намъ понять, какимъ образомъ отношенія складываются въ толпѣ между каждой отдѣльной личностью и окружающей средой; намъ не трудно будетъ убѣдиться въ существованіи особой моральной связи, соединяющей людей въ толпу и обусловливаемой извѣстной общностью переживаній; мы, наконецъ, поймемъ, какимъ образомъ изъ этой моральной связи проистекаютъ съ психологической необходимостью извѣстныя формы психическаго взаимодѣйствія, объясняющія отмѣченныя выше особенности и свойства въ психической организаціи массъ.

Обращаемся къ анализу. Постараемся выяснить переживанія человѣка, какъ эти переживанія опредѣляются условіями и характеромъ массовыхъ движеній.

Начать съ того, что въ каждой массѣ, въ каждомъ скопищѣ людей, въ каждой толпѣ, собравшейся по тому или другому поводу, между людьми, которые входятъ въ массу, всегда существуютъ нѣкоторыя *общія точки соприкосновенія*, — въ видѣ ли нѣкоторыхъ элементовъ *эмоціоннаго характера* (возьмите хотя бы самый грубый видъ толпы,—толпу зѣвакъ, слѣдящихъ за какимъ-нибудь уличнымъ происшествіемъ), въ видѣ ли извѣстныхъ переживаній *идейнаго*, или *эмоціонно-идейнаго характера*,—случай, наиболѣе общій и имѣющій мѣсто въ тѣхъ массовыхъ движеніяхъ, которыя въ настоящемъ очеркѣ будутъ по преимуществу интересовать насъ. Между отдѣльными лицами, входящими въ толпу, могутъ существовать самыя глубокія различія съ точки зрѣнія интеллектуальнаго и моральнаго развитія, міросозерцанія и пр.; какъ ни значительны, однако, всѣ эти индивидуальныя различія рядомъ съ ними и *надъ ними* существуетъ нѣчто общее.—нѣкоторыя общія переживанія, которыя присущи всѣмъ и каждому. Мы говоримъ, что нѣкоторыя общія переживанія получаютъ въ массахъ, по необходимости, значеніе *господствующаго* психическаго момента, и это въ силу слѣдующихъ причинъ. Во первыхъ, извѣстные общіе или общественные интересы, будучи восприняты, отразившись сколько-нибудь глубокимъ образомъ въ сознаніи массъ, интенсифицируются, воспринимаются болѣе живымъ и яркимъ образомъ въ индивидуальномъ сознаніи каждаго, отчасти въ связи съ законами, о которыхъ намъ придется ниже говорить. Во вторыхъ, индивидуальныя различія натуръ, исключающія часто возможность всякихъ общихъ переживаній, извѣстныя противорѣчія во взглядахъ и стремленіяхъ, которыми обусловливается образованіе глубокихъ антипатій, тысячи мотивовъ, которые вызываютъ тренія и служатъ разъединяющимъ, отталкивающимъ моментомъ въ отношеніяхъ человѣка къ человѣку,—все это не имѣетъ случая, повода, причины про-

явиться въ массовомъ движеніи. Въ толпѣ люди встрѣчаются, сталкиваясь лишь на почвѣ общихъ переживаній, опредѣляемыхъ условіями, характеромъ и задачами общаго движенія. Съ другой стороны, извѣстныя общія переживанія, разъ только они обнаруживаются въ толпѣ съ достаточною живостью, въ извѣстной степени опредѣляютъ и дальнѣйшія переживанія массъ, въ силу хорошо извѣстнаго закона: переживанія, которыя составляютъ содержаніе нашего сознанія въ каждую данную минуту, *настраиваютъ* насъ извѣстнымъ образомъ,—создаютъ то, что въ психологіи принято называть извѣстной «костелляціей представленій», т. е. сообщаютъ ближайшимъ переживаніямъ опредѣленный тонъ, опредѣленную окраску. Поэтому существующіе психологическіе контрасты, поскольку вообще они могутъ проявиться въ массовомъ движеніи, проявляются въ значительной степени стушеванными; для общности переживаній массъ создается тѣмъ болѣе благопріятная психологическая почва.

Далѣе.

Мы сказали,—чѣмъ болѣе *общихъ переживаній* между мною и окружающей средой, чѣмъ болѣе эти переживанія ярки, тѣмъ болѣе прочнымъ и глубокимъ образомъ завязывается между нами извѣстная *нравственная связь*. Ясно, какая глубокая *нравственная связь* должна возникнуть въ рядахъ людей, поддавшихся такъ или иначе общему движенію, при томъ характерѣ общности переживаній массъ, о которомъ мы выше говорили. Натуры, съ наиболѣе различными моральными задатками, встрѣчаясь на почвѣ общихъ массовыхъ переживаній, испытываютъ какую-то глубокую нравственную близость, какое-то своеобразное душевное сродство; каждый, кому доводилось принимать участіе такъ или иначе въ массовомъ движеніи, подтвердитъ эту своеобразную особенность въ психикѣ толпы. Изъ этого капитальнаго психологическаго факта проистекаетъ слѣдующая дальнѣйшая особенность въ психической организаціи массъ. Болѣе или менѣе живо сознавая, что между мною и окружающей средой существуетъ нѣчто общее,—нѣчто, образующее между нами извѣстную нравственную связь, объединяющее насъ въ особое нравственное цѣлое, сообщающее намъ характеръ нѣкотораго нравственнаго единства, — я естественно начинаю испытывать со стороны толпы неотразимое *моральное давленіе*. Встрѣчаясь съ вами на почвѣ личныхъ индивидуальныхъ отношеній, я счелъ бы васъ, быть можетъ, самымъ полнымъ нравственнымъ ничтожествомъ, сталъ бы совершенно игнорировать и васъ, и ваши мнѣнія. Въ толпѣ наши отношенія складываются уже существенно иначе. Всѣ личные контрасты исчезаютъ, притупляются; я вижу въ васъ безыменную частицу, звено нѣкотораго нравственнаго цѣлаго, съ которымъ самъ связанъ,—на основаніи сказаннаго выше,—прочнымъ и глубокимъ образомъ, прочными нитями общихъ переживаній; ваша оцѣнка,

одобреніе или осужденіе, моихъ поступковъ уже далеко не могутъ представляться для меня совершенно безразличными. Короче говоря, я связанъ извѣстными общими переживаніями, а, слѣдовательно, извѣстною нравственною связью, съ толпой, *какъ таковой*, т. е. съ каждой отдѣльной личностью, входящею въ составъ толпы независимо отъ индивидуальныхъ особенностей и различій, которыя каждая отдѣльная личность можетъ представлять; отсюда—неотразимое моральное давленіе, которое я испытываю со стороны толпы, т. е. опять таки со стороны *каждой* отдѣльной личности, входящей вмѣстѣ со мною въ данную толпу. Вспомнимъ, насколько чутко человѣкъ вообще прислушивается къ такъ называемому общественному мнѣнію, къ оцѣнкѣ своихъ поступковъ со стороны среды. Не раздѣляя односторонностей иныхъ теорій, можно, однако, смѣло утверждать, что уваженіе къ общественному мнѣнію или страхъ передъ силою общественнаго мнѣнія являются однимъ изъ весьма серьезныхъ факторовъ, которыми опредѣляются поступки громаднаго большинства людей. Вспомнимъ это общеизвѣстное явленіе, сопоставимъ съ нимъ указанныя особенности въ психической организаціи массъ, и мы поймемъ, почему въ толпѣ каждый индивидъ стремится сообразовать собственные акты съ актами среды, испытываетъ глубокое и почти неодолимое влеченіе въ сторону общаго движенія.

Такимъ образомъ, входя въ толпу, индивидъ уже чувствуетъ себя извѣстнымъ образомъ настроеннымъ, имѣетъ *тенденцію* реагировать въ опредѣленномъ направленіи, т. е. въ извѣстномъ единеніи съ окружающей средой, и на этой своеобразной психологической основѣ разыгрываются тѣ непроизвольныя, такъ называемыя *идео-моторныя реакціи*, которыя могутъ, какъ мы чейчасъ увидимъ, сообщать движеніямъ и дѣйствіямъ толпы въ извѣстныхъ случаяхъ характеръ самаго грубаго и полнаго автоматизма.

. . . .

Почти всякій знаетъ, что извѣстныя *движенія*, будучи кѣмъ-нибудь произведены, затѣмъ съ чрезвычайной легкостью воспроизводятся чисто-рефлекторнымъ образомъ окружающей средой. Такъ, напр.,—чтобы взять самый обыденный и банальный случай,—если около васъ кто-нибудь примется зѣвать, зѣвота обыкновенно сейчасъ же сообщается, «передается» вамъ, т. е. вы начинаете невольно обнаруживать соотвѣтствующій рефлексъ. Точно такъ же «заразительны», какъ извѣстно, и смѣхъ, кашель, до нѣкоторой степени, извѣстныя движенія мимики и пр. Хорошей иллюстраціей сказаннаго можетъ служить наблюденіе д-ра Баженова, который сообщаетъ, какъ на одномъ изъ представленій Сары Бернаръ. въ самый трагическій моментъ, когда вниманіе всѣхъ было приковано къ губамъ артистки и изображаемая ею героиня, въ мукахъ предсмертной агоніи, начинала задыхаться отъ удушающаго кашля,

въ залѣ разразилась цѣлая эпидемія кашля, и въ теченіе нѣсколькихъ минутъ, за этимъ шумомъ, нельзя было разобрать словъ артистки. Подобно указаннымъ движеніямъ *непроизвольнаго* характера, легко воспроизводится средой и всякое *произвольное* движеніе, встрѣчающее въ данной средѣ, въ условіяхъ соціальной обстановки, нѣкоторую подходящую психологическую почву. Д-ръ Aubry разсказываетъ о слѣдующемъ экспериментѣ въ этомъ родѣ, не лишенномъ оригинальности. «Въ бытность мою студентомъ, одинъ изъ моихъ товарищей,—говоритъ онъ,—изобрѣлъ, въ амфитеатрѣ для диссекцій, маленькую игру, которую мы окрестили «музыкальнымъ рефлексомъ». Въ минуту совершенной тишины мы пропѣвали нѣсколько тактовъ изъ какого-нибудь популярнаго мотива, потомъ внезапно обрывали мотивъ. Постоянно, по прошествіи нѣкотораго времени, не превышавшаго нѣсколькихъ секундъ, мотивъ повторялся въ другомъ концѣ зала, тѣмъ или другимъ, и—я подчеркиваю это—совершенно машинально» *).

Всѣ подобныя явленія, перечень кототорыхъ читатель, вѣроятно, не затруднится въ значительной степени расширить и самъ, находятъ себѣ удовлетворительное объясненіе въ современной психологіи въ связи съ упомянутымъ *закономъ* такъ называемыхъ *идео-моторныхъ реакцій*. Этотъ законъ мы можемъ выразить,—вмѣстѣ съ W. James'омъ,—примѣнительно къ указаннымъ выше случаямъ, слѣдующимъ образомъ: всякое представленіе, имѣющее объектомъ какое-нибудь опредѣленное движеніе, порождаетъ тенденцію воспроизвести данное движеніе, и данная тенденція, дѣйствительно, реализуется, если ее не парализуетъ антагонистическое представленіе, одновременно имѣющееся въ сознаніи **).

Эта формула является, однако, лишь *частнымъ* выраженіемъ того, что принято понимать подъ закономъ идео-моторныхъ реакцій. Возьмите тотъ же законъ въ его наиболѣе общей формулировкѣ, и вы поймете не только указанные выше случаи воспроизведенія однимъ лицомъ нѣкоторыхъ наиболѣе элементарныхъ движеній, совершаемыхъ окружающей средой, но и болѣе сложные случаи «психическаго зараженія».

Въ наиболѣе общей и широкой формулировкѣ законъ идеомоторныхъ реакцій можетъ быть выраженъ слѣдующимъ образомъ: *всякій психическій процессъ*, образующій содержаніе нашего сознанія въ каждую данную минуту, вызываетъ или, по крайней мѣрѣ, имѣетъ тенденцію вызвать, опредѣленныя *движенія*, т. е. игру всѣхъ или опредѣленныхъ мускуловъ, извѣстныя тѣлодвиженія, сопровождаемыя извѣстной мимикой и пр.; при этомъ, чѣмъ ярче и живѣе психическій процессъ, тѣмъ болѣе рѣзко и ярко обнаруживаются и соотвѣтствующія движенія. «Движеніе,—указываетъ

*) D-r Aubry. La contagion du meurtre. 189 . Стр. 8.
**) The principle of Psychologie. 1901. Vol. II. Стр. 526.

въ этомъ смыслѣ Джемсъ,—является естественнымъ и непосредственнымъ эффектомъ нашихъ внутреннихъ переживаній, какъ бы формы этихъ переживаній ни были различны. Указанный законъ одинаковымъ образомъ воспроизводится и въ простыхъ рефлексахъ, и въ такъ называемыхъ естественныхъ выраженіяхъ ощущеній, и въ области всѣхъ нашихъ волевыхъ процессовъ» *). Нужно чрезвычайное умѣніе владѣть собою для того, чтобы хотя въ нѣкоторой степени скрывать отъ окружающихъ тѣ чувства, которыя волнуютъ насъ; въ полной же мѣрѣ эта способность, какъ извѣстно, не дается никому. Мы всегда умѣемъ болѣе или менѣе угадать, прочесть скрытыя интимныя переживанія людей, которыхъ мы сколько-нибудь близко знаемъ, потому, конечно, что нѣтъ такого психическаго состоянія, которое не обнаруживало бы тенденціи проявиться болѣе или менѣе характерными внѣшними движеніями, характерными для даннаго психическаго акта, и, въ извѣстныхъ границахъ, разумѣется, для даннаго лица.

Мы не станемъ развивать подробнѣе указанныя общія положенія, которыя признаются въ современной психологіи прочно установленными. Мы желали лишь напомнить эти положенія, и теперь позволимъ себѣ въ видахъ наглядности резюмировать тѣ выводы, къ которымъ приводятъ предшествующія замѣчанія, въ слѣдующей двоякой формулѣ:

А. Извѣстныя *движенія*, произведенныя однимъ лицомъ, обнаруживаютъ естественную тенденцію *воспроизвестись* другимъ лицемъ или окружающей средой.

В. Всякое *внутреннее переживаніе* человѣка переводится или обнаруживаетъ тенденцію перевестись рядомъ опредѣленныхъ органическихъ реакцій или болѣе или менѣе сложною системою *движеній*.

Слѣдуетъ замѣтить, что послѣднее изъ данныхъ положеній оказывается справедливымъ и въ обратномъ смыслѣ, т. е. достаточно, чтобы человѣкъ сталъ воспроизводить болѣе или менѣе механически извѣстныя внѣшнія движенія, отвѣчающія извѣстному психическому типу, т. е. «выражающія» опредѣленное психическое состояніе, и, вмѣстѣ съ этою игрою, и внутреннія переживанія человѣка, мысли, чувства стремятся проявить, если можно такъ выразиться, соотвѣтствующее движеніе. Желая симулировать какое-либо настроеніе, человѣкъ сплошь и рядомъ до такой степени «увлекается» своими жестами и позами, что уже и самъ теряетъ способность ясно различать, гдѣ кончается игра и начинается дѣйствительность. Если всякая эмоція стремится перевестись въ извѣстный жестъ, то въ свою очередь и всякій жестъ, выражающій собою болѣе или менѣе опредѣленную эмоціцію, будитъ въ сознаніи соотвѣтствующія представленія и вмѣстѣ съ тѣмъ стремится

*) Тамъ же, стр. 527.

пародить, отчасти на основаніи сказаннаго выше (формула А), отчасти въ силу игры ассоціацій, дальнѣйшія внутреннія и внѣшнія движенія того же эмоціоннаго характера *).

Указанныя выше положенія, формулирующія законъ идео-моторныхъ реакцій, дополняются, слѣдовательно, еще однимъ крайне существеннымъ положеніемъ, которое можетъ быть выражено слѣдующимъ образомъ:

С. Извѣстныя эмоціонныя движенія, будучи такъ или иначе воспроизводимы, имѣютъ тенденцію проявить и соотвѣтствующую эмоцію, соотвѣтственное настроеніе.

Сопоставляя отмѣченныя положенія съ тѣмъ, что было выше сказано относительно особенностей въ психической организаціи массъ, читатель, вѣроятно, не затруднится уже объяснить происхожденіе тѣхъ темныхъ и загадочныхъ «теченій», о которыхъ говоритъ Лебонъ, — теченій, которыми обусловливается образованіе своеобразныхъ явленій *психическаго массоваго заражения.*

Допустимъ, что извѣстное настроеніе обнаружится въ толпѣ въ рядѣ пунктовъ; это настроеніе будетъ передаваться отъ индивида къ индивиду двоякимъ образомъ.

Во-первыхъ, настроеніе данныхъ группъ будетъ выражаться характерными *эмоціонными движеніями*, которыя станутъ распространяться въ средѣ волнующейся толпы, при указанной общности нравственныхъ переживаній массы, какъ распространяются, при соотвѣтствующихъ условіяхъ среды, тѣ болѣе элементарныя движенія произвольнаго и непроизвольнаго характера, которыя упомянуты выше и давно отмѣчаются въ литературѣ, какъ банальныя и общеизвѣстныя явленія (Формула А.). Съ другой стороны, эти

---

*) Ср. Bain. Emotion and Wile. Стр. 380 и сл. «Подавленіе извѣстнаго движенія (эмоціоннаго характера) имѣетъ тенденцію подавить и соотвѣтствующее нервное возбужденіе, которое данному движенію отвѣчаетъ... Точно такъ же путемъ внѣшнихъ и наружныхъ дѣйствій, умѣло управляя нашими внѣшними движеніями, мы можемъ будить и стимулировать дремлющія чувства. Точно воспроизводя извѣстныя эмоціонныя движенія, мы незамѣтнымъ образомъ стремимся вызвать и соотвѣтствующее настроеніе». Ср. также развитіе этой мысли у І. Джемса, который видитъ первичный фактъ всякой эмоціи въ извѣстныхъ органическихъ реакціяхъ, и фактъ производный—пассивное зарегистрированіе органическихъ реакцій—въ эмоціи, какъ душевномъ переживаніи. Извѣстно изреченіе Джемса: «мы не потому плачемъ, что грустны, но потому грустны, что плачемъ.» Съ нашей точки зрѣнія, грусть, какъ и всякое психическое состояніе, сопровождается извѣстными формами органическихъ реакцій,—сокращеніемъ извѣстныхъ мускуловъ, измѣненіями въ ритмѣ или тонѣ жизненныхъ процессовъ, слезами и пр. Съ другой стороны, именно потому, что извѣстныя психическія состоянія и соотвѣтствующія органическія реакціи имѣютъ характеръ *неразрывнаго комплекса*, мы не можемъ «плакать», т. е. не можемъ обнаруживать всей совокупности симптомовъ, въ которыхъ грусть манифестируется, и, въ то же время, не испытывать нѣкоторой внутренней душевной подавленности.

эмоціонныя движенія, проявляясь первоначально въ извѣстныхъ границахъ, по крайней мѣрѣ, болѣе или менѣе механически, будутъ служить дѣятельнымъ импульсомъ, вызывающимъ проявленіе соотвѣтственныхъ эмоцій (Формула С.). Далѣе, чѣмъ шире и глубже проявится настроеніе, тѣмъ рѣзче будутъ обнаруживаться эмоціонныя движенія, и всякій новый стимулъ, дѣйствующій на массу въ опредѣленномъ направленіи, будетъ создавать все болѣе и болѣе глубокое эмоціонное движеніе.

Во-вторыхъ, разъ только извѣстное настроеніе выразится достаточно глубокимъ образомъ и получитъ въ толпѣ достаточно широкое распространеніе, оно переведется (формула В.) въ *общее*, болѣе или менѣе координированное, *движеніе*, выразится агрессивными актами и пр., и это общее координированное движеніе, еще въ большей степени, нежели мелкія движенія эмоціоннаго характера, усилитъ, подниметъ и взвинтитъ настроеніе массы...

Мы повторяемъ и подчеркиваемъ, такъ какъ эта оговорка представляется намъ чрезвычайно важной, что указываемая игра непроизвольныхъ массовыхъ реакцій тогда лишь станетъ для насъ совершенно осязательнымъ и понятнымъ фактомъ, понятнымъ и яснымъ психологическимъ явленіемъ, если мы не будемъ упускать изъ виду извѣстной общности нравственныхъ переживаній массъ, образующей основу, корень, исходный пунктъ всякаго массоваго движенія. Отбросьте этотъ капитальный психологическій моментъ, какъ это обыкновенно дѣлается, представьте себѣ толпу, какъ сумму лицъ, лишенныхъ глубокой нравственной, душевной связи, и напрасно будетъ ссылаться на законъ идео-моторныхъ реакцій, психика массовыхъ движеній останется для насъ совершенно темной... Разумѣется, чѣмъ живѣе и ярче воспринимаются толпой извѣстныя общія переживанія, тѣмъ болѣе рѣзкимъ образомъ будутъ проявляться въ жестахъ и дѣйствіяхъ толпы и соотвѣтствующія непроизвольныя идео-моторныя реакціи, тѣмъ больше будетъ безсознательности и стихійности въ массовомъ движеніи.

Рядомъ съ указанными нравственными моментами, еще и другіе факторы способствуютъ нравственному сплоченію массъ, способствуютъ, слѣдовательно, и образованію тѣхъ специфическихъ нравственныхъ тенденцій, на почвѣ которыхъ могутъ разыгрываться съ такою поражающею силой непроизвольныя идео-моторныя реакціи.

Въ этомъ отношеніи, прежде всего, заслуживаетъ вниманія слѣдующій моментъ.

Во всякомъ массовомъ движеніи, поскольку съ нимъ сопряжены для массъ извѣстныя опасности, или извѣстный рискъ, инстинктъ самосохраненія, этотъ деспотическій инстинктъ, который въ большей степени, нежели всякій другой, способенъ заглушать

разсудокъ и совѣсть человѣка, стимулируется весьма и весьма глубокимъ образомъ. Благодаря этому моменту, указанные процессы психическаго массоваго зараженія должны естественно проявляться, въ соотвѣтствующихъ случаяхъ, еще болѣе рѣзкимъ и глубокимъ образомъ, съ еще болѣе неудержимою, стихійной силой.

Для того, чтобы сдѣлать это положеніе достаточно нагляднымъ, обратимся на минуту къ психологіи индивидуальной личности и постараемся понять, какимъ образомъ этотъ своеобразный инстинктъ обнаруживается и проявляется въ душѣ отдѣльнаго человѣка въ случаяхъ наиболѣе простыхъ; послѣ этихъ общихъ замѣчаній намъ станутъ болѣе понятны и соотвѣтствующія теченія, которыя создаются подъ вліяніемъ инстинктивнаго, безсознательнаго и непроизвольнаго стремленія къ самосохраненію, въ связи съ указанными идео-моторными реакціями, въ сферѣ массовыхъ движеній.

Возьмите самое элементарное движеніе самозащиты: вы неосторожно подносите руку къ какому-нибудь горящему предмету и сейчасъ же отдергиваете ее; вы замѣчаете при томъ, и въ этомъ заключается психологически наиболѣе характерная особенность даннаго движенія, что мысль объ обжогѣ возникаетъ уже *послѣ* того, какъ соотвѣтствующее движеніе произошло. То же повторяется и при всякомъ движеніи аналогичнаго характера: сперва совершается извѣстное инстинктивное движеніе самосохраненія, приспособленное къ данной средѣ, данной обстановкѣ, потомъ лишь возникаетъ соотвѣтствующая мысль, соотвѣтствующее сознаніе. Вы дѣлаете неловкій шагъ и, чтобы не утратить равновѣсія, машинально хватаетесь за первый попавшійся подъ руки предметъ, прежде чѣмъ успѣваете отдать себѣ отчетъ въ совершаемомъ движеніи. Этимъ чисто *инстинктивнымъ*, *безсознательнымъ*, *непроизвольнымъ* характеромъ движеній, диктуемыхъ элементарными требованіями самосохраненія, объясняется и рядъ явленій, которыя, на первый взглядъ, трудно поддаются объясненію или ведутъ къ выводамъ, грубо извращающимъ характеръ человѣческой природы и ея интимныхъ стремленій. Вообразите одну изъ тѣхъ потрясающихъ картинъ, описаніе которыхъ такъ часто давалось очевидцами, хотя бы пожаръ въ закрытомъ и многолюдномъ помѣщеніи. Факты доказываютъ, что люди способны обнаруживать въ подобныхъ случаяхъ невѣроятную жестокость. Толпа бросается къ выходамъ съ неудержимой силой и безпощадно давитъ, душитъ, топчетъ всякаго, кто не устоитъ среди этого бѣшенаго урагана. Самыя элементарныя чувства человѣчности попираются ногами. Сколько разъ изъ такихъ фактовъ дѣлались крайне пессимистическіе выводы касательно нравственной природы человѣка. Нравственныя понятія нашего цивилизованнаго общества признавались чѣмъ-то поверхностнымъ, искусственно привитымъ, неизбѣжно стушевывающимся передъ холодными требованіями грубо-физическаго существованія. Между тѣмъ, чтобы объяснить подобныя явленія, необходимо имѣть въ виду,

что и въ данныхъ случаяхъ человѣкъ въ значительной степени не отдаетъ себѣ отчета въ реализуемыхъ движеніяхъ: *мысль* о самосохраненіи имѣетъ характеръ *вторичнаго* явленія; первичнымъ фактомъ является рефлекторное движеніе самосохраненія, движеніе приспособленное къ характеру и условіямъ обстановки *).

Изъ сдѣланныхъ замѣчаній самъ собою напрашивается слѣдующій выводъ: въ толпѣ инстинктъ самосохраненія долженъ естественно принять тѣ специфическія формы, которыя отвѣчаютъ условіямъ массовыхъ движеній, требующихъ именно въ интересахъ безопасности каждой отдѣльной личности глубокаго и самаго дѣятельнаго *контакта* отдѣльной личности съ окружающей средой. Въ этомъ живомъ контактѣ вся сила единичной личности въ толпѣ, и за эту силу всякій въ толпѣ хватается невольно при видѣ всякой надвигающейся опасности, какъ ухватился бы, теряя равновѣсіе, за первый попавшійся подъ руки предметъ. И тутъ наблюдается та же психологическая черта, которая отмѣчена нами выше. Человѣкъ идетъ вслѣдъ за толпой, не отдавая себѣ въ этомъ сколько-нибудь яснаго отчета, въ значительной степени даже не сознавая своего движенія или смутно испытывая такое впечатлѣніе, точно его несетъ какая-то таинственная сила. При этомъ каждый индивидъ въ толпѣ инстинктивнымъ образомъ ищетъ самосохраненія въ глубокой солидарности со средой, точно увлекаемый какою-то посторонней силой, машинально слѣдуетъ въ своихъ движеніяхъ за движеніями другихъ. Такимъ образомъ, при первой же опасности, и даже намекѣ на опасность, нравственныя узы, связывающія толпу, завязываются еще болѣе плотнымъ и глубокимъ образомъ, и движенія каждой отдѣльной личности окончательно теряютъ не только предумышленный, но и всякій *умышленный* характеръ.

Прибавьте къ сказанному рядъ другихъ моментовъ: рѣзкія противорѣчія, которыя уживаются въ натурѣ человѣка, существованіе въ каждомъ индивидѣ грубо-антагонистическихъ тенденцій, проявляемыхъ, въ значительной степени, согласно случайностямъ момента, т. е. дѣйствующихъ въ каждую данную минуту возбужденій; извѣстные соціальные антагонизмы—расовые, классовые и пр., складывавшіеся и развивавшіеся вѣками, обыкновенно дремлющіе въ глубокихъ тайникахъ сознанія и проявляемые со всею силою, со всею яркостью среди извѣстныхъ массовыхъ переживаній, нѣкоторый разсчетъ на безнаказанность, естественный

*) Непроизвольный характеръ указанныхъ движеній усиливается еще тѣмъ, что во всѣхъ аналогичныхъ случаяхъ (подводимыхъ подъ общее понятіе „паники") мы, въ сущности, имѣемъ дѣло съ нѣкоторымъ особымъ массовымъ движеніемъ. Извѣстные элементы массоваго психическаго заражѣнія, слѣдовательно, имѣются и тутъ.

въ массовыхъ движеніяхъ *), неотразимое обаяніе «силы», умѣніе «властью», которыя въ толпѣ пріобрѣтаетъ всякая ничтожность **); неизбѣжное соперничество, какъ въ хорошую, такъ и въ дурную сторону, естественное въ массахъ; нѣкоторое чувство раздраженія, обусловливаемое, можетъ быть, отчасти тѣмъ, что каждой личности въ толпѣ приходится, въ значительной степени, насиловать себя, свою натуру, свои природныя стремленія и наклонности. Сопоставьте, сблизьте всѣ эти отдѣльные моменты, свяжите ихъ со всѣмъ, что было сказано выше, и вы поймете, почему *рефлексъ*, невольное и безсознательное, т. е. *стихійное* стремленіе каждаго въ сторону преобладающихъ въ толпѣ теченій, составляетъ основную и наиболѣе характерную черту въ психикѣ массовыхъ движеній.

Я имѣлъ въ виду въ настоящемъ очеркѣ нѣсколько ближе подойти къ объясненію стихійнаго характера массовыхъ движеній,— и могъ бы ограничиться сдѣланными замѣчаніями. Но въ заключеніе мнѣ хотѣлось бы обратить вниманіе на нѣкоторые частные выводы, которые вытекаютъ изъ произведеннаго анализа. Заключая въ себѣ постоянно элементъ стихійности, массовыя движенія могутъ представлять въ другихъ отношеніяхъ весьма существенныя различія. Съ этой точки зрѣнія можно различать массовыя движенія двоякаго характера, и такое разграниченіе имѣетъ громадное значеніе при реальной оцѣнкѣ массовыхъ явленій.

Массовыя движенія могутъ порождаться настоятельными и повелительными требованіями и всею совокупностью условій народной жизни. Уже изъ даннаго анализа, полагаемъ, ясно, что съ подобными движеніями нельзя бороться, какъ это подтверждаетъ и историческій опытъ человѣчества, путемъ самыхъ драконовскихъ *репрессій*, военныхъ положеній или усиленныхъ охранъ, этого испытаннаго средства «дураковъ», по хлесткому выраженію Кавура. Можно ли угрозами устрашить людей, которые идутъ, чтобы умереть, идутъ, одушевленные идеей, понуждаемые насущнѣйшими интересами существованія широкихъ народныхъ массъ, захваченные общимъ движеніемъ, выливающимся изъ глубокихъ нѣдръ живой народной жизни?

Но массовыя движенія могутъ также создаваться болѣе или менѣе искусственнымъ путемъ, т. е. могутъ быть вызываемы сис-

*) Ср. G. Le Bon, назв. соч., стр. 18. „Такъ какъ въ толпѣ личность дѣйствуетъ какъ-бы анонимно, то и чувство отвѣтственности, которое удерживаетъ личность, дѣйствующую самостоятельно, совершенно исчезаетъ".

**) Тамъже стр. 18 и 38. „Уже благодаря одному числу, человѣкъ пріобрѣтаетъ въ массахъ ощущеніе непобѣдимой силы". „Въ толпѣ дуракъ, невѣжда и люди, съѣдаемые завистью, отрѣшаются отъ сознанія своего ничтожества,—сознанія, которое замѣняется чувствомъ силы,—временной, о огромной".

ціальными агентами—«провокаторами», въ видахъ осуществленія той или иной цѣли. лежащей внѣ сферы реальныхъ требованій народной жизни. Нравственныя узы, связующія массу, являются, въ этихъ случаяхъ, чрезвычайно слабыми, общность переживаній массъ лишена достаточно глубокаго характера, нѣтъ въ массахъ и глубокой солидарности частей, а инстинктъ самопожертвованія, можно сказать, отсутствуетъ вполнѣ. Но, съ другой стороны,—и это опять-таки ясно изъ произведеннаго анализа,—если движенія разсматриваемой категоріи не будутъ находить противодѣйствія или даже найдутъ поддержку со стороны власти, темные и звѣрскіе инстинкты массъ могутъ проявиться съ ужасающей силой, и толпа способна будетъ совершать акты самаго грубаго насилія, не поддающіеся квалификаціи. Историческими примѣрами въ этомъ родѣ навсегда останутся Варѳоломеевская ночь и нѣкоторыя не менѣе кровавыя избіенія совершенно неповинныхъ гражданъ,—организованныя, при тайномъ участіи правительственныхъ органовъ, въ эпохи, менѣе отдаленныя отъ насъ. Механизмъ подобнаго рода массовыхъ убійствъ обнаруживается съ такою ясностью, что можно утверждать съ абсолютною увѣренностью, что главными виновниками и отвѣтственными лицами въ подобныхъ случаяхъ являются *всегда* правительственные органы.

Психологическій анализъ, какъ и историческій опытъ культурныхъ странъ, съ неопровержимой ясностью доказываютъ, что путемъ самыхъ обыкновенныхъ мѣръ, безъ помощи какихъ-либо исключительныхъ законовъ, легко справиться съ безпорядками и безчинствами,—если можно такъ выразиться,—уличнаго происхожденія. Напротивъ, въ борьбѣ съ серьезными и общими народными движеніями самый дикій правительственный терроръ оказывается безсильнымъ и можетъ имѣть значеніе лишь затяжки кризиса; можно покрыть страну развалинами и залить ее рѣками крови,—это не сдержитъ стихійнаго напора народныхъ массъ: народный валъ, разъ поднявшись,—не можетъ успокоиться, пока не снесетъ, всѣхъ препятствій, мѣшающихъ осуществленію такого порядка, такихъ условій жизни, при которыхъ *удовлетвореніе насущнѣйшихъ требованій существованія массъ* становится возможнымъ. Къ сожалѣнію, жизнь идетъ до поры-до времени своимъ теченіемъ. Люди, ослѣпленные страстями и увлеченные борьбою, остаются глухи къ урокамъ прошлаго и къ доводамъ здраваго разсудка. Съ какимъ-то отчаяннымъ упрямствомъ они скользятъ и увлекаютъ за собой страну по наклонной плоскости, и—любопытный фактъ: объявляя войну народному движенію, они въ то же время стараются увѣрить міръ, что они безсильны, не могутъ совладать съ извѣстными эксцессами хулиганно-«патріотическаго» типа, съ движеніями, обязанными своимъ происхожденіемъ самой явной и грубой провокаціи и локализированными на пространствѣ нѣсколькихъ квадратныхъ саженей...

Гр. К.

МАТЬ.

(Изъ былыхъ временъ).

Не рыдай такъ безумно надъ нимъ,
Хорошо умереть молодымъ...
Н. Некрасовъ.

I.

Удушливо-знойный день заканчивался тихимъ прохладнымъ вечеромъ. Послѣдніе лучи заката золотили красноватую пыль, висѣвшую надъ городомъ, передъ глазами мальчика, одиноко сидѣвшаго у обрыва на завалинкѣ дряхлаго полуразвалившагося дома.

Городъ не представлялъ ничего примѣчательнаго: сотни три сѣрыхъ домовъ съ пестрыми крышами, гостинный дворъ, каменный острогъ, казначейство, церковь, школа, полицейское управленіе, почтовая контора—вотъ и все. Но церковный куполъ горѣлъ красноватымъ золотомъ, сверкали окна домовъ, ярко зеленѣла трава, блестѣла разлившаяся по лугамъ извилистая рѣчка Айва, розовѣли отъ заката стѣны и крыши домовъ, и убогій городъ въ этотъ часъ казался такимъ празднично веселымъ, точно онъ радовался чему-то и улыбался привѣтливой, наивно радостной улыбкой.

Мальчика звали Мишей. На немъ были большіе сапоги съ разорванными, точно отгрызанными носками, изъ которыхъ, какъ изъ львиной пасти, выглядывали грязные пальчики, рыжій картузъ, покрывавшій голову вмѣстѣ съ ушами, и женская фланелевая кофта. Онъ походилъ на пугало, и только худое личико съ темными глазами, серьезно и грустно смотрѣвшими изъ-подъ огромнаго козырька, мѣшало этому сходству.

Мишѣ было скучно и немного жутко. Такъ съ нимъ бывало всегда, когда онъ оставался одинъ и съ боязливымъ недоумѣніемъ всматривался въ раскрывавшійся передъ нимъ міръ, непонятный и странный въ эти минуты. Онъ видѣлъ,

какъ отъ всѣхъ предметовъ тянулись длинныя тѣни, и какъ онѣ, постепенно сливаясь въ одну сѣрую массу, ползли все дальше и становились все длиннѣе, какъ стѣны и крыши домовъ, теряя веселую розовую окраску, принимали свой сѣрый будничный видъ, какъ солнце, въ послѣдній разъ заигравъ алымъ огонькомъ на крестѣ колокольни, потухло, и какъ все затѣмъ стало погружаться въ сумракъ. Мишѣ было жаль солнышка: зачѣмъ оно закатилось? Жаль было чего-то еще, было грустно, и хотѣлось плакать...

Вотъ у сосѣдей на другой сторонѣ улицы затворились окна, послѣ чего сдѣлались огненно-красными, словно налились кровью... Розовое облачко выплыло на средину неба и приняло странную форму. Миша долго смотрѣлъ на него, удивляясь, отчего оно такъ похоже на рыжаго Соболька, когда тотъ, остервенясь и поджавъ хвостъ, лаетъ на прохожихъ... Сонная муха, звеня, какъ басовая струна, пролетѣла мимо и пропала въ розовомъ воздухѣ... По улицѣ промчалась телѣга съ подгулявшими мѣщанами, и за нею надолго осталось висѣть въ воздухѣ красное облако пыли... Изъ-за угла показался пьяный подмастерье Яшка съ гармоникой. Гармоника жалобно пиликала, а самъ Яшка, лихо задравъ голову, выплясывалъ какой-то танецъ. Миша сталъ думать объ Яшкѣ и о томъ, отчего люди пьютъ, когда знаютъ, что это дурно, и давалъ себѣ слово никогда не брать въ ротъ вина... Откуда-то издалека, изъ-за рѣки донеслась заунывная пѣсня, и Миша, прислушиваясь къ ней, задремалъ. Голова его безсильно опустилась на грудь, козырекъ закрылъ все лицо...

Въ это время усталой походкой вышелъ изъ-подъ горы молодой человѣкъ и направился къ дому, гдѣ дремалъ мальчикъ. Платье на немъ было покрыто густымъ слоемъ пыли, за плечами висѣла котомка. Увидѣвъ Мишу, онъ ускорилъ шаги и, приблизившись, долго смотрѣлъ на него съ умиленной улыбкой, потомъ осторожно тронулъ его за плечо.

— Миша, а Миша!—позвалъ онъ тихо.

Миша испуганно раскрылъ глаза, стараясь приподнять мѣшавшій ему козырекъ. На лицѣ его изобразилась тревога, потомъ внезапная радость.

— Ваня!.. Братчикъ!..—звонко закричалъ онъ, весь преобразившись и цѣпляясь за брата руками.

Тотъ засмѣялся, поцѣловалъ его, обнялъ, взялъ въ охапку и понесъ во дворъ.

Миша, весь дрожа и болтая въ воздухѣ ногами, смѣялся и кричалъ:

— Мама!.. Ваня пріѣхалъ!.. Ей-Богу!..

Старая женщина, доившая корову, услыхавъ крикъ,

вздрогнула, поблѣднѣла, выронила изъ рукъ подойникъ и, похолодѣвъ отъ волненія, спотыкаясь, побѣжала навстрѣчу. Она безсильно шевелила высохшими губами, слезы ручьемъ текли изъ ея глазъ.

Четверть часа спустя всѣ трое сидѣли за самоваромъ. Мать жадными, полными слезъ глазами смотрѣла на гостя.

— Господи...—бормотала она, страдая отъ радости и волненія:—не ждали, не думали, не гадали... Только корову начала доить, думаю: подою корову, стану опару цѣдить, вдругъ Миша кричитъ не своимъ голосомъ, и твой смѣхъ слышу... Въ мысляхъ не было... Откуда ты? Какъ? Здоровъ-ли? Надолго-ли?..

Сынъ смотрѣлъ на мать съ снисходительно-нѣжной улыбкой и думалъ: „Боже! какъ она постарѣла!..“

— Два года не видались... какъ соскучились-то, — продолжала мать.—Письмо отъ тебя получили мѣсяцъ назадъ, а отвѣчать не знали куда: ты адреса не далъ... Всего передумали... Миша-то, смотри, большой ужъ... Онъ грамотей у меня, читаетъ и пишетъ... Что-жъ ты не кушаешь, голубчикъ?.. Ѣда-то у насъ плохая... Погоди, я яичекъ сварю... есть у меня... свои куры нанесли... Сейчасъ, сейчасъ!..

И, путаясь слабыми ногами, она побѣжала въ чуланъ.

— Ровно знала, не продала въ ту пятницу... Яички свѣженькія,—говорила она, возвращаясь.

Ваня хотѣлъ спросить, какъ они живутъ, но оглянулся кругомъ, и слова замерли на его губахъ: изъ всѣхъ угловъ смотрѣла на него голодная, непокрытая бѣдность. Сѣрыя стѣны, когда-то оклеенныя обоями, и закопченый потолокъ носили слѣды дождевыхъ потоковъ; прогнившій полъ мѣстами провалился; въ переднемъ углу торчала пакля, которою была заткнута дыра отъ выпавшихъ зауголковъ; печь развалилась; косяки у оконъ сгнили, превратившись въ труху; стекла были заклеены газетной бумагой... Деревянный некрашеный столъ, шкафъ и четыре табурета составляли всю мебель. Кроватей не было, и спали, очевидно, на полу...

„Да они нищіе“, подумалъ Ваня, и у него болѣзненно сжалось сердце.

Миша съ голодной алчностью смотрѣлъ, какъ братъ очищалъ отъ скорлупы яйцо.

— Хочешь?—спросилъ его Ваня.

— Нѣтъ, нѣтъ! -испуганно и виновато отвѣчалъ тотъ:— ѣшь ты, я хлѣба наѣмся.

— Скушай, ничего, — промолвила мать. — Не даю ему яицъ-то: продаю,—прибавила она, улыбаясь.

— Ему не хватитъ... я не хочу...

— Не церемонься, бери.

Миша взялъ, круто посолилъ и сталъ ѣсть, стараясь какъ можно больше забрать въ ротъ хлѣба и какъ можно меньше яйца. Ваня заставилъ его взять еще яйцо, которое тотъ съѣлъ съ такою же жадностью.

— Небогато вы живете,—криво усмѣхнувшись, пошутилъ гость.

— Гдѣ богато!—отвѣчала мать.—Четыре рубля шестьдесятъ копѣекъ пенсіи получаемъ, вотъ и живемъ... Корову держу, молоко продаю; когда пять, когда шесть рублей наживаю... Ну, свой домъ... ты когда посылаешь... Живемъ, не жалуемся... Хоть это-то, славу Богу... Не живали богато-то, самъ знаешь, все въ бѣдности... Сыты, одѣты, обуты, чего еще?.. На другихъ поглядишь—не приведи ты, Царица Небесная! А мы—еще слава Богу... Трудновато когда, да что дѣлать!

Ваня, порывшись въ карманѣ, передалъ матери двадцать рублей.

— Вотъ пока что,—сказалъ онъ, краснѣя.

— Ухъ, сколько!—удивилась мать:—что больно много?... Ну, спасибо, спасибо.

— А ты развѣ, Ваня, богатый?—спросилъ Миша, съ уваженіемъ глядя на деньги.

Ваня, обнявъ его, засмѣялся.

— Нѣтъ, Миша,—сказалъ онъ:—такой же бѣднякъ, какъ и вы... Ну, разсказывайте, что у васъ тутъ?

— Что?.. Ничего, все по старому. Жизнь у насъ сѣрая, перемѣнъ почти не бываетъ. Живемъ, небо коптимъ... Юргановъ новый домъ строитъ. Аннушка Полякова за псаломщика замужъ вышла. Коля Поповъ съ прошлаго года секретаремъ, кокарду носитъ, гордый сталъ, меня не узнаетъ... Климовъ въ полицейскомъ управленіи... Вася Барышевъ утонулъ въ прошломъ году, жена съ ребенкомъ осталась... Водовозъ Никифоръ ногу сломалъ, въ больницѣ лежитъ, а жена спилась, ребятишки по міру ходятъ... Савельевна померла... У Николая Иваныча восьмой ребенокъ родился... Бѣдность—не приведи Господи!.. Маркъ Иванычъ нынѣшней весной обгорѣлъ... Отраднаго-то мало. Живемъ, какъ кроты, свѣту не видимъ... Темнота, дикость да горе...

— Ну, а ты какъ?—спросила мать, но Ваня отвѣчалъ почти съ болѣзненной неохотой, и она, скрывая тревогу, прекратила разспросы. Ваня всталъ и, поднявъ надъ головой руки, потянулся. Онъ съ трудомъ боролся съ усталостью, его клонило ко сну, глаза его слипались.

— Усталъ,—проговорилъ онъ, засмѣявшись:—утомила дорога... да и вообще утомился... У васъ отдохну...

— Отдохни, голубчикъ. У насъ спокой, тишина, и воздухъ хорошій... А теперь спать. Утро вечера мудренѣе. Завтра наговоримся. Постель я приготовила въ твоей комнаткѣ.

Миша тоже боролся со сномъ.

— Я не хочу спать, нисколько,—говорилъ онъ соннымъ голосомъ.

Но вскорѣ заснулъ, уронивъ голову на столъ.

Мать бросила среди комнаты дырявый салопъ, положила подушку и осторожно перенесла Мишу, накрывъ вмѣсто одѣяла кофтой.

— Рано встаемъ... уморился...—говорила она:—съ пяти часовъ на ногахъ...

— Ну, и я на боковую,—сказалъ Ваня, которому было больно смотрѣть на это убожество.—Прощай, мама.

— Спокойной ночи, голубчикъ. Выспись хорошенько. Господь тебя благослови.

II.

Очутившись въ комнаткѣ, похожей на чуланъ, Ваня съ любопытствомъ осмотрѣлся. Было удивительно, что это убогое жилище съ однимъ низкимъ окномъ представлялось ему когда-то свѣтлымъ и просторнымъ. Теперь оно похоже было на мрачный застѣнокъ.

Затхлый, застоявшійся воздухъ съ запахомъ гнили страннымъ образомъ напомнилъ ему дѣтство, и неизъяснимое волненіе овладѣло имъ. Отсюда, изъ этого чуланчика, открывался ему огромный фантастическій міръ ребяческихъ мечтаній. Чарующій миражъ исчезъ, казалось, безслѣдно, но теперь, вынырнувъ изъ тьмы забвенія, онъ снова жилъ, снова былъ реаленъ и близокъ.

Поднявъ надъ головой лампу, Ваня прочелъ на стѣнѣ сочиненное имъ изреченіе: „Люди трудящіеся пресмыкаются, какъ твари, и умираютъ на соломѣ отъ пороковъ, болѣзней и нищеты безъ надежды на будущее спасеніе, - они прокляты Богомъ; пребывающіе въ праздности — счастливые гости на землѣ: они живутъ среди наслажденій и переселяются въ лучшій міръ съ упованіемъ на вѣчное блаженство, ибо на нихъ почіетъ Божіе благословеніе". Съ снисходительною нѣжностью къ себѣ, тогдашнему двѣнадцатилѣтнему вольнодумцу, онъ покачалъ головой и улыбнулся сколько вкладывалось тогда въ эти слова негодующаго сарказма, гордаго презрѣнія и молодого задора!..

Раздѣвшись, онъ легъ въ постель изъ лохмотьевъ, при-

крытыхъ дырявой простыней, и потушилъ огонь, но заснуть не могъ. Ему все чудилось изможденное лицо матери и нищенски одѣтая фигурка Миши. Сердце его болѣзненно ныло, во всемъ тѣлѣ испытывалось ощущеніе непонятной неловкости и тревоги. Свѣтлая ночь раздражала его, и, казалось, кто-то призрачно-сѣрый смотритъ въ окно... Мгновеніями острый, непріятный холодъ пронизывалъ сердце, и оно переставало биться, и казалось тогда, что нить, привязывавшая его къ жизни, готова порваться. Все, что было для него святого, все лучшее и самое важное, для чего онъ жилъ, казалось ему теперь безумнымъ бредомъ, и самъ онъ представлялся себѣ жалкимъ, полураздавленнымъ червякомъ, безсильно корчащимся отъ боли...

— Я нездоровъ, мнѣ заснуть надо,—шепталъ онъ, ворочаясь съ боку на бокъ, но сонъ бѣжалъ отъ его глазъ. Сердце то замирало, то болѣзнено колотилось въ груди, и это мѣшало ему собрать свои мысли.

— Вздоръ!—бормоталъ онъ:—съ разсвѣтомъ я опять буду бодрымъ и сильнымъ. Все рѣшено, и не о чемъ разсуждать!

И, точно въ отвѣтъ на его слова, изъ темнаго угла послышался злобный, шипящій змѣиный хохотъ. Ваня съежился и, задрожавъ, уткнулся въ подушку.

„Нервы разгулялись“, успокоивая себя, подумалъ онъ и съ боязливою осторожностью оглянулся. За окномъ стояла безмолвная, блѣдная ночь. На свѣтломъ небѣ висѣло пепельно-сѣрое облако странной формы. Гдѣ-то подъ поломъ скреблись мыши, въ углу трещалъ сверчокъ. У стѣны, въ сѣромъ сумракѣ, притаившись, лежали какіе-то странно-неподвижные предметы.

„Тряпье или шубы“, подумалъ онъ, закрывая глаза, но ему тотчасъ же опять представилось изъѣденное нуждой лицо матери и грустные, строгіе, вопрошающіе, не дѣтски серьезные глаза Миши, полные сожалѣнія и укоризны.

„Я ихъ единственная опора, какъ они останутся безъ меня? Вотъ въ чемъ дѣло... вотъ въ чемъ весь ужасъ“, прошепталъ онъ и снова зарылся въ подушку.

Долго лежалъ онъ въ оцѣпенѣніи, пытаясь подавить въ себѣ щемящую боль. Передъ нимъ съ неотвязною яркостью вставали картины отвратительной оргіи „ликующихъ“, „обагряющихъ руки въ крови“ рядомъ съ забитымъ, запуганнымъ человѣческимъ стадомъ, предающимъ друзей своихъ на пропятіе... Милліоны голодныхъ рабовъ въ рабскомъ экстазѣ рукоплескали пресыщенной, развратной awкликѣ подлыхъ насильниковъ... Измученные люди кричали, славословили, ползали на колѣняхъ, простирали руки, моля о пощадѣ и милосердіи, а въ отвѣтъ на ихъ мольбы раздавался

только свистъ бичей, конское ржаніе, грубые окрики, площадная брань и залпы орудій... „Встаньте, не бойтесь, поднимитесь! Эта подлая свора сильна только вашей покорностью“, слышались одинокіе голоса, но они безсильно тонули въ хаосѣ звуковъ, и люди гибли тысячами, и свои побивали своихъ... Кромѣшная тьма окутывала все, и не было ни проблеска надежды... Отчаяніе и ужасъ наполняли людскія сердца...

Ваня поднялся съ постели и сѣлъ. Голова его горѣла, сердце стучало, какъ молотъ. Онъ чувствовалъ, что и въ его душѣ нѣтъ ничего, кромѣ отчаянія и страха... Какъ это случилось? Когда и почему?.. Еще недавно онъ рвался въ бой, вѣрилъ въ побѣду, клялся умереть и не боялся смерти, а теперь? Откуда это больное чувство, это невѣріе и душевный разладъ? Развѣ что-нибудь измѣнилось? Развѣ самъ онъ не тотъ же, что былъ?.. „Нѣтъ, не тотъ“, отвѣчалъ ему злобно-насмѣшливый голосъ, потому что борьба безумна, побѣда не возможна, и ты это видишь и знаешь... Жестокость и алчность, подлая жажда наслажденій и грубая сила—вотъ въ чемъ правда всего живущаго... другой правды нѣтъ...“ Ужасъ охватилъ его. Дрожащими руками онъ зажегъ лампу, взялъ книгу и сталъ читать. Но строки прыгали въ его глазахъ, и, машинально, безъ смысла пробѣгая страницу за страницей, онъ твердилъ, какъ помѣшанный: „неправда, не можетъ быть... этого не можетъ быть...“

Короткая ночь пролетѣла быстро. Золотой багрянецъ заигралъ на вершинѣ соломенной кровли. Страшные призраки поблѣднѣли и скрылись, точно ихъ унесла съ собой сумеречная ночь. Ваня растворилъ окно и вмѣстѣ съ запахомъ пыли и влажной травы вдохнулъ въ себя охладѣвшій воздухъ.

— Не можетъ быть!—сказалъ онъ еще разъ, смотря на освѣщенную солнцемъ верхушку кровли:—Не можетъ быть зло источникомъ жизни, какъ не можетъ быть тьма источникомъ свѣта...

У крыльца брякнулъ желѣзный подойникъ, и мать, сгорбившись, прошла черезъ дворъ. Ваня испуганно отпрянулъ отъ окна въ уголъ и отсюда, съ страннымъ чувствомъ недоумѣнія, наблюдалъ, какъ мать доила корову и какъ потомъ погнала ее въ табунъ.

— Боже мой, Боже мой!—прошепталъ онъ и легъ. Косой малиновый лучъ украдкой скользнулъ по стеклу, въ комнатѣ вдругъ стало совершенно свѣтло. Мысли въ уставшей головѣ начали путаться, откуда-то спустился мягкій, ласкающій голубой свѣтъ, и Ваня заснулъ тяжелымъ свинцовымъ сномъ.

III.

Онъ проснулся только къ полудню. Въ окно било яркое солнце, жужжали мухи, на дворѣ пронзительно чирикали воробьи. Стряхнувъ съ себя сонъ, онъ быстро всталъ, наскоро одѣлся и вышелъ.

Старательно вычищенный самоваръ кипѣлъ на столѣ. На чистой скатерти стояла посуда, бѣлый хлѣбъ, только что сбитое масло и сливки. Въ комнатѣ было прибрано, полъ вымытъ и устланъ половиками. Мать въ большихъ круглыхъ очкахъ сидѣла съ Мишей и читала съ нимъ „Родное слово“.

— Проснулся, — сказала она, глядя поверхъ очковъ.— Выспался ли? Садись, пей чай.

— Выспался, хотя съ вечера долго не могъ заснуть. Но я прежде выкупаюсь, мама, а потомъ ужъ чай... Идемъ, Миша!

— Ну, хорошо. Я самоваръ потомъ подогрѣю.

Братья, взявшись за руки, пошли къ рѣкѣ. Тяжелый, неподвижный зной висѣлъ надъ землей. Пустынныя, точно вымершія улицы, нестерпимо сверкавшія на солнцѣ крыши, окаменѣвшія деревья, рѣка, застывшая въ своихъ берегахъ, сизая мутная даль,—все, казалось, томилось, изнемогая отъ зноя. На базарной площади уныло бродили козы. У гостинаго двора сидѣли разжирѣвшіе отъ бездѣлья лавочники, играя въ шашки.

Купались прямо съ берега за городомъ, раздѣвшись въ кустахъ.

— Чего-жъ ты?—спросилъ Ваня, видя, что Миша стоитъ въ нерѣшительности.

— Боюсь.

— Вотъ! Иди смѣлѣе.

Миша, съежившись, сталъ осторожно заходить въ воду.

— Окунись, окунись!—кричалъ ему братъ.

Миша окунулся, наглотался воды и, всхлипывая, въ испугѣ выбѣжалъ на берегъ. Весь синій, онъ дрожалъ и стучалъ зубами. Ваня съ удивленіемъ и жалостью смотрѣлъ на его худое высохшее тѣло, точно у маленькаго старичка.

— Эхъ, какой ты!—говорилъ онъ ему, когда они возвращались съ купанья.—Надо быть сильнымъ, смѣлымъ и ловкимъ. Это главное. Для этого надо больше двигаться, больше гулять, заниматься гимнастикой...

„И лучше питаться“,—подумалъ онъ про себя и замолкъ.

И въ движеніяхъ Миши было что-то старческое: онъ не

бѣгалъ, какъ бѣгаютъ дѣти, а ходилъ, стараясь дѣлать большіе шаги и, какъ-будто, сознательно избѣгая излишнихъ движеній.

„Старичекъ, маленькій старичекъ, заморышъ“, — думалъ Ваня, наблюдая за нимъ. За то въ лицѣ Миши было столько ребяческой миловидности, а серьезные глаза были такъ ясны и чисты, что Ваня, любуясь ими, не могъ сдержать радостную улыбку.

Вернувшись домой, братья, веселые и оживленные, сѣли за чай. Уписывая за обѣ щеки горячія пшеничныя ватрушки, Ваня болталъ, шутилъ и смѣялся такъ весело, что и мать смѣялась тоже. Послѣ чая, пока она хлопотала съ обѣдомъ, братья ушли въ небольшой садикъ, насаженный еще покойнымъ отцомъ. Садикъ за два года разросся, потемнѣлъ, березы стали уже совсѣмъ большія, а кусты акаціи и жимолости образовали живую изгородь къ сосѣднему огороду. Ваня прилегъ на траву подъ тѣнь березы, Миша сѣлъ у его изголовья.

— Ты скоро женишься, Ваня? — неожиданно спросилъ онъ.

— Вотъ! что тебѣ вздумалось? — отвѣчалъ братъ и, засмѣявшись, посмотрѣлъ на Мишу, но встрѣтилъ строгій, упорный, испытующій взглядъ.

— Когда ты бы женился, да на службу поступилъ, какъ бы хорошо было!—продолжалъ Миша:—жалованье получалъ бы, всѣ вмѣстѣ бы жили... А то мы больно бѣдно живемъ... а ты скитаешься, Богъ знаетъ гдѣ...

Ваня нахмурился, потомъ засмѣялся.

— Найди невѣсту,—сказалъ онъ.

— Ты самъ найди. За тебя богатая пойдетъ. Когда я большой буду, женюсь непремѣнно. Мнѣ только восемь годовъ, но я выросту и буду жалованье получать. Мамѣ платье куплю и башмаки. У ней платьевъ нѣту, и ботинки худые. Мама старуха и все хвораетъ. Билась, билась, хоть бы на старости пожить ей въ спокоѣ...

Ваня молчалъ и смотрѣлъ въ землю.

— Вѣрно, Миша,—сказалъ онъ, наконецъ:—мало я вамъ помогаю... Но почему ты думаешь, что мнѣ надо жениться?

— Когда женишься, мысли другія будутъ: будешь думать о семьѣ, — повторяя чужія слова, говорилъ Миша.— Тетя Аня говоритъ, что ты фантазеръ и жизни не знаешь, и хоть мама тебя защищаетъ, а, по моему, тетя вѣрно говоритъ.

— О, ты, мой философъ! — воскликнулъ Ваня, обнимая его со слезами на глазахъ. — Я жизни не знаю, хорошо, но вѣдь ты еще меньше, какъ же ты учить хочешь меня? А?

Но Миша думалъ уже о чемъ-то другомъ и ничего не отвѣтилъ.

— Вонъ нищенка идетъ, — сказалъ онъ, увидѣвъ подошедшую къ плетню бабу съ ребенкомъ, которая запѣла свою пѣсню: „батюшки-матушки, сотворите святую милостыньку"...

Миша побѣжалъ въ домъ и принесъ ломоть хлѣба; Ваня далъ бабѣ мѣдный пятакъ.

— Господи Исусе Христе...—шептала она, принимая подаяніе.

— Ты бы работала,—сказалъ ей Миша.

— Роблю, батюшка, роблю... Все робили, да обгорѣли конче... по міру пошли... Подай вамъ Господи добра и здоровья...

Баба долго молилась на востокъ.

— Нищіе еще бѣднѣе насъ,—сказалъ Миша: — Вотъ она босикомъ ходитъ, и домъ у ней сгорѣлъ... хлѣба нѣту, денегъ нѣту... А кто, Ваня, деньги дѣлаетъ? царь?

Ваня разсѣянно мотнулъ головой.

— Больше бы ихъ надѣлать, чтобы всѣмъ хватило... всѣмъ: богатымъ и бѣднымъ...

— Только онѣ опять скоро очутятся у богатыхъ.

— Почему?

— Да ужъ такъ. Выростешь, выучишься, тогда узнаешь.

Миша помолчалъ, потомъ опять заговорилъ:

— Федотычъ весной съ голоду померъ: муки не было... Онъ милостыню не просилъ, а лежалъ на печкѣ хворый и ругался... Сосѣди боялись и не любили его, никто къ нему не ходилъ... Такъ онъ и умеръ.

Но Ваня не слушалъ. Онъ смотрѣлъ вдаль, на горы, покрытыя знойной пеленой, и мысли его были далеко.

Въ тотъ же день позднимъ вечеромъ у Вани съ матерью произошло объясненіе. Мать съ заплаканнымъ лицомъ сидѣла въ углу, потупившись, и молчала. Ваня, воодушевленный своими собственными словами, ходилъ по комнатѣ и говорилъ. Онъ началъ рѣчь робко и нерѣшительно, но теперь она лилась, какъ сверкающій живой потокъ. Казалось, онъ позабылъ, что передъ нимъ измученное жизнью, отжившее существо, которому каждое слово его причиняло только боль и тревогу, и говорилъ такъ, точно ему внимала молодая восторженная, сочувствующая аудиторія. Глаза его горѣли огнемъ вдохновенья, голосъ дрожалъ, руки сжимались, лицо поблѣднѣло. Природный даръ ораторской рѣчи, музыка собственныхъ словъ, водоворотъ рождающихся мыслей, образовъ, картинъ, метафоръ, мѣткихъ сравненій—опьяняли его самого, и онъ переживалъ чарующія минуты нервнаго подъема. Закончивъ патетическую часть рѣчи, онъ остано-

вился и посмотрѣлъ на мать. Она все сидѣла, потупившись. Руки и голова у ней дрожали. Съ кончика носа, какъ частый дождь, капали слезы. Ваня безсильно опустился на стулъ и закрылъ лицо руками.

— Неясила я вѣкъ свой, какъ въ темномъ лѣсу, — заговорила она тихимъ, чуть слышнымъ, плачущихъ голосомъ:— свѣту не видѣла, человѣческаго слова не слышала... только отъ тебя же когда узнаешь чего... такъ въ темнотѣ и жила... оттого и мысли у меня мелкія, темныя, въ головѣ туманъ... и ничего-то я не знаю... Тебя воспитывала, на тебя надѣялась.. И надежды мои были тоже маленькія, мѣщанскія: вотъ выучишься, вотъ подрастешь, женишься, на службу поступишь... умереть хотѣлось спокойно... Но все это пустяки... вотъ только Миша... его учить надо... какъ тутъ быть?..

Ваня, безъ кровинки въ лицѣ, молчалъ и смотрѣлъ на мать.

— Я все, голубчикъ, понимаю,—продолжала она:—давно поняла и знаю, къ чему лежитъ твое сердце... Знаю, понимаю... Только, милый, неужели нельзя иначе? Я не объ себѣ, объ тебѣ говорю: почему долженъ ты взять на себя эту тяготу? Почему? Почему же другіе живутъ для себя?.. Вѣдь живутъ же!.. Ты погибнуть можешь... За что же? Развѣ ты виноватъ въ томъ, что есть?... Это не понятно для меня и страшно!

Ваня сѣлъ рядомъ съ ней и взялъ ея холодную, жесткую и мокрую отъ слезъ руку. Онъ молчалъ минуты двѣ, точно собираясь съ мыслями, потомъ заговорилъ тихо и задушевно. Онъ говорилъ о Христѣ, о мученикахъ за вѣру, о подвижникахъ правды... Старушка слушала и все больше и больше смягчалась душой.

— Я знаю,—закончилъ онъ,—что если не умомъ, то сердцемъ ты поймешь меня...

— Давно поняла, голубчикъ,—отвѣчала она просто и вдругъ, въ страстномъ порывѣ, обняла его и заговорила нервнымъ, прерывающимся шепотомъ:—Ваня! дорогой мой! зачѣмъ ты не такой, какъ всѣ? Зачѣмъ ты такимъ уродился?.. Я понимаю... но зачѣмъ?.. Ты хорошій, ты лучше всѣхъ... Я радоваться должна, гордиться должна... но зачѣмъ? Зачѣмъ?

— Мама! Отъ тебя все зависитъ... я сдѣлаю, какъ ты хочешь, какъ ты скажешь...

— Нѣтъ, гдѣ ужъ... что отъ меня зависитъ? Ничего... Развѣ это возможно?—промолвила она, внезапно стихая.— Дѣлай, какъ знаешь... какъ велитъ твоя совѣсть... я тебѣ не помѣха... Прежде—Божье дѣло, потомъ уже человѣческое...

Объ насъ не думай: проживемъ какъ-нибудь... Моя-то жизнь ужъ прожита, а Мишу Господь не оставитъ...

Ваня сидѣлъ молчаливый и подавленный. Онъ не ждалъ такого отвѣта, и онъ не радовалъ его. Гора скатилась съ его плечъ, но это не принесло ему облегченія. Новая тяжесть огромной отвѣтственности свалилась на него, душевное раздвоеніе, жалость и тоска сосали его сердце. Онъ молча опустился передъ матерью на колѣни и поцѣловалъ ея руку. Она обняла его курчавую голову и долго не выпускала изъ своихъ костлявыхъ, неловкихъ объятій.

— Я благословлю тебя, голубчикъ,—прошептала она и перекрестила его большимъ размашистымъ крестомъ, послѣ чего они оба встали и вышли въ сосѣднюю комнату, гдѣ, разметавшись на полу, спалъ Миша.

Въ чуланѣ, куда, простившись съ матерью, пробрался Ваня, было тѣсно и душно, а обуревавшія его мысли требовали свободы и простора, и онъ вышелъ на воздухъ. Внизу, на колокольнѣ, медленно пробило двѣнадцать ударовъ, гулко откликнувшихся гдѣ-то за лѣсомъ. Надъ темными массами крышъ свѣтлѣло блѣдно-розовое и блѣдно-голубое небо. Ваня по столбу взобрался на кровлю сарая и сѣлъ. Здѣсь когда-то просиживалъ онъ цѣлыя ночи, смотрѣлъ въ даль, слушалъ соловьевъ, думалъ, мечталъ и на яву грезилъ...

Впрочемъ, и теперь онъ готовъ былъ погрузиться въ грезы. Въ сумеречномъ туманѣ, за горами, гдѣ даль сливалась съ блѣдно-пунцевой зарей, было что-то загадочное, страстно манящее и мечтательно-грустное. За рѣкой надъ лугами широко разстилался призрачно-бѣлый туманъ. Въ огородѣ и въ сосѣднемъ саду деревья казались черными, а трава бѣлѣла отъ росы. Откуда-то издалека доносился серебристый звонъ колокольчика, говорившій о пыльной дорогѣ среди заснувшихъ полей, о запахѣ свѣжаго сѣна, о ночной сырости, о мечтательной дорожной древѣ. Картина глубокой тишичы убаюкивала Ваню, какъ колыбельная пѣсня, но за этой тишиной мерещился ему волнующійся міръ, полный движенія и воинственныхъ кликовъ, и туда стремительно рвалось его сердце.

IV.

Однажды утромъ, дней десять спустя, около дома появился стражникъ и, остановившись на пригоркѣ, долго и пристально смотрѣлъ вдаль, потомъ подошелъ къ тротуару,—поковырялъ шашкой прогнившія доски и заглянулъ въ окно.

— Тратувары починить надо,—обратился онъ къ Мишѣ, сидѣвшему у окна.—Здравствуйте,—прибавилъ онъ, замѣтивъ хозяйку.—Тратувары, говорю, надо починить.

— Надо бы, да гдѣ ужъ... не у насъ однихъ, вездѣ эдакіе...

— Оно такъ, а все же... Съ насъ взыскиваютъ за это... Къ вамъ, будто-бы, старшій сынокъ пріѣхалъ?

— Пріѣхалъ. да.

— Надолго-ли?

— Не знаю... сколь поживется... а что?

— Справиться велѣно. И на счетъ тратуваровъ, и на счетъ сына... Намъ что прикажутъ... Почините, сдѣлайте милость, тратувары, будьте настолько добры...

— Починимъ, починимъ.

— Сдѣлайте милость, постарайтеся... Потому нельзя, сами знаете... До свиданія покедовъ... Такъ неизвѣстно, на какой срокъ?

— Неизвѣстно. Поживетъ, я думаю, недѣльки двѣ.

— Хорошее дѣло. Стало быть, мамыньку навѣстить. Хорошее дѣло. До увиданья. Позаботьтесь насчетъ этого самаго, на счетъ тратуваровъ.

Мать говорила спокойно, но когда отвернулась отъ окна, Ваня прочелъ на ея лицѣ тревогу.

— Про тебя спрашивалъ,—сказала она шепотомъ.

— Это ничего,—улыбаясь, отвѣчалъ Ваня:—ну, спрашивалъ, что же изъ этого?

Но мать цѣлый день была сама не своя.

Вечеромъ, въ сумерки, когда сѣли за ужинъ, въ раскрытое окно заглянула чья-то голова въ фуражкѣ съ кокардой.

— Иванъ Александрычъ у себя?—спросилъ незнакомый голосъ.

— Дома, я самый,—отвѣчалъ Ваня, подходя къ окну.— Что вамъ угодно?

— Здравствуйте, Иванъ Александрычъ! Не узнали меня?

— Нѣтъ.

Ваня присмотрѣлся къ бородатому молодому лицу и вдругъ узналъ школьнаго товарища, Петю Климова.

— Ахъ, это ты, Петя? Заходи, заходи!—закричалъ онъ радостно.—Тебя не узнаешь: бородой обросъ, кокарда на лбу, чиновникъ. Заходи, чего-жъ ты?

— Нѣтъ, видишь-ли... того... я на одну только минуту... Выйди-ка за ворота, поговорить надо.

Ваня вышелъ.

— Ну, что? Здравствуй!—сказалъ онъ.

— Видишь-ли, голубчикъ,—шепотомъ началъ Климовъ:—

бумага вчера получена... секретная... ты знаешь, я въ полиціи служу, секретаремъ... Пишутъ, если ты здѣсь, то немедленно телеграфировать...

— Ну?

— Ничего больше... пришелъ предупредить... Я, конечно, ничего не знаю и не хочу знать, но какъ мы съ тобой товарищи...

— Спасибо. Телеграфировали уже?

— Нѣтъ. Телеграмму можно задержать... на день, на два... Но что телеграфировать-то? Вотъ дѣло въ чемъ.

— Телеграфируйте, что выѣхалъ... Я завтра уѣзжаю.

— Такъ, такъ... и отлично... Но ты дѣйствительно уѣдешь?

— Уѣду.

— Куда?

— Это все равно. Телеграфируйте: въ Казань, въ Одессу, въ Москву—куда вамъ угодно.

— Ладно, мы сообщимъ, что въ Москву.

— И отлично. Спасибо, другъ. Не зайдешь?

— Нѣтъ, нѣтъ... До свиданія.

— Будь здоровъ, прощай. Спасибо.

— Не за что... по пріятельству... мало-ли... чего-жъ тутъ...

— Ну, что?—тревожно спросила мать, когда Ваня вернулся.

— Ничего, только завтра надо ѣхать.

— Ищутъ?—съ ужасомъ проговорила мать, и глаза ея стали большими и темными.

Ваня, молча, кивнулъ головой. Больше они не сказали ни слова. Мать до поздней ночи хлопотала, собирая сына въ дорогу. Потомъ они съ минуту посидѣли молча, взявшись за руки, и пошли спать.

На слѣдующій день всѣ проснулись раньше обыкновеннаго. Мать укладывала скудные Ванины пожитки въ котомку. Миша, съ недоумѣніемъ въ глазахъ, помогалъ ей.

Ваня что-то писалъ. На столѣ кипѣлъ самоваръ.

— Ну, мамка, смотри, не скучай!—сказалъ Ваня, кончивъ писать.

Мать опустила руки и заплакала.

— Увидимся-ли когда...—прошептала она, утирая передникомъ слезы.

— Богъ дастъ, увидимся. Люди на войну ходятъ и возвращаются. Не унывай, моя дорогая... меньше думай... молись Богу—это тебѣ поможетъ... Ты вѣришь,—и это хорошо.

Онъ досталъ изъ кармана бумажный свертокъ.

— Тутъ деньги,—сказалъ онъ:—немного... потомъ пришлю еще...

Мать, молча, взяла и, роняя слезы, сунула ихъ въ карманъ юбки.

— А себѣ-то?—спросила она:—хватитъ-ли?

— Хватитъ. Оставилъ, сколько нужно.

Разстегнувъ воротъ, Ваня снялъ съ шеи какой-то круглый предметъ.

— Вотъ... видишь-ли...—началъ онъ въ замѣшательствѣ:—въ знакъ моей вѣчной признательности... или нѣтъ.. это не то... Я очень цѣню твое пониманіе и твою жертву... Впрочемъ, есть вещи, которыхъ не разскажешь никакими словами, и ты это понимаешь... Я отдаю тебѣ, что есть у меня самаго дорогого... Ты все мечтала о моей женитьбѣ... такъ, знаешь, у меня была невѣста, но она сгинула, и это все, что отъ нея осталось... Возьми.

— Оставь у себя! Оставь у себя!—закричала мать.

— Нѣтъ, возьми... у тебя сохраннѣе... возьми, возьми.

Мать больше не возражала.

Черезъ полчаса они покинули домъ и, миновавъ огороды и ряды черныхъ кузницъ, пошли по тропинкѣ межъ высокихъ березъ, освѣщенныхъ утреннимъ солнцемъ. Съ горы Ваня въ послѣдній разъ оглянулся на городъ.

— Какая красота!—сказалъ онъ.—Люблю я этотъ уголокъ и городъ люблю, хотя, ей-Богу, хуже города не видалъ.

Ваня казался веселымъ и всю дорогу оживленно болталъ, хотя ядовитая тоска, не переставая, сосала его сердце. Мать молчала, съ трудомъ передвигая больныя ноги. Миша, съ заплаканными глазами, совершенно раскисшій, началъ отставать.

— Ну! дальніе проводы—лишнія слезы,—сказалъ Ваня, останавливаясь,—простимся!

Мать и сынъ обнялись и долго не могли оторваться другъ отъ друга. У Вани судорожно дрогнула челюсть, и теплая слеза скатилась по щекѣ. Миша, сморщивъ худенькое личико, по ребячьи началъ хныкать.

— Прощай, мама... Прощай, Миша...

— Ваня!—вдругъ закричала мать, и лицо ея преобразилось отъ горя:—погоди... минутку... пожалуйста, одну...

Наконецъ, взваливъ на плечи котомку и еще разъ чмокнувъ Мишу въ мокрыя губы, Ваня твердыми шагами пошелъ впередъ. Мать смотрѣла ему вслѣдъ. Вдругъ Миша заревѣлъ и бросился брату вдогонку...

Ваня воротился, молча обнялъ еще разъ мать и братишку, махнулъ рукой и, подавляя рыданіе, пошелъ прочь.

Онъ уходилъ все дальше и дальше, вотъ скрылся за бугромъ, вотъ снова показался, въ послѣдній разъ махнулъ платкомъ и исчезъ навсегда.

Мать стояла, какъ статуя скорби, и безумными глазами смотрѣла въ ту точку, гдѣ мгновеніе тому назадъ еще видна была сѣрая шляпа.

— Прощай, моя радость!.. Свѣтъ мой!.. Солнышко ясное!..— шептала она и, какъ подкошенная, упала на землю.

Миша, въ испугѣ, закричалъ дикимъ голосомъ и сталъ ее тормошить.

V.

Прошло около двухъ лѣтъ. Зима подходила къ концу. Дороги почернѣли, запахло весной, въ поляхъ появились проталины. Небо становилось все глубже и лучезарнѣе, солнце сіяло все ярче. Самыя худшія опасенія матери сбылись: Ваня погибъ, какъ погибли многіе. Уже не раздавались больше и не будили никого его бодрыя, страстныя, воодушевлявшія рѣчи, навсегда умолкъ его задушевный голосъ и веселый серебристый смѣхъ. Отважнаго пловца поглотило бурное житейское море, съ которымъ онъ дерзко вступилъ въ борьбу почти безъ надежды на побѣду.

Ужасное извѣстіе мать приняла очень странно: не упала и не забилась въ нервномъ припадкѣ, не вскрикнула, заломивъ руки, не уронила ни одной слезы и по наружности осталась спокойной, только по лицу скользнула мгновенная судорога, да въ глазахъ сверкнулъ и погасъ огонекъ безумнаго ужаса. Въ глубинѣ души она давно уже ждала роковой вѣсти, и теперь, когда это свершилось, у ней что-то оторвалось отъ сердца; она сказала: „все кончено!“ и какъ-то вся затихла.

Какъ обыкновенно, на другой день она подоила корову, затопила печь, Мишу напоила чаемъ и отправила въ школу, потомъ сѣла чинить бѣлье. Горе въ ней пробуждалось не вдругъ, точно оно было не въ силахъ сразу развернуть передъ ней всю свою необъятность. Однако, по ночамъ она перестала спать и была какъ-то странно разсѣянна и молчалива. Сухіе глаза постоянно горѣли неестественнымъ внутреннимъ огнемъ, и она таяла, какъ свѣча. Религіозная женщина, она перестала молиться, потому что и настоящій, и будущій міръ потеряли правду своего бытія, и молиться стало не о чемъ. Иногда днемъ она неожиданно засыпала и тогда походила на мертвую. Миша со страхомъ смотрѣлъ на ея темное лицо съ ввалившимися глазами и потихоньку плакалъ.

Однажды ей доставили денежный пакетъ на 218 рублей, а дня два спустя вручили черезъ полицію письмо отъ сына, послѣднее письмо, писанное его рукой мѣсяцъ тому назадъ. Письмо было кратко и безсодержательно, но оно взволновало и, какъ будто, возвратило ее къ жизни. Она плакала надъ нимъ цѣлый день, смѣялась и цѣловала его. При деньгахъ была приложена записка безъ подписи: „отъ чтущихъ память вашего незабвеннаго сына“. Изъ денегъ она, однако, не взяла себѣ ни копѣйки: онѣ казались ей цѣною гибели ея покойнаго Вани, и долго она думала, что съ ними дѣлать. Наконецъ, рѣшила отдать церковному причту на вѣчное поминовеніе. Настоятель церкви, отецъ Василій, бравый черноволосый мужчина, посомнѣвался было: можно-ли? Но, поразмысливъ, согласился принять.

— Фамиліи-то вѣдь не упомянуто,—сказалъ онъ:—рабъ Божій Іоаннъ, а кто—поди, доискивайся! Я думаю, что вполнѣ возможно,—рѣшилъ онъ, глядя на старушку проницательными, любопытствующими глазами.

Отдавъ деньги, она тотчасъ же забыла про нихъ.

Ночью, едва она забывалась, ей снились страшные сны. Пробуждаясь отъ страха, она вперяла глаза въ темноту ночи, и тогда ей все казалось незнакомо и странно. Съ улицы глядѣла въ окна молчаливая свинцовая тьма. Снѣжные сугробы, крыши домовъ, почернѣвшая дорога,—все проникнуто было тоскливымъ, жуткимъ, подстерегающимъ ужасомъ, и тогда казалось ей, что умеръ весь міръ, превратившись въ неподвижную, холодную, мертвую массу, сѣрую и угрюмую, какъ эта ночь, что нѣтъ ни Бога, ни людей, и она одна во всемъ мірѣ, забытое судьбой живое существо. Странный, мистическій ужасъ овладѣвалъ ею, и сердце, замирая, переставало биться.

Она зажигала огонь, но свѣтъ только усиливалъ мракъ, глядящій въ окна, тѣни сгущались, настроеніе мѣнялось, но становилось еще болѣе страшнымъ, суевѣрнымъ... Миша, скорчившись отъ холода, спалъ на полу, но она его не замѣчала. Она, вообще, забросила Мишу.

Иногда ей снилось что-то безформенное, неуловимое, но ужасное. Проснувшись, она не могла припомнить своихъ сновидѣній, но впечатлѣніе ужаса оставалось и наполняло отвращеніемъ все ея существо. Вскорѣ всѣ стали замѣчать, что съ ней творится что-то недоброе. Она смѣшивала сны съ дѣйствительностью и на яву видѣла умершаго сына, который приходилъ и говорилъ съ нею по ночамъ. Она сознавала, что это бредъ, но вѣрила ему и жила имъ, и каждую ночь ждала съ нетерпѣніемъ.

Днемъ она просиживала цѣлые часы передъ раскрытымъ

медальономъ, который подарилъ ей Ваня въ минуту разлуки. Изъ медальона глядѣли чужіе, грустные и задумчивые, глаза прекрасной молодой женщины.

— Ты больше любилъ ее, чѣмъ меня,—съ укоромъ шептала старушка.

Подъ конецъ она почти перестала ѣсть и худѣла съ каждымъ днемъ. Лицо съежилось, осунулось, пожелтѣло, стало прозрачнымъ. Тайный внутренній недугъ съѣдалъ ее медленно, но неуклонно, хотя она не жаловалась и считала себя здоровой.

Весной она умерла.

Въ убогой комнатѣ на двухъ столахъ, сдвинутыхъ вмѣстѣ, стоялъ деревянный некрашеный гробъ. Изъ него виднѣлось желтое, какъ воскъ, птичье лицо покойницы. Пахло ладаномъ. Горѣли свѣчи. Начетчица гнусаво читала псалтырь. Чужія женщины то приходили, то уходили, шептались, крестились, клали земные поклоны, прощаясь съ покойницей. Въ сторонкѣ у окна стоялъ Миша. Его худенькое личико старчески-скорбно сморщилось, а огромные черные глаза съ недоумѣніемъ смотрѣли на прозрачный мертвый носъ покойницы.

— Что, милый, не стало мамаши?—жалостливо спросила сосѣдка.

Миша потупился. Лицо его вдругъ жалко скривилось, глаза съ тоской устремились къ покойницѣ, точно ища у ней защиты.

Между тѣмъ, за окномъ разстилался ясный весенній день. Птицы весело щебетали. Теплый воздухъ, напоенный ароматомъ распускавшейся листвы, мягко и плавно вливался въ комнату. Глубокое небо синѣло. Золотые лучи солнца могучимъ потокомъ заливали и воздушно-голубую даль, и зеленѣющую дорогу. Въ комнатѣ продолжали толпиться чужіе люди. А Миша все стоялъ у гроба въ оцѣпенѣніи...

А. Погорѣловъ.

ДОНСКІЕ КАЗАКИ.

(Очеркъ).

Газеты все чаще и чаще приносятъ свѣдѣнія изъ Области Войска Донского, рисующія настроеніе казаковъ разныхъ частей Дона. Вначалѣ коротенькія и неопредѣленныя, свѣдѣнія эти чѣмъ дальше, тѣмъ становятся пространнѣе, опредѣленнѣе, красочнѣе. Еще въ началѣ этого года газеты сообщали только о томъ, что «жены казаковъ, мобилизованныхъ на службу въ центральную Россію и на окраины, во множествѣ прибываютъ въ Новочеркасскъ для ходатайства о пособіи... Нужда казачья особенно велика стала съ наступленіемъ весны, поля остаются не обработанными... Есть семьи, гдѣ остались одни старики и дѣти, кормилицами ихъ являются однѣ женщины». Весною, послѣ пріѣзда на Донъ князя Голицына съ грамотой, подтверждавшей права казаковъ на принадлежащія войску донскому земли, свѣдѣнія пріобрѣли болѣе острый характеръ: «Изъ казачьихъ станицъ приходятъ тревожныя вѣсти. Казаки волнуются. Администрація въ нѣкоторыя станицы не рѣшается въѣзжать»... Послѣ внесенія въ Государственную Думу запроса о законности мобилизаціи казаковъ второй и третьей очередей для «внутренней службы», газетныя свѣдѣнія сразу пополнились цѣлымъ рядомъ приговоровъ, писемъ къ депутатамъ, писемъ въ редакцію, телеграммъ съ Дона отъ казачьихъ станицъ и изъ разныхъ городовъ Россіи отъ казачьихъ полковъ. «Просимъ Государственную Думу походатайствовать... просимъ нашихъ представителей въ Государственной Думѣ настаивать... требуемъ распущенія по домамъ... мы теперь знаемъ, кто нашъ врагъ, кто другъ... мы прозрѣли теперь»... и т. д.—Таковы были штрихи, которыми обрисовалось тогда передъ нами настроеніе казачества. Теперь газеты приносятъ уже факты такого рода. По предписанію изъ Новочеркасска окружной атаманъ усть-медвѣдицкаго округа арестовалъ и препроводилъ въ новочеркасскую тюрьму довѣренныхъ, посланныхъ въ свое время усть-медвѣдицкимъ станичнымъ сходомъ въ Петербургъ для представленія наказа Государственной Думѣ. По телеграфному ходатайству усть-медвѣдицкаго окружного атамана, въ виду катего-

рическаго представленія усть-медвѣдицкаго схода, не ручавшагося за спокойствіе всего округа, довѣренные усть-медвѣдицкой станицы выпущены изъ тюрьмы и возвращены обратно въ станицу. Участковый засѣдатель арестовалъ въ Иловлинской станицѣ «оратора»— семинариста Ильина. Станичники въ свою очередь арестовали засѣдателя и продержали его подъ арестомъ до тѣхъ поръ, пока Ильинъ не былъ возвращенъ обратно въ Иловлинскую изъ Царицинской тюрьмы. И снова старая редакція газетнаго извѣстія, но, очевидно, съ болѣе полнымъ содержаніемъ: «Казаки волнуются. Въ нѣкоторыя станицы администрація не рѣшается выѣзжать».

«Казаки волнуются» и волнуются именно на «тихомъ Дону», этомъ послѣднемъ и до сихъ поръ, по многимъ признакамъ, самомъ надежномъ, почти несокрушимомъ оплотѣ реакціи и «незыблемыхъ основъ». Русское революціонное движеніе, противъ котораго до сихъ поръ по оффиціальнымъ свѣдѣніямъ было выставлено 133,377 казаковъ, можетъ учитывать въ свою пользу эти волненія; въ равной степени и правительству придется и, судя по газетнымъ извѣстіямъ, пришлось уже учитывать эти волненія, какъ серьезную потерю, какъ серьезную брешь, которую дѣлаетъ жизнь въ послѣдней цитадели отжившаго строя. Волнуются казаки—и, главнымъ образомъ, старшее поколѣніе, оставшееся дома за уходомъ въ полки сначала всѣхъ, а теперь двухъ «очередей», т. е. казаковъ съ 21 до 30-лѣтняго возраста, волнуется та часть населенія, которая давала до сихъ поръ теоретиковъ, вырабатывавшихъ идейное обоснованіе казачьяго міросозерцанія, выражавшагося въ краткой и сильной формулѣ: «вѣрные сыны престола и отечества». И если ужъ пошатнулась эта основа, значитъ, назрѣло что-то внутри казачества и расширяетъ узкую формулу вѣрноподданничества и начинаетъ искать выхода изъ замкнутаго круга фронта, «защиты и опоры».

Русское общество (а въ послѣднія десятилѣтія русскій народъ) и войско Донское стояли и стоятъ во враждебныхъ отношеніяхъ. Вся, рѣшительно вся Россія — отъ оффиціальныхъ представителей, руководителей и воспитателей арміи, отъ творцовъ и охранителей идеи «защиты и опоры престола и отечества» до послѣдняго россійскаго обывателя, поляка, финна, орловскаго мѣщанина, харьковскаго мужика — не только оффиціально отзывается о казакахъ, какъ о «прирожденныхъ» воинахъ, не могущихъ «дышать» безъ похода, войны, набѣга, но и въ глубинѣ души твердо убѣждена въ существованіи этого спеціально казачьяго качества. Опытъ долголѣтнихъ сношеній Россіи съ казакомъ, его безпрерывныя служебныя шатанія изъ конца въ конецъ нашего обширнаго отечества пріучили ее смотрѣть такъ на казака. Но въ оцѣнкѣ этого специфическаго казачьяго качества россійскіе обыватели раскалывались на двѣ діаметрально противоположныя стороны: въ то время, какъ оффиціальная Россія «въ непрестанномъ попеченіи» упоминала о

«духѣ исторіи» и «завѣтахъ доблестныхъ предковъ» и «возлагала надежды», другая, непосредственно воспринимавшая на свою шкуру демонстрированіе казакомъ его вѣрности «завѣтамъ», только отплевывалась и ругательски ругала его, какъ безбожника и разбойника. Теперь роли какъ будто начинаютъ перемѣняться. Настала пора упоминать о «завѣтахъ»—другой категоріи только!—неоффиціальной Россіи, а оффиціальной приходится изыскивать «способы» и «мѣры» противъ новоявленныхъ бунтовщиковъ и «злонамѣренныхъ людей».

«Опора» подрываетъ устои, вчерашній разбойникъ протестуетъ противъ использованія его разбойничьихъ наклонностей. Получается жизненная нелѣпица, въ которой необходимо разобраться, хотя бы для того, чтобы не напутать еще больше въ дальнѣйшемъ при столкновеніи съ нею.

Настоящій очеркъ является попыткой освѣтить хоть нѣсколько казачій вопросъ и поставить его въ надлежащія рамки, при которыхъ только и можно пытаться разобраться въ этомъ запутанномъ больномъ вопросѣ. Я пользуюсь въ этомъ очеркѣ тѣми данными, которыя мнѣ удалось собрать отчасти во время моихъ скитаній по Донской области, а главнымъ образомъ въ поѣздку въ казачій хуторъ во время 1-й мобилизаціи казаковъ лѣтомъ 1904 года, и тѣми отрывочными свѣдѣніями, которыя даетъ скудная литература по казачьему вопросу.

Я далекъ отъ мысли дать исчерпывающее освѣщеніе вопроса во всей его совокупности, категорически рѣшить что-нибудь, подвести казака подъ какую-нибудь формулу въ родѣ вышеприведенныхъ; я хочу только внести въ эти формулы нѣкоторыя поправки.

I.

Лѣтомъ 1904 года была произведена первая, она же и единственная, мобилизація донскихъ казаковъ для пополненія манчжурской арміи, — всѣ остальныя мобилизаціи были произведены уже для надобностей «внутренней службы», для «защиты отечества» отъ внутренняго врага. При первыхъ же слухахъ объ этой первой мобилизаціи я рѣшилъ поѣхать въ какой-нибудь изъ казачьихъ хуторовъ, захваченныхъ ею, чтобы тамъ, въ глуши, на мѣстѣ посмотрѣть на выступленіе на войну тѣхъ, о комъ сложилось на Руси такое удивительно однообразное представленіе — «прирожденный воинъ»—и такіе удивительно противоположные отзывы. Мнѣ хотѣлось провѣрить это представленіе и посмотрѣть на казака въ тотъ моментъ, когда ему придется—волей-неволей—проявить свои специфическія казачьи черты, выступить — не какъ нибудь, не шутя, а «на самомъ дѣлѣ»,—въ роли защитника отъ враговъ, и уже не «внутреннихъ», а «заправскихъ» внѣшнихъ, и при томъ еще къ

тому времени оффиціально признанныхъ «достойными противниками». Это былъ, мнѣ думалось, своего рода экзаменъ для казака въ его спеціально казачьемъ призваніи. Посмотрѣть, согласитесь, было интересно...

Еще дорогой судьба окунула меня въ самую гущу предмобилизаціонныхъ впечатлѣній. На ростовскомъ вокзалѣ въ ожиданіи поѣзда сидѣла кучка пожилыхъ казаковъ. Я поздоровался съ ними.

— Откуда, господа старики?

Казаки оказались довѣренными одной изъ станицъ перваго донского округа, захваченнаго мобилизаціей. Пробирались они «на Салъ», въ задонскую степь къ коннозаводчикамъ, чтобы присмотрѣть тамъ и, если найдется что-нибудь «мало-мало подходящее», купить для выступающихъ на войну второочередныхъ казаковъ нѣсколько десятковъ лошадей.

— Какъ же такъ, гг. старики?—полюбопытствовалъ я,—вѣдь идетъ, слышно, вторая очередь?

— Вторая-то вторая,—махнулъ рукою одинъ изъ стариковъ,—да только слава въ ней одна, что вторая, а не хуже первой приходится доброй половинѣ коней за станичный счетъ справлять.

Этотъ фактъ сразу освѣтилъ мнѣ истинное положеніе вещей.

Призывалась вторая очередь, т. е. казачьи части, которыя недавно только—годъ, два, три—вернулись изъ полковъ такъ называемой «полевой службы» и которыя по теоретическимъ разсчетамъ, входящимъ, какъ предпосылка — и весьма существенная, — въ формулу благословляющихъ и возлагающихъ надежды, должны быть готовыми, *всегда готовыми* къ выступленію въ походъ. Слѣдить за оправданіемъ теоріи всегдашней готовности на практикѣ,— за цѣлостью и сохранностью «строевой» казачьей лошади, какъ главнаго условія этой «готовности», приставлена цѣлая уйма всякаго рода начальства, начиная съ хуторскихъ и кончая окружными атаманами. Съ этою цѣлью этимъ разнообразнымъ начальствомъ дѣлаются смотры, ревизіи; назначаются внезапные, въ самое неподходящее время, «сборы», «смотры»; ведется своеобразная, стройная, до мельчайшихъ подробностей разработанная лошадиная бухгалтерія—учетъ. «Строевая» лошадь, какъ и самъ казакъ, подробнѣйшимъ образомъ описана, зарегистрована въ нѣсколькихъ спискахъ, «числится», «переводится», «замѣняется», «исключается». «Продать», «спустить», вообще «потерять» лошадь казаку, казалось бы, нѣтъ никакой возможности; наоборотъ, вся система при всякомъ удобномъ и неудобномъ случаѣ напоминаетъ ему объ этой лошади, о необходимости беречь ее «пуще своего глаза».

— Ты, чортова голова, опять надысь строевого запрягалъ?!— считаетъ своимъ непремѣннѣйшимъ долгомъ «намылить голову» атаманъ, встрѣтивъ провинившагося противъ «строевого» казака:— Чево тамъ: не! Я своими глазами видалъ, какъ ты на немъ съ

хлѣбомъ въ Калитву ѣздилъ. Гляди, братъ!.. Увижу ишо разъ, пріѣдетъ приставъ...

— Ну, что мнѣ съ вами, с... с..., дѣлать?—хватается за голову на смотру приставъ:—загоняли, заѣздили коней! Въ холодную... На двое... на трое сутокъ!

Вся система, конечно, била на то, чтобы въ нужное, какъ, напримѣръ, теперь, время казакъ не остался безъ лошади, и главная казачья добродѣтель (ежесекундная готовность) не потерпѣла конфуза. Если у второочереднаго «терялась» какимъ-нибудь образомъ лошадь, система обязывала его замѣнить ее (и какъ можно скорѣе) новой, купить эту новую, если не тотчасъ, то въ самомъ ближайшемъ будущемъ. Такихъ замѣнныхъ «строевыхъ» казаки находили обыкновенно въ раіонѣ своей или ближайшихъ станицъ. Поѣздки же на Салъ, къ коннозаводчикамъ, къ калмыкамъ практиковались при массовыхъ закупкахъ цѣлой станицей.

Если теперь, при слухахъ о мобилизаціи, конечно, достигшихъ и до казаковъ, казаки ѣздили «на Салъ» для массовой покупки лошадей цѣлой станицей, очевидно, съ готовностью дѣло обстояло не совсѣмъ благополучно. Невольно являлся вопросъ: для кого же эти лошади? Неужели всѣ эти списки, атаманы, пристава, смотры, завѣдующіе и т. д. «проморгали», и у второочередныхъ относительно «строевыхъ» не все въ порядкѣ, или, еще хуже, все въ безпорядкѣ?

Мобилизація показала, что «порядка», дѣйствительно, не было. Недостатокъ строевыхъ лошадей у мобилизованныхъ второочередныхъ казаковъ былъ такъ великъ, что для покрытія его не хватило лошадей за Дономъ у коннозаводчиковъ, и нѣкоторыя станицы принуждены были покупать случайныхъ лошадей у себя дома по высокой цѣнѣ и при пониженныхъ требованіяхъ къ статьямъ лошадей. Впрочемъ, покупка и пріемъ этихъ лошадей стоятъ того, чтобы о нихъ разсказать подробнѣе.

При подготовкѣ и провѣркѣ мобилизуемыхъ частей въ Екатерининской станицѣ (говорю со словъ казаковъ, хуторскихъ атамановъ, станичныхъ выборныхъ) оказалось, что у шестидесяти изъ ста семидесяти казаковъ, призванныхъ съ льготы въ полкъ, не было лошадей. И въ станичномъ правленіи, и на сходѣ стали думать—«какъ быть?», такъ какъ и сходъ, и правленіе были частичками «системы», приставленной къ казаку и его «строевому», да, кромѣ того, еще и «отвѣчали» за неисправность мобилизуемыхъ. И сходъ, и правленіе стали подыскивать, гдѣ бы можно было сразу, безъ хлопотъ, купить такое количество лошадей, чтобы «не возжаться», «не валандаться» долго, и, прежде всего, какъ водится, остановились на донскомъ частномъ коннозаводствѣ, куда и рѣшили послать «довѣренныхъ». Довѣренные бросились «за Донъ». А такъ какъ и въ другихъ станицахъ, вѣроятно, былъ не меньшій процентъ недостачи лошадей и такъ какъ и всѣ другія станицы погнали

своихъ довѣренныхъ туда же, то и оказалось, что «за Домомъ» нѣтъ потребнаго количества лошадей, чтобы покрыть усиленный спросъ на нихъ со стороны станицъ. Поэтому пришлось установить «очередь» между станицами при снабженіи ихъ лошадьми частнаго коннозаводства. При установленіи очереди руководились не нуждою той или иной станицы въ лошадяхъ,—всѣмъ нужно!—не трудностью отысканія ихъ, а просто хронологическимъ порядкомъ подачи заявленія... Екатерининской станицѣ лошадей не хватило, и ея довѣренные вернулись «изъ за Дона» съ пустыми руками. А лошадей нужно было достать во что бы то ни стало.

— Хучь роди!—охарактеризовалъ трудное положеніе станицы въ данномъ случаѣ одинъ изъ разсказывавшихъ мнѣ про эти мытарства казаковъ, которому тоже приходилось на сходѣ «ломать голову» надъ этимъ вопросомъ.

Выходъ былъ одинъ,—стали покупать на мѣстѣ, въ станицѣ, приведенныхъ туда частными лицами лошадей.

— Такую калѣчь вели,—у кого что есть,—говорили казаки:—глядѣть не на что, а брали... По сто десять, по сто двадцать платили.

Приходилось брать «что есть», а не то, что нужно было бы брать: выбирать было не изъ чего. При обнаружившейся вдругъ острой нуждѣ въ лошадяхъ сначала въ округѣ и въ коммиссіи, принимавшей лошадей за Дономъ, а потомъ и въ станицѣ требованія къ статьямъ строевой лошади были понижены до minimum'а на томъ основаніи, что лошади предназначались для казаковъ второй очереди, а не первой. Основаніе было подведено впопыхахъ, «на живую руку», «для отвода глазъ», такъ какъ и въ округѣ, и за Дономъ, и въ станицѣ знали превосходно, что казакъ самъ по себѣ, какой бы очереди онъ ни былъ, не въ состояніи замѣнить силу, выносливость и быстроту строевого коня, что въ этихъ качествахъ лошади заключается одно изъ главныхъ условій исправности казачьей части, что на войнѣ «второочередному» придется быть въ тѣхъ же передѣлкахъ, подвергаться той же опасности развѣдочной службы, что и «первоочередному». Основаніе было подведено заднимъ числомъ,—главное основаніе и у коммиссіи Екатерининской станицы, и у всѣхъ другихъ коммиссій, принимавшихъ лошадей съ закрытыми глазами—«какія ужъ есть»—было одно:

— На нѣтъ и суда нѣтъ!

Какаки, знающіе толкъ въ лошадяхъ, пріученные къ тому же длиннымъ рядомъ лѣтъ горькаго опыта къ щепетильному, придирчивому отношенію коммиссій разнаго рода къ строевому коню, отказывались всѣми силами отъ лошадей, купленныхъ коммиссіей Екатерининской станицы.

— Ваше высокоблагородіе! На што она мнѣ? Куды я на ней уѣду?!

— Бери.

— Ды вѣдь она на шкуру разя, и то не годится!?

— Бери!..

— Ваше высокоблагородіе?!

— Бери, тебѣ говорятъ...

Я смягчаю этотъ діалогъ и опускаю энергичнѣйшія выраженія, которыми подкрѣплялось это «бери».

— Что-жъ ты станешь дѣлать?—говорили мнѣ казаки:—брали. А послѣ платить за нее, чорта, придется.

Платить, дѣйствительно, придется.

Лошади куплены на станичныя деньги, и станичное правленіе при покупкѣ еще разсчитывало частью покрыть этотъ расходъ на счетъ «сторублеваго пособія», о выдачѣ котораго второочереднымъ, выступавшимъ въ походъ казакамъ къ тому времени уже получилось извѣщеніе, частью записать въ графѣ «дебиторовъ» станицы. Теперь, благодаря распоряженію войсковой администраціи, запрещавшему засчитывать «сторублевое пособіе» за какіе бы то ни было долги, станицѣ пришлось снести всю сумму на счетъ долгосрочнаго долга, который будетъ покрытъ послѣ войны вернувшимися изъ похода или ихъ родными. А сумма долга станицъ на нѣкоторыхъ изъ ушедшихъ въ походъ казаковъ достигла весьма внушительной цифры, такъ какъ кое-кому пришлось и перемѣнить купленную станицей лошадь; изъ шестидесяти лошадей, выбранныхъ екатерининской коммиссіей, состоявшей изъ станичнаго атамана, довѣренныхъ и ветеринарнаго фельдшера, впослѣдствіи, при болѣе тщательномъ осмотрѣ, три—четыре лошади были отставлены «по сбоямъ», три лошади—по малому росту и одна—по слѣпотѣ.

Мнѣ передавали, что на хуторѣ Романовомъ казакъ К. долженъ былъ перемѣнить двѣ лошади. Первая оказалась негодною по росту, вторая по слѣпотѣ. Чѣмъ расплатится К. за свой долгъ станицѣ, когда вернется домой, или его родные, когда онъ не вернется,—я не представляю себѣ ясно, такъ какъ знаю, что семья его не обладаетъ и средней зажиточностью и не имѣетъ сейчасъ ни одного взрослаго рабочаго мужчины. Старшій ушелъ на войну, второго брата въ прошломъ только году «справили», проводили въ полкъ,—дома остались старуха-мать, жена старшаго сына съ двумя дѣтьми, двѣ дѣвушки и парень-подростокъ на обезсиленномъ и расшатанномъ этими двумя «справами» хозяйствѣ.

— Михайловнѣ бѣдной (матери) туго приходится,—отзывались объ этой семьѣ въ одинъ голосъ и хуторяне, и одностаничники. И такихъ, какъ «Михайловна», по области, послѣ ряда мобилизацій, захватившихъ все взрослое населеніе отъ 24 до 33 лѣтъ, не одна тысяча, а, можетъ быть, и не одинъ десятокъ тысячъ...

II.

Недостатокъ строевыхъ лошадей, такъ ярко сказавшійся при мобилизаціи второй очереди, мобилизаціи не внезапной, а подготовленной заранѣе, чуть не за $1^1/_2$—2 мѣсяца объявленной по станицамъ, когда мысль о скорѣйшей покупкѣ «утерянной» строевой лошади сама собою вставала передъ казакомъ и внѣдрялась чуть не ежедневными смотрами, вызовами, предписаніями, приказами и прочими проявленіями громадной, опекающей эту лошадь, административной машины, и когда все же сразу «до зарѣзу» понадобилась уйма лошадей, недостатокъ этотъ – хроническій недугъ на Дону, тяжело отзывающійся и на казачьемъ, и на войсковомъ хозяйствѣ. Чтобы яснѣе охарактеризовать этотъ недугъ, съ каждымъ годомъ все сильнѣе и сильнѣе подтачивающій благосостояніе казака, да и приспособленной къ лошади административной машинѣ доставляющій немало горькихъ и тяжелыхъ минутъ, необходимо хотя бѣгло остановиться на дѣятельности тѣхъ организацій, какія существуютъ сейчасъ въ войскѣ Донскомъ для приготовленія строевой казачьей лошади.

Для этой цѣли я воспользуюсь данными, представляемыми брошюрой капитана Медвѣдева («Служба Донского войска въ связи съ его экономическимъ положеніемъ» М. 99 г.), дѣлающаго сводку дѣятельности этихъ организацій: донского частнаго и калмыцкаго коннозаводства, Провальскаго войскового конскаго завода и станичныхъ конноплодовыхъ табуновъ.

Въ основу организацій для приготовленія «строевыхъ» положенъ стройный планъ. По первоначальному разсчету должно было выходить такъ: въ задонской степи изъ войсковыхъ земель отводились желающимъ заниматься коневодствомъ въ широкихъ размѣрахъ участки земли. Коннозаводчики обязывались платить въ войсковой капиталъ по 3 копѣйки въ годъ арендной платы съ десятины и поставлять (всѣ вмѣстѣ) до 100 жеребчиковъ-производителей. Для выдержки этихъ жеребчиковъ и для самостоятельнаго приготовленія производителей и хорошихъ лошадей верхового сорта былъ основанъ войсковой провальскій конный заводъ, который долженъ былъ снабжать жеребцами-производителями казачьи станицы. Каждая станица обязывалась завести собственный конноплодовый табунъ, въ который матокъ должны поставлять казаки, а жеребцовъ присылалъ войсковой заводъ. Землю для табуна должна отдавать станица изъ общаго юрта, на станичный же счетъ относится содержаніе и уходъ за жеребцами, наемъ стражи, лѣчебныхъ пунктовъ и т. п. По разсчету должно было выходить, что казачье населеніе будетъ имѣть большой запасъ хорошихъ верховыхъ лошадей для службы, взрощенныхъ дома

безъ усилій и напряженія хозяйства. На дѣлѣ получилось совсѣмъ другое.

Во временномъ пользованіи донского частнаго и калмыцкаго коннозаводства находятся 951,806 десятинъ земли, съ платою аренды войску 3 коп. въ годъ за десятину и съ обязательствомъ содержать опредѣленное количество лошадей на каждомъ участкѣ-зимовникѣ (2400 десятинъ). «По свѣдѣніямъ, взятымъ изъ приказовъ по кавалеріи, за *пять лѣтъ съ 1893 по 1897 г.* включительно донскія лошади (поставленныя донскими коннозаводчиками), поступившія въ ремонтъ армейской кавалеріи, составляли слѣдующій процентъ всѣхъ погребныхъ лошадей:

Въ 1893 году	. . . .	69,4%
„ 1894 „	. . . .	65,5 „
„ 1895 „	. . . .	54,5 „
„ 1896 „	. . . .	62,1 „
„ 1897 „	. . . .	57,5 „

т. е. въ среднемъ около 60% всѣхъ принятыхъ за означенный періодъ въ армейскую кавалерію лошадей» («Служба дон. в.» стр. 64). Отношеніе же частнаго и калмыцкаго коннозаводства къ Области Войска Донского ограничивалось и ограничивается платою 3 коп. съ десятины годовой аренды и поставкою около 100 (93 въ 1897 г.) жеребчиковъ въ Провальскій войсковой конскій заводъ. Принося войску по самой скромной расцѣнкѣ до двухъ милл. рублей убытка ежегодно *), донское коннозаводство поставляетъ для казаковъ получающійся послѣ пріема кавалерійскаго ремонта остатокъ лошадей по цѣнѣ отъ 110—120 до 150 и выше рублей за лошадь. Какого качества эти лошади-«остатокъ» можно судить по слѣдующему факту, приводимому г. Медвѣдевымъ (ib. стр. 35). Въ 1898 г. въ одномъ изъ сѣверныхъ округовъ области нужно было пріобрѣсти немного болѣе сотни строевыхъ лошадей для молодыхъ казаковъ, назначенныхъ въ гвардейскіе казачьи полки. Когда пріобрѣтенныя на мѣстѣ въ станицахъ лошади были въ большинствѣ забракованы (принята едва десятая часть), станицамъ было приказано пріобрѣсти лошадей «за Дономъ» у частныхъ донскихъ коннозаводчиковъ. Ѣздили изъ многихъ станицъ атаманы, изъ другихъ «довѣренные отъ станицы», искали годныхъ лошадей «по Салу и за Саломъ», по выраженію г. Медвѣдева, т. е. исчертили Задонскую степь вдоль и поперекъ и, не найдя тамъ ничего подходящаго по сорту и цѣнѣ, возвратились «ни съ чѣмъ». «Не найдя такимъ образомъ годныхъ для гвардейской службы лошадей

*) „Совершенно одинаковая земля, которая по одну сторону рѣки Егорлыка, въ Задонской степи, отдается донскимъ частнымъ коневодамъ за 3 коп., по другую сторону въ Ставропольской губерніи арендуется по 6 руб. за десятину подъ распашку и по 3 руб. за выпасъ" (Воен. сборн., 1895 г. № 5, стр., 101).

въ войскѣ Донскомъ, окружное правленіе отправило одного изъ военныхъ приставовъ за Волгу искать лошадей у заволжскихъ калмыковъ въ Астраханской губерніи».

Провальскій войсковой конскій заводъ, открытый въ 1844 г. въ связи съ организаціей станичныхъ конно-плодовыхъ табуновъ, имѣетъ цѣлью снабженіе этихъ табуновъ жеребцами-производителями, имѣющими развить и улучшить породу казачьихъ лошадей. Заводъ этотъ поглощаетъ немало войсковыхъ денегъ. По вычисленіямъ г. Медвѣдева, «въ 1897 г. войско истратило на Провальскій заводъ 46,543 руб. изъ войсковыхъ суммъ. Кромѣ того, въ распоряженіи завода состоитъ участокъ войсковой земли, изъ которой удобной 20,901 дес. Считая послѣднюю по 2 руб. аренды въ годъ (цифра болѣе, чѣмъ скромная!), этимъ путемъ получается затрата около 42,000 руб. Всего, слѣдовательно, заводъ обошелся войску около 88.000 руб. въ годъ». Цифру эту смѣло можно увеличить до 100—120 тысячъ руб., принимая во вниманіе низкую оцѣнку арендной платы, допущенную г. Медвѣдевымъ. «Продуктивность же завода для войска Донского выразилась сотнею жеребчиковъ, выданныхъ въ станичные конно-плодовые табуны», изъ которыхъ часть жеребчиковъ была принята отъ донскихъ коннозаводчиковъ (въ 1897—1903 гг.) и только выдержана на заводѣ. Каждый такой переходящій черезъ Провальскій заводъ жеребчикъ, по вычисленію г. Медвѣдева, «обходится не дешевле 18,000 руб.» «За такую цѣну, замѣчаетъ г. Медвѣдевъ, казалось бы, можно пріобрѣтать производителей прямо изъ Аравіи или изъ Англіи и, конечно, за время существованія донского частнаго коннозаводства съ начала нынѣшняго (XIX) столѣтія теперь можно бы имѣть тысячи чистокровныхъ арабовъ или англичанъ для развитія и улучшенія коннозаводства на Дону» (ib. стр. 64). Производители же, выпускаемые Провальскимъ заводомъ въ станичные коннoплодовые табуны, въ послѣднія 15—20 лѣтъ настолько неудовлетворительны, что «сами едва выходятъ въ мѣру, требуемую въ армейскіе казачьи полки; приплодки же ихъ узаконеннаго роста и сложенія достигаютъ въ рѣдкихъ экземплярахъ и большинство ихъ не годится даже въ армейскіе казачьи полки» (ib. стр. 55). Поставка же Провальскимъ заводомъ собственно строевой лошади для казаковъ выражается прямо ничтожной цифрой (въ 97 г.—30 жеребчиковъ и кобылокъ, проданныхъ изъ заводскаго приплода, да 24 кобылы, уступленныхъ изъ брака «коренного основанія» казакамъ и офицерамъ).

Относительно роли станичныхъ конно-плодовыхъ табуновъ въ дѣлѣ приготовленія строевой казачьей лошади говорить много не приходится. Какова яблонька, таковы и яблочки. Ежегодная маята населенія съ добываніемъ «строевыхъ», поѣздки за Донъ, на Салъ, за Волгу, вопли и ругань приставовъ, атамановъ, какъ нельзя лучше показываютъ, что съ станичными табунами «хуже некуда».

Такимъ образомъ, несмотря на кажущееся обиліе конскихъ заводовъ и лошадей на Дону, въ концѣ концовъ создалось положеніе, при которомъ казаку приходится тщательнѣйшимъ образомъ обшаривать округу верстъ въ двѣсти радіусомъ, чтобы «добыть» строевую лошадь:

— Не завалилась ли гдѣ лошаденка, подходящая чтобы...

А между тѣмъ, прежде чѣмъ кончить поисками этой «подходящей», казакъ несетъ массу затратъ, уходящихъ неизвѣстно куда и на что.

— Какъ въ прорву бросаемъ,—ничего нѣту!—отзывается казакъ объ этихъ затратахъ, предназнающихся въ теоріи на поддержаніе одного изъ винтовъ той стройной на видъ, предусматривающей малѣйшія мелочи организаціи, которая приспособлена къ приготовленію «строевого».

Не говоря о милліонныхъ убыткахъ, которые ежегодно несетъ войсковая казна, и населеніе, въ свою очередь, не мало теряетъ непосредственно отъ этой организаціи. Станичные конно-плодовые табуны, вѣнецъ заботъ административной опеки надъ «строевымъ», къ которымъ сводится, собственно, вся система приготовленія этого «строевого», поддерживаются всецѣло на счетъ казачьяго населенія. Для попаса станичнаго табуна въ каждой изъ станицъ изъ юртовой земли отводится опредѣленное количество обыкновенно лучшей земли по разсчету 10—12 десятинъ на каждую матку табуна. При наличности въ станичныхъ табунахъ болѣе 20 тысячъ матокъ (въ 1897—21,195 головъ) «табунный отводъ» поглощаетъ свыше 200 тысячъ десятинъ юртовой станичной земли, оторванныхъ прямо «отъ живого тѣла», отъ той «паевой» земли, которою исключительно живетъ казакъ, которою одною онъ покрываетъ всѣ свои нужды. Отмежевывая подъ безплодные, въ концѣ концовъ, «табунные отводы» чуть ли не лучшую землю, станицы урѣзываютъ другія земельныя статьи и болѣе всего «толоку»—«выгонъ», все болѣе и болѣе сжимая ее, доведя уже въ большинствѣ случаевъ до $^1/_6$ десятины на каждую голову скота, считая и овецъ.

Содержаніе табуна ложится всецѣло на населеніе. Жалованіе смотрителю, фельдшерамъ, стражѣ табуна, содержаніе жеребцовъ, конюшни, больницы и другіе расходы падаютъ на казаковъ, неспособныхъ къ строевой службѣ, но способныхъ къ труду, въ размѣрѣ 150 руб. за десять лѣтъ. Стража при табунѣ отбывается первоочередными казаками за службу въ полку и въ теченіе такого же срока, какъ въ полку.

Въ Хоперскій окружной комитетъ о нуждахъ сельско-хозяйственной промышленности былъ представленъ по этому вопросу докладъ члена комитета В. Я. Бирюкова, который даетъ слѣдующія данныя:

«Существующая теперь организація станичнаго коневодства требуетъ обязательной поставки матокъ и обязательнаго формиро-

ванія конно-плодовыхъ табуновъ и вызываетъ со стороны станичныхъ обществъ громадныя денежныя и натуральныя затраты. Такъ, напримѣръ, въ Хоперскомъ округѣ подъ попасъ табуновъ отведено самой лучшей земли въ 1900 г. 35,924 десятины; арендная стоимость этой земли, принимая среднія существующія по станицамъ цѣны на нее (отъ 1 р. 50 к. въ станицѣ Акишевской и до 6 р. въ станицѣ Михайловской) составитъ сумму въ 134,715 р. въ годъ; денежные расходы на содержаніе и ремонтъ конюшенъ съ ихъ принадлежностями, содержаніе табунной стражи, расходы на медикаменты и проч. производятся ежегодно на сумму 35,688 руб. (среднее за 4 года съ 1894—1897 г.), а въ 1901 г. 26,617 р. 20 к. Зимнее продовольствіе жеребцовъ, считая обыкновенную полковую дачу, обойдется въ 60 руб. каждаго, а всѣхъ 309 жеребцовъ 18,540 руб. Такимъ образомъ, содержаніе конно-плодовыхъ табуновъ станичнымъ обществамъ Хоперскаго округа обходится въ 188,943 р., и на каждую казачью семью расходъ этотъ будетъ равенъ 7 р. 10 к.».

Самое составленіе табуна является ежегодной и для многихъ далеко не легкой повинностью. Опека добилась того, что «благодѣтельная мѣра» превратилась въ сплошную муку, заставляющую станицу ревѣть бѣлугой и употреблять массу ума и изворотливости, чтобы какъ-нибудь обойти эту повинность. Каждый строевой казакъ обязанъ (въ теоріи) поставить для табуна матку. Но такъ какъ число производителей, поставляемыхъ Провальскимъ заводомъ, обычно не хватаетъ для такого количества матокъ, то установился порядокъ, при которомъ одну матку приходится поставлять группѣ казаковъ изъ 4 - 5 человѣкъ. На такія группы и разбивается вся станица. Вѣдаетъ разбивкой станичный сходъ. При такой разбивкѣ строго наблюдается, чтобы въ составъ каждой изъ группъ входилъ зажиточный казакъ, имѣющій лишнихъ лошадей и могущій поэтому поставить отъ лица всей группы матку въ табунъ. Остальные участники группы платятъ ему за эту поставку отъ 1 до 2 руб. въ годъ, такъ сказать, изъ благодарности за избавленіе ихъ отъ горькой необходимости «валандаться» съ табуномъ. Бываютъ нерѣдко случаи, что вся группа арендуетъ матку у кого-нибудь на сторонѣ, иногда (и чаще всего) у иногородныхъ, т. е. лицъ не войскового сословія, за цѣну въ 10—15 рублей плюсъ могущій быть приплодъ, и «записываетъ» ее въ табунъ отъ лица кого-либо изъ группы.

Во 2-омъ Донскомъ округѣ (ст. Пятиизбянская, напримѣръ) существуетъ другой типъ раскладки «кобыльей повинности». Казаки разбиваются сходомъ по «достатку» Сначала «6-ти парные» (т. е. имѣющіе 6 паръ воловъ), потомъ 5-ти, 4-хъ, 3-хъ и двухпарные Ихъ и обязываетъ сборъ поставить матокъ. Такъ какъ хозяевъ, имѣющихъ отъ 4-хъ до 6-ти паръ воловъ, всего $^2/_5$ общаго количества обязанныхъ, то главная тяжесть поставки $^3/_5$ падаетъ на

3-хъ парныя хозяйства. «Трехпарному» эта поставка—подрывъ хозяйства, такъ какъ, если онъ не сумѣетъ заарендовать матку у кого-либо, то долженъ продать 3-ю пару быковъ, ибо въ табунѣ требуется матка извѣстнаго (верховаго) сорта, съ строго опредѣленными статьями, стоющая отъ 80 до 100 руб. Иначе матка будетъ забракована и придется всетаки покупать другую. А разъ онъ лишится 3-ей пары воловъ, онъ переходитъ въ разрядъ уже маломочныхъ хозяевъ. Если же очередь на поставку падетъ на двухпарнаго, ему прямо раззоръ, такъ какъ продажа 2-ой пары воловъ влечетъ за собой невозможность самому обработать свой пай, запасти кормъ для скота и т. д. вплоть до продажи и одной пары быковъ и сдачи всего пая въ аренду.

Въ цитированномъ выше докладѣ В. Я. Бирюковъ говоритъ: «Обязательная поставка въ табунъ матокъ извѣстнаго опредѣленнаго сорта обратилась теперь въ очень тяжелую повинность, ежегодно распредѣляемую станичнымъ сборомъ среди своихъ гражданъ. И какъ для пріобрѣтенія строевого коня многимъ домохозяевамъ приходится продавать рабочую скотину, такъ и для поставки матки обязанный нерѣдко прибѣгаетъ къ продажѣ рабочей скотины, и, лишаясь въ маткѣ рабочей силы, самъ терпитъ большой недостатокъ въ ней. Нѣкоторые обязанные нанимаютъ (арендуютъ) матку въ сосѣднихъ станицахъ или у иногородныхъ. Въ Хоперскомъ округѣ были случаи, когда группа казаковъ, не найдя матки, которую можно было бы заарендовать, покупали ее, а осенью, бывало, принуждены съ убыткомъ для себя продавать, такъ какъ никто изъ участниковъ группы не хотѣлъ брать ее на зиму—нечѣмъ было кормить».

Изъ этого можно уже видѣть, насколько отвѣчаетъ потребности населенія «благодѣтельная мѣра», введенная «для поднятія качествъ донской верховой лошади», и съ какой охотой отзывается населеніе на эту мѣру.

— Абы отдѣлаться!..—такъ смотритъ на свою повинность казакъ, такъ смотритъ и сходъ, и станичный атаманъ, и военный приставъ, до самаго послѣдняго времени вѣдавшій табунное дѣло.

И это понятно. Цифры, приведенныя г. Бирюковымъ по Хоперскому округу, какъ нельзя лучше объясняютъ это «абы отдѣлаться».

Согласно даннымъ конской переписи 1901 г., кобылицъ у казаковъ Хоперскаго округа было 19,665; изъ нихъ входящихъ въ комплектъ конно-плодовыхъ табуновъ 3,626 или 18,4% общаго числа матокъ. А между тѣмъ, «при теперешнемъ обѣдненіи казаковъ, когда 56% ихъ не имѣетъ достаточнаго количества рабочаго скота для обработки земли, обязательное отвлеченіе отъ хозяйства 3,626 матокъ на все лѣтнее рабочее время наноситъ весьма существенный ущербъ казачьему хозяйству».

И вотъ охаетъ во всѣхъ станицахъ населеніе за исключеніемъ

небольшой кучки богатыхъ казаковъ, которымъ выгодны конно-плодовые табуны, охаетъ ближайшее начальство, охаетъ сходъ; всѣмъ «табунъ въ холку въѣлся».

И мнѣ по поводу табуновъ пришлось слышать такія рѣчи отъ одного изъ станичныхъ атамановъ:

— Если не уничтожать табуновъ,—ей Богу, казаки года черезъ два забунтуютъ!.. Мочи нѣтъ ужъ...

Пока же всетаки станичные конно-плодовые табуны существуютъ и будутъ существовать «впредь до особаго на сей предметъ распоряженія».

А казакъ, между тѣмъ, при выступленіи на службу мечется по Дону, какъ угорѣлый, шаритъ за Дономъ, плетется за Волгу въ поискахъ «хоть чего-нибудь, мало-мало подходящаго», такъ какъ хорошо знаетъ, что, несмотря на его полнѣйшую невиновность въ «никудышныхъ» результатахъ «благодѣтельной мѣры», признанную во всѣхъ инстанціяхъ, приставленныхъ слѣдить за его «готовностью», его не погладятъ по головкѣ за неимѣніе этого «подходящаго».

— Эхъ, засуетились теперь казачонки, зашныряли по Дону, какъ стрижи, — охарактеризовалъ предмобилизаціонное время на Дону одинъ мой знакомый «иногородній» торговецъ:—Косячокъ коней теперь подходящихъ пригнать было хорошо бы... Хорошую лошадь сейчасъ, подходящую ежели, только дай, съ руками оторвутъ.

Именно сейчасъ, при отсутствіи годныхъ для строя лошадей «за Дономъ» у конно-заводчиковъ, при прогрессирующемъ вырожденіи «доморослыхъ» лошадей и при повышенныхъ требованіяхъ со стороны пріемныхъ коммиссій (мѣра, статьи, масть), казакъ поставленъ въ необходимость «съ руками оторвать» у продавца «подходящую» лошадь.

Мнѣ пришлось въ хуторѣ Крымскомъ, Кочетовской станицы, разговаривать со старикомъ-казакомъ, ѣздившимъ съ станичнымъ атаманомъ за лошадьми «за Донъ». Старикъ привелъ оттуда хорошаго строевого коня для сына, котораго онъ будетъ отправлять въ полкъ еще только въ будущемъ году. Онъ получилъ лошадь, кажется, изъ общаго косяка, предназначавшагося для дѣлежа между станицами, получилъ, благодаря близости къ станичному атаману.—Друзья мы...—не разъ объяснялъ онъ. Вскорѣ послѣ пріѣзда изъ-за Дона станичный атаманъ смѣнился, такъ какъ подлежалъ призыву въ полкъ, и станичное правленіе потребовало у старика, чтобы онъ передалъ приведенную имъ лошадь кому-то изъ призванныхъ второочередныхъ казаковъ. Старикъ уперся и не давалъ.

— Три раза присылали,—разсказывалъ онъ:—да хучь бы иппо три прислали, такъ все одно. Сказалъ: не дамъ!—и не дамъ. Отсижу лучше... Имъ отдай, а посля, вываля языкъ, и мечись, какъ

угорѣлый, пока тамъ ишо нападешь... Это конь добрый.—Видѣли?—повернулся онъ къ конюшнѣ, гдѣ стояла лошадь, предметъ спора:—съ этимъ конемъ я въ какой хошь коммиссіи пройду... А то нашъ дурака нашли!

— Не отдавай! Отсидѣть, знамо, лучше,—подтверждали въ одинъ голосъ собесѣдники-казаки, которымъ до тонкости были извѣстны всѣ перипетіи «прохода» черезъ коммиссіи:—отдашь,—наплачешься!

— Ну дураковъ то теперь тожа...—съ непоколебимой увѣренностью въ себѣ, въ томъ, что у него хватитъ и ума, и характера «не отдать»,—закончилъ старикъ.

III.

И первая, и всѣ послѣдующія мобилизаціи, при которыхъ въ строй ушло свыше 30 тысячъ человѣкъ, наиболѣе молодыхъ и работоспособныхъ казаковъ въ возрастѣ отъ 24-хъ до 33-хъ лѣтъ, въ конецъ расшатали казачье хозяйство, уже къ моменту первой мобилизаціи сильно расшатанное и подорванное. Мобилизаціи обострили и усилили тотъ процессъ обѣднѣнія казаковъ, который замѣчался на Дону уже давно.

Въ настоящее время экономическое положеніе Дона представляется въ слѣдующемъ видѣ. Въ большинствѣ станицъ наблюдается все прогрессирующее малоземелье, которое въ нѣкоторыхъ станицахъ приняло уже острую форму; напр., въ Екатерининской станицѣ на Донцѣ (1-го Донского округа) количество пахотной земли на казачій пай (надѣлъ) дошло до $5^1/_2$—6 десятинъ, въ Екатерининской станицѣ на Медвѣдицѣ—до 5 дес., въ Пятиизбянской станицѣ—до 4 десятинъ. Въ среднемъ казачій пай по области спустился до 12 съ дробью десятинъ. А въ одной трети станицъ до 9 и даже до 8 десятинъ. Чтобы освѣтить эти цифры, я приведу маленькую историческую справку. Въ 1835 году государственнымъ совѣтомъ нормальный казачій пай былъ опредѣленъ въ 30 десятинъ. Было высчитано, что только при такомъ количествѣ земли казаки смогутъ безъ ущерба для себя нести воинскую повинность при собственномъ снаряженіи. Въ 60-хъ годахъ «нормальный пай» тѣмъ же государственнымъ совѣтомъ былъ опредѣленъ уже въ 20 десятинъ, а въ 1904 году «нормальный размѣръ» пая былъ опредѣленъ такъ: все количество юртовой (станичной) и войсковой земли было раздѣлено на число душъ мужского пола казачьяго населенія и полученное частное въ 12 съ дробью десятинъ санкціонировано, какъ «нормальный пай». Малоземелье и сокращеніе паевъ, кромѣ естественнаго пути въ силу прироста населенія, создается на Дону еще и искусственнымъ путемъ—отрѣзками изъ общаго юртового довольствія участ-

ковъ-«отводовъ» подъ конно-плодовые табуны и подъ арендныя статьи въ пользу станичнаго капитала. Я останавливался выше на коннаплодовыхъ табунахъ, теперь же скажу нѣсколько словъ о вліяніи арендныхъ станичныхъ участковъ на сокращеніе казачьяго надѣла—пая.

До 1843 года казачьи станицы пользовались правомъ безпошлиннаго винокуренія и виноторговли и были освобождены отъ всякихъ государственныхъ и земскихъ сборовъ. Съ 1843 года въ Донской области была введена откупная система, весь доходъ съ которой сталъ поступать въ пользу войска, станицамъ же выдавалось вознагражденіе за отнятое у нихъ право безпошлиннаго винокуренія и торговли виномъ—по 50 съ лишнимъ копѣекъ на каждую душу мужского пола.

Съ 1863 г., послѣ введенія акцизной системы, войско стало получать въ возмѣщеніе убытковъ по 1,239 тысячъ рублей ежегодно съ компенсаціей убытковъ станицъ въ томъ же размѣрѣ, какъ и при откупной системѣ. Но съ 1870 г. въ станичные капиталы не поступало уже ничего. При увеличившихся же расходахъ станичныхъ обществъ (жалованіе станичной администраціи, школы, снаряженіе неимущихъ казаковъ на службу и др.) станичные капиталы, образовавшіеся главнымъ образомъ при пользованіи правомъ безпошлиннаго винокуренія и продажи вина и при компенсаціи лишенія этого права до 70-хъ годовъ, быстро растаяли. Особенно чувствительный ударъ станичнымъ капиталамъ былъ нанесенъ введеніемъ казенной винной монополіи, отнявшей у станичныхъ обществъ право отдачи въ аренду питейныхъ заведеній. Расходы станичныхъ обществъ возрастали, главные питательные каналы станичныхъ капиталовъ изсякли.

Пришлось «изворачиваться» при помощи земли, отрывая отъ паевой или запасной станичной земли изрядные куски для сдачи въ аренду. Въ послѣдніе годы аренда этихъ «общественныхъ отводовъ»—чуть ли не единственный крупный источникъ, питающій худосочные станичные капиталы большинства Донскихъ станицъ. Малоземельемъ особенно страдаютъ сѣверные округа Дона, Хоперскій, Усть-Медвѣдицкій, 2-й Донской и 1-й Донской въ части его, лежащей по теченію Донца. Пользуясь трудами хоперскаго комитета о нуждахъ сельско-хозяйственной промышленности (1902 г.), я приведу нѣсколько данныхъ по Хоперскому округу.

«Въ первомъ собраніи комитета, послѣ открытія его дѣйствій, читаемъ въ сводѣ заключеній комитета, присутствовавшіе представители станичныхъ (до 30 чел.) и сельскихъ (10 чел.) обществъ сразу заявили, что самая главная нужда ихъ сельско-хозяйственнаго быта, требующая безотложнаго обсужденія и рѣшенія, есть малоземелье, какъ у казаковъ, такъ и особенно у крестьянъ, и что всѣ прочіе недостатки и нужды казачьяго и крестьянскаго хозяйства не могутъ быть удовлетворительно разрѣшены, пока не бу-

детъ порѣшенъ этотъ насущный для нихъ вопросъ. И только послѣ разъясненій предсѣдателя комитета о внесеніи этого дополнительнаго къ программѣ вопроса по постановленію предварительной коммиссіи и по прочтеніи разрѣшительныхъ бумагъ, станичные и сельскіе представители успокоились и перешли къ слушанію первой группы вопросовъ по программѣ особаго совѣщанія».

Это заявленіе протокола комитета очень характерно. Казачьи и крестьянскіе представители «успокаиваются» и «переходятъ къ слушанію» вопросовъ программы не раньше, чѣмъ имъ было разъяснено, что вопросъ о малоземельи внесенъ и были прочитаны «разрѣшительныя бумаги». Пожалуй, безъ этого они не успокоились бы и не захотѣли бы вовсе разговаривать о «пустякахъ».

Въ томъ же комитетѣ для характеристики казачьяго малоземелья прочитанъ былъ приговоръ Павловскаго станичнаго сбора (отъ 15 ноября 1902 г. за № 181). Выписываю изъ него наиболѣе существенные пункты:

«Сборъ удостовѣряетъ, что нынѣ въ этой станицѣ паевой земли на казака приходится 10 дес., изъ которыхъ 4 десятины подъ толокой или выгономъ, и 6 десятинъ пахотной. Но съ будущаго 1903 года не достанется павловскому казаку и такого количества земли, какъ теперь, потому что предстоитъ передѣлъ юрта, а выросткамъ или молодымъ казакамъ въ послѣдніе три года выгонной земли не отводили, давая одну полевую—слѣдовательно, средній надѣлъ (послѣ передѣла юрта) будетъ ниже 10 десятинъ... Въ Павловской станицѣ мало земли, мало и луговъ».

«Скотины у казаковъ мало», потому что не выгодно заниматься скотоводствомъ. Для занятія скотоводствомъ въ сколько-нибудь значительныхъ размѣрахъ «землю приходится арендовать на сторонѣ за 20, 30 и даже 50 верстъ, отъ 5 до 8 рублей за десятину», «остается возможность держать лишь рабочую скотину да строевого коня». Но и «рабочей скотины» у казаковъ фактически уже нѣтъ.

«По мѣстнымъ условіямъ для успѣшнаго веденія земледѣльческаго хозяйства на казачьемъ надѣлѣ въ Донской области необходимо имѣть полный плугъ быковъ или лошадей, т. е. не менѣе трехъ паръ воловъ или 4 лошадей». А «къ 1-му января 1898 года на каждое хозяйство (изъ 5 душъ обоего пола) приходилось менѣе 1 пары воловъ и только одна лошадь» (Медвѣдевъ «Служба Донского войска» стр. 68), да и та въ большей части не рабочая, а строевая, которую необходимо беречь для службы.

«Станица бѣднѣетъ,—продолжаетъ приговоръ Павловской станицы,—и считаетъ свой юртъ самымъ малоземельнымъ». «Большинство станичныхъ представителей, говоритъ дальше протоколъ комитета, подтверждаютъ, что и у нихъ въ станицахъ такая же нужда въ землѣ, въ лугахъ и въ пастбищахъ и такая же ску-

дость въ доходныхъ источникахъ или выгодныхъ заработкахъ, какъ и у Павловцевъ» (Сводъ заключеній)...

И то же самое, съ маленькими варіаціями, по всему верхнему Дону. Мнѣ пришлось въ Донецкомъ округѣ, именно въ хуторѣ Рыгинѣ, Каменской станицы, натолкнуться даже на вопросъ о передѣлѣ земли. Вопросъ этотъ задалъ казакъ, старикъ лѣтъ 60 съ лишнимъ, и задалъ отъ лица цѣлой группы казаковъ, присутствовавшихъ при этомъ.

— А о чемъ наши казаки хотѣли бы спросить васъ, ваше благородіе?!—началъ свою рѣчь старикъ.

И надо было видѣть, съ какимъ жаднымъ интересомъ и напряженнымъ вниманіемъ прислушивались казаки къ отвѣту.

«Низовыя» станицы (расположенныя по нижнему теченію рѣки Дона) находятся въ лучшихъ условіяхъ. Земли у нихъ больше; напр., въ Старочеркасской станицѣ на пай приходится земли 12 десятинъ, въ Хомутовской дѣловой-пахотной 15 дес., въ Кагавницкой паевой 33 дес. «Земля здѣсь лучше, меньше выпахана, зимы короче и мягче». А главное «въ этихъ станицахъ сохранился рыбный промыселъ, въ нѣдрахъ ихъ каменный уголь, виноградники ихъ доходны, тамъ и первоклассные хлѣбные порты, тамъ и дешевое водяное сообщеніе по р. Дону» (Сводъ заключеній). Показателемъ ихъ большаго земельнаго богатства служитъ тотъ фактъ, что въ низовыхъ станицахъ (въ большинствѣ) существуетъ нигдѣ не встрѣчающійся вверху Дона порядокъ снаряженія казаковъ на службу: всѣ казаки, достигшіе 21 г., при выходѣ въ полкъ снаряжаются инвентаремъ, кромѣ лошади,—на счетъ капитала, образующагося отъ сдачи въ аренду $^1/_3$ части пая каждаго изъ малолѣтковъ.

«Малолѣтки» получаютъ паи 18 лѣтъ. Значитъ, въ періодъ времени отъ 18 до 21 г., т. е. въ 3 года $^1/_3$ часть пая успѣваетъ принести отъ 120 до 150 р.

Повинности, лежащія на казакахъ, которыхъ считаютъ и которые сами привыкли считать себя «вольными», велики. Хоперскому комитету былъ представленъ цѣлый рядъ приговоровъ станичныхъ обществъ, въ которыхъ исчисляются эти повинности, военная и натуральная, въ переводѣ на деньги. Выписываю изъ протокола вечерняго засѣданія 19-го ноября.

«Представитель Арженовскаго станичнаго общества урядникъ Саломатинъ передалъ лично предсѣдателю собственноручную записку о размѣрѣ денежныхъ и натуральныхъ повинностей и поставокъ казака неспособнаго (къ службѣ) разряда, годнаго къ личному труду; при чемъ, по разсчету названнаго представителя, выходило съ казака неспособнаго разряда денежныхъ податей въ годъ до 15 рублей и натуральныхъ повинностей и поставокъ по содержанію плодовыхъ жеребцовъ на такую же сумму по переложеніи повинностей на деньги. А всего платежей деньгами и

натурою за 20 лѣтъ состоянія въ разрядѣ неспособныхъ къ службѣ до 600 руб., т. е. по 30 р. въ годъ». «Станичныя же правленія и станичныя общества по сообщеніи имъ разсчетной записки Арженовскаго представителя доставили цѣлый рядъ цифровыхъ данныхъ о степени обложенія денежными и натуральными повинностями не только казаковъ неспособнаго разряда, но также и о размѣрѣ повинностей, падающихъ на казаковъ строевого разряда, послѣ перевода этихъ повинностей на деньги тѣмъ же способомъ, какимъ оцѣнивалъ повинности Арженовскій представитель для неспособныхъ къ службѣ казаковъ.

«Павловская станица въ приговорѣ станичнаго сбора отъ 15 ноября за № 181, исчисливъ повинности неспособнаго разряда по 42 р. 29 коп., а въ десять лѣтъ въ суммѣ 422 р. 90 коп., т. е. выше разсчета Арженовскаго представителя, указываетъ, что повинности казаковъ строевого разряда обходятся еще для нихъ дороже, а именно по 78 р. 38 коп. въ годъ, и за десять лѣтъ въ 783 р. 80 коп., съ присоединеніемъ же къ этимъ годовымъ повинностямъ еще единовременныхъ затратъ на исправленіе по службѣ въ 121 р. и для ученія въ 117 р. всего за десять лѣтъ повинности казаковъ строевого разряда оцѣниваются станицею въ суммѣ 1021 р. 80 коп.

«Другія станицы приходятъ къ такимъ выводамъ: Усть-Бузулуцкая станица считаетъ повинности неспособныхъ казаковъ: платежъ въ табунный капиталъ, почтовый сборъ и натуральныя отбывки по 34 р. 30 к. въ годъ, а въ 10 лѣтъ въ 340 р.; повинности же и расходы строевого разряда, разложенные не на 10, а на 15 лѣтъ, не считая сторублеваго пособія, по 49 р. 77 коп. въ годъ (746 р. 55 к.).

«Анненская станица въ приговорѣ отъ 15 ноября за № 251 денежныя повинности неспособныхъ къ службѣ казаковъ оцѣниваетъ по 30 р. въ годъ (съ платою почтарю, сѣнокошеніемъ и возкой сѣна), за 20 лѣтъ 600 руб.; для строевого же разряда одного денежнаго расхода показываетъ по 25 р. въ годъ, а за 10 лѣтъ 250 р., не считая обычныхъ натуральныхъ повинностей и поставокъ. Правоторовская станица стоимость разныхъ повинностей для строевыхъ казаковъ въ 10 лѣтъ оцѣниваетъ въ суммѣ 802 р. Зотовская станица повинности для бывшихъ на службѣ исчисляетъ въ 672 р. 96 к., для не бывшихъ въ 713 р. 60 к., а для неспособныхъ въ 164 руб. 31 к. за 10 лѣтъ. Урюпинская станица повинностей строевого разряда за 10 лѣтъ опредѣляетъ въ суммѣ 1282 р. 70 к., считая по 120 р. убытку для хозяйства семьи при выходѣ казака въ полкъ—360 руб. за три года».

Станицы представили сравнительно еще скромный разсчетъ. Въ немъ не указаны общія потери хозяйства отъ отлучекъ казаковъ на майскіе лагерные сборы, на «сидѣнки», караулы, и т. п., занимающіе въ общей сложности за всю службу казака не менѣе

года; а цифра «убытка для хозяйства семьи при выходѣ казака въ полкъ» (120 руб. въ годъ), приведенная одной Урюпинской станицей, очень низка. 120 руб. — сумма заработка годового рабочаго-батрака, потерю хозяйства изъ-за отсутствія «хозяина» оцѣнивать такой цифрой нельзя, — ее надо увеличить, по крайней мѣрѣ, вдвое...

И вотъ на Дону наблюдаются уже безлошадные казаки (въ Алексѣевской станицѣ, напр., это явленіе наблюдается уже около 15 лѣтъ), и создался своеобразный разрядъ *кабальныхъ* казаковъ. Этихъ «кабальныхъ» я наблюдалъ во многихъ станицахъ на Дону при поѣздкѣ по казачьимъ станицамъ; болѣе же точныя данныя у меня имѣются относительно Пятіизбянской станицы. Въ этой станицѣ весною 1905 года удобной пахатной земли (за вычетомъ изъ 15 дес. паевой земли луговъ, табуннаго отвода, общественныхъ арендныхъ статей, солончаковъ и т. д.) было 4 десятины. Черезъ годъ будетъ передѣлъ, и станичники ждутъ, что тогда на пай придется удобной пахотной земли всего 2—2½ дес. При такомъ количествѣ земли казакамъ почти невозможно «справляться» на службу на собственный счетъ, и многіе «справляются» на общественныя станичныя деньги. Чтобы покрыть долги казака станицѣ «за справу», достигающіе до 250—300 рублей на казака, станичное «общество»-сходъ беретъ у казака ежегодно «травяной пай» и сдаетъ его въ аренду. Цѣна такого пая 5—6 рублей. Пахотный пай остается казаку. Но, взявъ у казака травяной пай, «общество» тѣмъ самымъ лишаетъ его возможности держать лишнюю скотину, лошадь, имѣть полный (3 пары) «плугъ быковъ» и заставляетъ покупать сѣно для строевого коня, котораго казакъ—хочешь не хочешь—долженъ имѣть. Это ведетъ къ тому, что казакъ, распродавъ понемногу лишній, а потомъ и необходимый рабочій скотъ, заарендовываетъ и свой пахотный пай. Но этимъ общество не ограничивается. Дожидаться, когда долгъ казака покроется вырученными отъ аренды травяныхъ паевъ деньгами «обществу» нельзя, такъ какъ тогда пришлось бы дожидаться лѣтъ 40—50, по меньшей мѣрѣ, а деньги на «справу» такихъ же «маломочныхъ» нужны: ихъ, этихъ «маломочныхъ», становится все больше и больше. И «общество» стережетъ казака—должника. Поступилъ онъ на желѣзную дорогу, заработалъ на пристани—арестъ на жалованіе:— Давай долгъ! А то берутъ человѣкъ по 30, по 40, нанимаютъ насильно въ работники къ богатымъ казакамъ, купцамъ:—Живи! На станичныхъ паромныхъ переправахъ только они, эти «кабальные», и работаютъ: трудъ тяжелый, оплачивается очень низко, и казаку остаются изъ жалованія только «выговорные харчи».

— Вѣдь это раззоръ?—спрашивалъ я.

— Раззоръ! — подтверждали казаки: — Разя жъ мы не понимаемъ! Ды што жъ подѣлаешь? Съ насъ тоже тянутъ!..

И чѣмъ дальше, тѣмъ хуже. Теперь въ Пятіизбянской станицѣ

сдаютъ въ аренду отъ 400 до 500 травяныхъ паевъ. Это изъ 5000 паевыхъ! Значитъ, десятая часть казаковъ станицы была справлена на общественный счетъ и теперь состоитъ кандидатами на паромную переправу.

А въ будущемъ ихъ будетъ и того больше, такъ какъ мобилизація 2-ой очереди усилила еще кадры «маломочныхъ», по крайней мѣрѣ, процентовъ на 25. Даже въ низовыхъ станицахъ, въ Новочеркасской, напр., самой богатой изъ всѣхъ станицъ по земельнымъ угодьямъ и по зажиточности казаковъ,—пришлось затратить на снаряженіе 261 казака 48 тыс. руб. изъ общественныхъ денегъ. Екатерининской станицѣ 60-ти изъ 170 призванныхъ казаковъ пришлось купить лошадей на общественный счетъ и затратить на эту покупку и на снаряженіе казаковъ до 15 тыс. руб. Подвизающіеся теперь на внутренней службѣ второочередные полки и только что распущенные полки третьей очереди почти сплошь кандидаты въ «кабальные»...

IV.

Что представляетъ собою казакъ въ смыслѣ «оправданія надеждъ», теперешній казакъ, на обламываніе котораго въ этомъ направленіи было потрачено столько усилій? Вотъ вопросъ, который всталъ передо мною однимъ изъ первыхъ, какъ только я подошелъ вплотную къ хутору и окунулся въ его предмобилизаціонную горячку и тревогу.

Вся исторія Донского войска сама собою наталкивала на этотъ вопросъ. При своемъ возникновеніи «Донское войско» слагалось по общему типу казачьихъ войскъ, какъ военная община со всѣми специфическими чертами послѣдней. Управлялись казаки войсковымъ кругомъ, при выборной администраціи—войсковомъ атаманѣ. «Характеристической чертой круга было полное равенство, говоритъ изслѣдователь Дона (Истор. описаніе Войска Донского): право почина не было исключительной принадлежностью атамана: простой казакъ могъ вносить любое предложеніе и принимать активное участіе при обсужденіи всѣхъ вопросовъ; точно такъ же и при рѣшеніи голосъ войскового атамана считался равнымъ голосу простого казака». Со времени Петра I значеніе «круга» стало падать, появились выдѣленные изъ общей массы казачества бригадиры, старшины; на Донъ стали назначаться войсковые атаманы; власть «круга» постепенно перешла къ войсковой канцеляріи, а потомъ къ областному правленію съ войсковымъ наказнымъ атаманомъ, назначеннымъ правительствомъ, во главѣ—и въ области постепенно были вытравлены всякіе слѣды самоуправленія.

Теперь область приспособлена къ отбыванію воинской повинности,

и весь административный механизмъ прилаженъ такъ, чтобы эта повинность выполнялась населеніемъ возможно усерднѣе.

Войсковая и окружная администрація соединяетъ здѣсь въ одномъ лицѣ гражданскую и военную власть; станичные сходы, обязанные круговой порукой въ дѣлѣ исправнаго снаряженія казаковъ на службу, и выборные станичные атаманы подчинены всецѣло администраціи, которой предоставлены широкія права административнаго усмотрѣнія. По положенію 1891 г. окружнымъ атаманамъ предоставлено право подвергать не только населеніе, но и должностныхъ выборныхъ лицъ «за маловажные проступки» замѣчаніямъ, выговорамъ, денежному взысканію до 5 руб. или аресту до 7 дней. При этомъ въ положеніи сдѣлана слѣдующая характерная оговорка: «постановленія объ арестѣ приводятся немедленно въ исполненіе: арестъ можетъ послѣдовать и по словесному распоряженію». Постановленія эти могутъ быть обжалованы въ теченіе 2-хъ недѣльнаго срока, могутъ, слѣдовательно, быть и отмѣнены высшей административной инстанціей, но въ исполненіе они всетаки приводятся «немедленно».

Окружной атаманъ можетъ отмѣнять приговоры станичныхъ сборовъ, можетъ удалять временно отъ должности станичныхъ атамановъ, можетъ не утверждать вновь избранныхъ станичнымъ сходомъ кандидатовъ,—словомъ, можетъ вертѣть станичнымъ управленіемъ по своему благоусмотрѣнію.

Кромѣ общей отвѣтственности «по положенію», на казакахъ и внѣ службы лежитъ еще спеціальная военная отвѣтственность, вплоть до военнаго суда. Напримѣръ, казакъ можетъ подлежать отвѣтственности за оскорбленіе, положимъ, станичнаго атамана, какъ гражданскаго чиновника, и за оскорбленіе того же лица, какъ военнаго начальства. Первое наказывается семидневнымъ арестомъ, второе нерѣдко влечетъ за собою ссылку въ «отдаленныя станицы» на болѣе или менѣе продолжительный срокъ, или назначеніе на службу въ полкъ во второй разъ «безъ очереди» въ видѣ наказанія.

И это при полномъ произволѣ со стороны привлекающихъ къ отвѣтственности.

— Какъ же разобрать, когда какъ онъ оскорбляетъ васъ?— спрашивалъ я у одного станичнаго атамана.

— А когда какъ намъ, атаманамъ, захочется!—былъ отвѣтъ.

Такимъ обращеніемъ области въ постоянный военный лагерь достигается выполненіе казаками ихъ спеціально казачьихъ функцій. Безъ этого, пожалуй, нельзя было бы разсчитывать на тѣ сто тысячъ нагаекъ, которыми располагаетъ сейчасъ правительство «для внутренней службы»...

Казаки обязаны поголовной воинской повинностью, за исключеніемъ «неспособныхъ къ службѣ» и, по законоположенію послѣднихъ лѣтъ, «одиночекъ». Въ главныхъ чертахъ воинская повинность донскихъ казаковъ сводится къ слѣдующему:

«Вооруженная сила войска состоитъ изъ служилаго состава и ополченія. Служилый составъ дѣлится на три разряда: приготовительный, строевой и запасный. Въ ополченіи числятся казаки до смерти. Служба каждаго казака начинается съ 18-лѣтняго возраста и продолжается 20 лѣтъ, въ томъ числѣ: 3 года въ приготовительномъ, 12 лѣтъ въ строевомъ и 5 лѣтъ въ запасномъ разрядѣ... При зачисленіи на службу каждый казакъ долженъ имѣть собственную лошадь, обмундированіе и снаряженіе. Все это онъ долженъ имѣть въ теченіе 2 лѣтъ въ приготовительномъ и 8 лѣтъ въ строевомъ разрядѣ, т. е. въ теченіе 10 лѣтъ. Въ третьей очереди онъ можетъ не имѣть лошади... и долженъ пріобрѣсти ее, когда потребуется. Въ запасномъ разрядѣ казакъ долженъ имѣть вооруженіе и снаряженіе» (Медвѣдевъ: «Служба Дон. войска» стр. 17—18). Такимъ образомъ, на одинъ милліонъ казачьяго населенія области въ настоящее время приходится казаковъ въ полной готовности къ службѣ около 13%. (Въ приготов. разрядѣ въ возрастѣ отъ 18 до 21 года свыше 27 тыс. человѣкъ, въ строевомъ отъ 21 — 33 лѣтъ около 80 тысячъ; и въ запасѣ отъ 33 до 38 лѣтъ около 25 тысячъ. Всего около 132 тысячъ).

Казачество закрѣпощено за военнымъ министерствомъ и изъ области создано своего рода «гетто» съ своей чертой осѣдлости. Казакъ въ возрастѣ до 40 лѣтъ не можетъ отлучиться изъ предѣловъ Донской области болѣе, чѣмъ на три мѣсяца. Для отлучекъ не свыше года требуется спеціальное разрѣшеніе окружного атамана, которое зависитъ всецѣло отъ его усмотрѣнія. Отлучекъ болѣе, чѣмъ на годъ, не практикуется совсѣмъ... Можно представить себѣ, какъ отражается все это на населеніи области, которому предоставлено вариться въ собственномъ соку!..

Создавъ изъ области военный лагерь, администрація позаботилась и о томъ, чтобы не допустить въ него ни откуда свѣжей струи и неукоснительно уничтожала въ области всякую, даже самую невинную, попытку культурной работы среди казачества.

Попытки культурной работы на Дону кончались ничѣмъ, такъ какъ или не допускались вовсе, или пресѣкались въ самомъ началѣ. На ходатайства разныхъ собраній, сходовъ, комитетовъ о введеніи на Дону земства въ теченіе 25 съ лишнимъ лѣтъ получались изъ Петербурга стереотипные отвѣты: «Правительство озабочено разработкой мѣръ къ скорѣйшему... и т. д.». И это еще въ лучшихъ случаяхъ. Чаще отвѣты были кратки и выразительны: «несвоевременно». Агитація въ пользу введенія на Дону земства даже въ самое послѣднее время—весною 1905 года—встрѣчала такое предупрежденіе:

— Заикнись только мнѣ на сходѣ о земствѣ,—говорилъ, напримѣръ, окружной атаманъ Хоперскаго округа г. Широковъ подвластнымъ ему станичнымъ атаманамъ:—въ 24 часа вышлю изъ округа!

Какъ заботилась администрація объ огражденіи области отъ всякихъ «вліяній», показываетъ характерный фактъ закрытія окружныхъ гимназій въ станицахъ и замѣны ихъ военно-ремесленными училищами, произведенный наказнымъ атаманомъ Святополкъ-Мирскимъ... Рогатки были понаставлены вездѣ, гдѣ только можно было наставить ихъ, и воспитаніе казачества въ духѣ «вѣрныхъ сыновъ» велось безъ помѣхи.

Эти-то соображенія и заставляли меня поставить приведенный въ началѣ этой главы вопросъ, и они же подсказывали заранѣе опредѣленный выводъ, который былъ бы весьма утѣшителенъ съ точки зрѣнія упованій на готовность казачества защищать основы, если бы дѣйствительность не вводила въ этотъ выводъ своего яснаго и точнаго корректива, если бы она не показывала, что въ мѣшкѣ все таки есть шило, если бы она не наталкивала на подозрѣніе, что, вѣроятно, «готовность» не настолько ужъ безукоризненна и въ «прирожденности» есть какая-то трещина. Что трещина существуетъ, объ этомъ давали возможность и право догадываться, съ одной стороны, «уходъ», уклоненіе отъ службы, все болѣе и болѣе наблюдающіеся въ послѣднее время среди донскихъ казаковъ—съ другой, и угасаніе того военнаго идеала, которымъ, по слухамъ, жили предшествовавшія поколѣнія, и замѣну его карьеристическими стремленіями къ «урядничеству», къ «нашивкамъ».

Послѣднее подмѣтилъ въ свое время у уральскихъ казаковъ В. Г. Короленко («По Уралу»), и мнѣ остается отослать желающихъ къ его очеркамъ съ оговоркой, что все сказанное у Короленко относительно угасанія казачьихъ идеаловъ у уральцевъ, въ полной мѣрѣ приложимо и къ донцамъ. Относительно же уклоненія отъ службы лица, близко стоящія къ казакамъ—врачи, офицеры, станичные атаманы, военные пристава — свидѣтельствуютъ, что случаи увѣчій, разстройства здоровья, симуляцій разнаго рода, съ цѣлью уклоненія отъ службы, принимаютъ въ послѣднее время прямо массовой характеръ. Особенно ярко сказалось это въ концѣ 90-хъ годовъ во время гастролей въ административномъ центрѣ 2-го Донского округа, въ Нижне-Чирской станицѣ, какихъ-то аферистовъ, эксплуатировавшихъ населеніе подъ видомъ «коммиссіи для освидѣтельствованія». Легкость полученія «отсрочки» отъ службы на годъ, даже «чистой отставки» за нѣсколько десятковъ рублей сдѣлала то, что къ аферистамъ, началось паломничество со всего округа:

— Что хочешь возьми, только уволь!

Это паломничество населенія къ аферистамъ, и при томъ паломничество въ лицѣ старшаго поколѣнія—отцовъ и дѣдовъ, хлопотавшихъ за молодежь—сыновей и внуковъ, давало право подозрѣвать, что въ «прирожденности» не все обстоитъ благополучно. И на это же подозрѣніе наталкивала вся предмобилизаціонная горячка, которая не только въ хуторѣ и станицѣ, а и въ округѣ

перевернула все вверхъ дномъ. Мобилизація не застала врасплохъ казачьи части, захваченныя ею; о предстоящемъ выступленіи въ походъ было подсказано, именно подсказано келейнымъ образомъ, задолго; на подготовку къ походу отпущено мѣсяца полтора времени. Оффиціально мобилизація объявлена была лишь 21 іюля. Въ этотъ только день на станичныхъ перекресткахъ запестрѣли красные плакаты, возвѣщавшіе «первый день мобилизаціи», но станичнымъ и хуторскимъ улицамъ опрометью пронеслись съ красными флагами верховые, во всеуслышаніе объявившіе ту же новость, которая для всѣхъ, слышавшихъ ее, была дѣйствительно новостью мѣсяца полтора назадъ.

Я узналъ о мобилизаціи, о выступающихъ частяхъ, объ округахъ, захваченныхъ ею, приблизительно за мѣсяцъ до оффиціальнаго объявленія ея и узналъ такія подробныя свѣдѣнія не потому, чтобы старался узнать, вывѣдать, а просто «слышалъ», такъ какъ объ этомъ говорили открыто чуть не въ началѣ іюня еще, говорили въ Новочеркасскѣ, въ Ростовѣ, на пароходѣ, въ вагонѣ. А когда я въ первой половинѣ іюля пріѣхалъ въ хуторъ, въ станицу, мобилизаціонная работа кипѣла во всю. Лихорадочно работало станичное правленіе, «съ ногъ посбились» хуторскіе атаманы; въ станицу то и дѣло вызывались второочередные казаки, дѣлались «смотры», покупались, отмѣнялись, браковались и одобрялись лошади, перетряхивалась и пересматривалась «аммуниція», оттачивались шашки; между станицей и округомъ безпрерывно «во весь карьеръ» носилась «летучка» съ распоряженіями, предписаніями, рапортами и донесеніями; произведенъ былъ даже дополнительный нарядъ, въ который попали было сельскіе учителя, канцелярскіе чиновники и прочая, оградившаяся было отъ полка привилегіей государственной службы, братія.

Выводъ получался опредѣленный и ясный, и всетаки, признаюсь, я не смѣлъ вполнѣ довѣриться ему. И я обратился съ поставленнымъ въ началѣ этой главы вопросомъ къ «благословляющимъ», въ лицѣ близко стоящихъ къ хутору поклонниковъ казачества. Они отвѣтили на вопросъ отрицательно.

— Ревутъ по ночамъ кой-кто,—не хочется идти... А станешь спрашивать: страшно? Не признаются. Ничуть, говорятъ, мы...

Таковъ былъ первый отзывъ о настроеніи собирающихся на войну «служивыхъ», полученный мною въ хуторѣ, едва я сошелъ съ телѣги. Всѣ послѣдующіе отзывы такъ же мало оставляли мѣста «надеждамъ».

— Дермо идетъ. Развѣ это казаки?!—передавалъ мнѣ свои наблюденія надъ сосѣдями-казаками мой знакомый, хуторскій священникъ. Онъ самъ казакъ, родился и выросъ на Дону и ревниво относился къ прошлой боевой славѣ казачества.

— Третью очередь послали бы,—продолжалъ онъ: — былъ бы толкъ. Такихъ вотъ, какъ Ефимъ Ивановичъ, атаманъ, Адамови

ребяты... Это казаки! по крайней мѣрѣ,—народъ! Сразу видно, есть чѣмъ подержать въ рукахъ,—не вырвешься. А это что? ребятишки идутъ... Плакать будутъ еще.

У него, вѣроятно, съ понятіемъ «казакъ» неразрывно связывалось представленіе о безшабашности, граничащей съ настроеніемъ: «хоть травушка не рости», и суровости, граничащей съ жестокостью, и эти качества ставились на плюсъ казачеству, такъ какъ онъ, вслѣдъ за сожалѣніемъ о томъ, что не посылаютъ третью очередь, перешелъ къ сожалѣнію о быломъ, когда, по его мнѣнію, «казакъ былъ настоящій».

— Впередъ (прежде) служба была! Придетъ на побывку съ войны, черезъ полгода, смотришь, опять погнали... Лѣтъ по пятнадцати воевали все. За то и казаки были: войны не боялись, за бабами не голосили...

Это любовное воспоминаніе о безвозвратно минувшемъ «впередъ», о временахъ покоренія Кавказа и «усмиренія» Польши, имѣющихъ еще живыхъ свидѣтелей, постоянно, при всякомъ удобномъ случаѣ, всплываетъ у донцовъ-патріотовъ, скорбящихъ о пониженіи боевыхъ качествъ и замашекъ донского казачества. Они, эти патріоты, пожалуй, не прочь, не смотря ни на какія перемѣны въ исторической и бытовой обстановкѣ казачьей жизни, помечтать о томъ, что хорошо было бы, если бы можно, опять вернуться къ тому скорбному и для казака, суровому времени, лишь бы поднять любезныя ихъ сердцу боевыя и служебныя качества казака на былую высоту.

— Войнъ мало,—единодушно вздыхаютъ по всему Дону любители казачества.

— Походовъ не стало: теперь дома на проводахъ напьется, а въ полкъ похмѣляться успѣетъ доѣхать... И служба не та: собаки дома и то не успѣютъ забыть. Придетъ изъ полка служивый:—Шарикъ, Шарикъ!—а Шарикъ хвостомъ виляетъ,—угадалъ!..

Прежняя казачья служба, отодвинувшаяся отъ нашего времени почти на полстолѣтіе и потерявшая поэтому свою рѣзкую угловатость, въ свое время сильно задѣвавшую современниковъ, теперь въ воспоминаніяхъ «стариковъ» окуталась дымкой поэзіи и, кажется, больше благодаря этой дымкѣ, и жалѣетъ о ней доживающее поколѣніе, а съ его голоса и поклонники казачества, въ родѣ моего знакомаго священника. Тѣ же современники прежней службы, теперь вздыхающіе о ней, объ ея воспитательныхъ качествахъ (люди выходили!), въ свое время иначе смотрѣли на нее и заклеймили ее въ получившихъ широкое распространеніе на Дону пѣсняхъ не особенно лестными эпитетами.

Казаки, служившіе въ Грузіи, такъ выразили въ пѣснѣ свое отношеніе къ службѣ и свои впечатлѣнія отъ прелестей грузинскихъ стоянокъ и походовъ:

— Распроклятая ты сторонушка,
Грузинская шельма-сторона!
Безъ поры-то, безо времячка
Изсушила меня молодца,
Безъ поры-то, безо времячка
Румянушки съ лица вынула,
Безъ поры-то, безо времячка
Черны кудри съ младца сорвала!..

Кстати. Пресловутая любовь казака къ войнѣ, по признанію самого казака, выраженному имъ въ пѣсняхъ, оказывается далеко не такою, какою мы привыкли представлять себѣ ее подъ вліяніемъ оффиціальныхъ отзывовъ и реляцій. Я указываю на казачью пѣсню потому, что смотрю на нее, какъ на единственное, дошедшее до насъ, искреннее признаніе казака въ самыхъ его задушевныхъ мысляхъ и чувствахъ, какъ на своего рода «исповѣдь», какъ на резюме пережитаго и перечувствованнаго цѣлымъ поколѣніемъ, резюме самостоятельное, безъ навязаннаго извнѣ содержанія. Единственно въ ней могъ казакъ высказаться вполнѣ такимъ, каковъ онъ есть, оставаясь самимъ собою, не надѣвая на себя личины изъ угожденія или изъ боязни, не прислушиваясь къ чужому, часто власть имущему, голосу.

О страстной любви къ войнѣ, «службѣ» по терминологіи того цикла пѣсенъ, который я имѣю въ виду (я беру пѣсни періода покоренія Кавказа, гдѣ служба проходила въ боевой обстановкѣ, представлявшей въ сущности безпрерывную, растянувшуюся на длинный рядъ лѣтъ войну), объ идейномъ поклоненіи этой «службѣ»-войнѣ въ пѣсняхъ нѣтъ и рѣчи. Наоборотъ, казакъ смотритъ на службу, войну, на необходимость идти въ походъ, только какъ на необходимость и обязанность, тяжелую подчасъ,—не болѣе...

Отправляясь на службу, казакъ при прощаніи горько жалуется матери на необходимость идти «на чужу сторонушку», упрекаетъ даже мать за то, что она сумѣла воспитать его, укрыть отъ всѣхъ напастей—«буйныхъ вѣтровъ»,—не укрыла отъ большой службы:

...Носила ты меня,
Носила—скорбила,
Сама умирала,
Отъ буйныхъ вѣтровъ
Меня укрывала,—
Отъ большой-то службы
Меня не укрыла,
На чужу сторонку
Проводила!..

Находясь на службѣ, казакъ не полюбилъ ее, не привязался къ ней, не отдался ей всей душой. Нѣтъ, всѣ его помыслы, думы тамъ—дома, на далекомъ «тихомъ Дону». И хотя, можетъ быть, онъ съ охотой впервые шелъ на службу, по слухамъ рисовалъ ее себѣ

въ розовомъ свѣтѣ, мечталъ о ней, но, побывавъ на «чужой сторонѣ», перемѣнилъ объ этой чужой сторонѣ свое мнѣніе:

Сторона моя, сторонушка,
Сторона моя ты незнакомая!
На тебѣ, моя сторонушка,
Служить съ Дону нѣтъ охотничка.
Какъ одинъ-то казаченочекъ
Служить съ Дону поохотился,—
Хотѣлъ нагрубить своему отцу—матери,
Больше нагрубить своей молодой женѣ...
Нагрубилъ лишь больше ретиву сердцу.
Сторона моя, сторонушка,
Сторона моя ты незнакомая!
Изошелъ тебя изъ конца въ конецъ,
Не нашелъ тишей, смирнѣй
Батюшки—тиха Дона;
Не нашелъ роднѣй, милѣй
Свово отца—матери;
Не нашелъ роднѣй, вѣрнѣй
Своей молодой жены;
Не нашелъ кровнѣй, роднѣй
Своихъ малыхъ дѣтушекъ!..

Таковъ итогъ служебныхъ впечатлѣній казака.

Служба переносится казакомъ только по необходимости: «куда жъ дѣваться!»,—а вовсе не по любви къ ней.

— Ой, ты службица,—поетъ онъ:—
Служба нужная!
Надоѣла, служба,
Надоскучила...

Когда ему становится, что называется, «не въ терпежъ», «не въ переносъ», онъ ищетъ утѣшенія не въ любви къ походу, къ службѣ, къ войнѣ, не въ идеѣ войны, службы, что должно было бы быть по характеристикѣ, кстати и некстати выдвигаемой на видъ и навязываемой казаку, а обращается къ природѣ, къ воспоминаніямъ о домѣ, о тихомъ Донѣ и въ нихъ ищетъ утѣшенія въ своемъ горѣ-кручинушкѣ.

— Ты взойди, взойди, солнце красное,
Взойди утромъ рано,
Обогрѣй, обсуши раздобраго молодца
На нужномъ бекетѣ...
— Ты воспой, воспой, веселый соловьюшка,
Воспой при долинушкѣ,
Прiутѣшь, призабавь раздобраго молодца
При горѣ-кручинушкѣ!..

Болѣе молодое поколѣніе казаковъ, не захватившее уже пятнадцатилѣтней маяты, повидимому, еще менѣе склонно къ восхваленію службы и сожалѣнію о минувшемъ «впередъ» и проявляетъ скорѣе скептическое отношеніе къ точности и правдивости освѣ-

щенія воспоминаніями стариковъ-ветерановъ Польши и Кавказа, тогдашняго времени и тогдашнихъ людей.

Какъ-то въ воскресенье послѣ обѣдни я подошелъ къ кружку казаковъ, образовавшемуся въ церковной оградѣ. Въ кружкѣ шелъ оживленный перекрестный разговоръ, и въ тотъ моментъ, когда я подходилъ, раздался взрывъ дружнаго веселаго хохота. Центромъ кружка служилъ мой знакомый, довольно уже пожилой, кончившій всѣ служебныя «очереди» казакъ, Василій Ивановичъ Васильевъ, умный, наблюдательный человѣкъ, превосходный знатокъ своего казачьяго міра.

Переждавъ, пока смѣхъ поутихъ, Василій Ивановичъ съ веселымъ и задорнымъ видомъ и насмѣшливымъ выраженіемъ лица продолжалъ прерванный разговоръ:

— Это, братъ, не съ Турціей, не съ Китаемъ воевать. Попыхтишь досыта... А то дѣдъ Филиппъ давеча въ церкви на ордена показываетъ... Понацѣплялъ:—во!—говоритъ... Да это мало ли што «во!»—ты подика-сь сейчасъ повоюй!? А то вы съ кремневками на Кавказѣ пукали, да и «во» теперя...

— На Кавказѣ што за война была!?

— Сичасъ онъ за версту тебе къ себѣ не подпуститъ. Вся война, какъ въ дамки играютъ.

— На Кавказѣ въ рукопашную больше драка шла: кто кого перепретъ.

Глаза Василія Ивановича блеснули насмѣшливымъ огонькомъ.

— Да мнѣ разъ въ лагеряхъ одинъ кавказскій старикъ признавался,—заговорилъ онъ.—Наши, говоритъ, кремневки, глядя по погодѣ били. Иной разъ, бываетъ, и выстрѣлишь, а то въ дождь или въ вѣтеръ и такъ обойдется. Тады пулей, говоритъ, чорта съ два ба чево сдѣлалъ... Я, говоритъ, иду разъ лѣсомъ, а изъ куста на мене чеченецъ. Я ружье съ плечъ: разъ!—осѣчка; онъ—разъ!—осѣчка. Я—разъ—разъ, онъ—разъ,—ни моя, ни ево не беретъ: отсырѣла. Щелкаетъ только. Ужъ я его, говоритъ, обложилъ тутъ по матери!..

Молодое поколѣніе казаковъ по своей «казачьей психологіи» сильно разнится уже отъ стариковъ. Въ немъ еще крѣпко сидитъ фронтовое «руки по швамъ» и вбитыя въ его голову идеи объ «опорѣ» и «защитѣ» престола и отечества. Но факты показываютъ, что жизнь сдѣлала всетаки брешь въ казачьей идеологіи, что и въ казачьей душѣ завелась уже червоточинка, которая, пожалуй, выѣстъ до-чиста всю сердцевину. Въ эту первую мобилизацію отъ офицеровъ мнѣ приходилось слышать о массѣ случаевъ увѣчій среди захваченныхъ мобилизаціей казаковъ, съ цѣлью избѣжать похода на войну. Было нѣсколько случаевъ самоубійствъ...

Въ окружныхъ управленіяхъ изъ войскового штаба получались предупрежденія о томъ, что намѣчена мобилизація третьей очереди—казаковъ въ возрастѣ отъ 28 до 32 лѣтъ, но эту мобилиза-

цію во время войны объявить не рѣшились въ виду непопулярности войны и нежеланія казаковъ идти «чортъ знаетъ куда, чортъ знаетъ зачѣмъ!» по ихъ выраженію. Штабъ и окружныя правленія имѣли вѣскія основанія не назначать этой мобилизаціи, такъ какъ за спокойное теченіе ея никто поручиться не могъ. Экономическая расшатанность такъ велика, изъяны казачьяго хозяйства, его раззореніе такъ ярко бросаются въ глаза даже бюрократіи, что на Дону всѣ въ одинъ голосъ заявили, что мобилизаціи 3-й очереди Донъ не вынесетъ.

Мобилизація этой очереди и не была назначена во все время войны съ Японіей, и только съ объявленіемъ войны Россіи, когда пришлось призвать подъ знамена всѣхъ «вѣрныхъ сыновъ», была взята въ полки и третья очередь.

Но мобилизація казаковъ этого возраста (29—33 лѣтъ) не вездѣ сошла гладко. Изъяны въ идеѣ «защиты и опоры престолъ-отечества» мѣстами обнаружились крупные Въ Верхне-Чирской станицѣ (2-го Донского округа), напримѣръ, мнѣ пришлось услышать отъ одного изъ представителей станичной администраціи на вопросъ о томъ, какъ прошла мобилизація,—слѣдующій характерный отвѣтъ:

— Да ничего, слава Богу, проводили!.. Только на 50 казаковъ пришлось погнать 54 полицейскихъ, чтобы собрать ихъ... а то все ничего...

Весною 1905 года во время мобилизаціи въ Хоперскомъ округѣ, когда выяснилось, что мобилизованные полки уйдутъ во внутреннія губерніи для «усмиренія» широко развившихся тогда аграрныхъ волненій, казаки отказались было идти.

— Съ какой радости, — говорили они: — мы бросимъ семьи, бросимъ поля неубранными и пойдемъ стеречь помѣщичьи поля!

Я слышалъ объ этомъ тогда же въ Новочеркасскѣ отъ людей, «своими глазами» видѣвшихъ и читавшихъ телеграмму—донесеніе объ отказѣ отъ окружного атамана. Позднѣе мнѣ пришлось быть въ Урюпинской станицѣ, — административномъ центрѣ Хоперскаго округа,—и собрать болѣе полныя свѣдѣнія объ этомъ отказѣ казаковъ. Оказывается, отказъ казаковъ отъ похода не только имѣлъ мѣсто, но и принялъ такіе размѣры, что администраціи пришлось пуститься «во вся тяжкая», вплоть до явнаго и не совсѣмъ тонко продѣланнаго обмана, чтобы какъ-нибудь уладить дѣло.

Администрація продѣлала слѣдующій вольтъ. Мобилизованнымъ казакамъ, которые—по теоріи—должны быть всегда готовы къ походу и имѣть полное боевое снаряженіе, кромѣ винтовки, и которые на самомъ дѣлѣ не имѣли очень многаго изъ этого снаряженія, принуждены были отпустить изъ войскового капитала по 100 рублей на каждаго казака, какъ пособіе на «справу».

Хоперская администрація воспользовалась этимъ сторублевымъ пособіемъ и представила его казакамъ, какъ «царскій подарокъ» за «вѣрную службу». Особенно было подчеркнуто при этомъ то обстоя-

тельство, что деньги эти даются *лично* казакамъ и не могутъ быть отобраны никѣмъ, даже станичными обществами, истратившими передъ этимъ всѣ свои станичные капиталы на «справу» этихъ же казаковъ.

— Смотрите, братцы, — усиленно предупреждали казаковъ:— деньги отпущены вамъ на руки, и никто не имѣетъ права отобрать ихъ!

Казаки такъ и поняли, что деньги отпущены царемъ «на пропой», и въ тотъ же день началось пьянство.

— Урюпина нельзя было узнать, — разсказывали очевидцы:— сплошной кабакъ сталъ!..

Когда на утро при перекличкѣ въ одной изъ сотенъ провѣрили деньги, оказалось, что у многихъ осталось всего на всего по 40 копѣекъ... «На бутылку водки, — опохмѣлиться»!

— Деньги наши!—говорили казаки:—Нужно будетъ еще—царь дастъ!

Этотъ административный вольтъ съ «царскими деньгами» сдѣлалъ то, что казаки пошли: возможность сдѣлки, взятки съ царя и въ будущемъ расщекотала пасть... Администраціи не было, конечно, дѣла до того, что черезъ нѣсколько дней, послѣ отправки наиболѣе безпокойныхъ элементовъ, въ Урюпинской разыгрывались такія сцены.

Ко многимъ изъ казаковъ пріѣхали изъ станицъ жены:

— Свекоръ выгналъ!... «Иди, говоритъ, къ мужу—онъ не прислалъ ничего изъ способія—нехай, куда хочетъ, дѣваетъ тебя»...

Казаки ушли, но когда-нибудь они вернутся же, угаръ пройдетъ, возможность новой «взятки» упадетъ до нуля, наступитъ реакція, и мы будемъ еще, можетъ быть, свидѣтелями административныхъ вольтовъ совершенно другого рода.

Реакція среди подвизающихся сейчасъ на «усмиреніи» казаковъ наступаетъ кое-гдѣ и теперь, хотя робко и неувѣренно, но цѣнна она тѣмъ, что наступаетъ самостоятельно, подъ вліяніемъ жизни, безъ прямого воздѣйствія со стороны революціонныхъ элементовъ, на которыхъ привыкло кивать правительство. У меня имѣется, напримѣръ, письмо казачьяго офицера, писанное изъ Москвы и полученное на Дону въ началѣ сентября прошлаго года. Въ немъ офицеръ пишетъ: «Насъ пригнали сюда *для насмѣшки*: несемъ исключительно полицейскія обязанности и никакую часть, ушедшую на Дальній Востокъ, мы не замѣщаемъ, такъ какъ всѣ полки въ Москвѣ, пополненные запасными, остаются на своихъ мѣстахъ... Насъ обмануло правительство: подъ видомъ замѣны уходящихъ на Дальній Востокъ, пригнало нести, раззоряя семьи, полицейскія обязанности!..» Послѣ 17 октября въ газетахъ было опубликовано «письмо въ редакцію», подписанное 80, кажется, казаками-гвардейцами, въ которомъ они заявляли о своемъ нежеланіи быть назначаемыми въ помощь полиціи. Цѣлый рядъ

таких же заявленій въ весьма категорической формулировкѣ, въ родѣ: «мы не желаемъ больше нести этой позорной полицейской службы», «мы не враги народа», «начальство обошло насъ разными улещиваніями, но мы теперь прозрѣли» и т. д.—посыпался весною этого года, послѣ запроса въ Думѣ о мобилизаціи казаковъ второй и третьей очереди. Въ нѣкоторыхъ изъ этихъ заявленій высказывалось намѣреніе такого рода:

— Если и вы (члены Думы) не добьетесь для насъ роспуска по домамъ, мы сами походнымъ порядкомъ уйдемъ на Донъ!

Это уже совершенно опредѣленное рѣшеніе идти на разрывъ съ «начальствомъ», бунтовскимъ маперомъ «добиться» того, чего не даютъ добровольно, не смотря ни на какія ходатайства. Это уже психологія той самой крамолы, бороться съ которой призваны были казаки. Разрывъ, моральный разрывъ между «опорой» и тѣми, кому эта опора служила, произошелъ. Многочисленные факты, отмѣченные въ свое время газетами, начиная съ мелкихъ проявленій сочувствія, выражаемаго казачьими разъѣздами митингамъ рабочихъ, приглашенія не бояться, продолжать митингъ, просьбъ допустить ихъ «послухать» и кончая поведеніемъ казаковъ при усмиреніи кавалеристовъ въ Курскѣ, всѣ эти факты свидѣтельствуютъ о такомъ разрывѣ. Теперь полки третьей очереди распущены по домамъ. Что внесли они въ жизнь станицъ и хуторовъ, какъ отразилось на нихъ самихъ встрѣченное ими дома раззореніе, мы еще не знаемъ, но, надо думать, жизнь не заставитъ долго ожидать указаній на этотъ счетъ...

V.

Реакція наступила и на Дону среди болѣе стараго поколѣнія, являвшагося оплотомъ и носителемъ идей «вѣрности» и «опоры». Автору этихъ строкъ пришлось, между прочимъ, нащупать трещины въ старомъ міровоззрѣніи донского казачества и констатировать наличность стремленія къ чему-то новому, къ лучшимъ формамъ жизни еще въ прошломъ году за нѣсколько мѣсяцевъ до того, какъ въ газетахъ появились первыя извѣстія о волненіяхъ среди казаковъ.

Въ сентябрѣ мѣсяцѣ прошлаго года среди новочеркасской интеллигенціи возникла мысль объединиться и сорганизовать «областной казачій союзъ». Цѣлью союза учредители его намѣчали «раскрѣпощеніе казака», борьбу противъ тѣхъ военныхъ формъ, въ которыя поставлено казачье населеніе области и которыя мѣшаютъ пріобщенію казачества къ мирной гражданской и культурной жизни. Путь для этого всѣ видѣли только въ достиженіи правового порядка въ Россіи, завоеваніи полноправнаго народнаго представительства на основѣ всеобщаго, прямого, равнаго и тай-

наго голосованія. Пропаганду этихъ началъ и намѣтилъ себѣ первоначально «союзъ».

Автору этихъ строкъ вмѣстѣ съ другими лицами пришлось произвести опытъ—познакомить казаковъ съ проектомъ программи союза и посмотрѣть, какъ отзовется казачество на эту программу. Для опыта были выбраны низовыя донскія станицы: Старочеркасская, Хомутовская, Кагальницкая, однѣ изъ самыхъ богатыхъ и обезпеченныхъ землею. Старочеркасская имѣетъ 12 десятинъ пахотной, «дѣловой» земли на пай; Хомутовская 15, не считая луговъ, настбищъ, табунскаго отвода, Кагальницкая всей земли имѣетъ по 32 десятины на пай. Въ эти-то станицы и выѣхали мы съ проповѣдью о «волѣ».

Мы являлись въ станицу, обращались прямо къ станичному атаману съ просьбой созвать въ станичномъ правленіи собраніе, съ которымъ мы поговоримъ о Государственной Думѣ. Атаманы созывали собраніе, и мы подробно выясняли программу казачьяго союза и предлагали казакамъ присоединиться къ нему, принявъ соотвѣтствующій приговоръ, являвшійся сколкомъ съ приговора Всероссійскаго Крестьянскаго Союза.

Въ первой изъ этихъ станицъ приговоръ былъ принятъ цѣликомъ, несмотря на то, что атаманъ, сообразившій во время засѣданія, что происходитъ что-то не совсѣмъ обычное, на нашихъ глазахъ шептался о чемъ-то съ казаками. Одинъ изъ казаковъ заявилъ во всеуслышаніе:

— Атаманъ боится... онъ не получалъ предписанія...

— Ну-у, намъ ужъ хуже не будетъ! —послышались голоса.

— Я подписываюсь. Вѣрно все, что намъ говорили!

— Спаси Христосъ, что пріѣхали, разсказали намъ, разбудили насъ... Проснитесь, казаки!

Резолюція была принята единогласно и подписана 40 присутствовавшими правомочными членами станичнаго схода. Пунктъ объ отнесеніи снаряженія на государственный счетъ послѣ переговоровъ между собою казаки попросили выкинуть: — Такъ обдумываемся крѣпше должно быть. А то какъ бы послѣ не сказали намъ: вы служить-то не служите, а землей пользуетесь!

— Ну-у—не скажутъ,—послышались возраженія изъ толпы.— Мы тогда всѣ къ англичанкѣ передадимся. Она самую золотую землю отведетъ намъ. Давно ужъ звала.

Въ Хомутовской станицѣ положенія приговора, объясненныя детально, вызвали рѣчь атамана такого содержанія:

— Все, о чемъ говорилось тутъ, говорилось хорошее одно... Нужно хлопотать, добиваться того, о чемъ хлопочетъ теперь вся Россія... Тутъ попрекнули насъ, что мы до сихъ поръ ничего не говорили вамъ (по поводу указа 18 февраля). Да вѣдь, гг. старики, вамъ уже объяснили, что и мы, станичные атаманы, люди подневольные и зависимъ отъ окружного атамана. А потомъ,—кто

ми? Я вѣдь выбранъ изъ вашей же среды и такой же малограмотный человѣкъ, какъ и всѣ. И я читалъ положеніе о Государственной Думѣ, да и десятаго не понялъ, о чемъ тамъ пишется. Наши законы и циркуляры всѣ такъ пишутся, что мы, необразованные люди, мало чего можемъ разобрать въ нихъ... Надо благодарить этихъ людей, что они заѣхали къ намъ и разъяснили намъ, что и какъ...

Собраніе попросило насъ оставить ихъ и черезъ полчаса прислало къ намъ атамана и двухъ депутатовъ:

— Такъ что казаки обсовѣтали: станица наша маленькая, такъ мы подождемъ, штобы не сконфузиться однимъ. Когда вамъ въ другихъ станицахъ подпишутъ приговоры — дайте знать, мы въ одинъ часъ соберемся и тоже напишемъ.

При обсужденіи приговора станичники останавливались на слѣдующихъ положеніяхъ: первые три пункта о народоправствѣ были приняты единогласно, также и шестой пунктъ о всеобщемъ образованіи.

— Дюжа понравились эти пункты станичникамъ!—передавали депутаты.

Въ пунктѣ четвертомъ не была принята «свобода совѣсти».

— А сектанты теперь?

Пункты о милиціи и о земляхъ возбудили подозрѣніе, какъ посягательство на казачьи вольности:

— А какъ насъ всѣхъ въ мужики повернутъ?

Эта подозрительность казаковъ требуетъ нѣкотораго поясненія. Казаки считали и считаютъ Донъ «своимъ».

— Эту землю завоевали наши отцы, кровью полили ее, мы за нее служимъ. Отобрать ее отъ насъ никто не имѣетъ права.—Вотъ общій отзывъ казаковъ о землѣ войска Донского.

Этотъ своеобразный «націонализмъ», переплетаясь со все увеличивающейся, вслѣдствіе тѣсноты и малоземелья, нуждой въ землѣ, дѣлаетъ казаковъ подозрительными на счетъ земли и казачьихъ «правовъ», съ которыми они связываютъ землю, и заставляетъ ихъ видѣть подвохи и посягательства даже тамъ, гдѣ ихъ совсѣмъ нѣтъ.

Мнѣ приходилось бесѣдовать со многими казаками въ разныхъ частяхъ Дона о земствѣ, и почти вездѣ мотивомъ нежеланія имѣть у себя земскія учрежденія казаки выставляли слѣдующее соображеніе:

— Это хотятъ, чтобы мы перешли въ мужики, платили подати... А потомъ, чтобы землю у насъ забрать?!

Въ силу тѣхъ же условій, казаки, еще кое-какъ мирящіеся съ сосѣдствомъ коренного крестьянскаго населенія въ области, къ пришлому «иногороднему» элементу относятся въ высшей степени нетерпимо. Въ Хоперскомъ окружномъ комитетѣ казаки, представители станицъ, предлагали слѣдующую мѣру, и она была принята большинствомъ 39 противъ 11 голосовъ: «воспретить на будущее время сдачу юртовой казачьей земли, общественной и паевой, ино-

городнимъ предпринимателямъ арендаторамъ, понимая подъ именемъ иногороднихъ арендаторовъ только пришлыхъ изъ другихъ губерній крестьянъ и разночинцевъ».

...Въ Кагальницкой станицѣ собраніемъ въ 200 съ лишнимъ человѣкъ пункты приговора были приняты подавляющимъ большинствомъ голосовъ, почти единогласно.

Между прочимъ, здѣсь разыгрался характерный эпизодъ. Одинъ изъ казаковъ потребовалъ у насъ паспорта, и его послѣ нашего отъѣзда засмѣяли бабы:

— И не совѣстно тебѣ?!. Тебя люди отъ ямы тянутъ, а ты паспорта спрашиваешь?!. Полицейскій ты, Скачковъ!..

Эта кличка осталась за Скачковымъ и, надо думать, навсегда.

Нашъ опытъ съ образованіемъ союза выяснилъ, что на Дону среди казаковъ растетъ и назрѣваетъ настроеніе, мало согласное съ видами правительства. О томъ же говоритъ и дѣятельность самого правительства. Въ январѣ оно ввело на Дону въ округахъ, населенныхъ казаками, усиленную охрану, выслѣживало и заточало «злонамѣренныхъ людей», а въ февралѣ подослало къ казакамъ «царскаго посла», князя Голицына, съ «царскою грамотой» и придумало своего рода психологическую конфетку для приманки казаковъ— медали тѣмъ изъ нихъ, у кого не менѣе трехъ сыновей на дѣйствительной службѣ.

О впечатлѣніи, произведенномъ «медалями», ничего не было слышно. Вѣроятно, ихъ не замѣтили вовсе, «царская же грамота» даже среди собранныхъ для выслушанія ея въ Новочеркасскъ станичныхъ и хуторскихъ атамановъ, просѣянныхъ для этого случая чрезъ спеціальныя рѣшета благонамѣренности, вызвала совершенно непредвидѣнный вопросъ:

— А какъ же насчетъ прирѣзки земли?

Въ глуши же, по станицамъ и хуторамъ, эта грамота вызвала цѣлую бурю слуховъ и «безсмысленныхъ мечтаній» относительно «прирѣзки».

«Какъ народились эти слухи, откуда они—Богъ вѣсть!—пишетъ корреспондентъ «Нашей Жизни».—Только слухи эти упорны и надежда на прирѣзку земли у большинства казаковъ не потеряна даже теперь, послѣ «царской грамоты», не оправдавшей этихъ ожиданій. Нѣкоторыми станицами объ удовлетвореніи ихъ землею составляются уже станичные приговоры и направляются по начальству. При чемъ въ приговорахъ этихъ указываются и тѣ земли, которыя станичники желали бы получить. Такъ, въ станицѣ Арженовской приговоръ объ этомъ составленъ 19 февраля. Вотъ, что пишутъ, между прочимъ, арженовцы въ этомъ приговорѣ... «Наличные 89 человѣкъ слушали докладъ станичнаго атамана, что въ настоящемъ году положено казачьи земельные паи довести до 25 десятиннаго состава. Такое доведеніе обусловливается прирѣзкой земли къ юртамъ станицъ изъ войсковой земли... Станица Арже-

ловская, по скудости своихъ средствъ и полному отсутствію доходныхъ статей, желала бы получить землю вблизи своего юрта... изъ числа владѣльческихъ, выкупивъ ихъ за счетъ войска или казны» и т. д. «Въ настоящее время приговоръ этотъ отправленъ аржеловцами уже по начальству»—сообщаетъ корреспондентъ.

Въ бюрократическихъ верхахъ это движеніе на почвѣ прирѣзки земли вызвало переполохъ. «Вѣрные сыны» оказывались въ положеніи бунтовщиковъ, вчерашніе союзники переходили въ разрядъ «внутреннихъ враговъ». И верхи принялись изыскивать болѣе дѣйствительныя, чѣмъ «медали», мѣры. На первый разъ окружному управленію Краснаго Креста 1-го Донскаго округа было разрѣшено суммы, пожертвованныя на помощь семьямъ казаковъ, убитыхъ и раненыхъ въ войнѣ съ Японіей, употребить на помощь семьямъ казаковъ, пострадавшихъ въ войнѣ съ «внутренней смутой». «17 февраля, по сообщенію «Новаго Времени», въ государственномъ совѣтѣ заслушанъ былъ докладъ военнаго министра объ отпускѣ изъ казны для поддержанія хозяйства казаковъ, мобилизованныхъ для несенія службы внутри государства, 7.500,000 руб. Докладъ указываетъ на замѣчаемое броженіе среди казаковъ, жаждущихъ роспуска по домамъ, или, по крайней мѣрѣ, обезпеченія ихъ семействъ. Государственный совѣтъ рѣшилъ отпустить 5.200,000 руб.».

Милліоны, однако, мало подѣйствовали. Настроеніе казаковъ на Дону продолжало повышаться. Наступившая весна, отсутствіе рабочихъ рукъ, оставшіяся необработанными и незасѣянными поля остро поставили передъ казаками вопросъ о причинахъ ихъ бѣдствій и несчастій. И, благодаря этому, произошелъ переломъ въ воззрѣніяхъ казаковъ на то, чему они служили «вѣрой и правдой», выяснилась возможность надрыва союзническихъ отношеній самодержавной бюрократіи и казачества.

Въ массѣ казачества, несомнѣнно, существовало воззрѣніе на свои отношенія, какъ общины, связанной единствомъ происхожденія, съ одной стороны, и единствомъ службы и территоріи—съ другой,—короче, на отношенія войска Донского и русскаго правительства, какъ на отношенія договорныя, въ основѣ которыхъ лежалъ нѣкій «невыраженный», пользуясь терминомъ Н. К. Михайловскаго, договоръ. Суть этого договора заключалась въ томъ, что казаки несли правительству опредѣленную службу «за собственный счетъ», соглашались служить «вѣрой и правдой», правительство же съ своей стороны предоставляло казакамъ «завоеванныя предками» ихъ земли, признавало за ними, какъ за общинниками, право на эти земли. «За землю служимъ»—таковы обязанности казаковъ въ опредѣленіи самихъ казаковъ. «За службу—земля»—таковы обязанности правительства въ томъ же опредѣленіи. Что эти воззрѣнія существовали, показываютъ уже приводившіеся мною выше отзывы казаковъ о своей землѣ, ихъ боязнь быть повернутыми «въ мужи-

ковъ», сознаніе своего права «уйти къ англичанкѣ», если «тронуть» землю, т. е. договорившаяся сторона нарушитъ договоръ. И казаки вѣрно исполняли договоръ, служили, воевали, усмиряли, т. е. продѣлывали все, что отъ нихъ требовала договорившаяся съ ними сторона. Теперь исполненіе его стало для нихъ необязательнымъ, потому что въ ихъ воззрѣніи другая сторона не исполнила своихъ обязательствъ. Во-первыхъ, казаки твердо помнятъ о тѣхъ хищеніяхъ войсковыхъ земель, которыя допустило правительство, выдѣляя изъ принадлежащихъ, по общему сознанію, всему войску земель участки для награжденія офицеровъ и чиновниковъ и заставивъ войско отмежевать подъ конно-заводческіе участки за Дономъ до милліона десятинъ. Во-вторыхъ, правительство, увеличивая тягость снаряженія на военную службу путемъ повышенныхъ требованій къ лошадямъ и снаряженію казаковъ, заставило союзниковъ нести непосильные при увеличивавшемся малоземельи расходы, раззоряло ихъ, не компенсируя ничѣмъ этого раззоренія. Общая площадь земли для всей области не увеличилась по сравненію съ тѣми временами, когда ею пользовались «отцы», для отдѣльныхъ же казачьихъ хозяйствъ земельная площадь уменьшилась, а тяготы по сравненію съ временами тѣхъ же «отцовъ» возрасли. Все это заставило казаковъ пересмотрѣть вопросъ объ отношеніяхъ къ союзнику. Пересмотръ получился не въ пользу союзника, до того не въ пользу, что стали возможны такіе факты, какъ приговоры многихъ станичныхъ обществъ о возвращеніи ихъ сыновей, подвизавшихся на «усмиреніи», какъ заявленіе казаковъ, служившихъ въ полкахъ, о возвращеніи на Донъ самовольно «походнымъ порядкомъ».

Теперь та часть донского казачества, которая пережила этотъ переломъ, стоитъ передъ дилеммой: самостоятельно ли добиваться «полегченія» и «правовъ» у своего бывшаго союзника, или же примкнуть къ общенародному движенію и слить свои требованія съ требованіями всего народа.

Куда она пойдетъ?—это покажетъ недалекое будущее.

С. Я. А—нъ.

СКАЗКА.

Въ семь часовъ долженъ былъ придти поѣздъ, поэтому на перронѣ были всѣ: комендантъ станціи, начальникъ и помощникъ, много служащихъ и рабочихъ. Теперь на перронъ, какъ и до событій, выходили опять всѣ. Да и вообще вездѣ былъ порядокъ. Работы возобновились, локомобиль пыхтѣлъ. Шло все, казалось, какъ и раньше; и, несмотря на это, въ воздухѣ рѣяло безпокойство. Съ востока цѣлый день шли поѣзда изъ теплушекъ съ платформами, на которыхъ были орудія, двуколки, походныя кухни и часовые; цѣлый день глухо гудѣли обѣ линіи рельсъ. Отъ этого потока подвижного состава, груженнаго наслѣдіемъ войны, отъ унылаго визга рельсъ и стонавшей отъ вѣтра телеграфной проволоки надъ станціей дѣлалось жутко. Всѣ чувствовали себя какъ бы во власти побѣдителя; такъ, должно быть, чувствуютъ заложники, оставленные безъ вѣсти отъ близкихъ имъ людей. Что-то опасное повисло въ воздухѣ и грозило сорваться: ждали поѣзда, о дѣяніяхъ котораго ходили смутныя и ужасныя вѣсти. Нервно, насторожившись, глядѣли всѣ вдаль. Долго глядѣли. Ага, вотъ: издали мчались огненные глаза паровоза и слышался тупой грохотъ вагоновъ. А когда поѣздъ примчался и паровозъ сталъ у станціи, наступила странная тишина, въ которой крылась боязнь. У дверей станціи стояли на вытяжку солдаты и жандармы.

И была тишина.

Нѣсколько долгихъ мгновеній стояла эта странная тишина, потомъ медленно и постепенно она стала пробуждаться. Изъ закрытаго доселѣ вагона третьяго класса показался одинъ солдатъ, второй, третій, и перронъ опять зажужжалъ, какъ идущій въ ходъ механизмъ. Изъ большого вагона, лакированнаго и чистенькаго, какъ японская коробочка, вышелъ генералъ. Къ нему быстро подошелъ комендантъ и, взявъ подъ козырекъ, сталъ рапортовать что-то, но генералъ его не дослушалъ, а зычно приказалъ:

— Начальника станціи!..

— И инженера Трефилова,—мягко подсказалъ кто-то.

— И инженера Трефилова,—такъ же безстрастно и зычно повторилъ генералъ. Его окружила блестящая свита; при яркомъ свѣтѣ зажженнаго уже фонаря генералъ и его свита представляли очень красивую группу. Послѣ приказанія генерала перронъ ожилъ. Суетливые люди тянулись въ толпѣ, искали, нашли и всѣ вмѣстѣ, гурьбой, привели инженера Трефилова и поставили его рядомъ съ начальникомъ станціи, съ опущенной головой стоявшимъ передъ генераломъ. Генералъ топалъ ногой, сердито говоря что-то одному изъ лицъ своей свиты; по мѣрѣ продолженія разговора передъ генераломъ появлялись телеграфисты и рабочіе. Потомъ генералъ окинулъ ихъ сердитымъ взглядомъ и приказалъ:

— Въ вагонъ!

Увели всѣхъ: начальника станціи, инженера, телеграфиста и рабочихъ—въ послѣдній вагонъ. На перронѣ остались: блѣдный помощникъ начальника станціи, два жандарма, группа солдатъ, исчезнувшихъ вскорѣ въ поѣздѣ, и часовые у лакированныхъ чистенькихъ вагоновъ и у теплушки съ арестованными. Поѣздъ стоялъ передъ вокзаломъ; паровозъ все время пыхтѣлъ.

Въ десять часовъ взошла луна, обливъ всю станцію мягкимъ свѣтомъ. Отъ телеграфнаго столба упала тѣнь. Казалось, она хочетъ разсѣчь теплушку, гдѣ были арестованные. Кромѣ инженера, начальника станціи, телеграфистовъ и рабочихъ тамъ были еще рабочіе, телеграфисты, инженеры и начальники другихъ станцій. Третій ужасный день они проводили въ поѣздѣ. Когда новыхъ привели, то при свѣтѣ, проникшемъ сквозь отодвинутую на минуту дверь, видно было много людей. Но никто ничего не говорилъ, только изъ угла спросили:

— Какая станція?

Начальникъ отвѣтилъ. Нѣсколько минутъ тихо говорили, потомъ опять стояло тяжелое молчаніе и слышались дыханія людей. Съ восходомъ луны сдѣлалось свѣтло въ вагонѣ черезъ отверстія вверху; на нарахъ теплушки выдѣлились силуэты. Инженеръ Трефиловъ и начальникъ станціи встали на нары и выглянули черезъ отверстія надъ нарами на перронъ.

Два жандарма стояли по прежнему у дверей вокзала. По перрону ходили военный докторъ и молодой поручикъ. Изъ дверей вокзала доносился шумъ,—должно быть, въ буфетѣ шумѣли. Изрѣдка туда проходилъ кто-нибудь изъ поѣзда. При приближеніи доктора и поручика къ фонарю

на лицѣ поручика видны были веснушки, и довольства, сытаго, тупого довольства было полно молодое лицо. Трефилову и начальнику станціи слышенъ былъ разговоръ ихъ: они ходили отъ входа въ вокзалъ до конца поѣзда и обратно.

— Я на слѣдующей станціи сбѣгу...—говорилъ сердито докторъ.—Этого не вынесешь. Плачъ, вой, смертельный ужасъ. Даже женщинъ... Вѣдь у меня не канаты, а нервы. Будь она проклята, эта исторія, которую записываютъ разстрѣлами...

Поручикъ молчалъ. Докторъ опять заговорилъ.

— Вотъ я вычиталъ гдѣ-то въ газетѣ, что революція не нужна, а дѣлаютъ ее люди оттого, что это... ихъ спеціальность, что ли. Все это доказывалось такъ основательно, что выходило, будто эти люди—любители умирать...

Поручикъ засмѣялся.

— Чудакъ вы, докторъ!—веселымъ, жизнерадостнымъ тономъ сказалъ онъ:—„любители умирать"... Нужно проще смотрѣть, по-военному: виновны—разстрѣлять, и все. Наша обязанность, что и говорить, тяжелая; но вѣдь они сами вызвали. Вѣдь вы понимаете...

Трефиловъ и начальникъ станціи потеряли нить; докторъ и поручикъ остановились у входа въ вокзалъ и заговорили о чемъ-то горячо, размахивая руками. Потомъ они пошли обратно, и поручикъ съ жаромъ говорилъ:

— Массовые—это именно хорошо, великолѣпно, по военному. Внуки не забудутъ. Зря вы хулите, это закаляетъ. Великолѣпный народъ пошелъ, мужественный, ничѣмъ не стѣсняется...

Гдѣ-то далеко грохнулъ выстрѣлъ. Инженеръ и начальникъ станціи вздрогнули. Вздрогнули и ходившіе по перрону и остановились у теплушки.

— Что это?—спросилъ докторъ.

— Стрѣляютъ!—махнулъ рукой поручикъ и продолжалъ разговоръ.—Это великолѣпно!—возбужденно говорилъ онъ.—Помните, тамъ... на первой? Очень, знаете, непріятно было. Но теперь мнѣ все равно. Воевать—такъ воевать. Во времена французской революціи хуже было...

— Вы опасную шутку шутите!—развелъ докторъ руками.—Вы всякій разъ себя подогрѣваете спиртомъ. Нельзя такъ, вы допрыгаетесь. Я рѣшилъ на слѣдующей станціи заболѣть и вамъ совѣтую.

— Не могу, докторъ!—возразилъ поручикъ.—Да и не зачѣмъ. Это нашъ долгъ, стѣсняться нечего. Помилуйте... Искони былъ такой порядокъ, сотни лѣтъ такъ жили, и вдругъ—все это махомъ руки измѣнить хотятъ. Да кто же?! Какіе-нибудь телеграфисты и рабочіе... Да за это еще мало...

Они подошли къ дверямъ вокзала, миновавъ одного неподвижнаго жандарма и по прежнему горячо разговаривая. Имъ помѣшалъ толстый военный, вышедшій изъ дверей вокзала и подошедшій къ нимъ.

— Докторисимуссъ!—громко, такъ что на весь перронъ слышно было, прохрипѣлъ онъ.—Гуляете? Я васъ, по условію, жду въ буфетѣ, а вы гуляете? Пойдемте!

Онъ взялъ доктора подъ руку.

— Сейчасъ,—сказалъ докторъ. Онъ что-то въ полголоса говорилъ, стоя у дверей, поручику.

— Да ну же, скорѣй, докторище!—тянулъ хрипло съ нетерпѣніемъ толстякъ.—Закуска ждетъ, а то потомъ въ буфетѣ опять не допросишься. Я и то, знаете, какъ добился? Стекло въ буфетѣ вышибъ, сразу подали. Занятно, знаете: грохотъ, трескъ—всѣ и хвосты поджали. Теперь струсили, небось.

— Иду, иду,—обернулся къ нему докторъ, не выпуская его руки изъ-подъ мышки, но уходя опять вмѣсто вокзала къ концу поѣзда. Онъ что-то тихо договаривалъ поручику. Толстый военный вслушался и опять захрипѣлъ.

— Да будетъ вамъ!—потянулъ онъ доктора, поворачивая.—Что за охота философствовать? Пойдемте, закусимъ. или... стекла бить станемъ. А знаете, докторуха: нравится мнѣ этотъ шумъ, грохотъ, страхъ. Съ водкой весело,—съ дымомъ... Роскошно было бы теперь всю Россію стекломъ покрыть и сразу со всѣхъ концовъ бить начать. Чудесно бы вышло!

Докторъ засмѣялся.

— У васъ геніальныя идеи,—сказалъ онъ.—Пойдемте..

Но поручикъ не пошелъ.

— Наши въ карты дуются, пойду туда,—махнулъ онъ рукой по направленію къ переднимъ вагонамъ.

Докторъ ушелъ съ толстякомъ въ буфетъ, а поручикъ къ переднимъ вагонамъ. На часахъ било одиннадцать. Луна скрылась. Гдѣ-то за станціей раздался выстрѣлъ.

II.

Въ вагонѣ потемнѣло, но всѣ привыкли и видѣли другъ друга. Говорить не хотѣлось. У всякаго было много своихъ думъ. Ужаснѣе всего была неизвѣстность. Тѣ, что сидѣли напротивъ взятыхъ вмѣстѣ съ инженеромъ, были въ поѣздѣ уже три дня. При нихъ многихъ вызывали, и обратно вызванные уже не возвращались. Уходящимъ жали руки. И плакали...

Въ вагонѣ, въ углу, напротивъ Трефилова и начальника станціи сидѣлъ старый рабочій. Когда онъ зажегъ спичку и закурилъ, было видно его лицо, и потомъ Трефиловъ всю ночь его забыть не могъ. Сѣдая голова, овальное интеллигентное лицо и выраженіе ужаса, ужаса, за который прощаются грѣхи, и люди дѣлаются святыми, мучениками. Такой ужасъ пережить безнаказанно нельзя, за него платятся разумомъ. Много было такихъ лицъ въ вагонѣ. Никто не говорилъ уже съ полчаса, въ теплушкѣ рѣялъ ужасъ безмолвія. Трефиловъ не выдержалъ молчанія и заговорилъ, обращаясь къ начальнику станціи:

— Не понимаю, за что насъ взяли! — высказалъ онъ вслухъ то, о чемъ думалъ съ момента заключенія въ вагонъ.—Обвиненія, кажется, не предъявляли. Вѣроятно, недоразумѣніе.

— Обвиненія никому не предъявляли,—громко проговорилъ кто-то въ углу.—Рабочихъ, вонъ, брали за то, что грамотенъ...

И сразу весь вагонъ заговорилъ безсвязно, громко; у всѣхъ рвались рѣчи тяжелыя, какъ стоны. Въ углу говорилъ рабочій. Голосъ его былъ громче, яснѣй другихъ, и его можно было различить. Не торопясь, онъ разсказывалъ:

— Часовъ 8 было. Пришли и взяли; а дочурка,—маленькая она у меня, одна,—и говоритъ: „Ты скоро, тятя?“ и головкой ко мнѣ...

Трефиловъ вслушался и не могъ понять. Рабочій говорилъ одно и то же:

— Часовъ 8 было. Пришли и взяли...

Это онъ повторялъ безпрестанно И Трефилову, и начальнику сдѣлалось жутко. Трефиловъ придвинулся къ начальнику и тихо спросилъ:

— Что же будетъ?

— Вы боитесь?—освѣдомился, со странной ноткой въ голосѣ, начальникъ.

— Нѣтъ!—спокойно отвѣтилъ инженеръ.—Но страшна эта нелѣпая неизвѣстность...

— Тогда,—сказалъ начальникъ,—давайте рѣшимъ: намъ предстоитъ умереть, и намъ будетъ извѣстно...

— Хо-о-рошо!—раздумчиво согласился инженеръ и почувствовалъ себя бодрѣе. Неизвѣстность ушла, и хотя впереди предстояло самое худшее, но... неужели же возможна такая нелѣпость?!.

Никто не спалъ, но разговоръ прекратился. Задумавшійся Трефиловъ шепотомъ сказалъ начальнику:

— А знаете, смѣшно, Николай Васильевичъ: такой важ-

ной кажется жизнь, а если ее ликвидировать, то нечего вспомнить. Два-три воспоминанія, и все на одномъ вертится мысль... Къ чему, впрочемъ, и вспоминать?

— И не надо!—сурово бросилъ начальникъ.

Инженеръ понялъ, что мѣшаетъ ему думать, и замолчалъ. Замолкъ и весь вагонъ, въ углу только рабочій разсказывалъ, должно быть, въ пространство:

— Часовъ восемь было. Пришли и взяли...

Инженеръ закрылъ глаза и подумалъ, что въ немъ таится надежда, что онъ будетъ жить, и поэтому ему такъ не припоминается... И вдругъ завертѣлась передъ нимъ вся его двадцати-восьмилѣтняя жизнь. Сначала хорошее, свѣтлое дѣтство, согрѣтое любовью близкихъ людей. Потомъ страсть къ приключеніямъ. Бѣгство темной ночью въ лѣсъ и ночь съ дождемъ и молніей. Часы онъ тогда потерялъ... Путейская тужурка и юность. Богатая, волнующаяся юность... Были тамъ славныя лунныя ночи. Много лунныхъ ночей. Шепотъ высокихъ тополей, шелестъ платья, тишина пруда, объятія... Трефилову показалось, что запахло ландышемъ. Онъ оглянулся. Въ вагонѣ стояло молчаніе, только рабочій разсказывалъ:

— Часовъ восемь было. Пришли и взяли...

Трефиловъ опять закрылъ глаза, и ему еще яснѣй представилось все пережитое. Одно и то же повторялось до безконечности, и была во всемъ этомъ какая-то неизъяснимая прелесть. Вотъ первыя собранія и Марксъ. Потомъ подпольныя брошюрки. Рвалась молодая грудь отъ желанія принести пользу. Какіе горячіе споры бывали!..

Каникулы... Какая радость была... Отъ росы дѣлались мокрыми сапоги, и блестѣли на восходѣ солнца облака. Далеко бѣлѣлъ хуторъ отца. А тамъ, у пруда, ждали его. Его всегда ждали. Ждала мать, ждалъ отецъ. Но теперь они его не дождутся...

Инженеръ насторожился. Въ вагонѣ запѣли старую, знакомую пѣсню: „Укажи мнѣ такую обитель, я такого угла не встрѣчалъ"... Удивительнѣй всего было, что запѣлъ рабочій. Прыгающія мысли инженера постарались припомнить, гдѣ онъ не такъ давно, при чемъ-то веселомъ, такъ же неожиданно услышалъ это пѣсню? Два года тому назадъ. Онъ тогда вышелъ въ инженеры, попалъ въ помощники начальника одной дистанціи на Волгѣ, и тамъ ночью съ лодки такъ же неожиданно ворвалась разъ эта пѣсня. Молодая, веселая, вольная текла жизнь и окончилась здѣсь, въ теплушкѣ. Кончилась, когда разгоралась только заря на родной землѣ...

Инженеръ всталъ и удивился: какъ скоро ночь прошла!

—

Свѣтало. Начальникъ станціи сидѣлъ рядомъ, глядѣлъ въ полъ теплушки и думалъ. Должно быть, тоже ликвидировалъ свою жизнь. Онъ не спалъ всю ночь и, безъ того уже не молодой, казался теперь сильно постарѣвшимъ и осунувшимся за ночь.

— Николай Васильевичъ!—тихо позвалъ инженеръ:—всего не передумаете. Умирать—такъ умирать... Авось своей жизнью мы купимъ счастіе родинѣ...

Начальникъ станціи всталъ и протянулъ руку.

— Прощайте! Не надо больше говорить. Только слишкомъ ужъ все это нелѣпо и позорно! Подумайте—теперь!..

Онъ не договорилъ. Широкая дверь отодвинулась. На фонѣ тусклаго сѣраго разсвѣта стоялъ хриплый офицеръ, звавшій вчера поручика и доктора въ буфетъ; за нимъ на сходнѣ виднѣлись нѣсколько солдатъ съ ружьями на плечо. Въ рукахъ у офицера былъ списокъ, и, съ трудомъ различая письмена на бумагѣ, онъ сталъ хрипло читать:

— Алексѣй Бушмакинъ, Ѳедоръ Писунъ...

Изъ угла поднялись двое: рабочій и телеграфистъ. Оба были блѣдны. Рабочій кратко сказалъ:

— Я—Писунъ.

И вмѣстѣ съ молчавшимъ телеграфистомъ пошелъ къ двери. Весь вагонъ замеръ, словно надъ нимъ пронеслась смерть. Офицеръ плохо, нетвердо стоялъ на ногахъ, и отъ него несло водкой. Онъ продолжалъ читать:

— Трефиловъ Дмитрій...

Инженеръ вздрогнулъ, поблѣднѣлъ и хотѣлъ идти, но, услышавъ имя, сказалъ:

— Дмитрія нѣтъ. Я—Алексѣй Трефиловъ. Дмитрій—мой братъ, онъ третьяго дня уѣхалъ...

Офицеръ сдѣлалъ отмѣтку въ спискѣ и продолжалъ читать:

— Тюменевъ...

— Это мой помощникъ!—съ злобной радостью сказалъ начальникъ станціи.—Онъ успѣлъ уйти отъ васъ.

— А не вы?—спросилъ хрипло офицеръ.—Вы кто?

— Я—Батуевъ, начальникъ станціи...

— Это ошибка,—сказалъ хрипло, покачиваясь, офицеръ.—Батуева не надо. Кларкъ...

Поднялся сидѣвшій рядомъ съ инженеромъ рабочій.

— Я!—тихо сказалъ онъ, присоединяясь къ стоявшимъ у двери. Офицеръ смѣрилъ его взглядомъ, прочиталъ послѣднюю фамилію: „Дементьевъ“ и положилъ списокъ въ карманъ. Но никто не отзывался, и онъ повторилъ:

— Дементьевъ!

— Вотъ онъ!—сказалъ сосѣдъ рабочаго по нарѣ и указалъ

на спавшаго, который всю ночь разсказывалъ: „Часовъ 8 было“, а потомъ запѣлъ. Къ нему подошелъ солдатъ и тронулъ его, но сейчасъ же отдернулъ руку. Рабочій умеръ подъ утро и теперь лежалъ, холодный, недвижный.

— Пойдемте!—сказалъ офицеръ.

Съ недоумѣніемъ глядя другъ на друга, блѣдные, вышли вызванные изъ вагона.

— Боже мой, да что же это такое?—спросилъ молоденькій, лѣтъ 18, телеграфистъ въ углу.—Да что же это такое?

Онъ заплакалъ, схватившись за голову.

Осмотрѣть умершаго рабочаго пришли вчерашніе докторъ и поручикъ. Докторъ былъ взволнованъ, но старался казаться хладнокровнымъ.

— Да, голубчикъ, скверно!—сказалъ онъ поручику, осмотрѣвъ рабочаго и уходя.—Со страху умеръ. Во времена французской революціи были храбрѣй... Или тамъ такихъ вещей не дѣлали... А всетаки я на слѣдующей станціи уйду! Я не могу!—закончилъ онъ неожиданно и вышелъ изъ вагона.

Солдаты стали уносить рабочаго. Слѣдомъ за ними вышелъ и поручикъ, держа шашку въ рукѣ.

Гдѣ-то громко ахнуло эхо выстрѣла, за которымъ послѣдовалъ рядъ другихъ.

III.

Поѣздъ внезапно тронулся безъ свистковъ и безъ предупрежденій. Вагоны слегка качнуло, потомъ плавно повезло.

День дѣйствовалъ не такъ удручающе, какъ ночь, и въ вагонѣ вскорѣ завязался разговоръ.

Кто-то въ углу одиноко и тихо засмѣялся, — это былъ молоденькій телеграфистъ.

Отъѣхали версты три и стали у разъѣзда.

Трефиловъ опять влѣзъ на нары и пробовалъ выглянуть изъ окна, но теперь часовой у окна не позволялъ смотрѣть. Пришлось слѣзть внизъ.

— Гдѣ мы?—спросилъ кто-то у Трефилова.

— На разъѣздѣ!—отвѣтилъ онъ и потеръ рукой лобъ.—Три версты отъѣхали.

На разъѣздѣ стояли до вечера, и опять вагонъ замолкъ. Два новыхъ лица прибавилось: телеграфистъ и движенецъ. Сидѣли молча. Мрачнымъ, какъ могила, дѣлался вагонъ. Луна всходила часамъ къ десяти, пока же было темно и безотрадно, какъ въ душѣ приговореннаго къ смерти. Радостной, яркой полоской запалъ лучъ луны въ продолгова-

тый квадратъ сверху, когда все стихло кругомъ и казалось очень поздно.

Часовъ въ 12 по часамъ инженера широкая дверь вагона отодвинулась. Тамъ опять стоялъ поручикъ, а за нимъ, подъ свѣтомъ луны, виднѣлись отблески штыковъ.

— Батуевъ!—позвалъ поручикъ.—Трефиловъ!

Начальникъ станціи и инженеръ вздрогнули.

— Прощайте, Николай Васильевичъ...—сказалъ тихо инженеръ.

— Прощайте, голуб...чикъ, товарищъ!—обнялъ его Николай Васильевичъ. Трефиловъ почувствовалъ, какъ на щеку его упало что-то горячее. Оба они подошли къ двери.

— Вы свободны!—заявилъ поручикъ.—Можете идти.

— Какъ свободны?—съ радостнымъ удивленіемъ спросилъ инженеръ.

— Свободны,—подтвердилъ поручикъ.—Можете идти...

— Отчего же насъ взяли?! И заставили такую ночь провести?

— Обратитесь къ генералу, онъ вамъ разъяснитъ!—рѣзко отвѣтилъ поручикъ и опять позвалъ:

— Доценко!

Отвѣта не послѣдовало. Это былъ сосѣдъ по нарѣ умершаго рабочаго. Онъ опустилъ голову на руки и шепталъ:

— Двадцать четыре часа... Въ двадцать четыре часа...

Поручикъ позвалъ стоявшаго у сходни доктора. Докторъ подошелъ къ Доценкѣ, посмотрѣлъ, подержалъ его руку въ своей и сказалъ:

— Онъ самъ не выйдетъ, надо его высадить...

Два солдата вывели Доценку изъ вагона и посадили на откосъ полотна. Онъ опять опустилъ голову на руки и сталъ шептать:

— Въ двадцать четыре часа... Въ двадцать четыре часа...

— Какъ же быть съ нимъ?—спросилъ поручикъ доктора.

Начальникъ станціи и инженеръ отошли отъ поѣзда и пошли по пути. Начальникъ предложилъ инженеру:

— Пойдемте на перронъ, со слѣдующимъ поѣздомъ поѣдемъ...

— Не надо!—глухо отозвался инженеръ.—Пойдемте пѣшкомъ. Здѣсь всего три версты. Пройтись хорошо...

Оба пошли молча вдоль линіи. Инженеръ былъ выше. Отъ него падала длинная, тонкая тѣнь и ложилась на откосы полотна и на рельсы.

М. Подвальный (А. Горемыка).

* * *

Когда наступитъ ночь, и суеты дневной
Съ души спадетъ пустое бремя,
И пó небу, во мглѣ, тяжелою стопой
Бредетъ медлительное время,
И жизнь окрестная замретъ и чутко спитъ,
И дышутъ сны ея угрозой,—
Тоска безсильная мнѣ сердце леденитъ,
И грезитъ умъ кровавой грёзой...

Какъ сонъ болѣзненный, опять въ душѣ моей
Тѣснятся скорбныя видѣнья;
Всѣ жертвы чистыя безумныхъ нашихъ дней
Идутъ на зовъ воображенья...

. . . .

Смотрю—и призраковъ кровавый, длинный рядъ
Перебираю на удачу,—
И жалость въ сердцѣ спитъ, и сухъ горячій взглядъ,
Не содрогаюсь я, не плачу.
Для слезъ, какъ для мольбы, душа давно мертва,
Пустой надежды не ищу я:
Съ отрадой злобнаго, больного торжества
На муки родины смотрю я.

На кровь, бѣгущую изъ жгучихъ ранъ ея,
Смотрю, слѣдя за каплей каждой,
Имъ жадный счетъ веду, дыханье затая,
Какъ пьяница, томимый жаждой.
О, лейся, лейся, кровь!.. Расти, кровавый счетъ!..
Расти!.. Настанетъ день расплаты...
Коль радость намъ судьба за муки лишь даетъ,—
Мы будемъ радостью богаты!

Я радъ, что ночь темна; отрадно видѣть мнѣ,
Что міръ охваченъ черной бездной,—
Пусть пламеннѣй горитъ тоска по яркомъ днѣ
Въ людскихъ сердцахъ во мглѣ беззвѣздной.
Я радъ, что радости послѣдній лучъ угасъ,
И жизни замерло дыханье,
Что мертвымъ черепомъ изъ тьмы глядитъ на насъ
Борцовъ замученныхъ страданье.

Пусть ложью красною никто не подсластитъ
Питья съ отравой роковою,
Пусть гнетъ насилія на всѣхъ, въ комъ духъ не спитъ,
Плитой наляжетъ гробовою!
Пусть крѣпнетъ ненависть... Пускай въ лицо судьбы
Народъ великій прямо взглянетъ,
И жребій вынетъ свой, и взвѣситъ трудъ борьбы
И на борьбу, какъ буря, встанетъ!..

Е. С.

Москва.
Октябрь 1906.

ИНСУРГЕНТЪ.

1871 г.

Романъ *Жюля Валлэса.*

Переводъ съ французскаго Я. А. Глотова.

Посвящаю эту книгу *жертвамъ 1871-го года.*

Всѣмъ тѣмъ жертвамъ соціальной несправедливости, которыя возстали съ оружіемъ въ рукахъ противъ несовершеннаго строя и создали, подъ знаменемъ Коммуны, великую федерацію героевъ-мучениковъ.

Парижъ, 1885.

Жюль Валлэсъ.

XXXI.

V-ый округъ.

Можетъ быть, тѣ, съ кѣмъ я часто сталкивался съ тѣхъ поръ, какъ началъ свою оборонительную войну съ жизнью, въ этотъ торжественный моментъ будутъ рады увидѣть въ своихъ рядахъ стараго товарища по работѣ и лишеніямъ, этого бѣдняка, который такъ долго шлялся въ потертомъ пиджачишкѣ по Люксембургскому парку.

Этотъ уголокъ латыни, гдѣ изнывала моя страдальческая юность, никогда не поставлялъ бойцовъ въ соціальныя войны; но за то сколько тамъ было убійствъ!

Потомки мосье Прюдомма всегда начинаютъ фыркать передъ сраженіями, гдѣ ихъ пальто пачкается о блузы и гдѣ баррикадные мастера грубо покрикиваютъ на баккалавровъ, когда тѣ стѣсняютъ движеніе или мѣшаютъ стрѣлять.

Кто знаетъ, не станутъ ли они смѣлѣе, имѣя во главѣ одного изъ своихъ же!

Бѣгу въ Ратушу.

— Приложи-ка сюда печать, Гамбонъ *).

— Прекрасная идея! Тамъ наверху, вокругъ Сорбонны тебя знаютъ всѣ. Только ты, кажется, не въ ладахъ съ Режеромъ **)? Впрочемъ, вотъ твоя бумага... А теперь, поцѣлуемся! Кто знаетъ, что можетъ случиться!

Онъ обнимаетъ меня, подписавъ, какъ членъ комитета общественнаго спасенія, мое назначеніе въ предсѣдатели коммиссіи по оборонѣ, засѣдающей въ Пантеонѣ.

Я совсѣмъ профанъ въ стратегіи. Какъ нужно укрѣплять кварталъ? Какъ размѣщаютъ орудія въ батарею?

Развѣ „образованнный“ понимаетъ хоть что-нибудь въ этомъ дѣлѣ.

Проходя мимо коллежа Сентъ-Барбъ, затѣмъ Луи-ле-Гранъ, я показывалъ имъ кулаки. Школьникъ съ сѣдѣющими усами, я проклиналъ эти казармы, которыя не научили меня ничему, что пригодилось бы теперь въ борьбѣ съ войсками...

Режеръ былъ изъ „большинства“, и одинъ изъ наиболѣе буйныхъ. Тѣмъ не менѣе, мы поздоровались. Но онъ хочетъ сохранить за собой командованіе...

---

*) Адвокатъ и политическій дѣятель. Въ 1847 г. этотъ молодой судья (ему было 27 лѣтъ) устроилъ банкетъ, на которомъ отказался отъ тоста за короля. Уволенный за это со службы, онъ въ 1848 году былъ выбранъ отъ Нивьеры въ конституанту. Все время вотировалъ съ крайними лѣвыми и былъ снова выбранъ своимъ департаментомъ въ законодательное собраніе. 13 іюня 1849 года принималъ участіе въ демонстраціи Ледрю-Роллэна, за что поплатился ссылкой и заключеніемъ въ тюрьмѣ Белль-Изль. Получивъ свободу въ 1859 году, онъ долго держался въ сторонѣ отъ политической жизни и только въ 1864 году выступилъ съ пропагандой не платить налоговъ императорскому правительству. Послѣ своего паденія Гамбонъ выдѣлился, какъ одинъ изъ ярыхъ проповѣдниковъ соціализма, а также и своими нападками на правительство національной обороны. 8-го февраля 1871 г. былъ избранъ депутатомъ Парижа, но затѣмъ отказался отъ этого званія, занявъ мѣсто въ революціонной Коммунѣ, принималъ дѣятельное участіе во всѣхъ ея выступленіяхъ, сдѣлался 10 мая однимъ изъ 5 членовъ комитета общ. спасенія. Послѣ захвата города версальцами ему удалось скрыться. *Пр. пер.*

**) Ветеринаръ по образованію, послѣ революціи 1848 года основалъ на родинѣ въ Бордо республиканскую газету. Переворотъ 2 декабря прекратилъ существованіе этого органа, а самъ редакторъ попалъ въ ссылку. Вернувшись во Францію послѣ амнистіи, Р. долго воздерживался отъ политики, будучи противникомъ соціализма и сторонникомъ папской власти. Тѣмъ не менѣе онъ сталъ въ ряды интернаціонала и былъ въ оппозиціи правительству. Какъ одинъ изъ наиболѣе дѣятельныхъ членовъ центральнаго комитета національной гвардіи, былъ назначенъ мэромъ V округа. Послѣ вступленія версальцевъ въ Парижъ получилъ отъ Делеклюза порученіе организовать защиту квартала Пантена. Послѣ его взятія, нѣкоторое время скрывался, но затѣмъ былъ арестованъ и приговоренъ къ заключенію въ крѣпости, а затѣмъ высланъ въ новую Каледонію. *Пр. пер.*

Ну, что же!

Прячь, Жакъ, въ карманъ свою бумажку! Тебѣ остается лишь напоминать твоимъ старымъ пріятелямъ, какъ ты съ ними работалъ въ библіотекѣ, шлялся вмѣстѣ въ Одеонъ...

Многихъ изъ нихъ я встрѣтилъ на улицѣ.

Половина бѣжала, чтобы спрятаться, но остальные храбро сами вмѣшались въ кашу.

Мнѣ, напримѣръ, пришлось подписать цѣлый ворохъ назначеній въ делегаты на основаніи моего полномочія, которое я извлекъ, все измятое, изъ своего кисета.

Эти лоскутки бумаги необходимы для 20-лѣтнихъ гордецовъ. Они готовы подвергнуть себя опасности, быть разстрѣлянными къ вечеру, лишь бы имѣть возможность похвастаться утромъ своимъ офицерскимъ свидѣтельствомъ.

Однако, они немедлено принялись за дѣло, доставляя матеріалъ, снабжая провизіей и амуниціей — и компрометтируя себя смертельно.

Это-то и нужно! Если завтра кого-нибудь изъ этихъ дѣтей порядочныхъ семей разстрѣляютъ или сошлютъ, это посѣетъ сѣмена возстанія на пашню буржуазіи.

Я дѣлаюсь полноправнымъ членомъ небольшого отряда, расположившагося бивуаками вокругъ Пантеона.

Ахъ! Мало хорошаго говорили здѣсь о Коммунѣ!

— Если бы она была поэнергичнѣй!..

— И если бы вы, да вы, Вентра, не усыпляли народъ вашимъ умѣреннымъ журналомъ!—кричалъ одинъ лейтенантъ почти хватая меня за горло.

Эта компанія не любитъ „меньшинства".

Выстрѣлъ!

— Однако! Придется класть заплату на пальто.

Еще бы чуть-чуть пониже, и мнѣ пришлось бы тогда латать свою кожу.

Нечаянно разрядился пистолетъ.

Мы поладили.

Передъ приближеніемъ общаго врага затихаетъ злоба.

Уже онъ на Монпарнасскомъ вокзалѣ.

Не устремится ли онъ на нашъ кварталъ?

А что, если напасть на него первыми? Эта мысль была брошена вечеромъ, на собраніи совѣта командировъ, однимъ изъ моихъ прежнихъ товарищей. Онъ тоже книжникъ, но совсѣмъ не вѣритъ въ классическую стратегію и въ защиту за баррикадами.

— Двинемся впередъ и выбьемъ ихъ!

— Это безуміе! — возразили въ одинъ голосъ тѣ, кто служилъ солдатами.

— Да. Но во всякомъ случаѣ безуміе смѣлыхъ, которое

можетъ обезкуражить противника, да и нисколько не опаснѣе пассивнаго сопротивленія!

Однако, мой товарищъ и я остаемся одни съ нашимъ сумасшедшимъ проектомъ и клянемся во что бы то ни стало идти до конца вмѣстѣ, бокъ о бокъ.

— Обѣщаете прикончить меня, если я получу слишкомъ тяжелую рану?

— Да, съ условіемъ, что вы мнѣ окажете ту же самую услугу, если въ первую очередь попаду я!

— Идетъ!

Я чертовски боюсь страданій! Изъ-за этой трусости я всегда предпочитаю смерть.

Хотя, собственно говоря, не особенно-то весело издохнуть гдѣ-нибудь подъ заборомъ отъ руки своего товарища.

— А вамъ улыбается перспектива быть заживо изрѣшетеннымъ штыками?

— Изрѣшетеннымъ!..

— Эти линейные, голубчикъ, искромсали бы насъ въ куски еще тогда, когда мы проповѣдовали войну во что бы то ни стало. Теперь они намъ выковырютъ глаза своими саблями: вѣдь это мы заставили ихъ вернуться изъ родныхъ деревень.

Ко мнѣ подходитъ одинъ изъ нашихъ.

— Гражданинъ, хотите взглянуть трупъ предателя?

— Кого-нибудь казнили?

— Да! Одного булочника, который сначала запирался, а потомъ признался во всемъ.

Я блѣднѣю, федералистъ замѣчаетъ это.

— Вы, можетъ быть, еще оправдали бы его? А! Двадцать чертей! Не понимать, что, проломивъ голову Іудѣ, спасаешь жизнь тысячи своихъ!

Я прихожу въ ужасъ отъ вида крови, а у меня, уже запачканы въ ней всѣ руки: онъ уцѣпился за меня, прося пощады!..

— И если никто не будетъ убивать шпіоновъ, то что же тогда?

Въ нашъ споръ вмѣшался еще одинъ.

— Вамъ хочется сохранить чистенькими ваши ручки на случай суда, или для потомства! Это намъ, народу, рабочимъ, всегда приходится дѣлать грязную работу... чтобы потомъ въ насъ же бросили грязью! Развѣ не такъ?

Этотъ разъяренный сказалъ правду!

Да, мы хотимъ попасть не запятнанными въ исторію и не желаемъ связывать свое имя съ кровавымъ навозомъ боенъ.

Признайся въ этомъ, Вентра; не ссылайся въ свое оправ-

daнie на блѣдность, заливающую твое лицо при мысли о несчастномъ разстрѣлянномъ!

Вторникъ, 5 часовъ утра.

Со стороны Пантеона завязалось сраженіе.

Ахъ, какое печальное зрѣлище представляютъ спускающіяся подъ лучами восходящаго солнца носилки, залитыя пурпуромъ человѣческой крови! Это несутъ на перевязочные пункты раненыхъ.

Я спалъ гдѣ-то въ одномъ изъ закоулковъ мэріи, рядомъ съ мертвецомъ, такъ же какъ и въ предыдущую ночь.

Булочникъ лежитъ тамъ за этими досками, и клочья соломы, сырые и красные, добрались по сточной канавкѣ почти до моихъ ногъ.

На разсвѣтѣ меня разбудили, и я отправился къ баррикадамъ!

Но по дорогѣ меня останавливали командиры и полковники, хватали за полы, требовали припасовъ, хлѣба, совѣтовъ... иные рѣчей.

Были такіе, которые угрожали:

— И послѣ этого Коммуна еще имѣетъ право поднимать голосъ!

Я чувствовалъ себя совсѣмъ потеряннымъ... И никого около меня, кто бы могъ дать мнѣ какое-нибудь разъясненіе, поддержать, раздѣлить со мной это бремя! Изъ членовъ Коммуны, избранныхъ кварталомъ, я видѣлъ еще только Режера, захваченнаго муниципалитетомъ, завязшаго въ немъ по уши, почти утонувшаго, да Журда *), который появился было на минутку, но на его плечахъ и безъ того не малая отвѣтственность.

Это въ его вѣдѣніи находятся послѣднія экю, чтобы питать возстаніе, расплачиваться за жизненные припасы, которыхъ такъ громко требуютъ наиболѣе рѣшительные. Кромѣ того, его министерство сгорѣло отъ версальскихъ ядеръ.

И я одинъ.

Время отъ времени меня прислоняютъ къ какому-нибудь дому и поднимаютъ вопросъ, не покончить ли со мной.

---

*) Избранный въ члены Коммуны, принималъ участіе въ управленіи финансами, съ блескомъ выполняя свои трудныя функціи. Протестуя противъ учрежденія комитета общественнаго спасенія, онъ подалъ въ отставку, которая, однако, не была принята. Велъ энергичную борьбу съ центральнымъ комитетомъ и былъ въ „меньшинствѣ", рѣшившемъ не посѣщать собраній Коммуны. На другой день послѣ вступленія войскъ оставилъ уже горѣвшее министерство финансовъ и нѣкоторое время скрывался, но потомъ былъ арестованъ на улицѣ. Благодаря пожару, не могъ представить суду оправдательныхъ документовъ и былъ сосланъ въ Новую Каледонію. *Пр. пер.*

Эльзасецъ Вури, судебный слѣдователь изъ Ферре, только спасъ меня отъ прекрасной возможности отправиться на тотъ свѣтъ.

— Вы – не Вентра!

Собирается толпа.

— Шпіонъ! Прикончить его!

— Въ мэрію! Въ мэрію!

— Зачѣмъ въ мэрію? Здѣсь у забора!

— У Жака Вентра борода. Вы—не Жакъ Вентра!

— Къ стѣнѣ! Къ стѣнѣ!

Эта стѣна была переднимъ фасадомъ кафе на улицѣ Суффла.

Я попробовалъ было объясниться.

— Позвольте!.. Послѣ того, какъ я удралъ изъ Шершъ-Миди, я началъ бриться!..

Несмотря ни на что, мнѣ, навѣрно, пришлось бы разстаться съ жизнью, если бы Вуръ не бросился въ ужасѣ къ нашей группѣ.

— Что вы хотите дѣлать?

Если меня не признали, за то онъ былъ извѣстенъ здѣсь. И онъ поклялся, что я имѣю право называться своимъ именемъ.

— Простите, гражданинъ, извините!

Я отряхиваюсь, какъ мокрая собака, и мы всѣ гуртомъ отправляемся выпить по стаканчику...

Теперь, когда нѣтъ никакого-сомнѣнія, что я Вентра, я дѣлаюсь плѣнникомъ всѣхъ этихъ прибывающихъ баталіоновъ. Ихъ офицеры стараются понасѣсть на меня, поприжать главнаго редактора „Cri du peuple“, единственнаго носителя шарфа на весь этотъ округъ.

И меня заваливаютъ мелочами, я задыхаюсь отъ нихъ! Изъ-за всего обращаются ко мнѣ. Изъ-за всякихъ пустяковъ!

Съ тѣхъ поръ, какъ началась борьба, у меня едва нашлось время сходить посмотрѣть, какъ идетъ защита.

Два или три раза я собирался снова пробраться туда, гдѣ съ безумной смѣлостью держались Лисбоннъ и Анри Бауеръ...

Но меня удерживаютъ, зовутъ, возвращаютъ, обыкновенно потому, что поднимается вопросъ о предательствѣ, и кто-нибудь уже бьется въ рукахъ этихъ недовѣрчивыхъ и раздраженныхъ, требующихъ немедленнаго и упрощеннаго суда.

Однако, на моей совѣсти нѣтъ ни одного убитаго, если не считать несчастнаго хлѣбопека. Правда, усиленно поговариваютъ, что въ одномъ изъ дворовъ разстрѣляли коман-

дира Павіа, не поднимая изъ-за этого шума, изъ опасенія, какъ бы я его не спасъ; однако, никто не видѣлъ его трупа.

Эстафета: „Улица Вавенъ требуетъ поддержки."

Барабанъ зоветъ *дѣтей отца Дюшена* на помощь къ тѣснимой баррикадѣ.

Они не заставляютъ повторять приглашенія.

— Пусть насъ ведетъ Вермершъ *)!

Но Вермерша нѣтъ.

— А! Вотъ они писаки, журналисты!.. Сидятъ по погребамъ, когда надо сражаться!

— Вы хотите одного изъ журналистовъ?.. Я къ вашимъ услугамъ.

Маршъ!

Бьетъ барабанъ. Я рядомъ съ нимъ, и содроганія инструмента отдаются въ моемъ сердцѣ: моя человѣчья кожа трещитъ, какъ и его ослиная.

На полдорогѣ меня тянутъ къ себѣ люди, сбѣжавшіеся на шумъ.

— Необходимо, чтобы вы явились... У версальцевъ есть сторонники, которые работаютъ изпотишка въ мэріи VI-го округа, они снюхались съ артиллеристами, занимающими Монпарнаскій вокзалъ.

— Меня зовутъ Сальваторъ; вы должны меня помнить: вы слышали, какъ я говорилъ на собраніи въ Медицинской Школѣ. Вѣрьте мнѣ, пойдемте съ нами... Вашу работу на перекресткѣ Бреа сможетъ исполнить первый встрѣчный, тогда какъ въ Сенъ-Сюльписъ васъ, навѣрно, послушаютъ.

— Оставьте насъ, если вы находите это полезнымъ,—говоритъ мнѣ самъ капитанъ *дѣтей отца Дюшена.*

Въ самомъ дѣлѣ, здѣсь идетъ диспутъ, чуть ли не драка. Я пытаюсь открыть имъ глаза.

Но вотъ, наконецъ, является Варлэнъ... Варлэнъ—идолъ

*) Журналистъ, рано обратившій на себя вниманіе остроумными портретами и карикатурами въ „Figaro" и другихъ газетахъ. Яркій образчикъ литературной богемы. Послѣ переворота 4 августа 1870 г. вдругъ почувствовалъ себя соціалистомъ и патріотомъ, сдѣлался сотрудникомъ „Cri du Peuple" Валлэса, въ которой помѣстилъ рядъ пламенныхъ статей. Въ 1871 году онъ пытался воскресить газету Гебера (1793 г.) „Le pére Duchéne", изъ сотрудниковъ и поклонниковъ которой, должно быть, и состоялъ вышеупомянутый баталіонъ. Эта газета отличалась необычайной разнузданостью, обливала грязью по очереди всѣхъ главарей Коммуны и призывала къ пожарамъ и жестокостямъ. Однако, по вступленіи версальцевъ въ городъ, онъ самъ не взялся за оружіе, какъ Верморель, Валлэсъ и другіе журналисты, а бѣжалъ въ Бельгію. Кончилъ очень грустно, умеревъ въ полной нищетѣ въ рабочемъ домѣ въ Лондонѣ (1878 г.). *Пр. пер.*

своего квартала, и передъ нимъ все смолкло, какъ только онъ вошелъ.

Я свободенъ?

Нѣтъ еще. Меня повсюду ищетъ офицеръ изъ V округа. Едва замѣтивъ меня, онъ предлагаетъ:

— Вентра, не подниметесь ли вы опять наверхъ? Поговариваютъ, какъ бы взорвать Пантеонъ.

Я взбираюсь.

Штукъ двѣнадцать снарядовъ разрываются около фонтана Сенъ-Сюльписъ, и ихъ вонючіе осколки разлетаются почти у нашихъ ногъ.

Сквозь занавѣску темнѣетъ профиль патера. Если федералисты, что идутъ со мной, его замѣтятъ, онъ погибъ.

Нѣтъ! не замѣтили!.. Скорѣе мимо!

Печальна и пуста эта улица, только куски чугуна заполняютъ ее. Они мчатся по землѣ впереди и позади насъ, какъ крысы, которыя бѣгутъ въ свои водосточныя трубы.

Дома забиты. Безглазыя стѣны точно большія слѣпыя лица.

На одномъ изъ угловъ—слѣпой, съ собакою у ногъ, жалобно проситъ:

— Подайте милостыню, Христа ради.

Я знаю его вотъ уже тридцать лѣтъ. Когда онъ появился здѣсь, — его волосы были черны, теперь они у него сѣдые. Мнѣ кажется, что онъ былъ на этомъ же самомъ мѣстѣ 3-го декабря 1851 года, когда Ранкъ *), Артуръ Арну **)

---

*) Публицистъ и политическій дѣятель. Принималъ участіе въ защитѣ республики 2-го декабря и счастливо избѣжалъ суда. Въ 1853 году былъ осужденъ на годъ тюрьмы за принадлежность къ тайному обществу. Послѣ 4-го сентября былъ мэромъ IX округа и своей дѣятельностью завоевалъ громадную популярность. Въ октябрѣ улетѣлъ изъ Парижа на воздушномъ шарѣ и близился съ Гамбеттой, который поставилъ его во главѣ полиціи. Избранный въ члены національнаго собранія, голосовалъ противъ заключенія мира и сложилъ съ себя полномочія послѣ принятія его. Выбранный въ члены Коммуны, вышелъ изъ нея 6 апрѣля, не одобривъ декрета о заложникахъ. Послѣ этого участвовалъ въ разныхъ журналахъ и въ 1873 году былъ избранъ отъ ронского департамента въ національное собраніе, гдѣ примкнулъ къ крайней лѣвой. Только тогда противъ него было поднято судебное преслѣдованіе за участіе въ Коммунѣ. Онъ бѣжалъ и былъ приговоренъ заочно къ смертной казни. Послѣ амнистіи 1879 г. вернулся на родину, занимался журналистикой, потомъ былъ депутатомъ и, наконецъ, въ 1891 г. попалъ въ сенатъ. *Пр. пер.*

**) Журналистъ и литераторъ. Сотрудничалъ въ очень многихъ газетахъ и журналахъ и подвергался судебному преслѣдованію за свои статьи. Въ 1870 г. былъ однимъ изъ главныхъ сотрудниковъ Рошфоровской „Marseillaise“, послѣ закрытія этой газеты, основалъ свою: „Journal du peuple“, которая скоро тоже прекратила свое существованіе. Былъ выбранъ членомъ національнаго собранія, 18 марта старался созданіемъ компромисса помѣшать гражданской войнѣ. Выбранный въ Коммуну двумя

и я направлялись захватить эту же самую мэрію, гдѣ сегодня сидятъ наши въ перемежку съ изряднымъ количествомъ измѣнниковъ.

Еще одна бомба; новые чугунные осколки, горячіе и съ сквернымъ запахомъ.

— Подайте милостыню, Христа ради!

Нищій, не выпускающій изъ рукъ своей деревянной чашки даже подъ ядрами! Автоматъ, олицетворенное малодушіе, обладающій безстрашіемъ героя! Онъ издаетъ гортанный крикъ, выдѣляющійся монотонностью среди человѣческой бури, звучащій неумолимо въ этой безпощадной борьбѣ.

Вотъ онъ у церковной колонны, точно статуя дряхлости и нищеты! Онъ стоитъ во весь ростъ среди этого міра, мечтающаго излѣчить язвы и уничтожить нищету!

И ему подаютъ. Люди, идущіе сражаться, бросаютъ еу, а сами выпрашиваютъ патроны.

— Спасибо, добрые господа!

XXXII.

Первое впечатлѣніе этого утра было ужасно! Когда я спускался къ Красному Кресту, чтобы взглянуть, гдѣ находятся наши бойцы, я увидѣлъ бѣгущихъ женщинъ. Онѣ несли узлы съ пожитками и тащили за руки ребятишекъ.

— Все жгутъ!—кричали эти женщины или плакали. Было нѣсколько и такихъ, которыя работали на ходу и изрыгали на меня проклятія.

Какъ хотѣлось бы мнѣ протянуть красный шарфъ мой, какъ цѣпь, поперекъ этой паники. Но обезумѣвшихъ не остановить—все равно гдѣ: на улицѣ Де-Бюси или у Версальскихъ воротъ!

Одна хозяйка молочной, въ трудныя времена отпускавшая мнѣ въ кредитъ на нѣсколько су шоколаду и молока, уцѣпилась за меня съ криками отчаянія:

— Вы не позволите сжечь квартала? Вы благородный человѣкъ! Если будетъ нужно, вы съ вашимъ баталіономъ броситесь на поджигателей!..

Одинъ моментъ я былъ во власти ея и другихъ, стариковъ и дѣтей, группы человѣкъ въ двадцать; они рыдали,

---

округами, онъ былъ однимъ изъ умѣренныхъ ея членовъ. Протестовалъ противъ учрежденія Комитета Общественнаго Спасенія, противъ закрытія газетъ, противъ всѣхъ произвольныхъ и репрессивныхъ мѣръ, и подписался подъ протестомъ меньшинства. Послѣ паденія Коммуны успѣлъ скрыться въ Швейцарію. *Пр. пер.*

съ протянутыми руками спрашивали, куда имъ дѣваться, и кричали, что все погибло...

Наконецъ, мнѣ удалось ускользнуть отъ нихъ. Я бросаюсь въ первый проулокъ и снимаю свой шарфъ.

На улицѣ Казимира Делавиня, по пути, есть знакомая читальня, гдѣ въ теченіе десяти лѣтъ я занимался и просматривалъ газеты. Тамъ меня примутъ, и у меня будутъ двѣ-три минуты времени, чтобы взвѣсить въ своемъ сознаніи всѣ „за и противъ“ этого пожара.

Я стучусь.

— Войдите.

Мнѣ хотѣлось бы хотя минутку побыть наединѣ съ самимъ собой... Наврядъ ли это удастся!

Присутствующіе умоляютъ меня оставить родину.

— Но вѣдь это безпощадная бойня... можетъ быть, страшнѣе казни, если вы будете упорствовать!

— Я знаю это, чортъ возьми, прекрасно!

— Подумайте о вашей матери, ваша смерть ее убьетъ...

Ахъ! Негодяи! Они попали въ слабое мѣсто... И вотъ, какъ послѣдній трусъ, я забылъ улицу въ огнѣ, свою роль и свой долгъ. Воспоминанія родной стороны заполонили сердце и мозгъ, и я вижу предъ собою, точно вотъ мать взошла, во вдовьемъ платьѣ, въ бѣломъ тюлевомъ чепчикѣ. Ея громадные черные глаза безумно впились въ меня, и сухія, пожелтѣвшія руки поднимаются съ жестомъ несказанной скорби!

Залпъ.

Мимо оконъ пробѣгаютъ два или три федералиста и бросаютъ ружья на мостовую.

— Смотрите!.. они бѣгутъ!

— Они бѣгутъ! Но я я не имѣю права бѣжать! Пожалуйста, оставьте меня!.. Мнѣ нужно побыть наединѣ со своими мыслями.

. . . .

Все обдумано. Я остаюсь съ тѣми, кто разстрѣливаетъ и самъ будетъ разстрѣленъ!

Что тамъ говорили эти потерявшіе голову о томъ, что „все погибло“?

Полили керосиномъ два или три каменныхъ зданія. Ну-съ, затѣмъ?

Разберемся-ка! Въ коллежѣ всѣ книги, гдѣ говорилось о славномъ Римѣ или о непобѣдимой Спартѣ, были, какъ мнѣ помнится, полны пожаровъ. Побѣдоносные полководцы привѣтствовали огонь пожаровъ, какъ лучи зари, а осажденные устраивали ихъ, чтобы воздать должное исторіи. Мои послѣднія сочиненія были посвящены героическому сопро-

тивленію... разрушенной Нуманціи *), обращеннаго въ пепелъ Кареагена, пылающей Сарагоссы.

А капитанъ Файяръ, увѣшенный орденами за русскій походъ! Онъ обнажалъ голову всякій разъ, когда заходила рѣчь о Кремлѣ, который эти сѣверные варвары запалили, точно пуншъ! „Ну и ребята!"—говорилъ онъ, крутя усы.

А раззоренный и спаленный Пфальцъ! А сотни уголковъ міра, сожженныхъ во имя королей или республикъ, во имя еврейскаго или христіанскаго Бога? А гроты Заатха *)!.. А развѣ къ каблукамъ сапогъ герцога Пеллисье не пристали лохмотья обгорѣлой человѣческой кожи?

Пока, насколько мнѣ извѣстно, мы еще не забивали версальцевъ въ погреба и гроты сжигать ихъ тамъ живьемъ.

Я сдѣлался поджигателемъ лишь послѣ того, какъ окинулъ взглядомъ все прошлое и нашелъ тамъ предшественниковъ!

Мы разбирались въ этомъ сначала вдвоемъ, Ларошеттъ и я, мы съ нимъ вмѣстѣ учились; потомъ вчетверомъ, вдесятеромъ. Всѣ поголовно высказались за огонь.

Одинъ изъ нихъ такъ и кипѣлъ гнѣвомъ.

— И эта голь требуетъ пощады для своихъ трехногихъ кроватей, когда идетъ битва изъ-за всѣхъ бѣдняковъ, когда у сотенъ артиллеристовъ горятъ отъ огня вражескихъ пушекъ уже не рубахи, а собственныя груди!.. А! Чортъ возьми! Да я самъ былъ богатымъ лѣтъ десять тому назадъ, пока не занялся соціальной политикой! Развѣ я не сжегъ все свое?.. А сегодня, когда стратегіи отчаявшихся приходится наложить руку на нѣсколько щепокъ и кирпичей, эти люди, изъ-за которыхъ раззоряются, ради кого идутъ на смерть, готовы бросить намъ поперекъ дороги узлы съ своимъ скарбомъ?

Онъ засмѣялся, какъ безумный.

— Я понимаю ужасъ буржуа,—снова заговорилъ онъ, повернувшись въ ту сторону, откуда раздавалась правильная канонада:—Они только что увидѣли въ огнѣ факела блескъ непобѣдимаго оружія, инструментъ, который не сломаешь и возставшіе будутъ отнынѣ передавать изъ рукъ въ руки,

---

*) Главный городъ въ области ареваковъ въ нынѣшней Испаніи. Былъ взятъ и разрушенъ римлянами при Сципіонѣ Африканскомъ въ 133 г. до Р. Хр.

**) Оазисъ въ Алжирѣ. Здѣсь расположенъ былъ прекрасно укрѣпленный арабскій городокъ того же имени, точно перенесенный сюда изъ средневѣковья. Во время возстанія арабовъ въ 1849 году противъ французовъ онъ былъ взятъ послѣ почти двухъ-мѣсячной осады. Пришлось брать съ боя каждую пядь земли. Къ концу дня отъ города остались только дымящіяся развалины, а отъ населенія одинъ слѣпой и пять женщинъ. Даже грудныя дѣти не были пощажены. *Пр. Пер.*

по пути гражданскихъ войнъ... И послѣ такого результата, что значитъ это?—заключилъ онъ, отбросивъ ружье и указывая на кровавый дымъ, покрывшій весь кварталъ краснымъ колпакомъ.

— Такъ вы говорите, лейтенантъ, что придется сжечь часть улицы Валенъ?

— Да, два дома, сквозь стѣны которыхъ проникъ духъ версальцевъ и откуда, совсѣмъ врасплохъ, на насъ могутъ свалиться линейцы. Вы знаете эти два угловыхъ дома?.. Въ томъ, который справа, есть булочная въ нижнемъ этажѣ.

Смѣшная случайность! На первыхъ же порахъ мнѣ пришлось споткнуться на трупъ хлѣбопека, а теперь я собираюсь уничтожить груды муки.

Царство хлѣба пылаетъ и залито кровью! Сейчасъ сгоритъ гораздо больше смолотой пшеницы, чѣмъ нужно бы было для прокормленія меня за всѣ годы моей голодовки!

— Ну-ка! Черкните здѣсь ваше имя, Вентра!

— Готово!.. да спалите лишнюю скворешницу, если понадобится!

Я расписываюсь на чистомъ бланкѣ.

— Мы прекрасно знали, что вы не станете вилять хвостомъ!

Одинъ изъ федералистовъ, смѣясь, вытаскиваетъ изъ кармана старый номеръ „Cri du Peuple“ и тыкаетъ пальцемъ въ строчку:

„Если господинъ Тьеръ—химикъ, онъ пойметъ“.

— Ну? Вы уже тогда думали объ этомъ!..

— Нѣтъ! И не я написалъ эту горячую фразу. Я прочиталъ ее однажды утромъ въ статьѣ одного изъ сотрудниковъ. Я нашелъ ее нѣсколько натянутой, но, конечно, не хотѣлъ придавать ей видъ опечатки. И версальскія газетки не преминули подчеркнуть, что онѣ сразу узнали мои когти и мои инстинкты бандита!

— А мы,—заявляетъ Тотоль,—хотимъ взорвать Пантеонъ!

Тотоль—баталіонный командиръ, пользующійся безграничнымъ вліяніемъ на товарищей, хотя онъ и дуритъ до невозможности. Во время осады онъ нападалъ на нѣмцевъ и насмѣхался надъ ними съ такой дерзостью, былъ такъ забавенъ и такъ героиченъ, что его выбрали единогласно. Его идея была принята восторженнымъ ура.

— Ужъ не вамъ защищать этотъ монументъ,—сказалъ мнѣ Тотоль: — монументы для Вентра... да ему наплевать на всѣ эти храмы славы и ящики для великихъ людей! Развѣ не правда, гражданинъ?.. Пойдемте-ка, посмотримъ, какъ расшвырять тамъ всю эту храмину!..

Мнѣ стоило страшнаго труда удержать Тотоля и объ-

яснить ему, что, не питая никакой любви къ памятникамъ, я, однако, вовсе не могу желать, чтобы ими пользовались для разрушенія и убійства половины Парижа.

Но они чертовски упорны и, несмотря на все то, что я могъ имъ разсказать, смерть Пантеона рѣшена!

Къ стѣнѣ Пантеонъ!

А вмѣстѣ съ нимъ у стѣны окажутся также С. Этіенъ-дю-Монъ и библіотета Св. Женевьевы!.. это легко можетъ статься!

Намъ, людямъ, пользующимся извѣстнымъ уваженіемъ, нѣсколькимъ благоразумнымъ командирамъ, во главѣ съ мэромъ, да группѣ болѣе уравновѣшенныхъ федералистовъ, пришлось соединиться вмѣстѣ, чтобы помѣшать этимъ горячимъ головамъ броситься на Пантеонъ, какъ на какого-нибудь реакціонера. Они уже было запаслись шнуромъ, пропитаннымъ сѣрой и селитрой, намоченнымъ въ керосинѣ.

— Думая нагнать страху на деревенщину, — убѣждали мы:—вы лишь напугаете нашихъ! Кумушки постараются расписать васъ, какъ разбойниковъ; а другіе кварталы припишутъ это дѣло пруссакамъ, а то, очень можетъ быть, и версальцамъ!

Пришлось цѣлый часъ вдалбливать имъ это въ голову и, держа за полу мундира, читать наставленія!

Необходимо было также найти доводы и противъ одного старичка, который, настойчиво почесывая черепъ во время дискуссіи, кончилъ тѣмъ, что сказалъ очень нѣжнымъ голосомъ:

— Во-истину, граждане, мнѣ кажется, что было бы лучше для чести Коммуны не отступать передъ взрывомъ... И это будетъ не хорошо, если мы останемся здѣсь и взорвемъ въ одно время съ солдатами... Я не ораторъ, граждане, но у меня есть свое сужденьице... Изъ-за своей робости... я никогда не говорилъ публично. Но я осмѣлился, и мнѣ думается, что для перваго раза я дѣлаю великолѣпное предложеніе. Только поторопимся: если мы будемъ разговаривать еще, мы никогда не взорвемъ! Никогда! — заключилъ онъ съ глубочайшимъ вздохомъ.

Онъ-то и спасъ осужденнаго! Надъ его страхомъ не успѣть запустить камнемъ въ небо принялись смѣяться, и разговоръ уже не возобновлялся.

Hôtel des Grandes Hommes.

Я здѣсь съ полночи.

Насъ много. Почти всѣ вожаки V-го и XII-го округовъ, у кого подъ началомъ нѣтъ войска.

Трудятся надъ окорокомъ и болтаютъ.

— Шодеи-то *), ты знаешь?—говоритъ мой сосѣдъ слѣва и дѣлаетъ жестъ, объясняющій все.

Я еще не причастенъ ни къ какой бойнѣ. Мнѣ везетъ! Но нѣкоторые другіе были у Пелажи и разсказываютъ о казни.

— Какъ онъ умеръ?

— Не дурно.

— А жандармы?

— Не важно.

Ужинаютъ и болтаютъ объ этомъ, точно о пьесѣ, въ которой сами не играли никакой роли!

На разсвѣтѣ, когда снова началась перестрѣлка, имъ пришлось отправляться на свои посты, позѣвывая и потягиваясь.

Вѣдь въ пораженіи увѣрены, и потому не грѣхъ выпить прощальный бокалъ передъ тѣмъ, какъ тебя укокошать.

Среда, утромъ.

Лисбоннъ явился въ полномъ отчаяніи.

— Всѣ наши позиціи захвачены. Уныніе начинаетъ проникать въ души... Необходимо предпринять что-нибудь, остановиться на какомъ-нибудь рѣшеніи.

— Что же дѣлать?

— Нужно придумать! Поищемъ вмѣстѣ исхода, Режеръ, Семери **), ты, я и Лонге ***).

Дѣйствительно, Лонге съ нами; онъ тоже вернулся въ уголокъ латыни.

Мы забрались въ кабинетъ мэра, защелкнувъ задвижку,

---

*) Юристъ и публицистъ. Заподозрѣнный въ томъ, что по его распоряженію 22 января открыли огонь по толпѣ, онъ былъ арестованъ 13 апрѣля и заключенъ въ секретную камеру въ Мазасъ, затѣмъ по ходатайству друзей переведенъ въ Сенъ-Пелажи. Въ ночь на 24 мая былъ разстрѣленъ, обнаруживъ изумительное хладнокровіе и присутствіе духа. Экзекуціей лично руководилъ Р. Риго, прокуроръ коммуны.

Пр. Пер.

**) Докторъ и публицистъ, принимавшій дѣятельное участіе въ организаціи медицинской помощи инсургентамъ *Пр. пер.*

***) Журналистъ и революціонеръ, уроженецъ Кайенны. Послѣ того, какъ нѣсколько газетъ, основанныхъ имъ, подвергались одна за другой суровымъ преслѣдованіямъ, онъ переѣхалъ (1865 г.) въ Бельгію и тамъ продолжалъ свою литературную дѣятельность. Сталъ очень близко къ рабочему движенію, проповѣдуя въ своихъ рѣчахъ соціализмъ и рѣзко нападая на Имперію, за что по возвращеніи во Францію попалъ въ тюрьму. Послѣ паденія Имперіи былъ избранъ баталіоннымъ командиромъ гвардіи, а 18 марта 1871 г. захватилъ Люксембургъ и воздвигъ баррикаду на улицѣ Суфло. Въ члены Коммуны попалъ только по дополнительнымъ выборамъ. Былъ противъ коммитета общественнаго спасенія и принадлежалъ къ „меньшинству“. Послѣ захвата Парижа ему удалось спастись въ Англію, гдѣ онъ принималъ дѣятельное участіе въ интернаціоналѣ.

Пр. пер.

чтобы не были слышны наши унылыя рѣчи, наше совѣщаніе *послѣднихъ минутъ.*

. . . .

Охъ! Я пораженъ прямо въ самое сердце, я только что снова испыталъ то страданіе, ту муку, что, какъ молнія, обжигаетъ всѣ вены потерявшаго честь!

Начальникъ легіона находитъ, какъ и Лисбоннъ, что защита немыслима; докторъ Семери, завѣдующій перевязочными пунктами, согласенъ съ начальникомъ легіона. Вотъ поднимается мэръ:

— Мы должны подписать приказъ сложить оружіе!

Это вызвало въ моей памяти тотъ день, когда Клюзере былъ вынесенъ обвинительный приговоръ.

— Вы не смѣете считать меня предателемъ!—воскликнулъ онъ, запустивъ руки въ свои волосы, и голова его моталась изъ стороны въ сторону, какъ отъ пощечинъ.

А вернувшись домой, онъ покончилъ съ собой, растянувшись на скамьѣ.

Меня охватилъ тотъ же порывъ:

— Сдаться! Лонге, вы это сдѣлаете! И всѣ вы?

— Я, я сдѣлаю это,—холодно промолвилъ начальникъ легіона.

Докторъ вознегодовалъ.

— А вамъ, значитъ, угодно завалить кварталъ трупами и затопить кровью? Берите это на себя.

— Да, я беру на себя не подписывать приказа, котораго, впрочемъ, наши и не послушаются... Я не хочу, чтобы имя мое было проклято въ лагерѣ возставшихъ! Я не хочу этого! Мое присутствіе здѣсь уже дѣлаетъ меня вашимъ сообщникомъ, и, если вы соглашаетесь капитулировать, вамъ нужно убить меня, или я самъ долженъ покончить съ собой!

— Мы плохо поняли другъ друга!—воскликнулъ Режеръ, приведенный въ ужасъ моимъ волненіемъ; онъ былъ во многомъ виноватъ, но трусомъ не былъ.

Семери тоже казался очень подавленнымъ.

Но они наводятъ на меня ужасъ.

— Бѣжимъ, Лонге, разыскивать нашихъ! Гдѣ Коммуна?

— Въ мэріи XI округа. Тамъ Делеклюзъ! Правда, оттуда еще ничего не исходило, но за то все зрѣетъ тамъ. Вотъ куда нужно направиться!

— Идемъ!

Раздается страшный взрывъ, дрожатъ и лопаются оконныя стекла.

Это, должно быть, Люксембургъ.

Но Люксембургъ стоитъ на мѣстѣ. Взлетѣлъ на воздухъ

лишь пороховой погребъ... Тотоль такъ жаждалъ взрыва: онъ долженъ быть удовлетворенъ.

Я видѣлъ, какъ онъ возвращался, потирая руки.

— Что вы хотите! Конечно, я не прыгаю отъ радости. Да это ни къ чему и не повело: тамъ не было ни одного линейца. Промахнулись!

Рядомъ съ нимъ какой-то парень рвалъ на себѣ волосы:

— О, если бы только хотя кто-нибудь тамъ былъ!

Этотъ шутъ и этотъ отчаявшійся во всемъ кончатъ тѣмъ, что заполучатъ свой Пантеонъ! Они обезумѣли отъ пораженія, не остановятся ни передъ чѣмъ и сдѣлаютъ все, что только можно будетъ сдѣлать.

XXXIII.

Ярко свѣтитъ солнце, погода прекрасная.

Мы пробираемся тихими улицами, гдѣ вьющіяся растенія свѣшиваются со стѣнъ на камни баррикадъ. Горшки съ цвѣтами вѣнчаютъ гребни каменныхъ преградъ.

Сена, сверкающая и голубая, течетъ между пустынными набережными, залитыми свѣтомъ.

Рѣка перейдена. Чувствуется, что здѣсь серьезнѣе готовились къ сопротивленію. За каждой кучей камней отъ мостовой скрытъ небольшой отрядъ людей. Они здороваются съ нами и говорятъ въ отвѣтъ на наши печальныя новости:

— Можетъ быть, здѣсь намъ больше повезетъ... Да и потомъ: будь, что будетъ! Мы исполнимъ нашъ долгъ, вотъ и все!

И часовые снова усаживаются съ видомъ крестьянъ, отдыхающихъ въ полдень въ полѣ, куда имъ принесли обѣдать.

Пиджаки рядомъ съ блузами, дѣтскія рубашенки. Жена и сынъ-карапузъ притащили бульонъ и жаркое; на голой землѣ разослана скатерть.

— Мы предлагаемъ кой-кому пропустить стаканчикъ.

— *„Только маленькій!“*—говорятъ они. Изъ всѣхъ, съ кѣмъ мы хотѣли чокнуться, ни одинъ даже не былъ выпивши.

Площадь Вольтера. Мэрія XI-го округа.

— У Коммуны теперь засѣданіе.

— Да гдѣ же?

— Наверху, въ большой залѣ.

Это неправда: Коммуна не засѣдаетъ!

Всѣ сбились въ кучу: офицеры, простые гвардейцы, носители кэпи съ однимъ или нѣсколькими галунами, обладатели поясовъ съ бѣлыми или съ желтыми кистями, члены

Центральнаго Комитета, или наши—и всѣ принимаютъ участіе въ совѣщаніи.

Одинъ лейтенантъ, взобравшись на столъ, требуетъ поставить сторожевые посты на границахъ округа и декретомъ запретить кому бы то ни было покидать ихъ.

— Уже есть дезертиры, — кричитъ онъ грознымъ голосомъ:—они будутъ еще...

И, протянувъ руку къ дверямъ, гдѣ столпилось нѣсколько украшенныхъ галунами, кричитъ:

— Дюжину пуль тому, кто захочетъ удрать!

Взятіе Монмартра привело въ отчаяніе самыхъ спокойныхъ и забросило въ души сѣмена подозрѣнія.

Монмартръ, который долженъ былъ быть вооруженнымъ съ ногъ до головы, Монмартръ, даже не подпустившій къ себѣ, неизвѣстно откуда взявшагося, генеральнаго штаба квартала, Монмартръ, чей военный делеґатъ лично изгонялъ штатскихъ, этотъ самый Монмартръ сданъ, проданъ!

Снаряды оказались другого калибра, орудія не держались на лафетахъ, раздавались слова фальшивой команды... И надъ холмомъ развивается трехцвѣтное знамя!

Это предательство сняло голову съ плечъ обороны. Оно подписало смертный приговоръ тѣмъ, надъ кѣмъ въ теченіе двухъ послѣднихъ дней заносился кулакъ федералиста, или на кого указывалъ большой пальчикъ женщинъ—въ этомъ залитомъ кровью циркѣ, откуда исчезъ карликъ Цезарь и куда онъ хочетъ вернуться.

У него и въ мысляхъ не было тратить казну Республики на то, чтобы обезпечить побѣду республиканцамъ... Конечно, ему пришлось прибѣгнуть къ помощи осла, нагруженнаго золотомъ для того, чтобы нѣкоторые проходы оказались открытыми, чтобы священный холмъ, который выплюнулъ Винуа *) и *сохранилъ* двухъ генераловъ, былъ такъ быстро захваченъ солдатами!

---

*) Боевой генералъ, принималъ участіе въ Крымской кампаніи и Итальянскомъ походѣ, производилъ удачныя военной операціи во время войны 70 г. и былъ назначенъ командующимъ одной изъ армій, защищавшихъ Парижъ. Трошю, не желая подписывать капитуляцію, сдалъ ему главное начальство надъ военными силами Парижа. Въ мартѣ 1871 г. онъ закрылъ всѣ соціалистическія газеты. Черезъ нѣсколько дней ему было поручено снять пушки съ Монмартра. Порученіе это было исполнено плохо и вызвало 18 марта. Затѣмъ онъ отодвинулъ свои войска къ Версалю, для защиты Національнаго Собранія. Когда 3-го апрѣля Коммуна отдала приказъ идти на версальцевъ, онъ направился въ Кламоръ, задержалъ тамъ колонну, которою командовалъ Дюваль, взялъ его въ плѣнъ и немедленно разстрѣлялъ. Коммуна отвѣтила на это закономъ о заложникахъ. Послѣ того, какъ командованіе версальской арміей перешло къ Макъ-Магону, Винуа сталъ во главѣ резервной и занялъ кварталъ Лувра, когда дворецъ и Тюильри уже начали горѣть. *Пр. пер.*

Мы уже видѣли заподозрѣнныхъ, которыхъ влекла толпа. Мы нырнули въ эту человѣческую гущу, но были безсильны выудить хотя кого-нибудь изъ нихъ!

Одинъ былъ отчаянный малый. Онъ стрѣлялъ изъ окна. Въ послѣднія минуты онъ хвастался этимъ и палъ — съ крикомъ: „Долой Коммуну!“

Другой защищался противъ обвиненія въ предательствѣ и требовалъ, чтобы его отвели *къ начальству*. Онъ держался точно рантье изъ Марэ: *)

— Я никогда не занимался политикой!

— За это-то тебя и отправлю на тотъ свѣтъ! — отвѣтилъ одинъ изъ сражавшихся, получившій часъ тому назадъ пулю въ лѣвую руку, а правой наводившій свой револьверъ въ того, кого тащили мимо.

И онъ уже былъ готовъ спустить курокъ, когда рѣшили, что нельзя же казнить безъ доказательствъ, что необходимо представить обвиняемаго на судъ Комитета Общественнаго Спасенія, чего онъ самъ требовалъ съ плачемъ.

— Комитетскіе оставятъ его въ покоѣ... это также вѣрно, какъ то, что я потерялъ пять пальцевъ!—ворчалъ раненый, размахивая своей изуродованной рукой, точно затянутой въ красную перчатку.—Люди, не занимающіеся политикой вѣдь это—отъявленные трусы и мерзавцы! Они выжидаютъ, чтобы знать навѣрняка, на кого наплевать и съ кѣмъ лизаться послѣ бойни!

И весь блѣдный отъ бѣшенства, онъ бросился къ плѣннику. По дорогѣ растерялъ тряпки, закрывавшія его рану, не поднялъ ихъ, а лишь опустилъ въ карманъ куртки руку, точно громадный сгустокъ крови.

Ужасная картина, когда человѣкъ гибнетъ среди человѣческихъ волнъ!.. Разъ, другой поднимается надъ этой бурей его лицо, и онъ бросаетъ взглядъ на небо... А этотъ даже призывалъ Господа Бога!.. Но на него опускается кулакъ или прикладъ, онъ снова скрывается, чтобы появиться уже послѣдній разъ съ помертѣвшей головой, болтающейся на шеѣ.

— А если онъ невиненъ?

— А полиція—надѣваетъ перчатки, когда расправляется съ своими жертвами? А наша юстиція, развѣ она разсматриваетъ по нѣсколько разъ, дѣйствительно ли подсудимый виновенъ въ томъ, въ чемъ его обвиняютъ?.. затянувъ веревками до безъ чувствія, избивъ до полусмерти, послѣ смраднаго участка, послѣ Мазаса, отправляетъ она на судъ

---

*) Названіе одного изъ кварталовъ Парижа въ восточной части города, гдѣ много садовъ и огородовъ. *Пр. пер.*

присяжныхъ невинныхъ, которыхъ оправдываетъ судъ. А когда выносятъ обвинительный приговоръ, то вѣдь это бубновый тузъ или мѣшокъ на головѣ, висѣлица или каторга!

И онъ замолкъ, начавъ лихорадочно считать патроны въ своемъ патронташѣ.

Явился Варлэнъ на телѣгѣ со скамьями.

— Ты знаешь, откуда я раздобылъ эту карету? Это—колесница палача.

— О чемъ вы тутъ разговариваете?

Въ группѣ, кричащей и жестикулирующей около него, я призналъ кузнеца Малезіе.

— О Домбровскомъ; представь себѣ, я задержалъ его у Сентъ-Уана. Я думалъ, что онъ хочетъ удрать. Едва ли можно было ошибиться, суди самъ: за угломъ осѣдланныя лошади, адъютанты поглядываютъ въ сторону пруссаковъ!.. Я увѣренъ, что онъ, который долженъ былъ умереть со славой, не направился бы въ Парижъ!

— Я вамъ говорилъ, что это подозрительная личность!—энергично поддержалъ его одинъ федералистъ.—Вѣдь передача предложеній версальцевъ вовсе еще не доказательство, что онъ не снюхался съ Тьеромъ!

Смерть еще оставила неприкосновеннымъ его въ гробу, а память о немъ уже затронута гніеніемъ. Верморель напрасно потратилъ свое время и силы, устраивая поляку тріумфальныя похороны.

Обойдя вмѣстѣ съ Лефрансэ *), Лонге и другими товарищами бивуаки бойцовъ, мы снова поднялись въ мэрію.

Меня хлопаетъ по плечу Гантонъ, бланкистъ.

— Какъ дѣла?

— Не важно!

Намъ только что пришлось заниматься отвратительнымъ дѣломъ: пришлось разстрѣлять архіепископа Парижскаго, Бонжана **), и три четверти остальныхъ заложниковъ.

---

*) Членъ коммуны, въ 1850 г. за свои политическіе взгляды былъ уволенъ съ мѣста преподавателя. Послѣ 2 декабря 1851 г. подвергся ссылкѣ; вернувшись послѣ амнистіи 1859 г., пробивался уроками и бухгалтеріей. Послѣ разрѣшенія публичныхъ собраній онъ выдвинулся, какъ ораторъ, отстаивая и проповѣдуя свои радикальныя соціалистическія идеи. Послѣ 4 октября 1871 г. энергично нападалъ на бездѣятельность правительства и требовалъ учрежденія Коммуны, принималъ участіе въ движеніи 31 октября и фигурировалъ въ числѣ членовъ революціоннаго правительства, засѣдавшаго нѣсколько часовъ въ Ратушѣ. Настаивая на принятіи энергичныхъ мѣръ, онъ всетаки былъ въ «меньшинствѣ» и протестовалъ противъ созданія комитета общественной безопасности. Послѣ кроваваго подавленія Коммуны спасся въ Швейцарію. *Пр. пер.*

**) Несмотря на свои годы, принималъ участіе въ войнѣ, а затѣмъ служилъ въ національной гвардіи. По распоряженію Коммуны былъ аре-

Какой-то черный недоносокъ вставляетъ свое слово.

— Дарбуа *) хотѣлъ было дать мнѣ свое благословеніе... ну, а я послалъ ему свое!

Мнѣ уже случалось встрѣчать этого сухопараго молодца: мрачный посѣтитель всѣхъ собраній и страстный сторонникъ свободной любви!

У него была незаконная жена. Онъ обожалъ ее, и она могла обернуть его вокругъ пальца. На ея рѣзкости онъ отвѣчалъ дѣтскою лаской. Люди приспособляются очень быстро, къ тому же кумушка оказалась не злой, и было трогательно видѣть, какъ этотъ маленькій дроздъ нѣжно щебечетъ подъ крылышкомъ этой большой курицы.

И этотъ самый дроздъ только что топорщился и свисталъ въ уши прелата, уходившаго въ вѣчность, насмѣшливую пѣсенку своего безбожія.

Лефрансе, Лонге и я стали блѣдными, какъ стѣна.

— Да по какому праву, отъ чьего имени были совершены эти убійства? Отвѣтственность за эту бойню падетъ на всю Коммуну цѣликомъ! Наши шарфы запятнаны брызгами ихъ мозга!

— Приказъ подписалъ Ферре *),—говорятъ намъ.

— Неужели это правда?

Со стороны Ферре это для меня понятно. Я его встрѣтилъ послѣ того, какъ онъ отдалъ распоряженіе казнить Вейсса и смотрѣлъ съ высоты Новаго моста, какъ была

стованъ 10 апрѣля и посаженъ въ Мазасъ, гдѣ вмѣстѣ съ архіепископомъ парижскимъ и другими духовными лицами содержался въ качествѣ заложника. 24 мая они всѣ были разстрѣляны послѣ короткаго суда, которымъ предсѣдательствовалъ Гантонъ. *Пр. пер.*

*) Архіепископъ парижскій. Его пастырскія посланія отличались сравнительною умѣренностью и либерализмомъ. Во время осады Парижа, не покидая своего поста, онъ принималъ участіе въ уходѣ за ранеными. По подозрѣнію въ сношеніяхъ съ версальскимъ правительствомъ былъ арестованъ 4 апрѣля и заключенъ въ Мазаскую тюрьму. Когда версальскія войска 24 мая ворвались въ городъ, онъ былъ разстрѣлянъ вмѣстѣ съ остальными 63 заложниками. *Пр. пер.*

**) Не разъ подвергался судебнымъ преслѣдованіемъ. Сидя въ тюрьмѣ Сентъ-Пелажи, онъ (15 мая 1869 г.) устроилъ тамъ возмущеніе, за что поплатился, конечно, усиленіемъ наказанія. Въ день возстанія 18 марта 1871 г. онъ проявилъ громадную энергію. При вступленіи версальцевъ отдалъ приказъ растрѣлять всѣхъ арестованныхъ полицейскихъ и жандармовъ и взорвать министерство финансовъ. Вынужденный оставить префектуру, онъ велѣлъ ее поджечь, Уголовные преступники, по его распоряженію, были выпущены изъ Рокетской тюрьмы и вооружены. Когда версальцы завладѣли городомъ, онъ скрылся и только черезъ нѣсколько времени былъ арестованъ. Защитительную рѣчь свою онъ закончилъ словами: „счастіе измѣнчиво! Довѣряю будущему позаботиться о моей памяти и отомстить за меня". Приговоренный къ смертной казни, смѣло и красиво умеръ подъ пулями 28 ноября 1871 года. *Пр. пер.*

совершена экзекуція и тѣло брошено въ Сену. Онъ былъ спокоенъ и смѣялся.

Это фанатикъ. Онъ вѣритъ въ силу и примѣняетъ ее, не заботясь о томъ, казаться ли жестокимъ или великодушнымъ.

Онъ, безъ всякаго различія, ставитъ безоруженныхъ на одну доску съ остальными: ударъ за ударъ, голову за голову,—все равно, голову волка или овцы... Чисто механически прикладываетъ онъ свою печать делегата ко всякой бумагѣ, которая направлена къ уничтоженію врага.

— Врагъ — и священникъ, и сенаторъ, засаженные въ тюремную клѣтку. Дурные или хорошіе, это не важно! Съ ними никто не считается; они никому не нужны. Это манекены, которыхъ необходимо повергнуть ницъ передъ исторіей: іюнь убилъ Аффра *), май убьетъ Дарбуа.

Нестастный! Я видѣлъ, какъ у того же самаго Ферре, который только что безъ всякой жалости подписалъ ему приговоръ, вырвался жестъ отчаянія, когда я, послѣ одного изъ посѣщеній Мазаса, разсказывалъ ему объ этомъ блѣдномъ заключенномъ: онъ лихорадочно бродилъ почти на свободѣ по большому двору, напоминая намъ загнаннаго звѣря, мечущагося подъ выстрѣлами охотниковъ.

Но делегатъ при префектурѣ считалъ своимъ долгомъ раздавить свое сердце, какъ измѣнника, какъ соумышленника буржуазіи, и, во имя Революціи, повиновался толпѣ.

— Но вѣдь эта бойня наводитъ ужасъ? Эти пожилые люди были взяты безъ оружія! Будутъ кричать, что это подлость!

— Подлость!.. А что вы скажете, господинъ литераторъ, о сентябрьскихъ убійствахъ? Значитъ, вы смѣялись, когда совѣтовали намъ поступать такъ, какъ въ 93-мъ! Теперь классикъ сокрушается и приходитъ въ отчаяніе.

— Вы сыграли въ руку противнику; Тьеру только это и было нужно; старая гіена облизываетъ теперь губы!.. Развѣ вамъ Флотъ не разсказывалъ, что произошло въ Версалѣ? Вѣдь Тьеръ не выдалъ Бланки только потому, что онъ предчувствовалъ такую развязку, надѣялся на нее, вылъ на покойника... ему были необходимы всѣ эти благочестивые

*) Парижскій архіепископъ, въ іюльскіе дни 1848 года хотѣлъ попытаться остановить кровопролитіе и 25 числа въ четыре часа дня явился передъ колосальной баррикадой, загораживавшей доступъ въ Сентъ-Антуанское предмѣстіе. Въ то время, когда онъ уговаривалъ сражавшихся, пуля ранила его въ грудь, и онъ упалъ на руки инсургентовъ, которые были глубоко опечалены этимъ случаемъ. Умирая, черезъ два дня, онъ сказалъ: „Пусть кровь моя будетъ послѣдней". *Пр. пер.*

трупы, тѣла мучениковъ, чтобы поставить на нихъ свое кресло президента.

— Все это очень можетъ быть!—возразилъ одинъ изъ заводныхъ.—Но пока пусть знаютъ, что если Коммуна и постановляетъ декреты на смѣхъ, то народъ ихъ исполняетъ, какъ слѣдуетъ... Во всякомъ случаѣ, моя пуля не попала въ небо.

Четвергъ. Мэрія Бельвилля.

Я снова встрѣтился съ Ранвье въ мэріи Бельвилля.

Онъ только что обошелъ всю линію нашей обороны и вернулся совершенно подавленнымъ.

Снаряды падаютъ дождемъ. Крыша превратилась въ рѣшето, и потолокъ осыпаетъ насъ кусками штукатурки. Ежеминутно приводятъ арестованныхъ для разстрѣла.

Во дворѣ шумъ.

Я высовываюсь въ окно.

Человѣкъ безъ шапки, буржуазнаго вида, выбираетъ удобное мѣсто прислониться спиной къ стѣнѣ. Это, чтобы умереть!

— Такъ хорошо?

— Да.

— Пли!

Онъ упалъ... Шевелится. Выстрѣлъ изъ пистолета въ ухо.

Теперь уже недвижимъ.

Зубы у меня стучатъ.

— Ты можешь упасть въ обморокъ при видѣ раздавленной мухи,—говоритъ мнѣ Тренке *), поднимаясь и продувая пистолетъ.

Пятница.

— Опять собираются отправить на тотъ свѣтъ цѣлую толпу!

— Кого?

— Безумцы! жандармовъ или шпіоновъ, всего пятьдесятъ два человѣка!

---

*) Членъ Коммуны. Занимался сапожнымъ ремесломъ, пока не выдвинулся, какъ страстный ораторъ. Членъ комитета, проводившаго въ депутаты Рошфора, онъ скоро получилъ работу въ бюро основанной новымъ депутатомъ газеты „Marseilleaise“. Послѣ того, какъ версальцы вошли въ Парижъ, отступилъ со многими товарищами въ мэрію XI-го округа и принималъ участіе въ послѣднихъ судорогахъ ужасной борьбы, залившей кровью Парижъ. Въ началѣ іюня онъ былъ арестованъ. Предъ военнымъ судомъ заявилъ, что не причастенъ къ поджогамъ и убійству заложниковъ, но во всемъ остальномъ принимаетъ на себя отвѣтственность за свои дѣйствія и только сожалѣетъ, что не погибъ въ этой борьбѣ. 3 сентября былъ присужденъ къ вѣчной каторгѣ. *Пр. пер.*

Еще бойня внѣ битвы!

Я ихъ понималъ, когда они разстрѣливали архіепископа, когда обезглавливали короля. У нихъ была извѣстная идея, они думали, что необходимъ примѣръ. Но это явленіе?!.

Библія плебеевъ, какъ готическій требникъ, имѣетъ свои красныя заставки и обрѣзъ...

Вонъ они!

Молча подвигаются впередъ. Во главѣ идетъ, глядя прямо, по военному, высокій и старый вахмистръ... за нимъ слѣдуютъ попы, путаясь въ своихъ юбкахъ, торопясь на интервалахъ, чтобы опять попасть въ свой рядъ. Разница въ аллюрахъ не мѣшаетъ ритму, и будто слышится: *„разъ, два“* марширующей роты.

За ними слѣдомъ идетъ толпа; еще нѣтъ ни волненія, ни лихорадочнаго возбужденія.

Но вотъ раздается визгъ какой-то мегеры!.. Имъ не ускользнуть! Они погибли!

— Къ намъ, члены Коммуны! На помощь!

Члены Коммуны сбѣгаются, скучиваются и пытаются убѣдить массу. Они кричатъ, они клянутся... есть даже такіе, которые плачутъ.

Коммуну отправили ко всѣмъ чертямъ!

Позади, стараясь не отстать, идетъ съ быстротой, какую только могутъ развить шестидесятилѣтнія ноги,—старикъ безъ шапки, его бѣлые волосы спутались и мокры отъ пота.

Я узналъ его.

Эту трясущуюся голову я видѣлъ у дѣдушки Беслея *) въ послѣдніе дни Имперіи и во время осады. Мы ссорились: они упрекали меня въ недисциплинированности и кровожадности.

Я окликнулъ его.

— Скорѣе, идите намъ помочь, они готовы ихъ убить черезъ пять минутъ!

Толпу начинаетъ охватывать бѣшенство. Раздается крикъ маркитантки: „смерть!“

Старецъ остановился, чтобы перевести дыханіе, и, размахивая ружьемъ, которое крѣпко держатъ его сморщенныя руки, повторяетъ въ свою очередь: „смерть! смерть!“

— Какъ, и вы тоже?!..

Онъ отталкиваетъ меня, какъ безумный.

— Убирайтесь! Дайте мнѣ пройти! Ихъ шестьдесятъ?.. Это мое число! Я только что видѣлъ, какъ разстрѣляли

*) Beslay—инженеръ, политическій дѣятель, членъ Коммуны.
Пр. пер.

шестьдесятъ человѣкъ, пообѣщавъ сначала спасти имъ жизнь!

— Послушайте!

— Оставьте меня въ покоѣ или я васъ прострѣлю!

. . . .

Стрѣляетъ взводъ. Сначала нѣсколько отдѣльныхъ выстрѣловъ, затѣмъ грохотъ залповъ долгій, долгій... Онъ, кажется, не кончится никогда...

. . . .

Федералисты возвращаются; болтаютъ.

У столика маленькаго кафе сидитъ старикъ, вытирая лобъ. Онъ подозвалъ меня.

— Я вамъ только что нагрубилъ, но теперь дѣло окончено, можно и поздороваться. Ахъ, мой милый, я теперь удовлетворенъ! Если бы видѣли Ларжильера!.. Онъ перевернулся, какъ заяцъ!

Ларжильеръ!.. его я прекрасно знаю!

— Но остальные?

— Остальные! Они заплатили за предательство улицѣ Лафайетъ: это не политика, а убійство! Я ничего не понималъ въ вашихъ махинаціяхъ, но Галлифэ толкнулъ меня въ нихъ внизъ головой! Я вовсе не за коммунаровъ, но я противъ палачей въ эполетахъ... Укажите-ка мнѣ еще уголъ, изъ-за котораго можно пострѣлять, и я отправлюсь туда.

Его взоръ пылалъ гнѣвомъ подъ снѣгомъ рѣсницъ.

Мимо проходила женщина, онъ удержалъ ее.

— Вы выпьете стаканчикъ съ нами?

— Съ удовольствіемъ! Только дайте мнѣ поискать воды помыть руки.

Ей лѣтъ тридцать, не дурна... измучена на видъ.

Вернулась и начала болтать.

Эта уже совсѣмъ не думаетъ о соціализмѣ. Но ея сестра была любовницей одного викарія; попъ бросилъ ее беременной, укравъ всѣ ихъ сбереженія.

— Вотъ почему я спустилась внизъ, увидавъ въ окошко сутаны; вотъ почему выдрала бороду какому-то капуцину, который былъ похожъ на любовника Целины; вотъ почему я кричала „*смерть! смерть!*", и почему у меня красныя руки!

Она намъ разсказала также исторію маркитантки, подавшей сигналъ къ этой бойнѣ.

Маркитантка дочь человѣка, который въ концѣ Имперіи былъ арестованъ по оговору провокатора и умеръ въ тюрьмѣ. Когда она услыхала, что въ группѣ есть шпіоны и что съ ними хотятъ расправиться, она присоединилась къ толпѣ и потомъ стала во главѣ ея.

Она первая послала пулю Ларжильеру.

XXXIV.

Суббота. Площадь Труа-Борнъ.

Всю ночь пришлось быть на ногахъ. На разсвѣтѣ Курне *), Тейсъ **), Камелина ***) и я снова спустились въ Парижъ.

Улица Ангулемъ еще держится. Это именно 209-ый баталліонъ, гдѣ знаменосцемъ Камелина, съ отчаяніемъ защищается тамъ.

Когда они увидѣли явившагося товарища, они устроили ему что-то въ родѣ настоящей оваціи. Меня они тоже очень любятъ, но съ нѣкоторымъ оттѣнкомъ презрѣнія. Во-первыхъ, я изъ „правительства," затѣмъ во всю свою жизнь я никогда не умѣлъ ничего носить. Даже свой шарфъ я надѣваю то слишкомъ высоко, то слишкомъ низко, а въ минуты опасности меланхолично засовываю подъ мышку, завернувъ его въ газету, какъ омара.

— Эй! Послушайте, чортовъ кривляка! Вамъ очень удобно разыгрывать тамъ наверху Бодена со скрещенными руками въ то время, какъ мы тутъ должны распластаться всѣмъ тѣломъ!

---

*) Сначала занимался коммерціей, служилъ на желѣзной дорогѣ, держалъ театръ, затѣмъ въ 1863 попалъ въ Парижъ, принялъ участіе въ начинавшемъ тогда революціонномъ движеніи, сталъ писать въ маленькихъ газеткахъ, нападая на имперію. Черезъ три года онъ уѣхалъ въ Мексику и, вернувшись черезъ 5 лѣтъ, попалъ въ манифестацію Бодена и былъ арестованъ. Выпущенный черезъ нѣсколько дней, снова занялся журнальной работой, не разъ подвергаясь преслѣдованіямъ, штрафамъ и арестамъ. Во время осады командовалъ однимъ изъ баталліоновъ, изумляя всѣхъ своей храбростью. Послѣ подавленія Коммуны успѣлъ уѣхать въ Англію.

**) Членъ Коммуны, рѣзчикъ по металлу. Примкнувъ къ интернаціоналу, онъ скоро занялъ въ немъ вліятельное положеніе и сталъ секретаремъ центральнаго совѣта. Подвергшись за это преслѣдованію, онъ послѣ долгаго предварительнаго заключенія былъ еще присужденъ къ нѣсколькимъ мѣсяцамъ тюрьмы. Въ качествѣ члена Коммуны, онъ очень дѣятельно завѣдывалъ почтой. Примыкалъ къ умѣренному меньшинству, энергично протестовалъ противъ Р. Риго, засадившаго въ секретныя камеры политическихъ, и былъ противъ Коммитета Общественнаго Спасенія. Послѣ вступленія войскъ онъ потребовалъ, чтобы почтамтъ былъ защищенъ отъ пожара, и присоединился къ сражавшимся. При немъ былъ раненъ Верморель на баррикадѣ Шато-До. Ему удалось добраться до Лондона, гдѣ онъ снова принялся за свое ремесло.

***) Одинъ изъ вождей интернаціонала, Коммуной былъ делигированъ на монетный дворъ, гдѣ исполнялъ свои обязанности съ изумительной честностью, съ любовью охраняя всѣ художественныя и драгоцѣнныя вещи церквей и общественныхъ учрежденій.

Въ самомъ дѣлѣ, они съ часу лежатъ здѣсь на животѣ въ грязи, съ запачканнымъ лицомъ, въ платьѣ, пропитанномъ всякой мерзостью, стрѣляя черезъ амбразуры, устроенныя вровень съ землей, и нанося страшный уронъ непріятелю.

Членъ Коммуны стоитъ, вытянувшись во весь ростъ, прислонившись къ углу баррикады. Его лобъ выдается надъ камнями, и пули окружаютъ его ореоломъ, который начинаетъ суживаться. Большинство все еще невольно! Да, ему тоже грозитъ гибель, но этого мало! Пусть-ка онъ покушаетъ песку, замажетъ себѣ физіономію, поваляется на землѣ, какъ товарищи!

— Да будетъ вамъ позировать!

Наконецъ, это мнѣ надоѣло. Такъ какъ они меня больше не слушаютъ, я считаю себя свободнымъ и намѣчаю себѣ другое мѣсто дѣйствій.

Нѣкогда, въ бытность мою командиромъ 191-го отряда, я сохранилъ свою наружность полевого сторожа и право не имѣть никакихъ способностей въ военномъ дѣлѣ, поклявшись быть въ самый рѣшительный моментъ вмѣстѣ со своимъ баталліономъ или съ тѣмъ, что отъ него останется.

Я отправляюсь къ нему.

Порѣдѣли таки его ряды, но оставшіеся были рады снова меня увидѣть.

— Итакъ, вы насъ не бросите?

— Нѣтъ!

— Правильно, гражданинъ!

Воскресеніе 28 мая, 5 часовъ утра.

Мы на гигантской баррикадѣ въ самомъ низу улицы Бельвилль, почти противъ залы Фавіе. Мы тянули узелки съ однимъ молодцомъ, кому идти теперь спать.

Мнѣ повезло, и я растягиваюсь на старой кровати въ чьей-то брошенной квартирѣ. Спалъ я плохо, черви, которые съѣли уже половину матраса, скоро закопошились у меня на кожѣ: право, они что-то очень торопятся!..

Я отправился смѣнить товарища.

До настоящаго времени я больше боролся съ коммунарами, чѣмъ съ версальцами. Теперь же, когда свободно только это предмѣстіе, когда уже некогда больше судить ни предателей, ни заподозрѣнныхъ, дѣло стало куда легче. Нужно только постоять за честь и расположиться у знамени, какъ офицеры у гротъ-мачты, когда гибнетъ корабль.

Я на посту.

На страшный огонь, направленный противъ насъ, мы отвѣчаемъ изъ ружей и изъ пушекъ.

Окна въ „La Veilleuse“ и во всѣхъ домахъ на углу наши заткнули тюфяками; пробитые снарядами, они дымятся.

Время отъ времени чья-нибудь голова перевѣшивается черезъ баллюстраду.

Попало!

У насъ два орудія, которыми управляютъ молчаливые и отважные артиллеристы. Одному изъ нихъ не болѣе двадцати лѣтъ; у него волосы цвѣта пшеницы, а глаза—какъ васильки. Онъ краснѣетъ, точно дѣвушка, когда хвалятъ мѣткость его стрѣльбы.

Минута молчанія.

— Можетъ быть, парламентеръ?

— Чтобы предложить намъ сдаться?

— Намъ сдаться! Пусть только явится!..

— Вы хотите его захватить въ плѣнъ?

— За кого вы насъ принимаете? Пусть этотъ позоръ останется за версальцами! Но мнѣ доставитъ большее удовольствіе бросить ему въ лицо словечко Камброна.

Съ улицы Ребеваль доносятся крики.

— Не зашли ли они съ тылу, пока ихъ вѣстникъ отвлекалъ наше вниманіе?.. Пойдите, Вентра, посмотрите!

— Въ чемъ тутъ дѣло?

— Да вотъ среди насъ есть посторонній, который отказывается принять участіе въ общей работѣ.

— Да, я отказываюсь... Я противъ войны!

И человѣкъ симпатичнаго вида, лѣтъ сорока, борода апостола, спокойный взглядъ, идетъ мнѣ на встрѣчу и говоритъ:

— Да, я за миръ, противъ войны! Ни за нихъ, ни за васъ... вамъ не удастся заставить меня драться.

Но эти разсужденія пришлись не по вкусу федералистамъ.

— Ты думаешь, что мы не предпочли бы поступать такъ же, какъ ты? Ты, значитъ, воображаешь, что это для забавы здѣсь обмѣниваются такими орѣхами! Ну-ка! бери эту табакерку, да почихай, а то я самъ покажу тебѣ, какъ здѣсь фыркать...

— Я за миръ, противъ войны!

— Ахъ, чортъ тебя возьми, проклятая скотина! Хочешь ты табакерку... а не то поднесу табаку?

Но онъ чувствовалъ отвращеніе къ табаку и послѣдовалъ за нимъ, таща свое ружье, какъ костыль.

Парламентеръ ушелъ.

— Стерва!—крикнулъ командиръ, стоя на своей эстрадѣ изъ выломаннаго булыжника мостовой.

Вдругъ обнажаются окна, каменная плотина рушится.

Блондинъ пушкарь громко вскрикиваетъ. Пуля попала

ему въ лобъ и просверлила черный глазъ между его голубыми глазами.

Все погибло!—спасайся, кто можетъ!

. . . .

— Кто желаетъ пріютить двухъ инсургентовъ?

Мы громко кричали это по дворамъ, обводя глазами этажи, какъ нищіе, ожидающіе су.

Никто намъ не подалъ милостыни, которой мы просили съ оружіемъ въ рукахъ!

Въ десяти шагахъ отъ насъ — трехцвѣтное знамя! Оно тамъ,—чистое, сверкающее и новое, это знамя, оскорбляющее своими свѣжими тонами наше, лохмотья котораго еще висятъ здѣсь и тамъ, порыжѣвшіе, грязные и зловонные, точно завялые и растоптанные цвѣты мака.

Насъ приняла одна женщина.

— Мой мужъ на сосѣднемъ перевязочномъ пунктѣ. Если вы хотите, я васъ сведу туда.

И она насъ ведетъ подъ градомъ свинца, который свиститъ передъ нами и позади насъ, разбивая фонари и срѣзая вѣтки каштановъ.

Мы пришли. Да и пора уже!

Подходитъ хирургъ съ повязкой краснаго креста на рукѣ.

— Докторъ, вы намъ дадите убѣжище?

— Нѣтъ, изъ-за васъ перебьютъ моихъ больныхъ.

Мы опять на улицѣ.

— Но мужъ знаетъ другой пунктъ для раненыхъ, не особенно далеко.

Отправляемся туда.

— Вы хотите насъ?..

— Да!

Такъ опредѣленно и нѣсколько смѣло отвѣтила намъ маркитантка въ полной парадной формѣ. Прекрасное созданіе, лѣтъ двадцати пяти, съ роскошнымъ бюстомъ и тонкой таліей подъ синей суконной кофточкой. Не труситъ: баба разбитная!

— Видите, у меня здѣсь пятнадцать раненыхъ. Вы сойдете за доктора, а вашъ другъ—за фельдшера.

И она надѣла на насъ больничные передники.

Нужно подкрѣпиться. Она бьетъ яица, жаритъ яичницу, наливаетъ намъ вина для выздоравливающихъ. За дессертомъ забывается всякая опасность: кровь еще горяча и глаза не потускнѣли!

Но изъ палаты для ампутированныхъ доносится стонъ, переворачивающій намъ всю душу:

— Ахъ! поговорите со мной передъ смертью!

Мы поднялись изъ-за стола... но было уже слишкомъ поздно.

Около еще теплаго трупа, въ сумрачной комнатѣ: окна заложены тюфяками, — нами снова овладѣли печальныя мысли. Мы сидѣли молча, пытаясь смотрѣть сквозь щель на тротуаръ.

Тамъ шагалъ съ видомъ шакала морякъ. За нимъ еще морякъ, потомъ пѣхотинецъ; цѣлая рота и офицеръ, молокососъ съ виду.

— Пусть всѣ выйдутъ!

Я спускаюсь первымъ.

— Кто завѣдующій пунктомъ?

— Я.

— Какъ ваше имя?

Мнѣ уже былъ данъ урокъ.

Я его повторяю.

— Для чего этотъ экипажъ?

— Маркитантка распорядилась его запречь, чтобы мы могли вскочить и удрать, въ случаѣ опасности.

Я отвѣчаю безъ запинки.

— Вы занимаетесь своимъ ремесломъ, и я собираюсь заняться своимъ: подбирать и перевязывать раненыхъ.

Онъ нахмурилъ брови и уставился на меня.

— Велѣть отложить?..

Онъ посмотрѣлъ на меня еще и сдѣлалъ своей тросточкой жестъ, говорившій, что дорога свободна.

— Ларошетъ, вы ѣдете?

— Нѣтъ, вамъ не удастся сдѣлать и двадцати саженъ! Вы идете на вѣрную смерть!

Даже бѣгу, потому что погоняю свою лошадь.

Разъ десять меня могли бы захватить, и это навѣрно бы случилось, если бы одинъ линейный офицеръ не спасъ меня, самъ того не вѣдая. Онъ загородилъ дорогу лошади:

— Только не въ эту сторону! эти бездѣльники еще стрѣляютъ сверху.

— Прекрасно! тогда мое мѣсто именно здѣсь: мой ланцетъ можетъ на что-нибудь пригодиться.

И я спрыгиваю съ своей телѣжки.

— Однако, вы не особенно трусите! — сказалъ, смѣясь, вояка.

— Я больше хочу пить, капитанъ. Есть ли возможность раздобыть въ этой странѣ дикарей стаканчикъ шампанскаго?

— Можетъ быть, въ этомъ кафе?..

Мы откупорили саблей одну бутылочку, и я снова взбираюсь на подножку.

— До пріятнаго свиданія, докторъ!

Это напутствіе разгладило нѣсколько подозрительно нахмуренныхъ лицъ, бродившихъ вокругъ моего экипажа и заставившихъ меня рѣшиться на эту комедію съ выпивкой.

— Кучеръ, погоняй!

Мой возница, повидимому, не имѣетъ никакого представленія о томъ, кого онъ везетъ, и, кажется, лишь нахлестываетъ себѣ на чай.

Нужно же, однако, двигаться впередъ!

— Повозка краснаго креста!

Я встрѣчаюсь съ своими товарищами, которые въ фіолетовыхъ воротникахъ, съ золотымъ шитьемъ, прогуливаются среди солдатъ, приготовляющихъ ужинъ или моющихъ пушечные лафеты.

Ни одинъ изъ нихъ не обернулся при моемъ проѣздѣ. Кто же можетъ признать Жака Вентра?.. Я выбритъ и въ синихъ очкахъ.

Я только что замѣтилъ въ одномъ изъ наружныхъ зеркалъ обнаженную, костистую голову, блѣдную, какъ лицо священника, съ отброшенными назадъ волосами безъ всякаго пробора. Безжалостная физіономія! Выраженіе поборника всякихъ жестокостей! Они должны были принять меня за фанатика, разыскивающаго раненныхъ не для того, чтобы имъ помочь, а чтобы ихъ прикончить.

— Раненые? Мы ихъ не оставляемъ!—сказалъ мнѣ одинъ адъютантъ,—а у нашихъ есть полковые хирурги, которые направляютъ ихъ въ спеціальные пункты. Но если вы хотите подобрать эту падаль, то окажете намъ истинную услугу. Она смердитъ здѣсь уже два дня.

Къ счастію, онъ замолчалъ... У меня потемнѣло въ глазахъ!

— Разъ! Два!

Мы поднимаемъ на телѣгу „падаль.“

И сами солдаты тянутъ за поводъ нашу клячу и подталкиваютъ колеса, лишь бы поскорѣй мы увозили эти трупы, зачумлявшіе имъ воздухъ.

На одномъ изъ этихъ труповъ, который мы подняли за кучей досокъ на лѣсномъ дворѣ, кишатъ мухи, какъ на дохлой собакѣ...

Ихъ у насъ семь. Больше некуда класть... мой фартукъ обратился въ громадную лепешку запекшейся крови. Даже сами линейцы отворачиваются, и мы свободно катимъ по этой бороздѣ ужаса.

— Куда вы направляетесь?—спрашиваетъ послѣдній часовой.

— Въ госпиталь Сентъ-Антуана!

Здѣсь полнымъ полно санитаровъ.

Я направляюсь прямо къ нимъ и указываю имъ на свой грузъ человѣческаго мяса.

— Сложите ваши тѣла въ этой залѣ.

Она вся устлана трупами. Дорогу мнѣ преграждаетъ рука. Смерть захватила ее въ жестѣ героическаго вызова и сохранила ее вытянутою угрожающею, съ сжатымъ кулакомъ, который долженъ былъ опуститься на физіономію офицера передъ самымъ разстрѣломъ...

Они собираются закапывать свои жертвы. У одной изъ нихъ оказался школьный дневникъ. Это дѣвочка лѣтъ десяти; ударъ штыка въ затылокъ окровянилъ ее, какъ свинью, но не сорвалъ съ шеи розовой ленточки, на которой виситъ мѣдная медаль.

У другой, съ косой въ родѣ крысинаго хвостика, въ карманѣ оказались дешевые очки и бумага, удостовѣряющая, что она сидѣлка и что ей сорокъ лѣтъ.

Вонъ тамъ лежитъ старикъ, его обнаженный торсъ выдается надъ грудой мертвыхъ тѣлъ. Вся кровь вытекла, и его мертвая маска такъ блѣдна, что бѣлая стѣна, къ которой онъ прислоненъ, кажется сѣрой. Его можно принять за мраморный бюстъ, за обломокъ статуи на Гемоніи *).

Того, кто составлялъ списокъ убитыхъ, неожиданно позвали опознать одного сомнительнаго. Онъ проситъ замѣнить его:

— Устройтесь вотъ здѣсь на углу стола.

Это позволяетъ мнѣ спрятать свой взглядъ, за то иногда приходится отвѣчать на какой-нибудь вопросъ и *обнаруживать* свой голосъ...

Составитель списка вернулся и усаживается на свое мѣсто.

— Ну, вотъ вы и свободны, спасибо!

Свободенъ! еще не совсѣмъ; но уже скоро... если только не влопаюсь...

— Идите! Идите скорѣй!—шепчетъ въ ужасѣ мой проводникъ:—Тутъ очень интересуются, кто вы такой.

Къ моему счастію, гдѣ-то рядомъ разстрѣливаютъ; мои

---

*) «Лѣстница вздоховъ»—обрывистый спускъ въ Римѣ у Авентинскаго холма, по которому спускали въ Тибръ тѣла казненныхъ.

враги не хотятъ пропустить ни кусочка изъ этого зрѣлища.

Пользуясь толкотней, мы отправляемся дальше.

— Стой! Вы кто?

Я предъявляю свою трагичную квитанцію.

— Ладно! Проѣзжайте... Постойте!

— Что еще?

— Не хотите ли захватить и отвести на пунктъ раненаго солдата?

Хочу-ли я!

Мы теперь въ прекрасныхъ условіяхъ! Мы поддерживаемъ нашего линейца.

Я готовъ его обнять!

Онъ проситъ перевязать его.

Ахъ! Чортъ возьми!

— Не надо, не надо! Повязки, мой милый, не особенно помогаютъ.

Онъ настаиваетъ. Тѣмъ хуже: я такъ его перевяжу, что онъ навѣрно умретъ...

Въ концѣ концовъ, мы его разубѣдили. Но чего онъ хочетъ еще?

— Докторъ! Докторъ! Вонъ нашъ полковникъ и мой командиръ. Мнѣ бы очень хотѣлось попрощаться съ ними!

— Нѣтъ, нѣтъ! Вредно! Лишнія волненія, мой милый, вызываютъ лихорадку...

Теперь дѣла идутъ, какъ по маслу.

Каждый разъ, когда приходится пробираться мимо какого-нибудь мѣста, биткомъ набитаго солдатами, я заставляю нашего пѣхотинца разыгрывать роль ангела-хранителя. Чувствуетъ онъ себя плохо... Лишь бы только дотянулъ до лазарета.

Какое несчастіе! Лошадь расковалась и захромала. Она не хочетъ идти дальше: устала.

— Вотъ увидите,—говоритъ кучеръ,—намъ таки придется напоить ее кровью!

Ну, теперь я пропалъ!

Вонъ стоитъ человѣкъ, наши взоры встрѣтились, и онъ узналъ меня, я это чувствую... Вѣдь это онъ хмурилъ брови, читая письмо Мишле въ защиту нашихъ друзей изъ Ла-Виллетъ, и, кажется, хотѣлъ раздѣлаться со всѣми осужденными?.. Теперь ему стоитъ сдѣлать только одинъ жестъ, и его палачи освѣжуютъ меня.

Однако еще, должно быть, не въ этотъ разъ.

Подумалъ ли онъ, что ошибся, взялъ-ли его ужасъ передъ доносомъ, но онъ повернулся и пошелъ прочь.

— Это господинъ Дюканъ,—говоритъ одинъ офицеръ, указывая на него.

Этотъ офицеръ, въ свою очередь, останавливается передо мной. Мое сердце готово выпрыгнуть изъ груди...

Но вотъ раздвинулся парусиновый верхъ нашей повозки, умирающій высунулъ свое безкровное лицо и размашистымъ движеніемъ протянулъ руку, бормоча:

— Позвольте, прежде чѣмъ подохнуть, пожать вамъ руку, господинъ офицеръ!

Онъ воскликнулъ: „ахъ!" и снова упалъ назадъ. Его голова подскакивала на днѣ повозки.

— Бѣдный парень! Спасибо, докторъ!

Скорѣй! Погонять! О, что за несчастье! Но же! Но!

Нужно сдать нашъ трупъ: мы вваливаемся въ двери лазарета.

Директоръ во дворѣ... Онъ тотчасъ же призналъ меня.

Я направился къ нему.

— Вы собираетесь меня выдать?

— Я вамъ отвѣчу черезъ пять минутъ.

Эти пять минутъ показались мнѣ почти короткими. У меня едва хватило времени на то, чтобы разгладить свою рубашку, расправить воротникъ и причесаться пятерней. Столько надѣлать дѣлъ: привести въ порядокъ туалетъ, составить прощальную рѣчь, принять подобающую позу!

Директоръ снова появился и крикнулъ привратнику:

— Откройте ворота!

И онъ повернулся на каблукахъ, боясь не выдержать или не желая, чтобы я поблагодарилъ его хотя жестомъ.

Хромоногая кляча тронулась.

— Куда ѣхать?

— Улица Монпарнассъ.

Къ секретарю Сентъ Бови! Онъ спрячетъ, если удастся добраться до него.

На нашей клячѣ, которая хрипитъ, мы тянемся по переулкамъ, гдѣ я жилъ двадцать лѣтъ, гдѣ я проходилъ во вторникъ съ баталіономъ *Отца Дюшена,* гдѣ въ теченіе трехъ первыхъ дней недѣли видѣли только меня...

Наконецъ, храбрость кучера иссякла.

— Я хочу сохранить свою шкуру... Съ меня довольно! слѣзайте... прощайте!

Онъ расшевелилъ животное страшнымъ ударомъ хлыста и скрылся.

Куда мнѣ дѣться?

Постойте! Въ десяти шагахъ отсюда есть гостиница, гдѣ я когда-то жилъ; дорога къ ней пустынна по улицѣ Эперонъ и по переулку.

Уже пять дней, какъ кварталъ взятъ; красные штаны почти не попадаются.

Я взбираюсь по лѣстницѣ.

Въ квартирѣ содомъ.

— Да, я, капитанъ Летерріеръ, говорю вамъ, что вашъ Вентра издохъ, какъ послѣдній трусъ! Онъ валялся на землѣ, плакалъ, просилъ пощады! Я видѣлъ его

Я тихо стучу, открываетъ сама хозяйка.

— Это я, тише! Если вы меня выгоните, я погибъ...

— Входите, господинъ Вентра.

. . . .

XXXV.

Уже цѣлую недѣлю, въ глубинѣ своей дыры, я жду случая проскользнуть у нихъ между пальцевъ.

Вырвусь-ли я отъ нихъ?.. не думаю. Два раза я измѣнялъ себѣ. Сосѣди могли видѣть мою высовывавшуюся голову, блѣдную, какъ у утопленника.

Ну, что-жъ? Возьмутъ, такъ возьмутъ!

Я въ мирѣ съ самимъ собой.

Теперь я знаю, мнѣ пришлось много думать среди этой тишины, устремивъ взоръ на горизонтъ, на столбъ Сатори *)—нашу Голгоѳу,—я знаю, что звѣрства толпы—преступленія честныхъ людей, и я не безпокоюсь больше за свою память, закопченную въ дыму пожаровъ и запачканную запекшеюся кровью.

Время ее омоетъ, и имя мое останется выставленнымъ въ мастерской соціальныхъ волнъ, какъ имя работника, который не былъ лѣнтяемъ.

Я больше не питаю злобы: и на моей улицѣ былъ праздникъ.

Сколько другихъ ребятъ, какъ и я подвергавшихся побоямъ, сколько другихъ голодавшихъ баккалавровъ сошло въ могилу, не получивъ возмездія за свою юность.

---

*) Укрѣпленная возвышенность около Версаля, гдѣ разстрѣливали коммунаровъ.

Прим. пер.

Ты, ты собралъ свои лишенія и невзгоды и отдалъ свой взводъ въ распоряженіе возстанію, которое было великой федераціей героевъ-мучениковъ.

На что же жалуешься ты?

Это правда! Пусть явятся за мной, пусть солдаты заряжаютъ ружья: я готовъ.

. . . .

Я только что перешелъ пограничный ручей.

Я въ безопасности.

Они меня не сцапали... И я сумѣю еще разъ быть съ народомъ, если народъ снова выйдетъ на улицу и будетъ втянутъ въ битву.

Я смотрю на небо въ ту сторону, гдѣ чувствую Парижъ.

Оно синее съ красными тучами. Точно колоссальная блуза, залитая кровью.

КОНЕЦЪ.

* * *

Огромный городъ, жестокій городъ!
Я проклинаю твои темницы,
Дворцы и храмы, развратъ и голодъ,
Въ туманахъ сѣрыхъ дома-гробницы!
И весь твой обликъ сухой и лживый,
И наглыхъ улицъ покой надменный,
И души-камни, и камни-стѣны,
И бой на башнѣ часовъ тоскливый...
Я что-то слышу въ немъ роковое,
И задыхаюсь, и проклинаю—
За то, что сердце мое живое
Въ стѣнахъ гранитныхъ я убиваю!..

Г. Галина.

О причинѣ смерти.

Проф. Рихарда Гертвига *).

Переводъ съ нѣмецкаго В. С. Елпатьевскаго.

---

25 лѣтъ тому назадъ, въ собраніи естествоиспытателей въ Фрейбургѣ, выдающійся нѣмецкій зоологъ, проф. Вейсманъ, подвергъ обсужденію вопросъ, почему такъ различна нормальная продолжительность жизни у разныхъ организмовъ, другими словами, почему естественная смерть у однихъ организмовъ наступаетъ черезъ нѣсколько недѣль по рожденіи, у другихъ черезъ мѣсяцы, у третьихъ лишь черезъ сотни или даже тысячу лѣтъ,— смерть естественная, т. е. такая, которая обусловливается внутренними причинами, являющаяся результатомъ того, что организмъ исчерпалъ всѣ бывшія въ его распоряженіи возможности жизни. Въ понятіе естественной смерти не входятъ, конечно, всѣ тѣ разнообразные случаи смерти, причины которыхъ лежатъ внѣ самого организма, которыя являются для него случайными,—насильственныя убійства, смерть отъ болѣзней, отравленія и т. п.; она легче губитъ особей дряхлѣющихъ, слабыхъ, но не щадитъ и цвѣтущую юность.

Вейсманъ тщательно собралъ литературныя данныя о продолжительности жизни у различныхъ видовъ животныхъ. Эти данныя очень интересны. Они показываютъ, что размѣры тѣла животныхъ имѣютъ большое вліяніе на продолжительность ихъ жизни; мелкія животныя умираютъ раньше, чѣмъ крупныя; слонъ достигаетъ возраста въ 50—100 разъ большаго, нежели мышь Это и неудивительно. Для того, чтобы построить гигантское тѣло слона или кита, требуется, конечно, больше времени, чѣмъ

*) Публичная лекція, прочитанная въ Мюнхенѣ, 7 декабря 1906 г.

для мыши. Однако, это не объясняетъ намъ различій. Почему, съ другой стороны, птица средней величины, какъ попугай, воронъ или хищная птица, достигаютъ возраста въ 3—4 раза большаго, нежели лошадь или быкъ, которые, вѣдь, далеко превосходятъ ихъ по вѣсу своего тѣла. Эти примѣры позволяютъ напередъ исключить еще одно объясненіе, именно, что продолжительность жизни обратно пропорціональна энергіи, съ какой протекаютъ жизненные процессы. Птицы, какъ это явствуетъ уже изъ болѣе высокой температуры ихъ тѣла, развиваютъ гораздо больше рабочей энергіи и потому подвергаются изнашиванію въ большей степени, чѣмъ млекопитающія.

Отбросивъ нѣкоторыя другія объясненія, Вейсманъ, крайній приверженецъ дарвиновой теоріи отбора, приходитъ въ результатѣ къ такому выводу: продолжительность жизни есть приспособленіе согласно принципу полезности, она опредѣляется борьбой за существованіе. Особи вида достигаютъ такого возраста, какой наиболѣе благопріятенъ для сохраненія вида. Цѣлесообразно, чтобы видъ слагался изъ сильныхъ особей, чтобы, слѣдовательно, дряхлѣющія, слабыя особи возможно скорѣе уступали мѣсто молодымъ и сильнымъ. Съ другой стороны, необходимо, чтобы родители оставались въ живыхъ до тѣхъ поръ, пока не народится достаточно потомства и пока оно не подростетъ до возможности существовать самостоятельно. Продолжительность жизни является, слѣдовательно, компромиссомъ между двумя противоположными потребностями, она опредѣляется выраженіемъ поэта: «Мавръ выполнилъ свой долгъ, мавръ можетъ уйти».

Развивая свою мысль, Вейсманъ идетъ еще дальше. Не только моментъ наступленія смерти опредѣляется борьбой за существованіе, но и самое явленіе смерти есть слѣдствіе этого принципа, господствующаго надъ всѣмъ живымъ.

Мы подходимъ здѣсь къ проблемѣ, глубоко затронувшей не только естествознаніе, но и философію, и теологію—я напомню только ученіе о грѣхопаденіи. Мы ограничимся лишь естественно-научными разсужденіями и посмотримъ сначала, чѣмъ Вейсманъ обосновалъ свою идею.

«Смерть не есть результатъ чисто внутреннихъ, въ природѣ самой жизни лежащихъ причинъ, она есть цѣлесообразное приспособленіе, уступка внѣшнимъ условіямъ жизни, а не абсолютная необходимость, коренящаяся въ существѣ самой жизни»; чтобы это доказать, Вейсманъ оспариваетъ всякія попытки установить опредѣленныя физіологическія причины смерти, оспариваетъ, съ одной стороны, ученіе о томъ, что организмы умираютъ потому, что изнашиваются, подобно машинамъ, съ другой стороны, ученіе о томъ, что размноженіе имѣетъ вредное вліяніе на организмъ, приводитъ къ смерти, разрушая его тотчасъ же или же постепенно.

Важнѣйшимъ аргументомъ его является положеніе, что есть организмы, которые вообще не подвержены естественной смерти, хотя они и выполняютъ всѣ жизненныя функціи, двигаются, питаются, размножаются. Это—одноклѣточныя животныя, называемыя также Protozoa или первичныя животныя, наливочныя животныя прежнихъ зоологовъ—они размножаются дѣленіемъ. Животное a посредствомъ перетяжки дѣлится безъ остатка на два дочернихъ животныхъ b и c; b и c питаются, растутъ и дѣлятся въ свою очередь. Такимъ способомъ, говоритъ Вейсманъ, первичныя животныя размножались съ незапамятныхъ временъ, и такъ же будутъ они неограниченно размножаться и впредь. Хотя материнское животное и прекращаетъ при каждомъ дѣленіи свое индивидуальное существованіе, замѣняясь двумя новыми особями, но это происходитъ безъ умиранія жившихъ до этого частей; какъ выражается Вейсманъ, нѣтъ налицо трупа, неразрывно связаннаго съ понятіемъ смерти. Съ этой точки зрѣнія, Вейсманъ называетъ первичныхъ животныхъ безсмертными; ихъ, правда, можно убивать, но сами по себѣ они не умираютъ.

Совершенно иное представляетъ собою человѣкъ и остальныя животныя, тѣло которыхъ составлено изъ тысячъ или милліоновъ и милліардовъ клѣтокъ. Эти клѣтки потеряли присущее простѣйшимъ безсмертіе, раньше или позже онѣ погибаютъ и образуютъ трупъ умершаго животнаго. Жребій смерти минуетъ лишь нѣкоторыя клѣтки; это суть половыя клѣтки, такія клѣтки, которыя осуществляютъ размноженіе и благодаря которымъ видъ продолжаетъ жить въ дѣтяхъ послѣ смерти родителей. Чтобы рѣзче оттѣнить это основное различіе двухъ сортовъ клѣтокъ, клѣтки, подверженныя смерти, Вейсманъ называетъ тѣломъ въ узкомъ смыслѣ слова или «сома», и говоритъ поэтому о соматическихъ клѣткахъ. Соматическія клѣтки, это—такія клѣтки, которыя выполняютъ обычныя жизненныя функціи, у человѣка это мускульныя клѣтки, нервныя и железистыя, клѣтки хряща и кости и т. д. Клѣтки же размноженія, это—женскіе элементы, яица и мужскіе элементы, сѣменныя нити. Ради простоты мы оставимъ въ сторонѣ различіе между женскими и мужскими элементами и будемъ говорить дальше просто о клѣткахъ размноженія. Этимъ мы выдѣляемъ изъ нашего разсмотрѣнія проблему оплодотворенія; и это тѣмъ болѣе можно сдѣлать, что въ природѣ довольно часто встрѣчаются случаи, когда яйца развиваются безъ оплодотворенія, партеногенетически.

Половыя клѣтки безсмертны, подобно простѣйшимъ животнымъ. Правда, при смерти содержащей ихъ особи онѣ погибаютъ, но это только потому, что онѣ лишаются при этомъ необходимыхъ условій существованія. Попавъ же въ условія, благопріятствующія ихъ развитію, онѣ, напротивъ того, начинаютъ дѣ-

литься на 2, 4, 8, въ концѣ концовъ на сотни и тысячи клѣтокъ. Такъ возникаетъ организмъ, въ которомъ раньше или позже, смотря по виду, опять обнаруживается различіе между соматическими клѣтками и клѣтками размноженія. Процессъ этотъ постоянно повторяется, особи умираютъ, клѣтки размноженія сохраняются, и поколѣніе слѣдуетъ за поколѣніемъ. Звеномъ, соединяющимъ два слѣдующія другъ за другомъ поколѣнія, являются клѣтки размноженія, съ незапамятныхъ временъ происходящія другъ отъ друга путемъ дѣленія.

Вотъ въ возможно краткой формѣ основныя черты ученія Вейсмана о смерти. Ихъ можно суммировать въ трехъ слѣдующихъ положеніяхъ:

1. Всѣ одноклѣточныя животныя безсмертны.

2. Клѣтки размноженія многоклѣточныхъ животныхъ сохранили это безсмертіе.

3. Для всѣхъ многоклѣточныхъ животныхъ смерть—явленіе совершенно новое, ни въ какой связи съ процессами у простѣйшихъ не стоящее, и въ то же время въ высшей степени цѣлесообразное приспособленіе для сохраненія вида.

Обсудимъ отдѣльно каждое изъ этихъ положеній и начнемъ съ безсмертія простѣйшихъ.

Когда Вейсманъ писалъ свои полныя глубокихъ мыслей работы о жизни и смерти и о продолжительности жизни, наши свѣдѣнія о простѣйшихъ были еще очень недостаточны; правда, знали хорошо ихъ строеніе, знали многое и объ ихъ жизненныхъ процессахъ, но ни для одного вида не былъ извѣстенъ полный циклъ жизни, какъ онъ установленъ теперь кропотливыми изслѣдованіями, продолжающимися мѣсяцы и годы. Такихъ изслѣдованій произведено теперь много; мы обязаны ими французскимъ и американскимъ ученымъ; я самъ въ теченіе послѣднихъ 18 лѣтъ провелъ много культуръ. И всѣ мы пришли къ результатамъ, совершенно противоположнымъ воззрѣніямъ Вейсмана.

Я опишу сначала ходъ такой культуры и возьму для примѣра одну инфузорію, которую легко достать и легко разводить, Paramaecium. Эта инфузорія живетъ въ гніющихъ жидкостяхъ, питаясь гнилостными бактеріями; она достаточно велика, чтобы ее можно было разсмотрѣть невооруженнымъ глазомъ, когда она ловко плаваетъ въ водѣ при помощи быстро движущихся рѣсничекъ. При средней комнатной температурѣ животное дѣлится въ среднемъ одинъ разъ въ сутки. Если начать культуру съ 4 животными, то уже на четырнадцатый день пришлось бы кормить и считать, чтобы имѣть точныя данныя о способности размноженія, 32,768 особей. Это невыполнимо. Нужно поэтому ограничивать число животныхъ до нѣсколькихъ экземпляровъ, убивая остальныхъ. Ходъ такой точно проведенной культуры приводитъ къ выводу, что ско-

рость размноженія, опредѣленная нами въ среднемъ, какъ одно дѣленіе въ сутки, не остается одинаковой даже при постоянныхъ температурахъ, но что періоды усиленнаго дѣленія чередуются съ періодами пониженной дѣятельности въ этомъ отношеніи. Бываетъ, что животныя на нѣсколько дней или недѣль совершенно лишаются способности дѣленія. Въ это время они совершенно не принимаютъ пищи, лежатъ неподвижно на днѣ сосуда; ясно замѣтно, слѣдовательно, сильное пониженіе жизненной энергіи. Такое состояніе животныхъ мы будемъ называть депрессіей; животныя въ концѣ концовъ преодолѣваютъ ее, и принятіе пищи и дѣленія начинаются снова. Чѣмъ дольше длится культура, тѣмъ чаще повторяются депрессіи, и тѣмъ дольше онѣ продолжаются. У многихъ особей пониженіе жизнедѣятельности переходитъ въ смерть, и, наконецъ, при наступленіи особенно сильной депрессіи культура вымираетъ совершенно, несмотря на самый заботливый уходъ.

Нѣкоторые опыты позволяютъ предположить, что ходъ культуры можетъ быть измѣненъ въ благопріятномъ смыслѣ путемъ внѣшнихъ вліяній, что такимъ путемъ можно спасти животныхъ, которыя умерли бы, будучи предоставлены самимъ себѣ безъ этихъ вліяній. Какъ средства такого рода, были испробованы механическіе толчки, перемѣна температуры, дѣйствіе химическихъ веществъ, перемѣна пищи и т. д. Какъ ни несовершенны эти опыты въ настоящее время, я не хотѣлъ бы оставлять ихъ безъ упоминанія, потому что я убѣжденъ, что, методически проведенные, они будутъ имѣть въ будущемъ большое значеніе для практической медицины. Существуютъ нѣкоторые основные законы, общіе для всѣхъ клѣтокъ, будутъ ли то одноклѣточные организмы или клѣтки тканей многоклѣточныхъ животныхъ. Особенныя свойства клѣтокъ организма, большая или меньшая ихъ жизненная сила, составляютъ то, что называется конституціей многоклѣточнаго организма. Удастся намъ попытка воздѣйствовать на жизненную энергію простѣйшихъ путемъ внѣшнихъ вліяній и научно объяснить себѣ ихъ дѣйствіе, тогда и ученіе о воздѣйствіи въ желательномъ смыслѣ на конституцію высшихъ животныхъ будетъ поставлено на научную почву.

Вернемся къ нашимъ культурамъ и зададимъ себѣ вопросъ, какіе внутренніе процессы лежатъ въ основѣ столь рѣзкой смѣны жизненныхъ явленій. Я долженъ здѣсь сдѣлать нѣкоторое отступленіе и начать съ основного опыта, имѣющаго первостепенное значеніе для нашихъ дальнѣйшихъ разсужденій. Какъ клѣтка, такъ и простѣйшія, съ формальной стороны представляющія собою тоже клѣтку, слагаются изъ двухъ частей: изъ клѣточнаго вещества или протоплазмы и лежащаго въ протоплазмѣ, тоже организованнаго тѣла, клѣточнаго ядра. Какія функціи выполняетъ протоплазма,

узнать не трудно; она образуетъ у амёбъ ложноножки или псевдоподіи, у другихъ простѣйшихъ, у инфузорій, жгутики и рѣснички,— все это органы передвиженія и ощущенія; она принимаетъ пищу и перевариваетъ ее, строитъ скелеты и домики, когда они свойственны данному виду, и производитъ различныя приспособленія, напоминающія органы высшихъ животныхъ. А какую роль играетъ ядро? Чтобы опредѣлить его назначеніе, разрѣжемъ какое-нибудь простѣйшее животное, напр., амёбу, на двѣ половинки, одну съ ядромъ и другую безъ ядра. Сначала и та, и другая остаются живыми и продолжаютъ ползать. Половинка съ ядромъ переваривает заключенную въ ней пищу, принимаетъ новую пищу, растетъ и вскорѣ возстановляетъ утраченное вещество. Совершенно иначе обстоитъ дѣло съ безъядерной половинкой, она выбрасываетъ всю находящуюся въ ней пищу, потому что не можетъ больше перевариваривать; она теряетъ и способность принимать новую пищу, теряетъ и способность вырабатывать клейкое вещество, съ помощью котораго амёбы прикрѣпляются къ субстрату; всякая организующая сила изъ нея исчезла, и она погибаетъ отъ голода. Повторяя опытъ на другихъ, болѣе сложно построенныхъ простѣйшихъ, мы придемъ къ тому же результату: для питанія, роста и всѣхъ организующихъ процессовъ протоплазма нуждается въ содѣйствіи ядра; всѣ названные процессы предполагаютъ обмѣнъ веществъ между ядромъ и протоплазмой. Въ связи съ этимъ, между ядромъ и протоплазмой наблюдается опредѣленное соотношеніе по массѣ; среднее состояніе этого соотношенія мы назовемъ нормальнымъ соотношеніемъ ядра и плазмы.

Изслѣдуя теперь парамецій изъ различныхъ стадій нашей культуры, мы найдемъ, что въ періоды депрессій соотношеніе ядра и плазмы измѣнено, ядро сильно увеличено, при сильныхъ депрессіяхъ увеличено настолько, что занимаетъ большую часть клѣтки. Для того, чтобы депрессія прекратилась, и животныя пробудились къ новой жизни, нужно, чтобы ядро уменьшилось, часть его растворилась; для облегченія послѣдняго процесса, ядро сначала распадается на мелкіе куски. Слѣдовательно, чтобы остаться жизнеспособными, инфузоріи должны разрушить нѣкоторыя части, вредящія функціямъ. Здѣсь мы встрѣчаемся впервые съ явленіемъ, что отдѣльныя части должны погибнуть, чтобы могло жить цѣлое. Это первые зачатки явленія, которое будетъ чрезвычайно важно для насъ въ дальнѣйшемъ, и которое мы назовемъ *частичной смертью клѣтки*. Если инфузорія слишкомъ слаба для того, чтобы провести до конца описанный процессъ обновленія, смерть распространяется постепенно и на все ея тѣло. Смерть части становится смертью цѣлаго.

Аналогичный циклъ жизни я опишу въ возможно краткой формѣ и для одного изъ нашихъ красивѣйшихъ прѣсноводныхъ простѣй-

нихъ, для солнечника, Actinosphaerium Eichhorni. Его называютъ такъ за его шарообразное тѣло, отъ котораго ложноножки отходятъ, подобно солнечнымъ лучамъ. При долговременной культурѣ и въ этомъ случаѣ періоды прогрессирующаго развитія чередуются съ періодами депрессіи. Недѣлями кишитъ аквaріумъ сотнями этихъ туго набитыхъ пищевыми вакцолями животныхъ, несмотря на всѣ попытки ограничить ихъ число путемъ умерщвленія излишнихъ, затѣмъ наступаютъ дни, когда, несмотря на изобиліе пищевого матеріала, пищевыхъ вакцолей въ нихъ совсѣмъ не замѣтно; многія умираютъ, немногія переживаютъ періодъ депрессіи; послѣднія затѣмъ опять начинаютъ усиленно питаться и дѣлиться, такъ что вскорѣ культура опять находится въ полномъ расцвѣтѣ. Такія депрессіи повторяются все чаще и чаще, и, наконецъ, одна изъ нихъ принимаетъ столь тяжелый характеръ, что вся культура вымираетъ.

Actinosphaerium имѣетъ много мелкихъ ядеръ. Въ періодѣ депрессій они увеличиваются лишь весьма слабо, за то число ихъ возрастаетъ колоссально.

Чтобы помѣшать этому разростанію, множество ядеръ разрушается, и остатки ихъ выталкиваются изъ организма. Такимъ путемъ животное опять дѣлается жизнеспособнымъ. Но постепенно наступаетъ такое состояніе, что, хотя ядерное вещество и увеличивается, сами ядра дѣлиться уже не могутъ; тогда часть ихъ растворяется, остальныя же гигантски разростаются. При этомъ процессѣ могутъ получиться ядра, въ три тысячи разъ превышающія по объему нормальныя. Такихъ крупноядерныхъ Actinosphaeria можно отличить и въ живомъ состояніи. Ихъ можно посадить въ здоровыя культуры, и животныя здоровой культуры продолжаютъ оставаться здоровыми; ясно, что эти необычныя явленія не суть слѣдствія какой-нибудь инфекціонной болѣзни.

Опытъ культуръ простѣйшихъ ставитъ насъ въ большое затрудненіе. Онъ учитъ насъ, что простѣйшія, поставленныя въ неизмѣнно благопріятныя условія питанія, въ концѣ концовъ погибаютъ. Непрерывное выполненіе жизненныхъ функцій производитъ столь сильное нарушеніе равновѣсія частей клѣтки, что въ результатѣ получается длительная пріостановка жизненныхъ функцій, а это и есть смерть. Но съ этимъ опытомъ стоитъ въ противорѣчіи тотъ фактъ, что Paramaecium и Actinosphaerium ежегодно тысячами появляются въ нашихъ лужахъ. Оба эти вида были описаны впервые 150 лѣтъ тому назадъ. Такъ какъ мы не знаемъ для нихъ никакого другого способа размноженія, кромѣ какъ дѣленіемъ, наши современныя формы должны были развиться путемъ дѣленія изъ тѣхъ, которыя жили нѣсколько столѣтій тому назадъ. Это должно было бы принудить насъ принять ученіе Вейсмана о безсмертіи.

Разгадку даетъ различіе условій существованія въ природѣ и въ нашихъ культурахъ. Нѣсколько цифръ пояснитъ это. Въ одной изъ наиболѣе удавшихся культуръ американцу Калкинсу посчастливилось довести Paramaecium до 742-го поколѣнія. Имѣй изслѣдователь возможность оставлять жить всѣ особи, число ихъ выразилось бы 224-значной цифрой. Хотя каждая Paramaecium имѣетъ объемъ только въ $^1/_{10000}$ кубическаго миллиметра, это колоссальное число животныхъ представляло бы такой объемъ, по сравненію съ которымъ объемъ нашей земли былъ бы совершенно ничтожнымъ. Одно это говоритъ уже за то, что въ природѣ не можетъ происходить что-либо подобное тому, что мы получаемъ въ культурахъ. Однако, паразитическія простѣйшія, въ особенности паразиты крови, приближаются, повидимому, въ этомъ отношеніи къ искусственнымъ условіямъ существованія нашихъ культуръ; потому что въ этомъ случаѣ хозяинъ, уже въ своихъ собственныхъ интересахъ, старается путемъ постояннаго новообразованія кровяныхъ тѣлецъ доставлять паразиту все новую и новую пищу. Этимъ онъ даетъ послѣднему возможность на одномъ и томъ же мѣстѣ произвести цѣлый рядъ непрерывно слѣдующихъ другъ за другомъ поколѣній. Извѣстно, что пользующаяся такой дурной славой малярія перемежающаяся лихорадка, вызывается такими одноклѣточными паразитами крови, размножающимися въ невѣроятномъ количествѣ. Бываютъ случаи, что малярія излѣчивается сама собой, потому что всѣ паразиты умираютъ; но бываютъ и такіе случаи, что излѣченіе оказывается только мнимымъ, и болѣзнь вспыхиваетъ снова безъ вторичнаго зараженія. Въ медицинѣ такое явленіе называется рецидивомъ маляріи. Оно возможно только потому, что паразиты долгое время прозябали и постепенно снова пріобрѣтали силу размножаться. Все это чрезвычайно напоминаетъ депрессіи, о которыхъ была рѣчь выше, у свободно-живущихъ простѣйшихъ, депрессіи, во время которыхъ они вымираютъ или *совершенно*, или только нѣсколько особей остается въ живыхъ. Сходство съ явленіями депрессіи еще усиливается, благодаря тому способу, какимъ осуществляется возвращеніе къ новой дѣятельности. Наблюденіе установило, что части ядра, сдѣлавшіяся ненужными, выбрасываются изъ тѣла, какъ и въ нашихъ культурахъ простѣйшихъ. Нужно, однако, считаться и съ тѣмъ, что вымираніе возбудителей болѣзни можетъ быть обусловлено и такъ называемыми антивеществами, выработанными больнымъ организмомъ защитительными веществами. Вѣроятно, въ данныхъ явленіяхъ имѣютъ значеніе оба эти момента.

Чтобы простѣйшія размножались непрерывно въ теченіе мѣсяцевъ, такого случая въ свободной природѣ, въ нашихъ лужахъ и прудахъ, быть не можетъ. Гораздо раньше измѣняются совершенно температурныя условія и условія питанія. Размножающіяся

животныя, хотя ихъ и уничтожаютъ ихъ враги, истребляютъ имѣющійся налицо пищевой матеріалъ. Наступаетъ голодъ, или же температура воды понижается. И то, и другое вызываетъ новые процессы, ведущіе къ обновленію дряхлѣющихъ животныхъ. Эти процессы, широко распространенные у простѣйшихъ, суть энцистированіе и конъюгація; послѣдняя представляетъ собою процессъ идентичный съ оплодотвореніемъ у многоклѣточныхъ животныхъ. Я опишу сначала эти процессы, а затѣмъ выясню, какія измѣненія вносятъ они въ жизнь простѣйшихъ, и какое значеніе они имѣютъ для нашей проблемы.

Подъ *энцистированіемъ* мы разумѣемъ слѣдующее явленіе. Животныя стягиваются въ шаръ, одѣваются прочной оболочкой, защищающей ихъ отъ высыханія; въ этомъ видѣ попавшія на на землю животныя могутъ быть переносимы вѣтромъ. Попавъ затѣмъ опять въ воду, они начинаютъ проростать, т. е. выползаютъ изъ цистъ и начинаютъ новую жизнь.

Процессы оплодотворенія у простѣйшихъ безконечно разнообразны, такъ что я долженъ ограничиться лишь краткимъ ихъ обзоромъ. Общимъ для всѣхъ нихъ является то, что два животныхъ соединяются, и что затѣмъ ихъ ядра сливаются другъ съ другомъ, совершенно такъ же, какъ это происходитъ при оплодотвореніи у многоклѣточныхъ животныхъ, гдѣ сливаются, хотя и не сами животныя, но ихъ половыя клѣтки, яйца и сперматозоиды, тѣло съ тѣломъ, ядро съ ядромъ. У простѣйшихъ могутъ сливаться другъ съ другомъ совершенно одинаковыя клѣтки, такъ что на этихъ первыхъ ступеняхъ оплодотворенія различіе между мужскимъ и женскимъ совершенно не проявляется. Но можетъ также быть налицо и ясно выраженная половая дифференцировка, когда мелкіе, чрезвычайно подвижные элементы, похожіе на сѣменныя нити, оплодотворяютъ болѣе крупныхъ животныхъ, которыхъ надо уподобить яйцамъ.

Энцистированіе и оплодотвореніе оказываютъ на организмъ сходное дѣйствіе и потому часто комбинируются. Въ интересахъ краткости я остановлюсь на такихъ комбинированныхъ случаяхъ.

При энцистированіи Actinosphaerium умираетъ и растворяется 95% ядеръ; остающіеся пять процентовъ идутъ на построеніе оплодотворяющихъ тѣлецъ. Но и въ послѣднихъ три четверти ядернаго вещества разрушаются. Эти почти 99 процентовъ ядернаго вещества представляютъ объемистый трупъ, но только мы его не замѣчаемъ, потому что мертвое постепенное поглощается той частью, которая осталась въ живыхъ.

Еще яснѣе выступаетъ предъ нами частичная смерть у интересныхъ паразитическихъ простѣйшихъ, грегаринъ. Въ цѣляхъ послѣдующаго оплодотворенія здѣсь энцистируются вмѣстѣ по два животныхъ. Въ каждомъ животномъ происходитъ раздѣленіе на

отмирающую часть и на часть, остающуюся въ живыхъ. Послѣдняя производитъ тѣльца, служащія для оплодотворенія, первая же отстаетъ въ развитіи и превращается въ мертвую массу. Въ заключеніе я приведу еще третій примѣръ, въ которомъ есть два пункта, заслуживающіе особаго вниманія. Во-первыхъ, различіе между отмирающими частями и частями, служащими для дальнѣйшаго развитія, подготовляется въ этомъ случаѣ задолго; во-вторыхъ, физіологическій характеръ отмирающей части даетъ намъ указаніе на то, что можетъ быть причиной частичной смерти. Этотъ третій примѣръ—оплодотвореніе у Paramaecium, у того самаго вида, который послужилъ намъ матеріаломъ для культуръ.

Разсказывая объ измѣненіяхъ у Paramaecium, появляющихся въ ходѣ культуры, я говорилъ всегда только о томъ ядрѣ, которое называется главнымъ ядромъ или макронуклеусомъ. Такъ какъ это ядро обнаруживаетъ измѣненія въ различныхъ состояніяхъ депрессіи и реорганизаціи, то можно сказать съ увѣренностью, что оно именно и участвуетъ въ процессахъ обмѣна веществъ у Paramaecium. Мы можемъ назвать его поэтому функціонирущимъ ядромъ. Рядомъ съ главнымъ лежитъ ядро помельче, добавочное ядро или микронуклеусъ; это ядро тоже принимаетъ участіе въ дѣленіяхъ инфузорій, въ остальныхъ же случаяхъ играетъ весьма индифферентную роль. Наблюдая конъюгацію, мы приходимъ къ заключенію, что функціонирующее или главное ядро погибаетъ совершенно; оно распадается на куски, которые мало по малу совершенно растворяются. Оплодотвореніе же совершается исключительно при помощи болѣе малаго ядра, которое мы называемъ поэтому половымъ ядромъ. Я не стану описывать здѣсь оплодотворенія, поэтому что это слишкомъ сложное явленіе. Достаточно сказать, что оплодотворенное половое ядро дѣлится и даетъ два ядра, изъ которыхъ одно становится опять половымъ ядромъ, другое же превращается въ функціонирующее ядро. Слѣдовательно, при оплодотвореніи функціонирующее ядро инфузоріи уничтожается и замѣняется новымъ. Мы можемъ, поэтому, къ нашимъ даннымъ о частичной смерти клѣтки прибавить еще слѣдующее положеніе: части клѣтки, подлежащія смерти, суть функціонирующія части.

Это даетъ намъ ключъ къ пониманію различія между нашими искусственными культурами и ходомъ жизненныхъ явленій въ природѣ. Оставляя культуру все время въ благопріятныхъ условіяхъ, мы тѣмъ самымъ исключили энцистированіе и оплодотвореніе и лишили организмъ важнѣйшаго средства реорганизаціи. И такимъ то путемъ возникло то временное исправленіе ядра, которое я вамъ описалъ въ періоды депрессій—мелочная починка въ сравненіи съ радикальнымъ средствомъ природы, создающей совершенно новое ядро.

Теперь, зная точно явленіе частичной смерти у простѣйшихъ, намъ не трудно будетъ отвѣтить и на второй вопросъ: *какъ обстоитъ дѣло съ безсмертіемъ половыхъ клѣтокъ у многоклѣточныхъ животныхъ?*

Вейсманъ высказалъ идею, и вначалѣ и я примкнулъ къ ней, что клѣтки размноженія теперь живущихъ и клѣтки разможенія животныхъ прежнихъ вѣковъ представляютъ непрерывную цѣпь, въ которой каждое звено возникло изъ предыдущаго звена путемъ дѣленія, такъ что генезисъ половыхъ клѣтокъ мы можемъ представлять себѣ, какъ непрерывный, продолжающійся съ незапамятныхъ временъ рядъ клѣточныхъ дѣленій. Но выяснимъ себѣ теперь нѣсколько точнѣе тѣ условія, въ какихъ находятся половыя клѣтки. Начнемъ съ того момента, когда въ зародышѣ становится виднымъ зачатокъ половыхъ органовъ въ видѣ *одной* клѣтки или въ видѣ группы клѣтокъ. Мы называемъ эти клѣтки первичными яйцами. Онѣ размножаются послѣдовательными дѣленіями, тѣмъ оживленнѣе, чѣмъ выше плодовитость вида. За періодомъ размноженія первичныхъ яицъ слѣдуетъ всегда періодъ роста. Дѣленія первичныхъ яицъ прекращаются; но не прекращается пріемъ пищи, результатомъ чего является то, что яйцо начинаетъ ненормально расти, растетъ какъ тѣло его, такъ и ядро. И то, и другое достигаетъ гигантскихъ для клѣтки размѣровъ. Въ концѣ концовъ прекращается и ростъ.

Весь этотъ процессъ весьма походитъ на явленія депрессіи у простѣйшихъ: сходство простирается и на дальнѣйшее его теченіе. Онъ ведетъ или къ гибели, или къ реорганизаціи клѣтки. Въ послѣднемъ случаѣ гигантское ядро погибаетъ за исключеніемъ небольшого остатка, образующаго новое ядро. Какъ велико различіе между обоими ядрами, какъ много ядернаго вещества подвергается частичной смерти, показываетъ сопоставленіе незрѣлаго и зрѣлаго яицъ. Только зрѣлое яйцо обладаетъ способностью дальнѣйшаго развитія, будетъ ли этому предшествовать оплодотвореніе, или же оно будетъ развиваться по собственному побужденію, партеногенетически.—Для яйца, которое должно доставить матеріалъ для развитія организма и потому должно быть большимъ, періодъ роста легко бы объяснить, какъ цѣлесообразное приспособленіе; но онъ имѣется въ принципіально сходной формѣ, съ тѣмъ только различіемъ, что ростъ незначителенъ и во время развитія сѣменныхъ нитей, этихъ мельчайшихъ элементовъ животнаго тѣла; слѣдовательно, онъ долженъ имѣть болѣе глубокую причину въ законахъ роста клѣтки, и такую причину я усматриваю въ необходимости послѣ продолжительнаго ряда дѣленій реорганизовать клѣтку путемъ частичной смерти.

Обращаясь теперь къ послѣдней части нашей задачи, къ выя-

снешю *проблемы смерти для клѣтокъ организма, несущихъ жизненныя функціи*, т. е. для той части тѣла, которую Вейсманъ называетъ тѣломъ въ узкомъ смыслѣ слова, «сома», и которая, по его воззрѣнію, одна только и подлежитъ смерти, мы попадаемъ въ трудное положеніе, трудное прежде всего въ отношеніи неполноты нашихъ знаній. Точнаго знанія хода жизненныхъ явленій, какое мы пріобрѣли въ послѣднія десятилѣтія въ отношеніи простѣйшихъ, мы не имѣемъ еще ни для какого многоклѣточнаго животнаго, ни для какого высшаго растенія; изслѣдованія наталкиваются тутъ на большія трудности, тѣмъ большія, чѣмъ выше организація организма. Для многихъ группъ животныхъ мы даже не имѣемъ никакихъ данныхъ.

Во-вторыхъ, трудно въ то ограниченное время, какое я имѣю въ своемъ распоряженіи, дать хотя бы сжатое изображеніе огромнаго разнообразія формъ организаціи, образующихъ прямо неисчерпаемый рядъ промежуточныхъ ступеней между наиболѣе простыми многоклѣточными животными, губками и полипами, вплоть до человѣка включительно. Я попробую обойти эту трудность, взявъ лишь начало и конецъ этого ряда.

Въ началѣ ряда мы должны поставить губокъ, полиповъ, кораллы, многихъ червей и большинство высшихъ растеній; въ жизненныхъ явленіяхъ своихъ клѣтокъ они обнаруживаютъ большое сходство съ простѣйшими и, подобно послѣднимъ, обладаютъ почти безграничной, повидимому, способностью размноженія своихъ клѣтокъ. Этой способностью они пользуются для такъ называемаго *вегетативнаго размноженія*. Путемъ мѣстныхъ клѣточныхъ разростаній образуетъ нашъ прѣсноводный полипъ почки, которыя отрываются и въ свою очередь производятъ новыя почки. У морскихъ полиповъ почки остаются въ соединеніи съ материнскимъ животнымъ и образуютъ колоніи. Путемъ послѣдовательнаго почкованія каралловые полипы получаютъ возможность создавать мощные рифы, которыхъ такъ боятся мореплаватели. Подобнымъ же образомъ, путемъ послѣдовательныхъ клѣточныхъ дѣленій, многія растенія производятъ вѣтвь за вѣтвью и выростаютъ въ дерево. Такъ возникаютъ тысячелѣтніе великаны адансоніи, производящія такое впечатлѣніе, будто онѣ созданы для вѣчности. Дѣйствительно, до сихъ поръ нѣтъ никакого указанія на то, что подобныя деревья умираютъ по внутреннимъ причинамъ и, слѣдовательно, подлежатъ естественной смерти, въ смыслѣ Вейсмана. Если онѣ погибаютъ, въ этомъ повинны, очевидно, внѣшнія причины: паразиты, разрушающіе ихъ тѣло, бури, для которыхъ ихъ мощный стволъ представляетъ слишкомъ большую поверхность упора. Во многихъ случаяхъ эти вредныя внѣшнія вліянія можно исключить и дать возможность растенію жить дальше въ ограниченномъ пространствѣ, подъ защитой отъ паразитовъ, напр., если взялись у растенія

отводки или подземныя части, какъ клубни, луковицы, и предоставить имъ развиваться дальше. Простой человѣкъ увидитъ, правда, въ этомъ появленіе новыхъ растеній; въ дѣйствительности же мы только поставили части тѣла стараго растенія въ новыя благопріятныя условія для роста. Это вовсе не новыя растенія въ томъ смыслѣ, какъ растенія, выгнанныя изъ сѣмени. По господствующему среди ботаниковъ воззрѣнію, указанные вегетативные способы размноженія, какъ у простѣйшихъ дѣленій, могутъ имѣть цѣлью постоянное распространеніе и сохраненіе вида... Что касается низшихъ многоклѣточныхъ животныхъ, то зоологи въ этомъ сомнѣваются. Если культивировать прѣсноводныхъ полиповъ продолжительное время, то, совершенно подобно тому, какъ у простѣйшихъ, наступаютъ временныя депрессіи, выйти изъ которыхъ они могутъ только путемъ реорганизаціи своихъ клѣтокъ. Какъ кажется, такое состояніе всегда даетъ толчокъ къ половому размноженію. Однако обо всемъ этомъ мы знаемъ еще слишкомъ мало. Вегетативное размноженіе низшихъ животныхъ не имѣетъ того большого практическаго интереса, какой представляетъ для садоводовъ вегетативное размноженіе растеній Ограничимся поэтому въ дальнѣйшихъ нашихъ разсужденіяхъ растеніями.

Можетъ, пожалуй, показаться на основаніи того, что я сказалъ о господствующемъ среди ботаниковъ воззрѣніи, что ученіе Вейсмана о безсмертіи, противъ котораго я привелъ доказательства, поскольку оно касается простѣйшихъ, находитъ себѣ теперь неожиданное подтвержденіе для большинства многоклѣточныхъ растеній и животныхъ. Такое заключеніе было бы преждевременнымъ. Если бы одного вегетативнаго размноженія, этого непрерывнаго дѣленія соматическихъ клѣтокъ, было достаточно для того, чтобы на всѣ времена обезпечить существованіе вида отъ вымиранія, къ чему тогда половое размноженіе, столь распространенное на ряду съ вегетативнымъ у всѣхъ растеній и низшихъ животныхъ? Еще важнѣе второе возраженіе. Присматриваясь ближе къ вегетативному размноженію, мы и здѣсь встрѣчаемъ слѣды смерти, и опять таки въ той же формѣ, какъ и у простѣйшихъ, въ формѣ частичной смерти. Совершенно ясно выступаетъ предъ нами эта смерть у растеній. Наши растенія при наступленіи зимы сбрасываютъ носителей важнѣйшей функціи—листья, даже если держать ихъ въ теплицѣ; все растеніе впадаетъ въ состояніе покоя, пріостановки жизненныхъ функцій, и пробуждается изъ этого состоянія лишь черезъ долгій промежутокъ времени. Правда, есть и вѣчнозеленыя растенія,—большинство тропическихъ растеній и хвойныя; но и въ этомъ случаѣ постоянство листьевъ и иголъ явленіе лишь кажущееся, потому что они опадаютъ, но незамѣтно, и замѣняются новыми. Еще яснѣе выступаетъ частичная смерть у растеній,

размножающихся посредствомъ луковицъ и клубней, такъ какъ здѣсь погибаетъ значительная часть растенія, вся надземная его часть. Итакъ, смерть неизмѣнно расширяетъ свои владѣнія у многоклѣточныхъ растеній и животныхъ, и уже не части клѣтки только, но цѣлыя клѣтки и группы клѣтокъ заражаются смертью отъ выполненія жизненныхъ функцій.

Обращаюсь теперь къ другому концу лѣстницы, къ высшимъ животнымъ, къ членистымъ животнымъ, мягкотѣлымъ и позвоночнымъ, къ такимъ животнымъ, относительно которыхъ не можетъ подлежать никакому сомнѣнію, что они подвержены естественной смерти и что у нихъ смерть захватываетъ организмъ во всѣхъ его частяхъ въ сравнительно короткое время. Предъ нами встаетъ вопросъ, какими факторами обусловливается такое различіе, какія измѣненія произошли въ жизненномъ процессѣ, что онъ можетъ быть задутъ, какъ свѣча, или, правильно говоря, самъ потухаетъ въ короткій промежутокъ времени.

Я дамъ сначала краткій очеркъ цикла жизни высшаго животнаго и возьму для этого человѣка. Человѣкъ развивается изъ яйца, діаметръ котораго не достигаетъ и $^2/_{10}$ миллиметра и объемъ котораго будетъ, поэтому, равенъ приблизительно $^4/_{1000}$ куб. миллиметра. Къ моменту рожденія человѣкъ представляетъ тѣло, объемъ котораго имѣетъ въ среднемъ 3—4 милліона куб. миллиметровъ. Слѣдовательно, за девять мѣсяцевъ утробной жизни его живое вещество увеличилось въ отношеніи 1 : 1 милліарду. Приблизительно въ 20 лѣтъ человѣкъ становится взрослымъ; допустимъ, что въ это время вѣсъ его равенъ 130 фунтамъ,—тѣло его съ рожденія увеличилось, слѣдовательно, въ отношеніи 1 : 16. Ростъ живого тѣла зависитъ въ конечномъ счетѣ отъ дѣленія его клѣтокъ. Изъ различія въ ростѣ мы можемъ, поэтому, сдѣлать заключеніе о различной интенсивности дѣленій. Здѣсь мы наталкиваемся на огромное различіе въ эмбріональной и постэмбріональной жизни. Въ эмбріональной жизни—интенсивность дѣленія, иллюстрируемая отношеніемъ 1 : 1 милліарду на пространствѣ 9 мѣсяцевъ, въ постэмбріональной—интенсивность съ отношеніемъ 1 : 16, среднимъ на протяженіи 20 лѣтъ. Выдѣляя меньшіе періоды изъ эмбріональной жизни или же изъ постэмбріональнаго періода роста и сравнивая ихъ съ болѣе ранними или болѣе поздними періодами, мы всегда получаемъ одинъ и тотъ же результатъ, а именно, что болѣе ранніе періоды обладаютъ болѣе энергичной дѣятельностью сравнительно съ болѣе поздними.

Итакъ, общій выводъ слѣдующій: энергія дѣленія наиболѣе высока вскорѣ послѣ оплодотворенія, съ того времени она все болѣе и болѣе падаетъ, сначала медленно, впослѣдствіи же быстро, пока съ окончаніемъ роста не остановится въ главныхъ чертахъ и размноженіе клѣтокъ; въ незначительныхъ размѣрахъ оно еще

продолжается, преимущественно въ тѣхъ пунктахъ, гдѣ клѣтки и части органовъ должны изнашиваться и замѣщаться другими, главнымъ образомъ, въ области кожи и кожныхъ придатковъ, ногтей и волосъ.

Врядъ ли мнѣ нужно особенно подчеркивать рѣзкое различіе между болѣе или менѣе непрерывнымъ размноженіемъ клѣтки у какого-нибудь простѣйшаго, или же кишечнополостнаго или растенія и постепеннымъ замираніемъ дѣленія клѣтокъ у человѣка или какого-либо другого высокоорганизованнаго животнаго. Здѣсь предъ нами совершенно другой родъ клѣточной жизни, чѣмъ раньше. И вмѣстѣ съ этимъ смерть является намъ здѣсь въ формѣ смерти цѣлаго, раньше или позже съ неумолимой необходимостью уносящей живыя существа. Естественно поэтому предположить тѣсную связь обоихъ этихъ явленій и заняться дальше вопросомъ: какъ можно поставить въ связь измѣненный ростъ клѣтокъ и причины смерти.

Остановку роста или, что одно и то же, прекращеніе клѣточныхъ дѣленій можно было бы объяснить упадкомъ жизненной энергіи, нѣкотораго рода депрессіей, отличающейся отъ аналогичнаго явленія у простѣйшихъ только тѣмъ, что она не можетъ опять изгладиться. Но этому объясненію противорѣчитъ тотъ фактъ, что работоспособность организма достигаетъ своего высшаго пункта лишь по окончаніи роста и что за остановкой роста слѣдуетъ долгій періодъ жизни, пока не наступитъ смерть. Этотъ періодъ у человѣка приблизительно въ три раза дольше періода роста, а у многихъ млекопитающихъ и птицъ отъ 20—100 разъ.

Затѣмъ, можно было бы причину остановки роста предполагать въ недостаткѣ питанія; но мы знаемъ, что хотя дурное питаніе и вліяетъ на ростъ человѣка, однако не въ такой степени, чтобы особи, предназначенныя вырости большими, остались бы маленькими, онѣ только дѣлаются слабыми; и, наоборотъ, наилучшимъ питаніемъ не заставишь сильно вырости людей, малорослыхъ отъ природы. Дальнѣйшее доказательство противъ даютъ намъ явленія регенераціи. Если на какомъ-нибудь пунктѣ тѣла удалить частицу его, то способность дѣленія у клѣтокъ вскорѣ снова пробуждается; образуется новый клѣточный матеріалъ, возмѣщающій потерю. У человѣка и млекопитающихъ, наиболѣе высоко развитыхъ формъ, описаннымъ путемъ могутъ залѣчиться, конечно, лишь небольшіе дефекты. Но уже у рептилій и амфибій регенерируются болѣе или менѣе полно оторванные ноги и хвосты. Правда, и эта способность регенераціи незначительна въ сравненіи съ огромной способностью къ регенераціи у низшихъ животныхъ. Женевецъ Trembley уже 150 лѣтъ тому назадъ показалъ, что если отрѣзать у щуки щупальце съ небольшимъ участкомъ тѣла и культивировать его, то этотъ отрѣзокъ возстановитъ все тѣло полностью, хотя онъ не можетъ

питаться и строительный матеріалъ долженъ брать изъ собственнаго вещества,—указаніе на то, что питаніе не есть единственный, определяющій деленіе клетокъ, факторъ.

Наконецъ, что определяющимъ моментомъ для ненаступленія или наступленія деленій является у человека и млекопитающихъ не степень обезпеченности пищей, но особыя свойства клетокъ, это показываютъ намъ убедительнымъ образомъ такъ называемыя злокачественныя опухоли; оне бываютъ не только у человека, но и у другихъ позвоночныхъ животныхъ и даже у безпозвоночныхъ. На той же самой почве, на какой нормальныя клетки не могутъ размножаться, клетки раковыхъ опухолей разростаются страшно, уничтожая все встречающіяся имъ на пути ткани и, въ конце концовъ, и самую жизнь человека.

Следовательно, способность къ деленію въ клеткахъ человека или животнаго не угасла, она только не въ состояніи проявиться; она находится въ скрытомъ состояніи. Выражающееся въ этомъ ограниченіе свободы клетокъ можетъ быть устранено раздраженіемъ извне, при обычныхъ же условіяхъ оно устраняется, только когда этого требуютъ интересы всего организма въ целомъ, напр., при заживаніи ранъ и при регенераціи. Если же местное возстановленіе способности деленія у клетокъ находится въ зависимости отъ вліяній, исходящихъ отъ всего организма въ его целомъ, то, очевидно, аналогичные же процессы, только противоположнаго характера, обусловливаютъ остановку деленій. Другими словами, клетки высокоорганизованнаго животнаго не делятся потому, что подчинены законамъ роста целаго, какъ каждый изъ насъ законамъ государства.

Теперь мы можемъ точнее формулировать различія между клетками, какъ мы ихъ находимъ у простейшихъ низшихъ животныхъ и растеній, съ одной стороны, и клетками человека и другихъ высокоорганизованныхъ животныхъ, съ другой стороны. Одноклеточные организмы подчинены исключительно внутреннимъ своимъ условіямъ размноженія, они обладаютъ ростомъ и размноженіемъ, свойственными клетке, какъ таковой. Я назову это «цитотипической жизнью». Такая цитотипическая жизнь преобладаетъ и у низшихъ многоклеточныхъ животныхъ, и у всехъ растеній. Напротивъ, клетки человека и высшихъ животныхъ теряютъ значительную долю такого самоопределенія, оне суть составныя части органа, имеющаго выполнять одну функцію, оне должны подчинять себя потребностямъ этого органа, въ свою очередь стоящаго въ зависимости отъ потребностей всего организма въ целомъ. Такой родъ клеточной жизни мы назовемъ «органотипической жизнью». Въ ряде организмовъ отъ низшихъ формъ до высшихъ мы можемъ проследить, какъ цитотипическая жизнь все более и более отходитъ на задній планъ, а органотипическая получаетъ все большее и большее рас-

прострaненіе. Это измѣненіе клѣточной жизни мы можемъ подмѣтить и въ описанномъ выше вкратцѣ индивидуальномъ развитіи человѣка, такъ же, какъ и въ развитіи всѣхъ высшихъ животныхъ. Вначалѣ — обильное размноженіе клѣтокъ, чисто цитотипическая жизнь, все болѣе и болѣе затихающая и смѣняющаяся органотипической жизнью.

Попробуемъ теперь проникнуть глубже въ причинную связь между высотой организаціи и органотипической жизнью, т. е. ограниченіемъ способности дѣленія клѣтокъ. Это чрезвычайно трудная проблема, и мы еще очень далеки отъ полнаго ея разрѣшенія; но уже и теперь мы можемъ установить кое-что, что разъясняетъ намъ явленіе и что имѣетъ значеніе для дальнѣйшихъ нашихъ соображеній.

Какъ всякая высшая организація въ природѣ и въ жизни народовъ покоится на распредѣленіи труда и связанной съ нимъ дифференцировкѣ, такъ и высокоорганизованное строеніе человѣка слагается изъ весьма разнороднаго матеріала, изъ железъ, мускуловъ, нервовъ, костей, хряща и т. д. На опредѣленномъ примѣрѣ я разъясню сейчасъ, какимъ путемъ получается дифференцировка частей, и какъ дифференцировка измѣняетъ отношеніе къ цѣлому по сравненію съ низшими состояніями. Я возьму весьма наглядный примѣръ—мускулъ. Каждое мускульное волокно представляетъ вначалѣ клѣтку; эта клѣтка растетъ и размножаетъ свои ядра; но мускульное движеніе выполняетъ не сама она. Для этой цѣли она производитъ специфическія орудія, она вырабатываетъ поперечнополосатыя мускульныя волоконца во все большемъ и большемъ числѣ, пока, наконецъ, маленькій мастеръ не исчезнетъ почти совершенно за своими орудіями. Мускульныя волоконца производятъ движенія, выполняютъ работу и при этомъ изнашиваются; на долю же клѣтки выпадаетъ задача заботиться о питаніи и возстановлять негодное къ употребленію; она не можетъ больше пользоваться пищей въ свою пользу, для роста и собственнаго размноженія; она отдаетъ пищу функціонирующимъ частямъ органа; она стала органотипической. А такъ какъ мускульныя движенія выполняются безъ всякаго отношенія къ тому, нужны ли они клѣткѣ или нѣтъ, такъ какъ не она даетъ толчокъ къ нимъ и управляетъ ими, но всѣ эти опредѣляющія вліянія исходятъ отъ всей совокупности организма, то клѣтка уподобляется рабынѣ, отъ которой требуютъ работы, не спрашивая ее, соотвѣтствуетъ ли мѣра силъ ея той работѣ, которую она должна исполнить.

То, что я выяснилъ сейчасъ на примѣрѣ мускула, приложимо ко всѣмъ тканямъ человѣческаго тѣла, хотя и не ко всѣмъ въ одинаковой мѣрѣ. Большая работоспособность нашего тѣла обусловливается именно тѣмъ, что наши клѣтки перестаютъ жить индивидуальной жизнью. Только такимъ путемъ и можетъ быть

получено гармоническое взаимодѣйствіе частей, необходимое для высшихъ функцій. Отъ нашихъ клѣтокъ требуется создать и поддерживать въ сохранности орудія, а распоряжаться послѣдними будутъ уже не онѣ. И, однако, эти клѣтки, низведенныя до степени рабовъ, являются всетаки настоящими носителями жизни, отъ того или другого состоянія которыхъ зависитъ благосостояніе цѣлаго. Здѣсь противорѣчіе, опасное для цѣлаго; но здѣсь же открывается намъ и связь между смертью и высотой дифференцировки.

Мы видѣли, что у одноклѣточныхъ животныхъ, когда они хорошо питаются и усиленно размножаются, наступаетъ временная депрессія; они пріостанавливаютъ или ограничиваютъ свои функціи, чтобы реорганизовать составныя части своей клѣтки. Въ клѣткахъ человѣческаго организма что-либо подобное уже не возможно. Когда организму нужны въ жизни мускульныя движенія, нѣтъ вопроса о томъ, въ состояніи ли клѣтка пополнить теряемое при этомъ вещество или не исчерпана ли ея работоспособность до крайнихъ предѣловъ и не наступаетъ ли для нея депрессія. Небольшія регуляціи частей клѣтки, несомнѣнно, происходятъ здѣсь во время функціонированія, но глубокія реорганизаціи, предполагающія длительный покой въ теченіе часовъ или сутокъ, здѣсь исключены. То же самое приложимо и къ нашимъ нервамъ, железамъ и даже къ функціонально менѣе важнымъ тканямъ нашего тѣла. Правда, мы говоримъ объ отдыхѣ у высокоорганизованныхъ животныхъ; мы подкрѣпляемъ себя сномъ, чтобы нашъ мозгъ, наши органы чувствъ, наши мускулы могли выдержать новыя напряженія. Мы ѣдимъ чрезъ большіе промежутки, чтобы дать отдохнуть пищеварительнымъ клѣткамъ. Но такого покоя организма, съ какимъ мы ознакомились у простѣйшихъ и у растеній, при этомъ не достигается. Неустанно сплетаетъ мозгъ и во снѣ нити сновидѣній, сердце гонитъ кровь по жиламъ, дыхательный аппаратъ снабжаетъ тѣло необходимымъ кислородомъ и освобождаетъ его отъ ненужной углекислоты, почки выдѣляютъ продукты распада, возникающіе при жизнедѣятельности. Ни одна изъ этихъ функцій не можетъ быть пріостановлена. Становятся клѣтки, лежащія въ основѣ этихъ функцій, недостаточно регулированными, вслѣдствіе временно чрезмѣрной и слишкомъ продолжительной работы,—ихъ орудія, мускульныя и нервныя волоконца, опорныя субстанціи, секреторныя вещества приходятъ въ негодность, пока не дойдутъ до такой степени обветшалости, при какой должны исчезнуть и малѣйшіе слѣды жизни. Высокая степень дифференцировки необходимо ведетъ отъ частичной смерти клѣтокъ къ смерти цѣлаго.

Если причиной смерти клѣтокъ является то принужденіе функціонировать, какое оказываетъ на нихъ организмъ въ его совокупности, то прекращеніе этого принужденія, возвратъ отъ органотипической жизни къ цитотипической, возстановленіе самоопредѣленія

клѣтокъ должно вести къ тому, что послѣднія опять получаютъ способность къ долгому существованію и усиленному размноженію. Это наблюдается въ дѣйствительности. Выше я уже имѣлъ случай коснуться новообразованій или опухолей, этихъ столько же интересныхъ, сколько и практически важныхъ аномалій клѣточной жизни. Коснемся ихъ еще разъ съ только что изложенной точки зрѣнія. Опухоли сводятся въ основѣ къ размноженію клѣтокъ, болѣе или менѣе рѣзко эмансипировавшихся отъ законовъ роста всего организма; ихъ клѣтки не подчиняются больше потребностямъ цѣлаго; они стали клѣточными революціонерами, идущими своей собственной дорогой.

Мы видѣли, что принужденіе, исходящее отъ организма, выражается въ функціи; оно тѣмъ энергичнѣе, чѣмъ болѣе дифференцирована ткань, т. е. приспособлена къ опредѣленной функціи. Чѣмъ выше эта дифференцировка, тѣмъ труднѣе клѣткамъ выйти изъ-подъ вліянія цѣлаго. Правильность такого хода мысли доказывается тѣмъ, что мы знаемъ объ опухоляхъ. Сильнѣе всего органотипическій характеръ тканей выраженъ въ нервахъ и мускулахъ, затѣмъ слѣдуетъ кость и хрящъ, слабѣе всего въ соединительной ткани и эпителіи. Соотвѣтственно такому распредѣленію, распредѣляется и частота, энергія и злокачественность опухолей въ отдѣльныхъ тканяхъ. Опухоли нервной ткани рѣдки и не опасны. Соединительнотканныя же опухоли, саркомы и эпителіальныя, карциномы, чаще и опаснѣй; онѣ образуютъ главный контингентъ *раковыхъ* опухолей, тѣхъ страшныхъ клѣточныхъ разростаній, которыхъ человѣчество должно бояться больше чумы и холеры. Способность къ чрезвычайному размноженію клѣтокъ, которую я описалъ вамъ у простѣйшихъ, пробуждается въ этихъ опухоляхъ къ новой жизни, а съ нею и нѣкоторая степень безсмертія въ томъ смыслѣ, въ какомъ было опредѣлено ближе это понятіе у простѣйшихъ.

Новѣйшія изслѣдованія дали въ этомъ отношеніи поразительные результаты; они произведены надъ раковыми опухолями у мышей. Въ 1900 году датскій изслѣдователь, Іенсенъ, привилъ частицы опухоли больной ракомъ мыши другимъ мышамъ. Мыши, подвергнувшіяся прививкѣ, сами ракомъ не страдали, но клѣтки привитой частицы опухоли начали разростаться, какъ растеніе на тучной почвѣ, съ той только разницей, что животное, подвергнувшееся операціи, погибало отъ опухоли. Прививая раньше, чѣмъ дѣло дойдетъ до такого результата, злокачественную ткань другимъ мышамъ и повторяя такой переносъ все дальше и дальше, удается провести одну и ту же раковую культуру въ продолженіе нѣсколькихъ лѣтъ. Подобнаго рода опыты произведены были за это время различными изслѣдователями, въ наиболѣе широкой постановкѣ Эрлихомъ во Франкфуртѣ на М. Какъ мнѣ пишетъ профессоръ Эрлихъ, отводки первой раковой опухоли живутъ еще и теперь.

Такъ какъ мышь, послужившая тогда для опыта, была полуторагодовалая и такъ какъ со времени первой прививки прошло 6 лѣтъ, то продолжительность жизни рака и ткани, изъ которой онъ образовался, обнимаетъ $7^1/_2$ лѣтъ, нормальная же продолжительность жизни мыши только два года. Вѣроятно, въ концѣ концовъ эти культуры, подобно культурамъ простѣйшихъ, погибнутъ разомъ; до сихъ поръ, однако, никакихъ указаній на смерть нѣтъ, да пока ихъ и ожидать нельзя, потому что скорость дѣленія данныхъ раковыхъ клѣтокъ все же весьма далека отъ скорости размноженія какой-либо инфузоріи.

Только что изложенные результаты опытовъ трансплантированія раковыхъ опухолей представляютъ выдающійся интересъ во многихъ отношеніяхъ; они показываютъ, какъ слабо обосновано ученіе о томъ, что опухоли могутъ быть вызываемы паразитами, подобно инфекціоннымъ болѣзнямъ; они говорятъ скорѣе въ пользу воззрѣнія, что опухоли зависятъ отъ перемѣны въ характерѣ клѣтокъ. Подобно тому, какъ эмбріональныя клѣтки по внутреннимъ, лежащимъ въ нихъ самихъ причинамъ измѣняютъ свой цитотипическій характеръ въ органотипическій, такъ точно нѣтъ никакого основанія и клѣткамъ взрослаго тѣла отказывать въ возможности продѣлать это измѣненіе еще разъ, на этотъ разъ только въ обратномъ смыслѣ.

Но гораздо важнѣе для насъ второй результатъ, что эти вторично измѣнившіяся клѣтки обладаютъ жизненной силой, далеко превосходящей органологически дифференцированныя клѣтки. Въ этомъ я усматриваю новое доказательство того, что относительная краткость жизни послѣднихъ есть слѣдствіе той функціи, какую они принуждены выполнять.

Мы освѣтили проблему смерти съ различныхъ точекъ зрѣнія и пришли вездѣ къ одному и тому же основному воззрѣнію. Исполненіе жизненной функціи — вотъ что ведетъ къ разрушенію и имѣетъ слѣдствіемъ, смотря по условіямъ, въ какихъ протекаетъ жизнь, или частичную смерть отдѣльныхъ частей клѣтки, или цѣлыхъ группъ клѣтокъ, или общую смерть всего организма. Организмъ изнашивается подобно машинѣ; подобно послѣдней, онъ нуждается, поэтому, въ постоянной починкѣ, съ тѣмъ только различіемъ, что организмъ не только машина, но въ то же время и механикъ, которому самому приходится производить исправленія.

Надо намъ починить въ нашихъ машинахъ серьезныя поломки, мы останавливаемъ ихъ ходъ. Въ ограниченной мѣрѣ такая пріостановка возможна у болѣе простыхъ организмовъ. У высшихъ же организмовъ это не выполнимо, они принуждены безостановочно продолжать жизнь. Высшія функціи жизни становятся самымъ сильнымъ оружіемъ смерти.

Въ потѣ лица.

(Очерки и наблюденія русскаго путешественника).

I.

Въ поѣздѣ американской желѣзной дороги.—Страна, лишенная незыблемыхъ устоевъ.—Статистика безопасности.—Бофло (Буффало).—На рѣкѣ Ніагарѣ.—Англійская (канауская) таможня.—Городъ Бриджпортъ. Парадоксъ.—Американскій бродяга; прыгуны.

Ровно, мягко, съ легкимъ сдержаннымъ гуломъ катится поѣздъ: ни покачиваній на закругленіяхъ, ни назойливаго стука по стыкамъ рельсъ; чисто, опрятно въ отдѣланныхъ съ иголочки вагонахъ; много воздуха, свѣта, великолѣпныя сидѣнья,—бархатныя, въ видѣ креселъ, съ мягкими удобными спинками...

И всетаки полусуточный переѣздъ въ поѣздѣ американской желѣзной дороги туристу, привыкшему къ широкимъ россійскимъ порядкамъ, покажется внове почти наказаніемъ. Правда, тутъ не продадутъ вамъ билета съ трогательнымъ безразличіемъ къ тому, есть ли еще въ поѣздѣ свободное мѣсто, и не вынудятъ брать плацъ-карту, то-есть платить за только что оплаченное право; правда, и то, что мѣстные поѣзда ничѣмъ не напомнятъ вамъ заморенной клячи, такъ и норовящей постоять у каждаго зданія по пути... Контроль устроенъ тоже очень удобно: на перронъ впускаютъ только лицъ, имѣющихъ билеты, которые тутъ же у входа прокалываются контрольными щипцами. Въ поѣздѣ билеты отбираются кондукторомъ, а вмѣсто нихъ онъ выдаетъ пассажирамъ особыя картонныя таблетки разнаго цвѣта, съ наименованіемъ станціи назначенія,—синія для одной станціи, красныя для другой и т. д. Поѣздному контролеру остается лишь посчитать, проходя по вагону, одноцвѣтныя таблетки (пассажиры неизмѣнно закладываютъ ихъ до половины за ленту шляпы) и соотвѣтственно свѣрить съ хранящимися у кондуктора подлинными билетами.

На россійской дорогѣ есть гдѣ поразмять отсиженныя ноги, а на частыхъ стоянкахъ можно и пройтись, и полюбоваться видами, и понаблюдать жанровыя сцены, въ изобиліи доставляемыя

проѣзжающими окрестными пейзажами. Здѣсь же—пробрался къ своему бархатному креслу, и сиди: не только походить по вагону, но и постоять у своего мѣста затруднительно *): роскошныя скамьи-кресла разставлены тѣсными рядами, какъ въ партерѣ театра; покатая спинка кресла сосѣдняго передняго ряда почти упирается вамъ въ грудь... Щеголеватая, безстрастно спокойная публика американскаго поѣзда, большею частью, держитъ себя такъ холодно-замкнуто, что отпадаетъ всякая охота завязать разговоръ. Не больше облегчатъ дорожную скуку и пейзане,—ихъ тутъ и вовсе нѣтъ: изъѣздите страну вдоль и поперекъ,—ничего, похожаго на село или деревню, несмотря на то, что въ Соединенныхъ Штатахъ насчитывается около 2.400 поселеній, съ числомъ жителей не свыше трехъ тысячъ душъ каждое **). Мѣстами, правда, за этими поселеніями еще сохранилось въ обиходѣ привычное европейскому уху имя village (деревня), однако, на дѣлѣ, все это довольно чистенькіе «тауны» (города), съ распланировкою улицъ и учрежденіями, свойственными лишь поселеніямъ городского типа.

Поѣздъ быстро катится впередъ; остановка только у нѣкоторыхъ, очень немногихъ, станцій,—и то лишь на двѣ-три секунды,—чтобы спустить и принять пассажировъ. И снова мелькаютъ передъ вами точно окрестности какого-то зачарованнаго, все убѣгающаго вдаль, города: фермы-дачи, съ башенками и безъ нихъ, съ террасовидными, пирамидальными и остроконечными, англоготическими крышами, съ образцово содержимыми фруктовыми садами, цвѣтниками, газонами, роскошными декоративными растеніями передъ крыльцомъ, смѣло и жизнерадостно поглядывающія на поѣздъ среди начинающихъ уже зеленѣть чуть-чуть покатыхъ полей.

Кажется, глазъ не оторвать отъ этой дышащей яркимъ довольствомъ картины, безконечною пестрою лентой плывущей теперь передъ нами въ плотномъ вечернемъ воздухѣ поздней весны... До скуки спокойная публика моего вагона, однако-жъ, не замѣчаетъ ни тихой, сквозь дрему, улыбки природы, ни при-

*) Разумѣется, въ вагонахъ перваго класса (здѣсь поѣзда, а не вагоны раздѣляются на классы, при чемъ третьяго класса совсѣмъ не имѣется)—и просторъ, и комфортъ: даже ванны къ услугамъ пассажировъ, холодныя—лѣтомъ, теплыя—зимой. Но плата въ этихъ поѣздахъ что-то впятеро выше платы въ нашихъ вагонахъ перваго класса.

**) По даннымъ Бюро Ценза (Census Office) за 1890 годъ. Интересно, что и здѣсь, не взирая на относительную прибыльность американскаго фермерскаго хозяйства, сказывается мощное обаяніе городской культуры: въ 1790 году городское население составляло здѣсь лишь 3,35 проц. народонаселенія Соединенныхъ Штатовъ; въ 1840 г., т. е. 50 лѣтъ спустя, оно давало уже 8.52 проц., въ 1870 г.—уже 20,98 проц., въ 1880 году—22,57 проц., а въ 1890 г.—цѣлыхъ 29,12 проц., т. е. составляло почти треть всего населенія Соединенныхъ Штатовъ.

вычнаго блеска культуры... «За мои деньги меня свезутъ, куда пожелаю, и—довольно!» вѣетъ отъ моихъ молчаливыхъ, замкнутыхъ спутниковъ, не удостаивающихъ взглядомъ даже сосѣда... Одинъ я съ невольною завистью оглядываю чуждый ландшафтъ да съ тоской и тревогой гляжу въ сизоватую влажную мглу горизонта, гдѣ, за буйнымъ потокомъ полей, луговъ и садовъ загадочно-задумчиво синѣютъ далекія горы. Что обѣщаетъ мнѣ эта картинная даль, что прикрываетъ собою?.. Лопнувшій рельсъ, резонную причину крушенія?.. Или счастливую встрѣчу, чего такъ мало въ жизни,—поворотъ въ неприглядной судьбѣ?.. Или ни то, ни другое, а прежніе сѣрые будни, съ прежней, неясной и мнѣ самому, и моимъ ближнимъ, безплодной, напрасной, но властной тоской о свободѣ и правдѣ?..

Шесть часовъ вечера, станція «Сиракузы» *) (кондукторъ произноситъ что-то вродѣ «сайркьюзъ»). Здѣсь получасовая остановка для ужина. Двѣ такія же остановки имѣемъ мы за день, — для завтрака и обѣда; остальное время поѣздъ летитъ, точно убѣгаетъ отъ какой-то погони...

Да, пожалуй, оно такъ и есть: отъ центральной станціи Нью-Іорка, напримѣръ, поѣзда отходятъ каждыя семь, пять, даже три минуты. Понятно, что на иныхъ перегонахъ должны поэтому одновременно мчаться по два, если не по три, поѣзда. Чтобы дать имъ взаимно отдалиться, не уменьшая въ то же время быстроты общаго хода, первому поѣзду, считая отъ экспресса (который пускаютъ послѣ нѣкотораго перерыва), даютъ первую остановку лишь на отдаленной станціи и каждому послѣдующему — на менѣе отдаленной. Отсюда-то и эти секундныя остановки, и эта сказочная, горячечная гонка **).

«При такихъ порядкахъ, скажутъ, долго ли до несчастія?..» И несчастья тутъ таки нерѣдки. Однако же, при ближайшемъ разсмотрѣніи относящихся сюда статистическихъ данныхъ, получается впечатлѣніе, несомнѣнно, въ пользу мѣстныхъ порядковъ.

---

*) Въ Соединенныхъ Штатахъ очень нерѣдки названія, заимствованныя изъ классической (греческой и восточной) древности. Такъ, здѣсь имѣются города: Мемфисъ, Ѳивы, Минеаполисъ, Аннаполисъ, Аѳины и др. За то есть и Парижъ, и нѣсколько Лондоновъ, Оксфордовъ, Кембриджей, Ливерпуль, Петербургъ и Римъ. Имѣются и города, носящіе имена крупныхъ историческихъ лицъ, напр., Ипсиланти, нѣсколько Бисмарковъ и т. д.

**) При великомъ множествѣ курсирующихъ по американскимъ дорогамъ поѣздовъ (отъ одной центральной станціи Нью-Іорка отходитъ и приходитъ ежедневно 125 поѣздовъ) публикѣ было бы очень трудно оріентироваться въ расписаніи относительно остановокъ, и, навѣрное, случались бы досадныя ошибки, во избѣжаніе которыхъ на станціяхъ отправленія передъ отходомъ каждаго поѣзда выставляются на громадной черной доскѣ яркими буквами названія всѣхъ станцій, гдѣ данный поѣздъ будетъ имѣть остановку.

Такъ, за 1895 г. поѣздами здѣшнихъ дорогъ было убито всего... 170 пассажировъ, что, при общемъ числѣ 507.500.000 перевезенныхъ, даетъ лишь одного убитаго на 3.000.000 благополучно прослѣдовавшихъ до мѣстъ назначенія. За тотъ же годъ въ строго порядковой Англіи одинъ убитый приходится на 2.501.300 перевезенныхъ благополучно *). Еще ярче станетъ значеніе этихъ цифръ, если примемъ во вниманіе, что въ отчетномъ году въ Америкѣ было 179.300 миль рельсоваго пути, а въ Англіи лишь 20.000... **)

Итакъ, проѣздъ по здѣшнимъ желѣзнымъ дорогамъ далеко не такъ ужъ опасенъ, какъ это нѣкоторые утверждаютъ, хотя, признаюсь, перелетъ въ поѣздѣ со скоростью 85 верстъ въ часъ, по началу, вызываетъ тягостное чувство, особенно въ темную ночь, когда яркое электрическое освѣщеніе внутри вагона еще болѣе сгущаетъ черную мглу за окномъ, и вамъ кажется, что поѣздъ бѣжитъ уже какимъ-то узкимъ, длиннымъ-длиннымъ тоннелемъ, своды котораго готовы вотъ-вотъ раздавить его, какъ песчинку. Нервная жизнь наростаетъ съ часами, вызывая усиліе воли, чтобы подавлять въ себѣ страстное до болѣзненности желаніе—вырваться поскорѣй изъ этой стальной коробки, получить драгоцѣнное право перемѣщаться по собственному усмотрѣнію...

За ночь поѣздъ останавливался только въ пяти-шести мѣстахъ. Ярко залитыя огнями, но очень скромныя, небольшія станціи (грандіозныя желѣзнодорожныя махины здѣсь не въ модѣ) на мгновеніе подбѣгали къ затихавшему у перрона поѣзду, съ жаднымъ любопытствомъ заглядывали въ его окна и, точно отпугнутыя кѣмъ-то, такъ же мгновенно отбѣгали въ чернильную мглу позади. На двѣ-три минуты показался Рочестеръ—феерически живописный ночью Рочестеръ, съ его волшебнымъ водопадомъ, чуть не посреди самого города, и красивымъ бульваромъ, задумчиво-театрально примолкшимъ у клубящихся синевато-серебристою пѣной неугомонныхъ струй. За Рочестеромъ—снова прежнія маленькія, невзрачныя станціи...

Пассажиры выходили и входили все такіе же чопорно-опрятные, безстрастные, молчаливые. Я машинально наблюдалъ эти солидно-спокойныя фигуры, неторопливо и увѣренно, какъ у себя дома, пробиравшіяся къ своему мѣсту и, большею частью, тотчасъ же засыпавшія въ своихъ креслахъ. Мнѣ было не до сна: неожиданный, полный загадокъ вопросъ: что теперь дѣлать?—не давалъ мнѣ покоя.

---

*) Подобныя же отношенія даютъ и цифры потерпѣвшихъ пораненія и увѣчья.

**) А во всей Европѣ—151.817 миль; въ Россіи—24.000 миль.

За уплатою $17^1/_2$ долларовъ (30 руб. 50 коп.),—стоимости билета на проѣздъ отъ Нью-Іорка до Бофло—у меня оставалось всего-на-всего 87 центовъ (1 руб. 60 коп.)—и никакихъ поступленій впереди... Останавливаться съ такими рессурсами въ Бофло (Buffalo), гдѣ, при самой усердной экономіи, ихъ могло хватить дня на два,—нечего было и думать, тѣмъ болѣе, что я не зналъ никакого ремесла. Да и ремесленнику, даже хорошему ремесленнику,—можно ли разсчитывать въ первые же два дня найти себѣ работу въ чужомъ, незнакомомъ городѣ?..

Куда же дѣваться?

Благоразумнѣе всего, конечно, искать работы гдѣ-нибудь въ глубинѣ страны: весна выдалась дружная; скоро должны были начаться и полевыя работы; переходя отъ фермы къ фермѣ, можно найти заработокъ, на худой конецъ хотя бы столъ и кровъ.

Но далеко ли заберешься съ моими 87-ю центами... Меня начинала соблазнять мысль: броситься въ этотъ невѣдомый Бофло, взять первую же попавшуюся дешевую комнатку—заснуть и хоть на нѣсколько часовъ уйти отъ тревожной заботы... Я гналъ эту мысль, боролся съ нею, какъ съ навожденіемъ, но много-много усилій стоило мнѣ рѣшеніе, которое, казалось бы, такъ ясно, опредѣленно подсказывало мое положеніе...

За то, когда раннимъ свѣжимъ утромъ, передъ самымъ восходомъ солнца, поѣздъ подкатилъ къ станціи Бофло и, съ жалобно-горестнымъ вздохомъ Вестингаузова тормаза, замеръ у перрона, я бодро взялъ свой мѣшокъ и, не задумываясь, зашагалъ по широкой, обсаженной густовѣтвистыми деревьями и совершенно еще пустынной улицѣ къ сѣверу,—въ сторону, гдѣ должна была находиться рѣка Ніагара, а за ней—и желанная Канада... Каждая миля, отдѣлявшая меня отъ Бофло, умножала шансы на заработокъ, а стало быть,—на освобожденіе...

Эта мысль порой почти опьяняла меня, и мнѣ казалось, что и все вокругъ вторитъ моему настроенію: и эти веселенькіе, большею частью, одноэтажные, выкрашенные въ свѣтлую масляную краску дома-особняки, и ярко зеленый дернъ, роскошнымъ ковромъ стлавшійся по обѣ стороны ходовой полосы тротуаровъ, и само это кроткое солнце, нѣжно принимавшееся будить разомлѣвшій въ сладостной утренней нѣгѣ городъ. Мнѣ стало почти весело, по-дѣтски весело, и я едва удержался, чтобы не расхохотаться, когда на вопросъ, какъ тутъ поближе пройти къ рѣкѣ, прохожій, съ пучкомъ малярныхъ кистей въ одной рукѣ и ведеркомъ съ краской въ другой, произнесъ наставительно, хотя и съ грубымъ нѣмецкимъ акцентомъ:

— Ну, идите вонъ тѣмъ переулкомъ... А потомъ будетъ спускъ, налѣво, къ самой рѣкѣ. А тамъ и Най-э-грэ... Най-э-грэ, а не Ніагара... Да, Найэгрэ...

———

У рѣки—точно кто перемѣнилъ картинку въ волшебномъ фонарѣ—было непривѣтливо, холодно, угрюмо. Сѣрыя, мутныя волны съ массою мелкаго грязноватаго льда, грязноватые, сомнительной наружности домишки, по портовому обычаю тѣснившіеся почти къ самой водѣ, желтоватые тоны противоположнаго глинистаго берега, съ его убогими деревянными строеніями, наконецъ, самое небо, точно испачканное сизоватыми хлопьями безпрестанно подымавшагося съ сѣверо-востока и таявшаго въ зенитѣ бѣлесовато-мутнаго тумана,—все это оказалось бы въ пору хоть осеннему пейзажу Сибири.

На набережной все еще спало, даже на сиротливо, словно отъ холода, прижавшемся къ бревенчатой набережной паровомъ паромѣ не было ни души, ни дыма или пара изъ трубы. Вокругъ стояла глухая тишина утомленнаго торговаго предмѣстья, ничѣмъ и не напоминавшая исполненную удовлетворенія тишину ранняго городского утра, когда каждый случайный звукъ, кажется, рѣзво купается въ отдохнувшемъ, отфильтровавшемся воздухѣ.

Я взошелъ на паромъ. Двери небольшой деревянной четырехугольной надстройки у середины его борта оказались запертыми. На стукъ мой никто не вышелъ, только въ квадратномъ оконцѣ каюты на секунду показалась изъ-за пунцовой занавѣски сморщенная, желтая рука, указывавшая куда-то влѣво, должно быть,—къ висѣвшему тутъ росписанію.

До ближайшаго рейса парома оставалось, надо полагать, минутъ двадцать,—перспектива не изъ пріятныхъ, тѣмъ болѣе, что, послѣ безсонной ночи и на пустой желудокъ, для меня былъ очень чувствителенъ стоявшій тутъ сырой, пронизывающій холодъ. Однако же, въ общемъ, чувствовалъ я себя прекрасно и, улегшись на узенькой скамейкѣ позади каюты, спокойно глядѣлъ на торопившіяся куда-то бурыя волны, по которымъ тамъ и сямъ пробѣгали змѣйки дымчатаго холоднаго пара. Сквозь упорно надвигавшійся сонъ, мнѣ было слышно, какъ назойливо толкались о бортъ, сталкивались другъ съ дружкой и скрежетали льдины.

Изъ ближняго переулка показался и медленно взъѣхалъ на паромъ новенькій изящный «босъ» (buss), четырехмѣстный кабріолетъ, съ удивительно тонкими, стройными, высокими колесами. Лошадью, гордо, почти надменно выступавшею, правилъ худощавый, бѣдно одѣтый малый, неопредѣленнаго возраста, съ испитымъ лицомъ, впалыми, дряблыми щеками и поникшей головой, но безъ морщинъ, и съ шустрымъ взглядомъ живыхъ, ясныхъ глазъ.

Для меня онъ былъ находкой: фермерскій работникъ! Я завязалъ разговоръ: спросилъ, можно ли теперь найти работу на фермѣ, много ли тутъ фермъ по близости, не согласится ли онъ меня подвезти, и далеко ли онъ ѣдетъ? Къ большому моему удовольствію, интересный собесѣдникъ, весело попыхивая коротенькой

трубочкой, отвѣчалъ; «о, да!.. О, конечно... разумѣется, разумѣется!» Но какъ только паромъ подошелъ къ канадскому берегу, и и таможенный — онъ же надсмотрщикъ, онъ же сторожъ, онъ же управляющій—бросилъ разрѣшительный взглядъ внутрь пустого экипажа, этотъ сговорчивый малый такъ энергично стегнулъ плетенными возжами свою лошадь, что та молніей вынесла кабріолетъ на взгорье и умчала его изъ глазъ раньше, чѣмъ я могъ опомниться...

Опросъ въ таможнѣ не занялъ и двухъ минутъ: тутъ же, на пристани, меня спросили, нѣтъ ли у меня съ собой спиртныхъ напитковъ, табаку и новыхъ книгъ для продажи.

Послѣ отрицательнаго отвѣта мнѣ предложили идти, куда пожелаю. Замѣчу, что мѣшокъ мой, вмѣщавшій въ ту пору фунтовъ 25 однѣхъ книгъ и замѣтно утруждавшій мнѣ плечи, былъ довольно объемистъ, а самъ я, чтобы облегчить себѣ поклажу, надѣлъ въ дорогу четыре пары бѣлья и двѣ пары платья, и потому долженъ былъ казаться ненормально тучнымъ, особенно при исхудавшемъ послѣ болѣзни лицѣ.

Бриджпортъ, малоизвѣстный городокъ провинціи Онтэріо *), широко, совсѣмъ не по-американски, раскинулся о бокъ съ фортомъ Ири, на невысокомъ канадскомъ берегу, насупротивъ Бофло: при своихъ, кажется, двухъ или трехъ тысячахъ населенія, Бриджпоръ занимаетъ площадь не меньше восьми-девяти квадратныхъ верстъ. За то тутъ уже сразу чувствуется просторъ, какого не видно въ городахъ восточныхъ штатовъ союза: дома, большею частью одноэтажные и почти сплошь деревянные,—настоящія усадьбы со службами и обширными дворами, отдѣленными отъ улицы невысокимъ досчатымъ заборомъ; улицы широкія.

Въ городѣ двѣ гостиницы, типографія, гдѣ печатается газета «Бриджпортскій Герольдъ», аптека, два-три небольшихъ завода, станція желѣзной дороги и станція почтовыхъ экипажей, правильно курсирующихъ между этимъ городкомъ и нѣсколькими такими же внутри страны. И при всемъ этомъ, Бриджпортъ удивительно безлюденъ: за полчаса я встрѣтилъ на его улицахъ трехъ или четырехъ прохожихъ да узрѣлъ одну обывательницу, непривѣтливую пожилую особу, вышедшую на крылечко деревенскаго типа поглядѣть, на кого это разлаялась ея дворовая собака. Замѣтивъ у порога сказанную почтенную особу, я подошелъ ближе и самымъ вѣжливымъ тономъ попросилъ напиться. Меня угостили... просьбой проходить дальше и не дразнить собаку...

---

*) Какъ извѣстно, Канада состоитъ изъ семи внутренно совершенно автономныхъ провинцій, пяти успѣшно заселяемыхъ (изъ нихъ въ одномъ — наши духоборы) и пяти малонаселенныхъ округовъ. Кстати, четыре изъ округовъ перваго рода, по занимаемому ими пространству, больше всей европейской Россіи.

Свернулъ за уголъ—все такіе же обвѣтренные деревянные домики, протянувшіеся вглубь двора перпендикулярно къ улицѣ, съ обѣихъ сторонъ окаймленной досчатыми деревянными тротуарами. Улицы—не мощенныя, изрытыя колеями; мѣстами сѣрѣютъ засыпанныя сланцевымъ мусоромъ выбоины; на перекресткахъ по два, наискосокъ, на деревянныхъ некрашенныхъ столбахъ фонаря. Такъ и видно, что Бриджпортъ въ нѣкоторомъ родѣ—суррогатъ городского поселенія. И, дѣйствительно, для большинства его жителей это — просто собраніе дортуаровъ, мѣсто ночлега, то, чѣмъ служитъ Бруклинъ для Нью-Іорка. Главное же мѣстопребываніе, арена жизненной дѣятельности, источникъ существованія лежитъ за ближней границею Бофло,—благо, для перехода границы тутъ не требуется паспорта, а таможня снисходительна.

Не можетъ быть сомнѣнія, что эта снисходительность позволяетъ людямъ проносить кое-какую мелкую контрабанду, но за то обезпечиваетъ за населеніемъ Бриджпорта и его окрестностей пользованіе всѣми промыслами, безъ которыхъ бѣдному собственными ресурсами канадскому городку трудно было бы сохранить за собою и самое право на существованіе, приносящее теперь той же казнѣ, путемъ всякихъ прямыхъ (земельныхъ) и косвенныхъ (торговыхъ) налоговъ, не въ примѣръ больше того, что она должна терять изъ-за мелкой контрабанды; на крупную же, злостную контрабанду населеніе, обезпеченное средствами существованія и воспитанное свободными учрежденіями въ духѣ лойяльности и взаимной порядочности, и само не пойдетъ. Лучшее обезпеченіе интересовъ казны заключается въ подчиненіи ихъ насущнымъ интересамъ населенія...

За ближайшимъ поворотомъ, во дворѣ, шагахъ въ десяти отъ забора, замѣтилъ я вторую обитательницу Бриджпорта. Это была миловидная молодая особа, съ серьезнымъ, увѣреннымъ взглядомъ свѣтлосѣрыхъ внимательныхъ глазъ. Она развѣшивала для просушки бѣлье, прикрѣпляя его какими-то особыми пружинными шпильками къ тонкой бичевкѣ, передвигавшейся на блокахъ. И я рискнулъ заговорить съ ней.

Изъ ея отвѣта я долженъ былъ убѣдиться, что, увы! послѣднія двѣ съ половиной мили прошелъ совершенно напрасно: въ этомъ направленіи, нѣсколькими милями дальше, находились не фермы, а водопады, знаменитые водопады «Найэгры», и близъ нихъ—двѣ-три гостиницы...

Узнавъ изъ моихъ словъ, что я ищу работы на фермѣ, и оглядѣвъ меня съ головы до ногъ, добрая женщина принялась меня отговаривать, совѣтуя, наоборотъ, идти къ водопадамъ и наняться гдѣ-нибудь при гостиницѣ; кстати вскорѣ открывался

«сезонъ», и должны были понаѣхать туристы. Мнѣ, однако, эта перспектива вовсе не улыбалась, и потому я торопливо закончилъ разговоръ и быстрѣе прежняго зашагалъ въ противную сторону.

Эта встрѣча, быть можетъ, многое опредѣлила въ моей дальнѣйшей американской жизни. Не будь ея, я, вѣроятно, добрелъ бы до самыхъ водопадовъ и, при моихъ 82 центахъ, согласился бы на мѣсто при гостиницѣ, если бы оно нашлось, не справляясь о томъ, дѣльнымъ людямъ или бездѣльникамъ приходится отдавать свои услуги.

Теперь же достаточно было мнѣ, усталому и голодному, представить себѣ сытаго, празднаго франта, переплывшаго океанъ изъ за моднаго желанія поглазѣть на Ніагару, и во мнѣ встало что-то въ родѣ душевнаго оскорбленія. Съ новою силой возгорѣлась во мнѣ желаніе поскорѣй съ головой окунуться въ работу, хотя бы тяжкую, но не столь органически-унизительную. Подъ вліяніемъ этого настроенія я пошелъ въ другую сторону и... такъ и не видѣлъ знаменитаго Ніагарскаго водопада...

— Эй, другъ!.. Обронили что-то! — окликнулъ меня на окраинѣ города господинъ среднихъ лѣтъ, плотный, небольшого роста, плохо выбритый, весь въ черномъ.

Я поблагодарилъ и поднялъ выпавшій изъ кармана платокъ.

— Должно быть, не очень-то удобно съ этакимъ экипажемъ?— замѣтилъ незнакомецъ непринужденно, кивая на мой непослушный мѣшокъ, то и дѣло сползавшій на бокъ, и пошелъ со мною рядомъ.

Я бѣгло оглядѣлъ его: устарѣлый покрой опрятно-чистаго платья, полныя, немного обрюзгшія, желтовато-красныя щеки, сосредоточенный, мало-подвижный взглядъ усталыхъ глазъ... «Школьный учитель, аптекарь, или членъ мѣстнаго клира»—рѣшилъ я мысленно.

— Путнику въ дорогѣ чѣмъ меньше багажа, тѣмъ лучше, — продолжалъ незнакомецъ, не смущаясь моимъ молчаніемъ.

— А почему вы знаете, что я путникъ?—спросилъ я нѣсколько нетерпѣливо.

Онъ улыбнулся.

— Я могъ бы прибавить: и недавно въ дорогѣ,—сказалъ онъ уже почти фамильярно.—Это не трудно замѣтить человѣку, который, какъ я, тоже, хвала Создателю, слѣдуетъ стопами апостольскими. Я тоже путникъ, какъ и вы...

— Вы развѣ не здѣшній житель?—удивился я.

Онъ опять улыбнулся.

— Пожалуй: въ чертвертый ужъ разъ прохожу этими мѣстами.

Я остановился, чтобы оправить свою аммуницію, онъ подождалъ; навстрѣчу намъ, съ узломъ и ивовымъ коробомъ въ рукахъ, по узкому деревянному тротуару шли двѣ женщины; онъ пріостановился, далъ дорогу, но поспѣшилъ снова поровняться со мною.

— Не правда ли, скучныя мѣста?—замѣтилъ онъ.

— Не имѣлъ еще времени осмотрѣться.

— Будто?.. Съ перваго же взгляда замѣтны эти красоты. И такъ—на десятки миль дальше... Совсѣмъ не то, что, напр., по ту сторону озеръ, на Редриверѣ или у Сенъ Джона.

Я промолчалъ: до красотъ ли Сенъ-Джона было мнѣ теперь!..

Но незнакомца не смущала моя необщительность; короткими, часто отрывистыми фразами онъ сталъ описывать мнѣ природу, быстрый ходъ заселенія далекихъ бездорожныхъ пустынь, добродушіе и простоту нравовъ живущихъ съ природою людей. Я слушалъ по прежнему разсѣянно, отчасти недовѣрчиво. Между тѣмъ, незнакомецъ яркими красками сталъ описывать работу на элеваторахъ Фортъ-Вилліама, гдѣ «рядъ чудовищъ съ жадностью, въ нѣсколько часовъ высасываетъ» содержимое десятка огромныхъ баржъ съ зерномъ, а затѣмъ капризнымъ скачкомъ онъ перелетѣлъ къ Атлантикѣ, къ базальтамъ и траппамъ залива Фэнди, и даже продекламировалъ стихи:

Гулко въ пещерахъ звеня и отъ скалъ отражаясь,
Съ вѣками бесѣду ведетъ и рокочетъ сѣдой океанъ,
Въ благоговѣньи глубокомъ бесѣдѣ немолчной внимая,
Таинственно шепчетъ про что-то задумчивый лѣсъ-великанъ... *)

Я былъ удивленъ и нѣсколько сбитъ съ толку: мистификація? Поддѣлка подъ бродяжество?.. Но зачѣмъ?.. Какая цѣль?

На помощь пришелъ самъ незнакомецъ:

— Мнѣ кажется, я могъ бы сказать, о чемъ вы теперь думаете,—началъ онъ послѣ нѣкотораго молчанія.

— А именно?..

— Вы думаете: «чего этому господину отъ меня надо»?

— Ну, и что же вы отвѣтили бы на подобный вопросъ?

— Что я радъ былъ встрѣтить дорожнаго товарища: въ здѣшнихъ сонныхъ мѣстахъ это такая рѣдкость! А у васъ, кстати, отличный ходъ.

— Цитируетъ Лонгфелло,—подумалъ я,—а выражается точно о лошади.

Я замялся, пробормотавъ что-то, что иду не далеко.

— Гдѣ ужъ тамъ: «не далеко»!—воскликнулъ онъ, махнувъ рукой.—Если бъ не далеко, навѣрное, оставили-бъ гдѣ-нибудь хоть на время свой багажъ... Просто затрудняетесь, а кажется,—чѣмъ бы?.. Денегъ у васъ, надо полагать, гм... многоточіе; у меня ихъ—также одни знаки препинанія. Стало быть,—акціонеры одной компаніи... При томъ я настоящій пигмей, въ сравненіи съ вами...

— Я и не боюсь васъ нисколько.

— Такъ въ чемъ же дѣло? Денегъ у меня мало? Но я, вотъ увидите, никоимъ образомъ не буду вамъ въ тягость,—какъ и

*) Лонгфелло „Евангелина".

вы мнѣ, конечно... При случаѣ, я—министеръ *) или перехожій учитель, при случаѣ—физіономистъ, френологъ, хиромантъ, предсказатель, лѣчу отъ запоя, и очень удачно, увѣряю васъ. А негдѣ заработать головой—я землекопъ, грузчикъ... Видите, сколько у меня способовъ дѣлать деньги?

— У васъ, должно быть, уже не одно, а нѣсколько состояній, если такъ,—пошутилъ я.—И тѣмъ не менѣе,—я долженъ поблагодарить и отказаться...

— Но почему же?

— Ну хоть потому, что у меня-то только и рессурсовъ, что мои ищущія работы руки; на первой же встрѣчной фермѣ я вынужденъ проситься въ работники.

— Здѣсь, большею частью, мелкія бѣдныя фермы,—замѣтилъ онъ, какъ будто съ нѣкоторой грустью. —Не думаю, чтобы вы скоро нашли себѣ что-нибудь подходящее...

Тутъ мы вышли на улицу — одностороннку, окаймлявшую городъ съ юго-запада. Бофло отсюда уже не было видно; за то, влѣво, сливаясь съ обычною дымкой далекаго весенняго горизонта, синѣла и зеленѣла за стальною полосой озера широкая равнина знаменитой Чаутоки, съ ея народнымъ университетомъ, десятки ужъ лѣтъ разсѣивающимъ лучи знанія.

Прямо передъ нами и, куда глянетъ глазъ, вправо шли глинисто-песчаныя, еще не проснувшіяся отъ зимней спячки поля, совершенно пустынныя и безъ всякаго признака хотя бы близости жилья, разбитыя на громадные, десятинъ по двѣнадцати, квадраты, обрамленные высокими деревьями съ темной корою и длинными кривыми вѣтвями у вершины. И высоко надъ всѣмъ этимъ—сѣрый отъ рѣденькаго тумана, тускло свѣтящійся куполъ прозаически однотоннаго неба,—картина, врядъ ли способная вызвать иллюзію сельской идиліи.

— Придется вамъ таки пошагать и пошагать!—проговорилъ незнакомецъ, какъ бы въ подтвержденіе.

— Ну, что же? Съ ближайшаго перекрестка и начну.

— Какъ? Значитъ, вы не намѣрены... прыгнуть?—удивился онъ.

— Куда это «прыгнуть?»

— Не знаете? Въ поѣздъ, разумѣется... Въ поѣздъ на ходу, на товарную платформу...

— А если замѣтятъ?—спросилъ я наивно.

— Ну, дадутъ два-три раза по шеѣ!..

Онъ проговорилъ это вскользь, мимоходомъ,—стоитъ ли, молъ, на такихъ пустякахъ останавливаться? Но на моемъ лицѣ, должно быть, слишкомъ ясно выступило изумленіе, потому что онъ все-таки добавилъ:

*) Министеръ—проповѣдникъ, ведущій церковную службу въ сектахъ Америки, не признающихъ священства.

— За то вѣдь двѣ-три станціи промчишься, не замѣтишь: и время въ экономіи, и ногамъ отдыхъ. Ногамъ-то досталось бы куда горше, не правда ли?

— Н-ну, всетаки не очень соблазнительно!—не сдавался я.— Приходится, какъ будто, пользоваться чѣмъ-то чужимъ, и безъ спросу...

— Э, сударь!.. Вѣдь въ наше просвѣщенное время противорѣчій не оберешься, только подумать!.. Наконецъ, это все еще единственно доступный бѣдному человѣку способъ совершать сколько-нибудь значительныя путешествія.

— А для чего же такъ усердно и путешествовать?

— А что же?.. Засѣсть гдѣ-нибудь въ затхломъ глухомъ углу, изъ года въ годъ учить ребятишекъ или читать усыпительныя проповѣди, пока старая лэди-смерть не вздумаетъ скормить тебя червямъ?.. Нѣтъ, благодарю: предпочитаю повидать свѣтъ... И что мнѣ мѣшаетъ?.. Пожилъ, поработалъ три-четыре мѣсяца на мѣстѣ,—и дальше, и дальше!.. Наконецъ,—кто знаетъ? — можетъ, гдѣ-нибудь ждетъ и меня «хорошій шансъ?..» Ну тогда, конечно, станемъ разъѣзжать уже за плату, и даже не въ поѣздахъ второго класса, какимъ, навѣрное, прибыли сюда и вы, а въ настоящемъ экспрессѣ—молніи... Такъ-то!.. Ну, что же? Прыгаемъ?— заключилъ онъ, пытливо всматриваясь мнѣ въ лицо.

— Идемъ!—отвѣчалъ я.

Онъ сдѣлалъ видъ, что не разслышалъ.

— Вотъ тутъ,—говорю я, совсѣмъ неподалеку, въ выемкѣ, есть великолѣпное мѣстечко: поѣздъ идетъ на подъемъ, медленно-медленно: можно съ полнѣйшимъ удобствомъ вскочить даже и съ вашимъ экипажемъ. Прыгаемъ, что ли?

— Идемъ!—повторилъ я рѣшительно.

— Такъ позвольте откланяться: мнѣ пора! Отъ станціи уже отошелъ поѣздъ, слышите?.. Испробуйте, кстати, остроту своего слуха!

Я прислушался,—но тщетно: только гдѣ-то собака тявкнула въ отдаленіи да хлопнули дверью въ сосѣднемъ, походившемъ на сарай или амбаръ, домѣ.

— А вотъ, онъ проходитъ по мостику,—продолжалъ незнакомецъ.—Минутъ черезъ десять будетъ у моего перрона... А мнѣ еще съ четверть мили!.. Ну, желаю вамъ поскорѣй купить собственную ферму!

— А вамъ—встрѣтить «наилучшій шансъ!»

— Благодарю...

И странный человѣкъ сталъ юношески быстро удаляться, съ легкостью резиноваго мячика перепрыгивая по кочкамъ дороги и помогая себѣ на ходу отведенными въ стороны, согнутыми у локтей, руками, точно бабочка, предъ полетомъ судорожно трепыхающая крыльями...

Я уже почти съ сожалѣніемъ смотрѣлъ ему вслѣдъ, но... не хотѣлось мнѣ ни «прыгать», ни связывать подобнымъ сомнительнымъ товариществомъ свободу моихъ дальнѣйшихъ дѣйствій... А безъ этой свободы незачѣмъ было и трогаться съ мѣста...

Послѣ двухъ-трехъ безуспѣшныхъ попытокъ купить себѣ на дорогу хлѣба я оставилъ городъ Бриджпортъ.

II.

Съ мѣшкомъ за плечами; сладостный сонъ. — Канадскіе мужики; ферма. „Пѣсня безъ словъ".—Нѣмецъ заводчикъ; мытарства.—Горькія минуты. Моя рѣчь въ собраніи риджуэнскихъ нонаблей; тихая пристань.

Дорога...

Кажется, и теперь еще она передъ моими глазами; загадочно-безмолвная, прямая, какъ стрѣла, унылая и безконечная, среди давно уже не видавшихъ плуга рыжевато - бурыхъ полей, лишь кое-гдѣ, какъ плѣсенью, покрытыхъ прошлогодней блѣдно-зеленой моховидной травой. Ни пятнышка, гдѣ могъ бы отдохнуть усталый взоръ, гдѣ чувствовался бы токъ пробуждающейся жизни!..

Я иду полчаса, часъ—ни души на дорогѣ, ни пташки въ полѣ, и всего одинъ—единственный поворотъ, съ такою же безсодержательной перспективой, какъ бы втиснутой межъ почернѣвшей отъ непогодъ своеобразной бревенчатой изгородью,—зигзагами, безъ всякихъ столбовъ и скрѣпленій, съ обѣихъ сторонъ ограждающею поля. Путь мой идетъ невдалекѣ отъ озера Ири, но озеро все время за прибрежными плоскими холмами и лишь изрѣдка неясно сѣрѣетъ въ сѣдловинахъ, точно громадное полотно, протянутое межъ увалами для просушки.

Не видно и солнца: завѣшано досаднымъ пологомъ бѣлесоватаго тумана. Оно, однако жъ, даетъ уже себя чувствовать: по ложбинкамъ, низко пригибаясь къ землѣ, ползутъ язычки полупрозрачнаго пара; къ полудню ихъ все больше и больше, и отъ этого, съ виду такого невиннаго пара становится жарко и душно, то и дѣло пересыхаетъ въ горлѣ, першитъ. А воды достать негдѣ...

Я останавливаюсь, сажусь около изгороди, прислоняюсь къ ней спиной, и... все вдругъ уплываетъ изъ глазъ: и дорога, и прошедшее, и настоящее, и будущее...

Спалъ я крѣпко, какъ новорожденный, безъ всякихъ сновидѣній; только подъ конецъ, предъ самымъ пробужденьемъ, мнѣ почудилось, будто я снова на океанѣ, и будто я разносчикъ, развожу по островамъ-фермамъ мелочные товары, чему, однако, сильно мѣшаетъ надоѣдливая качка...

— **Педлэръ!.. Весьма и весьма уважаемый мистеръ педлэръ!—**

среди грохота и шипѣнія волнъ донесся ко мнѣ чей-то веселый сипловатый голосъ.

Я протеръ глаза: надо мною—широкое веснусчатое лицо какого-то рыжаго лысаго дѣтины, съ длинными усами, съ несомнительнымъ запахомъ виски...

«Гдѣ я? Что за фигура?..»

— Простите, сэръ: безъ спросу вошелъ въ вашу спальню,— заговорилъ рыжій дѣтина съ покаянной гримасой на подвижномъ лицѣ.—Но... нѣтъ ли у васъ для меня... надежнаго гребня?..

— Какой гребень?.. Что вамъ угодно?—забормоталъ я спросонья.

— Ну... пару запонокъ?.. Только, знаете, такихъ, чтобъ были по вкусу Мэгги!..

— Оставьте его, Вилли!—раздался дрожащій басъ.—Видите: не мертвецъ, такъ пусть себѣ живетъ, если хочетъ.. А намъ обѣдать пора!..

Повернувшись на голосъ, я увидѣлъ маленькій воздушный кабріолетъ, а въ немъ дороднаго господина въ сѣромъ трико, отиравшаго большимъ платкомъ подозрительно красное, какъ мѣдь, лицо.

«Фермеръ!» – мелькнуло у меня... — Можетъ быть, это и есть мой счастливый «шансъ»?..

— Если вы фермеръ, сэръ...—началъ я безъ предисловія.

— И при томъ—скотопромышленникъ,—прервалъ меня басъ не то насмѣшливо, не то сердито.

— И если вы нуждаетесь въ работникѣ,—продолжалъ я,—то я былъ бы очень радъ удовлетворить вашимъ ожиданіямъ...

— И своимъ собственнымъ, сэръ,– добавилъ толстякъ тѣмъ же противнымъ тономъ,—своимъ собственнымъ, конечно...

— Такъ вы—не педлэръ, сэръ?—вмѣшался работникъ.—Зачѣмъ же вамъ этотъ тюкъ?

Я объяснилъ и добавилъ, что ушелъ искать работы. Парень покачалъ головой съ такимъ видомъ, точно мой способъ дѣйствій считалъ верхомъ несообразности.

— А и правда!—сочувственно проговорилъ онъ,—возьмите его, мистеръ Лобстеръ: парень, кажется, съ руками!

Хозяинъ неопредѣленно пожалъ плечами.

— На бойнѣ работалъ, э?—спросилъ онъ.

— На бойнѣ?—переспросилъ я, чувствуя, что готовъ солгать.

— Ну, да: кажется, ясно?

— Нѣтъ, сэръ!—сами собой выговорили мои губы.

Дородный фермеръ, кажется, замѣтилъ, какъ онѣ дрожали: онъ круто повернулся, передвинулъ въ уголокъ рта сигару, которую, громко чмокая и сопя, началъ было раскуривать и, прищуривъ правый глазъ, сталъ внимательно оглядывать меня лѣвымъ.

— Садитесь, Вилли!—вдругъ вынесъ онъ резолюцію.

Тотъ, однако, не послушался.

— Издалека идете?—спросилъ онъ сочувственно.

Я сказалъ.

— Дда... не близко!.. Но знаете что?.. Не смущайтесь, главное — не смущайтесь!.. Или... вотъ это получше: ступайте-ка къ Аткинсу!.. Длинный, какъ телеграфный столбъ, да и такой же чурбанъ, но всетаки у него ферма... Такъ ступайте: былъ слухъ—нуждается въ парѣ-другой хорошихъ рукъ...

— Гдѣ же она, эта ферма?—спросилъ я, едва разбираясь въ его скачущей рѣчи.

— Ахъ, да!.. Слѣдующій поворотъ влѣво, потомъ—вправо, а тамъ—сами увидите. А меня всетаки извините, что разбудилъ,— продолжалъ онъ прежнимъ шутовскимъ тономъ. — Вы такой блѣдный!.. Думаю: либо пьяный, либо мертвецъ. Вотъ и пошелъ спросить, не мертвое ли вы, мистеръ, тѣло? То есть, — не нужно ли чего вашему... то есть...

— Оу!—выдергивая сигару изо рта, завопилъ хозяинъ.—Но я хочу хоть къ ужину поспѣть въ Брайтэйдъ-Гоузъ, хоть къ ужину!

Онъ порывисто дернулъ чистенькаго каропѣгаго конька, тотъ разомъ тронулъ съ мѣста, и рыжему Вилли пришлось уже на бѣгу вскочить въ мягко зашуршавшій тонкими стальными колесами кабріолетъ.

Рекомендованная мнѣ ферма оказалась миляхъ въ полуторыхъ позади небольшого пригорка, поросшаго деревьями, по корѣ и по формѣ еще безлистныхъ вѣтвей очень походившими на красу нашего юга—акацію. Оголенные пни такихъ же деревъ, постепенно учащаясь, бѣлѣли вдоль дороги всю послѣднюю милю, усиливая общее впечатлѣніе разоренности и пустынности ландшафта, и обширная ферма мистера Аткинса являлась поэтому тѣмъ большей неожиданностью.

Ферма стояла на большомъ запущенномъ, десятинъ въ 8, участкѣ, среди котораго сидѣлъ какой-то хитрый лабиринтъ изъ кольевъ и толстыхъ досокъ,—должно быть, загонъ для пригоняемаго съ дальняго запада скота.

За лабиринтомъ этимъ, къ которому вело отъ проѣздной дороги особое шоссе, съ обѣихъ сторонъ огражденное прочной колючей изгородью, — высилось двухъэтажное каменное зданіе — остатокъ тѣхъ суровыхъ временъ, когда селяне должны были подъ одной надежной кровлей соединять и собственныя жилища, и всякія хозяйственныя службы, и даже помѣщеніе для скота. Изъ-подъ низко надвинувшейся дубовой крыши хмураго дома непривѣтливо и подозрительно глядѣли небольшія окна второго этажа, занимавшія верхнюю треть высоты всего зданія. Въ нижнемъ этажѣ оконъ вовсе не было, чернѣла одна широкая одноствор-

чатая дверь, а вровень съ притолкой, соотвѣтственно окнамъ верхняго этажа, зіяли загражденныя толстымъ желѣзомъ щели, не то свѣтовыя отверстія, не то бойницы, придававшія всему зданію видъ стариннаго блокгауза.

Немного поодаль шло длинное одноэтажное плохо выбѣленное зданіе уже болѣе современнаго склада, напоминавшее усадьбу любой нѣмецкой колоніи юга Россіи: та же двускатная подъ полуцилиндрической черепицею крыша, то же крылечко, тѣ же выкрашенные въ ярко-зеленую масляную краску наружные ставни. Зданіе это, по всей вѣроятности, служившее обиталищемъ фермерамъ уже сравнительно недавнихъ поколѣній, теперь отведено было подъ жилье рабочимъ, копошившимся тутъ же, на прислонившейся къ дому террассѣ.

Влѣво отъ него, лицомъ на востокъ, стоялъ среди купы молодыхъ деревъ и узорчато раскинувшихся цвѣтниковъ, третій домъ,— зданіе въ чисто дачномъ англійскомъ вкусѣ, столь же мало гармонировавшее съ окружающей прозой, какъ дамская перчатка, забытая на скотномъ дворѣ.

Веселенькое, чистенькое, стройное, какъ воздушныя колонки двухъ его верандъ, кокетливо выглядывавшихъ по обѣ стороны изъ-подъ сѣти прошлогодняго плюща, зданіе это могло бы служить заключительной главой исторіи канадской сельской архитектуры. Гордымъ блескомъ зеркальныхъ стеколъ, своей смѣющейся бѣлизной оно, кажется, рвалось эмансипироваться отъ всей вскормившей его запыленной, закопченной деревенщины, напоминая о плебейской практичности своего хозяина развѣ числомъ оконъ— они были размѣщены скуповато—да нѣсколько недостаточной высоты крыши: два другихъ дома подъ рукой, очевидно, служили теперь помѣщеніемъ для ссыпки и храненія сельскохозяйственныхъ продуктовъ.

Подходя къ фермѣ, я невольно залюбовался прекраснымъ строеніемъ и вдругъ услышалъ звуки фортепіано!..

«Frühlingslied»! Да, это она, вѣчно юная, вѣчно свѣжая хрустально-прозрачная «Весенняя пѣснь» безсмертнаго нѣмецкаго еврея... Я различалъ кроткое журчаніе ручейка, эти жемчужныя трели и волшебные переливы утонувшаго въ теплой ласковой синевѣ жаворонка. Но откуда она здѣсь, далекая гостья, во дворѣ канадскаго мужика?..

Звуки шли изъ нижняго этажа новаго зданія фермы. Въ нихъ было столько ласки, вѣры, надежды, что непрошенная и совсѣмъ неумѣстная грусть забиралась въ душу, и мнѣ вдругъ страстно захотѣлось увидѣть играющаго.

Но мнѣ его не было видно: сквозь широкія стекла можно было разглядѣть лишь обстановку. И обстановка эта изумила бы хоть кого: гравюры, портреты въ золоченыхъ рамахъ по стѣнамъ, скрипка на маленькомъ столикѣ подлѣ піанино, пюпитръ, краси-

вая и не лишенная «стиля» мягкая мебель, драпри, ей подъ цвѣтъ альбомный столикъ, этажерка съ золочеными томиками, должно быть, любимыхъ писателей, полузавѣшенная легкой, кажется, шелковой занавѣсью, мраморные часы на каминной доскѣ, двѣ-три китайскихъ тумбочки, изящная этажерка для нотъ, кактусы, пальмы и еще какія то растенія въ родѣ миртовыхъ.—Господи!. Да неужели же это жилье мужика!..

Звуки вдругъ оборвались, точно кто остановилъ играющаго. Хлопнула дверь. На веранду вышла съ корзинкою цвѣточныхъ луковицъ какая-то строгая старушка, вернувшая меня къ моей невеселой дѣйствительности: на вопросъ о мистерѣ Аткинсѣ, она молча указала на домикъ, служившій жилищемъ рабочихъ.

Рабочіе, здоровые, какъ на подборъ краснолицые парни, успѣвшіе уже чуть ли не дюжиной усѣсться на верандѣ за покрытый клеенкою столъ, въ свою очередь, направили меня къ амбарамъ.

На полдорогѣ стоялъ заново выкрашенный и еще никогда не виданный мной экипажъ: цѣлый домикъ на колесахъ, со многими окнами и двумя дверьми. Надо полагать, онъ служилъ для долгихъ отлучекъ въ отдаленныя поля, напр., во время страды, и могъ дать защиту отъ непогоды доброму десятку усталаго люда.

Мистера Аткинса засталъ я въ амбарѣ за страннымъ занятіемъ: присѣвъ на корточки, онъ разсматривалъ разсыпанныя тонкимъ слоемъ на разостланномъ по полу холстѣ какія-то зерна, величиной съ кукурузныя, но очень похожія на пшеницу. Въ широкомъ, безъ дверецъ, шкафу у стѣны лежали въ гнѣздахъ холщевые съ нашитыми этикетками мѣшки, должно быть, также съ образцами зерна... Въ противоположномъ углу стоялъ другой шкафъ, уже съ дверцами, а въ промежуткѣ, насупротивъ дверей—длинный столъ, оклеенный клеенкою съ небольшими бортами по закраинамъ. На столѣ—чернильница и какіе-то мѣдные приборы, вѣроятно, для опредѣленія качества зерна. Обстановка скорѣе хлѣбной конторы, чѣмъ амбара мужика.

Самъ владѣлецъ въ своей поношенной сѣрой суконной курткѣ, однако же, показался мнѣ не больше похожимъ на купца, чѣмъ любой изъ его работниковъ, а въ выраженіи этого длиннаго лица съ длиннымъ узкимъ носомъ, но съ широкимъ прямоугольнымъ подбородкомъ, застыло столько упорства, сколько бываетъ только на лицахъ людей, изъ поколѣнія въ поколѣніе ведущихъ трудовое общеніе съ природой. Такой человѣкъ рѣдко обладаетъ располагающей внѣшностью: какъ зерно въ землѣ, онъ весь внутри; ни черточки привѣтливости не отыскалъ я и въ физіономіи мистера Аткинса.

— Но у меня, серъ, нѣтъ вакансій!—прямо съ союза «но»,

минуту спустя, началъ мистеръ Аткинсъ, чуть поднимая жиденькія полусѣдыя брови, и такимъ тономъ, будто къ нему обращались съ неслыханно нелѣпою просьбою.—И совсѣмъ не можетъ быть никакихъ вакансій, сэръ! Только вчера еще приняты двое изъ Севнгилля,—къ чему мнѣ «ихъ» больше?

Я попросилъ указать кого-нибудь изъ сосѣдей, гдѣ могутъ нуждаться въ работникѣ.

— Пусть, сэръ, объ этомъ вѣдаютъ тѣ, кому нечего дѣлать у себя дома, а мнѣ довольно и своихъ собственныхъ дѣлъ! — отвѣчалъ онъ еще болѣе угрюмо

Наконецъ, на просьбу продать на дорогу хлѣба, послѣдовалъ уже совсѣмъ сухой отвѣтъ, что выпекаемаго хлѣба едва хватаетъ и для собственнаго потребленія. Пришлось откланяться, несолоно хлебавши. Однако, когда усталой шатающейся походкой я зашагалъ къ выходу на проѣзжую дорогу, онъ хрипло окликнулъ съ порога:

— Эй, мистеръ!.. Куда же вы?.. Отдохните немного!

Я отрицательно покачалъ головой.

— Погодите одну минутку... отдохните у насъ, пообѣдайте!

— Мнѣ очень некогда, сэръ: благодарю васъ...

— Ну, какъ знаете... Только не ходите верхней дорогой: тамъ ни одной фермы... Ступайте лучше вправо... Ступайте въ Риджуэй: вправо и все прямо. Тамъ строютъ какую то дорогу... Ну, чего вамъ еще?.. Ну, скажите тамъ, что идете отсюда, отъ меня: тамъ меня знаютъ... Ну, счастливаго пути!..

Нужно ли говорить, какъ отъ этой рѣчи потеплѣло у меня на сердцѣ?.. Къ сожалѣнію, не удалось поблагодарить: коротко кивнувъ головой, онъ сейчасъ же скрылся въ полумракѣ амбара.

Снова дорога... И все такая же прямая, широкая, загадочно-безлюдная...

Часъ спустя, она пошла лѣсомъ, — не такимъ, какъ у насъ, всегда почти съ отпечаткомъ хаотическаго простора, а тщательно расчищеннымъ, съ замѣтно уже зазеленѣвшимъ ковромъ прошлогодней осенней травы,—подчищеннымъ, огражденнымъ прочнымъ заборомъ. Назойливые крики воронья, уродливыми силуэтами безобразившаго гибкія вѣтки деревъ, лишали лѣсъ и того характернаго выраженія безмолвнаго ожиданія, какое раннею весной придаетъ ему такую своеобразную прелесть.

Подъ вечеръ дорога на короткое время спустилась въ лощину. Тутъ до слуха моего долетѣли звуки нѣмецкой рѣчи, а затѣмъ изъ ближняго перекрестка на небольшомъ фургончикѣ выплылъ и нѣмецъ, крупный мужчина, лѣтъ подъ сорокъ, съ большой льняною бородой и такими же бровями, издали казавшійся совсѣмъ сѣдымъ. Онъ усердно понукалъ и усовѣщевалъ своего маленькаго конька,

но безуспѣшно: тотъ, видимо, успѣлъ притомиться въ грязноватой лощинѣ; нѣмецъ, повернувъ на дорогу съ перекрестка, остановился. Съ своей стороны, и я не захотѣлъ упустить случая освѣдомиться насчетъ Риджуэйя,—завязался разговоръ.

Достать работу въ Риджуэйѣ, по словамъ нѣмца, было не такъ трудно. Идетъ ремонтная работа на дачахъ сосѣдняго Кристлъ-Вичъ... А пожалуй, и у него самого, владѣльца кирпичеобжигательнаго завода, откроется вакансія: его Морганъ, старый глупецъ, вздумалъ жениться и перейти въ Бофло; придется на его мѣсто принять другого. Только ему, Фреду Цигелю, нуженъ такой рабочій, чтобы самъ зналъ, что дѣлать, и, кромѣ того, отнюдь не изъ Штатовъ: эти фанфароны мѣряютъ время, какъ аптекарь медикаменты... А у него заведенъ такой порядокъ: нѣтъ работы — шабашатъ въ пять, въ четыре даже; есть работа — потрудись до восьми, до девяти, если дѣло укажетъ; дѣло—прежде всего: ему и хозяинъ покоряется...

Что касается новостроющейся дороги, она какая-то небывалая, велосипедная, что ли. Навѣрное,—дутая афера, одна изъ тѣхъ, на которыя такіе мастера пройдохи-янки. Они же и строютъ ее: Мэтью Бичеръ изъ Пенсильваніи, инженеръ, съ отцомъ, бывшимъ лѣсопромышленникомъ. Работы, правда, идутъ, только онъ, Фредерикъ Цигель, никому не посовѣтовалъ бы ввязываться: работа каторжная, и еще, гляди, не заплатятъ... Впрочемъ, у каждаго не капустный вилокъ на шеѣ: хорошенько обдумай, прежде чѣмъ соваться... Но и то сказать: разъ обожжешься — сто разъ остережешься, говорятъ люди.

Въ заключеніе онъ, «на всякій случай», далъ мнѣ свой адресъ.

Шансы мои поднимались: съ одной стороны—желѣзная дорога, съ другой — этотъ заводчикъ, врядъ ли такой ужъ требовательный насчетъ технической опытности... Я зашагалъ бодрѣй и быстрѣй; даже ни разу, не взирая на жажду, не свернулъ съ дороги, хотя по пути, одна за другой, показались три или четыре фермы, и всего въ какой-нибудь полумилѣ отъ дороги... Размечтавшись, я гадалъ теперь уже не столько о самомъ заработкѣ, сколько о томъ, чтобы при случаѣ изучить желѣзнодорожную или какую-либо заводскую работу и уже, такъ сказать, съ профессіей въ рукахъ двинуться на осуществленіе своихъ дальнѣйшихъ плановъ.

А теперь... охъ! только бы засвѣтло добраться до ночлега!.. Нѣмецъ-заводчикъ говорилъ, что до Риджуэйя мили еще три съ половиною; однако, добрый часъ ужъ прошелъ, а все еще никакого признака близости города, дорога непомѣрно длинна!..

Но вотъ перекрестки стали чаще; бревенчатыя, зигзагомъ, изгороди смѣнились досчатыми прямыми... Влѣво, неподалеку, мелькнула черная фабричная труба; въ сѣткѣ древесныхъ вѣтвей сѣрѣетъ шпиль колокольни; вправо, въ четверти мили отъ дороги, выглянулъ одноэтажный деревянный домикъ; за нимъ, съ неболь-

шимъ перерывомъ,—другой; наконецъ, въ шляпкѣ и перчаткахъ—очевидно, откуда-нибудь по сосѣдству—встрѣтилась мнѣ пожилая женщина на перекресткѣ... Оказывается, я давно уже на территоріи Риджуэйя, такъ густо засаженной деревьями.

Добрая женщина, узнавъ, что я пѣшкомъ сдѣлалъ все разстояніе отъ Бриджпорта, сочувственно покачала головой, приговаривая: «такой путь!... Такой долгій путь!..» и снабдила меня адресомъ «очень почтеннаго» мистера Эда Позсера, у котораго всегда имѣются приличныя, чистыя комнаты для пріѣзжихъ джентльмэновъ, за недорогую плату...

Итакъ, мечталъ я, черезъ какіе-нибудь полчаса, я буду имѣть удовольствіе очиститься отъ слоя покрывающей меня противной рыжей пыли, умыться, отдохнуть, распрямить члены въ чистой удобной постели...

Прямо съ улицы, я вошелъ въ обвѣшанный разными принадлежностями упряжи парлуръ *) почтеннаго Эда Позсера, очевидно, служившій также и складомъ его издѣлій. Здѣсь, повидимому, только что разыгралась домашняя буря. У выходныхъ дверей валялась разбитая чашка, цѣлый фейерверкъ молочныхъ капель и струекъ украшалъ стѣну. Изъ сосѣдней комнаты доносилось хлопаніе буфетныхъ дверецъ и звонъ энергично передвигаемой посуды, подъ общій аккомпаниментъ какъ бы брызгъ воды, попадающихъ на раскаленную сковородку. Въ довершеніе всего, чрезъ большія очки въ мѣдной оправѣ на меня глядѣли два столь растерянно недоумѣвающихъ глаза, что мнѣ оставалось только извиниться.

Но... едва я раскрылъ ротъ,—почтенный человѣкъ замахалъ руками, точно отгоняя мухъ. Я смущенно ретировался къ дверямъ; хозяинъ послѣдовалъ за мной и догналъ меня на лужайкѣ передъ домомъ.

— Должна вамъ что-нибудь?.. Должна? Или просила зайти?—заговорилъ онъ все еще полушепотомъ, съ выраженіемъ страха на широкомъ лицѣ, какъ бы не растревожить затихающую бѣду...

Наскоро объяснивъ, что я не педлэръ, что забрелъ совершенно случайно, ища ночлега, я поспѣшилъ ретироваться, напутствуемый наивными сожалѣніями, что миссисъ «сегодня очень, очень занята», а не то онъ радъ бы служить, какъ это вообще принято въ его домѣ.

Рослый мальчикъ, почти юноша, но въ коротенькой курточкѣ съ широкимъ бѣлымъ отложнымъ воротничкомъ, въ штанишкахъ до колѣнъ и въ беретѣ съ шишечкой на макушкѣ **) указалъ мнѣ

*) Парлуръ—гостиная.
**) Мальчики до 15 лѣтъ здѣсь носятъ неизмѣнно дѣтскій костюмъ, почти не измѣняющійся отъ моды.

домъ мистера Пеннуэй, оптового торговца масломъ и яйцами, увѣряя, что тутъ часто останавливаются его кліенты изъ Кэнтри *).

Красивенькій, въ стилѣ готическаго замка, маленькій домикъ мистера Пеннуэй оказался, однако, столь же недоступенъ, какъ и заправскій замокъ; тщетно стучался я и взывалъ,—изъ единственнаго широкаго окна четырехъ угольной зубчатой полубашни, украшавшей фасадъ, на меня глядѣли лишь большія блестящія черныя буквы на зеленовато-золотистомъ картонѣ, гласившія:

«Гарри Пеннуэй, сынъ.

«Починка часовъ, музыкальныхъ ящиковъ, швейныхъ машинъ и проч».

!!!Гарантія!!!

И только... Я потянулся по улицѣ въ сторону большого оранжево-краснаго дома, въ которомъ можно было предполагать гостиницу. Навстрѣчу мнѣ попались два-три прохожихъ; но, не доходя до меня, и они свернули въ переулокъ.

Домики этой улицы, большею частью двухъ-этажные, изъ розоваго или желтаго кирпича, часто съ вишнево-красными карнизами и наличниками оконъ, были все чистенькіе, и много изящества придавали имъ ярко зеленыя лужайки и развѣсистыя деревья, отдѣлявшія ихъ отъ улицы. На второмъ кварталѣ сейчасъ же за лавкою мясника—онъ же зеленщикъ и фруктовщикъ—шелъ аптекарскій магазинъ, въ которомъ торговали также металлической посудой и мебелью; дальше—галантерейно-мануфактурный магазинъ, поставлявшій и обувь; бакалейная лавка на углу, какъ водится, вмѣщала въ себѣ и почтовую контору—всего тутъ было понемножку...

Наискосокъ, какъ разъ въ домѣ, привлекшемъ еще издали мое вниманіе, находилась гостиница «Комфортъ». Тутъ, на крыльцѣ, стоялъ высокій, блѣдный господинъ безъ шляпы, въ черномъ сюртукѣ, перебрасываясь оживленными фразами съ очень темнымъ мулатомъ, прислонившимся къ притолкѣ полуотворенныхъ дверей, уже пожилымъ, въ ярко бѣлой манишкѣ съ высокимъ стоячимъ воротничкомъ.

— Не могу ли я получить комнату?—спросилъ я, кланяясь и опуская свой мѣшокъ на крыльцо.

Блѣдный господинъ скользнулъ откровенно-непривѣтливымъ взглядомъ по моей запыленной фигурѣ и молча остановилъ его на порыжѣлыхъ башмакахъ; лицо мулата, наоборотъ, расцвѣло самой любезной улыбкой, но онъ также молчалъ...

— Я говорю: могу ли я за свои деньги имѣть здѣсь комнату для ночлега?—повторилъ я погромче, недоумѣвая, кто изъ этихъ двухъ людей здѣсь хозяинъ.

Отозвался мулатъ:

---

*) Кэнтри—страна, все, что лежитъ внѣ городской черты

— Заняты сэръ, всѣ заняты!.. Говорятъ, и моя—также... Удивительно!..

Пришлось снова приниматься за мѣшокъ.

— Но съ какимъ это поѣздомъ вы изволили прибыть, ваша милость??. А!.. Экстреннымъ, экстреннымъ, понимаю!.. Счастливой дороги, ваша честь!—звонкимъ, театрально-отчетливымъ голосомъ напутствовалъ меня мулатъ, подъ странный смѣхъ блѣднаго господина, точно подъ визгъ пилы по металлу...

Я перешелъ черезъ улицу. Тутъ въ угольномъ желтовато-сѣромъ двухъ-этажномъ домѣ съ просторной верандою на два фаса, помѣщалась вторая гостиница города «Прогрессъ».

Тотъ же пріемъ ждалъ меня и здѣсь... И даже еще хуже: на мое возраженіе, что вѣдь вотъ въ нѣсколькихъ комнатахъ ставни притворены, стало быть, онѣ же свободны, толстый багроволицый трактирщикъ, хрипя отъ одышки, бросилъ почти со злобой:

— Нѣтъ здѣсь комнатъ для ночлега, — поняли?.. Нѣтъ даже и тѣхъ, которыя есть... Поняли?

Я ничего не понималъ: я зналъ только, что всѣ члены мои точно свинцовые, что ноги горятъ, въ головѣ шумъ, сердце усиленно колотится отъ усталости.

Изъ дверей гостиницы «Комфортъ», направляясь въ эту сторону, вышли трое: пожилой господинъ средняго роста съ большимъ кожанымъ портфелемъ подъ мышкой, высокій господинъ помоложе, лицомъ очень походившій на перваго, и стройный молодой человѣкъ съ черными рабочими руками—слесарь, либо машинистъ.

«Строители!»—мелькнуло у меня,—«надо попробовать счастья!»

— У насъ рабочихъ больше, чѣмъ нужно!—холодно отвѣтилъ средній изъ «строителей», въ отвѣтъ на вопросъ о работѣ.

И они прошли, не останавливаясь.

Голова у меня пошла кругомъ. Приближалась ночь; холодѣло; срывался вѣтеръ; по небу, часъ тому назадъ однотонно-туманному, теперь тамъ и сямъ чернѣли характерныя пятна: сбирались тучи, пахло дождемъ...

Былъ седьмой часъ вечера,—время, которое аккуратные англосаксы любой части свѣта посвящаютъ ужину, а потому если близь гостиницы еще изрѣдка и попадались запоздавшіе прохожіе, то на западной окраинѣ города, гдѣ долженъ былъ находиться заводъ мистера Цигеля, не видно было уже ни души. Да и дома тутъ были очень рѣдки и стояли большею частью среди пустырей, порядкомъ заросшихъ кустарниками, а близь самаго завода находился обширный пустопорожній участокъ, предназначенный, должно быть, для циклодрома или гипподрома: неуклюжій чугунный катокъ, громадный цилиндръ, полый внутри, сѣрѣлъ на свѣжеукатан-

ной бѣговой полосѣ, шагахъ въ десяти отъ дороги. Я хорошенько замѣтилъ это мѣсто, чтобы завтра пораньше заявиться поискать работы, благо труба кирпичеобжигательной печи виднѣлась межъ деревьями въ какой-нибудь четверти мили отсюда.

Но... мистера Цигеля не оказалось дома, а миссисъ Цигель, видная, съ великолѣпнымъ цвѣтомъ лица стройная шатенка, не могла мнѣ сказать даже того, вернется ли онъ сегодня хоть ночью... Часъ отъ часу не легче!..

Попробовалъ я пойти по домамъ, поискать ночлега...

Въ двухъ первыхъ отвѣтили односложнымъ «нѣтъ», въ третьемъ засталъ однихъ дѣтей, лѣтъ десяти-двѣнадцати, никакъ не хотѣвшихъ и вѣрить, что у меня нѣтъ пляшущихъ чертиковъ на продажу; въ четвертомъ съ недвусмысленнымъ пожиманіемъ плечъ мнѣ замѣтили, что, насколько извѣстно, ни одна изъ мѣстныхъ гостиницъ еще не ликвидировала свои дѣла, а въ пятомъ...

Въ пятомъ маленькая блѣдная женщина съ лохматыми черными бровями и подозрительнымъ блескомъ узенькихъ глазъ, пообѣщала, что, какъ только вернется мистеръ Стокъ, онъ постарается отыскать и должнымъ образомъ отблагодарить меня за любезность... Я и до сихъ поръ не могу угадать, какую любезность оказалъ я этой дамѣ, но... въ шестой домъ у меня уже не хватило духу войти...

Изнемогая, я остановился на перекресткѣ. Хорошенькій, богатый зеленью, Риджуэй для меня лично оказывался еще безжизненнѣй, чѣмъ ведшая къ нему пустынная дорога. Холодная, тупая апатія неслышно заползала въ душу...

Грохотъ колесъ въ отдаленіи снова вывелъ меня изъ неподвижности: черезъ перекрестокъ, кварталомъ выше, быстро проѣхала въ сторону кирпичнаго завода фигура, донельзя походившая на нѣмца-заводчика...

Когда я вторично подошелъ къ раскинувшемуся, какъ шатеръ, межъ развѣсистыхъ вязовъ коттэджу мистера Цигеля, онъ уже сидѣлъ съ трубкою на террасѣ и былъ, кажется, предувѣдомленъ о моемъ первомъ визитѣ. Добрый нѣмецъ былъ теперь далеко не такъ разговорчивъ, какъ при нашей встрѣчѣ на дорогѣ и, въ какомъ-то плохо скрываемомъ затрудненіи, все поглаживалъ свою широкую бороду да поглядывалъ вдаль, точно избѣгалъ встрѣчи съ моимъ взглядомъ. Замѣтивъ перемѣну въ настроеніи, я счелъ за лучшее пойти напрямикъ: признался, что получилъ отказъ отъ «строителей», что меня почему-то не впустили въ гостиницу, что ночевать мнѣ сегодня негдѣ, а я очень усталъ, что, наконецъ, я не прочь бы наняться къ нему на заводъ, хотя бы и за три четверти той платы, какую онъ платитъ каждому изъ опытныхъ рабочихъ.

Говорилъ я торопливо, повторяясь, поглядывая на все болѣе

темнѣвшее небо. Мистеръ Цигель слушалъ внимательно: бѣлесое, загорѣлое лицо его принимало мало-по-малу прежнее добродушно эгоистическое выраженіе хорошаго хозяина, дѣла котораго, благодареніе Создателю, всегда идутъ исправно, потому что онъ и самъ не промахъ...

— Ну, что-жъ,—сказалъ онъ уступчиво и чуть улыбаясь, когда я окончилъ,—найдется, полагаю, работа и для васъ...

— Фреди! — многозначительно окликнула его изъ комнаты жена.

— Да, найдется, навѣрное! — подтвердилъ онъ, — но съ условіемъ: до отъѣзда Моргана — два доллара въ недѣлю, пища и постель.

Я не успѣлъ отвѣтить.

— Фреди!—вторично окликнула его жена.

— Ну, что тамъ: «Фреди?»—отозвался онъ полушутливо.—Что васъ тамъ безпокоитъ?

Миссисъ Цигель не вышла, а выдвинулась на террасу, и по ея походкѣ, по выраженію холодно-красиваго лица уже видно было, что положеніе мое и тутъ безнадежно...

— Я хотѣла бы спросить, — сказала она какъ-то преднамѣренно тихо:—вѣдь на заводѣ не найдется мѣста для третьяго, не правда ли?

— Ну, что жъ?... Это ничего не значитъ...

— Вы ошибаетесь: мистеру было бы очень неудобно съ нами...

— О, въ мезонинѣ достаточно удобно, я полагаю.

— Это невозможно, сэръ.

— Но если же это необходимо?

— Это невозможно, повторяю вамъ!

Съ секунду они молча смотрѣли другъ на друга; я взялся за мѣшокъ; хозяинъ кивнулъ въ мою сторону и укоризненно пожалъ плечами.

Женщина вспыхнула:

— Я вижу, сэръ,—воскликнула она тономъ королевы, — вамъ это дороже, но я — мать, мать трехъ взрослыхъ дочерей, и не впущу въ домъ незнакомца. Хотѣла бы, впрочемъ, знать: имѣю ли я на это право?

Я уже шагалъ къ выходу. У дороги подошелъ ко мнѣ и хозяинъ. Предложивъ мнѣ зайти дня черезъ три, онъ добавилъ страдальческимъ тономъ, что вотъ «не всегда и близкіе люди умѣютъ щадить ваши чувства». Я промолчалъ: въ карманѣ глухо звякнули мои 82 цента.

Машинально и еле передвигая ноги, доплелся я до ипподрома. Чугунный катокъ чернѣлъ безобразною массой и казался чудови-

щемъ, коварно притаившимся на добычу... Извнутри катка, какъ зубы изъ пасти, торчали какія-то палки, въ родѣ ручекъ лопатъ.

«Чѣмъ не убѣжище?—съ горечью думалось мнѣ: — жестко будетъ, конечно, за то хоть отъ дождя защита...»

— Ну, а если завтра придутъ мостильщики и заподозрятъ въ намѣреніи стащить тутъ что-либо?.. — вмѣшалось разстроенное неудачами воображеніе.—Нѣтъ, уйти лучше прочь!

Я двинулся дальше,—кажется, потому лишь, что ноги еще носили: обрывки тягостныхъ мыслей, скорѣй—ощущеній, лишь впослѣдствіи вылившихся въ связные ясные выводы, минутами не позволяли остановиться ни на чемъ опредѣленномъ: механизмъ воли разстраивался...

Вечернія тѣни сгущались, кругъ легко различимыхъ предметовъ становился все уже; сплошною угрюмой стѣной за нимъ надвигалась тьма. Съ тревогой и еще несознаннымъ гнѣвомъ глядѣлъ я на ея приближенье: съ нею, казалось, все ближе надвигалось и что-то враждебное, безсердечное, злое, что незримо тѣснило меня весь этотъ тягостный день, и чего люди обыкновенно не видятъ, не могутъ видѣть, потому что и сердца ихъ, и чувства съ малолѣтства притупляются... Что имъ до бездомныхъ?..

Вечернія тѣни сгущались; оживленно мигая, въ домахъ загорались огни. Они дразнили воображеніе картиной тепла, уюта, покоя. Чтобы отвлечься, я сталъ глядѣть вверхъ. Здѣсь было свѣтлѣе, и видно было, какъ, одна за другой, словно цѣпи застрѣльщиковъ, передовые отряды могущественной рати, набѣгали узкія гряды облаковъ, осыпая каждый разъ мелкимъ, колючимъ дождемъ. Когда прояснялось, налеталъ откуда-то буйный, взбалмошный вѣтеръ, и становилось еще холоднѣй. Отъ него не спасали и тѣ нѣсколько паръ бѣлья, которыя, какъ сказано выше, я надѣлъ на себя въ дорогу: мнѣ было жарко, но отъ вѣтра знобило, какъ въ лихорадкѣ...

Я добрелъ до перекрестка, который велъ къ центру города и уже полубезсознательно хотѣлъ свернуть...

— Зачѣмъ?—вырвалось у меня почти вслухъ.—Куда?

Любая собака имѣла тамъ пріютъ, человѣку же не было мѣста. Невыразимо горькая волна жалости и обиды вдругъ залила и переполнила мое сердце: я упалъ, гдѣ стоялъ, и слезы въ три ручья хлынули изъ глазъ.

Въ нихъ вылилась, наконецъ, и вся затаенная боль сознанія, что глухая стѣна безучастія и непониманія сильнѣе всякихъ мечтаній, страшнѣй и непреоборимѣй всякихъ невзгодъ непогоды... Не было въ этихъ слезахъ лишь одного — раскаянія, что, очертя голову, ринулся я въ невѣдомое и неизвѣстное: и завтра былъ бы я готовъ продѣлать то же.

Раздерганные нервы не выдержали: на минуту мелькнула мысль, что такъ вотъ падалъ въ изнеможеніи и величайшій изъ

людей, несшій въ міръ правду равенства и братства... Я отогналъ кощуственно-горделивое сравненіе, но эта мысль всетаки напомнила мнѣ мое право — требовать у людей отчета въ ихъ обращеніи со мной; ослабѣвшая пружина получила новую упругость, и я двинулся въ городъ... Что Богъ дастъ!..

Курчавая голова негра, на мой стукъ выставившаяся изъ полуотворенныхъ дверей гостиницы, заставила меня вздрогнуть: я ждалъ встрѣчи съ упомянутымъ выше блѣднымъ господиномъ.

— Ого, пріятель!—воскликнулъ негръ, сверкая бѣлками:—вамъ, кажется, было уже сказано, что нѣту у насъ комнатъ! Чего же вамъ надо?

— Позовите хозяина,—сказалъ я,—хозяина!

— Ага, хорошо! Подождите немного, завтра къ полудню онъ вернется изъ Бофло...

Я оглядѣлся. Шагахъ въ двадцати на фонѣ ярко освѣщенныхъ оконъ дрогиста виднѣлась на троттуарѣ группа человѣкъ въ восемь. Въ одномъ изъ нихъ, по замѣтной даже въ вечернемъ сумракѣ ярко бѣлой манишкѣ и широкополой испанской шляпѣ, призналъ я мулата изъ гостиницы «Комфортъ».

— Не можете ли вы мнѣ объяснить, господа,—началъ я послѣ обычнаго привѣтствія,—почему мнѣ отказано въ пріютѣ въ вашихъ гостиницахъ, хотя свободныя котнаты есть въ обѣихъ?.. Или для чужестранцевъ тутъ не полагается пріюта?

— Въ самомъ дѣлѣ,—шутовскимъ тономъ подхватилъ мулатъ,—вотъ задача!.. Государственная задача!..

— А если такого обычая нѣтъ,—продолжалъ я, сдерживаясь,—то не будетъ ли кто столь любезенъ указать, гдѣ можно мнѣ имѣть пріютъ на ночь, за плату?..

— Пріютъ?—иронически усмѣхаясь, отозвался господинъ съ нервнымъ тонкимъ лицомъ, въ свѣтло-сѣрой шляпѣ, стоявшій рядомъ съ мулатомъ.—Сколько угодно: подъ замкомъ!..

Я недоумѣвалъ, чувствуя какую-то новую обиду... Публика переглядывалась: видно было, что приходъ мой сюда для нихъ уже давно не новость.

— Ну, да: согласно статуту!—добавилъ онъ въ поясненіе.— Э! нечего прикидываться такимъ новорожденнымъ!.. Тоже: не знаетъ, какъ и бутылку открыть!..

И онъ безцеремонно хлопнулъ меня по плечу. Всѣ расхохотались.

— Господа!—воскликнулъ я возбужденно:—настоятельно прошу объяснить, что это значитъ.

— О, это не трудно, а при данныхъ обстоятельствахъ—въ особенности... Не правда ли, джентльмэны?—проговорилъ многозначительно господинъ низенькаго роста, съ большой рыжей боро-

дой.—Законъ слишкомъ ясенъ: въ случаѣ ночныхъ безпокойствъ, обусловленныхъ присутствіемъ на данной территоріи бездомнаго элемента, а также въ случаѣ... э... кражъ или иныхъ нарушеній правъ собственности магистрату предоставляется приводить обнаруженныхъ имъ бездомныхъ въ особое помѣщеніе и... оставлять ихъ тамъ до утра взаперти... А такъ какъ присутствующіе здѣсь джентльмэны представляютъ собой мѣстный совѣтъ почти въ полномъ составѣ, то, тѣмъ самымъ, мы... имѣемъ и возможность...

Взрывъ хохота прервалъ оратора: не было сомнѣнія, онъ отвѣчалъ общему настроенію...

— Полную возможность—указать мистеру и пріютъ, надежный и прочный пріютъ, къ тому же,—безплатный...

Кровь бросилась мнѣ въ голову, горло точно кто сжалъ рукой.

— Ахъ!.. Такъ вотъ что!..—съ усиліемъ вскричалъ я, чувствуя, что теперь уже не смогу остановиться:—Такъ вотъ оно, ваше гостепріимство! И вамъ не стыдно еще похваляться этимъ, вамъ не стыдно смѣяться похвальбѣ, достойной развѣ дикихъ зулусовъ?.. Да неужели же вы потомки славныхъ, великихъ людей, доставшихъ міру «Декларацію правъ человѣка»?.. Они великодушно призывали изъ-за океана всѣхъ, кто стоналъ подъ гнетомъ безсердечія и произвола, они давали убѣжище десяткамъ, сотнямъ тысячъ, а вы... вы оскорбляете толпой одинокаго пришельца только за то, что нужда заставила его придти къ вамъ издали пѣшкомъ, съ мѣшкомъ за плечами... Стыдъ и позоръ! Вы видите, я—иностранецъ, и пришелъ изъ страны, еще доселѣ не знающей правъ гражданина. Но, когда я снова вернусь въ свою сторону и меня спросятъ, чѣмъ замѣчателенъ этотъ красивый городъ, я имъ скажу: тѣмъ, что просящаго о гостепріимствѣ усталаго чужеземца въ немъ угощаютъ тюрьмой... Стыдъ вамъ, стыдъ! Не американцы вы, а дикари, не усвоившіе себѣ и самыхъ основныхъ законовъ цивилизаціи! Дикіе вы люди, дикіе, дикіе!..

Съ этими словами я зашагалъ прочь, направляясь къ катку на ипподромъ. Ни слова, ни звука не раздалось мнѣ въ отвѣтъ. «Тѣмъ лучше!—думалось мнѣ.—Теперь я имъ высказалъ то, чего они ни отъ кого не слыхали: пусть познаютъ себя, полированные варвары!» Дождь совсѣмъ пересталъ, притихло, потемнѣло... Облегчивъ душу, я почувствовалъ себя легче и физически, и спокойный насчетъ будущаго. Отдохну до утра, схожу завтра на желѣзнодорожную станцію, не найдется-ль работы, а потомъ дальше, по фермамъ!..—рѣшилъ я.

Вдругъ за мной раздался торопливый топотъ ногъ!.. Что это?.. Ужъ не послали ли за мной, чтобы привести угрозу въ исполненіе?..

— Сэръ, будьте добры, обождите!—услышалъ я за собой юношескій голосъ.

Я остановился.

Два мальчика, лѣтъ по четырнадцати, подбѣжали ко мнѣ.

— Сэръ, васъ просятъ вернуться!—объявили они.

— Кто проситъ? Эти джентльмэны, съ которыми я только что разговаривалъ?—спросилъ я, чувствуя, что слезы подступаютъ къ моему горлу.

— Да.

— Скажите имъ, что я не желаю вернуться.

Однако, на слѣдующемъ кварталѣ шустрые парнишки снова нагнали меня, уже втроемъ или вчетверомъ.

— Сэръ, мистеръ Строу, фруктовщикъ, проситъ васъ къ себѣ: онъ очень хотѣлъ бы познакомиться съ вами. У него есть и свободная комната для ночлега, — наперерывъ одинъ передъ другимъ трещали они.

Итакъ, первая моя задача была рѣшена. Я вернулся и черезъ полчаса, разоблачившись и, къ великому изумленію мистера Строу, освободившись, одна за другой, отъ всѣхъ своихъ излишнихъ оболочекъ, умывшись и причесавшись, сидѣлъ уже въ обществѣ его самого и его добродушной жены въ уютной, чистой столовой, передъ горячими телячьими сосисками, ломтями розоваго ростбифа и тонко нарѣзанными серебристыми кружками душистаго ананаса. Какъ это часто бываетъ при большой усталости, я еще не хотѣлъ ѣсть и, какъ будто бы, не хотѣлъ и спать. Я сидѣлъ, весь отдавшись блаженству долго жданнаго покоя, слушая, подъ хлопотливое шипѣніе двухъ газовыхъ рожковъ, неторопливую рѣчь мистера Строу, который откровенно признавался, что людямъ,—даже очень хорошимъ,—время отъ времени необходима какая-нибудь встряска... А то, среди взаимныхъ похвалъ и одобреній, они покрываются плѣсенью... Такою вотъ встряской, по его словамъ, и была моя филиппика, которую онъ выслушалъ отъ слова до слова, стоя въ двухъ шагахъ позади городскихъ нотаблей, къ слову сказать, вполнѣ одобрившихъ его намѣреніе послать за мною посольство и предоставить комнату для ночлега.

Оказалось, такимъ образомъ, что именно тотъ шагъ, которымъ я, какъ будто, порывалъ всякія отношенія съ населеніемъ Риджуэйя, наоборотъ, послужилъ къ нашему сближенію. Сомнѣнія нѣтъ,— это потому, во-первыхъ, что я всетаки былъ въ свободной странѣ, а во-вторыхъ, и прежде всего, потому, что на этотъ разъ въ моемъ лицѣ правда вооружилась рѣшимостью.

III.

Аберрація особаго рода. — Въ гостахъ у „дикарей“. „Инкогнито“. — Хозяинъ-работникъ. — Велосипедная желѣзная дорога; роль законодательства. — Газовый заводъ и его исторія.

Лѣтъ семь, восемь назадъ, среди благодушнаго лѣтняго затишья, пронеслась разительная вѣсть: на Лонгъ-Айландѣ *) и въ самомъ Нью-Іоркѣ произошелъ рядъ несчастныхъ случаевъ отъ солнечнаго удара.

Быстро разнеслась вѣсть эта всюду, куда успѣлъ забѣжать хлопотливый телеграфъ; заговорили о ней и у насъ, печалились, сожалѣли, но, помнится, не столько скорбѣли, сколько удивлялись: сѣверная Америка, и вдругъ—такой, истинно-африканскій зной!..

Упускали изъ виду одно, что Нью-Іоркъ лежитъ подъ 40°43' сѣв. ш., то есть—ближе къ экватору, чѣмъ Неаполь **), и слово «сѣверное» порождало ошибочное представленіе о климатѣ, свойственномъ соотвѣтственнымъ широтамъ у насъ.

Подобнымъ же образомъ, когда подъ натискомъ административно-устроительныхъ воздѣйствій духоборы вынуждены были покинуть отечество и двинулись съ Кавказа въ чужедальнюю Канаду, въ широкой публикѣ явственно замѣтно было недоумѣніе:

«Канада!?... Узкая полоса къ сѣверу отъ Сѣверо-Американскихъ Соединенныхъ Штатовъ, о бокъ съ Ледовитымъ океаномъ! Какое же можетъ быть тамъ земледѣліе?..»

Опять-таки забывали или не знали, что южная граница этой «полосы» касается 43° с. ш., то есть, относительно, южнѣе нашего Крыма, даже южнѣе Флоренціи; забывали также, что Канада, съ Нью-Фаундлэндомъ, больше Европы со всѣми ея островами..

Подъ вліяніемъ такой же, очень нерѣдко встрѣчающейся аберраціи все еще находился и я, когда, глазами европейца взирая на окружающее, относилъ пустынность Бриджнортъ-Риджуэйской проѣзжей дороги къ слабой населенности края, тогда какъ всего въ восьми верстахъ къ сѣверу отъ проходящей черезъ Риджуэй желѣзной дороги идутъ, параллельно ей, двѣ другія пары рельсовъ; бездоходныхъ же дорогъ Канада не знаетъ. Еще большимъ, но уже въ обратную сторону, недоразумѣніемъ оказалось мое первоначальное представленіе о Риджуэйѣ: этотъ при-

---

*) Островъ близъ Нью-Іорка; на Лонгъ-Айландѣ расположенъ Вруклинъ и другіе города, входящіе въ составъ такъ называемаго Великаго-Нью-Іорка, The Greater New-Iork.

**) Широта Неаполя—40°50'... Хотя высота солнца, несомнѣнно, лишь одинъ изъ факторовъ климата даннаго мѣста, но для низкихъ широтъ это факторъ весьма существенный.

вольно раскинувшійся городокъ, обладающій собственной газетой, газовымъ освѣщеніемъ и отопленіемъ, не имѣлъ и тысячи душъ населенія.

И отъ такого-то, болѣе чѣмъ скромнаго центра проводили теперь еще одну, какую-то совсѣмъ необыкновенную желѣзную дорогу къ только что зачинавшемуся поселку!.. Было чему подивиться; и я не скрывалъ своего изумленія, къ большой потѣхѣ сангвинически непосредственнаго мистера Страу, посвящавшаго меня слѣдующимъ утромъ, за завтракомъ, во всѣ эти диковины.

— Васъ удивляетъ, послѣ Нью-Іорка?—повторялъ онъ, лукаво играя живыми, шустрыми карими глазками.—А мы не удивляемся: надоѣстъ желѣзная дорога, полетимъ по воздуху!

— Но скажите, гдѣ же у васъ берутся деньги на всѣ эти предпріятія? Здѣсь у васъ и народу-то не видать.

— О, былъ бы спросъ да надежда на прибыль, а деньги найдутся: сами такъ и притекутъ, какъ въ дождь вода по жолобу!.. Это такъ же просто, какъ-то, напр., что, вѣроятно, сегодня же вы получите дѣло на нашей волшебной дорогѣ, и вамъ не зачѣмъ будетъ обивать ноги по фермамъ...

— Къ сожалѣнію, мистеръ Бичеръ уже отказалъ мнѣ,—замѣтилъ я сокрушенно.

— Отказалъ?

— Да, и категорически: къ нему вчера обратился прежде всего...

— А!.. Ну, тогда для него было еще секретомъ, что и онъ одинъ изъ дикарей!—возразилъ мистеръ Строу и залился такимъ веселымъ, заразительнымъ смѣхомъ, что сама собой отпадала нѣкоторая колкость намека.

Засмѣялась и его сдержанная, молчаливо-привѣтливая жена, лишь нѣсколькими кивками головы пожелавшая показать, что и и она знаетъ и ничуть не осуждаетъ мою вчерашнюю выходку: разсмѣялся и я, глядя, какъ прыгали смугло-розовыя, полныя щеки моего жизнерадостнаго хозяина; да и отрадно было сознавать это простодушное, безъ малѣйшей покровительственности или показного радушія, довѣрчивое гостепріимство: хозяева мои и не пытались даже узнать имя своего гостя. И, удивительное дѣло,—мнѣ самому еще ни разу не приходило въ голову нарушить это инкогнито: такъ мало приносило оно всѣмъ неудобства...

— Пойдите, пойдите къ мистру Бичеру!.—настаивалъ, между тѣмъ, мистеръ Строу.—Увидите: сегодня будетъ совсѣмъ иначе!— И въ голосѣ его послышалось что-то обѣщающее.

Я сталъ собираться въ дорогу.

Осторожная попытка предложить обычную здѣсь плату за ночлегъ встрѣтила спокойный, но рѣшительный отказъ; они ничуть не обидѣлись, однако, но подчеркнули, что считали себя въ правѣ смотрѣть на меня, какъ на гостя...

— Вотъ, если пожелаете стать у насъ на пансіонѣ,—пояснилъ

мистеръ Строу,—добро пожаловать!.. Могу предложить вамъ его за три доллара въ недѣлю... Разумѣется,—поторопился онъ оговориться,—если не сочтете, что это слишкомъ дорого, и если скудный нашъ столъ и общество вамъ не прискучатъ.

А скудный столъ этотъ былъ таковъ, что лучшаго не могъ я и требовать: на завтракъ, напр., подали молоко, яйца, сыръ, великолѣпное сливочное масло, горячія сочныя сосиски, ростбифъ, два-три сорта домашнихъ пирожныхъ («кэкъ»), чай и кофе. Прибавьте къ этому, что хотя хозяинъ, въ силу американскаго обычая, и предложилъ, усаживаясь: «угощайтесь сами!»—но миссисъ Строу не переставала все время съ молчаливой настойчивостью подкладывать мнѣ кусокъ за кускомъ...

На луговинѣ, позади небольшого одноэтажнаго деревяннаго зданія станціи, получасомъ спустя, имѣла мѣсто такая сцена: двое сухопарыхъ молодыхъ рабочихъ помощью массивной стальной цѣпи и заложеннаго между ней и столбомъ лома силились притянуть къ болту въ головкѣ этого столба нависшій надъ нимъ, немного искривленный, рельсъ, а мистеръ Бичеръ,—я узналъ его еще издали, — крѣпко охвативъ одной рукой рельсъ, помогалъ рабочимъ, въ другой держа наготовѣ увѣсистый молотъ. Лица всѣхъ троихъ были красны отъ напряженія, но дѣло не подвигалось впередъ: ломъ все срывался, соскальзывалъ, насмѣшливо-звонко щелкая по звеньямъ.

— Надо бы, Джоу, понатужиться маленькую минутку, — замѣтилъ инженеръ рабочему повыше:—еще минутку, и мы съ нимъ покончимъ.

Тотъ отстранился, поправилъ съѣхавшую на затылокъ шляпу и сказалъ, тяжело переводя духъ:

— Не... могу, сэръ!.. Не будете ли вы... удачливѣе? Вы посильнѣй!..

Перемѣнились,—все то же: рельсъ дрожалъ и трясся надъ головами, точно отъ затаеннаго смѣха.

Очевидно, наличныхъ силъ было недостаточно. Мнѣ пришло въ голову принести свою помощь: молча, всѣмъ корпусомъ, съ ожесточеніемъ навалился я на желѣзо, и—удачно: звонкій ударъ молота показалъ, что непокорный рельсъ водворенъ таки на должное мѣсто.

— Это истинно - геніальная мысль, сэръ,—не имѣю чести васъ знать,—явиться такъ кстати!—воскликнулъ тотъ, котораго звали Джоу.—И тѣмъ болѣе кстати, что намъ вѣдь никогда бы не догадаться попросить васъ объ этомъ... Благодаримъ васъ.

Инженеръ молча изучалъ меня глазами.

— Не васъ ли я видѣлъ вчера вечеромъ возлѣ гостиницы?—

спросилъ онъ, высовывая лицо изъ-подъ платка, которымъ отиралъ струившійся со лба потъ.

— Да, это былъ я... И вотъ сегодня пришелъ къ вамъ за тѣмъ же.

— Но и сегодня отвѣчу вамъ то же: рабочихъ у насъ достаточно, больше не требуется и не потребуется...

— Хотя практика говоритъ и противное,—возразилъ я.

Онъ засмѣялся, мягко, общительно, но тотчасъ же—точно спохватившись, насупился, что, къ слову сказать, очень не шло къ его, почти лишенному бровей, кругловатому лицу.

— Пусть такъ, но какой же вы рабочій? — сказалъ онъ, исподлобья оглядывая мою фигуру.—Работали гдѣ-нибудь на фабрикѣ?

— Нѣтъ.

— Вотъ видите. А намъ годятся только такіе, которые знаютъ дѣло...

— Полагаю, сэръ, вамъ нужны прежде всего такіе, которые бы дѣйствительно хотѣли работать?—сказалъ я.

Онъ опять разсмѣялся.

— Вѣрно... Ну, а еще что вы полагаете?

— А то,—подхватилъ я горячѣе,—что если у человѣка есть двѣ вотъ такія, ищущія работы, руки,—я протянулъ ему обѣ,—если у него есть голова, умѣющая понимать, что надо прежде испытать, а потомъ уже заключать, пригоденъ ли онъ, или нѣтъ...

— Онъ правъ, однако, совершенно правъ! - вскричалъ инженеръ, энергично хлопнувъ меня по плечу.

— Парень—къ масти.

— Лишнимъ не будетъ!—отозвались рабочіе.

— Ну, хорошо, поработайте! — рѣшилъ инженеръ и хлопнулъ меня, съ веселымъ смѣхомъ, по рукѣ.

— Итакъ,—заключилъ мистеръ Бичеръ, переходя снова въ серьезный тонъ,—начнете сегодня съ полудня или уже завтра, съ утра?

— Приду сегодня.

— Отлично... Плата—долларъ двадцать пять центовъ *); десятичасовой трудъ: съ семи до шести, часъ на обѣдъ. Приходите къ грядѣ **), гдѣ земляныя работы—знаете?—на стоунбриджской дорогѣ... Съ угла вонъ того персиковаго сада видно... Имѣете спросить мистера Фоулэра, формэна ***).

Обмѣнявшись обычными привѣтствіями, я ушелъ: и вторая задача моя была рѣшена!..

Окрыленный сознаніемъ успѣха, я, кажется, земли не чуялъ

*) Около 2 р. 35 к.

**) По ней и названіе города: въ переводѣ —„Кряжевая дорога".

***) Формэнъ —главный приказчикъ, надсмотрщикъ.

подъ ногами, и вся природа вокругъ казалась мнѣ теперь смѣющеюся и радующеюся вмѣстѣ со мною. Даже гордыя, высокія, окружавшія луговину деревья, плавно качавшіяся отъ легкаго, подувшаго съ полей вѣтерка, теперь какъ бы кивали мнѣ одобрительно головами.

А солнце,—часто ли бываетъ въ жизни такое благожелательно смѣющееся солнце?

Я шелъ, и точно кто нашептывалъ мнѣ: «а въ твоемъ успѣхѣ и еще кто-то, и еще кто-то повиненъ!»

— Кто?.. Не мистеръ ли Строу, встрѣтившій меня при возвращеніи пѣсенкой:

„Не спрашивай идущаго отъ милой,
„Душисты ль были крошки поцѣлуи".

Откуда, однако, среди риджуэйскихъ «дикарей» эта чуткость? И у многихъ ли она тутъ въ обиходѣ?..

Посмотримъ...

Прежде, чѣмъ повести свой разсказъ дальше, считаю нелишнимъ остановиться нѣсколько на обществѣ риджуэйской велосипедной желѣзной дороги и на обстоятельствахъ его осуществленіе.

Исторія самаго изобрѣтенія такъ проста и характерна, что сама просится подъ перо. Вотъ она, ab ovo.

Молодой инженеръ, состоявшій на службѣ одного изъ обществъ эксплуатаціи паденія воды въ Ніагарѣ, скучая однообразіемъ порученнаго ему дѣла и тяготясь сравнительно зависимымъ своимъ положеніемъ, задумалъ, такъ или иначе, выбиться на дорогу пошире. Случай—американскій случай, свободный отъ паутины архаическихъ уставовъ—не замедлилъ помочь ему въ этомъ.

Дѣло было такъ. Инженеръ этотъ, мистеръ Бичеръ, въ одинъ изъ своихъ свободныхъ дней конца іюля былъ на обычной прогулкѣ въ окрестностяхъ Риджуэйя, куда издавна привыкли удаляться на лоно природы жители шумнаго, душнаго Бофло: тутъ такъ красивы, на фонѣ придвинувшихся къ озеру блѣдно-оранжевыхъ песчаныхъ дюнъ, поросшія группами и въ одиночку темнозеленыя канадскія сосны, вода у берега такъ чиста и прозрачна, а воздухъ такъ мечтательно легокъ и ласковъ!.. Но и здѣсь погода порою бываетъ коварно измѣнчива: тихая, ясная утромъ этого прекраснаго дня, она стала быстро портиться съ полудня: подулъ надоѣдливый южный вѣтеръ, неся сырость и хмурыя, бурыя тучи; заходили по озеру волны. Курсирующій тутъ пароходъ, совершающій обычный переходъ изъ Бофло что-то въ часъ съ четвертью, теперь присталъ къ берегу лишь черезъ два съ лишнимъ и выпустилъ пассажировъ, наполовину больныхъ и поголовно угрюмыхъ; прогулка, которою американецъ дорожить, вообще, больше нашего, была, очевидно, испорчена... Въ довершеніе неудачи—полилъ дождь... А такъ какъ возвращаться пароходомъ мало оказа-

лось охотниковъ, достать же экипажей тутъ негдѣ, то можно представить себѣ удовольствіе, съ какимъ, увязая и скользя въ песчано-глинистомъ грунтѣ, многочисленные экскурсанты этого дня брели въ Риджуэй, за $4^1/_2$ мили, чтобъ оттуда уже возвращаться желѣзной дорогою въ Бофло.

Между ними былъ и нашъ инженеръ, — не потому, чтобы ему была страшна перспектива часика два покачаться на темно изумрудныхъ озерныхъ волнахъ, а потому, что въ головѣ его успѣла уже зародиться новая мысль, требовавшая провѣрки и уясненія, а для этого, прежде всего, нужно было опредѣлить, такъ сказать, индустріальную цѣнность выпавшей на долю экскурсантовъ непріятности.

Такимъ способомъ онъ и выяснилъ, что если проложить тутъ рельсовый путь — непремѣнно самаго удешевленнаго типа, ибо и плату за проѣздъ придется назначить самую скромную,—то дѣло можетъ стать не безприбыльнымъ, тѣмъ болѣе, что оно отвѣчаетъ и интересамъ владѣльцевъ земельныхъ участковъ Кристлъ-Бича и самаго Риджуэйя, обѣщая поднять цѣнность ихъ недвижимости.

И вотъ, къ слѣдующей веснѣ продѣланы были всѣ должные опыты, произведены всѣ требуемыя изысканія, составлены смѣты, и къ марту патентъ на изобрѣтеніе лежалъ уже въ карманѣ изобрѣтателя. Вотъ, въ общихъ чертахъ, въ чемъ оно состояло. Дорожный путь—не въ пару рельсовъ, а въ одинъ, на столбахъ не ниже полутора аршина отъ земли. Полуаршиномъ ниже его и на такомъ же разстояніи по обѣ стороны отъ столба—положены двѣ стальныя, параллельныя рельсу, двугранныя полосы въ вершокъ шириной, ребромъ кнаружи. Вагоны на 24 мѣста каждый, легкіе, деревянные, о двухъ желобчатыхъ колесахъ, одно позади другого, прикрытыхъ прикрѣпленными къ полу вагона кожухами (какъ если бы вагонъ былъ надѣтъ сверху до уровня колесныхъ осей на громадный велосипедъ). Для обезпеченія устойчивости — снаружи, вдоль боковыхъ стѣнъ, свѣшивающіеся ниже колесъ, прочные деревянные ящики съ балластомъ, позволяющимъ сохранять центръ тяжести всегда ниже точки опоры. За ящиками — вертикальные стальные ролики, въ видѣ песочныхъ часовъ. Ролики эти - ихъ по 3 съ каждой стороны—при неравномѣрной нагрузкѣ вагона, упираются въ ребра помянутыхъ двугранныхъ полосъ, не позволяя ему наклоняться, раздающійся же при ихъ вращеніи характерный свистъ служитъ сигналомъ къ соотвѣтственному перемѣщенію груза и возстановленію нарушеннаго равновѣсія. Вагоновъ въ поѣздѣ четыре, одинъ изъ нихъ—ведущій: въ одномъ изъ крайнихъ его отдѣленій—сильный электромоторъ, а въ боковыхъ ящикахъ, вмѣсто баласта,—мощная батарея, заряженная на одинъ туръ у станціи Риджуэй, гдѣ восьмисильный паровикъ приводитъ въ движеніе динамомашину, поставляющую энергію для освѣще-

нія вагоновъ и станцій и для сообщенія поѣзду максимальной скорости въ 32 версты въ часъ.

Такова несложная конструкція «электрической дороги самаго удешевленнаго типа», которую изобрѣтатель счелъ нужнымъ представить прежде всего вниманію гражданъ Риджуэйя. И надо полагать, они сумѣли достойно оцѣнить это, если вслѣдъ затѣмъ Кристлъ-Бичъ сталъ быстро покрываться красивенькими дачками, а большая часть перваго выпуска акцій оказалась разобранной обитателями городка и его окрестностей, — благо, пай стоилъ всего 10 доларовъ (около 18 р.).

Что касается осуществленія самого изобрѣтенія, то въ мартѣ въ кассу общества поступили первые взносы, а къ серединѣ іюля изъ 4 миль протяженія линіи были совершенно готовы $2^1/_2$, и, помнится, 17 іюля надъ длиннымъ рядомъ связанныхъ сталью столбовъ эстокады, въ средней части линіи достигавшей высоты 32 футовъ надъ почвой, гордо и смѣло пробѣжалъ первый пробный поѣздъ. Къ этому же времени представители общества завели переговоры о постройкѣ подъѣздного пути того же типа гдѣ-то въ Пенсильваніи, въ мѣстности, уже болѣе отдаленной отъ станціи паровой желѣзной дороги.

Какъ пошли дѣла общества впослѣдствіи,—мнѣ неизвѣстно, но врядъ ли можетъ быть сомнѣнье, что первые, столь удачные, шаги его объясняются прежде всего тѣмъ, что въ Канадѣ для учрежденія и осуществленія дѣятельности торговопромышленныхъ и чисто промышленныхъ обществъ не требуется никакихъ сложныхъ ходатайствъ и «разрѣшеній»: достаточно предъявить въ регистраціонное бюро подписанный десятью учредителями актъ объ организаціи общества, и, разъ этотъ актъ занесенъ въ установленныя книги,—тѣмъ самымъ «инкорпорація» признается состоявшеюся, т. е. общество вступаетъ въ жизнь со всѣми правами и обязанностями юридическаго лица. Такія бюро имѣются непремѣнно въ каждомъ окружномъ городѣ, совершаютъ регистрацію немедленно по предъявленіи, отказывать же въ исполненіи такой обрядности бюро имѣютъ право лишь тѣмъ предпріятіямъ, которыя могли бы причинить вредъ народному здравію, оскорбить общественную нравственность или противорѣчить спеціально изданному на этотъ счетъ въ законодательномъ порядкѣ запрещенію (какъ, напр., о производствѣ опіума или о торговлѣ имъ); все же остальное — безусловно и разъ навсегда признается дозволеннымъ, и если бы кому-нибудь вздумалось учредить общество аэростатныхъ сообщеній черезъ океанъ, можно быть увѣреннымъ, что процессъ инкорпораціи его не занялъ бы и часа, а регистрація не потребовала бы и доллара. Вмѣсто ревнивой заботы объ обезпеченіи архаическаго права неослабнаго надзора и непрестаннаго вмѣшательства власти, канадское законодательство, очевидно, заботится лишь о

развитіи въ населеніи промышленной иниціативы и самодѣятельности,—по крайней мѣрѣ, старается ему не препятствовать.

Только при наличности приведенныхъ выше условій да при здоровомъ содѣйствіи народнаго образованія могло осуществиться здѣсь и другое замѣчательное предпріятіе—«Риджуйэское общество газоваго освѣщенія«. Исторія его такова.

Когда проводили линію желѣзной дороги, соединяющую черезъ канадскую провинцію Онтэріо городъ Бофло съ Чикаго и, далѣе, съ провинціей Манитобой, въ одной изъ выемокъ обнаружена была синяя пропитанная горной смолою глина. Школьный учитель ближняго поселка, успѣвшій въ одну изъ очень популярныхъ здѣсь лѣтнихъ экскурсій побывать въ сосѣдней нефтеобильной Пенсильваніи, случайно прослышалъ о находкѣ и поспѣшилъ осмотрѣть, какъ упомянутую выемку, такъ и нѣсколько смежныхъ естественныхъ обнаженій. Оказалось, что послѣднія имѣютъ большое сходство съ таковыми же въ Пенсильваніи, находящейся, къ тому же, какъ разъ насупротивъ этой части Онтэріо, къ югу отъ раздѣляющаго ихъ озера Ири. Всего этого было достаточно для пробужденія интереса и дѣловой сообразительности американца.

Учитель немедля пригласилъ къ себѣ около 20 человѣкъ болѣе состоятельныхъ сосѣдей изложилъ предъ ними свои доводы въ пользу вѣроятія присутствія въ этой мѣстности нефтеносныхъ отложеній, и, вѣроятно, слушатели—все жители маленькаго тихаго городка и окрестныхъ, одиноко стоящихъ фермъ верстъ на двадцать въ окружности—были достаточно освѣдомлены въ научной сторонѣ доводовъ оратора, если тутъ же порѣшили организовать общество для поисковъ въ провинціи Онтэри полезныхъ ископаемыхъ и разработки ихъ на правильныхъ коммерческихъ началахъ, а для того, чтобъ облегчить желающимъ участіе въ дѣлѣ, опредѣлили: величина паевого взноса не должна превышать 10 долларовъ Затѣмъ протоколъ собранія, какъ водится, былъ подписанъ и отосланъ для зарегистрированія въ правительственное учрежденіе въ Торонто, и одинъ изъ членовъ новаго общества получилъ полномочіе выбрать свидѣтельство на заявку *) и принять отводъ участковъ (claims). Не прошло и двухъ мѣсяцевъ послѣ этого какъ на одномъ изъ сказанныхъ участковъ заложена была буровая скважина, давшая на глубинѣ ста съ чѣмъ-то футовъ бурный выходъ газовъ, воды и песка. Встрѣченный нѣсколько глубже слой чрезвычайно твердой породы не могъ быть осиленъ имѣвшимися у общества буровыми средствами, пришлось скважину эту на время

---

*) Право заявлять на свое имя для какой-нибудь горной разработки тотъ или иной участокъ свободной земли принадлежитъ здѣсь всякому, пользующемуся гражданской правоспособностью.

оставить и искать болѣе податливаго грунта. Подъ самымъ Риджуэйемъ опустили вторую—результаты оказались тѣ же. хотя и на нѣсколько большей глубинѣ. Кто-то изъ присутствующихъ наполнилъ бычачій пузырь вновь полученнымъ газомъ пополамъ съ воздухомъ и поднесъ къ проколотому въ пузырѣ маленькому отверстію зажженную спичку—послѣдовалъ громкій взрывъ...

Немедленно же послали образцы газа для точнаго изслѣдованія въ Торонто, а сами, собравшись, подписали протоколъ объ учрежденіи новаго акціонернаго общества — газоваго отопленія и освѣщенія города Риджуэйя. Вскорѣ большая часть пятидоллаpовыхъ паевъ (около 9 р. 30 к.) была разобрана, а когда изъ Торонто получены были результаты анализа, подтвердившаго, что риджуэйцы дѣйствительно нашли, вмѣсто нефти, прекрасный свѣтильный газъ—паевъ не хватило для удовлетворенія всѣхъ желающихъ.

Это было, какъ мнѣ передавали, года за два до моего прибытія въ Канаду, кажется, въ началѣ лѣта, а въ сентябрѣ того же года въ домахъ гор. Риджуэйя, громко шипя, горѣлъ уже углеводородный газъ, естественнымъ давленіемъ проведенный по трубамъ изъ второй болѣе глубокой скважины. Я видѣлъ «заводъ», доставлявшій газъ. Это небольшое, занимающее не больше 16—18 кв. саж., деревянное, одѣтое волнистымъ, оцинкованнымъ желѣзомъ, зданіе съ маленькой, отгороженной внутри кирпичными стѣнами, комнатой для единственнаго служащаго завода, — мастера, рабочаго и сторожа въ то же время. Кромѣ газометра для измѣренія количества расходуемаго газа, единственнымъ механизмомъ завода былъ обыкновенный газовый рожокъ, устроенный подъ колѣнчатымъ изгибомъ доставлявшей газъ шестидюймовой обсадной трубы. Назначеніе этого рожка — обогрѣвать въ холодное время года трубу и разностью температуръ усиливать въ ней естественную тягу.

Газъ, по желанію, поставляется потребителямъ или за помѣсячную плату, по количеству имѣющихся въ домѣ рожковъ, или по дѣйствительно израсходованному объему, по указанію газометра.

Большею частью, газомъ пользуются за плату помѣсячно, но такъ какъ потребители, почти поголовно, въ то же время, и акціонеры общества, то газъ расходуется очень бережно: кухонная печь, напр. (плита съ одной двумя духовками и ящикомъ для кипятку, устанавливаемая на ножкахъ посреди кухни), довольствуется, обыкновенно, двумя рожками.

Итакъ, мистеръ Строу былъ правъ: предпріятія вскармливаются и взращиваются тутъ соками, свободно и безпрепятственно приливающими изъ глубочайшихъ нѣдръ населенія: въ этой странѣ, гдѣ, внѣ большихъ городовъ, годами не увидишь полисмэна, финансовое законодательство, не принимая на себя никакой опеки надъ имущественной самостоятельностью и дѣловой правоспособностью гражданъ, не практикуетъ даже такой соблазнительной мѣры,

какъ установленіе низшаго предѣла выпускной цѣны пая или акціи.

А потому, всегда столь высокій у насъ, въ Канадѣ пай можетъ быть низведенъ хотя бы до 2 — 3 рублей, чѣмъ сразу же открывается доступъ къ участію въ промышленныхъ предпріятіяхъ массѣ небогатыхъ, но предпріимчивыхъ людей, часто успѣвающихъ быстро собрать большую половину складочнаго капитала. Съ другой стороны, это воспитываетъ въ населеніи наклонность къ сбереженіямъ и осмотрительность въ ихъ помѣщеніи, такъ какъ незначительная стоимость пая позволяетъ участвовать одновременно въ нѣсколькихъ предпріятіяхъ и, путемъ этихъ, такъ сказать, пробныхъ взносовъ и внимательнаго наблюденія за ходомъ дѣлъ данныхъ предпріятій,—избирать изъ нихъ такія, какія окажутся наиболѣе надежными и выгодными.

Въ свободной странѣ, стало быть, самый капиталъ естественно и неизбѣжно демократизируется, и никому это не во вредъ...

IV.

Заокеанскій рабочій; первыя впечатлѣнія. — Лопату или тачку? — Система работъ.—Испытаніе. На свѣтъ Божій вторично; мистеръ Строу—ораторъ.

Не безъ сердечнаго трепета подходилъ я въ урочное время къ мѣсту работъ, пробному камню рабочей моей правоспособности.

Мы, русскіе интеллигенты, какъ извѣстно,—большіе поклонники физическаго труда, даже признали въ немъ «необходимый элементъ воспитанія». На практикѣ же, въ личной нашей жизни, мы совершенно спокойно обходимся безъ серьезныхъ мускульныхъ упражненій и, въ лучшемъ случаѣ, допускаемъ ихъ, развѣ какъ гимнастику.

Съ своей стороны, конечно, и я не составлялъ исключенія, и до этого дня землекопную работу, напр., практиковалъ лишь въ очень малыхъ дозахъ, изрѣдка любительски копаясь, съ лопатою въ рукахъ, въ отцовскомъ саду. Теперь мнѣ предстояло стать заправскимъ работникомъ, существомъ, въ потѣ лица добывающимъ хлѣбъ свой и все возрастающую за день усталость умѣющимъ побѣждать все нарастающей трудовой энергіей—хватитъ ли, въ самомъ дѣлѣ, силы, умѣнья, выносливости?..

Обѣденный перерывъ подходилъ къ концу; рабочіе успѣли уже сойтись и, большею частью, молча сидѣли по склону въ тѣни. Это были люди разнаго возраста и положенія, отъ 20 до 40 лѣтъ, и почти всѣ въ обыкновенномъ «городскомъ» платьѣ, часто еще очень свѣжемъ, и въ котелкахъ. Если бы не зіявшая въ десяти шагахъ пасть выемки, да не инструменты, брошенные тамъ, гдѣ засталъ ихъ обѣденный гудокъ, можно было бы подумать, что это

компанія горожанъ, кейфующая послѣ загородной прогулки. Къ тому же, и лица, и руки у всѣхъ у нихъ были совсѣмъ чистыя, «не рабочія».

Народу тутъ было человѣкъ сорокъ, но только двое отвѣтили мнѣ на обычное привѣтствіе; веселые, разсѣянные взгляды остальныхъ показывали, что они замѣчаютъ пришельца лишь потому, что тотъ случайно попалъ въ поле ихъ зрѣнія. Ни тѣни обычнаго у насъ въ такихъ случаяхъ любопытства, съ первыхъ же шаговъ въ новой средѣ такъ отягчающаго новичка назойливымъ разматриваніемъ его окружающими.

Я мелькомъ оглядѣлъ работы: въ широкомъ гребнѣ, въ видѣ длиннаго вала отдѣляющемъ риджуэйскую равнину отъ приозерной покатости, вели траншею, удаляя выемочный матеріалъ въ длинные отвалы, протянувшіеся параллельно склону. Судя по этимъ отваламъ, состоявшимъ сплошь изъ крупной окатанной гальки со слабой глинисто-песчаной примазкой, работы были не изъ легкихъ и требовали осторожности: въ подобномъ грунтѣ весьма возможны, если и не неизбѣжны, обвалы. И однако же, хоть мистеръ Фоулэръ—какъ это нехотя сообщили мнѣ рабочіе—сегодня, за нездоровьемъ, вовсе не выходилъ на работы, онѣ велись безостановочно, безъ чьего бы то ни было надзора и руководительства.

Это было совсѣмъ ново, характерно и, на первый взглядъ, непонятно, но прежде всего—создавало мнѣ, казалось, очень существенное затрудненіе: не къ кому было заявиться.

И опять-таки, это видимое затрудненіе пришельца никого тутъ не заинтересовало. Только сидѣвшій ближе ко мнѣ, на краю отвала, высокій, какъ мистеръ Аткинсъ, сутулый субъектъ съ узкимъ костлявымъ лицомъ и совершенно плоскою грудью, изъ тѣхъ, кого въ просторѣчіи называютъ «чахоткой», побезпокоился узнать, зачѣмъ это понадобился мнѣ мистеръ Фаулэръ.

Я сказалъ.

— А кто принималъ?—тусклымъ голосомъ спросилъ онъ, по простонародной англійской привычкѣ сжевывая слова.

— Мистеръ Бичеръ...

— На что же - формэнъ?.. Прогудитъ у Керуортп—становитесь...

— Но я не знаю, что именно мнѣ дѣлать...

— Что и всѣмъ, полагаю, если... безъ особаго наказа.. А за что взяться - вамъ лучше знать. Я бы совѣтовалъ лопату: съ тачкой здѣсь трудно, очень трудно...

Послѣднія слова совсѣмъ неожиданно и разомъ освѣтили мнѣ положеніе: если я хочу основательнѣе и вѣрнѣе испытать себя—долженъ взяться именно за труднѣйшее.

И я заявилъ, что выбираю тачку. Это привлекло ко мнѣ нѣкоторое вниманіе.

— Ваша спеціальность?..—тономъ утвержденія спросилъ пожи-

лой рабочій, подвижнымъ, испитымъ лицомъ напоминавшій стараго актера.

— Нѣтъ.

— Отчего же не берете то, что полегче?

— У меня свои основанія...

— Такъ бросьте ихъ: прибавку наработаете тутъ развѣ къ мозолямъ...

— Предпочитаю всетаки тачку. — повторилъ я тихо. — Если это никому не помѣшаетъ, конечно...

— О, напротивъ!—воскликнулъ сидѣвшій рядомъ съ «чахоткой» широкоплечій малый въ громадной, грубой соломенной шляпѣ.— Напротивъ: первый Бишопъ *) вамъ будетъ благодаренъ...

— Неправда, Баскетъ **)... виноватъ: я хотѣлъ сказать, вы, по обыкновенію, все врете, — возразилъ тотъ, съ виду довольно интеллигентный молодой человѣкъ, сидѣвшій позади всѣхъ на тачкѣ.—Ничего, сэръ,—обратился онъ мнѣ,—не буду имѣть противъ, если выберете лопату или замѣните кого-либо другого...

А виноватая улыбка на его тонкихъ губахъ несомнѣнно обличала противное.

— Охъ, Бишопъ, Бишопъ!—воскликнулъ насмѣшникъ Баскетъ,— жена у васъ будетъ трудолюбивая!..

Въ эту минуту гдѣ-то по ту сторону гребня прозвучалъ тонкій, короткій гудокъ — рабочіе, какъ одинъ человѣкъ, принялись за работу.

Выемка, все мельчая и съуживаясь въ сторону озера, была теперь саженъ восемнадцати длиною. Здѣсь, не считая трехъ-четырехъ снимавшихъ «лепешку» — верхній болѣе твердый слой грунта,—работало четырнадцать человѣкъ съ тачками («откатчиковъ») и столько же паръ съ лопатами («лопатниковъ»). Тачки устанавливались посреди выемки въ рядъ, одна за другой; «лопатники» нагружали ихъ, работая съ обѣихъ сторонъ.

Я хотѣлъ было занять мѣсто Бишопа, очень проворно, едва послышался гудокъ, взявшагося за лопату; мѣсто это было третье или четвертое отъ устья. Но «чахотка» весьма предусмотрительно поставилъ меня третьимъ отъ конца и самъ перемѣстился, ставъ непосредственно позади меня.

Это, какъ будто, совсѣмъ маловажное обстоятельство очень помогло мнѣ, а можетъ быть, спасло и всю мою рабочую карьеру среди людей, выработавшихъ такіе суровые, чтобы не сказать драконовскіе порядки работы.

Дѣло въ томъ, что и приготовленіе выемочныхъ матеріаловъ, и удаленіе ихъ производятся тутъ совсѣмъ не такъ, какъ у насъ,

*) Бишопъ—епископъ; въ данномъ случаѣ—кличка.

**) Баскетъ—корзинка; прозвище, очевидно данное по шляпѣ.

гдѣ одинъ рабочій исподволь и не спѣша роетъ себѣ и копаетъ, другой отвозитъ, и каждый, порознь, работаетъ безъ всякой непосредственно-обязательной связи съ работой, одновременно производимой остальными. Здѣсь вся «компанія», весь рабочій отрядъ связанъ такой системой, что замедленіе со стороны одного немедленно же отражается на ходѣ работъ всѣхъ остальныхъ. Такая система, съ одной стороны, вызываетъ естественный отборъ рабочихъ, такъ или иначе отводя каждому мѣсто лишь по его работоспособности, и такимъ путемъ, естественно, дѣлаетъ трудъ наиболѣе производительнымъ, съ другой — подчиняетъ каждаго интересамъ производимаго всѣми, т. е. всей данною группой дѣла. Лѣнивому или неспособному поэтому остается либо проситься на какую-нибудь совсѣмъ отдѣльную, обособленную работу, либо понапречь всѣ свои силы. Иначе — за бортъ, и никого это не взволнуетъ, никому не покажется неправильнымъ или несправедливымъ.

Въ работахъ у риджуэйскаго гребня замѣчательная система эта осуществлялась такимъ образомъ.

Нагрузка тачекъ выемочнымъ матеріаломъ занимала каждый разъ минуты 2—2½. Затѣмъ, какъ только первая отъ устья тачка была наполнена—а сюда назначались лучшіе рабочіе, нагружавшіе «безъ снисхожденія»—возница ея возглашалъ:

— Отрядъ... впередъ!

И тачки, одна за другой, гуськомъ двигались въ продолженіе 2—3 минутъ къ отвалу. Тутъ въ должномъ мѣстѣ «колонновожатый» отрядъ возглашалъ снова:

— Готово!..

И тачки, всѣ разомъ, опрокидывались, выбрасывая содержимое внизъ, подъ откосъ отвала, а затѣмъ, разомъ же, уже безъ всякой команды, поворачивались и по той же линіи одна за другою положенныхъ досокъ направлялись въ выемку обратно, гдѣ эта процедура съ автоматической точностью повторялась снова.

И такъ, безъ перерывовъ, безъ малѣйшаго отдыха, не позволяя себѣ даже покурить, работали все рабочее время дня...

«Отрядъ впередъ»! и черезъ 5 — 6 минутъ опять: «Отрядъ впередъ»!—съ неумолимою правильностью, какъ удары бича при экзекуціи, раздавалось надъ нами, и ничто, ничто, даже въ отсутствіи надсмотрщика, не могло задержать эти жестокіе въ своей безстрастности звуки, налетавшіе, казалось, лишь для того, чтобы попытаться отнять у истомленнаго человѣка послѣднія силы.

Уже первая, двинутая мною, тачка показала всю основательность совѣтовъ «актера» и «чахотки», рекомендовавшихъ выбрать лопату: не говоря уже о непривычной тяжести груза, — въ тачкѣ было не меньше шести пудовъ,—маленькое, съ виду такое послушное колесо тачки все норовило съѣхать съ узкой доски, и тогда мнѣ ни за что бы во время не поставить тачку снова на мѣсто... А чуть осмѣливался я наклониться, чтобы тѣмъ заставить колесо

слѣдовать посреди «трэка», тачка грозила перевернуться и немалыхъ усилій стоило привести ее въ равновѣсіе. Далѣе: отъ толчковъ тачечныхъ колесъ и рабочихъ ногъ доски колеи мало по малу раздвигались; приходилось либо останавливаться, чтобы возстановить непрерывность «трэка», — стало быть, задержать всѣхъ слѣдующихъ сзади,—либо искусно перебѣгать такое мѣсто или «щель» съ разгона. При малѣйшей неловкости, тачка увязала въ галечномъ грунтѣ, и слѣдовавшіе сзади терпѣли задержку, въ свою очередь задерживая и остальныхъ, такъ какъ передніе, тѣмъ временемъ успѣвшіе разгрузиться, возвращаясь, встрѣчали путь загроможденнымъ.

Благополучно, хотя и съ немалымъ напряженіемъ, разгрузивъ первую тачку, я со второю попалъ въ «щель»: на поворотѣ къ хвосту отвала тачка съѣхала съ доски...

— Готово! — тотчасъ же раздалось позади. - Выгружайте, выгружайте на мѣстѣ!

Краснѣя, пыхтя, какъ кавалеръ, сбившійся въ фигурныхъ танцахъ, засуетился я исполнить требованіе: гулко, съ шипѣньемъ и скрипомъ прокатились тачки мимо. Когда онѣ показались порожними обратно, товарищи, подъ насмѣшливый визгъ колесъ, предложили мнѣ занять послѣднее мѣсто, гдѣ было полегче, — я отказался.

Третій, четвертый, пятый туръ сошли благополучно, на шестомъ пришлось «потанцовать», но теперь я уже не ждалъ команды и не задержалъ отряда.

Прошелъ часъ и другой. Получился, кажется, и нѣкоторый прогрессъ: «танцовать» приходилось все рѣже; удалось благополучно перебѣжать и двѣ-три щели. Но я не обольщался надеждами и на тачку свою по прежнему смотрѣлъ, какъ на врага: не побѣдишь его—онъ самъ тебя раздавитъ, середины тутъ не было. И замѣчательно: каждый разъ, какъ, по той или иной причинѣ, во мнѣ шевелилось сомнѣніе — съ тачкой случалась катастрофа. Поэтому, часъ спустя послѣ начала работъ, я уже старался ни о чемъ не думать, ничего не слушать и, при звукѣ команды, какъ бы закаменѣвалъ у телѣжки: судорожно стискивая ея ручки и вперивъ взоръ въ отмѣченную гвоздевыми головками линію на тачечномъ передкѣ, всю свою волю, все вниманіе я устремлялъ лишь на то, чтобы эта магическая линія проектировалась всегда по сѣрой лентѣ колеи. Я чувствовалъ, что въ эти минуты уподобляюсь машинѣ, но не пугался этого: тутъ лежалъ одинъ изъ немногихъ еще возможныхъ путей къ побѣдѣ.

— Налегай: три часа еще остается!—почти вслухъ повторялъ я точно кому-то другому.—Налегай: осталось два часа, часъ!..

И вдругъ—вечерній гудокъ, гудокъ-избавитель: онъ приносилъ съ собою право постоять, посидѣть, право дышать медленно, какъ всѣ люди, а главное — теперь я могъ сбросить это угрюмое без-

различіе ко всему окружающему, могъ слушать людей, разговаривать съ ними...

Съ чувствомъ безмолвнаго привѣта оглядывалъ я товарищей: тяготы дня роднили меня съ ними; не хотѣлось отбиваться отъ группы даже для того, чтобы поскорѣй придти домой.

Прилегающая къ риджуэйскому гребню луговина подъ самымъ городомъ размежевана на нѣсколько сѣнокосныхъ участковъ, разграниченныхъ жердевыми заборами. Для сокращенія пути, рабочіе пошли луговиной напрямикъ, перелѣзая, гдѣ надо, чрезъ изгородь. За одной изъ нихъ мы встрѣтили мистера Бичера.

— Я испыталъ васъ,—сказалъ онъ просто, медленно протягивая мнѣ руку,—я наблюдалъ вашу работу...

— И что же: годенъ?

— Да... Приходите утромъ на то же мѣсто. Можете выбрать лопату, если хотите...

Я поблагодарилъ. Рабочіе, проходя, кивками выражали свое одобреніе. Костлявый Криственъ Чепсъ, котораго давеча я окрестилъ «чахоткой», пожелалъ проявить свое сочувствіе болѣе существеннымъ образомъ.

— Завтра—легче! - опуская могучую руку мнѣ на плечо, сипло прожевалъ онъ, вытягивая, какъ страусъ, длинную голову,—завтра легче, мало по малу!.. О, мало по малу—хорошо, очень хорошо, право!

Оригинальное краснорѣчіе искренняго моего благожелателя почему-то всегда вызывало шутки и смѣхъ. Такъ было и теперь. Остроязычный Никласъ Линдсей предложилъ даже записать этотъ спичъ, утверждая, что обыкновенному человѣку ни за что не удержать его въ памяти...

Я промолчалъ: именно завтрашній день, съ его десяти-часовой работой, долженъ быть самымъ критическимъ, а тутъ еще прояснившееся небо, затихавшій воздухъ обѣщали жару..

Тревожная мысль о предстоящемъ великомъ испытаніи все болѣе овладѣвала мной и, наконецъ, стала господствующей въ настроеніи, роняя цѣну достигнутаго сегодня успѣха: вѣдь 10 часовъ работы—это даже не дважды пять, а гораздо больше. Какъ быть, если окажется, что силъ въ запасѣ не достаточно?..

Не смотря на усталость, долго мнѣ въ этотъ вечеръ не удавалось уснуть. Проворочавшись безплодно съ часъ на постели, я потихоньку выбрался параднымъ крыльцомъ на улицу.

Было прохладно и тихо, такъ тихо, какъ рѣдко бываетъ у насъ въ самой глухой забытой судьбой деревушкѣ; не слышно было даже собакъ, хотя дома всѣ сплошь стояли не огороженные, и доступъ къ нимъ былъ такъ же легокъ, какъ мой выходъ на улицу.

Было тихо: ни вѣтерка въ дремотно опущенныхъ вѣткахъ де-

ревъ. Сонно глядѣли съ темнаго неба и звѣзды: все равно ни мѣсяцу, ни имъ не увидать бы,

Кто здѣсь молится, кто плачетъ,
Кто мѣшаетъ людямъ спать...

Одиноко затерявшаяся въ спящихъ улицахъ фигура пришельца въ счетъ, конечно, не шла..

— Эндрю, мухи встали!.. Эндрю, мухи ужъ встали! — сквозь глубокій сонъ еле могъ я разслышать звучный голосъ мистера Строу.

Я мигомъ вскочилъ, рѣшивъ ни на минуту, проснувшись, не оставаться въ постели.

— Надѣюсь, безъ пушекъ обойдется, Эндрю?—продолжалъ мой неугомонный будитель.

— Да, да... Благодарю васъ... А какой теперь часъ, мистеръ Строу?

— Половина шестого—самая пора насыщаться... Поторопитесь, миссисъ Строу уже готовитъ вамъ кусочекъ...

«Кусочекъ»!.. Такъ выражаться можно только изъ скромности: я не могъ бы его одолѣть и послѣ хорошей работы, а теперь, только что вставши съ постели и послѣ обильнаго вчерашняго ужина,—куда было уложить и бифштексъ, и молоко, и масло, и яйца?.. Поэтому я ѣлъ лишь изъ обязанности да изъ боязни, какъ бы не вызвать неудовольствія хлѣбосольной хозяйки, которой никакъ бы, разумѣется, не понять, что желудокъ обитателя Восточной Европы вѣками воспитанъ совсѣмъ въ иныхъ правилахъ, чѣмъ англійскій.

Добрая женщина, однако-жъ, подмѣтила мою «національную» умѣренность и то и дѣло переглядывалась съ мужемъ.

— Эндрю!—наконецъ, возгласилъ тотъ внушительно:—Если хотите работать въ этой странѣ, вы должны и ѣсть такъ, какъ мы... Вотъ такъ!

И онъ сталъ пояснять эту мысль собственнымъ примѣромъ съ возбужденнымъ видомъ человѣка, пробивающаго дорогу истинѣ.

Ярко свѣтило солнце, весело щебетали птицы... Въ особенности— одна, красногрудая: она какъ бы провожала меня, перепархивая отъ куста къ кусту, и задорно чирикала, распростерши остроконечныя крылышки...

По ассоціаціи представленій мнѣ вспомнилась иная страна и иные порядки: далекая Восточная Сибирь, гдѣ за десять лѣтъ предъ тѣмъ я состоялъ служащимъ на одномъ изъ богатыхъ золотыхъ пріисковъ. Работы—ежедневно, не исключая воскресеній—начинались тамъ въ половинѣ четвертаго утра, а оканчивались не раньше

8—9 вечера; и, помнится, когда, идя на машину, я замѣчалъ, бывало, позади себя пять-шесть плетущихся нога за ногу рабочихъ, приходилось отставать, чтобы присутствіемъ своимъ парализовать усердіе казака Панаскина, обыкновенно охотившагося на лѣнтяевъ съ нагайкою. Теперь я самъ былъ рабочимъ, было не три, не четыре часа утра, а около семи, и, признаюсь, я шелъ... не спѣша!

— Галоу, Эндрю!—еще издали привѣтствовалъ меня Криственъ,—лопату, или тачку?

— Добраго утра!.. Тачку, конечно...

— Прекрасный рыцарь, позвольте сообразить ваши основанія!—обратился ко мнѣ витіеватый остроумецъ Линдсей.

— Желаю стать хорошимъ откатчикомъ,—отвѣчалъ я.

— Никль, спускайте паруса!—скомандовалъ Баскетъ, одинъ изъ силачей отряда.

— Есть!.. Возьмемся за весла: и долго, сэръ, намѣрены вы «кататься»?

— Пока не стану «головнымъ».

— Линдсей,—снова окрикнулъ его Баскетъ,—сложите и весла.—Сегодня, сэръ, есть работа полегче,—обратился онъ ко мнѣ,—нужно послать двухъ человѣкъ разбирать изгородь по ту сторону гребня. Одинъ уже есть,—вотъ этотъ вновь прибывшій джентльмэнъ,—а другимъ норовитъ стать нашъ Бишопъ; онъ для этого сегодня и опоздаетъ,—увидите! Если вы пойдете съ мистеромъ Фоулэромъ младшимъ на разборку, то Бишопу не достанется даже лопата,—онъ долженъ будетъ взять тачку... Поторопитесь же: надо его наказать!..

Я отказался, и только что мистеръ Фоулэръ (сынъ формэна, студентъ-техникъ) вмѣстѣ съ Робертомъ Диксономъ скрылись за гребнемъ—прогудѣлъ гудокъ; въ тотъ же моментъ у кустовъ неподалеку показался торопившійся Бишопъ...

И сегодня, какъ и вчера, мистеръ Фоулэръ-старшій не приходилъ на работы; и сегодня, какъ и вчера, отсутствіе надзора ничуть и ни въ чемъ насъ не облегчало. Мнѣ же лично еще съ утра пришлось потруднѣе вчерашняго.

«Лопатники» мои, какъ болѣе искусные въ разборкѣ твердаго грунта, должны были перемѣститься вверхъ, удлиннять выемку, а такъ какъ мнѣ очень не хотѣлось занимать мѣсто «въ хвостѣ», то пришлось также передвинуться, — двумя парами ниже, гдѣ въ «связчикахъ» моихъ оказались, какъ разъ, Бишопъ и какой-то очень хмурый низкорослый ирландецъ (вчера онъ работалъ при разгрузкѣ рельсовъ на станціи). Оба они, а въ особенности ирландецъ, какъ будто хотѣли заставить меня пожалѣть, что я не согласился идти на разборку: принялись такъ усердно накладывать, что

сыпалось съ тачки обратно, и уже съ половины пути тачечныя ручки, точно живыя, съ неодолимымъ упорствомъ разгибали мнѣ руки, такъ что у мѣста свалки тачка со всею своей тяжестью удерживалась лишь послѣдними суставами пальцевъ, и кожу на нихъ жгло, какъ огнемъ, особенно на мѣстахъ, гдѣ ее обнажали лопавшіеся мозольные пузыри.

Просить снисхожденія?.. На это языкъ бы не повернулся; лучше было терпѣть. Къ счастью, «связчиковъ» моихъ, вмѣстѣ съ шедшимъ во главѣ отряда силачемъ рыжимъ Андерсомъ, часовъ въ одиннадцать потребовали на выгрузку рельсовъ, — стало немного легче...

Прозвучалъ, наконецъ, и гудокъ—онъ мало меня обрадовалъ: то былъ только обѣденный, а не вечерній... Радушіе хозяевъ теперь также мало утѣшало: за обѣдомъ кусокъ не лѣзъ въ горло: «сегодня ужъ сорвусь, сорвусь!—повторялъ я себѣ — не выдержу, не выдержу!»

Вотъ и послѣобѣденныя работы. Я буду ихъ помнить всю жизнь...

Къ прежнимъ тяготамъ теперь прибавилась еще жара: съ часу до трехъ солнце съ совершенно безоблачнаго неба свѣтило вдоль выемки. Отъ палящихъ лучей его, какъ подъ тропиками, негдѣ было укрыться: при «оборотѣ», т. е. при возвращеніи въ выемку, оно жгло потное лицо, слѣпило глаза, при слѣдованіи съ грузомъ къ отвалу - пекло въ затылокъ, едва прикрытый легонькой англійской суконной шапочкой. Къ двумъ часамъ у меня были мокры не только грудь и спина,—темными пятнами пота чернѣли колѣни; къ тремъ каждый разъ, какъ доводилось разогнуть спину, все прыгало въ глазахъ въ какомъ-то оранжево-желтомъ туманѣ. Къ четыремъ часамъ контора прислала мальчишку съ ведромъ холодной воды и жестянымъ ковшомъ, въ родѣ сибирскаго. Паренекъ то и дѣло бѣгалъ по зову, поднося напиться.

Громадное напряженіе силъ подъ палящей жарой притупляло чувства, одуряло: тягость работы долгое время ощущалась чисто физически; наконецъ, истощеніе дало себѣ знать. Минутные отдыхи въ выемкѣ, пока вновь нагружалась тачка, все менѣе и менѣе возстановляли силы, колѣни стали дрожать, голова кружилась; казалось, вотъ еще шагъ—и тачка вырвется, навсегда уже вырвется изъ рукъ, или самъ упадешь возлѣ нея замертво.

Въ такія истинно страшныя мгновенья, какъ предъ утопающимъ въ его послѣднія минуты, во мнѣ вставало все, чѣмъ болѣло сознаніе, что отягощало совѣсть: я вспоминалъ все, что когда-либо сдѣлалъ дурного, я принималъ испытываемыя муки, какъ справедливую, какъ желанную кару искупленія, я молилъ Небо лишь дать мнѣ силъ вынести добровольную каторгу эту до конца. И это высшее счастье—свободы отъ собственной скверности, этотъ высшій душевный подъемъ, эта, проникавшая все существо моего духа, мо-

литва сотворили чудо: новое напряженіе воли оживило угасавшія силы на порогѣ пораженія и открыло дорогу къ побѣдѣ: когда раздался вечерній гудокъ, я уже зналъ, что въ состояніи вынести всѣ тяготы и лишенія заправскаго рабочаго, — дверь къ новой жизни была открыта, и третья самая важная моя задача была рѣшена...

Охватившая меня теперь радость, однако, отличалась полнымъ спокойствіемъ: то была уже радость сознанія, а не туманнаго чувства, голосъ испытанной вѣры, а не смутной, зыбкой надежды.

И я счелъ себя въ правѣ чѣмъ-либо замѣтнымъ отличить первый день моей рабочей карьеры: воспользовавшись тѣмъ, что миссисъ Строу сегодня нѣсколько запоздала съ обѣдомъ, я хорошенько пообчистился, прибрался и вышелъ къ столу въ черномъ сюртукѣ, очень кстати сохранившемся въ моемъ дорожномъ мѣшкѣ.

Догадливый мистеръ Строу сейчасъ же понялъ причину парада; какъ истый англичанинъ, хотя и сангвиникъ, онъ не упустилъ случая сказать маленькій спичъ, и, конечно, въ высокомъ стилѣ.

— Всего три дня,—началъ онъ, поводя изъ стороны въ сторону головой, точно его окружала толпа слушателей, — всего три дня, какъ волею Провидѣнія подъ скромный этотъ кровъ вступилъ усталый путникъ. Но сколь многое перемѣнилось съ тѣхъ поръ! Нашъ тихій очагъ оживляетъ присутствіе новаго друга, — надѣюсь, я въ правѣ такъ выражаться? — самъ онъ, еще недавно бездомный скиталецъ, имѣетъ вокругъ себя людей, способныхъ и готовыхъ раздѣлить его горести и—дай Господь ихъ побольше! — его радости... Сэръ!.. И я, и моя жена имѣемъ счастье принадлежать къ обществу трезвости, и уже поэтому мы не могли бы провозгласить обычный въ такихъ случаяхъ тостъ въ честь вашихъ успѣховъ... Но именно сегодня миссисъ Строу, будто знала, приготовила тортъ «Викторію», такой самый, какой украшалъ нашъ столъ въ день нашей свадьбы. Пусть же это будетъ яркимъ свидѣтельствомъ нашего общаго къ вамъ сочувствія!

Положеніе именинника обязываетъ: пришлось отвѣчать.

Я просилъ извинить, что плохое знаніе языка и отсутствіе краснорѣчія не позволяютъ мнѣ въ той же мѣрѣ отблагодарить за выраженныя дружескія чувства, однако это не помѣшаетъ мнѣ ихъ помнить, куда бы еще ни занесла меня судьба. И дай Богъ дѣтямъ моимъ и ихъ дѣтямъ встрѣчать отъ чужихъ людей такое же отношеніе, какое я встрѣтилъ въ этомъ домѣ.

Миссисъ Строу, по обыкновенію, не говорила: она только слушала и смотрѣла—то на того, то на другого—большими блестящими глазами.

VI.

Организація работъ.—На болотѣ.—Столкновеніе.—Студенты.—Двѣ точки зрѣнія.—Индивидуалистъ или общественникъ?—Новое франкмассонство.

Возвращаюсь къ своимъ похожденіямъ.

Работы по постройкѣ дороги энергично подвигались впередъ. Не дожидаясь окончанія траншеи, повели подготовку самаго трэка; понавезли лѣсу, трехгранной, круглой полосовой стали, рельсовъ, болтовъ... Тихія, идиллическія окрестности маленькой желѣзподорожной станціи огласились чуждымъ имъ прозаическимъ шумомъ, грохотомъ, звономъ; освобождавшихся, по мѣрѣ завершенія выемки, рабочихъ сейчасъ же направляли на обработку подвозимаго дорогою матеріала, на прилаживаніе, пригонку отдѣльныхъ частей, чтобы въ свое время быстро уложить ихъ на мѣсто. Бросалась въ глаза обдуманность плана, стройность хода работъ; еще больше удивляла легкость, съ какой вчерашній землекопъ сегодня становился слесаремъ, плотникомъ, кузнецомъ. И такая, на видъ рискованная, импровизація все же ничѣмъ убыточнымъ не отражалась на дѣлѣ...

Секретъ—въ умѣломъ подборѣ рабочихъ и въ характерѣ взаимныхъ отношеній людей и дѣла; при организаціи такихъ временныхъ, случайныхъ предпріятій ближайшая задача администраціи—залучить въ число рабочихъ нѣсколько заправскихъ спеціалистовъ. Ничуть не брезгая ролью чернорабочаго, послѣдніе несутъ тѣ же обязанности, что и всѣ прочіе, такимъ образомъ имѣя полную возможность близко присмотрѣться къ товарищамъ. Когда же того потребуетъ дѣло, они становятся во главѣ ими же подобранныхъ въ партіи отрядовъ, и штатъ мастеровыхъ готовъ. Остальное довершаетъ удивительное умѣнье американскихъ мастеровъ пользоваться цѣлесообразнымъ раздѣленіемъ труда и каждому назначать работу по способностямъ.

Съ своей стороны, администрація и нашей дороги, признавая, что въ добровольческой средѣ работа идетъ всегда успѣшнѣе, чѣмъ при назначеніи людей по «раскомандировкѣ», ограничивалась лишь назначеніемъ старшого, регулировкой численнаго состава отрядовъ, да указаніемъ работъ, подлежавшихъ ближайшему выполненію.

Къ концу іюня траншея была готова. За нею открылась обширная, тянувшаяся до самыхъ береговыхъ дюнъ равнина, незначительнымъ пологимъ возвышеніемъ разграниченная на двѣ параллельныя берегу широкія продольныя полосы.

Бѣденъ и не колоритенъ былъ и этотъ пейзажъ... По склону риджуэйскаго гребня сбѣгалъ молодой, только что начерно пере-

копанный малинникъ, слабо заштрихованный сѣроватыми черточками свѣже-посаженныхъ чубуковъ; вправо, изъ-за голаго, должно быть, кремнистаго бугра виднѣлись почернѣвшія, покосившіяся деревянныя зданія стародавней фермы съ десяткомъ высокоствольныхъ тонкихъ деревъ, качавшихся, какъ тростникъ, при малѣйшемъ напорѣ вѣтра; за малинникомъ, въ пологой низинѣ, залегло болото. пятна приземистыхъ, жидкихъ кустарниковъ, въ перемежку съ синеватыми лужицами, тускло, расплывчато пролагались анемично-блѣдною листвой на фонѣ сѣровато-зеленой почвы; за болотомъ пошелъ не то выгонъ, но безъ пасущагося на немъ скота, не то брошенная подъ зеленый паръ пашня, мѣстами разгороженная обычною здѣсь бревенчатой изгородью на отдѣльные квадраты; на пологомъ скатѣ, насупротивъ малинника, осѣлъ большой персиковый садъ,—какъ бы для иллюстраціи общаго тона картины: его невысокія кряжистыя деревья, замѣтно наклоненныя силою господствующихъ вѣтровъ въ сторону перевала, казалось, упирались, отказываясь ближе подступить къ противному болоту, и весь садъ, подъ низко надвинутой шапкой темной, густой листвы, точно недоумѣвалъ и брюзжалъ, зачѣмъ для него выбрали такое мѣсто...

Закончивъ выемку, къ ней снова собрали всю партію, поставивъ ее на рытье ямъ подъ столбы—устои рельсоваго трэка. По началу, работа была значительно легче траншеи; отсутствовала здѣсь и эта истинно-тираническая зависимость каждаго отъ всѣхъ, что каторжной цѣпью связывала насъ, не давая часами минуты свободы. Но ямы—квадратныя, трехъ футовъ въ сторонѣ — были тѣсны и, при глубинѣ 7—8 футовъ, заканчивать ихъ въ рыхлой глинисто-песчаной почвѣ было сущею мукой: давать лопатѣ горизонтальное положеніе можно было лишь межъ противоположными углами ямы; выносимая со дна на поверхность земля, поэтому, частенько ссыпалась обратно, порошила глаза и, во всякомъ случаѣ, досадно затрудняла работу. Донималъ порядкомъ и самый грунтъ, чѣмъ ближе къ болоту, становившійся все злѣй, особенно въ нижнихъ слояхъ: порой, при самыхъ энергичныхъ ударахъ заступа, отъ пласта отдѣлялись лишь крошки. Приходилось браться за ломъ, что, при тѣснотѣ, приносило новыя неудобства.

Худшее, однако, было впереди...

Издали чуть-чуть, какъ паутиной, подернутое маленькими лужицами, болото оказалось очень обильно водой. Неудержимо, съ какой-то злой торопливостью заливала она выработку, едва рабочій оставлялъ черпакъ, чтобы взяться за ломъ или лопату; и вотъ, въ то время, какъ адски твердый грунтъ вгонялъ въ потъ,—ноги леденила вода. Иные изъ насъ совсѣмъ переставали вычерпывать,—все равно не успѣешь обсохнуть: черезъ минуту вода снова зальетъ яму по щиколотку, тисками охватывая разгорѣвшееся отъ работы тѣло.

Обстановка—одна изъ тягчайшихъ, тѣмъ болѣе, что еще доб-

рая недѣлька такихъ дней была впереди. И все же ни одного проклятія, ни одного браннаго слова по адресу стихіи за все это время изъ чьихъ-либо устъ!.. Первый день рабочіе даже пробовали сдабривать невзгоду: Линдсей увѣрялъ, что его пятки цѣлуютъ землю за то, что она носитъ такого хорошаго человѣка; утконосый Дженкинсъ, бывшій матросъ, предлагалъ сдѣлать представленіе о проведеніи тутъ канала и установленіи туэрной переправы, а долговязый Кристьэнъ, почмокавъ каблуками, тономъ откровенія возгласилъ:

— А мягко!..

Этой нехитрой остротѣ очень смѣялись и плутоватый Бишопъ, и веселый Унфли, и даже Джоу, тотъ самый Джоу, съ которымъ въ затруднительные моменты работы не брезгалъ совѣтоваться самъ мистеръ Фоулэръ, главный мастеръ.

Слѣдующій день шуточныя замѣчанія раздавались рѣже, а на третій линія достигла середины болотнаго поля и, несмотря на всѣ усилія вычерпать ее, вода въ нѣкоторыхъ ямахъ стояла почти до колѣнъ... Люди работали медленно, не дѣлая за день и четверти обычной нормы, но все еще ровно и безъ злобы, хотя съ угрюмыми, сосредоточенными лицами, какъ это бываетъ всегда, когда человѣкъ сознаетъ, что его начинаетъ одолѣвать природа...

Что до меня,—странно сказать—я чувствовалъ себя теперь лучше, чѣмъ въ предыдущіе дни: недавно еще такой робкій, угнетенный, нерѣшительный, я теперь зналъ, что тамъ, гдѣ не отступятъ мои товарищи, не отступлю и я. И я радовался испытанію, изъ котораго, я зналъ уже, что выйду побѣдителемъ... Истинную сладость побѣды знаетъ лишь тотъ, кто извѣдываетъ это чувство впервые...

Въ такомъ, нѣсколько приподнятомъ настроеніи я долженъ былъ порядкомъ удивить даже Никласа Линдсея, когда въ одинъ изъ ближайшихъ обѣденныхъ перерывовъ на вопросъ, какъ теперь мнѣ нравится работа, отвѣтилъ:

— Хорошо!..

— Но, всетаки... полагаю, на сушѣ будетъ суше, а?..

— Пока я не испытываю потребности въ перемѣнѣ, — подтвердилъ я.

Однако, на пятый день нашей земноводной, по выраженію Линдсея, работы произошелъ случай, чуть было не сбившій меня съ счастливо-завоеванной позиціи.

Дѣло было такъ. Пройдя середину болотнаго поля, линія начала приближаться къ кустамъ; почвенная вода стала замѣтно убывать. Мы уже готовы были облегченно вздохнуть, когда обнаружилось новое препятствіе—цѣлая сѣть крѣпкихъ, упругихъ, часто узловатыхъ корней, остатокъ временъ, когда воды имѣли еще сво-

бодный стокъ къ озеру и въ долинѣ расло много деревъ, впослѣдствіи вымокшихъ. Для рубки этихъ корней, пролегавшихъ приблизительно на глубинѣ двухъ съ половиною-трехъ футовъ, намъ дали топоры съ длинными рукоятками, въ родѣ тѣхъ, которыми работаютъ дровосѣки. Такимъ топоромъ въ узкой ямѣ широко не размахнешься, и, съ непривычки, я, признаться, работалъ имъ медленно, держа топоръ за середину рукоятки. Но съ такимъ же неважнымъ успѣхомъ работали теперь и другіе, по крайней мѣрѣ, я все время не терялъ своей очереди въ ряду, даже кого-то обогналъ, окончивъ яму прежде сосѣда и, при рытьѣ новой, занявъ его мѣсто.

Поэтому я крайне былъ пораженъ и смущенъ, когда услышалъ вдругъ за спиной звучный, высокій баритонъ мистера Бичера, какъ выяснилось впослѣдствіи, уже съ полчаса находившагося на мѣстѣ работъ.

— Эй, Эндрью,—кричалъ онъ, какъ мнѣ показалось, сердито.— Что это вы,—щепки тутъ колоть усѣлись, что-ли?.. Или дома у васъ и всѣ такъ работаютъ?

— Ему, мистеръ Бичеръ, очень нравится на болотѣ, — вставилъ вдругъ Линдсей.

— Такъ мнѣ, достопочтеннѣйшій, не нравится!—вскричалъ инженеръ.—Развѣ это работа?

И, переступая неуклюжимы шагами по травянистымъ рыжеватымъ буграмъ, онъ почти бѣгомъ подбѣжалъ ко мнѣ, схватилъ мой топоръ и принялся рубить...

Замахивался онъ не широко, но пригнувшись, и въ моментъ, когда головка топора вступала въ яму, быстро выпрямлялся, отчего инструментъ, описывавшій параболическую кривую, дѣйствительно, съ большою силой упадалъ на дерево: въ семь-восемь ударовъ одинъ изъ толстыхъ боковыхъ корней, удерживавшихъ пузатое корневище, занимавшее почти половину просвѣта ямы, былъ перерубленъ.

— Вотъ такъ!—приговаривалъ инженеръ при каждомъ ударѣ,— вотъ этакъ работаютъ у насъ!.. если работаютъ, а не шутятъ... а не шутятъ!

Рабочіе смѣялись; Бишопъ, успѣвавшій въ работѣ всегда меньше другихъ, хихикалъ.

Меня это разсердило. Откуда-то взялась сила, рука точно срослась съ топорищемъ. Инструментъ дѣлалъ громадные круги надъ боргомъ, впиваясь каждый разъ въ то же мѣсто. Одинъ за другимъ,—мигомъ были перерублены три остальныя корневища.

Побѣднымъ жестомъ выбросилъ я уродливую массу изъ ямы и взглянулъ на инженера...

Передо мной былъ совсѣмъ другой человѣкъ, ничѣмъ и не напоминавшій того простодушнаго янки, что такъ безхитростно, почти по товарищески говорилъ съ чужестранцемъ при наймѣ... Онъ

стоялъ въ полъ-оборота ко мнѣ съ тонкой улыбкой на бритыхъ губахъ, смѣющіеся глаза быстро обѣгали усталыя лица.

— А что?—казалось, говорилъ этотъ взглядъ, — каково подогрѣлъ парня?.. Посмотрите-ка, посмотрите!

У меня чуть не проступили слезы: стало быть, это даже не въ сердцахъ, не съ досады третировали меня такъ безцеремонно.

— Вы видите, сэръ,—сказалъ я, плохо связывая фразы и торопясь,—что и у насъ умѣютъ работать... И не только тѣ, что пріѣзжаютъ на велосипедѣ на минутку, чтобы подстегнуть усталаго. Если по вашему я не работникъ, то разсчитайте меня, но я къ вамъ нанимался не на посмѣшище.

Довольная улыбка, съ какой инженеръ оглядывалъ рабочихъ, въ началѣ моей рѣчи,—къ концу ея застыла на полныхъ бритыхъ щекахъ и показалась почти гримасой, когда отъ гнѣвнаго изумленія вдругъ дрогнуло потемнѣвшее лицо и сдвинулись брови.

Мысленно я видѣлъ себя уже снова на пустынной дорогѣ; подымалось желаніе размахнуться, забросить подальше этотъ нелѣпый топоръ и уйти, не допуская, чтобы меня прогоняли. Оказалось, однако, что я опять мѣрилъ нашей россійскою мѣркой и ошибся.

— И не думалъ смѣяться, Эндрью!—проговорилъ инженеръ уже совершенно спокойно, просто и даже уступчиво понижая голосъ.— Я долженъ былъ показать, какъ работаютъ такимъ топоромъ. Вы вполнѣ добросовѣстный работникъ, Эндрью, конечно!

И не спѣша, въ раздумьи, онъ двинулся обратно къ оставленному у кустовъ велосипеду.

— Отставка не принята!—не преминулъ съязвить Линдсей.

На этотъ разъ, однако, никто не улыбнулся, даже Бишопъ.

Поведеніе нашего присяжнаго остряка и зоила все же наводило меня на размышленіе; тѣмъ болѣе, что выходки его по моему адресу никого въ партіи не возмущали, даже, какъ будто, не казались неумѣстными даже людямъ, не отказывавшимъ мнѣ въ уваженіи...

Чтобы разъяснить это обстоятельство, въ ближайшую субботу, часовъ въ 8 вечера, я направился къ Джоу, молодому рабочему, пользовавшемуся среди товарищей общепризнаннымъ авторитетомъ,—кстати, онъ жилъ неподалеку: въ высокомъ угловомъ домѣ сосѣдней улицы, въ мезонинѣ; изъ моей комнаты были видны его окна, подъ праздникъ освѣщенныя далеко за полночь.

Когда я вошелъ, Джоу, уже успѣвшій помыться и переодѣться въ несовсѣмъ обычной позѣ: со шляпой на затылкѣ и съ сигарой въ зубахъ, поджавъ ноги, сидѣлъ на подоконникѣ. Передъ нимъ, бокомъ ко входу, стоялъ незнакомый мнѣ блѣдный и смуглый молодой человѣкъ, съ раскрытымъ письмомъ въ рукѣ. Въ комнатѣ

было уютно и опрятно: мебель блестѣла; коверъ, качалка, гравюры по стѣнамъ.

— Эндрью!—сдержанно воскликнулъ Джоу, вставая навстрѣчу и снимая шляпу.—Какая забота—будь она благословенна во вѣки!—привела васъ?... Вотъ это—подарокъ!. Это—подарокъ!.. Но... познакомьтесь прежде: Эдуардъ Аскритъ, человѣкъ съ дарованіями и въ высокой степени мнѣ близкій!..

Я назвалъ себя. Молодой человѣкъ, молча, не улыбнувшись, пожалъ мнѣ руку. Я и Джоу усѣлись тутъ же, у окна; мистеръ Аскритъ озабоченно отошелъ къ письменному столу съ разложенными на немъ листами чертежей, парою книгъ формата дешевыхъ романовъ и бюваромъ, въ видѣ раскрытаго портфеля.

— Такъ что же ему написать? — спросилъ мистеръ Аскритъ, очевидно, продолжая прерванный моимъ приходомъ разговоръ.

— Послѣ Эдди, послѣ!..

— Нельзя: далъ слово...

— А!.. Слово!.. Ну, «слово надо держать», какъ говорилъ Нэдъ Кентукки *), направляясь въ салунъ **)... Хорошо, напишите ему... теперь, молъ, поздно: онъ уже акклиматизировался въ Риджуэйѣ; до конца вакацій не сдвинется съ мѣста...

Тутъ Джоу, повернувшись, скользнулъ по мнѣ взглядомъ человѣка, вниманіе котораго уже далеко; такимъ же безпредметнымъ взглядомъ подарилъ гостя и мистеръ Аскритъ, быстро, сосредоточенно забѣгавшій затѣмъ перомъ по бумагѣ.

— Готово!—уронилъ онъ вполголоса, выжидательно поднимая перо кверху.

— Остальное знаете,—дѣловито продолжалъ Джоу:—выставлять не слѣдуетъ—рисковано: чуть измѣнить конструкцію,—сорвутъ патентъ... Чего же еще?.. Ну, добавьте: на слѣдующую весну—къ его услугамъ... Пожалуй, и все... Да, все!..

Я недоумѣвалъ, какое можетъ имѣть отношеніе къ рабочему эта корреспонденція, такъ овладѣвшая вниманіемъ моего любезнаго хозяина.

— Извините,—обратился Джоу ко мнѣ,—я не внимателенъ, но, знаете, «дѣло уже обѣдаетъ, когда мы только завтракаемъ».

— Не стѣсняю ли я васъ?—освѣдомился я.—Не мѣшаю ли?

— Нисколько, нисколько!—поспѣшилъ завѣрить Джоу, въ знакъ подтвержденія наклоняя голову.—Никакихъ секретовъ: одинъ изъ моихъ земляковъ (я изъ С. Катринъ, какъ и Эдуардъ) изобрѣлъ, видите ли, новую турбинку для масла; теперь мнѣ предлагаютъ литературно-коммерческое турнэ по Мэнитобѣ и Сѣверо-Западнымъ территоріямъ.

---

*) Извѣстный въ Риджуэйѣ пьяница и ораторъ на темы о воздержаніи.

**) Салунъ—пивная, ресторанъ съ напитками.

— Изъ-за турбинки?—переспросилъ я.

— Ну, да!.. Ну, да!.. Безъ этого ей далеко не уйти: новое усовершенствованіе легко выброситъ за бортъ всякое, ему предшествующее, если заблаговременно проложитъ дорогу на рынокъ. По проекту, мы, вотъ, съ мистеромъ Пирсономъ и должны посѣтить интересные пункты: я читаю предъ публикой веселенькіе разсказы, нравственно-удобоваримыя стихотворенія, лекціи по животноводству, по агрономической химіи и т. д.,—что гдѣ потребуется... А мистеръ Пирсонъ, въ антрактахъ, станетъ демонстрировать, продавать, распространять свои несравненные аппараты,—чудесно!.. Только... слѣдовало бы уже кончать теперь, а не начинать операцію: въ прошломъ году, съ сортировкою Берча, мы выѣхали гораздо раньше,—сейчасъ послѣ экзаменовъ—и то едва успѣли: съ подмостковъ пришлось прямо за книжку...

— Какъ, Джоу, развѣ вы...

— Студентъ, хотите вы сказать? Конечно: третій ужъ годъ... Я полагалъ, вамъ это извѣстно. Да чему вы такъ удивляетесь?..—вотъ и Бишопъ съ братомъ взялись за лопату по той же причинѣ.

Такъ бывало, и не разъ,
Изъ-за чудныхъ милыхъ глазъ!..

весело запѣлъ онъ глуховатымъ, мягкимъ теноркомъ изъ какой-то американской оперетки.

— Сколько же такое артистическое занятіе можетъ приносить?—полюбопытствовалъ я.

— Это смотря по предмету и по сезону...

— Напримѣръ?..—если не секретъ...

— Напримѣръ, въ прошломъ году мнѣ хватило почти на всю зиму: недѣли три проработалъ добавочно въ январѣ, по вечерамъ,—у дантиста... Съ турбинкой, вотъ, не выручить столько: «постель и кормъ» *), разумѣется,—его, да много ли процентовъ теперь наберется?... Мѣсяцемъ бы раньше...

— Джоу, я кончилъ!—прервалъ его пріятель, съ шумомъ поднимаясь изъ-за стола и привычно-торопливо укладывая въ портфель картоны и книги.—Сейчасъ ѣду!...

— Уже?.. Даже не переночуете?..

— Невозможно: понедѣльникъ—день Максуэля: онъ привыкъ заставать меня уже за конторкой...

— Досадно!.. Какъ же вамъ быть съ ангажементомъ?.. Гм... знаете, что: попробуйте пригласить Эдвина Перси!?..

— Но... Джоу, меня просили привезти васъ, а не Перси,—возразилъ съ легкой гримасой юноша, со звономъ захлопывая замокъ

*) Bed and food—«постель и кормъ», то есть «квартира и столъ»—жаргонный терминъ.

объемистаго портфеля.—Послушайте, Джоу,—гарантирую сорокъ... пятьдесятъ, наконецъ!..

Онъ всталъ передъ нами со шляпой въ рукѣ, переводя острый, ожидающій взглядъ то на одного, то на другого, какъ будто рѣшеніе могло въ какой-нибудь мѣрѣ зависѣть и отъ меня... Джоу, запрокинувъ голову, засунувъ обѣ руки по самые обшлага въ карманы, закрылъ на нѣсколько мгновеній глаза

— Нѣтъ, Эдди,—проговорилъ онъ рѣшительно,— на осеннія ярмарки, сами знаете,—нельзя мнѣ въ этомъ году оставаться, а безъ нихъ... ваша гарантія вамъ же будетъ накладна... Нѣтъ, не выгодно!..

— Такъ до свиданья!..

— До свиданья.. Желаю успѣха, Эдди!.. Сообщите, пожалуйста, какъ поладите съ Эдвиномъ!—крикнулъ Джоу товарищу уже вслѣдъ...

Отвѣта не было... Твердые шаги быстро замерли внизу. Съ сухимъ, дѣловымъ стукомъ захлопнулась и выходная дверь.

Спустя немного, ушелъ и я: атмосфера не располагала къ изліяніямъ; самыя темы, такъ интриговавшія меня нѣсколько часовъ тому назадъ, точно поблекли...

Стояла теплая, лѣниво-дремотная ночь. Слабо, не смѣло, почти не мерцая, свѣтились рѣдкія звѣзды, тусклыя, какъ блесточки фольги... Синія, влажныя тѣни, робко дрожавшія подъ вечеръ на горизонтѣ, теперь полновластно царили, спутывали контуры, скрадывали и безъ того убогую перспективу. Взору, привыкшему къ сухимъ, пыльнымъ, но пластичнымъ тонамъ знойной южной ночи, эти влажныя, сплывающіяся краски казались искусственными, невѣроятными, и весь ландшафтъ былъ точно выхваченъ изъ какого-то безцвѣтнаго сновидѣнія.

Было разслабляюще душно; ни соображать, ни думать не хотѣлось. А въ ушахъ еще дрожали отрывистыя фразы дѣловой рѣчи, звуки утратившаго юношескую гибкость молодого голоса—впечатлѣнія вечера, противъ воли и настроенія, напрашивались на обсужденіе.

Питомецъ высшей школы на службѣ у Меркурія!.. Студентъ-филологъ, секретарствующій попеременно, черезъ день, въ двухъ торговыхъ фирмахъ и дни, и ночи, по словамъ Джоу, отдающій прикопленію средствъ «на будущее!..» Я силился и не могъ добросовѣстно себѣ отвѣтить, упадокъ ли это, или прогрессъ...

Было тихо, такъ тихо, какъ ночною порой это бываетъ въ канадскихъ городкахъ, не знающихъ охраны собачьяго лая, полицейскихъ трелей и сторожевыхъ трещотокъ. Въ этой напряженной тишинѣ чудились то заглушенные шаги, то отдаленный, сдержанный говоръ, то какіе-то стуки... Ухо жадно ловило малѣйшіе признаки звука, фантазія воплощала ихъ по своему настроенію... Но вотъ, слѣва, въ сторонѣ Бриджпорта, изъ-за рощи, уже со-

вершенно явственно донесся слабый металлическій гулъ; вспыхнулъ и потонулъ въ матовомъ небѣ огненно-золотистый столбъ; гулъ сталъ усиливаться и покатился, все ширясь и приближаясь.

«У-у-у!» тягучими низкими нотами ревѣлъ могучій американскій паровозъ, за нимъ усердно и часто стучали колеса...

Послѣ только что описаннаго свиданія характеристика Джоу, думалось мнѣ, не можетъ уже представлять ни трудностей, ни какихъ-нибудь неожиданностей.

Я ошибался: въ одно изъ ближайшихъ воскресеній Джоу былъ у меня, и завязавшаяся между нами бесѣда показала мнѣ эту интересную фигуру съ новой стороны,—казалось бы, совсѣмъ несовмѣстимой съ дѣловитостью афериста.

Вышло это такъ: какъ разъ къ этому дню получилъ я отъ своего школьнаго товарища, врача одного изъ новыхъ поселеній Дакоты, письмо. Адресъ его я узналъ изъ «директори» лишь наканунѣ своего отъѣзда изъ Нью-Іорка и уже отсюда послалъ ему вѣсть о себѣ.

Пріятель этотъ, убѣжденный марксистъ, хотя и кабинетнаго толка, узнавъ, что я работаю на постройкѣ желѣзной дороги, полушутливо-полуиронически поздравлялъ меня съ «опрощеніемъ» и выражалъ надежду, что хоть заокеанское мое «народничество» будетъ плодотворно. Письмо пріятеля и подогрѣло давнишнее мое намѣреніе проинтервьюировать Джоу по вопросамъ, прикосновеннымъ къ рабочему дѣлу.

— Скажите, Джоу, — началъ я, когда мы усѣлись, — если бы мистеръ Бичеръ вздумалъ меня тогда уволить, сочли ли бы наши рабочіе, что это и ихъ также касается?

— Конечно: вѣдь намъ было бы жаль лишиться такого товарища... Но, кажется, я не вполнѣ ясно васъ понимаю, Эндрю?..

— Видите ли, Джоу,—я теряюсь: въ чемъ у насъ, въ партіи проявляется товарищеская этика?.. Мнѣ не хотѣлось бы думать, что «каждый за себя, и всѣ—вразбродъ»—есть идеалъ поведенія въ нашей компаніи.

— Конечно, каждый за себя,—какъ же иначе?—недоумѣвалъ Джоу.—Развѣ взрослый человѣкъ не долженъ умѣть постоять за себя, не нуждаясь въ унизительномъ покровительствѣ?.. Не понимаю!..

— Сейчасъ поймете, Джоу... За эти два мѣсяца я ни разу ничего не слыхалъ о рабочемъ вопросѣ, ни разу не могъ заинтересовать въ немъ товарищей... Неужели въ Канадѣ вообще такъ слабо отражаются стремленія, волнующія теперь самые отсталыя страны Европы?

— А-а!..—протянулъ Джоу.—Вотъ вы о чемъ: о классовой борьбѣ?.. Конечно, есть она у насъ, конечно!.. Но Риджуэй, Стон-

бриджъ, Уэльстэръ,— что это за арена для теоретиковъ райскаго будущаго!..

Этотъ тонъ въ устахъ студента мнѣ показался страннымъ.

Пусть кипучая практика жизни вывариваетъ изъ нихъ дѣловыхъ корреспондентовъ, коммивояжеровъ, агентовъ предпринимательскихъ экскурсій въ новозаселяемыя области, но въ правѣ ли питомцы науки такъ ужъ отчуждать себя отъ всякаго соприкосновенія съ выразителями идеальныхъ стремленій человѣческаго духа?..

Я не удержался, чтобы не выразить своего изумленія, и, кажется, сдѣлалъ это въ нѣсколько рѣзкой, страстной формѣ. Въ свою очередь, и Джоу удивленно поднялъ брови, потомъ опустилъ голову и задумался.

— Ну, что вамъ сказать на это? — проговорилъ онъ тихимъ голосомъ, снова поднимая медленно голову. — Сказать, что вы — европеецъ?.. безъ зеркала, не поймете... А надо бы: вѣдь понимаю же я людей вашего склада... Я говорю: бредутъ люди глухимъ, полнымъ хищниковъ лѣсомъ — понятно, должны держаться вмѣстѣ... Но какой смыслъ требовать того же отъ тѣхъ, кто вышелъ на равнину, кому пыль отъ топота тысячи ногъ только напрасно заслоняла бы горизонтъ?..

— Гдѣ-жъ она, эта равнина, Джоу?.. И какіе это особенные горизонты въ массѣ вашего населенія, не сумѣвшаго пока даже сократить десятичасовую норму рабочаго дня?

— Вы не такъ поняли, Эндрью: невѣжественнаго, темнаго люда и у насъ, конечно, много... взять хотя бы толпы вашихъ же эмигрантовъ... Ну, и просвѣщайте ихъ по своему, не объявляйте только одного Магомета пророкомъ, признайте, что наши законы, наше прошлое даютъ намъ право и возможность выработать и практиковать и свою тактику, а не только ту, которую за насъ великодушно придумали ваши пророки-идеологи.

— Идеологи, Джоу? Идеологи—тѣ, что за полстолѣтія успѣли создать и организовать многомилліонную армію пролетаріата и авангардъ ея перебросить къ вамъ, за океанъ, въ Австралію, Новозеландію?..

Онъ зашагалъ по комнатѣ, махнувъ рукой.

— Что же, Джоу,—не отставалъ я,—неправда?

— Какъ, неправда? Правда, только—въ конвертѣ!.. Я распечаталъ его и утверждаю: Эндрью, ваши пророки-идеологи въ публицистикѣ — доктринеры на практикѣ... Многомилліонная армія!.. Да, только на зимнихъ квартирахъ. Я не скажу о русской,—недостаточно знакомъ съ этой страной, германская же меня всегда возмущала: построенія и перепостроенія, когда кругомъ грязь, когда всѣ дороги загромождены, завалены старымъ хламомъ, какъ и пятьдесятъ лѣтъ назадъ... Я живалъ въ Минесотѣ, два года пробылъ въ Арморъ-Институтѣ, въ Бостонѣ у насъ было не мало нѣмцевъ, поддерживавшихъ постоянныя идейныя связи со старой

страной (родиной),—знаете ли, какое слово они постоянно склоняли?..—«кадры»!.. И никогда – «дѣйствія»!

— Въ свою очередь, Джоу, я не настолько знакомъ съ дѣлами Германіи, чтобы спорить съ вами съ фактами въ рукахъ. Но, такъ или иначе, вѣдь именно Европа ведетъ человѣчество къ новымъ общественнымъ горизонтамъ и, только благодаря ей, они становятся все шире...

— Ну, это ужъ слишкомъ неопредѣленно, Эндрью!—проговорилъ Джоу сдержаннымъ тономъ, снова усаживаясь. — Скажите лучше: можно ли общественной вашей политикѣ такъ гордиться успѣхами, если послѣдній доводъ европейской государственности и теперь, какъ и сто лѣтъ назадъ—казарма, съ ея логикой, опирающейся на полнѣйшее нравственное безразличіе къ жизни?.. Нѣтъ, Эндрью, не у васъ намъ, американцамъ, учиться!..

Мы помолчали. Онъ отвернулся и сталъ глядѣть въ окно, откуда, послѣ только что прошедшей грозы, вливались широкимъ потокомъ волны свѣжаго воздуха. Омытое дождемъ, небо сіяло лазурью.

— Посмотрите!—воскликнулъ онъ патетически,—какъ оно прекрасно!.. Вы скажете: иллюзія?.. Такъ что же: она неотразимо привлекаетъ взоры... А вѣдь такова же идея общечеловѣческаго счастья, не заслоненная туманными толками кабинетныхъ вождей... Вотъ сдѣлайте ее доступной невооруженному глазу,—тогда и говорите объ успѣхахъ и горизонтахъ!..

— Теперь я не понимаю васъ, Джоу,—сказалъ я, дѣлая удареніе на я.

— Не понимаете?.. Вы ссылаетесь на заокеанскіе, на новозеландскіе успѣхи. Они, особенно послѣдніе, дѣйствительно, громадны. Но развѣ жъ они—дѣло европейскихъ теченій?.. О, европейскіе пророки и насъ держали бы въ облакахъ туманной догматики, въ стадіи строго-классовой организаціи. Но нѣтъ: воздухъ у насъ уже не тотъ: я знать не хочу блаженства, которое сулятъ мнѣ черезъ сто, двѣсти лѣтъ, за то всѣми силами стану бороться за человѣческое мѣсто среди людей: я жить хочу, я имѣю на это естественное, неоспоримое право. Это такой трюизмъ, что, вѣрите ли, предъ публикой никто у насъ на эту тему и разсуждать не станетъ... Вотъ, пусть такъ же восчувствуетъ, пусть каждый пойметъ это и у васъ, въ старой вашей Европѣ, — куда дѣнется тогда ваша злая казарма!..

— Вы правы, по своему безусловно правы, — проговорилъ я уступчиво, любуясь горячей убѣжденностью его тона, — хотя то, что у насъ является еще цѣлью, вы, очевидно, считаете уже средствомъ. Но, согласитесь, отъ такой вашей правоты, пока-что, а рабочему классу не очень-то много прибытковъ.

— Пусть такъ! Мало печали: не классъ, не отдѣльный какой-нибудь слой—носитель истинно общественныхъ интересовъ, а люди,

общество, со всѣми его трудовыми слоями. И это облегчаетъ задачу: тамъ, гдѣ классъ еще безсиленъ, общество уже многое можетъ. Да!.. рай еще далекъ, но несомнѣнно въ нашей власти сократить власть ада: у современнаго общества, повторяю, уже достаточно могущественныя на то средства...

— Примѣръ, Джоу, примѣръ! — воскликнулъ я заинтригованный.—Не высказывайте такихъ вещей голословно!

— Примѣръ?—переспросилъ онъ удивленно, и въ широкихъ свѣтло-сѣрыхъ глазахъ мелькнула снисходительная усмѣшка.— Примѣровъ, Эндрью, — тысячи въ нашей жизни, — присмотритесь хорошенько... Ну, извольте, вотъ вамъ одинъ — гипотетическій... Кстати, вы недоумѣвали, въ чемъ это наша этика товарищеская заключается,—такъ, кажется?..

— Да, почти...

— Итакъ, представьте себѣ, что среди насъ въ нашей партіи обнаружилось бы лицо, возмутившее общественную совѣсть, — не здѣсь даже, а гдѣ-нибудь въ самомъ незначительномъ, глухомъ углу Европы...

Онъ помолчалъ, какъ бы что-то соображая, подошелъ къ окну, потомъ снова зашагалъ и продолжалъ оживленнѣе:

— Знаете ли, какъ отнеслись бы къ нему всѣ эти Дженкинсы, Джаксоны, Уифли, Чепсы и прочіе наши людишки, не умѣющіе, какъ слѣдуетъ, формулировать отношеніе прибавочной стоимости къ рыночной цѣнѣ вещи?.. Ручаюсь вамъ,—житья бы ему въ этомъ тихомъ укромномъ Риджуэйѣ не стало! И не ушелъ бы онъ отъ отверженія, хотя бы сбѣжалъ отсюда къ патагонцамъ, ручаюсь!..

Суровый смыслъ этихъ словъ, близкихъ къ какой-то безпредметной угрозѣ, былъ слишкомъ необыченъ для добродушнаго Джоу; онъ тотчасъ же самъ замѣтилъ это:

— Ну, какова моя «программа»?—спросилъ онъ, подходя и улыбаясь глазами.—Нравится?

— Скорѣй это вѣра, Джоу... Какое-то новое франкмассонство, что ли. Для программы ей недостаетъ осуществимости, — сказалъ я.

— Какъ знать?.. Какъ знать?—проговорилъ онъ загадочно и сталъ торопливо прощаться, точно послѣ сказаннаго ему уже ничего не оставалось добавить.

И странная вещь: подъ такимъ же впечатлѣніемъ остался и я. Не разъ впослѣдствіи сходились мы съ нимъ для бесѣды, но о рабочемъ вопросѣ рѣчей болѣе уже не заводили.

VII.

Стачка.—Зрѣлище и спортъ.—Политическія партіи; митингъ либералъ-консерваторовъ Риджуэйя.—Канадецъ-націоналистъ; кое что о военной защитѣ страны.

За болотомъ грунтъ пошелъ снова мягкій, разсыпчатый; вязкой красноватой глины, такъ затруднявшей работу даже тамъ, гдѣ попадались прослойки крупнаго окатаннаго кремня, не осталось и слѣда.

Наладилась и погода, особенно утра: солнечныя, ясныя, исполненныя ароматной бодрящей свѣжести, столь цѣнной особенно для рабочаго человѣка. Къ полудню, правда, порой припекало, но въ такіе дни, вечеромъ или ночью, непремѣнно перепадалъ дождь, вновь освѣжавшій атмосферу.

Рабочіе ожили и, словно были на собственномъ дѣлѣ, торопились наверстать потерянное на земноводномъ поприщѣ: въ среднемъ, мы теперь дѣлали по кубической сажени на человѣка, пожалуй, и больше. Не зѣвалъ тутъ, правда, и мистеръ Бичеръ-инженеръ: онъ часто брался за лопату и по часу потѣлъ съ рабочими, приговаривая:

— Вотъ такъ работа: хоть на пари!..

— Не кипитъ у насъ, а горитъ, — огненная работа!.. Браво, ребята, браво! и т. д.

Или, какъ будто невзначай, дарилъ эпитетами: «Геркулесъ», «великанъ», «виртуозъ» — что кому могло больше нравиться. Такихъ, какъ Джоу, Линдсей, онъ разумѣется, всѣмъ этимъ обходилъ подальше.

Прочіе, повидимому, не замѣчали его топорной дипломатіи: смѣялись, шутили, иные совсѣмъ расцвѣтали, и всѣ вмѣстѣ старались наперерывъ другъ передъ другомъ, не жалѣя силъ.

Не ослабѣло это работное напряженіе и тогда, когда всевѣдущій Линдсей сообщилъ намъ, что въ дѣлахъ общества предстоитъ серьезная заминка: къ назначенному, только что минувшему сроку акціонеры почему-то не сдѣлали очереднаго взноса, касса въ затрудненіи, и можетъ случиться, что денегъ намъ за работу вовремя не выдадутъ.

Такъ оно и вышло: въ слѣдующую субботу—день обычной получки, мистеръ Фоулэръ не вышелъ на работы. Вмѣсто него явился какой-то сухопарый господинъ въ черномъ, объявившій, что контора по нѣкоторымъ причинамъ не успѣла изготовить наши списки, а потому-де получка состоится лишь въ слѣдующую среду...

Это былъ явный непорядокъ,— рабочіе переглянулись, но работать не перестали.

Пришла среда... Наканунѣ формэнъ подтвердилъ, что получка

непремѣнно состоится на слѣдующій день, до полудня. Но уже съ утра замѣтны были нѣкоторые признаки, заставлявшіе рабочихъ многозначительно покачивать головами.

Такъ, мистеръ Бичеръ старшій, пріѣхавшій на работы необычайно рано, что-то въ 7 час. утра, былъ такъ разстроенъ, что, пошептавшись съ мистеромъ Фоулэромъ, укатилъ, не разслышавъ даже привѣтствія своего любимца механика, мистера Дэна, стоявшаго тутъ же, у его экипажа. Въ девять часовъ пріѣхалъ инженеръ; пересыпая рискованными шутками и остротами самыя прозаическія темы, онъ успѣлъ «перещупать» всю партію, очевидно, выясняя положеніе. За это же время почтенный мистеръ Фоулэръ дважды, совсѣмъ по-юношески, бѣгалъ на телеграфъ, и, когда возвратился вторично, оба они съ инженеромъ торопливо ушли, бросивъ на ходу предложеніе подождать ихъ въ обѣдъ двѣ-три минуты у гребня.

Наступилъ и полдень. Прождали три, пять минутъ — никто не являлся...

Рабочіе гуськомъ двинулись къ траншеѣ. Тутъ Линдсей съ озабоченнымъ, важнымъ лицомъ взобрался на тачку и сталъ опрашивать каждаго, по одиночкѣ, выйдетъ ли тотъ послѣ обѣда на работу. Опрошенные, въ ожиданіи результатовъ анкеты, собирались у отвала.

— Шестьдесятъ пять «нѣтъ», два—«да»!—зычнымъ голосомъ оповѣстилъ партію опрошавшій... Забастовка!

И это—все: ни вопросовъ и толковъ о срокѣ, ни разговоровъ о томъ, какъ держаться съ администраціей дальше: «само, молъ, собою понятно»...

Послѣ обѣда линія была столь же пустынна, какъ до начала постройки дороги. На слѣдующее утро—то же самое.

Администрація не на шутку переполошилась: надъ ней угрозой крупной неустойки висѣлъ выговоренный въ контрактѣ срокъ. Мистеръ Фоулэръ попробовалъ было повліять на Линдсея, указывая, что-де задержка въ ходѣ работъ опасна для интересовъ самихъ же рабочихъ: можетъ послѣдовать ликвидація дѣла и—разсчетъ...

— Сэръ!—отвѣчалъ тотъ, улыбаясь кончиками узенькихъ безкровныхъ губъ:—акціонеръ бережетъ свои деньги, а мы должны расточать нашъ трудъ?

— У нашего брата трудъ—все богатство! —визгливо выкрикнулъ подошедшій Олляртъ.—Въ кредитъ не сдается!..

Полетѣли куда-то конторскія телеграммы; за ними и директоръ укатилъ изъ Риджуэйя. Потомъ на имя мистера Фоулэра пришла изъ Бофло телеграмма:

— Суббота, еженедѣльно.

Часамъ къ одиннадцати утра мистеръ Фоулэръ съ сыномъ уже обходилъ квартиры рабочихъ, завѣряя, что въ предстоящую суб-

боту намъ будетъ уплачено полностью, за всѣ три недѣли, и что затѣмъ получка будетъ еженедѣльной.

Когда, часъ спустя, Линдсей, въ свой чередъ, дѣловито обошелъ рабочихъ, подсчетъ голосовъ показалъ, что большинство—и, опять таки, безъ всякой предварительной суеты и толковъ — рѣшило прекратить забастовку: съ полудня всѣ вышли.

На слѣдующій день, часовъ въ 5 пополудни, прикатилъ къ намъ директоръ. Осмотрѣвъ работы, которыя, къ слову сказать, не успѣли еще, за краткостью времени, сколько-нибудь замѣтно подвинуться впередъ, мистеръ Бичеръ, однако же, счелъ нужнымъ выразить свое удовольствіе и закончилъ рѣчь совсѣмъ необычно для администратора:

— Сегодня, ребята,—сказалъ онъ,—рѣдкое зрѣлище: изъ публичнаго сада на Кристлъ-Бичъ поднимется на трапеціи аэронавтъ... Бросайте работу: пойдемъ смотрѣть хитреца!..

Шумно, какъ школьники, неожиданно уволенные отъ занятій побросали рабочіе инструменты и вмѣстѣ съ оставившимъ свой экипажъ директоромъ направились къ синѣвшей у дюны обширной рощѣ, надъ которой, угрюмо морщась и волнуясь отъ вѣтра, уже грузно поднималась неуклюжая бурая масса воздушнаго шара. Подъ ней, на едва замѣтной отсюда трапеціи, мелькала въ воздухѣ маленькая черная фигурка аэронавта-гимнаста, успѣвшаго уже приняться за свои рискованныя упражненія.

Шаръ поднимался все выше, фигурка становилась все меньше, безпомощнѣй, но не переставала вертѣться, изгибаться, извиваться змѣей, повисать внизъ головой, принимать позу рѣющей птицы.

Изъ рощи доносился жужжащій говоръ толпы; надъ нимъ, какъ ракеты, взлетали отдѣльные клики восторга. Громкими, замѣтно взвинченными возгласами отозвалась и наша партія, остановившаяся неподалеку отъ рощи, на пригоркѣ, и жадными взорами слѣдившая за безумно смѣлыми эволюціями гимнаста. Очевидно, всѣ были довольны.

Между рабочими начинались пари. Эли Джаксонъ, питавшій пристрастіе къ своей прежней профессіи, бился объ закладъ, что аэронавтъ былъ раньше матросомъ, не иначе!.. Бывшій обитатель Саскачеванскихъ прэрій, Бобъ Коллинзъ, наоборотъ, стоялъ на томъ, что воспитать въ себѣ столько хладнокровія и безстрашія могъ только тотъ, кто былъ долгое время каубоемъ, и никто иной!..

Кто-то предложилъ пари на .. благополучное окончаніе зрѣлища. Линдсей, Олартъ, Андерсъ и Боуль, сообща, предложили такое же пари «на десять минутъ» директору. Тотъ принялъ...

Я ушелъ, не дожидаясь результатовъ. Въ полуверстѣ отъ меня, въ томъ же направленіи, одиноко шагала стройная фигура Джоу.

Въ ближайшую субботу обѣщаніе дирекціи было выполнено: дородный секретарь правленія общества, господинъ съ очень широкимъ плоскимъ лицомъ и тростью съ массивнымъ серебрянымъ набалдашникомъ, выдалъ намъ, аккуратно задѣланную въ маленькіе пакетики, плату. Выдавалъ онъ по списку, не глядя, тому же, на кого случайно вскидывалъ свой подслѣповатый, бѣгающій взглядъ, благосклонно кивалъ головой, съ видомъ знатнаго хозяина, принимающаго гостей.

Роздали намъ плату, и снова потекли дни мирнаго труда, въ перемежку съ такимъ же мирнымъ и однообразнымъ отдыхомъ по воскресеньямъ, когда одни, какъ Уифли, Андерсъ, Чепсъ, шли въ церковь пѣть гимны и псалмы и съ умиленіемъ сердца слушать проповѣдь о томъ, почему Іаковъ могъ жениться на Ліи, а семь дней спустя — на Рахили, не погрѣшая однако двоеженствомъ, или почему у него должны были родиться именно двѣнадцать сыновей, — ни больше, ни меньше; другіе, какъ Джоу, Джаксонъ, куда-то испарялись на цѣлыя сутки по желѣзной дорогѣ; третьи еще съ субботы запасались добрымъ количествомъ жидковатаго пива и, хоронясь отъ строгихъ взоровъ благочестивыхъ сосѣдей, рѣзались въ карты; четвертые, наконецъ, просто спали или шли на митингъ,—благо, политическихъ партій въ этомъ крошечномъ городкѣ было столько, что хоть отбавляй. Такъ, помимо націоналистовъ, имперіалистовъ, федералистовъ, консерваторовъ и либераловъ, здѣсь были также представители либерально-консервативной партіи, а въ сосѣднемъ такомъ же крошечномъ городкѣ не безъ успѣха подвизались консервативные либералы. За недосугомъ и краткостью времени пребыванія въ городкѣ я не могъ хорошенько ознакомиться съ различіемъ, отдѣляющимъ эти двѣ партіи; насколько же могъ узнать, дѣло представлялось въ слѣдующемъ видѣ: въ то время, какъ либеральные консерваторы считаютъ нужнымъ сохранять существующіе порядки, устраняя при этомъ всякія возможныя отъ нихъ стѣсненія для гражданъ и въ такомъ духѣ реформируя законы,—консервативные либералы тщатся проводить улучшенія, не нарушая основъ государственнаго устройства страны. У однихъ на первомъ планѣ всетаки реформы, хоть и умѣренныя, у другихъ—сохраненіе основъ. На первый взглядъ, такая тонкая дифференціація показалась мнѣ немного юмористической, но, судя по устойчивости этихъ теченій, упорно не поддающихся сліянію, надо думать, что на практикѣ они встрѣчаютъ какія-то серьезныя реальныя основанія.

На одномъ изъ субботнихъ митинговъ либералъ-консерваторовъ Риджуэйя присутствовалъ и я. Квадратная, въ три окна, зала въ домѣ вѣчно чѣмъ-то озабоченнаго мистера Фрейера, бывшаго аптекаря и завзятаго націоналиста, была уставлена вдоль стѣнъ стульями, на которыхъ неподвижно, какъ статуи, и въ порядочной тѣснотѣ возсѣдало человѣкъ тридцать въ черныхъ платьяхъ

и ярко бѣлыхъ сорочкахъ: на партійные митинги тутъ принято являться въ полномъ парадѣ. Двѣ-три стѣнныя лампочки тускло освѣщали комнату.

Ораторъ, мистеръ Кларкъ, столяръ по профессіи, господинъ средняго роста съ сильнымъ, выразительнымъ лицомъ, обрамленнымъ густыми рыжими бакенами, заложивъ большой палецъ лѣвой руки за бортъ сюртука, а правою опираясь о небольшой столъ, держалъ рѣчь, изъ которой мнѣ привелось слышать лишь окончаніе.

...— Не сомнѣваюсь, джентльмэны,—говорилъ онъ, методически поводя головой, точно въ ряду своихъ внимательныхъ слушателей кого-то искалъ глазами:—не позволю себѣ сомнѣваться, что присутствующіе достаточно ясно понимаютъ настоящее положеніе и, съ свойственной ихъ патріотизму проницательностью, сумѣютъ угадать опасность, грозящую партіи отъ предлагаемой намъ мѣры. Съ своей стороны, я считаю долгомъ выразить волнующія меня чувства. Джентльмэны!.. Единство партіи — въ общности интересовъ. Чему, какъ не этому, обязанъ я честью видѣть себя среди столь многолюднаго собранія, которое, я счастливъ констатировать это, удостаиваютъ посѣщеніемъ и... (тутъ любезный кивокъ въ мою сторону) и просвѣщенные, любознательные иностранцы? И вотъ, комитетъ предлагаетъ намъ поддержать представителя чужой партіи, поддержать лицо, чья политика въ вопросѣ о реорганизаціи приходовъ оказалась въ такомъ явномъ противорѣчіи съ насущнѣйшими нашими интересами!.. Джентльмэны!.. Дисциплина партіи не позволяетъ намъ уклоняться отъ совмѣстнаго рѣшенія общепартійныхъ задачъ, но... но я увѣренъ,—и ничто, джентльмэны не поколеблетъ меня въ этой увѣренности,—я увѣренъ, что ни одинъ изъ достоуважаемыхъ членовъ этого почтеннаго собранія (тутъ граціозный округлый жестъ правой рукой) не дозволитъ подчинить себя слѣпо чужой указкѣ!.. Въ этой святой увѣренности дозвольте, джентльмэны, закончить обращеніемъ безсмертнаго Билли (Гладстона): нынѣ настало время, когда каждый долженъ мужественно постоять за честь своей партіи!.. А честь ея, джетльмэны, не позволяетъ отдавать голоса на прокатъ! Долой компромиссы!..

Послѣ шумныхъ возгласовъ одобренія, видимо-таки польстившихъ раскланивавшемуся на всѣ стороны оратору, къ столику подошелъ высокій, сухощавый брюнетъ, портной Джей Понсонэръ, принявшійся рѣзко возражать предшественнику, и слушатели съ такимъ же поразительнымъ вниманіемъ относились и къ этой не совсѣмъ сдержанной рѣчи, точно сочувствовали и ей...

Я вышелъ...

Внизу лѣстницы, на площадкѣ согбенный лѣтами мистеръ Фрейеръ говорилъ съ какимъ-то коротконогимъ господиномъ, нарядившимся въ длиннополый пиджакъ, и просилъ передать мистеру Найту, что залъ къ услугамъ почтеннаго собранія членовъ либеральной партіи минутъ черезъ пятьдесятъ, пятьдесятъ пять.

Тотъ молча кивнулъ гладко остриженной головой и вышелъ, смѣшно перебирая по устланной граветомъ дорожкѣ короткими, точно обрубленными ногами.

Я подошелъ и поздоровался съ хозяиномъ: мнѣ пришло въ голову проинтервьюировать старика, какъ націоналиста. Тотъ, однакожъ, инціативу бесѣды захотѣлъ удержать за собой и сталъ разспрашивать, какъ нравятся мнѣ свободныя канадскія учрежденія, митинги. Я отвѣчалъ, что на митингахъ мнѣ уже приходилось присутствовать,—въ Соединенныхъ Штатахъ. При этомъ я похвалилъ учрежденія, благоустройство и быстрый всесторонній прогрессъ союза и выразилъ предположеніе, что просвѣщенная, высоко культурная Канада въ свое время не замедлитъ слиться съ могущественной сосѣдней республикой въ одно великое цѣлое.

Это сразу же задѣло старика за живое:

— Сэръ!—проговорилъ онъ рѣзко и такъ быстро сомкнулъ уста, что губы звучно шлепнули одна о другую.—Сэръ, я долженъ сказать, вы касаетесь... очень, очень... какъ вамъ сказать... Нѣтъ, лучше присядемъ: тутъ есть о чемъ поговорить, есть о чемъ!..

Мы усѣлись на стоявшей на площадкѣ садовой скамьѣ. Старикъ оперся ладонями обѣихъ рукъ о колѣнки, видимо приготовляясь къ длинной рѣчи.

— Сэръ, вы—иностранецъ, вы—гость въ этой странѣ. Какъ гостю, вамъ простительно... Я хочу сказать: какъ иностранецъ, вы, конечно, можете кое въ чемъ ошибаться! Отъ всякаго другого—ваше мнѣніе было бы обидой,—да, сэръ, обидой! Будемъ называть вещи, не стѣсняясь; но, сэръ, это не значитъ, чтобы я былъ сторонникъ... свободы мнѣній, высказываемыхъ безъ провѣрки. Я сорокъ два года, сэръ, пробылъ аптекаремъ и ни одного нумера лѣкарствъ не выпустилъ, сэръ, безъ провѣрки,—ни одного!—тутъ онъ поднялъ указательный палецъ правой руки вровень съ клокомъ оставшихся на головѣ желто-сѣдыхъ волосъ и съ грозною миной взглянулъ на меня искоса, поверхъ очковъ.

Я молча поклонился.

— И потому, сэръ, никто никогда не упрекалъ Джонатана Фрайера, что лѣкарство изъ его аптеки кому-нибудь принесло, вмѣсто должной пользы, напрасный вредъ... Надѣюсь, сэръ, вы не сочтете это маленькое отступленіе не идущимъ къ дѣлу?

— О, разумѣется!

— Итакъ, вернемся собственно къ вашему предположенію. Узнайте, сэръ, что у насъ, канадцевъ, нѣтъ и не можетъ быть причинъ или поводовъ къ сліянію съ сосѣдями,—я могъ бы даже сказать—къ противоестественному сліянію, сэръ!.. Мы—нація, сэръ, они же — конгломератъ. Знаете вы, что значитъ кон-гло-ме-ратъ, сэръ?

Я утвердительно кивнулъ головой.

— Такъ вотъ—прошу васъ тутъ вникнуть внимательнѣй: у

націи—естественное развитіе впереди; у конгломерата—одно нарастаніе; какое?. на какой конецъ?. Этого, не скажетъ, сэръ, никто, но всякій знаетъ, что наша канадская культура всегда подъ гордой защитой великой Британской имперіи; тогда какъ защита янки—океанъ. Прошу васъ, сэръ, подтвердить—будемъ точны!—вѣрно ли я это говорю?

— Да, да, вѣрно!

— Я радъ, что и вы согласны со мной, сэръ. Итакъ, главная защита янки—океанъ... Янки и сами отлично это понимаютъ и признаютъ неестественнымъ такое «сліяніе»: на всей истинно неизмѣримой, сэръ, территоріи нашей страны вы не услышите и слова на такую тему, хотя американцевъ среди насъ — многія, многія тысячи!.. И за сорокъ два года, сэръ, что я пробылъ аптекаремъ, мнѣ приходилось слышать всякія, въ томъ числѣ и очень вздорныя, мнѣнія, но, признаюсь, о возможности подобнаго сліянія—никогда не слыхалъ. Но не слишкомъ ли я рѣзко выражаюсь, сэръ?

— Нѣтъ, нѣтъ: вы чрезвычайно любезны. Будьте добры, продолжайте въ томъ же духѣ, сэръ!.

— О, я очень радъ оправдать ваше вниманіе, сэръ. Да... подобныхъ мнѣній не слыхалъ... И замѣтьте: это не теперь только, когда населеніе нашей страны настолько умножилось,—Канада стала такъ оберегать свою самостоятельность .. Исторія блистательно опровергла бы подобное предположеніе, если бы оно у кого-либо возникло: въ четырехъ миляхъ отсюда, вглубь страны, и доселѣ при полевыхъ работахъ находятъ обломки оружія, ядра, человѣческія кости: восемьдесятъ пять лѣтъ тому назадъ тамъ происходило кровопролитное сраженіе, доказавшее, что наша Канада умѣетъ постоять за честь великой населяющей ее націи. Въ этомъ сраженіи нашли себѣ безславную смерть десятки ирландцевъ, вздумавшихъ вторгнуться сюда изъ Пенсильваніи, чтобы—бе-зум-цы!—поднять среди насъ инсуррекцію!.. Хе-хе-хе-хе!.

Этотъ недобрый, мстительный по отношенію къ далекому прошлому смѣхъ былъ такъ непріятенъ на сморщившемся, какъ печеное яблоко, лицѣ старика, что я не смогъ откликнуться на него, даже изъ деликатности. Мистеръ Фрайеръ, кажется, это замѣтилъ: взъѣхавшіе на лобъ очки были немедленно водворены на прежнее мѣсто, морщины нѣсколько разгладились, и черные, быстрые глаза снова вынырнули изъ щелокъ. Онъ продолжалъ:

— Что же, что оставалось дѣлать передъ нашествіемъ?.. Жители отступили, но, какъ только тѣ молодцы сунулись внутрь страны,—наши окружили ихъ и ударили такъ, что немногіе ушли обратно!.. Теперь, вотъ, Штаты куда могущественнѣе, но знаете, если бы кто и теперь вздумалъ повторить подобную попытку, хотя бы ради «сліянія»—міръ увидѣлъ бы точно такіе же результаты. Это вѣрно, какъ то, что мы—въ Канадѣ...

Тутъ онъ поднялся, давая тѣмъ знать, что аудіенція кончилась, и пробормоталъ:

— Радъ буду, сэръ, если удовлетворилъ вашу любознательность. Прошу и впредь удостаивать чести... Буду радъ, сэръ!..

На этомъ разговоръ нашъ прекратился; старикъ, все еще бормоча своеобразныя любезности, сталъ подниматься по лѣстницѣ, вѣроятно, чтобы разогнать митингъ либералъ-консерваторовъ, использовавшихъ уже все время, на которое залъ ими былъ нанятъ, а я ушелъ къ себѣ записать любезныя сообщенія мистера Фрайера по свѣжей памяти...

Впослѣдствіи я нѣсколько разъ встрѣчалъ столь же рѣшительныя національныя чувства.

— Намъ не зачѣмъ сливаться съ янки: у насъ еще лучше, чѣмъ у нихъ,—говорили одни.

— У насъ не меньше свободы, чѣмъ въ Штатахъ,—намъ не зачѣмъ стремиться къ республикѣ! —утверждали другіе.

Вотъ почему для защиты всей этой громадной страны, простирающейся въ длину на 9000 верстъ, Англіи оказывается достаточно какихъ-нибудь двухъ пѣхотныхъ полковъ *), да и то расположеныхъ на двухъ противоположныхъ окраинахъ Канады—въ крѣпости Галифаксъ, на полуостровѣ Новая Шотландія, у береговъ Атлантическаго океана, и въ крѣпости Ванкуверъ, на островѣ того же имени, у береговъ Тихаго океана.

Стало быть, англичане вполнѣ и безусловно увѣрены, что свобода ничуть не опасна для внутренняго спокойствія живущаго здоровой культурной жизнью государства и ужъ никоимъ образомъ не противорѣчитъ чувству естественнаго національнаго патріотизма.

Боже мой, какъ это просто, какъ это старо и какъ все это инымъ—намъ, русскимъ, напримѣръ,—еще не понятно!..

VIII.

Пойзонъ-айвори. —Двѣ Сибири.—Слоновокостный ядъ.—„Полушведъ-полупринцъ".—Странное явленіе.—Жертвы нашего времени.—Бойкотъ.

Маленькое, не выше трехъ-четырыхъ вершковъ надъ почвой, съ матовыми темнозелеными на тоненкихъ ножкахъ лапчатыми листьями, напоминающими нашъ дикій виноградъ—таково, по внѣшнему виду «пойзонъ-айвори», серьезная угроза здоровью работника, имѣющаго тутъ лѣтомъ дѣло съ цѣлиною.

Въ наукѣ извѣстны растенія, болѣе или менѣе близкое сосѣдство къ которыми уже приноситъ вредъ здоровью человѣка; извѣ-

*) Если не считать нѣсколькихъ сотъ хайлэндеровъ, несущихъ горно-полицейскія обязанности въ западныхъ областяхъ.

стенъ, напр., рядъ первоцвѣтовъ (primulae), прикосновеніе къ которымъ или, хотя бы, къ предметамъ, бывшимъ нѣкоторое время съ ними въ соприкосновеніи, можетъ причинить человѣку продолжительныя страданія.

Такъ разсказываютъ о случаяхъ, когда прикосновеніе, напримѣръ, къ первоцвѣту Acopica вызывало нестерпимый зудъ, пузыри по всему тѣлу, даже язвы, долго потомъ не заживавшія. Но ядъ растенія «пойзонъ-айвори» (буквально: «ядъ слоновокостный»), по интенсивности дѣйствія и силѣ вызываемаго имъ заболѣванія, превосходитъ рѣшительно все, что мнѣ приходилось слышать или читать о растеніяхъ этого рода.

Знакомство мое съ этимъ растеніемъ началось при слѣдующихъ памятныхъ для меня обстоятельствахъ.

Приближался «Королевинъ день, т. е. празднованіе дня рожденія королевы Викторіи, какъ извѣстно, свято-чтившагося англичанами «всюду, гдѣ только слышится англійская рѣчь». Въ Риджуэйѣ день этотъ имѣлъ ознаменоваться «грандіозными и разнообразными» скачками, для которыхъ теперь значительно расширяли и приводили въ порядокъ полузапущенный мѣстный гипподромъ. Для этого приглашены были частью и наши рабочіе, отдававшіе патріотическому дѣлу часа по два, по окончаніи обычныхъ дневныхъ работъ на дорогѣ. Разговоры всюду, а стало быть, и среди рабочихъ, естественно вращались около событій «славнаго царствованія». При этомъ не было недостатка и въ критикѣ, подчасъ довольно злой: Линдсей, напримѣръ, заговорилъ о севастопольской войнѣ (почему-то онъ называлъ: «Севастопулъ»), въ которой, по его словамъ, Англія услужливо жертвовала деньгами и людьми, чтобы Наполеонъ могъ сыграть роль повелителя континентальной Европы. Но, какихъ бы фактовъ и съ какой бы рѣзкостью критика эта ни касалась, самая личность Викторіи и ея семья всегда оставались въ сторонѣ отъ всякихъ споровъ и разногласій, не говоря уже о томъ, что ни разу и ни въ комъ изъ нашей компаніи не проявилось желаніе зло посудачить на ея счетъ.

И опять, какъ тогда у мистера Тулмана, я слушалъ и дивился: эти, большею частью совсѣмъ не читавшіе газетъ, Дженкинсы и Чепсы оказывались довольно хорошо освѣдомленными въ дѣлахъ метрополіи и въ ея географіи. А вѣдь Канаду отъ острововъ Британіи отдѣляетъ водное пространство въ 5000 верстъ шириной!..

Особенно поразили меня, помнится, толки объ англійской политикѣ въ Персіи,—не тѣмъ, чтобы рабочіе знали ее въ деталяхъ: этого не было, — а тѣмъ, что они умѣли оцѣнивать смыслъ ея фактовъ съ точки зрѣнія интересовъ своей Канады... и почти всегда—довольно правильно. Такимъ образомъ, дѣянія метрополіи, клонившіяся, хотя бы косвенно, къ пользѣ колоніи, встрѣчали въ

этой простой средѣ чуткую признательность. Напримѣръ, въ девятидесятыхъ годахъ, вслѣдствіе полнаго неулова рыбы у Ньюфаундлендскихъ береговъ, ньюфаундленцы, въ поискахъ заработка, бросились въ нѣкоторые портовые города материка, чѣмъ, разумѣется, сейчасъ же былъ и тамъ пониженъ уровень заработной платы. Мѣстное населеніе, понятно, заволновалось; но королевскія власти тотчасъ же пришли на помощь: предприняты были крупныя казенныя работы въ крѣпости Галифаксъ, на Лабрадорѣ и на самомъ Нью-Фаундлендѣ, и все тотчасъ же вошло въ свою колею.

— Вотъ потому-то,— пояснилъ разсказывавшій объ этомъ Джаксонъ, обращаясь ко мнѣ,—политика правительства ея величества и встрѣчаетъ среди всѣхъ говорящихъ на англійскомъ языкѣ, безъ различія странъ и партій, такое сочувствіе!..

Въ этой тирадѣ, конечно, было не мало патріотическаго преувеличенія, но и самая возможность ея говорила теперь въ пользу дѣйствительнаго вліянія метрополіи...

Я молча рылъ заступомъ землю, слушалъ эти рѣчи и вспоминалъ нашу россійскую Канаду—неисчерпаемо богатую естественными рессурсами Сибирь. Вѣдь Сибирь находится въ нашемъ обладаніи не меньше времени, чѣмъ Канада у англичанъ,—но какая невыразимая, грандіозная разница въ уровнѣ культуры ея населенія!..

Вспомнилось мнѣ, напримѣръ, какъ однажды—это было въ 80-хъ годахъ—въ сибирскомъ городѣ, болѣе столѣтія состоявшемъ въ рангѣ губернскаго, зимнимъ вечеркомъ я разсказывалъ своимъ квартирнымъ сожителямъ-сибирякамъ объ устройствѣ городовъ въ Европейской Россіи: о мостовыхъ, объ освѣщеніи улицъ газомъ, проведенномъ для этой цѣли по всему городу изъ завода по трубамъ и т. д.

Молча слушавшій все это братъ моей квартирной хозяйки, бывшій купецъ и золотопромышленникъ, пренебрежительно фыркнувъ, сказалъ:

— Эв-ва, хлопуша *): духъ по ему, однако, горитъ!.. Кака-така хитрось, паря?.. Тамъ бы ты и сидѣлъ, коли этака тамъ благодать-то!..

И нужно было видѣть эту горделивую фигуру умнаго человѣка, отказывающагося вѣрить вздорнымъ росказнямъ, когда, иронически кивнувъ въ мою сторону, онъ добавилъ:

— Про машину, что по желѣзу бѣгатъ—это, подлинно, слыхивали, а ужъ про горючій духъ-отъ — оста-а-вь, сдѣлай милость!..

Бѣдняга, какъ чему-то сказочному, отказывался вѣрить реальности даже той убогой внѣшней культуры, какою въ 70—80-хъ годахъ пользовались у насъ нѣкоторые—увы, далего не всѣ—губернскіе города!..

*) Хвастунъ.

И вотъ теперь, для живой параллели, судьбѣ угодно было свести меня съ сибиряками Западнаго полушарія...

«Да!—думалось мнѣ:—«своекорыстные, алчные» англичане сдѣлали побольше для своихъ колоній, чѣмъ наши прекраснодушные, благочестивые управители для нашихъ, россійскихъ».

И выбросивъ заступъ изъ только что оконченной ямы, я оперся обѣими руками о бортъ, готовясь выбраться на поверхность.

— Пойзонъ-айвори!.. Пойзонъ-айвори!.. Вотъ, возлѣ вашей лѣвой руки!..—торопливо вскричалъ по моему адресу Робертъ Нильсонъ, работавшій рядомъ.

Я оглянулся: въ указанномъ мѣстѣ чуть выглядывали изъ травы пять-шесть бороздчатыхъ листочковъ, точно старавшихся укрыться отъ взоровъ.

Наканунѣ мнѣ мистеръ Строу говорилъ, что въ лугахъ близь Риджуэйя попадаются очень ядовитыя растенія, но какія именно, въ какомъ именно смыслѣ и мѣрѣ—этого я еще не зналъ. Машинально протянулъ было я къ кустику руку...

— Не прикасайтесь же, не прикасайтесь! — тотчасъ вскричалъ Нильсонъ:—отравляетъ!.. Тутъ и еще, вѣрно найдется...

Ударомъ заступа Робертъ разомъ срѣзалъ кустъ и отбросилъ его далеко въ сторону отъ линіи.

— Такъ ему, такъ!—напутствовалъ экзекуцію угрюмый Дженкинсъ, словно бы дѣло шло о ядовитомъ животномъ.—Такъ ему!.. Дьяволовъ хвостъ: погладь его—дня три-четыре не будешь знать, куда твоя голова подѣвалась!..

Рабочіе изъ ближнихъ ямъ глядѣли на эту сцену также не безъ тревоги.

— Будьте осторожны!—крикнулъ мнѣ Джоу.—Въ такихъ, вотъ, влажныхъ мѣстахъ оно обыкновенно и водится... Не полагайтесь на зрѣніе: прежде, чѣмъ начать новую яму, удаляйте кругомъ дернъ... Непремѣнно!..

Вскорѣ все успокоилось: рабочіе снова принялись за рытье и политику, я слушалъ и проводилъ параллели... Вдругъ сдержанный окрикъ заставилъ меня обернуться: неподалеку стоялъ Нильсонъ, блѣдный отъ досады, усердно обтирая мокрою глиной ладонь. У борта его ямы, дрожа, точно живые, шевелились листочки недавно срубленнаго имъ кустика: порывомъ вѣтра растеніе принесло обратно, уже прямо къ Роберту, какъ будто для того, чтобъ оно смогло ему отомстить.

На слѣдующій день меня и еще двухъ рабочихъ командировали съ утра далеко въ поле разбирать стоявшую на пути линіи изгородь, и только на четвертый день снова присоединили къ партіи. Тутъ я узналъ, что Робертъ все это время не являлся и что одновременно съ нимъ исчезъ куда-то и шведъ Холмсенъ, одно

уже могучее тѣлосложеніе котораго, казалось, исключало возможность внезапнаго заболѣванія. Рѣшили, что шведъ куда-нибудь экстренно выѣхалъ, хотя Линдсей увѣрялъ, что еще вчера видѣлъ жокейскую шапку Холмсена у фермы молодой вдовы Ландри, куда, сколько ему самому извѣстно, ни одинъ предприниматель еще не проводилъ желѣзную дорогу...

На томъ, посмѣявшись, всѣ и успокоились, тѣмъ болѣе, что къ отсутствію шведа и контора оставалась безразличной. Участь же «тихаго Роберта», какъ его называли, въ отличіе отъ крикливаго говоруна, Роберта Олларта, продолжала меня интересовать: парень проживалъ со старухой-матерью гдѣ-то на противоположномъ краю города, и я зналъ, что изъ-за отдаленности мѣста никто въ партіи и не подумаетъ пойти навѣстить больного. Наскоро поужинавъ, я въ тотъ же вечеръ къ нему и направился.

На стукъ въ широкія, низенькія ворота, совсѣмъ какъ наши южно-русскія, деревенскія, вслѣдъ за осипшей, должно быть, отъ дряхлости, собаченкой, послышались осторожно-бережные шаги, и на порогѣ одностворчатой не крашеной двери, выходившей на открытое, безъ всякаго навѣса, крылечко, показалась широкоплечая фигура... нашего шведа.

Онъ не далъ мнѣ и рта разинуть:

— Уходите!—проговорилъ онъ, вмѣсто привѣтствія,—уходите: только что уснулъ!..

Изъ коттэджа донесся скрипъ и кашель.

— Кто тамъ?—послышался слабый, сдавленный голосъ.—Войдите... пожалуйста! войдите!

Подъ укоризненное бормотаніе шведа, ворчавшаго что-то «о любопытствѣ», я направился чрезъ темныя сѣни на желтоватую полоску свѣта изъ комнаты влѣво.

Вошелъ—и не повѣрилъ глазамъ...

Вмѣсто стройнаго двадцати-трехлѣтняго юноши съ мягкими, дѣтски-кроткими чертами смуглаго, овальнаго лица, на которомъ, при улыбкѣ, такъ весело играли всегда двѣ круглыя ямочки, передо мною было какое-то чудище... Одутловатое, восковое лицо съ узенькими щелками глазъ, казавшихся совсѣмъ черными отъ рѣзко расширенныхъ зрачковъ; безформенный, неподвижный корпусъ; безобразныя, толстыя ноги... въ особенности, эти слоновыя ноги! У щиколотки онѣ были около полуаршина въ обхватѣ, а колѣни напоминали обрубки. Синевато-багровыя разлитыя пятна, въ мелкую горошину величиной, мѣстами пестрили дряблую, желтоватую кожу.

Больному трудно было говорить и въ то же время болѣзненное возбужденіе, видимо, вызывало въ немъ говорливость. Самая рѣчь, прерывистая, скачущая, съ пропусками словъ, производила тяжелое впечатлѣніе, усугублявшееся надменно брюзгливымъ выраженіемъ лица, не оставлявшимъ его даже тогда, когда съ этихъ

опухшихъ, горделиво выпяченныхъ губъ срывались слова пріязни.

Подбадриваемый краснорѣчивыми взглядами шведа, я хотѣлъ было тотчасъ же ретироваться, но Робертъ объявилъ, что такъ скоро меня не отпуститъ, что я долженъ знать, съ какимъ онъ тутъ извергомъ имѣлъ дѣло всѣ эти дни...

— Знаете... двое сутокъ... пеленалъ... — жаловался Робертъ,— говоритъ: надо облегчить почки... А какіе... когда голова чуть... Это—извергъ, Эндрью!—заключилъ онъ, и въ этомъ «извергъ» слышалась признательность къ неуклюжему человѣку, не оставлявшему бѣднягу одинокимъ съ перваго же дня его болѣзни: какъ разъ наканунѣ ея миссисъ Нильсонъ была телеграммой вызвана къ брату, въ Сентъ-Катринъ, и могла оттуда вернуться только черезъ недѣлю.

Помощь Холмсена была здѣсь тѣмъ необходимѣе, что послѣ жара, порой доходившаго до бреда, у больного обнаружилась странная слабость тактильныхъ ощущеній. Когда, напр., онъ пробовалъ подняться съ постели, ему казалось, что межъ поломъ и подошвами ногъ—колеблющаяся, зыбкая подушка; когда, испивъ, онъ опускалъ питье на столъ, ему надо было каждый разъ стукнуть стаканомъ о крышку, чтобы убѣдиться, что тотъ поставленъ уже на мѣсто. и т. д.

Комната, гдѣ лежалъ Робертъ, обставленная со всею убогостью жилья бѣдняка-новосела—ни гардинъ, ни ковра, ни качалки, составляющихъ тутъ принадлежность комфорта даже въ жилищѣ рабочаго,—также врядъ ли могла способствовать подъему самочувствія. Досчатыя, растрескавшіяся стѣны эти, даже днемъ подернутыя сѣтью скучныхъ, непривѣтливыхъ тѣней, должны были мучительно угнетать воображеніе, особенно въ тяжкія, долгія, безсонныя ночи. А по словамъ Роберта, двое сутокъ его почти непрерывно мучило какое-то особенное, кошмарно-дремотное состояніе, не позволявшее ни хорошо различать окружающее, ни забыться...

Маленькое ползучее растеніе оказывало столь могучее вліяніе на психику человѣка!... Оно сказалось еще и съ другой стороны: спокойный, ровный характеромъ въ здоровомъ состояніи, Робертъ сдѣлался очень боязливымъ и мнительнымъ во время болѣзни. Такъ, когда я, распростившись, пожелалъ ему поскорѣе выздоровѣть и шутливо спросилъ:

— Когда же на работу, Робертъ, а? — онъ перевелъ съ меня на шведа тревожный взглядъ, снова перевелъ его на меня, снова на шведа и проговорилъ нерѣшительно, очевидно заподозривъ намекъ:

— Я думаю, Эндрью... Скажите, пожалуйста, мистеру Фоулэру... пусть перепишутъ на Фреда (Холмсена)... моихъ шесть поденщинъ!..

Шведу это не понравилось:

— Э, Боби!—сказалъ онъ, направляясь къ выходу изъ комнаты,—надо было заранѣе со мной сторговаться: можетъ, я на этихъ условіяхъ еще не нанялся бы!..

— Фрэди!—капризнымъ тономъ позвалъ его Робертъ,—Фреди!..—Я очень хотѣлъ бы хорошенько... соснуть!

Тотъ обернулся, сурово кивнулъ мнѣ на двери, потомъ бережно поднялъ больного съ качалки и принялся укладывать въ постель съ тщательной заботливостью матери, ухаживающей за хворымъ ребенкомъ.

Въ юго-восточномъ углу Риджуэйя, невдалекѣ отъ желѣзнодорожной станціи, оказался кварталъ, который, съ нѣкоторой натяжкой, могъ бы дать иллюзію окраины фабричнаго города: рядъ закопченныхъ зданій съ высокими, черными трубами, отсутствіе признаковъ уютности и комфорта въ немногихъ выходящихъ сюда окнахъ и т. д.

Но улица сильно заросла травой и казалась еще тише, чѣмъ прочіе стогны тихаго городка: одинъ изъ находившихся тутъ заводовъ—пивоваренный—не работалъ лѣтомъ, два другихъ—мыловаренный и уксусный—были перемѣщены въ сосѣдній Колборнъ еще тогда, когда чрезъ него прошелъ судоходный каналъ, соединяющій теперь, въ обходъ Ніагары, озеро Ири съ Онтаріо.

Насупротивъ чуть уже покосившихся зданій примолкшихъ заводовъ протянулись угрюмые корпуса полузаброшенный фермы, владѣлица которой, проживавшая теперь гдѣ-то въ провинціи Виннипегъ, распродала по частямъ почти всѣ принадлежавшія фермѣ земли, а прочее сдала въ пользованіе своей дальней родственницѣ, кулинарной знаменитости Риджуэйя, красноволосой миссисъ Ноккеръ.

Тутъ-то, въ наскоро реставрированномъ покоѣ при одномъ изъ амбаровъ, съ самаго своего появленія въ Риджуэйѣ, т. е. мѣсяцевъ шесть назадъ, и поселился нашъ шведъ, на которомъ намъ придется теперь остановиться нѣсколько долѣе.

Жилъ онъ совсѣмъ укромно и тихо, самъ себѣ стряпалъ на приткнувшемся въ углу его комнаты очагѣ, самъ себѣ стиралъ, чинилъ бѣлье и обувь. Людей онъ не чуждался, но и не искалъ ихъ общества и знакомства, держась въ сторонѣ, пока на нихъ не наталкивали обстоятельства. Такъ, у Роберта онъ не былъ ни разу до самой его болѣзни; со своей очень словоохотливой лендлэди за всѣ эти шесть мѣсяцевъ онъ также не говорилъ, въ общей сложности, и четверти часа (миссисъ Ноккеръ увѣряла, что въ его лексиконѣ имѣются лишь слова, относящіяся до работы); но, какъ только открылась весна и явилась возможность работать въ полѣ, онъ испросилъ у «миссисъ» позволеніе «покопаться» въ огородѣ, утверждая, что это въ высшей степени необходимо для его

здоровья. Сообразительная женщина, разумѣется, охотно воспользовалась даровымъ трудомъ, и шведъ въ пухъ перекопалъ малѣйшій клочекъ, еще остававшійся при фермѣ, и тщательно засѣялъ его откуда-то выписанными отборными сѣменами. Онъ и теперь еще ежедневно, послѣ работъ на линіи, копался тутъ до поздней ночи, и, надо полагать, услуги его имѣли свою, очень реальную, цѣнность, если овощи «красноволосой вдовы» могли такъ быстро вытѣснить всѣхъ своихъ соперниковъ изъ кухонь Кристлъ-Бича и его окрестностей, а чопорная миссисъ Барвикъ, жена новаго пастора въ Уиландѣ, дважды заѣзжала къ миссисъ Ноккеръ просить сѣмянъ ея несравненной цвѣтной капусты и меленькаго, звѣздчатаго, ранняго салата. Но въ особенности прославился огородъ въ это лѣто ботвой ревеня, великолѣпной ботвой, которую тутъ можно было имѣть вплоть до самаго сентября и изъ которой выходило такое чудесное, душистое варенье—тонкій фаршъ для восхитительныхъ именинныхъ пироговъ, составлявшихъ вѣнецъ кулинарной славы миссисъ Ноккеръ, получавшей изъ-за нихъ выгодныя предложенія на гастроли къ дачникамъ побережья въ торжественные для послѣднихъ дни.

Шведъ и виду не подавалъ, что считаетъ себя причиною этихъ успѣховъ, и только по тому, съ какимъ спокойно-торжественнымъ видомъ расхаживалъ онъ межъ грядъ огорода въ воскресные дни, можно было заключить, что онъ признаетъ свое присутствіе здѣсь не излишнимъ.

Такъ, понемногу, онъ и совсѣмъ обжился въ Риджуэйѣ; поговаривали даже, что шведъ уже хлопоталъ о мѣстѣ кочегара на пивоваренномъ заводѣ, очевидно, рѣшивъ оставаться тутъ на зиму. Съ своей стороны, попривыкли къ молчаливому человѣку съ неподвижнымъ, скуластымъ сѣрымъ лицомъ и окружающіе; даже дѣти, всегда инстиктивно чуждающіяся людей замкнутыхъ, не сообщительныхъ, перестали его дичиться, а толстый, красный, какъ мѣдь, шестилѣтній карапузъ Фрэнки, младшій изъ четырехъ погодковъ вдовы, сталъ выбѣгать навстрѣчу возвращающемуся съ работъ шведу. Колоссъ на ходу подхватывалъ ребенка, какъ перышко, сажалъ его къ себѣ на плечо и, все такой же серьезный и молчаливый, шествовалъ съ нимъ на ферму.

И, обыкновенно шумливый, говорливый мальченка теперь, точно по уговору, неподвижно, молча, сидѣлъ на плечѣ, донельзя довольный своимъ высокимъ положеніемъ, и тихо пухлой, мягкой рученкой перебиралъ рѣдкіе и жесткіе, какъ пенька, бурожелтые волосы шведа.

Въ партіи рабочихъ, какъ и среди сосѣдей, Холмсенъ былъ изъ тѣхъ, о которыхъ говорятъ, что ихъ не видно и не слышно, и я, напр., долгое время не зналъ его имени, хотя, тренируя себя трудностями рабочей карьеры, не разъ сталкивался съ его оригинальнымъ соперничествомъ въ этомъ направленіи; онъ всегда вы-

биралъ себѣ работу, не считаясь съ ея трудностями, и въ этомъ отношеніи шелъ дальше меня. Такъ, случалось, отработавъ свою порцію, онъ, вмѣсто того, чтобы поджидать, пока его догонятъ товарищи, принимался, пренебрегая отдыхомъ, за ихъ долю.

Однажды, напр., поставили насъ «бить» въ чрезвычайно твердомъ грунтѣ укатанной проѣзжей дороги «дудки»—круглыя трубовидныя ямы, футовъ 10—12 глубиной, при $3-3^1/_2$ футахъ въ діаметрѣ. Стояла та особенная нестерпимая духота пасмурнаго вечера конца іюля, какой, кажется, не встрѣтишь нигдѣ, кромѣ средней Канады: высоко вверху—мглистый, неподвижно налегшій туманъ; внизу, надъ поверхностью земли, какъ-то самъ собой, при полномъ безвѣтріи, стелется слой фута въ 2 толщины влажнаго, плотнаго и въ то же время перегрѣтаго воздуха; онъ, какъ тягучая жидкость, вливается въ яму и обдаетъ работающаго въ ней, точно варомъ. Отъ получасовой работы въ подобной атмосферѣ уже бьетъ кровь въ голову, трудно дышать, какъ въ жарко натопленной банѣ.

Въ сказанный вечеръ было въ особенности душно, и рабочіе, одинъ за другимъ, то и дѣло вылѣзали на поверхность «подышать»: не соблюдавшему этой предосторожности вскорѣ приходилось плохо,—Бишопа, напр., именно сегодня ни съ того, ни съ сего вздумавшаго проявить особое рвеніе къ работѣ, сосѣди вытащили изъ ямы въ полуобморокѣ; почти то же повторилось съ Каски, Ринксомъ и Оллартомъ; ямы за нихъ докончилъ шведъ...

Первое время рабочіе были видимо признательны за подобное, истинно товарищеское отношеніе къ болѣе слабымъ; потомъ попривыкли, потомъ услуги эти стали принимать, какъ нѣчто уже должное, а когда подмѣтили въ дѣйствіяхъ чужеземца что-то, напоминавшее аскетитескую ревность, самоотверженіе, — то стали посмѣиваться.

Мало-по-малу надъ чудакомъ стали играть и шутки; потомъ посыпались надъ нимъ насмѣшки, даже мелкія издѣвки,—чтобы посмотрѣть, что скажетъ этотъ колоссъ, обладавшій, казалось, неистощимымъ терпѣніемъ и незлобивостью.

Шутки становились все злѣе: товарищи притупляли его инструментъ, портили не доконченную имъ наканунѣ яму; какъ-то разъ въ его котелокъ съ обѣдомъ впустили керосину, потомъ кто-то ночью, очевидно, изъ противолежащаго пивного завода, забросалъ черезъ заборъ камнями его любимую грядку на огородѣ...

Наконецъ, разыгралась сцена, бросившая совсѣмъ новый, неожиданный свѣтъ на слагавшіяся вокругъ отношенія.

Было прекрасное солнечное утро одного изъ понедѣльниковъ. Хорошо отдохнувъ наканунѣ, я раньше обыкновеннаго вышелъ на работу и по пути взобрался на гребень. Передо мной, какъ на ладони, была широкая панорама купавшагося въ голубовато-золотистыхъ утреннихъ лучахъ городка съ зеленѣющими окрест-

ностями, прорѣзанными безконечной перспективой проѣзжей дороги на Уиландъ и Стонбриджъ. Вправо отъ меня и насупротивъ ширилась открытая поляна, по окраинѣ которой, вдоль гребня, змѣилась, часто забѣгая въ кусты, протоптанная рабочими тропинка, у перваго же отвала круто, вдругъ, сворачивавшая въ выемку. Влѣво, также вдоль гребня, протянулись раздѣленные кустарниковой зарослью отвалы.

Оглянувъ поляну—не идетъ ли уже кто изъ товарищей—я обернулся въ сторону проѣзжей дороги и тутъ, случайно, взглядъ мой упалъ на фигуру человѣка, въ явно выжидательной позѣ притаившагося за кустомъ. Это былъ Бишопъ.

«Чего это онъ, въ засадѣ, чтоли?»—со смутной тревогой мелькнуло у меня. Но прежде, чѣмъ я хорошенько догадался его окликнуть, на поворотѣ тропинки показалась характерная фигура: шведъ медленно, съ заложенными за спину руками и опущенной головой, брелъ на работу.

И вотъ, въ моментъ, когда онъ повернулся къ отвалу спиной, отсюда, хрипло шурша, полетѣлъ въ него увѣсистый камень...

Я явственно видѣлъ напряженное, почти перекошенное злобной рѣшимостью веснущатое лицо Бишопа; я видѣлъ, какъ, зловѣще размахнувшись, рука его описала кругъ и камень, точно изъ пращи, стремительно пролетѣлъ надъ головой человѣка и ударился съ глухимъ стукомъ въ груду щебня позади... И все жъ мнѣ хотѣлось, мучительно хотѣлось думать, что это шутка, — злая, грубая, но шутка; что колоссъ вотъ-вотъ обернется и, укоризненно покачавъ головой, погрозитъ пальцемъ. Но шведъ все тѣмъ же мѣрнымъ шагомъ, все такъ же, не поднимая головы и въ тактъ ходьбы поводя выдавшимися впередъ плечами, прошелъ въ траншею. Бишопъ выждалъ, пока тотъ скрылся, и только тогда покинулъ засаду...

Недалеко отъ мѣста работъ, у помянутаго хмураго сада, встрѣтилъ я мистера Фоулэра и узналъ отъ формэна, что я на цѣлую недѣлю отряжаюсь выгружать прибывшіе для компаніи по желѣзной дорогѣ матеріалы...

Работа оказалась очень тяжелой: вчетверомъ, напр., мы должны были—и не крючьями, а голыми руками—перегружать изъ вагоновъ на подводы двѣнадцатипудовые рельсы или, напр., съ платформъ, поодиночкѣ, спускать—сначала себѣ на колѣни, а потомъ уже на земь—боченки съ цементомъ. Къ вечеру чувствовалось теперь такое утомленіе, что хотѣлось одного—заснуть...

Утомленіе вскорѣ смягчило остроту только что пережитыхъ горькихъ впечатлѣній; я начиналъ думать, что, сгоряча, таки преувеличилъ трагичность положенія. Какъ вдругъ узнаю: наканунѣ во время обѣденнаго перерыва, шведъ, задержавшійся въ ямѣ,

чтобы ее закончить, былъ серьезно ушибленъ въ плечо и голову двумя камнями, брошенными изъ-за штабеля досокъ...

Вечеромъ того же дня я былъ у Джоу.

Противъ обыкновенія, онъ былъ очень не разговорчивъ и видимо тяготился бесѣдой.

— Чего вы хотите?—спросилъ онъ сухо, когда я разсказалъ ему сцену у отвала.—Я не властенъ надъ товарищами... Сегодня предотвратилъ бѣду, за завтра не ручаюсь...

— Что же вы предотвратили, Джоу?

— Что?.. кровопролитіе!.. Не притворяйтесь незнающимъ...

— Какъ, Джоу, дошло даже до этого?..

Онъ удивленно сжалъ губы и передернулъ плечами.

— Значитъ и вправду не знаете...—сказалъ онъ кисло.—Ну, да: кровопролитіе!.. Шведъ, какъ бѣшеный, ринулся на Бишопа, показавшагося изъ-за штабеля, а у того въ карманѣ былъ револьверъ... Понимаете: наготовѣ!..

— Джоу!.. вѣдь это необходимо остановить!—воскликнулъ я въ ужасѣ,—вѣдь это же изувѣрство!.. Кому, въ самомъ дѣлѣ, этотъ шведъ причинилъ какое-нибудь зло?..

— Э, дѣло, Эндрью, не въ этомъ... Знаете: шведъ—совсѣмъ не шведъ, даже не знаетъ по-шведски ни слова!.. Это все же странно!

— Ну, такъ что же?.. Кому до этого дѣло?

— А хотя бы тѣмъ, кто теперь сводитъ съ нимъ счеты,—отвѣтилъ Джоу, ударяя на словѣ «тѣмъ».

— У кого же въ Риджуэйѣ могутъ быть счеты съ этимъ пустынникомъ?—не переставалъ я изумляться.

— Это не мой секретъ, Эндрью...

— А!.. Стало быть, предъ нами—бойкотъ,—догадался я.—Бойкотъ неизвѣстнаго происхожденія и Джоу принимаетъ въ немъ участіе, не зная даже, за что человѣка гонятъ?..

— Я не говорилъ, что ничего не знаю... А за подробностями поѣхалъ въ Бофло делегатъ...

— Кто?

— Линдсей...

— Нашли кого послать: кто не знаетъ его антипатію къ Холмсону?.. Что же шведъ сдѣлалъ дурного, наконецъ?

— Не знаю, не знаю. Оставимте это, Эндрью!

— Но какъ же такъ, Джоу? Вѣдь это—неправосудно? Вѣдь это—Турція?! Наконецъ, я не могу понять, что могло васъ лично Джоу, такъ враждебно настроить противъ него?

— Слушайте, Эндрью!—воскликнулъ Джоу нетерпѣливо:—Другому я сказалъ бы: не ваше дѣло!.. Вамъ же говорю: вы слишкомъ близко принимаете всю эту исторію къ сердцу... Довольно съ васъ?..

Я молча укоризненно поглядѣлъ на него. Онъ отвернулся и зашагалъ по комнатѣ...

— Эндрью, вы не въ правѣ претендовать на меня!—проговорилъ онъ вызывающе, вновь останавливаясь передо мной.—Я не давалъ вамъ такого права!

— Джоу, вы грубы, потому что не правы!—сказалъ я рѣшительно.—Вы достаточно умны, чтобы сознавать это: я безпокою вашу совѣсть!

Онъ сдѣлалъ нѣсколько быстрыхъ шаговъ и снова подошелъ ко мнѣ, замедляя шаги и складывая на груди руки.

— Ну, хорошо,—проговорилъ онъ, смягчаясь, — чего же вы отъ меня хотите?.. Признаться вамъ, что самъ я ничего не имѣю противъ шведа или какъ его тамъ?.. Что въ бойкотѣ не принимаю личнаго участія?.. Ну, довольно съ васъ?.. Не спрашивайте же дальше: пусть это—дико, непонятно,—но я ничего больше не стану отвѣчать, ничего!

Мы разстались. Я направился къ Роберту.

Парень, оправившись отъ болѣзни, всего пятый день выходилъ на работу: событія должны были поразить его не только неожиданностью, но и несправедливостью слагавшихся отношеній.

Къ удивленію, Нильсонъ оказался почти столь же замкнутъ и еще болѣе безучастенъ, чѣмъ Джоу. Къ извѣстному уже мнѣ изъ словъ Джоу онъ теперь добавилъ только, что шведъ кричалъ, вызывалъ выступить противъ него открыто, а самъ такъ дрожалъ, что даже шатался. Но всѣ молчали...

— И вамъ не жаль, Робертъ, человѣка, проявившаго къ вамъ столько пріязни?—спросилъ я.

— Кто же меня, Эндрью, поставилъ тутъ судьею? Мнѣ кажется, ни я, ни вы тутъ не судьи, — замѣтилъ онъ не безъ колкости. - Потомъ развѣ съ нимъ сговоришь?.. «Обществу нѣтъ интереса въ моемъ прошломъ!»—вотъ все, чего я отъ него добился... Нѣтъ, Эндрью, я тутъ ни при чемъ...

Присутствовавшая при этомъ разговорѣ добродушнѣйшая миссисъ Нильсонъ, по возвращеніи отъ брата, разсыпавшаяся въ горячихъ благодарностяхъ шведу за его заботы объ ея сынѣ, теперь была видимо недовольна самой темой нашей бесѣды.

— Робертъ, другъ мой! -- обратилась она къ сыну съ нервно жалобной ноткой въ голосѣ.—Неужто вамъ не о чемъ больше говорить? Все ссоры да драки—это, наконецъ, очень скучно, ффа!..

Неопредѣленный результатъ получился у меня и отъ посѣщенія Кристьена Чепса.

— Хорошій то онъ, очень хорошій, да чего бы ему тутъ...—проговорилъ, убѣдительно качая головой Чепсъ, по обыкновенію, лаконически и, по обыкновенію же, сжевывая концы фразъ.—Ему бы уѣхать, потому что...

А дородная его половина, имѣвшая отъ перваго мужа дѣтей,

почти ровесниковъ Чепсу, и все же каждый вечеръ выходившая молодому мужу навстрѣчу, сентиментально вздохнувъ, заключила:

— Забылъ нелюдимъ и думать про церковь... Ахъ, не будетъ счастья такому: не хочетъ знать ни людей, ни Бога! — Гордость, скажу вамъ,—всегда грѣхъ, грѣхъ тяжкій, грѣхъ себялюбца...

И она вздохнула еще разъ, теперь уже сокрушенно.

Я вернулся къ себѣ, чувствуя себя совсѣмъ въ потемкахъ, и въ прямомъ, и въ переносномъ смыслѣ этого слова: предо мной, по всѣмъ видимостямъ, разыгрывался финалъ какой-то странной исторіи, завязавшейся гдѣ-то очень далеко, по ту сторону океана и, по развѣтленіямъ какой-то могучей организаціи, нашедшій себѣ отраженіе въ тихомъ Риджуэйѣ. Но въ чемъ именно состояла эта исторія, если, судя по отношенію къ ней Джоу, она не имѣла подъ собой общественной подкладки?.. Я терялся въ догадкахъ, и тѣмъ тяжелѣе было сознавать, что и здѣсь, среди свободной культуры и человѣчныхъ отношеній, мыслимы такія совсѣмъ не мотивированныя гоненія.

Но шведъ или, какъ его теперь открыто называлъ Линдсей, «полушведъ-полупринцъ», должно быть, лучше понималъ положеніе: недѣлю спустя, оставивъ на квартирѣ нѣсколько полуистрепанныхъ книжекъ да подушку и ни съ кѣмъ, кромѣ меньшого сынишки миссисъ Никкеръ, не распростившись, онъ внезапно исчезъ изъ Риджуэйя. Не знали даже, въ какую сторону онъ уѣхалъ.

IX.

Мои сборы. —Великій Канадскій путь и раціональные факторы колонизаціи.—Земельное устройство западной Канады; тауншипы. — Путь и способы устроиться.—Организація мелкаго сельскохозяйственнаго кредита.—Портъ-Колборнъ; все вверхъ дномъ! — На обратномъ пути.—Историческій городъ.—Великая хартія.—На волю. Заключеніе.

Лѣто подходило къ концу...

Солнечныя, жизнерадостныя утра стали смѣняться тусклыми, сѣрыми, туманными, оставлявшими по себѣ сиротливое настроеніе и въ полдень, когда уже проглядывало солнце. Потомъ пошли и сплошь пасмурные дни — по два, по три подъ рядъ — иной разъ вѣтренные, рѣзкохолодные, послѣ которыхъ листва быстро блекла и осыпалась, какъ послѣ мороза, а въ воздухѣ чувствовался густой запахъ размокшей земли. Погода напоминала восточно-сибирскую и обѣщала, кажется, такіе же холода впереди.

Подходила къ концу и постройка риджуэйской велосипедной желѣзной дороги, рельсовый трэкъ которой, возвышавшійся въ лощинахъ футовъ на 25 надъ уровнемъ почвы, былъ уже почти весь готовъ: пробные поѣзда съ рабочими и матеріаломъ, развивая скорость въ двадцать восемь верстъ въ часъ, пробѣгали до самаго

Кристлъ-Бича, давая возможность безплатно пользоваться дорогой и кое-кому изъ не особенно щепетильныхъ дачниковъ. Работы по оборудованію станціи въ Риджуэйѣ также были закончены; немногаго оставалось и до завершенія конечной, у берега Ири. Начали полегоньку разсчитывать рабочихъ.

Надо было собираться въ дорогу и мнѣ: какъ я уже говорилъ выше, въ Риджуэйѣ, кромѣ случайной работы по рубкѣ и колкѣ дровъ, зимой никакихъ другихъ занятій не достанешь.

Исподоволь все лѣто готовился я къ рѣшенію новой предстоявшей мнѣ задачи—устроиться теперь настолько основательно, чтобы за годъ - полтора выработать средства для начатія самостоятельной карьеры земледѣльца. Съ этой цѣлью, чрезъ посредство мистера Строу, я обзавелся надежной рекомендаціей къ старшему мастеру одной изъ крупныхъ паровыхъ мебельныхъ фабрикъ въ Торонто, обезпечивавшей мнѣ поденный заработокъ, по началу, въ $1^1/_2$ доллара, до 2-хъ впослѣдствіи. Кромѣ того, въ запасѣ у меня было еще письмо къ одному очень зажиточному фермеру, близь Детройта (Детроа), въ бытность свою въ Риджуэйѣ предлагавшему мнѣ подписать контрактъ: 250 долларовъ, на всемъ готовомъ, за годъ работы на фермѣ. Для начала это было недурно, но можно было ожидать и лучшаго: мистеръ Строу увѣрялъ, что мистеръ Бигзъ (фермеръ) теперь, когда Клондайкскія золотыя розсыпи отвлекали отъ земледѣлія массу рабочихъ рукъ, охотно дастъ мнѣ и 300 долларовъ, на тѣхъ же условіяхъ.

Параллельно съ этими хлопотами и заботами, не переставалъ я знакомиться со страной и, благодаря учителю, мистеру Тулману, у меня къ этому времени накопилось достаточно свѣдѣній, чтобы «безплотная мечта» о поселеніи стала реальнымъ планомъ, позволявшимъ намѣтить уже и ближайшіе шаги къ исполненію. Полагая и то, и другое практически не безынтереснымъ, считаю не лишнимъ тутъ же сказать о нихъ нѣсколько словъ.

—

Что прежде всего поразитъ домогающагося на этомъ пути—это широкая возможность своевременно получать всякія необходимыя переселенцу свѣдѣнія: и департаментъ земледѣлія Канадскаго министерства внутреннихъ дѣлъ (въ Отавѣ), и цѣлый рядъ спеціальныхъ иммигрантскихъ агентствъ — въ самой Канадѣ, въ Соединенныхъ Штатахъ, въ Европѣ — всегда къ услугамъ публики.

Мало того, если учрежденіе, къ которому вы обратились, не обладаетъ всѣми потребными вамъ свѣдѣніями, оно непремѣнно укажетъ, куда за ними обратиться, а пока—вышлетъ вамъ почтой всѣ имѣющіяся у него соотвѣтственныя изданія (порой почти роскошныя). Между этими изданіями имѣются и на русскомъ языкѣ.

Несомнѣнно, что въ этой предупредительности—одна изъ причинъ быстраго заселенія страны, природныя богатства которой, съ

проведеніемъ Великаго Тихоокеанскаго Канадскаго пути, стали, наконецъ, доступны и людямъ, съ небольшими денежными средствами, т. е. массѣ, по отношенію къ которой не меньшей готовностью услужить — уже въ своихъ собственныхъ, коммерческихъ интересахъ — отличается и желѣзнодорожная администрація Канады.

Дѣло въ томъ, что проведеніе Тихоокеанской дороги *), двумя третями своего протяженія пролегавшей въ совершенно пустынной, безлюдной мѣстности, оказалось не подъ силу даже правительству этой полуреспубликанской страны: проведя около трети пути въ сравнительно болѣе населенной части края, оно пріостановило работы, за недостаткомъ средствъ. Пока въ министерствѣ обсуждали, какъ быть дальше и гдѣ изыскать источники, на помощь дѣлу явилась частная, коммерческая инициатива: составилось акціонерное общество, взявшее на себя завершеніе предпріятія, но—съ условіемъ: правительство обязалось отчудить обществу извѣстной ширины полосу земли, прилегающей къ дорогѣ, общество же обязалось значительную часть этой земли отводить безплатно желающимъ на ней поселиться; участки же изъ прочей отчужденной ему земли—за очень умѣренную, точно установленную плату и на льготныхъ для переселенца условіяхъ.

Прибавьте къ этому замѣчательную плодородность почвы (особенно въ Средней Канадѣ), плодородность, признанную даже ревнивыми на этотъ счетъ американцами изъ Штатовъ, прибавьте обиліе водъ, лѣсовъ, минеральныхъ богатствъ, дичи, рыбы, прибавьте климатъ—всегда ровный и здоровый, не знающій ни губительныхъ нашихъ засухъ, ни бурь, какъ въ Соединенныхъ Штатахъ, ни наводненій — мудрено ли, что, какъ только слова о новомъ земледѣльческомъ Эльдорадо разлетѣлись по свѣту, сюда бросились сотни тысячъ эмигрантовъ, и въ настоящее время не только полоса, принадлежащая Обществу, но и вся прилегающая къ ней территорія, на десятки миль въ обѣ стороны, сплошь занята сошедшимися сюда со всѣхъ концовъ свѣта, даже изъ Соединенныхъ Штатовъ новоселами. Спросятъ: въ чемъ же именно выразилась польза отъ колонизаціи собственно для Общества дороги, если значительная часть его земель отошла отъ него даромъ, а другая—почти даромъ?

А вотъ въ чемъ: проложенная въ 80-хъ годахъ въ совершенно пустынной мѣстности, дорога эта дала въ 1902 г. уже 17,193,678 долларовъ чистаго дохода (или 31 милліонъ рублей). Сличите теперь, сколько ежегодно убытку даетъ намъ, русскимъ, ея сверстница, дорога Закаспійская, совершенно безразличная къ вопро-

*) Главная линія, отъ Монреаля до Ванкувера—2906 миль или 3650 верстъ; все протяженіе — 8646 миль или 10800 верстъ; ежегодно строются все новыя и новыя вѣтви.

самъ колонизаціи... Очевидно, доходность Канадской дороги обусловлена именно успѣшной иммиграціей.

Канадская Тихоокеанская желѣзная дорога, такимъ образомъ, приблизила къ трудящемуся человѣчеству пространства земли, на которыхъ могли бы свободно помѣститься нѣсколько современныхъ европейскихъ государствъ средней руки. Такое изобиліе, однако же, не сдѣлало канадцевъ неразсчетливыми хозяевами, не позволило имъ отнестись беззаботно и безразлично къ способамъ и порядку заселенія ихъ страны. И потому вся эта необъятная площадь степей, луговъ, лѣсовъ, весь этотъ лабиринтъ величественныхъ горъ, съ ихъ зеленѣющими долинами, уже прекрасно изучены, какъ въ почвенномъ и климатологическомъ отношеніи, такъ и со стороны естественныхъ рессурсовъ для насажденія обрабатывающей промышленности, — и тщательно нанесены на карты, съ подробностями, возбуждающими невольное удивленіе. Это и позволяетъ правительству разумно руководить разселеніемъ все прибывающихъ и прибывающихъ массъ иммигрантовъ, имѣющихъ теперь возможность сознательно выбирать мѣстность, соотвѣтствующую ихъ цѣлямъ и намѣреніямъ; съ другой стороны, благодаря обстоятельнымъ (снабженнымъ часто фотографическими снимками) статистико-топографическимъ описаніямъ областей, все болѣе ширится и заочное знакомство съ этой благодатной страной, позволяющее иммигрантамъ направляться сюда, заранѣе организовавшись многочисленными группами, какъ, напр., сдѣлали это и наши духоборы.

Крайне своеобразенъ видъ административной карты средней и Западной Канады... Къ западу отъ озера Виннипегъ до Тихаго океана, это—сплошная сѣть правильныхъ квадратовъ равной величины, прерывающихся только мохнатыми полосами горъ да ажурными пятнами озеръ. Линіи этихъ квадратовъ—не символическія только: онѣ проложены на поверхности самой страны, въ дѣйствительности. Тутъ вы не увидите тѣхъ дорогъ, что такъ живописно и, правду сказать, безалаберно вьются по нашей южной степи, то идя почти параллельно, на глазахъ другъ у дружки, то перекрещиваясь и расходясь въ разныя стороны, чтобы вскорѣ снова сойтись и снова же отдалиться, безъ видимой надобности—излучиваясь, напрасно уменьшая тѣмъ площадь посѣва, а у путника отнимая лишнее время. Здѣсь не то: дороги, полосами въ 160 — 180 футовъ шириной, идутъ лишь по меридіанамъ и параллелямъ, разграничивая собой большія земельныя клѣтки, состоящія, каждая, изъ 16 равныхъ, занумерованныхъ большихъ квадратовъ, раздѣляющихся, въ свой чередъ, на 4 секціи каждый, по 30 акровъ въ секціи.

Межъ этими секціями, если онѣ принадлежатъ разнымъ хозяевамъ, разумѣется, проходятъ свои дороги—проселки, но опять-

таки,—по границѣ секцій, то есть, съ сѣвера на югъ или съ востока на западъ. Нужно ли говорить, какъ много помогаетъ такая распланировка путнику и какъ, вообще, облегчаетъ она сообщеніе?..

Группа изъ 16 упомянутыхъ квадратовъ представляетъ собой въ Канадѣ наименьшую административную единицу—тауншипъ,—нѣчто въ родѣ городского округа. Для общественныхъ надобностей такого тауншипа администраціей безплатно отводятся два изъ внутреннихъ его квадратовъ наискосокъ—сто двадцать акровъ, въ общей сложности. являющихся несомнѣнно крупнымъ подспорьемъ въ дѣлѣ содержанія школъ, госпиталей и тому подобныхъ учрежденій.

Прочіе квадраты тауншипа предоставляются засельникамъ, причемъ наименьшій размѣръ отвода одному хозяину — одна секція. Въ прежніе годы, еще сравнительно недавніе, казенная земля къ западу отъ озера Виннипегъ отводилась желающимъ совсѣмъ безплатно. То же дѣлало и Общество дороги со своей землей въ этой мѣстности. Теперь всѣ такія мѣста и здѣсь уже разобраны; безплатный же отводъ можно получить развѣ въ сѣверныхъ раіонахъ территоріи Олберты, Соскачевана или Ассинибой и въ мѣстностяхъ, отдаленныхъ отъ линіи желѣзной дороги. Положеніе подобныхъ засельниковъ, въ смыслѣ удобствъ сообщенія, впрочемъ, также нельзя считать безнадежнымъ: въ практикѣ Общества дороги прочно установился такой обычай: чуть только въ той или другой мѣстности заселится пара-другая тауншиповъ — туда тотчасъ же проводятъ вѣтку. Взгляните на карту: она испещрена цѣлою сѣтью такихъ вѣтокъ, въ общей сложности почти утроившихъ первоначальную длину протяженія Канадской Тихоокеанской желѣзной дороги.

Земля въ Канадѣ отводится засельникамъ или за наличныя—съ платой, въ среднемъ, рублей 12—16 за десятину, или—въ разсрочку. Въ послѣднемъ случаѣ, посельщикъ вноситъ въ Бюро по отводу земель единовременно отъ четверти до половины всей причитающейся съ него суммы, а прочее погашаетъ равными взносами въ теченіе десяти лѣтъ, изъ 6% годовыхъ. Отъ него требуется при этомъ лишь одно: въ теченіе года онъ долженъ поставить на своемъ участкѣ жилище. Вотъ и все.

Этого, скажутъ, еще мало: а какъ же быть дальше? Сколько именно требуется средствъ для веденія хотя бы на одной секціи собственнаго хозяйства? Гдѣ гарантія сбыта продуктовъ для мѣстностей, отдаленныхъ отъ рельсового пути?

Въ отвѣтъ скажу прежде всего, что, кажется, нѣтъ страны на свѣтѣ, гдѣ бы хлѣборобъ былъ болѣе свободенъ отъ проклятой зависимости отъ рубля, и это подтверждаютъ факты: множество поселенцевъ прибываетъ сюда почти безъ средствъ и все же чрезъ

пять-шесть лѣтъ прекрасно устраиваются, — даже одинокія или обремененныя семьей и лишенныя мужской поддержки женщины.

Мнѣ, напримѣръ, извѣстна такая исторія. Родственница моей риджуэйской хозяйки, миссисъ Маколай, шотландка по рожденію, въ срединѣ 80-хъ годовъ съ двумя дѣтьми и мужемъ слѣдовала въ собственномъ возкѣ къ берегамъ Соскачевана, гдѣ семья намѣревалась «поставить гомстидъ»—поселиться. Въ дорогѣ, верстахъ въ 150 къ сѣверо - западу отъ озера Виннипегъ, мистеръ Маколай внезапно заболѣваетъ и умираетъ, оставивъ жену съ малолѣтними дѣтьми безъ средствъ къ существованію.

Мужественная женщина не растерялась: продавъ на одной изъ ближайшихъ фермъ свой возокъ съ лошадьми, она поступила туда же въ работницы. Года черезъ три, собравъ уже порядочныя сбереженія, она выписала сюда и брата, также вдовца, одинокаго и уже пожилого человѣка, и, годъ спустя, заняла вмѣстѣ съ нимъ секцію, недалеко отъ зачинавшагося тогда города Олберта, а теперь любознательные туристы (изрѣдка залетаютъ сюда и такіе) считаютъ долгомъ посѣтить образцовую ферму старой шотландки, двое внуковъ которой добрались уже до университетскаго колледжа въ Виннипегѣ.

Вотъ обычный здѣсь способъ устроиться на собственномъ хозяйствѣ всякому, кто, не имѣя достаточно денежныхъ средствъ, привезъ сюда здоровыя рабочія руки да охоту работать.

Лучше всего прибыть въ Канаду ранней весной или къ сентябрю,—легче всего найти ангажементъ. Годъ-два — работникомъ на фермѣ, – выучка, подготовка средствъ; потомъ снимаютъ секцію въ разсрочку, засѣваютъ ее, берутъ ссуду подъ посѣвъ, также въ разсрочку, и ставятъ жилье. Реализація продуктовъ первой жатвы обыкновенно оказывается уже достаточной, чтобы прокормиться до новой. Увеличеніе инвентаря и вообще приращеніе средствъ, однако же, начинаютъ лишь съ четвертаго или пятаго года хозяйства; за то оно оказывается уже на прочномъ фундаментѣ.

Опасаться попасть въ кабалу къ ростовщику тутъ также нечего: цѣлая сѣть учрежденій—частныхъ и общественныхъ мелкаго сельско-хозяйственнаго кредита, при очень невысокомъ процентѣ, избавляетъ васъ отъ необходимости обращаться къ услугамъ заимодавца—спекулянта чужой бѣды. Да врядъ ли и вообще здѣсь можетъ встрѣтиться въ немъ надобность: желѣзнодорожныя земледѣльческія агентства охотно даютъ дѣльному фермеру и зерно, и всякій инвентарь въ долгую разсрочку. Широкая постановка сельско-хозяйственнаго кредита такимъ образомъ, само собой, придаетъ ему меліоративный характеръ, оставляя въ то же время заемщика совершенно свободнымъ отъ гнета какой-либо внѣшней опеки или формальныхъ обязательствъ отчета, что, въ сущности, отдаетъ пережиткомъ крѣпостной зависимости.

Таковъ, въ общихъ чертахъ, по содержанію и характеру матеріалъ о сельской Канадѣ, собранный мною въ Риджуэйѣ за лѣто. Руководствуясь имъ и опираясь на упомянутыя выше рекомендаціи—подъ конецъ миссисъ Строу снабдила меня еще письмецомъ къ миссисъ Маколай,—я и счелъ возможнымъ теперь же двинуться дальше. Распростившись съ радушными моими хозяевами, сердечностью своей такъ много облегчавшими мнѣ тоску одиночества, я въ одно теплое, хотя и пасмурное утро сѣлъ въ вагонъ и черезъ Портъ-Колборнъ направился въ Торенто.

Въ Портъ-Колборнѣ ждала меня пересадка: соотвѣтственный поѣздъ отъ Детройта (Детроа) долженъ былъ придти сюда часа черезъ два. Въ ожиданіи его, я отправился побродить по Колборну.

Чистенькій, видимо быстро обстраивающійся — большая часть домовъ его была совсѣмъ новенькая—городокъ этотъ, съ его двумя банками, двумя аптеками, нормальною школой и сдѣланной изъ мелкозернистаго сизаго кварцита набережной канала, проходящаго тутъ изъ озера Ири въ Онтаріо,—производилъ бодрящее впечатлѣніе молодой, но уже уравновѣшенной спокойной дѣятельности. На всемъ чувствовалось умѣнье ровно и неуклонно дѣлать свое простое, будничное дѣло, хорошо взвѣсивъ результаты и не считаясь съ издержками. Такъ, напр., при распланировкѣ, у самой набережной оказались обширныя, еще довольно хорошо сохранившіяся зданія чьей-то фермы; они мѣшали проѣзду—городокъ, не имѣвшій еще и пяти тысячъ населенія, не поскупился купить ихъ, и теперь шла работа по ихъ разборкѣ. Дальше: съ запада, не успѣли еще окончить тутъ набережную, стали приходить обильные грузы для новаго воднаго пути; не довольствуясь желѣзнодорожной станціей, сейчасъ же по эту сторону канала провели рядъ погрузочныхъ вѣтвей вдоль его западнаго берега, со всѣми необходимыми для перегрузки приспособленіями, хотя для этого опять-таки пришлось скупить и снести нѣсколько зданій, какъ говорятъ, на очень крупную для такого городка сумму... А торговля Колборна вся еще была впереди только еще ожидалась!..

Интересно было наблюдать и своеобразное размѣщеніе по городу общественныхъ и торговыхъ учрежденій. Такъ, банки и магазины не сгрудились, какъ это непремѣнно было бы у насъ,—на одной блестящей главной улицѣ города, а распредѣлились и близь желѣзнодорожной станціи, и по ту сторону канала, у строющейся торговой пристани — двухъ источниковъ промышленной дѣятельности города. Въ то же время почтово-телеграфная контора, какъ учрежденіе, потребное не для однихъ коммерсантовъ, а для всего вообще населенія, помѣстилась почти въ его центрѣ,—рядомъ съ домомъ общественныхъ собраній и школой. На большомъ зданіи изъ свѣтло-розоваго песчанника въ англо-готтическомъ стилѣ, надъ высокими стрѣльчатыми входными дверьми красовалась надпись

«Post Office»—почтовая контора. А по бокамъ, буквами меньшаго калибра: «Джонъ Джерингсъ, судовой поставщикъ». Знакомый обычай!..

Поглазѣвъ на прилегающую усыпанную свѣтлымъ граветомъ площадь съ играющими на ней розощекими дѣтьми, я уже собирался вернуться на станцію, какъ вдругъ вспомнилъ, что, намѣреваясь еще двѣ недѣли назадъ оставить Риджуэй, я подалъ въ тамошнюю почтовую контору заявленіе: всю имѣющую поступать на мое имя корреспонденцію пересылать въ Портъ-Колборнъ, до востребованія. За разыгравшимися затѣмъ въ нашемъ муравейникѣ событіями я совсѣмъ было позабылъ объ этомъ заявленіи и только теперь замѣтилъ, что уже давненько ни откуда не получалъ вѣстей. Могло статься, поэтому, что письма ожидали меня здѣсь, въ Колборнѣ. Я рѣшилъ зайти, справиться.

Какъ сейчасъ вижу всю стихійно безразличную обстановку этого момента, оставшагося памятнымъ мнѣ и до сего дня..

Полдень; ровный, безъ тѣней, матовый свѣтъ изъ-за тонкаго слоя бѣлесоватыхъ облаковъ. На улицахъ почти пусто—пора завтрака: трое-четверо прохожихъ на мосту черезъ каналъ да молоденькая миссъ, въ высокомъ кабріолетѣ, собственноручно правящая лошадьми. По мутно-матовой глади канала безшумно, какъ бы сама собой, медленно движется большая сѣрая барка; безшумно, плавно и сонно колышется парусная лодка на свѣтлосизыхъ волнахъ озера невдалекѣ. Тихо, успокоительно тихо кругомъ и ласкающе мягко гармонируютъ съ этимъ мирнымъ спокойствіемъ возгласы и смѣхъ ребятишекъ позади.

Спокойно, увѣренно чувствую себя и я и неторопливо вхожу въ почтовую контору—большую, свѣтлую комнату, уставленную шкафами и полками, съ образцами предметовъ судового снаряженія по стѣнамъ.

Чрезъ минуту - мнѣ даютъ письмо, всего двѣ-три строчки...

Но, Боже мой, эти коротенькія строчки, упорно дрожавшія теперь и прыгавшія въ моихъ глазахъ, требовали моего отреченія отъ надежды на будущее въ этой великой странѣ; онѣ требовали немедленнаго возвращенія моего на родину.

Годами лелѣянныя мечты, годами обдумывавшіеся планы разлетались прахомъ...

Шли часы, дни, недѣли—я чувствовалъ себя, какъ узникъ, успѣвшій сломать запоры, проломать стѣны, выбраться за предѣлы тюремной ограды и вдругъ, предъ лицомъ безгранично радостной воли, снова настигнутый темничною стражей: безцвѣтные, ничего не обѣщающіе, ничѣмъ не освѣтленные дни были впереди...

И вотъ, я на обратномъ пути.

Вотъ снова передо мной водопады Найегры—мимо!..

Вотъ Бофло, съ его захватывающими, неустанно смѣняющими другъ друга новостями промышленной техники—мимо!..

Вотъ зеленыя смѣющіяся долины Виргиніи—область патріархальной сельской идилліи—мимо!..

Вотъ ужъ и громадный, привольно раскинувшійся у картинной усѣянной островками, бухты старый, гордый Бостонъ—на душѣ все такъ же темно, недвижно...

Часами брожу я по знойнымъ, закованнымъ въ гранитъ улицамъ многоплеменнаго города, прислушиваясь къ его многоязычному голосу, толкаясь по заводамъ, пристанямъ, конторамъ въ поискахъ работы: денегъ на переѣздъ черезъ океанъ у меня не хватаетъ, завтрашній день грозитъ тяготой трудной работы, пугаетъ неизвѣстностью... Все — какъ полугодомъ раньше, нѣтъ лишь одного—бодрящаго отклика въ подавленномъ сердцѣ: матеріальныя заботы и затрудненія не соприкасаются и не скрашиваются теперь надеждами духа...

Но Бостонъ—не только крупный, людный, шумный американскій городъ: онъ полонъ, такъ сказать, кристализованныхъ воспоминаній о знаменательныхъ дняхъ исторіи республики, о славнѣйшихъ дняхъ въ исторіи всего человѣчества, и, если въ пришельцѣ не заглохла въ конецъ духовная отзывчивость, душевная чуткость,— прошлое города, прошлое республики, прошлое современной гражданственности такъ или иначе толкнется въ его душу, хотѣлъ ли онъ этого, или нѣтъ...

День въ день шатался я по Бостону... Личныя заботы, личныя печали заслоняли мнѣ блескъ роскошнаго центра, мирную тишину утопающихъ въ зелени окраинъ. Но вотъ небольшая площадь...

Площадь—какъ площадь: невзрачные, не первой молодости и будничной физіономіи двухъ и одно-этажные дома окружаютъ ее... Что это, однако, сѣрѣетъ на ней, посрединѣ?

Памятникъ. Скромная четырехгранная призма. На одномъ изъ фасовъ—выпуклая надпись:

«Въ эту ночь занялась заря американской свободы»...

Надъ ней, на невзыскательной работы барельефѣ — уголокъ той же площади, группа людей въ стародавнихъ простыхъ одеждахъ: старики, женщины, дѣти; слѣва—отрядъ войска съ ружьями на прицѣлъ въ толпу, а передъ толпой уже нѣсколько человѣкъ ничкомъ и навзничь, безвольно, безпомощно раскинувшихъ руки.

Вотъ я за городомъ въ паркѣ...

На высокомъ холмѣ, среди роскошнѣйшихъ темнозеленыхъ торжественно молчаливыхъ кипарисовъ—еще памятникъ... Этотъ еще скромнѣй: аршина два вышиной, мраморная бѣлая призма. На ней также надпись:

«Съ этого мѣста данъ былъ послѣдній выстрѣлъ по послѣднему отряду войскъ англійскаго короля, изгнанныхъ побѣдоноснымъ американскимъ народомъ изъ этой страны навсегда».

Вотъ онъ, отвѣтъ на трагедію барельефа!

Я иду дальше. Вотъ, изъ-за десятковъ, сотенъ пышныхъ домовъ-дворцовъ сверкаетъ златоглавый куполъ американскаго Капитолія...

Здѣсь 4-го іюля 1776 года, т. е. еще за 13 лѣтъ до начала великой французской революціи, уже возглашены были Богомъ данныя, неотъемлемыя права-обязанности свободнаго народа, декларація правъ человѣка получила впервые осуществленіе... Вотъ онъ передо мною, этотъ величайшій въ свѣтѣ, могучій въ своей безхитростной простотѣ американскій документъ.

«Мы утверждаемъ—читаю я—какъ истины самоочевидныя, что всѣ люди сотворены равными, что Творцомъ своимъ одарены они неотъемлемыми правами—жизни, свободы, стремленія къ счастью въ томъ числѣ...

«Мы утверждаемъ, что лишь для того, чтобы обезпечить эти права, и установлены были между людьми правительства, всю свою власть, поэтому, получающія и воспринимающія только въ соизволеніи управляемыхъ.

«Мы утверждаемъ, что если та или иная форма правленія становится враждебной цѣлямъ своего установленія, то право народа—измѣнить или низвергнуть таковую и учредить новое правительство, опирающееся уже на такіе принципы и организующее свою власть въ такія формы, какія окажутся наиболѣе дѣйствительными для огражденія счастія и безопасности народа. Благоразуміе укажетъ, изъ-за поверхностныхъ, преходящихъ причинъ, не посягать на исторически укоренившіяся формы. И опытъ исторіи дѣйствительно подтверждаетъ, что человѣчество всегда болѣе склонно переносить, насколько терпѣнія хватитъ, тяжкое зло, чѣмъ искать облегченія въ неосновательномъ, легкомысленномъ ниспроверженіи формъ, народу привычныхъ...

«Но если долгая цѣпь насилій, злоупотребленій, неизмѣнно направленныхъ противъ народа, обнаружитъ намѣреніе правительства подчинить управляемыхъ игу безграничнаго деспотизма, то право ихъ и обязанность ихъ—свергнуть подобное правительство и озаботиться установленіемъ иной, новой защиты своей безопасности»...

Гляжу я на этотъ пожелтѣвшій листъ, на его строгія готическія буквы, читаю эти великія строки и чувствую, какъ дрожь невыразимаго благоговѣнія охватываетъ душу...

Голосъ вѣковъ протекшихъ, надежды временъ грядущихъ въ этихъ строкахъ!.. Да! «Терпѣливо страдали колоніи, снося непрестанныя обиды и насилія, имѣвшія прямою цѣлью установленіе тираніи самовластія надъ этой страной» *). Тысячами томились патріоты въ тюрьмахъ. Ввергались въ темницы не только за мечты о свободѣ, но и за оглашеніе въ печати самыхъ безобидныхъ фактовъ

*) Декларація о независимости.

изъ жизни Европы: политическая печать не могла, а по мнѣнію метрополіи—и не должна была существовать въ колоніяхъ *), гарантируя угнетателямъ могильное безмолвіе населенія. И все-таки...

Поколѣніе за поколѣніемъ передавали люди другъ другу затаенную ненависть къ порабощенію, воспитываясь въ упорномъ трудѣ и во все прояснявшемся стремленіи къ независимости, чтобы, наконецъ, отбросивъ все личное, частное, слиться въ одинъ мощный потокъ воли народной, какъ ничтожную былинку, снесшей надменную силу короля, и—навсегда!..

Навсегда!.. Это сознаніе переполняетъ мою взволнованную душу. Въ немъ тонутъ личныя, подавляющія волю печали, обиды и огорченія, тонутъ подмѣченные недостатки своеобразной общественности: безконтрольный бойкотъ, безучастіе, надменное самодовольство сытыхъ, власть, богатство.

И странно: подъ вліяніемъ этихъ мыслей меня снова и съ новою силой тянетъ къ людямъ моей страны, тянетъ на мою бѣдную родину: какъ и я, она все еще тщетно жаждетъ свободы, т. е. правды и хотя бы простой элементарной справедливости.

X.

Новая педагогика.—Канадскій народный учитель.—Риджуэйская народная школа; параллели.—Организація школьнаго дѣла; попечительства.—Принципы.—Два слова о „личныхъ отношеніяхъ"; маленькая непріятность на общую пользу; два письма.—Профессіональный цензъ для учителей и учрежденія для ихъ образованія; союзы.—Народно-образовательный парламентъ.—Союзъ попечительствъ.

Регулярно въ половинѣ девятаго утра и въ три четверти второго пополудни надъ Риджуэйемъ раздавались десять-двѣнадцать парныхъ ударовъ церковнаго колокола.

Пѣвучіе металлическіе звуки, далеко разносившіеся по окрестностямъ, какъ разсчитанные на живущихъ въ отдаленіи, интриговали, не находя себѣ объясненія: при всей широкой набожности англо-саксовъ, врядъ ли въ такомъ маленькомъ городкѣ мыслимы были ежедневныя церковныя службы, и еще дважды въ день.

Наконецъ, я освѣдомился у работавшаго все время рядомъ со мной Кристэна Чепса.

— Школьное время!—буркнулъ тотъ, по обыкновенію, лаконически.

*) Такъ, былъ схваченъ и посаженъ въ тюрьму издатель „Бостонскихъ Извѣстій" за то, что осмѣлился разсказать читателямъ о придворныхъ событіяхъ въ тогдашней Франціи и Австріи. Генералъ-губернаторъ грозился за это сгноить его въ тюрьмѣ, а листокъ конфисковалъ.

Вечеромъ мистеръ Строу далъ болѣе обстоятельныя объясненія: дѣтишекъ, оказывается, сзывали тутъ въ школу не единожды въ день и не на томительно долгій срокъ, какъ это водится въ старой Европѣ, гдѣ дѣти, словно департаментскіе чиновники, должны проводить въ душной комнатѣ лучшую часть дня, а дважды и на сравнительно короткое время, сообразуясь съ непреоборимой потребностью дѣтской природы въ разнообразіи и свободѣ...

Въ силу этого, утренніе классы—часъ или два—здѣсь шли только на провѣрку основательности пройденнаго наканунѣ; затѣмъ слѣдовалъ перерывъ, не менѣе трехъ часовъ продолжительностью, когда дѣти пользовались полуденнымъ солнцемъ, воздухомъ, завтракомъ и вволю рѣзвились; школьный день заканчивался послѣобѣденными классами (не позже пяти пополудни), гдѣ, подъ наблюденіемъ учителя и при участіи болѣе успѣвающихъ, дѣти подвигались по пути знанія дальше.

«Ни отмѣтокъ, ни уроковъ на домъ; ни наказанія, ни наградъ»—таковъ былъ, по словамъ мистера Строу, девизъ мѣстнаго учителя, мистера Тулмана, и ни родители, ни инспекція училищъ не предъявляли противъ этого никакихъ возраженій; что же касается дѣтей,—тѣ всегда охотно бѣжали въ школу.

Свѣжестью, смѣлостью юношеской мечты и, въ то же время, выдержкой зрѣлой мысли вѣяло отъ такой педагогики, мужественно покинувшей рутинный путь, и дальнѣйшее знакомство съ нею несомнѣнно обѣщало еще болѣе интереса... Я тутъ же попросилъ своего хозяина познакомить меня съ мѣстнымъ учителемъ. Въ ближайшее воскресенье мистеръ Строу и свелъ насъ на послѣобѣденной прогулкѣ.

Готовясь къ новому знакомству, мы невольно создаемъ себѣ заочный образъ интереснаго намъ человѣка. Рисовалъ я себѣ и образъ мистера Тулмана со словъ мистера Строу; въ особенности живо представлялся мнѣ его задумчивый, грустный взглядъ, взглядъ сѣятеля на нивѣ будущаго, отдаленнаго будущаго, когда уже кто-то другой, а не сѣятель, придетъ собирать созрѣвшую жатву...

Но канадская дѣйствительность не связываетъ служенія лучшему будущему съ мученичествомъ, и потому заочный обликъ риджуэйскаго школьнаго учителя оказался ни мало не похожимъ на дѣйствительный: передо мною былъ щеголеватый, весь въ сѣромъ, отъ шляпы и галстуха до ботинокъ, господинъ, лѣтъ тридцати, стройный и ловкій, съ спокойно-любопытными сѣро-голубыми глазами и самодовольной улыбкой, шевелившей заботливо расчесанные пушистые усы. Прекрасно сидѣвшее «стильное» платье, холеныя бѣлыя руки и подстриженная «сердечкомъ», очень молодившая его каштановая бородка, обличали человѣка, довольнаго судьбой и привыкшаго отдавать дань внѣшности, словомъ—изъ «наслаждающихся».

Это, отчасти невыгодное, впечатлѣніе, конечно, только усилилось, когда въ новомъ знакомцѣ я призналъ одного изъ тѣхъ «нобилей», которые въ памятный вечеръ прибытія моего въ Риджуэй выказали такую готовность отвести мнѣ безплатный ночлегъ подъ замкомъ.

Но дѣлать было нечего: мы познакомились, завязался разговоръ, и мистеръ Тулманъ не упустилъ тутъ же дать мнѣ понять, что и онъ, съ своей стороны, призналъ меня и сознаетъ, какъ непріятна должна была показаться мнѣ наша первая встрѣча, но они, молъ, тутъ не при чемъ.

— За лѣто,—сказалъ онъ,—здѣсь ихъ столько проходитъ, этихъ лордовъ большой дороги (highway), все больше изъ Штатовъ, что не мудрено принять за трэмпа и дѣйствительно порядочнаго человѣка.

«Ты правъ ужъ тѣмъ, что сытъ и благоденствуешь»—перефразировалъ я въ умѣ извѣстную басню Крылова и спросилъ, за что онъ поноситъ бродягъ аристократами.

— Въ этой странѣ, сэръ, достаточно путей устроиться всякому желающему,—сказалъ онъ, съ обычною въ такихъ случаяхъ для канадца гордостью.—Только совершенно негодный человѣкъ или мнящій себя превыше всѣхъ окружающихъ можетъ годами уклоняться тутъ отъ труда и осѣдлости.

— А вотъ и мистеръ Эндрю собирается насъ покинуть, двинуться дальше,—не совсѣмъ кстати замѣтилъ мистеръ Строу.

Учитель сдѣлалъ большіе глаза: «я, молъ, ожидалъ лучшаго».

— Когда?—спросилъ онъ отрывисто.

— Осенью,—отвѣчалъ я нехотя,—конечно, не теперь: надо заработать денегъ и хоть нѣсколько ознакомиться со страною...

— Ну, это иное дѣло: врядъ ли зимою и работу тутъ найдете... Вполнѣ резонно... А потомъ?

И съ тою же улыбкой онъ посмотрѣлъ, прищурившись. Походило на допросъ.

— Объ этомъ подумаю, когда будутъ данныя,—отвѣтилъ я коротко.

Онъ засмѣялся.

— Конечно, конечно... Ну, простите за нескромность... Только, думаю, моя библіотека также могла бы доставить вамъ кое-какія данныя, а?.. Хотите?.. Вотъ, кстати, и моя раковина... Читаете по-англійски?..

— Немного читаю; благодарю васъ... Боюсь, однако, обезпокоить вашу семью...

— Семья моя живетъ въ другомъ домѣ... Да вы... вы не стѣсняйтесь,—добавилъ онъ вразумительно, уловивъ мою нерѣшительность,— вѣрьте, какъ учитель, я испытываю отъ такихъ «безпокойствъ» одно удовольствіе... Войдемте!..

«Раковина» риджуэйскаго школьнаго учителя, состоявшая изъ кабинета съ небольшой передней и изъ уютной комнаты для кратковременнаго отдыха отъ занятій, занимала цѣлый особнячокъ, притавшійся подъ густымъ темнозеленымъ плющемъ, сплошь заткавшимъ уже невысокія стѣны и мѣстами стлавшимся по ярко-красной черепичной кровлѣ. Обокъ стоялъ другой коттэджъ, повыше и, такъ сказать, попредставительнѣе. Это было довольно солидное одноэтажное зданіе, подъ зеленой желѣзной крышей, уже размѣрами своими и прекрасно содержимымъ обширнымъ цвѣтникомъ говорившее о довольствѣ его обитателей. Тутъ жила учительская семья. Самая школа помѣщалась въ другомъ зданіи, кварталомъ выше.

Кабинетъ представлялъ обширную, саженъ въ семь квадратныхъ, комнату, въ два свѣта, три стѣны которой были заняты книжными полками, а четвертая шкафами съ физическими и химическими приборами и реактивами. Два-три стола да нѣсколько стульевъ дополняли меблировку.

Но самымъ замѣчательнымъ въ кабинетѣ были минералогическая и петрографическая коллекціи, занимавшія двѣ верхнія полки надъ книгами и шкафами. На нижней были разложены породы въ порядкѣ естественной послѣдовательности формацій; на верхней, соотвѣтственно,—образцы рудъ и полезныхъ ископаемыхъ. Такимъ образомъ, идя отъ дверей вправо, вдоль стѣнъ комнаты, любознательный посѣтитель могъ бы въ общихъ чертахъ ознакомиться съ исторіей и анатоміей земной коры, какъ и съ тѣмъ, что есть въ ней полезнаго человѣку.

Я предположилъ, конечно, что коллекціи принадлежатъ лично хозяину,—оказалось, что онѣ значатся въ числѣ учебныхъ пособій риджуэйской народной школы, а геологія и минералогія... входятъ въ ея программу. Какъ бы въ подтвержденіе, мистеръ Тулманъ окликнулъ черезъ окно проходившаго мимо подростка, ученика школы, а мнѣ предложилъ снять поскорѣй съ полокъ нѣсколько образцовъ и задать о нихъ мальчугану вопросы, по своему усмотрѣнію.

— Вотъ, Джезупъ,—обратился мистеръ Тулманъ къ торопливо вошедшему и смѣло уставившемуся на него питомцу,—джентльмэнъ этотъ желаетъ знать, что это за камни предъ нимъ на столѣ... Подойдите ближе и скажите намъ, что вы о нихъ знаете...

Мальчикъ—ему было не болѣе четырнадцати—окинулъ меня живымъ, внимательнымъ взглядомъ и улыбнулся: въ любознательномъ джентльмэнѣ онъ призналъ рабочаго, котораго видѣлъ наканунѣ у отвала, за тачкой. Юный дипломатъ, однако, тотчасъ же «подобрался», сдѣлалъ серьезное лицо и бойко, мѣтко опредѣлилъ предложенные ему образцы, помянувъ попутно и мѣстности Канады, гдѣ производятся болѣе значительныя разработки этихъ ископаемыхъ. Толково отвѣтилъ юноша и на вопросъ, почему отно-

сительное положеніе пластовъ, даже встрѣчаемыхъ вертикальными, опредѣляетъ ихъ относительный возрастъ, и, не прибѣгая нигдѣ къ книжному и заученному тону, объяснилъ, почему въ данныхъ мѣстностяхъ отсутствуютъ напластованія, очень ярко выраженныя въ сосѣднихъ.

Въ заключеніе, извинившись, что долженъ оставить насъ, такъ какъ торопится къ поѣзду встрѣчать ожидаемаго изъ Колборна старшаго брата, мальчикъ тряхнулъ желтоватыми кудряшками, граціозно поклонился и выбѣжалъ, оставивъ по себѣ впечатлѣніе дѣтской свѣжести и непринужденности самостоятельнаго, сознательнаго человѣка.

Я просто ушамъ своимъ не вѣрилъ: народная школа и геологія! И вдобавокъ,—такая, видимо, осмысленная постановка ея изученія... Но мистеръ Тулманъ, съ своей стороны, находилъ еще болѣе достойнымъ изумленія, что во многихъ «культурныхъ» странахъ Европы дѣло это все еще обстоитъ иначе. Въ самомъ дѣлѣ, вѣдь первѣйшая задача общеобразовательной школы—не одолѣніе воспитанникомъ дебрей учебниковъ, а воспитаніе его сознанія къ самостоятельной жизни, ко встрѣчѣ съ ея сложными, многосторонними требованіями, почему всякая, даже элементарная школа, помимо грамотности, должна намѣчать себѣ ближайшей задачей возможно разностороннее развитіе способностей питомца, снабжая его цѣлесообразно подобраннымъ матеріаломъ и не стѣсняясь при этомъ никакими искусственными межъ научными перегородками.

Вотъ, исходя изъ подобныхъ соображеній, канадцы и ставятъ свою народную школу такъ, что, помимо общеобразовательныхъ предметовъ (англійскаго языка, ариѳметики, географіи и исторіи Канады и Великобританіи и англійской литературы), училища каждой провинціи *) и территоріи стремятся сообразовать свою программу съ природными особенностями страны. Такъ, въ земледѣльческихъ мѣстностяхъ для этого знакомятъ воспитанниковъ съ почвовѣдѣніемъ, химіей, ботаникой и проч.; въ горно-промышленныхъ—съ геологіей, минералогіей, землемѣрнымъ и горнымъ искусствомъ, удѣляя время и на практическія занятія въ полѣ и въ горахъ; въ училищахъ мѣстностей, преимущественно фабрично-заводскихъ, даютъ соотвѣтственныя элементарно технологическія познанія и въ частности—преподаютъ основанія механики и т. д. Дѣло центральныхъ училищныхъ властей намѣтить, такъ сказать, кадровыя, нормальныя программы и требовать ихъ выполненія; дѣло самихъ учителей и общества—вносить въ эти программы добавленія, соотвѣтствующія требованіямъ данной дѣй-

---

*) Такихъ провинцій, то есть внутренно совершенно самостоятельныхъ областей, въ настоящее время, какъ извѣстно, въ Канадѣ семь, да нѣсколько «территорій», то есть областей, имѣющихъ получить такую же самостоятельность по достиженіи извѣстной заселенности.

ствительности... И центральныя власти провинцій въ подобныхъ случаяхъ способствуютъ возможно болѣе цѣлесообразному выполненію всякихъ такихъ нововведеній. Параллельно со всѣмъ этимъ идетъ и развитіе популярно научной и учебно-вспомогательной литературы, старающейся выработать сжато изложенныя, обстоятельныя руководства, позволяющія канадцу открытыми очами глядѣть на Божій свѣтъ, въ какой бы области промышленной жизни судьба ни пробовала его силы и какими бы техническими осложненіями ни обставляла она добываніе имъ средствъ къ жизни...

Слушалъ я мистера Тулмана, и въ моемъ представленіи все ярче и назойливѣе вставала наша общерусская, волею начальства въ одну неподвижную форму вылитая и для архангельской, и для московской, и для любой изъ хлѣбородныхъ южнорусскихъ или кавказскихъ губерній, и для суровыхъ сибирскихъ — сѣренькая народная школа, дающая голую, такъ часто забываемую «за непримѣненіемъ» грамоту и лишь изъ «вольтеріанства» — да и то въ лицѣ лучшихъ и за свой страхъ дѣйствующихъ представителей,—заботящаяся объ общемъ, неопредѣленномъ развитіи воспитанника, не спрашивая себя,—для какихъ именно жизненныхъ цѣлей... Словно человѣкъ—какое-то растеніе, а школа — теплица, имѣющая по всѣмъ, строго предуказаннымъ, правиламъ установленнаго авторитетами искусства, изъ сѣмечка выгнать въ положенное время ростокъ, ростокъ превратить въ стволъ съ вѣтками, листьями и цвѣтами, «родителямъ и учителямъ на утѣшеніе».

Вступалъ я подъ кровлю кабинета риджуэйскаго учителя нерѣшительно, неохотно, чувствуя, что между мною и этимъ трезвенно-благоденствующимъ, франтоватымъ сѣятелемъ просвѣщенія какъ-то не отыскивается точекъ соприкосновенія; разставаясь же, я, было, позабылъ и о книгахъ, изъ-за которыхъ былъ приглашенъ въ его «раковину», и мистеръ Тулманъ уже на выходѣ снабдилъ меня ими, присоединивъ къ нимъ двѣ касавшихся непосредственно предмета нашей бесѣды. Впослѣдствіи я раздобылся еще нѣсколькими въ томъ же родѣ, и у меня скопился матеріалъ, открывающій собой одинъ изъ интереснѣйшихъ уголковъ канадскаго общественно-государственнаго уклада, ради ознакомленія съ которымъ, читатель, надѣюсь, проститъ мнѣ нѣкоторое отступленіе отъ исторіи моихъ личныхъ канадскихъ похожденій.

А пожалуй, — оно будетъ и кстати: наша родина вѣдь наканунѣ давно уже назрѣвшихъ преобразованій, въ томъ числѣ и своего учебно-воспитательнаго дѣла...

«Школа—это само общество»...

«Школа—лабораторія, въ которой общество вырабатывается изъ самого себя»...

Афоризмы эти вы услышите здѣсь отъ всякаго, питающаго

малѣйшій интересъ къ дѣлу народнаго образованія, и, сообразно такимъ взглядамъ,—школьное дѣло получило въ Канадѣ формы и направленіе, въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ даже болѣе прогрессивныя и цѣлесообразныя, нежели дѣйствующія въ сосѣднихъ Штатахъ, въ которыхъ созидательная работа общества, какъ извѣстно, не имѣетъ надъ собой уже совсѣмъ никакихъ внѣшнихъ стѣсненій.

Съ этой точки зрѣнія, однимъ изъ очень вредныхъ стѣсненій явилась бы для канадцевъ централизованная единая для всего ихъ обширнаго государства власть, и англичане, всегда очень чуткіе къ характернымъ проявленіямъ жизни принадлежащихъ имъ колоній, отлично поняли это, а потому т. наз. Британскій Сѣверо-американскій Актъ, соединившій въ 1867 году въ одно цѣлое, подъ именемъ Канадскихъ владѣній (Dominion of Canada) четыре тогдашнія провинціи—Онтаріо, Квебэкъ, Новый Брауншвейгъ и Новую Шотландію,—общаго для всей колоніи центральнаго управленія или «вѣдомства» народнаго просвѣщенія не создалъ, а предоставилъ организацію и непосредственную администрацію школьнаго дѣла вѣдѣнію правительства каждой провинціи въ отдѣльности.

Такая крупная уступка, однако, не удовлетворила населенія: ревниво относясь къ своему стародавнему праву ближайшаго участія въ дѣлѣ образованія своихъ дѣтей, общество этихъ провинцій не сочло возможнымъ положиться въ этомъ даже на дѣйствующія всегда подъ контролемъ народныхъ представителей правительства провинцій: оно предоставило послѣднимъ лишь чисто административно-техническія функціи, оставивъ за собой, въ лицѣ непрерывно дѣйствующихъ и регулярно освѣжаемыхъ въ своемъ составѣ мѣстныхъ школьныхъ попечительствъ, постоянный живой надзоръ не только за хозяйственной, но отчасти и за учебно-воспитательной частью, поскольку вновь нарождающіяся условія жизни иной разъ требуютъ немедленнаго измѣненія школьныхъ программъ и порядковъ.

Сѣть такихъ попечительствъ, варьируясь въ частностяхъ по провинціямъ, покрываетъ рѣшительно всю страну. Наилучше она развита въ провинціи Онтаріо, административная система которой, вообще, наиболѣе пригодна для развитія самоуправленія: провинція эта дѣлится на графства, графство на муниципалитеты. Муниципалитеты состоятъ изъ главнаго города, получившихъ инкорпорацію (т. е. юридическое признаніе какъ общественной единицы) деревень и тауншиповъ—волостныхъ округовъ *). Въ цѣляхъ лучшаго распредѣленія училищъ,—города, деревни и тауншипы дѣлятся на школьные участки (School sections), обыкновенно не больше

*) Тауншипъ (township) значитъ собственно «городской округъ», на дѣлѣ онъ состоитъ изъ одного или нѣсколькихъ небольшихъ поселеній и прилегающихъ къ нимъ фермъ.

3 — 4 миль межъ ихъ центрами; въ каждомъ такомъ участкѣ должна быть, по меньшей мѣрѣ, одна народная школа. И въ графствахъ, и въ муниципалитетахъ имѣются свои совѣты по дѣламъ народнаго образованія, но роль этихъ совѣтовъ, главнымъ образомъ, административно-финансовая: совѣты графствъ изыскиваютъ средства на содержаніе среднихъ школъ *) и народныхъ (public schools), а муниципальные—для этихъ послѣднихъ. Ближайшее же участіе въ дѣлахъ школы предоставлено помянутымъ попечительствамъ (board of trustees), избираемымъ для каждаго школьнаго округа изъ лицъ обоего пола его населеніемъ. Попечительства эти имѣютъ право назначать учителей, заботиться о снабженіи школъ всѣми необходимыми пособіями и даже, по соглашенію съ учителемъ, устанавливать наиболѣе при мѣстныхъ условіяхъ удобные часы школьныхъ занятій. Примѣняясь же къ школьному законодательству провинціи и правиламъ обезпеченія народнаго образованія имѣютъ право учреждать собственной властью и слѣдующія учебныя заведенія: 1) дѣтскіе сады **), 2) народныя школы ***), 3) вечернія школы ****), 5) среднія школы *****), 7) нормальныя школы, 8) педагогическіе, 9) учительскія институты ******) 10) школы, механики и 11)—ремесленныя.

Изъ этихъ учрежденій правительство провинціи даетъ средства на содержаніе школъ народныхъ, среднихъ, учительскихъ и промышленныхъ; всѣ остальныя содержатся преимущественно на средства, изыскиваемыя попечительствами. Это ведетъ, очевидно, и къ болѣе справедливому, чѣмъ при системѣ единаго центральнаго вѣдомства, распредѣленію расходовъ на народное образованіе, и освобождаетъ правительство отъ значительной доли контрольныхъ тяготъ, такъ какъ попечители, избираемые плательщиками налоговъ (rate payers, taxe payers),—передъ избирателями своими обязаны и отчетностью.

Такъ какъ, по мѣстнымъ понятіямъ, школа должна прежде всего

*) Ихъ тутъ называютъ высшими (high school),—сравнительно съ народными, очевидно.

**) Въ 1896 г. въ провинціи Онтаріо ихъ было 97 съ 202 учительницами и 10,174 учениками и ученицами (отъ 3 до 6 лѣтняго возраста).

***) Въ томъ же году—6000 (5994) съ 8990 учителями и 484351 учениками, при среднемъ числѣ 271549 посѣщеній, при 600615 дѣтей школьнаго возраста (т. е. между 5 и 21 годами). Одинъ учитель приходится на 233 человѣкъ населенія; одна школа—на 350 душъ (У насъ въ Россіи—на 1750).

****) Вечернихъ школъ было 21 съ 41 учителемъ и 1406 учениками.

*****) Среднихъ школъ (программа нѣсколько ниже нашихъ гимназій) было 130 съ 574 учителями и 24567 уч. обоего пола,—почти поровну.

Независимо отъ всего этого имѣются школы спеціально для слѣпыхъ глухонѣмыхъ и проч.

******) О нихъ—ниже.

отвѣчать требованіямъ жизни, а таковыя, уже въ силу различія естественныхъ, промышленныхъ, бытовыхъ условій разныхъ областей Канады, различны, то въ ней не могло образоваться и того, что называютъ школой національнаго типа. За то имѣется рядъ оригинальныхъ школьныхъ мѣстныхъ системъ, при чемъ школы, если выдѣлить изъ нихъ дѣтскіе сады и учрежденія профессіональнаго образованія, всетаки могутъ быть подраздѣлены на четыре, послѣдовательно дополняющія другъ друга, группы: на собственно-народныя (public schools), значительно варьирующія по различнымъ областямъ *); на среднія (high schools), нѣсколько болѣе устойчиваго склада, приготовляющія воспитанниковъ къ имматрикуляціи въ колледжи; на эти послѣдніе, отчасти соотвѣтствующіе нашимъ университетамъ, но съ нѣсколько меньшимъ объемомъ курса (дающіе оканчивающимъ лишь званіе «баккалавра»); и, наконецъ, на самые университеты или,—на «университетскія школы» разныхъ отраслей высшаго знанія, приготовляющія студентовъ на степень магистра и доктора той или другой науки. Школы этого рода, которыхъ обыкновенно бываетъ по нѣскольку при каждомъ такомъ учрежденіи, и составляютъ то, что тутъ называютъ университетомъ.

Главная особенность каждой изъ мѣстныхъ школьныхъ системъ—это стремленіе сохранить всегда открытымъ доступъ къ высшему образованію.

Поэтому тутъ нѣтъ и не можетъ быть школъ, заводящихъ своихъ питомцевъ въ образовательный тупикъ, какъ это дѣлаютъ, напримѣръ, наши городскія и реальныя училища, откуда воспитанникамъ прегражденъ доступъ въ высшія учебныя заведенія.

Твердо устанавливая принципъ преемственности школьныхъ программъ, канадцы въ то же время требуютъ извѣстной ихъ законченности: общее образованіе должно обнимать собой и всѣ общія основанія наукъ,—такъ, чтобы въ школѣ высшаго разряда (исключая, конечно, отдѣльно стоящія профессіональныя) учащійся лишь дополнялъ и болѣе детально обосновывалъ знанія, полученныя имъ раньше, и, во всякомъ случаѣ,—чтобы оканчивающій учебное заведеніе былъ на что-нибудь годенъ по своему образованію. Отсюда—обученіе ариѳметикѣ у нихъ предполагаетъ, какъ свое необходимое дополненіе, изученіе общихъ элементарныхъ основаній и пріемовъ счетоводства **); обученіе естествовѣдѣнію—изученіе основъ земледѣлія, горнаго дѣла, металлургіи и т. д...

*) Такъ, въ провинціи Квебэкъ онѣ именуются элементарными, начальными (elementary schaols), въ Новой Шотландіи—общественными (commoncehools); ученики въ нихъ дѣлятся на 8 группъ. Ученики переводятся въ высшую группу по мѣрѣ ихъ успѣховъ среди года.

**) Въ римско-католическихъ народныхъ школахъ провинціи: Квебэкъ, напр. (съ четырехлѣтнимъ курсомъ), въ программу входятъ: бухгалтерія. черченіе. съемка плановъ и рисованіе съ натуры.

До какой же степени здѣсь ревниво заботятся объ облегченіи желающимъ продолжать образованіе, видно, напр., изъ того, что, параллельно со «штатными», постоянными училищами низшаго разряда, тутъ легко и быстро организуются летучіе и всякіе дополнительные курсы и чтенія. Такъ, при многихъ народныхъ училищахъ существуютъ курсы, приготовляющіе желающихъ непосредственно къ поступленію въ колледжъ, и настолько успѣшно, что въ иныхъ мѣстахъ учрежденіе средней школы было признано пока излишнимъ, такъ какъ ихъ отлично замѣняли существовавшіе тамъ «дополнительные курсы» *).

Наряду со всѣмъ этимъ и какъ бы для того, чтобы заполнить собою остающіеся въ образовательной системѣ пробѣлы, по странѣ разсыпаны кружки самообразованія, состоящіе изъ студентовъ особаго рода университетовъ и институтовъ заочнаго преподаванія. Занятія ведутся путемъ систематической переписки и разсылки питомцамъ курсовъ печатныхъ лекцій. Успѣшность такого преподаванія отчасти засвидѣтельствована тѣмъ, что воспитанники этихъ институтовъ нерѣдко удачно выдерживаютъ экзаменъ въ высшія школы страны **).

Школа должна отвѣчать непосредственнымъ запросамъ населенія...

Въ силу такого положенія канадцы давно уже освободили свою школу и отъ тѣхъ тягостныхъ и напрасныхъ путъ, какими является, напр., наше «самобытное» разсмотрѣніе назрѣвающихъ школьныхъ вопросовъ по «надлежащимъ инстанціямъ», гдѣ дѣла обыкновенно залеживаются до той поры, пока и самое рѣшеніе ихъ не оказывается никчемнымъ, не нужнымъ, потому что вновь народившіеся вопросы, по своимъ свойствамъ и существу, совершенно исключаютъ тѣ, что все еще обрѣтаются въ состояніи «всесторонней», но безконечной бумажной разработки ихъ «вѣдомствомъ».

Такъ, канадцы удивительно просто и безъ всякихъ хлопотъ справились съ мудреной задачей о роли религіознаго элемента въ народномъ образованіи: они предоставили ея рѣшеніе волѣ непосредственно заинтересованнаго въ томъ населенія. И вотъ, на-

---

*) Не малую пользу въ дѣлѣ распространенія высшаго образованія въ Канадѣ приносятъ и существующія при нѣкоторыхъ университетахъ сосѣднихъ Штатовъ т. наз. «Лѣтнія Школы». Такая, напр., школа, гдѣ въ числѣ слушателей всегда имѣется не мало канадцевъ, существуетъ при Нью-Іоркскомъ университетѣ. Она предназначена преимущественно для лицъ, не имѣющихъ возможности прослушать долгій курсъ обыкновеннаго колледжа, но, тѣмъ не менѣе, желающихъ получить высшее филологическое, физико-математическое или педагогическое образованіе. Курсъ, большею частью двухлѣтній, то есть продолжающійся, для каждой группы, два лѣтнихъ семетра.

**) Университетовъ и университетскихъ колледжей въ 1896 г. тутъ числилось 17 съ 6450 студентами.

родная школа Онтаріо совершенно исключаетъ изъ программы религію; въ провинціи Квебэкъ государство признаетъ одинаково и римско-католическія народныя школы, и протестантскія, а равно и школы смѣшанныя, то есть съ преподаваніемъ католическаго вѣроученія и протестантскаго, по принадлежности; въ провинціи же Мэнитоба—школы «нонсектаріанскія» (nonsectarian), то есть не имѣющія въ своей программѣ Закона Божьяго и т. д.

Изъ этого, однако, ничуть не слѣдуетъ, чтобы типъ школы тутъ гдѣ нибудь былъ предрѣшенъ, какъ единственно допустимый: если бы въ предѣлахъ даннаго школьнаго участка оказалось извѣстное число семей, желающихъ дать своимъ дѣтямъ образованіе на иной религіозной или философской основѣ, чѣмъ та, которая принята государствомъ для школъ этой мѣстности, то достаточно было бы такимъ семьямъ заявить объ этомъ и зарегистрированный протоколъ своего собранія отослать къ веснѣ училищному начальству провинціи, чтобы осенью того же года правительство прислало имъ соотвѣтствующаго ихъ требованіямъ учителя, съ платою ему 25 долларовъ въ мѣсяцъ изъ государственной казны. Заявителямъ же оставалось бы избрать попечительство, отвести подъ школу помѣщеніе съ должнымъ содержаніемъ да платить учителю небольшое добавочное вознагражденіе, различное для разныхъ мѣстностей *) и обыкновенно исчисляемое пропорціонально числу посѣщеній школы учениками **).

Широкій просторъ въ осуществленіи такихъ требованій предоставленъ населенію и въ отношеніи минимальныхъ, для дѣйствительности подобнаго ходатайства, числа заявителей. Въ округахъ сѣверо-западныхъ территорій, напримѣръ, для этого достаточно четырехъ семей, заключающихъ въ своемъ составѣ двѣнадцать дѣтей школьнаго возраста и обитающихъ на пространствѣ, не больше десяти миль протяженіемъ. На дѣлѣ имѣются школы и въ менѣе населенныхъ раіонахъ. Въ такихъ случаяхъ пространство побѣждается тѣмъ, что въ надлежащемъ пунктѣ устанавливаютъ на школьный сезонъ для дѣтей общежитіе, а не то отправляютъ будущихъ гражданъ просто верхомъ. На проселочныхъ дорогахъ Канады не въ рѣдкость одинокая фигура двѣнадцати-тринадцатилѣтняго джентльмэна или лэди, направляющихся раннимъ утречкомъ на доброй лошадкѣ миль за шесть въ школу.

*) Въ Мэнитобѣ оно равняется 20 долларамъ (36 р.) за каждый мѣсяцъ школьнаго года.

**) Канадцы признаютъ, что трудъ народнаго учителя при различныхъ условіяхъ требуетъ различнаго напряженія (при различномъ числѣ учениковъ, напримѣръ), и было бы несправедливо въ различной степени трудящимся давать одинаковое вознагражденіе лишь потому, что они преподаютъ въ школахъ одинаковаго наименованія. Исчисленіе добавочнаго вознагражденія соразмѣрно числу дѣйствительныхъ посѣщеній школы учениками и служитъ нѣкоторымъ коррективомъ.

Всеобщее, обязательное народное образованіе *), какъ видно, не требуетъ для своего осуществленія никакихъ принудительныхъ мѣръ, и, тѣмъ не менѣе, среди здороваго молодого поколѣнія здѣсь не найдется безграмотныхъ...

Возвращаюсь къ своимъ похожденіямъ...

Давая нравственный отдыхъ, знакомство съ канадскимъ школьнымъ учителемъ, косвенно облегчало меня и физически, особенно съ того времени, когда я настолько освоился съ тачкой, что могъ справляться съ ней уже безъ постояннаго напряженія. Разговаривать за отрядной работой здѣсь не принято, да и неудобно, и потому часы за часами теперь приходилось оставаться наединѣ со своими, не всегда веселыми, мыслями. Вотъ тутъ-то и сказывалось дружеское участіе книжекъ мистера Тулмана, отвлекая разомъ и отъ гнетущаго однообразія физическихъ манипуляцій, и отъ неотвязныхъ думъ: время летѣло быстрѣй; я вспоминалъ и передумывалъ прочитанное наканунѣ, намѣчалъ себѣ пункты, требовавшіе разъясненія или дополненій и т. д., а въ ближайшее воскресенье, въ урочный часъ, шелъ со всѣмъ этимъ къ учителю. Тотъ встрѣчалъ меня своей обычной, не то чуточку иронической, не то снисходительно благосклонной, нѣсколько непріятной усмѣшкой, но всегда охотно давалъ объясненія: его патріотической гордости видимо льстило, что вотъ какой-то случайно забредшій сюда иностранецъ-рабочій обнаруживаетъ столько неослабнаго интереса къ его отечеству...

Легкими тучками, подчасъ омрачавшими горизонтъ нашихъ отношеній, была лишь глухая непріязнь его домашнихъ, нѣкоторое время остававшаяся для меня совсѣмъ непонятной: никому изъ нихъ я не могъ причинить никакой непріятности уже потому, что не былъ имъ даже представленъ. Выражалась эта непріязнь весьма недвусмысленно и довольно своеобразно: напримѣръ, миссисъ Тулманъ, маленькая, полная дама съ чуточку отвислыми смуглыми щеками, разглядывала меня при встрѣчѣ такъ, точно предъ ней было что-то совсѣмъ микроскопическое, а стройная, какъ елочка, сестра ея, востроглазая дѣвушка, красивая, рѣзвая, какъ родникъ,— наоборотъ, каждый разъ дѣлала видъ, что пугается, точно принимала меня за разбойника.

И вся эта, такъ сказать, импрессіонная манера отношеній, оказалось, обусловливалась просто тѣмъ, что въ Риджуэй я прибылъ съ мѣшкомъ за плечами. Сжившимся со своимъ сравнитель-

*) Оно въ Канадѣ — безплатное, исключая провинціи Квебэкъ, гдѣ взимается плата не больше 50 центовъ въ мѣсяцъ (90 коп.) и не меньше 5 центовъ (9 коп.). Въ среднихъ школахъ Квебэка плата нѣсколько выше; въ провинціи Онтаріо ученики среднихъ школъ легко освобождаются отъ платы—по заявленію.

нымъ довольствомъ и комфортомъ домочадцамъ мистера Тулмана трудно было понять, какъ это человѣкъ могъ обречь себя на пѣшее хожденіе съ ношей по пустыннымъ дорогамъ, когда они, вотъ, стараются отъ подобныхъ тяготъ освобождать даже животныхъ, предпочитая, гдѣ только это возможно, желѣзную дорогу экипажу... И не то, чтобы имъ бѣдность была не понятна,—но если ты бѣденъ, если у тебя нѣтъ денегъ на проѣздъ, то повремени съ путешествіемъ, заработай; обращать же себя во вьючное животное можно лишь по отсутствію должной культуры, «врожденнаго» чувства комфорта...

Таковы, приблизительно, были вообще взгляды благополучныхъ канадцевъ этого слоя. Отсюда и этотъ своеобразный аристократизмъ, и отчужденіе, и неудовольствіе противъ «низшаго существа», позволяющаго себѣ тѣмъ не менѣе отнимать каждое воскресеніе часъ-два у «достоуважаемаго мистера Тулмана».

Съ своей стороны, трудно было и мнѣ понять такую своеобразную психологію, совсѣмъ, казалось, невозможную въ средѣ людей, покончившихъ съ сословными и классовыми предразсудками. Въ своемъ увлеченіи обиліемъ и блескомъ свѣта, я не замѣчалъ тутъ пятнышекъ тѣни и упускалъ изъ виду, что и самая чистая, хрустально-прозрачная вода, даже родниковая, мутнѣетъ, застаиваясь, и образованіе, само по себѣ,—еще не защита отъ инфекціи злыхъ, несправедливыхъ предразсудковъ, разъ люди, вслѣдствіе какихъ-либо условій, замыкаются въ самодовольствѣ. Въ такой, отчасти уже застойной, средѣ неизбѣжно и незамѣтно слагается новый комплектъ «готовыхъ», излюбленныхъ взглядовъ, въ свою очередь, становящихся предразсудками. До извѣстной степени все это отразилось уже на «трезвыхъ» сужденіяхъ мистера Тулмана, при нашемъ первомъ знакомствѣ, а теперь дало себя знать этой странной непріязнью его семьи. Непріязнь эта возрасла было до такой степени, что прекрасная Эсфирь сдѣлала даже попытку разомъ выбросить меня изъ общества ея шурина.

Дѣло было такъ. Въ одно, помнится, дождливое воскресенье, только что мы усѣлись съ мистеромъ Тулманомъ у открытаго окна, и онъ сталъ показывать мнѣ вновь полученный школою великолѣпный «Атласъ торгово-промышленной Канады»,—въ кабинетъ, не постучавшись, вошла красавица-золовка и объявила, что пришли «company»—гости, которые желаютъ немедленно видѣть хозяина.

Не говоря уже о томъ, что все это была явная и преднамѣренная неправда, потому что единственный доступъ къ дому учителя съ улицы шелъ мимо окна, у котораго мы какъ разъ сидѣли и, стало быть, должны были видѣть, что рѣшительно никто чужой тутъ не проходилъ,—слова красавицы еще означали, что за мной не признается ни правъ, ни званія гостя...

Мистеръ Тулманъ на секунду смутился: взглянулъ на меня, на золовку, потомъ опять на меня... Я рванулся съ мѣста; онъ энер-

гичнымъ жестомъ запротестовалъ, а золовкѣ, нахмурившись, объявилъ, что будетъ къ ихъ услугамъ не раньше, какъ черезъ часъ...

Ровно черезъ пять минутъ, та, однако же, появилась снова, съ тѣмъ же заявленіемъ, на этотъ разъ еще приправленнымъ самымъ откровеннымъ, какъ будто еле сдерживаемымъ, смѣхомъ.

— Дорогая Эсфирь,—обратился къ ней неестественно тихимъ голосомъ шуринъ:—я просилъ бы васъ и Мэгги, когда я въ кабинетѣ, смотрѣть и на меня, какъ на гостя... Буду къ вашимъ услугамъ, когда возвращусь домой.

Оригинальныя атаки прекратились, мистеръ же Тулманъ, какъ бы въ вознагражденіе, продержалъ меня въ этотъ вечеръ дольше обыкновеннаго и былъ еще болѣе внимателенъ.

Всколыхнувшая застоявшуюся атмосферу его будней маленькая буря была полезна и ему самому.

Описанное выше крохотное происшествіе оказало полезное вліяніе и вообще на дальнѣйшія наши отношенія: гордость канадца страдала отъ сознанія банальности столкновенія и, вѣроятно, требовала реабилитаціи, побуждая его къ проявленію болѣе прочной общительности. По всей вѣроятности, этому я обязанъ и тѣмъ, что онъ передалъ мнѣ нѣсколько характерныхъ писемъ, съ правомъ списать, что найду въ нихъ для себя интереснаго. Приведу два изъ нихъ въ выдержкахъ.

Первое—отъ бывшаго наставника мистера Тулмана; написано, когда онъ, послѣ женитьбы, хотѣлъ было перемѣнить профессію, чтобы отдаться политической дѣятельности, и просилъ у профессора совѣта.

... «Вы говорите,—пишетъ старый энтузіастъ,—что хотѣли бы болѣе широкой дѣятельности, болѣе глубокаго проникновенія въ слои, гдѣ проростаютъ зачатки (germs) будущаго...

«Но скажите, чья дѣятельность шире и глубже учительской? Завоевателей, правителей, законодателей, лицъ, отдающихъ себя заботамъ о матеріальныхъ нуждахъ момента, объ удобствахъ и роскоши (luxuries) жизни?.. Но тѣмъ нужна энергія и знанія, учителю же, кромѣ того,—характеръ, гармонія духа, потому что ближайшій объектъ дѣятельности педагога и есть воспитаніе духа... Тѣ ищутъ для жизни предметныхъ благъ, улучшенія формъ, этотъ—человѣческаго совершенствованія, улучшенія ея сущности, и прежде всего именно на его обязанности — воспитывать, развивать, приводить жизнь все къ большему и большему внутреннему могуществу. Воспитывать гражданъ, общество, націю, человѣчество—да можетъ ли быть какая-либо задача выше, благороднѣе этого?..

«Но безпредѣльную высоту неба можетъ видѣть только зрячій:

слѣпому, самому чуткому, доступно лишь смутное чувство ограниченныхъ земныхъ разстояній, и грубо обманулся бы тотъ, кто, для выполненія задачъ воспитанія духа, счелъ бы достаточнымъ опираться лишь на умъ да на свое умѣніе сообщать знанія: нужно умѣть понимать дѣтскую душу, чувствовать ея горе и радости, какъ свои собственныя; нужна вѣра, надежда, любовь, потому что только «три сіи» даютъ педагогу то неистощимое терпѣніе, безъ котораго невозможно прочно воздѣйствовать на чужую душу... А превыше всего—нужна органическая привязанность къ дѣтямъ, которымъ Богъ далъ чудную власть пробуждать въ насъ благоговѣніе къ нравственной чистотѣ...

«Спросите же себя: свѣтитъ ли въ васъ такая вѣра, живетъ ли надежда, горитъ ли любовь,—и рѣшайте. Иного совѣта я давать не берусь...»

Другое письмо—неизвѣстнаго автора; оно, повидимому, назначалось какому-то европейцу и заключаетъ въ себѣ защиту американской школы противъ обвиненія въ недостаточной дисциплинѣ.

«... Европа, вообще говоря,—царство «эксцентрической» власти (т. е. стоящей внѣ народа)—пишетъ авторъ, и этотъ фактъ, значеніе котораго въ процессѣ образованія господствующихъ европейскихъ понятій еще ждетъ своего изслѣдователя, несомнѣнно, мѣшаетъ вамъ понять нѣкоторыя черты заокеанской дѣйствительности, на первый взглядъ, ничего общаго не имѣющія съ характеромъ дѣйствующей здѣсь государственной власти. Мы же, въ этомъ отношеніи, имѣемъ то преимущество, что давно уже пережили многое изъ того, что вы, европейцы, еще переживаете, и потому—простите мое американское самомнѣніе — мы въ состояніи понимать васъ, какъ взрослый человѣкъ понимаетъ подростка...

«Я утверждаю: Европа—царство власти, стоящей надъ народомъ. А такая власть, для своего существованія, требуетъ подчиненія массъ господству немногихъ. Сознательно или инстинктивно, это достигается примѣненіемъ силы, раздѣленіемъ общества на классы или касты, благосклоннымъ отношеніемъ къ развитію мистицизма, а главное—охраненіемъ народнаго невѣжества. И вотъ, дѣло народнаго просвѣщенія получаетъ такую организацію и направленіе, чтобы, по возможности, отдалить народъ отъ истиннаго разумѣнія дѣйствительности: въ школѣ устанавливаются строжайше регламентированныя программы, внѣшкольному образованію ставятся всякія препятствія, училищное дѣло получаетъ кастовое, сословное устройство. Но еще болѣе могущественнымъ средствомъ является примѣненіе къ школѣ тѣхъ же «положительныхъ» пріемовъ, какихъ держится и вся такая система всенароднаго послушанія: строгая субординація, мертвящее господство готовыхъ взглядовъ, господство учебниковъ, подневольное существованіе учителей и пренебреженіе, если не подавленіе въ воспитанникахъ всякаго чувства самостоятельности и гражданскаго мужества.

«Но все это, столь необходимое для господства аристократіи, діаметрально противоположно тому, чего должна для себя желать демократія; не странно ли поэтому ожидать, что она станетъ заимствовать методы воспитанія ея молодыхъ поколѣній у чуждыхъ ей и враждебныхъ системъ?..

«Это было бы самоубійствомъ, и если аристократія въ дѣлѣ школьнаго воспитанія такъ усердно апеллируетъ все къ прошлому да къ традиціи, то демократія должна опираться на эволюцію и направлять сознаніе воспитанника на самую природу вещей, дабы освѣтлять, обновлять тѣмъ и нравственную силу народа.

«Поэтому-то, исходя изъ принципа, что общество можетъ управлять своими дѣлами лишь при его полной самостоятельности, мы признаемъ, что дитя, какъ предметъ воспитанія, должно быть свободно. И свобода эта должна быть прочно охраняема, если желаютъ, чтобы современемъ питомецъ смогъ, въ свою очередь, внести и свою лепту въ ростъ демократіи, на благо родной стороны. Вѣдь если все это не будетъ воспитано въ немъ съ самаго дѣтства и предстанетъ впослѣдствіи, лишь какъ привилегія зрѣлаго возраста,—кто поручится, что чувства гражданскаго долга дождутся въ немъ отклика, и свобода не перейдетъ въ грубое своеволіе... Этого ли желать демократіи?

«Остается, стало быть, признать въ питомцѣ не плѣнника, не узника школы, а растущаго гражданина и, какъ въ таковомъ, параллельно съ сознаніемъ его независимости, развивать въ немъ чувство отвѣтственности, дающей внутреннюю цѣнность и самой свободѣ. Вотъ основной принципъ демократическаго воспитанія; его примѣненіе—уже дѣло педагогическихъ способностей воспитателей.

«Но свобода питомца предполагаетъ такую же свободу учителя, а потому дѣло демократическаго народнаго образованія должно быть поставлено такъ, чтобы между питомцемъ и воспитателемъ не стояло глухой стѣны предписаній и всякихъ иныхъ начальственныхъ путъ. На организацію подготовки достойнаго своихъ обязанностей персонала—вотъ куда должно быть обращено вниманіе контролирующаго учебное дѣло начальства, а не на каждый шагъ учебно-воспитательной дѣятельности учителей, отвѣтственныхъ лишь въ той же мѣрѣ, какъ и всякій гражданинъ, т. е.—не по намѣреніямъ, а по результатамъ...»

Послѣднія строки отчасти могутъ служить объясненіемъ оригинальнаго института, получившаго наилучшее развитіе опять-таки въ школьномъ законодательствѣ провинціи Онтаріо. Я имѣю въ виду спеціально-педагогическій цензъ для учителей и учрежденія ихъ профессіональнаго образованія.

Канадцы вполнѣ справедливо утверждаютъ, что образованіе, само по себѣ, еще не даетъ людямъ преподавательскихъ спо-

собностей *). А потому никто тутъ не можетъ быть допущенъ къ преподаванію въ народной школѣ, если онъ предварительно не выдержалъ экзамена при окружномъ испытательномъ бюро. Для того же, чтобы быть допущеннымъ къ такому экзамену, необходимо пройти спеціальный четырехмѣсячный курсъ при одной изъ образцовыхъ школъ графства. Успѣшно выдержавшему подобное испытаніе дается такъ называемое «свидѣтельство третьей степени», дѣйствительное лишь на три года. Удовлетворительные результаты преподавательской дѣятельности за это время, засвидѣтельствованные окружнымъ инспекторомъ, даютъ домогающемуся право поступить въ одну изъ окружныхъ нормальныхъ школъ (provincial normal school) для дальнѣйшей педагогической подготовки и экзамена на свидѣтельство второй степени, дающее право учительства уже на всю жизнь.

Этотъ второй дипломъ, однако же, еще не достаточенъ для занятія мѣста завѣдующаго народной школой, если въ ней имѣется двое или болѣе преподавателей: школьное дѣло, по справедливому убѣжденію канадцевъ, требуетъ отъ завѣдывающаго училищемъ троякаго рода знаній: 1) чисто-научныхъ, 2) педагогическихъ, 3) учебно-административныхъ. А потому для кандидатуры на дипломъ первой степени необходимо тутъ прослужить не менѣе двухъ лѣтъ въ званіи помощника (assistant).

Для удовлетворенія постоянной потребности въ такихъ учителяхъ и служитъ особая система учрежденій, состоящая изъ «образцовыхъ школъ графствъ», «нормальныхъ школъ» и, наконецъ, «нормальныхъ колледжей». Послѣдовательная преемственность этихъ учрежденій педагогическаго образованія позволяетъ энергичнымъ людямъ успѣшно и съ пользой для дѣла подыматься по лѣстницѣ профессіональныхъ повышеній. «Многіе изъ теперешнихъ окружныхъ инспекторовъ—говорилъ въ своемъ отчетѣ министръ народнаго просвѣщенія въ Онтаріо, Милларъ—начали свою службу съ низшихъ ступеней».

Въ 1896 г. въ провинціи Онтаріо школъ перваго рода имѣлось 60 съ 1687 учителями-студентами, что, при численности населенія въ 2.100,000 душъ, даетъ одного учащагося учителя на 1,244 ч. населенія — пропорція завидная: школъ второго рода 30, съ 835 учителями-студентами (во всѣхъ нашихъ учительскихъ институтахъ не наберется столько, при 130 милліонахъ населенія) и, наконецъ, школъ третьяго рода — 12, съ 188 «учащимися учителями»,—резервъ болѣе, чѣмъ достаточный...

Но и этого мало: школа, какъ и сама жизнь, только тогда остается исполненной духа живого, когда въ ней не замираетъ

---

*) У насъ почему-то все еще думаютъ объ этомъ иначе; по крайней мѣрѣ въ томъ, что касается подготовки преподавателей средн.-уч. заведеній.

процессъ естественнаго роста и развитія, а для этого, между прочимъ, необходимо, чтобы и дѣятели ея, какъ бы многообразованы и заслужены они ни были, не закаменѣвали, при благосклонномъ соизволеніи на это начальства, на своихъ педагогическихъ и научныхъ лаврахъ. Вотъ для того, чтобы не допускать подобнаго (у насъ, напр., почти непреоборимаго) процесса, въ Онтаріо въ каждомъ графствѣ (county) или инспекторскомъ округѣ существуютъ особые «Учительскіе Институты» для взаимнаго усовершенствованія учителей въ методахъ преподаванія и для обсужденія возникающихъ въ школьной практикѣ вопросовъ воспитанія, ожидающихъ соотвѣтственной регулировки. Многіе изъ этихъ институтовъ, члены которыхъ собираются всегда публично, обладаютъ прекрасными спеціальными библіотеками и вновь выдвигаемыми жизнью школы учебными пособіями (для чего правительствомъ отпускается каждому такому институту по 50 руб. въ годъ, да столько же поступаетъ въ кассу его отъ общества непосредственно). Часто на собранія института пріѣзжаютъ выдающіеся ученые, читающіе тутъ публичныя лекціи на современныя образовательныя и воспитательныя темы. Собранія и лекціи эти, конечно, привлекаютъ къ себѣ интересъ и вниманіе общества, воспитывая въ немъ чувство живого участія къ школѣ.

Какъ быстро и успѣшно растетъ число такихъ институтовъ, видно уже изъ того, что еще въ 1878 году ихъ въ провинціи Онтаріо было всего 54 съ 3,511 членами, составлявшими едва 50% всего числа учителей провинціи, а въ 1900 году — 76 съ 8,081 членами, составлявшими 86% наличнаго учительскаго персонала.

Да, школьное дѣло тутъ живетъ, развивается, прогрессируетъ. Отдѣльныя части его, какъ органы одного мощнаго тѣла, взаимно обмѣниваются питательными соками, а надъ всѣмъ этимъ, какъ мозгъ надъ остальными частями организма, стоитъ «Народно-образовательная Ассоціація» провинціи Онтаріо, объединяющая въ себѣ все, что есть сколько-нибудь живого и мыслящаго въ педагогическомъ мірѣ страны. Вотъ какъ отзывается объ этомъ обществѣ уже упомянутый нами министръ народнаго просвѣщенія въ Онтаріо, Милларъ:

«Уже болѣе тридцати лѣтъ существуетъ это общество, первоначально поставившее себѣ цѣлью лишь чтеніе и совмѣстное обсужденіе докладовъ по вопросамъ воспитанія и образованія. Теперь же мы можемъ смѣло сказать, что общія собранія Ассоціаціи имѣли большое, несомнѣнное вліяніе и на все развитіе прогрессивнаго направленія нашего школьнаго законодательства, такъ что на Общество это имѣемъ право смотрѣть, какъ на нашъ народно-образовательный парламентъ.»

Такова аттестація Обществу со стороны лица, стоящаго во главѣ вѣдомства, въ кругъ дѣйствія котораго безпрестанно вторгается неумолчная критика членовъ Ассоціаціи, не имѣющихъ на

го никакихъ «законныхъ полномочій». Все это лишній разъ подтверждаетъ, что самый принципъ власти имѣетъ здѣсь какое-то, совсѣмъ отличное отъ принятаго у европейцевъ, выраженіе и осуществленіе, и что такая альтерація оказывается нисколько не вредной для дѣла, хотя «Общество» разсматриваетъ предметы «вѣдомства», какъ бы свою собственность. Такъ, въ немъ существуютъ секціи: дѣтскихъ садовъ народной школы, средней школы (high-school), учительской школы, инспекціи и т. п. При немъ имѣются также союзы споспѣшествованія классическому образованію, естественно научному, филологическому и отдѣльнымъ наукамъ. Но что еще болѣе замѣчательна и, подобно прекрасно-разработанному институту профессіональнаго образованія учителей, является въ своемъ родѣ первымъ и пока еще единственнымъ установленіемъ во всемъ мірѣ—это организовавшаяся при Обществѣ особая ассоціація попечителей народныхъ и среднихъ школъ для разработки вопросовъ непосредственнаго участія общества въ жизни и дѣятельности школы. По признанію того же министра народнаго просвѣщенія, ассоціація эта также вноситъ не мало полезнаго въ дѣло народнаго просвѣщенія, какъ въ одну изъ основъ народнаго благосостоянія и дальнѣйшаго общественнаго прогресса.

П. Владыченко.

НА НОВЫЙ ГОДЪ.

Не наливай бокалъ! Вѣдь здѣсь еще кровавый,
Позорный старый годъ... Онъ хочетъ, при концѣ,
Насъ снова напоить отчаянья отравой
И въ прошлое уйти въ коралловомъ вѣнцѣ.
Жестокъ слѣпой старикъ! Онъ сдѣлалъ казнь забавой,
Онъ лилъ, какъ воду, кровь... Лишь въ петляхъ да свинцѣ
Обрѣлъ онъ щитъ себѣ и тѣшилъ нравъ лукавый...
Предателя печать видна въ его лицѣ.
— Чу! Слышишь, полночь бьетъ? Идетъ на смѣну новый,
Желанный, свѣтлый годъ... На немъ вѣнокъ терновый,
Но между острыхъ иглъ мерцаетъ лучъ зари:
Повѣрь, что это онъ—герольдъ весны-свободы!
Потухнутъ палачей безумныхъ алтари,
И солнце озаритъ надъ нами неба своды.

С. Ивановъ-Райковъ.

Изъ воспоминаній нѣмецкаго революціонера.

Карла Шурца *).

Переводъ съ нѣмецкаго А. Н. Анненской.

I.

Мнѣ было семнадцать лѣтъ, когда, наканунѣ перехода въ старшій классъ Кельнской гимназіи, семейныя дѣла заставили меня бросить гимназическое ученіе. Я переѣхалъ въ Боннъ, гдѣ жила моя семья, и рѣшилъ поступить вольнослушателемъ въ тамошній университетъ съ тѣмъ, чтобы черезъ годъ выдержать въ Кельнѣ экзаменъ зрѣлости въ качествѣ экстерна.

Съ осенняго семестра 1846 года я сталъ слушать лекціи филологіи и исторіи. Хотя я не былъ еще настоящимъ студентомъ, но группа добрыхъ товарищей приняла меня въ свою корпорацію «Франконія». Этимъ я былъ обязанъ своимъ гимназическимъ пріятелямъ Теодору Петрашу и Людвигу фонъ-Вейзе. Они поступили въ университетъ раньше меня, сдѣлались членами «Франконіи» и говорили обо мнѣ новымъ товарищамъ съ преувеличенными похвалами. Я въ то время былъ страшно застѣнчивый юноша, до того застѣнчивый, что чувствовалъ себя хорошо исключительно въ кругу семьи или самыхъ близкихъ знакомыхъ, а при встрѣчѣ съ посторонними людьми совсѣмъ терялся и не могъ произнести ни слова. Мое смущеніе еще болѣе увеличилось, когда я замѣтилъ, что кельнскіе пріятели хотятъ хвастаться мною передъ членами

---

*) Карлъ Шурцъ, нѣмецкій эмигрантъ и извѣстный общественный дѣятель Сѣверо-Американскихъ Соединенныхъ Штатовъ, лѣтомъ нынѣшняго года издалъ въ Берлинѣ воспоминанія о раннихъ годахъ своей жизни («Lebenserinnerungen» von Karl Schurz. Bis zum Jahre 1852. Berlin 1906). Мы беремъ изъ этой, заинтересовавшей нѣмецкую публику, книги нѣсколько главъ, относящихся къ студенческимъ годамъ Шурца и его участію въ революціи 1848 г. Переводъ сдѣланъ съ нѣкоторыми сокращеніями.

«Франконіи». Я краснѣлъ и едва могъ давать односложные отвѣты на вопросы студентовъ; разочарованіе моихъ пріятелей было такъ велико, что добрый Петрашъ не могъ даже скрыть его. Никогда не забуду я того чувства безпомощности, какое овладѣло мною, когда онъ представилъ меня тогдашнему оратору «Франконіи» Іоганну Овербеку. Овербекъ, родомъ изъ Гамбурга, былъ красивый молодой человѣкъ, на нѣсколько лѣтъ старше меня, и держался весьма самоувѣренно. Онъ изучалъ археологію и уже издалъ томикъ своихъ стихотвореній. Все это производило на меня такое импонирующее впечатлѣніе, что въ разговорѣ съ нимъ я не могъ почти ничего сказать, кромѣ «да» и «нѣтъ». Я казался самому себѣ неуклюжимъ деревенскимъ парнемъ, который не умѣетъ держаться въ порядочномъ обществѣ, и мнѣ было страшно стыдно. Первый разъ въ жизни приходилось мнѣ встрѣчаться съ нѣмцами изъ другихъ частей Германіи; а у нихъ, особенно у сѣверо-германцевъ, было въ обращеніи какое-то сознаніе собственнаго превосходства, которое дѣйствовало на меня подавляющимъ образомъ.

Въ качествѣ вольнослушателя я не могъ вступить во «Франконію», какъ настоящій студентъ, но я принималъ участіе въ собраніяхъ, происходившихъ въ погребкѣ, почти какъ полноправный членъ товарищества. Такъ какъ «Франконія» отличалась отъ другихъ студенческихъ союзовъ менѣе грубыми нравами и не обязывала своихъ членовъ потреблять массу пива, то моя умѣренность въ питьѣ не навлекала на меня непріятностей. Долгое время сидѣлъ я среди веселыхъ, разговорчивыхъ, по большей части остроумныхъ товарищей, какъ молчаливый, почти нѣмой наблюдатель. Наконецъ, насталъ и мой часъ.

Одно изъ развлеченій на собраніяхъ въ погребкѣ составляло чтеніе такъ называемой «Газеты Погребка». Кто нибудь изъ членовъ общества писалъ статью или стихотвореніе, по большей части сатирическаго или, вообще, веселаго содержанія, и прочитывалъ ихъ всему обществу. Всякому хотѣлось написать хорошенькую «газету», и многія произведенія, которыя читались на собраніяхъ, были, дѣйствительно, очень талантливы. Разумѣется, я, не принимая участія въ разговорахъ, въ то же время наблюдалъ всѣ особенности своихъ новыхъ пріятелей. И вотъ мнѣ вздумалось написать пародію на сцену изъ Фауста въ погребкѣ Ауэрбаха, при чемъ у меня являлись дѣйствующими лицами главные члены «Франконіи». Размѣръ дался мнѣ легко, стихи вышли гладкіе и довольно музыкальные, сатира оказалась мѣткой, хотя добродушной. Я подъ секретомъ показалъ свое произведеніе Петрашу. Онъ пришелъ въ восторгъ и объявилъ, что лучше этого еще никто не писалъ въ «Газетѣ Погребка». Я ему не повѣрилъ и ни за что не соглашался прочесть свое произведеніе на слѣдующемъ собраніи. Тогда онъ предложилъ, что самъ прочтетъ, и я позволилъ ему, но съ условіемъ, что онъ не назоветъ автора. Сердце мое страшно би-

лось во время этого чтенія, и я чувствовалъ, какъ краснѣю всякій разъ, когда раздавался общій смѣхъ и одобрительные возгласы. Успѣхъ былъ полный. Петрашъ объявилъ, что не можетъ назвать автора, но противъ этого общества запротестовало. Обо мнѣ никто и не думалъ. Петрашъ, гордившійся моимъ произведеніемъ, точно своимъ собственнымъ, сдѣлалъ мнѣ знакъ черезъ столъ и прошепталъ такъ, что сосѣди могли слышать:

— Не сказать ли? — Это одно уже открыло бы секретъ, но кромѣ того другой членъ собранія увидѣлъ рукопись и узналъ мой почеркъ. Это вызвало общій восторгъ. Меня окружили со всѣхъ сторонъ, обнимали, поздравляли, а Петрашъ все повторялъ:

— Что, не говорилъ ли я вамъ?

Всѣ мои юношескія литературныя произведенія пропали, и я объ этомъ не жалѣю. Но, сознаюсь, мнѣ бы очень хотѣлось увидать этотъ № «Газеты Погребка», такъ какъ въ свое время онъ оказалъ мнѣ неоцѣнимую услугу. Его успѣхъ возбудилъ во мнѣ довѣріе къ собственнымъ силамъ. Благодаря ему, робкій юноша, представлявшій изъ себя довольно смѣшную фигуру, вдругъ сдѣлался лицомъ, пользующимся общимъ уваженіемъ окружающихъ. Вскорѣ застѣнчивость перестала связывать мой языкъ, и мнѣ удалось войти въ пріятельскія отношенія со многими товарищами. Правда, въ этотъ первый годъ университетской жизни я могъ отдавать друзьямъ мало времени: передо мной, какъ грозный призракъ, стоялъ предстоявшій мнѣ экзаменъ зрѣлости, отъ котораго зависѣла вся моя будущность. Кромѣ лекцій по исторіи и по филологіи, которыя я слушалъ въ университетѣ, мнѣ приходилось безъ посторонней помощи проходить весь курсъ старшаго класса гимназіи. За исключеніемъ математики и естественныхъ наукъ, мнѣ удалось одолѣть его безъ особеннаго затрудненія. Въ сентябрѣ 1847 г. назначенъ былъ экзаменъ, и я отправился въ Кельнъ, сопровождаемый горячими пожеланіями родныхъ и друзей. Все кончилось великолѣпно. Счастье благопріятствовало мнѣ. Я зналъ наизусть всю шестую пѣсню Иліады, а экзаменаторъ случайно заставилъ меня переводить именно ее. Я могъ отложить въ сторону книгу и перевести заданный мнѣ отрывокъ, не заглядывая въ нее. Это произвело большой эффектъ. Мое нѣмецкое и латинское сочиненіе, а также отвѣты по другимъ предметамъ настолько понравились экзаменаторамъ, что они посмотрѣли сквозь пальцы на мои слабыя знанія по математикѣ и естественнымъ наукамъ. Когда экзамены кончились, и я получилъ свидѣтельство, правительственный коммиссаръ, котораго я раньше боялся, какъ мрачнаго рока, очень горячо пожалъ мнѣ руку и пожелалъ всякаго благополучія.

Съ торжествомъ вернулся я въ Боннъ. Теперь я могъ поступить въ университетъ настоящимъ студентомъ и быть равноправнымъ членомъ студенческой корпораціи. Съ новымъ рвеніемъ и съ чувствомъ упроченнаго положенія предался я своимъ занятіямъ по

филологіи и по исторіи. О своемъ будущемъ я думалъ съ полнымъ спокойствіемъ: воображеніе рисивало мнѣ профессуру по исторіи въ одномъ изъ нѣмецкихъ университетовъ и блестящую литературную дѣятельность. Я надѣялся, что уже оставилъ за собой всѣ непріятныя житейскія треволненія, что мнѣ предстоитъ мирная жизнь, въ которой я найду полное удовлетвореніе своего честолюбія. Я и не подозрѣвалъ въ то время, какой меня ждетъ неожиданный поворотъ судьбы, какъ всѣ мои планы будущей жизни разрушатся и какъ я буду принужденъ идти совершенно другой дорогой!

Благодаря моему веселому характеру и способности довольствоваться малымъ, я вполнѣ наслаждался свободною студенческою жизнью. На мое счастье, я сразу попалъ въ кружокъ лучшихъ студентовъ университета.

Фридрихъ Шпильгагенъ говоритъ въ своихъ запискахъ, что «Франконія» «была самымъ аристократическимъ изъ студенческихъ союзовъ того времени». Это вѣрно. Правда, въ числѣ ея членовъ не было сыновей родовитыхъ фамилій, не было людей особенно богатыхъ. По крайней мѣрѣ, на богатство никто не обращалъ вниманія. Но она отличалась умственнымъ аристократизмомъ и серьезными научными стремленіями. Ни въ одномъ изъ тогдашнихъ студенческихъ союзовъ не было такого количества юношей, которые впослѣдствіи пріобрѣли извѣстность на разныхъ поприщахъ жизни.

Члены «Франконіи» занимались наукой прилежно и вполнѣ сознательно, но имъ была чужда угрюмость, унылое корпѣнье надъ книгами, и они пользовались всякимъ случаемъ повеселиться и попировать. Правда, ихъ пирушки никогда не переходили въ пьяныя оргіи, которыя вообще считались неотъемлемою принадлежностью студенчества. Нѣкоторые изъ насъ могли поглощать значительное количество пива. Но питье пива не считалось искусствомъ, достойнымъ поощренія, и тотъ, кто пилъ умѣренно, могъ не опасаться насмѣшекъ товарищей. Напротивъ, умѣренность считалась общимъ правиломъ, и кто слишкомъ часто или слишкомъ грубо нарушалъ это правило, тотъ получалъ замѣчаніе со стороны предсѣдателя союза и могъ даже подвергнуться исключенію. Точно также не раздѣляли мы и пристрастія къ дуэлямъ, которыми старались прославиться другія студенческія корпораціи. За все время, что я принадлежалъ къ союзу, у насъ было только два случая дуэлей, и мы далеко не гордились ими.

Прочіе обычаи студентовъ мы свято соблюдали. Мы съ гордостью носили цвѣты нашего союза на фуражкахъ и лентахъ. Мы устраивали попойки съ пѣснями. Мы справляли свой комершъ съ обычными церемоніями и надлежащею торжественностью. Мы играли въ кегли и предпринимали прогулки въ окрестныя деревни, при чемъ нѣкоторые изъ насъ, особенно хорошо изучившіе Гомера, вели разговоры по-гречески и примѣняли стихи Гомера

ко всему, что дѣлалось и встрѣчалось по дорогѣ. Мы позволяли себѣ иногда небольшія экскурсіи вверхъ по Рейну и въ прелестныя долины на берегахъ его; при этомъ я до сихъ поръ съ благодарностью вспоминаю тѣхъ трактирщиковъ, которые были настолько великодушны, что не настаивали на немедленной уплатѣ по счету, особенно же честнаго Натана въ Ст. Гоарсгаузенѣ, подъ сѣнью Лорелеи, который такъ радушно принималъ къ себѣ и угощалъ каждаго «франконца», точно родного сына. Поэзія юношеской дружбы доставляла намъ много наслажденій. Я безъ малѣйшаго стыда вспоминаю наши объятія, наши мечты о вѣчной братской любви, наши слезы, когда въ концѣ семестра нѣкоторые члены кружка оставляли навсегда университетъ. Когда при прощаньи стаканы сдвигались въ послѣдній разъ, заключительныя слова прощальной пѣсни очень часто прерывались рыданіями. Я до сихъ поръ не могу безъ волненія слышать эту пѣсню: мнѣ такъ живо представляются милые товарищи, обнимавшіе отъѣзжавшихъ со слезами на глазахъ. О, свѣтлая, беззаботная, мечтательная юность съ своими радостями и привязанностями! Какъ скоро омрачила ее горькая, суровая дѣйствительность!

Въ началѣ зимняго семестра 1847—48 года, я познакомился съ профессоромъ Готфридомъ Кинкелемъ, и это знакомство имѣло важное значеніе для всей моей послѣдующей жизни. Кинкель читалъ лекціи по литературѣ и исторіи искусства, и я посѣщалъ ихъ. Кромѣ того, я принялъ участіе въ курсѣ упражненій, которымъ онъ руководилъ. Это дало намъ поводъ завязать личное знакомство. Кинкель родился 11 августа 1815 г., слѣдовательно, ему было 32 года, когда мы съ нимъ познакомились. Онъ былъ сынъ евангелическаго пастора изъ Оберкасселя на Рейнѣ, готовился тоже къ теологической дѣятельности и учился въ университетахъ Бонна и Берлина. Въ 1836 году онъ получилъ мѣсто привать-доцента церковной исторіи при боннскомъ университетѣ, въ 1837 г. ѣздилъ для поправленія здоровья въ Италію и тамъ занялся изученіемъ исторіи искусствъ, а по возвращеніи въ Боннъ былъ назначенъ помощникомъ проповѣдника евангелической общины въ Кельнѣ. Онъ ѣздилъ туда каждое воскресенье изъ Бонна, чтобы произносить проповѣди, которыя отличались замѣчательнымъ краснорѣчіемъ. Въ то же время онъ пріобрѣлъ извѣстность и какъ поэтъ. Особеннымъ успѣхомъ пользовалась его романическая поэма «Отто Стрѣлокъ». Въ Кельнѣ онъ познакомился съ разведенною женою книгопродавца Матье, чрезвычайно даровитою женщиной. Одинъ разъ, когда они катались по Рейну, лодка опрокинулась, онъ спасъ ее и вскорѣ послѣ того (въ 1843 г.) женился на ней. Послѣ брака съ католичкой и съ разводкой, ему стало невозможно оставаться протестантскимъ богословомъ, впрочемъ, положеніе это и безъ того было непрочно, вслѣдствіе того либеральнаго направленія, котораго онъ открыто

держался. Кинкель отказался отъ теологіи и въ 1846 г. получилъ въ Боннѣ кафедру исторіи искусства и культуры въ качествѣ экстраординарнаго профессора.

Интересная личность профессора и его увлекательная манера изложенія придавали особый интересъ его лекціямъ. Кинкель былъ замѣчательно красивый мужчина, съ правильными чертами лица, шести футовъ роста, крѣпкаго тѣлосложенія. Его широкій лобъ оттѣнялся черными волосами, блескъ его темныхъ глазъ не могли скрыть даже очки, которые онъ носилъ, вслѣдствіе сильной близорукости; черная густая борода и такіе же усы окаймляли его ротъ и подбородокъ. Клинкель обладалъ удивительнымъ голосомъ. Слушать его было наслажденіе столько же музыкальное, сколько интеллектуальное. Вполнѣ естественная, выразительная и красивая жестикуляція сопровождала его рѣчь, которая лилась правильными, содержательными и часто поэтичными фразами и придавала прелесть самымъ сухимъ предметамъ.

Когда Кинкель предложилъ познакомить своихъ учениковъ съ ораторскимъ искусствомъ, я съ удовольствіемъ согласился учиться у него. Онъ не читалъ намъ теоретическихъ лекцій о риторикѣ, но началъ съ того, что предлагалъ намъ образцы выдающихся рѣчей, объяснялъ ихъ и заставлялъ насъ упражняться на нихъ. Между прочимъ, онъ бралъ нѣкоторыя рѣчи изъ драмъ Шекспира. Мнѣ онъ задалъ выяснить значеніе знаменитой надгробной рѣчи Марка Антонія въ «Юліи Цезарѣ», указать цѣль ея и тѣ средства, какими эта цѣль достигалась, и, наконецъ, продекламировать ее. Кинкелю понравилось, какъ я исполнилъ эту задачу, и онъ пригласилъ меня бывать у него въ домѣ. Я не замедлилъ воспользоваться этимъ приглашеніемъ и, несмотря на мою все еще продолжавшуюся застѣнчивость, между нами скоро установились дружескія отношенія. Дѣйствительно, съ Кинкелемъ было не трудно сойтись. Онъ обладалъ въ высшей степени веселою непринужденностью, свойственною жителямъ Рейнскихъ береговъ. Въ кругу семьи и друзей онъ охотно забывалъ свое профессорство и веселился, какъ школьникъ. Онъ не прочь былъ осушить стаканчикъ вина, при какой-нибудь удачной или неудачной остротѣ громко хохоталъ, во всѣхъ условіяхъ жизни отыскивалъ пріятныя стороны и не приходилъ въ уныніе, когда судьба относилась къ нему немилостиво. Благодаря этому, всякій невольно чувствовалъ себя хорошо и свободно въ его обществѣ.

Семейная жизнь Кинкелей устроилась вполнѣ счастливо. Іоганна Кинкель далеко не отличалась красотой. Она была средняго роста, довольно неуклюжей фигуры, съ руками и ногами не особенно большими, но очень не изящными; цвѣтъ лица у нея былъ смуглый, черты грубоваты, безъ малѣйшей женственности. При томъ же она совсѣмъ не умѣла одѣваться. Ея платья были всегда слишкомъ коротки, и изъ подъ нихъ высовывались широкія ноги

въ бѣлыхъ чулкахъ и въ башмакахъ, привязанныхъ черными тесемками накрестъ. Но въ глубинѣ ея синевато-стальныхъ глазъ горѣлъ огонь, который показывалъ, что въ ней есть нѣчто незаурядное. Дѣйствительно, когда она начинала говорить, всякій забывалъ ея некрасивую наружность. Впрочемъ, и тутъ природа обидѣла ее: голосъ ея былъ немного хриплый и сухой. Но то, что она говорила, сразу приковывало вниманіе слушателя. Она не только умѣла разсуждать о важныхъ предметахъ съ глубокимъ пониманіемъ, большою проницательностью и поразительною ясностью, но даже самымъ обыкновеннымъ вещамъ, повседневнымъ мелочамъ она умѣла придать интересъ своимъ живымъ, остроумнымъ разговоромъ. Слушая ее, всегда какъ-то чувствовалось, что она высказывается не вполнѣ, что у нея остается въ запасѣ цѣлая сокровищница знаній и мыслей. Кромѣ того, она обладала веселымъ рейнскимъ юморомъ, который умѣетъ подмѣтить смѣшную сторону всякаго явленія и отыскивать пріятное во всѣхъ условіяхъ жизни. Она получила основательное музыкальное образованіе и превосходно играла на фортепіано. Я рѣдко слышалъ, чтобы кто-нибудь передавалъ произведенія Бетховена и Шопена съ большимъ совершенствомъ, чѣмъ она. Можно было сказать, что она далеко перешла за ту грань, которая отдѣляетъ дилетанта отъ истиннаго артиста. Хотя у нея не было звучнаго голоса, она, тѣмъ не менѣе, производила своимъ пѣніемъ сильное впечатлѣніе. Можно сказать, что она обладала искусствомъ пѣть безъ голоса.

Всякій, кто наблюдалъ домашнюю жизнь этихъ двухъ, по наружности, столь различныхъ людей, не могъ не замѣтить, какъ они счастливы взаимною любовью, съ какою вызывающею веселостью готовы они рука объ руку идти на борьбу съ жизнью. Счастье ихъ дополнялось прелестными дѣтьми, которыми судьба благословила ихъ бракъ. Въ домѣ Кинкелей собирался кружокъ лицъ, близкихъ имъ по умственному развитію. Это были мужчины и женщины либеральнаго образа мыслей, которые смѣло и свободно высказывали свои мнѣнія по разнымъ религіознымъ и политическимъ вопросамъ. Въ поводахъ высказывать эти мнѣнія недостатка въ то время не было.

Среди нѣмецкихъ католиковъ господствовало сильное броженіе, которое вызвало у протестантовъ стремленіе добиваться свободы мысли и преподаванія. Въ области политики тоже дулъ рѣзкій вѣтеръ. Печальное самоосмѣяніе и пустыя политическія разглагольствованія уступили мѣсто стремленію поставить себѣ опредѣленныя цѣли и надеждѣ достигнуть этихъ цѣлей. Предчувствовалось приближеніе великихъ событій, хотя никто не предвидѣлъ, какъ скоро они настанутъ. Въ кружкѣ Кинкелей ясно и опредѣленно говорили о томъ, что до тѣхъ поръ еще смутно бродило у меня въ головѣ. Чтобы сдѣлать болѣе понятнымъ отношеніе къ движеніямъ 1848 г. того класса нѣмцевъ, къ которому я принадлежалъ, не

лишнимъ будетъ сказать нѣсколько словъ о настроеніи общества въ предшествовавшіе годы.

II.

Патріоты любили останавливаться мыслью на воспоминаніяхъ о священной римско-германской имперіи, которая во времена своего процвѣтанія предписывала законы всему извѣстному тогда міру. Эти воспоминанія порождали романтическія мечты о возстановленіи нѣмецкаго могущества и славы, мечты, имѣвшія въ глазахъ молодежи особенную, поэтическую прелесть. Со стыдомъ вспоминался періодъ національной разрозненности и мертваго абсолютизма, послѣдовавшій за тридцатилѣтней войной, когда нѣмецкіе князья, забывъ всякое національное чувство, были постоянно готовы служить интересамъ и честолюбію иноземцевъ, продавать имъ собственныхъ подданныхъ и на вырученныя деньги поддерживать роскошь и развратъ своего придворнаго штата; съ такимъ же стыдомъ говорили о времени Рейнскаго Союза, когда государи Баваріи, Саксоніи и Виртемберга стали простыми вассалами Наполеона; когда одна часть Германіи помогала ненавистному чужеземцу покорять своей власти другую; когда въ 1806 г. императоръ австрійскій сложилъ съ себя корону и, какъ германскій императоръ, такъ и Германская имперія, перестали существовать даже по имени.

Затѣмъ, послѣ періода мучительнаго униженія, поднялось въ 1813 г. великое народное движеніе противъ господства Наполеона. Къ этому пробудившемуся національному чувству обращался изданный въ Калишѣ манифестъ, которымъ прусскій король въ союзѣ съ русскимъ императоромъ призывалъ къ оружію нѣмецкій народъ и сулилъ ему въ будущемъ новое, дѣйствительно національно объединенное государство и облеченное въ конституціонныя формы участіе народа въ дѣлѣ правленія. Возстановленіе единаго нѣмецкаго государства, прекращеніе господства произвола путемъ введенія народныхъ представительственыхъ учрежденій— вотъ что обѣщалъ прусскій король, насколько народъ понялъ его обѣщанія, вотъ на что надѣялся народъ, когда съ геройскимъ увлеченіемъ и безграничнымъ самоотверженіемъ шелъ на борьбу и побѣдоносно довелъ ее до конца.

Но вмѣстѣ съ побѣдой пришло и горькое разочарованіе. Противъ объединенія Германіи возстала не только остальная Европа, но и мелкіе нѣмецкіе князья, особенно тѣ изъ нихъ. которые въ качествѣ членовъ «Рейнскаго Союза» получили повышенія въ рангѣ. Къ этому присоединились интриги Австріи, которая со своими не-нѣмецкими областями подчинялась вліянію внѣнѣмецкихъ интересовъ. Ея политикой руководилъ князь Меттернихъ, которому

было чуждо всякое чувство нѣмецкаго патріотизма, который ненавидилъ всякую свободную мысль и боялся народа. Вслѣдствіе этого, миръ не принесъ нѣмецкому народу ничего, похожаго на ту награду за принесенныя имъ жертвы, какой онъ ждалъ, какую заслужилъ. Вѣнскій конгрессъ создалъ въ Германіи только одно: союзъ между отдѣльными нѣмецкими государствами, «Германскій союзъ» съ его органомъ «Союзнымъ сеймомъ», собраніемъ уполномоченныхъ отъ правительствъ разныхъ нѣмецкихъ государствъ безъ всякаго слѣда представительства сословій или народа. О какой либо гарантіи, о какомъ либо осуществленіи гражданскихъ правъ, о свободѣ печати, свободѣ собраній, гласномъ судѣ не было и рѣчи Наоборотъ, Союзный сеймъ, безсильный, какъ представитель націи во внѣшнихъ сношеніяхъ, выродился въ общество взаимнаго страхованія абсолютныхъ правительствъ, въ центральное полицейское учрежденіе, подавлявшее всякое свободное движеніе внутри страны.

Давая свое обѣщаніе въ періодъ общаго бѣдствія и подъема народнаго духа, прусскій король Фридрихъ Вильгельмъ III, по всей вѣроятности, не имѣлъ намѣренія обманывать. Но онъ смотрѣлъ на вещи съ ограниченной точки зрѣнія отца семейства, увѣреннаго въ своихъ собственныхъ честныхъ намѣреніяхъ и считающаго, что его неограниченный авторитетъ необходимъ для созданія общаго блага. Всякое стремленіе народа къ свободнымъ государственнымъ учрежденіямъ представлялось ему посягательствомъ на этотъ авторитетъ, революціоннымъ актомъ, а выраженіе желанія, чтобы обѣщанія, данныя въ 1813 г., были исполнены,— бунтовщическимъ домогательствомъ подданныхъ, вслѣдствіе котораго приходится откладывать на неопредѣленное время исполненіе обѣщаній. Такимъ образомъ, онъ, быть можетъ, безсознательно, являлся орудіемъ Меттерниха, этого злого духа Германіи. Въ результатѣ получился періодъ тупой реакціи, періодъ министерскихъ совѣщаній для объединенія деспотическихъ мѣропріятій, жестокихъ преслѣдованій «демагоговъ», варварскаго стѣсненія печати, грубаго полицейскаго произвола. Временами въ какомъ-нибудь мелкомъ нѣмецкомъ государствѣ вдругъ проносилось либеральное вѣяніе, но за нимъ обыкновенно слѣдовали еще болѣе возмутительныя репрессіи со стороны Союза. Такъ былъ вознагражденъ нѣмецкій народъ за свои жертвы, за свое геройство въ борьбѣ, такъ были исполнены прекрасныя обѣщанія 1813 г. Это было время величайшаго безславія. Даже французы, испытавшіе силу нѣмецкаго оружія, насмѣхались, и не безъ основанія, надъ униженіемъ побѣдителей. Нѣмцы готовы были презирать собственное отечество. Они смѣялись сами надъ собой.

Вступленіе на престолъ Фридриха Вильгельма IV въ іюнѣ 1840 г. возбудило новыя надежды. Онъ былъ извѣстенъ, какъ человѣкъ умный, и отъ него многаго ожидали. Его считали неспо-

собнымъ продолжать близорукую политику отца. Въ это самое время министерство Тьера стало грозить рейнской границѣ, и національное чувство нѣмцевъ снова ожило. Первыя рѣчи новаго короля и назначеніе на высшіе посты людей, пользовавшихся общимъ уваженіемъ, какъ будто подтверждали надежду, что онъ раздѣляетъ стремленія нѣмецкихъ патріотовъ, что онъ сумѣетъ понять и оцѣнить либеральныя теченія современнаго общества. Увы, вскорѣ явилось новое разочарованіе! Какъ только раздалось требованіе, чтобы король исполнилъ давнишнее обѣщаніе и далъ странѣ представительное правленіе, такъ тонъ его сразу измѣнился. Онъ отвѣчалъ суровымъ отказомъ, и цензура стала съ удвоенной страстью преслѣдовать печать. Фридрихъ-Вильгельмъ IV былъ преисполненъ мистической вѣры въ неограниченную королевскую власть милостью Божіей. Онъ увлекался романтическими фантазіями, благодаря которымъ болѣе сочувствовалъ многимъ политическимъ и общественнымъ учрежденіямъ среднихъ вѣковъ, чѣмъ требованіямъ новаго времени. У него были причуды, а не убѣжденія; прихоти, а не настоящая сила воли; остроуміе, а не разсудительность. Честолюбіе манило его свершить что-нибудь замѣчальное, чтобы ознаменовать имя свое на страницахъ исторіи. Онъ занималъ и самого себя, и народъ всевозможными проектами, а въ сущности хотѣлъ все оставить по старому. Онъ воображалъ, что можетъ дать народу видимость участія въ правленіи, ничуть не ограничивая собственной самодержавной власти. Но его попытки въ этомъ направленіи кончились такъ же, какъ всѣ подобныя попытки другихъ монарховъ. Неудовлетворительность и призрачность того, что онъ давалъ, только усиливала и воспламеняла стремленіе народа добиться дѣйствительныхъ и существенныхъ реформъ.

Революція часто начинается, вслѣдствіе такихъ призрачныхъ уступокъ. Провинціальные ландтаги, созванные Вильгельмомъ III въ надеждѣ, что они ограничатся предписанными имъ задачами мѣстнаго самоуправленія, сразу стали осаждать его петиціями о расширеніи представительства крестьянъ и горожанъ и о свободѣ печати. Въ 1842 г. учреждены были «Собранія земскихъ чиновъ» (ständische Ausschüsse), которыя должны были замѣнить общее народное представительное собраніе; но они обладали весьма ограниченными полномочіями и съ особенною ясностью показывали, что старое обѣщаніе дать настоящее конституціонное правленіе не исполняется. Попытка дѣлать видимыя уступки, а на самомъ дѣлѣ все сохранять по старому не могла не кончиться жалкой неудачей. Петиціи провинціальныхъ ландтаговъ о свободѣ печати, о судѣ присяжныхъ и о конституціи становились все болѣе и болѣе настойчивыми. Королевское правительство сурово отклоняло эти петиціи и усиливало цензуру; чтобы подавить возникавшія либеральныя движенія противъ церкви, оно установило строгій

надзоръ за школами, замѣнило либеральныхъ учителей благочестивыми и прежніе учебники новыми; ограничило свободу преподаванія въ университетахъ и даже стремилось посредствомъ дисциплинарныхъ взысканій подчинить себѣ судей,—все было напрасно. Мало-по-малу недовольство стало настолько всеобщимъ, потокъ петицій настолько сильнымъ, ненависть народа противъ полицейскаго произвола, проявлявшагося въ отдѣльныхъ столкновеніяхъ, настолько грозной, что старое зданіе неограниченной королевской власти пошатнулось, и оказалось необходимымъ сдѣлать новый шагъ но пути либеральныхъ реформъ.

И вотъ, король Фридрихъ-Вильгельмъ IV рѣшилъ созвать въ Берлинъ на 11 апрѣля 1847 г. «Соединенный ландтагъ», собраніе, состоящее изъ членовъ провинціальныхъ ландтаговъ. На это было продолженіе прежней игры. Новое собраніе должно было изображать изъ себя парламентъ, но не быть настоящимъ парламентомъ. Созваніе его зависѣло вполнѣ отъ воли короля. Его полномочія были ограничены до послѣдней степени. Оно не имѣло права вырабатывать законы и издавать обязательныя постановленія. Оно должно было имѣть лишь совѣщательный голосъ и выражать свои желанія исключительно въ видѣ петицій на имя короля. Въ рѣчи, при открытіи засѣданія «Соединеннаго ландтага», король прямо заявилъ, что это самая крайняя уступка, на которую онъ можетъ пойти; онъ никогда не согласится допустить, чтобы между государемъ и народомъ сталъ «исписанный листъ бумаги», писанная конституція; народъ и самъ не желаетъ, чтобы представители его принимали участіе въ правленіи; самодержавная власть короля не должна быть ограничена; «король долженъ управлять, слѣдуя закону Бога и своей страны по собственному свободному усмотрѣнію»; онъ не можетъ и не долженъ въ дѣлахъ правленія сообразоваться съ волей большинства; онъ, король, никогда не созвалъ бы этого собранія, если бы имѣлъ малѣйшее подозрѣніе, что его члены «сколько-нибудь стремятся играть роль такъ называемыхъ народныхъ представителей». Вотъ, слѣдовательно, къ чему свелось исполненіе «болѣе чѣмъ исполненіе» обѣщаній, данныхъ во время стѣсненныхъ обстоятельствъ.

Общее разочарованіе и усиленное недовольство явились послѣдствіемъ этого заявленія. Но оказалось, что уступка, сдѣланная королемъ, имѣла гораздо болѣе важное значеніе, чѣмъ онъ самъ разсчитывалъ. Кто хочетъ оставаться самодержцемъ, тотъ не долженъ допускать гласнаго обсужденія политики и дѣйствій правительства со стороны людей, близко стоящихъ къ народу. Правда, «Соединенный ландтагъ» не могъ ничего рѣшать, онъ могъ только обсуждать. Но онъ всетаки имѣлъ право обсуждать; черезъ посредство газетныхъ отчетовъ пренія его каждый день сообщались всей интеллигенціи страны,—это было нововведеніе, имѣвшее громадное значеніе. «Соединенный ландтагъ», на скамьяхъ котораго сидѣли мно-

гіе люди недюжинныхъ способностей и либеральнаго образа мыслей, держалъ себя разумно и осмотрительно, съ полнымъ достоинствомъ. Но борьба противъ самодержавія началась немедленно по открытіи его, и народъ съ тревожнымъ участіемъ слѣдилъ за этой борьбой. Повторилось то, что и раньше часто случалось во всемірной исторіи: каждый шагъ впередъ заставлялъ народъ живо сознавать необходимость дальнѣйшихъ шаговъ. И когда на умѣренныя требованія «Соединеннаго ландтага» король отвѣчалъ рѣзкимъ отказомъ и весьма «немилостиво» распустилъ собраніе, тогда стало ясно, что само правительство толкаетъ общественное мнѣніе на революціонный путь. Отдѣльные революціонеры давно встрѣчались въ Германіи. Но они считались пустыми мечтателями и имѣли мало сторонниковъ. Теперь среди широкихъ круговъ распространилось ощущеніе приближающейся грозы, хотя почти никто не предвидѣлъ, какъ скоро она надвинется. Прежде всѣ интересовались тѣмъ, что скажетъ Тьеръ или Гизо во французскихъ палатахъ, Пальмерстонъ или Дерби въ англійскомъ парламентѣ, или даже Деккеръ, Ротекъ и Велькеръ въ маленькомъ баденскомъ ландтагѣ. Теперь всѣ съ жадностью прислушивались къ каждому слову, произнесенному въ «Соединенномъ ландгагѣ» главнѣйшаго нѣмецкаго государства, къ каждому слову Кампгаузена, Финка, Беккерата, Ганземанна и другихъ предводителей либеральной партіи, а въ воздухѣ носилось смутное сознаніе, что этотъ «Соединенный ландтагъ» по своему положенію и своимъ задачамъ весьма сходенъ съ французскимъ Національнымъ Собраніемъ 1789 года. Въ кружкѣ Кинкеля все это часто служило предметомъ оживленныхъ разговоровъ.

Мы, студенты, конечно, не такъ ясно понимали совершавшіяся событія, какъ люди старшаго поколѣнія, но слѣдили за ними съ неменьшимъ интересомъ. У студенчества были свои собственныя политическія традиціи. Въ годы, непосредственно слѣдовавшіе за освободительными войнами, оно первое подняло голосъ за исполненіе данныхъ обѣщаній. Оно усердно поддерживало націоналистическія стремленія, хотя стремленія эти иногда принимали глупо преувеличенныя формы. Во время преслѣдованій такъ называемыхъ демагоговъ оно поплатилось не малымъ количествомъ жертвъ. Въ мое время студенческіе союзы не продолжали политической дѣятельности прежнихъ корпорацій, но сохранили старый девизъ: Богъ, родина и свобода. Они носили запрещенную черно-красно-золотую ленту подъ жилетомъ, они жадно стремились узнавать всѣ политическія новости и принимали самое живое участіе во всѣхъ событія дня. Такимъ образомъ, современныя либеральныя движенія находили въ насъ пламенныхъ сторонниковъ, хотя мы, молодежь, не вполнѣ уясняли себѣ, какія практическія дѣйствія предстоятъ въ ближайшемъ будущемъ.

Въ своихъ научныхъ занятіяхъ я съ большимъ рвеніемъ оста-

новился на исторіи Европы въ періодъ реформаціи. Я мечталъ впослѣдствіи, когда сдѣлаюсь профессоромъ, избрать ее своею спеціальностью. Великіе характеры того времени привлекали меня, и я не могъ устоять противъ искушенія изобразить нѣкоторые изъ нихъ въ драматической формѣ. Я набросалъ планъ трагедіи, главнымъ дѣйствующимъ лицомъ который былъ Ульрихъ фонъ-Гуттенъ, и началъ разрабатывать отдѣльныя сцены. Въ началѣ зимняго семестра 1847—48 г. я познакомился съ однимъ молодымъ студентомъ изъ Детмольда, Фридрихомъ Альтгаузомъ. Онъ болѣе всѣхъ моихъ знакомыхъ подходилъ къ типу идеальнаго нѣмецкаго юноши. Это была удивительно чистая, благородная натура, при томъ щедро одаренная и умственными способностями. Такъ какъ мы занимались приблизительно одними и тѣми же предметами, то мы скоро сошлись, и наша дружба сохранялась долго послѣ того, какъ мы оставили университетъ. Я довѣрилъ ему тайну моей драмы, и онъ поощрялъ меня продолжать ее. Помню, какіе счастливые часы я переживалъ, читая ему то, что успѣвалъ написать, и выслушивая его, обыкновенно слишкомъ лестныя, замѣчанія. Такъ прошла большая часть зимы въ пріятной и полезной дѣятельности. Вдругъ налетѣла страшная буря, которая съ непреодолимой силой увлекла меня и многихъ другихъ съ намѣченнаго заранѣе нами пути.

III.

Разъ утромъ, въ концѣ февраля 1848 г.—помнится, это было въ воскресенье,—я спокойно сидѣлъ на своемъ чердакѣ и работалъ надъ Ульрихомъ фонъ-Гуттеномъ, какъ вдругъ одинъ изъ моихъ пріятелей ворвался ко мнѣ въ комнату, еле переводя духъ, и вскричалъ:

— Чего ты тутъ сидишь! Развѣ ты еще не знаешь?

— Чего не знаю?

— Французы прогнали Луи-Филиппа и провозгласили республику!

Я бросилъ перо—и съ этихъ поръ не прикасался больше къ Ульриху фонъ-Гуттену. Мы сбѣжали съ лѣстницы на улицу. Куда идти? Конечно, на Базарную площадь.

Туда собирались каждый день послѣ обѣда всѣ студенческія корпораціи, каждая на свое опредѣленное мѣсто, и сговаривались, что предпринять вечеромъ. Но теперь еще было утро, положенный часъ собранія не пришелъ. Тѣмъ не менѣе площадь кишѣла студентами, которыхъ, повидимому, привлекло туда общее инстинктивное стремленіе.

Они стояли группами и вели оживленные разговоры: криковъ не было слышно, но всѣ громко говорили. Что дѣлать? Этого

никто не зналъ. Но такъ какъ французы прогнали Луи-Филиппа и провозгласили республику, то, очевидно, что-нибудь должно случиться и у насъ. Нѣкоторые студенты принесли съ собой свои рапиры, въ сущности весьма безвредное оружіе, какъ будто надо было немедленно на кого-то напасть, или отъ кого-то защищаться. Всѣмъ смутно чувствовалось, что готовится страшный взрывъ стихійныхъ силъ, что начинается землетрясеніе, первый толчекъ котораго уже произошелъ, и всякій сознавалъ инстинктивную потребность быть въ обществѣ другихъ людей. И вотъ мы ходили съ мѣста на мѣсто цѣлыми толпами; пошли сначала въ пивную, тамъ остались не долго, потомъ въ трактиры и разныя увеселительныя заведенія, гдѣ мы вступали въ разговоры съ совершенно незнакомыми людьми и у всѣхъ встрѣчали то же настроеніе растерянности, удивленія и ожиданія; затѣмъ мы вернулись на площадь посмотрѣть, что тамъ дѣлается, потомъ опять шли куда попало безъ цѣли и безъ конца; уже поздно вечеромъ, обезсиленные усталостью, мы разошлись по домамъ.

На слѣдующій день предстояло отправляться, какъ всегда, на лекціи. Мы попробовали послушать одного, другого профессора. Но это оказалось совершенно безполезнымъ. Однозвучно гудѣвшій голосъ слышался откуда-то издалека. То, что онъ говорилъ, ни малѣйше не интересовало насъ. Перо, которое должно было записывать лекцію, не двигалось. Наконецъ, мы со вздохомъ закрыли тетради, чувствуя, что насъ ждетъ болѣе важное дѣло, что мы должны посвятить свои силы на службу родинѣ. Съ этой цѣлью всякій спѣшилъ опять сойтись съ друзьями, чтобы вмѣстѣ обсудить и то, что случилось, и то, что должно было случиться. Среди этихъ разговоровъ выработались и тѣ лозунги, которые выражали общія стремленія. Пришло время создать нѣмецкое единство и основать великое могущественное «національно-нѣмецкое государство». Прежде всего необходимо созваніе національнаго парламента. Затѣмъ мы перешли къ необходимости гражданскихъ правъ и свободъ: свободы слова, свободы печати, свободы собраній, свободы передвиженія, равенства передъ закономъ, свободно избраннаго народнаго представительства съ законодательною властью, отвѣтственности министровъ, мѣстнаго самоуправленія, вооруженія народа, милиціи съ избираемыми офицерами и проч.,—однимъ словомъ, всего того, что мы называли «конституціонный образъ правленія на широкихъ демократическихъ началахъ». Республиканскія идеи на первыхъ порахъ рѣдко высказывались. Всѣ болѣе мечтали о нѣмецкой имперіи, окруженной въ нашихъ глазахъ ореоломъ особой поэзіи. Но слово «демократія» стало скоро многими повторяться, и точно также очень многіе считали вполнѣ естественнымъ, что если государи откажутся дать народу требуемыя права и свободы, то, вмѣсто петицій, придется прибѣгнуть къ силѣ. Хотя,

конечно, сначала слѣдовало добиваться возрожденія отечества мирными путями.

Въ это время мнѣ минуло девятнадцать лѣтъ. Я помню, что былъ совершенно увлеченъ совершавшимися событіями и не могъ направить мысль ни на что другое. Я такъ же, какъ и многіе мои пріятели, былъ проникнутъ глубокимъ, искреннимъ сознаніемъ, что, наконецъ-то, настало благопріятное время возвратить нѣмецкому народу его свободу, нѣмецкому отечеству его единство и славу, и что первый долгъ каждаго нѣмца все сдѣлать, всѣмъ пожертвовать ради этой священной цѣли.

Измѣнившіяся условія жизни потребовали отъ насъ службы, которая показалась намъ очень веселой. Вскорѣ, по полученіи извѣстій о французской революціи, бургомистръ города Бонна началъ бояться за общественную безопасность. Несмотря на общее возбужденіе, не было случаевъ нарушенія порядка, тѣмъ не менѣе бургомистръ, мучимый всевозможными страхами, настоялъ на устройствѣ милиціи, которая должна была ночью обходить патрулями городъ и ближайшія окрестности. Студентовъ тоже приглашали вступить въ ряды этой стражи, а такъ какъ въ нашу программу входила организація милиціи, то мы очень охотно приняли это приглашеніе.

Я и многіе мои пріятели немедленно предложили свои услуги; студенты другихъ кружковъ сдѣлали то же, и вскорѣ оказалось, что большая часть милиціи составлена изъ студентовъ. Наша задача состояла въ томъ, чтобы нарушителей тишины и всякихъ подозрительныхъ людей задерживать и приводить на гауптвахту, разгонять сборища, имѣвшія злые умыслы, охранять собственность и вообще заботиться объ общественной безопасности. Такъ какъ на самомъ дѣлѣ ничто не грозило этой безопасности, и обходъ патрулями города и окрестностей не имѣлъ никакого серьезнаго значенія, то студенты изъ всей этой затѣи устроили себѣ невинное развлеченіе. Мы ходили по улицамъ вооруженные рапирами, желѣзныя ножны которыхъ сильно гремѣли по тротуару. Когда намъ встрѣчался ночью какой нибудь запоздалый обыватель, мы краснорѣчиво убѣждали его разойтись и отправиться домой, или идти съ нами на гауптвахту и выпить стаканчикъ вина. Когда мы встрѣчались съ другимъ патрулемъ, состоящимъ изъ обывателей, мы непремѣнно задерживали его, какъ сборище, имѣвшее злой умыселъ, и приводили на гауптвахту, гдѣ братались съ нимъ и устраивали веселую попойку. Такъ какъ добродушные обыватели сами понимали, насколько смѣшна наша полицейская служба, то они ни мало не сердились на насъ и всегда готовы были выпить за «новое нѣмецкое государство» и за «конституцію на широкихъ демократическихъ началахъ».

Пока мы вели веселую жизнь, событія принимали серьезный оборотъ; впрочемъ, въ глубинѣ души и мы сознавали серьезность

положенія. Со всѣхъ сторонъ приходили тревожныя вѣсти. Въ Кельнѣ господствовало опасное броженіе. Въ трактирахъ и на улицахъ слышалось пѣніе марсельезы, которая въ то время считалась во всей Европѣ пѣснью свободы. На Соборной площади и на старомъ базарѣ собирались многолюдные митинги, на которыхъ обсуждались требованія народа. Многочисленная депутація, во главѣ которой стоялъ отставной артиллерійскій лейтенантъ Августъ фонъ-Виллихъ, проникла въ залу городского совѣта и потребовала, чтобы городское управленіе представило королю тѣ требованія, которыя были выработаны на народномъ митингѣ. Забили тревогу. войско двинулось противъ толпы народа. Виллихъ и другой, тоже бывшій артиллерійскій офицеръ, Фрицъ Аннеке, были арестованы. Послѣ этого волненіе возрасло. Рейнскіе члены соединеннаго ландтага умоляли оберъ-президента провинціи представить королю, что лишь немедленное удовлетвореніе народныхъ требованій можетъ предотвратить кровавыя столкновенія. Въ Кобленцѣ, Дюссельдорфѣ, Аленѣ, Крефельдѣ, Клеве и въ другихъ прирейнскихъ городахъ происходили подобныя же демонстраціи. Въ южной Германіи, въ Баденѣ, Рейнгессенѣ, Нассау, Виртембергѣ, Баваріи духъ новаго времени распространялся съ быстротой молніи. Въ Баденѣ великій герцогъ уже въ началѣ марта согласился на всѣ требованія. Въ Виртембергѣ, Нассау и Гессенъ-Дармштадѣ либеральная партія тоже одержала верхъ. Въ Баваріи, гдѣ еще до февральской революціи знаменитая Лола Монтесъ принуждена была удалиться по требованію разгнѣваннаго народа, происходилъ непрерывный рядъ демонстрацій съ цѣлью вынудить у короля Людвига либеральныя уступки. Курфирстъ Гессенъ-Кассельскій уступилъ, когда народъ вооружился и приготовился къ возстанію. Гессенскіе студенты охотно обѣщали гессенцамъ свою помощь. Въ Саксоніи населеніе Лейпцига подъ предводительствомъ Роберта Блума высказывало такой мятежный духъ, что король принужденъ былъ уступить. Изъ Вѣны пришли важныя извѣстія. Тамъ студенты университета явились къ императору съ настойчивымъ требованіемъ либеральныхъ реформъ. Произошли кровавыя столкновенія, и послѣдствіемъ ихъ явилось паденіе Меттерниха. Студенты организовали изъ себя вооруженную охрану народныхъ правъ.

Въ большихъ городахъ Пруссіи тоже было сильное броженіе. Не только Кельнъ, Кобленцъ, Триръ, но и Бреславль, Кенигсбергъ, Франкфуртъ на Одерѣ посылали депутаціи въ Берлинъ, чтобы убѣждать короля. Въ столицѣ Пруссіи народъ ходилъ толпами по улицамъ, и всѣ ждали рѣшительныхъ событій.

Пока всѣ эти извѣстія, какъ бурный потокъ, приливали къ намъ со всѣхъ сторонъ, маленькій университетскій городокъ Боннъ тоже усердно занимался составленіемъ адресовъ королю, собираніемъ подписей и отправкою ихъ въ Берлинъ. 18 марта и у насъ тоже была большая народная демонстрація. Собралась толпа для торже-

ственнаго шествія по улицамъ города. Почтенные граждане, многіе профессора, масса студентовъ, множество ремесленниковъ и рабочихъ—всѣ шли въ полномъ порядкѣ. Во главѣ шествія Кинкель несъ черно-красно-золотое знамя. Дойдя до базарной площади, онъ вошелъ на лѣстницу ратуши и оттуда держалъ рѣчь къ собравшейся толпѣ. Онъ говорилъ удивительно краснорѣчиво своимъ звучнымъ голосомъ о возрождающемся единствѣ и о величіи Германіи, о свободѣ и правахъ, которыя или будутъ даны государями или завоеваны нѣмецкимъ народомъ. Когда онъ въ концѣ рѣчи поднялъ черно-красно-золотое знамя и предсказалъ свободному нѣмецкому народу великое будущее, общее одушевленіе дошло до высшихъ предѣловъ. Раздались рукоплесканія, крики, присутствовавшіе обнимались, плакали. Весь городъ сразу украсился черно-красно-золотыми флагами, не одни только студенты, но и прочіе обыватели надѣли на шляпы и фуражки черно-красно-золотую кокарду.

Во время нашей торжественной демонстраціи вдругъ откуда то появились и стали распространяться зловѣщіе слухи. Раньше говорили, что прусскій король послѣ долгаго колебанія рѣшилъ, подобно другимъ государямъ, согласиться на осаждавшія его со всѣхъ сторонъ требованія. Теперь стали шепотомъ передавать другъ другу, что войско стрѣляло въ народъ, что на улицахъ Берлина идетъ ожесточенная битва. Эти слухи впослѣдствіи оправдались; дѣйствительно, на улицахъ Берлина была битва; но, странное дѣло, слухъ объ этой битвѣ дошелъ къ намъ, на Рейнъ раньше, чѣмъ она началась.

Восторженное настроеніе смѣнилось на короткое время тревожнымъ ожиданіемъ. Всѣ чувствовали, что столкновеніе между народомъ и войскомъ будетъ имѣть рѣшающее значеніе. Наконецъ, пришли подробныя извѣстія о всемъ, что произошло въ столицѣ. Король прусскій Фридрихъ Вильгельмъ IV сначала принималъ сыпавшія на него петиціи съ угрюмымъ молчаніемъ. Онъ еще недавно ясно, опредѣленно высказалъ свое твердое рѣшеніе никогда не допускать конституціоннаго ограниченія своей власти; онъ совершенно не понималъ, какъ можно по настоянію толпы дѣлать уступки, которыя по его мнѣнію должны были зависѣть исключительно отъ свободной воли короля. Но съ каждымъ днемъ положеніе дѣлалось все болѣе и болѣе грознымъ. Требованія, которыя депутаціи привозили королю со всѣхъ концовъ государства, становились все болѣе и болѣе настоятельными, въ самомъ Берлинѣ устраивались на улицахъ митинги; на нихъ собирались тысячи народа, бурно привѣтствовали либеральные лозунги, произносимые пылкими ораторами. Увлеченные общимъ теченіемъ, и представители города Берлина осмѣлились представить монарху адресъ, который, какъ говорили, король принялъ «милостиво». Но отвѣтъ его былъ еще слишкомъ уклончивъ и неопредѣлененъ, чтобы могъ успокоить просителей. А въ тоже время происходили крова-

выя столкновенія между народомъ, толпившимся на улицахъ и площадяхъ, и войсками, призванными содѣйствовать полиціи. При одномъ изъ такихъ столкновеній убитъ былъ купецъ и студентъ, и ранено нѣсколько человѣкъ, между прочимъ, женщины. Негодованіе, вызванное этими происшествіями, до нѣкоторой степени улеглось, когда разнесся слухъ, что король рѣшился, наконецъ, сдѣлать крупныя уступки, и что это будетъ оффиціально объявлено 18 марта. Дѣйствительно, король согласился издать манифестъ, которымъ объявлялась отмѣна цензуры и давалась надежда на дальнѣйшія либеральныя реформы и на политику, благопріятную національному объединенію.

Послѣ полудня 18 марта громадная толпа народа собралась на площади предъ дворцомъ, чтобы выслушать давно желанное заявленіе. Король вышелъ на балконъ и его привѣтствовали восторженными криками. Онъ попробовалъ говорить съ толпой, но голосъ его не былъ слышенъ. Впрочемъ, такъ какъ толпа была увѣрена, что онъ согласился на всѣ требованія народа, то она продолжала ликовать. Вдругъ раздался крикъ, чтобы удалили войско, которое было разставлено вокругъ дворца и, казалось, отдѣляло короля отъ его народа. Собравшіеся, очевидно, ожидали, что и это требованіе будетъ удовлетворено; они, хотя съ большимъ трудомъ, но открыли для войска проходъ среди тѣсно сплотившейся толпы. Вдругъ раздался барабанный бой, который былъ сначала принятъ за сигналъ къ удаленію войска. Но вмѣсто того, чтобы удаляться, ряды кавалеріи и пѣхоты двинулись на толпу, вѣроятно, съ цѣлью очистить площадь передъ дворцомъ. Со стороны пѣхоты раздались два выстрѣла, и вся сцена сразу страшно измѣнилась, какъ будто по волшебству.

Съ дикимъ крикомъ: «Измѣна! Измѣна!» масса народа, за минуту передъ тѣмъ радостно привѣтствовавшая короля, бросилась вразсыпную во всѣ ближайшія улицы, и всюду раздавался гнѣвный призывъ: «Къ оружію!» Скоро по всѣмъ направленіямъ улицы были загорожены баррикадами. Казалось, камни мостовой сами выскакивали изъ земли и строились въ стѣны, на которыхъ развивались черно-красно-золотыя знамена, и за которыми собирались граждане всѣхъ классовъ общества: студенты, купцы, художники, рабочіе, доктора, адвокаты, наспѣхъ вооруженные чѣмъ попало: ружьями, пистолетами, копьями, саблями, топорами, молотками и т. д. Это было народное возстаніе безъ подготовленія, безъ плана, безъ системы. Каждый, повидимому, слѣдовалъ лишь общему инстинкту. Тогда войскамъ отдано было приказаніе перейти въ нападеніе. Когда послѣ жаркой схватки имъ удавалось овладѣть одной баррикадой, за ней уже высилась другая, потомъ третья, четвертая... А за баррикадами женщины перевязывали раненыхъ, подкрѣпляли сражающихся пищей и питьемъ, а маленькіе мальчики усердно лили пули или заряжали ружья. Всю эту ужасную

ночь на улицахъ города гремѣли пушки, трещали ружейные выстрѣлы.

Сначала король, повидимому, рѣшилъ во что бы то ни стало подавить возстаніе. Но когда битва на улицахъ все продолжалась, онъ съ болью въ сердцѣ понялъ ея страшное значеніе. При каждомъ новомъ донесеніи возрастало его мучительное волненіе. Онъ то приказывалъ прекратить битву, то, минуту спустя, продолжать ее. Наконецъ, около полуночи онъ собственноручно написалъ прокламацію: «Моимъ милымъ Берлинцамъ». Онъ говорилъ, что два выстрѣла, вызвавшіе волненіе, сдѣланы были случайно, но что «шайка злодѣевъ, по большей части иностранцевъ», своими лживыми объясненіями этого случая обманула добрыхъ гражданъ и вызвала ихъ на эту ужасную битву. Далѣе онъ обѣщалъ отозвать войска, какъ только бунтовщики очистятъ баррикады, и заканчивалъ слѣдующими словами: «Послушайте отеческаго голоса вашего короля, жители моего вѣрнаго и прекраснаго Берлина, забудьте случившееся, какъ и я хочу забыть его отъ всего моего сердца ради великой будущности, которая съ помощью Божіей открывается для Пруссіи, а черезъ нее и для всей Германіи. Ваша любвеобильная королева, поистинѣ заботливая мать и заступница ваша, лежитъ больная и присоединяеть свои искреннія слезныя просьбы къ моимъ. Фридрихъ Вильгельмъ». Эта прокламація не достигла цѣли. Ее сопровождала стрѣльба изъ пушекъ и ружей, и боровшіеся граждане были, кромѣ того, обижены тѣмъ, что король называетъ ихъ или шайкою злодѣевъ, или легковѣрными жертвами этой шайки.

Наконецъ, около полудня воскресенья 19 марта, когда генералъ Меллендорфъ взятъ былъ въ плѣнъ бунтовщиками, войска получили приказъ отступить. Заключенъ былъ миръ на условіи, что армія будетъ удалена изъ Берлина, а Пруссія получитъ свободу печати и конституцію на широкихъ демократическихъ началахъ. Послѣ того, какъ войска вышли изъ города, произошло нѣчто, по своему драматическому интересу превосходящее всѣ сцены революцій. Безмолвная, торжественная процессія мужчинъ, женщинъ и дѣтей направилась ко дворцу короля. Мужчины несли на плечахъ носилки съ трупами народныхъ борцовъ, убитыхъ при уличныхъ стычкахъ.

Искаженныя страданіемъ лица и зіяющія раны ихъ были открыты, но окружены вѣнками изъ лавровъ, иммортелей и другихъ цвѣтовъ. Медленно, молча прошла эта процессія во внутренній дворъ дворца, тамъ поставили носилки рядами—ужасающая выставка труповъ,—а между ними стояли мужчины во разодранныхъ одеждахъ съ лицами, покрытыми кровью, почернѣвшими отъ пороха, держа въ рукахъ оружіе, которымъ они бились на баррикадахъ; ихъ сопровождали женщины и дѣти, оплакивавшія своихъ покойниковъ. На глухой призывъ толпы, среди одной изъ верхнихъ галлерей появился Фридрихъ-Вильгельмъ IV, блѣдный и разстроенный. Рядомъ съ нимъ стояла королева.—«Шляпу долой!»—закричали

снизу, и король обнажилъ голову передъ трупами. Тогда изъ толпы раздался звучный голосъ, который запѣлъ: «Іисусе мое прибѣжище», и всѣ подхватили гимнъ. Когда пѣніе окончилось, король и королева вернулись въ комнаты, а процессія съ трупами мрачно и медленно удалилась.

Это, дѣйствительно, было страшнымъ наказаніемъ для короля, но въ то же время выразительнымъ отвѣтомъ на его прокламацію къ «милымъ Берлинцамъ», въ которой онъ называлъ народныхъ борцовъ «шайкою злодѣевъ» или обманутыми жертвами этихъ злодѣевъ. Если бы среди толпы дѣйствительно были такіе «злодѣи» или «анархисты», какъ ихъ теперь называютъ, то наврядъ ли Фридрихъ-Вильгельмъ IV остался бы въ живыхъ, когда онъ стоялъ одинъ, беззащитный передъ народными борцами, только что вернувшимися съ поля битвы, возбужденными видомъ убитыхъ товарищей и съ оружіемъ въ рукахъ. Но въ эти минуты изъ ихъ среды вырвалось не «Смерть королю!», а «Іисусе мое прибѣжище!»

Надобно также сказать, что ни одинъ случай безчестнаго поступка со стороны народа не осквернилъ этихъ дней. Правда, два частныхъ дома были разгромлены, но только потому, что во время битвы хозяева ихъ выдали защитниковъ баррикадъ. Въ теченіе всей ночи инсургенты безпрепятственно распоряжались въ большей части города, и, несмотря на это, не было ни одной обоснованной жалобы на воровство или уничтоженіе имущества. Частная собственность была въ полной безопасности. Едва замолкли пушки, какъ всѣ магазины открылись.

Принцъ прусскій, тотъ самый принцъ, который впослѣдствіи подъ именемъ императора Вильгельма I считался самымъ популярнымъ монархомъ своего времени, принужденъ былъ немедленно послѣ уличной битвы бѣжать отъ народнаго гнѣва. Справедливо или нѣтъ, но всѣ говорили, что это онъ велѣлъ солдатамъ стрѣлять въ народъ. Онъ ночью же выѣхалъ изъ Берлина и отправился въ Англію. Возбужденная толпа собралась передъ его дворцомъ «Подъ Липами». Зданіе не охранялось никакимъ карауломъ. Разсказываютъ, что одинъ студентъ написалъ на главномъ фасадѣ его слова: «Національная собственность», и послѣ этого всякая охрана стала излишней.

Изъ цейхгауза народу роздали оружіе. Король объявилъ, что по его убѣжденію миръ и безопасность города никѣмъ не могутъ лучше охраняться, какъ самими гражданами. 21 марта Фридрихъ-Вильгельмъ IV снова появился среди народа, верхомъ, съ черно-красно-золотой повязкой на рукѣ; передъ нимъ, по его приказанію, несли черно-красное-золотое знамя, а большой флагъ того же цвѣта взвился надъ королевскимъ дворцомъ. Король свободно и непринужденно разговаривалъ съ обывателями. Онъ заявлялъ, что «хочетъ стать во главѣ движенія за объединеніе Германіи»; «Пруссія должна раствориться въ Германіи». Онъ увѣрялъ, что «ничего

такъ не желаетъ, какъ конституціонной и объединенной Германіи». Въ университетѣ онъ обратился къ собравшимся студентамъ и сказалъ имъ: «Благодарю васъ за тотъ достославный духъ, какой вы выказали въ эти дни. Я горжусь тѣмъ, что Германія имѣетъ такихъ сыновъ.» Всѣ понимали дѣло такъ, что теперь будетъ составлено новое, отвѣтственное министерство изъ членовъ либеральной оппозиціи; будетъ собрано прусское національное собраніе, свободно избранное съ цѣлью выработать конституцію прусскаго королевства, и что народъ всѣхъ нѣмецкихъ государствъ выберетъ нѣмецкій національный парламентъ, который соберется во Франкфуртѣ и объединитъ всю Германію подъ конституціоннымъ національнымъ правленіемъ. Берлинцы были внѣ себя отъ радости. Раздался одинъ только голосъ недовѣрія, который по окончаніи рѣчи короля закричалъ изъ толпы: «Не вѣрьте ему, братья! Онъ лжетъ! Онъ всегда лгалъ!» Нѣсколько милиціонеровъ защитили несчастнаго отъ гнѣва окружающихъ и быстро отвели его въ ближайшій полицейскій участокъ, откуда его скоро отпустили, какъ сумасшедшаго. «Герои, которые боролись за великое дѣло политической и соціальной свободы и своимъ мужественнымъ самоотверженіемъ завоевали ее для насъ», — такъ берлинскій магистратъ называлъ въ одной изъ своихъ прокламацій павшихъ въ уличной борьбѣ,—были похоронены на кладбищѣ Фридрихсгайнъ, при чемъ погребальное шествіе сопровождала двадцатитысячная толпа, а король стоялъ на балконѣ съ обнаженной головой все время, пока гробы проносили мимо дворца.

Вотъ какія важныя извѣстія разнеслись изъ Берлина по всей странѣ. Повидимому, дѣло народнаго освобожденія одержало рѣшительную побѣду. Короли и князья, съ прусскимъ королемъ во главѣ, торжественно поклялись служить этому дѣлу. Радость народа была безгранична.

Послѣ прусско-французской войны 1870 г. и основанія новой Германской имперіи, въ Германіи вошло въ привычку называть 1848 г. «безумнымъ годомъ» и съ насмѣшкой относиться къ «недомыслію», съ какимъ тогда сочинялись великолѣпныя программы, ставились всеобъемлющія требованія, затѣвались широкія движенія, и все кончалось жестокими разочарованіями и катастрофами. Но неужели нѣмецкій народъ 1848 г. заслуживаетъ такого рода насмѣшки? Правда, представители народныхъ стремленій того времени не умѣли считаться съ условіями существующей дѣйствительности и побѣдоносно довести начавшееся движеніе до желаннаго конца. Точно такъ же справедливо, что, вслѣдствіе этого, движеніе утратило свое единство и отчасти приняло фантастическія формы. Но кто можетъ удивляться этому теперь, когда все это стало достояніемъ прошлаго? Нѣмецкій народъ, достигшій высокаго развитія въ наукѣ, философіи, литературѣ и искусствѣ, въ политическомъ отношеніи жилъ да той поры подъ строгой опекой. Этотъ

народъ могъ лишь издали наблюдать, какъ другія націи пользовались своимъ правомъ самоопредѣленія или принимали дѣятельное участіе въ управленіи страной, онъ удивлялся этимъ націямъ и, можетъ быть, завидовалъ имъ. Онъ изучалъ вліяніе свободныхъ учрежденій по книгамъ и слѣдилъ за нимъ по газетнымъ отчетамъ, онъ мечталъ о такихъ же учрежденіяхъ и домогался введенія ихъ въ своемъ отечествѣ. Но при всемъ этомъ наблюденіи и изученіи, при всѣхъ этихъ мечтахъ и домогательствахъ, господствовавшая система опеки устраняла отъ него всякую возможность опыта въ осуществленіи права политическаго самоопредѣленія. Ему негдѣ было практически узнать, что такое настоящая политическая свобода. Онъ никогда не получалъ тѣхъ уроковъ, которые вытекаютъ изъ чувства отвѣтственности при политической дѣятельности. Свободныя государственныя учрежденія были ему совершенно непривычны; для мыслящихъ и образованныхъ лицъ они являлись не болѣе, какъ абстрактными понятіями, выводомъ изъ ихъ политико-философскихъ построеній; для необразованныхъ и поверхностныхъ людей они служили лозунгами, употреблявшимися, какъ выраженіе недовольства существующимъ порядкомъ.

Вдругъ послѣ длиннаго періода скрытаго броженія, подъ вліяніемъ внѣшняго толчка, этотъ народъ возсталъ. Его государи уступили ему все, въ чемъ прежде отказывали, и онъ увидѣлъ себя полнымъ обладателемъ непривычной власти. Удивительно ли, что такая внезапная перемѣна вызвала много несбыточныхъ желаній и безцѣльныхъ стремленій? Развѣ не было бы гораздо страннѣе, если бы народъ сразу поставилъ себѣ опредѣленныя, достижимыя цѣли, безъ колебанія нашелъ бы вѣрные пути къ нимъ и сумѣлъ бы разумно оцѣнить все, что было хорошаго въ данномъ положеніи? Развѣ мы ожидаемъ когда-нибудь, чтобы нищій, сразу ставшій милліонеромъ, сдѣлалъ вполнѣ правильное употребленіе изъ своего богатства? А между тѣмъ о большинствѣ нѣмецкаго народа никакъ нельзя сказать, чтобы при революціонномъ движеніи 1848 г. оно по главнымъ вопросамъ требовало чего-нибудь неразумнаго или недостижимаго. Много изъ того, къ чему стремились тогда, въ настоящее время достигнуто. Ошибки, сдѣланныя въ 1848 г., касаются болѣе примѣненныхъ средствъ, чѣмъ поставленныхъ себѣ цѣлей. И самыя крупныя изъ этихъ ошибокъ произошли, вслѣдствіе ребяческой довѣрчивости, съ которой всѣ ожидали полнаго исполненія обѣщаній, силою вырванныхъ у нѣмецкихъ государей, особенно у короля прусскаго. Безполезно вдаваться въ гаданія о томъ, что могло бы быть, если бы то, что было, случилось иначе. Но одно можно сказать съ полною достовѣрностью: если бы нѣмецкіе государи, не смущаясь интригами реакціонныхъ партій, съ одной стороны, и крайними увлеченіями нѣкоторыхъ революціонеровъ—съ другой, сдѣлали вполнѣ честно, пользуясь всею полнотою своей власти, то, чего народъ имѣлъ полное право ожидать отъ

нихъ послѣ мартовскихъ дней, тогда главнѣйшія цѣли, намѣченныя въ 1848 г., оказались бы вполнѣ достижимыми. Наслаждаясь свою «весною», народъ вѣрилъ, вмѣсто того, чтобы принимать необходимыя мѣры противъ реакціи,—это, конечно, было не предусмотрительно, но такая непредусмотрительность не вытекаетъ изъ неблагороднаго источника. Можно съ полнымъ правомъ сказать, что совершенно несправедливо приписывать неудачи 1848 и 1849 годовъ, главнымъ образомъ, вождямъ народнаго движенія.

Воспоминаніе о веснѣ 1848 года должно быть особенно дорого нѣмецкому народу по тому самоотверженному увлеченію великимъ дѣломъ, которымъ въ то время были проникнуты почти всѣ классы общества. Если подобное настроеніе и вызываетъ иногда нѣкоторыя крайности, во всякомъ случаѣ, народъ долженъ уважать его въ самомъ себѣ, а никакъ не стыдиться его. Мнѣ дѣлается тепло на сердцѣ всякій разъ, какъ я перенесусь мыслью въ тѣ дни. Я зналъ въ своей средѣ многихъ честныхъ людей, ученыхъ, студентовъ, горожанъ, крестьянъ, рабочихъ, болѣе или менѣе состоятельныхъ, обязанныхъ трудиться, чтобы прилично содержать свои семьи; многіе занимались своей работой не только изъ за денегъ, но и по любви къ ней; и въ то время каждый изъ нихъ готовъ былъ бросить свое дѣло, свою собственность, свой заработокъ, пожертвовать жизнью ради борьбы за освобожденіе народа, за честь и величіе родины. Всѣ съ уваженіемъ относились къ тому, кто былъ готовъ умереть за великую идею. Тотъ человѣкъ или тотъ народъ, который испыталъ въ своей жизни такіе моменты самоотверженнаго одушевленія, долженъ вѣчно хранить о нихъ почтительное воспоминаніе.

IV.

Въ эту весну я совершенно неожиданно для себя занялъ среди студентовъ выдающееся положеніе, благодаря первой рѣчи, какую я произнесъ въ жизни. Въ залѣ университета назначена была сходка студентовъ, не помню ужъ для какой спеціальной цѣли. Предсѣдательствовалъ профессоръ Ричль, извѣстный филологъ и деканъ философскаго факультета. Зала была биткомъ набита, и я стоялъ въ толпѣ. Я много думалъ надъ тѣмъ вопросомъ, который долженъ былъ обсуждаться, и составилъ свое собственное мнѣніе, но не имѣлъ намѣренія принимать участія въ преніяхъ. Вдругъ я услышалъ, что одинъ изъ ораторовъ высказываетъ мнѣніе, противоположное моему. Это взволновало меня: я попросилъ слова и черезъ минуту уже говорилъ передъ собраніемъ. Впослѣдствіи я никакъ не могъ вспомнить, что именно я сказалъ. Помню только, что я находился въ нервномъ возбужденіи, какого не испытывалъ никогда раньше, я дрожалъ всѣмъ тѣломъ, мысли и слова непре-

рывнымъ потокомъ приходили мнѣ въ голову, я говорилъ необыкновенно скоро, и рукоплесканія, послѣдовавшія за моею рѣчью, точно разбудили меня отъ сна. Это была моя первая публичная рѣчь. Когда собраніе разошлось, я встрѣтился въ дверяхъ съ профессоромъ Ричлемъ. Такъ какъ я слушалъ его лекціи, то онъ зналъ меня. Онъ положилъ мнѣ руку на плечо и спросилъ:

— А сколько вамъ лѣтъ?

— Девятнадцать.

— Жаль,—сказалъ онъ,—скоро будутъ выборы въ національный парламентъ, а вы еще слишкомъ молоды, вамъ нельзя быть депутатомъ.—Я покраснѣлъ до ушей. Быть членомъ парламента! Мое честолюбіе никогда не хватало такъ далеко! Я боялся, не позволилъ ли себѣ профессоръ подшутить надо мной.

Въ скоромъ времени мнѣ опять пришлось играть видную роль. Какъ всѣ другіе классы общества, такъ и студенты имѣли свои желанія, свои требованія, которыя ждали удовлетворенія въ это «новое время». При прусскихъ университетахъ состоялъ чиновникъ, называвшійся «уполномоченнымъ правительства», на обязанности котораго лежало, между прочимъ, слѣдить за политическимъ направленіемъ профессоровъ и студентовъ. У насъ «правительственнымъ уполномоченнымъ» былъ нѣкто Бетманнъ Гольвегъ. Не столько по своимъ личнымъ качествамъ, сколько вслѣдствіе занимаемой имъ должности, онъ былъ крайне не популяренъ среди студентовъ. Мы чувствовали, что такая должность, созданная въ періодъ самовластія и глубокаго униженія, не можетъ существовать при новыхъ порядкахъ и должна быть какъ можно скорѣй уничтожена. Въ манежѣ университета назначена была сходка студентовъ, а такъ какъ цѣль ея стала извѣстна, то профессора уклонились отъ присутствія на ней. Моя рѣчь въ залѣ университета доставила мнѣ нѣкоторую извѣстность, и я былъ выбранъ предсѣдателемъ. Рѣшено было обратиться въ академическій совѣтъ съ адресомъ и требовать немедленнаго удаленія правительственнаго уполномоченнаго. Мнѣ, какъ предсѣдателю, поручили тутъ же составить адресъ. Я его написалъ очень коротко, въ трехъ-четырехъ строкахъ. Сходка приняла его и рѣшила тотчасъ же всѣмъ собраніемъ отправиться въ домъ ректора университета и лично передать ему адресъ. И вотъ мы, человѣкъ 700—800, двинулись тѣсной толпой къ квартирѣ ректора на Коблецской улицѣ и позвонили. Ректоръ г. фонъ-Калькеръ, профессоръ философіи, пожилой человѣкъ, появился въ дверяхъ съ испуганнымъ лицомъ, и я прочелъ ему адресъ, составленный въ весьма энергичныхъ выраженіяхъ. Онъ съ минуту робко глядѣлъ на массу студентовъ, толкавшихся у дверей его и безжалостно топтавшихъ его голландскій садикъ, затѣмъ обратился къ намъ съ рѣчью, въ которой далеко не твердымъ голосомъ объяснилъ, что его радуетъ бодрый духъ нѣмецкой молодежи и ея высокія стремленія, что въ настоящее серьезное время учащаяся молодежь

можетъ совершить много важнаго, и что онъ очень охотно передастъ нашъ адресъ университетскому совѣту и правительству для немедленнаго обсужденія и рѣшенія.

Мы ясно видѣли, что бѣдный человѣкъ, которому никто изъ насъ не желалъ никакого зла, весьма умѣренно радуется «высокимъ стремленіямъ» нѣмецкой молодежи, но всетаки поблагодарили его за его готовность содѣйствовать намъ, вѣжливо распрощались съ нимъ и вернулись на Базарную площадь. Тамъ намъ сообщили, что, пока мы были у ректора, правительственный уполномоченный поспѣшно собралъ свои пожитки и уѣхалъ изъ города.

Первое время ликованіе по случаю «мартовскихъ побѣдъ» казалось всеобщимъ; даже сторонники неограниченной королевской власти старались скрывать свое неудовольствіе, но скоро начались разногласія между различными партійными группами: консерваторы добивались, главнымъ образомъ, возстановленія порядка и сильной власти; конституціоналисты, сторонники постепеннаго прогресса, желали конституціи, которая способствовала бы такому прогрессу; демократы видѣли упроченіе плодовъ революціи исключительно въ созданіи новыхъ учрежденій на самыхъ широкихъ демократическихъ основахъ. Я и по инстинктивному влеченію, и по убѣжденію сталъ на сторону демократовъ. Тутъ я снова встрѣтился съ Кинкелемъ, и вскорѣ дружба наша стала очень тѣсною. При нашей совмѣстной дѣятельности, нѣсколько натянутыя отношенія ученика и учителя замѣнились вполнѣ товарищескимъ тономъ и, вмѣсто церемоннаго *вы*, мы стали говорить другъ другу *ты*.

Мы усердно занялись агитаціей, которая поглощала почти все наше время. Кинкель, отличавшійся удивительною трудоспособностью, еще продолжалъ читать лекціи, и я довольно аккуратно слушалъ тѣ, на которыя подписался, но сердце мое не лежало къ нимъ, какъ прежде. Я прилежно занимался новѣйшей исторіей, особенно исторіей французской революціи, и читалъ множество философски-политическихъ статей и памфлетовъ новѣйшаго времени, касавшихся современныхъ вопросовъ. Такимъ образомъ, я старался выяснять себѣ свои политическія воззрѣнія и наскоро пополнять пробѣлы въ своихъ историческихъ знаніяхъ. Мнѣ это казалось тѣмъ болѣе необходимымъ, что я считалъ агитаторскую дѣятельность своею священною обязанностью. Эта дѣятельность была довольно широка. Во-первыхъ, мы устроили демократическій клубъ, состоявшій изъ горожанъ и изъ студентовъ, соперничавшій съ клубомъ конституціоналистовъ, основаннымъ профессоромъ Лосбеллемъ. Затѣмъ, какъ мѣстный органъ демократической партіи, основали «Боннскую газету», выходившую ежедневно подъ редакціей Кинкеля. Я считался помощникомъ редактора и долженъ былъ ежедневно поставлять одну или нѣсколько статей. Наконецъ, мы раза два-три въ недѣлю ходили въ окрестныя деревни проповѣдывать крестьянамъ политическое евангеліе новаго

времени и устраивать тамъ демократическіе союзы. Несомнѣнно, девятнадцатилѣтній журналистъ и народный ораторъ высказывалъ много весьма скороспѣлыхъ сужденій, но онъ искренно и горячо вѣрилъ въ свое дѣло и готовъ былъ каждую минуту пожертвовать своею кровью за все, что говорилъ и писалъ.

Моя дѣятельность въ этомъ направленіи едва не закончилась очень скоро послѣ начала. Гораздо раньше мартовской революціи жители герцогствъ Шлезвига и Гольштейна, ради пріобрѣтенія политически независимаго существованія, согласились присоединиться къ Даніи на условіи личной уніи. Но въ мартѣ 1848 г. тамъ вспыхнуло возстаніе противъ Даніи, и оба герцогства рѣшили упрочить свое независимое положеніе, вступивъ въ Германскій Союзъ въ качествѣ самостоятельныхъ государствъ. Это возстаніе встрѣчено было величайшимъ сочувствіемъ всей Германіи. Во многихъ мѣстностяхъ распространялись прокламаціи, призывавшія къ составленію отрядовъ добровольцевъ, которые должны были помогать герцогствамъ освободиться отъ Даніи. Эти прокламаціи встрѣчены были особеннымъ сочувствіемъ въ университетахъ, и очень многіе студенты отправились въ Шлезвигъ-Гольштейнъ, чтобы записаться добровольцами. Мое первое побужденіе влекло меня послѣдовать ихъ примѣру. Я уже началъ серьезно готовиться къ отъѣзду, но Кинкель отговорилъ меня отъ этого намѣренія. Онъ доказывалъ мнѣ, что освобожденіе Шлезвигъ-Гольштейна отъ Даніи признано и нѣмецкимъ парламентомъ, и нѣмецкими государями за національное дѣло, что двинутыя туда войска, какъ Пруссіи, такъ и другихъ государствъ Германскаго Союза, болѣе способны вести войну, чѣмъ плохо организованные, мало обученые отряды добровольцевъ. Онъ не скрывалъ, что хотѣлъ бы удержать меня въ Боннѣ, гдѣ, по его словамъ, я своею агитаторскою дѣятельностью могу принести гораздо больше пользы родинѣ. И, дѣйствительно, хотя отрядъ студентовъ сражался въ Шлезвигъ-Гольштейнѣ очень храбро, но, вслѣдствіе лучшей тактики и дисциплины датскихъ войскъ, подвергался разнымъ непріятнымъ случайностямъ, такъ, что польза, принесенная имъ, не соотвѣтствовала его жертвамъ. Я убѣдился въ этомъ изъ разсказовъ многихъ студентовъ, которые, прослуживъ нѣсколько времени въ шлезвигъ-гольштинской арміи, снова вернулись къ своимъ научнымъ занятіямъ.

Нѣкоторые изъ нихъ пріѣхали въ Боннъ; между прочимъ, Адольфъ Штротдманъ, съ которымъ я близко сошелся. Трудно себѣ представить человѣка, менѣе его способнаго къ военной службѣ. Онъ былъ не только сильно близорукъ, но и очень глухъ. Съ большимъ юморомъ разсказывалъ онъ намъ о томъ единственномъ сраженіи, въ которомъ принималъ участіе. По глухотѣ онъ не слышалъ команды, а по слѣпотѣ не могъ отличить датчанъ отъ нѣмцевъ и стрѣлялъ, самъ не зная въ кого. Въ этомъ сраженіи

онъ былъ тяжело раненъ въ спину навылетъ и взятъ въ плѣнъ, а затѣмъ, при размѣнѣ плѣнныхъ, возвращенъ на родину. Физическіе недостатки придавали ему нѣсколько странный видъ. Вслѣдствіе его глухоты, съ нимъ случались разныя смѣшныя недоразумѣнія, надъ которыми онъ всегда самъ первый смѣялся. Говорилъ онъ всегда такимъ громкимъ голосомъ, точно всѣ мы были такъ же глухи, какъ онъ. Послѣ своей раны, онъ привыкъ ходить лѣвымъ плечомъ впередъ, точно пробирался сквозь какую-то невидимую намъ толпу народа, и при этомъ видѣлъ настолько плохо и былъ такъ разсѣянъ, что натыкался на всевозможные предметы. Но это была искренняя, свѣжая, увлекающаяся натура, съ наивнымъ міросозерцаніемъ, съ великодушными, благородными порывами. Стихотворенія, которыя онъ писалъ и читалъ намъ своимъ громовымъ голосомъ, не отличались ни глубиною мысли, ни богатствомъ фантазіи и поэтическаго чутья, но они были замѣчательны красотою формы и музыкальностью стиха. Впослѣдствіи онъ пріобрѣлъ извѣстность, какъ превосходный переводчикъ французскихъ, англійскихъ и датскихъ поэтовъ и прозаиковъ. По своимъ политическимъ взглядамъ онъ былъ въ то время рѣшительнымъ демократомъ и горячимъ сторонникомъ Кинкеля. Мы съ нимъ вскорѣ стали близкими друзьями.

То праздничное политическое настроеніе, которое непосредственно послѣ мартовской революціи, рисовало намъ все въ такомъ розовомъ свѣтѣ, вскорѣ начало тускнѣть. Въ южной Германіи, гдѣ многіе держались мнѣнія, что революція не должна была бы останавливаться у подножія троновъ, революціонеры, подъ предводительствомъ блестящаго и необузданнаго народнаго трибуна Геккера, попытались произвести вооруженное возстаніе. Это возстаніе было очень скоро подавлено силою оружія. Вообще, такого рода попытки въ первое время встрѣчали мало сочувствія въ странѣ. Желанія громаднаго большинства либерально настроенныхъ массъ не шли далѣе возстановленія національнаго единства и конституціонной монархіи на широкихъ демократическихъ началахъ. Но революціонная мысль распространялась и крѣпла по мѣрѣ того, какъ реакція принимала все болѣе и болѣе угрожающее положеніе.

Національный парламентъ во Франкфуртѣ, избранный весною, какъ органъ обще-германскаго правительства, какъ воплощеніе верховной власти нѣмецкой націи, считалъ въ числѣ своихъ членовъ множество знаменитостей въ области политики, юриспруденціи, философіи, науки и литературы. Онъ вскорѣ сталъ проявлять наклонность большую часть времени проводить въ блестящихъ, но болѣе или менѣе безполезныхъ словопреніяхъ, вмѣсто того, чтобы быстрыми и рѣшительными дѣйствіями закрѣпить плоды мартовской революціи и обезопасить ихъ отъ посягательствъ враговъ.

Но еще болѣе безпокоили насъ событія въ Берлинѣ. Пруссія была, несомнѣнно, самымъ сильнымъ изъ нѣмецкихъ государствъ. Австрія представляла конгломератъ различныхъ національностей: въ нее входили нѣмцы, мадьяры, славяне, итальянцы До сихъ поръ нѣмецкій элементъ, — которому принадлежала династія и столица имперіи,—занималъ въ ней первенствующее мѣсто, хотя численностью и не превосходилъ другихъ. Но славяне, мадьяры и итальянцы, особенно подъ вліяніемъ революціонныхъ движеній 1848 г., стремились къ національной автономіи; въ послѣднія десятилѣтія старой нѣмецкой имперіи и затѣмъ послѣ наполеоновскихъ войнъ Австрія, несомнѣнно, занимала руководящее положеніе въ Германіи, но подобное положеніе въ Германіи, объединенной подъ конституціоннымъ режимомъ, не отвѣчало интересамъ ея не-нѣмецкихъ областей. Дѣйствительно, впослѣдствіи оказалось, что взаимное соперничество различныхъ національностей дало возможность центральному правительству подчинить себѣ каждую изъ нихъ отдѣльно съ помощью остальныхъ, и что, несмотря на всѣ обѣщанія мартовскихъ дней, интересы внѣнѣмецкихъ областей и интересы династіи выдвинулись на первый планъ. Пруссія же, за исключеніемъ небольшой польской провинціи, была чисто нѣмецкая страна и самое значительное изъ нѣмецкихъ государствъ по количеству населенія, по прогрессивнымъ тенденціямъ, по экономическому развитію и, въ особенности, по военной силѣ. Всѣ чувствовали, что ходъ дѣлъ въ Пруссіи будетъ имѣть рѣшающее вліяніе на судьбы революціи.

Первое время Фридриху Вильгельму IV, повидимому, очень нравилась роль вождя національнаго движенія, какую онъ взялъ на себя въ бурные мартовскіе дни. Его подвижная натура, казалось, поддавалась новому увлеченію. Онъ гулялъ по улицамъ Берлина и дружески разговаривалъ то съ тѣмъ, то съ другимъ встрѣчнымъ. Онъ говорилъ о проведеніи конституціонныхъ принциповъ въ правленіи, какъ о дѣлѣ рѣшеномъ. Громко хвалилъ онъ «берлинскій народъ», который держалъ себя съ нимъ такъ благородно и великодушно, какъ не могло бы держать себя населеніе ни одного города въ мірѣ. Онъ издалъ приказъ, чтобы армія носила черно-красно-золотую кокарду вмѣстѣ съ прусской. Во время парада въ Потсдамѣ онъ объявилъ недовольнымъ гвардейскимъ офицерамъ, что чувствуетъ себя счастливымъ, свободнымъ и безопаснымъ среди берлинскихъ гражданъ, что все, что онъ далъ и сдѣлалъ, было дано и сдѣлано имъ свободно, по внутреннему убѣжденію, и что никто не долженъ смѣть сомнѣваться въ этомъ.

Но когда въ Берлинѣ открылось прусское національное собраніе, когда оно попыталось издавать законы, настаивать на проведеніи въ жизнь конституціонныхъ принциповъ и мѣшаться въ правительственныя распоряженія, тогда король сталъ все болѣе и болѣе подчиняться вліяніямъ другого рода: эти вліянія тѣмъ съ

большимъ удобствомъ дѣйствовали на него, что онъ изъ Берлина переѣхалъ въ свой Потсдамскій дворецъ. Вслѣдствіе этого, непосредственныя сношенія короля съ народомъ прекратились; его разговоры съ новыми либеральными министрами свелись къ короткимъ, формальнымъ аудіенціямъ, а голоса, напоминавшіе ему старыя симпатіи, предразсудки и стремленія, неотступно раздавались вокругъ него.

Прежде всего заговорила армія, это любимое дѣтище Гогенцолерновъ. Она была полна скрытаго негодованія за тотъ «позоръ», которому ее подвергли, заставивъ удалиться изъ Берлина послѣ уличной борьбы, она жаждала мести и возстановленія своего прежняго престижа. Затѣмъ придворная знать, у которой всегда единственнымъ дѣломъ было льстить монарху и прославленіемъ его особы усиливать собственное значеніе. Потомъ землевладѣльческое дворянство, юнкерство, феодальныя права котораго въ теоріи отрицались духомъ революціи, а на практикѣ урѣзывались законодательною дѣятельностью народныхъ представителей; оно старалось всѣми силами воздѣйствовать на гордость короля. Старая бюрократія, которую революція лишила власти, хотя личный составъ ея мало измѣнился, пыталась снова вернуть себѣ прежнее всемогущество. Наконецъ, заговорилъ «старо-прусскій духъ», враждебный всѣмъ націоналистическимъ стремленіямъ, разъ они грозили умалить престижъ и значеніе спеціально Пруссіи. Всѣ эти вліянія, обыкновенно обозначаемыя однимъ словомъ «реакція», совмѣстными усиліями отклоняли короля отъ того пути, на который онъ вступилъ въ мартовскіе дни, и стремились съ его помощью вполнѣ возстановить старый порядокъ вещей. Черезъ посредство короля они держали въ своихъ рукахъ прусскую армію, а эта армія имѣла громадное, быть можетъ, рѣшающее значеніе въ предстоявшей борьбѣ. Реакція усиленно эксплуатировала въ свою пользу случайные безпорядки, имѣвшіе мѣсто на улицахъ Берлина. Во всякой свободной странѣ, въ родѣ Англіи или Америки, такого рода безпорядки вызвали бы усиленіе полицейскихъ мѣропріятій, но ни одинъ разумный человѣкъ не нашелъ бы ихъ настолько важными, чтобы изъ-за нихъ сомнѣваться въ цѣлесообразности гражданскихъ вольностей или конституціонныхъ учрежденій. Но въ Пруссіи эти безпорядки дали поводъ пугать боязливыя буржуазныя души призракомъ общей анархіи и убѣдить короля, что возстановленіе неограниченной королевской власти необходимо для поддержанія законности и порядка.

Съ другой стороны, очевидный ростъ реакціи содѣйствовалъ тому, что наиболѣе серьезные сторонники національнаго объединенія и конституціи на демократическихъ основахъ стали все болѣе и болѣе уклоняться въ сторону радикальныхъ тенденцій.

Вліяніе быстрыхъ успѣховъ реакціи сказалось и въ нашей средѣ. Нашъ демократическій союзъ состоялъ наполовину изъ сту-

дентовъ, наполовину изъ горожанъ. Кинкель былъ предсѣдателемъ его, а я однимъ изъ членовъ исполнительнаго комитета. Сначала мы ничего не желали, кромѣ конституціонной монархіи съ всеобщимъ избирательнымъ правомъ и неприкосновенными гражданскими свободами. Но, замѣчая грозное наростаніе реакціи, мы вскорѣ пришли къ убѣжденію, что свобода можетъ быть обезпечена исключительно при республиканскомъ строѣ. Отъ этого былъ только шагъ до дальнѣйшаго вывода, что въ республикѣ и только въ ней одной можно найти исцѣленіе отъ всѣхъ болѣзней общественнаго организма, рѣшеніе всѣхъ политическихъ и соціальныхъ задачъ. Мы видѣли въ гражданинѣ республики высшее олицетвореніе человѣческаго достоинства, это былъ идеализмъ, воспитанный въ насъ изученіемъ классической древности. Основываясь на исторіи французской революціи, мы не сомнѣвались, что республика можетъ быть введена въ Германіи и утвердится тамъ бокъ-о-бокъ съ монархическимъ строемъ остальной Европы. Эта исторія показывала намъ, какъ невозможное съ перваго взгляда становилось дѣйствительностью, едва пробуждалась энергія, присущая всякой великой націи, едва выступали на сцену безстрашные борцы за идею. Многихъ изъ насъ, понятно, пугалъ тотъ терроризмъ, который залилъ великое народное движеніе французовъ цѣлыми потоками невинной крови, мы надѣялись, что у насъ дѣло обойдется безъ такихъ крайностей. Во всякомъ случаѣ, французская революція давала намъ достаточное количество образцовъ, которымъ мы стремились подражать и которые сильно возбуждали нашу фантазію. Какъ обыкновенно бываетъ, мы начали подражаніе нашимъ героямъ съ внѣшнихъ формъ; такъ, чтобы подчеркнуть гражданское равенство между членами нашего клуба, мы ввели правило, по которому всѣ они, каково бы ни было ихъ общественное положеніе, должны были называть другъ друга не иначе, какъ «гражданинъ». Мы уже не говорили «господинъ профессоръ Кинкель, а просто гражданинъ Кинкель», «гражданинъ Унгеръ», «гражданинъ Шурцъ» и т. д. Наши противники много смѣялись надъ нами, но это не смущало насъ. Мы считали, что дѣлаемъ серьезное дѣло, вводя такой тонъ во взаимное обращеніе: онъ долженъ былъ указывать путь для дальнѣйшаго развитія общества. Я въ настоящее время не помню содержанія нашихъ преній въ клубѣ, знаю только, что они велись очень горячо, временами замѣчательно краснорѣчиво и въ громадномъ большинствѣ случаевъ съ полною искренностью убѣжденій.

Лѣтомъ Кинкель и я получили порученіе явиться представителями нашего клуба на конгрессѣ демократическихъ союзовъ въ Кёльнѣ. Это собраніе, на которомъ я держался весьма робко и молчаливо, осталось у меня въ памяти потому, что тамъ я увидалъ лицомъ къ лицу многихъ выдающихся людей того времени, между прочимъ, вождя соціалистовъ, Карла Маркса. Ему

было въ то время 30 лѣтъ и онъ уже считался признаннымъ главою соціалистической школы. Невысокаго роста, крѣпко сложенный, съ широкимъ лбомъ, съ черными волосами, густою бородой и темными, блестящими глазами, онъ сразу привлекалъ вниманіе. Про него говорили, что въ своей спеціальности это замѣчательный ученый; а такъ какъ я весьма мало зналъ изъ его политико-экономическихъ открытій и теорій, то я мечталъ удержать въ памяти каждое слово знаменитаго человѣка. Мои ожиданія не оправдались. Все, что Марксъ говорилъ, было, дѣйствительно, содержательно, логично и ясно Но никогда не встрѣчалъ я человѣка, отличавшагося такимъ оскорбительнымъ и нестерпимымъ высокомѣріемъ. Ни одного мнѣнія, сколько-нибудь отличнаго отъ его собственнаго, не удостоивалъ онъ благосклоннаго отзыва. Ко всякому, кто ему противорѣчилъ, онъ относился съ худо скрываемымъ презрѣніемъ. На каждый непріятный ему доводъ онъ отвѣчалъ или ѣдкой насмѣшкой надъ жалкимъ невѣжествомъ говорившаго, или оскорбительнымъ заподозрѣваніемъ его побужденій. Я до сихъ поръ помню тотъ рѣзко саркастическій тонъ, которымъ онъ произносилъ слово «бюргеръ». А названіемъ «бюргеръ», т. е. несомнѣннымъ образцомъ умственнаго и нравственнаго ничтожества, онъ клеймилъ всякаго, кто осмѣливался возражать ему. Послѣ этого неудивительно, что предложенія, внесенныя Марксомъ въ собраніи, не были приняты, что всѣ, чьи чувства онъ оскорбилъ своимъ обращеніемъ, голосовали противъ него, и что онъ не только не пріобрѣлъ послѣдователей, но оттолкнулъ многихъ, кто былъ готовъ сдѣлаться его сторонникомъ.

VI.

Лѣто 1848 г. прошло для меня въ усиленной работѣ и тревожномъ настроеніи. Газета, агитаторская дѣятельность въ клубахъ и народныхъ собраніяхъ, да и къ тому же еще занятія въ университетѣ—все это не оставляло мнѣ ни минуты свободной; впрочемъ, не могу не сознаться, что университетскія занятія стояли у меня далеко не на первомъ планѣ. Тяжелое настроеніе мое вызывалось очевиднымъ ростомъ реакціи; я видѣлъ ясно, что французскій «національный парламентъ» и берлинское національное собраніе упустили случай создать что-либо прочное; меня угнетало чувство собственнаго безсилія, невозможность сколько-нибудь содѣйствовать предотвращенію грозившаго несчастія. Я помню, какъ мучило меня мое невѣжество въ политическихъ вопросахъ, тѣмъ болѣе, что я ясно сознавалъ необходимость энергичной и разумной агитаціей подготовить народъ къ предстоявшей рѣшительной борьбѣ.

Впрочемъ, работа наша имѣла и свои веселыя стороны, кото-

рыми мы отъ души наслаждались. Сельское населеніе относилось съ большимъ сочувствіемъ къ намъ, студентамъ, и даже тѣ, кто не раздѣлялъ нашихъ политическихъ воззрѣній, принимали насъ всегда въ высшей степени дружелюбно, такъ что нашъ пріѣздъ въ какую-нибудь деревню ради агитаторской дѣятельности часто превращался въ веселый праздникъ. Иногда мы даже умышленно соединяли общественное удовольствіе съ политической демонстраціей. Такъ, мы устраивали патріотическія собранія съ выпивкой въ трактирахъ и ночныя процессіи съ факелами въ излюбленное нами Кессенихское ущелье недалеко отъ Бонна: тамъ мы разводили костры и всю ночь до утра говорили патріотическія рѣчи, пѣли и дурачились. Самымъ пріятнымъ воспоминаніемъ изъ того времени остался для меня студенческій конгрессъ въ Эйзенахѣ въ сентябрѣ 1848 г.; я присутствовалъ на немъ, какъ представитель боннскихъ студентовъ.

Это было мое первое большое путешествіе. До тѣхъ поръ я удалялся отъ дома не болѣе, какъ на день ходьбы или на нѣсколько часовъ пароходной ѣзды. Въ первый разъ въ этотъ свѣтлый, солнечный день я могъ насладиться путешествіемъ по Рейну отъ Бонна до Майнца, и я старался отгонять отъ себя тревожныя мысли, вызываемыя разными смутными слухами о безпорядкахъ и уличной битвѣ, происходящей будто бы во Франкфуртѣ. Но когда я пріѣхалъ вечеромъ во Франкфуртъ, слухи эти, къ сожалѣнію, подтвердились.

Безпорядки во Франкфуртѣ вызваны были слѣдующими обстоятельствами: еще весной 1848-го года, какъ я говорилъ выше, народное возстаніе въ Шлезвигъ-Гольштейнѣ противъ самоуправства датчанъ было признано нѣмецкимъ національнымъ дѣломъ со стороны союзнаго совѣта, а затѣмъ національнаго парламента и всѣхъ отдѣльныхъ правительствъ Германіи. Прусскія и другія войска союза двинуты были въ герцогства, одержали нѣсколько побѣдъ надъ датской арміей и укрѣпились въ Ютландіи. Все обѣщало скорый и счастливый конецъ войны. Вдругъ прусское правительство, глава котораго Фридрихъ-Вильгельмъ IV по обыкновенію испугался вмѣшательства великихъ державъ Европы, удивило весь міръ перемиріемъ, заключеннымъ съ Даніей отъ имени Германскаго союза и извѣстнымъ въ исторіи подъ именемъ «перемирія въ Мальмö». Этимъ перемиріемъ было установлено, что побѣдоносныя нѣмецкія войска должны оставить Ютландію и герцогства, что герцогства лишаются своего временнаго мѣстнаго самоуправленія и взамѣнъ его должны управляться коммиссіей, состоящей изъ пяти членовъ, двухъ назначаемыхъ Даніей, двухъ Пруссіей и одного обѣими договаривающимися сторонами. Въ то же время отмѣнялись всѣ законы и распоряженія, изданныя шлезвигъ-гольштейнскимъ правительствомъ, начиная съ марта мѣсяца. Это перемиріе возбудило во всей Германіи сильнѣйшее негодова-

ніе. Мѣстное національное собраніе Шлезвигъ-Гольштейна протестовало. Франкфуртскій національный парламентъ, понимая, что этотъ поступокъ Пруссіи оскорбляетъ честь Германіи и унижаетъ его собственный авторитетъ, рѣшилъ 5 сентября не признавать перемирія и требовать отмѣны мѣропріятій, принятыхъ на основаніи его. Но послѣ нѣсколькихъ напрасныхъ попытокъ составить новое общеимперское министерство, онъ отступилъ передъ рѣзкой постановкой вопроса о томъ, кому принадлежитъ верховная власть, ему или Пруссіи; 16 сентября онъ отмѣнилъ свое постановленіе отъ 5-го и объявилъ, что мѣшать исполненію договора въ Мальмö будетъ уже не своевременно. Это заявленіе, которое оскорбляло всѣ чувства нѣмецкаго народа, вызвало сильнѣйшее возбужденіе, которымъ немедленно воспользовались вожди революціонной партіи во Франкфуртѣ и окрестностяхъ. На слѣдующій же день на лугу около Франкфурта собрался большой митингъ. Горячія рѣчи возбудили до высшей степени страсти толпы, и собраніе приняло резолюцію, въ которой клеймило большинство національнаго собранія именемъ измѣнниковъ нѣмецкому народу. Со всѣхъ сторонъ собирались вооруженные демократы; сдѣлана была попытка силою заставить парламентъ взять назадъ возмутительное заявленіе или изгнать изъ своей среды членовъ, виновныхъ въ измѣнѣ отечеству. Двое видныхъ членовъ парламента, изъ консервативной партіи, графъ Ауэрсвальдъ и принцъ Лихновскій, попали въ руки возбужденной толпы и были убиты. Затѣмъ послѣдовала битва на улицахъ Франкфурта и инсургенты были разбиты быстро подоспѣвшими войсками.

Когда я по пути въ Эйзенахъ пріѣхалъ во Франкфуртъ, побѣдоносныя войска стояли бивуакомъ на улицахъ вокругъ своихъ сторожевыхъ огней; баррикады еще не были вполнѣ разобраны; мостовая была забрызгана кровью; всюду слышались тяжелые шаги патрулей. Съ трудомъ удалось мнѣ пробраться въ гостиницу «Лебедь», гдѣ я долженъ былъ встрѣтиться съ нѣсколькими гейдельбергскими студентами, чтобы ѣхать вмѣстѣ съ ними въ Эйзенахъ. Съ тяжелымъ сердцемъ сидѣли мы всѣ вмѣстѣ до поздней ночи; мы чувствовали, что дѣло свободы и національнаго объединенія потерпѣло страшное пораженіе. Королевско-прусское правительство сдѣлало ловкій ходъ противъ національнаго парламента, этого представителя власти нѣмецкой націи. Такъ называемый «народъ» посягнулъ на народное правительство, созданное революціей, и, спасаясь отъ народной ненависти, оно принуждено было отдаться подъ защиту вооруженной силы государей. Этимъ была фактически сломана опора революціи, начавшейся въ мартѣ. Мы въ то время еще не заглядывали такъ далеко, мы только чувствовали, что свершилось великое несчастіе. Впрочемъ, благодаря нашей молодости, мы не отчаивались и утѣшали себя надеждой, что потерянное еще можетъ быть возвращено какимъ-нибудь благопріят-

нымъ поворотомъ обстоятельствъ, а главное—энергичною и цѣлесообразною работою.

На другой день я съ пріятелемъ отправился въ галлерею церкви Св. Павла, въ которой засѣдалъ національный парламентъ. Съ благоговѣніемъ вступилъ я въ историческое помѣщеніе, которое въ тѣ дни такъ грустно отражало на себѣ судьбы революціи 1848 года: справа сидѣли люди, которые всего больше хотѣли возстановить старые «до-мартовскіе» порядки; на губахъ ихъ виднѣлась улыбка торжества; въ центрѣ — сторонники болѣе или менѣе либеральной конституціонной монархіи; ихъ мучилъ все возраставшій страхъ, что имъ не удастся побороть революціонную демократію, не давая при этомъ слишкомъ усилиться абсолютистской реакціи; слѣва—демократы и республиканцы, подавленные тяжелымъ сознаніемъ, что народныя массы, въ которыхъ они должны были найти источникъ своей силы, скомпрометтировали ихъ дикимъ проявленіемъ насилія и дали опаснѣйшее орудіе въ руки реакціи.

Я до сихъ поръ помню тѣхъ членовъ, которыхъ глаза мои искали особенно жадно. Направо,—Радовицъ, тонко очерченное лицо котораго съ нѣсколько восточнымъ типомъ казалось запечатанной книгой, скрывавшей тайны реакціонной политики; въ центрѣ—Гейнрихъ ф. Гагернъ со своей статной фигурой и грозно сдвинутыми бровями; налѣво—Силенова голова Роберта Блума, этого идеальнаго народнаго трибуна, и маленькая согнутая фигурка старика Лудвига Уланда, пѣсни котораго мы такъ часто пѣли и который съ такою трогательною преданностью отдавался тому, что признавалъ неотъемлемымъ правомъ народа.

Вечеромъ мы отправились дальше въ Эйзенахъ, и я вскорѣ очутился среди милаго, веселаго общества. Хорошенькій городокъ Эйзенахъ у подножія Вартбурга,—гдѣ Лютеръ перевелъ библію на нѣмецкій языкъ и бросилъ въ чорта чернильницу,—былъ излюбленнымъ мѣстомъ большихъ студенческихъ демонстрацій вскорѣ послѣ освободительныхъ войнъ, когда необходимо было напоминать и государямъ, и народамъ обѣщанія, данныя въ тяжелое время, и надежды, порожденныя этими обѣщаніями. Весной 1848 г. тамъ уже происходило одно собраніе студентовъ, но оно не пришло ни къ какимъ опредѣленнымъ резолюціямъ. Нашъ студенческій конгрессъ въ сентябрѣ собирался главнымъ образомъ съ цѣлью положить начало національной организаціи нѣмецкаго студенчества и для облегченія совмѣстныхъ дѣйствій выбрать какой-нибудь центральный пунктъ. Кромѣ того мы должны были обсуждать разныя необходимыя реформы въ университетахъ, но, насколько мнѣ помнится, мы не отдавали себѣ яснаго отчета, въ чемъ должны состоять эти реформы. Наши засѣданія происходили въ залѣ гостиницы «Клемда», и мы придали имъ парламентскую форму, такъ что пренія велись въ полномъ порядкѣ. Въ ораторахъ у насъ не было недостатка. Такъ какъ почти всѣ нѣмецкіе университеты,

не исключая австрійскихъ, прислали на этотъ конгрессъ своихъ представителей, то собраніе наше было весьма многочисленно и заключало не мало талантливыхъ молодыхъ людей. Общее вниманіе и собранія, и публики обращали на себя вѣнцы. Ихъ пріѣхало человѣкъ девять или десять; всѣ они носили красивую форму знаменитаго въ то время «академическаго легіона»: черную фетровую шляпу со страусовыми перьями; темносиніе сюртуки съ черными блестящими пуговицами; черно-красно-золотые шарфы; свѣтло-сѣрыя панталоны; длинныя сабли съ отдѣланными сталью рукоятками; серебристо-сѣрые плащи на красной подкладкѣ. Эта форма была очень красива и имѣла въ себѣ что-то рыцарское. Въ Вѣнѣ, кажется, постарались послать на конгрессъ самыхъ красивыхъ студентовъ. Всѣ депутаты тамошняго университета были замѣчательные красавцы, высокаго роста, съ бородами, и большей частью старше насъ остальныхъ. На балу, который дали намъ эйзенахскіе бюргеры, встрѣтившіе насъ вообще очень любезно, никто не посмѣлъ спорить съ вѣнцами за расположеніе прекраснаго пола. Впрочемъ, вѣнцы отличались не только своею внѣшностью. У нихъ уже была исторія, и она-то дѣлала ихъ предметомъ всеобщаго вниманія.

При первомъ взрывѣ революціоннаго движенія студенты во многихъ университетскихъ городахъ выступили болѣе или менѣе на первый планъ, но нигдѣ не играли они такой важной и выдающейся роли, какъ въ Вѣнѣ. Они главнымъ образомъ устроили то возстаніе, которое лишило власти князя Меттерниха. Они подъ именемъ «академическаго легіона», насчитывавшаго въ рядахъ своихъ до 6000 человѣкъ, образовали ядро вооруженной силы революціи. Въ «центральномъ комитетѣ», который состоялъ наполовину изъ студентовъ и наполовину изъ членовъ національной гвардіи и являлся передъ правительствомъ выразителемъ народной воли, они имѣли громадное вліяніе. Изо всѣхъ частей государства приходили въ залу университета, главную квартиру студентовъ, депутаціи отъ крестьянъ и горожанъ и обращались со своими жалобами и просьбами къ этой внезапно возникшей власти, пользовавшейся въ глазахъ народа неограниченнымъ авторитетомъ. Когда министерство Пиллерсдорфъ-Латуръ издало новый законъ о печати, которымъ уничтожалась цензура, но сохранялось еще много ограниченій, Пиллерсдорфъ усиленно приглашалъ студентовъ высказать свое мнѣніе объ этомъ законѣ. 15 мая 1848 г. студенты во главѣ вооруженнаго народа такъ рѣшительно удерживали свои позиціи противъ военной силы, что правительство принуждено было взять назадъ дарованную конституцію и обѣщать созваніе Учредительнаго Собранія. Всѣ попытки правительства распустить академическій легіонъ были побѣдоносно отбиты студентами. Они въ концѣ концовъ заставили министерство согласиться на удаленіе войскъ изъ столицы и на образованіе «коми-

тета безопасности», состоявшаго главнымъ образомъ изъ студенчества и пользовавшагося такою независимостью и такими широкими полномочіями, что при рѣшеніи многихъ важныхъ дѣлъ онъ имѣлъ права, почти равныя съ министерствомъ. Такъ, напр., безъ его согласія никто не смѣлъ употреблять военную силу. Можно безъ преувеличенія сказать, что одно время Австрія управлялась вѣнскими студентами.

Удивительно ли послѣ этого, что мы смотрѣли на вѣнскихъ легіонеровъ, какъ на героевъ дня, что мы съ жаднымъ вниманіемъ слушали ихъ разсказы объ ихъ собственныхъ подвигахъ и о положеніи дѣлъ въ Австріи. Къ сожалѣнію, изъ этихъ разсказовъ было ясно видно, что въ недалекомъ будущемъ предстоитъ новая тяжелая борьба и, можетъ быть, даже трагическій конецъ. Наши вѣнскіе друзья и сами сознавали это: они предвидѣли, что побѣды Радецкаго въ Италіи надъ войсками пьемонтскаго короля Карла Альберта поднимутъ престижъ арміи и придадутъ новыя силы реакціонной придворной партіи. Эта партія преднамѣренно возбуждала и употребляла чеховъ противъ нѣмцевъ; присутствіе въ столицѣ Учредительнаго Собранія, созваннаго по требованію самихъ студентовъ, сильно умалило значеніе революціонныхъ властей: въ самой національной гвардіи и въ комитетѣ безопасности возникали непріятные раздоры; придворная партія пользовалась всѣми этими обстоятельствами, она схватится за первый удобный случай, чтобы уничтожить всѣ плоды революціи вообще и вліяніе студенчества въ особенности; скоро долженъ былъ настать день рѣшительной, кровавой борьбы.

Эти предчувствія набрасывали временами мрачную тѣнь на наше веселое общество; но, благодаря эластичности молодости, мы прогоняли тяжелыя мысли и утѣшались надеждой, что, можетъ быть, въ концѣ концовъ все уладится благополучно. Вдругъ, въ то время, когда мы еще строили планы разныхъ экскурсій въ окрестности Эйзенаха, наши вѣнскіе друзья объявили, что они получили изъ университета письма, сообщающія о близкой опасности, и должны немедленно вернуться въ Вѣну. Прощаясь съ нами, они какъ бы говорили: morituri salutamus.

— Черезъ нѣсколько дней, сказалъ одинъ изъ нихъ,—намъ придется биться на улицахъ Вѣны, просмотрите списки убитыхъ. вы тамъ найдете наши имена.

Я, какъ теперь, вижу передъ собой красавца Валентина, произнесшаго эти слова! Леіонеры уѣхали отъ насъ, а мы и не думали, какъ ужасно и какъ быстро оправдается это предсказаніе!

Вскорѣ и намъ, остальнымъ, пришлось подумать о возвращеніи домой. Единственная практическая цѣль студенческаго съѣзда была достигнута. Общая организація нѣмецкаго студенчества была рѣшена, и мѣсто центральнаго управленія ею избрано. Намъ не было никакого основанія продолжать наши засѣданія. Къ тому же у

многихъ и деньги были на исходѣ. Но съ каждымъ часомъ разлука становилась для насъ все тяжелѣе. Мы такъ полюбили другъ друга, и наша совмѣстная жизнь была такъ пріятна, что мы всячески придумывали, какъ бы выиграть еще хоть нѣсколько деньковъ. Рѣшено было, что тѣ, кто хочетъ остаться,—а такихъ оказалось не мало,—должны внести всѣ свои деньги въ общую кассу, изъ которой будутъ покрываться всѣ наши расходы въ Эйзенахѣ за вычетомъ суммы, необходимой каждому на возвратный путь. Такимъ образомъ, мы, дѣйствительно, выиграли нѣсколько дней, которые рѣшили провести съ полнымъ удовольствіемъ. Немедленно составлены были планы разныхъ экскурсій, и одна изъ этихъ экскурсій чуть не кончилась бѣдой.

Между прочимъ, у насъ назначено было отправиться въ Вартбургъ. Мы вышли послѣ обѣда, въ Вартбургѣ должны были осушить нѣсколько боченковъ пива и закусить, а затѣмъ съ наступленіемъ темноты спуститься въ Эйзенахъ при свѣтѣ факеловъ. Такъ какъ веселая компанія студентовъ пользовалась большимъ расположеніемъ эйзенахцевъ, то насъ провожала въ Вартбургъ пестрая толпа, среди которой было не мало веймарскихъ солдатъ, стоявшихъ гарнизономъ въ Эйзенахѣ. Дорогой и въ трактирѣ многіе изъ насъ говорили политическія рѣчи; и такъ какъ негодованіе противъ государей, особенно противъ короля прусскаго за перемиріе въ Мальво далеко не улеглось, то нѣкоторыя изъ этихъ рѣчей носили совсѣмъ республиканскій характеръ. Мало по малу головы разгорячились, и вдругъ солдаты стали бросать вверхъ фуражки, кричать: «да здравствуетъ республика!» и объявили, что отдаютъ себя въ распоряженіе студентовъ. Между тѣмъ, насталъ вечеръ, и все общество двинулось съ факелами и съ пѣніемъ патріотическихъ пѣсенъ внизъ къ Эйзенаху. Картина была замѣчательно красива, но я не могъ вполнѣ наслаждаться ею: меня смущало то впечатлѣніе, какое наши рѣчи произвели на солдатъ. Я зналъ, что возстаніе въ Тюрингіи не могло разсчитывать ни на какую поддержку, а возбуждать довѣрчивыхъ людей, въ особенности солдатъ, къ неподготовленной, революціонной попыткѣ, которая должна была навѣрно кончиться неудачей и имѣть для нихъ самыя печальныя послѣдствія, казалось мнѣ преступленіемъ. Я высказалъ свое мнѣніе товарищамъ, съ которыми вмѣстѣ вернулся въ Эйзенахъ. Впрочемъ,—думалось намъ—если дѣло ограничится только тѣмъ, что произошло на нашей экскурсіи, это еще не большая бѣда. Я заснулъ, успокаивая себя такими мыслями. Я не зналъ того, что происходило въ городѣ въ это время. Вотъ что мнѣ разсказали на слѣдующее утро: большая часть толпы, принимавшей участіе въ нашей прогулкѣ, вернувшись въ Эйзенахъ, отправилась въ загородный садъ. Тамъ, въ ресторанѣ продолжались рѣчи; число солдатъ-слушателей ихъ значительно увеличилось; всѣ они почти единогласно и очень шумно кричали «да здравствуетъ респуб-

лика!» и въ заключеніе отказались повиноваться офицерамъ, которые приказывали имъ уйти изъ ресторана. За ночь возбужденіе среди солдатъ разраслось, такъ что весь гарнизонъ Эйзенаха прямо взбунтовался, и офицеры ничего не могли сдѣлать съ солдатами. На слѣдующее утро къ намъ стали приходить группы солдатъ, требуя, чтобы студенты приняли начальство надъ ними. Вчерашніе ораторы не имѣли въ виду ничего подобнаго; они употребляли всевозможныя усилія, чтобы остановить дальнѣйшее броженіе. Начальство сообщило о случившемся въ Веймаръ, и оттуда пришло приказаніе немедленно выслать по желѣзной дорогѣ всѣ роты, стоявшія въ Эйзенахѣ. Но солдаты наотрѣзъ отказались ѣхать, они объявили, что остаются со студентами. Тогда созвали милицію Эйзенаха, чтобы она заставила солдатъ выѣхать изъ города. Милиція выстроилась на площади, но тутъ оказалось, что она вовсе не намѣрена исполнять возложенное на нее порученіе. Она тоже кричала: «Да здравствуютъ студенты!» Дѣло все болѣе и болѣе осложнялось. Наконецъ, намъ удалось убѣдить офицеровъ взбунтовавшагося гарнизона, что вся исторія вышла изъ-за студенческой пирушки, и что нельзя взыскивать съ солдатъ за то, что они, подъ вліяніемъ общаго веселаго настроенія, а отчасти и выпитаго пива, побратались со студентами. Офицеры согласились, по крайней мѣрѣ дѣлали видъ, что согласны смотрѣть на все дѣло, какъ на шутку, и мы обѣщали имъ уговорить солдатъ вернуться къ своимъ обязанностямъ, если они добудутъ отъ своего правительства обѣщаніе, что имъ не грозятъ никакія непріятности. Обѣщаніе было немедленно дано, и послѣ этого намъ скоро удалось уговорить солдатъ спокойно вернуться на службу. Къ счастью, въ то время еще было возможно улаживать такимъ образомъ дѣла въ мелкихъ нѣмецкихъ государствахъ. Въ Пруссіи подобный случай привелъ бы къ весьма серьезнымъ послѣдствіямъ.

Послѣ этого происшествія мы почувствовали, что дѣйствительно пора оставить Эйзенахъ и возвратиться домой. Къ тому же и денежныя средства наши были исчерпаны. Вечеромъ наканунѣ отъѣзда мы собрались для послѣдней «выпивки» въ погребкѣ. Одинъ изъ студентовъ, какой-то кенигсбергецъ, отличавшійся крайне революціоннымъ настроеніемъ, внесъ предложеніе, чтобы мы, прежде чѣмъ разойтись, выпустили прокламацію къ нѣмецкому народу, изложили въ ней взглядъ на современное положеніе дѣлъ и призывали народъ бдительно слѣдить за успѣхами реакціи и энергично противодѣйствовать ей. Никому изъ насъ не пришло въ гоголову, что такая прокламація, составленная въ пивной и изданная группою юношей, имѣетъ въ себѣ нѣчто комичное. Мы очень серьезно обсудили предложеніе кенигсбергца, одобрили его, тутъ же набросали текстъ прокламаціи, члены комитета, къ которымъ принадлежалъ и я, подписали ее; она была въ ту же ночь напечатана, наклеена на стѣну ратуши и нѣкоторыя другія зданія города и

разослана въ редакціи многихъ газетъ. Послѣ этого мы пропѣли еще нѣсколько пѣсенъ и распрощались съ нѣжными поцѣлуями и увѣреніями въ вѣчной дружбѣ.

VII.

Во время моего обратнаго путешествія эйзенахское возбужденное настроеніе разлетѣлось, и я сталъ много трезвѣе смотрѣть на вещи. Во Франкфуртѣ я еще засталъ осадное положеніе и общую атмосферу глухой тревоги. Я спускался по Рейну въ холодную сырую погоду. Среди пассажировъ парохода не было ни одного знакомаго лица. Я сидѣлъ цѣлыми часами на палубѣ одинъ, дрожа отъ холода, стараясь держаться поближе къ трубѣ, чтобы согрѣться. Меня угнетало безпокойство относительно дальнѣйшаго хода общественныхъ дѣлъ, и тутъ же въ первый разъ явилась у меня мысль о моей личной безопасности. Я вспоминалъ прокламацію, изданную нами въ Эйзенахѣ: въ ней было не мало рѣзкихъ нападокъ противъ большинства національнаго парламента и противъ прусскаго правительства. Точно такъ же вспомнилось мнѣ газетное извѣстіе о томъ, что вслѣдствіе сентябрьскихъ безпорядковъ парламентъ издалъ законъ, грозившій суровыми наказаніями за оскорбленіе его членовъ. Не была ли наша прокламація такимъ оскорбленіемъ? Несомнѣнно была. И вотъ, раздумывая на эту тему, я пришелъ къ убѣжденію, что, по пріѣздѣ въ Боннъ, я буду немедленно арестованъ и преданъ суду за оскорбленіе въ печати національнаго парламента и прусскаго правительства. Я рѣшилъ мужественно идти навстрѣчу судьбѣ; я боялся одного только, что наше эйзенахское воззваніе не приведетъ ни къ какимъ другимъ результатамъ. На самомъ дѣлѣ оказалось, что меня никто не думаетъ ни арестовывать, ни судить: если правительство и узнало о нашей прокламаціи, то оно не сочло нужнымъ поднимать шумъ по этому поводу.

Важныя извѣстія изъ столицы Австріи подтверждали предсказанія нашихъ вѣнскихъ друзей въ Эйзенахѣ. Во время мартовскихъ дней Венгрія пріобрѣла такое независимое политическое положеніе, какимъ не пользовалась раньше. Она получила свое собственное министерство, находившееся въ Пештѣ и безъ утвержденія котораго распоряженія императора не имѣли силы для Венгріи. Безъ согласія мѣстной законодательной власти венгерскія войска не могли быть употребляемы за предѣлами Венгріи, и не венгерскія войска не могли быть вводимы на ея территорію. Эрцгерцогъ-палатинъ долженъ былъ жить въ Пештѣ, какъ вице-король Венгріи. Кромѣ того, нѣмецкія и славянскія области, входившія до тѣхъ поръ въ составъ Венгріи, были подчинены венгерскому правительству наравнѣ съ чисто венгерскими землями. Такое полунезависимое устройство венгерскаго государства кололо глаза

австрійской придворной партіи. Чтобы имѣть поводъ уничтожить его, она поощряла возстаніе противъ Венгріи бана Кроаціи Елачича. Въ іюлѣ императоръ принужденъ былъ отказаться отъ Елачича и объявить его измѣнникомъ отечеству, но въ сентябрѣ онъ вернулъ ему всѣ его прежнія званія и должности, какъ вѣрному и преданному слугѣ государя. Венгерское правительство и палата представителей и министерство протестовали противъ этого; эрцгерцогъ-палатинъ отказался отъ своего званія. Тогда австрійское правительство послало въ Пештъ графа Ламберга, какъ императорскаго коммиссара. На основаніи указа императора всѣ венгерскія власти и войска подчинялись ему. Такъ какъ указъ этотъ, понятно, не былъ подписанъ ни однимъ венгерскимъ министромъ, то палата венгерскихъ представителей объявила его противнымъ конституціи и недѣйствительнымъ. Вмѣсто сложившаго съ себя званіе Палатина, палата представителей избрала правительственную коммиссію подъ предсѣдательствомъ графа Братіони. Во время выѣзда въ Пештъ Ламбергъ былъ убитъ волновавшейся толпой. Послѣ этого императоръ австрійскій издалъ манифестъ, которымъ онъ распускалъ представительное собраніе Венгріи и объявлялъ недѣйствительными всѣ законы, изданные безъ его утвержденія. Елачича онъ назначилъ неограниченнымъ уполномоченнымъ по всѣмъ венгерскимъ дѣламъ. Такимъ образомъ, разрывъ былъ окончательно рѣшенъ. Венгры приготовились къ борьбѣ; 5 и 9 октября были посланы изъ Вѣны войска для усмиренія ихъ. Тогда возсталъ народъ въ Вѣнѣ подъ предводительствомъ студентовъ: онъ чувствовалъ, что попытка уничтожить конституціонныя права Венгріи направлена и противъ правъ австрійскихъ нѣмцевъ и вообще противъ плодовъ революціи. Послѣ кровопролитной схватки побѣда осталась за инсургентами. Яростная толпа повѣсила военнаго министра Латура. Комендантъ вѣнскаго гарнизона графъ Ауерспергъ принужденъ былъ оставить городъ, но онъ занялъ недалеко отъ него твердую позицію и вскорѣ получилъ подкрѣпленіе: къ нему присоединились Елачичъ и Виндишгрецъ съ большими отрядами войскъ. 23 октября армія подъ начальствомъ князя Виндишгреца пошла на Вѣну и послѣ ряда ожесточенныхъ, кровопролитныхъ сраженій окончательно покорила ее 31 октября. Вѣна была отдана на жертву неограниченнаго произвола военныхъ властей, и этимъ окончилось революціонное движеніе въ нѣмецкой Австріи. Многіе легіонеры, съ которыми мы такъ сдружились въ Эйзенахѣ, пали въ битвѣ, другіе были арестованы или принуждены бѣжать.

Одновременно съ этой катастрофой дѣла въ Пруссіи тоже приняли рѣшительный оборотъ. До сихъ поръ прусское правительство держалось конституціонныхъ формъ, и министерство, во главѣ которой стоялъ искренне либеральный генералъ ф. Пфуль, явно выражало намѣреніе осуществить обѣщанія, данныя въ мартѣ.

Но самъ король и его приближенные обнаруживали настроеніе, противорѣчившее этимъ обѣщаніямъ и вызывавшее серьезныя опасенія. Наконецъ, 31 октября прусское учредительное собраніе явилось выразителемъ общей симпатіи къ борющемуся населенію Вѣны: оно постановило просить правительство его величества побудить центральное правительство Германіи принять мѣры къ охраненію народной свободы, подвергающейся опасности въ нѣмецкихъ земляхъ Австріи, и къ возстановленію мира. Министръ-президентъ Пфуль согласился съ этимъ постановленіемъ. Онъ на слѣдующій же день принужденъ былъ выйти въ отставку, и тогда король созвалъ опредѣленно реакціонерное министерство во главѣ съ графомъ Бранденбургомъ; душою этого министерства являлся фонъ Мантейфель. Учредительное собраніе протестовало, но безъ всякаго результата. 9 ноября министерство Бранденбурга обнародовало королевское посланіе, которымъ засѣданія учредительнаго собранія отсрочивались до 27 ноября и переносились въ городокъ Бранденбургъ. Собраніе заявило значительнымъ большинствомъ, что правительство не имѣетъ права принимать подобныя мѣры, но на слѣдующій же день домъ, гдѣ оно засѣдало, былъ окруженъ сильнымъ отрядомъ войска подъ начальствомъ генерала Врангеля, который отдалъ приказъ выпускать изъ зданія всѣхъ желающихъ и никого не впускать въ него. 11 ноября національная гвардія Берлина была распущена и черезъ нѣсколько дней обезоружена. Учредительное собраніе переходило изъ одного помѣщенія въ другое, такъ какъ военная сила всюду разгоняла его и, наконецъ, 15 ноября, въ своемъ послѣднемъ засѣданіи, составило постановленіе о неплатежѣ налоговъ, объявивъ, что министерство не имѣетъ права располагать государственными деньгами и взимать налоги, пока національное собраніе не получитъ возможности безъ помѣхи продолжать въ Берлинѣ свои засѣданія.

Эти событія вызвали сильное волненіе во всей странѣ. Они, повидимому, служили доказательствомъ того, что реакціонная придворная партія рѣшила путемъ насилія какъ можно скорѣй уничтожить такъ называемыя «Мартовскія пріобрѣтенія». Мы, демократы, были твердо убѣждены, что учредительное собраніе, противодѣйствуя «государственному перевороту», поступаетъ вполнѣ законно. Мы упрекали его только за то, что оно не пользуется всею полнотою своего права и, вмѣсто того, чтобы въ ясныхъ выраженіяхъ призвать народъ къ оружію, въ эти критическія минуты ограничивается малодушной политикой «пассивнаго сопротивленія». Но многіе думали, что это пассивное сопротивленіе, выражающееся въ отказѣ платить налоги, подорветъ денежныя средства правительства и заставитъ его уступить, конечно, если отказъ отъ платежа будетъ всеобщимъ и продержится довольно долго. При этомъ сразу бросалось въ глаза серьезное затрудненіе: приведеніе въ исполненіе такого плана требовало большого единодушія въ на-

строеніи народа и значительнаго мужества со стороны отдѣльныхъ гражданъ. Кромѣ того, самые крупные плательщики налоговъ нисколько не сочувствовали революціонной политикѣ демократовъ. Несмотря на все это, казалось, что давленіе общественнаго мнѣнія можетъ многое сдѣлать, и потому всюду устраивались народныя собранія и принимались резолюціи.

Боннскіе демократы, среди которыхъ мы, студенты, играли выдающуюся роль, тоже устраивали не мало такого рода демонстрацій. Такъ какъ студенты не платили никакихъ налоговъ, то они не могли заявить, что отказываются отъ платежей, это имѣло бы видъ фарса. Намъ предстояла другая задача: удерживать другихъ отъ уплаты податей, и этой задачѣ мы посвящали свои силы. У насъ рѣшено было, прежде всего, уничтожить налогъ на «мясо и муку», налогъ на привозные въ городъ жизненные припасы, который собирался при въѣздѣ въ городскія ворота. Съ этой цѣлью мы прогоняли отъ воротъ сборщиковъ налога. Это нравилось крестьянамъ, которые собирались цѣлыми толпами и безпошлинно провозили въ городъ разные продукты. При этомъ не обходилось безъ столкновеній съ полиціей, но первое время мы постоянно оставались побѣдителями.

Затѣмъ мы сочли нужнымъ распространить свое вліяніе на всю совокупность податныхъ операцій правительства. Мы выбрали комитетъ, — я тоже вошелъ въ его составъ, — и послали его въ ратушу, чтобы взять въ свои руки городское управленіе. Бургомистръ принялъ насъ очень вѣжливо, спокойно выслушалъ наши объясненія объ обязательной силѣ постановленія высшей законодательной власти, запретившей платить налоги, и затѣмъ постарался удержать насъ разными не идущими къ дѣлу разговорами. Наконецъ, мы потеряли терпѣніе и потребовали немедленнаго и опредѣленнаго отвѣта, на основаніи котораго мы примемъ дальнѣйшія мѣры. Вдругъ мы замѣтили, какъ измѣнилось выраженіе лица бургомистра. Онъ, повидимому, прислушивался къ чему-то на улицѣ и затѣмъ проговорилъ все еще вѣжливо, но съ торжествующей улыбкой:

— Господа, отвѣтъ вы получите, вѣроятно, не отъ меня, а отъ кого-нибудь другого. Слышите?

Мы тоже прислушались и услышали еще далекіе, но быстро приближавшіеся звуки военной музыки, игравшей прусскій національный гимнъ. Черезъ нѣсколько минутъ музыка раздалась уже на базарной площади, и вмѣстѣ съ ней слышались тяжелые шаги пѣхоты, которая, повидимому, заняла всю площадь. Это, разумѣется, положило конецъ нашимъ переговорамъ съ бургомистромъ, и мы нашли, что онъ поступилъ еще очень любезно, позволивъ намъ спокойно уйти.

Появленіе войска не трудно было объяснить. Какъ только мы начали примѣнять на практикѣ нашу попытку неплатежа налоговъ.

такъ власти Бонна, гдѣ въ то время не стояли солдаты, телеграфировали въ сосѣдніе города, имѣвшіе гарнизоны, и просили помощи. Ихъ просьба была немедленно удовлетворена, и нашей борьбѣ противъ налоговъ положенъ конецъ. Войска немедленно заняли городскія ворота, и налогъ на мясо и муку сталъ взиматься, какъ прежде. Вечеромъ мы устроили въ гостиницѣ «Римляне» собраніе демократическаго комитета съ присоединеніемъ къ нему нѣсколькихъ заслуживающихъ довѣріе лицъ, и совѣщались, что предпринять. Первое наше побужденіе было напасть на солдатъ и выгнать ихъ изъ города. Это было отчаянное предпріятіе, но мы серьезно обсуждали его. Однако, по зрѣломъ размышленіи, всѣ мы пришли къ убѣжденію, что борьба, даже побѣдоносная въ Боннѣ, можетъ имѣть важное значеніе, только какъ часть широко разлитаго возстанія. Для Прирейнскихъ областей Кёльнъ былъ главнымъ городомъ, естественнымъ центромъ всякаго политическаго движенія. Тамъ должны мы были объединиться со своими единомышленниками, оттуда получить лозунгъ. До насъ уже дошли вѣсти, что въ Кёльнѣ господствуетъ лихорадочное возбужденіе, что тамошніе предводители демократической партіи скоро подадутъ знакъ общаго возстанія; къ этому возстанію мы должны какъ можно скорѣй приготовиться, но избѣгать всякаго частнаго столкновенія съ войсками. Мы послали одного изъ своихъ въ Кёльнъ, чтобы сообщить о томъ, что у насъ случилось, и получить дальнѣйшія указанія, а сами въ это время постарались собрать какъ можно больше ружей національной гвардіи въ опредѣленномъ мѣстѣ и заготовить снаряды. Всю эту ночь не мало людей было занято у насъ отливаніемъ пуль и выдѣлкою патроновъ.

Но вотъ пришли тревожныя извѣстія о томъ, что происходило около городскихъ воротъ. Тамъ собрались толпы крестьянъ изъ сосѣднихъ деревень: до нихъ дошли вѣсти о вступленіи солдатъ въ Боннъ, они думали, что демократамъ и студентамъ грозитъ опасность, и явились выручать насъ. Многіе изъ нихъ воображали, что выгнать солдатъ изъ города такъ же легко, какъ легко было отогнать отъ воротъ сборщиковъ податей, и горѣли желаніемъ подраться. Мы очень боялись, что они придутъ въ городъ и какимъ-нибудь неосторожнымъ поступкомъ заставятъ насъ принять участіе въ уличной схваткѣ при самыхъ неблагопріятныхъ условіяхъ. Намъ пришлось съ большимъ трудомъ убѣдить ихъ, чтобы они вернулись домой, приготовились къ вооруженному возстанію и присоединились къ намъ въ возможно большемъ числѣ, какъ только мы получимъ сигналъ изъ Кёльна. Нашъ комитетъ засѣдалъ всю ночь, ожидая посланнаго изъ Кёльна. На разсвѣтѣ мы разошлись, и, немного отдохнувъ, собрались въ другомъ мѣстѣ. Между тѣмъ, наши военныя приготовленія не прекращались. Никто изъ насъ не заходилъ домой; мы не хотѣли, чтобы насъ сразу нашли, если бы оказалось, что начальство рѣшило арестовать насъ. Я спалъ

въ комнатѣ одного пріятеля среди ружей и ящиковъ съ патронами, которые предназначались къ раздачѣ инсургентамъ.

Нашъ посланный вернулся изъ Кёльна только къ вечеру слѣдующаго дня. Онъ сообщилъ, что въ виду массы стянутаго къ городу войска, партія не считаетъ себя въ состояніи начать открытыя дѣйствія съ надеждой на успѣхъ; что она рѣшила ограничиться продолженіемъ «пассивнаго сопротивленія» и дальнѣйшей агитаціей, и что она настоятельно совѣтуетъ намъ сдѣлать то же и до поры до времени отказаться отъ всякихъ насильственныхъ дѣйствій, которыя въ данный моментъ могутъ принести лишь вредъ. Намъ ничего не оставалось, какъ, слѣдуя совѣту кёльнцевъ, затаить свой гнѣвъ и удерживать своихъ друзей въ деревняхъ отъ всякихъ безпорядковъ. Такъ стояло дѣло у насъ и такъ стояло оно во всемъ прусскомъ королевствѣ. Учредительное собраніе предоставило правительству выиграть безкровную побѣду, и его рѣшеніе о неплатежѣ налоговъ осталось мертвою буквою.

Студенты, стоявшіе во главѣ демократической партіи въ Боннѣ, едва не поплатились за свою попытку примѣнить на практикѣ неплатежъ налоговъ. Вскорѣ распространился слухъ, что сдѣлано распоряженіе объ арестѣ трехъ или четырехъ изъ нихъ, между прочимъ и меня. Наши друзья, не заподозрѣнные въ неблагонадежности, тотчасъ же стали хлопотать, чтобы вызволить насъ изъ бѣды. Разными мелкими и крупными демонстраціями они убѣдили гражданъ, что если насъ тронутъ пальцемъ, всѣ студенты немедленно оставятъ Боннъ. Такъ какъ благосостояніе города въ значительной степени зависѣло отъ пребыванія въ немъ студентовъ, то эта угроза сильно встревожила обывателей. Многіе изъ нихъ обратились къ бургомистру съ просьбой употребить все свое вліяніе и выхлопотать отъ начальства обѣщаніе, что насъ не тронутъ. И, дѣйствительно, черезъ нѣсколько дней друзья сообщили намъ, что обѣщаніе дано, и что на этотъ разъ намъ ничего не сдѣлаютъ. Мы вышли на свѣтъ Божій изъ тѣхъ мѣстъ, гдѣ прятались нѣсколько времени, и я опять сталъ писать въ газетѣ, говорить на собраніяхъ и слушать лекціи, когда хватало времени. Впрочемъ, я все меньше и меньше часовъ могъ посвящать своимъ научнымъ занятіямъ.

Одержавъ побѣду надъ учредительнымъ собраніемъ, король почувствовалъ себя настолько сильнымъ, что могъ «пожаловать» Пруссіи конституцію собственною властью, безъ соглашенія съ народными представителями. На основаніи этой конституціи вводилась система двухъ палатъ. Палаты были немедленно созваны, и Кинкель выставилъ свою кандидатуру отъ Боннскаго избирательнаго округа во вторую палату, въ палату народныхъ представителей. Онъ былъ избранъ значительнымъ большинствомъ и вскорѣ долженъ былъ уѣхать въ Берлинъ вмѣстѣ съ женой. Хотя оба Кинкели, и мужъ, и жена, аккуратно присылали оттуда статьи

въ нашу газету, но всетаки на время ихъ отсутствія мнѣ пришлось взять на себя всю редакціонную работу, а это, съ непривычки, было для меня тяжелымъ трудомъ.

VIII.

Изъ всѣхъ крупныхъ парламентскихъ учрежденій, порожденныхъ непосредственно мартовскою революціей, уцѣлѣлъ одинъ только національный парламентъ во Франкфуртѣ. Онъ возникъ, благодаря стремленію къ объединенію нѣмецкаго народа или, лучше сказать, нѣмецкихъ народовъ, и всѣ признавали, что его естественная задача состояла въ сліяніи нѣмецкихъ народовъ въ одну великую націю подъ главенствомъ общей конституціи и общаго національнаго правительства. Непосредственно послѣ мартовской революціи нѣмецкія правительства, не исключая и австрійскаго, признали закономѣрность этой задачи, и въ маѣ 1848 г. выборы въ національный парламентъ происходили при ихъ содѣйствіи. Большинство членовъ этого парламента, такъ же какъ и весь вообще нѣмецкій народъ, видѣли въ парламентѣ представителя народовластія въ національномъ смыслѣ. Надо было ожидать, что государи и ихъ сторонники,—такъ называемыя придворныя партіи, — станутъ раздѣлять подобное воззрѣніе только до тѣхъ поръ, пока это будетъ для нихъ неизбѣжно. Весьма немногіе изъ нихъ были настолько либеральны, что допускали ограниченіе своей власти. Всякое усиленіе власти народа являлось для нихъ ущербомъ. Большая часть ихъ не сочувствовала учрежденію сильнаго общегерманскаго правительства, такъ какъ при этомъ отдѣльнымъ государствамъ пришлось бы поступиться нѣкоторыми своими правами въ пользу государства общаго. Они боялись не только національной республики, но и имперіи, при которой они могли бы быть низведены на степень вассаловъ. Такимъ образомъ, нѣмецкіе государи,—за исключеніемъ одного того, который надѣялся получить императорскую корону,—были противниками нѣмецкаго объединенія. Можетъ быть, среди нихъ нашлось бы два-три человѣка, способныхъ возвыситься надъ эгоистическими разсчетами, но никакъ не больше. Австрія желала объединенія Германіи въ какой бы то ни было формѣ, но только при томъ условіи, чтобы занимать въ ней первенствующее положеніе.

Противъ всѣхъ этихъ враговъ стоялъ національный парламентъ во Франкфуртѣ—дитя революціи. Онъ не имѣлъ въ своемъ непосредственномъ распоряженіи ни административной организаціи, ни арміи, ни финансовъ,—ничего, кромѣ нравственнаго авторитета: все остальное было въ рукахъ его противниковъ. Единственная сила національнаго парламента состояла въ народной волѣ. И этой силы было достаточно для выполненія его задачи, пока на-

родная воля оказывалась достаточно могучей, чтобы, въ случаѣ надобности, даже путемъ революціонныхъ актовъ, бороться съ враждебными интересами и тенденціями нѣмецкихъ государей. Чтобы создать единое нѣмецкое государство, парламентъ долженъ былъ выработать конституцію и избрать императора, пока революціонный престижъ народа былъ еще силенъ, въ первые три-четыре мѣсяца послѣ мартовской революціи. Въ то время ни одинъ нѣмецкій государь не поколебался бы принять императорскую корону при какой угодно демократической конституціи, ни одинъ не отказался бы пожертвовать своими верховными правами въ пользу единаго нѣмецкаго государства.

Но парламентъ страдалъ избыткомъ ума, учености, добродѣтели и недостаткомъ политической опытности и разсчетливости, которая учитъ, что лучшее часто является врагомъ хорошаго, что истинно государственный человѣкъ долженъ пользоваться благопріятной минутой и не гоняться за мелочами, рискуя утратить главное. Навѣрно, свѣтъ никогда не видалъ другого политическаго собранія, заключавшаго больше благородныхъ, ученыхъ, добросовѣстныхъ, патріотически настроенныхъ людей; трудно найти книгу, представляющую больше образцовъ основательнаго знанія и высокаго краснорѣчія, чѣмъ стенографическіе отчеты франкфуртскаго парламента. Но ему не хватало того генія, который быстро улавливаетъ благопріятное стеченіе обстоятельствъ и немедленно пользуется имъ; онъ забылъ, что въ тревожное время всеобщаго возбужденія исторія не останавливается, не поджидаетъ мыслителя. И вотъ почему онъ потерпѣлъ полную неудачу.

Вскорѣ послѣ своего открытія парламентъ убѣдился, что если онъ хочетъ быть не только Учредительнымъ Собраніемъ, но и представлять собою временное правительство до выработки конституціи, то онъ необходимо долженъ имѣть исполнительную власть. Поэтому онъ рѣшилъ учредить «временное центральное правительство», главой котораго избралъ эрцгерцога Іогана Австрійскаго, слывшаго либераломъ; и эрцгерцогъ немедленно составилъ министерство. Но, какъ мы говорили выше, его министръ иностранныхъ дѣлъ не имѣлъ въ своемъ вѣдѣніи дипломатовъ, его военный министръ не имѣлъ арміи, морской—флота, а министръ финансовъ—денегъ. Всѣ эти существенныя условія всякаго правительства находились въ рукахъ отдѣльныхъ государствъ, и національный парламентъ вмѣстѣ со своимъ центральнымъ правительствомъ могъ распоряжаться ими лишь постольку, поскольку правители отдѣльныхъ государствъ это допускали, а эти правители дѣлали только тѣ уступки, на которыя были вынуждены обстоятельствами даннаго времени. Такимъ образомъ, настоящимъ источникомъ силы парламента съ начала до конца оставалась народная воля, находившая себѣ выраженіе въ революціонномъ движеніи народа. Къ концу 1848 г. это революціонное движеніе утра-

тило значительную часть того могущества, какимъ обладало весной. Съ одной стороны, народъ утомился, вслѣдствіе постояннаго напряженія, а съ другой—государи и ихъ ближайшіе сторонники оправились отъ мартовскаго испуга, нашли опору въ чиновничествѣ и въ войскѣ, ясно намѣтили свои цѣли и въ большихъ центрахъ, въ Вѣнѣ и Берлинѣ, успѣли въ теченіе октября и ноября нанести сильныя пораженія революціонерамъ. Возможность новаго революціоннаго подъема въ широкихъ размѣрахъ стала менѣе вѣроятной. При такихъ обстоятельствахъ національный парламентъ могъ, конечно, принимать извѣстныя рѣшенія и обнародовать ихъ черезъ посредство своего центральнаго правительства, но правители отдѣльныхъ государствъ все болѣе и болѣе укрѣплялись въ убѣжденіи, что не обязаны стѣсняться этими рѣшеніями. Парламенту оставалось исполнить свою главную задачу: выработать и ввести конституцію объединенной Германіи и, такимъ образомъ, удовлетворить стремленіе нѣмецкаго народа къ національному единству.

Эта задача была не изъ легкихъ. Предстояло рѣшить, какими правами долженъ пользоваться каждый нѣмецкій гражданинъ; будетъ ли Германія имѣть одинъ рейхстагъ, избранный всѣмъ народомъ; кто будетъ главою общегерманскаго правительства,—наслѣдственный или избранный монархъ, президентъ или коллегіальная исполнительная власть; какія части войдутъ въ составъ Германскаго государства, войдутъ ли въ него австро-нѣмецкія земли или нѣтъ и, наконецъ, которой изъ двухъ великихъ державъ Германіи, Австріи или Пруссіи, будетъ предоставлено первенствующее положеніе. Долго тянулась парламентская борьба по этимъ вопросамъ, и только тогда, когда реакціонный министръ Австріи, князь Феликсъ Шварценбергъ, потребовалъ, чтобы вся Австрія со своимъ почти 30-ти милліоннымъ не нѣмецкимъ населеніемъ вошла въ составъ германскаго союза—требованіе, не совмѣстимое съ созданіемъ нѣмецкаго національнаго государства—только тогда образовалось въ парламентѣ большинство, которое высказалось за имперію съ наслѣдственнымъ монархомъ и 28 марта избрало короля прусскаго нѣмецкимъ императоромъ.

Пруссія и прусскій король не пользовались симпатіей населенія за предѣлами Пруссіи, особенно въ южной Германіи; демократическая партія вовсе не желала, чтобы исполнительная власть Германіи вылилась въ форму наслѣдственной имперіи,—и, несмотря на все это, когда дѣло объединенія оказалось, повидимому, законченнымъ, національное чувства вспыхнуло еще разъ свѣтлымъ, радостнымъ пламенемъ. Депутація изъ 33 членовъ парламента съ президентомъ Собранія во главѣ отправилась въ Берлинъ, чтобы, согласно конституціи, предложить королю званіе императора, и повсюду ее встрѣчали и провожали шумныя изъявленія восторга. Но тутъ вдругъ явилось горькое разочарованіе.

Правда, всѣмъ было извѣстно, что Фридрихъ Вильгельмъ IV, крѣпко держась своего мистическаго взгляда на самодержавіе, не считалъ франфуртское національное собраніе верховнымъ учредительнымъ собраніемъ и находилъ, что правительства, какъ Пруссіи, такъ и другихъ нѣмецкихъ государствъ имѣютъ право пересмотрѣть конституцію. Точно такъ же было извѣстно, что эта конституція представляется ему слишкомъ демократичной. Но вотъ, всѣ нѣмецкія правительства, исключая баварскаго, саксонскаго и ганноверскаго (Австрія не принималась въ разсчетъ) уступили общественному мнѣнію и объявили, что готовы признать и конституцію. и имперію; ясно было, что и три вышеупомянутыхъ королевства не осмѣлятся противиться общему желанію; тогда народъ, еще не отучившійся вѣрить своимъ государямъ, счелъ себя въ правѣ ожидать, что человѣкъ, торжественно объявлявшій въ мартѣ 1848 г. о своемъ желаніи стать во главѣ націоналистическаго движенія, даже если Пруссія уничтожится, слившись съ Германіей, что такой человѣкъ не захочетъ погубить дѣло объединенія въ ту минуту, когда для своего завершенія она нуждается лишь въ его согласіи. А, между тѣмъ, это то именно и случилось. Фридрихъ Вильгельмъ IV, предававшійся разнымъ фантастическимъ планачъ объединенія Германіи, нашелъ, что представленная ему конституція во всѣхъ существенныхъ пунктахъ расходится съ тою конституціей, какую онъ мысленно создавалъ. Онъ считалъ, что національный парламентъ не имѣлъ вообще права предлагать корону ему, или кому бы то ни было; такое предложеніе можетъ быть сдѣлано только по свободному рѣшенію нѣмецкихъ государей. Кромѣ того, принятіе короны нѣмецкаго императора нарушитъ его дружескія отношенія къ Австріи. Король высказывалъ частью публично, частью въ интимныхъ разговорахъ всѣ эти и тому подобныя причины, мѣшавшія ему принять общегерманскую конституцію и императорскую корону; но, можетъ быть, самая главная причина для этого слабодушнаго монарха заключалась въ страхѣ: онъ боялся, что ему придется съ оружіемъ въ рукахъ защищать императорскую корону Германіи, противъ Австріи и Россіи. Онъ даже наивно высказалъ это опасеніе въ отвѣтѣ, который далъ г. фонъ-Бекерату, убѣждавшему его принять императорскій титулъ:

— Если бы вы обратились съ своими краснорѣчивыми доводами къ Фридриху Великому, онъ согласился бы съ вами. А я не принадлежу къ числу великихъ правителей.

Дѣйствительно, съ самаго перваго дня своего вступленія на престолъ и до безславнаго конца своего царствованія, Фридрихъ Вильгельмъ IV вполнѣ доказалъ, что онъ былъ не способенъ сдѣлаться первымъ императоромъ новаго германскаго государства. Онъ постоянно колебался и въ одномъ только былъ постояненъ— въ своей слабости.

Отказъ короля прусскаго отъ императорской короны и отъ германской конституціи превратилъ общіе восторги въ столь же общее смущеніе и негодованіе. 11-го апрѣля національный парламентъ объявилъ, что будетъ твердо держаться за свою конституцію; 14-го палаты и правительства 28 германскихъ государствъ высказали свое безусловное согласіе принять конституцію и признать прусскаго короля германскимъ императоромъ, но Фридрихъ Вильгельмъ IV упорствовалъ въ своемъ отказѣ, а короли Баваріи, Ганновера и Саксоніи не признавали конституціи. 4-го мая національный парламентъ обратился съ воззваніемъ къ «правительствамъ, законодательнымъ собраніямъ, общинамъ отдѣльныхъ государствъ и ко всему нѣмецкому народу, приглашая ихъ добиться признанія и осуществленія конституціи германской имперіи». Это воззваніе весьма походило на призывъ къ оружію. Въ нѣкоторыхъ частяхъ Германіи населеніе начало дѣйствовать, не ожидая его. Въ баварскомъ Пфальцѣ уже 30 апрѣля народъ возсталъ съ удивительнымъ единодушіемъ; онъ собирался на громадные митинги и объявлялъ наперекоръ своему правительству, что будетъ стоять за имперскую конституцію и готовъ пасть, защищая ее. Пфальцскіе патріоты пошли еще дальше. Они учредили свое собственное временное правительство, которое смѣстило власти, назначенныя баварскимъ королемъ. Возстаніе быстро перенеслось въ Баденъ, гдѣ вся велико-герцогская армія, за исключеніемъ небольшого отряда кавалеріи, присоединилась къ нему и передала въ руки инсургентовъ крѣпость Раштатъ. Великій герцогъ Баденскій бѣжалъ, и вмѣсто него исполнительная власть была также передана временному правительству изъ народныхъ предводителей. Въ королевствѣ Саксонскомъ возстало населеніе его столицы Дрездена и требовало, чтобы король принялъ имперскую конституцію. Тамъ тоже послѣ стычки народа съ войскомъ король принужденъ былъ бѣжать, и его мѣсто заняло временное правительство. Но король обратился за помощью къ прусскому правительству. Оно очень охотно оказало ему эту помощь; въ кровопролитной битвѣ на улицахъ Дрездена прусскія войска разбили инсургентовъ и возстановили власть саксонскаго короля.

Могла ли та часть прусскаго населенія, которая состояла изъ людей, патріотически настроенныхъ и преданныхъ идеѣ объединенія, спокойно сидѣть сложа руки въ то время, когда его правительство посылало прусскихъ солдатъ для подавленія національнаго движенія? Въ Берлинѣ и Бреславлѣ дѣлались попытки вооруженнаго возстанія, но онѣ были быстро подавлены военною силою. Въ Рейнской провинціи господствовало величайшее возбужденіе. Въ Кёльнѣ собрались представители всѣхъ прирейнскихъ общинъ и почти единогласно требовали признанія общегерманской конституціи, а въ случаѣ отказа прусскаго правительства грозили, что прирейнскія земли Пруссіи отпадутъ отъ королев-

ства. Но прусское правительство давно перестало бояться собраній и громкихъ фразъ, когда они не опирались на могучую революціонную силу. Ясно было, что для спасенія конституціи и національнаго единства необходимо отъ словъ перейти къ дѣлу. Снова всѣ глаза обратились къ Кёльну, но тамъ сосредоточена была такая масса войска, что объ открытой борьбѣ нечего было и думать. Между тѣмъ, въ фабричныхъ округахъ на правомъ берегу Рейна, въ Изерлонѣ, въ Дюсельдорфѣ и въ Эльберфельдѣ возстаніе, дѣйствительно, вспыхнуло. Непосредственнымъ поводомъ къ нему явилось распоряженіе прусскаго правительства о мобилизаціи рейнскаго армейскаго корпуса съ тѣмъ, чтобы вести его противъ сторонниковъ общегерманской конституціи «инсургентовъ» Пфальца и Бадена. Въ рейнскихъ провинціяхъ и въ Вестфаліи объявленъ былъ сборъ запасныхъ. Запасные были въ то время, какъ и теперь, люди между 25 и 30 годами, крестьяне, ремесленники, фабричные рабочіе, купцы, ученые, многіе изъ нихъ отцы молодыхъ семей. Бросить работу и семью было для нихъ при всякихъ обстоятельствахъ тяжелой жертвой. Тѣмъ болѣе тяжелой показалась эта жертва, когда ее требовали для того, чтобы раздавить тѣхъ, кто въ Баденѣ и въ Пфальцѣ возсталъ за объединеніе родины и за народную свободу, тѣхъ, кому, если не всѣ, то громадное большинство запасныхъ въ душѣ горячо сочувствовало. И вотъ, стали собираться многолюдные митинги запасныхъ, и они открыто объявляли, что не желаютъ идти на службу. Во многихъ пунктахъ, куда запасные должны были собираться, чтобы стать подъ ружье, происходили открытые безпорядки, а въ нѣкоторыхъ, какъ Дюсельдорфъ, Изерлонъ и Эльберфельдъ, они даже на время одержали верхъ.

Но, очевидно, возстаніе могло разсчитывать на успѣхъ только въ томъ случаѣ, если бы оно сдѣлалось всеобщимъ, и, дѣйствительно, былъ моментъ, когда казалось, что отказъ отъ службы запасныхъ Рейнской провинціи и Вестфаліи распространится и разовьется въ крупное и могучее движеніе. Но необходимо было дѣйствовать безъ всякаго промедленія. Эта необходимость чувствовалась и у насъ въ Боннѣ. Кинкель былъ снова съ нами. Палата, членомъ которой онъ состоялъ, еще разъ просила короля признать общегерманскую конституцію и принять императорскую корону—и вслѣдъ затѣмъ была распущена. Кинкель былъ въ Боннѣ общепризнаннымъ главою демократической партіи. Теперь ему предстояло или доказать свою способность принимать быстрыя рѣшенія, или въ критическую минуту предоставить поле дѣйствія другимъ. Онъ не колебался ни минуты. Съ чего начать? Достовѣрно было извѣстно, что запасные, по крайней мѣрѣ большая часть ихъ, отказываются поступать на службу, отказываются сражаться съ защитниками общегерманской конституціи. Но этого отказа было не достаточно, они должны были взяться за оружіе

противъ прусскаго правительства, противъ своего главнокомандующаго. Чтобы сдѣлать противодѣйствіе прусскому правительству дѣйствительнымъ, необходимо было немедленно сорганизовать массы. Способны ли были запасные дѣйствовать энергично, слѣдовать примѣру Дюсельдорфа, Изерлона и Эльберфельда—это должно было показать будущее. Если да, то имъ слѣдовало захватить оружіе, которое лежало въ разныхъ запасныхъ магазинахъ, и, избравъ себѣ командировъ, выступить противъ прусскаго правительства.

Такого рода складъ оружія находился въ Зигбургѣ, недалеко отъ Бонна, на правомъ берегу Рейна. Тамъ было достаточно ружей и снарядовъ для вооруженія довольно большого отряда, который легко могъ присоединиться къ инсургентамъ въ Эльберфельдѣ, образовать значительную силу и распространить возстаніе во всѣ стороны. Этотъ планъ былъ задуманъ руководителями демократической партіи въ Боннѣ и близь лежащихъ мѣстностяхъ, а для выполненія его нашелся и военный предводитель, бывшій артиллерійскій офицеръ Фритцъ Аннеке, пріѣхавшій къ намъ изъ Кёльна. На 11 мая запасные округа созывались въ Зигбургъ для полученія обмундировки. Надо было спѣшить.

Мы назначили въ Боннѣ собраніе запасныхъ изъ города и сосѣднихъ деревень на 10 мая. Съ самаго утра большая толпа наполнила залу «Римлянъ». Ансельмъ Унгеръ, выбранный предсѣдателемъ, убѣждалъ запасныхъ не являться на призывъ прусскаго правительства, а, захвативъ оружіе, употреблять его противъ правительства, которое хочетъ лишить нѣмецкій народъ свободы и единства, и на защиту общегерманской конституціи. Присутствовавшіе приняли эту рѣчь съ самымъ горячимъ сочувствіемъ. Собраніе продолжалось цѣлый день. Число прибывавшихъ запасныхъ все увеличивалось. Нѣсколько ораторовъ обращались къ нимъ съ рѣчами, и всѣ вызывали сочувствіе. Мы рѣшили въ въ ту же ночь устроить нападеніе на Зигбургъ и такимъ образомъ взять на себя предположенное правительствомъ вооруженіе запасныхъ. Съ этою цѣлью слѣдовало не давать собравшимся разойтись въ теченіе дня, чтобы какъ можно большее число ихъ приняло участіе въ ночномъ походѣ на Зигбургъ.

Удержать людей было не легко. Мы собрали деньги, чтобы прокормить ихъ. Но этого было мало. Кинкель, прочитавъ свою послѣднюю лекцію въ университетѣ, явился въ 4 часа въ собраніе въ «Римлянахъ» и произнесъ тамъ рѣчь. Пламенными словами старался онъ возбудить патріотическія чувства своихъ слушателей, убѣждалъ ихъ не расходиться, такъ какъ настала минута рѣшительнаго дѣйствія, и въ заключеніе обѣщалъ быть съ ними и въ минуту опасности раздѣлить ихъ судьбу.

Я провелъ нѣсколько часовъ въ собраніи, но большую часть дня находился въ исполнительномъ комитетѣ или, какъ мы назы-

вали, въ «директоріи» демократическаго союза, которая, не расходясь, засѣдала въ задней комнатѣ гостиницы Камма. Туда приходили изъ Эльберфельда и изъ демократическихъ союзовъ окрестныхъ мѣстностей постоянныя извѣстія объ общей готовности дѣйствовать, тамъ дѣлались распоряженія для ночного похода и распредѣлялись роли. Кинкель и Унгеръ должны были удерживать на мѣстѣ запасныхъ и всѣхъ, кто пожелаетъ принять участіе въ походѣ, и по возможности сорганизовать ихъ, а затѣмъ Аннеке бралъ ихъ подъ свое начальство и переводилъ на тотъ берегъ Рейна; Каммъ, Лудвигъ Мейеръ, я и еще одинъ студентъ, мы должны были озаботиться, чтобы паромъ или «плавучій мостъ», который обыкновенно на ночь отводился къ противоположному берегу, къ деревнѣ Бейель, былъ во время готовъ для перевозки нашихъ людей.

Цѣлый день прошелъ у насъ въ такой суетнѣ, что я забылъ многія подробности его. Помню только ясно, что всякій разъ, какъ я выходилъ на улицу, меня задерживали знакомые студенты, спрашивая, что именно затѣвается, и должны ли они идти вмѣстѣ съ нами. Я объяснялъ имъ, что я самъ рѣшилъ дѣлать въ эту критическую минуту, и говорилъ, что всякій долженъ принять извѣстное рѣшеніе на свой собственный страхъ. Послѣ лихорадочнаго возбужденія послѣднихъ дней я былъ готовъ на все, я не останавливался ни передъ какими крайностями. Мнѣ было ясно, что для спасенія плодовъ революціи необходимо все поставить на карту. Въ такомъ смыслѣ говорилъ я со студентами, хотя не пытался убѣждать ихъ.

Живо помниться мнѣ, какъ я уже въ сумерки пошелъ домой, чтобы разсказать родителямъ, что предполагается, и что я считаю своею обязанностью, и чтобы проститься съ ними. Съ самаго начала революціи родители слѣдили за ней съ живѣйшимъ интересомъ. Они всегда горячо сочувствовали объединенію Германіи и установленію народнаго правительства. Отецъ былъ членомъ демократическаго союза, онъ радовался тому, что я считаюсь однимъ изъ его руководителей, и съ удовольствіемъ слушалъ мои рѣчи. Мать по своей благородной натурѣ всегда увлекалась тѣмъ, что считала справедливымъ. Оба они внимательно слѣдили за ходомъ дѣлъ и предвидѣли катастрофу. Поэтому мой разсказъ не удивилъ ихъ. Точно такъ же для нихъ не было неожиданностью, что я буду лично участвовать въ опасномъ предпріятіи, которое можетъ имѣть пагубное вліяніе на всю мою жизнь. Они сразу признали, что я обязанъ сдѣлать это. А между тѣмъ со мной были связаны всѣ ихъ надежды на будущее. Въ борьбѣ за существованіе я былъ единственной опорой семьи. И не смотря на это, они безъ малѣйшаго колебанія, безъ малѣйшей жалобы пожертвовали всѣмъ ради того, что считали долгомъ чести и патріотизма. Точно одна изъ спартанскихъ женщинъ, или изъ римскихъ матронъ, о которыхъ

мы читаемъ въ исторіи, мать сама подала мнѣ мою саблю съ единственнымъ увѣщаніемъ пользоваться ею честно. Она и не подумала при этомъ, сколько было геройства въ ея поступкѣ!

Передъ уходомъ изъ дома я пробылъ нѣсколько минутъ въ своей комнатѣ. Мы жили въ то время на Кобленцской улицѣ, и изъ моихъ оконъ открывался чудный видъ на Рейнъ и Зибенгебирге. Какъ часто, любуясь этой прелестной картиной, я строилъ планы счастливой, спокойной жизни! Теперь въ сгущавшейся темнотѣ сумерокъ я видѣлъ на горизонтѣ лишь неясныя очертанія моихъ любимыхъ горъ. Моя рабочая комната была тиха, какъ всегда. Какъ часто населялъ я ее своими мечтами! Вотъ мои книги и рукописи, свидѣтели моихъ плановъ, надеждъ и стремленій, отъ которыхъ мнѣ, быть можетъ, придется навсегда отказаться. Какое-то инстинктивное чувство говорило мнѣ, что я навѣкъ прощаюсь съ ними. Я оставилъ все нетронутымъ, какъ было, отвернулся отъ прошлаго и пошелъ навстрѣчу своей судьбѣ.

Въ это же самое время и Кинкель распрощался съ женой и дѣтьми, вернулся на митингъ въ «Римлянахъ» и вошелъ на ораторскую трибуну съ ружьемъ за плечами. Въ горячей рѣчи объявилъ онъ своимъ слушателямъ, что должно произойти въ эту ночь, и что самъ онъ рѣшился сдѣлать; онъ никого не звалъ смѣло слѣдовать его примѣру; онъ не скрывалъ ни отъ кого, насколько важно и опасно задуманное предпріятіе; онъ звалъ идти вмѣстѣ съ нимъ только тѣхъ, кто, подобно ему, чувствуетъ, что отечество въ опасности, и что долгъ требуетъ на все рѣшиться для спасенія его.

Между тѣмъ, я отправился исполнять данное мнѣ порученіе. Я спустился на берегъ Рейна въ условленное мѣсто, встрѣтилъ тамъ товарища, и мы вмѣстѣ съ нимъ переплыли въ лодкѣ на противоположный берегъ. Тамъ насъ встрѣтилъ раньше переправившійся Каммъ; онъ былъ — въ дорожномъ кителѣ съ саблей на боку и съ ружьемъ въ рукахъ. Мы немедленно овладѣли паромомъ, переправили его въ Боннъ и около полуночи перевезли на немъ цѣлую толпу. Это были тѣ люди, которые должны были идти на Зигбургъ и тамъ овладѣть запаснымъ магазиномъ. Кинкель явился съ ружьемъ. Унгеръ сидѣлъ на лошади, вооруженный саблей. Одинъ извозчикъ, который считался въ Боннѣ весьма подозрительной личностью, тоже ѣхалъ верхомъ. Остальные шли пѣшкомъ; большинство было вооружено, но не многіе огнестрѣльнымъ оружіемъ. Мнѣ принесли ружье, но безъ боевыхъ патроновъ.

Аннеке привелъ въ порядокъ прибывшую толпу и раздѣлилъ ее на колонны. Оказалось, что его отрядъ состоитъ всего изъ 120 человѣкъ, и онъ не могъ не высказать своего горькаго разочарованія. Очевидно, многіе изъ присутствовавшихъ на митингѣ въ «Римлянахъ» воспользовались темнотой, незамѣтно улизнули, когда былъ данъ сигналъ выступать. Патріотическій жаръ, одупе-

влявшій ихъ утромъ, успѣлъ остыть къ вечеру, между возбужденіемъ и дѣйствіемъ былъ такой длинный промежутокъ, что чувства ихъ притупились, и они поддались усталости.

Послѣ того, какъ мы построились въ колонны, Аннеке обратился къ намъ съ короткою рѣчью, въ которой указывалъ на необходимость дисциплины и повиновенія и затѣмъ скомандовалъ намъ: «маршъ!» Молча шли мы по темной дорогѣ въ Зигбургъ. Вдругъ къ намъ прискакалъ верховой съ извѣстіемъ, что драгуны, стоявшіе въ Боннѣ, слѣдуютъ за нами и намѣрены напасть на насъ. Въ сущности, это извѣстіе никого не должно было удивить, такъ какъ цѣлый день и вечеръ наши приготовленія къ экспедиціи дѣлались такъ открыто, что было бы странно, если бы начальство ничего о нихъ не знало и не приняло противъ нихъ никакихъ мѣръ. Кромѣ того, мы забыли испортить паромъ, который помогъ нашей переправѣ. Тѣмъ не менѣе извѣстіе о приближеніи драгунъ вызвало большое волненіе въ нашемъ отрядѣ. Аннеке приказалъ верховому быстро вернуться назадъ и узнать, гдѣ именно находятся драгуны и много ли ихъ. А мы въ это время должны были, какъ можно скорѣе, подвигаться впередъ, чтобы до пріѣзда драгунъ переправиться черезъ рѣку Зигъ около Зигбурга-Мюльдорфа. Но этотъ планъ не удался. Гораздо раньше, чѣмъ мы подошли къ Зигу, сзади насъ послышался лошадиный топотъ; это были драгуны. Аннеке, не вѣрившій въ боевую способность своего отряда, тотчасъ же остановилъ его, объявилъ, что онъ очевидно не въ состояніи противостать приближающемуся войску; поэтому ему всего лучше разойтись; а тѣ, кто хочетъ посвятить свои силы родинѣ, пусть пробираются въ Эльберфельдъ и въ Пфальцъ, куда и онъ самъ пойдетъ. Приказаніе разойтись было немедленно исполнено. Большая часть попряталась въ сосѣднихъ ржаныхъ поляхъ, но нѣкоторые изъ насъ, человѣкъ двадцать, остановились на краю дороги. Драгуны спокойно проѣхали рысью по направленію къ Зигбургу. Ихъ было всего на всего человѣкъ тридцать, значитъ, мы легко справились бы съ ними, если бы тѣ изъ насъ, у кого было огнестрѣльное оружіе, пустили его въ ходъ.

Когда драгуны проѣхали мимо насъ, а изъ нашего отряда очень немногіе вернулись на дорогу, мною овладѣло чувство глубокаго стыда и негодованія. Наше предпріятіе окончилось не только неудачно, но и смѣшно, позорно.

Нашъ отрядъ, не сдѣлавъ ни одного выстрѣла, разбѣжался передъ кучкой солдатъ, которая была втрое малочисленнѣе его. Такъ-то оправдались на дѣлѣ громкія слова тѣхъ, кто обѣщалъ всѣмъ имуществомъ, кровью, тѣломъ и жизнью пожертвовать единству и свободѣ нѣмецкаго народа! Я искалъ Кинкеля, но въ темнотѣ не могъ найти его. Наконецъ, я встрѣтилъ Кинкеля и Людвига Мейера. Они оба чувствовали то же, что я, и мы рѣшили всетаки идти впередъ и посмотрѣть, нельзя ли что-нибудь сдѣлать.

На зарѣ мы пришли въ маленькій городокъ Зигбургъ. Тамошній демократическій союзъ, съ которымъ мы поддерживали сношенія, и который ждалъ насъ ночью, засѣдалъ обыкновенно въ гостиницѣ Рейхенштейнъ. Мы отправились прямо туда. Рано утромъ къ намъ пришли наши друзья демократы, и мы съ ними вмѣстѣ принялись обсуждать вопросъ, нельзя ли, несмотря на неудачу прошлой ночи, всетаки овладѣть запаснымъ магазиномъ, который охраняли драгуны, и организовать возстаніе, чтобы поддержать нашихъ единомышленниковъ въ Дюссельдорфѣ и Эльберфельдѣ. Настроеніе нашихъ зигбургскихъ друзей было далеко небодрое... Я чувствовалъ лихорадочное возбужденіе, которое еще усилилось послѣ извѣстій, полученныхъ изъ Эльберфельда. Я былъ страшно утомленъ, но не могъ спать. Въ теченіе дня въ гостиницу собралось множество народа, между прочимъ запасные изъ окрестныхъ деревень. Скоро начались рѣчи, и я нѣсколько разъ призывалъ своихъ слушателей немедленно овладѣть запаснымъ магазиномъ. До меня дошелъ слухъ, что днемъ въ Боннѣ вышло столкновеніе между народомъ и войскомъ, и я сообщилъ этотъ слухъ толпѣ; къ сожалѣнію, слухъ этотъ оказался невѣрнымъ, и мнѣ пришлось сознаться въ этомъ. Мнѣ страстно хотѣлось загладить позоръ прошлой ночи и, не смотря на неблагопріятныя условія, попытаться сдѣлать что-нибудь, хоть самое рискованное. Мои рѣчи становились все болѣе и болѣе горячими, но все было напрасно. Пришелъ вечеръ, толпа разошлась, и я долженъ былъ сознаться, что этихъ людей нельзя воодушевить ни на какое рѣшительное дѣйствіе. Унгеръ, Мейеръ и я рѣшили идти туда, гдѣ дерутся, отправились въ Эльберфельдъ и на слѣдующій день были тамъ.

Мы увидѣли баррикады на улицахъ, въ гостиницахъ стояла страшная суета, но вооруженныхъ людей было мало, не замѣтно было ни правильнаго распорядка, ни дисциплины. Очевидно, здѣсь нельзя было разсчитывать на успѣхъ. Здѣсь предстояла или безнадежная борьба, или немедленная капитуляція.

— Тутъ намъ нечего дѣлать,—замѣтилъ я Унгеру,—я иду въ Пфальцъ.

Мейеръ выразилъ желаніе идти вмѣстѣ со мною.

Мы сѣли на пароходъ, который шелъ вверхъ по Рейну. Я письмомъ просилъ выслать мнѣ необходимыя для снаряженія вещи на имя друга всѣхъ франконцевъ, трактирщика Натана въ Сентъ-Гоарсгаузенѣ, и вечеромъ въ тотъ же день мы были въ его гостепріимномъ домѣ подъ сѣнью скалы Лорелеи.

Послѣ страшнаго возбужденія, въ которомъ я провелъ послѣдніе четыре дня, я, наконецъ, успокоился и одумался. Въ первую минуту, когда я проснулся послѣ долгаго, крѣпкаго сна, все случившееся казалось мнѣ дикимъ сновидѣніемъ, но затѣмъ я вспомнилъ, что все это дѣйствительность, страшная дѣйствительность. Нельзя было думать, что попытка овладѣть оружейнымъ складомъ останется

ненаказанной, значитъ, я попалъ въ число лицъ, преслѣдуемыхъ правительствомъ, принужденныхъ скрываться.

Мною овладѣло очень непріятное чувство. Главное то, что хотя я продолжалъ считать свой образъ дѣйствій правильнымъ и патріотичнымъ, но я не могъ гордиться имъ, такъ какъ онъ привелъ къ такому постыдному результату, постыдному настолько, что я считалъ для себя невозможнымъ вернуться къ друзьямъ, пока этотъ позоръ не будетъ смытъ. Особенно же огорчало меня извѣстіе, что всѣ попытки къ возстанію въ Пруссіи кончились неудачей, и что теперь прусское правительство въ состояніи обрушиться со всѣми своими силами на инсургентовъ Бадена и Пфальца. Одно утѣшало меня: увѣренность, что такое святое дѣло, какъ дѣло германскаго единства и народной свободы, не можетъ погибнуть, и что мнѣ еще представится случай хоть сколько-нибудь посодѣйствовать его побѣдѣ. Никогда не забуду я тѣхъ часовъ, которые я провелъ съ Мейеромъ и Весселемъ, пріятелемъ-франконцемъ, пріѣхавшимъ къ намъ изъ Бонна,—расхаживая взадъ и впередъ подъ скалою Лорелеи и разсуждая обо всемъ этомъ. Мейеръ смотрѣлъ на вещи иначе, чѣмъ я. Онъ рѣшилъ вернуться въ Боннъ и подвергнуться риску уголовнаго преслѣдованія. Я не сталъ разубѣждать его, и намъ пришлось разстаться.

Мнѣ было очень тяжело прощаться съ Мейеромъ и Весселемъ. Когда я въ послѣдній разъ пожалъ имъ руки, мнѣ казалось, точно я разстаюсь не только съ ними, но и еще разъ прощаюсь съ родителями, братьями и сестрами, съ родиной, съ друзьями, со всѣмъ своимъ прошлымъ. Прощай чудная студенческая жизнь, съ своими идеальными стремленіями, своими славными юношескими мечтами!

Мейеръ и Вессель поѣхали внизъ по Рейну въ Боннъ, а я вверхъ въ Майнцъ.

IX.

Въ Майнцѣ я узналъ отъ одного члена тамошняго демократическаго союза, что Кинкель уже проѣхалъ въ Пфальцъ. Цитцъ, предводитель народной партіи въ Майнцѣ, организовалъ отрядъ рейнъ-гессенцевъ, чтобы идти на помощь Пфальцу, и находится въ Кирхгеймболанденѣ, отъ него я могу получить болѣе подробныя свѣдѣнія. Я отправился въ Кирхгеймболанденъ пѣшкомъ, неся свой багажъ въ ранцѣ за плечами. Въ маленькомъ городкѣ Кирхгеймболандѣ я нашелъ Цитца во главѣ хорошо вооруженнаго и до нѣкоторой степени дисциплинированнаго отряда добровольцевъ. Ихъ лагерь производилъ хорошее впечатлѣніе, только артиллерія была плоха: она состояла всего изъ трехъ-четырехъ пушечекъ, употребляемыхъ для пальбы при торжественныхъ случаяхъ. Отъ Цитца я узналъ, что Кинкель отправился въ Кайзерслаутернъ, революціон-

ную столицу Пфальца, чтобы предложить свои услуги тамошнему временному правительству. Дѣйствительно, въ Кайзерслаутернѣ я нашелъ Кинкеля и Аннеке. Оба были въ бодромъ настроеніи, приняли меня радушно и поселили въ гостиницѣ «Лебедя», гдѣ я, прежде чѣмъ приняться за дѣло, долженъ былъ сначала хорошенько подкрѣпиться пищей и выспаться.

На слѣдующее утро я всталъ рано, совершенно свѣжимъ и готовымъ работать. Мнѣ интересно было наблюдать, какой внѣшній видъ у населенія, возставшаго противъ своего правительства: посѣтители гостиницы спокойно завтракали, какъ всегда; сынъ хозяина гостиницы собирался на дняхъ жениться, и я слышалъ разговоры о приготовленіяхъ къ свадьбѣ. На улицахъ было большое движеніе. Тамъ были люди, которые шли по своимъ обычнымъ дѣламъ, рядомъ группы молодыхъ людей въ гражданскомъ платьѣ, но съ ружьями на плечѣ, очевидно принадлежавшіе къ народному ополченію, которое начинало организоваться; среди нихъ попадались солдаты въ баварскихъ мундирахъ, перешедшіе на сторону народа, даже полицейскіе и жандармы въ своей формѣ, съ саблей на боку, повидимому, исполнявшіе свои обычныя обязанности по охраненію порядка. Для меня, какъ для прирейнскаго пруссака, понятія «жандармъ» и «свобода» были не совмѣстимы; хозяину «Лебедя» не безъ труда удалось втолковать мнѣ, что эти жандармы принесли присягу общегерманской конституціи, что они служатъ временному правительству и, въ сущности, очень недурные люди. Вообще я нашелъ, что населеніе находится въ самомъ веселомъ настроеніи, беззаботно наслаждается удовольствіями данной минуты и не мучитъ себя мыслями о томъ, что принесетъ завтрашній день. Это мало согласовалось съ тѣмъ представленіемъ, какое я себѣ составилъ о серьезности положенія революціонеровъ. Вскорѣ я узналъ, что такое легкое отношеніе къ жизни лежало въ характерѣ жителей Пфальца.

Рейнскій Пфальцъ замѣчателенъ красотою своей мѣстности и плодородіемъ почвы, а это развиваетъ въ жителяхъ веселое, жизнерадостное настроеніе. Кромѣ того, мѣстное населеніе отличается тонкимъ умомъ, добродушіемъ, чувствомъ собственнаго достоинства и способностью увлекаться. Дѣйствительно бѣдныхъ, людей, нуждавшихся въ необходимомъ, было въ то время въ Пфальцѣ очень мало. Вовсе не экономическія причины вызвали тамъ революцію. При перетасовкѣ Европы на Вѣнскомъ конгрессѣ послѣ Наполеоновскихъ войнъ Пфальцъ достался Баваріи. Между этими двумя странами, раздѣленными географически, не развилось и внутренней связи. Жители Пфальца до конца не могли стать баварскими патріотами. Когда баварское правительство стало посылать въ Пфальцъ баварскихъ чиновниковъ для управленія страной, это окончательно испортило взаимныя отношенія. «Голодныхъ баварцевъ посылаютъ въ богатый Пфальцъ кормиться», говорилъ народъ

Поэтому жители Пфальца были постоянно оппозиціонно настроены противъ баварцевъ; одного этого настроенія было бы достаточно, чтобы заставить ихъ стать въ ряды либераловъ, но кромѣ того этотъ маленькій, живой, отзывчивый, интеллигентный народецъ былъ отъ природы склоненъ къ либеральному образу мыслей. Либерализмъ въ Пфальцѣ имѣлъ опредѣленно націоналистическій характеръ. Многіе вожаки національнаго движенія были родомъ изъ Пфальца.

Когда король Баварскій отказался признать конституцію, выработанную франкфуртскимъ парламентомъ, въ Пфальцѣ вспыхнуло общее негодованіе. Всѣ считали вполнѣ естественнымъ, что если Баварскій король не хочетъ быть нѣмцемъ, то Пфальцъ не можетъ быть баварскимъ. 2-го мая въ Кайзерслаутернѣ собрался съѣздъ представителей всѣхъ либеральныхъ союзовъ Пфальца. Это собраніе избрало «комитетъ обороны страны» (Landesvertheidigungsausschuss), который долженъ былъ взять на себя управленіе провинціей и организацію военной силы. Настроеніе мѣстнаго населенія было настолько единодушно, что, за исключеніемъ нѣсколькихъ чиновныхъ и военныхъ круговъ да немногихъ деревень, въ которыхъ духовенство имѣло преобладающее вліяніе, авторитетъ комитета безусловно признавался во всемъ Пфальцѣ.

Здѣсь особенно рѣзко проявлялась путаница, вызванная въ Германіи отказомъ прусскаго короля принять конституцію и императорскую корону. Какъ мы выше говорили, національный парламентъ своимъ постановленіемъ 4 мая призывалъ: «правительства, законодательныя собранія, общины отдѣльныхъ государствъ и весь нѣмецкій народъ признать и осуществить конституцію Германскаго государства.» Такъ какъ Баварскій король отказался признавать эту конституцію, то жители Пфальца имѣли полное право думать, что, возставая противъ баварскаго правительства, они дѣйствуютъ въ духѣ постановленія національнаго парламента, они, въ сущности, повинуются высшему національному авторитету Германіи. Вслѣдствіе этого комитетъ поступилъ вполнѣ логично, когда черезъ посредство депутатовъ Пфальца обратился въ національный парламентъ и ко временному центральному правительству Германіи съ просьбой о признаніи его и о поддержкѣ. Центральное правительство Германіи, во главѣ котораго стоялъ, какъ извѣстно, австрійскій эрцгерцогъ Іоаннъ, послалъ отъ себя въ Пфальцъ коммиссара, доктора Эйзенштука, стараго либерала, который долженъ былъ «отъ имени центральной власти принять всѣ необходимыя мѣры для поддержанія и возстановленія законовъ въ странѣ» и въ особенности озаботиться отмѣною нѣкоторыхъ постановленій, изданныхъ мѣстнымъ комитетомъ. Коммиссаръ объявилъ указанныя ему постановленія отмѣненными, но утвердилъ «мѣстный комитетъ для защиты и проведенія общегерманской конституціи» и объявилъ, что этотъ комитетъ имѣетъ

право организовать и вооружать народное ополченіе на защиту общегерманской конституціи и самостоятельно выступать противъ всякихъ посягательствъ на эту конституцію въ Пфальцѣ. Эрцгерцогъ-правитель не остался доволенъ такими распоряженіями своего коммиссара.

Вслѣдствіе женитьбы на особѣ «простого званія» и нѣкоторыхъ своихъ либеральныхъ мнѣній, эрцгерцогъ Іоганнъ не пользовался расположеніемъ австрійскаго двора, и потому былъ очень популяренъ въ публикѣ. Благодаря этому, его и выбрали въ 1848 г. правителемъ Германскаго государства.

Такой выборъ возбудилъ въ немъ желаніе и надежду получить корону германскаго императора. Избраніе прусскаго короля разочаровало его. И онъ съ досады рѣшилъ немедленно отказаться отъ званія правителя. Но его уговорили повременить съ этимъ отказомъ: австрійскій дворъ настоятельно совѣтовалъ ему не отказываться пока отъ своего высокаго званія, при которомъ онъ можетъ оказать важныя услуги династическимъ интересамъ Австріи. А эти династическіе интересы требовали ни въ какомъ случаѣ не допускать прусскаго короля сдѣлаться германскимъ императоромъ и вообще не соглашаться на такую организацію Германіи, при которой Австрія въ своемъ полномъ составѣ не будетъ играть первенствующую роль. Общегерманская конституція, выработанная національнымъ парламентомъ, была ненавистна австрійскому двору, и онъ стремился всѣми силами противодѣйствовать введенію ея. Можетъ быть, эрцгерцогъ Іоаннъ и былъ раньше весьма либераленъ, но несомнѣнно, что интересы монархіи вообще и австрійской въ особенности были ему гораздо дороже, чѣмъ общегерманская конституція и нѣмецкое единство. Это вполнѣ проявилось въ его отношеніи къ Пфальцу. Онъ немедленно отозвалъ коммиссара, дѣйствовавшаго противъ его желанія, и принялъ мѣры къ подавленію вооруженной силой народнаго движенія, возникшаго на основаніи призыва національнаго парламента. Для этого подавленія служили главнымъ образомъ прусскія войска, войска того самаго короля, который въ мартѣ 1848 г. торжественно обѣщалъ стать во главѣ національнаго движенія, который былъ избранъ нѣмецкимъ императоромъ и теперь готовился убивать именно тѣхъ, кто хотѣлъ сдѣлать его своимъ императоромъ.

Сторонники такого невѣроятнаго образа дѣйствій ссылаются на то, что къ народному движенію въ защиту германской конституціи примѣшивались въ Пфальцѣ и особенно въ Баденѣ сильныя республиканскія тенденціи. Это вѣрно. Но точно такъ же несомнѣнно вѣрно, что если бы нѣмецкіе князья честнымъ образомъ исполнили то, что народъ имѣлъ полное право ожидать отъ нихъ послѣ мартовскихъ дней, если бы они приняли общегерманскую конституцію, всѣ республиканскія стремленія въ Германіи улеглись бы сами собой. Нѣмецкій народъ въ общемъ остался бы доволенъ; онъ даже,

вѣроятно, не протестовалъ бы противъ нѣкоторыхъ измѣненій конституціи въ монархическомъ смыслѣ. Послѣ своихъ прекрасныхъ обѣщаній, нѣмецкіе государи всѣми силами старались уничтожить надежду нѣмецкаго народа на объединеніе Германіи; неудивительно, что, благодаря этому, исчезла вѣра въ честность и въ національныя стремленія королей, являлось мнѣніе, что германское единство можетъ быть создано исключительно революціоннымъ путемъ. Вслѣдствіе образа дѣйствій короля прусскаго, а также королей Баваріи, Ганновера и Саксоніи передъ нѣмецкими патріотами являлась альтернатива: или отказаться отъ всѣхъ своихъ стремленій къ созданію свободной, сильной, единой Германіи, или проводить въ жизнь эти стремленія тѣмъ путемъ, который правительства считали революціоннымъ. Жалкая судьба Германіи въ послѣдующее десятилѣтіе ясно доказала, что тѣ, кто видѣлъ передъ собой только эту альтернативу, вовсе не ошибались.

Послѣ отозванія правительственнаго коммиссара Эйзенштука, въ Пфальцѣ дѣлались попытки остановить движеніе съ помощью небольшихъ отрядовъ войска. Но такъ какъ эти попытки кончались неудачей, и такъ какъ возстаніе народа и арміи въ Баденѣ дѣлали положеніе вещей весьма серьезнымъ, то прусское правительство принялось за мобилизацію нѣсколькихъ армейскихъ корпусовъ и вообще стало готовиться къ настоящей войнѣ. Именно этимъ приготовленіямъ и должны были мѣшать возстанія въ западныхъ провинціяхъ Пруссіи. Нѣсколько времени Пфальцъ оставляли въ покоѣ, и его добродушное, жизнерадостное населеніе увидѣло въ этомъ знакъ, что государи, не исключая и прусскаго короля, боятся открыто дѣйствовать военной силой, такъ какъ народы всей Германіи одушевлены одинаковымъ стремленіемъ къ свободѣ и единству. Въ Пфальцѣ были увѣрены, что возстаніе кончится такъ же весело, какъ началось, а когда комитетъ принялъ оффиціально названіе «временнаго правительства», никто не сомнѣвался, что «Веселый Пфальцъ», Божьей милостью, навсегда избавился отъ баварскаго господства и что онъ, въ видѣ хорошенькой, маленькой республики войдетъ въ составъ великой нѣмецкой державы.

Болѣе разумные и дальновидные люди предвидѣли, что дѣло идетъ о рѣшительной борьбѣ съ антинаціональной и антилиберальной реакціей, которая въ данномъ случаѣ выдвинетъ всю свою организованную силу, до послѣднихъ резервовъ, и что средства борьбы противъ этой силы весьма незначительны какъ въ Пфальцѣ, такъ и въ Баденѣ. Въ Пфальцѣ, правда, нѣсколько баварскихъ солдатъ перешли на «сторону народа», т. е. они присягнули общегерманской конституціи, смѣстили офицеровъ, не желавшихъ давать этой присяги, и выбрали на ихъ мѣста своихъ унтеръ-офицеровъ. Но такихъ солдатъ было всего нѣсколько сотъ. Кромѣ нихъ, временное правительство располагало: національною гвардіей пфальцскихъ городовъ, которая, понятно, могла нести лишь мѣстную службу и была

плохо вооружена; потомъ рейнгессенскимъ корпусомъ Цитца отъ шести до семи тысячъ человѣкъ, такимъ же корпусомъ Бленкера и, наконецъ, народнымъ ополченіемъ, которое еще не было организовано. Въ Пфальцѣ было бы не трудно образовать отрядъ изъ 20—25000 сильныхъ, молодыхъ людей, если бы временное правительство располагало достаточнымъ количествомъ боевыхъ припасовъ. Добровольцы массами заявлялись къ нему; но такъ какъ имъ не давали ружей, а только совѣтовали запастись косами и кольями, то большинство разбѣгалось. Попытка привезти ружья изъ Бельгіи не удалась, потому что ихъ везли по Рейну черезъ прусскія владѣнія, и пруссаки перехватили ихъ. Точно такъ же не удалась попытка захватить крѣпость Ландау, въ которой хранились большіе запасы оружія.

Временное правительство состояло изъ честныхъ, уважаемыхъ людей, одушевленныхъ самыми благими намѣреніями; имъ нельзя ставить въ вину, что они не сумѣли справиться съ трудностями своего положенія: для этого требовался геніальный умъ и нечеловѣческая энергія. Къ сожалѣнію, имъ точно такъ же не удалось привлечь на службу людей, которые были бы въ силахъ разрѣшить трудную задачу, предстоявшую имъ. Они отдали главное начальство надъ всѣми, какъ уже существовавшими, такъ и организующимися, военными силами бывшему начальнику милиціи (Bürgergarde) въ Вѣнѣ Феннеръ фонъ Феннебергу, человѣку, который сдѣлался какимъ-то профессіональнымъ революціонеромъ и проводилъ все время главнымъ образомъ въ томъ, что ѣдкими рѣчами обвинялъ другихъ за неуспѣхъ дѣла. Феннебергъ вскорѣ принужденъ былъ отказаться отъ званія главнокомандующаго, и начальство надъ арміей перешло на время къ военной коммиссіи, состоявшей главнымъ образомъ изъ бывшихъ прусскихъ офицеровъ. Это были очень порядочные люди, но болѣе способные управлять уже сформированными корпусами войска, чѣмъ создавать армію. Какъ прусскіе офицеры, привыкшіе къ строгой дисциплинѣ и быстрому повиновенію, они плохо понимали характеръ мѣстнаго населенія, и оно съ своей стороны не особенно сочувственно относилось къ этимъ сдержаннымъ, суровымъ на видъ начальникамъ. Тѣмъ не менѣе эта коммиссія сдѣлала все, чего можно было отъ нея ожидать. Между тѣмъ, временное правительство пригласило на службу за очень значительное вознагражденіе въ десять тысячъ гульденовъ одного стараго польскаго генерала Шнайде (Sznayde). Въ то время офицеры, сражавшіеся за освобожденіе Польши, еще являлись въ ореолѣ героевъ революціи. Общественное мнѣніе приписывало имъ не только удивительную храбрость, но и всевозможные военные таланты и необыкновенное знаніе всѣхъ тайнъ военнаго искусства. Среди этихъ офицеровъ, несомнѣнно, были люди недюжинныхъ способностей, но были и вполнѣ бездарные. Не знаю, почему временное правительство Пфальца остановило свой выборъ именно на генералѣ Шнайде. Во время

польско-русскихъ войнъ 1830—31 года онъ, говорятъ, отличился, какъ храбрый кавалеристъ, но въ 1849 году трудно было бы найти человѣка, менѣе способнаго командовать ополченіемъ Пфальца. Это былъ толстый, грузный старикъ, судя по внѣшнему виду охотнѣе пускавшій въ ходъ ножикъ и вилку, чѣмъ саблю, и болѣе заботившійся о томъ, чтобы спокойно спать ночью, чѣмъ о томъ, чтобы давать битвы. Кромѣ того, онъ съ трудомъ говорилъ по нѣмецки. Страна, въ которой ему приходилось дѣйствовать, была для него вполнѣ чуждой. Его дѣятельность, какъ организатора народнаго ополченія, сводилась главнымъ образомъ къ тому, что онъ мѣшалъ военной коммиссіи. Вслѣдствіе этого, различныя воззванія, распоряженія и приказанія временнаго правительства оставались безъ исполненія. Послѣ шестинедѣльной работы въ Пфальцѣ было не болѣе 7—8000 человѣкъ по большей части плохо вооруженнаго и плохо обученнаго войска.

Въ Баденѣ дѣло стояло значительно лучше. Вся пѣхота, артиллерія и большая часть кавалеріи великаго герцогства Баденскаго перешли на сторону народнаго движенія и составили хорошо вооруженный армейскій корпусъ тысячъ въ пятнадцать. Въ то же время крѣпость Раштатъ съ своими запасами оружія и снарядовъ попала въ руки инсургентовъ. Благодаря этому, тамъ можно было снабжать всѣмъ необходимымъ новые полки, и не трудно было организовать армію въ 40—50000 человѣкъ. Правда, офицеры, за немногими исключеніями, остались вѣрны великому герцогу и ушли изъ своихъ полковъ. Но на ихъ мѣста назначены были унтеръ-офицеры, среди которыхъ было не мало людей, вполнѣ способныхъ командовать солдатами. Такимъ образомъ, возстаніе въ Баденѣ располагало значительными силами.

Но какъ пфальцскіе, такъ и баденскіе главари движенія должны были съ самаго начала считаться съ тѣмъ фактомъ, что при всемъ напряженіи своихъ средствъ двѣ маленькія страны не могли противостоять не только соединеннымъ силамъ нѣмецкихъ государей, но даже одной Пруссіи. Для того, чтобы движеніе имѣло успѣхъ, оно должно было распространиться за предѣлы Бадена и Пфальца, разлиться по всей Германіи. Для этой цѣли оба временныя правительства должны были бы выдвинуть за границу всѣхъ своихъ людей, способныхъ носить оружіе, съ тѣмъ, чтобы втянуть въ инсурекціонное движеніе войска и населеніе сосѣднихъ государствъ; а въ случаѣ успѣха идти все дальше и дальше. Но ни одно изъ нихъ не рѣшилось на такой наступательный образъ дѣйствій. Они не сознавали, что оборонительное положеніе въ ожиданіи вражескихъ силъ неминуемо приведетъ къ пораженію народнаго войска и къ полной гибели возстанія. Они все еще надѣялись, что прусское правительство въ послѣднюю минуту отступитъ передъ вооруженнымъ нападеніемъ на защитниковъ конституціи, или что прусскіе запасные откажутся стрѣлять въ своихъ братьевъ, возставшихъ

на защиту общаго права. Какъ поступили бы запасные, если бы смѣлое, побѣдоносное народное войско вступило въ ихъ страну и обратилось къ нимъ съ призывомъ идти вмѣстѣ, — трудно сказать, но, во всякомъ случаѣ, нельзя было ожидать, что они пожертвуютъ собой ради партіи, не рѣшающейся выступить впередъ и, повидимому, сомнѣвающейся въ собственномъ дѣлѣ. Предводители движенія должны бы были ясно понимать это, но временныя правительства и Бадена, и Пфальца упорно держались своего плана: ждать нападенія, не выходя за предѣлы своей области.

Не могу похвастать, чтобы я въ то время понималъ все это такъ же ясно, какъ понимаю теперь. Мнѣ смутно представлялось, какъ бы слѣдовало дѣйствовать, но я утѣшалъ себя мыслью, что предводители старше, опытнѣе меня и лучше понимаютъ, что дѣлать; къ тому же меня поддерживалъ оптимизмъ молодости, говорившій мнѣ, что такое правое дѣло, какъ наше, ни въ какомъ случаѣ не можетъ погибнуть. Въ самый день пріѣзда въ Кайзерслаутернъ, я хотѣлъ записаться солдатомъ въ формировавшійся тамъ баталіонъ народнаго ополченія. Но Аннеке посовѣтовалъ мнѣ не спѣшить и лучше идти на службу къ нему: онъ былъ начальникомъ артиллеріи въ Пфальцѣ и могъ доставить мнѣ мѣсто, болѣе соотвѣтствующее моимъ способностямъ. Дѣйствительно, черезъ нѣсколько дней онъ выхлопоталъ у временнаго правительства приказъ о назначеніи меня поручикомъ, и я сдѣланъ былъ адъютантомъ при штабѣ начальника артиллеріи. Кинкель нашелъ себѣ занятіе въ качествѣ секретаря временнаго правительства. Артиллерія Пфальца состояла изъ небольшихъ мортиръ отряда рейнгессенскихъ добровольцевъ, изъ полдюжины небольшихъ пушекъ, про которыя говорили, что онѣ будутъ очень полезны при походѣ въ горы, да изъ одной батареи, пріобрѣтенной отъ баденскаго временнаго правительства. Кругъ дѣятельности начальника артиллеріи и его штаба былъ поэтому весьма ограниченъ, и я, въ ожиданіи военныхъ дѣйствій, охотно исполнялъ разныя политическія порученія. Такъ, мнѣ часто приходилось говорить на митингахъ, которые устраивались съ цѣлью возбужденія патріотическихъ чувствъ. Разъ мнѣ даже поручили, въ качествѣ коммиссара временнаго правительства, арестовать одного католическаго священника, который пользовался своимъ вліяніемъ на приходъ, (большое село съ 3000 жителей), открыто удерживая молодыхъ людей отъ вступленія въ ополченіе. Такъ какъ священника считали способнымъ оказать сопротивленіе, то мнѣ въ помощь дали отрядъ изъ 50 ополченцевъ. Этотъ отрядъ имѣлъ далеко не внушительный видъ. Поручикъ, командовавшій имъ, былъ въ обыкновенномъ гражданскомъ платьѣ, но въ калабрійской шляпѣ съ перьями, съ черно-красно-золотымъ шарфомъ и саблей на боку. Изъ солдатъ только одинъ былъ въ мундирѣ, и то въ мундирѣ французскаго національнаго гвардейца: это былъ житель

Страсбурга, захотѣвшій принять участіе въ революціи Пфальца. Всѣ остальные были въ гражданскомъ платьѣ съ перьями на шляпахъ. Ружей у всего отряда было не болѣе дюжины. Остальное вооруженіе состояло изъ пикъ и косъ. Я, въ качествѣ правительственнаго коммиссара, надѣлъ черезъ плечо черно-красно-золотой шарфъ и нацѣпилъ себѣ большую саблю. Кромѣ того, у меня за поясомъ былъ не заряженный пистолетъ.

Когда мы вошли въ село, улицы его представляли картину полнаго мира. Все мужское населеніе работало въ поляхъ, у дверей домовъ и у оконъ виднѣлись только дѣти да старики, которые съ недоумѣніемъ глядѣли на насъ. Мы быстро окружили домъ священника, чтобы преступникъ не могъ скрыться заднимъ ходомъ, а главныя свои силы поставили на улицѣ. Я постучалъ въ дверь и скоро очутился въ простой, но уютной комнатѣ; пасторъ былъ человѣкъ лѣтъ 35, невысокаго роста, коренастый, съ живыми, умными глазами. Я постарался принять строгій, воинственный видъ, объявилъ ему цѣль моего прихода и, положивъ ему руку на плечо, объявилъ его арестованнымъ. Къ удивленію моему, онъ вдругъ разразился громкимъ хохотомъ.

— Вы меня арестуете?—вскричалъ онъ.—Не дурная штука. Вы, должно быть, студентъ? Я самъ былъ студентомъ, знаю эти исторіи. Ну, давайте, выпьемъ вмѣстѣ.—Съ этими словами онъ открылъ дверь въ сосѣднюю комнату и велѣлъ служанкѣ принести вина.

Мнѣ было досадно, что онъ сразу узналъ во мнѣ студента, и мой начальническій тонъ не произвелъ на него впечатлѣнія.

— Это вовсе не шутка, господинъ пасторъ,—возразилъ я строгимъ голосомъ.—Вы препятствовали въ своемъ приходѣ организаціи народнаго ополченія. Временное правительство не можетъ допустить этого. Я васъ арестую именемъ временнаго правительства. Вы должны отправиться со мною. Вашъ домъ окруженъ солдатами. Не заставляйте меня прибѣгать къ насилію.

— Къ насилію! Ну, это мы еще посмотримъ!—вскричалъ онъ, и глаза его блеснули гнѣвомъ. Но онъ сдержался и заговорилъ болѣе спокойно:—Во всякомъ случаѣ, это дѣло не такое спѣшное, вы позволите мнѣ сказать вамъ нѣсколько словъ. А вотъ и вино несутъ, выпьемъ по стаканчику за ваше здоровье... Это вѣрно, что я не пускалъ нашихъ бѣдныхъ крестьянскихъ парней записываться въ ополченіе, я не хотѣлъ, чтобы они задаромъ шли на вѣрную смерть. Вѣдь вы, конечно, и сами не вѣрите, чтобы это безсмысленное возстаніе кончилось успѣшно. Черезъ нѣсколько дней пруссаки разгонятъ все ваше временное правительство. Къ чему же вся эта нелѣпость, которая и безъ того будетъ многимъ стоить жизни?—Пока онъ говорилъ, раскупоривая бутылку, въ церкви раздался звонъ набата, очевидно сзывавшій прихожанъ на выручку ихъ священника. Я отворилъ окно и увидѣлъ, что со всѣхъ сто-

ронъ бѣгутъ крестьяне съ цѣпами, вилами и дубинами. Я приказалъ поручику поставить нашихъ солдатъ спиной къ дому и до послѣдней крайности защищать входы въ него. Толпа крестьянъ все прибывала, раздавались угрожающіе крики. Наше положеніе становилось сомнительнымъ.

Пасторъ улыбнулся. — Мои прихожане готовы идти на смерть, чтобы защитить меня,—сказалъ онъ.—Кажется, ваши солдаты во власти крестьянъ.

Вдругъ счастливая мысль озарила меня.—Во всякомъ случаѣ вы въ моей власти, господинъ пасторъ,—сказалъ я, вынулъ пистолетъ изъ-за пояса и взвелъ курокъ. Улыбка быстро сбѣжала съ лица священника. — Что же вы отъ меня хотите?—спросилъ онъ.

— Я хочу,—сказалъ я съ напускнымъ спокойствіемъ,—чтобы вы подошли къ этому окну и уговорили своихъ крестьянъ немедленно разойтись по домамъ. Объясните имъ, что у васъ есть дѣло съ правительствомъ, что вы отправитесь въ городъ съ пріятелемъ, — со мной,—чтобы уладить это дѣло къ выгодѣ прихода, что эти вооруженные люди пришли проводить васъ и охранять отъ всякой опасности. Пока вы будете говорить съ крестьянами, я буду стоять съ этимъ пистолетомъ сзади васъ. Постарайтесь устроить все хорошенько, господинъ пасторъ, временное правительство приметъ это во вниманіе.

Пасторъ снова улыбнулся, но съ видимымъ смущеніемъ: мой пистолетъ не нравился ему. Онъ подошелъ къ окну, крестьяне привѣтствовали его громкими криками, но онъ велѣлъ имъ замолчать и сказалъ приблизительно то, что я ему продиктовалъ. Крестьяне повиновались ему безъ всякихъ колебаній, и улица опустѣла. Мы со священникомъ роспили спокойно бутылочку вина и въ сумеркахъ отправились въ городъ, разговаривая по-пріятельски. Отрядъ слѣдовалъ за нами на разстояніи нѣсколькихъ сотъ шаговъ. Дорогой я сталъ играть своимъ пистолетомъ, бросалъ его вверхъ и ловилъ рукой.—Какъ вы неосторожны,—замѣтилъ пасторъ,—вѣдь онъ можетъ выстрѣлить!

— Никакъ не можетъ,-- отвѣчалъ я,—онъ не заряженъ.

— Какъ,—вскричалъ онъ,—не заряженъ? А я то—вотъ такъ штука!

Мы посмотрѣли другъ на друга и разразились громкимъ смѣхомъ. Я доложилъ временному правительству, какую услугу оказалъ намъ священникъ, его приняли любезно и очень скоро отпустили домой.

12-го іюня отрядъ прусской арміи перешелъ границу. Если бы тѣ проклятія, какія добродушные жители Пфальца посылали по адресу пруссаковъ, могли превратиться въ бомбы, отрядъ былъ бы очень быстро уничтоженъ. Но дѣйствительныя боевыя силы, которыми располагало временное правительство Пфальца, были настолько ничтожны, что о защитѣ страны съ ихъ помощью не-

чего было и думать. Слѣдовало избѣгать всякаго столкновенія съ пруссаками, и потому рѣшено было отступить. Мы должны были отправиться въ путь ночью съ 13 на 14 іюня.

Съ нашей артиллеріей было мало хлопотъ, такъ какъ она заключала немного орудій. Въ два часа ночи мы сѣли на лошадей. Передвиженіе войска ночью всегда производитъ жуткое впечатлѣніе, особенно когда оно связано съ отступленіемъ. Но не могу не сознаться, что глухой стукъ колесъ по дорогѣ, шумъ шаговъ пѣхоты, тихое фырканье лошадей и звонъ сабель въ темнотѣ производили на меня впечатлѣніе чего-то весьма романтичнаго. Въ этомъ отношеніи мнѣ вполнѣ сочувствовала жена нашего предводителя, Аннеке, молодая, красивая женщина, горячая патріотка, сопровождавшая своего мужа верхомъ на лошади. Помню, какъ мы съ ней остановились въ восхищеніи передъ деревенскимъ трактиромъ, около котораго бородатые добровольцы, въ черныхъ фетровыхъ шляпахъ съ перьями, въ фантастически изукрашенныхъ блузахъ, съ ружьями черезъ плечо, толпились вокругъ трактирщицы, наливавшей имъ вино. Эта картина могла бы представить чудную иллюстрацію къ «Разбойникамъ» Шиллера.

Вообще нашъ отрядъ былъ весьма живописенъ. Такъ какъ пфальцскому ополченію не полагалось однообразныхъ мундировъ, то въ костюмахъ преобладалъ личный вкусъ. Многіе солдаты старались придать себѣ воинственный, даже страшный видъ, съ этой цѣлью отпускали длинные бороды и усы, украшали шляпы перьями, преимущественно красными, надѣвали плащи яркихъ цвѣтовъ и засовывали за поясъ блестящіе кинжалы или охотничьи ножи.

15-го и 16-го іюня къ намъ присоединялись другіе батальоны добровольцевъ и нѣкоторые изъ нихъ были такъ хорошо вооружены, имѣли такой бравый видъ, что многіе стали поговаривать, не остановиться ли намъ и не дождаться ли пруссаковъ. Но мы всетаки продолжали отступленіе, и Пфальцъ былъ оставленъ безъ выстрѣла. 19 іюня мы въ количествѣ 7—8000 человѣкъ перешли Рейнъ подъ Книлингеномъ и направились къ Карлсруэ.

Наше появленіе въ чистенькой, вылощенной столицѣ великаго герцогства Баденскаго произвело на мѣстное населеніе далеко не лестное для насъ впечатлѣніе. Граждане Карлсруэ, привыкшіе къ нарядным солдатамъ великаго герцога, не могли достойно оцѣнить художественность и романтичность войскъ Пфальца, и чуть ли не смотрѣли на нихъ, какъ на разбойниковъ, отъ которыхъ надобно запирать магазины и двери домовъ. Мы утѣшали себя мыслью, что населеніе столицы состоитъ, главнымъ образомъ, изъ придворной челяди, да изъ чиновничества, въ глубинѣ души сохранившихъ вѣрность великому герцогу, хотя многіе изъ нихъ въ послѣднія недѣли представлялись республиканцами. Жители Карлсруэ такъ стремились какъ можно скорѣе избавиться отъ пфальцскихъ гостей, что мы даже не успѣли доказать имъ, какіе чест-

ные и миролюбивые люди эти страшные бородачи съ красными перьями и кинжалами за поясомъ. Намъ въ тотъ же день отвели лагерь за городомъ, и на завтра мы уже двинулись на сѣверъ для соединенія съ баденской арміей.

Эта армія имѣла цѣлью защищать сѣверную границу великаго герцогства противъ генерала Пейкера. При началѣ военныхъ дѣйствій она тоже получила въ главнокомандующіе поляка, генерала Мирославскаго. Это былъ еще молодой человѣкъ, отличившійся храбростью и блестящими способностями во время польскаго возстанія, но онъ былъ совсѣмъ не знакомъ съ мѣстными условіями и не говорилъ по-нѣмецки. 20 іюня пруссаки перешли Рейнъ подъ Филипсбургомъ и зашли въ тылъ баденской арміи. Мирославскій быстрымъ движеніемъ повернулся противъ нихъ, удержалъ ихъ рѣшительнымъ натискомъ при Ваггейзелѣ и произвелъ такое искусное фланговое передвиженіе, что установилъ сообщеніе между своей арміей и подвигавшимися на соединеніе съ нимъ баденскими резервами. Битва подъ Ваггейзелемъ была во всякомъ случаѣ удачна для баденскихъ войскъ. Мы слышали пушечную пальбу во время перехода черезъ Брухзаль, и вскорѣ до насъ дошли слухи о блестящей побѣдѣ, одержанной надъ пруссаками. Дальнѣйшія извѣстія о томъ, что Мирославскій отступаетъ вдоль мекленбургской границы, и что мы должны прикрывать его флангъ, не разрушили нашей вѣры въ «побѣду при Ваггейзелѣ». Пошли слухи, что плоды этой побѣды были утрачены исключительно, вслѣдствіе «измѣны» одного драгунскаго полковника, который долженъ былъ преслѣдовать разбитаго непріятеля. 23 іюня мы дошли да Убштада и тамъ получили извѣстіе, что на слѣдующее утро мы встрѣтимъ непріятельскій авангардъ и должны будемъ вступить съ нимъ въ бой. Я много читалъ о томъ особенномъ торжественномъ настроеніи, которое охватываетъ человѣка наканунѣ боя, но самъ не испыталъ ничего подобнаго. До поздней ночи исполнялъ я разныя порученія своего начальника, а когда добрался, наконецъ, до своей постели въ гостиницѣ, то сразу заснулъ, какъ убитый.

На слѣдующее утро я тоже не ощущалъ ничего особеннаго. Впослѣдствіи я на опытѣ узналъ, что такого рода торжественныя настроенія, дѣйствительно, иногда встрѣчаются, но въ исключительныхъ случаяхъ. Обыкновенно же утромъ передъ битвой мысль останавливается на множествѣ совершенно прозаическихъ вопросовъ, между прочимъ, на вопросѣ о завтракѣ. Такъ было и съ нами этимъ утромъ въ Убштадѣ.

Рано утромъ сѣли мы на лошадей и вскорѣ увидѣли въ нѣкоторомъ разстояніи передъ собой ряды блестящихъ пикъ, приближавшихся къ намъ. Очевидно, пруссаки выслали впередъ нѣсколько эскадронъ улановъ въ качествѣ развѣдчиковъ, за ними должна была послѣдовать пѣхота и артиллерія. Уланы исчезли, сдѣлавъ нѣсколько выстрѣловъ, которыхъ мы не оставили безъ

отвѣта, и вскорѣ завязалась сильная перестрѣлка пѣхоты. Затѣмъ съ обѣихъ сторонъ выдвинуты были пушки, и бомбы начали летать взадъ и впередъ, не причиняя особеннаго вреда. Сначала все мое вниманіе было поглощено исполненіемъ порученій, которыя мнѣ давалъ мой начальникъ. Но когда наша артиллерія была установлена на мѣсто, и мы спокойно сидѣли на лошадяхъ невдалекѣ отъ нея, я могъ собраться съ мыслями и отдать себѣ отчетъ въ своихъ чувствахъ. Тутъ меня снова ждало разочарованіе. Я былъ первый разъ «въ огнѣ», нервы мои были, понятно, нѣсколько возбуждены, но я не чувствовалъ ни страха, ни геройскаго «увлеченія битвой». Непріятельскія бомбы летали надъ самой моей головой, и сначала мнѣ сильно хотѣлось наклоняться. Но я подумалъ, что это не прилично офицеру, и сталъ держаться совершенно прямо. Точно такъ же я заставилъ себя не вздрагивать, когда ружейная пуля со свистомъ пролетала надъ самымъ моимъ ухомъ. Раненые, которыхъ проносили мимо насъ, возбуждали во мнѣ сильнѣйшее состраданіе, но мнѣ и въ голову не приходило, что нѣчто подобное можетъ случиться и со мною. Я увидѣлъ, какъ одинъ изъ нашихъ баталіоновъ отступалъ въ безпорядкѣ, и, не долго думая, бросился къ нему, чтобы остановить его и снова обратить противъ непріятеля. Но когда я увидѣлъ, что командиръ его справился съ этимъ дѣломъ безъ моей помощи, я остался совершенно доволенъ. Вскорѣ послѣ этого мой начальникъ сталъ опять посылать меня съ разными порученіями то въ одну сторону, то въ другую, и тогда я уже не останавливался мыслью на собственныхъ ощущеніяхъ, а думалъ только о данномъ порученіи и объ исходѣ битвы, насколько я могъ ее наблюдать. Однимъ словомъ, я не испыталъ вовсе тѣхъ бурныхъ, непреодолимыхъ ощущеній, которыя считалъ неизбѣжными во время боя, но убѣдился, что могу держать себя при данныхъ обстоятельствахъ совершенно прилично.

Сраженіе при Убштадѣ было сравнительно неважнымъ дѣломъ, имѣвшимъ съ нашей стороны цѣлью удержать на время непріятеля, пока въ тылу у насъ баденская армія придетъ въ порядокъ, и затѣмъ отступить на соединеніе съ ней. Въ Убштадѣ этотъ планъ былъ исполненъ довольно правильно. На слѣдующій день у насъ завязалась болѣе серьезная стычка съ прусскимъ авангардомъ при Брухзалѣ, и мы снова отступили, но болѣе безпорядочно. Какъ часто случается во время народныхъ возстаній, поднялись толки объ «измѣнѣ» командира; на этотъ разъ жертвой оказался бѣдный генералъ Шнайде. Во время отступленія толпа взбунтовавшихся добровольцевъ окружила его и стащила съ лошади. Онъ поспѣшилъ оставить поле дѣйствія, а Пфальцскій отрядъ вошелъ въ составъ баденской арміи.

X.

Баденская армія остановилась на линіи Мурги, опираясь лѣвымъ флангомъ на крѣпость Раштатъ, и въ теченіе 28, 29 и 30 іюня очень мужественно, хотя безуспѣшно, сражалась съ пруссаками. Послѣ полудня 30 іюня начальникъ послалъ меня въ крѣпость съ порученіемъ, касавшимся артиллерійскихъ снарядовъ, и приказалъ мнѣ ожидать себя въ одномъ изъ фортовъ. Я исполнилъ данное мнѣ порученіе и затѣмъ отправился въ тотъ фортъ, куда долженъ былъ пріѣхать Аннеке. Привязавъ свою лошадь къ лафету, я усѣлся на крѣпостную стѣну и, несмотря на громъ пушекъ, крѣпко уснулъ. Когда я проснулся, солнце уже заходило. Я спрашивалъ у бывшихъ тутъ артиллеристовъ, не видали ли они Аннеке, но они отвѣчали, что онъ не приходилъ. Я встревожился и рѣшилъ поскорѣе выѣхать изъ города и отыскать своего начальника за городомъ. Когда я подъѣхалъ къ городскимъ воротамъ, дежурный офицеръ объявилъ мнѣ, что я не могу выѣхать: наша армія оттѣснена на югъ, и крѣпость со всѣхъ сторонъ окружена пруссаками. Я поспѣшилъ въ главную квартиру коменданта крѣпости, и онъ вполнѣ подтвердилъ слова офицера. Я не могъ помириться съ мыслью оставаться въ городѣ, окруженномъ пруссаками, и сталъ разспрашивать всѣхъ и каждаго, нельзя ли мнѣ какъ-нибудь выбраться.

— Я точно въ такомъ же положеніи, какъ вы,—сказалъ мнѣ, наконецъ, одинъ изъ офицеровъ.—Я тоже не здѣшній и уже всячески пытался уйти, но это оказалось невозможно. Намъ придется покориться и остаться здѣсь.

Когда я потерялъ всякую надежду выбраться изъ города, я заявился къ начальнику крѣпости, полковнику Тидеманну. Это былъ сынъ извѣстнаго профессора медицины въ гейдельбергскомъ университетѣ. Съ раннихъ лѣтъ чувствовалъ онъ влеченіе къ военной службѣ и поступилъ офицеромъ въ греческую армію. Когда вспыхнула Баденская революція, онъ жилъ дома, и временное правительство поручило ему начальство надъ крѣпостью Раштатъ. Онъ принялъ меня очень любезно и зачислилъ въ свой штабъ. Мнѣ отвели квартиру въ домѣ одного кондитера. И онъ, и жена его оказались очень добродушные, привѣтливые люди. Они отвели мнѣ хорошенькую комнатку и просили обѣдать всегда съ ними вмѣстѣ. Для моего денщика Адама, который отправился въ крѣпость вмѣстѣ со мною и остался тамъ, тоже нашлось помѣщеніе въ ихъ домѣ. Все это было довольно пріятно. Но когда я остался одинъ въ своей комнатѣ и могъ спокойно обдумать положеніе, сердце мое сжалось отъ тоски. Наше дѣло, очевидно, проиграно, въ этомъ я не могъ болѣе сомнѣваться, несмотря на всѣ

мою юношескую способность надѣяться на лучшее. Удерживать въ своихъ рукахъ крѣпость для насъ безполезно. Мы будемъ защищать ее только, чтобы показать врагамъ, что народное войско можетъ мужественно бороться, что чувство воинской чести не чуждо ему. Но, во всякомъ случаѣ, долго крѣпость держаться не можетъ. А что тогда? Она будетъ сдана, и мы попадемъ въ руки пруссаковъ. Прусскими войсками, дѣйствовавшими въ Баденѣ, командовалъ «прусскій принцъ», въ которомъ въ то время никто не угадывалъ будущаго прославленнаго и популярнаго императора Вильгельма I. У насъ онъ считался отъявленнымъ врагомъ всякихъ либеральныхъ стремленій. Всѣ говорили, что это онъ далъ приказъ въ Берлинѣ стрѣлять въ народъ 18 марта 1848 года, за что и получилъ прозваніе «картечнаго принца» (Kartätschenprinz). Во время мартовскихъ дней населеніе было настолько возбуждено противъ него, кто король счелъ за лучшее на нѣсколько времени отослать его въ Англію, и его отъѣздъ весьма походилъ на простое бѣгство. Впослѣдствіи оказалось, что онъ былъ изъ числа тѣхъ, кто совѣтовалъ Фридриху Вильгельму IV принять императорскую корону, предложенную ему парламентомъ, но тогда никто этого не зналъ и не повѣрилъ бы этому: общее мнѣніе считало принца прусскаго за честнаго, но неисправимаго абсолютиста, упорно вѣрившаго, что короли получили свою власть отъ Бога и никому, кромѣ Бога, не обязаны отдавать отчетъ, что народъ не имѣетъ права мѣшаться въ дѣла правленія, что сопротивленіе королевской власти есть прямое оскорбленіе Бога, и что правители обязаны налагать самыя тяжелыя наказанія за такого рода преступленія. Прусская армія была излюбленнымъ идоломъ принца прусскаго, онъ считалъ ее мечомъ Божіимъ, оплотомъ міроваго порядка. Въ его глазахъ пруссакъ, обратившій оружіе противъ прусской арміи, совершалъ преступленіе, равное матереубійству, и не заслуживалъ пощады. Всякій изъ насъ, пруссаковъ, попавъ въ руки принца Вильгельма, могъ твердо разсчитывать, что его разстрѣляютъ на самомъ законномъ основаніи, это особенно относилось къ тѣмъ, кто, какъ я, находился въ призывномъ возрастѣ. Съ этими тяжелыми мыслями легъ я въ постель, но, несмотря на нихъ, очень скоро заснулъ и спокойно проспалъ до утра.

Обязанности, которыя возложилъ на меня комендантъ, были нетяжелы. Я долженъ былъ въ опредѣленные часы дня подниматься съ подзорной трубой на башню крѣпости, наблюдать оттуда за непріятелемъ и о всемъ замѣченномъ доносить начальству; затѣмъ я долженъ былъ нѣсколько разъ въ сутки обходить стѣны и ворота, чтобы надзирать за карауломъ, и, наконецъ, исполнять случайныя порученія коменданта. Мнѣ дали полную обмундировку пѣхотнаго баденскаго офицера, взамѣнъ моего фантастическаго костюма пфальцскаго ополченца, и съ военнымъ мундиромъ въ

душѣ моей вдругъ проснулись особыя военныя чувства, существованія которыхъ въ себѣ я и не подозрѣвалъ.

Пруссаки не ограничились простою осадою крѣпости. Одинъ разъ утромъ, на зарѣ меня разбудилъ страшный трескъ, раздавшійся на улицѣ подъ моимъ окномъ. Вслѣдъ за нимъ раздался второй трескъ, затѣмъ шумъ какихъ-то тяжелыхъ предметовъ, падавшихъ на крышу дома. Я понялъ, что началась бомбардировка крѣпости. Выстрѣлъ слѣдовалъ за выстрѣломъ, взрывъ за взрывомъ, и имъ въ отвѣтъ раздался громъ нашей крѣпостной артиллеріи. Я поспѣшилъ въ замокъ, и тамъ глазамъ моимъ представилось печальное зрѣлище. Во дворъ замка быстро собирались обыватели, главнымъ образомъ женщины и дѣти; онѣ инстинктивно искали у начальства защиты противъ грозившаго бѣдствія. Большинство взрослыхъ и даже дѣти тащили на головѣ или подъ мышкой подушки, сундуки, разныя хозяйственныя вещи. Всякій разъ, когда граната съ шипѣньемъ перелетала черезъ дворъ, или взрывалась гдѣ нибудь поблизости, несчастные въ ужасѣ кидали на землю все, что несли, и съ криками отчаянья бросались къ зданіямъ. Наступало нѣсколько минутъ затишья, и они снова схватывали свои вещи; летѣла новая граната, и прежняя сцена повторялась. Намъ, штабнымъ офицерамъ коменданта, пришлось не мало хлопотать, чтобы успокоить перетрусившихъ жителей и по возможности размѣстить ихъ на время въ казематахъ крѣпости, въ которые не могли попасть снаряды. Между тѣмъ, на всѣхъ колокольняхъ зазвонили колокола, и множество женщинъ съ дѣтьми, а также не мало мужчинъ бросились черезъ рыночную площадь въ городской соборъ, гдѣ они со слезами и воплями молили Бога спасти ихъ.

Бомбардировка продолжалась всего нѣсколько часовъ и не причинила большого вреда. Вызванные ею пожары были скоро потушены. Пруссаки, очевидно, имѣли въ виду только показать намъ, что, во избѣжаніе большихъ непріятностей, мы должны поспѣшить сдать имъ крѣпость. Они пускали противъ насъ въ ходъ лишь полевыя орудія и пушки небольшого калибра, приберегая тяжелую осадную артиллерію на случай, когда придется прибѣгнуть къ болѣе дѣйствительнымъ средствамъ, чтобы заставить крѣпость сдаться. Комендантъ и гарнизонъ рѣшили держаться; и на слѣдующій день предпринята была вылазка, съ цѣлью прогнать обстрѣливавшія насъ батареи. Вылазка кончилась полнымъ успѣхомъ: наши, дѣйствительно, взяли и заклепали нѣсколько мелкихъ орудій.

Это было единственное важное событіе въ нашей жизни. Такъ какъ другихъ военныхъ дѣйствій мы не предпринимали, то все время гарнизона было занято исполненіемъ однообразныхъ служебныхъ обязанностей; что касается обывателей, то они продолжали заниматься своими дѣлами, насколько было возможно при данныхъ обстоятельствахъ, и съ мрачнымъ спокойствіемъ ожидали рѣшенія неизбѣж-

ной судьбы. Внѣшній міръ лежалъ гдѣ-то далеко, далеко отъ насъ. Мы сидѣли за своими стѣнами и рвами, отрѣзанные отъ всего человѣчества, какъ бы чуждые ему. Никакой внѣшній звукъ не доходилъ до насъ, кромѣ развѣ отдаленнаго грома барабана или сигнала трубы осаждавшихъ насъ враговъ. Несмотря на это, среди насъ часто возникали слухи, Богъ вѣсть откуда являвшіеся. То стали говорить, что наши войска одержали блестящую побѣду въ Оберландѣ и прогнали пруссаковъ; то, что во Франціи вспыхнула новая революція и вызвала движеніе во всей Германіи. Потомъ, что венгры разбили на голову соединенныя силы русскихъ и австрійцевъ, и что они готовы соединить свое побѣдоносное войско съ германскими революціонерами. Одинъ разъ всѣ офицеры нашего гарнизона, даже высшіе, толпились на обсерваціонной башнѣ, такъ какъ со стороны Оберланда, дѣйствительно, слышался громъ пушекъ, который постоянно приближался, и имъ казалось, что они видятъ пыль отъ нашихъ подходившихъ колоннъ. Но мнимый громъ пушекъ умолкъ, все было тихо, и снова всѣхъ охватило жуткое чувство обреченныхъ судьбѣ. Иногда мы пытались повеселиться и собирались въ винные погребки, но настоящаго веселья не было, за каждымъ стуломъ стоялъ призракъ неизбѣжной катастрофы.

И вотъ однажды, на третьей недѣлѣ осады, въ крѣпость явился прусскій парламентеръ, который потребовалъ сдачи и въ то же время привезъ извѣстіе, что баденъ-пфальцская армія уже давно перешла швейцарскую границу, слѣдовательно, перестала существовать; что на нѣмецкой территоріи нѣтъ болѣе ни одного вооруженнаго инсургента, и что, если гарнизонъ Раштата желаетъ послать довѣреннаго человѣка, чтобы убѣдиться въ справедливости этихъ фактовъ, ему будетъ данъ пропускъ и гарантирована безопасность. Можно себѣ представить, какое волненіе вызвали эти вѣсти. Комендантъ немедленно созвалъ въ залѣ замка большой военный совѣтъ изъ всѣхъ офицеровъ гарнизона, не ниже капитана чиномъ. Послѣ бурнаго совѣщанія рѣшено было принять предложеніе прусскаго главнокомандующаго и лейтенанту Корвину поручено было разузнать положеніе дѣлъ и въ случаѣ, если оно вѣрно представлено прусскимъ парламентеромъ, немедленно начать переговоры о капитуляціи на возможно болѣе выгодныхъ условіяхъ.

Тотъ залъ замка, въ которомъ происходилъ военный совѣтъ, былъ мнѣ хорошо знакомъ. Обыкновенно, когда я возвращался усталый со своихъ наблюденій на башнѣ замка, или со своего обхода крѣпости, я отправлялся туда и отдыхалъ на одномъ изъ желтыхъ шелковыхъ дивановъ, стоявшихъ вокругъ его стѣнъ.

На третій день послѣ отправленія Корвина, я, проведя всю ночь на крѣпостныхъ стѣнахъ, пришелъ передъ разсвѣтомъ въ эту залу и легъ на свой диванъ немножко поспать. Только что я уснулъ, какъ меня разбудилъ шумъ тяжелыхъ шаговъ, бряцанье

сабель и гулъ голосовъ. Я сразу сообразилъ, что, должно быть, Корвинъ вернулся, и сейчасъ соберется военный совѣтъ. Комендантъ вошелъ, пригласилъ присутствующихъ успокоится и попросилъ Корвина, стоявшаго подлѣ него, сообщить всему собранію результаты своей поѣздки. Корвинъ разсказалъ, что онъ въ сопровожденіи прусскаго офицера ѣздилъ до самой границы Швейцаріи и убѣдился собственными глазами, что въ Баденѣ нѣтъ болѣе никакой революціонной арміи, никакого противодѣйствія прусскимъ войскамъ. Революціонная армія перешла въ Швейцарію и, понятно, должна была на границѣ сложить оружіе. Изъ газетъ онъ убѣдился, что и въ остальной Германіи нѣтъ болѣе слѣдовъ революціоннаго движенія. Всюду господствуетъ спокойствіе и покорность. Положеніе Венгріи, вслѣдствіе русскаго вмѣшательства, стало очень затруднительно, и ей скоро предстоитъ сложить оружіе. Однимъ словомъ, гарнизонъ Раштата ни откуда не можетъ ожидать помощи. Между тѣмъ, въ главной квартирѣ пруссаковъ Корвину объявили, что главнокомандующій требуетъ безусловной сдачи крѣпости и ни въ какіе переговоры не намѣренъ вступать.

Всеобщее молчаніе послѣдовало за этой рѣчью. Всѣ чувствовали, что Корвинъ говоритъ истинную правду. Наконецъ, кто то предложилъ нѣсколько вопросовъ, затѣмъ раздался общій гулъ голосовъ и на фонѣ его слышались горячія восклицанія: «Умереть всѣмъ до послѣдняго человѣка» и т. под. Наконецъ, комендантъ далъ слово одному бывшему прусскому солдату, сдѣлавшемуся въ Пфальцѣ офицеромъ.

— Я не меньше всякаго другого готовъ за наше дѣло пролить кровь до послѣдней капли,— сказалъ онъ:— если кто изъ насъ, пруссаковъ, попадетъ въ руки осаждающихъ, его ждетъ, по всей вѣроятности, смерть. Но, несмотря на это, я совѣтую немедленно сдать крѣпость. Если мы не сдадимъ ее сегодня, мы принуждены будемъ сдѣлать это завтра. Мы не должны безъ всякой пользы подвергать гражданъ этого города съ ихъ женами и дѣтьми голоду и дальнѣйшей бомбардировкѣ. Пора покончить, чтобы съ нами ни случилось.

Въ залѣ пронесся одобрительный гулъ голосовъ; большинство находило, что онъ разсудилъ правильно. Рѣшено было, что Корвинъ еще разъ попытается выхлопотать для гарнизона крѣпости благопріятныя условія сдачи. Если это окажется невозможнымъ, онъ приметъ мѣры къ безусловной сдачѣ крѣпости.

Стоялъ чудный лѣтній день. Послѣ обѣда я еще разъ взошелъ на обсерваціонную башню, гдѣ я провелъ столько часовъ. Прелестный пейзажъ, разстилавшійся передо мною, показался мнѣ красивѣе, чѣмъ когда либо. Я чувствовалъ, что долженъ навѣки проститься съ нимъ. «Насъ, пруссаковъ, ждетъ, по всей вѣроятности, смерть». Слова эти все время звучали у меня въ ушахъ, и я былъ вполнѣ убѣжденъ, что они оправдаются... Вдругъ въ головѣ моей

мелькнула сцена изъ моего прошлаго. Нѣсколько лѣтъ тому назадъ отецъ былъ вмѣстѣ со мной у моего учителя географіи Пютца. Учитель положилъ руку мнѣ на плечо и, улыбаясь, сказалъ отцу: «Юноша подаетъ большія надежды!». Какою гордостью блестѣли глаза отца, когда онъ посмотрѣлъ на меня! Погибли всѣ надежды, какія подавалъ юноша,—сказалъ я самому себѣ. Мнѣ вспомнились мои мечты о широкой, плодотворной дѣятельности, и грустно стало мнѣ прощаться съ жизнью, не успѣвъ еще сдѣлать ничего добраго и полезнаго. Мною овладѣло чувство глубокаго сожалѣнія не только о себѣ самомъ, но и о моихъ бѣдныхъ родителяхъ, которые надѣялись найти во мнѣ опору на старости лѣтъ...

Въ концѣ концовъ мнѣ оставалось одно: если мой конецъ близокъ, то смѣло и съ достоинствомъ смотрѣть судьбѣ въ глаза.

Я сидѣлъ на галлереѣ башни до самаго заката солнца, мнѣ хотѣлось въ послѣдній разъ досыта наглядѣться на міръ Божій. Затѣмъ я отправился къ коменданту и спросилъ, не будетъ ли еще распоряженій на ночь.

— Мнѣ бы хотѣлось, чтобы сегодня офицеры оставались всю ночь на стѣнахъ,—сказалъ онъ.—Я боюсь, какъ бы солдаты не бросили карауловъ, узнавъ, что мы сдаемся. Это было бы не хорошо.

Я былъ очень радъ, что нашлось дѣло, которое отвлекало меня отъ моихъ мыслей. Въ крѣпости было, несомнѣнно, много шуму и неурядицы. Многіе солдаты считали лишнимъ нести службу, когда завтра все равно все кончится. Нѣкоторые разошлись по городскимъ трактирамъ, чтобы весело провести эту послѣднюю ночь. Но всѣ они безъ всякаго озлобленія относились къ офицерамъ, которые убѣждали ихъ вернуться въ крѣпость. Было не мало и такихъ, которые добросовѣстно исполняли свою обязанность, и намъ удалось въ теченіе ночи поддержать общій порядокъ.

Передъ разсвѣтомъ я, изнемогая отъ усталости, растянулся на своемъ диванѣ въ залѣ замка и послѣ нѣсколькихъ часовъ крѣпкаго сна проснулся съ мыслью: «Сегодня тебя арестуютъ и, быть можетъ, завтра же разстрѣляютъ». Я пошелъ въ главную квартиру и тамъ узналъ, что Корвину не удалось ничего добиться, что крѣпость сдавалась безусловно. Въ полдень гарнизонъ долженъ былъ выйти изъ воротъ и на гласисѣ положить оружіе передъ пруссаками, которые туда прибудутъ. Всѣ распоряженія были уже сдѣланы. Я пошелъ къ себѣ на квартиру и написалъ прощальное письмо родителямъ. Я благодарилъ ихъ за всю ихъ любовь и заботы обо мнѣ и просилъ простить меня, если я обманулъ ихъ надежды. Я взялся за оружіе, слѣдуя своему искреннему убѣжденію, для защиты правъ нѣмецкаго народа, и, если мнѣ суждено умереть— это будетъ почетная смерть, которой имъ нечего стыдиться. Мой квартирный хозяинъ со слезами на глазахъ взялъ это письмо и

обѣщалъ мнѣ отдать его на почту, какъ только городъ будетъ освобожденъ.

XI.

Приближался двѣнадцатый часъ. Я уже слышалъ сигналы, сзывавшіе солдатъ на валы и въ казармы, и приготовился идти въ главную квартиру.

Вдругъ у меня блеснула неожиданная мысль.

Я вспомнилъ, что какъ-то на дняхъ замѣтилъ входъ въ подземный водосточный каналъ, который начинался около Штейнмауерскихъ воротъ внутри города, шелъ подъ укрѣпленіями и выходилъ въ поле. Вѣроятно, онъ составлялъ часть не оконченой канализаціи. Входъ въ каналъ внутри города находился на продолженіи какого-то рва или канавы около забора, окружавшаго садъ, а выходъ изъ него открывался въ ровъ, поросшій кустами около поля кукурузы. Когда я узналъ всѣ эти обстоятельства, я тогда же подумалъ, что, если входъ и выходъ этого канала плохо охраняются, черезъ него легко могутъ пробираться взадъ и впередъ развѣдчики. Я доложилъ о своемъ открытіи по начальству, но вскорѣ послѣ этого начались переговоры съ непріятелемъ, и среди общаго волненія мы всѣ забыли о каналѣ. Теперь въ послѣднюю минуту передъ сдачей воспоминаніе о немъ блеснуло мнѣ, какъ лучъ свѣта. Не могу ли я бѣжать черезъ этотъ каналъ? Не могу ли я, выбравшись на свободу, пробраться до Рейна и найти тамъ лодку, которая перевезетъ меня на французскій берегъ? Не теряя времени на размышленіе, я рѣшилъ попытать счастья.

Я позвалъ своего денщика, готовившагося идти въ крѣпость.

— Адамъ,—сказалъ я ему,—вы уроженецъ Пфальца и состоите въ народномъ ополченіи. Я думаю, что пруссаки отпустятъ васъ домой. Я другое дѣло. Я пруссакъ, а пруссаковъ они, навѣрно, разстрѣляютъ. Я хочу попытаться бѣжать. Попрощаемся!

— Нѣтъ,—вскричалъ Адамъ,—я васъ не оставлю, г. лейтенантъ. Куда вы пойдете, туда пойду и я.

Глаза его радостно блистали. Онъ очень любилъ меня.

— Но,—возразилъ я,—вамъ этого совершенно не нужно. Вѣдь мы можемъ подвергнуться большимъ опасностямъ.

— Пусть себѣ,—отвѣчалъ Адамъ,—я все равно останусь съ вами.

Въ эту минуту я замѣтилъ на улицѣ проходившаго мимо знакомаго мнѣ артиллерійскаго офицера.

Онъ былъ такъ же, какъ я, уроженецъ прирейнской Пруссіи и служилъ раньше въ прусской артиллеріи.

— Куда вы идете, Нейштетеръ?—окликнулъ я его въ окно.

— Къ своей батареи, чтобы сложить оружіе,—отвѣчалъ онъ.

— Но вѣдь пруссаки разстрѣляютъ васъ,—возразилъ я.—Пойдемъ со мной вмѣстѣ, попробуемъ бѣжать.

Онъ остановился, вошелъ въ домъ, и я ему въ нѣсколькихъ словахъ разсказалъ свой планъ.

— Хорошо,—согласился Нейштетеръ,—я иду съ вами.

Надобно было дѣйствовать быстро. Мы тотчасъ же послали Адама купить намъ хлѣба, двѣ бутылки вина и нѣсколько колбасъ. Затѣмъ мы спрятали пистолеты подъ платье и свернули свои шинели. Я засунулъ въ свою шинель и ружье. Мы запаковали также бутылки и провизію, которую принесъ Адамъ. Между тѣмъ, гарнизонъ двигался по базарной площади сомкнутыми колоннами. Мы пошли въ хвостѣ послѣдней изъ нихъ, затѣмъ свернули въ боковую улицу и скоро пришли къ отверстію нашего канала. Безъ малѣйшаго колебанія влѣзли мы въ него. Это было во второмъ часу дня 23 іюля.

Каналъ представлялъ изъ себя водосточную трубу, выложенную кирпичемъ, въ 4—4½ фута высоты при 3—3½ ширины, такъ что мы могли стоять въ ней, только сильно согнувшись, и подвигались впередъ наполовину ползкомъ. Вода, наполнявшая ее, доходила намъ по щиколду. Пробравшись нѣсколько дальше по трубѣ, мы замѣтили, что у нея для вентиляціи имѣются наверху черезъ опредѣленные промежутки отверстія, задѣланныя желѣзными рѣшетками; сквозь нихъ проходилъ свѣтъ и мѣстами освѣщалъ совершенно темный каналъ. На такихъ мѣстахъ мы останавливались на нѣсколько секундъ, чтобы выпрямиться. По нашимъ разсчетамъ мы прошли до половины канала, когда я наткнулся на небольшую доску, покрытую водой и крѣпко засѣвшую поперекъ канала между его стѣнками. Она могла служить намъ скамейкой. Мы усѣлись на ней, крѣпко прижавшись другъ къ другу, и рѣшили отдохнуть.

До тѣхъ поръ мы все время шли впередъ и намъ некогда было раздумывать. Теперь, сидя на этой скамьѣ, мы могли собраться съ мыслями и рѣшить сообща, что дѣлать дальше. Во время осады мнѣ много разъ приходилось разсматривать мѣстность, прилегающую къ крѣпости, и я довольно хорошо зналъ, куда именно выходитъ каналъ. Я предложилъ своимъ товарищамъ просидѣть на скамьѣ до поздняго вечера и затѣмъ, выйдя изъ канала, спрятаться въ кукурузномъ полѣ. Если погода будетъ ясная, мы оттуда увидимъ часть дороги и, когда убѣдимся, что намъ не грозитъ непосредственная опасность, постараемся пробраться ночью къ деревнѣ Штейнмауеръ и тамъ нанять лодку, которая перевезетъ насъ на французскій берегъ. Товарищи одобрили мой планъ.

Пока мы сидѣли и совѣщались, надъ головами нашими слышался глухой шумъ, то стукъ колесъ экипажей, то шаги массы людей: изъ этого мы заключили, что пруссаки вошли въ крѣпость и заняли ворота и укрѣпленія. Когда стало нѣсколько тише, мы услышали бой башенныхъ часовъ. Наша скамья находилась неда

леко отъ вентилятора, такъ что звуки внѣшняго міра легко къ намъ проникали. Въ девятомъ часу вечера пошелъ дождь и такой сильный, что мы ясно слышали плескъ падавшей воды. Сначала намъ казалось, что дурная погода будетъ намъ благопріятствовать, но скоро мы увидѣли невыгодныя стороны ея: вода въ каналѣ начала прибывать и вскорѣ побѣжала цѣлымъ потокомъ. Она покрыла нашу скамью, и, когда мы сидѣли, хватала намъ до груди. Кромѣ того, мы замѣтили живыя существа, которыя двигались вокругъ насъ. Это были водяныя крысы.

— Намъ надо идти,—сказалъ я товарищамъ,—не то мы потонемъ.

Мы перелѣзли черезъ доску и двинулись дальше. Я прошелъ всего нѣсколько шаговъ и вдругъ ударился головой о какой-то твердый предметъ. Я ощупалъ его руками, это оказалась желѣзная рѣшетка. Мнѣ пришло въ голову, что эта рѣшетка поставлена нарочно, чтобы во время осады уничтожить возможность сообщенія черезъ каналъ. Я сообщилъ свое предложеніе товарищамъ, и мы чуть не пришли въ отчаяніе. Я схватился за рѣшетку и принялся трясти ее обѣими руками, какъ только арестантъ можетъ трясти рѣшетку своей тюрьмы; оказалось, что она слегка двигается взадъ и впередъ. Дальнѣйшее изслѣдованіе показало намъ, что она недоходитъ до самой земли, а начинается фута на полтора-на два выше. Вѣроятно, она была такъ устроена, что ее можно было поднимать и опускать, чтобы открывать каналъ для чистки, а затѣмъ снова запирать. Къ счастью, во время осады никто ничего не зналъ и не думалъ объ этой рѣшеткѣ, и такимъ образомъ намъ остался путь къ спасенію. Правда, чтобы подлѣзть подъ рѣшеткой, мы должны были лечь плашмя въ воду, но это насъ не удержало. Мы бодро подвигались впередъ, и когда намъ показалось, что мы достигли конца канала, мы на минуту остановились, чтобы собраться съ силами и приготовиться къ тому опасному моменту, когда мы очутимся на открытомъ воздухѣ.

Вдругъ насъ поразилъ страшный звукъ. Совсѣмъ близко, всего за нѣсколько шаговъ отъ насъ, раздался голосъ: «Кто идетъ?» и на него тотчасъ же отозвался другой голосъ. Мы остановились, какъ громомъ пораженные. Второе «кто идетъ?» послышалось нѣсколько дальше, за нимъ третье, четвертое все дальше и дальше. Было очевидно, что мы дошли до устья канала, что около него стояла цѣлая цѣпь прусскихъ карауловъ, и что въ настоящую минуту мимо нея проходилъ патруль. Тихонько затаивъ дыханье, пробрался я еще на нѣсколько шаговъ впередъ. Дѣйствительно, мы были у устья канала, окруженнаго такимъ густымъ кустарникомъ, что въ эту ненастную ночь среди него было не свѣтлѣе, чѣмъ внутри канала. И всетаки я различилъ темныя фигуры прусскихъ часовыхъ и бивачные огни въ нѣкоторомъ разстояніи. Если

бы намъ и удалось незамѣтно выйти изъ нашего убѣжища, все равно дорога къ Штейнмауеру была для насъ закрыта.

Тихонько повернули мы назадъ по каналу. На наше счастье, дождь пересталъ. Вода все еще стояла высоко, но больше не поднималась.—«Назадъ на скамейку!» шепнулъ я своимъ спутникамъ. Мы пролѣзли подъ рѣшетку и опять усѣлись на скамью. Наше совѣщаніе о томъ, что дѣлать, было полно какой-то торжественности. Мы говорили мало, но серьезно обдумывали свое положеніе. Очевидно, мы не могли выйти въ поле, не могли и сидѣть въ каналѣ, такъ какъ, въ случаѣ дождя, рисковали утонуть. Оставалось одно—вернуться въ городъ. Но какъ же намъ сдѣлать, чтобы не попасть въ руки пруссаковъ? Поставивъ шепотомъ этотъ вопросъ, мы долго молчали. Наконецъ, я прервалъ молчаніе.

— Давайте, выпьемъ, поѣдимъ, тогда, можетъ быть, что-нибудь придумаемъ.

Адамъ распаковалъ наши припасы, и такъ какъ мы ничего не ѣли послѣ вчерашняго завтрака (теперь уже было далеко за полночь), то всѣ мы чувствовали и голодъ, и жажду. Хлѣбъ нашъ немного подмокъ, но всетаки показался намъ очень вкуснымъ, такъ же какъ и колбаса. Къ счастью, мы во время вспомнили, что нельзя съѣдать сразу всѣхъ запасовъ, такъ какъ было неизвѣстно, гдѣ мы добудемъ пищу въ слѣдующій разъ. Впрочемъ, жажда мучила насъ еще больше, чѣмъ голодъ. Безъ малаго двѣнадцать часовъ ноги наши были въ водѣ и страшно прозябли. Вслѣдствіе этого, а также вслѣдствіе волненія, кровь приливала намъ къ головѣ. Адамъ откупорилъ одну изъ бутылокъ: оказалось, что въ ней было не вино, а ромъ. Я вообще не любилъ крѣпкихъ напитковъ, но тутъ, по примѣру товарищей, съ жадностью выпилъ нѣсколько глотковъ и нисколько не опьянѣлъ.

Послѣ закуски Адамъ заявилъ:—У меня въ городѣ есть тетка, у нея домъ не далеко отъ входа въ каналъ, къ нему можно пройти садами. Мы можемъ спрятаться у нея въ сараѣ, пока что.

Мы одобрили это предложеніе и рѣшили попытаться привести его въ исполненіе. Въ эту минуту мнѣ вдругъ вспомнилось, что во время осады мы держали караулъ около самаго входа въ каналъ. Если пруссаки поставили на этомъ же мѣстѣ своихъ часовыхъ, мы оказываемся запертыми въ каналѣ съ обѣихъ сторонъ. Я сообщилъ свою мысль товарищамъ. Но что было дѣлать? Такъ, или иначе, слѣдовало попытаться ускользнуть.

Когда мы вставали со скамьи, чтобы пуститься въ обратный путь, на башенныхъ часахъ пробило три. Я шелъ впереди и скоро достигъ послѣдняго вентилятора. Я воспользовался этою возможностью выпрямиться и немного вытянуться, но тутъ со мной случилось происшествіе, которое я въ первую минуту счелъ за большое несчастье. Идя согнувшись по каналу, я опирался на свой короткій

карабинъ, какъ на палку. Когда я выпрямился, карабинъ выскользнулъ у меня изъ рукъ и съ грохотомъ упалъ въ воду.

— Эй!—раздался голосъ надо мной.—Эй! Въ этой дырѣ кто-то есть! Идите-ка сюда!—И въ ту же минуту сквозь рѣшетку, закрывавшую вентиляторъ, просунулся штыкъ. Я слышалъ, какъ онъ стукнулся о желѣзныя палки рѣшетки, и спасся только тѣмъ, что быстро нагнулся внизъ.

— Бѣжимъ скорѣй!—шепнулъ я товарищамъ,—иначе мы погибли.—Въ нѣсколько быстрыхъ шаговъ мы достигли конца канала. Не оглядываясь назадъ, мы перескочили черезъ заборъ въ чей-то садъ, перебѣжали его и также быстро перелѣзли черезъ второй заборъ. Запыхавшись, остановились мы среди какого-то огорода и стали прислушиваться, бѣгутъ ли за нами. Ничего не было слышно, По всей вѣроятности, паденіе моего карабина привлекло вниманіе часовыхъ, и они отошли отъ входа канала.

Осмотрѣвшись въ огородѣ, Адамъ объявилъ, что мы стоимъ очень близко отъ дома его тетки. Мы перелѣзли еще черезъ одинъ заборъ и очутились въ саду, принадлежащемъ къ этому дому, но тутъ на насъ съ громкимъ лаемъ бросилась собака. Чтобы успокоить ее, мы пожертвовали остатками своей колбасы. Ворота въ сарай оказались открытыми, мы вошли туда, бросились на сѣно, сложенное около стѣны, и тотчасъ же крѣпко заснули.

Этотъ сонъ продолжался не долго. Я проснулся, когда на башенныхъ часахъ било шесть.

Было уже свѣтло, и Адамъ поднялся, чтобы сходить къ теткѣ, узнать, что она можетъ для насъ сдѣлать. Черезъ нѣсколько минутъ онъ вернулся вмѣстѣ съ теткой. Это была,—какъ теперь вижу,—женщина лѣтъ тридцати, блѣдная, съ широко открытыми, испуганными глазами.

— Ради Бога,—сказала она,—что вы здѣсь дѣлаете? Вамъ нельзя оставаться. Сегодня утромъ ко мнѣ придутъ на постой прусскіе кавалеристы. Они, навѣрно, зайдутъ въ сарай за сѣномъ и соломой для лошадей, увидятъ васъ, и намъ всѣмъ будетъ бѣда!

— Но подумайте немножко, тетушка,—сказалъ Адамъ,—куда же намъ дѣться? Вѣдь не захотите же вы выдать насъ врагамъ?

Но бѣдная женщина себя не помнила отъ страха.

— Если вы не уйдете,—рѣшительнымъ голосомъ заявила она,—я скажу солдатамъ, что вы здѣсь. Вы не можете требовать, чтобы я изъ-за васъ погубила и себя, и своихъ дѣтей.

Мы попробовали уговарить ее, но все было напрасно.

Нечего дѣлать, приходилось уйти изъ сарая. Она указала намъ черезъ открытую дверь канаву, заросшую высокими кустами на противоположной сторонѣ двора, тамъ мы могли спрятаться. Положеніе наше было отчаянное. Мы всѣ трое были въ баденскихъ военныхъ мундирахъ, наша принадлежность къ революціонной

арміи была очевидна. И у насъ не было другого убѣжища, кромѣ канавы, заросшей кустарникомъ среди города, кишѣвшаго непріятельскими войсками! Понятно, мы не спѣшили уйти изъ сарая. По крайней мѣрѣ, тутъ мы были хоть подъ крышей и все еще надѣялись какъ-нибудь смягчить сердце тетушки. Она ушла къ себѣ въ домъ, такъ какъ каждую минуту ожидала появленія постоя. Черезъ полчаса она вернулась и объявила, что кавалеристы пришли и сидятъ за завтракомъ. Теперь мы можемъ пройти черезъ дворъ такъ, что они насъ не замѣтятъ. Она говорила такъ рѣшительно, что намъ волей-неволей пришлось покориться. Мы перебѣжали черезъ дворъ къ заросшему рву, который съ противоположной стороны отдѣлялся отъ улицы высокимъ досчатымъ заборомъ. Дождь опять лилъ, какъ изъ ведра, и вблизи никого не было видно. Мы прошли подальше и увидѣли, что у конца рва сложена полѣнница дровъ въ человѣческій ростъ, образуя квадратъ, обращенный къ намъ своей четвертой, пустой стороной. Мы осторожно пробрались въ него и усѣлись на полѣнья: дрова могли служить намъ удобнымъ прикрытіемъ, скрывая насъ отъ случайныхъ прохожихъ.

Но какъ же намъ быть дальше? Мы промокли до костей, но охотно помирились бы съ непріятностями своего положенія, если бы видѣли хоть какую-нибудь возможность спасенія. Всегда неизмѣнно добродушный, Адамъ теперь страшно сердился на свою тетку. Нейштетеръ считалъ наше положеніе безнадежнымъ и предлагалъ добровольно сдаться солдатамъ. Долженъ сознаться, что и мой сангвиническій темпераментъ подвергался тяжелому испытанію. Но я собралъ все свое мужество, и мы рѣшили держаться до послѣдней минуты, полагаясь на какую-нибудь счастливую случайность. И вотъ мы часъ за часомъ сидѣли на полѣньяхъ, ожидая своей судьбы, а дождь все время немилосердно поливалъ насъ. Около полудня мы услышали шаги въ саду недалеко отъ нашего убѣжища. Я осторожно выглянулъ изъ-за дровъ и увидѣлъ, что мимо нашей полѣнницы идетъ человѣкъ съ пилой въ рукѣ. По его виду я догадался, что это рабочій, а такъ какъ всѣ вообще рабочіе сочувствовали революціонному движенію, то я рѣшилъ, что ему можно довѣриться. Я бросилъ щепку, которая попала ему въ руку, онъ остановился, и я кашлянулъ, чтобы привлечь его вниманіе. Онъ замѣтилъ меня и подошелъ къ намъ. Я въ нѣсколькихъ словахъ объяснилъ ему, въ какомъ мы положеніи, и попросилъ его отыскать для насъ какое-нибудь безопасное убѣжище, а также дать намъ чего-нибудь поѣсть, такъ какъ у насъ не осталось ни крошки хлѣба. Онъ обѣщалъ сдѣлать для насъ все, что возможно. Затѣмъ онъ ушелъ, но черезъ полчаса вернулся и указалъ намъ въ нѣсколькихъ шагахъ отъ нашей полѣнницы большой, открытый сарай. Въ томъ концѣ сарая, который былъ ближе къ намъ, находился маленькій запертый чуланъ, гдѣ, вѣроятно, рабочіе прятали

свои инструменты, а надъ нимъ подъ крышей сарая былъ маленькій чердачекъ, забросанный досками.

— Я сейчасъ оторву одну доску,—сказалъ рабочій,—а вы по дровамъ влѣзайте на чердакъ и ложитесь тамъ. Я скоро опять приду и принесу вамъ поѣсть.

Мы послѣдовали его совѣту и пробрались на чердачекъ. Тамъ было ровно столько пространства, что мы могли лежать рядомъ. Полъ, на которомъ мы растянулись, былъ досчатый и покрытый густымъ слоемъ бѣлой пыли. На этой пыли мы и разлеглись въ своихъ мокрыхъ одеждахъ. Но, по крайней мѣрѣ, мы хоть на время чувствовали себя въ безопасности. Было около часу по полудни, когда мы добрались до нашего новаго убѣжища. Мы терпѣливо ждали своего пріятеля съ провизіей, разсчитывая обсудить вмѣстѣ съ нимъ планы дальнѣйшихъ дѣйствій. Но вотъ на башенныхъ часахъ пробило два часа, потомъ три, четыре, а его нѣтъ, какъ нѣтъ. Въ пятомъ часу въ сараѣ подъ нами началось сильное движеніе. Изъ отдѣльныхъ словъ, изъ шума и стука, доносившихся до насъ, мы поняли, что пришелъ отрядъ кавалеристовъ, который убираетъ сарай, чтобы поставить въ него своихъ лошадей. Скоро появились и лошади, а солдаты наполнили весь сарай.

Сквозь щели стѣнъ нашего чердака мы ясно могли ихъ видѣть. Положеніе наше снова стало критическимъ. Если бы кому-нибудь изъ солдатъ пришло въ голову осмотрѣть чердакъ, онъ неминуемо открылъ бы насъ.

Стоило намъ кашлянуть или чихнуть, и наше убѣжище было бы открыто. Мы старались какъ можно тише дышать и съ нетерпѣніемъ ожидали ночи. Ночь настала, но тотъ пріятель, на помощь котораго мы разсчитывали, все не являлся.

Мы начали чувствовать страшный голодъ и жажду, а у насъ не было ни пищи, ни питья. Мы потеряли остатки вина, когда бѣжали со всѣхъ ногъ отъ канала къ тетушкѣ. И вотъ, мы лежали тихо, неподвижно, точно мертвые. Но понемногу въ сараѣ становилось спокойнѣе, мы слышали, какъ солдаты храпѣли, другіе, должно быть, дежурные сторожа, прохаживались взадъ и впередъ. Хотя мы были страшно утомлены, однако боялись заснуть. Наконецъ, мы тихимъ шепотомъ сговорились спать поочередно и будить того, кто будетъ громко дышать. Такъ прошла ночь, но нашъ избавитель все еще не приходилъ. Прошло утро, день, вечеръ,—о нашемъ пріятелѣ не было ни слуха, ни духа. Мы лежали неподвижно, окоченѣвъ, окруженные непріятельскими солдатами, и съ каждой минутой надежда на спасеніе все болѣе и болѣе исчезала. Жажда начала сильно мучить насъ. Къ счастью, ночью пошелъ опять сильный дождь. Надъ моей головой въ крышѣ была сломанная черепица, и черезъ маленькую дырочку капала дождевая вода. Я ловилъ ее на ладонь руки и такимъ образомъ напился. Товарищи послѣдовали моему примѣру. Опять настало утро, но мы уже

потеряли надежду на своего пріятеля. Башенные часы отбивали часъ за часомъ, и ни откуда мы не видѣли помощи. Вслѣдствіе неподвижнаго положенія, члены наши начали болѣть, но мы не смѣли шевелиться. Три дня и три ночи провели мы безъ пищи. и нами начало овладѣвать какое то странное чувство слабости. Пришла третья ночь. Очевидно, нашъ пріятель не придетъ: мы должны сами сдѣлать какую-нибудь попытку спастись, прежде чѣмъ силы окончательно оставятъ насъ.

— Нейштетеръ,—сказалъ я, прикладывая губы къ самому уху товарища,—когда мы лѣзли черезъ дрова, замѣтили вы маленькій домикъ шаговъ за пятьдесятъ отсюда?

— Да,—сказалъ Нейштетеръ.

— Тамъ, навѣрно, живутъ бѣдные люди, какіе-нибудь рабочіе. Одинъ изъ насъ долженъ сходить туда и узнать, не могутъ ли они намъ помочь. Я бы охотно пошелъ, но мнѣ придется перелѣзать черезъ васъ (Нейштетеръ лежалъ всѣхъ ближе къ отверстію въ стѣнѣ), и я боюсь нашумѣть. Къ тому же вы меньше и легче насъ. Хотите попытаться?

— Да.

У меня были деньги: передъ самой сдачей крѣпости намъ выдали наше жалованье.— Возьмите мой кошелекъ,— прошепталъ я,— дайте имъ десять гульденовъ, или сколько они запросятъ. Скажите имъ, чтобы они принесли намъ хлѣба и вина, или хоть воды, и чтобы они поскорѣй узнали, стоятъ ли прусскіе караулы вокругъ крѣпости. Если пруссаки ушли, мы можемъ завтра ночью еще разъ попробовать пройти черезъ каналъ. Идите сейчасъ и, если можно, добудьте намъ кусочекъ хлѣба.

— Хорошо.

Въ одну минуту Нейштетеръ тихо и легко, точно кошка, прыгнулъ въ отверстіе. Сердце мое стучало такъ, что я слышалъ его біеніе. Какой-нибудь неловкій шагъ, случайный звукъ могли его выдать. Менѣе чѣмъ черезъ полчаса онъ вернулся, такъ же легко и неслышно, какъ ушелъ, и улегся подлѣ меня.

— Все сошло хорошо,—прошепталъ онъ,—вотъ кусокъ хлѣба, больше у нихъ ничего не было въ домѣ. А вотъ еще яблочко, я его дорогой сорвалъ съ дерева. Только оно, кажется, еще не спѣло.

Мы быстро подѣлили хлѣбъ и яблоко и съ жадностью съѣли ихъ. Приложивъ губы къ моему уху, Нейштетеръ разсказалъ, что въ домѣ живутъ мужъ съ женой. Онъ далъ мужу десять гульденовъ, и тотъ обѣщалъ доставить намъ пищи и узнать, что дѣлается около крѣпости.

Это ободрило насъ, и мы спокойно спали попеременно до утра. Затѣмъ мы стали нетерпѣливо ждать нашего избавителя. Но часъ проходилъ за часомъ, а онъ не являлся. Неужели насъ опять обманули? Наконецъ, уже въ двѣнадцатомъ часу мы услышали, что кто то возится въ чуланѣ подъ нами, какъ будто передвигаетъ

какія-то тяжелыя вещи изъ одного угла въ другой; потомъ раздалось легкое покашливанье, и минуту спустя въ отверстіи нашей стѣны появилась голова, а затѣмъ и самъ человѣкъ влѣзъ къ намъ. Онъ несъ корзину съ разными инструментами и вытащилъ изъ подъ нихъ двѣ бутылки вина, нѣсколько колбасъ и большую краюху хлѣба.

— Вотъ вамъ, кушайте, пейте! - сказалъ онъ шепотомъ, — я ходилъ за городъ, все осмотрѣлъ. Прусскіе караулы больше не стоятъ тамъ. Я готовъ помочь вамъ. Скажите только, что мнѣ дѣлать.

Я попросилъ его сходить въ Штейнмауеръ и приговорить тамъ лодку, которая перевезла бы насъ сегодня ночью черезъ Рейнъ. Потомъ около двѣнадцати часовъ ночи подождать насъ въ кукурузномъ полѣ за Штейнмауерскими воротами. Мы дадимъ ему знакъ свисткомъ, пусть онъ также свиснетъ, мы съ нимъ сойдемся, и онъ проводитъ насъ къ нанятой имъ лодкѣ. Жену его мы просимъ приготовить намъ къ 11 часамъ что-нибудь поѣсть.

Я далъ ему еще денегъ, онъ обѣщалъ все устроить, какъ я сказалъ, и ушелъ тѣмъ же способомъ, какимъ пришелъ. Мы отлично закусили, при чемъ пришли въ такое веселое расположеніе духа, что съ трудомъ могли соблюдать необходимую тишину. За то какъ долго тянулись для насъ послѣдующіе часы! Мы все время переходили отъ страха къ надеждѣ. Часа въ два мы услышали грохотъ ружейнаго залпа.

— Что это?—прошепталъ Нейштетеръ,—они кого-то разстрѣливаютъ?

Я подумалъ то же. Это было указаніе на судьбу, которая насъ ожидала, если бы мы были арестованы.

Въ третьемъ часу въ сараѣ подъ нами поднялся сильный шумъ и возня. Очевидно, кавалеристы приготовлялись уходить. Но только что они удалились, какъ сарай занялъ другой отрядъ. Насколько мы могли судить по достигавшимъ до насъ разговорамъ, это были гусары. Къ вечеру въ сараѣ собралось многу народу, и мы слышали тамъ женскіе голоса. Труба заиграла вальсъ, и веселая компанія пустилась плясать. Это было намъ на руку: мы ожидали, что послѣ такой вечеринки, на которой дѣло не обойдется безъ выпивки, наши гусары крѣпко заснутъ. Въ девять часовъ гости разошлись, и все затихло, только одинъ гусаръ удержалъ какую то раштатскую дѣвушку. Эта парочка стояла или сидѣла около самого нашего чердака, такъ что мы слышали каждое слово весьма нѣжнаго разговора ея. Онъ увѣрялъ ее, что она прелестна, что она съ перваго взгляда зажгла пламя любви въ его сердцѣ. Она отвѣчала, что онъ насмѣшникъ, что она не хочетъ его слушать. Онъ, конечно, замѣтилъ, что это говорится только для видимости, и продолжалъ развивать ту же тему въ смѣлыхъ и цвѣтистыхъ выраженіяхъ. Наконецъ, она, кажется, повѣрила ему. Мы съ трудомъ удерживались отъ смѣха. Между тѣмъ, интересный разговоръ

все тянулся и тянулся, и меня стало разбирать безпокойство: что какъ онъ протянется до полуночи, и гусарская любовь уничтожитъ всѣ наши разсчеты? Къ счастью, въ одиннадцатомъ часу парочка ушла, и мы отъ души пожелали ей Божьяго благословенія.

Ровно въ одиннадцать часовъ Нейштетеръ вылѣзъ изъ отверстія въ стѣнѣ, ступилъ на полѣнницу дровъ и легкимъ прыжкомъ соскочилъ на землю. Я послѣдовалъ за нимъ. Ноги мои послѣ четырехдневнаго лежанья задеревянѣли и, когда я ступилъ на дрова, двa-три полѣна съ шумомъ упали на землю. Черезъ нѣсколько секундъ я услышалъ вблизи шаги патруля. Я едва успѣлъ шепнутъ Адаму, чтобы онъ немножко обождалъ, пока патруль пройдетъ. Мнѣ самому удалось соскочить на землю и спрятаться, прежде чѣмъ патруль завернулъ за уголъ. Я нашелъ Нейштетера въ домикѣ, а черезъ нѣсколько минутъ и Адамъ присоединился къ намъ.

— Патруль спокойно прошелъ,—сказалъ онъ,—въ сараѣ солдаты храпятъ такъ громко, что ничего другого не слышно.

Хозяйка домика приготовила намъ отличный мясной супъ, съ рисомъ. Подкрѣпивъ свои силы этимъ супомъ, вареным мясомъ и жаренымъ картофелемъ, мы черезъ сады направились къ каналу. Ночь была лунная, свѣтлая, и мы держались въ тѣни заборовъ, чтобы пройти незамѣтно. Это удалось намъ, но около того рва, съ котораго начинался каналъ, насъ ожидалъ новый испугъ. Часовой ходилъ взадъ и впередъ около входа въ каналъ, удаляясь отъ него шаговъ на тридцать, не больше. Мы остановились и притаились у забора. Оставалось одно: какъ только солдатъ повернулся къ намъ спиной и прошелъ мимо канала, одинъ изъ насъ осторожно проскользнулъ туда. При слѣдующемъ поворотѣ его то же сдѣлалъ второй, потомъ третій. Черезъ нѣсколько минутъ мы уже всѣ вмѣстѣ осторожно пробирались по каналу; мы опять наткнулись на свою скамью и немножко посидѣли на ней; потомъ подлѣзли подъ рѣшетку и замѣтили впереди свѣтлое пятно, показавшее намъ, что выходъ близко. Мы остановились и приготовили пистолеты, хотя сомнительно, чтобы они могли стрѣлять послѣ нашей промочки, но мы такъ много перестрадали за эти дни, что рѣшили во что бы то ни стало вырваться на свободу. Оказалось, что выходъ свободенъ, караулъ былъ снятъ. Поле кукурузы разстилалось передъ нами. На нашъ тихій свистъ раздался отвѣтный свистъ, и нашъ знакомый вышелъ къ намъ навстрѣчу.

Онъ сообщилъ намъ, что дорога безопасна. Мы бодро зашагали впередъ и меньше, чѣмъ черезъ часъ, дошли до деревни Штейнмауеръ. Нашъ пріятель вывелъ насъ на берегъ Рейна и показалъ намъ лодку, въ которой спалъ перевозчикъ. Мы его разбудили, и нашъ проводникъ объяснилъ ему, что мы тѣ люди, которыхъ надо перевезти черезъ Рейнъ.

— Это будетъ стоить пять гульденовъ!—сказалъ лодочникъ. Я

далъ ему требуемую сумму и хотѣлъ дать еще нѣсколько денегъ нашему милому проводнику, но онъ наотрѣзъ отказался.

— Вы и такъ довольно мнѣ дали,—сказалъ онъ.—Вамъ самимъ деньги будутъ нужны. Меня зовутъ Августинъ Лефлеръ. Можетъ, когда-нибудь въ жизни намъ и придется свидѣться. Храни васъ Господь!

Мы пожали другъ другу руки на прощанье. Мы, бѣглецы, сѣли въ лодку, а нашъ пріятель пошелъ назадъ въ Раштатъ *).

Черезъ нѣсколько минутъ нашъ лодочникъ высадилъ насъ на берегъ, густо заросшій ивовыми кустами. Былъ третій часъ утра, черезъ кусты было очень трудно пробираться, и мы рѣшили сѣсть на старые пни и дождаться разсвѣта. Какъ только стало свѣтать, мы отправились разыскивать какую-нибудь эльзасскую деревню. Каково же было наше разочарованіе, когда оказалось, что мы на островѣ! Почти посрединѣ его стоялъ небольшой домикъ, повидимому, принадлежащій баденскому таможенному чиновнику. Значитъ, мы все еще въ «непріятельской странѣ», и лодочникъ надулъ насъ. Въ домикѣ все было наглухо заперто, и ставни, и двери. Мы прислушались, изнутри ничего не было слышно. Быстрымъ шагомъ обошли мы островъ и убѣдились, что кромѣ насъ троихъ на немъ никого не было. Мы пошли на тотъ берегъ, который былъ обращенъ къ Эльзасу, и при восходѣ солнца увидѣли на противоположномъ берегу двухъ человѣкъ, въ которыхъ узнали французскихъ таможенныхъ. Мы закричали имъ черезъ рѣку, что мы бѣглецы, что намъ необходимо перебраться во Францію.

Одинъ изъ таможенныхъ, коренастый эльзасецъ, не заставилъ насъ долго просить, сѣлъ въ лодку и скорешенько перевезъ насъ въ Эльзасъ.

Мы отдали свое оружіе таможеннымъ чиновникамъ и среди общаго смѣха увѣряли ихъ, что не захватили изъ Раштата никакихъ другихъ вещей, подлежащихъ пошлинѣ. Когда я почувствовалъ себя дѣйствительно на свободѣ и въ безопасности, моимъ первымъ побужденіемъ послѣ четырехъ дней молчанія и шепота, было какъ можно громче закричать. Товарищи мои видимо чувствовали то же самое, и вотъ мы принялись кричать во все горло, къ великому удивленію таможенныхъ, которые, вѣроятно, приняли насъ за сумасшедшихъ.

---

*) Много лѣтъ спустя, когда я уже былъ министромъ внутреннихъ дѣлъ въ Соединенныхъ Штатахъ, я получилъ одинъ разъ письмо отъ Августина Лефлера, изъ небольшого мѣстечка въ Канадѣ. Онъ писалъ мнѣ, что вскорѣ послѣ революціи эмигрировалъ изъ Германіи и весьма недурно устроился въ своемъ новомъ отечествѣ. Онъ прочелъ въ газетѣ, что я одинъ изъ тѣхъ трехъ молодыхъ людей, которыхъ онъ въ одну іюльскую ночь 1849 г. провожалъ изъ Раштата къ Рейну. Я немедленно отвѣтилъ ему, высказалъ, какъ меня обрадовало его письмо, и просилъ его писать мнѣ и дальше, но съ тѣхъ поръ я ничего больше о немъ не слыхалъ.

Мы вышли на берегъ около небольшой деревеньки Мюнхгаузена. Таможенные сказали намъ, что въ сосѣднемъ маленькомъ городкѣ Зельцѣ есть много эмигрантовъ, и мы отправились туда Дорогой мы осмотрѣли другъ друга при солнечномъ свѣтѣ и нашли, что у насъ ужасный видъ. Четыре дня и четыре ночи мы въ промокшихъ платьяхъ валялись въ водѣ, въ грязи и въ пыли. Отъ грязи волосы наши слипились на головѣ, а физіономіи наши нельзя было узнать. Какъ только намъ попался по дорогѣ ручеекъ, мы съ наслажденіемъ вымылись въ немъ и, придавъ себѣ человѣкообразный видъ, пришли въ гостинницу Зельца.

Бывшіе тамъ эмигранты изъ Бадена радостно привѣтствовали насъ и засыпали вопросами о нашихъ приключеніяхъ. Но мы прежде всего потребовали себѣ ушатъ теплой воды, завтракъ и постели. Все это мы получили. Я проспалъ съ небольшими промежутками двадцать четыре часа. Послѣ этого я подробно разсказалъ эмигрантамъ о томъ. какъ мы бѣжали изъ Раштата... Отъ нихъ я узналъ, что въ одномъ изъ сраженій около Раштата, до начала осады Кинкель взятъ въ плѣнъ пруссаками. Послѣ того, какъ мы оставили Пфальцъ, и онъ не могъ быть полезенъ тамошнему временному правительству. онъ поступилъ въ одинъ изъ баталіоновъ народнаго ополченія, какъ простой солдатъ. Онъ хотѣлъ съ оружіемъ въ рукахъ дѣлить судьбу революціонной арміи. Въ одномъ сраженіи на линіи Мурги онъ былъ раненъ непріятельскою пулею въ голову, упалъ на землю и попалъ въ руки пруссаковъ. Его вмѣстѣ съ гарнизономъ крѣпости посадили въ одинъ изъ Раштатскихъ казематовъ, чтобы предать военному суду и разстрѣлять. Это извѣстіе такъ огорчило меня, что я не могъ вполнѣ наслаждаться пріобрѣтенной свободой.

На другой день послѣ нашего прибытія въ Зельцъ въ гостинницу явился жандармъ по порученію мэра, чтобы узнать наши имена, намѣрены ли мы остаться въ этомъ городѣ, а если нѣтъ, то куда отправляемся.—Въ Страсбургъ!—отвѣтилъ я первое попавшееся на языкъ слово. Тогда мэръ изготовилъ намъ что-то въ родѣ паспортовъ и сказалъ, что въ Страсбургѣ мы немедленно должны заявиться въ тамошнюю префектуру. Тяжелое чувство овладѣло мною при сознаніи, что я лишился отечества, что я эмигрантъ и состою подъ надзоромъ полиціи. Я написалъ родителямъ, разсказалъ имъ о своемъ спасеніи, и затѣмъ мы отправились въ Страсбургъ. Въ сущности, конечною цѣлью моего путешествія была Швейцарія, гдѣ я надѣялся встрѣтить Аннеке и другихъ друзей.

Если бы я прожилъ нѣсколько лишнихъ дней въ Зельцѣ, я бы встрѣтился тамъ съ отцомъ. Вотъ какъ это случилось: письмо, которое я написалъ въ день сдачи Раштата и которое поручилъ своему хозяину бросить на почту, поразило родителей, какъ ударъ грома, и отецъ немедленно собрался въ путь, чтобы постараться повидаться со мной. Въ Раштатѣ онъ явился къ прусскому ко-

менданту крѣпости, надѣясь узнать отъ него что нибудь о моей судьбѣ. Комендантъ принялъ его довольно любезно, но не могъ дать ему никакихъ свѣдѣній, кромѣ того, что моего имени нѣтъ въ спискѣ арестованныхъ. Отецъ очень удивился и выпросилъ позволеніе поискать меня въ казематахъ, гдѣ сидѣли арестованные. Цѣлыхъ три дня ходилъ онъ въ сопровожденіи офицера изъ одного каземата въ другой, разспрашивалъ обо мнѣ всѣхъ заключенныхъ, но ничего не могъ узнать. Никто не видалъ меня во время сдачи оружія Въ тюрьмѣ отецъ встрѣтилъ и Кинкеля.

— Какъ!—вскричалъ онъ,—Карлъ тоже здѣсь? Экая жалость! А я думалъ, что онъ уже въ Швейцаріи!—Съ нѣмою скорбью пожали они другъ другу руку.

У отца явилась слабая надежда, что я, можетъ быть, какъ нибудь спасся. Отъ раштатцевъ онъ узналъ, что многіе бѣглецы изъ Бадена переправились черезъ Рейнъ въ Зельцъ, и вотъ онъ явился въ ту самую гостинницу, гдѣ я останавливался за нѣсколько дней передъ тѣмъ. Эмигранты разсказали ему всю исторію моего бѣгства и сказали, что я ушелъ въ Страсбургъ съ тѣмъ, чтобы оттуда переправиться въ Швейцарію. Отецъ отъ радости расплакался и нѣсколько разъ повторялъ: - Экій бѣдовый парень! Ну, надо мнѣ скорѣй ѣхать домой разсказать матери!

Одинъ изъ баденскихъ бѣглецовъ, которые видѣли отца въ Зельцѣ и давали ему свѣдѣнія обо мнѣ, разсказывалъ мнѣ эту сцену мѣсяцъ спустя, уже въ Швейцаріи, и онъ самъ съ трудомъ удерживался отъ слезъ, описывая радость отца.

XII.

Изъ Зельца мы пошли въ Страсбургъ пѣшкомъ. Былъ прелестный лѣтній день. Идя по дорогѣ, мы нѣсколько времени видѣли вдали башни Раштата. Видъ большой тюрьмы, изъ которой мы такъ ловко бѣжали, привелъ бы насъ въ необуздано-веселое настроеніе, если бы не мысль о друзьяхъ, которые томились тамъ, ожидая рѣшенія своей судьбы. Такъ какъ мы все еще были въ мундирахъ,— другого платья у насъ не было, — то въ эльзасскихъ деревняхъ, мимо которыхъ мы проходили, всѣ сразу догадывались, что мы принадлежали къ революціонной партіи; насъ останавливали и съ любопытствомъ разспрашивали, какимъ образомъ удалось намъ спастись. При этомъ насъ угощали виномъ и закуской, время незамѣтно проходило въ оживленныхъ разговорахъ, и мы дошли до Страсбурга уже позднимъ вечеромъ. На слѣдующій день мы предъявили свои паспорта префекту. Онъ объявилъ намъ, что правительство рѣшило прикрѣпить эмигрантовъ къ опредѣленному мѣстожительству; мы не можемъ оставаться надолго ни въ Страсбургѣ, ни въ другихъ пограничныхъ мѣстахъ; мы должны выбрать

одинъ изъ тѣхъ городовъ внутри Франціи, которые онъ намъ назвалъ, и насъ туда отправятъ; въ Швейцарію онъ также не можетъ дать намъ паспортъ. А между тѣмъ мы именно хотѣли жить въ Швейцаріи, и потому рѣшили пробраться туда тайно, безъ разрѣшенія начальства.

Между тѣмъ, мы узнали, что пфальцскихъ и баденскихъ солдатъ и ополченцевъ, которые попали въ плѣнъ къ пруссакамъ и не обвиняются ни въ какомъ преступленіи, кромѣ службы въ революціонной арміи, не подвергаютъ наказанію, а просто отсылаютъ домой. Подъ арестомъ держатъ только офицеровъ и какихъ-нибудь особенныхъ преступниковъ. Такимъ образомъ, солдатъ могъ безпрепятственно вернуться домой, и я убѣждалъ его немедленно воспользоваться этою возможностью. Адамъ сталъ опять увѣрять меня въ своей привязанности, въ которой я, впрочемъ, не сомнѣвался; но онъ всетаки увидѣлъ, что я даю ему хорошій совѣтъ, и рѣшился теперь же вернуться домой въ Пфальцъ. Я далъ ему часть своихъ денегъ, и мы очень нѣжно распрощались.

Осмотрѣвъ Страсбургскій соборъ, мы съ Нейштетеромъ купили себѣ легкія лѣтнія накидки, чтобы скрыть подъ ними свои мундиры, и сѣли на поѣздъ, отправлявшійся въ Базель. Не доѣзжая границы, мы подъ вечеръ вышли на какой-то маленькой станціи, добрались до ближней деревни и завернули въ небольшой трактиръ. Хозяинъ его показался мнѣ съ виду честнымъ человѣкомъ, и я счелъ за лучшее разсказать ему, въ какомъ мы положеніи, и объяснить, что намъ хотѣлось бы перейти швейцарскую границу, не встрѣчаясь съ чиновниками, которые могутъ потребовать у насъ паспортовъ или какихъ-нибудь удостовѣреній личности. Хозяинъ выказалъ намъ большое участіе; какъ только стемнѣло, онъ проводилъ насъ часть пути, а затѣмъ подробно объяснилъ, по какимъ тропинкамъ мы должны идти, чтобы избѣжать пограничной стражи и добраться до швейцарской деревушки Шёнебэль; тамъ, говорилъ онъ, мы найдемъ около самой дороги сарай, который, вѣроятно, будетъ не запертъ, въ немъ мы можемъ отдохнуть до утра, лежа на сѣнѣ. Мы въ точности послѣдовали его указаніямъ и около полуночи улеглись спать въ сараѣ, на душистомъ сѣнѣ. Съ восходомъ солнца мы снова были на ногахъ, и крестьяне, шедшіе на работу, указали намъ, по какой дорогѣ направиться въ Бернъ. Мы выбрали этотъ городъ, такъ какъ я узналъ въ Страсбургѣ, что Аннеке и прочіе друзья тамъ.

Мы прошли уже значительную часть пути, когда послѣ полудня зашли въ небольшой деревенскій трактирчикъ. Тамъ сидѣлъ и закусывалъ какой-то интеллигентный съ виду человѣкъ съ мальчикомъ. Мы съ нимъ разговорились, и онъ разсказалъ, что живетъ постоянно въ Бернѣ, что теперь отправился сдѣлать небольшую пѣшеходную экскурсію съ своимъ маленькимъ сыномъ. Онъ зналъ многихъ лицъ, бѣжавшихъ изъ Германіи, между прочимъ, моихъ друзей; они дѣй-

ствительно жили нѣсколько времени въ Бернѣ, но на прошлой недѣлѣ уѣхали оттуда въ деревню Дорнахбрухъ, около Базеля. Это было очень непріятное для меня извѣстіе. Чтобы встрѣтиться съ ними, мнѣ приходилось ѣхать назадъ. Нечего дѣлать, я рѣшилъ вернуться. Нейштетеръ не былъ знакомъ съ моими друзьями, кромѣ того онъ надѣялся найти себѣ въ Бернѣ какое-нибудь занятіе, и потому предпочелъ продолжать путь. И вотъ, мы съ нимъ распрощались въ маленькомъ швейцарскомъ трактирчикѣ, а снова увидались только черезъ 18 лѣтъ, въ Америкѣ.

Въ Дорнахбрухѣ меня ждало новое разочарованіе. Въ гостиницѣ я узналъ, что друзья мои дѣйствительно недавно были тамъ, но на дняхъ уѣхали въ Цюрихъ. Идти за ними туда теперь же я не могъ: у меня не было денегъ, и къ тому же я чувствовалъ себя страшно утомленнымъ. Я рѣшилъ остановиться въ Дурнахбрухѣ и написалъ домой, чтобы мнѣ прислали туда мое платье и сколько-нибудь денегъ. Волненія и физическая усталость послѣднихъ дней оказали свое дѣйствіе. Я былъ въ подавленномъ настроеніи и чувствовалъ себя одинокимъ, всѣми покинутымъ. Грустно бродилъ я по деревнѣ и окрестностямъ и часто по цѣлымъ часамъ лежалъ на травѣ или сидѣлъ на обвалившейся стѣнѣ развалинъ башни на горѣ. Будущее представлялось мнѣ мрачнымъ и безнадежнымъ. Наконецъ, я вообразилъ, что серьезно боленъ, и сталъ большую часть дня валяться въ постели въ какомъ то полудремотномъ состояніи. Цѣлыхъ десять дней прожилъ я такимъ образомъ, какъ вдругъ разъ утромъ услышалъ, что кто-то необыкновенно громкимъ голосомъ называетъ мое имя въ прихожей гостиницы. —Да вѣдь это самъ Штрадманъ, живьемъ!—закричалъ я, вскакивая съ постели. Дѣйствительно, это былъ Штрадманъ. Онъ пріѣхалъ изъ Бонна, привезъ мнѣ письма отъ родителей и отъ университетскихъ товарищей, полный кошелекъ денегъ и разныя мои вещи. Мое бѣгство изъ Раштата вызвало въ Боннѣ радость и изумленіе, объ этомъ мнѣ писали въ письмахъ, объ этомъ же мнѣ разсказывалъ и Штрадманъ. Все мое грустное настроеніе, какъ рукой сняло. Я вдругъ опять почувствовалъ себя совершенно здоровымъ. Мы отпраздновали наше свиданіе самымъ лучшимъ обѣдомъ, какой можно было получить въ гостиницѣ Дорнахбруха, и рѣшили на слѣдующій же день отправиться въ Цюрихъ, гдѣ Штрадманъ обѣщалъ погостить у меня нѣсколько времени.

Мы отправились пѣшкомъ, чисто по студенчески, часто заходили выпить и закусить, отдыхали, сидя или лежа на травѣ, и при этомъ вели разговоры о разныхъ историческихъ событіяхъ, или декламировали стихи. Намъ пришлось на пути заночевать въ гостиницѣ, а на слѣдующее утро мы взяли себѣ мѣста въ почтовомъ дилижансѣ, ѣхавшемъ въ Цюрихъ. Намъ казалось приличнѣе прибыть туда такимъ образомъ, да и финансы наши позволяли эту роскошь. Только что мы подъѣхали къ мѣсту остановки

дилижанса въ Цюрихѣ, какъ вдругъ, кого я вижу? Аннеке, Теховъ, Шимельфенигъ, Бейсгъ. всѣ друзья съ которыми я такъ хотѣлъ свидѣться, какъ будто ожидали меня! Они удивились не меньше моего и, глядя на меня, не вѣрили глазамъ своимъ. О моемъ бѣгствѣ изъ Раштата они ничего не слыхали. Въ спискахъ офицеровъ, арестованныхъ въ Раштатѣ, они не нашли моего имени и ни отъ кого не могли ничего узнать обо мнѣ. Они были увѣрены, что я погибъ или въ послѣдней битвѣ, или при попыткѣ пробиться сквозь линію осаждающихъ. Когда они увидѣли меня живымъ и невредимымъ, конца не было ихъ удивленію.

Меня въ тотъ же день устроили на квартирѣ у вдовы булочника, въ деревнѣ Энге, предмѣстьи Цюриха; Штрадманъ нанялъ себѣ комнату въ сосѣдней гостиницѣ, и мои пріятели жили всѣ вмѣстѣ также въ Энге. Пока Штрадманъ гостилъ у меня, всѣ мои мысли вращались въ кругу прежнихъ интересовъ и отношеній, и моя жизнь въ Цюрихѣ являлась какъ бы эпизодомъ студенческой экскурсіи. Но когда черезъ десять дней онъ уѣхалъ назадъ въ Боннъ, для меня началась настоящая жизнь эмигранта. Прежде всего, я заболѣлъ. Болѣзнь началась еще въ Дорнахбрухѣ, затѣмъ была прервана тѣмъ веселымъ возбужденіемъ, какое вызвалъ пріѣздъ Штрадмана, а теперь проявилась сильнѣйшей лихорадкой, продержавшей меня двѣ недѣли въ постели. Когда я выздоровѣлъ, я почувствовалъ себя въ очень странномъ положеніи: мнѣ положительно нечего было дѣлать. Я попробовалъ поискать себѣ какихъ-нибудь занятій ради заработка, но скоро убѣдился, что молодой человѣкъ, который можетъ давать уроки латинскаго, греческаго языка и музыки, не скоро найдетъ себѣ занятіе у населенія, далеко не благосклонно смотрѣвшаго на массу нахлынувшихъ въ его сторону эмигрантовъ. Прочіе эмигранты находились въ такомъ же положеніи, какъ и я, но многіе изъ нихъ смотрѣли презрительно на желаніе имѣть заработокъ, пока привезенныя съ собой деньги еще не истрачены. Они были твердо увѣрены, что у насъ въ Германіи скоро произойдетъ новый политическій переворотъ. Никто не умѣетъ такъ искусно утѣшать себя самыми невѣроятными иллюзіями, какъ политическіе изгнанники. Въ каждой газетѣ удавалось намъ найти извѣстія, указывавшія на неизбѣжность новой революціи въ самомъ непродолжительномъ времени. Скоро вернемся мы на родину съ торжествомъ и, какъ піонеры и мученики святого дѣла, сдѣлаемся героями дня. Стоитъ ли намъ заботится объ устройствѣ своей личной жизни? Гораздо важнѣе распредѣлить роли для нашей будущей дѣятельности. У насъ шли самыя серьезныя разсужденія о томъ, кто при предстоящемъ переворотѣ будетъ членомъ временнаго правительства, кто министромъ, кто командующимъ арміей. Не рѣдко слышались среди эмигрантовъ разговоры о томъ, что родина смотритъ на насъ, какъ на своихъ руководителей; что мы должны посвятить свою жизнь этой высокой цѣли и не имѣемъ

права тратить время и силы на обыкновенныя, буржуазныя занятія. Самое лучшее для насъ, это сходиться съ своими единомышленниками и обсуждать, что нужно для свободы и блага родины.

Долженъ сознаться, что я искренно раздѣлялъ надежду товарищей на предстоящее въ непродолжительномъ времени новое революціонное движеніе, но праздная жизнь эмигрантовъ скоро надоѣла мнѣ. Мнѣ страстно захотѣлось правильной и полезной умственной работы. Я началъ съ того, что сталъ подготовляться къ тѣмъ задачамъ, какія мнѣ придется исполнять при предстоящей новой войнѣ въ Германіи. Почти всѣ мои близкіе пріятели были прусскіе офицеры и превосходные преподаватели; съ ними я прошелъ критически наши походы въ Баденѣ по картѣ, которую самъ нарисовалъ. Въ связи съ этимъ я разработалъ цѣлый рядъ вопросовъ тактики и стратегіи по матеріаламъ и указаніямъ, которые мнѣ давали мои пріятели. Кромѣ того, моя старая любовь къ исторіи снова проснулась, мнѣ удалось найти доступъ къ одной библіотекѣ, въ которой были всѣ сочиненія Ранке и другія очень цѣнныя книги, и я вскорѣ погрузился въ исторію реформаціи.

Научныя занятія не мѣшали мнѣ бывать въ обществѣ эмигрантовъ. У насъ устроился политическій клубъ, который собирался разъ въ недѣлю, и я принималъ самое дѣятельное участіе въ тѣхъ преніяхъ, какія тамъ велись. Этотъ клубъ поддерживалъ постоянную переписку съ нашими единомышленниками на родинѣ, узнавалъ отъ нихъ о настроеніи народа и обо всемъ, что могло служить предвозвѣстникомъ наступающей революціи. Въ то время у меня уже мелькала иногда мысль, что, быть можетъ, эта революція вспыхнетъ позже, чѣмъ мы предполагаемъ, и я началъ создавать планы своей будущей личной жизни. Ходилъ слухъ, что швейцарское правительство намѣрено основать въ Цюрихѣ большой обще-государственный университетъ. Я думалъ, что, если новая нѣмецкая революція не скоро наступитъ,—мнѣ, можетъ быть, удастся устроиться приватъ-доцентомъ при этомъ университетѣ, а съ теченіемъ времени получить и профессорскую каѳедру. Пока же я взялся писать корреспонденціи и статьи въ Кельнскую газету, редакторомъ которой былъ мой пріятель ф. Германъ Бекеръ. Плата за эти статьи давала мнѣ возможность удовлетворять мои болѣе, чѣмъ скромныя потребности. Такимъ образомъ, въ моемъ туманномъ будущемъ являлись нѣкоторые просвѣты.

По всей вѣроятности, въ концѣ концовъ, мнѣ бы удалось устроиться преподавателемъ, если не при Цюрихскомъ университетѣ, то при какомъ-либо другомъ учебномъ заведеніи, но тутъ случилось одно обстоятельство, которое нарушило мирное теченіе моей жизни и дало ей совсѣмъ иное направленіе. Выше я уже упоминалъ, что въ одной битвѣ передъ самой осадой Раштата Кинкель былъ раненъ въ голову и захваченъ пруссаками. Его отвезли сначала въ Карлсруэ, а потомъ, когда возстаніе было усми-

рено, въ Раштатскую крѣпость, гдѣ его долженъ былъ судить военный судъ вмѣстѣ съ прочими главарями пфальцско-баденскаго возстанія. 4 августа Кинкель явился на судъ, состоявшій изъ прусскихъ офицеровъ. Въ то время на смертные приговоры не скупились, и несомнѣнно, что, какъ главнокомандующій, такъ и прусское правительство желали и ожидали смертнаго приговора для Кинкеля. Но Кинкель въ значительной степени самъ велъ свою защиту и противъ удивительнаго обаянія его краснорѣчія не могли устоять даже офицеры, проникнутые духомъ военнаго права и твердой вѣрой въ неограниченную власть короля: вмѣсто смерти они приговорили его къ пожизненному заключенію въ крѣпости.

Друзьямъ Кинкеля, поклонникамъ поэта, можно сказать, большинству нѣмецкаго народа этотъ приговоръ показался страшно жестокимъ. Но прусское правительство было имъ не довольно, какъ слишкомъ мягкимъ. Прошелъ слухъ, что, вслѣдствіе какихъ то формальныхъ упущеній, приговоръ будетъ кассированъ и надъ Кинкелемъ назначенъ новый военный судъ. Цѣлыя недѣли пришлось несчастному ждать со страхомъ и надеждой, будетъ ли утвержденъ или отвергнутъ приговоръ, пока, наконецъ, 30 сентября появилось слѣдующее оффиціальное сообщеніе: «Бывшій профессоръ и ополченецъ въ вольныхъ отрядахъ, Іоганъ Готфридъ Кинкель изъ Бонна, сражавшійся вмѣстѣ съ баденскими инсурентами противъ прусскихъ войскъ, приговоренъ засѣдавшемъ въ Раштатѣ военнымъ судомъ къ лишенію права на прусскую національную кокарду и, взамѣнъ смертной казни, къ пожизненному заключенію въ крѣпости. Для опредѣленія, вполнѣ ли законенъ этотъ приговоръ, я передалъ его королевскому аудиторіату, который нашелъ его незаконнымъ и представилъ его величеству королю для отмѣны. Его королевскому величеству угодно было по своему милосердію утвердить приговоръ съ условіемъ, чтобы вышеупомянутый Кинкель отбывалъ наказаніе не въ крѣпости, а въ гражданскомъ домѣ заключенія. Согласно съ симъ высочайшимъ повелѣніемъ, приговоръ военнаго суда утвержденъ мною съ тѣмъ, чтобы вышеупомянутый Кинкель, подлежащій въ наказаніе за вооруженное возстаніе лишенію прусской національной кокарды и пожизненному заключенію въ крѣпости, былъ во исполненіе приговора переведенъ въ смирительный домъ, о чемъ и доводится до всеобщаго свѣдѣнія. Главная квартира. Фрейбургъ, 30 сент. 1849 г. Командующій первымъ армейскимъ корпусомъ королевской прусской дѣйствующей арміи на Рейнѣ, генералъ ф. Гиршфельдъ».

Это неслыханное сообщеніе вызвало величайшее негодованіе даже во многихъ изъ тѣхъ, кто не раздѣлялъ политическихъ мнѣній Кинкеля и не одобрялъ его образа дѣйствій. Приговоръ, произнесенный съ соблюденіемъ всѣхъ формальностей, признанъ незаконнымъ потому только, что онъ не постановлялъ смертной казни. Считалось милостью со стороны короля то, что онъ, утвер-

дивъ «незаконный приговоръ», замѣнилъ заключеніе въ крѣпости заключеніемъ въ смирительномъ домѣ. А между тѣмъ, при заключеніи въ крѣпости подъ военную стражу, арестованный сохранялъ свое имя, свою одежду, свое званіе и встрѣчалъ со стороны тюремщика обращеніе, соотвѣтственное этому званію, иногда даже ему разрѣшали продолжать его обычную умственную дѣятельность,—это было заключеніе, а не позоръ, не пытка. Наоборотъ, въ смирительномъ домѣ арестованный содержался наравнѣ съ ворами, мошенниками и убійцами; ему брили голову, его одѣвали въ арестантскую куртку, онъ терялъ свое имя и значился просто подъ извѣстнымъ нумеромъ; въ случаѣ какого-нибудь нарушенія дисциплины, онъ могъ быть подвергнутъ наказанію палочными ударами, онъ долженъ былъ отказаться отъ всякаго умственнаго труда и вмѣсто того исполнять отупляющую обязательную работу. «Милость» короля не избавляла Кинкеля отъ смертной казни,—о ней не было рѣчи въ приговорѣ,—а вмѣсто крѣпости осуждала его на заключеніе въ смирительномъ домѣ, его, поклонника и знатока искусства, который открылъ міръ прекраснаго для стольких молодыхъ умовъ, поэта, произведенія котораго доставили высокое наслажденіе столькимъ сердцамъ, его, этого мягкаго жизнерадостнаго человѣка, который только изъ увлеченія любовью къ свободѣ и родинѣ сдѣлалъ то, что было вмѣнено ему въ преступленіе. Онъ оказался въ числѣ побѣжденныхъ въ борьбѣ и по закону долженъ былъ понести наказаніе, но здравый смыслъ даже его политическихъ противниковъ возмущался противъ жестокаго произвола, который, вопреки приговору военнаго суда, лишалъ его не только свободы, но и чести. Даже смертная казнь, не посягнувшая на его человѣческое достоинство, была бы менѣе безчеловѣчна, чѣмъ подобная «милость».

Кинкеля помѣстили сначала въ баденскую тюрьму, въ Брухзалѣ, а затѣмъ перевели въ смирительный домъ въ Наугардѣ, въ Помераніи. Очевидно, его старались держать подальше отъ рейнскихъ провинцій, гдѣ у него было особенно много поклонниковъ. Съ бритой головой, въ сѣрой арестантской курткѣ, долженъ онъ былъ цѣлые дни заниматься мотаньемъ шерсти. По воскресеньямъ онъ долженъ былъ самъ мыть свою камеру. Всякая умственная дѣятельность по возможности воспрещалась ему. Пищу онъ получалъ такую же, какъ прочіе арестанты. Со дня прибытія въ Наугардъ, 8 октября 1849 г., до апрѣля 1850 г. онъ получилъ всего только одинъ фунтъ мяса. Впрочемъ, онъ, повидимому, скоро расположилъ къ себѣ сердце начальника тюрьмы, и обращеніе съ нимъ стало лучше. Ему дѣлали иногда небольшія поблажки: позволяли чаще, чѣмъ другимъ, писать письма къ женѣ, при чемъ, конечно, всѣ письма препровождались директору незапечатанными; его избавили отъ мытья камеры; ему передали конфекты, которыя родные прислали ему къ Рождеству. Но раз-

матывать шерсть онъ всетаки былъ обязанъ. Штрадманъ, въ то время еще бывшій студентомъ въ Боннѣ, написалъ стихотвореніе: «Пѣсня мотальщика», въ которомъ старался вызвать симпатію народа къ Кинкелю; за это стихотвореніе его немедленно исключили изъ университета.

Между тѣмъ, въ Кельнѣ готовился процессъ участниковъ майскаго похода изъ Бонна въ Зигбургъ, и въ началѣ 1850 года распространился слухъ, что правительство намѣрено весной привезти Кинкеля изъ Наугарда въ Кельнъ, чтобы судить его по Зигбургскому дѣлу и подвергнуть новому наказанію.

Въ февралѣ 1851 г. я получилъ письмо отъ г-жи Кинкель. Въ пламенныхъ выраженіяхъ описывала она мнѣ ужасное положеніе мужа и горе его семьи. Но, какъ женщина энергичная, она писала не съ безпомощнымъ отчаяньемъ, умѣющимъ только ломать руки и слабодушно покоряться всесильной судьбѣ. Мысль, что возможно найти средство освободить мужа, занимала ее день и ночь. Она уже нѣсколько мѣсяцевъ вела переписку съ надежными друзьями и старалась возбудить ихъ къ энергической дѣятельности. Нѣкоторые изъ нихъ обсуждали вмѣстѣ съ нею разные планы бѣгства, другіе предоставляли въ ея распоряженіе денежныя средства. Но, писала она мнѣ, никто не рѣшался взять на себя это дѣло. Ей нуженъ другъ, мужественный, ловкій и настойчивый, который захотѣлъ бы посвятить свои силы дѣлу освобожденія и не оставлять его, пока не добьется успѣха. Она сама взялась бы за это, но боится, что появленіе ея близко отъ мѣста заключенія мужа вызоветъ подозрѣніе и заставитъ усилить мѣры охраны. Необходимо дѣйствовать скорѣй, пока мучительное тюремное заключеніе не подорвало окончательно умственныя и физическія силы Кинкеля. Затѣмъ она сообщила мнѣ, что, судя по слухамъ, Кинкель будетъ въ апрѣлѣ привезенъ въ Кельнъ на судъ присяжныхъ по Зигбургскому дѣлу и, можетъ быть, тогда представится благопріятный случай сдѣлать попытку къ его освобожденію. Она просила моего совѣта, такъ какъ довѣряла и моей дружбѣ, и моей разсудительности.

Въ ночь послѣ полученія этого письма я долго не спалъ. Между строкъ его я прочелъ вопросъ, не соглашусь ли я самъ взяться за это рискованное дѣло. Этотъ вопросъ не давалъ мнѣ покоя. Я постоянно видѣлъ передъ собой Кинкеля въ арестантской курткѣ за мотовиломъ, и эта картина была мнѣ невыносима. Какъ другъ, я былъ всѣмъ сердцемъ преданъ ему; кромѣ того, я вѣрилъ, что при своихъ умственныхъ способностяхъ, своемъ энтузіазмѣ и рѣдкомъ краснорѣчіи, онъ можетъ еще оказать большія услуги дѣлу родины и свободы. Желаніе вернуть его Германіи и семьѣ охватило меня съ непреодолимой силой. Я рѣшилъ сдѣлать попытку и, успокоившись на этомъ рѣшеніи, заснулъ, наконецъ.

На слѣдующее утро я сталъ обдумывать все дѣло въ подробностяхъ. Какъ теперь, помню я это утро. У меня являлось сомнѣніе съ двухъ сторонъ. Во-первыхъ, способенъ ли я успѣшно довести до конца такое трудное предпріятіе? Но г-жа Кинкель, которой это дѣло всего ближе касается, повидимому, считаетъ меня способнымъ, разъ она мнѣ довѣряетъ, къ чему же сомнѣваться? Во-вторыхъ, какъ отнесутся ко мнѣ другія лица, которыя будутъ помогать мнѣ, захотятъ ли они оказать довѣріе слишкомъ молодому человѣку? Впрочемъ, я могу постараться заслужить ихъ довѣріе своими обдуманными и рѣшительными дѣйствіями. Къ тому же я, какъ молодой, незначительный и мало извѣстный человѣкъ, скорѣй останусь незамѣченнымъ, чѣмъ болѣе пожилой и болѣе видный дѣятель, и потому могу съ меньшею опасностью заглянуть въ львиную пасть. И, наконецъ, согласятся ли болѣе пожилые, опытные и разсчетливые люди сдѣлать все, что необходимо для разрѣшенія задачи? Всего вѣроятнѣе, что не согласятся. Нѣтъ, конечно, за это дѣло долженъ взяться не иначе, какъ человѣкъ молодой. Въ концѣ концовъ моя молодость представилась мнѣ скорѣй выгоднымъ, чѣмъ невыгоднымъ условіемъ.

Второе сомнѣніе мое касалось родителей. Послѣ всего что они выстрадали изъ-за меня, имѣю ли я право еще разъ ставить на карту свою жизнь и свободу, когда мнѣ только что удалось избавиться отъ страшной опасности? Одобрятъ ли они меня? Одно было мнѣ ясно: я не могу въ данномъ случаѣ спрашивать родителей о ихъ согласіи, потому что при этомъ мнѣ пришлось бы вести переписку о своемъ планѣ, а такая переписка, подлежащая всевозможнымъ случайностямъ, легко можетъ испортить все дѣло. Нѣтъ ради успѣха предпріятія, оно должно оставаться тайнымъ; никто, кромѣ участниковъ, не долженъ ничего о немъ знать, и даже самимъ участникамъ слѣдуетъ открывать его по возможности частями. Своимъ домашнимъ я даже на словахъ не стану о немъ разсказывать; какой-нибудь разговоръ между ними, случайно подслушанный непосвященнымъ, можетъ открыть все дѣло. Я долженъ самъ рѣшить вопросъ о согласіи родителей, и я очень скоро рѣшилъ его въ утвердительномъ смыслѣ. Они были горячіе поклонники Кинкеля и очень любили его. Они были хорошіе патріоты. Мать, которая въ прошломъ году сама подала мнѣ саблю, навѣрно, сказала бы: «Иди, спаси своего друга». Такимъ образомъ, всѣ мои сомнѣнія были разрѣшены.

Я въ тотъ же день написалъ г-жѣ Кинкель, что, по моему мнѣнію, она ухудшитъ судьбу мужа, если допуститъ какія-либо попытки къ его освобожденію въ Кельнѣ, во время Зигбургскаго процесса, такъ какъ начальство, несомнѣнно, приметъ самыя строгія мѣры охраны. Пусть она лучше бережетъ всѣ средства, находящіяся въ ея распоряженіи, и терпѣливо ждетъ, пока ея другъ снова напишетъ ей. Письмо мое было составлено такимъ обра-

зомъ, что она могла понять его, но если бы оно попало въ чужія руки, никто не догадался бы о моемъ намѣреніи. Такъ какъ она знала мой почеркъ, то я подписался чужимъ именемъ и адресовалъ письмо на имя третьяго лица, которое она мнѣ указала. Я тогда же рѣшилъ съѣздить къ ней въ Боннъ и лучше на словахъ переговорить обо всѣхъ подробностяхъ.

Немедленно приступилъ я къ подготовительнымъ шагамъ. Я написалъ своемъ двоюродному брату Гериберту Юссенъ, жившему въ Линдѣ, около Кельна, и примѣты котораго во всѣхъ главныхъ чертахъ сходились съ моими, чтобы онъ досталъ себѣ паспортъ для путешествія внутри страны и за границу и прислалъ его мнѣ. Черезъ нѣсколько дней паспортъ былъ у меня въ рукахъ. и я могъ, какъ всякій обыкновенный, ни въ чемъ не заподозрѣнный обыватель, свободно разъѣзжать всюду, гдѣ меня лично не знали. Затѣмъ мнѣ слѣдовало постараться извлечь какъ можно больше пользы изъ своего знакомства съ эмигрантами, не наводя пріятелей на слѣдъ своего предпріятія. Я далъ понять предсѣдателю нашего клуба, что готовъ съѣздить въ разные города Германіи, какъ уполномоченный партіи, чтобы организовать тайныя отдѣленія нашего клуба и установить ихъ сношенія со швейцарскимъ комитетомъ. Это предложеніе было встрѣчено съ большимъ удовольствіемъ, мнѣ дали подробныя инструкціи и длинный списокъ лицъ, которымъ можно было довѣриться въ Германіи. Такимъ образомъ, все было готово къ моему отъѣзду, и такъ какъ я, въ качествѣ уполномоченнаго, долженъ былъ уѣхать тайно, то мои друзья нашли вполнѣ естественнымъ, что я въ половинѣ марта, ни съ кѣмъ не простившись, вдругъ исчезъ изъ Цюриха.

XIII.

Впослѣдствіи разсказывали, будто я въ то время проѣхалъ Германію переодѣтый такъ, что меня нельзя было узнать. Это совершенная неправда. Напротивъ, я считалъ самымъ безопаснымъ ѣхать въ своемъ собственномъ видѣ и держать себя какъ можно непринужденнѣе въ сношеніяхъ съ посторонними. Конечно, я не заводилъ лишнихъ знакомствъ и старался не обращать на себя вниманія окружающихъ. Изъ Базеля я проѣхалъ черезъ великое герцогство Баденское, мимо крѣпости Раштада и остановился во Франкфуртѣ, гдѣ жили многія лица, обозначенныя въ спискѣ, который я получилъ отъ предсѣдателя нашего клуба. Я посѣтилъ ихъ, получилъ отъ нихъ свѣдѣнія о положеніи дѣлъ въ этой части Германіи и сообщилъ обо всемъ слышанномъ моимъ швейцарскимъ довѣрителямъ. Вообще, я точно слѣдовалъ даннымъ мнѣ инструкціямъ, и такимъ образомъ мнѣ удалось поддержать то общее мнѣніе о цѣли моей поѣздки, которое создалось въ Цюрихѣ. Я посѣ-

тилъ цѣлый рядъ городовъ: Висбаденъ, Крейцнахъ, Биркенфельдъ, Триръ, гдѣ я находилъ единомышленниковъ и завязывалъ новыя связи. Всюду были люди, которые надѣялись посредствомъ тайныхъ сообществъ снова вызвать революціонное движеніе. По Мозелю я спустился до Кобленца, тамъ вечеромъ сѣлъ въ дилижансъ и доѣхалъ до Годесберга, откуда пришелъ пѣшкомъ въ Боннъ, въ 3 часа ночи. Къ счастью, у меня сохранился отъ студенческаго времени свой собственный ключъ въ квартиру родителей. Я вошелъ туда потихоньку и очутился въ спальнѣ. Они оба крѣпко спали. Я немножко посидѣлъ на стулѣ и, когда стало разсвѣтать, разбудилъ ихъ. Ихъ удивленіе при видѣ меня не поддается описанію. Они просто глазамъ своимъ не вѣрили. Затѣмъ удивленіе смѣнилось живѣйшею радостью. Мать нашла, что хотя у меня видъ нѣсколько утомленный, но совершенно здоровый, и тотчасъ же начала хлопотать о завтракѣ. Я въ короткихъ словахъ объяснилъ мнимую цѣль своего пріѣзда, и отецъ, который очень гордился мною, тотчасъ же сталъ разспрашивать, съ кѣмъ я хочу сегодня повидаться. Мнѣ было очень трудно убѣдить его, что мой пріѣздъ въ Боннъ слѣдуетъ ото всѣхъ держать втайнѣ, что мнѣ можно видѣться только съ самыми близкими и надежными людьми.

Къ счастью, случилось, что г-жа Кинкель въ это же утро зашла навѣстить моихъ родителей, — она дѣлала это довольно часто,—и мнѣ удалось поговорить съ ней съ глазу на глазъ. Я сказалъ ей, что готовъ взяться за освобожденіе Кинкеля, если она отдастъ все дѣло исключительно въ мои руки, не будетъ поручать его никому другому, никому не будетъ называть меня и удовольствуется тѣми извѣстіями о ходѣ предпріятія, какія я самъ найду возможнымъ давать ей. Горячо благодарила она меня за мою дружбу и обѣщала исполнить всѣ мои условія. Мы съ ней сговорились о томъ, что дѣлать и чего не дѣлать въ ближайшее время, и я далъ ей рецептъ симпатическихъ чернилъ, съ помощью которыхъ мы могли переписываться въ случаѣ надобности.

Послѣ свиданія съ г-жею Кинкель главная цѣль моего пріѣзда въ Боннъ была достигнута, и я могъ спокойно провести нѣсколько дней въ кругу семьи. Съ своими ближайшими друзьями-студентами, я тоже повидался въ домѣ одного изъ нихъ. Къ сожалѣнію, очень скоро слишкомъ много пріятелей узнало о моемъ пріѣздѣ, и я нашелъ, что для меня будетъ безопаснѣе исчезнуть изъ Бонна. Двоюродный братъ, тотъ самый Герибертъ Юссенъ, который далъ мнѣ свое имя и паспортъ, отвезъ меня ночью въ своемъ экипажѣ въ Кельнъ. Прощанье съ родителями, братьями и сестрами было тяжело, но они безъ большой тревоги смотрѣли на мой отъѣздъ. Такъ же, какъ и мои швейцарскіе друзья, они были увѣрены, что я пріѣхалъ въ Германію исключительно по порученію цюрихскаго комитета. Мы съ ними часто говорили объ ужасной судьбѣ Кин-

келя и родители много разъ высказывали желаніе, чтобы кто-нибудь сдѣлалъ попытку освободить его. Конечно, при этомъ они не меня имѣли въ виду, но это укрѣпило меня въ убѣжденіи, что они одобрили бы мое намѣреніе. Несмотря на сильное желаніе, я всетаки ни однимъ словомъ не проговорился о немъ: мнѣ казалось, что полнѣйшая тайна была однимъ изъ условій успѣха.

Въ Кельнѣ я нашелъ себѣ безопасное помѣщеніе въ гостиницѣ, которую содержалъ одинъ преданный демократъ. Бекеръ, редакторъ демократической газеты, въ которой я сотрудничалъ, принялъ меня подъ свое покровительство. Я съ нимъ познакомился и близко сошелся, когда былъ еще студентомъ. Онъ состоялъ не только редакторомъ газеты, но и предсѣдателемъ демократическаго союза въ Кельнѣ, и я былъ увѣренъ, что, если есть предположеніе попытаться освободить Кинкеля во время Зигбургскаго процесса, ему это будетъ извѣстно. Дѣйствительно, Бекеръ съ полною откровенностью разсказалъ мнѣ, какіе по этому поводу строились планы и прибавилъ: рѣшительно всѣ говорятъ, что необходимо что-нибудь сдѣлать. Для меня было ясно, что, разъ «всѣ объ этомъ говорятъ», попытка не будетъ удачной, и я былъ очень радъ, что Бекеръ раздѣлялъ мое мнѣніе. Значитъ, въ Кельнѣ не будетъ сдѣлано ничего, что помѣшало бы осуществленію моего плана.

Вскорѣ друзья мои съ чисто кельнскимъ добродушіемъ сообщили о моемъ пребываніи въ городѣ такой массѣ лицъ, и меня такъ часто стали уговаривать посѣщать среди бѣлаго дня разныя общественныя собранія, что я счелъ за лучшее уѣхать. Я сѣлъ на ночной поѣздъ, который черезъ Ахенъ ѣхалъ въ Брюссель, а оттуда отправился въ Парижъ. Бекеръ былъ увѣренъ, что я поѣхалъ во Францію, чтобы завязать сношенія съ тамошними нѣмецкими эмигрантами и чтобы писать корреспонденціи въ его газету; что я, можетъ быть, проживу тамъ нѣсколько времени ради своихъ занятій исторіей. На самомъ дѣлѣ мнѣ нужно было, главнымъ образомъ, пробыть въ какомъ-нибудь безопасномъ мѣстѣ, пока идетъ Зигбургскій процессъ въ Кельнѣ, и Кинкель будетъ снова водворенъ въ Наугардъ или въ какую-нибудь другую тюрьму, чтобы я могъ застать его на опредѣленномъ мѣстѣ и начать тамъ свою работу.

Утромъ 12 апрѣля Кинкеля вывезли изъ Наугарда въ сопровожденіи трехъ полицейскихъ, и 13-го онъ уже былъ въ Кельнѣ. Во время дороги его заставили надѣть пальто и черненькую шапочку. Но въ Кельнской тюрьмѣ его снова одѣли въ сѣрую арестантскую куртку. Черезъ нѣсколько дней г-жѣ Кинкель дали свиданіе съ мужемъ, конечно, въ присутствіи тюремныхъ надзирателей. Она взяла съ собой своего шестилѣтняго сына, и мальчикъ не узналъ въ этомъ бритомъ, исхудаломъ, безобразно одѣтомъ человѣкѣ своего отца, пока не услышалъ его голоса.

Разбирательство дѣла началось въ судѣ присяжныхъ 29 апрѣля.

Десять человѣкъ обвинялись въ «покушеніи на ниспроверженіе существующаго государственнаго строя, въ возбужденіи гражданъ или жителей государства къ вооруженному возстанію противъ королевской власти и къ междоусобной войнѣ, посредствомъ вооруженія или призыва къ вооруженію гражданъ или жителей государства».

Изъ числа этихъ десяти четверо, Готфридъ Кинкель, Ансельмъ Унгеръ, Лудвигъ Мейеръ и Іоганъ Бюль, были въ рукахъ правительства, остальные шесть, Фридрихъ Аннеке, Іосифъ Герордъ, Фридрихъ Каммъ, Матіасъ Рингъ, Францъ Іосифъ Клюкеръ и Карлъ Шурцъ, скрывались.

Населеніе Кельна находилось въ сильнѣйшемъ возбужденіи. Съ ранняго утра въ тотъ день, когда долженъ былъ начаться процессъ, вокругъ зданія толпилась масса народа, который хотѣлъ еще разъ увидѣть Кинкеля, поэта, борца за свободу, «по милости» короля засаженнаго въ смирительный домъ, хотѣлъ выразить ему свое сочувствіе. Власти, съ своей стороны, приняли всѣ мѣры, чтобы сдѣлать невозможной всякую попытку къ освобожденію его. Карета, въ которой везли Кинкеля изъ тюрьмы въ судъ, сопровождалась отрядомъ кавалеріи съ саблями на-голо.

Улицы, по которымъ онъ проѣзжалъ, всѣ входы въ зданіе суда были оцѣплены штыками. На площади, передъ этимъ зданіемъ стояли двѣ пушки съ зарядными ящиками. При нихъ находились артиллеристы въ боевой готовности. Несмотря на все это, когда явился Кинкель, собравшійся народъ привѣтствовалъ его громкими криками. Арестанта опять одѣли въ обыкновенное платье. По дорогѣ онъ какъ то тупо и безучастно смотрѣлъ на все окружающее. Видъ толпы и ея крики снова оживили его. Гордо и смѣло поднявъ свою бритую голову, прошелъ онъ между плотно сомкнувшимися рядами солдатъ отъ кареты до суда, и при этомъ раскланивался въ обѣ стороны. Въ залѣ суда г-жа Кинкель уже съ утра заняла мѣсто и удержала его на все время, пока длился процессъ. По обвинительному акту Кинкелю грозила смертная казнь.

Судебное разбирательство шло обычнымъ порядкомъ; показанія многочисленныхъ свидѣтелей подтверждали факты, разсказанные нами выше. Прокуроръ и адвокаты подсудимыхъ вели пренія хотя искусно, но холодно; Лудвигъ Мейеръ произнесъ смѣлую рѣчь, и, наконецъ, 2 мая Кинкель самъ началъ свою защиту.

Всѣ присутствовавшіе, можно сказать весь народъ, съ нетерпѣніемъ ждали, что онъ скажетъ. Произнесетъ ли онъ смиренно покаянную рѣчь, явится ли онъ нравственно разбитымъ и потому неопаснымъ человѣкомъ, чтобы такой цѣной купить себѣ оправданіе? Или онъ броситъ вызовъ насилію, смѣло признается во всемъ, къ чему стремился, что дѣлалъ, и, такимъ образомъ, лишится послѣдняго шанса сколько-нибудь смягчить свою тяжелую судьбу?

Отвѣтъ, который дала на этотъ вопросъ защитительная рѣчь Кинкеля, былъ исполненъ достоинства и въ то же время необыкновенно трогателенъ. Онъ началъ съ краткаго изображенія положенія Германіи послѣ мартовской революціи 1848 г. Въ то время народъ завоевалъ себѣ верховныя права. Эти права воплотились въ учредительныхъ собраніяхъ, избранныхъ на основаніи всеобщей подачи голосовъ, въ прусскомъ національномъ собраніи и въ общегерманскомъ парламентѣ, засѣдавшемъ во Франкфуртѣ. Всѣ такимъ образомъ понимали ихъ роль. Франкфуртскій парламентъ проявилъ большую увѣренность. Онъ создалъ Великую хартію народныхъ правъ и общегерманскую конституцію; а хранителемъ этой Великой хартіи и вмѣстѣ съ тѣмъ императоромъ онъ избралъ короля прусскаго, того самаго короля, который въ мартѣ 1848 года сталъ во главѣ объединительнаго движенія. На осуществленіи этой идеи покоятся всѣ великія надежды нѣмецкаго народа. Но король прусскій отказался принять императорскую корону и такимъ образомъ завершить національное объединеніе Германіи. Онъ распустилъ прусскую палату, которая убѣждала его принять корону, и этимъ уничтожилъ всякую возможность соглашенія, всякую надежду на соціальныя реформы. Послѣ этого оставалось одно: призвать народъ къ вооруженію. И онъ, обвиняемый, тоже взялся за оружіе и прямо заявляетъ судьямъ, что, по его убѣжденію, онъ поступалъ въ маѣ прошлаго года совершенно правильно, дѣйствовалъ такъ, какъ долженъ былъ дѣйствовать всякій честный человѣкъ.

Онъ пошелъ въ своихъ признаніяхъ еще дальше. Онъ назвалъ себя соціалистомъ.—«И какъ соціалистъ, продолжалъ Кинкель,—я демократъ: я вѣрю, что свои собственныя глубокія раны лишь самъ народъ можетъ чувствовать, очистить и излѣчить. Но такъ какъ я демократъ, такъ какъ я считаю, что только демократическое государство въ состояніи уничтожить нищету, то я вѣрю, что разъ народъ завоевалъ себѣ демократическія учрежденія, онъ не только имѣетъ право, онъ обязанъ защищать эти учрежденія всѣми средствами, не исключая пуль и острой стали. Въ этомъ смыслѣ я признаю себя сторонникомъ принципа революціи, тогда я проливалъ ради него кровь, теперь, преданный въ руки враговъ, я исповѣдаю его блѣдными губами плѣнника. Вотъ почему я убѣжденъ, что въ то время я и друзья, шедшіе со мной вмѣстѣ, мы поступали правильно, начавъ борьбу и принося ради нея тяжелыя жертвы. Мы видѣли передъ собой великую цѣль. Если бы мы побѣдили, мы сохранили бы нашему народу миръ съ самимъ собою и единство родины, эту основную идею германской революціи, этотъ ключъ къ позднѣйшему пріобрѣтенію счастія и величія. Милостивые государи, мы не побѣдили. Народъ не пошелъ на эту борьбу. Онъ покинулъ насъ, свой авангардъ. Послѣдствія этого падаютъ на нашу голову.»

Затѣмъ онъ сказалъ, что въ этой борьбѣ онъ не боялся сходиться съ людьми необразованными и двусмысленной репутаціи, такъ какъ «никогда не случалось, чтобы міровая идея страдала оттого, что ее исповѣдуютъ грѣшники и мытари». Онъ объяснилъ, что «опредѣленіе наказаній по Наполеонову кодексу, который въ то время считался закономъ въ рейнскихъ провинціяхъ, не можетъ примѣняться къ политическимъ преступленіямъ 1849 г.; этотъ кодексъ созданъ для военной неограниченной монархіи; что послѣ революціи 1848 г. нѣмецкій народъ пріобрѣлъ право составлять вооруженныя дружины и свободно выбирать предводителей ихъ, что это имѣло цѣлью создать для народа возможность отстаивать свои права противъ посягательства на нихъ свыше.»— «Намъ говорятъ:—Вы хотѣли ниспровергнуть существующую конституцію. Какую же именно? Новую, прусскую? Это и въ голову не приходило никому изъ насъ. Или франкфуртскую? Но мы выступили именно для защиты ея. Скажите по совѣсти, милостивые государи, мы ли покушались на конституцію? Говорятъ, мы хотѣли зажечь междоусобную войну? Кто осмѣливается утверждать это? Кто станетъ отрицать, что вооруженное возстаніе всего народа, настоящее массовое возстаніе могло бы безъ всякой междоусобной войны принудить правительство идти по пути прогресса? Предположимъ, что все, что приписываетъ намъ обвинительный актъ, справедливо, что мы дѣйствительно сговорились противопоставить насилію насиліе, мы вооружились, чтобы овладѣть цейхгаузомъ, мы раздавали оружіе для вооруженнаго возстанія,—и въ такомъ случаѣ насъ послѣ пораженія можно назвать только несчастными, а не виновными. Мы дѣлали все это не для ниспроверженія, а для поддержки колеблющагося строя; мы это дѣлали не для того, чтобы возбудить, а для того, чтобы предотвратить междоусобную войну, ту отвратительную междоусобицу, которая заставила изерлонскихъ запасныхъ биться на смерть съ нѣмецкими стрѣлками на башнѣ Дурлата, которая приговорила Дарту къ разстрѣлянію, а Корвина къ арестанскимъ работамъ. Мы не побѣдили, и вы знаете, что дѣлается въ Германіи. А если бы мы вышли побѣдителями въ этой борьбѣ, клянусь Богомъ, милостивые государи, вмѣсто плахи, которою грозитъ намъ сегодня прокуроръ на основаніи закона французскаго тирана, вы поднесли бы намъ вѣнокъ за гражданскія доблести».

Эта часть рѣчи была встрѣчена всѣми присутствовавшими въ залѣ съ удивленіемъ, нѣкоторыми съ восхищеніемъ. Предсѣдателю суда было очень трудно сдерживать бурю рукоплесканій, прорывавшуюся иногда. Но при этомъ всѣ чувствовали, что подсудимый, который такъ гордо и смѣло бросаетъ вызовъ господствующей власти, лишился всякой надежды на смягченіе своей участи. Продолженіе его рѣчи поразило слушателей неожиданностью. Въ нѣсколькихъ словахъ доказалъ Кинкель противорѣчія и слабые пункты

въ свидѣтельскихъ показаніяхъ и затѣмъ продолжалъ: «Единственное, что можетъ быть доказано, это, что я убѣждалъ гражданъ взяться за оружіе. Я вамъ разскажу, каково было это убѣжденіе. разскажу охотно, такъ какъ вамъ можетъ показаться страннымъ, что я до нѣкоторой степени отговаривалъ другихъ отъ предпріятія, въ которомъ самъ принялъ участіе. Съ полною яркостью вспоминается мнѣ это 10 мая! Этотъ день, въ который я, до тѣхъ поръ счастливѣйшій человѣкъ, сказалъ прости всему моему счастью, запечатлѣлся жгучими язвами въ моей душѣ. Бурныя волненія того тяжелаго времени разрывали мнѣ сердце; но въ пять часовъ дня я еще не принялъ никакого опредѣленнаго рѣшенія. Я пошелъ въ университетъ: я спокойно, какъ всегда, прочелъ свою лекцію,— это была послѣдняя. Въ 6 часовъ получены были извѣстія изъ Эльберфельда и Дюссельдорфа. Они зажгли огнемъ мою грудь. Я чувствовалъ, что насталъ часъ, когда я обязанъ дѣйствовать, какъ мнѣ велитъ моя честь. Изъ собранія я пошелъ къ себѣ домой. чтобы распрощаться со своими. Я простился съ своимъ мирнымъ жилищемъ, съ любимымъ дѣломъ которымъ я честно занимался двѣнадцать лѣтъ; простился съ женой, за обладаніе которой одинъ разъ чуть не поплатился жизнью, простился съ своими спавшими дѣтьми, которымъ и не снилось, что они въ эту минуту теряютъ отца. Но когда я вышелъ за порогъ дома на темнѣвшую улицу, я сказалъ себѣ: «Ты имѣешь право принять это рѣшеніе, потому что, каковы бы ни были послѣдствія его, идея и убѣжденіе всегда останутся тебѣ утѣшеніемъ. Но ты не имѣешь права увлекать другого мужа, другого отца на такое же ужасное рѣшеніе».

«Въ этомъ настроеніи вошелъ я на ораторскую трибуну, въ этомъ настроеніи убѣждалъ я не браться за дѣла тѣхъ, чье сердце не закалено, какъ мое—и эту то рѣчь обвинительный актъ называетъ непосредственнымъ призывомъ! Не думайте, милостивые государи, что я хочу растрогать васъ и вызвать ваше сожалѣніе. Да, я знаю, помилованіе 1849 г. показало мнѣ, что ваше «виновенъ» заключаетъ въ себѣ до нѣкоторой степени смертный приговоръ; и все таки я не прошу вашего состраданія. Я не прошу его для моихъ товарищей по процессу, такъ какъ имъ нужно не состраданіе а вознагражденіе за долгое незаслуженное тюремное заключеніе. Я не прошу его и для себя, мнѣ, конечно, дорого ваше сочувствіе, какъ гражданъ и какъ людей, но для меня ваше состраданіе, безполезно. Страданія, которыя мнѣ приходится выносить, такъ ужасны, что вашъ приговоръ не можетъ устрашить меня. Наказаніе, наложенное на меня судомъ, значительно усиленное тѣмъ, что я долженъ отбывать его въ одиночной камерѣ, жуткая тишина которой не прерывается трубнымъ звукомъ борьбы, въ которую не проникаетъ ни одинъ нѣжный взглядъ друга. Нѣмецкій писатель и учитель, который во многихъ сердцахъ зажегъ

любовь къ красотѣ и къ умственной дѣятельности, осужденъ медленно умирать за безсмысленной арестантской работой, лишенный всякихъ матеріаловъ для умственнаго труда. Какая нибудь отравительница, какой-нибудь закоренѣлый преступникъ, получивъ помилованіе, получаетъ съ тѣмъ вмѣстѣ право дышать воздухомъ Рейнскихъ береговъ, пить воду нашей зеленой рѣки—за эти пятнадцать дней я узналъ, какое счастье дышать воздухомъ, видѣть свѣтъ родной страны!—Меня держатъ далекій, мрачный, холодный сѣверъ, мнѣ не разрѣшается даже черезъ рѣшетку видѣть слезы жены, глядѣть въ ясные глазки дѣтей! Я не прошу у васъ состраданія. какъ бы ни былъ суровъ вашъ приговоръ, какъ ни кровава книга вашихъ законовъ: вы не можете ухудшить моего положенія. Человѣкъ, котораго здѣсь осмѣлились уличать въ трусости, такъ часто за послѣдніе годы смотрѣлъ въ глаза смерти въ самыхъ разнообразныхъ видахъ ея, смотрѣлъ совершенно равнодушно, что онъ не дрогнетъ и передъ гильотиной. Я не хочу вашего сострадація; но я требую отъ васъ признанія моего права, это признаніе лежитъ на вашей совѣсти, и такъ какъ я знаю, что вы. граждане присяжные, не можете отказать своему согражданину и землячу въ его правѣ, я съ полною увѣренностью жду отъ васъ слова: «невиновенъ». Я кончилъ; теперь ваша очередь судить».

Очевидцы разсказывали мнѣ о томъ впечатлѣніи, какое производили его слова. Сначала присутствовавшіе прислушивались къ нимъ, затаивъ дыханіе, но черезъ нѣсколько минутъ судьи въ своихъ высокихъ креслахъ, присяжные, публика, наполнявшая залъ, прокуроръ, говорившій обвинительную рѣчь. жандармы, сторожившіе подсудимыхъ, солдаты, штыки которыхъ блестѣли въ дверяхъ—всѣ разразились слезами и рыданьями. Послѣ рѣчи Кинкеля прошло нѣсколько минутъ, прежде чѣмъ предсѣдатель успокоился и могъ продолжать засѣданіе. Присяжные очень скоро вынесли свой приговоръ: «не виновны». Тогда въ залѣ поднялись шумные крики восторга, которые подхватила толпа, стоявшая у дверей суда, и которые разнеслись дальше по улицамъ города. Г-жа Кинкель бросилась къ мужу, чтобы обнять его. Полицейскій приказалъ жандармамъ, окружавшимъ Кинкеля,—удержать ее. Но Кинкель поднялся и произнесъ повелительнымъ голосомъ:

— Приди сюда, Іоганна! Поцѣлуй мужа! Это никто не смѣетъ запретить тебѣ!—Жандармы, какъ бы повинуясь высшей власти, разступились, и несчастная женщина бросилась въ объятія мужа.

Прочіе подсудимые могли свободно выйти изъ залы суда. Одинъ только Кинкель, который долженъ былъ отбывать ранѣе наложенное наказаніе, былъ быстро окруженъ солдатами, посаженъ въ карету и отвезенъ въ тюрьму среди восторженныхъ криковъ толпы и барабаннаго боя солдатъ.

Какъ можно было предвидѣть, начальство приняло всевозможныя мѣры, чтобы предотвратить въ Кельнѣ всякую попытку къ

его освобожденію. Кромѣ того, правительство рѣшило отвезти Кинкеля не въ Наугардъ, а въ Шпандау, вѣроятно потому, что въ Наугардѣ, какъ вообще во всей Помераніи, замѣтно было сильное сочувствіе къ несчастному. Чтобы обмануть друзей Кинкеля и избѣжать какихъ-нибудь непріятностей въ пути, сдѣлано было распоряженіе везти Кинкеля не по желѣзной дорогѣ, какъ ожидала публика, а въ каретѣ, въ сопровожденіи двухъ жандармовъ. Вывезли его тайно на другой день по окончаніи процесса. Но, именно благодаря всѣмъ этимъ мѣрамъ, для Кинкеля явилась возможность сдѣлать попытку къ бѣгству. Онъ разсказывалъ мнѣ о ней много времени спустя.

Какъ-то вечеромъ жандармы остановили карету около одной гостиницы въ вестфальской деревнѣ, гдѣ они собирались поужинать вмѣстѣ со своимъ арестантомъ. Кинкеля ввели въ комнату верхняго этажа, одинъ изъ жандармовъ оставался съ нимъ, а другой пошелъ внизъ чѣмъ-то распорядиться. Кинкель замѣтилъ, что дверь комнаты была слегка притворена и ключъ торчитъ въ замкѣ снаружи. У него мелькнула мысль воспользоваться этимъ обстоятельствомъ. Стоя у окна, онъ обратилъ вниманіе жандарма, сидѣвшаго подлѣ двери, на какой-то шумъ, слышавшійся съ улицы. Какъ только жандармъ подошелъ къ окну, онъ быстро выскочилъ изъ комнаты и заперъ дверь на ключъ. Затѣмъ онъ сбѣжалъ съ лѣстницы, выскочилъ черезъ заднiй ходъ во дворъ и пустился со всѣхъ ногъ бѣжать черезъ садъ и поле. Между тѣмъ стемнѣло. Вскорѣ бѣглецъ услышалъ за собою голоса, и, обернувшись, увидѣлъ въ отдаленіи огни, которые двигались то въ ту, то въ другую сторону. Очевидно его искали, за нимъ гнались, и онъ бѣжалъ, какъ сумасшедшій, все быстрѣе и быстрѣе. Вдругъ онъ ударился лбомъ о какой-то твердый предметъ и упалъ, оглушенный ударомъ.

Преслѣдователямъ его приходилось, между тѣмъ, тоже преодолѣвать нѣкоторыя затрудненія. Жандармъ, отъ котораго онъ убѣжалъ, хотѣлъ выскочить вслѣдъ за нимъ, но нашелъ дверь запертой. Онъ поспѣшилъ къ окну, но отъ волненія не могъ сразу открыть его. Тогда онъ ударомъ кулака разбилъ стекло и закричалъ людямъ, бывшимъ на улицѣ, что мошенникъ улизнулъ. Весь домъ пришелъ въ смятеніе. Жандармы разсказали хозяину и прислугѣ, что бѣжавшій извѣстный и очень опасный преступникъ изъ окрестностей Рейна, и что, кто его поймаетъ, тотъ, навѣрно, получитъ сто талеровъ награды. Крестьяне повѣрили ихъ словамъ. Ямщикъ, который везъ карету и вовсе не подозрѣвалъ, что въ ней сидитъ Кинкель, оказался наиболѣе дѣятельнымъ. Быстро принесли зажженные фонари, чтобы найти на дорогѣ слѣды бѣглеца, который незамѣтно исчезъ изъ дома и со двора. Вскорѣ ямщикъ напалъ на слѣдъ. Но благодаря всѣмъ этимъ препятствіямъ, Кинкель выигралъ достаточно времени. Къ со-

жалѣнію, этотъ выигрышъ оказался безполезнымъ, когда онъ наткнулся на сложенную полѣнницу дровъ и получилъ сильный ударъ въ голову отъ одного выступавшаго впередъ полѣна. Менѣе чѣмъ черезъ четверть часа, прежде чѣмъ онъ успѣлъ придти въ себя отъ этого удара, ямщикъ, искренне считавшій его разбойникомъ, нашелъ его и передалъ подоспѣвшимъ жандармамъ. Жандармы стали послѣ этого съ удвоеннымъ стараніемъ слѣдить за своимъ арестантомъ, пока ворота смирительнаго дома Шпандау не закрылись за нимъ.

Послѣ того, какъ улеглось волненіе, возбужденное Кельнскимъ процессомъ, и Кинкель, спокойно сидѣвшій въ смирительномъ домѣ, пересталъ на время возбуждать общественное вниманіе, я вернулся изъ Парижа въ Германію. Въ Парижѣ я получилъ новыя инструкціи отъ цюрихскаго комитета и добросовѣстно исполнилъ ихъ. Съ этою цѣлью я посѣтилъ многія мѣста Прирейнской области и Вестфаліи, присутствовалъ даже на съѣздѣ главарей демократической партіи въ Брауншвейгѣ.

Въ началѣ августа я вернулся въ Кельнъ и тамъ еще разъ видѣлся съ г-жею Кинкель. Она сообщила мнѣ, что сумма денегъ, собранныхъ для освобожденія ея мужа, значительно возрасла, и я нашелъ, что съ этимъ можно приступить къ дѣлу. Мы условились, что она пошлетъ эти деньги довѣренному лицу въ Берлинъ, и я буду брать ихъ по мѣрѣ надобности. Она разсказала мнѣ, что нашла средство незамѣтнымъ образомъ давать Кинкелю знать, если что-нибудь будетъ дѣлаться для его освобожденія. Она написала ему о своихъ занятіяхъ музыкой, и въ этомъ письмѣ большую роль играли разныя разсужденія о «фугѣ». Кинкель въ своемъ отвѣтѣ намекнулъ ей, понятно для нея, но совершенно непонятно для лицъ, цензуровавшихъ письма, что онъ обратилъ вниманіе на значеніе слова «фуга» (по латыни fuga, значитъ, бѣгство), и что ему очень интересно какъ можно больше узнавать объ этомъ предметѣ. Г-жа Кинкель обѣщала мнѣ быть какъ можно осторожнѣе въ своихъ письмахъ къ Кинкелю и не волновать его преждевременно, а также не безпокоиться, если я буду рѣдко писать ей. На этомъ мы разстались; и я отправился туда, гдѣ долженъ былъ начать дѣйствовать.

XIV.

11-го августа я пріѣхалъ въ Берлинъ. Такъ какъ мой паспортъ на имя Гериберта Юссена былъ въ полномъ порядкѣ, то полиція, строго слѣдившая за всѣми пріѣзжими, впустила меня въ городъ безъ всякихъ затрудненій. Я прежде всего разыскалъ своихъ университетскихъ пріятелей, которые изъ Бонна переселились въ Берлинъ. Имъ я открылъ свое имя, но, конечно, не цѣль своего

пріѣзда. Два изъ нихъ, Мюллеръ и Родесъ, бывшіе члены Боннской Франконіи, слушавшіе лекціи въ берлинскомъ университетѣ и занимавшіе квартиру на Маркграфской улицѣ, приняли меня очень радушно и предложили мнѣ жить у нихъ. Я выходилъ изъ дому и возвращался вмѣстѣ съ ними, такъ что полицейскіе того участка принимали меня за студента берлинскаго университета. Въ то время въ Берлинѣ былъ обычай, что жители наемныхъ квартиръ не имѣли ключа отъ подъѣзда дома, а должны были, возвращаясь домой поздно вечеромъ, обращаться къ ночному сторожу, который и открывалъ имъ дверь. Я тоже, возвращаясь ночью, звалъ этого сторожа, и онъ впускалъ меня въ гостепріимный домъ. Мы часто отъ души хохотали надъ берлинской полиціей, которая считаетъ себя всевѣдущей, а въ то же время охотно услуживала мнѣ, бѣглецу, скрывавшемуся преступнику. Дѣйствительно, это было довольно комично. Неудивительно, что при такихъ обстоятельствахъ я сталъ нѣсколько нахаленъ и позволялъ себѣ нѣкоторые неосторожные поступки, за которые могъ дорого поплатиться. Такъ, я не могъ устоять противъ искушенія пользоваться нѣкоторыми удовольствіями Берлина. Одно изъ этихъ удовольствій, доставлявшее мнѣ истинное наслажденіе, было для меня особенно опасно.

Знаменитая французская артистка Рашель была въ то время въ Берлинѣ, въ зенитѣ своей славы. Пріятели мои видѣли первое ея представленіе и вернулись изъ театра въ восторженномъ настроеніи. Мнѣ тоже захотѣлось посмотрѣть ее. Разсчитывая на то, что полиція не станетъ разыскивать политическихъ преступниковъ въ театрѣ, я забился въ самый темный уголъ партера и оттуда наслаждался чуднымъ зрѣлищемъ. Притягательная сила великой артистки была такъ велика, что я не могъ удовлетвориться однимъ разомъ, и сталъ ходить смотрѣть ее всегда, когда у меня былъ свободный вечеръ. При этомъ я не забывалъ принимать нѣкоторыя предосторожности. Мое мѣсто въ партерѣ было у самаго выхода, во время антрактовъ я держалъ бинокль около глазъ, какъ будто разсматривалъ сидѣвшихъ въ ложахъ, иногда даже полузакрывалъ лицо платкомъ, точно у меня болятъ зубы, а какъ только опускался занавѣсъ послѣ послѣдняго акта, я спѣшилъ выйти однимъ изъ первыхъ изъ театра. Все шло хорошо. Но одинъ разъ я чуть не попалъ въ бѣду: заключительная сцена взволновала меня болѣе обыкновеннаго, я не поторопился оставить театръ и очутился въ толпѣ выходящихъ. Вдругъ среди этой массы людей я увидѣлъ одного господина, который послѣ мартовской революціи былъ студентомъ въ Боннѣ, принадлежалъ къ нашему демократическому союзу, но своимъ страннымъ поведеніемъ возбудилъ подозрѣніе, что онъ служитъ въ полиціи. Я слыхалъ, что онъ въ Берлинѣ, и здѣсь отъ него сторонятся, какъ отъ подозрительной личности. И вотъ, среди этой толпы онъ очутился въ нѣсколькихъ шагахъ отъ меня и смотрѣлъ мнѣ прямо въ

глаза, какъ бы удивляясь, что встрѣтилъ меня здѣсь. Я пристально посмотрѣлъ на него, какъ будто, съ своей стороны, удивился, почему какой-то незнакомый человѣкъ такъ глядитъ на меня. Такъ простояли мы лицомъ къ лицу нѣсколько секундъ, не имѣя возможности двинуться. Затѣмъ толпа порѣдѣла, и я поспѣшилъ уйти. Это былъ мой послѣдній вечеръ въ театрѣ.

Немедленно, по пріѣздѣ въ Берлинъ, я познакомился со многими людьми, которыхъ мнѣ рекомендовала или г-жа Кинкель, или наша демократическая партія. Я нѣсколько времени присматривался къ нимъ самымъ тщательнымъ образомъ: мнѣ хотѣлось открыть настоящую цѣль моего пребыванія въ Берлинѣ только тѣмъ, кто въ состояніи былъ оказать мнѣ существенную помощь. Оказалось, что я могу сообщить свою тайну одному только доктору Фалькенталю, врачу, жившему въ предмѣстьѣ Моабитъ. Онъ еще раньше переписывался съ г-жею Кинкель. У Фалькенталя было много знакомыхъ въ Шпандау, и онъ свелъ меня съ хозяиномъ одной изъ тамошнихъ гостиницъ, Крюгеромъ, за котораго ручался, какъ за человѣка энергичнаго и вполнѣ надежнаго. Г. Крюгеръ пользовался въ Шпандау всеобщимъ уваженіемъ. Онъ нѣсколько лѣтъ служилъ своей общинѣ въ качествѣ члена совѣта, содержалъ лучшую въ городѣ гостиницу, былъ человѣкъ состоятельный, а своею честностью и общительнымъ характеромъ пріобрѣлъ общую любовь. Несмотря на разницу лѣтъ, мы съ нимъ скоро подружились. Я нашелъ въ немъ человѣка не только симпатичнаго, но и замѣчательно здравомыслящаго, осторожнаго на языкъ, твердаго и готоваго всѣмъ жертвовать для дѣла, которое онъ признаетъ полезнымъ. Онъ предложилъ мнѣ устроить въ своемъ домѣ мою главную квартиру.

Но я предпочиталъ не жить въ Шпандау: присутствіе чужого человѣка въ такомъ маленькомъ городкѣ не могло не обратить на себя вниманія. Мнѣ казалось безопаснѣе жить въ Берлинѣ, по крайней мѣрѣ, на время длинной подготовительной работы. Изъ Берлина въ Шпандау и обратно я ѣздилъ не по желѣзной дорогѣ, такъ какъ на Берлинскомъ вокзалѣ требовали паспортъ у всѣхъ пріѣзжихъ, даже по мѣстнымъ поѣздамъ. Хотя мой паспортъ на имя Герберта Юссена былъ въ полномъ порядкѣ, но слишкомъ частое предъявленіе его на линіи Шпандау-Берлинъ могло возбудить подозрѣніе какого-нибудь усерднаго полицейскаго. Я дѣлалъ обыкновенно такъ: подъ вечеръ проходилъ пѣшкомъ Бранденбургскія ворота, а затѣмъ въ Моабитѣ или Шарлотенбургѣ бралъ извозчика, при чемъ старался не нанимать нѣсколько разъ одного и того же.

Крюгеръ хорошо зналъ внутренніе распорядки въ смирительномъ домѣ Шпандау, а чего не зналъ, о томъ могъ безъ труда освѣдомиться у своихъ знакомыхъ, служившихъ въ этомъ учрежденіи. Прежде всего намъ предстояло рѣшать вопросъ, нельзя ли освободить Кинкеля силою. Я скоро убѣдился, что это невоз-

можно. Правда, вооруженная охрана смирительнаго дома состояла изъ небольшого количества солдатъ и изъ тюремныхъ стражей. Не особенно большая толпа рѣшительныхъ и хорошо вооруженныхъ людей могла захватить смирительный домъ, но бѣда въ томъ, что онъ находился внутри сильной крѣпости, съ многочисленнымъ гарнизономъ, и при первой тревогѣ къ мѣсту дѣйствія подоспѣлъ бы значительный отрядъ войска. Такого рода планъ былъ совершенно неисполнимъ. Мы знали не мало случаевъ, когда заключенные бѣжали изъ тюремъ, пропиливая рѣшетки оконъ или продѣлывая отверстія въ стѣнахъ, а друзья встрѣчали ихъ и помѣщали въ безопасное мѣсто. Но и этотъ планъ казался намъ сомнительнымъ, особенно въ виду неловкости Кинкеля во всѣхъ ручныхъ работахъ. Во всякомъ случаѣ, сначала надо было попробовать, нельзя ли добиться помощи одного или нѣсколькихъ служащихъ при смирительномъ домѣ.

По совѣту Крюгера я сообщилъ свою тайну еще двумъ знакомымъ ему молодымъ людямъ, которые были въ дружбѣ съ нѣкоторыми изъ тюремныхъ надзирателей. Звали ихъ одного Паритцъ, другого Леддинъ. Мы съ ними условились, что они приведутъ мнѣ того изъ надзирателей, котораго по ихъ мнѣнію легко можно подкупить. Эта часть предпріятія была мнѣ очень не по душѣ. Но я былъ на все готовъ, чтобы спасти своего бѣднаго друга. Мнѣ привели одного изъ надзирателей, назову его, пожалуй, Шмитъ, — въ отдѣльную комнату трактира и предоставили мнѣ вести съ нимъ переговоры. Онъ, какъ почти всѣ его сослуживцы, былъ раньше унтеръ-офицеромъ въ арміи и долженъ былъ на небольшое жалованье содержать довольно многочисленную семью. Я отрекомендовался ему, какъ купецъ, путешествовавшій по торговымъ дѣламъ и близкій знакомый семьи Кинкеля. Я описалъ ему горе жены и дѣтей о несчастномъ заключенномъ, который не вынесетъ тяжелой тюремной обстановки; я спросилъ у него, нельзя ли хоть иногда передавать Кинкелю болѣе здоровую пищу, кусочекъ мяса, глотокъ вина, чтобы поддержать его силы до тѣхъ поръ, пока король помилуетъ его. — Это, дѣйствительно, будетъ доброе дѣло, — согласился Шмитъ, правда опасное, но возможное. Надо будетъ посмотрѣть.

Я сунулъ ему въ руку бумажку въ пять таллеровъ и попросилъ на эти деньги купить для Кинкеля что-нибудь питательное, что можно безопасно передать. Мнѣ необходимо, сказалъ я, теперь по дѣламъ уѣхать изъ Шпандау, но я вернусь черезъ нѣсколько дней и, надѣюсь, онъ сообщитъ мнѣ, какъ себя чувствуетъ заключенный. Онъ можетъ быть увѣренъ, что я буду ему очень благодаренъ.

На этомъ мы разстались. Черезъ три дня я опять поѣхалъ въ Шпандау и видѣлся со Шмитомъ въ томъ же самомъ трактирѣ. Онъ разсказалъ мнѣ, что ему удалось передать Кинкелю колбасу и небольшой хлѣбецъ, и что онъ нашелъ заключеннаго въ добромъ

настроеніи. Онъ готовъ и на будущее время доставлять ему пищу. Понятно, я не хотѣлъ, чтобы онъ тратилъ на это собственныя деньги, и потому далъ ему еще десять таллеровъ. Но при этомъ я попросилъ его передать отъ меня маленькую записку Кинкелю и принести мнѣ отъ него отвѣтъ. Онъ и это обѣщалъ. Я написалъ на клочкѣ бумажки нѣсколько словъ безъ подписи, что-то въ родѣ: «Друзья остались тебѣ вѣрны, не унывай». Мнѣ не столько нужно было дать о себѣ вѣсть Кинкелю, сколько убѣдиться, что Шмитъ дѣйствительно исполнилъ мое порученіе, и что я могу продолжать вести съ нимъ дѣло.

Я опять уѣхалъ на нѣсколько дней изъ Шпандау. Когда я вернулся, Шмитъ пришелъ ко мнѣ такъ же, какъ въ первый разъ, и возвратилъ мнѣ мою записку съ однимъ словомъ «благодарю», написаннымъ рукою Кинкеля. Оказалось, слѣдовательно, что Шмитъ сдержалъ свое обѣщаніе, но при этомъ сдѣлалъ шагъ, который сильно его компреметтировалъ. Я подумалъ, что съ нимъ можно говорить откровеннѣе. Я сказалъ ему, что у меня явилась мысль, какъ было бы хорошо совершенно освободить Кинкеля отъ его тяжелаго положенія, и мнѣ хочется, прежде чѣмъ уѣзжать на Рейнъ, узнать, не согласится ли онъ, Шмитъ, помочь этому освобожденію. Шмитъ вскочилъ съ мѣста и не далъ мнѣ договорить. Это совершенно невозможно, о такого рода дѣлахъ онъ ничего и слышать не хочетъ!

По тому ужасу, какой возбудили въ немъ мои слова, я понялъ, что этотъ человѣкъ не годится для дѣла. Надобно было избавиться отъ него и въ тоже время заставить его молчать о нашихъ отношеніяхъ. Я выразилъ ему сожалѣніе о его отказѣ и прибавилъ, что если такой добрый и мужественный человѣкъ считаетъ всякую попытку къ освобожденію безнадежной, то я готовъ послушать его и отказаться отъ своего намѣренія. Я уѣду въ Рейнскую провинцію и больше сюда не вернусь. Потомъ я сталъ дѣлать темные намеки на таинственныхъ покровителей, которые если и не могутъ освободить Кинкеля, во всякомъ случаѣ сильно отомстятъ тѣмъ, кто донесетъ на него. Къ концѣ концовъ мнѣ удалось до того напугать Шмита, что онъ сталъ убѣдительно просить меня не сердиться на него. Я увѣрилъ его, что если онъ не станетъ никому разсказывать о нашихъ сношеніяхъ, то и я буду молчать о нихъ. Мало того, онъ можетъ разсчитывать впредь на мою благодарность, если послѣ моего отъѣзда онъ станетъ иногда доставлять питательную пищу Кинкелю. Онъ съ большою готовностью обѣщалъ мнѣ это, я вручилъ ему еще бумажку въ 10 таллеровъ, и мы съ нимъ навсегда распрощались.

Такимъ образомъ, первая попытка оказалась неудачной. Я нѣсколько дней ничего не предпринималъ, пока Крюгеръ и его знакомые, тщательно наблюдавшіе за служащими въ смирительномъ домѣ, не сообщили мнѣ, что Шмитъ не болтаетъ. Послѣ этого мои

шпандаускіе друзья привели ко мнѣ другого тюремнаго надзирателя. Я повелъ съ нимъ дѣло такъ же, какъ съ первымъ, и все шло отлично, пока я не поставилъ ему рѣшительнаго вопроса; онъ испугался такъ же, какъ первый, и я такъ же принужденъ былъ исчезнуть для него. Третій, котораго мнѣ привели, струсилъ при первомъ же разговорѣ, и мнѣ не пришлось дойти до рѣшительнаго вопроса.

Послѣ этого я счелъ за лучшее на время прекратить свои хлопоты, по крайней мѣрѣ, пока мы убѣдимся, что три встревоженные нами надзирателя держатъ языкъ за зубами. Въ то же время и жить въ Берлинѣ стало для меня не безопасно. Число пріятелей, знавшихъ о моемъ пребываніи тамъ, сильно возрасло, и слишкомъ часто приходилось мнѣ отвѣчать на вопросъ, зачѣмъ я собственно пріѣхалъ. Я поручилъ одному изъ своихъ друзей передать мой прощальный привѣтъ остальнымъ и уѣхалъ, никому не сказавъ, куда. На самомъ дѣлѣ я провелъ нѣсколько недѣль въ Гамбургѣ, у милѣйшаго Адольфа Штрадмана, въ полной безопасности, а въ концѣ сентября вернулся къ начатому дѣлу, но поселился не въ самомъ Берлинѣ, а въ предмѣстьѣ Моабитъ, у доктора Фалькенталя.

Въ Шпандау мнѣ сообщили, что тамъ все спокойно. Вообще моя тайна хорошо сохранялась. Для берлинскихъ пріятелей я исчезъ, неизвѣстно куда. Только одинъ изъ нихъ, студентъ-юристъ Дрейеръ встрѣтилъ меня одинъ разъ случайно въ Моабитѣ. Онъ заподозрилъ, въ чемъ дѣло, но на его скромность я могъ положиться. Въ то время даже докторъ Фалькенталь и Крюгеръ не знали моего настоящаго имени. Для нихъ я былъ, какъ значилось въ моемъ паспортѣ, Герибертъ Юссенъ, а сосѣди доктора Фалькенталя въ Моабитѣ считали меня за молодого медика, помощника доктора. Чтобы утвердить ихъ въ этомъ мнѣніи, я носилъ мѣшечекъ съ хирургическими инструментами, какой часто бываетъ у врачей. Изъ Моабита я попрежнему ѣздилъ въ Шпандау ночью.

По возвращеніи изъ Гамбурга, я не сразу нашелъ среди служащихъ въ смирительномъ домѣ того, кто мнѣ былъ нуженъ. Меня познакомили съ четвертымъ надзирателемъ, но онъ также соглашался самое большее доставлять иногда Кинкелю пищу или письма. Я уже началъ сильно сомнѣваться въ удобоисполнимости своего плана, какъ вдругъ явился именно такой человѣкъ, котораго я такъ долго, напрасно искалъ. Мои шпандаускіе друзья познакомили меня съ тюремнымъ надзирателемъ Бруне.

При первой же встрѣчѣ Бруне произвелъ на меня совсѣмъ не такое впечатлѣніе, какъ его сотоварищи. Онъ тоже служилъ прежде унтеръ-офицеромъ; ему, такъ же какъ и другимъ, приходилось содержать на свое скудное жалованье жену и дѣтей. Но въ его обращеніи не было ни тѣни смиренной покорности мелкаго служащаго. Когда я заговорилъ съ нимъ о Кинкелѣ и сказалъ, что хотѣлъ бы,

по крайней мѣрѣ, улучшить его пищу, Бруне не состроилъ смущенно жалкой физіономіи человѣка, который колеблется между исполненіемъ долга и десяти-талеровой бумажкой. Онъ заговорилъ твердо, какъ человѣкъ, который не стыдится того, что хочетъ сдѣлать. — Конечно, сказалъ онъ, я готовъ помочь ему, насколько могу.—Это просто срамъ, что такой ученый и хорошій господинъ сидитъ въ смирительномъ домѣ рядомъ съ самыми простыми негодяями. Если бы у меня не жена и не дѣти, я готовъ бы помочь ему выбраться отсюда.—Онъ былъ такъ искренно возмущенъ приговоромъ надъ Кинкелемъ, казался такимъ честнымъ, мужественнымъ и смѣлымъ, что я рѣшилъ идти съ нимъ прямо къ цѣли безъ всякихъ околичностей. Я прямо заявилъ ему, что, если его, главнымъ образомъ, заботятъ средства къ жизни семьи, то я въ состояніи обезпечить ихъ. Но въ такомъ случаѣ, согласенъ ли онъ содѣйствовать побѣгу Кинкеля?—Если только будетъ возможно, отвѣчалъ онъ, но это, видите ли, трудное и опасное дѣло. Я подумаю, можно ли, и какъ его устроить. Дайте мнѣ три дня сроку.

Эти три дня тянулись для меня нестерпимо долго. Я провелъ ихъ, не выходя изъ квартиры Фалькенталя, и, чтобы сократить себѣ время, читалъ «Трехъ мушкетеровъ» Дюма и «Исторію жирондистовъ» Ламартина. Но книга часто выпадала у меня изъ рукъ, и мысли мои уносились далеко отъ нея.

Вечеромъ на третій день я опять поѣхалъ въ Шпандау, и тяжелый камень свалился у меня съ души при первыхъ словахъ Бруне:—Я все обдумалъ,—сказалъ онъ. Кажется, можно наладить.

Я готовъ былъ обнять его. Бруне объяснилъ мнѣ, что ночью, когда онъ будетъ дежурнымъ въ верхнихъ этажахъ смирительнаго дома, а другой хорошо извѣстный ему надзиратель въ нижнихъ, онъ добудетъ необходимые ключи и выведетъ Кинкеля изъ воротъ зданія. Планъ, который онъ мнѣ подробно изложилъ, казался вполнѣ удобоисполнимымъ.

— Но,—прибавилъ Бруне,—придется немного подождать, пока все расположится, какъ слѣдуетъ. Въ ночь съ 5 на 6 ноября дежурные будутъ тѣ, какіе намъ нужны.

— Хорошо,—отвѣтилъ я,—мнѣ тоже нужно сдѣлать нѣкоторыя приготовленія.

Послѣ этого я разсказалъ Бруне, что я въ состояніи сдѣлать для его семьи. Въ моемъ распоряженіи находились деньги, собранныя отчасти нѣмецкими членами партіи, отчасти личными друзьями или поклонниками Кинкеля. Я имѣлъ возможность предложить Бруне достаточно для обезпеченія его семьи. Названная мною сумма удовлетворила его. На мой вопросъ, не желаетъ ли онъ, чтобы мы переправили въ Америку и его семью, и его самаго, онъ отвѣчалъ отрицательно: можетъ быть, онъ надѣялся, что его сообщничество останется не открытымъ, а можетъ быть, разсчитывалъ отбыть положенное наказаніе и остаться съ семьей на родинѣ.

Такимъ образомъ, мы съ нимъ окончательно сговорились. Надобно было приступить къ подготовительнымъ дѣйствіямъ. Г-жа Кинкель передала мнѣ, что я долженъ лично взять предназначенныя на дѣло деньги въ Берлинѣ, у одной ея подруги, родственницы знаменитаго Феликса Мендельсона-Бартольди. Былъ уже почти вечеръ, когда я пришелъ въ указанный домъ. Важный лакей, которому я назвалъ свое имя, Герибертъ Юссенъ, провелъ меня въ большую залу, гдѣ все, мебель, картины, книги, музыкальные инструменты, дышало изящною роскошью. Мнѣ пришлось немного подождать, и контрастъ между моимъ противозаконнымъ предпріятіемъ и этою обстановкою невольно поразилъ меня. Наконецъ, въ комнату вошла дама вся въ черномъ; я съ трудомъ различалъ черты ея лица въ полутемной комнатѣ. Въ рукѣ она несла большой бумажникъ.

— Вы мнѣ привезли поклонъ отъ моей пріятельницы изъ Рейнской провинціи?—спросила она пріятнымъ голосомъ.

— Поклонъ и сердечный привѣтъ,—отвѣчалъ я.—Ваша пріятельница прислала меня просить васъ отдать пакетъ съ цѣнными бумагами, который вы были добры, согласились сохранить.

— Я знала, что вы скоро придете ко мнѣ,—отвѣчала дама.—Въ этомъ бумажникѣ вы все найдете. Я не знаю вашихъ намѣреній, но увѣрена, что они хороши. Желаю вамъ полнаго успѣха. Богъ да сохранитъ и благословитъ васъ.

Она протянула мнѣ свою аристократическую, тонкую ручку и горячо пожала мою руку.

Храненіе большой денежной суммы очень безпокоило меня. Никогда еще я не чувствовалъ такой отвѣтственности за чужую собственность. Чтобы не подвергнуть какой-нибудь случайности эти драгоцѣнныя деньги, я постоянно носилъ ихъ на груди въ тщательно зашитомъ мѣшечкѣ.

Самая трудная для меня задача въ настоящее время была это найти средства перевезти освобожденнаго Кинкеля въ безопасное мѣсто. Куда было намъ направиться, если ему удастся выйти изъ тюрьмы? Границы Швейцаріи, Бельгіи и Франціи отстояли слишкомъ далеко, ѣхать долго по Германіи было рисковано. Самое удобное было добраться до берега моря и бѣжать на кораблѣ въ Англію. Я былъ убѣжденъ, что правительство приметъ мѣры къ тщательному осмотру всѣхъ судовъ, отъѣзжающихъ изъ Бремена и Гамбурга. Надобно было подыскать какую-нибудь другую гавань, и мой выборъ остановился на Мекленбургѣ. Въ Ростокѣ у насъ былъ вліятельный и вѣрный сторонникъ, извѣстный адвокатъ и предсѣдатель палаты депутатовъ, Морицъ Вигерсъ, съ которымъ я лично познакомился на конгрессѣ демократовъ въ Брауншвейгѣ. До Ростока можно было довольно скоро доѣхать въ экипажѣ; выѣхавъ въ полночь изъ Шпандау, мы передъ разсвѣтомъ переѣхали бы границу Мекленбурга и, такимъ образомъ, спаслись бы отъ не-

посредственнаго преслѣдованія прусской полиціи. Кромѣ того, въ моемъ спискѣ лицъ, заслуживающихъ довѣріе, стояло много мекленбуржцевъ, къ которымъ я могъ обратиться за помощью.

Я рѣшилъ проѣхать по той дорогѣ, которую намѣтилъ, и сговориться съ членами нашей партіи, жившими или на самой дорогѣ, или немного въ сторонѣ, чтобы они держали наготовѣ подставныхъ лошадей и экипажи въ ночь бѣгства и въ слѣдующій за тѣмъ день. Понятно, это должны были быть не иначе, какъ собственные экипажи, и править лошадьми должны были по возможности сами владѣльцы ихъ. До сихъ поръ мнѣ удалось сохранить мою тайну среди очень ограниченнаго круга лицъ. Теперь становилось необходимымъ привлечь къ дѣлу большое число людей, и это увеличивало опасность. Я всего больше боялся не злонамѣреннаго предательства, а слишкомъ суетливаго и не довольно молчаливаго усердія. Всѣ, къ кому я обращался съ своимъ проектомъ, отвѣчали мнѣ самымъ радушнымъ предложеніемъ своихъ услугъ, и это радушіе я встрѣчалъ не только у членовъ партій, но и у людей совершенно другихъ убѣжденій. Такъ, мои друзья демократы рекомендовали мнѣ одного господина, занимавшаго видное положеніе въ Мекленбургѣ, какъ человѣка, особенно надежнаго и способнаго оказать мнѣ всякую помощь. Я поѣхалъ къ нему, онъ принялъ меня въ высшей степени любезно и сразу согласился снабдить насъ подставными лошадьми. Послѣ этого нашъ разговоръ перешелъ на политику, и, къ моему великому удивленію, мой новый пріятель объявилъ, что считаетъ наши демократическія идеи весьма благожелательными, но пустыми фантазіями. Онъ очень подробно объяснилъ мнѣ, что по его мнѣнію человѣческое общество всего красивѣе и всего счастливѣе, когда при устройствѣ его сохранена пестрота, дѣленія на сословія съ государями, рыцарями, купцами, ремесленными цехами и крестьянами, съ духовенствомъ и свѣтскими лицами, съ разнообразными правами и обязанностями. Онъ не прочь удержать и монастыри съ настоятелями и настоятельницами, съ монахами и монахинями; однимъ словомъ, изъ всѣхъ фазисовъ человѣческой цивилизаціи наиболѣе пріятными представлялись ему средніе вѣка.—Видите ли,—добродушно сказалъ онъ въ заключеніе, — я именно то, что называется чистокровный реакціонеръ, я не вѣрю въ ваши свободу и равенство. Но я нахожу, что это чистѣйшій скандалъ засадить въ смирительный домъ Кинкеля, поэта и ученаго, за его идеалистическія бредни, и хотя я вполнѣ консервативный мекленбуржецъ, но я готовъ помочь ему бѣжать.

Я проѣздилъ нѣсколько дней, устроилъ вездѣ подставы и надѣялся, что, проѣхавъ часовъ тридцать, мы достигнемъ Ростока. Тамъ друзья обѣщали помѣстить насъ въ безопасное убѣжище, пока можно будетъ устроить нашу переправу моремъ. Крюгеръ обратился къ одному помѣщику, по имени Гензель, жившему не-

далеко отъ Шпандау и имѣвшему необыкновенно быстрыхъ лошадей, и тотъ охотно согласился довезти насъ до первой станціи, при чемъ взялся самъ править за кучера.

4 ноября я распрощался съ докторомъ Фалькенталемъ. Ему былъ извѣстенъ мой планъ въ общихъ чертахъ, но я находилъ лишнимъ посвящать его во всѣ подробности. Такъ, онъ не зналъ навѣрно, въ какую именно ночь будетъ сдѣлана попытка освобожденія, и былъ настолько скроменъ, что не приставалъ ко мнѣ съ вопросами. Но при прощаньѣ онъ подарилъ мнѣ пару пистолетовъ на случай какого-нибудь вооруженнаго столкновенія. Вечеромъ 4-го, пріѣхавъ въ Шпандау, я еще разъ видѣлся съ Бруне, и мы переговорили обо всѣхъ подробностяхъ нашего предпріятія, чтобы убѣдиться, что ничто не забыто. Повидимому, все было въ порядкѣ.

— Позвольте мнѣ сказать вамъ одно, о чемъ мнѣ очень непріятно говорить,—сказалъ Бруне послѣ того, какъ разговоръ обо всемъ существенномъ былъ конченъ.

Я насторожился:—Въ чемъ дѣло?

— Я безусловно довѣряю вамъ,—продолжалъ Бруне,—то, что вы обѣщали сдѣлать для моей семьи, вы, конечно, сдѣлаете, если только будете въ состояніи.

— Да, я въ состояніи, эти деньги у меня въ рукахъ.

— Я не то хочу сказать,—возразилъ Бруне.—Если все кончится хорошо завтра ночью, я твердо увѣренъ, что деньги будутъ мои. Но, кто знаетъ? Можетъ быть, кончится и не совсѣмъ хорошо. Вѣдь это опасное дѣло. Тутъ многое зависитъ отъ случая. Съ вами можетъ случиться несчастіе, со мной, съ нами обоими. А что будетъ тогда съ моей женой и дѣтьми?

Онъ замолчалъ, я тоже не сразу нашелся, что отвѣтить ему.

— Продолжайте, чего же вы хотите?—спросилъ я, наконецъ.

— Подумайте хорошенько,—медленно проговорилъ Бруне,—и вы сами увидите, что деньги должны быть отданы моей семьѣ, прежде чѣмъ я поставлю на карту свою голову.

— Вы сами говорите, что я долженъ подумать,—отвѣчалъ я нерѣшительно.—Я подумаю, какъ устроить дѣло и дамъ вамъ отвѣтъ. А вы пока приготовите все, какъ мы условились?

— Будьте спокойны.

И мы распрощались.

Часы, которые я послѣ этого провелъ одинъ въ своей комнатѣ, въ гостиницѣ Крюгера, никогда не выйдутъ у меня изъ памяти.

Мнѣ предстояло рѣшить трудный вопросъ.

Деньги,—по моимъ понятіямъ очень большая сумма,—были довѣрены мнѣ для извѣстной цѣли. Если онѣ пропадутъ, если эта цѣль не будетъ достигнута, Кинкель погибъ, такъ какъ во второй разъ собрать для него такую сумму было едва ли возможно. Моя честь тоже пострадаетъ, такъ какъ меня могутъ заподозрить въ

нечестности, или по меньшей мѣрѣ въ преступномъ легкомысліи. И дѣйствительно, развѣ не преступное легкомысліе отдать ввѣренныя мнѣ деньги незнакомому человѣку, положившись на его простое обѣщаніе, безъ всякой гарантіи? Что я зналъ о Бруне? Только то, что его лицо и манеры произвели на меня благопріятное впечатлѣніе, и что у своихъ знакомыхъ онъ слылъ за хорошаго человѣка. Между тѣмъ эти, же самые знакомые говорили мнѣ, что прежде всѣхъ другихъ надзирателей хотѣли привести ко мнѣ Бруне, но думали, что такого рода человѣкъ врядъ ли согласится помогать мнѣ. Правда, они прибавляли, что если онъ согласится, то на него можно вполнѣ положиться. Но развѣ для человѣка въ его положеніи не было въ высшей степени соблазнительно воспользоваться случаемъ пріобрѣсти значительную сумму денегъ и затѣмъ, выдавъ меня, доказать начальству свою вѣрность долгу службы? Развѣ человѣкъ, замышляющій такое предательство, не сталъ бы дѣйствовать совершенно такъ, какъ Бруне? Развѣ онъ не сталъ бы опредѣленными обѣщаніями и мнимыми подготовленіями питать во мнѣ надежду, чтобы подъ какимъ-нибудь предлогомъ выманить у меня деньги и легче погубить меня?

А съ другой стороны, если Бруне честный человѣкъ, развѣ онъ можетъ поступать иначе? Развѣ онъ можетъ отдать судьбу жены и дѣтей на волю случая? Развѣ онъ не долженъ былъ заранѣе потребовать деньги, чтобы обезпечить судьбу близкихъ. Развѣ я не поступилъ бы точно такъ же, если бы былъ въ его положеніи?

И кромѣ того, развѣ Бруне похожъ на предателя? Неужели предатель могъ бы такъ смотрѣть мнѣ въ глаза и такъ говорить со мной, какъ Бруне? Неужели такое прямое, открытое, честное, даже гордое обращеніе можетъ быть у человѣка, заманивающаго другого въ западню, чтобы ограбить его?

Невозможно.

И въ концѣ концовъ, какъ могу я разсчитывать на успѣхъ, если я не хочу рисковать? Неужели я долженъ отказаться отъ освобожденія моего друга изъ-за того, что не рѣшаюсь исполнить требованіе Бруне, требованіе, которое при данныхъ обстоятельствахъ сдѣлалъ бы и всякій другой на его мѣстѣ?

Очевидно, если я хочу избавить Кинкеля отъ его ужасной судьбы, я долженъ рискнуть собственной честью.

Мнѣ, конечно, пришло въ голову, что я могу передать деньги для Бруне въ третьи руки, но я отказался отъ этой мысли, во-первыхъ, потому, что она могла привести къ новымъ осложненіямъ, во-вторыхъ, потому, что, если надо было рисковать, то лучше было сдѣлать это такимъ образомъ, чтобы Бруне увидѣлъ доказательство моего довѣрія къ его честности.

Я вспомнилъ, что война въ Шлезвигъ-Гольштейнѣ, которая велась со стороны Германіи исключительно шлезвигъ-гольштейнскими войсками, еще не была кончена. Я рѣшилъ, что могу подъ

какимъ-нибудь именемъ вступить въ войска добровольцемъ, если мое предпріятіе въ Шпандау не удастся, и я потеряю деньги, а самъ лично не пострадаю. Тогда, по крайней мѣрѣ, мои пріятели убѣдятся, что я дѣйствовалъ честно.

Таковъ былъ ходъ мыслей, который привелъ меня къ рѣшенію передать Бруне деньги, прежде чѣмъ онъ исполнитъ свое обѣщаніе. Только что я пришелъ къ этому заключенію, какъ Крюгеръ постучалъ ко мнѣ въ дверь и заявилъ, что Порицъ и Леддинъ въ гостиницѣ, не надо ли мнѣ еще что-нибудь поручить имъ.

— Да,— отвѣчалъ я,—мнѣ хотѣлось бы попросить ихъ, чтобы они черезъ четверть часа еще разъ привели ко мнѣ Бруне на площадь Гейнриха.

Черезъ четверть часа Бруне былъ на указанномъ мѣстѣ съ моими пріятелями. Я отвелъ его въ сторону.

— Господинъ Бруне,—сказалъ я,— мнѣ не хотѣлось, чтобы вы легли спать съ сомнѣніемъ на душѣ. Мы говорили о деньгахъ. Эти деньги довѣрены мнѣ на честное слово. Передавая ихъ вамъ, я вамъ ввѣряю деньги, мою честь, свободу, все. Вы честный человѣкъ. Я хотѣлъ теперь же, вечеромъ, сказать вамъ, что завтра въ пять часовъ я принесу деньги къ вамъ на квартиру.

Бруне помолчалъ съ минуту. Затѣмъ онъ глубоко вздохнулъ и сказалъ: — Кажется, я и безъ денегъ сдѣлалъ бы то же. Завтра въ полночь вашъ другъ Кинкель будетъ свободенъ.

Я ночевалъ въ Шпандау и провелъ большую часть слѣдующаго дня въ томъ, что вмѣстѣ съ Крюгеромъ, Леддиномъ и Порицомъ обсуждалъ всѣ шансы предпріятія, чтобы принять мѣры на всякіе случаи, какіе до тѣхъ поръ не приходили намъ въ голову. Наконецъ, стемнѣло. Я отсчиталъ деньги, предназначенныя для Бруне, положилъ ихъ въ маленькій ящичекъ изъ-подъ сигаръ и пошелъ къ нему на квартиру.

Онъ былъ одинъ въ своей бѣдной, но чистой комнаткѣ, я передалъ ему ящичекъ и сказалъ:—Вотъ деньги, сосчитайте.

— Вы плохо знаете меня,—отвѣчалъ онъ.—Если бы мы не вѣрили другъ другу на слово, намъ не стоило бы и дѣло затѣвать. Для чего мнѣ пересчитывать то, что даете вы.

— Ничего не измѣнилось въ нашемъ планѣ?

— Ничего.

— Ну, такъ до свиданья, сегодня ночью.

— До свиданія, желаю успѣха!

XV.

Мы имѣли полное основаніе надѣяться на удачу нашего предпріятія, если только какой нибудь несчастный случай не собьетъ всѣхъ нашихъ разсчетовъ. Смирительный домъ находился посре-

динѣ города и представлялъ большое зданіе казарменнаго вида съ голыми стѣнами, прорѣзанными множествомъ узкихъ окошечекъ и одними воротами; со всѣхъ четырехъ сторонъ его окружали улицы. На главную улицу выходили ворота очень длинныя и широкія.

Изъ-подъ этихъ воротъ направо была дверь въ квартиру директора тюрьмы, налѣво въ караульню. Въ концѣ подворотни третья дверь отворялась на внутренній дворъ. Каменная лѣстница, которая выходила подъ ворота, соединяла нижній этажъ съ верхними. Камера Кинкеля была въ третьемъ этажѣ. Въ ней было окно, выходившее на заднюю сторону зданія. Это окно было загорожено желѣзнымъ ящикомъ, который своимъ нижнимъ концомъ плотно прилегалъ къ стѣнѣ, а затѣмъ шелъ вкось, отдаляясь отъ нея, такъ что дневной свѣтъ падалъ сверху, и изъ камеры можно было видѣть лишь небольшой квадратъ неба и ни кусочка земли. Кромѣ того, окно было защищено толстыми желѣзными прутьями, мелкой проволочной рѣшеткой и деревянными ставнями, запиравшимися на ночь,—однимъ словомъ, всѣми приспособленіями, которыя примѣняются, чтобы лишить арестованнаго всякой возможности сноситься съ внѣшнимъ міромъ. Кромѣ того, камера раздѣлалась на двѣ половины крѣпкою рѣшеткой, которая шла отъ пола до потолка и была снабжена прочными поперечными болтами. Въ одномъ отдѣленіи стояла постель Кинкеля, въ другой онъ долженъ былъ работать днемъ. Оба отдѣленія соединялись дверью въ перегородкѣ, и эта дверь замыкалась на ночь. Входъ въ камеру изъ корридора запирался двумя тяжелыми дверями съ нѣсколькими замками. На улицѣ, на которую выходила камера Кинкеля, день и ночь стоялъ часовой. Другой часовой охранялъ днемъ ворота съ главной улицы, а ночью переходилъ на внутренній дворъ. Камера, двери, замки и рѣшетки нѣсколько разъ въ сутки осматривались служащими.

Ключи отъ камеры Кинкеля и отъ перегородки внутри ея хранились ночью въ шкафу, стоявшемъ въ комнатѣ инспектора смирительнаго дома, въ такъ назыв. «инспекторской». Такъ какъ Бруне не могъ входить ночью въ инспекторскую и ключъ отъ нея передавался другому служащему, болѣе высокаго ранга, то онъ сдѣлалъ восковой слѣпокъ съ этого ключа, который днемъ обыкновенно торчалъ въ замкѣ, а по этому слѣпку мои пріятели изготовили другой ключъ. Ключъ отъ шкафа, въ которомъ хранились ключи отъ камеры Кинкеля, лежалъ, какъ было извѣстно Бруне, на томъ же шкафу, такъ что онъ могъ безъ труда овладѣть ключами. Съ помощью ихъ Бруне предполагалъ вывести Кинкеля изъ его камеры. Въ ночь съ 5 на 6 ноября Бруне былъ дежурнымъ въ корридорѣ Кинкеля. Онъ долженъ былъ, по нашему условію, вывести Кинкеля изъ камеры, свести его съ лѣстницы, провести по корридору перваго этажа и вывести подъ ворота. Въ первомъ этажѣ дежурилъ въ эту ночь надзиратель Бейеръ. Бруне брался безпре-

пятственно провести Кинкеля мимо него. Онъ мнѣ не сказалъ какимъ способомъ думалъ онъ это устроить: можетъ быть, онъ хотѣлъ подкупить Бейера, а, можетъ быть, предполагалъ занять его чѣмъ-нибудь другимъ и отвлечь его вниманіе. Онъ увѣрялъ меня, что это легко устроить. Подъ воротами я долженъ былъ встрѣтить Кинкеля. Въ одной изъ сторонъ воротъ была маленькая калитка, черезъ которую проходили служащіе въ домѣ. Отъ ключа къ этой калиткѣ мы тоже сдѣлали восковой слѣпокъ и изготовили по нему второй ключъ. Моя задача состояла въ томъ, чтобы въ двѣнадцатомъ часу ночи, послѣ того какъ пройдетъ ночной стражникъ—въ то время въ Шпандау были еще ночные сторожа съ трещетками и пиками—отворить калитку съ улицы и ждать подъ воротами Бруне и Кинкеля, затѣмъ накинуть на Кинкеля плащъ, вывести его изъ калитки на улицу, и поспѣшить съ нимъ въ гостиницу Крюгера, гдѣ насъ ждалъ Гейзель съ лошадьми и экипажемъ.

Я все послѣднее время посылалъ Кинкелю черезъ Бруне питательную пищу, чтобы поддержать его физическія силы. Но чтобы не волновать его напрасно, Бруне сказалъ ему только 5-го вечеромъ, что идутъ хлопоты объ его освобожденіи; онъ долженъ въ обычное время лечь въ постель, а въ 12-омъ часу встать, одѣться и приготовиться выйти изъ тюрьмы.

Въ тотъ же день Леддинъ и Поритцъ разсказали нашу тайну нѣсколькимъ друзьямъ, на которыхъ можно было вполнѣ положиться; они всѣ должны были стоять на ближайшихъ углахъ улицы, чтобы въ случаѣ надобности спѣшить къ намъ на помощь.

Въ двѣнадцатомъ часу всѣ мои помощники были на своихъ мѣстахъ, ночной стражникъ прошелъ улицу, и я приблизился къ воротамъ смирительнаго дома. Я надѣлъ сверху сапогъ галоши, чтобы моихъ шаговъ не было слышно. Другую пару галошъ для Кинкеля я захватилъ съ собой. За поясъ подъ сюртукомъ я засунулъ пистолеты, данные мнѣ Фалькенталемъ. Въ одномъ карманѣ у меня былъ острый охотничій ножъ, въ другомъ небольшая кожаная палка со свинцовымъ набалдашникомъ, такъ назыв. кастетъ, которымъ я въ случаѣ надобности хотѣлъ вооружить Кинкеля. На плечи я накинулъ большую шинель съ рукавами, которую долженъ былъ надѣть Кинкель. Снаряженный такимъ образомъ, я тихонько отворилъ калитку и вошелъ въ ворота тюрьмы. Калитку я притворилъ не плотно и оставилъ ключъ въ замкѣ. Ворота тускло освѣщались фонаремъ. Направо я увидалъ дверь, которая вела въ квартиру директора смирительнаго дома; налѣво дверь въ караульную. Я долженъ былъ устроить такъ, чтобы эти двери не отворились изнутри, для этого я привязалъ крѣпкой бичевой дверныя ручки къ ручкамъ звонковъ. Все было тихо. Я не сводилъ глазъ съ противоположнаго конца подворотни, гдѣ должны были появиться Бруне съ Кинкелемъ.

Минута проходила за минутой. Ничто не нарушало тишины. Я простоялъ такимъ образомъ съ четверть часа — ни малѣйшаго движенія. Что же это значитъ? По всѣмъ разсчетамъ они уже должны были сойти. Мое положеніе становилось затруднительнымъ. Неужели Бруне обманулъ? Я вынулъ изъ-за пояса пистолетъ и держалъ его наготовѣ въ лѣвой рукѣ, а въ правую взялъ охотничій ножъ. Но я рѣшилъ не сходить съ мѣста, пока не увѣрюсь, что всѣ шансы на удачу потеряны. Прошло уже съ полчаса, но все оставалось тихо, какъ въ могилѣ. Вдругъ я услышалъ легкій шорохъ, и на противоположномъ концѣ появилась, точно привидѣніе, какая-то темная фигура. Мои руки крѣпче сжали оружіе. Черезъ нѣсколько секундъ я узналъ при тускломъ свѣтѣ фонаря Бруне. Наконецъ-то! Но онъ былъ одинъ. Онъ подходилъ ко мнѣ, приложивъ палецъ къ губамъ. Я былъ готовъ ко всему.

— Не удалось, — пролепеталъ онъ еле слышно. — Я всячески пробовалъ, но все напрасно. Ключей не было въ шкафу. Прихоходите ко мнѣ завтра и возьмите деньги.

Я ничего не отвѣчалъ, поспѣшно снялъ бичовки съ дверныхъ ручекъ, вышелъ черезъ комнату, замкнулъ ее и положилъ ключъ въ карманъ. Какъ только я очутился на улицѣ, ко мнѣ подбѣжали Леддинъ и Поритцъ. Мы пошли вмѣстѣ, и дорогой я разсказалъ имъ, что случилось.—А мы уже боялись, что вы попались,—сказалъ Леддинъ, — вы такъ долго оставались тамъ, что мы собирались идти выручать васъ.

Черезъ нѣсколько минутъ мы были въ гостиницѣ Крюгера; Гензель ждалъ насъ, чтобы отвезти въ своемъ экипажѣ Кинкеля и меня. Мой разсказъ вызвалъ у всѣхъ страшнѣйшее разочарованіе.

— Сегодня ночью намъ предстоитъ еще дѣло,—сказалъ я,—у меня заказаны по дорогѣ подставы до самой середины Мекленбурга, надобно отпустить ихъ.

Я сѣлъ въ экипажъ, Гензель на козлы, и мы покатили. Это было грустное путешествіе. Мы ѣхали часа три темною ноябрьскою ночью, но вотъ навстрѣчу намъ показался другой экипажъ, и его кучеръ высѣкъ огонь. У меня съ собой было огниво, и я сдѣлалъ то же. Это былъ знакъ для опознанія другъ друга, мы такъ условились съ мекленбургскими пріятелями. Встрѣчный экипажъ остановился, и нашъ равнымъ образомъ.

— Это наши?—спросилъ голосъ кучера. Вопросъ былъ тоже заранѣе условленъ.

— Ваши,—отвѣчалъ я,—но дѣло не выгорѣло. Пожалуйста, поѣзжайте назадъ, сообщите объ этомъ слѣдующей подставѣ и попросите дать знать дальше. Но ради Бога, никому другому не говорите ни слова, иначе все пропало.

— Понятное дѣло! Но эта проклятая исторія. Что же такое случилось, отчего не удалось?

— Въ другой разъ разскажу! Спокойной ночи!

Оба экипажа повернули назадъ. Мы поѣхали въ Шпандау, но очень медленно, точно на похоронахъ. Оба мы молчали, каждый былъ занятъ собственными мыслями. Я мучился страшными упреками совѣсти. Развѣ нельзя было очень легко предотвратить тотъ несчастный случай, который разстроилъ наши планы? Развѣ мы не могли сдѣлать двойныхъ ключей отъ камеры, какъ сдѣлали отъ калитки и отъ инспекторской? Конечно, могли. А почему мы этого не сдѣлали? Почему Бруне не подумалъ объ этомъ? Но если ему это не пришло въ голову, развѣ не обязанъ былъ я объ этомъ подумать? Значитъ, я не исполнилъ своей обязанности. Я, одинъ я, виноватъ въ этой ужасной неудачѣ. По моей винѣ Кинкель не на свободѣ и не ѣдетъ въ настоящую минуту къ берегу моря. Плоды долгой и опасной работы потеряны вслѣдствіе моей небрежности, моего легкомыслія. Буду ли я когда-нибудь въ состояніи снова собрать разорванныя нити? А если и буду, развѣ не можетъ легко случиться, что по неосторожности кого-либо изъ участниковъ о нашей попыткѣ пойдутъ слухи и Кинкеля станутъ стеречь болѣе строго, или даже переведутъ въ какую-нибудь другую тюрьму? Положимъ, этого не случится. Но гдѣ же ввѣренныя мнѣ деньги? Ихъ у меня нѣтъ, они въ рукахъ человѣка, который можетъ, если захочетъ, присвоить ихъ себѣ, а я не имѣю возможности вытребовать ихъ у него. Такимъ образомъ, по моей винѣ Кинкель обреченъ всю жизнь терпѣть свою ужасную судьбу!

Наконецъ, Гензель прервалъ молчаніе,—не заѣхать ли намъ на нѣсколько часовъ въ Ораніенбургъ? сказалъ онъ.—Мы могли бы покормить тамъ лошадей, немного поспать и, не торопясь, ѣхать дальше. Я ничего не имѣлъ противъ этого: я чувствовалъ сильную усталость и кромѣ того, если о нашихъ ночныхъ похожденіяхъ станутъ болтать въ Шпандау, и намъ будетъ грозить какая-нибудь опасность, Крюгеръ навѣрно предупредитъ насъ.

Было еще совсѣмъ темно, когда мы остановились въ гостиницѣ, знакомой Гензелю. Тяжелыя мысли продолжали мучить меня, но въ концѣ концовъ я всетаки заснулъ. Когда я проснулся, было уже совсѣмъ свѣтло. Со мною вмѣстѣ проснулось и сознаніе нашей неудачи, проснулось еще съ большею ясностью, чѣмъ ночью. Такого рода пробужденіе принадлежитъ къ несчастнѣйшимъ минутамъ человѣческой жизни.

Гензель замѣтилъ мое настроеніе и старался казаться веселымъ; для моего успокоенія увѣрялъ, что наши друзья въ Шпандау люди не только преданные, но и умѣющіе молчать, и что тюремные надзиратели не станутъ болтать ради собственной выгоды; вѣроятно, можно будетъ въ самомъ непродолжительномъ времени сдѣлать новую попытку. Я охотно поддакивалъ ему. Дѣйствительно, меня уже занимали мысли о томъ, что слѣдуетъ теперь дѣлать, мысли, представляющія самое лучшее утѣшеніе въ несчастіи. Я

часто испыталъ въ жизни что, когда насъ поразитъ какой-нибудь ударъ, самое лучшее это представить себѣ въ умѣ какъ можно яснѣе самыя дурныя стороны его, и такимъ образомъ, испить чашу горечи до послѣдней капли, а потомъ обратить мысли на будущее и заниматься исключительно тѣмъ, что должно быть сдѣлано, чтобы исправить зло, или чтобы невозвратно потерянное замѣнить чѣмъ либо другимъ, сноснымъ.

Мы не спѣшили возвращаться въ Шпандау! Намъ казалось даже лучше пріѣхать туда вечеромъ, когда уже стемнѣетъ, и поэтому мы выѣхали послѣ обѣда и не гнали лошадей. Въ Шпандау я узналъ отъ Крюгера, что тамъ все было спокойно. Я немедленно отправился на квартиру Бруне. Онъ сидѣлъ въ своей комнатѣ и, очевидно, ждалъ меня. Сигарный ящичекъ стоялъ на столѣ.

— Проклятая исторія вышла сегодня ночью,—сказалъ онъ. Я виноватъ. Все было отлично устроено, но, когда я открылъ шкафъ въ инспекторской, оказалось, что тамъ нѣтъ ключей отъ камеры. Я всюду искалъ ихъ, нѣтъ и нѣтъ. Сегодня утромъ говорили, что инспекторъ, вмѣсто того, чтобы положить ихъ въ шкафъ, нечаянно сунулъ ихъ въ карманъ и унесъ домой.

— Вотъ деньги,—продолжалъ онъ, помолчавъ съ минуту и указывая на сигарный ящичекъ. Возьмите ихъ, но прежде пересчитайте. Онѣ всѣ цѣлы.

Я пожалъ руку этого честнаго человѣка и въ душѣ попросилъ у него прощенія за мои сомнѣнія.

— Для чего мнѣ пересчитывать то, что даете вы,—повторилъ я его вчерашнія слова.—Но что же намъ теперь дѣлать? Я не отказываюсь отъ своего намѣренія. Будемъ мы ждать до вашего слѣдующаго дежурства?

— Мы, конечно, могли бы подождать,—отвѣчалъ онъ,—и въ это время поддѣлать всѣ ключи, чтобы съ нами опять не случилась такая же глупая исторія.—Но я сегодня много думалъ объ этомъ дѣлѣ; право, стыдно заставлять несчастнаго человѣка просидѣть лишній день! Я хочу попытаться освободить его сегодня ночью, если у него хватитъ смѣлости на одну отчаянную штуку.

— Какъ? Сегодня ночью?

— Да, сегодня ночью. Выслушайте меня спокойно.

Бруне разсказалъ мнѣ, что надзиратель, который долженъ сегодня ночью дежурить въ верхнемъ этажѣ, заболѣлъ, и онъ, Бруне взялся замѣстить его. И вотъ ему пришло въ голову, что онъ безъ большого труда можетъ провести Кинкеля на чердакъ, а оттуда съ помощью веревки спустить его на улицу. Для этого ему, конечно, опять-таки нуженъ ключъ отъ камеры, но сегодня инспекторъ навѣрно ужъ не унесетъ ключи по разсѣянности домой, а положитъ, куда слѣдуетъ. Я долженъ позаботиться, чтобы на улицѣ никого не было, пока Кинкель спускается, а когда онъ спустится, встрѣтить его и поскорѣй увезти.

— Это, конечно, довольно отчаянная штука, — прибавилъ Бруне,—отъ крыши до улицы не менѣе шестидесяти футовъ. Но если у господина профессора хватитъ смѣлости, мнѣ кажется, это можетъ удасться.

Что у Кинкеля хватитъ смѣлости, за это я могъ поручиться. Чѣмъ не рискнетъ заключенный, чтобы вырваться на свободу!

Мы скоро сговорились о всѣхъ подробностяхъ. Я взялся немедленно доставить Бруне необходимую для спуска веревку. Онъ хотѣлъ обмотать себя ею подъ сюртукомъ и такимъ образомъ снести ее въ смирительный домъ. Я долженъ былъ въ 12-мъ часу ночи стоять въ глубокой нишѣ дома на противоположной сторонѣ улицы, противъ воротъ смирительнаго дома и смотрѣть на его слуховыя окна. Если въ одномъ изъ этихъ оконъ покажется свѣтъ фонаря, то поднимающійся, то опускающійся, это будетъ знакомъ, что наверху все въ порядкѣ, и что Кинкель готовъ спускаться. Я, стоя въ нишѣ, долженъ высѣчь нѣсколько искръ огня, и это будетъ для Бруне сигналомъ, что внизу на улицѣ все въ порядкѣ, и я приму Кинкеля.

Я дружески пожалъ руку Бруне на прощанье и поспѣшилъ въ гостиницу Крюгера. Поритцъ и Леддинъ, за которыми я послалъ, достали веревку требуемой длины и толщины и снесли ее въ квартиру Бруне. Но какъ мы увеземъ Кинкеля? На этотъ разъ у меня не было приготовлено подставъ по дорогѣ. Въ прошлую ночь все разстроилось. Къ счастью, Гензель еще былъ у Крюгера. Узнавъ, что предполагалось сдѣлать черезъ нѣсколько часовъ, онъ пришелъ въ восторгъ.

— Я васъ повезу, пока хватитъ силъ у моихъ лошадей!— вскричалъ онъ.

— Нашъ пріятель живетъ въ Нейстрелицѣ,—возразилъ я,—за нѣсколько почтовыхъ перегоновъ отсюда.—Выдержатъ ли ваши лошади такой путь?

— Чортъ ихъ побери, если не выдержатъ!—сказалъ Гензель. Приходилось рискнуть и надѣяться на счастье.

Послѣ этого мы сговорились съ Поритцомъ и Леддиномъ о томъ, какія принять мѣры, чтобы на улицѣ не появились случайные прохожіе во время спуска Кинкеля. Мы придумали простое средство. На углахъ улицы съ обѣихъ сторонъ станутъ мои друзья съ тѣми самыми сильными пріятелями, которые сторожили и прошлую ночь. При появленіи какого-нибудь запоздалаго прохожаго, они представятся пьяными и разными забавными штуками удержатъ его или заставятъ свернуть въ сторону. Въ случаѣ надобности можно было пустить въ ходъ и силу. Леддинъ и Поритцъ ручались, что дѣло будетъ сдѣлано чисто.

— Замѣчательное совпаденіе,—съ улыбкой замѣтилъ Крюгеръ. Сегодня вечеромъ у меня въ гостиницѣ справляютъ день рожде-

нія, приглашены многіе надзиратели изъ смирительнаго дома. Мнѣ заказанъ пуншъ, я постараюсь сдѣлать его покрѣпче.

— И вы удержите подольше надзирателей?

— Объ этомъ не безпокойтесь! Ни одинъ изъ нихъ не помѣшаетъ вамъ!

Эта перспектива привела насъ въ самое веселое расположеніе духа, и у насъ устроился превеселый ужинъ. Но всетаки мысли наши были постоянно направлены на разныя случайности, которыя могли опять помѣшать намъ, и мы во время вспомнили одно важное обстоятельство.

Когда Кинкель станетъ спускаться изъ слухового окна и веревка будетъ скользить по карнизу, легко можетъ случиться, что сорвутся куски штукатурки или цѣлыя кирпичины и съ шумомъ упадутъ на улицу. Поэтому мы условились, что въ 12 часовъ Гензель медленно проѣдетъ въ своемъ экипажѣ по Потсдамской улицѣ мимо смирительнаго дома, чтобы грохотъ колесъ по дурной мостовой заглушилъ всякій другой шумъ.

Въ полночь я стоялъ вооруженный, какъ въ прошлую ночь, въ глубокой темной нишѣ подъѣзда, прямо противъ смирительнаго дома. Углы улицы справа и слѣва были заняты по уговору, но наши караульные держались въ сторонѣ. Черезъ нѣсколько минутъ ночной сторожъ прошелъ по улицѣ спокойнымъ шагомъ. Прямо противъ меня онъ завертѣлъ свою трещетку и прокричалъ двѣнадцать часовъ. Затѣмъ онъ отправился дальше и исчезъ. Какъ бы я былъ радъ, если бы разразилась непогода, если бы шумѣлъ вѣтеръ и барабанилъ дождь. Но нѣтъ, ночь была зловѣще тиха. Я не сводилъ глазъ съ тюремной крыши, въ темнотѣ я съ трудомъ различалъ окна. Рѣдкіе уличные фонари свѣтили тускло. Вдругъ на верху блеснулъ яркій свѣтъ, съ помощью котораго я ясно различилъ слуховое окно. Свѣтъ три раза опускался и поднимался. Это былъ ожидаемый сигналъ. Я быстро оглядѣлъ улицу направо и налѣво. На ней никого не было видно. Тогда я поспѣшилъ высѣчь огнивомъ нѣсколько искръ. Черезъ секунду свѣтъ въ слуховомъ окнѣ исчезъ, и я увидѣлъ темное тѣло, которое медленно двигалось по стѣнѣ. Сердце мое сильно билось, потъ выступилъ у меня на лбу. Вдругъ случилось именно то, чего я боялся: куски шифера и кирпичей полетѣли съ громкимъ шумомъ на тротуаръ. Господи, спаси насъ! Въ ту же минуту по неровной мостовой съ грохотомъ проѣхалъ экипажъ Гензеля. Шума отъ паденія кирпичей больше не было слышно. Но что, если они попали въ голову Кинкеля и ошеломили его? Темное тѣло почти достигло земли. Въ нѣсколько прыжковъ я былъ подлѣ него и обхватилъ его. Это онъ, это мой другъ, онъ живъ и стоитъ твердо на ногахъ.

— Это была смѣлая штука!—сказалъ онъ мнѣ.

— Слава Богу,—отвѣчалъ я.—Скорѣй, надо снять веревку и уходить.

Я напрасно старался развязать узелъ веревки, которымъ онъ былъ связанъ.

— Я не могу тебѣ помочь,—прошепталъ Кинкель, — веревка страшно натерла мнѣ обѣ руки.

Я вынулъ свой охотничій ножъ и съ большимъ трудомъ перерѣзалъ веревку. Длинный конецъ тотчасъ же былъ быстро втянутъ на чердакъ. Пока я закутывалъ Кинкеля въ шинель и надѣвалъ ему галоши, онъ оглядывался съ безпокойствомъ.

Коляска Гензеля повернула назадъ и медленно ѣхала къ намъ.

— Что это за экипажъ?—спросилъ Кинкель.

— Это нашъ.

Темныя фигуры появились на углахъ улицы и поглядывали на насъ.

— Господи помилуй! Что это за люди?

— Это наши друзья.

Пройдя немного, мы услышали пѣніе: нѣсколько мужскихъ голосовъ распѣвало: «Мы весело пируемъ вмѣстѣ».

— А это что такое?—спросилъ Кинкель, когда мы черезъ переулокъ подходили къ гостиницѣ Крюгера.

— Твои тюремщики распиваютъ пуншъ.

— Превосходно,—замѣтилъ Кинкель.

Въ гостиницу мы прошли заднимъ ходомъ и очутились въ комнатѣ, гдѣ Кинкель долженъ былъ переодѣться. Мы ему приготовили черный суконный костюмъ, большую медвѣжью шубу и шапку съ наушниками, какія носятъ прусскіе лѣсничіе. Изъ сосѣдней комнаты слышались голоса пирующихъ. Крюгеръ, глядѣвшій нѣсколько минутъ, какъ Кинкель мѣняетъ свою арестантскую форму на новое платье, вдругъ удалился съ какою-то лукавой улыбкой. Черезъ нѣсколько минутъ онъ вернулся, неся подносъ съ наполненными стаканами.

— Господинъ профессоръ,—сказалъ онъ,—рядомъ въ комнатѣ сидятъ ваши тюремные надзиратели и пьютъ пуншъ. Я попросилъ ихъ дать мнѣ пару стаканчиковъ для двухъ пріятелей, сейчасъ пріѣхавшихъ ко мнѣ изъ Берлина. Они съ удовольствіемъ согласились. И вотъ, съ вашего позволенія, господинъ профессоръ, мы въ первый разъ выпьемъ за ваше здоровье пуншемъ вашихъ тюремщиковъ.

Мы съ трудомъ удержались, чтобы громко не расхохотаться.

Переодѣванье Кинкеля было скоро кончено и его окровавленныя веревкою руки обвязаны носовыми платками. Онъ въ немногихъ словахъ поблагодарилъ своихъ самоотверженныхъ друзей, но они не могли безъ слезъ слушать этихъ словъ. Послѣ этого мы сѣли въ экипажъ Гензеля. Надзиратели смирительнаго дома продолжали наслаждаться своимъ пуншемъ.

Рѣшено было, что мы выѣдемъ изъ Шпандау черезъ Потсдамскія ворота, по дорогѣ въ Гамбургъ и уже послѣ свернемъ въ ту

сторону, куда намъ было нужно, чтобы въ случаѣ погони навести на ложный слѣдъ своихъ преслѣдователей. Нашъ экипажъ съ грохотомъ проѣхалъ черезъ Потсдамскія ворота; эта хитрость оказалась кстати: мы впослѣдствіи узнали, что на основаніи донесенія караульнаго у воротъ, за нами, дѣйствительно, гнались по дорогѣ въ Гамбургъ. Не доѣзжая городка Науена, мы повернули направо по проселочной дорогѣ и выѣхали на шоссе между Берлиномъ и Стрелитцемъ. Лошади быстро неслись впередъ.

Кинкель вполнѣ ясно созналъ, что съ нимъ произошло, только тогда, когда при скорой ѣздѣ ночной вѣтеръ освѣжилъ ему лицо.

— Мнѣ бы хотѣлось пожать тебѣ руку,— сказалъ онъ,—но я не могу; мои руки слишкомъ исцарапаны.

Онъ обнялъ меня за шею и нѣсколько разъ прижалъ къ себѣ.

Мнѣ вовсе не хотѣлось выслушивать его благодарность, и я сталъ разсказывать ему, какъ у насъ все было превосходно устроено въ прошлую ночь, какъ несчастная случайность разстроила наши планы, и какъ грустно ѣхалъ я въ этомъ самомъ экипажѣ 24 часа тому назадъ.

— Это была самая ужасная ночь во всей моей жизни,—говорилъ Кинкель.—Бруне сказалъ мнѣ, что я долженъ готовиться, и я ожидалъ указаннаго часа съ полною надеждою. Въ двѣнадцатомъ часу я былъ готовъ. Я прислушивался, какъ только можетъ прислушиваться человѣкъ, долго сидѣвшій въ одиночномъ заключеніи. Иногда мнѣ слышался шумъ шаговъ въ корридорахъ, но они не приближались ко мнѣ. Я считалъ бой часовъ. Пробило 12, четверть перваго, и у меня въ первый разъ явилась мысль: неужели не удастся? Минута проходила за минутой, и все было тихо. Меня охватилъ ужасъ, котораго я не могу описать. На лбу выступилъ потъ. До часу я еще продолжалъ слегка надѣяться. Но когда и во второмъ часу Бруне не пришелъ, я рѣшилъ, что все пропало. Самыя ужасныя картины вставали въ моемъ воображеніи. Очевидно, весь планъ открытъ. Ты въ рукахъ полиціи и приговоренъ на много лѣтъ къ тюремному заключенію. Я до старости осужденъ носить арестантскую куртку. Жена и дѣти не вынесутъ своей печальной судьбы. Я, какъ безумный, трясъ рѣшетку загородки. Потомъ обезсиленный упалъ на свой соломенный тюфякъ. Кажется, я былъ близокъ къ сумасшествію!

— Ну, а сегодня?

— О, сегодня! Я едва вѣрилъ глазамъ и ушамъ, когда Бруне вошелъ въ мою камеру съ фонаремъ въ рукѣ и шепнулъ мнѣ черезъ рѣшетку:— Вставайте скорѣй, господинъ профессоръ! Теперь можно бѣжать!—Это былъ точно электрическій ударъ. Я сразу вскочилъ на ноги. Но знаешь, и сегодня ночью чуть-чуть все не разстроилось!

Я съ волненіемъ слушалъ Кинкеля, и дрожь пробѣгала у меня по тѣлу во время его разсказа.

Въ половинѣ двѣнадцатаго Бруне уже былъ въ камерѣ Кинкеля. На этотъ разъ онъ нашелъ ключи въ шкафу и отворилъ дверь камеры. Разбудивъ Кинкеля, онъ сталъ другимъ ключемъ отпирать дверь перегородки. Но какъ онъ ни старался, замокъ не поворачивался, это былъ не тотъ ключъ. Впослѣдствіи оказалось что ключъ, съ которымъ Бруне напрасно мучился, былъ отъ ставней, а однимъ изъ ключей отъ камеры можно было открыть и загородку; значитъ, настоящій ключъ былъ у него въ рукахъ, а онъ этого не зналъ и въ волненіи не подумалъ объ этомъ.

И вотъ, они стояли Кинкель съ одной стороны перегородки, Бруне съ другой, оба волнуясь, не зная, что дѣлать. Кинкель съ силой отчаянья схватилъ одинъ изъ столбиковъ перегородки, налегъ на него всею своею тяжестью и пытался сломать его. Бруне старался перерубить его своею саблей. Все напрасно.

— Господинъ профессоръ,—сказалъ онъ наконецъ,—вы должны быть свободны, хоть бы мнѣ пришлось поплатиться жизнью.

Онъ вышелъ изъ камеры и черезъ минуту вернулся съ топоромъ въ рукахъ. Нѣсколькими сильными ударами онъ немного отвелъ двѣ перекладины изъ нижняго поперечнаго бруса, потомъ, дѣйствуя топоромъ, какъ рычагомъ, онъ отвелъ ихъ еще дальше. Кинкель съ яростью ухватился за нихъ и отогнулъ ихъ еще больше, такъ что образовалось отверстіе, черезъ которое могла, хотя съ большимъ трудомъ, пролѣзть его широкоплечая фигура.

Но неужели удары топора Бруне не вызвали тревоги во всемъ домѣ? Они прислушивались, затаивъ дыханіе. Ничто не шевелилось. Дѣло въ томъ, что Бруне, прежде чѣмъ работать топоромъ, тщательно заперъ за собою обѣ толстыя двери камеры. Удары топора, страшно громкіе внутри камеры, были заглушены толстыми стѣнами и тяжелыми двойными дверями, такъ что слабо раздались внѣ ея. Они не разбудили спавшихъ, а не спавшие или не слышали ихъ, или подумали, что это стукъ на улицѣ.

Бруне вышелъ съ Кинкелемъ изъ камеры и заперъ дверь ея. Имъ пришлось пройти по корридорамъ, входить на лѣстницы, пережидать въ темныхъ углахъ и даже пропустить мимо себя одного изъ ночныхъ надзирателей, который не былъ посвященъ въ тайну. Наконецъ, они дошли до чердака и до слухового окна, съ котораго предполагалось совершить воздушное путешествіе; Кинкель признался мнѣ, что у него закружилась голова, когда онъ взглянулъ сверху на глубоко лежавшую внизу улицу и на тонкую веревку, которая должна была поддерживать его. Но когда блеснулъ мой сигналъ, и Бруне шепотомъ объяснилъ ему, что это значитъ, онъ быстро овладѣлъ собой и бросился внизъ. Въ ту же минуту кровельный шиферъ и кирпичи дождемъ посыпались на него, но ни одинъ не зашибъ его. Только руки, которыми онъ сначала слишкомъ высоко схватилъ веревку, и черезъ которыя онъ долженъ

былъ пропускать ее, сильно пострадали. Но это была ничтожная рана при такой тяжелой борьбѣ и такой великой побѣдѣ.

Когда Кинкель кончилъ свой разсказъ, Гензель досталъ бутылку превосходнаго рейнвейна, который Крюгеръ далъ намъ на дорогу, и мы выпили за «счастливое возрожденіе» и за здоровье смѣлаго Бруне, безъ преданности и неустрашимости котораго всѣ наши планы и труды пропали бы даромъ. Это были чудныя, счастливыя минуты, которыя почти заставили насъ забыть, что, пока мы находимся на нѣмецкой землѣ, опасность не миновала, и наше дѣло еще не выиграно.

Всю ночь ѣхали мы скорою рысью. Мнѣ до сихъ поръ слышится громкое «Подвысь заставу» Гензеля всякій разъ, какъ мы подъѣзжали къ шлагбаумамъ, у которыхъ брались шоссейные сборы. Мы пролетѣли, не останавливаясь, Ораніенбургъ, Тешендорфъ, Левенбергъ. Но, когда мы подъѣзжали къ маленькому городку Гранзее, за 8 нѣмецкихъ миль отъ Шпандау, мы замѣтили, что лошади не выдержатъ, что необходимо дать имъ передохнуть. Мы остановились въ трактирѣ около Гранзее, простояли тамъ съ полчаса, подкормили ихъ и покатили дальше.

Только теперь, при дневномъ свѣтѣ могъ я, какъ слѣдуетъ, разглядѣть Кинкеля. Годъ тому назадъ это былъ молодой, цвѣтущій человѣкъ; какъ онъ измѣнился! Въ коротко остриженныхъ волосахъ проглядывала сѣдина, цвѣтъ лица былъ землистый, кожа пергаментная, щеки ввалились, носъ заострился, на лицѣ появились глубокія морщины. Если бы я гдѣ-нибудь неожиданно встрѣтилъ его, я бы его не узналъ.—Однако, хорошо они тебя отдѣлали,—замѣтилъ я ему.

— Да,—отвѣчалъ онъ,—хорошо, что ты во время выхватилъ меня оттуда. Еще два, три года, и я бы сгорѣлъ, обуглился, изсохъ тѣломъ и душой. Кто этого не испыталъ, не можетъ понять, что значитъ одиночное заключеніе и униженія, какія приходится терпѣть, когда поставленъ на одну доску съ простыми преступниками. Ну, ничего,—весело прибавилъ онъ,—теперь для меня опять начнется человѣческая жизнь.

И онъ съ своимъ обычнымъ остроуміемъ сталъ представлять, какъ именно въ это время въ смирительномъ домѣ Шпандау сдѣлано открытіе, что Кинкель, точно птица, вылетѣлъ изъ своей камеры, какъ одинъ изъ надзирателей съ встревоженнымъ видомъ побѣжалъ къ директору, какъ директоръ, инспекторъ и всѣ служащіе стали совѣщаться, а затѣмъ побѣжали къ высшему начальству; какъ будутъ наводиться справки у караульныхъ около всѣхъ воротъ и узнаютъ, что въ первомъ часу ночи какой-то экипажъ быстро проѣхалъ черезъ Потсдамскія ворота, какъ поспѣшно будетъ снаряженъ отрядъ конныхъ полицейскихъ, какъ онъ погонится за нами черезъ Науенъ въ Гамбургъ, а мы въ это время будемъ спокойно сидѣть въ гостяхъ у нашихъ мекленбургскихъ друзей.

— Мнѣ бы только хотѣлось, чтобы мы могли поскорѣй выѣхать изъ Пруссіи,—замѣтилъ Гензель.

Былъ уже совсѣмъ день, когда мы подъѣхали къ границѣ Мекленбурга. Въ полной безопасности мы и тамъ не были, но всетаки тамъ было безопаснѣе, чѣмъ въ Пруссіи, такъ какъ въ Мекленбургѣ полиція была менѣе дѣятельна. Но наши лошади бѣжали все тише и тише. Одна изъ нихъ совсѣмъ пристала. Намъ пришлось остановиться въ первой мекленбургской гостиницѣ, попавшейся намъ. Гензель вымылъ лошадей теплой водой, это немного помогло, но не надолго. Доѣхавъ до городка Фирстенберга, мы принуждены были сдѣлать большую остановку, такъ какъ лошади окончательно выбились изъ силъ. Уже послѣ полудня, сдѣлавъ 18 нѣмецкихъ миль, мы доѣхали до Стрелитца, гдѣ у насъ былъ преданный другъ и покровитель, городской судья Петерманъ, который участвовалъ въ устройствѣ подставъ прошлой ночью.

Петерманъ встрѣтилъ насъ съ такимъ восторгомъ, что я боялся, какъ бы онъ не сталъ сообщать объ этомъ радостномъ событіи всѣмъ прохожимъ по улицѣ. И дѣйствительно, онъ не могъ удержаться, чтобы не послать тотчасъ же за нѣсколькими пріятелями. Очень скоро устроился превосходный обѣдъ съ веселыми тостами, а въ это время подъѣхалъ экипажъ со свѣжими лошадьми. Мы самымъ дружескимъ образомъ распрощались съ Гензелемъ. Обѣ его красивыя лошади легли, какъ только вошли въ конюшню, и одна изъ нихъ уже больше не вставала. Вѣчная ей память!

Петерманъ провожалъ насъ дальше, и мы ѣхали быстро, нигдѣ не останавливаясь. Въ Нейбранденбургѣ и въ Тетеровѣ мы перемѣнили лошадей, и на слѣдующій день, 8 ноября, въ восьмомъ часу утра были въ гостиницѣ Бѣлаго Креста около Ростока; Петерманъ тотчасъ же сходилъ за Морицемъ Виггерсомъ, и тотъ взялъ на себя всѣ дальнѣйшія заботы о насъ. Онъ немедленно отправилъ насъ въ сопровожденіи купца Блуме въ портовый и купальный городъ Варнемюнде, гдѣ мы остановились въ гостиницѣ Велерта. Петерманъ радовался, что та часть нашего предпріятія, въ которой онъ участвовалъ, такъ хорошо удалась, и вполнѣ довольный вернулся въ Стрелитцъ. Дорогой мы привыкли называть Кинкеля Кейзеръ, а меня Гензель, и подъ этими именами мы записались въ гостиницѣ.

Виггерсъ описалъ намъ Варнемюнде, какъ городокъ съ патріархальными учрежденіями и нравами, гдѣ полиція существуетъ только по имени, и гдѣ, въ случаѣ, если прусское правительство станетъ требовать нашей выдачи, мѣстныя власти прежде всего постараются укрыть насъ отъ опасности. Тутъ, говорилъ онъ, мы можемъ спокойно жить, пока представится удобный случай переправиться въ Англію. Въ Варнемюнде я въ первый разъ въ жизни увидѣлъ море, но въ то время намъ было не до наслажденія природой. Кинкель провелъ двѣ, а я три ночи въ экипажѣ. Мы были страшно утом-

лены и какъ только добрались до своихъ комнатъ, тотчасъ же завалились спать. У меня всетаки отчасти сохранилось сознаніе нашего положенія: я сунулъ пистолеты себѣ подъ подушку, и Блуме разсказывалъ послѣ, что когда онъ, шесть часовъ спустя, тихонько вошелъ ко мнѣ въ комнату, я тотчасъ же открылъ глаза и закричалъ: «Кто тамъ?» и схватился за оружіе, такъ что онъ поспѣшилъ уйти.

На слѣдующій день Виггерсъ опять пришелъ къ намъ. Онъ сообщилъ, что на рейдѣ стоитъ всего одинъ бригъ, но онъ еще не готовъ къ отплытію. Его пріятель, купецъ и фабрикантъ Эрнстъ Брокельманъ находилъ, что будетъ лучше, если мы отправимся на его собственномъ суднѣ, а пока это судно будетъ готовиться къ отплытію, поживемъ въ его домѣ. Мы оставили гостиницу, сѣли въ лодку одного варнемюндскаго лоцмана, переѣхали широкую бухту, вошли въ рѣку Варновъ и пристали къ берегу около деревни, гдѣ насъ ждалъ Брокельманъ съ своимъ экипажемъ. Онъ привѣтствовалъ насъ самымъ дружелюбнымъ образомъ, и мы скоро сошлись съ нимъ, точно старые знакомые. Это былъ человѣкъ лѣтъ пятидесяти, убѣжденный демократъ, извѣстный по всей округѣ, какъ защитникъ и покровитель всѣхъ бѣдныхъ и угнетенныхъ. Съ рабочими у него были наилучшія отношенія; предлагая намъ убѣжище въ своемъ домѣ, онъ съ полнымъ правомъ говорилъ, что, въ случаѣ надобности, они, по его желанію, станутъ защищать этотъ домъ до тѣхъ поръ, пока намъ удастся уйти изъ него. Впрочемъ, въ этомъ не могло встрѣтиться надобности: пріѣздъ въ его гостепріимный домъ гг. Кайзера и Гензеля никого не могъ удивить, а если бы его прислуга заподозрила нашу тайну, она никогда не выдала бы насъ. Однимъ словомъ, онъ ручался за нашу безопасность.

Въ домѣ Брокельмана мы прожили нѣсколько дней спокойно, привольною жизнью. Самъ хозяинъ, вся его семья и небольшой кругъ друзей, знавшихъ нашу тайну, окружали насъ самымъ любезнымъ вниманіемъ. Не могу описать, съ какой заботливостью наша хозяйка ухаживала за больными руками Кинкеля, какъ она обмывала, перевязывала ихъ! А что сказать о неизбѣжныхъ по мекленбургскому гостепріимству первомъ завтракѣ, второмъ завтракѣ, по возможности, третьемъ завтракѣ, обѣдѣ, послѣобѣденномъ кофе съ пирогами, ужинѣ, «закусочкѣ передъ сномъ» и «ночномъ колпакѣ», которые съ ранняго утра до поздней ночи слѣдовали другъ за другомъ черезъ самые короткіе промежутки времени! Что сказать о нашихъ вечеринкахъ, за которыми вино лилось рѣкой, и Виггерсъ часто артистически игралъ сонаты Бетховена, а одинъ разъ домашній оркестръ исполнилъ общій революціонный гимнъ, марсельезу. А какъ хороши были прогулки въ саду, поздно ночью, когда вся прислуга уже спала!

Разумѣется, при этомъ мы не забывали и серьезной стороны

нашего положенія. Брокельманъ велѣлъ приготовить для насъ одно изъ своихъ собственныхъ судовъ, шхуну въ 40 тоннъ, очень хорошо ходившую подъ парусами. «Маленькая Анна», такъ называлась шхуна, должна была свезти грузъ пшеницы въ Англію и днемъ ея отплытія назначено было 17 ноября, если до тѣхъ поръ сколько-нибудь стихнетъ все время дувшій сильный сѣверо-восточный вѣтеръ.

Между тѣмъ, извѣстіе о бѣгствѣ Кинкеля попало въ газеты и надѣлало много шума. Наши друзья въ Ростокѣ старались разузнать все, что объ этомъ дѣлѣ печатали или говорили. Они привезли намъ къ чаю напечатанное въ газетахъ объявленіе правительства о розыскѣ Кинкеля, и мы его читали, прерывая разными непочтительными и юмористическими вставками. О моемъ участіи въ его освобожденіи не знало въ то время ни начальство, ни публика. Особенно смѣшили насъ газетныя извѣстія о пріѣздѣ Кинкеля въ разныя мѣста въ одно и то же время. Либеральный пасторъ Дулонъ напалъ на счастливую мысль и подробно описалъ въ своей газетѣ, какъ и когда Кинкель переѣхалъ черезъ Бременъ и уѣхалъ на кораблѣ въ Англію. Нѣкоторые изъ моихъ друзей сообщали о его пріѣздѣ въ Цюрихъ и въ Парижъ. Одна газета подробно описала банкетъ, который дали ему нѣмецкіе эмигранты въ Парижѣ, и сообщила рѣчь, которую онъ при этомъ произнесъ. Такимъ образомъ, прусская полиція была окончательно сбита съ толку.

Впрочемъ, до насъ доходили и тревожныя вѣсти. Такъ 14 ноября Виггерсъ получилъ письмо изъ Стрелитца, написанное незнакомымъ почеркомъ и безъ подписи, такого содержанія. «Отсылайте скорѣй товаръ, отданный вамъ на сохраненіе; промедленіе можетъ быть опасно». Очевидно, полиція напала на нашъ слѣдъ между Шпандау и Стрелитцомъ и оттуда выслѣживала дальше. На другой день къ Виггерсу пришелъ неизвѣстный ему человѣкъ, отрекомендовался, какъ землевладѣлецъ Гензель, и спрашивалъ, находится ли въ Ростокѣ Кинкель, котораго онъ везъ отъ Шпандау до Стрелитца. Виггерсъ много разъ слышалъ, съ какой похвалой мы отзывались о Гензелѣ, но онъ подумалъ, что это, можетъ быть, совсѣмъ не Гензель, а просто шпіонъ. Онъ представился удивленнымъ, что Кинкель можетъ быть въ Ростокѣ, обѣщалъ навести справки и просилъ незнакомца придти завтра. Онъ разсказалъ намъ объ этомъ посѣтителѣ и, когда описалъ его наружность, мы сразу узнали, что это Гензель. Онъ говорилъ Виггерсу, что пріѣхалъ въ Ростокъ потому только, что сильно безпокоился о насъ. Намъ съ Кинкелемъ очень хотѣлось повидаться съ нимъ и еще разъ пожать ему руку. Но Виггерсъ, напуганный письмомъ изъ Стрелитца, настоятельно совѣтовалъ намъ соблюдать величайшую осторожность и обѣщалъ передать наши поклоны Гензелю, который хотѣлъ пробыть въ Ростокѣ до 18, когда мы уже будемъ въ открытомъ морѣ.

Вслѣдствіе этихъ обстоятельствъ, мы, несмотря на правильную жизнь у Брокельмана, были очень рады, когда узнали, что сѣверо-восточный вѣтеръ стихъ, что «Анна» стоитъ на якорѣ около Варнемюнде и что все готово къ нашему отплытію 17 ноября.

Въ морозное воскресное утро мы отправились въ двухъ парусныхъ лодкахъ черезъ бухту къ мѣсту стоянки «Анны». Насъ провожалъ цѣлый вооруженный отрядъ, который наши друзья составили изъ вполнѣ надежныхъ людей и который, какъ говорилъ Виггерсъ,—«могъ отбить весьма солидную атаку полицейскихъ».

Капитанъ «Анны» былъ не мало удивленъ при видѣ такого большого количества посѣтителей, конечно, еще болѣе удивили его слѣдующія распоряженія Брокельмана: — Вы свезете этихъ двухъ господъ,—онъ указалъ на Кинкеля и на меня,—въ Ньюкестль. Около Гельзингера распустите паруса и не останавливайтесь, пошлину заплатите на возвратномъ пути. Въ случаѣ неблагопріятной погоды пристаньте съ судномъ къ шведскимъ берегамъ, но ни въ какомъ случаѣ не возвращайтесь ни въ одну нѣмецкую гавань. Если по состоянію вѣтра вамъ удобнѣе будетъ направиться не въ Ньюкестль, а въ какую-нибудь другую гавань восточнаго берега Англіи или Шотландіи, это все равно, вы должны постараться объ одномъ—какъ можно скорѣй прибыть въ Англію. Я поблагодарю васъ, если вы точно исполните мои приказанія.

Нѣкоторые изъ нашихъ друзей остались съ нами, пока маленькій пароходикъ отбуксировалъ «Анну» въ открытое море. Настала минута прощанья. Кинкель, рыдая, обнялъ Виггерса и сказалъ:—Я самъ не знаю, радоваться ли мнѣ моему спасенію или горевать о томъ, что я долженъ, точно какой-то преступникъ, какой-то отверженный, бѣжать изъ дорогой родины.

Наши друзья перешли на пароходикъ, и мы съ чувствомъ благодарности прокричали имъ послѣднее прости. На прощанье они салютовали намъ изъ пистолетовъ и вернулись въ Варнемюнде, гдѣ отпраздновали спасеніе Кинкеля веселымъ обѣдомъ.

Мы съ Кинкелемъ стояли на кормѣ шхуны и слѣдили глазами за пароходомъ, который увозилъ нашихъ друзей. Затѣмъ наши взгляды остановились на родномъ берегу, и мы не могли оторвать отъ него глазъ, пока послѣдняя полоска его не исчезла въ вечернемъ сумракѣ. Такъ безъ словъ прощались мы съ родиной.

— Когда-то мы вернемся?—спрашивали мы другъ друга.

Оба мы были твердо увѣрены, что насъ возвратитъ побѣдоносное народное возстаніе. Это была надежда, вызванная горячимъ желаніемъ и поддерживаемая сангвиническимъ темпераментомъ. Съ какимъ недовѣріемъ отнеслись бы мы въ ту минуту къ пророку, который сказалъ бы намъ, что я ступлю на нѣмецкую землю лишь черезъ десять лѣтъ, проѣздомъ въ Испанію, въ качествѣ посланника Сѣверо-Американскихъ Соединенныхъ Штатовъ, и что двери старой родины откроются для Кинкеля лишь послѣ австро-прус-

ской войны, по амнистіи короля и президента Сѣверо-Германскаго союза, бывшаго принца Прусскаго.

Чтобы закончить исторію бѣгства Кинкеля, необходимо сказать нѣсколько словъ о судьбѣ лицъ, принимавшихъ въ ней дѣятельное участіе. Подозрѣніе сразу пало на Блуме. Его арестовали и привлекли къ слѣдствію. Сначала его ни въ чемъ не могли уличить; но затѣмъ его посадили въ тюрьму вмѣстѣ съ переодѣтымъ агентомъ полиціи, и онъ, не подозрѣвая этой уловки, разсказалъ ему всю исторію. Его предали суду и приговорили къ тремъ годамъ тюремнаго заключенія. Отбывъ срокъ наказанія, онъ съ семьей переселился къ себѣ на родину, въ Вестфалію, гдѣ, благодаря полученнымъ отъ меня деньгамъ, которыхъ полиціи не удалось разыскать, завелъ порядочное хозяйство и жилъ съ своей семьей вполнѣ благополучно до глубокой старости. Крюгеръ былъ также привлеченъ къ слѣдствію и отданъ подъ судъ. Передъ судомъ онъ не отрицалъ, что я останавливался въ его гостиницѣ, но замѣтилъ что по своей профессіи онъ долженъ принимать прилично одѣтыхъ проѣзжихъ, которые, судя по наружности, въ состояніи уплатить по счету. При этомъ онъ никакъ не можетъ справляться, кто эти проѣзжіе, и что они намѣрены дѣлать. Такъ, напр., вскорѣ послѣ Берлинской революціи 18 марта 1848 г., въ его гостиницу пріѣхалъ одинъ очень видный господинъ съ нѣсколькими пріятелями. Всѣ эти господа сильно волновались, куда-то торопились, и вообще онъ замѣтилъ въ ихъ обращеніи что-то странное. Они очень скоро уѣхали, какъ онъ слышалъ, въ Англію. Ему и въ голову не пришло не пустить ихъ въ свою гостиницу, какъ неизвѣстныхъ. Впослѣдствіи онъ узналъ, что самый важный изъ этихъ господъ былъ его высочество, принцъ Прусскій. Этотъ разсказъ, сопровождаемый лукавой улыбкой Крюгера, привелъ въ самое веселое настроеніе всю публику, даже самихъ судей. Крюгеръ былъ оправданъ, продолжалъ спокойно жить въ Шпандау и умеръ въ семидесятыхъ годахъ.

Поритцъ, Леддинъ и Гензель не привлекались къ дѣлу, такъ какъ противъ нихъ не было никакихъ уликъ. Поритцъ и Гензель умерли черезъ нѣсколько лѣтъ послѣ описаннаго; а съ Леддиномъ я встрѣтился въ 1888 году въ Берлинѣ, гдѣ онъ жилъ богатымъ бюргеромъ. Онъ умеръ уже въ 90-хъ годахъ.

Изъ Англіи.

I.

Явленіе, о которомъ я буду говорить въ этомъ письмѣ, наблюдается не въ одной только Англіи. Нѣсколько десятилѣтій тому назадъ благородные, серьезные экономисты, какъ Милль, доказывали благодѣтельное вліяніе этого явленія, если оно осуществится. И когда желаемое осуществилось, многіе отступили теперь въ ужасѣ предъ нимъ. Я говорю о постепенномъ паденіи процента рождаемости во всѣхъ культурныхъ странахъ.

Возьмемъ только что появившійся оффиціальный «Statistical Abstract». Изъ него мы видимъ, что въ настоящій моментъ населеніе:

Россійской имперіи	128.154,000
Соединенныхъ Штатовъ	76.303,000
Германской имперіи	60.605,000
Японіи	46.732,000
Великобританіи	41.458,000
Франціи	38.961,000
Италіи	32.475,000
Австріи	26.150,000
Венгріи	19.254,000

Въ нѣкоторыхъ странахъ плотность населенія поразительна, напр., въ Египтѣ 750,5 на кв. милю; въ Бельгіи—588,7; въ Голландіи—406,4; въ Великобританіи—341,6; въ Японіи—316,9; въ Италіи—293,5 и въ Германіи—290,4. Въ Соединенныхъ Штатахъ съ населеніемъ въ 21,4 на кв. м. и въ Россіи съ 15,3 на кв. милю есть еще много простора для милліоновъ людей. Между тѣмъ Соединенные Штаты теперь закрываютъ входъ для пришлаго населенія, создавшаго поразительное благосостояніе страны; а въ Россіи съ ея громадными пространствами земли милліоны крестьянъ голодаютъ, вслѣдствіе недостатка въ землѣ.

Обратимся теперь къ проценту рождаемости и смертности. На тысячу населенія рождается ежегодно: въ Россіи—49, въ Германской имперіи 34,1 (данныя эти относятся къ 1904 г., съ 1896 г., какъ показываетъ статистика, процентъ рождаемости въ Германіи понижается: въ 1897 г. онъ былъ 36,3). Въ Японіи рождаемость

составляетъ 32 на 1 000; въ Италіи—32,6; въ Австріи—35,6; въ Венгріи—37; въ Великобританіи—27,6 и во Франціи—21. Процентъ смертности почти всюду идетъ параллельно съ процентомъ рождаемости. Это видно изъ слѣдующей таблички. На тысячу населенія смертей приходится:

Въ Россіи	31
„ Германіи	19,6
„ Японіи	20
„ Италіи	20,9
„ Австріи	23,8
„ Венгріи	24,8
„ Великобританіи	16,5
„ Франціи	19,5
„ Бельгіи	16,8
„ Даніи	13,9
„ Швеціи	15,3
„ Норвегіи	14,3

Анализъ цифръ показываетъ, что въ культурной странѣ, гдѣ личность обезпечена и представляетъ большую цѣнность, каждый гражданинъ имѣетъ вдвое больше шансовъ на продолжительную жизнь, чѣмъ въ странѣ деспотической. Но вмѣстѣ съ тѣмъ тотъ же анализъ таблицъ покажетъ намъ, что процентъ рождаемости въ культурныхъ странахъ постепенно падаетъ. Сперва, какъ извѣстно, явленіе это было замѣчено во Франціи. И въ девяностыхъ годахъ благочестивые тартюфы въ Германіи и въ Англіи много писали о «вырожденіи» «развратной» республики. Обличенія прекратились только тогда, когда то же явленіе было отмѣчено въ Германіи, Англіи, Соединенныхъ Штатахъ, британскихъ колоніяхъ,—словомъ, всюду, гдѣ существуетъ правильно поставленная статистика. У насъ, въ Россіи, въ нѣкоторыхъ центральныхъ губерніяхъ почти нѣтъ естественнаго прироста населенія; но только явленіе тутъ обусловливается поразительной, безпримѣрной въ Европѣ нищетой, безпросвѣтной темнотой и невѣроятными окружающими условіями. Явленія, о которыхъ я говорю въ этомъ письмѣ, относятся къ странамъ культурнымъ, богатымъ и свободнымъ. Еще недавно англійская экономическая литература почти всецѣло находилась подъ вліяніемъ Мальтуса, когда дѣло касалось прироста населенія. «Не въ тысячу ли разъ болѣе жестоко сказать человѣческимъ существамъ, что они имѣютъ право вступать въ бракъ, когда они этого права не имѣютъ, потому что послѣдствіемъ является безчисленное множество созданій (swarms of creatures), которыя навѣрно будутъ несчастны и, очень возможно, обречены на преступленія? Возмущающіеся забываютъ, что явленіе,—неодобреніе котораго, по ихъ мнѣнію, жестоко,—представляетъ рабское потворство животному инстинкту мужчины и безпомощному подчиненію со стороны женщины» (Милль). «Если бы возможно было бы хоть на нѣсколько лѣтъ остановить все прибывающій

потокъ новыхъ жизней, то благоденствіе человѣчества сильно поднялось бы». Это пишетъ одинъ изъ современныхъ послѣдователей Мальтуса *). Желаемое осуществляется: «прибывающій потокъ новыхъ жизней мелѣетъ»; но ожидаемыхъ мальтузіанцами благодѣтельныхъ результатовъ не послѣдовало. Многіе изъ искреннихъ англійскихъ мальтузіанцевъ теперь, какъ Фаустъ при видѣ вызваннаго духа, восклицаютъ въ ужасѣ:

«Schreckliches Gesicht... Weh! Ich ertrag' dich nicht»

(т. е. «Ужасный видъ... Горе мнѣ! Ты не по силамъ мнѣ»).

Между тѣмъ, изслѣдователя поражаютъ размѣры литературы, въ которой доказывалось, что только въ примѣненіи доктринъ Мальтуса *на практикѣ* спасеніе человѣчества.

Нео-мальтузіанская литература на англійскомъ языкѣ теперь громадна **). Мы видимъ тутъ увѣсистыя сочиненія въ родѣ «Плодовъ Философіи» бостонскаго доктора Чарльза Наултона, брошюры, журналы, газеты. Одни авторы пытаются создать нѣкоторое подобіе философской системы; другіе—ограничиваются практическими совѣтами. Часть нео-мальтузіанской литературы проникнута дѣйствительной и искренней скорбью при описаніи современнаго положенія бѣдняковъ въ большихъ городахъ. Другая часть той же литературы—продуктъ грубаго шарлатанства и безстыдной порнографіи.

Попытаюсь привести главные аргументы, выставляемые искренними нео-мальтузіанцами. Авторы эти съ большой силой описы-

*) The Service of Man, by J. Cotter Morison.

**) Назову здѣсь только наиболѣе крупныя произведенія: „Every Woman's Book", Карлайля (1828); Статья „Colony", Джемса Милля, отца знаменитаго экономиста, въ восьмомъ изданіи „Британской Энциклопедіи", а также книга того же автора „Elements of Political Economy" (собственно говоря, стр. 34—44). Въ статьяхъ „Передъ разсвѣтомъ въ Англіи" я указывалъ, какъ боролся съ первыми провозвѣстниками нео-мальтузіанства Робертъ Оуэнъ. Его вліяніемъ нужно объяснить то, что движеніе замерло на сорокъ лѣтъ. Въ 1870 г. появился коранъ нео-мальтузіанства—„The Fruits of Philosophy" „The Law of Population, its Consequences, and its Bearing upon Human Conduct and Morals", Энни Безантъ.—„Notes on the Population Question".—„The Physiology of Marriage".—„Poverty: its Cause and Cure".—„Moral Physiology".—„Individual, Family, and National Poverty".—„Elements of Social Science".—„The Population Question".—„The Wife's Handbook".—„Artificial Checks to Population: is the teaching of them Infamous"?—„English and French Morality".—„The Duties of Parents".—„The Strike of a Sex".—„The Prosperity of the French Peasant".—„The Malthusian Magazine".—Послѣдній журналъ основанъ „Лигой Мальтузіанцевъ". Первый нумеръ вышелъ въ февралѣ 18.2 г. Въ настоящій моментъ журналъ прекратился; во всякомъ случаѣ, не выходитъ періодически. Громадное вліяніе имѣла книга американскаго доктора Наултона (Knowlton) «The Fruits of Philosophy», упомянутая выше. Въ настоящее время новыя произведенія не появляются, но за то въ громадномъ количествѣ экземпляровъ расходятся перечисленныя книги.

ваютъ плачевное положеніе массъ и всѣ ужасы, являющіеся, по мнѣнію мальтузіанцевъ,—результатомъ перенаселенія: отчаянную конкурренцію за хлѣбъ, преступленія, пороки и пр. Яркую картину подобнаго рода мы находимъ въ «Problems of Poverty», Безантъ. Авторъ говоритъ о замужнихъ женщинахъ, которыя вынуждены конкуррировать на фабрикахъ съ мужчинами за хлѣбъ, вмѣсто того, чтобы оставаться дома и заботиться о подрастающемъ поколѣніи. Даже беременныя женщины вынуждены до послѣдняго момента работать на фабрикахъ и заводахъ, что ведетъ въ вырожденію націи. Мужъ, имѣющій большую семью, не въ силахъ самъ прокормить ее, вслѣдствіе чего онъ вынужденъ призвать на помощь жену. Но женскій трудъ понижаетъ стоимость мужского труда, такъ какъ капиталистъ всегда отдаетъ предпочтеніе тѣмъ, кто беретъ меньше. И вотъ промышленные города превращаются въ настоящій адъ. Заработная плата падаетъ; женщины на фабрикахъ болѣютъ и старятся раньше времени; дѣти рождаются рахитиками, некрасивыми и глупыми. Такъ какъ населеніе все больше увеличивается и конкурренція на рабочемъ рынкѣ растетъ, то десятки тысячъ дѣвушекъ вынуждены голодомъ идти на улицу. Проституція, по мнѣнію мальтузіанцевъ, является прямымъ результатомъ перенаселенія. Защитники современнаго строя видятъ въ проституціи своего рода общественную службу. Проститутка, по ихъ словамъ, является своего рода громоотводомъ для накопившихся въ обществѣ животныхъ страстей, которыя иначе обрушились бы на «святыню семейнаго очага». Такой взглядъ, напр., высказываетъ Лекки въ своей книгѣ «European Morals».

«Это несчастное существо,—говоритъ Лекки,—профессію котораго стыдятся называть и которое обречено на болѣзни и нищету,—живетъ изъ вѣка въ вѣкъ. Цивилизаціи и культы нарождаются и гибнутъ, а проститутка, эта вѣковѣчная жрица, принесенная въ жертву за грѣхи человѣчества,—живетъ». Другими словами, это напыщенное кощунство противъ человѣчества означаетъ, что философъ признаетъ существованіе проституціи такой же государственной необходимостью, какъ наши благочестивые іеромонахи—палачей и висѣлицы.

Мальтузіанцы указываютъ на тотъ печальный и неоспоримый фактъ, что армія проститутокъ растетъ. Лекки вычислилъ, что во всей Англіи 50 тысячъ женщинъ выносятъ на рынокъ свое тѣло. Теперь можно думать, что въ одномъ только Лондонѣ около ста тысячъ проститутокъ. Слѣдуетъ прибавить еще, что, вслѣдствіе конкурренціи за хлѣбъ, почти съ каждымъ годомъ возрастъ проститутокъ понижается. Статистика отмѣчаетъ теперь среди нихъ двѣнадцатилѣтнихъ и даже десятилѣтнихъ дѣтей. Борьба за жизнь и хлѣбъ теперь до такой степени упорна,—говорятъ нео-мальтузіанцы— что бѣдняки вынуждены строить свой бюджетъ на безчестныхъ заработкахъ своихъ дочерей. Проституція, конечно, стара, какъ чело-

вѣчество; но среди дикихъ народовъ торговля женщины своимъ тѣломъ изъ-за хлѣба была неизвѣстна, покуда не явились цивилизованные люди. Такимъ образомъ, проституція въ томъ видѣ, какъ мы ее знаемъ теперь,—не пережитокъ доисторическихъ временъ, не остатокъ отжившаго понятія о нравственности, а продуктъ современной цивилизаціи и борьбы за существованіе. Нео-мальтузіанцы ссылаются на Уэка *), Вэстермарка **), а также на Летурно ***). Вслѣдствіе перенаселенія и борьбы за хлѣбъ, развратъ въ большихъ городахъ достигаетъ теперь чудовищныхъ размѣровъ. Тѣ же причины создали безработныхъ. Мы видимъ теперь тысячи людей, печально бродящихъ по улицамъ въ тщетныхъ поискахъ за предпринимателемъ, который согласился бы купить силу ихъ мышцъ. Сотни тысячъ людей, продолжаютъ нео-мальтузіанцы, несмотря на непосильную работу, прозябаютъ въ состояніи хроническаго недоѣданія. Вслѣдствіе паденія заработной платы, явившагося результатомъ перенаселенія, сотни тысячъ прилежныхъ работниковъ питаются только хлѣбомъ и чаемъ; въ безчисленныхъ рабочихъ квартирахъ дѣти постоянно плачутъ отъ голода. А между тѣмъ есть средство устранить всѣ эти бѣдствія,—говорятъ нео-мальтузіанцы. Если рекомендуемая мѣра будетъ принята, человѣчество не станетъ больше трепетать при мысли о завтрашнемъ днѣ; молодые люди могутъ тогда вступать въ бракъ въ какомъ угодно возрастѣ. Отъ воли ихъ будетъ зависѣть имѣть одного ребенка или совсѣмъ не имѣть дѣтей, покуда не добыты средства на воспитаніе семьи. Когда будетъ устранено перенаселеніе, человѣчество можетъ спокойно жить, ѣсть, веселиться, вступать по любви въ бракъ, когда силы кипятъ. Устранены будутъ несчастія и болѣзни, проистекающія отъ позднихъ браковъ или вынужденнаго безбрачія. Уменьшится число преступленій и самоубійствъ. Понизится смертность. Статистика теперь показываетъ, что смертность среди двадцатипятилѣтнихъ холостяковъ такъ же высока, какъ между сорокапятилѣтними семейными людьми. Когда принципы, рекомендуемые нео-мальтузіанцами, говорятъ послѣдніе, будутъ приняты всюду, проституція исчезнетъ. Не станетъ больше старыхъ дѣвушекъ, которыхъ въ Англіи больше, чѣмъ въ какой-либо другой странѣ. «Наши дѣвушки плачутъ по праву быть женами и матерями, а не монахинями», говоритъ Грэнтъ Алленъ. Профессіональные классы въ Англіи (т. е. интеллигенція, по русской терминологіи),—говорятъ нео-мальтузіанцы,—боятся вступать рано въ бракъ изъ опасенія, что у нихъ не будетъ средствъ на содержаніе семьи. Вслѣдствіе этого, представители этихъ классовъ женятся поздно, что гибельно отражается на здоровьѣ дѣтей. Такимъ образомъ, въ

*) Development of Marriage.

**) History of Marriage.

***) Lévolution du mariage et de la famille.

убыткѣ остается страна. Послѣдствіемъ долгаго безбрачія являются также венерическія болѣзни. Правда, онѣ въ Англіи не такъ распространены, какъ на континентѣ; но все же ведутъ къ вырожденію народа. Бракъ, говорятъ нео-мальтузіанцы, «опредѣленный Богомъ, какъ мѣра противъ сексуальныхъ пороковъ, теперь можетъ быть удѣломъ или богатыхъ, или совершенно беззаботныхъ людей».

Десятки тысячъ дѣвушекъ въ Англіи желаютъ быть супругами и матерьми, а между тѣмъ обречены на безбрачіе,—продолжаютъ нео-мальтузіанцы. Результатомъ являются нервныя болѣзни. Физическое состояніе сорокалѣтней замужней женщины лучше во всѣхъ отношеніяхъ, чѣмъ дѣвушки того же возроста. «The evils of celibacy quite equal those of prostitution» (т. е. зло отъ безбрачія и проституціи равны),—говоритъ Хольмесъ Кутъ.

Итакъ, мы видимъ, что нео-мальтузіанцы правильно рисуютъ картину современной цивилизаціи. Они отмѣчаютъ тѣ же мрачныя явленія, что и соціалисты; но послѣдніе справедливо указываютъ, что бѣдность, безработица и проституція не могутъ быть устранены, покуда существуетъ капиталистическая форма производства. Нео-мальтузіанцы же видятъ причину всѣхъ соціальныхъ золъ въ перенаселеніи, т. е. въ безконтрольномъ дѣторожденіи, и предлагаютъ свои практическіе совѣты, которые должны осуществить на землѣ золотой вѣкъ. Если вся страна будетъ руководствоваться этими совѣтами,—говорятъ нео-мальтузіанцы, не станетъ больше безработныхъ; наоборотъ, предприниматели будутъ жадно высматривать работниковъ, что, конечно, поведетъ къ поднятію заработной платы. Глупые совѣты о бережливости отнюдь не повышаютъ благосостоянія массъ, а содѣйствуютъ только развитію скупости. Есть только одно вѣрное средство избавить страну отъ нищеты и это—ограниченіе числа дѣтей.

II.

Какими доводами отвѣчаютъ на это противники теоріи нео-мальтузіанства? Эти аргументы собраны въ книгѣ R. Ussher'а, вышедшей въ 1897 году *).

«Что мы можемъ отвѣтить защитникамъ теоріи,—говоритъ авторъ.—Мы можемъ сказать нео-мальтузіанцамъ, что вполнѣ признаемъ существованіе тѣхъ мрачныхъ соціальныхъ явленій, на которыя намъ указываютъ. Констатированіе неравенства и несправедливостей, проистекающихъ изъ него, къ сожалѣнію, совершенно вѣрно. Несправедливость должна быть устранена. Необходимы радикальныя лѣкарства; но только мы отрицаемъ совершенно

*) «Neo-Malthusianism. An Enquiry into that System with regard to Economy and Morality», London, 1897.

средства, рекомендуемыя вами. Нищета, проституція и безработные могутъ существовать, какъ въ густо, такъ и въ рѣдко населенной странѣ. Тѣ средства, которыя по мнѣнію нео-мальтузіанцевъ положатъ конецъ человѣческимъ бѣдствіямъ, въ сущности, гибельны для общества. Нео-мальтузіанцы исходятъ изъ совершенно невѣрнаго положенія. Они полагаютъ, что бѣдность является резутатомъ только перенаселенія, тогда какъ въ дѣйствительности явленіе обусловливается неправильнымъ распредѣленіемъ богатствъ, несовершенными формами производства и несправедливымъ общественнымъ порядкомъ. Какъ бы ни было мало населеніе данной страны, оно, безъ сомнѣнія, будетъ страдать отъ бѣдности, если только всѣ не будутъ имѣть равную долю въ производствѣ и если желающіе будутъ устранены отъ земли, этого источника всѣхъ богатствъ. Можно привести безчисленныя примѣры, доказывающіе, что страшная бѣдность существуетъ въ странахъ съ рѣдкимъ населеніемъ и съ безчисленными естественными богатствами» *). Классическимъ примѣромъ является Россія, гдѣ, несмотря на громадныя территоріи, крестьяне умираютъ съ голода. Противники нео-мальтузіанцевъ, въ извѣстной степени, соглашаются съ ними, когда тѣ указываютъ на нежелательность позднихъ браковъ. «Нельзя не соглашаться съ нео-мальтузіанцами, когда они указываютъ на печальное явленіе, что въ культурныхъ странахъ возрастъ вступающихъ въ бракъ отодвигается съ каждымъ десятилѣтіемъ. Бракъ становится своего рода роскошью, доступной только зажиточнымъ людямъ». Рядомъ съ этимъ явленіемъ мы видимъ прогрессивный ростъ проституціи. Все это вѣрно; но только средства, рекомендуемыя нео-мальтузіанцами нисколько, не измѣнятъ явленія,»—говоритъ Майоръ Черчель. Авторъ указываетъ на Францію, на которую ссылаются нео-мальтузіанцы, какъ на примѣръ благоденствія народа, контролирующаго приростъ населенія. Во Франціи раньше, чѣмъ въ другихъ странахъ «практическое нео-мальтузіанство» нашло широкое примѣненіе. По прогнозу нео-мальтузіанцевъ слѣдовало ожидать, что во Франціи увеличится число раннихъ браковъ и уменьшится проституція. Въ дѣйствительности мы видимъ другое. По статистическимъ даннымъ, приводимымъ Шененомъ, видно, что французъ вступаетъ въ бракъ очень поздно. По числу проститутокъ Франція занимаетъ первое мѣсто въ Европѣ. Такимъ образомъ, одно изъ основныхъ положеній нео-мальтузіанцевъ, что принятіе ихъ доктринъ поведетъ къ раннимъ бракамъ и къ устраненію проституціи—не подтверждается фактами. Защищая совершенно произвольное утвержденіе, нео-мальтузіанцы въ то же время обходятъ молчаніемъ вопросъ о неправильномъ распредѣленіи богатствъ. Они просто повторяютъ давно опровергнутое утвержденіе, что въ каждомъ обществѣ населеніе увеличивается быстрѣе,

*) «Neo-Malthusianism», etc. p. 35.

чѣмъ средства къ существованію. «Бѣдность не есть результатъ чрезмѣрной густоты населенія, — говоритъ итальянскій критикъ мальтузіанства.—Въ Ирландіи въ 1846 г., въ Индіи и въ Россіи умирающее отъ голода населеніе видѣло и видитъ обиліе пищи, но не имѣетъ средствъ купить ее. Въ до-революціонной Франціи въ однѣхъ провинціяхъ крестьяне голодали, тогда какъ въ сосѣднихъ провинціяхъ населеніе не знало, куда дѣвать хлѣбъ. То же явленіе повторяется во время каждаго большого голода въ Россіи. Здѣсь получается такого рода парадоксъ. Въ однѣхъ губерніяхъ отсутствіе хлѣба ведетъ къ голодной смерти, тогда какъ въ другихъ чрезмѣрное скопленіе его имѣетъ послѣдствіемъ раззореніе людей».

Двѣнадцать лѣтъ тому назадъ цитируемый авторъ съ горечью констатировалъ, что доктрины нео-мальтузіанства находятъ все больше и больше послѣдователей во Франціи, Италіи, Германіи и «даже въ цѣломудренной Англіи». Для доказательства итальянскій экономистъ приводитъ цѣлый рядъ статистическихъ таблицъ, изъ которыхъ я возьму слѣдующія цифры:

	Число рожденій на 1000 жителей: 1871--90 гг.	1891 г.	1892 г.	1893 г.
Въ Венгріи	44	42,3	40,3	42,5
„ Австріи	38,6	38,1	36,2	—
„ Германіи	38,1	37	35,7	36,7
„ Италіи	37,8	37,3	36,3	36,6
„ Голландіи	35,2	33,7	31	33,8
„ Англіи и Валисѣ . .	34	31,4	30,5	30,8
„ Шотландіи.	33,6	31,2	30,8	31
„ Соединенныхъ Штат.	32,6	30,4	29,5	29,9
„ Даніи	31,7	31	29,5	30,6
„ Бельгіи	31	29,6	28,9	29,5
„ Норвегіи	30,7	30,9	29,6	30,7
„ Швеціи	29,8	28,3	27	—
„ Швейцаріи	27,4	28,1	28,1	28,5
„ Ирландіи	24,9	23,1	22,4	23
„ Франціи	24,6	22,6	22,1	—

Въ 1850 г. по количеству населенія государства слѣдовали въ такомъ порядкѣ: Россія, Франція, Австро-Венгрія, Германія, Великобританія, Италія, Соединенные Штаты. Въ 1896 г. порядокъ уже былъ другой: Россія, Соединенные Штаты, Германія, Австро-Венгрія, Великобританія, Франція, Италія. Франціи дорого обошлось то, что въ глазахъ нео-мальтузіанцевъ она является страной, съ которой слѣдуетъ брать примѣръ. Въ 1890 г. населеніе Германіи достигало 49.428,476. а въ 1895 г.—52.244,503. За пять лѣтъ населеніе увеличилось на 2.816,027. Во Франціи за это время приростъ населенія равняется только 124,000. Вообще, во Франціи, до тѣхъ поръ, покуда доктрины нео-мальтузіанства получали такое широкое примѣненіе, тѣ факторы, которымъ Маль-

тусъ придавалъ важное значеніе, какъ естественному регулятуру чрезмѣрнаго прироста населенія, дѣйствовали усиленно. Вотъ почему приростъ населенія былъ слабъ, что видно изъ слѣдующей таблицы.

Въ 1700 г.	населенія	во	Франціи	было	19.660,320
„ 1801 „	„	„	„	„	27.349,303
„ 1821 „	„	„	„	„	30.461,873
„ 1856 „	„	„	„	„	36.039,364
„ 1881 „	„	„	„	„	37.672,048
„ 1886 „	„	„	„	„	38.218,903
„ 1891 „	„	„	„	„	38.343,192
„ 1896 „	„	„	„	„	38.228,969

Въ началѣ XIX вѣка во Франціи было почти вдвое больше населенія, чѣмъ въ Англіи (27.350,000 и 15.717,000). Въ 1891 г. во Франціи было только на полмилліона больше жителей, чѣмъ въ Англіи. По послѣдней переписи жителей въ Англіи теперь больше, чѣмъ во Франціи. До семидесятыхъ годовъ XIX вѣка приростъ населенія въ Англіи шелъ стремительно впередъ.

Въ 1712 г.	населенія было	9.420,000
„ 1754 „	„ „	11.485,000
„ 1801 „	„ „	15.717,000

Въ XVIII вѣкѣ населеніе въ Англіи увеличилось на 41%, а въ XIX —на 228%. Приведу еще одну таблицу изъ статистическаго словаря Мюльхоля. За послѣднія шестьдесятъ пять лѣтъ населеніе

Великобританіи	увеличилось на	15.300,000	или	63%
Франціи	„ „	5,900,000	„	18
Германіи	„ „	5.900,000	„	75
Россіи	„ „	22.400,000	„	92
Австріи	„ „	13.500,000	„	45
Италіи	„ „	10.200,000	„	48
Другихъ странъ	„ „	22.500,000	„	62
Соединенн. Штат.	„ „	60.700,000	„	626
Британскихъ колон.	„ „	9.700,000	„	510

Въ Германіи и въ Англіи суровые критики, благочестиво закатывая глаза и ссылаясь на эти цифры, обличали «вырождающуюся» Францію. По словамъ этихъ обличителей выходило, что уменьшеніе населенія во Франціи есть послѣдствіе безбожія и безпутства. Теперь статистика показываетъ, что процентъ рожденій поразительно быстро падаетъ въ Германіи, Соединенныхъ Штатахъ, Англіи и въ самоуправляющихся британскихъ колоніяхъ. Причины—тѣ же, что и во Франціи, т. е. стремительный прогрессъ нео-мальтузіанства.

III.

За десять лѣтъ, отъ 1895—1905 г., населеніе Лондона увеличилось на 300,000, между тѣмъ число дѣтей въ возрастѣ отъ 3—5 лѣтъ уменьшилось (179,426 въ 1895 г. и 174,359 въ 1905 г.). Цифры эти очень точны, потому что доставлены спеціальными школьными инспекторами, слѣдящими за тѣмъ, чтобы родители аккуратно посылали своихъ дѣтей въ начальныя училища. Цифры подтверждаются также народной переписью. Она констатируетъ, что въ 1901 г. въ Лондонѣ было на 5,000 меньше дѣтей въ возрастѣ отъ 3 до 5 лѣтъ, чѣмъ въ 1891 г. Явленіе наблюдается не только въ Лондонѣ. «Всюду въ Англіи и въ Уэльсѣ вотъ уже въ продолженіе тридцати лѣтъ коэффиціентъ рожденій падаетъ. Въ 1876 г. на 100 тысячъ населенія приходилось 3,630 новорожденныхъ, а въ 1904 г. — только 2,790, что составляетъ minimum когда-либо наблюдаемый раньше». *) Что означаетъ это быстрое паденіе числа рожденій? Какое вліяніе оно можетъ имѣть на націю? Что необходимо сдѣлать, чтобы устранить явленіе? Всѣ эти вопросы были подняты въ англійскомъ обществѣ фабіанцевъ и повели къ назначенію спеціальнаго комитета подъ предсѣдательствомъ Сиднея Вебба для изученія вопроса. Результатомъ изслѣдованія былъ рядъ статей Вебба въ *Times* подъ названіемъ «Physical Degeneracy or Race Suicide» («Физическое вырожденіе или самоубійство расы»)? Извѣстный экономистъ приходитъ въ своихъ статьяхъ къ ряду заключеній, которыя онъ подтверждаетъ цифровыми данными.

Пониженіе числа рожденій не есть только результатъ измѣненія возраста населенія или уменьшенія числа браковъ. Въ отчетахъ о движеніи населенія предсѣдатель департамента статистики (Registrar-General) даетъ только общую цифру рожденій, т. е. точное отношеніе числа рожденій за годъ ко всему населенію, старому и молодому, женатому и холостому. При сравненіи этихъ цифръ за нѣсколько лѣтъ слѣдуетъ помнить, — говоритъ Сидней Веббъ,—что важныя перемѣны могутъ произойти даже въ теченіе одного десятилѣтія: 1) въ отношеніи между дѣтьми и взрослыми; 2) въ пропорціи между женатыми и холостыми и 3) въ отношеніи между замужними женщинами, способными и не способными къ дѣторожденію. Всѣ эти измѣненія, обусловливающіяся эмиграціей, иммиграціей, экономическимъ и соціальнымъ развитіемъ или старостью, сами по себѣ могутъ повести къ паденію или къ повышенію общаго числа рожденій безъ отношенія къ пониженію или къ повышенію плодовитости. Возьмемъ, напр., Ирландію. Общ—

*) Sixty-seventh Annual Report of the Registrar General. 1906, p. X.

число рожденій на 100,000 населенія было тамъ въ 1881 г.—2,384, а въ 1901 г.—2,348. Но въ то же время мы знаемъ, что въ послѣднія двадцать лѣтъ эмиграція изъ Ирландіи женщинъ, способныхъ къ дѣторожденію, шла такъ усиленно, что незначительное пониженіе общаго числа рожденій, въ сущности, показываетъ только замѣчательную плодовитость ирландцевъ. На основаніи данныхъ цифръ можно сказать, что, безъ усиленной эмиграціи, въ Ирландіи за двадцать лѣтъ населенія должно было бы увеличиться на 3°/₀. Вотъ почему при анализѣ статистическихъ таблицъ, касающихся Англіи и Уэльса, Сиднею Веббу пришлось тщательно взвѣсить значеніе всѣхъ упомянутыхъ выше факторовъ. Въ той же области въ послѣднее время работали д-ръ Артуръ Ньюсхольмъ, д-ръ Стивенсонъ и Адни Юлъ, что дало возможность Сиднею Веббу провѣрить выводы, къ которымъ онъ пришелъ. Анализъ статистическихъ таблицъ показываетъ, что за устраненіемъ всѣхъ постороннихъ факторовъ можно констатировать абсолютное пониженіе числа рожденій. Въ 1861 г.—на 100,000 населенія въ Англіи и Уэльсѣ приходилось 3,236 рожденій, въ 1871 г. — 3,312, въ 1881 г.—3,273, въ 1891 г.—3,125, въ 1901 г.—2,729. Теперь въ Англіи и Уэльсѣ ежегодно рождаются на 200,000 младенцевъ меньше, чѣмъ должно было бы, если принять статистику 1870 г. за норму.

Пониженіе коэффиціента рожденій наблюдается не только въ городахъ, но и въ деревняхъ. Повидимому, явленіе это въ деревенскихъ округахъ Англіи и Уэльса не слабѣе, чѣмъ въ городахъ. Легко можетъ быть,—говоритъ Сидней Веббъ,—что человѣческая плодовитость, при нормальныхъ условіяхъ, въ городахъ нѣсколько иная, чѣмъ въ деревняхъ. Нѣкоторые германскіе авторитеты говорятъ даже, что пониженіе плодовитости обусловливается только «урбанизаціей», т. е. поглощеніемъ деревень городами; но статистическія данныя относительно Англіи не подтверждаютъ этой гипотезы. Правда, анализъ статистическихъ таблицъ показываетъ, что въ Нортхэмптонѣ, Галифаксѣ, Бернли и Блэкбернѣ коэффиціентъ рожденій за 20 лѣтъ уменьшился на 32, а въ Лондонѣ на 16; но тѣ же таблицы показываютъ, что въ чисто сельскихъ раіонахъ, какъ Корнвалисъ, Ретлэндъ, Сессексъ, Девонширъ и Вестморлэндъ, рождаемость уменьшилась на 23—29°/₀. Въ Ирландіи процентъ рожденій въ Дублинѣ повысился больше, чѣмъ въ деревняхъ (въ сельскихъ округахъ—на 3°/₀, а въ столицѣ—на 9°/₀). Если бы

---

*) „The decline of human fertility in the United Kingdom and other countries as shown by corrected birth rates, by Arthur Newsholme, M. D. and T. H. Stevenson", M. D. Brighton.

„On the changes in the marriage and birth-rates in England and Wales", etc., by G. Udny Yule. London.

Оба изслѣдованія помѣщены въ „Journal of the Royal Statistical Society", за апрѣль 1904 г.

пониженіе числа рожденій въ городахъ обусловливалось только нездоровыми условіями,—какъ утверждаютъ нѣкоторые нѣмецкіе экономисты,—то можно было бы ожидать, что въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ населеніе живетъ очень скучено, въ трущобахъ, при антигигіеническихъ условіяхъ, паденіе коэффиціента рожденій особенно замѣтно. Наиболѣе нездоровыми городами въ Англіи являются Ливерпуль, Сальфордъ, Манчестръ и Глазо, гдѣ процентъ смертности очень высокъ. Въ дѣйствительности мы видимъ, что пониженіе за двадцать лѣтъ рождаемости въ этихъ городахъ *слабѣе*, чѣмъ въ остальныхъ мѣстахъ, гораздо болѣе здоровыхъ. Въ Брайтонѣ, напр., въ одномъ изъ наиболѣе здоровыхъ и зажиточныхъ городовъ Англіи, паденіе процента рождаемости за 20 лѣтъ сильнѣе, чѣмъ въ Ливерпулѣ. Между тѣмъ процентъ смертности въ Брайтонѣ 13, а въ Ливерпулѣ—24.

Пониженіе числа рожденій,—констатируетъ Сидней Веббъ,—въ особенности рѣзко въ тѣхъ округахъ, гдѣ маленькія дѣти представляютъ какую-нибудь помѣху. Такъ, напр., мы видимъ это явленіе въ тѣхъ округахъ Англіи, гдѣ замужнія женщины работаютъ на фабрикахъ. По закону («Factory and Workshops Acts» 1891 и 1901 г.г.) женщина не можетъ работать на фабрикѣ четыре недѣли послѣ родовъ. Тамъ, гдѣ заработокъ жены необходимъ въ домашнемъ бюджетѣ, гуманный законъ еще болѣе увеличиваетъ расходы, причиненные въ семьѣ бѣдняка прибавленіемъ новаго члена семьи. Другой законъ, остановившій до извѣстной степени приношеніе дѣтей въ жертву фабричному Молоху, тоже находится въ связи съ пониженіемъ рождаемости. Теперь дѣти до 13 лѣтъ зависятъ отъ родителей, тогда какъ раньше послѣдніе извлекали пользу уже изъ шестилѣтнихъ ребятишекъ. За двадцать лѣтъ рождаемость понизилась въ особенности въ Нортхэмптонѣ, Галифаксѣ, Бернли, Блэкбернѣ, Дерби, Лейстерѣ, Брэдфордѣ, Ольдэмѣ, Хеддерсфильдѣ и Болтонѣ. Все это—города, въ которыхъ масса замужнихъ женщинъ работаетъ на различныхъ фабрикахъ (главнымъ образомъ, ткацкихъ и прядильныхъ). Въ англійской спеціальной литературѣ констатировано уже давно, что учительницы тоже не могутъ, по экономическимъ соображеніямъ, дозволить себѣ быть матерями. Пониженіе процента рождаемости въ особенности замѣтно среди зажиточнаго класса, опредѣляемаго англійскими статистиками «the servant-keeping class» (классъ, держащій прислугу). Въ Брайтонѣ классъ этотъ многочисленнѣе, чѣмъ въ какомъ-либо другомъ мѣстѣ Англіи, и мы видѣли, что процентъ рождаемости тамъ ниже, чѣмъ въ другихъ городахъ. Въ Лондонѣ наиболѣе бѣднымъ кварталомъ является Бетналъ Гринъ, въ которомъ классъ, держащій прислугу, очень незначителенъ. И здѣсь за двадцать лѣтъ процентъ рождаемости понизился на 12, тогда какъ въ богатомъ кварталѣ Хэмстедъ, гдѣ «servant-keeping class» многочисленъ, рождаемость упала на 36%. За Хэмстедомъ идутъ почти такіе же зажиточные

кварталы Кенсингтонъ и Пэддингтонъ. Здѣсь рождаемость упала на 19%. По вычисленіямъ д-ра Ньюсхольма и д-ра Стивенсона можно составить правильную таблицу кварталовъ Лондона по степени зажиточности и показать, что процентъ рождаемости находится въ обратной пропорціи съ благосостояніемъ. Въ трехъ богатыхъ кварталахъ столицы на 100 тысячъ населенія приходится 2,004 законныхъ рожденій, въ 19 «среднихъ» кварталахъ число рожденій отъ 2,362—2,490. Въ семи же бѣдныхъ кварталахъ на 100,000 населенія приходится 3,078 рожденій, т. е. на 50% больше, чѣмъ въ богатыхъ округахъ. На основаніи этихъ данныхъ, англійскіе статистики говорятъ, что населенію Лондона угрожаетъ серьезная опасность вырожденія, такъ какъ оно пополняется въ значительной степени дѣтьми, рожденными въ нездоровой атмосферѣ трущобъ. Сидней Веббъ подвергаетъ тщательному анализу выводы, добытые Ньюсхолмомъ и Стивенсономъ, и доказываетъ, что въ бѣдныхъ кварталахъ сравнительно высокій процентъ рожденій обусловливается совершенно исключительными причинами. «Въ семи бѣдныхъ кварталахъ Лондона живутъ, по преимуществу, ирландцы-католики и иммигранты-евреи,—говоритъ англійскій экономистъ.— Половина всѣхъ браковъ, заключенныхъ въ округахъ Уайтчепель и Майлъ Эндъ, совершены по обрядамъ еврейской вѣры, которая, какъ извѣстно, стоитъ за большую семью. Добровольное ограниченіе численности семьи противно также традиціямъ, обычаямъ и понятіямъ евреевъ о нравственности. Въ Лондонѣ семьи еврейскихъ переселенцевъ такъ же многочисленны, какъ и въ «чертѣ». То же самое можно сказать объ ирландцахъ. Священники учатъ ихъ, что сожительство безъ желанія имѣть дѣтей—есть блудъ. Вотъ почему,—продолжаетъ Сидней Веббъ, на основаніи данныхъ, добытыхъ переписью въ такихъ кварталахъ, какъ Бетналъ Гринъ или Уайтчепель, нельзя еще вывести заключеніе, что въ Англіи бѣдные классы болѣе плодовиты, чѣмъ, напр., ниже-средніе классы. Статистики должны были бы выдѣлить отдѣльно евреевъ и ирландцевъ». Можно сказать только, что среди богатаго населенія пониженіе процента рождаемости замѣчается сильнѣе, чѣмъ среди бѣднаго. Въ рабочихъ классахъ наиболѣе обезпеченные менѣе плодовиты, чѣмъ чернорабочіе. Веббъ приводитъ любопытный фактъ относительно самаго богатаго и многолюднаго дружественнаго общества Hearts of Oak, насчитывающаго 272,000 сочленовъ. Къ нему принадлежатъ только наиболѣе обезпеченные работники, такъ какъ членомъ можетъ быть только получающій не меньше двадцати четырехъ шиллинговъ въ недѣлю. Главнымъ образомъ, сочленами являются машинисты и хорошо зарабатывающіе мастеровые, а также (въ небольшомъ числѣ) мелочные лавочники. Одинъ изъ пунктовъ устава обязываетъ сочленовъ вносить въ кассу по 30 шилл. за каждаго новаго ребенка. Въ 1866 г. на каждые десять тысячъ членовъ приходилось такихъ взносовъ 2,176, а въ

1880 г.—2,472. Съ 1881 г. по 1904 г. число взносовъ постепенно падаетъ. Въ прошломъ году ихъ было только 1,165. Въ то же время слѣдуетъ помнить, что дружественное общество крѣпнетъ и богатѣетъ. Итакъ, за періодъ въ двадцать лѣтъ рождаемость среди зажиточнаго, сравнительно обезпеченнаго рабочаго класса понизилась на 46%. Такое же явленіе наблюдается и въ другомъ, меньшемъ дружественномъ обществѣ (Royal Standard Benfit Society), отчеты котораго тщательно изучены Веббомъ. За двадцать лѣтъ процентъ рождаемости понизился на 52. Анализъ отчетовъ двухъ дружественныхъ обществъ даетъ цифры относительно 280 тысячъ рабочихъ семействъ. И эти данныя показываютъ, что въ прошломъ году въ этихъ семьяхъ родилось 32 тысячи младенцевъ вмѣсто 70 тысячъ, какъ должно было бы быть по статистикѣ отъ 1866—1880 г.г.

Мы видѣли, что процентъ рождаемости повышался прежде постепенно и съ извѣстнаго момента сталъ падать. Этотъ моментъ можно довольно точно опредѣлить. Онъ относится къ самому началу восьмидесятыхъ годовъ. Къ такому же самому выводу пришелъ въ изслѣдованіяхъ Хорнъ *). Мнѣ приходилось уже опредѣлять въ «Русскомъ Богатствѣ» этотъ моментъ, послѣ котораго процентъ рождаемости въ Англіи начинаетъ падать. Моментъ этотъ точно совпадаетъ съ началомъ усиленной агитаціи нео-мальтузіанцевъ въ концѣ семидесятыхъ и въ самомъ началѣ восьмидесятыхъ годовъ. Такимъ образомъ, пониженіе процента рождаемости есть явленіе, зависящее отъ воли индивидуумовъ. Мы видѣли, что явленіе наблюдается, какъ въ городахъ, такъ и въ деревняхъ. Полное отсутствіе связи между явленіемъ и нездоровыми окружающими условіями, умственнымъ развитіемъ или физическимъ вырожденіемъ; тотъ фактъ, что явленіе наблюдается особенно сильно тамъ, гдѣ оно желательно и выгодно для родителей; высокое благосостояніе ихъ,—все это подтверждаетъ правильность заключенія, что пониженіе рождаемости зависитъ главнымъ образомъ, если не исключительно отъ контроля родителей. Особенно «нежелательными» являются незаконныя дѣти, и мы видимъ, что въ то время, какъ до 1881 г. процентъ ихъ увеличивался,—послѣ этого года процентъ начинаетъ падать. Теперь число незаконныхъ рожденій въ Уэльсѣ и въ Англіи на 50% меньше, чѣмъ раньше. Явленіе это отнюдь не обусловливается повышеніемъ нравственности, какъ понимаетъ послѣднюю церковь.

Ирландцы смотрятъ на добровольный контроль родителей надъ размѣрами семьи, какъ на грѣхъ. Взглядъ этотъ постоянно подкрѣпляется проповѣдями священниковъ и окружными епископскими

---

*) «On the Relation of Fertility in Man to Social Status and the changes in the relation that have taken place during the last fifty years», by David Heron, 1906.

посланіями. И вотъ мы видимъ, что Ирландія—единственное мѣсто въ Великобританіи, гдѣ процентъ рождаемости не только не уменьшается, но, наоборотъ, повышается (Уменьшеніе населенія въ Ирландіи обусловливается исключительно усиленной эмиграціей). Въ Ирландіи рождаемость понизилась только въ Бельфастѣ, населенномъ протестантами. Въ Англіи естественный приростъ населенія не падаетъ такъ быстро только въ такихъ городахъ, гдѣ много ирландцевъ (Ливерпуль, Сальфордъ, Манчестръ, Глазго). Можно указать только на одинъ городъ въ ткацкомъ раіонѣ, гдѣ паденіе процента рожденій не замѣтно—Престонъ. Населенъ онъ по преимуществу католиками. То же самое можно сказать, какъ мы видѣли, и о евреяхъ.

Такимъ образомъ, при опредѣленіи причинъ пониженія процента рождаемости нельзя говорить о «вырожденіи». Послѣднее объясненіе еще менѣе вѣрно для Англіи, чѣмъ для Франціи. Отъ общихъ доказательствъ Сидней Веббъ переходитъ къ частнымъ.

IV.

Комитетъ, назначенный фабіанскимъ обществомъ для изслѣдованія явленія, выработалъ планъ опроса частныхъ лицъ, занимающихъ различное общественное положеніе. Цѣлью опроса было провѣрить данныя, добытыя изъ анализа статистическихъ таблицъ. Опросъ подобнаго рода, несмотря на крайне интимный характеръ многихъ пунктовъ, даетъ въ Англіи крайне цѣнные результаты. Обусловливается это, какъ серьезностью отношенія населенія къ соціальнымъ вопросамъ, такъ и тѣмъ, что правдивость въ Англіи выше, чѣмъ на континентѣ. Ложь—орудіе защиты рабовъ; вотъ почему правдивость населенія прямо пропорціональна гражданской свободѣ, которой оно пользуется. Въ Англіи, гдѣ населеніе свободно, уже давно слово «ложь», считается неприличнымъ. Англичанъ, посѣтившихъ Россію, поражаетъ, между прочимъ, то, что люди шутливо говорятъ другъ о другѣ: «онъ вретъ» или «онъ совралъ». По англійскимъ понятіямъ такимъ образомъ человѣку наносится самое страшное оскорбленіе. Англичанинъ съ ужасомъ разскажетъ, что русскій беззаботно произнесетъ: «я совралъ». Для человѣка, выросшаго въ свободной странѣ и ненавидящаго ложь, сказать: «я совралъ»,—значитъ сознаться въ страшно безчестномъ и позорномъ поступкѣ. Имѣя все это въ виду, можно придать серьезное значеніе результатамъ, добытымъ фабіанцами путемъ опросныхъ листковъ, тѣмъ болѣе, что послѣдніе, конечно, были анонимны.

Фабіанское общество рѣшило устроить опросъ большаго числа женатыхъ людей, на правдивость показаній которыхъ можно было бы положиться,—говоритъ Сидней Веббъ. Съ этой цѣлью комитетъ разослалъ около 700 опросныхъ листковъ. Около половины опро-

шенныхъ лицъ живетъ въ Лондонѣ. Остальныя разбросаны по разнымъ концамъ Соединеннаго Королевства. По общественному положенію опрошенные принадлежатъ къ различнымъ классамъ: тутъ были технически обученные мастеровые, представители различныхъ профессій, рантье. Комитетъ умышленно не опросилъ, съ одной стороны, чернорабочихъ, съ другой—людей, пользующихся доходомъ больше, чѣмъ въ 1,000 ф. ст. въ годъ (10,000 руб.). Цѣль опроса держалась втайнѣ. Многихъ опрошенныхъ комитетъ не зналъ лично. Этимъ объясняется, что 20% тѣхъ лицъ, которымъ были разосланы опросные листки, оказались холостяками. Опрошенные не подписывали листковъ, которые были составлены такъ, что на вопросъ можно было отвѣтить простымъ крестомъ въ соотвѣтствующей рубрикѣ. Всего разослано было 630 листковъ *), но по различнымъ причинамъ заполнено было только 316. Въ 174 случаяхъ опрошенные отказались отвѣчать, а въ нѣкоторыхъ случаяхъ вышла ошибка: листки были посланы холостякамъ. Въ общемъ, получилось такъ, что добытыя свѣдѣнія касаются, главнымъ образомъ, среднихъ классовъ. Сидней Веббъ группируетъ полученные отвѣты на двѣ категоріи: семьи, въ которыхъ число дѣтей умышленно ограничено, и семьи безъ такого ограниченія. Для краткости, Веббъ вводитъ два термина: «ограниченный бракъ» (Limited marriage) и «неограниченный» (Unlimited marriage). Изъ 316 браковъ—74 оказались «неограниченными» а 242—«ограниченными». На «ограниченный» бракъ въ среднемъ приходится отъ одного до двухъ дѣтей. Двадцать пять лѣтъ тому назадъ средняя семья въ Англіи и Уэльсѣ состояла изъ 4—5 дѣтей. Какія причины заставляютъ супруговъ ограничить

*) Вотъ программа листковъ:

1. Состоите ли вы въ бракѣ?
   Тѣ, которые были женаты или замужемъ, должны отвѣтить на предшествующій вопросъ утвердительно.
2. Вашъ полъ?
3. Вашъ возрастъ?
4. Годъ вступленія въ бракъ.
   Желательны данныя только отъ лицъ, вступившихъ въ бракъ послѣ 1870 г.
5. Возрастъ мужа во время бракосочетанія.
6. Возрастъ жены тогда же.
7. Подробности о родившихся дѣтяхъ, включая и мертворожденныхъ (относительно каждаго показать: годъ рожденія, полъ, годъ смерти).
8. Ожидаете ли вы еще рожденіе дѣтей?
9. Принимали ли вы мѣры къ тому, чтобы вашъ бракъ былъ бездѣтнымъ или чтобы ограничить число дѣтей?
10. Если да, то въ какіе годы брачной жизни?
11. Была ли какая-нибудь исключительная причина (напр., тяжкая болѣзнь супруга или супруги), обусловившая число вашихъ дѣтей? (Если возможно, укажите причину).

размѣры семьи? Такого вопроса не было въ разосланныхъ листкахъ; но многіе опрошенные сами прибавили это объясненіе.

Экономическія причины приведены	въ	38	случаяхъ
Спеціальныя болѣзни	„	13	„
Общая слабость или наслѣдственность	„	19	„
Нежеланіе жены имѣть дѣтей . . .	„	9	„
Различныя другія объясненія. . . .	„	157	„
Итого . .		242	

Анализъ большой рубрики «различныхъ объясненій» показываетъ, что и эти причины могутъ быть сведены или къ категоріи экономическихъ, или къ нежеланію жены имѣть дѣтей.

Данныя, добытыя анализомъ статистическихъ таблицъ и подтвержденныя опросомъ, хотя далеко не всестороннимъ, — свидѣтельствуютъ о слѣдующемъ. «Мы имѣемъ право заключить,—говоритъ Сидней Веббъ,—что главной, если не единственной причиной паденія процента рождаемости въ Англіи является сознательный контроль супруговъ. Практическое нео-мальтузіанство примѣняется изъ тѣхъ или другихъ соображеній, по крайней мѣрѣ, половиной, если не тремя четвертями всего населенія Соединеннаго Королевства. Дѣлаютъ это не только богатые и обезпеченные классы, какъ предполагалось прежде, но и рабочіе, городскіе и сельскіе. Въ результатѣ то, что черезъ четверть вѣка отъ начала примѣненія подобныхъ средствъ ежегодно рождается дѣтей на 25°/₀ меньше, чѣмъ должно было бы». Явленіе не ограничивается только Соединеннымъ Королевствомъ. Статистика показываетъ, что въ Новомъ Южномъ Уэльсѣ и въ Викторіи процентъ рождаемости уже ниже, чѣмъ въ Англіи, а въ Новой Зеландіи такой же, какъ и въ метрополіи. Въ Соединенныхъ Штатахъ мы наблюдаемъ такое же явленіе среди кореннаго населенія. Поразительный ростъ населенія обусловливается стремительнымъ притокомъ переселенцевъ и плодовитостью ихъ. Въ Германіи нео-мальтузіанство тоже дѣлаетъ быстрые успѣхи, въ особенности въ Саксоніи, Гамбургѣ и Берлинѣ; но сельскіе районы покуда еще совершенно не затронуты. Католическое населеніе Ирландіи, англійскихъ городовъ,— Канады и Австріи не знаетъ нео-мальтузіанства; но ихъ единовѣрцы въ Италіи, Бельгіи и Баваріи слѣдуютъ примѣру Франціи. Тотъ фактъ, что въ каждой странѣ, гдѣ существуетъ правильная статистика, наблюдается пониженіе процента рождаемости, доказываетъ, что практическое нео-мальтузіанство начинаетъ примѣняться всюду.

Всѣ эти доказанные факты заставляютъ насъ обратить самое серьезное вниманіе на явленіе, независимо отъ того, нравится ли оно намъ или нѣтъ. Простой ссылкой на «неприличіе» и щекотливость вопроса нельзя уже отдѣлаться. Явленіе болѣе серьезно, чѣмъ десятки другихъ важныхъ вопросовъ, не сходящихъ

со страницъ печати. Одними обличеніями «безнравственности» нео-мальтузіанства тоже ничего нельзя сдѣлать. Тотъ фактъ, что къ «практическому» нео-мальтузіанству прибѣгаетъ значительная часть населенія, въ общемъ, цвѣтъ націй, показываетъ, что ученіе не противорѣчитъ взгляду этой части населенія на нравственность. Быть можетъ, оно ошибается, но оно убѣждено, что поступаетъ правильно. Мы исключимъ, конечно, шарлатановъ, наживающихся на рекомендаціи и продажѣ специфическихъ средствъ и спеціальной литературы. Мы исключимъ также тартюфовъ, проповѣдующихъ одно и дѣлающихъ тайно другое. Среди нео-мальтузіанцевъ есть масса искреннихъ людей, глубоко убѣжденныхъ, что они проповѣдуютъ ученіе, абсолютно необходимое для человѣчества Нео-мальтузіанцы, напримѣръ, могутъ сослаться на Джона Стюарта Милля, который, какъ человѣкъ, представляетъ одинъ изъ наиболѣе благородныхъ типовъ въ исторіи, между тѣмъ онъ писалъ вещи, поражающія насъ, какъ своею наивностью, такъ и жестокостью. «Бѣдность—пишетъ Милль,—подобно многимъ общественнымъ бѣдствіямъ, существуетъ потому, что люди потворствуютъ безъ надлежащаго размышленія своимъ животнымъ инстинктамъ. Но общество возможно именно потому, что человѣкъ не всегда животное. Цивилизація во всѣхъ проявленіяхъ ея есть борьба противъ животныхъ инстинктовъ, надъ многими изъ которыхъ она одержала существенную побѣду, подчинила своему контролю... Если цивилизаціи до сихъ поръ не удалось подчинить себѣ инстинкта размноженія, то это потому,—полагаетъ Милль,—что она никогда не дѣлала попытокъ. Напротивъ, господствующія понятія о нравственности, государственные дѣятели — всѣ поощряютъ размноженіе, какъ только оно является результатомъ брачнаго союза. Религія и до сихъ поръ дѣлаетъ это. Католическое духовенство, пользующееся большимъ авторитетомъ среди массъ,—считаетъ своимъ долгомъ поощрять бракъ, какъ предупрежденіе блуда... Никто не думаетъ, что несчастье можетъ явиться послѣдствіемъ такъ называемаго естественнаго инстинкта... Въ то время, какъ человѣка, подверженнаго пьянству, всѣ, считающіе себя нравственными людьми, презираютъ, главный аргументъ бѣдняка, обращающагося къ общественной помощи, тотъ, что онъ народилъ большую семью и не можетъ ее содержать». Милль заявляетъ, что никакого важнаго улучшенія въ обществѣ не можетъ произойти до тѣхъ поръ, «пока къ людямъ, народившимъ большую семью, которую они не могутъ содержать, не будутъ относиться съ такимъ же осужденіемъ, какъ къ пьяницамъ или подверженнымъ какимъ-либо другимъ предосудительнымъ порокамъ» *).

Нео-мальтузіанцы говорятъ, что они перенесли идеи Милля изъ области невозможнаго въ дѣйствительность и что ими руководитъ

*) *J. S. Mill* «Principles of Political Economy». B. II. Chap. XIII. § 1.

забота о здоровьѣ женщины, о ея свободѣ. Экономическое положеніе большинства населенія теперь таково, что беременная женщина не можетъ имѣть необходимаго комфорта, отдыха и спокойствія. Даже тогда, когда она не работаетъ для хлѣба, она должна зачастую до послѣдняго момента возиться съ дѣтьми и хозяйствомъ. На нее падаютъ вѣчныя заботы о томъ, какъ свести концы съ концами въ хозяйствѣ. Нео-мальтузіанство—говорятъ защитники его,—легко осуждать съ моральной и эстетической точки зрѣнія; но неизмѣримо труднѣе указать на то, какъ бороться при *настоящемъ экономическомъ строѣ* съ явленіями, на которыя указываютъ мальтузіанцы. И тутъ они находятъ неожиданныхъ союзниковъ въ крайнихъ радикалахъ. Въ будущемъ обществѣ, въ основу котораго лягутъ высшія формы производства и справедливое распредѣленіе богатства,—говорятъ они,—положеніе дѣлъ будетъ, очень возможно, иное; покуда же *ничего другого* придумать нельзя. Необходимо рѣшить, что хуже: позднія браки и проституція или раннія браки и «практическое» мальтузіанство? Что вреднѣе при *современномъ строѣ*, покуда новый строй еще вопросъ будущаго: «неограниченные браки», въ которыхъ женщина превращается въ больную самку, въ ходячій инкубаторъ, въ рабыню, прикованную къ кухонной плитѣ и къ лоханкѣ съ дѣтскими пеленками, или опять же «практическое» мальтузіанство? Послѣднее ведетъ къ быстрому паденію процента рождаемости. Что же? Это обстоятельство является сильнымъ аргументомъ только въ пользу того, что старый строй необходимо замѣнить возможно скорѣе другимъ, справедливымъ. Явленіе, во всякомъ случаѣ, настолько страшно серьезно, что съ нимъ смѣшно бороться только аргументами, сводящимися къ безнравственности и не-эстетичности нео-мальтузіанства.

Тѣ въ Англіи, которые вѣрятъ въ буржуазную политическую экономію; тѣ, для которыхъ Рикардо, Нассау, Кернъ, Сеніоръ и Фауссетъ—единственные авторитеты,—совсѣмъ не имѣютъ даже права ужасаться пониженію процента рождаемости. Соціалисты со времени Роберта Оуэна боролись съ теоріей Мальтуса. Послѣдователи буржуазной политической экономіи всегда проповѣдывали необходимость контроля надъ естественнымъ приростомъ населенія. Они встревожились только тогда, когда пониженіе рождаемости въ деревняхъ стало грозить уменьшить армію, защищающую интересы богатыхъ классовъ.

V.

«Въ сороковыхъ годахъ англійскіе экономисты доказывали, что ограниченіе прироста населенія избавитъ страну отъ многихъ бѣдствій,—говоритъ Сидней Веббъ.—Факты показали, что нео-мальтузіанство не устраняетъ ни ужасовъ «постоянной нищеты», когда на рынокъ труда выступаютъ не приспособленные индивидуумы, ни

безработицы. Съ другой стороны, широкія серьезныя экономическія реформы устраняютъ ту необходимость фиксированія maximum'a населенія, о которой говорятъ Милль, Макъ-Кулохъ, Кернъ и Фауссетъ». Дѣйствительность показываетъ, что «нео-мальтузіанцами» становятся наиболѣе обезпеченные классы и цвѣтъ пролетаріата. Приростъ населенія идетъ безконтрольно въ трущобахъ. Главными національными «поставщиками» являются иммигранты и ирландцы католики. По вычисленію Карла Пирсона, «двадцать пять процентовъ населенія Англіи рождаютъ 50% всѣхъ дѣтей. И если бы неомальтузіанство нашло послѣдователей даже среди ирландцевъ и иммигрантовъ, тогда, по всей вѣроятности,—говоритъ Сидней Веббъ,—на сцену явились бы дешевые работники, китайскіе кули.

Къ какому же заключенію приходитъ основатель фабіанскаго общества? Выводы его отнюдь не проникнуты пессимизмомъ. «Уже одно то хорошо,—говоритъ Сидней Веббъ,—что мы знаемъ причину явленія. Она такого характера, что съ нею можно бороться. Если паденіе процента рождаемости обусловливалось физическимъ вырожденіемъ, причиненнымъ «урбанизаціей» или чѣмъ-либо другимъ,—явленіе не возможно было бы устранить. Но уменьшеніе числа рожденій, какъ результатъ сознательнаго контроля, обусловленнаго соображеніями, главнымъ образомъ, экономическаго характера,—не столь страшно. Необходимо, прежде всего, устранить вліяніе экономическихъ соображеній. При современныхъ соціальныхъ условіяхъ рожденіе ребенка въ семьѣ, глава которой зарабатываетъ меньше трехъ фунтовъ въ недѣлю, является большимъ несчастьемъ. Жена нѣсколько мѣсяцевъ не въ состояніи зарабатывать. Мужъ долженъ добыть добавочную, сверхъ-бюджетную сумму, необходимую на покрытіе экстренныхъ расходовъ. Но это еще не все. Небогатые родители въ Англіи знаютъ, что четырнадцать лѣтъ придется урѣзывать куски у себя и у другихъ дѣтей, чтобы кормить лишній ротъ *). Зарабатывающіе меньше трехъ фунтовъ въ недѣлю составляютъ 4/5 всего населенія Англіи. Такимъ образомъ, для 3/4 всего населенія Англіи лишній ребенокъ означаетъ меньше хлѣба и развлеченій, худшее платье и болѣе тѣсное помѣщеніе для всей семьи. Лишній ребенокъ уменьшаетъ также шансы остальныхъ дѣтей получить образованіе, помимо начальнаго безплатнаго. Тѣ же соображенія, но въ гораздо болѣе интенсивной формѣ, относятся и къ англійскимъ среднимъ классамъ. Среднее и высшее образованіе въ Англіи стоитъ страшно дорого (Обученіе, напр. въ хорошей public school, равной нашей гимназіи, обходится въ 40—50 ф. ст. въ годъ. Это только плата за ученіе). Врачъ, священникъ и чиновникъ,

*) Обязательное ученіе въ начальныхъ школахъ продолжается 6—7 лѣтъ. Такимъ образомъ, дѣти начинаютъ зарабатывать въ 13—14 лѣтъ. Съ этого времени начинается самостоятельная жизнь маленькаго англичанина, принадлежащаго къ рабочему или къ „нижне среднему“ классамъ

могущій платить за двухъ мальчиковъ, не въ силахъ уже дать хорошее образованіе третьему.

Измѣнить положеніе дѣлъ можетъ только совершенно новое взаимоотношеніе государства и личности. Общество должно уяснить себѣ, что повышеніе процента рождаемости для него важнѣе даже, чѣмъ хорошій урожай. Здоровыя дѣти означаютъ будущихъ энергичныхъ работниковъ на различныхъ поприщахъ общественной дѣятельности. Вотъ почему общество прямо заинтересовано въ томъ, чтобы дѣтей рождалось много, чтобы они были здоровы, всѣ получили хорошее образованіе и, такимъ образомъ, были бы вполнѣ приспособлены для жизни. Забота о большой семьѣ должна пасть на общество, а не на индивидуумовъ. Уже и теперь общество отчасти кое-гдѣ поступаетъ такимъ образомъ. Въ нѣкоторыхъ городахъ Англіи и Шотландіи, напр., муниципалитеты успѣшно борются съ высокой смертностью среди младенцевъ при помощи муниципальныхъ молочныхъ фермъ. Въ округѣ Батерси, гдѣ такая ферма для доставки стерилизованнаго молока существуетъ, смертность среди дѣтей ниже на 50%, чѣмъ въ сосѣднемъ Ламбетѣ, гдѣ нѣтъ подобнаго муниципальнаго предпріятія. Общество теперь беретъ также на себя снабженіе завтраками дѣтей въ начальныхъ школахъ. Путь, такимъ образомъ, намѣченъ. Общество,—говоритъ Сидней Веббъ,—должно взять на себя всѣ расходы, сопряженные съ образованіемъ дѣтей. Отцу и матери останутся заботы о *воспитаніи* будущихъ гражданъ. Каждый ребенокъ, въ такомъ случаѣ, будетъ имѣть равный шансъ. Рожденіе дѣтей станетъ общественный службой, за которую матери въ правѣ требовать вознагражденія отъ общества. По выраженію Сиднея Вебба, «материнство будетъ привлекать женщинъ, во всякомъ случаѣ, столько же, сколько теперь служба въ почтовыхъ конторахъ». Разъ родители будутъ избавлены отъ матеріальныхъ заботъ, то воспитаніе большой семьи станетъ снова важнымъ пунктомъ въ кодексѣ морали будущихъ гражданъ. Тогда опять родители, какъ въ древней Греціи или въ Римѣ, съ гордостью будутъ указывать на то, что у нихъ 7—8 дѣтей. У современнаго общества нѣтъ другого исхода: оно или должно помириться съ нео-мальтузіанцами, т. е. самоубійствомъ націи, или же радикально измѣнить свое отношеніе къ дѣтямъ и сдѣлать ихъ государственными пенсіонерами. Другими словами, современное общество, если оно не желаетъ смерти, должно сдѣлать смѣлый шагъ по пути, намѣченному людьми, доказывающими необходимость новыхъ, высшихъ формъ производства и справедливаго распредѣленія богатства.

Діонео.

Французскій синдикализмъ.

(Письмо изъ Франціи).

Наше время особенно интересно въ томъ отношеніи, что матеріальная и моральная связь между людьми начинаетъ обнаруживаться каждый день съ возрастающею силою не только въ рамкахъ одной какой-нибудь страны или національности, но внутри цѣлаго человѣчества, простираясь черезъ пограничные столбы отъ государства къ государству, отъ народа къ народу. И этотъ характеръ людскихъ сношеній кладетъ на настоящій періодъ свою яркую печать, печать международности, печать *интернаціонализма*, т. е. той формы общенія между личностями, принадлежащими къ различнымъ національнымъ и политическимъ союзамъ, которая для современныхъ народовъ, для современныхъ классовъ трудящихся является тѣмъ, чѣмъ въ XVIII-мъ вѣкѣ *космополитизмъ* былъ лишь для самыхъ верховъ тогдашняго интеллигентнаго общества. Не вдаваясь въ развитіе этой мысли, внѣ которой нельзя, однако, понять особенностей современной эпохи *), я остановлюсь только на одной, но чрезвычайно важной области интернаціонализма нашихъ дней: международной борьбѣ труда съ капиталомъ.

Несомнѣнно, что эта борьба, заполняющая нынѣ весь міръ шумомъ своихъ перипетій, ведется въ такихъ формахъ, которыя всякому крупному національному столкновенію эксплуататоровъ и эксплуатируемыхъ придаютъ отпечатокъ великой интернаціональной распри между угнетаемымъ трудомъ и угнетающимъ капиталомъ. Международная солидарность трудящихся перестаетъ быть простымъ словомъ. И экономическія, и политическія выступленія массъ въ одной странѣ производятъ сильное броженіе умовъ, если не подобные же взрывы и въ различныхъ мѣстахъ «за рубежомъ». Русская всеобщая забастовка октября 1905 г., вырвавшая первую рѣшительную уступку у стараго самодержавія, разнесла по всему міру волны революціоннаго энтузіазма и, несомнѣнно, повліяла на активное настроеніе массъ въ Германіи, Австро-Венгріи, Англіи, Франціи, Италіи. Французская первомайская стачка, приведшая въ ужасъ мѣстную буржуазію весною этого года, произвела, въ свою очередь, сильное впечатлѣніе далеко за предѣлами Третьей

*) Читателя, интересующагося этимъ вопросомъ, отсылаю къ соображеніямъ, высказаннымъ мною въ самый разгаръ дѣла Дрейфуса. См. главу „Реннскій судъ и міровой характеръ процесса" въ моей книгѣ: „Очерки современной Франціи"; Спб., 1904 г., 2-е изд., стр. 471—501.

республики. Чѣмъ больше присматриваешься къ современной структурѣ цивилизованнаго міра,—структурѣ, разрѣзъ которой, если можно такъ выразиться, становится особенно отчетливымъ въ моменты соціальныхъ потрясеній,—тѣмъ яснѣе видишь, что великія классовыя напластованія идутъ во всемъ мірѣ не вертикальными, а горизонтальными слоями, едва-едва нарушаемыми линіей пограничныхъ столбовъ. Трудящіяся массы въ своихъ существенныхъ требованіяхъ образуютъ по ту и по другую сторону границы одну и ту же основную толщу современнаго общества. Точно также и возвышающіеся надъ ними привилегированные классы вездѣ продолжаютъ въ соціально-экономическомъ смыслѣ одну и ту же формацію капитала и празднаго владѣнія.

Если русскіе казаки защищаютъ отъ польскихъ забастовщиковъ мошну злѣйшаго эксплуататора лодзинскихъ ткачей, француза Эженя Мотта, то французскіе солдаты охраняютъ отъ негодованія своихъ земляковъ хищническое хозяйничанье американца Гавиланда въ Лиможѣ и англійской фирмы Гольденъ и К° въ Реймсѣ и въ Рубэ. А во время прошлогодней стачки смѣшаннаго рабочаго населенія на желѣзодѣлательныхъ заводахъ въ Лонуи (Longwy), находящемся во Франіи на границѣ Бельгіи, Германіи и великаго княжества Люксембургскаго, французская компанія дружно охранялась смѣшанными войсками четырехъ сосѣднихъ державъ. Въ номерѣ «La vie Illustrée» отъ 18-го августа 1905 г. читатель могъ вдосталь налюбоваться фотографіей, представляющей умилительное зрѣлище, какъ рабочаго-итальянца ведутъ во французскую тюрьму франко-германо-бельго-люксембургскіе жандармы, братски марширующіе бокъ-о-бокъ и обмѣнивающіеся веселыми улыбками охотниковъ, устроившихъ удачную облаву на звѣря...

Не надо, однако, забывать, что этотъ интернаціональный характеръ борьбы между трудомъ и капиталомъ нисколько не исключаетъ нѣкоторыхъ національныхъ пріемовъ, нѣкоторыхъ тактическихъ особенностей военныхъ дѣйствій трудящихся массъ противъ представителей владѣнія. Отрицать, что общія задачи историческаго періода преломляются въ каждой частной средѣ по особому, сталкиваясь съ различными національными темпераментами, различными политическими и соціальными условіями, значитъ быть рабомъ черезчуръ прямолинейной и черезчуръ узкой идеи. Именно потому, что мы живемъ не въ періодѣ космополитизма, стирающаго національныя различія интеллигентныхъ людей во имя идеала «гражданина міра», а живемъ въ періодѣ интернаціонализма, гармонически сливающаго національныя особенности трудящихся массъ въ общемъ стремленіи къ идеалу всесторонняго соціализма, именно поэтому рабочій классъ каждой страны рѣшаетъ нѣсколько по своему великій соціальный вопросъ нашего времени. Наблюдая эти особенности, мы изучаемъ вмѣстѣ съ тѣмъ всеобщую, міровую тенденцію трудящихся массъ устроить на развалинахъ капитали-

стическаго строя новый строй, основанный не на владѣніи, а на трудѣ.

Въ настоящей статьѣ я задаюсь цѣлью отмѣтить нѣкоторыя черты рабочаго движенія во Франціи, пополняя ихъ, въ случаѣ надобности, по закону сходства или контраста, чертами такого же движенія въ другихъ странахъ. Какъ уже читатель можетъ заключить изъ самаго заглавія моего этюда, онъ будетъ посвященъ изученію той стороны соціальнаго движенія, которая чаще всего именуется въ послѣднее время синдикализмомъ и которая въ извѣстномъ смыслѣ можетъ быть названа рабочимъ движеніемъ по преимуществу, если не въ противоположность, то въ отличіе отъ философскихъ и политическихъ формъ борьбы труда съ капиталомъ, извѣстныхъ подъ именемъ соціализма. Нисколько не скрывая отъ себя трудности всякаго краткаго опредѣленія какого-либо сложнаго явленія, я все же полагаю, что разницу между соціализмомъ и синдикализмомъ можно охарактеризовать сравнительно немногими словами. Синдикализмъ есть, прежде всего, стихійное стремленіе представителей труда совмѣстно защищать противъ представителей капитала свои интересы въ ихъ непосредственной, будничной, профессіональной формѣ. Соціализмъ же есть сознательное противоположеніе принципа труда—принципу капитала въ теоріи, и сознательная борьба политически организованнаго класса, класса рабочихъ, противъ политически же организованнаго класса капиталистовъ на практикѣ *). Нѣтъ сомнѣнія, что такая краткая формулировка дастъ, пожалуй, возможность черезчуръ придирчивымъ читателямъ выдвинуть противъ нея нѣкоторыя возраженія. Но для практическихъ цѣлей сдѣланное выше опредѣленіе годится, какъ мнѣ думается, вполнѣ. А, главное, при дальнѣйшемъ развитіи мысли, оно окажется свободнымъ отъ тѣхъ недоумѣній, которыя оно возбуждаетъ на первыхъ порахъ. По мѣрѣ того, какъ читатель будетъ пробѣгать дальше и дальше эту статью, онъ увидитъ, надѣюсь, что такая формулировка оправдывается и самой исторіей движенія.

*) Принципіальное противоположеніе труда капиталу логически приводитъ, конечно, къ требованію замѣны частной собственности общественною. Въ этомъ смыслѣ правъ Мермэксъ, авторъ поверхностной, но небезъинтересной компиляціи о современномъ соціализмѣ, говоря: „Въ настоящее время можно и должно сказать такъ: соціализмъ есть доктрина, которая претендуетъ на то, чтобы, путемъ коренной революціи, установить совершенное равенство между людьми, уничтожая единственное неравенство, которое оставили по себѣ поверхностныя политическія революціи: неравенство богатства. Но какъ уничтожить это неравенство богатства? Это возможно сдѣлать не иначе, какъ отмѣняя частную собственность, какъ превращая всѣ виды собственности, которыми владѣютъ въ настоящее время на частномъ правѣ личности и семьи, въ одно коллективное имущество, одну соціальную собственность, которой будутъ пользоваться всѣ люди и т. д.". См. Mermeix, „Le Socialisme. Exposé du pour et du contre"; Парижъ, 1906, стр. 2—3.

Прибавлю лишь къ вышесказанному, что я занимаюсь въ своемъ этюдѣ собственно синдикализмомъ, т. е. формами профессіональной борьбы труда и капитала, и организаціями, которыя рабочій классъ создаетъ въ своей наступательной и оборонительной войнѣ противъ имущихъ классовъ. Я оставляю въ сторонѣ кооперативное движеніе, которое, хотя и заслуживаетъ вниманія, но до сихъ поръ играетъ второстепенную роль въ великой соціальной борьбѣ нашей эпохи.

Не заходя вглубь временъ и останавливаясь только на новѣйшемъ фазисѣ соціальной эволюціи, мы можемъ констатировать тотъ фактъ, что стихійная защита профессіональныхъ интересовъ труда,—возможно высокой заработной платы, возможно короткаго рабочаго дня, вознагражденія за увѣчье, пенсіи престарѣлымъ рабочимъ, охраненія здоровья и достоинства трудящихся,—принимаетъ значительные размѣры лишь по мѣрѣ того, какъ крупная индустрія, съ одной стороны, усиливаетъ эксплуатацію рабочаго капиталистомъ, съ другой—все больше и больше укрѣпляетъ связь между «руками», занятыми процессомъ производства въ громадномъ промышленномъ заведеніи. Смотря по тому, насколько рано та или другая страна становится на путь крупнаго капиталистическаго производства и массовой эксплуатаціи трудящихся, и синдикализмъ (не слово, конечно, а самая вещь) становится замѣтнымъ явленіемъ промышленной жизни. Стоитъ сравнить въ этомъ отношеніи хотя бы Англію и Францію, которыя, представляя въ теченіе первыхъ трехъ четвертей XIX-го вѣка двѣ наиболѣе развитыя экономически страны въ Европѣ, тѣмъ не менѣе рѣзко отличались между собою размѣрами и характеромъ производства. Англія шла впереди Франціи по пути крупной индустріи и капиталистическаго хозяйства. Соотвѣтственно съ этимъ и англійскіе трэдсъ-юніоны (Trades-Unions, или «ремесленные союзы», Unions de métiers, какъ переводятъ это выраженіе французы) были уже могучей рабочей организаціей, когда французскія группировки труда находились еще въ младенчествѣ. Не мѣшаетъ добавить, что подъ могучимъ давленіемъ быстро возроставшаго пролетаріата, правительство Соединеннаго Королевства уже въ 1824 г. признало свободу стачекъ,—этого любимаго оружія трэдсъ-юніоновъ въ борьбѣ съ капиталомъ,—тогда какъ во Франціи первый шагъ по пути къ свободѣ коалицій и стачекъ былъ сдѣланъ лишь сорокъ лѣтъ спустя (законъ 25-го мая 1864 г.), несмотря на то, что французскій рабочій продѣлалъ за это время не одну политическую революцію.

Съ другой стороны, собственно такъ называемый соціализмъ развивался во Франціи гораздо быстрѣе, чѣмъ въ Англіи, и въ смыслѣ теоріи, и въ смыслѣ практики. На одного дѣйствительно великаго Оуэна и нѣсколькихъ второ-,если не третьестепенныхъ, по большей части «христіанскихъ» соціалистовъ Англіи Франція выдвинула

цѣлую плеяду творческихъ и критическихъ умовъ соціалистическаго направленія: геніальныхъ Сэнъ-Симона и Фурье, могучаго «аналитика» Прудона и замѣчательныхъ во многихъ отношеніяхъ Пьера Леру, Кабэ, Луи-Блана, Огюста Бланки, Видаля, Пеккёра и т. п. Рядомъ съ этимъ и политическая борьба рабочаго класса противъ буржуазіи была проникнута во Франціи въ гораздо большей степени соціалистическими элементами, чѣмъ у за-ламаншской сосѣдки, и временами принимала на волканической почвѣ Галліи форму жесточайшей гражданской войны. Такое положеніе дѣлъ, въ общемъ и съ нѣкоторыми оговорками, удержалось до самаго послѣдняго времени.

Проведеніе этихъ «параллелей и контрастовъ» между двумя высоко культурными странами даетъ намъ поводъ лучше уяснить себѣ разницу между синдикализмомъ и соціализмомъ, между стихійнымъ и сознательнымъ процессомъ борьбы труда съ капиталомъ. Стихійное движеніе неимущихъ рабочихъ противъ праздныхъ эксплуататоровъ должно неизбѣжно возникнуть на извѣстной ступени хозяйственнаго развитія, какъ вода, нагрѣтая до извѣстной температуры, должна фатально выдѣлять изъ себя пузырьки воздуха, т. е. кипѣть. И если бы мы желали употреблять въ общественныхъ наукахъ естественно-научные термины «соціальная теплота» и «соціальное движеніе», пресерьезно прилагаемые Кэри къ явленіямъ человѣческаго общежитія, то мы могли бы сказать, что процессъ капиталистической эксплуатаціи, доведенный хозяевами до той точки, когда онъ начинаетъ *зажигать* негодованіемъ души трудящихся массъ, долженъ непремѣнно вызывать среди нихъ и стихійное (молекулярное) *движеніе* и доводить ихъ до хроническаго кипѣнія, порою переходящаго въ прямые взрывы. То картина стихійнаго, профессіональнаго рабочаго движенія, картина синдикализма, который можетъ носить — и, дѣйствительно, чаще всего носитъ — умѣренный реформистскій характеръ, но порою, особенно въ нѣкоторыхъ странахъ, проявляется въ видѣ революціоннаго «прямого воздѣйствія» (action directe, какъ выражаются въ такихъ случаяхъ французы).

Другой вопросъ, при какихъ условіяхъ это стихійное молекулярное движеніе можетъ переходить въ сознательное политическое движеніе, движеніе въ пространствѣ, направленное въ извѣстную сторону и приближающее насъ къ извѣстной, заранѣе поставленной нами цѣли, равно какъ другой вопросъ, при какихъ условіяхъ эта фатальная возгонка стремленій, чувствъ, аффектовъ рабочаго класса, вызываемая лихорадочнымъ процессомъ эксплуатаціи, можетъ осаждаться въ формѣ соціалистическихъ идеаловъ, плановъ будущаго общества, во имя которыхъ борцы за лучшій строй организуются въ могучія партіи и вступаютъ въ бой съ историческими силами стараго міра, хищничествомъ и гнетомъ. Тутъ недостаточно одной игры экономическихъ отношеній, одного процесса эксплуатаціи.

Соціалистическій идеалъ и политическая борьба соціалистовъ съ другими партіями нуждаются для своего осуществленія въ совокупности общественныхъ условій, которыя, какъ все въ соціальномъ организмѣ, находятся въ тѣсномъ взаимодѣйствіи съ хозяйственнымъ строемъ, но вовсе не точно пропорціональны напряженности тѣхъ или другихъ экономическихъ силъ, царящихъ въ данномъ обществѣ. Здѣсь приходится принимать въ разсчетъ національный темпераментъ даннаго народа, характеръ его психологіи, степень его воспріимчивости и способность его къ абстракціи. Здѣсь надо обращать вниманіе на уровень его общей культуры, на развитіе научной мысли, на силу историческихъ традицій. Въ свою очередь чисто политическія условія,—большая или меньшая степень общественной и личной свободы, централистическій или федеративный характеръ государства, международная роль данной страны, и т. п.—облегчаютъ или затрудняютъ для массъ переходъ отъ стихійнаго рабочаго движенія къ сознательному политически-соціалистическому движенію. Въ сущности, всѣ эти разнообразныя условія присутствуютъ и при процессѣ чисто стихійнаго профессіональнаго выступленія трудящихся массъ противъ эксплуататоровъ. Но самая первоначальность и всеобщность процесса эксплуатаціи переноситъ центръ тяжести этой стихійной борьбы на экономическую почву и устанавливаетъ гораздо болѣе прочное соотвѣтствіе между напряженностью упомянутой эксплуатаціи и яркостью профессіональной борьбы трудящихся противъ капиталистовъ. Тогда какъ характеръ соціалистическаго движенія въ данной странѣ обусловливается несравненно болѣе многочисленными и сложными обстоятельствами.

Вслѣдствіе этого мы и видимъ, напр., что теоретическій соціализмъ можетъ пріобрѣсти большее значеніе въ странѣ, менѣе развитой въ экономическомъ отношеніи, особенно, благодаря возможности для геніальнаго мыслителя забѣжать въ области идей впередъ хозяйственнаго развитія своей родины. Пусть читатель припомнитъ хотя бы великія предвидѣнія Фурье, который въ первой трети XIX-го вѣка успѣлъ уже подвергнуть самой разрушительной критикѣ капиталистическій строй и построить цѣлую систему будущаго гармоническаго общества, хотя могъ наблюдать во Франціи режимъ свободной конкурренціи почти исключительно въ области крупной торговли (а не крупной промышленности); въ смыслѣ же общественнаго производства былъ знакомъ, повидимому, только съ мелкими молочными коопераціями смежныхъ полосъ Франціи и Швейцаріи. Съ другой стороны, на почвѣ крайне промышленной Англіи дѣятельность собственно соціалистическихъ партій до сихъ поръ плохо прививается, что можно объяснить, между прочимъ, привилегированнымъ положеніемъ, которое Великобританія занимала на міровомъ рынкѣ, а кромѣ того, и искусной политикой правящихъ классовъ. Дѣло въ томъ, что классовая политика трудя-

щихся массъ, идущая въ разрѣзъ съ политикой представителей владѣнія, парализовалась фактической монополіей Англіи, какъ производительницы мануфактурныхъ продуктовъ чуть не для всего міра. Въ силу этого дѣлежъ получаемой съ чужестранцевъ крупной добычи между фабрикантами и рабочими не вызывалъ столь ожесточенной борьбы, какъ въ другихъ странахъ. Въ свою очередь и политическій смыслъ правящихъ верховъ, неизмѣнно уступавшихъ массамъ, когда напоръ послѣднихъ принималъ черезчуръ революціонный характеръ, обламывалъ остріе у «соціальной войны» въ Англіи.

Мы видимъ, такимъ образомъ, что отсутствіе строгой пропорціональности между силой собственно рабочаго движенія, или синдикализма, и силой теоретическаго и политическаго соціализма есть явленіе очень распространенное. Не надо только забывать, что, объясняясь различными сложными условіями, это несоотвѣтствіе напряженности экономической и политической борьбы труда противъ капитала отнюдь не обозначаетъ прямой противоположности двухъ видовъ «соціальной войны». Наоборотъ, въ концѣ концовъ и съ теченіемъ времени та страна, въ которой происходитъ сильное рабочее движеніе, будетъ обладать и большими шансами на водвореніе прочнаго соціалистическаго строя. За то изученіе національныхъ особенностей соціальнаго движенія въ разныхъ странахъ даетъ возможность наблюдателю опредѣлить, какія «возмущающія» условія, какія спеціальныя причины мѣшаютъ сближенію обоихъ родовъ классовой борьбы трудящихся массъ противъ эксплуататоровъ. Ибо во всякомъ случаѣ и теоретики, и практики современнаго соціализма согласны въ томъ, что никакое серьезное измѣненіе настоящаго строя не мыслимо безъ дѣятельнаго участія трудящихся классовъ, т. е. огромнаго большинства человѣчества.

Послѣ этихъ общихъ, но необходимыхъ соображеній мы можемъ перейти къ непосредственному предмету нашей статьи—французскому синдикализму.

Мною уже неоднократно изображалось въ письмахъ изъ Франціи и собственно рабочее, и соціалистическое движеніе этой страны. За исторіею и подробностями взаимныхъ отношеній между трудомъ и капиталомъ въ теченіе послѣднихъ ста лѣтъ я отсылаю поэтому читателя къ своимъ предшествующимъ этюдамъ *). Здѣсь же я остановлюсь на исторіи французскаго синдикализма лишь съ того времени, когда онъ замѣтно выдѣлился изъ совокупности смежныхъ явленій, составляющей соціальный вопросъ въ его цѣломъ.

*) См. въ «Очеркахъ современной Франціи» главы: «Жизнь и идеалы четвертаго класса во Франціи» (стр. 198—238), «Эволюція политическихъ партій» (стр. 560—587) и «Сто лѣтъ взаимныхъ отношеній буржуазіи и пролетаріата» (стр. 587—612).

и чѣмъ больше, тѣмъ дальше начинаетъ играть роль въ общественной жизни страны. Избѣгая по возможности повтореній, но развивая нѣкоторыя стороны явленія, я беру за исходный пунктъ синдикализмъ на почвѣ совсѣмъ еще юной, но уже обагренной кровью Коммуны Третьей республики. Синдикаты, которые выросли въ послѣдніе годы Второй имперіи *), сложились въ федерацію и вошли нѣкоторыми наиболѣе крайними своими элементами въ Интернаціоналъ, были, конечно, безжалостно раздавлены во время этого величайшаго избіенія трудящихся массъ буржуазіей. Поэтому, когда сама сила вещей стала снова создавать синдикальную организацію, эта группировка рабочихъ ставила своею исключительной цѣлью преслѣдованіе чисто профессіональныхъ интересовъ и всячески открещивалась отъ классовой политики, что шло только на руку апостоламъ мирнаго синдикализма, въ родѣ Барберэ. Это обстоятельство мы должны отмѣтить тутъ же, такъ какъ «барберэттизмъ»,—чтобы употребить французскую кличку, — есть не только свойственное Франціи, но всему міру явленіе. И межеумочные политики, стоящіе одной ногой на почвѣ трудового міровоззрѣнія, а другой—на почвѣ міровоззрѣнія буржуазнаго, съ необыкновеннымъ усердіемъ поддерживаютъ въ различныхъ странахъ туземныя формы будничнаго, скромнаго синдикализма, который мѣшаетъ восторжествовать въ современномъ обществѣ интересамъ и идеаламъ рабочаго класса путемъ рѣшительной борьбы съ имущими и правящими классами.

Какъ бы то ни было, въ 1875 г.,—четыре года спустя послѣ версальскихъ вакханалій въ разгромленномъ Парижѣ,—насчитывалось уже во Франціи 135 синдикальныхъ палатъ, старавшихся вести себя по возможности тихо и скромно, чтобы избѣжать преслѣдованій реакціоннаго въ то время правительства. Не забудьте, что тогда надъ всякими организаціями Третьей республики, бывшей пока «республикою безъ республиканцевъ», висѣлъ, словно Дамокловъ мечъ, цѣлый арсеналъ репрессивныхъ законовъ и мѣръ, койкакія изъ которыхъ шли еще со временъ Великой революціи. Имъ угрожалъ такъ называемый законъ Ле-Шапелье (14—17 іюля 1791 г.), который воспрещалъ какую бы то ни было организацію ремеслъ и профессій подъ тѣмъ предлогомъ, что революціонное право уничтожило всѣ средневѣковые цехи и корпораціи и не допускаетъ ихъ возстановленія «въ какой бы то ни было формѣ» и во имя «мнимыхъ (sic!) общихъ интересовъ» **). Имъ грозили статьи 291—294 свода уголовныхъ законовъ, требовавшія для всякаго общества,

*) Самое слово появляется во Франціи, повидимому, въ 1867 г., когда башмачники даютъ названіе «Синдикальной палаты» своей профессіональной ассоціаціи. См. Léon de Seilhac, «Syndicats ouvriers, fédérations, bourses du travail; Парижъ, 1902, стр. 50.

**) Ср. Louis Barthou, «L'action syndicale»; Парижъ 1904, стр. 7 «введенія».

насчитывающаго болѣе 20 членовъ, разрѣшенія правительства. И таковъ же, съ усугубленіемъ, былъ смыслъ закона 10 апрѣля 1834 г., вотированнаго буржуазіей послѣ ліонскаго возстанія ткачей въ октябрѣ 1831 г. Тяжелыми карами грозили организаціямъ и статьи 414—416 уголовнаго свода, наказывавшія почти всѣ проявленія коллективнаго сговора или стачки.

Интересны тенденціи перваго рабочаго конгресса, который засѣдалъ въ Парижѣ отъ 2 до 10 октября 1876 г. и на которомъ присутствовало 360 делегатовъ отъ 70 парижскихъ синдикатовъ и 37 провинціальныхъ корпорацій. Въ заявленіяхъ и дебатахъ конгресса вскрывается рядъ недоразумѣній, показывающихъ, какъ неясна была для самихъ участниковъ цѣль возрождавшагося движенія. Громадное большинство конгрессистовъ принадлежало къ сторонникамъ прудоновскаго мутуализма и чисто кооперативной дѣятельности. Было лишь нѣсколько «коллективистовъ», какъ государственническаго, такъ и анархическаго пошиба. Словомъ, въ сущности торжествовала чисто профессіональная точка зрѣнія, которую съ 1872 г. развивалъ Барберэ. Но къ этому торжеству барберэттизма примѣшивалась та комическая нота, что послѣдовательные синдикалисты горячо протестовали противъ присутствія на ихъ, рабочемъ, конгрессѣ самого Барберэ, вдохновителя мелко-профессіональнаго движенія, на томъ основаніи, что онъ не былъ собственно рабочимъ. Съ одной стороны, конгрессъ въ лицѣ докладчика выражалъ крайне умѣренныя требованія, осуществленіе которыхъ отнюдь не могло бы мѣшать ни сну, ни пищеваренію господъ буржуа: «пусть знаютъ,— говорилъ онъ,—что намѣреніе рабочихъ нисколько не заключается въ томъ, чтобы улучшить свою участь путемъ ограбленія другихъ». Но съ другой—онъ жестоко нападалъ на притязанія буржуа руководить рабочимъ классомъ, и нападалъ всего болѣе чуть ли не за то, что они «ищутъ лѣкарствъ противъ нашихъ золъ въ идеяхъ и умствованіяхъ, а не справляются (prendre conseil) съ нашими потребностями и съ дѣйствительностью» *). Курьезъ здѣсь заключается въ томъ, что «буржуа», которыхъ бичевалъ первый синдикалистскій конгрессъ, были соціалисты, изъ рядовъ буржуазной интеллигенціи, которые покинули привилегированный классъ съ тѣмъ, чтобы вести борьбу внутри арміи рабочихъ съ представителями капитала и владѣнія. Это ихъ-то соціалистическіе идеалы французскій синдикализмъ презрительно обзывалъ «умствованіями». Такое отношеніе людей труда какъ разъ къ міровоззрѣнію труда было, конечно, сейчасъ же отмѣчено съ двухъ сторонъ, и со стороны буржуазіи, и со стороны соціалистовъ. Всѣ буржуазныя газеты,— и правой, и лѣвой, и французскія, и заграничныя,—восхищались здравымъ смысломъ и миролюбивымъ настроеніемъ конгрессистовъ,

*) Fernand Pelloutier, «Histoire des bourses du travail. Origine, institution, avenir», Парижъ 1902, стр. 39.

занимаясь разными варіаціями на одну тему: «эра революціи во Франціи кончена навсегда». Съ другой стороны, коммунары, спасшіеся отъ разстрѣла версальцами и ссылки въ Новую Каледонію, выражали все свое негодованіе къ близорукимъ синдикалистамъ въ брошюрѣ, выпущенной бѣглецами въ Лондонѣ сейчасъ же вслѣдъ за конгрессомъ: «Въ городѣ революцій, пять лѣтъ спустя послѣ битвъ Коммуны, на могилѣ разстрѣлянныхъ, въ виду нумейской каторги, въ виду тюремъ, переполненныхъ революціонерами, могли найтись,—какъ это ни чудовищно,—люди, осмѣлившіеся взять на себя роль представителей пролетаріата, съ тѣмъ, чтобы отъ его имени принести публичное покаяніе буржуазіи, отречься отъ революціи, отречься отъ Коммуны. Укрывшись въ покровительственной тѣни бонапартистскихъ военныхъ судовъ, синдикалисты собрались для того, чтобы позорить революціонный Парижъ» и т. д. *).

Мы увидимъ, однако, ниже, какіе крайніе выводы зыщелушитъ, если можно такъ выразиться, изъ смутной теоріи тогдашнихъ сторонниковъ чисто профессіональнаго движенія современный французскій (и итальянскій) революціонный синдикализмъ. Во всякомъ случаѣ, если кто не былъ въ то время обезпокоенъ синдикальнымъ движеніемъ, такъ это именно буржуа, которые прекрасно понимали, что, заключая себя въ кругъ чисто профессіональныхъ интересовъ, отказываясь отъ какой бы то ни было политики, рабочій классъ тѣмъ самымъ отдавалъ политическую сферу въ безраздѣльное владѣніе имущихъ и правящихъ классовъ и увѣковѣчивалъ свою соціальную приниженность.

Такъ или иначе рабочее движеніе развивалось; и сама жизнь вносила поправки въ черезчуръ узкую программу чисто профессіональнаго синдикализма, какъ онъ проявилъ себя на парижскомъ конгрессѣ. По мѣрѣ того, какъ Третья республика демократизировалась въ пылу борьбы съ отживающими партіями, усиливалась и возможность соціалистической пропаганды среди рабочихъ. Синдикалисты подвергались все возростающему и возростающему вліянію сторонниковъ болѣе цѣльнаго міровоззрѣнія труда. Надо сказать, что въ ту раннюю пору французскаго рабочаго движенія профессіональныя организаціи фактически не могли отмежеваться отъ организацій политическихъ. А внутри соціализма государственники и анархисты довольно дружно работали бокъ-о-бокъ, находя почву взаимнаго соглашенія въ элементѣ революціонности и въ противопоставленіи его мирному профессіональному направленію чистыхъ синдикалистовъ. Теченіе шло, очевидно, въ сторону болѣе крайнихъ партій или, лучше сказать, взглядовъ (такъ какъ собственно рабочихъ партій въ то время еще не существовало). Не мѣшаетъ, дѣйствительно, припомнить, что какъ ни былъ умѣренъ первый конгрессъ, онъ все же отвергнулъ проектъ закона о синдикатахъ,

*) Seilhac, l. c., стр. 255—256.

который былъ составленъ Эдуардомъ Локруа, депутатомъ крайней лѣвой, и позволялъ образованіе синдикатовъ, но подъ условіемъ представленія мэру, префекту полиціи, или прокурору (смотря по мѣсту) статутовъ, фамилій и адресовъ всѣхъ членовъ.

На второмъ, ліонскомъ, рабочемъ конгрессѣ (28 января—8 февраля 1878 г.) соціалисты, несмотря на свое крайне незначительное число, могли, однако, развить вполнѣ опредѣленно свою программу «установленія коллективнаго производства и коллективной собственности». Это предложеніе нашло среди голосовавшихъ его конгрессистовъ всего восемь сторонниковъ. Но важенъ былъ уже самый фактъ, что делегаты синдикатовъ допустили коллективистовъ развернуть здѣсь свое знамя. Вскорѣ коллективизмъ настолько наберется силъ, что на слѣдующемъ—третьемъ—рабочемъ конгрессѣ (20—31 октября 1879 г.) въ Марсели хозяиномъ положенія является уже онъ, а не профессіональный синдикализмъ, такъ какъ послѣдній успѣваетъ выдвинуть всего только 23 голоса противъ 60 голосовъ, высказавшихся за «коллективную собственность (collectivité) почвы, подпочвы, орудій труда, сырыхъ матеріаловъ» и т. д. На четвертый конгрессъ (октябрь 1880 г.), въ Гаврѣ, коллективисты являются уже съ твердымъ намѣреніемъ или увлечь за собой мирныхъ синдикалистовъ, или рѣзко отколоться отъ нихъ. Расколъ, дѣйствительно, происходитъ въ самомъ началѣ. Коллективистическое меньшинство, предводимое Гэдомъ,—который нѣсколько мѣсяцевъ передъ тѣмъ составлялъ въ Лондонѣ вмѣстѣ съ Марксомъ, Энгельсомъ, Лафаргомъ, Ломбаромъ «программу рабочей партіи»,—не допускается на конгрессъ синдикалистовъ, такъ какъ эти требуютъ отъ членовъ правильныхъ мандатовъ отъ рабочихъ организацій, а у гэдистовъ такихъ пока нѣтъ. И вотъ бокъ-о-бокъ съ конгрессомъ представителей синдикатовъ идутъ засѣданія конгресса коллективистовъ, которые яркостью и революціонностью своихъ заявленій оттягиваютъ въ ряды своей партіи не мало выдающихся представителей синдикатовъ въ большихъ городахъ.

Этотъ дренажъ синдикальныхъ силъ въ пользу коллективизма ослабляетъ чисто профессіональное движеніе. Въ теченіе цѣлыхъ шести лѣтъ, отъ 1880 до 1886 г.,—которыя знаменуются ростомъ, но и внутренними расколами соціалистической партіи, раздѣлившейся на гэдистовъ и поссибилистовъ,—чистые синдикалисты успѣваютъ созвать лишь два, очень тусклыхъ, кстати сказать, конгресса, въ Парижѣ и Бордо. Лишь въ октябрѣ 1886 г. синдикаты, естественному росту которыхъ благопріятствовалъ отчасти подготовленный республиканцами съ Вальдекомъ-Руссо во главѣ законъ 21 марта 1884 г., могли снова организовать конгрессъ, на сей разъ въ Ліонѣ. Но и здѣсь умѣренные элементы синдикализма, организовавшіе конгрессъ, принуждены были уступить господствующую роль представителямъ революціоннаго, политическаго соціализма, или, лучше сказать, гэдистамъ, образовавшимъ «рабочую партію». Эта побѣда

политиковъ надъ синдикалистами выразилась, между прочимъ, очень ясно въ вопросѣ объ отношеніи конгресса къ только-что упомянутому закону 1884 г. Какъ извѣстно, статья 2-я этого закона разрѣшаетъ свободное образованіе «синдикатовъ или профессіональныхъ ассоціацій» безъ всякаго разрѣшенія правительства,—явочнымъ порядкомъ, какъ принято говорить у насъ,—хотя бы эти общества состояли и болѣе, чѣмъ изъ двадцати членовъ. А статья 4 опредѣляетъ условія этого явочнаго порядка: основатели синдиката должны представить въ мѣстную мэрію (а въ Парижѣ въ *сенскую, но не полицейскую* префектуру) уставъ и имена администраторовъ общества. Согласно статьѣ 5-ой, синдикаты могутъ даже образовать цѣлые союзы, которые, однако, не признаются юридической личностью и не могутъ, напр., поэтому ни обладать никакой недвижимостью, ни защищать свои интересы по суду. Тогда какъ сами синдикаты, въ силу статьи 6-й, признаются юридическою личностью, хотя съ немалыми ограниченіями: они могутъ выступать на судѣ, могутъ производить сборы съ своихъ членовъ и давать употребленіе собраннымъ суммамъ, могутъ устраивать кассы взаимопомощи и пенсіонныя кассы; но они не могутъ пріобрѣтать иную недвижимость, кромѣ той, которая «необходима для ихъ собраній, ихъ библіотекъ и курсовъ профессіональнаго образованія».

Вотъ на почвѣ этого-то закона и возникло рѣзкое столкновеніе между сторонниками политическаго соціализма и синдикалистами. Сторонники Гэда страшно возстали противъ законодательства 21-го марта 1884 г., напирая на то, что необходимость предъявленія статутовъ и именъ администраторовъ синдикатовъ властямъ уподобляетъ рабочіе союзы «публичнымъ женщинамъ» (femmes du trottoir). При вотировкѣ 74 голоса высказались противъ признанія закона рабочими и лишь 29 за признаніе; 7 воздержалось. Восклицанія: «да здравствуетъ соціальная революція» перекрещивались въ воздухѣ. Трехцвѣтное знамя оффиціальной республики было разорвано, и сохраненная нарочно отъ него красная полоса развѣвалась, какъ стягъ революціоннаго пролетаріата. Въ результатѣ конгресса была сформирована «національная федерація синдикатовъ» во главѣ съ «генеральнымъ федеральнымъ совѣтомъ», составившимся изъ выдающихся гэдистовъ. Второй конгрессъ этой *новой* организаціи, засѣдавшій въ 1887 г. въ Монлюсонѣ, заключалъ въ себѣ уже исключительно сторонниковъ Гэда; и съ самаго начала пренія происходили не «подъ трехцвѣтнымъ знаменемъ, подъ которымъ,—какъ выразился предсѣдатель конгресса, рабочій Дормуа,—буржуазія совершала всѣ свои предательства по отношенію къ родинѣ, всѣ свои преступленія противъ рабочаго класса и избіенія его», а подъ «краснымъ знаменемъ, которое пролетаріатъ два раза поднималъ во Франціи, провозглашая республику».

Третій конгрессъ, собравшійся было въ 1888 г. въ Бордо, былъ распущенъ правительствомъ и перенесъ свои засѣданія въ пред-

мѣстье Буска. Его намъ приходится упомянуть главнымъ образомъ въ силу того знаменательнаго обстоятельства, что на немъ были вотированы два предложенія, которыя, въ сущности, какъ окажется послѣ, шли въ разрѣзъ съ общей тактикой, если и революціоннаго, то все же политическаго соціализма гэдистской «рабочей партіи». Первое изъ этихъ предложеній гласило: «только всеобщая стачка, то-есть полное прекращеніе труда, или революція, можетъ толкнуть (entraîner) рабочихъ къ ихъ освобожденію». Второе, въ нѣсколько смутной, но чреватой будущими расколами формѣ, провозглашало необходимость для рабочихъ отмежеваться какъ будто бы только отъ буржуазныхъ политиковъ, но на самомъ-то дѣлѣ отъ политиковъ вообще, стало быть и отъ соціалистовъ, стоящихъ за политическую борьбу: «принимая во вниманіе, что гражданамъ невозможно и думать, чтобы захватъ собственности рабочимъ классомъ (reprise de possession) могъ когда-нибудь совершиться съ согласія буржуазіи, конгрессъ приглашаетъ рабочихъ рѣзко отдѣлиться отъ политикановъ, которые ихъ обманываютъ».

Мы увидимъ вскорѣ, какъ двѣ эти резолюціи выростутъ въ цѣлую стѣну, которая разъединитъ французскій соціализмъ отъ французскаго синдикализма, ставшаго въ послѣдніе годы, если и революціоннымъ, то въ значительной степени анархистскимъ, «аполитическимъ» движеніемъ. Дѣло въ томъ, что и на почвѣ закона 1884 г., и внѣ его, профессіональныя организаціи распространялись все больше и больше по странѣ и вырабатывали самостоятельную группировку рабочихъ элементовъ въ разныхъ направленіяхъ, такъ что при подвижномъ и революціонномъ темпераментѣ французскаго пролетаріата скоро возникла возможность разрыва между силами синдикализма и силами соціалистической партіи.

Этотъ разрывъ и произошелъ въ 1894 г. послѣ слѣдующихъ перипетій. Мы только что сказали, что профессіональныя организаціи сростались въ различныя группы. Такъ, съ одной стороны, однородныя ремесла и вѣтви промышленности объединялись въ «федераціи синдикатовъ», т. е. въ общіе союзы рабочихъ, занятыхъ однимъ и тѣмъ же производствомъ во всей Франціи: таковы синдикаты металлургическіе, рудокопные, желѣзнодорожные, книгопечатниковъ и т. п. Съ другой стороны, различныя отрасли промышленности одного какого-нибудь центра или мѣстности соединялись въ такъ называемыя «биржи труда» *). Первою изъ этихъ

*) Это названіе и первоначальная идея центральнаго справочнаго органа для спроса, предложенія и найма труда принадлежатъ французскому экономисту-манчестерцу Молинари и были брошены имъ еще наканунѣ февральской революціи въ 1815 г. Но идея „биржи“, являющейся центромъ рабочей ячейки,—какъ церковь являлась центромъ средневѣковой коммуны,—принадлежитъ одному рабочему, сотруднику старой корпоративной газеты „L'Echo de la Fabrique“ (№ отъ 1-го декабря 1833 г.).

биржъ оказалась парижская, основанная въ 1886 г. А въ 1892 г. ихъ насчитывалось уже четырнадцать. И вотъ въ то время, какъ гэдисты вели свою пропаганду, главнымъ образомъ, среди федераціи синдикатовъ, соединявшихся въ «Національную федерацію», при чемъ внутри этихъ организацій они занимались гораздо больше вопросами соціалистической доктрины и политики, чѣмъ профессіональными интересами,—собственно синдикалистское движеніе росло внутри биржъ труда, гдѣ практическія задачи мѣстныхъ рабочихъ находили несравненно лучшее рѣшеніе. Росла вмѣстѣ съ тѣмъ неизбѣжная мысль о федераціи биржъ труда между собой. Она впервые была осуществлена въ 1892 г.; и ее реализацію ускорили старанія политическихъ соперниковъ Гэда (поссибилистовъ) опереться, въ свою очередь, на что-нибудь аналогичное съ «федераціей синдикатовъ». Парижская биржа труда, находившаяся подъ вліяніемъ поссибилистовъ, предложила сэнтъ-этьеннской биржѣ организовать конгрессъ съ цѣлью основать федерацію биржъ. И конгрессъ, открывшійся въ Сэнтъ-Этьеннѣ 7-го февраля 1892 г., положилъ основаніе «Французской федераціи биржъ труда».

Первое время обѣ федераціи,—и синдикатовъ, и биржъ,—созывали свои конгрессы независимо. Такъ, въ 1893 г. федерація синдикатовъ организовала конгрессъ въ Марсели, а федерація биржъ въ Тулузѣ. Но изъ обмѣна мыслей и здѣсь, и тамъ выяснилась потребность въ общемъ объединительномъ конгрессѣ, который было предположено созвать въ концѣ текущаго года. Это казалось тѣмъ болѣе необходимымъ, что министерство Дюпюи вступило на путь самой рѣзкой соціальной реакціи и, какъ извѣстно, 7-го іюля того же 1893 г., закрыло парижскую биржу труда подъ тѣмъ предлогомъ, что изъ 270 синдикатовъ, входившихъ въ составъ мѣстной биржи, 120 не соблюдали условій, установленныхъ закономъ 1884 года. Парижскій совмѣстный конгрессъ рѣшилъ, что въ слѣдующемъ, 1894 году, будетъ лишь одинъ общій конгрессъ биржъ и федерацій, и что онъ соберется въ Нантѣ. Это рѣшеніе было принято не безъ рѣзкаго протеста со стороны Гэда, который опасался, что находившаяся подъ его вліяніемъ федерація синдикатовъ растворитъ чистоту своихъ соціалистическихъ принциповъ въ профессіональныхъ тенденціяхъ федерацій биржъ. Не написалъ ли Гэдъ сейчасъ же по закрытіи парижской биржи слѣдующихъ, чрезчуръ одностороннихъ и чрезчуръ раздражившихъ синдикалистовъ, строкъ: «Дюпюи, заградивъ своей полиціей и конницей синдикальный и корпоративный тупикъ (impasse), въ которомъ грозило затеряться слишкомъ большое число рабочихъ, отбросилъ въ политическое движеніе,—единственный соціалистическій путь,—всю рабочую партію, которая отнынѣ убѣждена, что внѣ завоеванія

См. перепечатку этой статейки въ „La Revue Syndicaliste", № 14 (іюнь) 1906 г., стр. 45—46.

правительственной власти рабочимъ классомъ, нѣтъ ни спасенія, ни освобожденія труда» *).

Опасенія Гэда оказались вѣрными: синдикалистскіе элементы, какъ мы сейчасъ увидимъ, взяли верхъ, но, по любопытной ироніи судьбы, вотировали въ вопросѣ о всеобщей стачкѣ резолюцію, гораздо болѣе революціонную, чѣмъ-то допускала гэдистская точка зрѣнія, бывшая въ то же время по этому вопросу общимъ символомъ вѣры политическаго, главнымъ образомъ марксистскаго, соціализма. На Нантскомъ конгрессѣ (сентябрь 1894 г.) были представлены 21 биржа труда, обнимавшія 776 синдикатовъ и 30 федерацій, состоявшихъ изъ 682 синдикатовъ, кромѣ 204 синдикатовъ, имѣвшихъ прямое представительство. Въ общемъ конгрессъ насчитывалъ 1662 синдиката, пославшихъ на съѣздъ 143 делегата. И что же? Послѣ энергичной и талантливой защиты всеобщей стачки Бріаномъ,—тогда мало извѣстнымъ нантскимъ адвокатомъ, а нынѣ одомашненнымъ буржуазіею соціалистомъ въ кабинетѣ Клемансо,—конгрессисты очень значительнымъ большинствомъ голосовъ приняли рѣшеніе въ пользу тактическаго пріема, пропагандировавшагося Бріаномъ и его сторонниками: 65 голосовъ высказались за всеобщую забастовку, 37 противъ, 9 воздержалось **).

*) См. статью въ „Le Matin", отрывки которой цитированы у Seilhac, „Syndicats ouvriers" etc., стр. 266.

**) Отсылая читателя за подробностями взглядовъ французскихъ и иныхъ соціалистическихъ партій на всеобщую стачку къ своей прошлогодней статьѣ въ «Русскомъ Богатствѣ» (№ 11—12), появившейся затѣмъ въ нѣсколько дополненномъ видѣ какъ предисловіе къ брошюрѣ Этьена Бюиссона, посвященной тому же вопросу (изданіе «Общественной Пользы» 1906 г.), я позволю себѣ прибавить здѣсь слѣдующую историческую справку, которая мнѣ представляется очень любопытной. Многіе ученые люди искали прецедентовъ если не практическаго выполненія, то самой идеи всеобщей стачки. И лишь синдикалисты Франціи вспомнили кстати, что едва ли не самый опредѣленный планъ такой стачки принадлежитъ въ прошломъ Эмилю де-Жирардэну. Вдвойнѣ любопытно то обстоятельство, что оригинальный публицистъ-флюгеръ, обѣщавшій своимъ читателямъ давать имъ «каждый день по идеѣ», понималъ эту стачку именно какъ политическую, словно предвидя нашу знаменитую октябрьскую стачку прошлаго года. Вечеромъ 3-го декабря 1851 г., на слѣдующій день послѣ «декабрьской ночи» Эмиль де-Жирардэнъ отсовѣтовалъ своимъ друзьямъ возстаніе и наоборотъ рекомендовалъ взять клятвопреступника измором. Викторъ Гюго такъ передаетъ въ своей «Исторіи преступленія» слова де-Жирардэна: «Сдѣлаемъ пустоту вокругъ него! Провозгласимъ всеобщую стачку! Пусть торговецъ перестанетъ продавать, потребитель покупать, мясникъ бить скотъ, булочникъ печь хлѣбъ, пусть все бастуетъ, вплоть до національной типографіи, и пусть Людовикъ-Бонапартъ не найдетъ ни одного наборщика, чтобы набирать «Moniteur», ни одного печатника, чтобы его печатать, ни одного расклейщика чтобы расклеивать его по улицамъ. Устроимъ одиночество, пустыню, пустоту вокругъ этого человѣка! Пусть нація отдалится отъ него. Всякая власть, отъ которой отшатнулась нація, падаетъ какъ дерево, отъ котораго отпалъ корень. Покинутый всѣми, Людовикъ-Бонапартъ погибнетъ внутри самаго преступле-

Этотъ исходъ довольно знаменателенъ. Онъ показываетъ, что французскій синдикализмъ, вслѣдствіе революціонныхъ традицій страны, никогда не сводится исключительно къ преслѣдованію профессіональныхъ интересовъ, и что ему всегда присуще тяготѣніе къ крайнимъ мѣрамъ, имѣющимъ цѣлью толкать членовъ синдикатовъ за предѣлы будничной дѣятельности. Здѣсь, можетъ быть, умѣстно будетъ прибавить, не развивая пока подробно этой мысли, что, если французскій синдикализмъ сталъ рѣзко отгораживаться съ только что отмѣченнаго нами момента отъ политическаго соціализма, то не только потому, что умѣренные элементы его пугались революціонности политическаго направленія, но и потому, что крайнихъ синдикалистовъ раздражала, наоборотъ, въ иныхъ отношеніяхъ умѣренность соціалистовъ-политиковъ. Достаточно будетъ, напр., припомнить читателю, что въ то время, какъ Гэдъ, съ колебаніями въ ту и другую сторону, переходилъ въ общемъ отъ рѣзкаго отрицанія парламентарной дѣятельности, всеобщей подачи голосовъ и т. п. къ признанію, по крайней мѣрѣ, относительной полезности этой формы политической борьбы *), крайніе синдикалисты остаются на старинной точкѣ зрѣнія Гэда, если еще не преувеличиваютъ ея. Они даже приходятъ къ своеобразному «анархическому марксизму» (пусть читатель не боится этого объясняемаго ниже термина) съ его борьбой классовъ исключительно на экономической почвѣ...

Побитые на такомъ крупномъ вопросѣ, какъ всеобщая стачка, гэдисты удалились съ шестого «національнаго конгресса синдикатовъ Франціи», унося съ собою лишь имя «федераціи синдикатовъ», такъ какъ чисто профессіональныхъ организацій у нихъ оставалось въ это время незначительное число. Жизненной группировкой рабочихъ интересовъ становилась исключительно «федерація биржъ труда», избравшая своимъ главнымъ секретаремъ талантливаго выходца изъ буржуазіи, Фердинанда Пеллутье, который сначала принадлежалъ къ гэдистской партіи, а затѣмъ продѣлалъ эволюцію въ сторону анархизма. Ось синдикальнаго движенія проходила теперь черезъ федерацію биржъ, начавшую въ особенности быстро развиваться съ того времени, какъ, благодаря выдающимся административнымъ способностямъ Пеллутье, она получила правильную организацію съ федеральнымъ комитетомъ, засѣдающимъ въ Парижѣ, и съ постояннымъ главнымъ секретаремъ. Такъ что, созданная синдикалистами рядомъ съ федераціей биржъ болѣе общая организація, такъ называемая «Всеобщая конфеде-

---

нія». Victor Hugo «Histoire d'un crime»; т. I, стр. 252, Парижъ, 1877, 3-е изд. («Calmann Lévy»).

*) См. подробности этой эволюціи въ моей біографіи Гэда, входящей въ «Галлерею современныхъ французскихъ знаменитостей». Спб., 1906, стр. 345—349 и стр. 370—373.

рація труда» влачила въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ лишь призрачное, чисто формальное существованіе.

Эта новая организація была выработана на Лиможскомъ конгрессѣ (сентябрь 1895 г.) федераціи биржъ и дала поводъ, при обсужденіи своихъ статутовъ къ рѣзкому провозглашенію со стороны синдикалистовъ ихъ обособленности отъ политическаго соціализма. Дѣйствительно, первый параграфъ устава гласилъ: «элементы, образующіе конфедерацію, должны держаться внѣ всякихъ политическихъ школъ». Послѣ страстныхъ преній, онъ былъ принятъ громаднымъ большинствомъ 124 голосовъ противъ 14. Во мнѣніи ея творцовъ, всеобщая конфедерація должна была объединить въ «унитарной и коллективной организаціи» различные рабочіе союзы, связавъ въ одно цѣлое федерацію биржъ и федерацію синдикатовъ. Но мы уже видѣли, что послѣдняя была въ гораздо большей степени политической, чѣмъ профессіональной организаціей «рабочей партіи». Съ уходомъ же гэдистовъ она утратила и политическую жизненность, что, при давнишней слабости въ ней профессіональныхъ интересовъ, сводило ее на роль простыхъ рамокъ, почти лишенныхъ содержанія. Съ другой стороны, федерація биржъ была если и очень жизненнымъ, то совершенно автономнымъ учрежденіемъ. Что же оставалось дѣлать всеобщей конфедераціи, несмотря на свое громкое имя, какъ не удовольствоваться поддержаніемъ кой-какихъ связей между корпоративными федераціями? Вслѣдствіе этого получилось такое положеніе вещей, что въ то время, какъ федерація биржъ объединяла наиболѣе активные и крайніе элементы синдикализма, всеобщая конфедерація труда стала прибѣжищемъ сторонниковъ исключительно «реформистскаго» направленія, а отчасти потайныхъ «политиковъ». Но эти послѣдніе, не вѣря въ чисто экономическую дѣятельность рабочихъ группъ и не смѣя въ то же время нарушить въ этомъ смыслѣ статуты, мало заботились вообще объ успѣхахъ конфедераціи.

Конфедерація обнаружила живучесть и заставила говорить о себѣ лишь съ 1900 г., когда, послѣ парижскаго корпоративнаго конгресса, былъ созданъ конфедеральный еженедѣльный органъ «La Voix du Peuple» («Голосъ Народа»), и въ конфедерацію прилили революціонные, главнымъ образомъ, анархическіе элементы. Этотъ поворотный пунктъ въ исторіи конфедераціи и вообще въ исторіи французскаго синдикализма имѣетъ немалое значеніе какъ въ практическомъ, такъ и въ теоретическомъ отношеніи. Дѣло въ томъ, что французскій анархизмъ во второй половинѣ 90-хъ годовъ подвергся значительной эволюціи. Партизанская война противъ современнаго строя, которая выливалась въ столь же отчаянные, сколько нелѣпые акты Вальяна и Анри, метавшихъ бомбы въ палатѣ депутатовъ и въ кафе, пошла на убыль. Мода

ко анархизмъ, которая обуяла было декадентовъ и эстетовъ буржуазнаго міра, удовлетворяя ихъ индивидуалистическимъ, противообщественнымъ инстинктамъ, уступила мѣсто гораздо болѣе идущему имъ къ лицу откровенному аристократизму, ничшеанству и вообще презрѣнію къ массамъ. Съ другой стороны, ростъ рабочаго движенія остановилъ на себѣ вниманіе тѣхъ анархистовъ, которые подъ именемъ «анархистовъ-коммунистовъ» (каковы, напр., нашъ Кропоткинъ, Элизэ Реклю, Жанъ-Гравъ) никогда не оставляли соціалистическаго идеала, но которые затеривались среди анархистовъ-индивидуалистовъ, привлеченныхъ къ анархизму исключительно его утопической вѣрой въ скорѣйшее наступленіе на землѣ эры «безвластія». Коммунистическій анархизмъ почувствовалъ необходимость опереться на массы. Практически это сказывалось, между прочимъ, на томъ ожесточеніи, съ которымъ въ анархическихъ кругахъ сталъ дебатироваться вопросъ объ «организаціи». Дѣятельность въ широкихъ массахъ была, дѣйствительно, немыслима безъ какой бы то ни было организаціи. Между тѣмъ, значительная доля анархистовъ и слышать не хотѣла ни малѣйшаго намека на необходимость организоваться. Тщетно анархисты болѣе разумнаго типа говорили, что дѣло идетъ не о какой-либо авторитарной, принудительной организаціи, а объ организаціи добровольной, совершенно естественно связывавшей единомышленниковъ въ одно цѣлое. Тщетно они ссылались на нѣкоторыя оправдывавшія это положеніи Фурье, Прудона и другихъ мыслителей неавторитарнаго склада ума. Уже самое слово «организація» возбуждало непреодолимое отвращеніе среди представителей классическаго анархизма. И въ этомъ отношеніи будущій историкъ найдетъ не мало интереснаго въ коллекціяхъ анархическихъ органовъ, издававшихся за это время.

Какъ бы то ни было, сближеніе съ рабочими массами фатально заставляло анархистовъ раздѣлываться съ ихъ суевѣрной боязнью организаціи, если они хотѣли пріобрѣсти симпатіи среди трудящихся. Было еще другое обстоятельство, которое на рубежѣ XIX-го и XX-го вѣковъ благопріятствовало проникновенію анархистовъ въ среду французскаго рабочаго класса. То было время, когда впервые ярко вспыхнули внутри соціалистической партіи Франціи раздоры по повод участія соціалистовъ въ буржуазномъ правительствѣ, «министерской» и «анти-министерской» политики и т. д. Борясь съ жорэсистами, стоявшими за упомянутое участіе, объединившіеся на болѣе революціонной почвѣ марксисты (гэдисты) и бланкисты въ значительной степени отказались отъ парламентарной дѣятельности, которою они усердно занимались въ палатѣ 1893—1898 гг., и стали, наоборотъ, подчеркивать необходимость революціонной тактики. Здѣсь они встрѣчались съ анархистами, и порою, особенно въ провинціи, заключали если не формальные, то фактическіе договоры со своими злѣйшими врагами, лишь бы

парализовать распространеніе «реформистскаго» духа, который грозилъ увлечь трудящіяся массы далеко по пути министеріализма. Въ теченіе почти пяти лѣтъ, пока длилась братоубійственная война между «революціонерами» и «парламентаристами» соціалистическаго лагеря, анархисты пользовались и критикой парламентаризма, исходившей отъ «революціонеровъ», и разочарованіемъ наиболѣе энергичныхъ и сознательныхъ рабочихъ министеріалистской тактикой Жорэса и товарищей. Въ концѣ концовъ, анархическое міровоззрѣніе нашло благопріятную почву въ профессіональныхъ синдикатахъ Франціи, которые были довольно таки сильно заброшены соціалистами-политиками, боровшимися все это время внутри себя за установленіе надлежащаго равновѣсія между элементомъ «революціи» и элементомъ «реформы». Само собою разумѣется, что, проникнувъ въ синдикальную среду, и самъ анархизмъ потерпѣлъ, какъ мы подробнѣе увидимъ ниже,—значительныя измѣненія. Всматриваясь внимательнѣе въ современное положеніе вещей, можно, напр., сказать, что здѣшній синдикальный анархизмъ врядъ ли уже можетъ считаться въ строгомъ смыслѣ «аполитическимъ», такъ какъ, говоря все время, что онъ не занимается политикой, онъ въ сущности-то по своему занимается ею. Мало того, онъ уживается внутри синдикатовъ не только съ «организаціей», но и съ различными формами парламентарной дѣятельности, поскольку она можетъ практиковаться внутри синдикатовъ, выражаясь въ принципѣ представительства рабочихъ корпорацій делегатами, въ вотировкѣ резолюцій большинствомъ голосовъ и т. п. отступленіями отъ принципа чистой анархіи *).

Но возвратимся къ фактической сторонѣ синдикальнаго движенія. Итакъ, мы видѣли, что на ряду съ жизнеспособной и дѣятельной «Федераціей биржъ», «Всеобщая конфедерація труда» влачила довольно долго лишь жалкое существованіе, хотя по плану устроителей должна была бы исполнять высшую объединяющую роль. Читатель помнитъ также, что настоящая жизнь и развитіе «Всеобщей конфедераціи» проявились лишь съ 1900 г. Дѣйствительно, на парижскомъ корпоративномъ конгрессѣ 1900 г. конфедерація насчитывала лишь 16 національныхъ федерацій и 5 различныхъ другихъ, тогда какъ на Буржскомъ конгрессѣ, который состоялся четыре года спустя и къ которому мы еще возвратимся, она состояла уже изъ 53 корпоративныхъ федерацій, или «національныхъ синдикатовъ», и изъ полутора десятка отдѣльныхъ синдикатовъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ, возникъ вопросъ о приведеніи къ единству двухъ синдикальныхъ организацій. И это такъ называемое «рабочее единство»

*) Ср. очень пристрастную (въ гэдистскомъ духѣ), но живую статейку: Ch. Rapporort, «Der sozialistische Kongress in Limoges; въ «Neue Zeit», № 7 (отъ 17 ноября 1906), т. I, годъ XXV, стр. 229.

(Unité ouvrière) было осуществлено на конгрессѣ 1902 г.—въ Монпелье,—который слилъ въ одно «Федерацію биржъ труда» и ту федерацію національныхъ федерацій, которая вяло влачила свое существованіе подъ названіемъ «Всеобщей конфедераціи». Отнынѣ «Всеобщая конфедерація труда» получила правильную организацію, главныя черты которой мы сейчасъ же обрисуемъ читателю.

Конфедерація состоитъ изъ двухъ секцій: секціи корпоративныхъ (синдикальныхъ) федерацій и секціи биржъ труда. Каждая изъ этихъ секцій имѣетъ свой комитетъ, который слагается изъ делегатовъ всѣхъ примкнувшихъ къ секціи организацій. Обѣ секціи считаются автономными, но связаны общимъ органомъ, который именуется «Конфедеральнымъ комитетомъ» и состоитъ изъ делегатовъ каждой секціи. Черезъ каждые два года Конфедерація сзываетъ національный конгрессъ, на которомъ *рѣшающимъ* голосомъ (читатель обратитъ конечно, вниманіе на этотъ парламентарный пріемъ, принципіально противорѣчащій теоріи анархизма) пользуются *делегаты* (новое нарушеніе этой теоріи) лишь тѣхъ синдикатовъ, которые удовлетворяютъ слѣдующимъ двумъ требованіямъ: каждый изъ нихъ долженъ примыкать къ своей національной корпоративной федераціи, и каждый уже долженъ примыкать къ мѣстному союзу, всего чаще носящему названіе биржи труда.

Что касается до роли обѣихъ переплетающихся организацій, то ее можно опредѣлить и комментировать слѣдующимъ образомъ. Синдикаты какой-нибудь корпораціи, какого-нибудь ремесла слагаются въ національную корпоративную федерацію, съ боевою цѣлью вести наступательную и оборонительную борьбу противъ класса капиталистовъ. Если, напр., синдикату, состоящему, изъ рабочихъ извѣстной профессіи, приходится организовать стачку для повышенія рабочей платы или сокращенія рабочаго дня въ извѣстномъ мѣстѣ, то всѣ синдикаты этой профессіи должны поддержать по всей Франціи требованія данной группы рабочихъ. Съ другой стороны, синдикаты, хотя и принадлежащіе къ различнымъ профессіямъ, объединяются, не смотря на это различіе ремеслъ, въ одну мѣстную биржу труда, распространяющуюся на данный городской центръ или мѣстный районъ. И въ данномъ случаѣ преслѣдуется цѣль устранить обособленность различныхъ ремеслъ и возбудить живой обмѣнъ мыслей между рабочими разныхъ профессій, расширяя кругозоръ рабочихъ каждаго ремесла путемъ пропаганды на почвѣ всевозможныхъ мѣстныхъ задачъ. Библіотеки, профессіональные курсы, антимилитаристская пропаганда въ данномъ городѣ могутъ служить примѣрами этой мѣстной дѣятельности.

Слѣдующій за конгрессомъ въ Монпелье Буржскій конгрессъ (сентябрь 1904 г.), на которомъ не мало рѣчей было посвящено теоріи и практикѣ синдикализма, главнымъ образомъ интересенъ въ томъ отношеніи, что на немъ былъ вотированъ планъ кампаніи въ пользу «захватнаго» установленія 8-часового рабочаго дня, какъ

одного изъ пріемовъ такъ называемаго «прямого воздѣйствія» (action directe), столь прославляемаго революціонными синдикалистами въ пику политической дѣятельности соціалистовъ. Докладъ коммиссіи, вотированный на конгрессѣ въ Буржѣ, требовалъ дѣйствительно, чтобы эта мѣра была осуществлена не позже, какъ 1-го мая 1906 г. путемъ давленія на капиталистовъ, и чтобы въ виду этого были организованы по всей Франціи грандіозныя манифестаціи и велась неустанная устная и печатная пропаганда между рабочими, съ цѣлью убѣдить ихъ всѣхъ въ необходимости предпринятой кампаніи. Рѣшеніе конгресса гласило, въ духѣ теоріи прямого воздѣйствія, что рабочіе только тогда могутъ поднять широкую агитацію, когда увѣрятся, что «они не должны разсчитывать на законодателей, но лишь на самихъ себя, чтобы добиться своихъ требованій» *).

Надо сказать, что въ послѣдніе годы, и до Буржскаго конгресса, и послѣ него, организованнымъ въ синдикаты рабочимъ удалось нѣсколько разъ произвести такое «прямое воздѣйствіе» на имущихъ и правящихъ, которое если и не обходилось безъ промежуточнаго звена «законодателей», такъ за то заставляло этихъ политическихъ выразителей буржуазнаго строя поскорѣе вотировать ненавистныя имъ соціальныя мѣры. Вспомнимъ хотя бы, что произошло ровно три года тому назадъ. Въ декабрѣ 1903 г. сенатъ отказывался принять законъ, уже вотированный палатой, относительно уничтоженія частныхъ платныхъ конторъ для пріисканія мѣстъ (bureaux de placelment) рабочимъ и служащимъ. Но тогда выступила на сцену «Всеобщая конфедерація труда», поведшая агитацію противъ конторъ самымъ энергичнымъ способомъ. Сотня митинговъ была организована съ этой цѣлью по всей Франціи. Враждебныя демонстраціи противъ хозяевъ конторъ въ Парижѣ нагнали страхъ на этихъ эксплуататоровъ человѣческой нужды. Даже избіеніе полицейскими,—по приказанію пресловутаго префекта полиціи, Лепина,—рабочихъ, собравшихся въ биржѣ труда, не остановило конфедераціи въ ея агитаціонной кампаніи: правительству было заявлено организаторами манифестацій, что движеніе рабочаго класса противъ конторъ не только не прекратится, но возгорится съ еще большей силой. И вотъ сенатъ, испуганный все возраставшимъ недовольствомъ пролетаріата и толкаемый въ сторону уступокъ министерствомъ Комба, побѣдилъ свое обычное отвращеніе къ соціальнымъ реформамъ и вотировалъ со скорбью въ сердцѣ уничтоженіе конторъ. Нечего говорить, что это побѣда конфедераціи очень подняла шансы «прямого воздѣйствія». Стали въ средѣ синдикатовъ раздаваться голоса, что политическая дѣятельность, имѣющая, напр., цѣлью проводить

*) См. резолюцію, перепечатанную въ первомайскомъ (288) номерѣ газеты «La voix du peuple» за этотъ годъ.

соціалистическихъ депутатовъ въ парламентъ съ тѣмъ, чтобы они добивались полезныхъ для рабочаго класса реформъ, безполезна уже потому, что стоитъ, молъ, хорошенько припугнуть господъ буржуа «прямымъ воздѣйствіемъ», и тогда самые реакціонные депутаты вотируютъ требуемую трудящимся мѣру съ неменьшею готовностью, чѣмъ соціалистическіе представители народа.

Другое проявленіе «прямого воздѣйствія» заключалось въ попыткѣ «Конфедераціи труда» провести какъ разъ вотированный на Буржскомъ конгрессѣ 8-часовой день. Эта попытка была пріурочена къ 1-му мая текущаго года и, подавленная необычайными полицейскими мѣрами, принятыми Клемансо, не удалась. Но нравственное дѣйствіе, произведенное ею на правительство и на буржуазію, было очень значительно. Уже предварительная, собравшаяся въ первыхъ числахъ апрѣля, конференція «корпоративныхъ федерацій» обратилась къ рабочимъ съ призывомъ представить «наказныя тетради» капиталистамъ и требовать отъ послѣднихъ исполненія этихъ различныхъ «улучшеній», въ родѣ уменьшенія длины рабочаго дня, не позже 1-го мая. А въ видѣ пріемовъ воздѣйствія на хозяевъ она указывала пролетаріямъ «двѣ слѣдующія формы осуществленія: или прекращеніе работъ по исходѣ восьмого часа, или уже полнѣйшую пріостановку всякаго труда, начиная съ 1-го мая и вплоть до удовлетворенія рабочихъ требованій».

Что было бы, если бы этотъ лозунгъ получилъ осуществленіе, сказать трудно. Во всякомъ случаѣ, никогда еще, повидимому, со времени Коммуны буржуазія не испытывала такого ужаса, и Парижъ 1-го мая совсѣмъ опустѣлъ въ своихъ кварталахъ, населенныхъ имущими и правящими. Правительство не остановилось ни передъ чѣмъ, ни передъ наводненіемъ столицы арміей, ни передъ произвольными арестами, ни передъ избіеніемъ манифестантовъ полиціей, ни передъ устройствомъ несуществующаго монархически-революціоннаго заговора, съ цѣлью дискредитировать членовъ Конфедераціи. И когда, благодаря всѣмъ этимъ мѣрамъ, первомайское движеніе было дезорганизовано, отъ него осталось всетаки впечатлѣніе такой силы, что сами политическіе соціалисты, на банкетѣ въ Сэнъ-Мандэ, устроенномъ для празднованія результатовъ выборовъ, старались въ своихъ рѣчахъ отмѣчать успѣхи этого чисто рабочаго движенія и искали сближенія съ Всеобщей конфедераціей труда. Не мѣшаетъ прибавить, что не прошло и нѣсколькихъ недѣль послѣ первомайскаго движенія, какъ то самое правительство, которое справляло еще недавно вакханаліи произвола, внесло въ палату предложеніе укоротить съ 12 до 10 часовъ максимальную длину рабочаго дня,—въ чемъ и друзья, и враги синдикализма увидѣли признаніе его силы со стороны правящихъ классовъ. Наконецъ, и манифестаціи рабочихъ и приказчиковъ—противъ хозяевъ, нарушающихъ вотированный 13-го іюля законъ

объ обязательномъ еженедѣльномъ отдыхѣ*),—манифестаціи, которыя упорно происходятъ каждое воскресенье по всей Франціи, организуются и вдохновляются главнымъ образомъ «Всеобщей конфедераціей труда». Словомъ, этотъ организованный синдикализмъ сталъ такимъ замѣтнымъ и активнымъ элементомъ соціально-политической жизни Франціи, что послѣдній конгрессъ Конфедераціи, засѣдавшій 8—13 октября въ Амьенѣ, съ нетерпѣніемъ ожидался какъ врагами, такъ и друзьями рабочаго движенія.

Главный интересъ его заключается въ томъ, что на немъ долженъ былъ обсуждаться вопросъ, какъ всеобщая конфедерація отнесется къ «объединенной» соціалистической партіи, т. е., иначе говоря, какой modus vivendi будетъ принятъ революціоннымъ синдикализмомъ по отношенію къ революціонному политическому соціализму. Было бы, дѣйствительно, очень вредно для успѣховъ и рабочаго и соціалистическаго движенія Франціи, если бы рабочій классъ, выступающій въ синдикатахъ, шелъ противъ рабочаго класса, организующагося въ рамкахъ соціалистической партіи, и наоборотъ: или даже если бы оба эти рода организаціи трудящихся массъ вели просто-на-просто совершенно обособленное существованіе, не чувствуя потребности хоть мало-мальски координировать свою дѣятельность. Соціалисты желали, конечно, установленія такой координаціи, тогда какъ буржуа всѣми силами души жаждали разрыва и прямаго объявленія войны Конфедераціей соціалистической партіи. Отношенія между той и другой были, дѣйствительно, уже давно далеко не изъ мирныхъ.

Амьенскій конгрессъ обманулъ злорадныя ожиданія буржуазіи, но не далъ удовлетворенія и соціалистамъ. Синдикализмъ желаетъ по прежнему жить совершенно независимою жизнью и не хочетъ входить въ соглашенія,—даже временныя,—съ организованнымъ соціализмомъ. Единственно развѣ чего добились люди, желавшіе сближенія двухъ силъ, такъ это того, что резолюція, принятая Амьенскимъ конгрессомъ, признаетъ за членами синдикатовъ право держаться, внѣ организаціи, какихъ угодно политическихъ взглядовъ и, значитъ, косвенно смягчаетъ враждебное отношеніе анархически настроенныхъ элементовъ Конфедераціи къ соціалистамъ, входящимъ въ профессіональныя организаціи. Дѣло было такъ. Текстильная федерація (состоящая главнымъ образомъ изъ рабо-

*) Буржуазія пользуется многочисленными отступленіями отъ правила, признанными самимъ законодателемъ и вынуждающими цѣлый рядъ комментаріевъ. Появились даже цѣлыя «руководства», какъ разбираться въ законѣ. См. напр., «Julien Boistel, Manuel pratique sur l'application de la loi sur le repos hebdomadaire;» Парижъ, 1906 (содержитъ, между прочимъ, указатель параграфовъ какъ самого закона 13-го іюля, такъ и дополнительнаго его декрета 24-го августа).

чихъ Сѣвернаго департамента, находящихся подъ сильнымъ вліяніемъ гэдистовъ) предложила конгрессу проектъ резолюціи, который «приглашалъ конфедеральный комитетъ условливаться, всякій разъ, какъ того потребуютъ обстоятельства, путемъ временныхъ или постоянныхъ делегацій, съ Національнымъ совѣтомъ соціалистической партіи для того, чтобы легче провести важнѣйшія рабочія реформы». Ренаръ, въ качествѣ секретаря текстильной федераціи, мотивировалъ это предложеніе тѣмъ, что для торжества такихъ реформъ, какъ установленіе 8-часового рабочаго дня, минимума заработной платы, отмѣны ночной работы, распространенія права государственныхъ служащихъ на организацію синдикатовъ, надо заручиться содѣйствіемъ соціалистическихъ депутатовъ, которые при поддержкѣ синдикалистовъ могутъ въ большемъ количествѣ проходить въ парламентъ и вырывать съ большею легкостью эти реформы у буржуазныхъ представителей народа.

Это предложеніе вызвало рѣзкій протестъ громаднаго большинства конгрессистовъ. Раздавались даже голоса похоронить проектъ безъ всякаго обсужденія, путемъ такъ называемаго въ парламентарной практикѣ «предварительнаго вопроса» (question préalable). Но въ концѣ концовъ, было рѣшено обсудить предложеніе, которое и было отвергнуто очень импозантнымъ большинствомъ 774 голосовъ противъ 34, при 37 пустыхъ бюллетеняхъ. Затѣмъ, послѣ преній и внесенія нѣкоторыхъ проектовъ резолюціи средняго типа, хотя неизмѣнно говорящихъ о независимости синдикальнаго движенія отъ политическаго, была принята почти единогласно, а именно большинствомъ 824 голосовъ противъ 3, резолюція Гриффюэля, рѣзко выражающая точку зрѣнія современнаго французскаго синдикализма. Эта резолюція настолько важна и въ теоретическомъ, и въ практическомъ смыслѣ для изученія современнаго синдикальнаго движенія, что мы приводимъ ее здѣсь почти цѣликомъ:

«Конфедеральный конгрессъ въ Амьенѣ подтверждаетъ вторую уставную статью «Всеобщей конфедераціи труда», гласящую: Всеобщая конфедерація труда группируетъ, внѣ всякой политической школы, всѣхъ рабочихъ, сознающихъ необходимость веденія борьбы съ цѣлью уничтоженія наемнаго труда и предпринимательства (patronat).

«Конгрессъ полагаетъ, что это заявленіе есть признаніе классовой борьбы, которая противоставляетъ на экономической почвѣ бунтующихъ рабочихъ (travailleurs en révolte) всѣмъ формамъ эксплуатаціи и гнета, какъ матеріальнымъ, такъ и моральнымъ, выдвигаемымъ классомъ капиталистовъ противъ рабочаго класса.

«Конгрессъ въ слѣдующихъ пунктахъ точнѣе опредѣляетъ это теоретическое положеніе:

«Въ дѣлѣ ежедневныхъ требованій синдикализмъ преслѣдуетъ координацію рабочихъ усилій, увеличеніе благосостояніи труд-

ящихся путемъ осуществленія непосредственныхъ улучшеній, каковы: уменьшеніе рабочихъ часовъ, увеличеніе заработной платы и т. п. Но это дѣло является только одною изъ сторонъ дѣятельности синдикализма; онъ подготовляетъ полное освобожденіе трудящихся, которое можетъ быть осуществлено лишь экспропріаціей капиталистовъ; онъ пропагандируетъ, въ качествѣ способа дѣйствія, всеобщую стачку, и онъ полагаетъ, что синдикатъ, въ настоящее время являющійся группировкою рабочихъ въ цѣляхъ сопротивленія (groupement de résistance), будетъ въ грядущемъ производительной и распредѣлительной группой основного соціальнаго переустройства.

«Конгрессъ заявляетъ, что эта двойная дѣятельность и текущаго дня, и будущаго, вытекаетъ изъ самаго положенія наемниковъ, которое давитъ на рабочій классъ и которое вмѣняетъ всѣмъ рабочимъ,—каковы бы ни были ихъ политическія и философскія мнѣнія или тенденціи,—въ долгъ принадлежать къ той существенной группировкѣ, которою является синдикатъ.

«Какъ слѣдствіе изъ этого по отношенію къ отдѣльнымъ личностямъ, конгрессъ провозглашаетъ полную свободу для синдикалиста участвовать, внѣ корпоративной группировки, въ тѣхъ или иныхъ формахъ борьбы, соотвѣтствующихъ его философскому или политическому міровоззрѣнію, и ограничивается лишь тѣмъ, что проситъ его, взамѣнъ этого, не вносить въ синдикатъ тѣ мнѣнія, которыхъ онъ держится извнѣ.

«По отношенію же къ организаціямъ, конгрессъ заявляетъ, что для того, чтобы синдикализмъ произвелъ максимумъ своего дѣйствія, экономическая дѣятельность должна направляться непосредственно противъ класса предпринимателей, и конфедеральныя организаціи не должны, поскольку онѣ являются синдикальными группировками, обращать вниманіе на партіи и секты, которыя внѣ и съ боку могутъ преслѣдовать вполнѣ свободно цѣли соціальнаго преобразованія» *).

Мы привели эту резолюцію главнымъ образомъ потому, что она концентрируетъ взгляды активныхъ синдикалистовъ Франціи и позволяетъ удобнѣе вскрыть смыслъ этого рабочаго движенія. Мы сейчасъ перейдемъ къ этой части нашей работы, но, въ цѣляхъ лучшаго выясненія вопроса, коснемся предварительно отношенія соціалистической партіи къ резолюціи, которая была принята съ такимъ единодушіемъ конгрессомъ Конфедераціи. На Лиможскомъ конгрессѣ, имѣвшемъ мѣсто 1—4 ноября 1906 г., партіи объединенныхъ соціалистовъ предстояло, между прочимъ, рѣшить какъ разъ эту важную задачу: игнорировать синдикальную резолюцію

*) См. № 315 (21—28 октября 1906 г.) газеты „La Voix du Peuple".

было, очевидно, невозможно, и, стало быть, надо было высказаться по этому поводу. Три разныя тенденціи отчетливо обрисовались между соціалистами въ этомъ вопросѣ. Одни изъ нихъ, во главѣ съ Ренодэлемъ (бывшимъ жорэсистомъ, старавшимся, однако, не сходить и въ періодъ «министеріализма» съ революціонной точки зрѣнія), желали возможно тѣснаго сближенія съ Конфедераціей. Они симпатизировали даже основной точкѣ зрѣнія революціоннаго синдикализма, а именно признавали, что синдикальная борьба удовлетворяетъ не только потребностямъ ежедневной реформистской дѣятельности, но и цѣлямъ общаго революціоннаго переворота, при чемъ синдикатъ являлся бы основной ячейкой будущаго организующаго строя. Это направленіе, видимо подчинявшее, если не прямо, то косвенно политическій соціализмъ синдикализму, не нашло, впрочемъ, большого отклика на конгрессѣ; и сравнительно коротко развитыя соображенія Ренодэля упали въ атмосферу равнодушія.

Другая тенденція, въ особенности энергично защищавшаяся Гэдомъ, признавала, наоборотъ, революціонное первенство за политическимъ соціализмомъ, который, путемъ захвата политической власти рабочимъ классомъ, только и можетъ повести къ истинному революціонному перевороту, тогда какъ синдикализмъ въ лучшемъ случаѣ можетъ быть лишь реформистскимъ движеніемъ. Отъ конгрессистовъ, державшихся этой второй тенденціи, исходило предложеніе, формулированное Ш. Дюма изъ федераціи департамента Алье, «принять мѣры, чтобы, смотря по обстоятельствамъ, синдикальная дѣятельность и политическая дѣятельность рабочихъ могли согласоваться и комбинироваться между собою». Это заключеніе было, конечно, въ такой формѣ не враждебно синдикальному движенію. Не враждебны послѣднему были и соображенія, которыми мотивировалось заключеніе, такъ какъ въ этихъ мотивахъ указывалось на вредъ для всего рабочаго класса раздѣляться на двѣ враждебныя группировки, корпоративную и политическую, вмѣсто того, чтобы, не смѣшивая эти двѣ дѣятельности, но и не противоставляя ихъ, стремиться дружно къ освобожденію трудящихся. Но за этой формулировкой чувствовалась неумолимая политическая страсть Гэда, который, пропагандируя необходимость соглашенія между двумя видами борьбы труда противъ капитала, ставилъ, несомнѣнно, цѣлью подчинить кооперативную дѣятельность политической, такъ какъ только за послѣдней признавалъ истинно революціонный характеръ.

Поэтому противъ предложенія Дюма было выставлено предложеніе Жорэса, къ которому присоединился Вальянъ и которое выражало третью тенденцію, старавшуюся примирить точку зрѣнія революціоннаго синдикализма и революціоннаго политическаго соціализма. Это предложеніе и одержало верхъ, сгруппировавъ вокругъ себя 148 голосовъ противъ 130 голосовъ, высказавшихся

за инспирированную Гэдомъ резолюцію. Мы приведемъ цѣликомъ предложеніе Жорэса-Вальяна, такъ какъ полагаемъ, что при настоящемъ положеніи вещей и развитіи французскаго синдикализма, такая резолюція лучше всего ведетъ къ установленію modus'a vivendi и совмѣстной дѣятельности между двумя враждующими отрядами одной рабочей арміи:

«Конгрессъ, убѣжденный, что рабочій классъ можетъ вполнѣ освободить себя лишь соединенными силами политической дѣятельности и дѣятельности синдикальной, при посредствѣ синдикализма, доходящаго вплоть до всеобщей стачки, и при посредствѣ завоеванія всей политической власти въ виду общей экспропріаціи капитализма;

«убѣжденный, что эта двойная дѣятельность будетъ тѣмъ дѣйствительнѣе, что организмъ политическій и организмъ экономическій сохранятъ при этомъ свою полную автономію;

«принимая къ свѣдѣнію резолюцію Амьенскаго конгресса, провозглашающую независимость синдикализма по отношенію ко всякой политической партіи и поставляющую въ то же время для синдикализма цѣль, которую лишь одинъ соціализмъ, какъ политическая партія, признаетъ и преслѣдуетъ;

«принимая во вниманіе, что это основное согласіе политической и экономической дѣятельности пролетаріата необходимо вызоветъ, безъ взаимнаго смѣшенія, подчиненія и недовѣрія, свободное сотрудничество между двумя организмами;

«приглашаетъ всѣхъ дѣйствующихъ товарищей (les militants) работать насколько возможно для того, чтобы разсѣять всякія недоразумѣнія между «Конфедераціей труда» и соціалистической партіей». *).

Мнѣ кажется, что эта резолюція лучше другой отвѣчаетъ задачамъ современнаго рабочаго движенія во Франціи. Не входя въ закулисныя стороны ея выработки, не задаваясь вопросомъ, насколько такая формулировка передаетъ въ точности дѣйствительныя мнѣнія Жорэса и Вальяна,—ихъ гэдисты упрекаютъ въ политиканствѣ по отношенію ко «Всеобщей конфедераціи труда»,—можно, мнѣ думается, сказать, что подобная резолюція менѣе всего обостряетъ и безъ того далеко зашедшую вражду между французскимъ синдикализмомъ и французскимъ политическимъ соціализмомъ. Начать хоть бы съ того, что отрицать вліяніе синдикализма на рабочія массы, или приписывать ему лишь фиктивную, лишь раздутую вожаками Конфедераціи силу, значитъ умышленно закрывать глаза на дѣйствительность. Изъ занесенныхъ къ 1-му января 1903 г. въ оффиціальную статистику 643.657 членовъ 3.934 рабочихъ синдикатовъ,—что составляетъ около 10 проц.

*) См. оффиціальный органъ партіи „Le Socialiste", годъ XXII, новая серія, №№ 79—80 (отъ 3—18 ноября 1906 г.).

всего рабочаго населенія (включая сюда разныхъ служащихъ) Франціи *), —Всеобщая конфедерація труда группируетъ: враги говорятъ—200.000, друзья—300.000, среднимъ числомъ, скажемъ—250.000 представителей четвертаго класса, и при томъ представителей, отличающихся очень большою энергіею и вмѣстѣ съ тѣмъ рѣдкою для подвижныхъ французовъ дружностью и координаціей групповыхъ движеній.

Въ связи съ этою послѣднею чертою психологіи синдикалистовъ находится та особенность современнаго французскаго синдикализма, благодаря которой онъ совершилъ, можно сказать, нѣкоторое нравственное чудо въ душѣ здѣшняго рабочаго, заинтересовавъ его въ ежедневной упорной борьбѣ изъ-за профессіональныхъ интересовъ. Никто не можетъ отрицать, что на время и подъ вліяніемъ массоваго энтузіазма французъ способенъ къ обширнымъ коллективнымъ движеніямъ, своею силою и рельефностью оставляющимъ далеко за собою такія же движенія другихъ народовъ. Но у такихъ крупныхъ общественныхъ сотрясеній нѣтъ завтрашняго дня. Плавая, какъ рыба въ водѣ, въ поэзіи коллективнаго творчества, французъ скоро охладѣваетъ, когда дѣло заходитъ о прозѣ того же самаго процесса, и когда первый великолѣпный абрисъ совершеннаго переворота приходится заполнять ежедневными, будничными, но необходимыми штрихами практическихъ деталей. Въ этотъ роковой моментъ коллективный аффектъ ослабѣваетъ, и начинается, подъ вліяніемъ скуки и разочарованія мелочами реализаціи, всеобщій разбродъ. Личный интересъ и индивидуалистическія стремленія поднимаютъ все громче и громче свой голосъ въ душѣ француза. И великій всеобщій порывъ утилизируется, въ формѣ своихъ послѣднихъ замирающихъ волнъ, лишь тѣми группировками личностей и общественныхъ слоевъ, которыя цементируются исключительно эгоистическими цѣлями. Этотъ процессъ, общій, конечно, въ извѣстномъ смыслѣ всѣмъ народамъ, переживающимъ массовыя бури, нигдѣ, можетъ быть, не прокидывается съ такою яркою смѣною величія и паденія, какъ на почвѣ подвижной Франціи. Вообще, какъ упорный и будничный общественный дѣятель, французъ заставляетъ желать очень многаго. Прочныя организаціи не его дѣло. Это кидается въ глаза при изученіи исторіи французскихъ революцій. Въ среднія историческіе періоды между взрывами французъ не можетъ

*) Barthou „L'action syndicale", стр. 11—15, гдѣ сообщается пропорція синдикалистовъ по отношенію къ рабочему населенію: Англіи (60 проц.), Сѣверо-Американскихъ Штатовъ (30 проц.), Бельгіи (19 проц.), Германіи (17 проц.). Интересно, что если профессіональный синдикализмъ, соотвѣтствующій сравнительной промышленной отсталости Франціи, слабѣе развитъ на почвѣ Третьей республики, чѣмъ въ другихъ высоко-капиталистическихъ странахъ, то революціонный духъ французскихъ синдикалистовъ гораздо ярче, чѣмъ среди рабочихъ другихъ странъ.

путемъ поставить на ноги такія общественныя группировки, которыя требуютъ не одной игры эгоистическаго интереса, а и постояннаго упражненія чувствъ солидарности въ будничныхъ, но по тому самому существенныхъ мелочахъ. Извѣстна бутада Энгельса насчетъ французскихъ соціалистическихъ организацій: «Онѣ всѣмъ хороши, да только никогда членскіе взносы не поступаютъ»—les cotisations ne rentrent jamais! любилъ онъ повторять по-французски эту фразу. Судьба жорэсовской газеты «L'Humanité», которая, несмотря на свои заслуги передъ соціализмомъ, до сихъ поръ не можетъ выскочить окончательно изъ состоянія хроническаго кризиса, достаточно подтверждаетъ эту небрежность француза, живущаго на среднемъ мирномъ положеніи. Ибо если бы каждый соціалистическій читатель тратилъ ежедневно всего одно су (2 копѣйки) на покупку своего органа, вмѣсто того, чтобы набрасываться на сенсаціонную дребедень какого-нибудь «Le Matin» или «Le Journal», то партійная газета была бы обезпечена и могла бы развиваться и улучшаться.

И вотъ надо сказать, что французскій синдикализмъ послѣднихъ лѣтъ если еще и не успѣлъ, можетъ быть, совсѣмъ вылѣчить своихъ членовъ отъ галльскаго порока, указаннаго въ бутадѣ Энгельса, то во всякомъ случаѣ онъ привилъ имъ вкусъ къ ежедневной работѣ внутри организаціи и къ постоянному рѣшенію профессіональныхъ вопросовъ. Внутри національныхъ федерацій синдикатовъ и внутри биржъ труда царитъ постоянная дѣятельность, которая по тому или другому вопросу выражается въ совмѣстной агитаціи и одновременныхъ манифестаціяхъ рабочихъ въ разныхъ мѣстахъ Франціи. Съ другой стороны, и синдикаты, составляющіе основныя ячейки всей организаціи, обнаруживаютъ большую, чѣмъ прежде, жизненность съ тѣхъ поръ, какъ чувствуютъ себя частями одного крупнаго цѣлаго. Гдѣ же лежитъ причина этого? Безпристрастный наблюдатель французскаго синдикальнаго движенія не можетъ не сказать, что эту причину надо искать въ томъ взглядѣ, котораго держится Конфедерація труда относительно задачи и характера дѣятельности синдикалистовъ. Въ то время, какъ соціалъ-демократическая, главнымъ образомъ нѣмецкая точка, зрѣнія, которую раздѣляетъ во Франціи и Гэдъ, сводитъ роль синдикалистовъ исключительно на чисто профессіональную реформистскую миссію, а революціонное значеніе придаетъ лишь политической соціалистической партіи, французскіе синдикалисты утверждаютъ, что именно эта чисто рабочая организація совмѣщаетъ въ себѣ и элементъ профессіональнаго реформизма, и элементъ истиннаго «революціонизма». Этимъ утвержденіемъ современное синдикальное движеніе Франціи и привлекаетъ къ себѣ здѣшняго рабочаго, который обладаетъ революціоннымъ темпераментомъ и который любитъ, кромѣ того, восходить отъ частныхъ,

конкретныхъ, будничныхъ задачъ своего ремесла къ общимъ и абстрактнымъ вопросамъ соціально-политической дѣятельности.

Говоря такъ, я не думаю сказать, что самъ французскій синдикализмъ не заключаетъ въ себѣ недоразумѣній и преувеличеній (о нихъ сейчасъ), которыя неизбѣжно поставятъ преграды его дальнѣйшему росту и разобьютъ черезчуръ оптимистическія надежды руководителей Конфедераціи труда. Я констатирую лишь тотъ фактъ, что перспективы коренной ломки настоящаго строя и замѣны его новымъ, которыя развертываетъ передъ рабочими революціонный синдикализмъ, соотвѣтствуютъ и темпераменту, и складу мышленія трудящихся массъ Франціи и придаютъ имъ одушевленіе, всегда слабѣющее у потомковъ старинныхъ галловъ въ процессѣ будничной профессіональной дѣятельности.

Теперь мы можемъ подойти, впрочемъ, вплотную къ міровоззрѣнію, развиваемому теоретиками и главнѣйшими практиками Конфедераціи труда, и критически отнестись къ существеннымъ элементамъ его. Сдѣлаемъ, прежде всего, общее замѣчаніе, которое заставитъ, пожалуй, втрепенуться нѣкоторой парадоксальностью своей терминологіи людей, недостаточно знакомыхъ съ синдикальной литературой послѣднихъ лѣтъ. Центромъ тяжести теоріи революціоннаго синдикализма является своеобразный «анархическій марксизмъ», какъ я уже мимоходомъ назвалъ выше это направленіе. Въ немногихъ словахъ его можно характеризовать такъ: это—теорія уже извѣстнаго намъ, русскимъ, «экономизма», т. е. вѣра въ исключительное значеніе экономическихъ отношеній и экономической борьбы—съ затушевываніемъ политическихъ выводовъ, которые дѣлаютъ изъ системы «историческаго матеріализма» марксисты - политики. Надо прибавить, что такой экономизмъ можно найти, и въ очень рѣзкой формѣ, уже у Прудона. Но у послѣдняго рядомъ съ этимъ экономизмомъ почти чрезъ всѣ сочиненія проходитъ—нельзя, впрочемъ, сказать, чтобы логически съ нимъ связанная—идея о человѣческой личности, о личномъ достоинствѣ, о «справедливости». При чемъ, въ этомъ представленіи, личность, борясь во имя своего верховенства, противопоставляетъ принципъ индивидуальной свободы деспотизму коллективности и находитъ рѣшеніе этого противорѣчія лишь въ анархіи, т. е. въ отсутствіи всякаго элемента принудительной, государственной власти.

Пока французскіе анархисты вели свою проповѣдь, главнымъ образомъ, среди буржуазныхъ слоевъ, они напирали изъ всего ученія Прудона почти исключительно на эту, если можно такъ выразиться, идеологію индивидуализма, какъ нельзя болѣе соотвѣтствующаго настроенію «сверхъ-человѣковъ» изъ привилегированнаго общества. За то, когда они пошли къ рабочимъ, проникая въ среду ихъ профессіональныхъ организацій, они должны были естественно

подчеркнуть другую сторону прудоновской доктрины, значеніе экономическихъ отношеній. И они стали пропагандировать идеи экономизма, уже сильно распространенныя среди французскихъ трудящихся массъ, благодаря агитаціи гэдистовъ. Но въ то время, какъ у Гэда и его товарищей «экономическій матеріализмъ Маркса» (терминъ Лафарга) заострялся,—въ духѣ самаго же творца теоріи,—въ требованіе политической борьбы и захвата политической власти рабочимъ классомъ, анархисты-синдикалисты остались при прудоновскомъ, «аполитическомъ» экономизмѣ. Прибавьте къ этому то осложняющее обстоятельство, что политическая борьба, очень часто даже у гэдистовъ сводившаяся въ извѣстные моменты (вспомните рѣчи Гэда въ 1896 г.) къ парламентарной дѣятельности, вызывала недовольство не однихъ анархистовъ, но и вообще революціонно настроенныхъ рабочихъ (альманистовъ, въ началѣ 90-хъ годовъ). Далѣе, обратите вниманіе еще на тотъ психологическій фактъ, что даже смирный, чисто профессіональный синдикализмъ Франціи 70-хъ годовъ заключалъ въ себѣ элементъ классового недовѣрія рабочихъ къ интеллигенціи, людей, занятыхъ физическимъ трудомъ, къ людямъ умственнаго труда. Въ 80-хъ годахъ болѣе умѣренная, поссибилистская, фракція французкаго соціализма упрекала нерѣдко болѣе крайнюю, гэдистскую, въ томъ, что она не настоящая, молъ, рабочая, а интеллигентская партія, и что истиннымъ соціалистамъ надо бороться прежде всего за чисто рабочія реформы.

Намъ остается добавить еще одинъ штрихъ къ сложной картинѣ перекрещивающихся идейныхъ и практическихъ теченій, чтобы понять современный, революціонный, синдикализмъ Франціи. Питая отвращеніе къ политической борьбѣ, синдикалисты-анархисты не могли, однако, совершенно отбросить элементъ этой борьбы. И у этихъ ожесточенныхъ враговъ принудительнаго, государственнаго элемента эти боевыя тенденціи вылились въ томъ, что они стали признавать и пропагандировать единственное расширеніе классовой борьбы за предѣлы экономической борьбы: нападеніе на существующій экономическій и политическій строй съ тѣмъ, чтобы на развалинахъ капитализма и государства установить свободную федерацію безчисленныхъ рабочихъ синдикатовъ. Такъ выработалась теорія «прямого воздѣйствія» (action directe) на силы стараго міра путемъ давленія рабочихъ массъ на отдѣльныхъ капиталистовъ и на всю государственную организацію въ видѣ демонстрацій болѣе или менѣе боевого характера, въ видѣ всеобщей стачки и, наконецъ, въ видѣ завершающей ее соціальной революціи,

Возьмите, напр., самаго доподлиннаго анархиста, Эмиля Пуже, которой играетъ выдающуюся роль въ синдикальномъ движеніи и является въ сущности главнымъ редакторомъ и вдохновителемъ органа Конфедераціи, «La Voix du Peuple». Вотъ какъ онъ характеризуетъ революціонный синдикализмъ, или, какъ онъ называетъ

его, «партію труда»: «Партія труда носитъ въ самой себѣ и свое опредѣленіе: она есть группировка рабочихъ въ одну однородную глыбу (bloc); она есть автономная организація рабочаго класса въ видѣ аггрегата, имѣющаго своимъ базисомъ экономическую почву; она, по самому происхожденію своему и по своей сущности, противна всякому компромиссу съ буржуазными элементами... Основой этой группировки является интересъ класса пролетаріата, и потому всякое смягченіе ея функціи, ставящей извѣстныя требованія и вмѣстѣ революціонной, не ведетъ ни къ чему... Партія труда есть партія интересовъ. Она игнорируетъ мнѣнія личностей, которыя ее составляютъ; она знаетъ и координируетъ только интересы,—какъ матеріальные, такъ нравственные и умственные,—рабочаго класса. Ея ряды открыты всѣмъ эксплуатируемымъ, безъ различія ихъ политическихъ и религіозныхъ мнѣній» *).

Высказавъ свою увѣренность, что никакой самый нелѣпый религіозный или политическій символъ вѣры не помѣшаетъ рабочему быть полноправнымъ и полезнымъ членомъ партіи труда, Пуже противоставляетъ ея единству, основанному на единствѣ интересовъ, внутреннія противорѣчія всѣхъ политическихъ партій, которыя потому, молъ, не могутъ быть цѣльными, что состоятъ изъ людей, имѣющихъ различные интересы: «Во всѣхъ партіяхъ—кромѣ партіи труда—господствующая цѣль есть «политика», и бокъ-о-бокъ тамъ амальгамируются, соотвѣтственно сходству мнѣній, люди, интересы которыхъ различны, а именно эксплуататоры и эксплуатируемые. И нѣтъ никакого исключенія! Это — характеристика всѣхъ демократическихъ партій. Всѣ онѣ представляютъ невозможную мѣшанину (méli-mélo) людей, интересы которыхъ прямо противоположны. Эта аномалія свойственна не однѣмъ буржуазнымъ демократическимъ партіямъ. Она составляетъ порокъ и соціалистическихъ партій, которыя, разъ вступаютъ на скользкую почву парламентаризма, доходятъ до того, что теряютъ основныя черты соціализма и становятся не больше, какъ демократическими партіями, обладающими развѣ нѣсколько болѣе живыми аллюрами» **).

Далѣе идетъ изложеніе происхожденія и развитія партіи труда совершенно въ духѣ узкаго экономизма, такъ что порою у васъ получается впечатлѣніе, что вы читаете популяризацію Маркса какимъ-нибудь изъ нашихъ недавнихъ «экономистовъ». И разница съ нашими «учениками» этой категоріи заключается лишь въ томъ, что, признавъ возможность и полезность частичныхъ улучшеній въ положеніи трудящихся (далеко не въ духѣ чистаго анархизма), Пуже кончаетъ болѣе энергичнымъ призывомъ къ «полному осво-

---

*) См. брошюру: Emile Pouget, „Le parti du travail"; Парижъ, безъ обозначенія даты (повидимому, вышла въ началѣ этого года), стр. 1—2.

**) Ibid. стр. 3 и слѣд., гдѣ подвергаются самой рѣзкой критикѣ всѣ существующія партіи безъ исключенія.

бождепію рабочаго класса, ко всеобщей экспропріаціи буржуазіи», которая не можетъ произойти безъ «революціоннаго всеобщаго пожара»; и еще въ томъ, что практически онъ совѣтуетъ рабочему классу все время держаться на почвѣ «безпрестанной революціи», т. е. того, что чаще называется «прямымъ воздѣйствіемъ» *).

Надо кстати замѣтить, что это совпаденіе—не въ выводахъ, а въ посылкахъ—между ученіемъ «экономизма» и доктриною того, что я назвалъ «анархическимъ марксизмомъ», не ограничивается Франціею, а проявляется очень рѣзко и въ Италіи. Читайте, напр., надѣлавшую много шума статейку крайняго революціонера и синдикалиста Артуро Лабріолы (котораго не слѣдуетъ смѣшивать съ недавно умершимъ марксистомъ-ортодоксомъ, Антоніо Лабріолой) о «соціализмѣ и синдикализмѣ въ Италіи». И вы увидите, что и этотъ авторъ стоитъ на почвѣ узкаго экономизма; что онъ даже ухитряется восхищаться чуть не всѣми сторонами современнаго капиталистическаго производства, но дѣлаетъ изъ этихъ посылокъ революціонно-анархическій выводъ: нечего заниматься политической борьбой; должно работать надъ распространеніемъ синдикальнаго движенія, которое произведетъ всеобщую стачку, стачку не политическаго, а соціальнаго характера, въ результатѣ каковой получится соціальная революція. Или, какъ заканчиваетъ свой этюдъ Артуро Лабріола: «Опытъ показалъ, что *идея всеобщей стачки*, какъ символъ катастрофы капитализма и соціальной войны, обладаетъ очень значительной способностью для поднятія революціонной температуры пролетаріата и внушенія ему героическаго чувства самопожертвованія. Эта идея позволяетъ, кромѣ того, тотчасъ же видѣть, что соціализмъ долженъ быть дѣломъ рабочихъ классовъ, развиваться на экономической почвѣ и приводить къ революціонной катастрофѣ... Синдикализмъ подставляетъ это понятіе традиціонному понятію о завоеваніи власти, понятію, которое позволяетъ различныя подозрительныя толкованія и заставляетъ видѣть въ соціализмѣ какъ бы продуктъ законодательной дѣятельности,—что совершенно ложно. Для насъ, синдикалистовъ, проповѣдь всеобщей стачки равносильна утвержденію, что соціализмъ долженъ быть: рабочимъ, экономическимъ, революціоннымъ. Такимъ образомъ, мы заявляемъ, что рабочій соціализмъ цѣликомъ заключается во всеобщей стачкѣ, если ее разсматривать не какъ обыкновенную политическую манифестацію, но какъ сокращенную формулу соціальной революціи» **).

---

*) Ibid., стр. 14—15, passim.

**) См. французскій переводъ этой статьи: Arturo Labriola, «Syndicalisme et socialisme italien»; въ „Le Mouvement socialiste", n° 179, октябрь 1906 г. стр. 64.

Я думаю, мы достаточно далеко продвинулись съ читателемъ по пути ознакомленія съ практическими и теоретическими особенностями французскаго (а отчасти и заграничнаго) революціоннаго синдикализма, чтобы подвести итоги смыслу этого движенія и критически отнестись къ нему. Нѣтъ сомнѣнія, что продолжать игнорировать этотъ синдикализмъ, или враждовать съ нимъ, или стараться направить его исключительно по руслу чисто профессіональной «реформистской» дѣятельности значитъ создавать излишнія тренія между дѣятельностью рабочихъ массъ въ синдикатахъ и ихъ же дѣятельностью въ соціалистической партіи. А между тѣмъ, таковъ былъ бы, въ концѣ концовъ, результатъ тактики Гэда, если бы къ счастію Жорэсъ и Вальянъ не противоставили ей своей, болѣе остроумной и болѣе считающейся съ характеромъ французскаго синдикализма. Теперь все равно невозможно загнать наиболѣе активные элементы этой организаціи въ рамки будничной чисто профессіональной борьбы съ тѣмъ, чтобы революціонно-политическая борьба была предоставлена синдикалистами исключительно соціалистической партіи. Мы видимъ, наоборотъ, что выросшая въ синдикатахъ идея всеобщей стачки становится все болѣе и болѣе признанной и представителями политическаго соціализма. И значитъ, тактика «прямого воздѣйствія» въ извѣстныхъ случаяхъ можетъ получить право гражданства. Вы можете, напр., сколько угодно увѣщевать французскихъ синдикалистовъ послѣдовать своимъ нѣмецкимъ собратамъ, устраивая сношенія между членами профессіональныхъ организацій и членами соціалистической партіи, производя полюбовное размежеваніе дѣятельности такъ, чтобы «реформа» выпала на долю синдикалистовъ, а «революція» на долю политиковъ, и т. д. Современный французскій синдикализмъ не помирится все равно съ этой ролью и не послушается васъ. Задача добиваться въ данный моментъ той или другой практической цѣли тѣсно связывается у него съ задачей ниспровергнуть весь современный режимъ. И если вы будете настаивать на болѣе скромной функціи синдикатовъ, ссылаясь на практику нѣмецкой жизни, то онъ постарается указать вамъ на существенныя различія между профессіональными организаціями Франціи и Германіи, и именно на основаніи этой разницы подвергнетъ критикѣ нѣмецкій синдикализмъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ и вашу точку зрѣнія. Станемъ, дѣйствительно, на почву этой аргументаціи, и посмотримъ, что революціонные синдикалисты думаютъ о нѣмецкомъ синдикальномъ движеніи.

Они, конечно, не могутъ отрицать, что въ Германіи профессіональныя организаціи развиты сильнѣе, чѣмъ во Франціи. Въ концѣ 1905 г. нѣмецкіе синдикаты насчитывали около полутора милліона членовъ, а именно 1.456,300, изъ которыхъ типичные нѣмецкіе синдикаты мирнаго характера, слагающіеся въ одну *центральную* организацію, группировали 1.429.300 рабочихъ, а *локалистскіе*

(или анархо-соціалистическіе), которые можно уподобить по своимъ тенденціямъ французскимъ революціонно-синдикальнымъ организаціямъ, всего 27,000 рабочихъ *). Съ другой стороны, нѣмецкіе синдикаты умѣютъ хорошо вести чисто-профессіональную борьбу противъ капитала: въ теченіе пяти послѣднихъ лѣтъ они организовали 5,347 стачекъ, захватившихъ 477,488 рабочихъ, при чемъ болѣе, чѣмъ въ 68% всѣхъ случаевъ усилія забастовщиковъ увѣнчались успѣхомъ **).

Но за то французскіе синдикалисты ставятъ въ вину своимъ нѣмецкимъ собратамъ ихъ крайне умѣренный характеръ, который сказался, между прочимъ, на ихъ отношеніи ко всеобщей стачкѣ. Такъ, на пятомъ конгрессѣ нѣмецкихъ синдикатовъ, имѣвшемъ мѣсто въ маѣ 1905 г., въ Кельнѣ, была вотирована по этому вопросу слѣдующая резолюція: «Конгрессъ считаетъ должнымъ отвергнуть всяческія попытки, предпринимаемыя съ цѣлью навязать синдикатамъ опредѣленную тактику путемъ пропаганды политической массовой стачки: онъ рекомендуетъ организованному рабочему классу энергически воспротивиться такимъ попыткамъ. Что касается до всеобщей стачки, какъ она пропагандируется анархистами или людьми, не имѣющими никакой опытности въ области экономической борьбы, то конгрессъ полагаетъ, что такого вопроса нечего и обсуждать; онъ предостерегаетъ рабочій классъ, что онъ не долженъ позволять себѣ отклоняться, ради принятія и распространенія подобныхъ идей, отъ ежедневной мелкой работы, способной укрѣплять рабочія организаціи» ***).

Французскіе синдикалисты упрекаютъ далѣе своихъ нѣмецкихъ собратовъ въ томъ, что ихъ хваленая «политическая нейтральность» вовсе не имѣетъ того значенія рѣшительнаго отказа отъ «политики» и не менѣе рѣшительнаго принятія тактики революціоннаго «прямого воздѣйствія», которая характеризуетъ французскій современный синдикализмъ, а выражаетъ просто на просто ихъ робость и будничность ихъ стремленій. Синдикалисты Франціи спрашиваютъ себя, точно ли эта хваленая «политическая нейтральность» нѣмцевъ есть тонко обдуманный планъ борьбы труда противъ капитала, и не представляетъ ли она собой лишь простое слѣдствіе реакціоннаго законодательства Германіи, согласно

*) См. данныя, сообщенныя А. Квистомъ (A. Quist), членомъ Металлургическаго рабочаго союза Германіи, въ статьѣ «Всеобщая стачка и нѣмецкіе синдикаты», помѣщенной въ № 171 (сентябрь 1906 г). ежемѣсячнаго журнальчика «La Revue syndicaliste», представляющаго, въ противоположность «La Voix du Peuple», органъ умѣреннаго (соціалистическаго) синдикализма.

**) См. въ той же «Revue Syndicaliste» (№ 7, отъ 15 ноября 1905 г. статью Павла Умбрейта (Paul Umbreit), члена центральной комиссіи нѣмецкихъ синдикатовъ.

***) См. уже упомянутую статью Квиста въ № 17 «La Revue Syndicaliste».

которому политическія ассоціаціи не могутъ, напр., принимать членами ни женщинъ, ни молодыхъ людей, а до 1900 г. не имѣли права образовывать между собою федераціи. Синдикалисты Франціи подсмѣиваются надъ раздѣленіемъ труда между нѣмецкой синдикальной организаціей и нѣмецкой соціалъ-демократической партіей,—при чемъ первая беретъ на себя заботу объ экономической борьбѣ, а вторая о политической,—подсмѣиваются, говоря, что это лишь простая уловка для того, чтобы нѣмецкій соціализмъ могъ оправдать себя передъ самимъ собою и передъ людьми въ своемъ постоянномъ малодушіи и отсутствіи революціонныхъ стремленій. Посмотрите,—говорятъ французскіе сторонники «прямого воздѣйствія»,—посмотрите, какую значительную пропорцію соціалъ-демократы составляютъ среди нѣмецкихъ синдикалистовъ. И, однако, синдикаты Германіи, кажется, только затѣмъ и обсуждаютъ любой крупный вопросъ борьбы трудящихся противъ современнаго строя, чтобы тяжелыми гирями реакціонныхъ рѣшеній потянуть къ низу и безъ того умѣренную и аккуратную нѣмецкую соціалъ-демократію. Не показалъ ли Маннгеймскій конгрессъ, что если на немъ нѣмецкіе синдикаты потребовали отъ политической партіи (соціалъ-демократіи) рѣшительнаго признанія ихъ самостоятельности и ихъ важности *), то вмѣстѣ съ тѣмъ весь конгрессъ являлся шагомъ назадъ сравнительно съ прошлогоднимъ Іенскимъ конгрессомъ. Тогда, временно взвинченные русскимъ революціоннымъ движеніемъ, нѣмецкіе соціалъ-демократы, устами Бебеля, высказались за политическую массовую стачку. Въ Маннгеймѣ же они снова старались вернуться къ своей старой и излюбленной точкѣ зрѣнія: «всеобщая стачка—всеобщая безсмыслица», и если не прямо, то косвенно смазали этотъ вопросъ, заявивъ въ первыхъ же строкахъ своей резолюціи вещь, крайне удивившую людей, полага-

*) Второй параграфъ резолюціи гласитъ: „синдикаты безусловно необходимы, чтобы улучшить положеніе рабочаго класса въ буржуазномъ обществѣ: они не менѣе необходимы, чѣмъ соціалистическая партія, которая должна вести борьбу, чтобы возвысить рабочій классъ и обезпечить ему въ политической области права, равныя правамъ другихъ классовъ, но которая, кромѣ этой непосредственной работы, стремится освободить рабочій классъ отъ всякаго гнета и эксплуатаціи путемъ уничтоженія наемнаго труда и путемъ организаціи системы производства и обмѣна, покоящейся на всеобщемъ соціальномъ равенствѣ, т. е. организаціи соціалистическаго общества,—цѣль, къ которой долженъ необходимо стремиться сознательный рабочій синдикалистъ. Поэтому двѣ организаціи должны помогать взаимно одна другой и сотрудничать на полѣ борьбы. Чтобы придать единообразное направленіе дѣйствіямъ, одинаково интересующимъ и синдикаты, и партію, центральные органы обѣихъ организацій должны стараться столковываться между собою. Но, для того, чтобы обезпечить это единство мысли и дѣйствія партіи и синдикатовъ, которое необходимо для побѣды пролетаріата въ классовой борьбѣ, необходимо, чтобы синдикальное движеніе руководилось духомъ соціалъ-демократіи".

ющихъ, что черное не есть въ то же время бѣлое: «Конгрессъ подтверждаетъ резолюцію Іенскаго конгресса относительно политической стачки массъ и, признавъ, что резолюція Кельнскаго конгресса синдикатовъ не находится въ противорѣчіи съ Іенской резолюціей, считаетъ всякій споръ о смыслѣ Кельнской резолюціи поконченнымъ» *). Вотъ тутъ, молъ, и разбирайся! Недаромъ одинъ изъ теоретиковъ французскаго революціоннаго соціализма считаетъ должнымъ замѣтить: «Пока что, Маннгеймскій конгрессъ ознаменовалъ политическій и теоретическій застой партіи, которая была иниціаторомъ соціализма, но которую нынѣ перегнало столько другихъ движеній, благодаря всѣмъ пріобрѣтеннымъ ими опытамъ» **).

Таковы возраженія французскихъ синдикалистовъ противъ ихъ нѣмецкихъ собратовъ. Но, въ сущности, эти возраженія касаются лишь отсутствія революціоннаго темперамента у синдикалистовъ и соціалистовъ Германіи, а не доказываютъ того, чтобы связь и координація между профессіональнымъ и политическимъ движеніемъ рабочаго класса была бы вообще невозможна да и нежелательна. Не мѣшаетъ прежде всего замѣтить, что если соціалистамъ-революціонерамъ современнаго интернаціонала нечего впадать въ крайнее восхищеніе по поводу малѣйшаго дѣйствія нѣмецкой рабочей партіи и безъ всякой критики переносить къ себѣ тактику тамошнихъ соціалъ-демократовъ, то, съ другой стороны, не зачѣмъ относится къ соціалистамъ Германіи и съ тѣмъ систематическимъ пренебреженіемъ, которое не позволяетъ видѣть положительной стороны ихъ дѣятельности. Такъ, напр., умѣнье организовываться составляетъ очень серьезное достоинство нѣмецкой соціалъ-демократіи, которая выработала во всѣхъ своихъ членахъ живое чувство партійной дисциплины. Если политическіе соціалисты Германіи, вслѣдствіе отсутствія сильныхъ революціонныхъ традицій, до сихъ поръ не проявили настоящаго боевого темперамента, то за то они накопили массу потенціальной энергіи среди организованныхъ ими рабочихъ. И было бы скороспѣлымъ заключеніемъ отрицать историческую возможность для рабочаго класса Германіи выступать, при извѣстныхъ политическихъ условіяхъ, активнымъ революціоннымъ элементомъ. Подобныя предсказанія невѣрны уже потому, что историческія обстоятельства скорѣе, чѣмъ то принято обыкновенно думать, могутъ измѣнить политическій темпераментъ даннаго населенія. Было же время, когда англичане находили французовъ черезчуръ мирными и черезчуръ покорными подданными своихъ королей...

Если что можно сказать относительно современной Германіи, такъ это то, что именно вслѣдствіе еще болѣе мирнаго характера

*) См. отчетъ о Маннгеймскомъ конгрессѣ уже упомянутаго Квиста въ брошюрѣ: «Syndicats et parti»; Парижъ, 1906. Стр. 25 (составляетъ № 1 «синдикалистской коллекціи»).

**) Hubert Lagardelle. Mannheim, Rome, Amiens; въ «Le Mouvement Socialiste», № 179 (октябрь 1906 г.), стр. 13.

нѣмецкихъ синдикалистовъ, чѣмъ какой замѣчается въ рядахъ соціалъ-демократической партіи, тамъ какъ разъ будетъ полезна связь и координація дѣйствій между профессіональной и политической организаціями рабочаго класса. Подъ давленіемъ все возростающей въ послѣднее время революціонности соціалистическаго интернаціонала, и германская соціалъ-демократія, отказавшись отъ роли строгаго профессора соціализма для партій другихъ странъ, сама должна будетъ податься въ сторону боевой тактики. И тогда ужъ, конечно, она, а не германскій столь умѣренный синдикализмъ, явится иниціаторомъ революціоннаго воспитанія, или, если хотите, перевоспитанія массъ. Такъ что, въ концѣ концовъ, если соціалъ-демократія Германіи, признавъ на Маннгеймскомъ конгрессѣ самостоятельность синдикатовъ, въ то же время вотировала необходимость соглашенія между профессіональной организаціей и организаціей политической, то эта тактика должна скорѣе привѣтствоваться, чѣмъ осуждаться сторонниками интернаціональнаго революціоннаго соціализма.

Другой вопросъ—приложеніе такой тактики совершенно въ духѣ нѣмецкой резолюціи къ отношенію между французскимъ синдикализмомъ и французской же соціалистической партіей. Здѣшнему революціонному синдикализму мало того, чтобы соціалистическая партія признала его автономію: онъ, кстати сказать, самъ беретъ эту автономію и при томъ становится въ явно враждебную позицію по отношенію къ политическому соціализму. Но онъ, кромѣ того, громко заявляетъ, что, воплощая въ себѣ и реформистскую, и революціонную дѣятельность, онъ считаетъ себя способнымъ совершить при помощи «прямого воздѣйствія» коренной соціальный переворотъ и, путемъ федераціи синдикатовъ, создать изъ этихъ «основныхъ клѣточекъ» будущее гармоническое общество всеобщаго труда и всеобщей свободы. Именно въ виду такихъ притязаній французскаго революціоннаго синдикализма упомянутая нами въ срединѣ этой статьи резолюція Жорэса-Вальяна, восторжествовавшая на Лиможскомъ конгрессѣ, кажется намъ наиболѣе цѣлесообразной. Она не бьетъ прямо въ забрало этому синдикализму: она признаетъ его даже «вплоть до всеобщей стачки». Но она прибавляетъ, что экономическій организмъ съ его «прямымъ воздѣйствіемъ» нуждается еще въ сотрудничествѣ политическаго организма съ его «завоеваніемъ всей политической власти». И мнѣ кажется, что здѣсь серьезный синдикалистъ, не дѣйствующій только подъ вліяніемъ анархическаго раздраженія противъ всякой политической власти, найдетъ почву примиренія съ политическимъ соціализмомъ. Дѣйствительно, синдикальная ячейка будетъ, по всей вѣроятности, одной изъ основъ той будущей «администраціи вещей», о которой говорилъ Сенъ-Симонъ, противоставляя ее современному «управленію людей людьми». Но, спрашивается, можетъ-ли самый революціонный синдикализмъ надѣяться на то, что онъ сможетъ заполнить своими ячейками всѣ контуры грядущаго строя,

если ему не удастся предварительно овладѣть настоящей государственной машиной и употребить ее въ послѣдній разъ для уничтоженія всѣхъ современныхъ привилегій и для установленія самаго широкаго управленія всего народа всѣмъ народомъ?

Революціонный синдикалистъ говоритъ все время о «прямомъ воздѣйствіи». Но что такое это «прямое воздѣйствіе»? Это или борьба организованныхъ въ синдикатъ рабочихъ противъ того или другого патрона, или борьба всей синдикальной организаціи противъ всего капиталистическаго класса. Но въ томъ, и въ другомъ случаѣ, въ случаѣ частной стачки и частной демонстраціи, какъ и въ случаѣ всеобщей стачки и всеобщаго революціоннаго возстанія на «экономической почвѣ»—рабочій классъ найдетъ противъ себя «по другую сторону баррикады» (какъ цинично-остроумно выразился Клемансо по поводу подавленія первомайскаго движенія), найдетъ, говоримъ мы, классовое государство имущихъ и правящихъ. И найдетъ его, смотря по важности столкновенія, или въ видѣ частныхъ органовъ власти и отдѣльныхъ отрядовъ войскъ, или въ видѣ всего грознаго аппарата государства нашихъ дней съ его арміей, полиціей, магистратурой, массовымъ избіеніемъ на улицахъ, массовымъ осужденіемъ въ застѣнкахъ военныхъ судовъ и массовыми казнями и ссылками, какъ то было во время подавленія Коммуны версальцами. Можно себѣ представить, какимъ цѣлесообразнымъ орудіемъ подобной великой соціальной войны будетъ «прямое воздѣйствіе» синдикальной арміи, если безъ одновременнаго захвата политической партіей современная государственная махина останется по прежнему въ тѣхъ же рукахъ.

И это не все. Мы говоримъ о послѣднемъ освободительномъ актѣ работы массъ противъ эксплуататоровъ и угнетателей, о соціальной и политической революціи труда противъ капитала и классового государства. Но, что сказать, относительно будничной, постоянной борьбы за мелкія, но глубоко реальныя улучшенія, которыя именно современный французскій синдикализмъ, несмотря на анархическія тенденціи своихъ руководителей, принужденъ допускать и даже рекомендовать, какъ осязательную цѣль, стоющую энергической работы? Развѣ сами факты жизни не говорятъ, что наиболѣе удобныя позиціи для такой работы и для такой борьбы даются рабочимъ организаціямъ отвергаемыми парламентомъ законопроектами или вотированными парламентомъ, но не выполняемыми классомъ капиталистовъ законами, т. е. проявленіями какъ разъ той политической дѣятельности, отъ которой съ такимъ презрѣніемъ отворачиваются Пуже и Гриффюэль? Пусть читатель припомнитъ цитированные нами выше акты «прямого воздѣйствія» рабочихъ синдикалистовъ на сенатъ или на сопротивляющихся хозяевъ. Онъ увидитъ, что чаще всего отправными пунктами синдикальнаго движенія были не вотируемые или не исполняемые законы, имѣвшіе цѣлью охраненіе жизни и здо-

ровья рабочихъ и улучшенія ихъ положенія. Этого факта не ослабляетъ и то возраженіе, что обыкновенно законами становятся уже входящіе въ обиходъ жизни обычаи, или же такія мѣры, которыя требуются коллективнымъ мнѣніемъ широкихъ заинтересованныхъ въ этомъ дѣлѣ слоевъ. Во всякомъ случаѣ, и эти обычаи, и эти массовыя требованія только тогда становятся благопріятной почвой и вмѣстѣ ферментомъ броженія, когда формулируются въ видѣ законовъ, т. е. юридической кристаллизаціи кипящихъ и носящихся въ воздухѣ общественныхъ потребностей. И здѣсь опять таки роль политической и даже парламентарной дѣятельности нельзя затушевать простымъ отрицаніемъ. Можно, правда, и даже должно оказать, что никакая коренная реформа собственности не можетъ быть проведена черезъ представительныя учрежденія современнаго классового общества. И поклонники соціалистическаго парламентаризма во что бы то ни стало грѣшатъ въ этомъ отношеніи избыткомъ оптимизма. Но не менѣе грѣшатъ въ другомъ направленіи сторонники «прямого воздѣйствія», которые согласны на борьбу за частныя улучшенія, но открещиваются отъ всякой политической агитаціи во имя такой платформы.

И это не все. Революціонные синдикалисты могутъ сколько угодно чураться «политики»: она войдетъ и сядетъ госпожей въ самомъ центрѣ синдикатовъ. Только это ея пришествіе будетъ скрыто подъ разными риторическими фигурами умолчанія, или же перифразами. Изъ того, что анархическіе вожаки Конфедераціи утверждаютъ, будто она ни въ какомъ случаѣ не будетъ заниматься «политикой», еще не слѣдуетъ, чтобы дѣйствительность совпадала съ этимъ утвержденіемъ. Если политика революціонныхъ синдикалистовъ заключается въ томъ, чтобы не имѣть никакой политики,— на манеръ тургеневскаго Пигасова, у котораго было «убѣжденіе не имѣть никакихъ убѣжденій»,—то вѣдь это выходитъ только на словахъ. И, говоря такъ, я отнюдь не думаю обвинять вожаковъ Конфедераціи въ лицемѣріи: сама логика вещей заставляетъ ихъ заниматься политикой, но политикой, которая состоитъ въ томъ, чтобы всячески противодѣйствовать развитію политическаго соціализма среди членовъ синдикатовъ. Не былъ ли обвиненъ синдикалистами самъ Эмиль Пужэ, фактическій главный редакторъ «La voix du Peuple“, въ томъ, что во время первомайской агитаціи онъ гораздо больше полемизировалъ съ радикалами à la Клемансо и съ политическими соціалистами, чѣмъ служилъ интересамъ «прямого воздѣйствія» и пропагандѣ синдикалистской точки зрѣнія? Кстати, уже стали раздаваться голоса послѣдовательныхъ анархистовъ, жалующихся на то, что среди синдикатовъ анархизмъ начинаетъ заслоняться политикой «лицемѣрной нейтральности», и что надо идти войной на всѣхъ «политикановъ», идти «вопреки рѣшеніямъ Амьенскаго конгресса» *).

*) См. статью: Charles Benoît. «Le Syndicalisme et l'anarchie»: въ анар-

Еще одно соображеніе. Предостерегая съ такой настойчивостью синдикалистовъ противъ занятія всякой политикой, включая сюда соціалистическую, вожаки Конфедераціи могутъ создать среди рабочихъ, сами того не желая, тотъ классовой политическій индифферентизмъ, который такъ давно характеризуетъ англійскіе трэдсъ-юніоны и который заставляетъ рабочихъ Соединеннаго Королевства растворять всю свою дѣятельность въ преслѣдованіи чисто профессіональныхъ интересовъ и предоставлять арену собственно политической борьбы въ монопольное владѣніе имущихъ и правящихъ классовъ. Этимъ объясняются и отсталость общей соціалистической мысли по ту сторону Ламанша, и сравнительно прочное положеніе тамошней буржуазіи, которая перехватываетъ въ свои два канала, вигизмъ и торизмъ, наиболѣе умныхъ и дѣятельныхъ представителей рабочаго класса и руками самого же четвертаго сословія воздвигаетъ баррьеры основному освобожденію трудящихся.

Лишь въ послѣднее время это положеніе начинаетъ нѣсколько измѣняться. И смотрите, съ какимъ раздраженіемъ и худо скрытой боязнью буржуазные политики критикуютъ это измѣненіе. На послѣднихъ выборахъ три десятка рабочихъ депутатовъ, отчасти изъ трэдсъ-юніонистовъ, отчасти изъ членовъ «независимой рабочей партіи»; составили въ палатѣ такъ называемую «партію труда» (Labour Party), которая не можетъ считаться, собственно, соціалистической, но уже успѣла тѣмъ не менѣе нагнать страхъ на представителей англійскаго капитала и владѣнія. Между членами этой партіи есть нѣсколько соціалистовъ въ родѣ Киръ-Харди, но большинство не стоитъ строго на точкѣ зрѣнія классовой борьбы, которая считается, однако, повсюду въ соціалистическомъ интернаціоналѣ центральнымъ пунктомъ современнаго міровоззрѣнія труда. И, однако, стоило только новой партіи явиться передъ парламентомъ и страной въ качествѣ особой и отличной отъ всѣхъ другихъ политической организаціей, какъ она стала предметомъ опасенія, невольнаго уваженія и зависти, но вмѣстѣ съ тѣмъ и жестокихъ нападокъ. И либералы, и консерваторы стараются на перерывъ доказывать, что эта партія не имѣетъ никакого raison d'être и никакой будущности. Буржуазные писатели, безъ различія политическихъ оттѣнковъ, то хотятъ увѣрить англійскихъ трудовиковъ, что имъ не зачѣмъ существовать, какъ особой группѣ, ибо, молъ, «въ интересахъ рабочаго класса нѣтъ необходимости для существованія третьей партіи» (кромѣ виговъ и тори. Н. К.) *). То они отрицаютъ самую возможность «политическаго дѣленія», основаннаго на принципѣ «труда», потому что,—я передаю буквально этотъ замѣчательный въ смыслѣ тупоумія автора аргументъ,—потому что «трудъ

хистской еженедѣльной газетѣ „Les Temps Nouveaux", NO отъ 15 декабря 1906 г.

*) См. L. A. Atherley Jones, «The Story of Labour Party»; «The Nineheensth Century», октябрь 1906 г., стр. 584.

есть общій удѣлъ почти всего человѣчества» *). И вожаку «независимой рабочей партіи», Киръ Харди, приходится объяснять своимъ «дубиноголовымъ» (такъ я перевожу терминъ blockhead, которымъ Марксъ любилъ обозначать неумѣніе англичанъ понимать абстрактные вопросы) соотечественникамъ изъ буржуазіи, почему существованіе «Партіи труда» не только возможно, но и необходимо; и каковъ тотъ «центральный пунктъ», который объединяетъ въ одной группѣ «трэдсъ-юніонистовъ» **).

Интересная статья Киръ-Харди можетъ быть поучительна не для однихъ англійскихъ буржуа, но и для французскихъ синдикалистовъ. Развѣ не знаменательно услышать изъ устъ человѣка, который знаетъ, что такое профессіональное движеніе, слѣдующія слова: «Чисто рабочее классовое движеніе способно стать такимъ же грубымъ и чуждымъ идеализма, какъ и англійская скульптура. Это очень замѣтно на нашемъ быстро растущемъ кооперативномъ движеніи, въ которомъ дивидендъ разсматривается, какъ альфа и омега кооперации. Трэдсъ-юніонистскій вожакъ, который обращаетъ исключительное вниманіе,—какъ это онъ и долженъ дѣлать,—на мелкія подробности, касающіяся высоты заработной платы, и узкую рутину своего занятія, склоненъ терять изъ виду болѣе обширныя и болѣе общія перспективы жизни и ея задачи, развертываемыя соціализмомъ. Рабочее движеніе, которое не вдохновляется соціализмомъ, напоминаетъ двигатель безъ керосина и тѣло безъ души" ***).

Этого можно опасаться и для французскаго рабочаго движенія, потому что если оно будетъ продолжать враждебно относиться къ политическому соціализму и отказываться отъ какого бы то ни было соглашенія съ нимъ, то, несмотря на свои теперешнія революціонныя тенденціи, оно должно фатально наткнуться на тотъ или другой рогъ дилеммы: или стать чисто профессіональнымъ синдикализмомъ, т. е. «тѣломъ безъ души», или превратиться въ игралище аполитической политики анархистовъ, т. е. пойти къ быстрому разложенію.

Признать самостоятельность синдикальнаго движенія, признать за нимъ право не только на реформистскую, но и на революціонную дѣятельность, но вмѣстѣ съ тѣмъ постараться выработать систематическое соглашеніе между профессіональной организаціей синдикатовъ и политической организаціей соціалистической партіи—вотъ задача всѣхъ искреннихъ и послѣдовательныхъ соціалистовъ Франціи да и всего міра.

Н. Е. Кудринъ.

---

*) Статья: «Socialismin the House of Commons; въ «The Edinbusgh Review» 1906, октябрь, стр. 277.

**) J. Keir Hardie, «The Labour Movement»; въ «Nineteenth Century», 1906, декабрь, стр. 877.

***) Ibid., стр. 879.

Русская Польша наканунѣ новыхъ выборовъ.

I.

«Какъ мало прожито, какъ много пережито!» Ровно годъ тому назадъ я покидалъ гостепріимную Галицію, пріютившую столько выходцевъ изъ Русской Польши, чтобы направиться въ Варшаву, гдѣ уже кипѣла новая жизнь.

Трудно было оставаться въ Краковѣ, куда ежедневно приходили вѣсти, прямо поражавшія своей экстравагантностью. Изъ Домбровскаго каменноугольнаго раіона, лежащаго въ нѣсколькихъ часахъ разстоянія отъ Кракова, являлись ежедневно товарищи, разсказывавшіе о томъ, что происходитъ въ этомъ уголкѣ. Мы узнавали, что весь раіонъ находится въ рукахъ рабочей организаціи, передъ которой стушевались русскія власти: мы узнавали, что нелегальный непеіодическій листокъ польской соціалистической партіи (П. П. С.) «Górnik» (Горнорабочій) превращенъ въ ежедневный, легальный органъ, расхватываемый десятками тысячъ мѣстныхъ жителей, что въ раіонѣ Домбровы-Сосновицъ охраняетъ порядокъ рабочая милиція, что повсюду происходятъ колоссальные митинги, что русскіе солдаты братаются съ рабочими и т. д. Аналогичныя извѣстія приходили и изъ недалекаго Ченстохова, гдѣ на громадномъ подгородномъ заводѣ Гандтке развивалось красное знамя т. н. «раковской республики».

Изъ Варшавы доходили только смутные слухи, такъ какъ желѣзно-дорожная и почтово-телеграфная забастовка продолжалась во всемъ Царствѣ Польскомъ съ неослабѣвавшей силой. Однако и этихъ слуховъ было достаточно, чтобы заставлять всѣхъ выходцевъ изъ Царства Польскаго всѣмъ сердцемъ стремиться въ его столицу.

. . . .

Въ Скальмержицахъ, куда меня доставилъ прусскій желѣзнодорожный вагонъ, мнѣ пришлось надолго распрощаться съ современными способами передвиженія. Я довѣряюсь кучеру неуклюжей кареты, которая должна была перевести меня черезъ границу Россійской имперіи, только что получившей торжественное обѣщаніе конституціи.

Въ Щипіорнѣ, гдѣ находится русская таможня, ничто не позволяетъ догадываться, что тутъ начинается територія конституціоннаго государства. «Зеленые» по прежнему хозяйничаютъ въ саквояжахъ пріѣзжихъ, однимъ ловкимъ движеніемъ раскапывая до дна ихъ содержимое. Жандармы по прежнему «ѣдятъ глазами» владѣль-

цевъ саквояжей и подозрительно осматриваютъ ихъ паспорта, раздавая совсѣмъ неконституціонные пинки снабженнымъ не формальными пропускными свидѣтельствами «гражданамъ»-евреямъ и осыпая ругательствами «гражданъ»-рабочихъ.

Наконецъ, всѣ формальности исполнены. Мы ѣдемъ на извозчикѣ въ Калишъ. Проѣзжая мимо желѣзнодорожнаго полотна, мы видимъ десятки вагоновъ, ожидающихъ возобновленія движенія. Забастовка продолжается. Фабричныя трубы Калиша не дымятъ. Все промышленное движеніе города замерло.

Достаточно часа пребыванія въ Калишѣ, чтобы оріентироваться въ измѣнившемся положеніи. Перемѣны—значительны, и населеніе переживаетъ моментъ сильнаго общественнаго подъема. На углахъ улицъ видны громадныя объявленія о публичныхъ митингахъ и рядомъ съ ними клочки сорваннаго распоряженія губернатора, гласящаго что-то о манифестаціяхъ, сборищахъ и т. д. Въ гостиницѣ я жадно набрасываюсь на номеръ «Gazety Kaliskiej»—жалкаго провинціальнаго листка, выходящаго уже безъ цензуры *). Мнѣ сразу кидается въ глаза рубрика, фигурировавшая до сихъ поръ только въ нелегальныхъ органахъ: «Пожертвованія въ пользу (выпущенныхъ) политическихъ заключенныхъ»; затѣмъ я читаю описаніе всенароднаго митинга, устроеннаго «при участіи всѣхъ политическихъ партій» въ какомъ-то маленькомъ мѣстечкѣ. Въ текстѣ «Газеты» то и дѣло встрѣчаются слова и выраженія, украшавшія до сихъ поръ одну только нелегальную прессу.

Немного спустя мы ѣдемъ въ Лодзь. Въ древней еврейской повозкѣ насъ помѣщается трое: типичный помѣщикъ средней руки, купецъ-еврей изъ Сосновицъ и я. Мало-по-малу налаживается разговоръ—конечно, на политическія темы. Помѣщикъ, происходящій, какъ оказывается, изъ Велюнскаго уѣзда—самой отсталой части Калишской губ.—разсказываетъ о крестьянахъ, которые устроили польско-патріотическую манифестацію по поводу манифеста 17-го октября, объ оркестрѣ сельской пожарной стражи, невозбранно разыгрывающемъ польскіе національные гимны, о съѣздѣ велюнскихъ помѣщиковъ, которые рѣшили основать польское реальное училище и собрали на это необходимыя средства. Видя, что я охотно слушаю его повѣствованія, мой помѣщикъ перешелъ на почву европейской политики и сообщилъ, что «уже рѣшено» основать, въ видахъ всеобщаго мира, два независимыхъ государства, которыя бы отдѣляли Германію и отъ Франціи, и отъ Россіи. Однимъ изъ этихъ государствъ будетъ Эльзасъ съ Лотарингіей, а другимъ—Царство Польское.

Что касается другого моего спутника, то онъ былъ всецѣло подъ впечатлѣніемъ рабочаго движенія въ Домбровскомъ округѣ.

---

*) Въ Польшѣ до 17-го октября 1905 г. не было изданій безъ предварительной цензуры.

Онъ разсказывалъ подробно, какъ соціалисты тамъ хозяйничаютъ и какъ всѣ ихъ слушаются. И евреи уже перестали бояться погромовъ, потому что соціалисты не допустятъ до этого. На основаніи разсказовъ моего сосновицкаго спутника можно было придти къ заключенію, что въ Домбровскомъ округѣ всѣ превратились въ соціалистовъ, начиная съ полицеймейстера Кроненберга и кончая владѣльцами рудниковъ, заводовъ и фабрикъ.

— Пане, что они въ «Гурникѣ» пишутъ, такъ это все самая чистая правда,—говорилъ онъ, воодушевляясь.—Я не соціалистъ, я торгую калошами, но я все это читалъ и я вижу, что это правда. И соціалисты своего добьются, потому что у нихъ большая сила. Знаете, пане, и фабриканты, и прочіе богатые люди имъ помогаютъ. Этотъ Познанскій изъ Лодзи, такъ онъ очень много даетъ и онъ можетъ ничего не бояться. Соціалисты выдали ему такую бумагу. Съ этой бумагой онъ можетъ повсюду ходить безопасно, и ему не нужно убѣгать за границу, какъ другимъ фабрикантамъ.

Характерно, что эту легенду объ «охранной грамотѣ», выданной будто бы Познанскому (крупнѣйшему лодзинскому промышленнику) соціалистами, я слыхалъ позже нѣсколько разъ отъ евреевъ: и на постояломъ дворѣ въ Блашкахъ, гдѣ мы останавливались, и въ Ласкѣ, гдѣ намъ пришлось ждать разсвѣта.

По мѣрѣ приближенія къ Лодзи, мы все чаще и чаще стали слышать сбивчивые разсказы о кровавыхъ событіяхъ въ этомъ городѣ, о демонстративныхъ похоронахъ жертвъ, павшихъ въ Лодзи и Згержѣ. Помѣщика, оставшагося въ Сѣрадзѣ, смѣнилъ еврей изъ Пабьяницъ, который повѣствовалъ о большомъ соціалистическомъ митингѣ въ этомъ промышленномъ центрѣ, куда мы пріѣхали на слѣдующее утро.

Видъ Пабьяницъ мало внушалъ довѣрія къ «конституціи». Всѣ лавки закрыты, ни одна фабрика, ни одна мастерская не работаетъ. На улицахъ гарцующіе драгуны, провожаемые злобными взглядами толпящихся рабочихъ. Мы быстро приближаемся къ Лодзи. Издали видны безчисленныя фабричныя трубы, но черная завѣса дыма, окутывающая обыкновенно этотъ городъ, куда-то исчезла. Фабрики не работаютъ. Мы въѣзжаемъ въ главную улицу Лодзи—Петроковскую.

Городъ производитъ впечатлѣніе военнаго лагеря. Повсюду солдаты и казаки, публики почти не видать. Всѣ находятся подъ впечатлѣніемъ распоряженія мѣстнаго военнаго генералъ-губернатора, Шатилова, который объявилъ, что въ случаѣ, если газовые фонари на улицахъ потухнутъ, онъ прикажетъ стрѣлять во всякаго, кто появится на улицѣ послѣ 6-ти часовъ. Настроеніе въ высшей степени тревожное, въ виду явно подготовляемаго полиціей еврейскаго погрома. Рабочая организація принимаетъ рѣшительныя мѣры противодѣйствія, организуя стражу, состоящую изъ рабочихъ-хри-

стіанъ какъ въ самой Лодзи, такъ и въ Згержѣ, гдѣ тоже наблюдаются подозрительные признаки надвигающагося погрома.

Пришлось разстаться съ тѣмъ радужнымъ настроеніемъ, въ которомъ я и мои товарищи покидали Краковъ. И, дѣйствительно, едва мы успѣли пріѣхать въ Варшаву, какъ надъ всѣмъ Царствомъ Польскимъ нависла грозная туча военнаго положенія. «Конституціей» Польша пользовалась меньше двухъ недѣль, да и то не вся, потому что и въ Варшавѣ, и въ Лодзи военное положеніе продолжалось безъ перерыва. Затѣмъ оно было распространено на всѣ безъ исключенія губерніи Царства Польскаго, не исключая и самыхъ «смирныхъ».

Въ Варшавѣ можно было констатировать несбыточность мечтаній и велюнскаго помѣщика, и сосновицкаго торговца калошами, моихъ случайныхъ спутниковъ. До независимости Польши было такъ же далеко, какъ и до торжества соціализма. Однако, кое-что всетаки измѣнилось, и положеніе польскаго народа послѣ 17-го октября очень сильно отличалось отъ положенія его до изданія манифеста. Измѣненіе произошло какъ во внѣшнихъ условіяхъ его жизни, такъ и во внутреннихъ взаимоотношеніяхъ его общественныхъ силъ.

Въ «дни свободы», послѣдовавшіе за объявленіемъ манифеста 17-го октября, хлынуло наружу все то, что до сихъ поръ считалось нелегальнымъ. Военное положеніе и сопутствующія ему репрессаліи опять загнали въ подполье многіе легализовавшіеся было элементы, однако кое-что всетаки успѣло закрѣпить за собой право, весьма, впрочемъ, шаткое—на легальное существованіе.

II.

До 17-го октября почти вся культурно-національная жизнь Польши была нелегальной наравнѣ съ соціально-политической дѣятельностью крайнихъ партій. Обученіе грамотѣ на польскомъ языкѣ происходило такъ же тайно, какъ и распространеніе революціонныхъ идей. Патріотическія изданія провозились изъ-за границы контрабанднымъ путемъ точно такъ же, какъ и соціалистическія брошюры. Варшавская цензура относилась одинаково и къ патріотическимъ, и къ соціалистическимъ тенденціямъ. Національ-демократическая партія являлась такимъ же нелегальнымъ сообществомъ, какъ и польская партія соціалистическая (П. П. С.). И та, и другая принуждены были прибѣгать къ нелегальнымъ методамъ распространенія своего вліянія.

Послѣ 17-го октября положеніе дѣлъ измѣнилось кореннымъ образомъ. Даже тогда, когда «дни свободы», продолжавшіеся въ Польшѣ еще короче, нежели въ Россіи, отошли въ прошлое, даже тогда польское національное и особенно культурно-національное

движеніе, крѣпко опиралось на легальную почву, между тѣмъ какъ соціализмъ опять превратился въ объектъ всевозможнѣйшихъ преслѣдованій. Я не хочу сказать, чтобы польскія національныя требованія были удовлетворены хоть въ какомъ-нибудь отношеніи, такъ какъ это было бы несогласно съ реальной дѣйствительностью. Я только подчеркиваю тотъ фактъ, что польское національное движеніе въ культурной, а отчасти даже и въ политической области получило возможность легальнаго или, по крайней мѣрѣ, полулегальнаго развитія.

Для польской печати наступила новая эра. Она очутилась въ томъ положеніи, въ какомъ находилась русская во времена Плеве. Это значитъ, что она могла говорить о предметахъ, совершенно недоступныхъ ея обсужденію прежде. Польскіе иллюстрированные журналы могли невозбранно помѣщать портретъ Костюшка, героевъ возстаній, различныя польскія національныя эмблемы и т. д. Польскія газеты могли говорить о гнетѣ руссификаторской политики, о необходимости полонизаціи школы, суда и администраціи, а въ очень осторожной формѣ даже и о злоупотребленіяхъ низшихъ чиновниковъ. Польское общество получило возможность основывать археологическія, историческія и литературныя общества, создавать экономическія организаціи въ родѣ польскихъ крестьянскихъ земледѣльческихъ кружковъ, польскихъ потребительныхъ товариществъ, наконецъ, организовывать частныя польскія школы, библіотеки и читальни. Однимъ словомъ, польская національно-культурная жизнь вошла послѣ 17-го октября въ такія же приблизительно рамки, въ какихъ развивалась русская до 17-го октября. Я говорю: приблизительно, потому что русское общество и до 17-го октября не испытывало національнаго гнета, между тѣмъ какъ польское и послѣ 17-го октября не было освобождено отъ чуждаго ей языка въ школахъ, судахъ и присутственныхъ мѣстахъ.

Какъ ни какъ, но и тѣ крохи, которыя перепали на долю польскаго общества, были величиной весьма почтенной въ сравненіи съ тѣмъ, что было прежде. Громадная область національной жизни пріобрѣтала право легальнаго развитія, и этотъ фактъ сыгралъ огромную роль въ политической эволюціи Польши. Масса силъ, до сихъ поръ либо бездѣйствовавшихъ, либо работавшихъ нелегально, кинулась на арену легальной общественной дѣятельности. Культурная работа, направленная къ возстановленію всего того, что было запретнымъ плодомъ со времени послѣдняго возстанія, стала лозунгомъ значительной части польскаго общества. Мы получили крохи—это правда,—говорили сторонники этихъ тенденцій,—но эти крохи позволятъ намъ укрѣпить нашъ національный организмъ, ослабленный и долголѣтнимъ гнетомъ, и событіями послѣднихъ двухъ лѣтъ. Страна жаждетъ успокоенія, отдыха. Слѣдуетъ воспользоваться тѣмъ, что у насъ есть, не тратить больше силъ на революціонную борьбу и заняться мирной работой въ области

національной культуры, экономической организаціи, стремясь легальнымъ путемъ осуществить наши національно-политическія задачи. Мы благодарны организованному пролетаріату, который своей грудью и своей кровью пріобрѣлъ для насъ возможность мирнаго культурнаго развитія, но эпоха революціи закончилась, теперь наступаетъ новая эпоха—усиленнаго, мирнаго труда.

Таково было настроеніе польскаго буржуазнаго общества не только сейчасъ послѣ 17-го октября, но и значительно позже, когда военное положеніе стало цѣлыми десятками упрятывать въ кутузки самыхъ «мирныхъ» обывателей за наивную вѣру въ близость автономіи Польши. Однако, даже военное положеніе, господствовавшее въ Царствѣ Польскомъ, не мѣшало полякамъ легально заниматься тѣмъ, что было совершенно немыслимо еще въ первую половину русско-японской войны. И вотъ мы видимъ, какъ, съ одной стороны, возникаютъ самыя разнообразныя польскія культурныя учрежденія и общества, а съ другой—укрѣпляется и развивается на легальной почвѣ еще такъ недавно считавшаяся революціонной націоналъ-демократическая партія. Эта партія сплотила подъ своимъ знаменемъ всѣ элементы, жаждущіе успокоенія, мирной культурной дѣятельности, спокойной эволюціи и относящіеся поэтому враждебно ко всему тому, что способствовало бы дальнѣйшему развитію революціоннаго движенія.

Въ Царствѣ Польскомъ образовались два крупныхъ лагеря: т. н. «національный», руководимый націоналъ-демократической партіей, и революціонный, во главѣ котораго встала П. П. С. (польская соціалистическая партія). Первый охватилъ всѣ тѣ элементы, которые видѣли въ дальнѣйшемъ развитіи революціоннаго движенія опасность не только для польскихъ національныхъ интересовъ, но, прежде всего, для классовыхъ привилегій буржуазіи и помѣщиковъ. Во второмъ очутились рабочія организаціи, считавшія настоящій моментъ однимъ изъ эпизодовъ продолжающейся революціи, которая должна закончиться не мелкими, частичными уступками, а полной капитуляціей противника. Ко второму лагерю примкнули немногочисленныя группы прогрессивной интеллигенціи, не раздѣляющіе вполнѣ взглядовъ революціонныхъ элементовъ, но также полагающіе, что революція еще не завершила круга своего развитія, что дальнѣйшая борьба необходима, хотя методы этой борьбы должны быть пріурочены къ нѣсколько измѣнившемуся положенію края. Мало по малу прогрессисты втягиваются въ чисто культурную національную работу и начинаютъ все больше и больше отставать отъ революціоннаго лагеря, что въ концѣ концовъ сближаетъ ихъ до нѣкоторой степени съ націоналъ-демократіей. Образуется даже группа прогрессистовъ, являющаяся переходнымъ звеномъ между прогрессивно-демократической партіей и націоналъ-демократіей.

До 17-го октября, въ періодъ активной революціонной борьбы,

первенствующую роль въ жизни польскаго общества играла естественно П. П. С. Она стояла во главѣ революціоннаго движенія, она руководила народными массами, борющимися и съ правительствомъ, и съ реакціонными элементами польскаго общества, организуемыми и руководимыми Н. Д., къ ней примыкали и ее поддерживали отдѣльныя лица и группы изъ среды прогрессивной интеллигенціи, не игравшей въ періодъ революціоннаго подъема никакой самостоятельной роли. Послѣ 17-го октября положеніе дѣлъ круто измѣнилось. По миновеніи «дней свободы», въ теченіе которыхъ и П. П. С. могла дѣйствовать легально, на первый планъ польской національно-политической жизни выдвинулась націоналъ-демократія, которая, легализовавшись, сразу же стала крупной силой, располагающей многочисленными кадрами дисциплинированныхъ членовъ, большими средствами, рядомъ вліятельныхъ органовъ печати и серьезными связями во всѣхъ безъ исключенія слояхъ польскаго общества. Н. Д. очутилась въ положеніи партіи, которая воспользовалась всѣми результатами революціонной борьбы, не принимая въ ней никакого участія, между тѣмъ какъ ея революціонная соперница была лишена всего, что могло бы хоть до нѣкоторой степени уравнять шансы ея борьбы съ шансами легальнаго развитія Н. Д.

Итакъ, Н. Д. торжествовала побѣду, ни мало ей не содѣйствуя всей своей прежней дѣятельностью. Новыя условія политической жизни Царства Польскаго въ высшей степени благопріятствовали ея пышному расцвѣту, и вскорѣ она оказалась полнымъ хозяиномъ положенія. Она оттѣсняетъ на задній планъ всѣ другіе не революціонные элементы польскаго общества и, провозгласивъ себя представительницей польской націи какъ цѣлаго, принимаетъ на себя обязанность добиться тѣми или другими средствами, съ одной стороны, автономіи Царства Польскаго, а съ другой — подавленія въ краѣ «анархіи», подъ которой разумѣется революціонное движеніе.

Такъ какъ Н. Д. суждено играть въ польской жизни первенствующую роль, то слѣдуетъ ознакомиться ближе съ эволюціей и современнымъ характеромъ этой партіи, не мало измѣнившейся въ теченіе 20-лѣтняго существованія.

III.

Въ 1886 г. возникла среди польскихъ эмигрантовъ тайная революціонная организація, названная первоначально «Польской Лигой», впослѣдствіи же переименованная въ «Національную Лигу». «Лига» поставила себѣ задачей подготовленіе новаго возстанія съ цѣлью добиться государственной независимости Польши. Къ «Лигѣ» примкнули радикально-демократическіе и отчасти соціалистическіе элементы польской молодежи, недовольные космополити-

ческими тенденціями тогдашнихъ руководителей «Пролетаріата». Въ составъ «Лиги» вошли и народники, группировавшіеся вокругъ основаннаго въ 1886 г. въ Варшавѣ еженедѣльнаго журнала «Голосъ» (Głos) и возлагавшіе всѣ свои надежды на развитіе соціальнаго и національнаго самосознанія польскаго крестьянства.

Моментъ, въ который начала дѣйствовать «Лига», какъ нельзя лучше благопріятствовалъ возрожденію революціонно-національныхъ стремленій на демократической подкладкѣ. Соціалистическое движеніе вступало въ эпоху продолжавшагося нѣсколько лѣтъ внутренняго кризиса, вызваннаго не столько разгромомъ организаціи «Пролетаріата» *), сколько разочарованіемъ радикальной молодежи въ основныхъ положеніяхъ программы этой партіи. Туманныя фразы о близости революціоннаго, соціалистическаго переворота уже не могли увлекать молодежь — тѣмъ болѣе, что и русское соціально-революціонное движеніе, съ развитіемъ котораго тѣсно связывались судьбы революціи въ Польшѣ, по всѣмъ признакамъ клонилось къ упадку. Пропаганда «Лиги» стала проникать въ Царство Польское тогда, когда въ польскомъ соціалистическомъ движеніи, послѣ разгрома «Пролетаріата», господствовало полное затишье. Соціалистовъ по убѣжденіямъ было не мало, но что касается путей, по которымъ слѣдовало до сихъ поръ соціалистическое движеніе въ Польшѣ, то на этотъ счетъ преобладалъ скептицизмъ, вскорѣ смѣнившійся лихорадочными поисками новаго выхода.

Этимъ переходнымъ моментомъ воспользовалась «Лига», группируя вокругъ своего знамени массу радикальныхъ элементовъ, которые при другихъ условіяхъ неминуемо ушли бы въ соціалистическое движеніе. Присутствіе этихъ-то элементовъ въ организаціи «Лиги» обусловливало соціальный радикализмъ ея выступленій, носящихъ революціонно-патріотическій характеръ. Однако, этотъ радикализмъ очень скоро начинаетъ блѣднѣть, и общій характеръ «Лиги» круто измѣняется—подъ давленіемъ новой силы, появившейся на аренѣ польской общественной жизни.

Этой силой была польская соціалистическая партія, которая сумѣла дать соціалистическому движенію въ Польшѣ новую программу, слившую воедино соціально-экономическія стремленія пролетаріата съ его политическими и національными интересами. Программа П. П. С. заключала въ себѣ требованіе государственной независимости Польши, какъ необходимой предпосылки, обусловливающей побѣду пролетаріата въ Польшѣ. Опираясь на почву классовыхъ интересовъ пролетаріата и стремясь къ независимости Польши въ интересахъ этого класса, П. П. С. въ то же самое время становилась національной партіей, вліяніе которой распро-

*) Судьба этой партіи охарактеризована мною въ статьяхъ «Былого» (кн. IV и VI за 1906 г.).

странялось довольно далеко и внѣ круга ея непосредственнаго воздѣйствія. Не покидая почвы классовыхъ интересовъ пролетаріата, П. П. С., благодаря своей національной программѣ, привлекала къ себѣ симпатіи тѣхъ элементовъ общества, которые были слишкомъ слабы для того, чтобы вести самостоятельно національно-политическую дѣятельность, но которые въ то же время готовы были поддерживать всякую группу, стремящуюся къ уничтоженію національнаго гнета. Такимъ образомъ, П. П. С. получила возможность привлекать къ себѣ ту интеллигенцію, на которую до сихъ поръ вліяла «Лига». Мало-по-малу самые радикальные элементы, входившіе въ кругъ вліянія «Лиги», покидаютъ ее, примыкая къ П. П. С., что вызвало довольно скоро полное исчезновеніе въ «Лигѣ» ея соціалистическихъ и радикально-экономическихъ симпатій.

Программа основанной «Лигой» національ-демократической партіи, обнародованная въ 1896 году, отражаетъ перемѣну состава сторонниковъ «Лиги». Ея радикализмъ — не только соціальный, но и политическій — успѣлъ сильно поблѣднѣть, а въ органахъ національ-демократической партіи прежнія симпатіи «Лиги» къ соціализму замѣняются явно враждебнымъ отношеніемъ къ П. П. С.

Поскольку моментъ выступленія на арену политической дѣятельности «Лиги» былъ для нея благопріятенъ, постольку условія конца девяностыхъ годовъ, когда организовалась національ-демократическая партія, ставили ее въ очень затруднительное положеніе. Радикальные элементы были для нея уже не доступны, вслѣдствіе быстро усиливавшагося вліянія П. П. С., а среди умѣренныхъ элементовъ польскаго общества господствовало настроеніе, весьма далекое отъ всего того, что имѣло анти-правительственный характеръ.

Смерть Александра III и начало новаго царствованія вызвали оживленіе надеждъ на перемѣну положенія поляковъ въ Россіи. Аристократія и крупная буржуазія, тянущаяся за аристократіей, перешли отъ полной пассивности къ активной политикѣ примиренія («угоды») съ русскимъ правительствомъ. Эта политика велась такъ ловко, она была обставлена такъ эффектно, что даже люди, не сочувствующіе интригамъ и проискамъ «угодовцевъ», не хотѣли имъ мѣшать, полагая, что всетаки эта политика можетъ дать кое-какіе результаты. Понятно поэтому, что при такихъ условіяхъ задача Н. Д. не привлекала къ себѣ большой симпатіи среди умѣренныхъ, ожидавшихъ измѣненія судьбы польскаго народа не отъ подготовленій къ новому возстанію, а отъ милостей, дарованныхъ примирившемуся со своей судьбой польскому народу русскимъ императоромъ.

Только полное крушеніе «угоды», полное разочарованіе польскаго общества въ политикѣ примиренія съ русскимъ правитель-

ствомъ, наступившее въ началѣ текущаго столѣтія, дало новый, сильный толчекъ развитію Н. Д. И вотъ мы видимъ, какъ эта, ничтожная еще такъ недавно, группа превращается очень быстро въ крупную, вліятельную партію. Въ періодъ, не благопріятствовавшій ея росту среди интеллигенціи, Н. Д. направила свои силы въ деревню и завязала тамъ довольно широкія связи среди крестьянъ, не затронутыхъ соціалистической пропагандой, что ей очень пригодилось впослѣдствіи, такъ какъ представляя, благодаря этому, довольно серьезную политическую силу, она тѣмъ легче могла привлекать въ свои ряды недавнихъ сторонниковъ «угоды», когда послѣдняя оказалась совершенно дискредитированной.

Ряды Н. Д. очень быстро пополняются бѣглецами изъ-подъ знамени «угоды». Помѣщики, фабриканты-поляки, значительное количество духовенства и, прежде всего, масса интеллигенціи — вотъ новыя пріобрѣтенія Н. Д., которыя, укрѣпивъ ее матеріально, превратили ее въ очень вліятельную партію.

Конечно, наплывъ въ ряды Н. Д. этихъ элементовъ долженъ былъ очень сильно повліять на измѣненіе характера партіи и ея дѣятельности. Она должна была освободиться отъ остатковъ своего прежняго демократизма и выдвинуть на первый планъ національизмъ въ качествѣ того цемента, который связывалъ бы представителей разнообразныхъ общественныхъ группъ и позволилъ бы имъ выступать согласно подъ однимъ общимъ знаменемъ.

Опираясь на помѣщиковъ, духовенство и фабрикантовъ, Н. Д., конечно, могла уже и мечтать о политикѣ возстанія. Она пускаетъ въ ходъ фразы о возстаніи только въ своихъ популярныхъ изданіяхъ, предназначенныхъ для крестьянъ; что же касается ея органовъ, издаваемыхъ для интеллигенціи, то въ нихъ всякая мысль о возстаніи осуждается самымъ рѣшительнымъ образомъ. «Если бы всякая организація нелегальной дѣятельности фаталистически приводила къ возстанію, то, дѣйствительно, лучше слѣдовало бы приложить усилія къ тому, чтобы по возможности не выходить изъ легальныхъ рамокъ и воздержаться отъ всякой широко организованной тайной дѣятельности»—заявилъ центральный органъ Н. Д. «Всепольское Обозрѣніе».

Изъ партіи демократической Н. Д. превращается въ организацію для защиты классовыхъ интересовъ крупнаго земледѣлія и фабрикантовъ. Въ ея изданіяхъ для крестьянства вы не встрѣтите нигдѣ и намека на эксплуатацію мужика или батрака помѣщикомъ. Все, что только могло бы вызвать антагонизмъ крестьянскаго населенія къ помѣщикамъ, замалчивается самымъ тщательнымъ образомъ. За то на каждомъ шагу подчеркивается все, что можетъ быть истолковано въ пользу общности интересовъ всѣхъ слоевъ польскаго народа. Нестерпимый національный гнетъ, дающій себя чувствовать всему польскому народу, былъ очень умѣло

использованъ Н. Д. для пропаганды «національнаго единства» и затемненія классовыхъ противорѣчій *).

Къ началу русско-японской войны характеръ Н. Д. опредѣлился совершенно ясно. Отъ прежнихъ ея революціонныхъ и демократическихъ стремленій не осталось и слѣда. Она являлась чисто-націоналистической партіей, опирающейся на имущіе классы польскаго общества и дѣйствующей во имя этихъ интересовъ. Когда же наступилъ моментъ революціоннаго подъема, Н. Д. ринулась въ борьбу со всѣми революціонными элементами польскаго общества и прежде всего, конечно, съ П. П. С.

IV.

Воззваніе «Лиги» (представляющей собою руководящій органъ Н. Д.), изданное въ началѣ войны, говоритъ: «Эта война можетъ ускорить внутренній кризисъ и приблизить моментъ реорганизаціи политическаго уклада государства. Наступающій періодъ тяжкой борьбы на Востокѣ принудитъ его измѣнить политику по отношенію къ угнетаемымъ Россіей національностямъ, и спеціально къ нашей націи. Россіи придется считаться съ нами. *Тогда* отъ нашего поведенія, отъ нашего политическаго ума, отъ нашей рѣшительности и энергіи, отъ согласія въ нашихъ національныхъ рядахъ будетъ зависѣть судьба ближайшихъ польскихъ поколѣній. Ожидая этого, момента, мы должны зорко смотрѣть за поведеніемъ всего нашего общества, удерживать его отъ ложныхъ шаговъ и отъ всего того, что могло бы нарушить его равновѣсіе и такимъ образомъ уменьшить его силы. Такую роль играли бы въ теперешнемъ нашемъ положеніи всякія несвоевременныя выступленія: не затрудняя особенно правительства въ его военныхъ дѣйствіяхъ, они ввели бы только дезорганизацію въ собственные наши ряды. Первыя попытки агитаціи въ этомъ направленіи уже появились. Онѣ будутъ, несомнѣнно, повторяться по мѣрѣ военныхъ неудачъ Россіи. Имъ слѣдуетъ противодѣйствовать всѣми силами. Мы не можемъ позволить ни того, чтобы *иностранныя правительства черезъ своихъ агентовъ* вели нашъ народъ въ желательномъ для нихъ направленіи, ни того, чтобы хоть капля польской крови была пролита, благодаря безсмысленнымъ и безполезнымъ выходкамъ собственныхъ нашихъ незрѣлыхъ элементовъ».

Это воззваніе «Лиги», такъ еще недавно слывшей самой революціонной организаціей, снискало полное одобреніе «Варшавскаго Дневника», «Новаго Времени» и т. п. органовъ печати, точно такъ же оперировавшихъ фразами объ «агентахъ иностранныхъ правительствъ» и т. д. Н. Д. осталась вѣрной лозунгу, формулирован-

*) Подробно объ этой эволюціи Н. Д. я говорю въ своей книгѣ «Современная Польша и ея политическія стремленія» Спб. 1906 г.

ному «Лигой». Борьба съ революціонными проявленіями польской жизни заняла центральный пунктъ въ ея дѣятельности.

Между тѣмъ, количество этихъ проявленій постепенно возрастало, при чемъ усиливалась и ихъ интенсивность. Дѣятельность П. П. С. давала націоналъ-демократамъ обильную пищу для антиреволюціонной агитаціи, особенно съ осени 1904 г., когда манифестаціонное движеніе, организованное П. П. С., разлилось по всему краю, проникая въ самые отдаленные уголки Царства Польскаго и подготовляя народныя массы къ болѣе серьезнымъ выступленіямъ. Вооруженная демонстрація П. П. С. въ Варшавѣ на Гжыбовской площади (13-го ноября 1904 г), вызвавшая сильное броженіе среди рабочихъ и оппозиціонной интеллигенціи, вывела руководящіе круги Н. Д. изъ себя. Ихъ органъ писалъ по поводу этой демонстраціи, отбросивъ всякія дипломатическія фразы: «Дѣятельность П. П. С. въ послѣднее время производитъ такое впечатлѣніе, какъ будто ея направленіе зависитъ отъ какихъ-то косвенныхъ вліяній—*англійскихъ,* а можетъ быть даже *японскихъ,* отъ какихъ-то обязательствъ, съ которыми она принуждена считаться». Мы видимъ, что обвиненія, брошенныя въ лицо русскому освободительному движенію «Московскими Вѣдомостями», были подхвачены Н. Д. и направлены противъ П. П. С.

Всеобщая забастовка, охватившая съ стихійной силой всѣ безъ исключенія польскіе города и промышленные центры послѣ петербургскихъ событій 9-го января 1905 г., вызвала новую мобилизацію силъ Н. Д. противъ революціоннаго движенія въ Польшѣ и, въ частности, противъ П. П. С. Борьбу съ послѣдней Н. Д. ведетъ въ двухъ направленіяхъ. Во-первыхъ, она старается дискредитировать движеніе въ глазахъ интеллигенціи, а затѣмъ возбудить противъ него темныя массы, эксплуатируя ихъ религіозный фанатизмъ и расовыя предубѣжденія. Для противодѣйствія революціонному движенію среды массъ Н. Д. создаетъ специальный «Національный рабочій союзъ» изъ черносотенныхъ элементовъ.

Чтобы дискредитировать движеніе, Н. Д. старается распространять слухи о томъ, что оно является результатомъ интриги враждебныхъ польскому обществу элементовъ. По поводу январской забастовки «Всепольское Обозрѣніе» писало: «Пробуждать въ такой моментъ, какъ настоящій, классовую борьбу это значитъ ослаблять или уничтожать настоящую политическую дѣятельность. Это прямое преступленіе по отношенію къ обществу, это дѣло *русскихъ агентовъ* или невмѣняемыхъ личностей». Забастовки сельскохозяйственныхъ рабочихъ, организованныя П. П. С., по словамъ органовъ Н. Д., были вызваны *русскими шпіонами.* Это писалось для интеллигенціи. Въ изданіяхъ же, предназначающихся для народныхъ массъ, Н. Д. ничѣмъ рѣшительно не стѣснялась. Вотъ, напр., что писалъ «Факелъ», органъ «Національнаго рабочаго союза»: «Въ настоящее время выгоднѣе всего для евреевъ, чтобы въ русскомъ

государствѣ господствовала постоянная смута. Они вызываютъ ее всегда тамъ, гдѣ ее легче всего вызвать: въ Польшѣ, на Кавказѣ и въ другихъ краяхъ, населенныхъ нерусскими. Москали не поддаются, а мы становимся орудіемъ, защищающимъ еврейскіе интересы. Евреямъ все равно, господствуетъ ли въ нашемъ краѣ нужда или нѣтъ. Они надѣются, что правительство, устрашенное постоянными возмущеніями, дастъ имъ значительныя льготы, упразднитъ запрещеніе евреямъ жить въ Россіи, и тогда евреи преспокойно уѣдутъ себѣ изъ нашего раззореннаго и стонущаго подъ московскимъ гнетомъ края и разбѣгутся по всей Россіи». «Соціалисты служатъ московскимъ соціалистамъ и по первому кивку изъ Москвы или Петербурга готовы посылать сотни поляковъ подъ московскія пули и сабли, готовы обрекать на голодъ и нужду все рабочее населеніе»—говорится въ одномъ изъ первыхъ воззваній «Національнаго рабочаго союза». «Они ненавидятъ церковь Христову и католическую религію»—говоритъ объ агитаторахъ П. П. С. тотъ же «Союзъ».

Н. Д. превратилась, въ концѣ концовъ, въ организацію, сплотившую всѣ контръ-революціонные элементы Польши. Однако, до 17-го октября для нея почти недоступна была легальная почва контръ-революціонной дѣятельности. Ее изданія печатались и распространялись по большей части нелегально, главные ея вожаки оставались эмигрантами, и правительственныя власти относились къ нимъ, какъ, къ элементу революціонному. Послѣ 17-го октября положеніе Н. Д. круто измѣнилось. Правда, ея національная дѣятельность, особенно въ деревнѣ, гдѣ Н. Д. организовала борьбу за фактическое осуществленіе юридически (т. е. на бумагѣ) существовавшаго равноправія польскаго языка въ гминномъ самоуправленіи, преслѣдовалась по прежнему; ея представителей уѣздныя власти сажали десятками въ кутузку, но это было уже совсѣмъ не то, что прежде.

Тѣ элементы дѣятельности Н. Д., которые съ точки зрѣнія господствующей въ Царствѣ Польскомъ бюрократіи были революціонны, дѣйствительно подвергались стѣсненіямъ и преслѣдованіемъ. Пропаганда въ пользу замѣны русскихъ вывѣсокъ польскими, бойкотъ руссификаторскихъ учебныхъ заведеній, требованіе автономіи—все это разсматривалось въ варшавскихъ канцеляріяхъ, какъ проявленіе «революціоннаго духа», какъ подготовка къ «отторженію Царства Польскаго отъ Россіи». Но все то, что исходило изъ лагеря націоналъ-демокротовъ и направлялось противъ революціоннаго движенія, могло распространяться совершенно безвозбранно. Ежедневный органъ Н. Д. въ Варшавѣ, «Гонецъ» воспользовался «свободой печати», чтобы втоптать въ грязь своихъ политическихъ противниковъ, опять загнанныхъ въ подполье. На митингахъ и собраніяхъ въ провинціи, особенно въ маленькихъ мѣстечкахъ и въ деревняхъ, націоналъ-демократы открыто возбуждали толпу къ избіенію

соціалистовъ, что и происходило кое-гдѣ спорадически. Одинъ изъ органовъ Н. Д., «Слово Польское», писалъ, что революціонное движеніе слѣдуетъ уничтожать «всѣми средствами, какими только располагаетъ общество, не отказываясь отъ самыхъ крайнихъ. Мы боимся возбуждать внутренніе раздоры, мы боимся, что вспыхнетъ братоубійственная война... Разложеніе, однако, распространяется все шире, оно проникаетъ все глубже въ самую сердцевину общества. Насталъ крайній моментъ, когда слѣдуетъ предпринять борьбу съ анархіей не на животъ, а на смерть. Эта борьба должна быть безпощадной, и намъ не нужно бояться, что это будетъ междоусобная борьба».

Такіе взгляды высказывались печатью Н. Д. въ самый разгаръ военнаго положенія. Сокрушить «анархію, т. е. подавить всѣ проявленіе революціоннаго духа, и гарантировать польскому обществу мирное развитіе подъ сѣнью хотя бы самой умѣренной конституціи, позволяющей надѣяться въ болѣе или менѣе отдаленномъ будущемъ на автономію Царства Польскаго—вотъ каковъ былъ лозунгъ Н. Д. въ это время. Онъ какъ нельзя лучше отвѣчалъ политико-соціальнымъ взглядамъ тѣхъ сферъ, которыя стали въ конституціонный періодъ главнымъ оплотомъ Н. Д., т. е. крупныхъ помѣщиковъ и фабрикантовъ, окончательно порвавшихъ всякія связи со штабомъ «угодовцевъ», превратившихся изъ сильной еще такъ недавно партіи въ ничтожную группу, принявшую названіе «партіи реальной политики».

Наканунѣ выборовъ въ Государственную Думу Н. Д. почти дошла до кульминаціонной точки своего развитія. Въ ея лагерѣ очутились всѣ элементы, враждебные революціонному движенію какъ по политическимъ, такъ и по соціальнымъ соображеніямъ. Безсмысленные же преслѣдованія, направленныя противъ Н. Д. со стороны Скалона и всей мѣстной бюрократіи, окружили эту партію ореоломъ мученичества, привлекшихъ къ ней симпатіи и тѣхъ, кто не совсѣмъ мирился съ ея тактикой, но кто въ силу этихъ преслѣдованій видѣлъ въ ней носительницу національныхъ традицій и идеаловъ.

Оттѣснивъ на задній планъ «реальныхъ политиковъ», Н. Д. ринулась въ избирательную борьбу, не опасаясь конкурренціи ни съ чьей стороны.

Соціалистическій лагерь занялъ чисто революціонную позицію, отвергая самую мысль объ участіи въ выборахъ, а «прогрессисты-демократы», попытавшіеся было выступить противъ Н. Д., были величиной настолько ничтожной, что Н. Д. совсѣмъ не приходилось съ ними считаться.

V.

Передъ выборами въ первую Думу въ русскую печать, вообще чрезвычайно плохо освѣдомленную относительно того, что происходитъ въ Польшѣ, проникли слухи о возможности побѣды «прогрессивно-демократической партіи». Слухи эти были основаны на аналогіи. Въ Россіи побѣждали кадеты, слѣдовательно, въ Польшѣ должны были бы одержать побѣду «прогрессисты-демократы». Между тѣмъ въ этомъ случаѣ, какъ и въ другихъ, не было почвы для аналогіи между польскими и рускими отношеніями, такъ какъ, сообразно различію соціально-политическихъ условій, польскія и русскія партіи очень мало другъ на друга похожи. Такъ, напр., мы напрасно искали бы среди русскихъ партій партіи, соотвѣтствующей польской Н. Д., которая сплотила въ своихъ рядахъ элементы, входящіе въ Россіи и въ союзъ 17-го октября, и въ партію правового порядка, и въ «Союзъ русскаго народа», рядомъ съ элементами, родственными кадетамъ и партіи демократическихъ реформъ. Даже соціалистическія группы Польши весьма отличны отъ русскихъ С. Д. и С. Р. Что же касается «прогрессистовъ-демократовъ», то они, несмотря на свое тяготѣніе къ кадетамъ, и по существу и, особенно, по своей силѣ и значенію не занимаютъ въ польскомъ обществѣ того мѣста, которое выпало на долю кадетъ въ Россіи.

У польскихъ прогрессистовъ-демократовъ нѣтъ той традиціи, на которую могутъ опираться русскіе кадеты, бывшіе дѣятели земскаго либеральнаго движенія, люди, которые сыграли въ освободительномъ движеніи послѣднихъ двухъ лѣтъ очень крупную роль. Польскіе «прогрессисты-демократы»—это группа, возникшая въ концѣ 1904 г., такъ сказать, изъ ничего. Первоначально это былъ кружокъ интеллигенціи, стоящій очень близко къ П. П. С. и оказывавшій ей нѣкоторыя услуги, не играя при этомъ никакой рѣшающей роли. Вооруженная демонстрація на Гжабовской площади, организованная П. П. С. 13-го ноября 1904 г., дала первый толчекъ выдѣленію организованной группы П. Д. Колосальное впечатлѣніе, произведенное этой демонстраціей, вызвало извѣстное броженіе среди тяготѣвшей къ соціализму интеллигенціи, которая рѣшила подготовить почву для реализаціи пріобрѣтеній революціоннаго движенія.

Руководящая идея заключалась въ слѣдующемъ. Демонстрація на Гжабовской площади и послѣдовавшія затѣмъ аналогичныя проявленія революціоннаго движенія указывали на то, что революціонной организаціи удастся въ недалекомъ будущемъ добиться кое-какихъ уступокъ отъ правительства. Между тѣмъ руководительница этого движенія—П. П. С.—является партіей «непримиримыхъ», она стремится къ созданію самостоятельной демократиче-

ской республики. Конечно, этой цѣли въ самомъ ближайшемъ будущемъ достигнуть невозможно, поэтому слѣдуетъ выставить требованія, на осуществленіе которыхъ можно было бы надѣяться еще въ періодъ переживаемаго Россіей кризиса. Такимъ требованіемъ явилась автономія Царства Польскаго, выработанная учредительнымъ сеймомъ въ Варшавѣ, выбраннымъ на основаніи всеобщей, прямой, равной и тайной подачи голосовъ.

Въ качествѣ своей ближайшей цѣли и П. П. С. выставила учредительное собраніе въ Варшавѣ, но это требованіе было формулировано такъ, что изъ него можно было вывести и стремленіе къ полному отторженію Польши отъ Россіи. Формула П. Д. исключала такую постановку вопроса, высказываясь совершенно недвусмысленно въ пользу дальнѣйшей общей государственной жизни Царства Польскаго съ Россіей. Политическая программа П. Д. была, какъ мы видимъ, заимствована у П. П. С. и только пріурочена къ требованіямъ ближайшаго момента. Въ силу этого она не могла пріобрѣсти себѣ сторонниковъ внѣ того круга радикальной интеллигенціи, который тяготѣлъ къ П. П. С., но вмѣстѣ съ тѣмъ не принималъ активнаго участія въ ея дѣятельности. Этотъ кругъ былъ очень немногочисленъ, вслѣдствіе чего и П. Д. въ качествѣ самостоятельной организаціи оставалась очень слабой группой, которая если и имѣла извѣстное значеніе, то исключительно благодаря тому обстоятельству, что въ ея рядахъ очутились люди, пользующіеся вліяніемъ въ качествѣ крупныхъ литературныхъ силъ, какъ А. Свентоховскій, В. Сѣрошевскій. Какъ группа слабая, не опирающаяся на массы, прогрессивная демократія не могла играть самостоятельной политической роли. Въ своей тактикѣ она шла съ соціалистами и поддерживала ихъ стремленія по мѣрѣ возможности.

Однако, очень скоро между П. Д. и П. П. С. возникъ разладъ, который привелъ къ выходу изъ рядовъ первой людей, наиболѣе близкихъ ко второй (между прочимъ, В. Сѣрошевскаго, который еще въ первые «дни свободы» заявилъ о своей принадлежности къ П. П. С.) и вызвалъ среди П. Д. первые признаки «отрезвленія». Въ то время, какъ весь соціалистическій лагерь рѣшилъ бойкотировать и Думу, и выборы въ нее, П. Д. заявили въ своихъ органахъ, что они примутъ участіе въ выборахъ.

Депутаты, посланные П. Д. въ Думу, должны были бы тамъ протестовать противъ ограниченнаго избирательнаго права, поддерживать русскихъ оппозиціонеровъ въ ихъ попыткахъ, направленныхъ къ преобразованію Россіи въ конституціонномъ духѣ, и заботиться, чтобы при такомъ преобразоованіи государственнаго уклада Россіи Царство Польское получило автономію съ учредительнымъ сеймомъ для мѣстныхъ дѣлъ. Въ случаѣ, если бы депутатамъ П. Д. не удалось добиться такой автономіи для Царства Польскаго, они должны были покинуть Думу.

Такая постановка дѣла вызвала раздраженіе среди бойкотировавшихъ Думу соціалистическихъ партій, которыя обрушились на прогрессивныхъ демократовъ, называя ихъ «измѣнниками», «сторонниками контръ-революціи» и т. д. Это, а еще больше сознаніе полнаго безсилія, заставило П. Д. отказаться отъ участія въ выборахъ, причемъ отказъ былъ мотивированъ невозможностью вести избирательную кампанію при военномъ положеніи. Однако, не всѣ члены группы П. Д. такъ легко разстались съ надеждой увидѣть себя въ Таврическомъ дворцѣ. Отъ П. Д. откололось нѣсколько лицъ, которыя рѣшили принять участіе въ выборахъ въ качествѣ совершенно самостоятельной «партіи» — «Демократическій Союзъ»,—которая, впрочемъ, рѣшительно ничѣмъ не отличалась отъ П. Д., кромѣ своего личнаго состава. Извѣстія о побѣдахъ кадетъ въ Россіи подѣйствовали опьяняюще на П. Д. Они еще разъ мѣняютъ свое рѣшеніе и приступаютъ къ выборамъ.

И вотъ у Н. Д. появился соперникъ, впрочемъ, какъ и слѣдовало ожидать, совершенно не опасный. На кого могли разсчитывать П. Д.? Соціалистическіе элементы, какъ христіанскіе, такъ и еврейскіе, бойкотировали выборы. Буржуазія, какъ крупная, такъ и мелкая, не говоря уже о помѣщикахъ, была въ лагерѣ Н. Д. Интеллигенція, примыкавшая непосредственно къ П. Д., была очень немногочисленна, да и она раскололась, потому что «Демократическій Союзъ» выставилъ собственныхъ кандидатовъ. Среди крестьянъ у П. Д. не было никакихъ связей. Ихъ программа, составленная изъ общихъ прогрессивныхъ и демократическихъ фразъ, наврядъ ли могла увлечь кого-нибудь, стоящаго правѣе элементовъ, бойкотировавшихъ выборы. Единственная группа, на голоса которой могли разсчитывать П. Д.—это была та часть еврейскаго населенія, которая не бойкотировала выборовъ, какъ еврейскій пролетаріатъ, но не могла выбирать и націоналъ-демократовъ, какъ явныхъ антисемитовъ. И вотъ П. Д. входятъ въ соглашеніе съ евреями, обязуясь поддержать кандидатуру еврея въ Варшавѣ, выбирающей двухъ депутатовъ.

Н. Д., указывая на фактъ союза П. Д. съ евреями, постарались выяснить его широкимъ кругамъ избирателей, какъ доказательство того, что прогрессисты-демократы «не хотятъ допустить выбора въ Варшавѣ поляка». Вмѣстѣ съ тѣмъ избирательныя воззванія Н. Д. особенно въ провинціи, гдѣ не приходилось стѣсняться соображеніями, принимаемыми во вниманіе въ Варшавѣ, были полны антисемитскихъ выходокъ вплоть до угрозъ евреямъ погромами.

Въ самый день выборовъ Н. Д. мобилизовали свою «боевую организацію», которая угрожала револьверами и даже стрѣляла по тѣмъ, кто пытался нарушить «національную гармонію», вліяя на избирателей въ неугодномъ для Н. Д. духѣ. Одинъ изъ соціалистическихъ агитаторовъ—Куликовскій—былъ убитъ на мѣстѣ за то, что онъ сорвалъ націоналъ-демократическое воззваніе.

Много было избитыхъ. Впрочемъ, оказалось, что всѣ эти выходки были совершенно излишни, такъ какъ противники Н. Д. получили очень незначительное количество голосовъ даже въ Варшавѣ. Въ провинціи побѣда Н. Д. была блестящей. Всѣ депутатскія полномочія Царства Польскаго очутились въ ея рукахъ, и она явилась въ Государственной Думѣ «единственной представительницей» польской націи.

Депутаты отъ Царства Польскаго (за исключеніемъ двухъ литовскихъ націоналистовъ отъ Сувалкской губ.) образовали въ Думѣ сплоченную, сильную своей дисциплинированностью фракцію «Польское Коло», соотвѣтствующее такимъ же организаціямъ въ вѣнскомъ и берлинскомъ парламентахъ. Въ составъ «Коло» вошли депутаты, кандидатуры которыхъ были подобраны руководящими органами Н. Д. такимъ образомъ, чтобы получилось впечатлѣніе, что «Коло» является дѣйствительно представительствомъ всего польскаго общества. Среди членовъ «Польскаго Коло» мы видимъ и магнатовъ вродѣ Замойскаго и Тышкевича, и средней руки помѣщиковъ, представителей буржуазіи и профессіональной интеллигенціи, наконецъ, священниковъ, крестьянъ и даже одного рабочаго. Подборъ былъ сдѣланъ очень умѣло. Однако, руководители «Лиги» позаботилось и еще кое о чемъ. Въ качествѣ кандидатовъ были выдвинуты люди средніе, рѣшительно ничѣмъ не выдающіеся. Среди членовъ «Коло» не было ни одного крупнаго политическаго дѣятеля. Это были пѣшки, безпрекословно исполнявшія распоряженія руководителей Н. Д. и дѣйствовавшія замѣчательно солидарно.

Роль «Польскаго Коло» въ Государственной Думѣ была довольно курьезна, такъ какъ случайная политическая коньюнктура заставляла его держаться образа дѣйствій, совершенно противорѣчащаго его внутреннему характеру. «Коло» было, въ сущности, представительствомъ крупнаго землевладѣнія по преимуществу. Вслѣдствіе этого его естественными союзниками являлись группы правой, точно такъ же реакціонныя, какъ и подавляющее большинство членовъ «Кола». Между тѣмъ, родственные по духу послѣднимъ русскіе депутаты являлись принципіальными противниками автономіи Царства Польскаго. Вслѣдствіе этого, польскимъ націоналъ-демократамъ пришлось сблизиться съ кадетами, аграрный проектъ которыхъ вызывалъ искренній ужасъ въ большинствѣ членовъ «Кола». Мало того, «Коло» пыталось было заигрывать и съ «трудовиками».

Обстоятельства сложились такимъ образомъ, что «Коло» должно было поддерживать кадетъ, потому что только этимъ путемъ оно могло пріобрѣсти вліятельныхъ союзниковъ по вопросу объ автономіи. Члены «Кола» были настолько дисциплинированы, что, не смотря на всю свою антипатію къ «безсмысленнымъ», «варварскимъ» (какъ писалъ ихъ органъ «Dzwon Polski») проектамъ ка-

детъ по аграрному вопросу, они оффиціально высказались въ пользу принудительнаго отчужденія помѣщичьей земли.

«Польское Коло» съ поразительной выдержкой симулировало искреннихъ союзниковъ кадетской оппозиціи въ Думѣ вплоть до ея разгона. И только тогда, когда дѣло дошло до подписей членовъ «Польскаго Кола» подъ выборгскимъ воззваніемъ, они рѣшительно заявили, что дальше не пойдутъ рука объ руку съ кадетами.

VI.

Между тѣмъ, въ Царствѣ Польскомъ господствовало военное положеніе, затормазившее нормальную жизнь края, но совершенно безсильное въ области противодѣйствія революціонному движенію и проявленіямъ классовой борьбы, охватившей польскіе города и деревни.

И революціонное движеніе, и классовая борьба до крайности обострились. Стачечное движеніе—на этотъ разъ чисто экономическое по своему характеру—опять приняло громадные размѣры. Въ Варшавѣ и въ Лодзи, въ Домбровскомъ каменноугольномъ раіонѣ и въ восточной малопромышленной части Царства Польскаго забастовки охватываютъ десятки тысячъ ремесленныхъ и промышленныхъ рабочихъ. П. П. С., «Соціалъ-демократія Царства Польскаго» и «Бундъ» организуютъ эту борьбу съ одинаковой энергіей. Кое-гдѣ рабочимъ удается добиться значительныхъ уступокъ, но кое-гдѣ фабриканты, объединившіеся въ «Союзъ промышленниковъ», рѣшаютъ не уступать и пускаютъ въ ходъ уже испытанное средство—локаутъ. Въ Лодзи къ локауту то и дѣло прибѣгаютъ крупные промышленники, закрывая на недѣли и мѣсяцы фабрики и заводы. Это вызываетъ крайнее ожесточеніе голодающей рабочей массы и въ результатѣ не рѣдко единичные случаи террористическихъ покушеній на фабрикантовъ, директоровъ фабрикъ и мастеровъ. Профессіональные союзы стараются урегулировать экономическую борьбу, но это не всегда удается—тѣмъ болѣе, что этимъ союзамъ приходится дѣйствовать нелегально въ виду военнаго положенія.

Весенняя забастовка сельскохозяйственныхъ рабочихъ, организованная П. П. С. въ тысячѣ слишкомъ помѣстій и закончившаяся либо полной, либо частичной побѣдой стачечниковъ, оживляетъ польскую деревню и заставляетъ помѣщиковъ сплотиться для противодѣйствія экономической борьбѣ сельскаго пролетаріата. Возникаютъ сильныя организаціи владѣльцевъ крупной земельной собственности, и отношенія между батраками и крестьянами еще больше обостряются.

Между тѣмъ революціонное движеніе, всецѣло вогнанное въ подполье, не только не затихаетъ, но разгорается все сильнѣе и

сильнѣе. Несмотря на постоянные аресты, ряды руководителей движенія нисколько не рѣдѣютъ. Даже слабая, по сравненію съ П. П. С., «Соціалъ-демократія Царства Польскаго» замѣтно усиливается, распространяя свою организацію изъ крупныхъ промышленныхъ центровъ на болѣе мелкіе и создавая нѣсколько регулярно выходящихъ нелегальныхъ органовъ печати. Что же касается П. П. С., то она развиваетъ поистинѣ изумительную дѣятельность въ этой области. Сѣть ея организацій охватываетъ самыя мелкія захолустныя мѣстечки. Несмотря на всѣ ужасы военнаго положенія, ея организаціи по городамъ, мѣстечкамъ и деревнямъ развиваются вполнѣ правильно, воздѣйствуя на сотни тысячъ. «Работникъ», нелегальный центральный органъ П. П. С., издается въ Варшавѣ ежедневно и, несмотря на всѣ усилія властей, расходится въ 30.000 экземплярахъ. Кромѣ «Работника», П. П. С. издаетъ нелегально около полутора десятка мѣстныхъ органовъ печати въ Лодзи, Домбровѣ, Радомѣ, Сѣдлецѣ, Люблинѣ, Калишѣ и т. д., на польскомъ языкѣ, по-нѣмецки (для лодзинскихъ нѣмецкихъ рабочихъ) и на еврейскомъ жаргонѣ, а также по-русски («Солдатская Доля»). Нелегальные митинги, конференціи, съѣзды и т. д. стали обычнымъ явленіемъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ разгорается террористическая борьба, которая принимаетъ массовый характеръ. Факты избіенія шпіоновъ и полицейскихъ чередуются съ покушеніями на должностныхъ лицъ, организованными нападеніями на правительственныя кассы, поѣзда, везущіе казенные деньги, и т. д. Боевыя дружины П. П. С. дѣйствуютъ при этомъ съ поразительной организованностью, съ чисто военной выправкой, по тщательно выработанному плану, снабженные въ достаточномъ количествѣ оружіемъ и взрывчатыми снарядами.

Все это свидѣтельствуетъ, что о замиреніи края не могло быть и рѣчи. Всѣ усилія русскихъ властей въ этомъ направленіи оказались совершенно безплодными. Мало того, отъ ихъ вниманія, направленнаго исключительно на искорененіе революціонеровъ, совершенно ускользнуло развивающееся не по днямъ, а по часамъ разбойничество, принявшее во многихъ мѣстностяхъ колоссальные размѣры. Вооруженные бандиты, среди бѣла дня нападающіе на усадьбы помѣщиковъ, дома священниковъ, всякія кассы и частныхъ лицъ, стали въ Царствѣ Польскомъ чѣмъ-то совершенно обычнымъ, а населеніе, лишенное возможности защищаться отъ нападеній, вслѣдствіе запрета имѣть оружіе, явилось безсильной жертвой этихъ шаекъ, прикрывающихся сплошь и рядомъ фирмами революціонныхъ партій.

Обострившаяся классовая борьба въ городахъ и деревняхъ, ростъ революціоннаго движенія, экономическій кризисъ, ужасъ военнаго положенія и развитое разбойничество — все это создало условія, въ высшей степени тягостныя для большинства населенія. На почвѣ этихъ условій возникаетъ реакція значительной части

польскаго общества противъ революціи и революціонныхъ партій. П. Д. открыто выступаетъ противъ этихъ послѣднихъ и окончательно порываетъ всякую связь съ ними. Въ органѣ Свентоховскаго — «Pravda» — попадаются статьи, которыя съ торжествомъ перепечатываютъ изданія Н. Д. Не переставая враждовать съ послѣдней и подвергать рѣзкой критикѣ ея дѣятельность, прогрессисты-демократы, тѣмъ не менѣе, сближаются съ ней на почвѣ осужденія непримиримо-революціонной тактики П. П. С., а правое ихъ крыло въ лицѣ «Демократическаго Союза», переименовавшагося въ «Польскую прогрессивную партію», образовало группу, переходную между П. Д. и Н. Д.

Прогресисты, слишкомъ слабые для того, чтобы соперничать съ Н. Д. на политическомъ поприщѣ, взялись—вмѣстѣ съ нѣкоторыми, тяготѣющими къ соціализму элементами — за культурную работу, противопоставляя націоналъ-демократическимъ организаціямъ собственныя.

И слѣдуетъ замѣтить, что и въ этой области Н. Д. дѣйствовала и дѣйствуетъ съ большой энергіей. Подъ ея патронатомъ возникла «Школьная Матица»—учрежденіе, задачей котораго является организація частныхъ польскихъ народныхъ и среднихъ учебныхъ заведеній, вмѣсто бойкотируемой правительственной руссификаторской школы. «Школьная Матица» привлекла къ себѣ симпатіи громаднаго круга лицъ, какъ первое предпріятіе въ этомъ родѣ. Отдѣленія «Матицы» стали возникать повсюду, не исключая самыхъ захолустныхъ мѣстечекъ. Въ ихъ организаціи приняли самое живое участіе помѣщики и духовенство. Явились крупныя средства, и дѣло созданія частныхъ польскихъ народныхъ и среднихъ учебныхъ заведеній оказалось поставленнымъ на широкую ногу. Несмотря на всѣ стѣсненія, которыми сопровождается каждый шагъ «Матицы», ей удалось создать рядъ гимназій и реальныхъ училищъ, множество народныхъ школъ, дѣтскихъ пріютовъ, библіотекъ и читаленъ, курсовъ для рабочихъ, дополнительныхъ курсовъ для взрослыхъ и т. д. Понятно, забравъ въ свои руки дѣло народнаго просвѣщенія, Н. Д. постаралась придать ему свойственный партіи характеръ, обезпечивъ, между прочимъ, за католическимъ духовенствомъ сильное вліяніе на школы «Матица».

Прогресисты противопоставили «Матицѣ» организацію «Свѣтъ», которая задалась аналогичными цѣлями. Параллельно съ созданными «Матицей» курсами для взрослыхъ-неграмотныхъ и народными университетами возникли такія же организаціи подъ эгидой прогрессистовъ. И въ этомъ отношеніи ими сдѣлано не мало. Затѣмъ они создали «Общество высшихъ научныхъ курсовъ» — суррогатъ частнаго польскаго университета и частнаго польскаго политехническаго института. Не располагая и горстью опытныхъ политиковъ, прогрессисты, какъ культурные дѣятели, могли противопоставить Н. Д. фалангу серьезныхъ работниковъ. Они успѣшно борятся съ

клерикализмомъ Н. Д., съ ихъ заскорузлыми взглядами въ области народнаго просвѣщенія и т. д. Цѣлый рядъ варшавскихъ и провинціальныхъ органовъ прогрессистовъ нейтрализируетъ вліяніе Н. Д., распространяющееся самыми разнообразными путями.

Помѣщики, примыкающіе къ Н. Д., энергично занялись организаціей «земледѣльческихъ кружковъ» по образцу познанскихъ и галиційскихъ, привлекая этимъ путемъ на свою сторону зажиточныхъ крестьянъ. Земледѣльческіе кружки, организуя самопомощь крестьянства на почвѣ экономической жизни, сближаютъ ихъ съ помѣщиками, являющимися піонерами хозяйственнаго прогресса зажиточнаго крестьянства, ихъ инструкторами въ области улучшенія методовъ земледѣлія, скотоводства, мелкой торговли и т. д. Этимъ путемъ Н. Д. создаетъ въ зажиточномъ крестьянствѣ сильный оплотъ противъ соціалистическихъ идей, распространяющихся среди бѣднаго крестьянства и сельскаго пролетаріата. Изъ этой сферы зажиточныхъ крестьянъ вышли крестьяне-депутаты первой Думы, Мантерысъ и Наконечный.

Націоналъ-демократы организовали гимнастическое общество «Соколъ» — тоже по образцу галиційскаго и познанскаго, задачей котораго, кромѣ физическихъ упражненій, было образовать кадры дисциплинированныхъ дружинниковъ, готовыхъ силой содѣйствовать распространенію вліянія Н. Д. «Соколъ» долженъ былъ стать легальной организаціей, аналогичной нелегальному «Національному рабочему союзу», представляющему нѣчто въ родѣ милиціи Н. Д. «Соколъ» вскорѣ былъ закрытъ правительствомъ на все время существованія военнаго положенія въ Царствѣ Польскомъ, но это не помѣшало, конечно, организаціи боевыхъ дружинъ Н. Д. въ иныхъ формахъ.

Н. Д., согласно своему плану, занялась искорененіемъ «крамолы» въ Царствѣ Польскомъ во всѣхъ ея видахъ. Для борьбы со стачечнымъ движеніемъ Н. Д. отдаетъ въ распоряженіе фабрикантовъ и помѣщиковъ свои боевыя дружины. Послѣднія исполняютъ службу стражи, не допускающей въ фабрики и деревни соціалистическихъ агитаторовъ, разгоняя соціалистическіе митинги, нападая на рабочихъ-соціалистовъ и силой удаляя ихъ съ фабрикъ. Во всемъ Царствѣ Польскомъ, а особенно въ тѣхъ мѣстностяхъ и промышленныхъ заведеніяхъ, въ которыхъ Н. Д. удалось пріобрѣсти вліяніе, фабриканты массами разсчитываютъ рабочихъ, заподозрѣнныхъ въ участіи въ соціалистическихъ организаціяхъ. Разсчитанныхъ рабочихъ силой удаляютъ боевыя дружины и «Соколы» Н. Д. Пабьяницы, Озерковъ, Домброво, Заверце, Сосновицы и особенно Лодзь являются ареной кровопролитныхъ стычекъ на этой почвѣ, такъ какъ рабочіе-соціалисты въ отместку удаляютъ изъ фабрики членовъ «Національнаго рабочаго союза». Эта междоусобная борьба, вызванная Н. Д., ведетъ къ такимъ послѣдствіямъ, какъ, напр., закрытіе всѣхъ фабрикъ въ Люблинѣ до тѣхъ поръ, пока удаленные «на-

ціональные рабочіе» не были допущены соціалистами обратно на работу.

Аналогичныя явленія происходятъ и по деревнямъ, гдѣ отряды національ-демократическихъ дружинниковъ стрѣляютъ по бастующимъ батракамъ. По отношенію къ симпатизирующей соціализму интеллигенціи практикуется систематическій бойкотъ. Съ фабрикъ, заводовъ, помѣщичьихъ экономій и лѣсничествъ интеллигенты-соціалисты удаляются десятками подъ давленіемъ Н. Д., старающейся повсюду провести своихъ сторонниковъ.

Въ борьбѣ съ соціализмомъ и соціалистами Н. Д. не гнушается ничѣмъ. Ея органъ «Dzwon Polski» пишетъ откровенно: «Отношеніе соціалистическихъ партій къ обществу не будетъ отношеніемъ лагеря, ведущаго политическую борьбу съ другими лагерями, это будетъ отношеніе людей, которые нравственно оторвались отъ общества, какъ отрывается отъ нея ренегатъ или обыкновенный злодѣй». Выведя такимъ образомъ за національныя скобки соціалистовъ, Н. Д. пользуется противъ нихъ всѣми ей доступными средствами—вплоть до доноса. Чтобы не быть голословнымъ, я приведу здѣсь отрывокъ изъ статьи «Слова Польскаго» (№ 433 т. г.), одного изъ главныхъ органовъ Н. Д., издающагося во Львовѣ. Эта статья заключаетъ въ себѣ двойной доносъ: на эмигрантовъ изъ Царства Польскаго въ Галиціи и на австрійскихъ чиновниковъ, якобы поддерживающихъ революціонное движеніе въ Царствѣ Польскомъ. Вотъ что пишетъ «Слово Польское»:

«По отношенію къ революціонному движенію въ русскомъ государствѣ австрійская бюрократія сыграла весьма двусмысленную роль. Доставка въ огромномъ количествѣ оружія въ Царство Польское и въ Россію производилась черезъ Галицію. Черезъ Подволочискъ прошелъ транспортъ пулеметовъ. Правительственныя фабрики продавали оружіе и патроны въ количествѣ, доказывающемъ, что это не частные заказы. Во Львовѣ происходитъ съѣздъ польскихъ революціонеровъ при участіи около двухсотъ лицъ. Совѣщанія съѣзда продолжаются цѣлую недѣлю, а то, пожалуй, и дольше, они происходятъ въ публичномъ зданіи, о нихъ громко разсуждаютъ политическіе сплетники по кофейнямъ, только полиція ничего объ этомъ не знаетъ и узнаетъ только спустя нѣсколько недѣль. Если этотъ недостатокъ въ любопытствѣ сопоставить съ фактомъ (!!), что на этомъ конгрессѣ было ассигновано 10.000 кронъ для «снисканія» чиновниковъ и агентовъ полиціи, поневолѣ возникнутъ разныя подозрѣнія. Послѣднія находятъ подтвержденіе въ извѣстныхъ фактахъ, что при перевозкѣ оружія революціонерамъ дѣятельно помогали даже жандармы и особенно финансовыя стражники, послѣдніе формально принадлежатъ къ соціалистической организаціи».

Когда этотъ неслыханный документъ (написанный г. Романомъ Дмовскимъ, самымъ виднымъ руководителемъ Н. Д.) былъ встрѣ-

чемъ взрывомъ негодованія въ соціалистической печати, варшавскій органъ Н. Д. отвѣтилъ цинично въ редакціонной статьѣ: «Тутъ ничего не помогутъ патетическія нареканія и лицемѣрное негодованіе. Вы, господа, можете кричать сколько угодно о доносахъ и слѣженіи за вами. А мы, несмотря на все это, не перестанемъ смотрѣть вамъ на пальцы и парализовать ваши руки, какъ мы это вотъ ужъ больше 20 лѣтъ дѣлаемъ».

Крайне реакціонная по своему существу, Н. Д. въ тоже самое время не перестаетъ быть партіей анти-правительственной, что привлекаетъ къ ней малосознательные политически элементы и изъ числа тѣхъ, которые не нуждаются въ услугахъ Н. Д. въ области защиты классовыхъ привилегій. Борьба съ руссификаціей и національнымъ гнетомъ, проповѣдуемая Н. Д. — вотъ что позволяетъ ей оказывать вліяніе и на тѣ сферы, которыя стоятъ въ сторонѣ отъ главнаго оплота Н. Д. — помѣщиковъ и фабрикантовъ. Если послѣдніе поддерживаютъ Н. Д. въ качествѣ защитницы ихъ классовыхъ интересовъ, то крестьяне и рабочіе, а также интеллигенція, входящая въ кругъ вліянія націоналъ-демократовъ, идутъ за ней, какъ за той силой, которая стремится уничтожить все то, что мѣшаетъ нормально развиваться польскимъ національнымъ силамъ.

VII.

Если Дума вообще не вызывала въ Польшѣ того интереса въ широкихъ слояхъ населенія, какъ это было въ Россіи, то въ частности рабочій классъ относился къ ней съ совершеннымъ равнодушіемъ и съ явной непріязнью, объясняющейся распространеніемъ того отрицательнаго взгляда на Думу, который высказывали въ Польшѣ всѣ безъ исключенія соціалистическія организаціи. «Дума царскихъ кадетовъ и польскихъ хулигановъ», какъ ее честила «Соціалъ-демократія Царства Польскаго и Литвы» или «Казацкая Дума», какъ выражались органы П. П. С., была крайне непопулярна среди польскихъ рабочихъ массъ, и такой она осталась вплоть до разгона. Польскій пролетаріатъ глубоко проникся убѣжденіемъ, что никакая Дума не дастъ ему ничего, и что онъ долженъ стремиться къ осуществленію своихъ цѣлей путемъ революціонной борьбы. И мы видимъ, что это борьба, уже въ теперешней ея фазѣ (которую революціонныя организаціи разсматриваютъ какъ только подготовительную) приняла весьма острыя формы...

Насколько проникло боевое настроеніе въ широкія рабочія массы, показываютъ октябрьскія событья въ Лодзи и другихъ городахъ лодзинскаго округа. Узнавъ, что по приговору военно-полевого суда разстрѣляно нѣсколько человѣкъ, принадлежавшихъ къ боевой организаціи, рабочіе Лодзи стихійно, безъ всякаго участія партій, бросаютъ работу, и стотысячная масса Лодзи, Пабьяницъ, Згержа,

Здуньской Воли бастуетъ нѣсколько дней въ знакъ протеста. Вся жизнь Лодзи замираетъ. Магазины по требованію рабочихъ закрываются, конки и извозчики исчезаютъ. Толпа трижды выкапываетъ разстрѣлянныхъ товарищей. И все это происходитъ на виду у солдатъ, казаковъ и властей, совершенно безсильныхъ передъ такими стихійными проявленіями.

Конечно, при такомъ настроеніи рабочихъ массъ не можетъ быть и рѣчи объ увлеченіи выборами въ Думу. Если бъ еще эти выборы давали возможность появиться въ Думѣ сильному отряду депутатовъ, выражающихъ истинные взгляды и дѣйствительное настроеніе рабочихъ, тогда, быть можетъ, послѣдніе и призадумались бы надъ цѣлесообразностью измѣненія тактики. Но это, особенно послѣ пресловутыхъ сенатскихъ «разъясненій», дѣло совершенно невозможное, и П. П. С., отражающая настроеніе широкихъ массъ пролетаріата, опять провозгласила полное воздержаніе отъ выборовъ.

«Соціалъ-демократія Царства Польскаго и Литвы», слившаяся недавно съ Россійской С. Д. Р. партіей, рѣшила подъ вліяніемъ русскихъ товарищей принять участіе въ избирательной борьбѣ, но и она по прежнему настаиваетъ на томъ, что отъ Думы ждать нечего, что избирательной борьбой слѣдуетъ воспользоваться для революціонныхъ цѣлей. И только такая, довольно софистическая, постановка дѣла спасаетъ С. Д. Ц. П. и Л. отъ перспективы быть покинутой и тѣми рабочими, которые до сихъ поръ шли за ней.

Соціалъ-демократія составила блокъ съ «Бундомъ», а кое гдѣ и съ сіонистами-соціалистами, пріобрѣтающими въ послѣднее время довольно сильное вліяніе на еврейскія массы — особенно въ мелкихъ городахъ. Эти три партіи, соединясь, надѣются провести своихъ кандидатовъ въ выборщики, главнымъ образомъ въ Лодзи и въ Варшавѣ, гдѣ еврейское населеніе по своей многочисленности играетъ видную роль — тѣмъ болѣе, что оба эти города выдѣлены въ самостоятельные округа. О шансахъ на успѣхъ этого блока трудно сказать что нибудь опредѣленное, такъ какъ онъ выдвигается на арену впервые. Кромѣ того, его успѣхъ или неуспѣхъ зависитъ отъ цѣлаго ряда обстоятельствъ, учетъ которыхъ въ данный моментъ невозможенъ: отъ той позиціи, какую займутъ правительственныя власти, отъ тактики широкихъ слоевъ еврейскаго населенія, отъ поведенія прогрессистовъ и, наконецъ, отъ образа дѣйствій Н. Д.

Если мы оставимъ въ сторонѣ технику правительственныхъ властей, то намъ придется признать въ Н. Д. самый вліятельный факторъ въ предстоящей избирательной борьбѣ. Не подлежитъ ни малѣйшему сомнѣнію, что въ общемъ исходъ выборовъ зависитъ отъ этой партіи. Она несомнѣнно окажется побѣдительницей и при новыхъ выборахъ, но весьма возможно, что составъ новаго «Коло» будетъ нѣсколько отличаться отъ состава «Коло» распущенной Думы.

Дѣло въ томъ, что въ настоящее время Н. Д. поняла, что ею были допущены при послѣднихъ выборахъ двѣ крупныхъ ошибки. Во-первыхъ, она не допустила въ Думу ни одного еврея, что ее сильно скомпрометтировало передъ лицомъ русскихъ прогрессивныхъ партій. Будучи по существу партіей антисемитской, Н. Д., однако, очень энергически открещивается отъ всякихъ обвиненій въ антисемитизмѣ, особенно «на людяхъ». И вотъ при предстоящихъ выборахъ она, вѣроятно, поспѣшитъ исправить свою ошибку, выставивъ гдѣ-нибудь—по всей вѣроятности въ Лодзи — кандидатуру еврея — конечно, вполнѣ ей угоднаго и вполнѣ надежнаго по своимъ національно-польскимъ убѣжденіямъ. А такой ходъ можетъ оказать большое вліяніе и на поведеніе избирателей евреевъ, распадающихся на цѣлый рядъ группъ—отъ «Бунда» и П. П. С. вплоть до «угодовцевъ». Очень многіе изъ нихъ, поддерживающіе теперь прогрессистовъ, какъ противниковъ антисемитизма Н. Д., несомнѣнно пойдутъ рука объ руку съ послѣдней, если она выставитъ кандидатуру еврея.

Вторая оплошность, которую совершилъ Н. Д., это было недопущеніе ею въ Думу представителей другихъ партій. Н. Д. постаралась, чтобы въ Думѣ были представлены всѣ слои и группы польской національности, но въ концѣ концовъ всѣ депутаты «Польскаго Кола» являлись представителями *одной* партіи, что опять-таки невыгодно отражалось на отношеніи къ «Колу» не польскихъ фракцій. И вотъ теперь въ печати, отражающей взгляды Н. Д., поднимается вопросъ, не было бы ли выгоднѣе для нея, какъ для партіи, если бы въ «Польскомъ Колѣ» рядомъ съ націоналъ-демократами засѣдало извѣстное количество представителей другихъ польскихъ партій. Вопросъ этотъ, повидимому, разрѣшенъ уже въ утвердительномъ смыслѣ. Конечно, Н. Д. оговаривается, что она можетъ «впустить» въ «Польское Коло» угодовцевъ и прогрессистовъ только въ томъ случаѣ, если они подчинятся безпрекословно принципу національной солидарности, обязывающему всѣхъ членовъ «Кола» къ строгому исполненію воли большинства—т. е. иными словами, большинства націоналъ-демократическаго.

«Реалисты», т. е. бывшіе угодовцы, склонны пойти на такой компромиссъ, дающій имъ возможность хоть этимъ путемъ проникнуть въ Думу. «Польская прогрессивная партія» тоже склоняется къ подобному компромиссу, какъ единственному способу сыграть хоть какую нибудь роль. Что же касается «прогрессивно-демократическаго союза», то онъ пока еще крѣпится, но его шансы такъ ничтожны, особенно въ случаѣ появленія еврейскихъ кандидатуръ Н. Д., что и онъ, по всей вѣроятности, въ концѣ концовъ не рѣшиться отвергнуть предложенія Н. Д.

Такимъ образомъ, въ ближайшей Думѣ возможно появленіе «Польскаго Кола», въ которомъ при подавляющемъ большинствѣ Н. Д. будетъ засѣдать нѣсколько представителей «реа-

листовъ» и прогрессистовъ, и, вслѣдствіе этого, націоналъ-демократы будутъ имѣть возможность констатировать фактъ, что «Польское Коло» представляетъ волю не только всѣхъ общественныхъ группъ Царства Польскаго, но и всѣхъ ея «національныхъ» партій. Игра стоитъ свѣчъ во всякомъ случаѣ.

Весьма возможно, что «Польское Коло» въ новой Думѣ значительно усилится и по количеству своихъ голосовъ. Дѣло въ томъ, что въ распущенной Думѣ въ составъ «Польскаго Коло» входили польскіе депутаты исключительно изъ Царства Польскаго въ то время, какъ поляки, выбранные въ Литвѣ и въ Украйнѣ, составили т. н. «Территоріальное Коло»—организацію весьма неустойчивую, слабую, благодаря отсутствію внутренней сплоченности, и очень разношерстную. Достаточно сказать, что въ нее входили, съ одной стороны, поляки кадеты: Янчевскій и Ледницкій, а съ другой—такіе крайніе аграріи, какъ Скирмундъ и гр. Потоцкій. «Территоріальное Коло» было организаціей довольно неудачной и лишенной всякаго значенія въ Думѣ. Н. Д., которая и при первыхъ выборахъ агитировала въ пользу образованія одного «Польскаго Коло», въ составъ котораго вошли бы всѣ депутаты-поляки, а не только избранные въ Царствѣ Польскомъ, воспользовалась фактомъ безсилія «Территоріальнаго Кола» и въ настоящее время усиленно агитируетъ въ пользу осуществленія идеи единаго польскаго клуба въ Думѣ.

Слѣдуетъ замѣтить, что за послѣднее время Н. Д. пріобрѣла довольно значительное вліяніе и въ Литвѣ, и въ Украйнѣ. Возрожденіе польскаго элемента въ этихъ двухъ провинціяхъ, гдѣ онъ еще не такъ давно считался совершенно нелегальнымъ, идетъ довольно быстрыми шагами. Въ Вильнѣ возникла польская печать, располагающая въ настоящее время пятью органами, въ томъ числѣ двумя для крестьянъ и однимъ для рабочихъ, возродился постоянный польскій театръ, образовался цѣлый рядъ польскихъ обществъ самаго различнаго характера и т. д. То же самое наблюдается и въ Украйнѣ. Н. Д. и въ Кіевѣ, и въ Вильнѣ издаетъ вліятельные органы печати, успѣшно воздѣйствующіе на польское населеніе въ ея духѣ. Сторонники Н. Д. захватили въ свои руки цѣлый рядъ польскихъ культурныхъ организацій Литвы и Украйны и, благодаря всему этому, а прежде всего, вслѣдствіе не перестающаго давать себя чувствовать полякамъ національнаго гнета, они оказываютъ постоянно усиливающееся вліяніе на политическіе взгляды мѣстнаго польскаго общества.

Идея одного «Польскаго Кола» пріобрѣтаетъ все больше и больше сторонниковъ, и если въ ближайшей Думѣ она еще не осуществится вполнѣ, то во всякомъ случаѣ извѣстное количество польскихъ депутатовъ изъ Литвы и Украйны присоединится къ депутатамъ отъ Царства Польскаго, усиливая ихъ такимъ образомъ количественно. А такъ какъ изъ Литвы и Украйны войдутъ въ

Думу преимущественно аграріи, то, благодаря ихъ вступленію въ «Коло», консерватизмъ послѣдняго еще увеличится.

Подводя итогъ всему вышесказанному, можно рѣшить почти съ увѣренностью, что «Польское Коло» въ ближайшей Думѣ не будетъ ничѣмъ отличаться отъ «Польскаго Коло» въ распущенной. Что же касается тактики, то она будетъ зависѣть отъ общаго состава Думы. Если большинство въ ней будетъ прежнее, то «Коло» будетъ его поддерживать въ надеждѣ на полученіе изъ его рукъ автономіи. Если же перевѣсъ окажется на сторонѣ правой, то «Польское Коло» ни на минуту не задумается надъ перемѣной фронта и войдетъ въ соглашеніе со всякой партіей, располагающей силой, поскольку она не будетъ явно антипольской.

Л. Василевскій (Плохоцкій).

P. S. Послѣднія недѣли жизни русской Польши ознаменовались двумя важными событіями, изъ которыхъ одно будетъ имѣть рѣшающее вліяніе на ходъ выборовъ въ Царствѣ Польскомъ. Я имѣю въ виду соглашеніе, въ которое вошли три польскихъ партіи: Н. Д., реалисты и польская прогрессивная партія (демократическій союзъ тожъ). Результатомъ этого соглашенія является образованіе центральнаго польскаго избирательнаго комитета по образцу существующихъ въ Галиціи и въ прусской Польшѣ. Соглашеніе заключено по почину Н. Д. Въ центральномъ избирательномъ комитетѣ, во главѣ котораго стоитъ Генрихъ Сенкевичъ, за Н. Д. обезпеченъ рѣшительный перевѣсъ. Такимъ образомъ Н. Д., уступивъ реалистамъ и прогрессистамъ нѣсколько депутатскихъ полномочій, явится въ Думѣ полнымъ хозяиномъ «Польскаго Кола». Дѣло въ томъ, что три договаривающіяся партіи обязались войти въ лицѣ своихъ представителей въ «Польское Коло», безпрекословно подчиняющееся постановленіямъ большинства этого клуба, которое, несомнѣнно, будетъ націоналъ-демократическимъ. Въ основу соглашенія положенъ регламентъ «Кола», устанавливающій полную солидарность всѣхъ его членовъ. Депутатъ, который выступилъ бы въ Думѣ противъ рѣшенія большинства «Кола», обязуется сложить полномочія.

Соглашеніе трехъ партій и образованіе центральнаго избирательнаго комитета, въ который входятъ и безпартійные элементы и евреи, наноситъ тяжелый ударъ прогрессивной демократіи. П. Д., благодаря налаживающемуся соглашенію еврейскихъ націоналистовъ съ Н. Д., лишается поддержки со стороны евреевъ. Такимъ образомъ, ея шансы на пріобрѣтеніе хотя бы одного-двухъ депутатскихъ полномочій совершенно ничтожны. И это тѣмъ болѣе, что и соціалъ-демократія, и Бундъ рѣшили не входить въ блокъ съ П. Д.

Такимъ образомъ, будущее «Коло» въ новой Думѣ будетъ представлять изъ себя сплоченную націоналъ-демократическую группу,

охватывающую желѣзномъ кольцомъ солидарности немногочисленные реалистическіе, прогрессистскіе и еврейскіе элементы, которые войдутъ въ «Коло» подъ покровительствомъ Н. Д.

Другимъ важнымъ событіемъ является расколъ П. П. С., обнаружившійся на недавно состоявшемся IX-омъ съѣздѣ этой партіи.

Результатомъ раскола явилось образованіе двухъ фракцій: «революціонной» («старые») и «умѣренной» («молодые»). Наблюдателямъ со стороны, какъ это бываетъ обыкновенно, довольно трудно разобраться въ принципіальныхъ причинахъ раскола. Обѣ фракціи въ одинаковой мѣрѣ стоятъ принципіально на почвѣ никакимъ съѣздомъ не отмѣненной программы 1892 г., ставящей цѣлью партіи независимую демократическую республику. Обѣ фракціи заявляютъ, что въ данный моментъ онѣ не выставляютъ требованія полнаго отдѣленія отъ Россіи, а только самой широкой автономіи, установленной варшавскимъ учредительнымъ собраніемъ по соглашенію съ петербургскимъ. Не расходятся онѣ и во взглядахъ на средства достиженія этой цѣли.

Наконецъ, обѣ фракціи настаиваютъ на полной солидарности съ русскимъ освободительнымъ движеніемъ и на необходимости координированія силъ Польши съ Россіей *). Точно такъ же по вопросу объ отношеніи къ Думѣ обѣ фракціи стоятъ на почвѣ безусловнаго бойкота выборовъ. Различіе во взглядахъ представителей обѣихъ фракцій объясняется главнымъ образомъ личнымъ составомъ каждой изъ нихъ. «Молодые»—это въ преобладающемъ большинствѣ случаевъ чистые соціалъ-демократы, приближающіеся къ типу «меньшевиковъ». «Старые» напоминаютъ скорѣе нѣчто среднее между «большевиками» и «соціалистами-революціонерами». Ближайшимъ поводомъ къ расколу послужило устраненіе изъ партіи ея боевой организаціи, которая, безъ позволенія центральнаго рабочаго комитета партіи, произвела извѣстное нападеніе на поѣздъ на станціи Рогово.

Л. В. (П).

---

*) См. «Наше отношеніе къ русскому движенію» въ № 201 «Robotnik'a» (орг. революц. фракціи).

‹Локаутъ› въ Вервьө.

(*Письмо изъ Бельгіи*).

Еще не такъ давно русскій читатель искалъ въ газетахъ и журналахъ преимущественно заграничныхъ извѣстій. Въ то блаженное время, когда все обстояло благополучно, онъ быстро пробѣгалъ глазами безконечный рядъ свѣдѣній о благодарственныхъ молебнахъ, о прибытіи и отбытіи высокопоставленныхъ особъ и тому подобное, пока не находилъ какихъ нибудь отрывковъ рѣчей политическихъ борцовъ или хотя бы и затушеванныхъ картинъ иной, свободной жизни... Не то теперь: внутренняя борьба, не на животъ, а на смерть, поглощаетъ все вниманіе читателя... Острая злоба дня, кровавыя картины переживаемаго страною критическаго момента заслоняютъ и отодвигаютъ на задній планъ то, что происходитъ на далекомъ Западѣ.

Но это не значитъ, конечно, чтобы событія европейской жизни могли потерять жизненный интересъ и значеніе для русскаго читателя.

Думаю, что не лишенъ будетъ такого интереса и тотъ небольшой эпизодъ великой борьбы за освобожденіе труда, которому посвящено настоящее письмо.

Въ маленькой Бельгіи, подъ безпрерывный грохотъ выстрѣловъ и лопающихся снарядовъ большой Россіи, тоже шла борьба... мало замѣтная для поверхностнаго взгляда, но глубоко поучительная. И здѣсь люди боролись за возможность свободно дышать и имѣть насущный кусокъ хлѣба. Капиталъ и трудъ воевали между собою съ неравными силами... Могущественный капиталъ властно выбросилъ на улицу около 25,000 человѣкъ, поставивъ имъ на выборъ или безпрекословное подчиненіе ему—господину, или голодную смерть... И эти люди, съ ихъ женами и дѣтьми скорѣе готовы глядѣть въ глаза голодной смерти, чѣмъ отказаться отъ правъ человѣка. Борьба завязалась... Ужасная въ своей простотѣ: подчинись или умирай, — она прикрыта была мудренымъ, ученымъ словомъ «локаутъ»... Подъ этимъ именемъ: «Локаутъ въ Вервье» въ ежедневной прессѣ потянулся цѣлый рядъ извѣстій... какое скромное названіе!.. Но Бельгія поняла смыслъ этого названія и раздѣлилась на двѣ стороны: одна — меньшая стала за капиталъ, большая, рабочая и соціалистическая Бельгія—за трудъ... На призывъ о помощи голодающимъ со всѣхъ сторонъ отвѣтили однимъ желаніемъ — помочь во что бы то ни стало... Зазвучали рѣчи о братской солидарности, зазвенѣли деньги въ кружкахъ сбор-

щиковъ, голодныя дѣти цѣлыми поѣздами развозились по городамъ Бельгіи, изъявившимъ желаніе пріютить малышей... Вотъ посмотрите!.. Десятитысячная толпа въ Брюсселѣ вышла встрѣчать пріѣзжающихъ изъ Вервье дѣтей... Они должны пріѣхать въ 7 часовъ вечера... Теперь уже половина восьмого: поѣздъ опаздываетъ... Но толпа спокойно ждетъ... Плакаты свернуты, красныя знамена неподвижно висятъ, музыканты переговариваются между собою... Но вотъ толпа вздрогнула... Всѣ потянулись взглянуть на голодныхъ дѣтей. Блѣдныя, худыя, оторванныя отъ родителей и привычной обстановки, они стояли, взявшись за руки... Толпа двинулась... Колыхнулись красныя знамена, развернулись плакаты, музыка заиграла, толпа запѣла «интернаціоналъ»... Солидные полисмэны съ улыбкою охраняютъ порядокъ... Трамваи остановились на полъ-пути и всюду—люди, люди... Они въ окнахъ домовъ, на стѣнахъ улицъ, на крышахъ трамваевъ... А толпа мѣрно колышется, мѣрно поетъ свой гимнъ, мѣрно идутъ малыши... Вотъ и «Народный Домъ»... Въ немъ происходило «распредѣленіе» дѣтей. Это не аукціонъ, это новое явленіе современной жизни—«усыновленіе». Зала переполнена взрослыми людьми и дѣтьми. Кто-то выкрикиваетъ имена новыхъ родителей и новыхъ дѣтей... Но что это такое? Почему вся зала такъ неудержимо апплодируетъ? Неимовѣрно толстая и румяная женщина важно шествуетъ среди зала къ выходу, ведомая подъ руки только что полученными сыновьями... А вотъ въ отдѣльной комнатѣ блѣдный, какъ полотно, миловидный ребенокъ; съ нимъ сдѣлалось дурно. Около него нѣжно хлопочутъ усыновители, отецъ и мать съ ихъ собственными малютками...

Неудивительно, что эта солидарность и только она одна заставила могущественный капиталъ пойти на уступки. Для рѣшенія конфликта была образована смѣшанная коммиссія изъ делегатовъ патроновъ и рабочихъ. 30-го октября по новому стилю делегаты подписали «договоръ о мирѣ». Всѣ вздохнули свободно... Но едва рабочіе делегаты успѣли сообщить своимъ условія мира, какъ онъ едва не былъ опять нарушенъ.

Наиболѣе могущественная рабочая организація—федерація чесаной шерсти—отказалась ратифицировать договоръ своего делегата, и 5-го ноября—день, назначенный для возобновленія работъ согласно договору,—она не вышла на работу. Патроны отвѣтили угрозою новаго общаго локаута на случай невозобновленія работы съ 7-го ноября всѣми рабочими. Федерація чесаной шерсти стояла на своемъ, указывая, что она не была заинтересована въ конфликтѣ, что она съѣла за это время половину своего запасного капитала (100,000 франковъ) и что по договору она лишилась нѣкоторыхъ преимуществъ. Возстановленіе этихъ преимуществъ было выставлено, какъ необходимое условіе возобновленія работъ федераціей чесаной шерсти, и 7-го ноября она не вышла также на работу... Дѣло могло погибнуть... Патроны еще разъ отложили...

Рабочіе другихъ федерацій настаивали на подчиненіи договору. 9-го ноября федерація чесаной шерсти приступила къ окончательному голосованію, отъ результата котораго зависѣло многое въ дальнѣйшей борьбѣ рабочаго за свои права. Въ этомъ голосованіи должна была сказаться солидарность рабочихъ и пониманіе важности классоваго интереса надъ собственнымъ, частнымъ. Изъ 1085 подавшихъ голоса 727 противъ 314, при 14 воздержавшихся, высказались за возобновленіе работъ... Солидарность восторжествовала и лишній разъ подчеркнула организованность рабочихъ въ Вервье. Вмѣстѣ съ этимъ кончился конфликтъ. Поѣзда, наполненные дѣтьми, возвращаютъ ихъ въ Вервье торжествующимъ родителямъ...

Не трудно понять, какой общій интересъ имѣетъ эта схватка капитала съ трудомъ, строго организованная на широкомъ полѣ борьбы капиталистической и рабочей федерацій. Для Бельгіи ея значеніе неизмѣримо: она объединила рабочія массы Бельгіи подъ однимъ знаменемъ братской солидарности: одинъ за всѣхъ, всѣ за одного, она научила пониманію классоваго интереса. Но значеніе ея не ограничивается этимъ. Условія мира (коллективный контрактъ, примирительная коммиссія) должны еще сыграть свою роль въ будущемъ.

Въ виду всего сказаннаго необходимо познакомиться съ подробностями только что закончившейся борьбы: уяснить ея причины и поводы, условія и послѣдствія, а также дать оцѣнку достигнутыхъ результатовъ.

Вервье—главное мѣсто округа шерстяной бельгійской индустріи, имѣющаго болѣе 46.000 жителей. Около Вервье группируются до 30 коммунъ, болѣе или менѣе значительныхъ, занимающихся тѣмъ же трудомъ. Болѣе 100 милліоновъ килограмовъ шерсти изъ разныхъ странъ свѣта ввозится въ Бельгію на сумму въ 175 милліоновъ франковъ. При такомъ производствѣ очевидно, что машина убила ремесло, и человѣкъ сталъ лишь частицею машины. Бывшаго ремесленника смѣнилъ пролетарій. Этотъ пролетарій, спасая себя отъ гибели, началъ организовываться для защиты своей личности. Въ Вервье восемь рабочихъ ассоціацій, объединенныхъ, въ свою очередь, въ одну общую «Текстильную рабочую федерацію». Благіе результаты организованности не замедлили сказаться: рабочій день былъ пониженъ до 55 часовъ въ недѣлю и рабочая плата повышена до 5 франковъ 20 сантимовъ за день. Но эти «благіе» результаты по своему оцѣнили и патроны. Они также организовались въ восемь соотвѣтственныхъ ассоціацій, объединенныхъ также, въ свою очередь, въ одну общую «Патрональную федерацію текстильной индустріи». Эта федерація имѣла своимъ назначеніемъ возвратить «свободу капиталу» отъ «узъ, наложенныхъ трудомъ»...

При такомъ положеніи дѣла борьба неминуема—это ясно,

какъ Божій день... Дѣло было лишь за поводомъ, и онъ не замедлилъ представиться.

Предпріятіе Ламборея (Lamboray) временно разсчитываетъ часть рабочихъ, занятыхъ мытьемъ шерсти по случаю наступившаго мертваго сезона. Остальныя рабочія предпріятія отвѣтили на это стачкой. Къ нимъ присоединились рабочіе того же рода предпріятія Дювивье и К°. (Duviver et C-ie). Федерація мытой шерсти одобряетъ эти обѣ стачки и поддерживаетъ ихъ. Тогда патрональная организація мытой шерсти объявляетъ локаутъ. Но такъ какъ локатируемыхъ начала поддерживать общая текстильная рабочая федерація, то частичный локаутъ замѣненъ былъ общимъ—локаутомъ всѣхъ предпріятій,—и борьба началась по всей линіи. Слѣдуетъ добавить, что условія борьбы организованыхъ силъ сначала складывались благопріятно для патроновъ: они заранѣе предусмотрительно обезпечили себя соглашеніями съ кліентами о неплатежѣ убытковъ за все время локаута; ихъ карманъ могъ пострадать, поэтому, только въ размѣрѣ пріостановленной работы, непосредственно,—не болѣе; а на эту жертву патроны охотно шли ради освобожденія производства отъ «ига, наложеннаго трудомъ». Это освобожденіе должно было выразиться въ отказѣ со стороны рабочихъ отъ ихъ синдикатовъ разъ навсегда. Предоставленные самимъ себѣ, рабочіе округа Вервье не могли побѣдить. Но требованіе отказа отъ синдикатовъ всполошило всю рабочую Бельгію. Она увидѣло въ этомъ угрозу своимъ жизненнымъ интересамъ и встала на ихъ защиту. Такимъ образомъ, условія борьбы для рабочихъ Вервье неожиданно приняли благопріятный оборотъ, и силы воюющихъ нѣсколько уравнялись.

Какъ результатъ уравненія этихъ силъ, и явился договоръ о мирѣ отъ 30-го октября съ срокомъ дѣйствія по 31-ое декабря 1907 года.

Обѣ стороны договорились:

1) Патроны признаютъ рабочіе синдикаты, рабочіе признаютъ за патронами ихъ главенство въ производствѣ. 2) Никакая стачка, общая или частичная, никакой локаутъ, общій или частичный, не могутъ быть одобрены безъ того, чтобы делегаты патроновъ и рабочихъ не обсудили положенія дѣлъ и не приняли мѣръ для устраненія конфликта. Для этого делегаты образуютъ смѣшанную коммиссію, делегаты избираются въ теченіе трехъ дней по возникновеніи недоразумѣнія каждой федераціей. Федерація, не приславшая делегата, считается отказавшейся отъ настоящаго договора. 3) Патроны признаютъ за рабочими право «коллективнаго контракта».

Таковы въ общихъ чертахъ результаты борьбы; ихъ надлежащая оцѣнка—дѣло будущаго, но и теперь уже можно отмѣтить два крупныхъ результата, добытыхъ трудомъ: объединеніе рабочихъ массъ—съ одной стороны, признаніе капиталомъ синди-

кализма—съ другой. Отнынѣ отдѣльное лицо (рабочій) не вступаетъ въ договоръ найма съ предпринимателемъ. На мѣсто рабочаго, его индивидуальной воли, отнынѣ становится общая, коллективная воля всѣхъ рабочихъ. Эта воля заключаетъ общій, коллективный договоръ о наймѣ, и отдѣльное лицо обязано ему подчиняться, какъ закону. Было бы излишнимъ подробно останавливать вниманіе на преимуществахъ подобнаго положенія дѣла. Они—очевидны: свободный договоръ предполагаетъ равенство силъ. Свободная воля капитала была на дѣлѣ могущественнѣе свободной воли отдѣльнаго представителя труда. Теперь, при существованіи коллективнаго контракта, это могущество капитала ослаблено въ пользу труда...

Виоъ.

На разныхъ языкахъ.

Въ настоящее время религіозные вопросы отошли какъ бы на второй планъ, но еще года 3—4 назадъ, сталкиваясь съ простонародьемъ центральной Россіи, не такъ легко было уклониться отъ разговоровъ «о Богѣ». По крайней мѣрѣ, мнѣ лично это не удавалось. Не только баптисты, старообрядцы, штундисты, духоборы и прочіе, «взыскующіе града вышняго», неизмѣнно наводили разговоръ на эту тему. Но даже безпрекословныя чада «синодальной церкви», записанныя въ «православныхъ метрическихъ книгахъ», и въ общемъ довольно таки равнодушныя къ «богословскимъ тонкостямъ», тяготѣли къ бесѣдамъ о небесномъ. Повидимому, это не просто нравилось. Въ этомъ словно чувствовалась потребность. Встрѣтишься съ человѣкомъ, поговоришь объ его хозяйствѣ, о лошадяхъ, о податяхъ, о разныхъ случаяхъ жизни,—разговоръ исключительно земной, въ которомъ, подобно евангельской Мареѣ, «молвиши и печешися о мнозѣмъ». А черезъ полчаса—смотришь: твой собесѣдникъ какъ-то незамѣтно уже говоритъ языкомъ Маріи объ «единомъ, что есть на потребу». И ты самъ невольно увлекаешься этимъ, казалось бы, неожиданнымъ и рѣзкимъ переходомъ отъ одного настроенія къ другому, отъ одной плоскости интересовъ къ другой.

Въ такихъ разговорахъ меня особенно поражала одна характерная черта. Когда съ человѣкомъ познакомился ближе, далъ ему приглядѣться къ тебѣ, то говоришь спокойно о своихъ взглядахъ на личнаго Бога, на посты, на святыхъ угодниковъ, на церковную іерархію, говоришь безъ утайки, и твой знакомый

слушаетъ тебя, возражаетъ, волнуется, чаще всего споритъ, гораздо рѣже соглашается, но все это безъ вражды, безъ обвиненій въ безбожіи. Съ моими пріятелями изъ крестьянъ и мѣщанъ мнѣ случалось «договариваться до конца». Для нихъ не оставалось ни малѣйшей возможности умозаключать, подобно Маргаритѣ въ «Фаустѣ»:

„Ungefähr sagt das der Pfarrer auch,
Nur mit ein bisschen andern Worten".

Наоборотъ, было очевидно, что ни одинъ «Pfarrer» этого не скажетъ. Но, насколько я могъ замѣтить, такая прямота и ясность не отражались на нашихъ пріятельскихъ отношеніяхъ. Выходило какъ-то такъ, что въ глазахъ моихъ собесѣдниковъ я оставался несомнѣнно вѣрующимъ человѣкомъ.

— Хоть, молъ, и не по нашему вѣритъ, а не безбожникъ, Бога-то онъ чувствуетъ, вотъ что...

И такой выводъ, судя по всему, складывался независимо отъ того, что я, при всемъ моемъ свободомысліи, числюсь въ «православныхъ метрикахъ». Припоминаю, между прочимъ, одного еврея-переплетчика въ Дмитровѣ, Московской губерніи. Кажись, это былъ единственный еврей на весь городъ. Жилъ онъ строго «по своей вѣрѣ». И тѣмъ не менѣе, мѣщане говорили о немъ:

— Правильный человѣкъ. Богобоязненный...

Бывало, возразишь, шутя:

— Да вѣдь еврей...

— А что-жъ, что еврей. Бога-то онъ лучше иного православнаго помнитъ.

И тотъ же мѣщанинъ, восхищенный евреемъ, который «лучше православныхъ Бога помнитъ», крайне враждебно относился ко всякому новопріѣзжему, который «среду—пятницу не соблюдаетъ», «встаетъ безъ молитвы», «спать ложится безъ креста». Въ томъ же, между прочимъ, Дмитровѣ приходилось мнѣ наблюдать любопытную метаморфозу. Пріѣхалъ туда человѣкъ, «встававшій безъ молитвы» и «спавшій безъ креста». И сначала его опредѣлили, какъ безбожника и едва ли не антихриста. Мѣсяца черезъ два отзывъ радикально измѣнился.

— Хорошій человѣкъ. По-Божьи живетъ...

— Да вѣдь Богу не молится...

— Мало ли что!.. То его дѣло... Такъ оно и въ писаніи сказано: «не спасетъ черная ряса, спасутъ добрыя дѣла»...

Признаюсь, мнѣ долго не удавалось уловить, въ чемъ тутъ секретъ. Какъ и многіе русскіе интеллигенты, попадая въ народъ, я подвергался обвиненіямъ въ невѣріи. Наравнѣ съ многими другими интеллигентами, я находилъ въ сѣрой незнакомой толпѣ глухое, упорное, такъ сказать, авансомъ выданное подозрѣніе въ безбожіи. И мнѣ долго казалось, что это подозрѣніе, встрѣ-

чаемое мною и подъ кровлями деревенскихъ избъ, и на постоялыхъ дворахъ, и въ монастырскихъ гостиницахъ, не только на словахъ формулируется: «да онъ, должно быть, въ Бога не вѣруетъ», но и по существу касается именно Бога, личнаго Бога,— того самаго, который нарисованъ въ церкви, и которому попъ служитъ молебны. Я долго склоненъ былъ думать, что отъ меня сѣрая толпа требуетъ вѣры именно въ этого Бога. И много огорченій пришлось пережить, прежде чѣмъ я понялъ, что тутъ все недоразумѣніе заключается въ словѣ. И когда я это понялъ, для меня стало ясно, что толпа вкладываетъ въ слово «Богъ» одно содержаніе, а я, стараясь приноровиться къ ея языку, произвольно вкладываю другое содержаніе, совершенно не свойственное мнѣ.

Для себя, ревниво отгораживаясь отъ ненавистныхъ традицій, я взялъ слова: «верховное начало жизни», «правда-истина», «правда-справедливость», etc. Тому высшему, что выражаютъ эти слова, я служу, имъ оцѣниваю свои поступки, оно опредѣляетъ линію моей личной жизни и общественной дѣятельности, «въ немъ моя вѣра». А когда «толпа» произносила слово «Богъ», мнѣ казалось, что она говоритъ именно о традиціяхъ и раскрашенныхъ доскахъ, о молебнахъ, о формальностяхъ, равно далекихъ и отъ правды-истины, и отъ правды-справедливости, отъ всего, что для меня дорого, и чему я вѣрю. И выходило такъ, что я, въ качествѣ представителя интеллигенціи, авансомъ подозрѣвалъ толпу въ отсутствіи дѣйствительной «вѣры» и въ приверженности лишь къ традиціямъ, а толпа меня, какъ представителя интеллигенціи, тоже авансомъ подозрѣвала въ безвѣріи. Изъ этой обоюдной подозрительности и рождались недоразумѣнія. И чтобы избѣжать ихъ, требовалось, очевидно, не переиначивать слово «Богъ», отрѣшиться отъ привычки вкладывать въ него «византійское содержаніе».

Повторяю, понять, что толпѣ дорога вѣра въ верховныя начала жизни, а не молебны передъ иконами, было трудно. Но когда я это понялъ и когда соотвѣтственно съ этимъ сталъ къ разговорамъ о Богѣ относиться, какъ къ серьезному и важному дѣлу выясненія принциповъ поведенія, я почувствовалъ, что почва для недоразумѣній и огорченій исчезаетъ сама собою. Въ видѣ иллюстраціи разскажу хотя бы такой случай.

Однажды лѣтнею ночью мнѣ пришлось ѣхать на лошадяхъ изъ Житомира въ мѣстечко Коростышевъ. Дорога лежала мимо одного села, которое славится разбоями. Естественно, зашелъ разговоръ о разбойникахъ. Мой возница разсказалъ, какъ одного какого-то проѣзжаго убили, другого ограбили, а затѣмъ неожиданно и въ упоръ поставилъ вопросъ:

— А что, пане, я у васъ спрошу... Вѣруете вы въ Бога?

— Какъ же безъ вѣры?—отвѣтилъ я.—Если безъ вѣры, то

вотъ я начну васъ грабить, а вы меня... Вродѣ звѣрей жить станемъ...

Видимо, удовлетворенный такою постановкою вопроса, возница пошелъ дальше и задалъ вопросъ о Серафимѣ Саровскомъ. Я откровенно объяснилъ, что знаю и думаю объ этомъ недавно-явленномъ угодникѣ. Затѣмъ поговорили о другомъ недавно-явленномъ угодникѣ Өеодосіи Черниговскомъ. Нѣсколько подробнѣе и такъ же откровенно поговорили о печерскихъ мощахъ и монахахъ. Незамѣтно разговоръ коснулся вообще «монастырскихъ порядковъ», слишкомъ далекихъ отъ «праведной жизни». Въ концѣ концовъ мой собесѣдникъ плюнулъ и негодующе произнесъ:

— Всюду обманъ. Куда ни пойди. И такъ я думаю, пане,—въ Бога они не вѣруютъ... Оттого и злодіи такіе...

Это негодованіе противъ людей, «не вѣрующихъ въ Бога», будетъ понятно каждому, кто уяснитъ себѣ, что здѣсь вопросъ не столько вѣроисповѣдный, не столько религіозный, сколько моральный. Когда простонародье спрашиваетъ: «вѣруешь ли въ Бога?»—это значитъ:

— Что ты за человѣкъ? Есть ли у тебя за душою что-либо святое? Или ты, подобно звѣрю хищному, мыслишь: «что волку въ зубы, то Егорій далъ?»

И въ этомъ смыслѣ «невѣрующій въ Бога», дѣйствительно, «злодій»,—опасный, страшный человѣкъ, который на все способенъ. Онъ способенъ разрывать грудныхъ дѣтей и потрошить беременныхъ женщинъ. Ему ничего не стоитъ руководствоваться правиломъ: «крестьянъ, какъ и женщинъ, надо брать силой». Онъ не только провозгласитъ этотъ свой символъ вѣры въ Петербургѣ на дворянскомъ съѣздѣ, но и подтвердитъ его дѣлами. Онъ сумѣетъ брать силою женщинъ въ притонахъ, при посредствѣ содержательницы непотребныхъ домовъ, и въ наслѣдственныхъ имѣніяхъ, при благосклонномъ покровительствѣ урядника и станового пристава. Въ томъ же наслѣдственномъ Монрепо онъ поставитъ пулеметы, найметъ осетинъ, введетъ «военное положеніе», опустошитъ окрестности. Онъ не затруднится сѣчь, истязать, поднимать на дыбы. «Невѣрующій въ Бога» до «воли», въ качествѣ крѣпостного владѣльца, опаливалъ живыхъ людей горящими лучинами и припечатывалъ живыя тѣла сургучными именными печатями. Нынѣ, въ качествѣ вооруженнаго на государственный счетъ правительственнаго агента, полагаетъ свое особенное удовольствіе въ томъ, чтобы обнажать дѣвушекъ и тушить объ ихъ груди папироски.

Если вы припомните роль барства въ русской исторіи, если хоть сколько-нибудь учтете глубину пережитыхъ народомъ мукъ и оскорбленій, то для васъ понятна станетъ настойчивость, съ какою повторялся вопросъ: «вѣруешь ли въ Бога?» Не удивитъ васъ и то, что вопросъ этотъ направлялся по линіи наименьшаго

сопротивленія,—къ намъ, «барамъ безъ эполетъ»: «бары въ эполетахъ», вмѣсто отвѣта, норовили «дать въ морду». Спрашивали люди, кого можно, а спрашивали потому, что тамъ, на низу, трудно было различать «баръ въ эполетахъ» отъ «баръ безъ эполетъ»: тамъ всѣ они казались «на одно лицо».

За послѣдніе два-три года многое измѣнилось и многое стало извѣстно внизу. Стало доподлинно извѣстно, что «бары тожъ бываютъ разные». Одни крѣпко «вѣруютъ въ Бога», да такъ крѣпко, что готовы жизнь за вѣру свою положить и мученія всяческія принять. Вѣра у нихъ мудреная,—сразу ее не разберешь. И даже какъ назвать этихъ баръ, что «въ Бога вѣруютъ», не знаешь. Группа петербургскихъ извозчиковъ года полтора назадъ обращалась въ одну изъ редакцій съ просьбой: «пришлите намъ соціалъ-демократа», чтобъ, значитъ, былъ душевный человѣкъ, и насчетъ земли по-божьему бы сказалъ. Около года назадъ одно подмосковное село поручило своимъ уполномоченнымъ разыскать и привезти «серовъ» (т. е. с.-р.). Такъ и сказано было: разыскать и *привезти*:

— Потому что, видите ли, люди, какъ слышно, шибко хорошіе, божьи люди,—«серы» эти самые. Лиха бѣда найти ихъ, да сказать, они сами придутъ. Вотъ мы, значитъ, и рѣшили—расходы на нашъ счетъ, чтобъ не пѣшкомъ, а на лошадяхъ.

Въ другомъ селѣ—Югозападнаго края—«міръ до того затруднился назвать хорошихъ баръ какимъ-либо опредѣленнымъ именемъ, что просто написалъ «всему кіевскому университету» «всепокорнѣйшую просьбу»:

«Пришлите намъ студента, а если нѣту студента, то хоть какого-нибудь жидка» *), а подводу мы вышлемъ, куда прикажете...

Словомъ, передъ народнымъ самосознаніемъ сталъ, какъ непреложный фактъ, «хорошій баринъ», удивительно хорошій, готовый жизнь свою положить за какое-то трудно постигаемое, но, несомнѣнно, «божье дѣло». «Хорошій баринъ» является то въ видѣ «жидка», то въ видѣ «студента», то подъ странною кличкою, въ родѣ «есъеръ», или «есдекъ», которую приходится принимать на вѣру и не съ чѣмъ ассоціировать. Хорошаго барина тѣмъ труднѣе постигнуть, что онъ стоитъ внѣ привычныхъ для массы и вѣками укоренившихся представленій о «богоугодной жизни» не для «своего мамона», а «ради ближняго». Въ деревнѣ онъ словно пришелецъ съ другого свѣта, гдѣ люди на насъ не похожи, не по нашему живутъ, не по нашему молятся. Но фактъ всетаки остается фактомъ: среди баръ объявились «божьи люди», отъ ко-

*) Напомню, что на украинскомъ языкѣ слово: «жидъ» не имѣетъ обиднаго значенія.

торыхъ можно услышать некорыстное, душевное слово по чистой совѣсти, которые не продадутъ, не обманутъ, не обидятъ.

И одновременно въ народномъ самосознаніи, быть можетъ, еще яснѣе, чѣмъ прежде, опредѣлялся «баринъ» другого типа. Онъ порою и въ церковь ходитъ по нашему, и по нашему молится, и говѣетъ, но вся его жизнь состоитъ въ томъ, чтобы бѣднаго человѣка ограбить да «женщину испортить». И такъ онъ на этихъ двухъ занятіяхъ сосредоточился, что когда грабитъ, то объ изнасильничаніи думаетъ, а когда насилуетъ, то о грабежѣ думаетъ; только и есть у него въ головѣ эти двѣ думки, и всегда онѣ рядомъ, какъ близнецы въ утробѣ матери, такъ что и самъ онъ спутался и смѣшиваетъ грабежъ съ изнасилованіемъ, а изнасилованіе съ грабежомъ, оттого и общественная дѣятельность такого «барина» похожа на его поведеніе въ притонѣ разврата, а поведеніе въ притонѣ разврата—на его общественную дѣятельность.

Было бы ошибкою надѣяться, будто тамъ, въ деревенскихъ трущобахъ, деревенскимъ трущобнымъ людямъ легко различать, который баринъ—врагъ, и который другъ, котораго надо избѣгать или даже гнать прочь, какъ хищнаго звѣря, и котораго можно искать и звать, какъ помощника и союзника. Уловить это различіе вообще очень трудно. Даже изощренное умѣнье распознавать людей, какимъ обладаютъ спаянныя желѣзной дисциплиной организаціи, порою спотыкается о Дегаевыхъ. Деревенской же темнотѣ тѣмъ легче споткнуться, что у нея совершенно нѣтъ критерія для отличія «хорошаго барина» отъ «сквернаго». Старый критерій; «вѣруеши ли», нѣсколько десятилѣтій висѣвшій надъ интеллигентными работниками въ народѣ, оказался явно негоднымъ. Онъ не столько снятъ, сколько смятъ ходомъ событій, хотя мысль оцѣнивать «барина» съ моральной стороны, несомнѣнно, осталась. И въ виду наплыва волковъ въ овечьей шкурѣ, ей, быть можетъ, суждено облечься въ новыя формы и сыграть ту или иную роль. Не такъ давно, насколько я знаю, возникалъ было другой критерій: «какъ о землѣ думаешь?» Если баринъ находилъ, что «земля божья»,—значитъ: нашъ. Если же «тянулъ на сторону помѣщика», то—«иди прочь». Нынѣ, судя по сообщеніямъ съ мѣстъ, даже «союзъ русскаго народа наловчился насчетъ земли» говорить такъ, что не разберешь, «чи вона у него Божья, чи бисова». Положеніе столь осложнилось, что на скорую руку сколоченный критерій можетъ завести совсѣмъ не туда, куда слѣдуетъ. Послѣдовательный и честный с.-д. можетъ оказаться, пожалуй, «врагомъ народа», а увертливый «октябристъ»—«другомъ». И такія ошибки возможны не только потому, что у деревни нѣтъ сколько-нибудь надежнаго критерія для распознаванія волковъ отъ овецъ, и не потому, что волки научились необыкновенно ловко облачаться въ овечью шкуру. Есть причины нѣсколько иного порядка.

Жизнь смяла одно изъ основныхъ недоразумѣній, выростав-

шихъ между разночинной интеллигенціей и народной массой въ формѣ вопроса: «вѣруешь ли въ Бога». Самый вопросъ этотъ, въ его привычной редакціи, какъ бы исчезъ. Но вообще недоразумѣній по вопросамъ, болѣе мелкимъ и несравнимо болѣе земнымъ, осталось не мало. И среди нихъ едва ли не центральное мѣсто занимаетъ такъ называемый вопросъ «о формѣ правленія», и выражается онъ традиціонною и общеизвѣстною фразою: «а царя ты признаешь?»

II.

«Вопросъ о царѣ» въ интеллигентскихъ кружкахъ поставленъ давно и теоретически рѣшается весьма просто. На практикѣ же его чаще всего старались обходить и не трогать. Въ сущности, онъ какъ бы обойденъ, между прочимъ, въ письмѣ народовольцевъ Александру III. Исполнительный комитетъ отъ имени партіи лишь «заявлялъ торжественно предъ лицомъ родной страны и всего міра», что признаетъ верховную власть легализированной народнымъ собраніемъ «лишь тогда, если выборы будутъ произведены совершенно свободно». Въ ближайшее къ намъ время «вопросъ» впервые «практически» поставленъ, съ одной стороны, «освобожденской группой», съ другой—«россійскою соціалъ-демократическою рабочею партіей». «Освобожденская конституція», построенная на принципѣ такъ называемой «реальной политики», опредѣлила Россію, какъ «государство конституціонно-монархическое». «Р. с.-д. р. п.», вѣрная лозунгамъ своей германской родительницы, на второмъ съѣздѣ окончательно «поставила ближайшей политической задачей низверженіе царскаго самодержавія и замѣну его демократической республикой».

Въ самомъ концѣ прошлаго 1905 г. оффиціально и окончательно разрѣшить вопросъ «о формѣ правленія» пришлось и партіи с.-р. На бывшемъ въ это время первомъ партійномъ съѣздѣ по существу «вопросъ» не вызвалъ разногласія. Но относительно его практической постановки обнаружилось два теченія. Одни предостерегали вообще отъ «состязанія съ с.-д.» и въ частности указывали, что «для соціализма вопросъ о формѣ правленія не представляется рѣшающимъ: важно лишь воплощеніе народовластія;... требованіе демократической республики, въ русскихъ условіяхъ, отдаляетъ партію отъ жизненной работы» *). Другимъ представлялись цѣнными «именно тѣ стороны, которыя вызвали обвиненіе въ марксизмѣ,—потому что именно эти стороны... роднятъ с.-р. со всѣми заграничными товарищами, т. е. даютъ с.-р. право называть себя однимъ изъ эшелоновъ великой международной арміи трудящихся»**). Ближайшія практическія соображенія, заставлявшія

*) «Протоколы перваго съѣзда партіи с.-р», стр. 87, 88.
**) Ibid., стр. 107—108.

дорожить этимъ «правомъ», понятны каждому, кто помнитъ, съ какимъ высокомѣрнымъ самодовольствомъ г. Плехановъ, напр., писалъ въ «Искрѣ», что именно онъ, въ видѣ особой милости да еще по причинѣ безтактности представителя «Бунда», не препятствовалъ допущенію «мелкобуржуазныхъ революціонеровъ» на амстердамскій конгрессъ соціалистовъ. Только поэтому, видите ли, с.-р. «побѣдили», т. е. ихъ делегатъ былъ допущенъ на конгрессъ.

Но — угрожалъ г. Плехановъ—«побѣда «партіи соціалистовъ-революціонеровъ» очень напоминаетъ знаменитую побѣду Пирра»... «Строго говоря», «мы» еще на парижскомъ конгрессѣ (въ 1900 г.) «имѣли право протестовать противъ присутствія делегатовъ отъ с.-р.», такъ какъ присутствіе «этихъ широкихъ джентльмэновъ», которые находятъ для себя «узкой» «пролетарскую точку зрѣнія», «противорѣчило постановленію», принятому въ 1899 г. брюссельской конференціей. И если «мы» не протестовали противъ присутствія «широкихъ джентльмэновъ» на амстердамскомъ конгрессѣ 1904 г., то лишь по тактическимъ соображеніямъ *).

Такъ или иначе, но въ принятую съѣздомъ программу вошелъ пунктъ: «поскольку процессъ преобразованія Россіи будетъ идти подъ руководствомъ несоціалистическихъ силъ, партія с.-р..... будетъ отстаивать... установленіе демократической республики» **)...

Такимъ образомъ, къ началу 1906 г. двѣ наиболѣе вліятельныя соціалистическія партіи въ Россіи оффиціально и окончательно высказались за демократическую республику. Но лишь только «вопросъ» «былъ рѣшенъ», какъ стали все яснѣе и яснѣе обозначаться осложняющіе его «моменты».

На Украйнѣ, напр., оказалось цѣлое теченіе мысли, представители котораго говорятъ:

— Принципіально мы, конечно, за республику, но, въ предѣлахъ буржуазнаго строя и впредь до «диктатуры пролетаріата», желаемъ сохранить монархію. Намъ нужна монархія, ибо мы надѣемся установить свои отношенія къ центру на началахъ «личной уніи» и устроиться, какъ Венгрія въ Австріи и Финляндія въ Россіи. И въ виду такихъ надеждъ, полагаемъ, что если бы монархіи не существовало у насъ, то ее надо бы выдумать. Республиканскій центръ въ Россіи будетъ чрезвычайно силенъ и повернетъ насъ на «свой солтыкъ». Монархическій центръ слабѣе, и при немъ мы надѣемся обезпечить себѣ больше правъ.

Представители такого же теченія есть, несомнѣнно, въ Польшѣ. Повидимому, не чуждо оно и нѣкоторыхъ слоевъ армянскаго населенія. И, на сколько я знаю, есть оно между евреями. Отношеніе Финляндіи

*) См. „Искру", № 74, 20 сентября 1904 г.

**) Цитирую по книгѣ В. Ивановича „Россійскіе партіи, союзы и лиги".

къ вопросу о монархіи или республикѣ въ Россіи пока не опредѣлилось ясно. Но въ какую сторону при практическомъ рѣшеніи этого вопроса пойдетъ финская націоналистическая мысль,—предвидѣть не трудно.

Я лично весьма невысокаго мнѣнія объ этихъ «національныхъ надеждахъ», питающихся, какъ извѣстно, «историческимъ прецедентомъ династіи Габсбурговъ» «Прецедентъ», конечно, краснорѣчивый. «Династіи Габсбурговъ», дѣйствительно, удалось въ свое время сорвать и ослабить революціонный напоръ «сепаратнымъ» соглашеніемъ съ Венгріей, и тѣмъ спастись отъ кораблекрушенія. Повидимому, мысль о сепаратныхъ соглашеніяхъ мелькаетъ иногда и на россійскихъ вершинахъ. По крайней мѣрѣ, въ «Новомъ Времени» приходилось читать намеки на это. Но въ Россіи ужъ слишкомъ много «Венгрій»: Прибалтійщина, Польша, Приднѣпровщина, Донщизна etc., etc. И окружиться сплошнымъ кольцомъ «сепаратныхъ соглашеній», значило бы самого себя загнать въ западню. Надежда заключить «сепаратный договоръ» ужъ слишкомъ разсчитана на чужое скудоуміе. Да и возможна она лишь въ головѣ, совершенно не соображающей, что у насъ и сцена построена не такъ, какъ она была построена въ Австріи, въ періодъ 1860—1867 г., да и пьеса разыгрывается далеко не та, въ какой Божіею милостію суждено было играть роль и заключать «сепаратный договоръ» «династіи Габсбурговъ». Такъ что треніе, встрѣченное «демократической республикой» съ этой стороны, исключительно отвлеченное, такъ сказать, нарочито вымышленное и не очень-то серьезное. Гораздо важнѣе и серьезнѣе оказалось треніе другого рода.

Лозунгъ: «демократическая республика», развернутый во всю ширь по направленію на «Вестъ», несомнѣнно, «породнилъ» и р. с.-д. р. п., и п. с.-р. съ западными товарищами. Но тотъ же лозунгъ, при попыткѣ развернуть его по направленію на «Остъ», оказывается порою совершенно неудобнымъ, чтобы породниться съ народными массами,—съ тѣми именно массами, безъ поддержки которыхъ самое существованіе соціалистической партіи врядъ ли пріобрѣтаетъ особый политическій смыслъ. Оффиціально принятое республиканское знамя пришлось не столько развертывать въ массахъ, сколько прятать отъ массъ. «Вопросъ» оказался рѣшеннымъ лишь на бумагѣ, а на дѣлѣ, при работѣ въ народѣ, необходимость диктовала прежнюю «тактику»: осторожно проходи мимо и, по возможности, не касайся. Эту тактику, примѣняемую пропагандистами сначала за собственный страхъ и рискъ, черезъ десять мѣсяцевъ послѣ перваго партійнаго съѣзда с.-р., пришлось, такъ сказать, оффиціозно признать единственно правильной.

Надо—писалъ, между прочимъ, В. М. Черновъ—«предварительно подготовить крестьянина къ данному выводу, поступить такъ, чтобы «выводъ» не огорошилъ его нежданно-негаданно, иначе

говоря,—не переходить къ политической алгебрѣ, не кончивъ даже четырехъ правилъ ариѳметики. Разъ въ крестьянинѣ прочно сидитъ какое-нибудь предубѣжденіе, было бы глупо начать разговоръ съ того, что сразу бросаетъ грубый вызовъ этому предубѣжденію, не устранивъ предварительно его корней, его глубокихъ источниковъ» *).

Когда разсуждаешь отвлеченно, издали, то совѣтъ кажется совершенно правильнымъ, строго логичнымъ. Въ самомъ дѣлѣ, глупо, «не кончивъ четырехъ правилъ ариѳметики», «переходить къ алгебрѣ». Глупо развертывать республиканское знамя, когда знаешь, что этимъ ты бросишь «вызовъ». Повторяю, совѣтъ правиленъ и логиченъ. Но когда представляешь себѣ конкретную обстановку, въ которой можетъ происходить «устраненіе корней и глубокихъ источниковъ», то вчужѣ чувствуешь, какая это жестокая логика, и сколь тяжкія и неудобоносимыя бремена возлагаетъ она на человѣка.

Передо мною замѣтка г. Т. Асина въ № 1 «Новой Мысли». Г. Асинъ дѣлится съ читателемъ своими деревенскими впечатлѣніями. По его словамъ, на югѣ «въ осенніе дни свободы въ широкіе слои крестьянства (уже) проникли идеи народовластія»; и не только проникли, но «укрѣпились» тамъ. Но тѣ же самые «широкіе слои», въ которыхъ уже окрѣпла идея народовластія, кричали по адресу пропагандистовъ:

«Бить ихъ!.. Имъ царя не надо»...

Около того же времени деревня «собиралась, разсуждала о землѣ, о выборныхъ депутатахъ, о податяхъ и пр.»—разсуждала въ духѣ крестьянскаго союза, но кричала угрожающе:

«Имъ царя не надо?...»

«Ко времени созыва Думы» южный мужикъ, наблюдаемый г. Асинымъ, стоялъ за землю, за волю, за «полное, хотя и съ неясными формами, народовластіе», но кричалъ:

«Царя не тронь!»

Во время Думы, тотъ же мужикъ живо интересовался судьбою думскаго адреса, просилъ прислать (въ Екатеринославской, Таврической и Херсонской губ.) то «сицилиста», то «скубента», то «жидка», но кричалъ:

«А царя не тронь!»

Послѣ роспуска Думы въ раіонѣ наблюденій г. Асина «рядовая деревня начала выражать недовольство по отношенію къ лицамъ». Но—говоритъ г. Асинъ—«нельзя увѣрять, что пала самая идея монархическаго устройства государства».

Эти наблюденія въ общемъ совпадаютъ съ тѣми свѣдѣніями, какими я лично располагаю относительно юго-западнаго края, нѣкоторыхъ центральныхъ губерній (Владимірской, Рязанской,

*) «Сознательная Россія», № 3.

отчасти Ярославской и Московской) и нѣкоторыхъ мѣстъ юго-восточнаго Поволжья. Въ указанныхъ мною губерніяхъ все время былъ тотъ же «лейтмотивъ». Здѣсь, также благодаря усиленнымъ трудамъ г. Столыпина, изъ лейтмотива исчезъ «личный оттѣнокъ». Такъ же «рядовая деревня» «недовольна лицами». Мѣстами даже чрезвычайно недовольна, до полнаго озлобленія. Но продолжаетъ твердить:

— Нельзя безъ царя. Не стоитъ царство безъ царя...

Т. е. твердитъ, повидимому, тѣ именно слова, которыя г. Асинъ считаетъ выраженіемъ «идеи монархическаго устройства государства».

И вотъ я стараюсь представить себя въ положеніи партійнаго пропагандиста, который «работаетъ въ деревнѣ». Я республиканецъ. Республиканецъ и по убѣжденію, и во имя партійной дисциплины. Въ моей идеологіи понятіе: «кесарь» занимаетъ опредѣленное мѣсто, какъ прямая антитеза тому, во что я вѣрю, чему служу. Я отказываюсь полностью отъ личной жизни. Я всю ее отдаю массамъ. И эти самыя массы грозно спрашиваютъ меня:

— Другъ ли ты кесарю? Если не другъ, то подлежишь распятію. И мы тебя распнемъ, какъ были распяты твои дѣды и отцы, учителя и товарищи, какъ были распяты тысячи людей, праху которыхъ ты молишься и память которыхъ свято чтишь, и какъ я, быть можетъ, распну твоего сына и внука...

Повторяю, представьте себя въ такомъ положеніи и скажите, что это: пропаганда, или сплошной крестный путь, сплошная трагедія, въ которой вамъ, какъ главному герою, неизбѣжно либо сойти съ ума, либо впасть въ отчаяніе? Вѣдь не въ томъ трагедія, что есть урядникъ, исправникъ, жандармъ, шпіонъ, которые ловятъ васъ, навѣрное, поймаютъ, будутъ бить, вздернутъ на дыбу, сошлютъ, повѣсятъ. Не это страшно. Гораздо страшнѣе сознаніе, что вотъ, если я вслухъ исповѣдую полностью свою вѣру, то толпа бросится на меня, и моимъ защитникомъ отъ нея, быть можетъ, явится тотъ же урядникъ.

Представьте, далѣе, что вы—тотъ самый „сицилистъ» или «жидокъ“, котораго „міръ“ „выхлопоталъ“ себѣ въ городѣ. Вы ѣдете въ глухое село и предстаете предъ „міромъ“. „Міръ“ молчитъ, но въ его молчаніи слышится:

— Мы посылали за тобою и привезли тебя, чтобы услышать слово правды. Говори же,—мы ждемъ.

Разумѣется, вы не станете съ первыхъ же словъ кричать: „да здравствуетъ демократическая республика“. Вы начнете съ «корней и глубокихъ источниковъ». Ваша первая посылка: „хозяинъ земли—народъ“ принимается великолѣпно. Вы слышите одобрительные и даже восторженные отзывы:

— Правильно. Истинное слово. Это по-божьему. Все народъ... Все на вашей шеѣ держится...

Вы идете дальше,—развиваете идею демократически построеннаго народнаго представительства. Рѣчь идетъ объ однопалатной и двухпалатной системѣ, о семичленной формулѣ. И опять общее сочувствіе:

— Правильно,—одна палата... Не надо другой палаты. Довольно баре надъ нами мудровали. Больше не позволимъ. И это правильно,—чтобъ всѣ одинаково выбирали. Это по-божьему.

— И надо,—переходите вы къ «выводу»—чтобъ никто не могъ народнаго рѣшенія отмѣнить...

Міръ и съ этимъ соглашается:

— Вѣрно,—какъ наши депутаты промежду себя порѣшатъ, такъ пусть царь и дѣлаетъ.

Вы пробуете развить эту мысль, но настроеніе „міра" неожиданно мѣняется, и вамъ кричатъ:

— Царя не тронь...

Сцена мною не выдумана. Я вкратцѣ передаю разсказъ одного пропагандиста, который жилъ недавно въ Смоленской губерніи. Онъ человѣкъ очень юный. Его „выписали" крестьяне. Какъ с.-д., онъ не счелъ удобнымъ говорить о «земельномъ вопросѣ». За то полностью развернулъ программу народовластія. И пока говорилъ о положительной сторонѣ народовластія, міръ слушалъ сочувственно. Но стоило лишь подойти къ „выводамъ", какъ тотъ же міръ вѣжливо, но категорически заявилъ:

— Нѣтъ, ты царя оставь. Про царя мы сами знаемъ...

Молодой человѣкъ четыре раза пытался перешагнуть черезъ запретную грань и добился лишь того, что ему холодно «посовѣтовали»:

— Ну, будетъ, паренекъ,—закуси на дорожку, да и поѣзжай отъ насъ съ Богомъ...

Юноша былъ прямо-таки потрясенъ:

—Ничего не соображаю,—безпомощно разводилъ онъ руками.— Понимаете,—на все согласны: veto долой, верхнюю палату долой, „сосредоточеніе всей верховной власти въ рукахъ законодательнаго собранія", какъ сказано въ нашей программѣ, вполнѣ одобряютъ. А какъ до „этого" дойдешь — не смѣй... И четыре раза! Понимаете: четыре раза!.. Подъ конецъ я даже разсердился. Да вѣдь говорю, если все такъ устроить, то и выйдетъ республика. — Ну, а коли такъ, закуси, говорятъ, да и поѣзжай съ Богомъ... Что же это такое? а? Неужели они ничего не поняли? Нѣтъ, какъ будто поняли... Положительно, поняли. Тутъ какое-то недоразумѣніе. Прямо таки недоразумѣніе!..

О такомъ же недоразумѣніи, между прочимъ, шла рѣчь на прошлогоднемъ учительскомъ съѣздѣ. И формы недоразумѣнія тѣ же: „народовластіе" деревнѣ нравится, быстро завоевываетъ себѣ сторонниковъ; мужикъ одобряетъ такую постановку, чтобы „всѣ приказы исходили только отъ народныхъ депутатовъ". Но тотъ же мужикъ быстро занимаетъ враждебную позицію, лишь только у

него явилось подозрѣніе, что рѣчь идетъ о республикѣ, объ „изничтоженіи царской власти". О томъ же, въ сущности, недоразумѣніи пишетъ и г. Асинъ, по словамъ котораго, „мужикъ" „желаетъ полнаго народовластія" и одновременно горою стоитъ за царя.

Получается въ общемъ мучительная путаница. Съ одной стороны, „нельзя", въ самомъ дѣлѣ, „уклониться отъ прямого отвѣта" на вопросъ о республикѣ или монархіи: „это можетъ произвести только впечатлѣніе виляньи, которое недостойно уважающей себя партіи" *). Съ другой, „недостойно уважающей себя партіи" скрывать свой „прямой отвѣтъ" отъ народа. Съ третьей,—приходится, однако, скрывать, приходится „постепенно нагрѣвать воду въ котлѣ, чтобы лягушка и не замѣтила, какъ будетъ живьемъ сварена"; неволя заставляетъ „предварительно подготовить крестьянина къ данному выводу". А съ четвертой стороны, — когда начинаешь „предварительно подготовлять крестьянина", то въ его головѣ оказывается одновременно и полная народная власть, вплоть до «хозяинъ земли—народъ», и ревниво охраняемая отъ „изничтоженія" царская власть. Очевидно, мы попадаемъ въ тупикъ. И, очевидно, надо признать одно изъ двухъ: либо пропагандистъ, взявшійся „предварительно подготовить къ выводу", не понимаетъ „мужика", либо „мужикъ" не понимаетъ пропагандиста.

III.

Мнѣ лично въ замѣткѣ г. Асина удивительно знакомымъ показалось одно мѣсто. Онъ, видимо, нѣсколько затруднялся понять, какъ это мужикъ, явно желающій полнаго народовластія, кричитъ: «царя не тронь», но быстро перешагнулъ черезъ это неудобоваримое для интеллигента сочетаніе:

— Т. е.—переводитъ онъ на интеллигентскій языкъ—«крестьяне желали конституціонной монархіи».

Спрашивается: почему „то-есть"? И далѣе, отмѣчая, что хоть по адресу „правящихъ" сферъ вездѣ раздается брань, но что это „недовольство лицами" не привело къ «отрицанію монархическаго принципа», г. Асинъ говоритъ:

„Однако жъ, именно, отсюда прямой переходъ къ воспріятію и признанію республиканскихъ идей,—и число „исповѣдующихъ" эти „идеи" растетъ.

Спрашивается: почему этотъ „переходъ" надо дѣлать именно „отсюда", а не отъ „желанія полнаго народовластія", которое было досюда? Съ какой стати я долженъ вѣрить, что „желаніе полнаго народовластія" въ переводѣ на интеллигентскій языкъ означаетъ „конституціонная монархія", а «брань по адресу правящихъ сферъ»

*) Слова В. М. Чернова, № 3 «Сознат Россіи», стр. 24.

надо передавать словомъ: „республика", хотя, по заявленію самого переводчика, этотъ послѣдній терминъ „пока" не оправдывается фактами?

Безъ сомнѣнія, г. Асинъ старается перевести добросовѣстно. Но мнѣ этотъ переводъ напомнилъ одну полосу моихъ раннихъ юношескихъ лѣтъ, когда я былъ нѣсколько влюбленъ въ слово республика. Покоряло оно меня, если говорить откровенно, не столько своимъ буквальнымъ смысломъ, сколько святыми могилами и святою кровью, которыми окружила это слово исторія со временъ 1789 г. Въ романтическій періодъ жизни святыя могилы и святая кровь говорятъ особенно властно. И я такъ былъ воодушевленъ, что рѣшился заговорить о республикѣ съ моими степенными пріятелями мѣщанами, которые частенько захаживали ко мнѣ (я любилъ „почитать" вслухъ, а они любили послушать). Помнится, я началъ горячо, упомянулъ о могилахъ и о крови, но—увы!— мои слова были встрѣчены смѣхомъ:

— Тю!... Богъ съ тобой... Ты это, братъ, уже того... зачитался малость...

— Вѣдь лучше, — не сдавался я, — если народъ самъ собою правитъ...

— Да ужъ какъ ни правь, а голова нужна. Къ примѣру, малое дѣло—хозяйство, а если головы нѣтъ—врозь расползется. Потому—никакого плана не будетъ. А государственное дѣло большое. Какъ можно царству безъ царя быть...

— Я же вамъ говорю: выборный...

— Да хоть ты его выбери, хоть роди,—толкъ одинъ. Безъ него нельзя—вотъ въ чемъ штука-то. И всѣ твои разговоры — пустота одна. Ты намъ лучше книжку почитай... Ха-ха-ха! Распублика! Вѣдь выдумаетъ же!

Всего удивительнѣе слѣдующее. Я хорошо зналъ, что слово, разсмѣшившее моихъ пріятелей, вызываетъ у нихъ совсѣмъ не тѣ представленія, какія навѣяны на меня книгою. При мнѣ это слово не разъ употреблялось совершенно въ другомъ смыслѣ. Тѣ же мои пріятели, когда ихъ сосѣдъ, кузнецъ Акимъ, въ пьяномъ видѣ избилъ до полусмерти свою жену и изнасиловалъ старуху-тещу, были возмущены до крайности и, не находя имени такому злодѣянію, говорили:

— Что же это такое!.. Прямо распублика какая-то!..

Когда у другого сосѣда, прядильщика Бориса Щебедина, сынъ поколотилъ родную мать и пропилъ къ кабакѣ ея шубу и шерстяное („вѣнчальное") платье, мои пріятели такъ же были возмущены и такъ же говорили:

— Распублика!.. Чистое дѣло распублика!..

Я зналъ, что у нихъ слово «распублика» ассоціируется съ злодѣйствомъ, съ кровопролитіемъ, съ безобразіемъ, выражаетъ крайнюю степень «распутства». И вотъ, зная все это, я, тѣмъ не ме-

ніе, заговорилъ съ ними о республикѣ. И ясно видя, что меня понимали совсѣмъ не такъ, какъ мнѣ хотѣлось, я, тѣмъ не менѣе, подобно г. Аснну, сдѣлалъ выводъ:

— Однако, какъ еще сильны монархическія преданія!..

Казалось бы, очевидно, въ чемъ дѣло. Мои пріятели близко знали меня. Они были увѣрены, что я не сторонникъ ни злодѣйства, ни безобразія, а если и предлагаю неожиданно учредить всеобщую «распублику», то, очевидно, безъ злого умысла, а просто такъ—«затменіе нашло», до того человѣкъ «зачитался», что кричитъ «караулъ», когда ему, по его характеру, надо бы кричать «ура». Такъ они и поняли: «временное, дескать, затменіе», ошибка, которая бываетъ съ каждымъ человѣкомъ. И это ихъ разсмѣшило. И дабы привести впавшаго въ затменіе человѣка къ равновѣсію, ему напомнили, что ни въ какомъ дѣлѣ нельзя обойтись безъ «головы». Это правило моимъ собесѣдникамъ подсказано простымъ опытомъ жизни. Для меня оно нѣсколько больше, чѣмъ «опытъ жизни». Это вѣдь и выводъ науки. Сосредоточьте, въ самомъ дѣлѣ, «всю верховную власть въ рукахъ законодательнаго собранія», какъ сказано въ программѣ с.-д., перейдите къ «прямому народному законодательству», какъ говоритъ программа с.-р., и всетаки—по крайней мѣрѣ, въ предѣлахъ «буржуазнаго строя»—«нужна голова», которая держала бы общій планъ и не давала бы частностямъ расползаться, куда зря. Назовите эту «голову» президентомъ, завѣдующимъ хозяйственною частью, представителемъ исполнительной власти, управляющимъ, приказчикомъ, «старшимъ писаремъ»,—но всетаки это должна быть одна голова, одно лицо и, дѣйствительно, «хоть ты его выбери, хоть роди», а безъ него не обойдешься.

Казалось бы, далѣе, что выводъ изъ разговора съ пріятелями совершенно ясенъ. Разъ я сторонникъ республики, то отъ слова: «республика» надо совершенно отказаться, ибо оно убиваетъ всякую возможность понять другъ друга. Какъ и почему мои пріятели «распублику» произвели отъ «распутства», откуда взялось столь неожиданное словопроизводство,—вопросъ другой. Но фактъ, во всякомъ случаѣ, необходимо признать, и съ нимъ—считаться. И въ качествѣ сторонника республики, вынужденнаго отказаться отъ научнаго термина, я долженъ бы заговорить по существу,—почему законодательная власть должна принадлежать только народу, почему высшая исполнительная власть должна быть подзаконною, почему необходимо сосредоточить ее въ «одной головѣ», и почему эту «голову» лучше «выбирать», а не «родить», и какъ лучше выбирать: пожизненно ли, какъ было въ Польшѣ, или на срокъ, какъ въ Швейцаріи, всенароднымъ голосованіемъ, какъ въ Соединенныхъ Штатахъ, или голосованіемъ палатъ, какъ во Франціи, и т. д., и т. д. И только послѣ такихъ разговоровъ по существу я бы имѣлъ право судить, есть между нами разногласіе, или нѣтъ,

дѣйствительно ли сильны «монархическія преданія», или никакой силы не имѣютъ. На дѣлѣ же вышло, что разговоръ былъ явно неудачный, никакихъ принципіальныхъ разногласій на немъ не обнаружилось, однако я почему-то поторопился вообразить эти разногласія, насильственно и смѣло придать чужимъ словамъ такой смыслъ, какого они, быть можетъ, вовсе не имѣли. Повторяю: удивительное заблужденіе, столь удивительное, что теперь, на разстояніи 15—16 лѣтъ отъ бесѣды съ пріятелями-мѣщанами, приходившими ко мнѣ «послушать книжку», я самъ не умѣю хорошо разобраться, какъ оно сложилось.

И вотъ еще что удивительно. Съ отроческихъ лѣтъ мнѣ, какъ и всякому русскому интеллигенту, приходилось слышать, будто «нашъ народъ» «живетъ» только «православіемъ да самодержавіемъ»: это, молъ, твердыни его души. И съ отроческихъ лѣтъ я привыкъ на такую опись «твердынь русской простонародной души» отвѣчать улыбкой. Давно уже для меня теоретически не составляетъ секрета, сколь мало эта «опись» соотвѣтствуетъ дѣйствительности. Но на практикѣ случалось какъ-то такъ: когда простонародье заговаривало со мною о «Богѣ», я тотчасъ же подозрѣвалъ, что рѣчь идетъ о православіи, и даже не просто о православіи, а о «синодской вѣрѣ», догматы которой излагаются въ «уставѣ о предупрежденіи и пресѣченіи». Получалось всетаки, что «народъ» меня подозрѣваетъ въ отсутствіи «истинной вѣры», а я въ томъ же самомъ подозрѣваю народъ. И, повторяю, лишь послѣ долгихъ огорченій для меня лично стало понятно, въ чемъ секретъ.

То же въ сущности происходило и съ «самодержавіемъ».

«Мужикъ», не знающій меня, какъ-то инстинктивно подозрѣвалъ, что я, въ качествѣ барина, навѣрное «безбожникъ», а, въ качествѣ «безбожника», навѣрое, замышляю устроить всеобщую «распублику», дабы мнѣ совсѣмъ легко и удобно стало грабить, насильничать и распутничать. И когда «мужикъ», желая выяснить, кто я, спрашивалъ «насчетъ царя», я немедленно подозрѣвалъ приверженность «самодержавію»,—«самодержавію», какъ я его понимаю, монументально увѣковѣченному Карійской каторгой, Петропавловской крѣпостью, Шлиссельбургскимъ каменнымъ мѣшкомъ и юридически оформленному авторами «положенія» объ усиленной и чрезвычайной охранѣ. Насмѣшливыя улыбки въ отвѣтъ на «клятвы», будто народъ преданъ самодержавію, какъ-то умѣли уживаться рядомъ съ подозрѣніемъ:

— А, пожалуй, и дѣйствительно преданъ...

Вездѣ среди простонародья, встрѣчая смѣшеніе «распублики» съ «распутствомъ», я постепенно охладѣлъ къ слову «республика» и даже отучился употреблять его. На митингахъ, напр., оно мнѣ стало казаться слишкомъ книжнымъ, стоящимъ слишкомъ внѣ русской дѣйствительности. Но, и охладѣвши къ слову, я долго не

могъ отучиться отъ привычки противополагать ему «монархическія преданія».

Помню, разъ въ Донской области пришлось мнѣ разговаривать съ однимъ казакомъ. Какъ извѣстно, въ умѣ рядового казака «Донъ—особь статья», а «Россія—особь статья», и при томъ «статья» чужая, и даже порою враждебная. Собесѣдникъ мой оказался ярымъ «руссофобомъ».

— Хоть и изъ Россіи вы—говорилъ онъ мнѣ,—а прямо вамъ скажу,—обижаетъ насъ ваша Россія. Въ старину-то у насъ на все войско свой атаманъ былъ, мы его выбирали. А нынче его изъ Россіи присылаютъ. Посадитъ намъ его Россія на шею, вотъ и вози. Опять же и то возьми. Чей былъ царь надъ Россіей? Нашъ, донской *). Мы его поставляли. Нашъ былъ выборъ. А теперь вы насъ и отъ этого дѣла оттерли. Сами себѣ царя выбираете, а мы только послушаніе должны оказывать...

— Позвольте, да мы вовсе не выбираемъ...

— Не вы, такъ сенаторы ваши... Все едино. Главное, что насъ-то вы отъ этого дѣла совсѣмъ оттерли...

Мнѣ захотѣлось объяснить, что царь въ Россіи не выборный. И какъ-то сорвалась съ языка совершенно не подходящая фраза: «Дѣйствительно, молъ, у васъ на Дону встарину были республиканскіе порядки»... Мой собесѣдникъ при словѣ: «республиканскіе», страшно обидѣлся и круто оборвалъ разговоръ:

— Неправда, никогда этого не было. Завсегда казаки по людски жили... Нечего зря языкомъ болтать...

И то, что онъ обидѣлся на слово: «республика», мнѣ опять таки показалось признакомъ, что «монархическія преданія» жизненны и сильны, хотя общій тонъ разговора не давалъ права дѣлать этотъ выводъ.

Припоминаю еще одинъ разговоръ со старикомъ богомольцемъ. Было это въ Бѣлобережскомъ монастырѣ, Орловской губ. Спать въ монастырской гостиницѣ, душной, грязной, переполненной паразитами, не было никакой возможности. И мы коротали теплую іюнь-

*) Богъ вѣсть откуда это взялось, но на Дону вообще есть глухое преданіе, будто „царь въ Россіи нашъ, донской". По крайней мѣрѣ, мнѣ лично не разъ приходилось съ этимъ удивительнымъ мнѣніемъ сталкиваться. Священникъ окружной Константиновской станицы о. Алексѣй Бобыревъ объяснялъ мнѣ, что такое преданіе сохранилось, какъ отголосокъ „смутнаго времени". Но, конечно, это не столько объясненіе, сколько догадка. Характерно, что обычное назначеніе наслѣдника атаманомъ казачьихъ войскъ мѣстами истолковывается, какъ уступка взамѣнъ когда-то бывшихъ, но отнятыхъ правъ „имѣть надъ Россіей своего царя". Пришлось мнѣ натолкнуться и на другой не менѣе характерный аргументъ. Какъ-то я сталъ доказывать, что никогда въ Россіи донского царя не было. Мнѣ насмѣшливо отвѣтили: „Да ужъ теперь надо говорить, что не было... А только отчего же это московскій царь Дмитріемъ *Донскимъ* прозывается? Ну-ка? отчего?.."

скую ночь на берегу рѣчки Снѣжети. Старикъ горько жаловался на судьбу-мачиху. И, дѣйствительно, его судьба оказалась ужъ слишкомъ злою мачихой, и всего злѣе она была, когда являлась въ образѣ начальства:

— А отчего все?—заключилъ старикъ свой разсказъ.—Оттого, что енералы взяли себѣ такое право—царя выбирать. А мы не при чемъ,—черный, значитъ, народъ. Вотъ оно и выходитъ: енераламъ—не житье, а масленица, а нашему брату—хоть ложись и умирай. Оттого главный безпорядокъ идетъ... Не знаю,—правда-ль, нѣтъ ли, а только, говорятъ, въ другихъ державахъ не такъ это дѣло поставлено...

— Да,—отвѣтилъ я,—не совсѣмъ такъ... Въ Америкѣ, дѣдушка, царя всѣмъ народомъ выбираютъ...

— Вотъ!—возбужденно подхватилъ онъ.—О чемъ же и я говорю?.. Кабы всѣмъ-то народомъ... Какъ можно!.. Совсѣмъ другой разговоръ...

— А во Франціи народъ сенаторовъ и депутатовъ выбираетъ, а сенаторы и депутаты—царя...

— Ну, что-жъ,—медленно проговорилъ онъ—и это бы ничего... Мы, значитъ, енараловъ выбираемъ, а енаралы царя... Нѣтъ это бы ничего... Гдѣ говоришь, это? во Франціи?

— Да, во Франціи...

— И насколько жъ его тамъ выбираютъ?

— На семь лѣтъ... А если не хорошъ окажется, его можно смѣстить и новаго выбрать...

— Ишь! Ловкій народъ... Французы-то... Брешутъ, значитъ, будто у нихъ нѣту ни Бога, ни царя, а есть одна распублика...

Каюсь, даже этого старика я заподозрѣлъ тогда въ преданности «монархическимъ традиціямъ». И заподозрѣлъ только потому, что онъ по-своему понимаетъ «республику», и что боязнь испугать его «страшными словами» заставила меня ужъ черезчуръ произвольно обращаться съ государственно-правовыми терминами и назвать президента республики царемъ.

Не къ тому веду, что вотъ, молъ, путемъ такихъ-то и такихъ-то личныхъ наблюденій я пришелъ къ мысли, что въ Россіи среди большинства народной массы нѣтъ «монархическихъ преданій». Столь опредѣленное, конкретно выраженное положеніе я не рѣшился бы ни оспаривать, ни защищать. На основаніи моихъ личныхъ наблюденій я считаю себя въ правѣ сдѣлать болѣе общій выводъ:

Народъ, съ которымъ меня сталкивала судьба, сплошь оказывался «государственникомъ». Въ немъ крѣпка идея государственности, и онъ дорожитъ этой идеей. Распаденіе государства, въ глазахъ того народа, котораго я наблюдалъ, было бы большимъ несчастьемъ. Этотъ народъ не мыслитъ государства «безъ головы», въ которой сосредоточенъ общій планъ управленія. Эту «голову», представленную непремѣнно въ одномъ лицѣ и неизбѣжную въ го-

сударственномъ обиходѣ, онъ называетъ царемъ. И въ этомъ смыслѣ готовъ неизмѣнно повторять свое «правило»: «царство безъ царя не стоитъ»...

Насчетъ же «монархическихъ преданій» и всего прочаго, что примыкаетъ къ этому «вопросу», я лично все больше и больше прихожу къ мысли:

Мы не только ничего не знаемъ, но хуже того, — мы не стараемся что-либо узнать.

Право же, картина получается единственною, въ своемъ родѣ. Выходитъ такъ. Есть въ Россіи много милліоновъ темныхъ и безпомощныхъ людей, и есть не мало тысячъ самоотверженныхъ героевъ, готовыхъ просвѣтить, помочь, и до того милыхъ и скромныхъ, что они даже не замѣчаютъ собственнаго геройства. И тѣ, и другіе— и безпомощные, и готовые помочь—говорятъ, какъ будто, на одномъ и томъ же языкѣ. Слова звучатъ одинаково, пишутся однѣми и тѣми же буквами. Но обѣ стороны словно не замѣчаютъ, что онѣ въ сущности говорятъ на разныхъ языкахъ и, не замѣчая этого, никакъ не могутъ понять, въ чемъ дѣло, и порою сердятся другъ на друга.

Въ прошломъ, 1905 году всероссійскую извѣстность пріобрѣла фраза какого московскаго купца, который сурово закричалъ на оратора, упомянувшаго о конституціи:

— Не смѣй про конституцію, а что царь долженъ быть выборный,—это вѣрно.

Надъ терминологіей московскаго «противника конституціи» много смѣялись. Но она не только смѣшна. Вѣдь въ ней прорвалась наружу изъ подпочвенныхъ глубинъ цѣлая полоса своеобразныхъ народныхъ представленій, что царь и теперь выборный, и что иначе, дескать, нельзя, а если и бываетъ иначе, то это неправильно. Эта жила подъ почвой есть. И не я одинъ находилъ ее. Но учтена ли она? Взвѣшена ли?

Въ нынѣшнемъ, 1906 году, особенно лѣтомъ, отовсюду приходилось слышать: «народовластіе пріемлется полностью, а царя, кричатъ, не тронь». Однихъ это обезкураживало (увы, молъ, монархическая идея), другихъ радовало (вотъ, молъ, какъ нашъ народъ,—горой за царя). Не было лишь ни справа, ни слѣва простого и, казалось бы, естественнаго желанія вникнуть, какъ слово «царь» въ этомъ случаѣ надо переводить на государственный языкъ. Терминомъ ли: «монархъ», или высшій представитель подзаконной власти? А вѣдь это основной вопросъ. И такъ какъ и правые, и лѣвые прошли мимо него, то въ деревенскихъ глубинахъ получается слѣдующее. Сначала пріѣзжаетъ земскій начальникъ и говоритъ:

— Соціалисты хотятъ царя уничтожить. Какъ же Россія безъ царя будетъ?..

И мужики разсуждаютъ: дѣйствительно, нельзя государству безъ головы быть, а только и намъ тожъ нельзя безъ всякихъ правовъ

жить; выпишемъ соціалиста—можетъ, онъ намъ скажетъ, какъ права добыть. Выписываютъ соціалиста. Этотъ объясняетъ, какъ добыть права, но говоритъ, что государство надо оставить безъ головы и завести во всемъ полный безпорядокъ, иначе именуемый «распубликой»... И такимъ образомъ передъ безпомощными людьми выростаетъ фантастическая альтернатива: за земскимъ пойдешь—«безъ правовъ» останешься, за соціалистомъ пойдешь—«безъ головы» будешь. И стоитъ мужикъ растерянно, какъ сказочный богатырь на распутіи передъ «бѣлъ-горючъ камнемъ, на коемъ написано: прямо поѣдешь—живу не быть, вправо поѣдешь—головы не сносить»... Съ другой стороны, земскій радуется, что «мужички всетаки за царя постояли и соціалиста, о республикѣ упомянувшаго, выпроводили». А выпровоженный соціалистъ, хоть обезкураженъ до крайности, но тоже констатируетъ: какъ бы тамъ ни было, но народовластіе деревнѣ нравится. Въ сущности же, и мужикъ, и начальникъ, и соціалистъ, какъ мнѣ кажется, витаютъ въ области фантасмогорій. По моему мнѣнію, мужикъ всего чаще просто не понимаетъ ни начальническаго «царя», ни соціалистической «республики», начальникъ и соціалистъ, обыкновенно, не понимаютъ мужицкаго «царя». И каждый думаетъ не о томъ, что есть, а о томъ что ему кажется.

«Смѣшались языки, перестали люди понимать другъ друга и разошлись въ разныя стороны»,—такъ гласитъ старинное библейское преданіе о «башнѣ вавилонской». Не повторяется ли теперь въ Россіи около лозунга «республика» живописуемая Библіей «исторія» вавилонскаго столпотворенія?

А. Петрищевъ.

Новыя книги.

Стихотворенія А. Н. Плещеева. 4-е дополненное изданіе. Спб. 1906. Ц. 4 руб.

Въ ряду второстепенныхъ русскихъ лириковъ Плещеевъ занимаетъ видное и почетное мѣсто. Его поэзія не блещетъ яркими незабываемыми образами, не волнуетъ сердецъ могучими боевыми призывами; форма ея плѣняетъ простотою, чуждой всякихъ претензій, а содержаніе — навѣваетъ тихое и кроткое раздумье, охватываетъ душу какой-то умиротворяющей меланхоліей. Благодушіе—главная черта Плещеева, характеризующая его не только подъ старость, но и въ молодые годы, когда изъ-подъ пера его выходили стихотворенія, полныя боевой отваги, въ родѣ знаме-

читаго «Впередъ безъ страха и сомнѣнья»... Въ этомъ «революціонномъ» гимнѣ 40-хъ годовъ поэтъ приглашалъ современную ему молодежь сплотиться «подъ знаменемъ науки», карать «жрецовъ грѣха и лжи глаголомъ истины» (увы, не очень-то страшнымъ для нихъ оружіемъ!), «провозглашать любви ученья» не только нищимъ, но и «богачамъ» и, въ концѣ концовъ, «простить озлобленнымъ врагамъ». Жизнь скоро показала мягкодушному поэту всю наивность его мечтаній: тюрьма, смертный приговоръ, ссылка и солдатчина были ему наградой за проповѣдь «любви»... Но и послѣ того онъ не озлобился и не ожесточился сердцемъ. Нѣтъ, онъ, какъ-будто дѣйствительно, простилъ врагамъ и до конца продолжалъ пѣть свои кроткія, умиротворяющія пѣсни. И когда порой негодованіе зажигало и его душу, онъ, казалось, удивлялся ему и спрашивалъ себя:

...отчего
Вдругъ на моихъ поблекнувшихъ ланитахъ
Румянецъ вспыхнулъ жгучаго стыда?
...Когда о нагломъ ликованьи,
О торжествѣ неправды слышу я,
Зачѣмъ во мнѣ кипитъ огонь негодованья,
И злобы такъ полна душа моя?

Особенно характерно въ этомъ отношеніи стихотвореніе «Жаль мнѣ тѣхъ, чья гибнетъ сила». Поэтъ жалѣетъ погибшихъ борцовъ за идею, жалѣетъ тѣхъ, кто, не въ силахъ донести до конца крестъ борьбы, остановился на полпути и, съ грустью склонивъ голову, благословляетъ въ душѣ «честно гибнущихъ въ бою». Но когда доходитъ очередь до тѣхъ Іудъ, которые

Честной мысли измѣнили
Братьевъ продали своихъ,—

гуманная муза Плещеева оказывается не въ состояніи непосредственно отъ себя бросить въ нихъ камнемъ презрѣнія и осуждаетъ ихъ лишь косвенно:

Эта дышущая злобой
И предательская рать
Будетъ ненависть до гроба
Въ честныхъ душахъ пробуждать!

Боевые мотивы Плещеева — полны общихъ мѣстъ, туманныхъ возгласовъ о «правдѣ», «истинѣ», «чести» и т. п., и причина этой туманности далеко не одни лишь цензурныя условія эпохи (Некрасовъ писалъ въ тѣхъ же условіяхъ): нѣтъ, это коренное свойство благодушной и нѣсколько расплывчатой природы поэта. Но искреннее чувство, одушевляющее эти «общія мѣста», спасало и до сихъ поръ спасаетъ ихъ отъ равнодушія и забвенія читателей; чуткая молодежь, улавливая сразу эту искренность, вклады-

ваетъ въ туманные призывы Плещеева свое собственное содержаніе, и они пользуются до сихъ поръ ея неизмѣнными симпатіями.

Муза Плещеева и, быть можетъ, еще больше его личное вліяніе воспитали другого поэта-идеалиста, слава котораго вскорѣ затмила его славу, но въ стихахъ котораго (особенно перваго періода) такъ отчетливо слышится благодушно восторженный тонъ плещеевской поэзіи. С. Я. Надсонъ, несомнѣнно, былъ прямымъ его ученикомъ и наслѣдникомъ, хотя утвержденіе автора біографич. очерка Плещеева, будто молодой поэтъ *«всецѣло* былъ обязанъ А. Н. Плещееву значительной долей своей *извѣстности»*,—мы и находимъ страннымъ.

Несмотря на высокую цѣну (4 р.), стихотворенія Плещеева выходятъ уже четвертымъ изданіемъ. Это огромный томъ въ 800 слишкомъ страницъ, распадающійся на три главныхъ отдѣла: оригинальныхъ стихотвореній, дѣтскихъ и переводныхъ—изъ 50 слишкомъ иностранныхъ авторовъ.

Лишнее говорить о достоинствахъ стихотвореній Плещеева для дѣтскаго возраста: они фигурируютъ во всѣхъ хрестоматіяхъ и пользуются неизмѣнной любовью маленькихъ читателей. Какъ переводчикъ, Плещеевъ также головою выше большинства русскихъ поэтовъ, переводившихъ иностранныхъ собратьевъ, и по красотѣ стиха, по близости къ духу подлинника уступаетъ, быть можетъ, только Жуковскому и Михайлову. Особенно замѣчательны, на нашъ взглядъ, его переводы изъ Гейне.

Эмиль Верхарнъ. 1) Стихи о современности въ переводѣ Валерія Брюсова. Москва. 1906. Книгоизд. „Скорпіонъ". 128 стр. Цѣна 1р. 30 к. (Съ портретомъ Верхарна). 2) **Зори.** Пьеса въ четырехъ актахъ. Переводъ Георгія Чулкова (XI сборникъ „Знанія").

Верхарнъ самъ даетъ общій абрисъ свой, какъ поэта, обращаясь («Въ вечерній часъ») къ будущему читателю, который «въ невѣдомыхъ вѣкахъ» захотѣлъ бы по его забытымъ книгамъ понять желанья и надежды «нашихъ дней»:

О пусть онъ вѣдаетъ, съ какимъ восторгомъ я,
Сквозь ярость и мятежъ, борьбы внимая кличу,
Бросался въ бой страстей и въ буйство бытія,
Чтобъ вынести изъ мукъ—Любовь, свою добычу!

Вотъ общее настроеніе поэта съ характерной для него гармоніей интересовъ личности и человѣческаго коллектива:

Люблю свой острый мозгъ, огонь своихъ очей,
Стукъ сердца своего и кровь своихъ артерій,
Люблю себя и міръ, хочу природѣ всей,
И человѣчеству отдаться въ полной мѣрѣ!

Для Верхарна «жить: это, *взявъ*, отдать съ весельемъ жизнь свою», когда это понадобится. Отрицательныя стороны современной

жизни-свалки его не пугаютъ: жизнь все ассимилируетъ: «паденье и полетъ, величье и позоръ». Отъ человѣка требуется одно лишь: никогда не останавливаться и всегда искать:

О только бъ, кругозоръ смѣнивъ на кругозоръ,
Всегда готовымъ быть на новыя исканья!

—вотъ все, что нужно для увѣренности, что человѣчество идетъ къ веснѣ—невѣдомой веснѣ человѣчества. И несомнѣнно, что лучшія мѣста въ сборникѣ «Стиховъ», это—гимны невѣдомой веснѣ и Силѣ, ее создающей. Борьба за «весну» представляется Верхарну жестокой и кровавой, но въ то же время и обаятельной по своей грозной красотѣ и справедливости.

Возставшая за себя масса—герой его двухъ стихотвореній: «Возстанія» и «Мятежа». И въ томъ, и въ другомъ («Возстаніе», кажется, уже трижды переведено на русскій языкъ) Верхарнъ пламенный поэтъ «великой ярости» массъ, возставшихъ на защиту своихъ поруганныхъ правъ:

Ярость великая, съ пламеннымъ ликомъ,
Съ радостнымъ крикомъ,
Съ кровью бушующей въ жилахъ
Встала на грудѣ камней.
Все она можетъ! Все она въ силахъ!
Одно лишь мгновенье
Дастъ болѣе ей,
Чѣмъ цѣлыхъ вѣковъ тяготѣнье.
Все, что мечталось когда-то,
Что въ геніи, въ пѣснѣ крылатой,
Провидѣли въ темной дали,
Что въ душѣ, какъ сѣвъ, западало,
Чѣмъ души, какъ травы, цвѣли,
Все встало,
Въ мигѣ, смѣшавшемъ, какъ сплавъ:
Ненависть, силу, сознаніе правъ.

Никакихъ сомнѣній насчетъ конечнаго торжества обездоленной массы у автора «Стиховъ» нѣтъ:

Сегодня всему наступила пора,
Что бредомъ казалось вчера

Впрочемъ, даже если бы этой прочной увѣренности у бельгійскаго поэта не существовало, это наврядъ ли измѣнило бы его основное настроеніе. Для него суть жизни въ томъ, чтобы

Пряжу для жизни ликующей прясть
Иль жертвой строительной пасть!
Умирая,—творить, обновлять.
Убивая, твори, обновляй
Иль пади и умри!
Открой или руки о двери сломай...

И значитъ никакого выбора по существу нѣтъ: открыть, если придется, или руки сломать, если двери будутъ крѣпче рукъ.

Рядомъ съ яркими, ясными стихами въ родѣ указанныхъ, въ сборникѣ есть (и ихъ даже больше) такіе, наслажденіе отъ которыхъ опредѣляется гораздо больше сознаніемъ, что Верхарнъ новаторъ въ искусствѣ. Чуть вы забудете объ этомъ, забудете о томъ, что въ этихъ «Стихахъ» Верхарна вы имѣете дѣло съ новыми путями въ поэзіи, и станете искать только власти художника надъ вашимъ настроеніемъ, надъ вашимъ чувствомъ, вы принуждены будете закрыть Верхарна съ чувствомъ несомнѣннаго разочарованія. Онъ васъ не захватитъ, и даже покажется скучнымъ. Впрочемъ, въ нѣкоторыхъ «Стихахъ» именно это служитъ Верхарну крупную службу (относительную, конечно). Таково стихотвореніе: «Женщина на перекресткѣ». Длинное стихотвореніе съ непонятными строфами въ родѣ:

— Да! я вонзающая зубы!
Понявъ погибельность свою,
Какъ знакъ конца кладу я губы...
Я погибаю иль гублю!

создаетъ настроеніе какого-то недоумѣвающаго, тоскливаго ожиданія. Кого-то ждетъ на перекресткѣ женщина въ черномъ—изъ тѣхъ, что «ежечасно готовы къ ласкамъ», изъ тѣхъ, что «прекрасны и всенародны, какъ смерть». Ждетъ и читатель, когда же, наконецъ, передъ нимъ окажется послѣдняя строфа этой скучной сочиненной вещи. И вдругъ послѣдняя строфа, самая послѣдняя строка, остро бьетъ въ сознаніе читателя: женщина въ черномъ на перекресткѣ ждетъ

Того, чей окровавленъ ножъ.

Ей доставляетъ наслажденіе мысль, что она дастъ наслажденіе *убійцѣ*. Кого онъ убилъ, ей это все равно. Люди и покупатели ея тѣла для нея простые синонимы:

Мое имъ сладко отвращенье
Къ ихъ ласкамъ и къ презрѣнью ихъ.

И этотъ убійца, тоже покупатель ея тѣла, но онъ кого-то убилъ, т. е. кому-то за нее отмстилъ... Неожиданное впечатлѣніе отъ послѣдней строки безспорно яркое; имъ въ извѣстной мѣрѣ искупается утомленіе отъ нѣсколькихъ десятковъ предыдущихъ стиховъ, по прежнему остающихся темными въ родѣ вышеприведенныхъ четырехъ строфъ или одного изъ вопросовъ женщины въ черномъ, обращеннаго къ кому-то на перекресткѣ: о томъ, не въ просторы ли набата она кидаетъ свои волосы?

Среди «Стиховъ о современности» имѣется и сонетъ Верхарна

о свиньяхъ («Свиньи»). Не о символическихъ, а о самыхъ подлинныхъ, которыя

... близь помойныхъ ямъ, лучами озаренныхъ,

. . . .

Мочились, хвостъ завивъ, уставивъ ноги въ грязь,

а въ ноябрѣ, когда ихъ зарѣзали, оказались очень жирными:

Изъ ихъ большихъ задовъ само сочилось сало.

Если бы издатели дали *обширный* сборникъ стихотвореній Верхарна, помѣщеніе этого сонета, въ интересахъ равномѣрнаго освѣщенія творчества Верхарна, какъ поэта недѣлимой жизни, не знающаго раздѣленія сюжетовъ на поэтичные и непоэтичные, имѣло бы смыслъ и оправданіе. Но переводчикъ и издатели дали маленькій сборникъ, имѣющій цѣлью лишь *познакомить* русскаго читателя съ Верхарномъ, и естественно, что «Свиньи» заняли въ сборникѣ непропорціонально значительное мѣсто, являясь чѣмъ-то такимъ, на чемъ основана репутація Верхарна, какъ «великаго поэта природы», по отзыву переводчика... Въ добавокъ «Свиньи» помѣщены въ отдѣлѣ «Видѣній (?) по пути», при чемъ всѣ—«и самки и самцы»—оказываются съ «молочными, отвислыми сосцами».

Въ предисловіи къ своему сборнику переводчикъ считаетъ необходимымъ оговориться, что «Стихи» оставляютъ въ сторонѣ Верхарна, «какъ... мыслителя, какъ чистаго лирика и какъ драматурга». Этотъ пробѣлъ отчасти пополненъ переведенною г. Чулковымъ пьесой безъ быта «Зори» (XI сборникъ «Знанія»). Здѣсь Верхарнъ выступаетъ въ сложномъ замыслѣ не только лирика, но и живописца будущей соціальной революціи, ея вѣрованій, ея надеждъ и психологіи. Въ драмѣ читатель присутствуетъ «въ невѣдомыхъ вѣкахъ» при великомъ переломѣ въ будущей исторіи, когда двѣ воевавшихъ націи (безъ именъ), «одна—отказалась отъ побѣды, а другая—отъ своей оскорбленной гордости, и обѣ слились въ объятіе». Въ изображеніи Верхарна, офицеръ, принадлежащій къ составу отказавшейся отъ побѣды непріятельской арміи, говоритъ: «Если родина прекрасна, мила сердцу и незабвенна, то нація, вооруженная *границами*, ужасна и отвратительна». Исходя изъ этого лозунга, обѣ арміи, вопреки волѣ высшихъ начальниковъ, вступили въ тайные переговоры, закончившіеся сдачей столицы бывшимъ врагамъ, которые приходятъ въ нее за тѣмъ, чтобы объявить, что отнынѣ побѣдителей нѣтъ и кровавой борьбы между людьми—людьми сказано: нѣтъ! Главный виновникъ всего происшедшаго, трибунъ Эреньенъ, падаетъ жертвой примиренія: онъ убитъ въ моментъ торжества кѣмъ-то изъ фанатичныхъ приверженцевъ стараго. Трупъ убитаго приносятъ на Площадь Народовъ и кладутъ въ виду статуи Правительства, которое онъ низвергъ, и среди общихъ криковъ ненависти къ власти, которая «слопала

насъ», какъ кричитъ Нѣкто изъ деревни, которая «обезчестила насъ», какъ кричитъ Нѣкто изъ города, которая была «смертью» и «преступленіемъ»,—статуя подвергается разрушенію. Кто-то изъ пророковъ (въ пьесѣ ихъ два: городской пророкъ и деревенскій пророкъ) возглашаетъ: «Пусть нынѣ занимаются Зори!»—и этими словами заканчивается драма.—Передавая такимъ образомъ *только* содержаніе «Зорь», передаешь по существу все необходимое, что имѣлъ въ виду авторъ. Люди въ «Зоряхъ» нужны не сами по себѣ, а только ради того, что они говорятъ. Почти въ такой мѣрѣ они и разработаны. Тѣмъ не менѣе пьеса производитъ энергичное впечатлѣніе: толпа со своимъ перемѣнчивымъ настроеніемъ вездѣ жива и правдива, а центральныя фигуры трибуна Эреньена и брата его жены, Эно, эти два различныхъ по характеру бойца, хотя и не разъяснены, какъ психологическія единицы, но облечены въ подлинную плоть и кровь бойцовъ.

Д. Ратгаузъ. Полное собраніе стихотвореній. Изд. т-ва Вольфъ. Спб. и М. 185+IV и 232+IV стр. Ц. 3 р.

Много лѣтъ назадъ Достоевскій, полемизируя съ утилитарными воззрѣніями Добролюбова на роль искусства, сочинилъ гипотетическую притчу о томъ, какъ на другой день послѣ лиссабонскаго землетрясенія въ мѣстномъ лиссабонскомъ «Меркуріи» появляется стихотвореніе въ родѣ: «Шепотъ, робкое дыханіе, трели соловья». Взбѣшенные лиссабонцы, разумѣется, растерзали бы своего поэта. Но такъ какъ стихотвореніе всетаки могло быть великолѣпно, то черезъ полъ-вѣка лиссабонцы раскаялись и поставили памятникъ своему поэту. Этимъ аргументомъ Достоевскій защищалъ искусство. «Виновато было не искусство, а поэтъ, злупотребившій искусствомъ въ ту минуту, когда было не до него. Онъ пѣлъ и плясалъ у гроба мертвеца... Это, конечно, было очень не хорошо и чрезвычайно глупо съ его стороны; но виноватъ опять-таки онъ, а не искусство».

Эти основательные афоризмы поборника чистаго искусства умѣстно вспомнить въ наши дни. Мы переживаемъ, можно сказать, перманентное лиссабонское землетрясеніе. Мало того: потрясающія событія, въ атмосферѣ которыхъ мы живемъ, должны вызывать тѣмъ большую бурю скорби и гнѣва, что они созданы не безучастной игрой стихіи, а злой волей людей. Какую анестезированную душу надо имѣть для того, чтобы остаться со всѣмъ своимъ творчествомъ въ сторонѣ, чтобы отозваться на всѣ эти ужасы лирикой соловьиныхъ трелей. Мы имѣемъ въ виду, разумѣется, не точку зрѣнія моральнаго суда, но интересы творчества: чѣмъ, кромѣ безвкуснаго и ненужнаго воробьинаго чириканья, можетъ отозваться даже на свои, личныя переживанія мысль, не потрясаемая этимъ общественнымъ ураганомъ?

У насъ нѣтъ болѣе опредѣленнаго представителя этой чирикающей лирики, чѣмъ г. Ратгаузъ, нынѣ собравшій всѣ свои стихотворенія въ двухъ красиво напечатанныхъ томахъ, къ которымъ приложилъ свой портретъ. Портретъ этотъ изображаетъ невыносимо обыкновеннаго и щеголеватаго молодого человѣка и составляетъ превосходную иллюстрацію къ стихотвореніямъ. Да, разумѣется, именно такой международно-биржевой, лишенный всякой индивидуальной печати видъ долженъ имѣть создатель этихъ гладкихъ, тепловатыхъ, вылощенныхъ, умѣренныхъ и аккуратныхъ, самодовольныхъ и ненужныхъ стихотвореній. Кто прочелъ два—три, тотъ прочелъ всѣ; кто не читалъ ни одного, можетъ не жалѣть объ этомъ. Въ безличіи—индивидуальность г. Ратгауза, хотя онъ охотно бережетъ себя отъ вліянія всякихъ литературныхъ группъ; онъ не политикъ и не декадентъ, и оттого гордъ своимъ splendid isolation, не замѣчая банальности этой позы:

Я не хочу идти проторенной дорогой
Туда, гдѣ алтари мишурные горятъ,
Гдѣ жалкіе рабы богамъ толпы кадятъ
Съ завистливой тревогой.
Съ пѣвцами новыми мнѣ рядомъ не идти,
Я неба не сыщу въ ихъ пѣснопѣньяхъ новыхъ,
Мнѣ суждено брести по своему пути...

На эти претензіи давно отвѣтилъ Гете:

Das ist, wenn ich, recht verstand,
Jch bin ein Narr auf eigne Hand.

Извиняемся въ грубости формы, навязанной намъ великимъ поэтомъ, но не позволимъ себѣ вносить органиченія въ его мысль.

Борисъ Зайцевъ. Разсказы. 1906. Изд—тво „Шиповникъ", 92 стр. Цѣна 50 коп.

Сборникъ разсказовъ г. Зайцева, въ свое время обратившаго на себя вниманіе критики, позволяетъ читателю составить представленіе объ общемъ итогѣ его литературной дѣятельности. Вотъ очень характерный для творчества г. Зайцева отрывокъ (цѣлая главка) изъ его разсказа «Деревня», суммирующаго ежедневныя впечатлѣнія деревенскаго помѣщика.

„Такъ шумитъ осень въ деревнѣ. И уже ярко зеленѣетъ озимь, рождаются въ усадьбѣ новые обитатели: пестрый теленокъ, маленькій человѣчекъ, сынъ застольной кухарки, пара жеребятъ. Скоро зима Крымовъ знаетъ это и ждетъ только снѣга, саннаго пути".

Повторяемъ: это очень характерный для общаго тона разсказовъ г. Зайцева отрывокъ. Передъ читателемъ сборника все время мелькаютъ событія именно въ этомъ родѣ: осень, пестрый теленокъ.

маленькій человѣчекъ, пара жеребятъ и зима. И г. Зайцевъ знаетъ, что это такъ есть, такъ должно быть: въ этомъ и заключается его философія. Такъ же, какъ и Крымовъ, г. Зайцевъ въ этой пестротѣ «ощущаетъ одно, простое и великое, чему имени онъ не знаетъ, и что любитъ глубоко»—жизнь. Пусть это будетъ не что иное, какъ ощущеніе неудобной ѣзды по деревенской дорогѣ на станцію, подъ вой мятели. Въ этихъ звукахъ такъ же, какъ въ «медленномъ, тугомъ ходѣ мыслей» у своего спутника—кучера, которому *неудобно* сидѣть на облучкѣ; такъ же, какъ въ прикосновеніи грубой бараньей полости и въ скатанныхъ клубахъ шерсти на брюхѣ и бокахъ лошадей,—именно во всемъ этомъ и есть то «простое и великое», чему имени авторъ не знаетъ и что любитъ глубоко. Жизнь есть сумма мгновеній, и какъ сумма мгновеній, и должна быть изображаема. Это опредѣляетъ и конечное впечатлѣніе читателя. Какъ только сборникъ закрытъ, остается впечатлѣніе отъ кинематографическаго сеанса. Передъ вами промелькнулъ цѣлый рядъ картинъ. Тутъ было и важное и мелкое, и тяжелое и радостное, и сцены погромовъ и сцены любви, все это вы видѣли, всему этому вы были свидѣтелемъ, но все это только мелькало передъ вами и не давало ни глазу, ни *мысли* (г. Зайцевъ, вѣроятно, высоко цѣнитъ какъ разъ поэзію мысли) ни на чемъ остановиться. Но этого мало. Обязанность передавать всю полноту жизни не иначе, какъ короткими замѣтками и отдѣльными словами, заставляетъ автора заботиться о томъ, чтобы эти отдѣльныя фразы и слова были особенно выразительны и приспособлены. Отсюда цѣлый рядъ неологизмовъ въ родѣ заметюшки, рыка, дѣдья, дышанья, дыбить (пусть читатель самъ угадаетъ, что значатъ эти слова). Отсюда цѣлый рядъ забавныхъ эпитетовъ и сравненій, то странныхъ, то просто непонятныхъ. Особенно богатъ ими «Священникъ Кронидъ». Заглавіе, конечно, не правильное: главное въ разсказѣ не священникъ Кронидъ, а общій ландшафтъ, на которомъ одинаково красиво нанесены и природа, и батюшка, и корова, и падающій дождь, и праздничныя платья бабъ. Въ результатѣ одушевленные предметы совершенно сливаются съ неодушевленными, образуя нѣчто въ родѣ красиваго плаката, въ которомъ вниманіе читателя останавливаютъ только такія подробности, какъ то, что о. Кронидъ говоритъ «умными грудными звуками», а борода у него «ласковая» и, вѣроятно, такая же «добрая», какъ языкъ у равноцѣнной героини разсказа—коровы, по сосѣдству съ которой «вѣтрообразные» жеребята «передуваются съ мѣста на мѣсто». Это, впрочемъ, хоть мыслимо (условно, конечно), такъ же, какъ мыслимы, напримѣръ, «злыя» ребра у волковъ въ разсказѣ «Волки», или волосы, «обтекающіе» тѣло спящей женщины въ разсказѣ «Миѳъ». Мыслимо допустить больше: допустить внутренній смыслъ въ сравненіи только что упомянутой спящей женщины съ «свѣтло-солнечной рыбой, какихъ—по увѣренію самого автора—не бываетъ на самомъ дѣлѣ»; мыслимо допустить,

наконецъ, авторскую гипотезу, что эта женщина лежала въ постели подъ одѣяломъ—«въ розовомъ дыму!» Но какъ отнестись серьезно къ непостижимымъ указаніямъ автора о томъ, что у его Карпыча глаза были «полны полевого вѣтра» («Священникъ Кронидъ»), а у «солдатообразнаго» кучера, съ которымъ ѣхалъ Крымовъ, «въ мозгахъ (было) свѣжепахнущее дерево, стружки», и этимъ деревомъ, въ концѣ концовъ, наполнился и самъ Крымовъ! Неужели же это можетъ быть искренно? Или серьезны и искренни такого рода мысли г. Зайцева о будущемъ человѣкѣ:

„Людямъ не зачѣмъ становиться безплотными духами,—наоборотъ, они будутъ одѣты роскошнымъ *плывучимъ* и нѣжнымъ тѣломъ... такое тѣло, Лисичка (имя „пѣнно-розовой" женщины), и *портиться-то не можетъ*. Оно будетъ какъ-то мягко *кипѣть*, *пѣниться* и вмѣсто смерти *таять*, а можетъ и таять не будетъ и умирать не будетъ („Миѳъ")."

Но вотъ рядомъ съ этими образчиками литературной causerie разсказъ «Мгла», въ которомъ авторъ отказался отъ обязанности быть интереснымъ кинематографомъ и далъ себѣ трудъ вглядѣться въ того, о комъ разсказываетъ. Разсказываетъ же онъ о человѣкѣ, который на охотѣ чувствуетъ себя только охотникомъ, которому во что бы то ни стало нужно поймать и даже терзать добычу. Какъ только началась удачная охота, разсказчикъ сейчасъ же почувствовалъ, что въ него вошла какая-то мгла, на подобіе той, которая висѣла вокругъ него въ морозномъ воздухѣ.

«Простымъ глазомъ видно было, какъ хлестнуло его (волка) по боку (выстрѣломъ), какъ мучительно онъ перекувырнулся, завертѣлся на мѣстѣ и всетаки рванулъ бѣжать... Я сжималъ всѣ мускулы въ себѣ, корчился отъ желанья схватить его, въ слѣпой ярости бросился за нимъ въ оврагъ, что-то кричалъ, какъ будто, себѣ въ оправданье... Въ горлѣ хрипѣло, пальцы хрустятъ, ротъ дергается и что-то безумное, сладострастно-жестокое владѣетъ мной; какъ будто, руки мои жаждали теплаго, трепещущаго мяса, „его" мяса, и я, не задумываясь, зарѣзалъ бы его, наносилъ бы ему безъ счета раны, только бы онъ былъ мой!»

Но вотъ волкъ добитъ. И душевная «мгла» такъ же точно разсѣялась невѣдомо, какъ и пришла. «Вспоминая нашу пустынную борьбу (съ волкомъ), тамъ, въ безлюдномъ полѣ, я не испытывалъ ни радости, ни жалости, ни страсти. Мнѣ не было жаль ни себя, ни волка»... «Но—заканчиваетъ разсказчикъ—не было бы странно и то, если бы въ этой бездонной тьмѣ (наступившей зимней ночи) я увидѣлъ неподвижное лицо Вѣчной Ночи, съ грубо вырубленными, сдѣланными какъ изъ камня огромными глазами, въ которыхъ я прочелъ бы спокойное, величавое и равнодушное отчаяніе—за многогранность жизни и человѣческой души».

Любопытно, что въ «Мглѣ» нѣтъ *ничего похожаго* на словесныя виньетки и замысловатыя выдумки въ родѣ тѣхъ, что были указаны выше. Разсказъ интересенъ по тону, интересенъ по вну-

треннему освѣщенію, которое дается фабулѣ, интересенъ по формѣ и свидѣтельствуетъ, что г. Зайцевъ можетъ дать русской литературѣ нѣчто большее, чѣмъ остальныя демонстраціи литературнаго кинематографа, изъ которыхъ онъ составилъ свой сборникъ.

Д. Мережковскій. Воскресшіе боги. Изд. третье М. В. Пирожкова. Спб. 1906. 820 стр. Ц. 2 р. 50 к.

Какъ и слѣдовало ожидать, наибольшій успѣхъ изъ произведеній г. Мережковскаго имѣло произведеніе наиболѣе слабое: его историческая трилогія. Г. Мережковскій долженъ былъ писать историческіе романы, не могъ ихъ не писать. Историческій романъ есть та форма, въ которой получала наибольшій просторъ склонность, чуть не опредѣляющая существо литературныхъ пріемовъ г. Мережковскаго: склонность къ необоснованному утвержденію. Въ критикѣ это отсутствіе доказательствъ неудобно: ихъ всетаки требуютъ. Г. Мережковскій пробовалъ обойти это требованіе: онъ объявлялъ предварительно, что его критика ничего не доказываетъ, она откровенно субъективна. Но такъ какъ отречься отъ природы человѣческаго мышленія было невозможно, такъ какъ доказывать всетаки приходилось, то положеніе получалось неблагопріятное: доводы приводились, но рискованныхъ выводовъ они поддержать не могли. И ни отъ себя, ни отъ другихъ нельзя было скрыть, что эти выводы суть не что иное, какъ неосновательныя гипотезы, иногда смѣлыя, иногда только бойкія, но всегда не доказанныя. Въ критикѣ, которая не сливается и не можетъ въ точности своихъ пріемовъ слиться съ наукой, такіе пріемы возможны; но, конечно, въ гораздо большей степени они употребительны въ историческомъ романѣ, который по существу есть гипотеза, отказавшаяся отъ основаній. Вмѣсто того, чтобы, на основаніи исчерпывающаго изученія всей совокупности данныхъ, сказать то, что я думаю объ эпохѣ, я поступаю проще: беру тѣ изъ этихъ данныхъ, которыя мнѣ удобнѣе, комбинирую ихъ такъ, какъ мнѣ удобно, умалчиваю о тѣхъ, которыя мнѣ не удобны, присоединяю то, что мнѣ подсказала выдумка, и изъ этого создаю конкретные образы. Ихъ конкретность служитъ мнѣ защитой: если бы я въ историческомъ изслѣдованіи приписалъ итальянцу шестнадцатаго вѣка тотъ или иной поступокъ, то или иное свойство, отъ меня могутъ потребовать доказательствъ. Романъ спасаетъ отъ этого неудобства: можно всегда сказать, что мы имѣемъ дѣло не съ типичнымъ, а съ индивидуальнымъ; это не итальянецъ вообще, это Доменико, Джироламо, Франческо; поэтъ въ правѣ изобразить ихъ такъ, какъ онъ ихъ видитъ, въ правѣ посадить ихъ въ ту комнату, которой не видѣли они, но видѣлъ онъ, въ правѣ вложить въ ихъ уста цитаты изъ сочиненій ихъ эпохи, имъ, быть можетъ, неизвѣстныхъ.

Какъ и слѣдовало ожидать, г. Мережковскій злоупотребилъ этимъ

правомъ. Оно и понятно: онъ такъ жаждалъ возможности быть увѣренно-безотвѣтственнымъ въ своемъ творчествѣ; здѣсь же къ этой заманчивой возможности присоединилась другая, не менѣе пріятная г. Мережковскому. Онъ вѣдь книжникъ по преимуществу. Книга всегда стояла между нимъ и міромъ, который онъ изображалъ не столько à travers le temperament, сколько сквозь книжныя впечатлѣнія. Здѣсь живыхъ впечатлѣній отъ міра, подлежавшаго изображенію, не было совсѣмъ: были его реальныя древности, остатки его внѣшняго быта и—самое главное—книги: книги, оставленныя имъ и написанныя о немъ.

Книга душитъ въ романѣ о Леонардо да Винчи. Изъ всего романа, изъ разнообразнѣйшихъ разсказовъ о судьбахъ разнообразнѣйшихъ людей, изъ калейдескопа образовъ, то дѣйствительно существовавшихъ, то созданныхъ авторомъ, яснымъ, опредѣленнымъ и какъ бы символизирующимъ все содержаніе толстаго романа остается одинъ образъ: образъ г. Мережковскаго, дѣлающаго въ библіотекѣ выписки для того, чтобы эти выписки продуцировали, вспоминали или читали въ его романѣ Маккіавелли или Александръ Борджіа, Лодовико Моро или Евтихій Гагара, Саванарола или ученики Гемиста Плетона. Добрый десятокъ страницъ занялъ бы, вѣроятно, одинъ списокъ произведеній, которыя непрерывно и неустанно, съ нуждой и безъ нужды, цитируются на страницахъ романа съ необычайной прихотливостью и разнообразіемъ. Здѣсь и древне-греческій гимнъ олимпійцамъ, и итальянская народная пѣсня, и «Красоты латинскаго языка» Джорджіо Мерулы, и церковныя пѣснопѣнія, и «Каталогъ всѣхъ блудницъ въ домахъ терпимости съ ихъ цѣнами», и сонетъ влюбленнаго епископа, и «Книга пророчествъ» Христофора Колумба, и проповѣди Саванаролы, и вѣдьмины заклинанія, и «Miles Gloriosus» Плавта, и карманный календарь Моро, и стихи Беллинчіони, и гасконская пѣсенка о Карлѣ VIII, и письмо герцогини Беатриче и «Mirabilia urbis Romae», и привилегія Максимилліана, и донесеніе венеціанскаго посла Марино Сануто, и объявленіе объ «огненномъ поединкѣ», и довѣрительныя грамоты посламъ при турецкомъ султанѣ. Надо напомнить, что Леонардо былъ незаконнорожденный—цитируется флорентинскій кадастръ; надо показать возмущеніе Джіованни Бельтраффіо—ему влагаютъ въ мысль цитаты изъ Апокалипсиса; письмо Цезаря къ Изабеллѣ Гонзага смѣняется сатирой на Александра VI, Іоаннъ Златоустъ Ефремомъ Сириномъ, булла объ учрежденіи духовной цензуры первой книгой Царствъ, сказаніе александрійскихъ огнепоклонниковъ «Новѣйшимъ Молотомъ Вѣдьмъ», русскіе «Измарагды» и «Златоструи» «Иконописнымъ подлинникомъ»—и такъ далѣе, и такъ далѣе, не считая, разумѣется, необъятнаго количества цитатъ изъ многочисленныхъ сочиненій самого Леонардо. Право, можно подумать, что люди этой эпохи не жили, а только цитировали, что словесностью всѣхъ родовъ была проникнута вся жизнь итальянцевъ XVI вѣка въ еще

большей степени, чѣмъ жизнь ихъ изобразителя въ двадцатомъ. Если выбросить всю эту литературу да всѣ прибавленныя къ ней бытовыя и психологическія детали, отъ которыхъ невыносимо несетъ письменнымъ столомъ сочинителя, то отъ всего романа останется поразительно мало. Это Эберсъ, только безъ ученыхъ примѣчаній.

Ю. Айхенвальдъ. Силуэты русскихъ писателей. Выпускъ I. Москва. Изд. „Научнаго Слова". 1906. 243 стр. Ц. 1 р. 50 к.

Названіе книги не кажется намъ удачнымъ. Силуэтъ ясенъ и лишенъ воздушной перспективы; онъ рѣзко выдѣляется на безразличномъ фонѣ и опредѣленно запечатлѣваетъ характерныя черты; оттого онъ легко запоминается,оттого онъ легко сбивается на карикатуру. Не таковы литературныя характеристики г. Айхенвальда. Менѣе всего свойственна имъ эта отчеканенная опредѣленность: онѣ мягки и какъ бы отдѣлены отъ насъ дымкой тумана. Въ этомъ туманѣ обликъ характеризуемаго писателя колеблется, получая большую сложность, чѣмъ ему могло сообщить сознательное искусство портретиста. Для этой настоящей сложности его палитра бѣдна; у него нѣтъ того богатства категорій, которое способно хоть отчасти уловить многообразіе жизненнаго явленія. Онъ охотно примѣняетъ иные пріемы, которые удаляютъ его литературные портреты отъ категоричности силуэта, но даютъ имъ привлекательныя краски, не очень живыя, но и не крикливыя. Эти портреты напоминаютъ иллюстраціи, которыми украшена книга г. Айхенвальда. Это фотографіи, наклеенныя въ текстѣ. Нѣтъ ни рамки, ни какой иной связи съ печатной страницей: надъ заглавіемъ или текстѣ просто приклеена миленькая, но блѣдненькая фотографія, изображающая писателя. Совершенно то же въ портретахъ, набросанныхъ г. Айхенвальдомъ: они безъ рамки, безъ связи съ окружающимъ міромъ, безъ исторіи, безъ перспективы; они какъ будто написаны не съ живыхъ людей, а съ ихъ восковыхъ изображеній: иногда вѣрно, но всегда мертво. Исторіи г. Айхенвальда какъ будто предпочитаетъ свой догматъ; особенно любитъ онъ разсужденіе о томъ, достигъ или не достигъ характеризуемый писатель нѣкоторой особенной высоты прозрѣнія, сущности которой, однако, авторъ не уясняетъ. Въ пассивъ Крылову онъ ставитъ то, что «житейская мудрость не есть самое высокое и цѣнное въ мірѣ; то, что проникнуто ею, стелется по землѣ и не служитъ идеальнымъ запросамъ духа». «Удовлетворенность баснописца не есть то высшее просвѣтленное благоволеніе къ жизни, та человѣческая мудрость, которая побуждаетъ жить съ міромъ въ мирѣ, принять и благословить его: нѣтъ, Крыловъ доволенъ потому, что онъ не требователенъ. За то самъ онъ не удовлетворяетъ чужимъ требованіямъ, когда они идутъ за предѣлы неподражаемой формы и сверкающаго юмора». Здѣсь положительныя стороны творчества Крылова

конечно, умалены несправедливо. Но если бы это и было вѣрно, то позволительно спросить, какое значеніе имѣютъ эти неопредѣленныя «чужія»—дѣйствительно, чужія—требованія, обращенныя къ Крылову: «Будь, какъ Гете». Важно ли то, что Крыловъ не былъ Гете? Не безконечно ли важнѣе, что онъ былъ Крыловымъ? «Аксаковъ не поднялся на горныя вершины человѣческаго»; Гончаровъ въ сложной натурѣ «тонко подмѣтитъ и колоритно опишетъ то простое и внѣшнее, что въ ней есть,... но болѣе высокія проявленія ея духа не найдутъ себѣ съ его стороны искуснаго освѣщенія и чисто-художественной обработки»; Короленко тоже «ни разу не поднялся на торжественную и строгую вершину пушкинской неумолимости и простоты».

Это, конечно, очень удобная позиція: взять писателя и заявить, что онъ второй сортъ. Это удобно, потому что безспорно. Но если критика не есть выставленіе балловъ, а самостоятельное творчество, то г. Айхенвальду слѣдовало бы помнить, что всѣ эти безспорныя указанія на недосягаемыя вершины имѣютъ значеніе лишь постольку, поскольку ими уясняются эти вершины, поскольку ими конкретизируются высокія требованія. «Гетевская мудрость», «строгая вершина пушкинской неумолимости», «горныя вершины человѣческаго»—все это звучитъ очень хорошо, но не объясняетъ ничего, пока не наполнено конкретнымъ содержаніемъ. Тамъ, гдѣ нѣтъ и не чувствуется этой опредѣленности, этой конкретности—она совсѣмъ не исключаетъ спорности,—тамъ совершенно не оправданными являются претензіи, съ которыми г. Айхенвальдъ державно поучаетъ писателей вещамъ, довольно общеизвѣстнымъ. По его указанію, напримѣръ, Короленко «не знаетъ, что нѣтъ событій страшнѣе внутреннихъ, которыя протекаютъ въ будничной обстановкѣ и совсѣмъ не требуютъ для себя декорацій чрезвычайныхъ». А г. Айхенвальдъ знаетъ—радуемся за него. Радуемся за него и тогда, когда онъ, не пытаясь сопоставлять писателей второстепенныхъ съ первоклассными—въ уясненіе которыхъ онъ не внесъ ничего оригинальнаго—просто пытается передать настроенія и впечатлѣнія, порожденныя въ немъ ихъ творчествомъ. Напрасно только онъ передаетъ результаты своихъ читательскихъ размышленій въ стилѣ ораторски-приподнятомъ, съ вибраціей увлеченія въ голосѣ, съ осанкой благороднаго отца. Онъ знаетъ цѣну простотѣ, но не умѣетъ овладѣть ея тайной, ибо она требуетъ полнаго господства надъ матеріаломъ, а г. Айхенвальдъ чаще во власти своего словеснаго матеріала. Онъ не скажетъ «чарами» или «колдовствомъ», но «какой-то ворожбой проникъ ей въ сердце человѣкъ»; онъ не скажетъ «пахарь», но «оратай жизненнаго поля», не скажетъ «въ кругу», но «въ окруженіи своихъ родныхъ». Эта манерность раздражаетъ, потому что она характерна для всего творчества г. Айхенвальда. Онъ могъ бы обойтись безъ нея—и

этимъ сдѣлалъ бы болѣе привлекательной свою симпатичную портретную галлерею.

Проф. Брюкнеръ. Русская литература въ ея историческомъ развитіи. Переводъ съ нѣм. А. Г. Саввинскаго, подъ редакціей Ѳ. В. Битнера. Изд. «Вѣстника Знанія». Часть II. Спб. 1906. 180 стр.

Книга берлинскаго профессора имѣла въ Россіи «хорошую прессу»; къ ней отнеслись со всѣмъ вниманіемъ, которою заслуживала серьезная попытка образованнаго европейца познакомить нѣмцевъ съ судьбами русской литературы. Исторіи въ настоящемъ смыслѣ въ ней не много; она скорѣе представляетъ собой хронологическій по формѣ и критическій по содержанію vade-mecum для общаго обзора того, что подлежитъ непосредственному изученію. Европейскій читатель, знакомясь съ крупнымъ русскимъ писателемъ, никогда не знаетъ его мѣста въ литературѣ, его создавшей. Между нимъ и русскимъ писателемъ и такъ ужъ стоятъ непобѣдимыя преграды въ видѣ чужого языка, чужихъ бытовыхъ деталей, чужой психологіи. И писатель, воспринятый безъ всякаго знакомства съ окружающей его исторической обстановкой, внѣ связи съ литературнымъ движеніемъ, его несущимъ, получаетъ освѣщеніе подчасъ фантастическое, часто мертвенно-абстрактное.

Въ этихъ условіяхъ работа проф. Брюкнера могла вызвать въ русской критической литературѣ только благодарственный откликъ, и этимъ, быть можетъ, объясняются тѣ преувеличенія, которыя, на нашъ взглядъ, чувствовались въ похвальномъ отзывѣ профессора Алексѣя Н. Веселовскаго. Русскому читателю книга Брюкнера даетъ не много, и потому—вопреки указаніямъ нѣкоторыхъ критиковъ — не нуждалась въ переводѣ на русскій языкъ. Но эти указанія, разумѣется, не могли не соблазнить г. Битнера, который въ погонѣ за переводнымъ матеріаломъ для своихъ безчисленныхъ приложеній беретъ свое добро везде, гдѣ оно ему доступно. И онъ представилъ книгу Брюкнера русскому читателю въ такомъ переводѣ, который можетъ самаго горячаго противника международныхъ литературныхъ конвенцій обратить въ ихъ сторонника.

Переводчикъ этой исторіи русской литературы съ нѣмецкаго языка не знаетъ двухъ вещей: во-первыхъ, русской литературы и, во-вторыхъ, нѣмецкаго языка. Кромѣ того, онъ лѣнивъ и, отлично понимая, что переведенныя на нѣмецкій языкъ цитаты надо въ русскомъ изданіи передавать подлинными словами русскаго писателя, не всегда желаетъ отыскать ихъ въ оригиналѣ. Поэтому, напримѣръ, стихотвореніе Вл. Соловьева читатель имѣетъ удовольствіе читать въ чудесномъ, но прозаическомъ переводѣ съ нѣмецкаго. Но это, конечно, только мелкій эпизодъ тамъ, гдѣ «за рубежомъ» Щедрина называется «по ту сторону границы», гдѣ упоминаются «Полинька Заксъ» Дружинина и «Аммулатъ-Бей» Марлинскаго. По мнѣнію переводчика Репетиловъ у Грибоѣдова гово-

рилъ «да, водевиль это дѣло, все другое пустяки», въ «Онѣгинѣ» говорится «Вороны опустились на церковный крестъ», у Гоголя есть фраза: «Ты крадешь не по чину». Упоминаются «московскія лекціи» («друзей исторіи»), которыя были пріостановлены за то, что осмѣлились отпечатать сочиненія Флетчера; должно догадаться, что это «Чтенія въ обществѣ исторіи и древностей Россійскихъ». Лейбъ-кампанцы называются «лейбъ-ротами», «дворянская хандра», «дворянской ипохондріей», «Угрюмъ-Бурчеевъ» оказывается «городскимъ головой» и т. п. Но гораздо своеобразнѣе тѣ нелѣпости, которыя вызваны весьма сомнительными отношеніями переводчика къ нѣмецкому языку. «Благодаря своему роду, послѣднему изъ линіи Рюрика», — разсказываетъ онъ о князѣ В. Ѳ. Одоевскомъ—«онъ принадлежалъ не только къ литературѣ, но и къ высшимъ кругамъ». Все это, конечно, чепуха. Въ подлинникѣ сказано, что Одоевскій былъ послѣднимъ въ своемъ роду, происходящемъ отъ Рюрика, и принадлежалъ къ высшему кругу не въ одной только литературѣ. Вопреки утвержденію переводчика, онъ совсѣмъ не «пользовался заслуженнымъ почетомъ за свою исторію русской музыки», ибо таковой не писалъ; онъ имѣетъ иныя заслуги передъ русской музыкой — и о нихъ напоминаетъ проф. Брюкнеръ. Какъ иностранецъ, онъ иногда впадаетъ въ мелкіе промахи, которые могъ бы исправить русскій переводъ, но переводчикъ предпочитаетъ присоединять къ нимъ свои нелѣпости. Такъ, когда Брюкнеръ, по ошибкѣ, называетъ словарь иностранныхъ словъ, составленный Петрашевскимъ, рукописнымъ, въ русскомъ переводѣ читаемъ: «Петрашевскій... составитель, понятно, русскаго (?) словаря». И такихъ извращеній сколько угодно. Брюкнеръ говоритъ объ уніатахъ, переводчикъ передаетъ, это «единовѣрные братья»; Тютчевъ назвалъ іудами поляковъ; переводчикъ говоритъ, что поэтъ «нашелъ слова Іуды предателя». О г. Амфитеатровѣ переводъ повѣствуетъ: «Въ одно прекрасное утро онъ былъ арестованъ и съ того времени пошелъ въ гору (Въ подлинникѣ verschollen, т. е. исчезъ съ горизонта)... И причина? Невинные фельетоны, первый особенно незначителенъ; второй и третій, которые сгубили «Россію» (Въ подлинникѣ — какъ и слѣдуетъ: «которыхъ «Россія» не напечатала»), были значительно язвительнѣе...» Это хоть переврано, однако, понятно. Но представляемъ себѣ русскаго читателя, который прочтетъ, что по отношенію къ старикамъ Базаровымъ «салонная львица Одинцова и салонный левъ Кирсановъ только дождевики». Дождевики—какіе дождевики, г. Битнеръ? А очень просто. Въ подлинникѣ Boviste—грибы, которые по-русски дѣйствительно называются дождевиками. Въ періодѣ зрѣлости они лопаются и разлетаются—и эту особенность имѣетъ въ виду метафорическое значеніе, въ которомъ употребилъ ихъ названіе авторъ; по-русски слѣдовало сказать хотя бы «пустоцвѣтъ». Но переводчикъ увидалъ незнакомое слово, по-

лѣзъ въ словарь, нашелъ тамъ дождевиковъ и всадилъ ихъ въ свой переводъ. Еще бы! Онъ не понимаетъ даже простѣйшихъ оборотовъ и «Dobrolubow sollte Basarow sein» — т. е. «Базарова считали изображеніемъ Добролюбова»—переводитъ: «Добролюбовъ долженъ быть Базаровымъ». Кажется, довольно. Отмѣтимъ еще, что Островскій—по словамъ переводчика—«самаго значительнаго успѣха достигъ, когда поставилъ на сцену «Царство тьмы». Намъ неизвѣстна такая пьеса Островскаго, но г. Битнеръ нашелъ ее. Въ будущемъ году она — въ переводѣ съ заграничнаго — будетъ напечатана въ триста пятьдесятъ пятомъ приложеніи къ «Вѣстнику Знанія».

И. Лапшинъ. Законы мышленія и формы познанія. Спб. 1906. XII+327+93 стр. Ц. 2 р.

О каждой философской работѣ можно судить съ трехъ точекъ зрѣнія: во-первыхъ, можно спрашивать, не даетъ ли эта работа новой системы философскихъ истинъ; во-вторыхъ, можно отвѣчать на вопросъ о томъ, какія улучшенія вноситъ эта работа въ одну изъ нынѣ уже существующихъ философскихъ системъ; наконецъ, можно разматривать критическія замѣчанія автора, направленныя противъ философскихъ системъ, конкуррирующихъ съ его міровоззрѣніемъ.

Но, конечно, прежде всего можно поставить вопросъ вообще о научныхъ достоинствахъ разсматриваемой работы, о научномъ цензѣ ея творца. Отвѣчать на этотъ послѣдній вопросъ по отношенію къ вышеозначенной книгѣ г-на Лапшина очень легко: книга обнаруживаетъ такую замѣчательную ученость автора, такую вдумчивость и стройность мышленія, что высокій научный цензъ ея автора стоитъ внѣ всякаго сомнѣнія.

Возвращаясь къ вышеотмѣченнымъ тремъ возможнымъ точкамъ зрѣнія, мы, прежде всего, можемъ констатировать, что г-нъ Лапшинъ не является творцомъ новой философской системы. Онъ является вполнѣ опредѣленнымъ кантіанцемъ, и вся цѣль его работы заключается въ томъ, чтобы внести нѣсколько больше порядка въ эту довольно-таки противорѣчивую систему.

Теорія познанія Канта, какъ извѣстно, является, такъ сказать, трехъ-этажномъ зданіемъ: внизу, въ непосредственномъ соприкосновеніи съ почвой «ощущеній», помѣщены «формы интуиціи» (пространство и время); второй этажъ занятъ «категоріями» (количество, качество и т. д.); третій—«законами мысли», какъ выраженіемъ «трансцендентальнаго единства апперцепціи». Законы мысли это—старые знаменитые законы логиковъ: законъ тожества, законъ противорѣчія и законъ исключеннаго третьяго. Положеніе этихъ законовъ въ теоріи познанія Канта и является предметомъ изслѣдованія нашего автора. Для кантіанцевъ это очень важный вопросъ, а между тѣмъ относительно него существуютъ значительныя

колебанія и неясности, какъ у самого Канта, такъ и у его послѣдователей. Приложимъ ли, напримѣръ, законъ противорѣчія, гласящій, что вещь не можетъ «быть и не быть въ одно и то же время», приложимъ ли этотъ законъ только къ «явленіямъ», или онъ имѣетъ значеніе также и для «вещей въ себѣ»? Очевидно, что такой или иной отвѣтъ на этотъ вопросъ имѣетъ огромное значеніе для кантизма; очевидно, также, что для отвѣта на этотъ вопросъ нужно, прежде всего, рѣшить, связаны ли неизбѣжно «законы мысли» съ «категоріями» и «формами интуиціи». Ибо, очевидно, если окажется, что «законы мысли» не имѣютъ смысла внѣ «категорій» и «формъ интуиціи», тогда мы неизбѣжно должны будемъ признать, что эти «законы мысли» приложимы только къ «міру явленій», ибо основное положеніе кантизма гласитъ, что «категоріи» и «формы интуиціи» имѣютъ отношеніе только къ «міру явленій» и не имѣютъ никакого отношенія къ «вещамъ въ себѣ».

Г-нъ Лапшинъ и приходитъ именно къ тому выводу, что «законы мысли» приложимы только къ «міру явленій», и что, слѣдовательно, относительно «вещей въ себѣ» мы не можемъ сказать, могутъ ли онѣ существовать и не существовать въ одно и то же время.

Въ этомъ выводѣ и заключается вся суть изслѣдованія г-на Лапшина. Къ нему нашъ авторъ приходитъ путемъ стройныхъ, систематическихъ изысканій, подкрѣпленныхъ прекрасной эрудиціей. И мы тѣмъ охотнѣе можемъ принять этотъ выводъ нашего автора, что логически-проведенный кантизмъ имѣетъ замѣчательное свойство всегда подкапывать свои собственныя основанія.

Одинъ изъ наиболѣе уязвимыхъ пунктовъ философіи Канта заключается въ вопросѣ о «вещи въ себѣ». И намъ кажется, что г-нъ Лапшинъ не достаточно оцѣниваетъ опасности, связанныя съ этимъ вопросомъ для всего ученія Канта. То вѣрно, что «вещь въ себѣ» является совершенно постороннимъ ингредіентомъ въ системѣ Канта,—такимъ совершенно чуждымъ ингредіентомъ, относительно котораго вполнѣ послѣдовательный кантіанецъ не только не можемъ сказать, существуетъ-ли онъ или не существуетъ, но не можетъ даже отвѣтить на вопросъ, возможно-ли чтобы онъ существовалъ и не существовалъ въ одно и то же время. То вѣрно, также, что самъ Кантъ тяготился этимъ чуждымъ ингредіентомъ и былъ склоненъ отдѣлаться отъ него. Но, вмѣстѣ съ тѣмъ, вѣрно и то, что эта ни на что не нужная «вещь въ себѣ» не можетъ быть просто механически отрублена отъ остальной системы Канта и что съ исчезновеніемъ ея вся система Канта получаетъ непреодолимую тенденцію къ солипсизму и тогда всѣ преимущества системы Канта, сравнительно съ системами догматическаго идеализма исчезаютъ.

Въ этой неспособности кантизма отдѣлаться отъ явственно для

него не нужной и даже противорѣчивой «вещи въ себѣ» и заключается трагизмъ системы. Г. Лапшинъ не вывелъ кантизма изъ этого затрудненія, какъ не защитилъ его и по другому, связанному съ этимъ, пункту. Мы говоримъ о вопросѣ объ ощущеніяхъ и объ отношеніи ощущеній къ формамъ познанія. Эволюціонизмъ весьма легко можетъ признать всѣ «формы познанія» и «законы мысли» кантіанцевъ, но, будучи, въ сущности, болѣе критическимъ, чѣмъ самъ кантизмъ, эволюціонизмъ пытается опредѣлить право на существованіе всѣхъ этихъ «формъ» и «законовъ». А это право на существованіе можно доказать, лишь выяснивши источникъ возникновенія «формъ» и «законовъ». Здѣсь гордящійся своимъ критицизмомъ кантизмъ вполнѣ догматиченъ. Онъ совершенно не объясняетъ и не можетъ объяснить, какъ и почему возникли всѣ эти «формы интуиціи», «категоріи» и «законы мысли». Просто оказывается, что наше сознаніе накладываетъ эти формы на нѣчто; за то оно и познаетъ лишь то, что само же накладываетъ; мало того, оказывается, что даже неизвѣстно, существуетъ ли это нѣчто (т. е. «вещь въ себѣ»), на что оно накидываетъ свои формы, и покойнѣе было бы для кантизма, если бы вовсе и не существовало этого «нѣчто», съ которымъ онъ рѣшительно не знаетъ, что ему дѣлать.

Всѣхъ этихъ затрудненій избѣгаетъ эволюціонизмъ, который разсматриваетъ формы познанія (въ широкомъ смыслѣ слова, т. е. включая и «законы мысли»), какъ продуктъ постепенной эволюціи познанія. Конечно, подобная точка зрѣнія предполагаетъ, что первыя данныя сознанія не были облечены ни въ пространственную, ни во временную форму, ни въ форму количества, качества, субстанціальности и т. п., ибо, согласно съ эволюціонной точкой зрѣнія, всѣ эти «формы интуиціи» и «категоріи» являлись, какъ продуктъ взаимодѣйствія первичныхъ данныхъ сознанія.

Г. Лапшинъ, какъ послѣдовательный кантіанецъ, отвергаетъ, конечно, это ученіе эволюціонистовъ. Разсматривая доводы нашего автора по этому вопросу, мы и выяснимъ значеніе разбираемой нами книги съ третьей изъ указанныхъ въ началѣ нашей рецензіи точекъ зрѣнія, т. е. съ точки зрѣнія того, насколько успѣшно нашъ авторъ разрушаетъ системы, конкуррирующія съ защищаемой имъ системой.

Какъ мы выше видѣли, центръ тяжести спора эволюціонизма и кантизма заключается въ томъ, существуютъ ли такія первичныя данныя сознанія, которыя не были бы отлиты въ «формахъ интуиціи» и «категорій». Двѣ главы (вторую и третью) своего изслѣдованія г-нъ Лапшинъ, повидимому, посвящаетъ этому вопросу. Мы говоримъ «повидимому», потому, что *въ дѣйствительности* онъ этому вопросу почти ни одной строки не посвящаетъ. Въ самомъ дѣлѣ, вопросъ о свойствахъ *первичныхъ данныхъ сознанія* нашъ авторъ подмѣняетъ вопросомъ о свойствахъ *ощущеній* и

конечно, побѣдоносно доказываетъ, что «чистыхъ ощущеній» (т. е., ощущеній, не связанныхъ съ формами интуиціи и категоріями) не существуетъ. Свой взглядъ на этотъ вопросъ авторъ формулируетъ слѣдующимъ образомъ: «Необходимые законы и формы познанія, дѣйствительно, необходимы, то есть, произнося свово *ощущеніе*, мы всегда имѣемъ въ виду *ощущенія+ихъ необходимыя свойства* но... формы познанія могутъ на низшей ступени сознанія, *необходимо обусловливая* самую возможность ощущенія, тѣмъ не менѣе не быть выработанными въ *сознательныя понятія* о формѣ сознанія и законы мысли» (стр. 15).

Но вѣдь самыя ощущенія суть уже продукты долгой эволюціи, поэтому и не удивительно, что въ нихъ мы всегда найдемъ привходящими «формы познанія». Это все равно, какъ если бы кто либо, желая доказать, что всякому человѣческому существу по самой его природѣ присуща идея общественности, сталъ бы, для подтвержденія своего мнѣнія, искать среди европейскихъ народовъ человѣка, совершенно лишеннаго идеи общественности; и, затѣмъ, не найдя такого существа ни въ Россіи, ни въ Германіи, ни во Франціи, ни въ другихъ европейскихъ государствахъ,—счелъ бы себя въ правѣ на основаніи этого утверждать, что всякому человѣческому существу, самой его организаціи, до такой степени присуща идея общественности, что если бы даже мы взяли у самого первобытнаго дикаря его новорожденнаго ребенка и съ перваго же момента его существованія удалили его въ абсолютную пустыню, гдѣ онъ выросъ бы, питаясь лишь «манной небесной», то и тогда онъ имѣлъ бы идею общественности. Но даже этотъ примѣръ слабъ, ибо нашъ гипотетическій новорожденный дикарь всетаки унаслѣдовалъ бы, по крайней мѣрѣ, организацію, выработанную подъ вліяніемъ стадной жизни своихъ животныхъ предковъ, а вѣдь въ спорѣ эволюціонизма съ кантизмомъ идетъ рѣчь объ абсолютно первомъ данномъ сознанія. Понятно, что для рѣшенія этого вопроса объ абсолютно первомъ данномъ сознанія нельзя обращаться къ ощущеніямъ высокоразвитыхъ существъ, нельзя обращаться даже вообще къ организованнымъ существамъ: для этого нужно гипотетически воспроизвести тотъ моментъ мірового процесса, когда возникло это первое данное сознаніе.

На предположеніе о возможности подобнаго состоянія сознанія нашъ авторъ реагируетъ такъ: «Отчего же не предположить,—отвѣтимъ мы,—только не надо забывать, что такое сознаніе *для насъ* есть на вѣкъ запечатанная книга» (стр. 16).

А запечатана эта книга для кантіанца потому, что кантіанецъ не можетъ познать ничего, кромѣ того, что самъ же вложитъ въ предметъ познанія подъ видомъ «формъ интуиціи», «категорій» или «законовъ мысли»!

Н. Симбирскій.—Правда о Гапонѣ и 9-мъ января. Спб. 1906 г.

Личность священника Георгія Гапона, сыгравшаго такую видную и такую загадочную роль въ событіяхъ начала прошлаго года, несомнѣнно, интересуетъ и, вѣроятно, долго еще будетъ интересовать русское общество. Съ одной стороны, это—народный трибунъ, шедшій 9-го января, во главѣ петербургской рабочей массы, къ царскому дворцу и, очевидно, рисковавшій при этомъ жизнію... Съ другой — какъ будто, агентъ охраннаго отдѣленія и провокаторъ... Политическій эмигрантъ, писавшій статьи противъ правительства и входившій въ гласныя сношенія съ революціонными партіями,—по возвращеніи въ Россію онъ пользуется загадочной неприкосновенностью, вновь вступаетъ въ сношенія съ видными правительственными дѣятелями и даже получаетъ правительственную субсидію на «продолженіе своего дѣла». За всѣмъ этимъ слѣдуетъ трагическая и таинственная смерть: Гапона находятъ убитымъ въ пустой дачѣ, невдалекѣ отъ Петербурга. На этой дачѣ у него бывали, повидимому, свиданія и съ «революціонерами», и съ «охранниками». Убитъ онъ, какъ будто, первыми, но послѣдніе проявляютъ странную бездѣятельность при раскрытіи этого загадочнаго финала загадочной карьеры...

Таковы парадоксальные элементы, изъ которыхъ складывается біографія Гапона,—священника, революціонера и провокатора. Слить всѣ эти противорѣчія въ одинъ цѣльный образъ, прослѣдить странную исторію въ ея послѣдовательности и запутанныхъ изгибахъ,—значило бы, несомнѣнно, дать интереснѣйшій матеріалъ и для психолога, и для изслѣдователя нашихъ политическихъ нравовъ. Для этого, однако, прежде всего нужно твердо установить несомнѣнные факты, очистивъ ихъ отъ гаданій и выдумокъ, часто отзывающихся плохимъ бульварнымъ романомъ.

Пока для этого еще нѣтъ достаточныхъ данныхъ, и потому за обработку Гапоновской исторіи берется прежде всего книжная афера и реклама. Не такъ давно въ газетахъ появилась замѣтка, сообщающая, будто слѣдствіе по дѣлу объ убійствѣ Гапона уже теперь установило факты, отъ которыхъ всѣ должны «ахнуть». Теперь въ книжныхъ магазинахъ появляется книжка въ 226 страничекъ (цѣною въ 1 руб. 50 коп.) съ сенсаціоннымъ заглавіемъ, обѣщающимъ читателю «правду о Гапонѣ». Мы, конечно, не имѣемъ основаній ставить въ прямую генетическую связь появленіе этой замѣтки и этой книги. Несомнѣнно, однако, что на обѣихъ лежитъ общая печать: произведеніе г-на Симбирскаго стремится использовать тотъ интересъ читающей толпы къ «загадочной исторіи», которую газетная замѣтка обновляетъ и дразнитъ.

На стр. 91 авторъ говоритъ, между прочимъ: «Чтобы охарактеризовать настроеніе интеллигенціи Петербурга въ знаменательный день 9 января, приводимъ здѣсь безпристрастный отчетъ репортера... Писалъ его хроникеръ г. Э. и *по профессіональной*

привычкѣ сохранилъ *лишь фактическую точность»* (Курсивъ нашъ). Если бы самъ г. Симбирскій обладалъ этой похвальной профессіональной привычкой, то, конечно, постарался бы такъ же добросовѣстно собрать прежде всего именно такіе репортерскіе отчеты, обильно разсѣянные въ газетахъ, а также другіе газетные матеріалы, оглашенные по свѣжимъ слѣдамъ событій. Тогда мы не имѣли бы кричащей «Правды о Гапонѣ». но получили бы за то добросовѣстный сборникъ относящихся къ дѣлу печатныхъ матеріаловъ. Г. Симбирскій, очевидно, пренебрегаетъ столь скромной задачей. Уже въ предисловіи онъ сообщаетъ, что фигура Гапона будетъ лишь «скользить по всѣмъ пяти частямъ книги, посвященной *изслѣдованію рабочаго вопроса* послѣдняго времени». Итакъ, вмѣсто фактической «правды о Гапонѣ», которую обѣщаетъ заглавіе и которая, конечно, является для читателя наиболѣе интересной, г. Симбирскій подноситъ свои глубокомысленныя «изслѣдованія». Страница 5-я несетъ читателю новое разочарованіе: «Всѣ данныя, которыя мнѣ (т. е. г-ну Симбирскому) удалось сгруппировать, послужатъ мнѣ лишь для психологическихъ построеній». Итакъ, г. Симбирскій — не только изслѣдователь, но еще и «психологъ»... Какъ «психологъ», онъ ищетъ какой-то «психологическій, т. е. принципіально внутренній» (?!) взглядъ правительства на рабочій вопросъ» (стр. 19); какъ изслѣдователь, сообщаетъ, что, именно благодаря такому «психологическому взгляду» германскаго правительства «нѣмецкая соціалъ-демократія сдѣлала постановленіе (гдѣ? когда? въ какой формѣ?) — не допускать ни въ какомъ случаѣ (sic) революціи въ странѣ». Всѣ «изслѣдованія» и вся «психологія» г. Симбирскаго имѣетъ тотъ же характеръ,— наивной фразеологіи и претенціознаго невѣжества. Что же касается фактической «правды» о Гапонѣ, то читатель совершенно напрасно сталъ бы искать ее въ этой книжкѣ. Изложеніе ея до такой степени претенціозно и нетолково, что по прочтеніи книги въ головѣ читателя становится темнымъ даже то, что прежде казалось яснымъ. Повидимому, г. Симбирскій встрѣчался съ Гапономъ и, въ качествѣ газетнаго сотрудника, эксплуатировалъ это знакомство, когда Гапонъ сталъ «знаменитостью». Статьи его въ то время носили характеръ безусловнаго преклоненія передъ Гапономъ, который изображался безкорыстнѣйшимъ дѣятелемъ на благо рабочаго класса. Когда послѣдовали извѣстныя всѣмъ разоблаченія, г. Симбирскому тоже пришлось нѣсколько измѣнить тонъ. Теперь г. Симбирскій наскоро свелъ эти свои статьи подъ одну кричащую обложку, не потрудившись даже сгладить и устранить явныхъ противорѣчій. Такъ, на стр. 63 мы узнаемъ, что касса гапоновскихъ рабочихъ организацій составилась исключительно изъ членскихъ взносовъ. «Появляется запасный капиталъ въ банкѣ. Составленъ онъ изъ полтинниковъ и четвертаковъ самихъ рабочихъ». На стр. 81 г. Симбирскій «могъ бы привести длинный списокъ

рабочихъ, которымъ Гапонъ помогалъ изъ собственныхъ средствъ»,— «начиная отъ рубля и кончая иногда сотней». Откуда скромный священникъ имѣлъ средства для такой помощи? Впослѣдствіи стали извѣстны сношенія Гапона съ охраннымъ отдѣленіемъ, что, конечно, объясняетъ многое и въ первоначальной дѣятельности Гапона. Но «психологическія построенія» автора не считаются съ такими пустяками. На стр. 186 мы узнаемъ отъ г. Симбирскаго, что въ ноябрѣ 1905 года «Гапонъ имѣлъ какое-то таинственное свиданіе съ гр. Витте, но отъ полиціи скрылся». На стр. 197 Гапонъ «наединѣ» разсказываетъ автору, что «ему предлагаетъ Витте» такую-то комбинацію, а на стр. 218 сообщаетъ, что «графъ Витте *ниразу лично* не видѣлъ Гапона» и т. д., и т. д. «Заканчивая книгу и оставаясь на почвѣ фактовъ,—наивно заключаетъ г. Симбирскій,—опредѣленно сказать, что же такое Гапонъ нельзя». Въ свою очередь, «заканчивая рецензію», мы можемъ сказать совершенно опредѣленно, что книжка г. Симбирскаго, носящая крикливо-рекламное заглавіе, есть не что иное, какъ безпорядочная рыночная стряпня, разсчитанная на недоразумѣніе и сенсацію. Мы полагаемъ, что толковый и добросовѣстно составленный сборникъ относящагося къ Гапону печатнаго матеріала могъ бы и самъ по себѣ представить значительный интересъ. Но г. Симбирскій, вслѣдствіе излишнихъ претензій, торопливости или неумѣнія, не даетъ ничего или почти ничего даже въ этомъ направленіи, оставляя эту скромную задачу на долю «репортеровъ», болѣе, чѣмъ онъ, привычныхъ къ профессіональной точности и, прибавимъ также, къ болѣе толковому изложенію.

Новыя книги, поступившія въ редакцію.

(Значащіяся въ этомъ спискѣ книги присылаются авторами и издателями въ редакцію въ одномъ экземплярѣ и въ конторѣ журнала ***не продаются***. Равнымъ образомъ, контора не принимаетъ на себя коммиссіи по пріобрѣтенію этихъ книгъ въ книжныхъ магазинахъ).

П. Кампфмейеръ. Современный пролетаріатъ. Изданіе т-ва И. Д. Сытина. М. 1907. Ц. 25 к.

В. В. Половцовъ. Основы общей методики естествознанія. М. 1907. Ц. 1 р. 25 к.

В. Грагамъ. Соціализмъ, новый и старый. Спб. 1906. Ц. 1 р. 50 к.

Ѳ. П. Петерсонъ. Русская стенографія. Спб. Ц. 1 р. 50 к.

Е. М. Богословскій. Заболѣв. фабрич. раб. Бог.-Глух. и Истомкинской мануфактуръ Богород. уѣзда за 1896—1900 г.г. 1906. Ц. 50 к.

Л. Загаровъ Партія правового порядка. Спб. Ц. 7 к.

Х. Л. Рапопортъ. Жюль Гэдъ и франц. раб. партія. Спб. 1906. Ц. 15 к.

М. Днѣпровъ. Начало и конецъ абсолютизма во Франціи. Спб. 1906. Ц. 5 к.

Плято ф.-Рейсснеръ. Русско-польскій самоучитель. Варшава. 1906. Ц. 10 к.

Его же. Русско-нѣмецкій самоучитель. Варшава. 1906. Ц. 20 к.

Н. Казимировъ. Крестьянскіе платежи и зем. дѣят. въ Моск. губ. М. 1906. Ц. 30 к.

В. Емельяновъ. Радій въ роли дракона. Спб. 1906. Ц. 50 к.

Алексѣй Мошинъ. „Гашишъ". Спб. Ц. 1 р.

Евгеній Лексановъ. Стихотворенія. Одесса. 1906. Ц. 20 к.

Н. А. Лейкинъ. Въ люди вышелъ. Спб. 1906. Ц. 1 р.

М. I. Сагарадзе. Философская пропедевтика. Кутаисъ. 1906. Ц. 85 к.

П. Н. Соковнинъ. Культурный уровень крест. полевод. на надѣльной землѣ. Спб. 1906. Ц. 2 р. 50 к.

Городскія учрежденія Москвы, основанныя на пожертвованія. Изд. Москов. Гор. Общ. Управленія. М. 1906.

Два закона. Книгоизд. „Рабочій народъ". Спб. 1906.

Джонъ Митчелъ. Рабочіе союзы въ Америкѣ. Изд. С. Скирмунта. М. Ц. 50 к.

В. Фриче. Художественная литература и капитализмъ. Ч. I. Изд. С. Скирмунта. Ц. 50 к.

Б. Рессель. Очерки изъ исторіи германской с.-д. рабочей партіи. Изд. С. Скирмунта. Ц. 25 к.

Ж. Ж. Руссо. Общественный договоръ. Изд. Скирмунта. М. Ц. 40 к.

Генріетта Роландъ-Гольстъ. Всеобщая стачка и соціалъ-демократія. Изд. С. Скирмунта. М. Ц. 40 к.

Яльмаръ Бергстремъ. Люнгоръ и К°. Изд. Скирмунта. М. Ц. 40 к.

Михаилъ Туганъ-Барановскій. Современный соціализмъ въ своемъ историческомъ развитіи. М. Ц. 75 к.

Л. Кулакова. Великая крестьянская война въ Германіи. Изд. „Свободная Земля". Ц. 10 к.

К. Марксъ и ***Ф. Энгельсъ***. Святое семейство. Спб. 1906. I. Ц. 10 к., т. II. Ц. 16 к. Изд. „Новый Голосъ".

Марксъ и ***Энгельсъ*** наканунѣ ихъ историческаго выступленія. Спб. 1906. Ц. 7 к.

В. Д. Кузьминъ-Караваевъ. „Революціонное выступленіе". Думы и земельный вопросъ. Спб. 1907. Ц. 1 р.

В. Конштедтъ. Аграрный вопросъ въ германской соціалдемократіи. Спб. 1907. Ц. 75 к.

М. Б. Очерки по исторіи желѣзнодорожныхъ забастовокъ въ Россіи. М. 1907. Ц. 10 к.

В. Чарнолускій. Итоги общественной мысли въ области образованія. Спб. 1906. Ц. 50 к.

В. Д. Кузьминъ-Караваевъ. Изъ освободительнаго движенія. Спб. 1907. Ц. 1 р.

Ванъ-Коль. Колоніальная политика и соціалъ-демократія. Изд. т-ва „Знаніе". Спб. 1906. Ц. 5 к.

Антонъ Паннекекъ. Соціализмъ и религія. Изд. т-ва „Знаніе". Спб. 1906. Ц. 5 к.

Основные вопросы программы и тактики на съѣздахъ германской соціалъ-демократіи. Изд. „Движеніе". М. 1907. Ц. 35 к.

Л. Мартовъ. Пролетарская борьба въ Россіи. Изд. Н. Глаголева. Спб. Ц. 30 к.

В. Кожевниковъ. Великая крестьянская война въ Германіи. Изданіе Н. Глаголева. Спб. Ц. 60 к.

Н. Троцкій. Наша революція. Изд. Н. Глаголева. Спб. Ц. 1 р.

Исторія совѣта рабочихъ депутатовъ г. С.-Петербурга. Изд. Н. Глаголева. Ц. 1 р.

Г. Гауптманъ. Ткачи. Драма. Изд. Скирмунта. М. Ц. 15 к.

Генрихъ Ибсенъ. Собраніе сочиненій. Т. VIII. Изд. Скирмунта. М. Ц. 1 р. 50 к.

Б. Поповъ. Стихотворенія. Казань. 190..

А. Аловъ. О трамватическихъ повреждеціяхъ рабочихъ при работахъ на сельскозяйственныхъ машинахъ. Спб. 1906. Ц. 1 1 р. 50 к.

Макс. Бахъ. Австрія въ первую половину XIX вѣка. Изд. С. Скирмунта. М. и Спб. Ц. 2 р.

Народный календарь на 1907 г. Изд. „Свободная Земля". Ц. 20 к.

Н. Г. Чернышевскій. Собраніе сочиненій. Прологъ. Т.Т. II, V. X, ч. I и ч. II. Изд. М. Н. Чернышевскаго. Спб. 1906.

Ю. Волинъ. Разсказы. Книгоизд. „Глобусъ". Спб. 1907. Ц. 1 р.

Пѣсни молодой Іудеи. Изъ журн. „Молодая Іудея". Ялта. 1906. Ц. 10 к.

К. А. Пановъ. Впередъ. Стихотворенія. Изд. Т. Беккеръ. Спб. 1907. Ц. 50 к.

Артуръ Арну. Народъ и правительство Коммуны. Изд. „Новая библіотека". Спб. Ц. 50 к.

Эрнестъ Ренанъ. Апостолы. Изд. М. В. Пирожкова. Спб. 1907. Ц. 1 р. 50 к.

М. Суперанскій. Начальная народная школа въ Симбирчальная наніи. Симбирскъ. 1906.

Ю. Делевскій. Историческій м-

теріализмъ въ его логической аргументаціи. Спб. 1906. Ц. 20 к.

К. Фортунатовъ. Національныя области Россіи. Спб. 1906. Ц. 8 к.

Леопольдъ Пфаундлеръ. Физика обыденной жизни. Изд. т-ва „Общественная Польза". Спб. 1907. Ц. 3 р.

Баронъ А. Е. Ровенъ. Записки декабриста. Изд. т-ва „Общественная Польза". Спб. 1907. Ц. 3 р.

Проф. К. Черри. Развитіе карательной власти въ древнихъ общинахъ. Спб. 1907. Ц. 50 к.

Методическое руководство для веденія школьныхъ сочиненій. Состав. *В. Самсоновъ*. Спб. 1907. Ц. 60 к.

С. Помпеевъ. Подъ раскатами боя. Спб. 1906. Ц. 1 р.

Владиміръ Радомскій. Сынъ народа. Спб. 1906. Ц. 1 р. 50 к.

Эдуардъ Гартманъ. Міровоззрѣніе современной физики. Астрахань. 1906. Ц. 1 р.

Сводъ свѣдѣній о финансовыхъ результатахъ и главныхъ оборотахъ по казенной продажѣ питей за 1905 г. Спб. 1906.

Эрнстъ Геккель. „Міровыя загадки". Книгоизд. И. Д. Иванова. М. 1907. Ц. 80 к.

А. Богдановъ. Изъ психологіи общества. Книг. „Паллада". Спб. 1906. Ц. 80 к.

В. В. Производство и потребленіе въ капиталистическихъ обществахъ. Спб. 1907. Ц. 30 к.

Кириллъ. Одиннадцать дней на „Потемкинѣ". Спб. 1907. Ц. 1 р.

А. А. Черкасовъ. Стихотворенія. Томъ I. Екатеринбургъ. 1906. Ц. 50 к.

Юрій Ларинъ. Широкая рабочая партія и рабочій съѣздъ. М. 1906. Ц. 20 к.

Бентамъ. Тактика законодательныхъ собраній. Изд. Л. А. Велихова. Спб. 1907, Ц. 1 р.

В. Д. Козловъ. Очерки и разсказы изъ минувшей войны. Спб. 1906. Ц. 1 р.

Эрвинъ Бяльцъ. О воинственномъ духѣ японцевъ и ихъ презрѣніи къ смерти. Спб. 1906. Ц. 50 к.

П. Россовъ. Національное самосознаніе корейцевъ. Спб. 1906. Ц. 30 к.

Указатель наглядныхъ учебныхъ пособій. Спб. 1906. Ц. 35 к.

О средне-учебныхъ заведеніяхъ Родительскаго кружка въ сл. Покровской, Самарской губ. 1906.

Ст. Ивановичъ. Анархисты и анархизмъ въ Россіи. Спб. 1907. Ц. 7 к.

Ст. Деревенскій. Что говорятъ про землю соц.-революціонеры и соціалъ-демократы? 1907. Ц. 6 к.

Б. Веселовскій. Какое мѣстное самоуправленіе нужно народу. Спб. 1906. Ц. 7 к.

Съѣздъ учителей и дѣятелей средней школы въ Петербургѣ. Спб. 1906. Ц. 85 к.

К. М. Таръ. Очеркъ петербургскаго рабочаго движенія 90-хъ годовъ. Спб. 1906. Ц. 30 к.

Ромэнъ-Ролланъ. 14-е іюля (Взятіе Бастиліи). Драма въ трехъ дѣйствіяхъ. Спб. 1907. Ц. 40 к.

З. Н. Гиппіусъ. Новые люди. Разсказы. Спб. 1907.

Л. Н. Толстой. О значеніи русской революціи. Изд. „Посредникъ". М. Ц. 15 к.

Н. И. Кулябко-Корецкій. Франція въ XIX вѣкѣ. Изд. т-ва И. Д. Сытина. М. 1906. Ц. 79 к.

Максимъ Ковалевскій. Отъ прямого народоправства къ представительному. Томъ II. Изд. И. Д. Сытина. М. 1906. Ц. 2 р.

В. К. Агафоновъ. Наука и жизнь. Спб. 1906. Ц. 1 р.

Хозяйственно-статистическій обзоръ Уфимской губ. за 1905. Изд. Уфим. губ. земск. управы. Уфа. 1906.

В. I. Храневичъ. Очерки экономическаго быта крестьянства въ Царствѣ Польскомъ. Спб. 1906. Ц. 80 к.

А. Амфитеатровъ. Современныя сказки. Изд. „Шиповникъ". Спб. 1907. Ц. 55 к.

Гюберъ Лягарделль. Революціонный синдикализмъ. Изд. „Шиповникъ". Спб. 1906. Ц. 40 к.

Θедоръ Сологубъ. Политическія сказочки. Изд. „Шиповникъ". Спб. 1906. Ц. 30 к.

Д. Фефеловъ. Магнито-оптическія явленія. Одесса. 1906.

Д-ръ Эпштейнъ. Здоровье рабочаго и фабричная гигіена. Книгоизд. „Сѣятель". Нижній-Новгородъ. 1906. Ц. 3 к.

А. Б. Петрищевъ. Очерки и разсказы. Спб. 1906. Ц. 40 к.

П. Вихляевъ. Конституціонно-демократическая партія и земельная реформа. Изд. „Молодая Россія". Москва. 1906. Ц. 10 к.

Ж. Ренаръ. Мысли о будущемъ. Изд. „Молодая Россія". М. 1906. Ц. 12 к.

Обзоръ отраслей промышленности въ Закавказскомъ краѣ. Отчетъ Л. Л. Першке. Тифлисъ. 1905.

Отчетъ главнаго управленія неокладныхъ сборовъ за 1904. Спб. 1906.

— —

Статистика по казенной продажѣ питей. Спб. 1906.

Поступленіе акциза съ спирта и вина за 1864—1901 гг. Спб. 1906.

Л. Шишко. Очерки по вопросамъ экономики и исторіи. М. Ц. 60 к.

А. Ламартинъ. Исторія жирондистовъ. Изд. В. А. Тиханова. Т. I, II. III и IV. Спб. 1902, 1903, 1904 и 1906 гг. Ц. за 4 тома 6 р.

А. И. Гальденбергъ. Бесѣды по счисленію г. Саратова. 1906. Ц. 1 р. 25 к.

Собраніе стихотвореній декабристовъ. Т. II. Изд. И. И. Ѳомина. М. Ц. 1 р. 50 к.

В. Ф. фонъ-Дитмаръ. Записка XXXI съѣзду горнопромышленниковъ Юга Россіи. Харьковъ. 1906.

Его же. Записка по поводу законопроектовъ М-ва торговли и промышленности по рабочему вопросу. Харьковъ. 1906.

Ст. Струмилинъ. Слово крестьянской бѣднотѣ, Ростовъ на Дону. 1906. Ц. 10 к.

Отчетъ крестьянскато поземельнаго банка за 1904 г., государственнаго дворянскаго земельнаго банка за 1904 г., особаго отдѣла государственнаго дворянскаго земельаго банка за 1904 г., государственнаго дворянскаго земельнаго банка по ликвидаціи Саратовско-Симбирскаго земельнаго банка за 1904 г. Спб. 1905 и 1906 г.г.

Стихи. Сборникъ для выразительнаго чтенія. Спб. 1907. Ц. 1 р.

Вс. Барановъ. Легенда объ Іудѣ. Спб. 1906. Ц. 1 к.

В. А. Анзимировъ. „Крамольники". Хроника изъ радикальскихъ кружковъ 70-хъ годовъ. М. 1907. Ц. 50 к.

Н. I. Женишенъ. Жизнь, какъ она есть. Книга I. М. 1906. Ц. 1 р.

Дебри (The jungle). Романъ *Уптона Синклера*. Изд. И. Д. Сытина). М. 1907. Ц. 1 р. 25 к.

М. Закревская-Рейхъ. Сонъ жизни. Стихотворенія. Ч. 1 и 2. Спб. 1907.

П. А. Берлинъ Политическая борьба въ парламентѣ и внѣ ен. Изд. О. Н. Поповой. Спб. 1906. Ц. 10 к.

В. Базарова. Анархическій коммунизмъ и марксизмъ. Спб. 1906. Ц. 30 к.

Авлъ Геллій. Мысли о русской революціи. Спб. 1907. Ц. 30 к.

Ренаръ. Рѣчи о будущемъ. Изд. Л. Крюмбюгель. М. 1907. Ц. 10 к.

Возрожденіе. Сборникъ статей. 1905. Ц. 65 к.

Х. Житловскій. Соціализмъ и національный вопросъ. Изд. „Серпъ". Кіевъ—Спб. Ц. 30 к.

М Б. Ратнеръ. Эволюція соціалистической. мысли въ національномъ вопросѣ. Изд. „Серпъ". Кіевъ—Спб. Ц. 20 к.

М. Б. Ратнеръ. О національной и территоріальной автономіи. Кіевъ—Спб. Ц. 20 к.

С. Мельгуновъ. Церковь и государство въ Россіи. Сборникъ статей М. 1907. Ц. 50 к.

И. Сухоплюевъ. Послѣдствія неурожаевъ въ Россіи. М.

В. В. Кротновъ. Современное вопросы. Спб. 1907. Ц. 30 к.

М. Л. Хейсинъ. Профессіональные рабочіе союзы. Спб. 1907. Ц. 30 к.

Эдуардъ Бернштейнъ. Основныя условія хозяйственной жизни. Спб. 1907. Ц. 10 к.

Соціализмъ въ Англіи. Сборникъ статей англ. соціалистовъ, составл. *С. Веббомъ*. Спб. 1907. Ц. 1 р.

Дж. Кеннанъ. Сибирь и ссылка. Т. I Спб. 1907. Ц. 1 р. 50 к.

Н. Огановскій. Какъ смотрятъ разныя политическія партіи на земельный вопросъ. М. 1907. Ц. 10 к.

Н. Манасеина. Разсказы для дѣтей. Изд. журн. „Тропинка". Спб. 1906. Ц. 1 р. 50 к.

П. Соловьева (Allegro). Елка. Стихи для дѣтей. Изд. журн. „Тропинка". Спб. 1906. Ц. 50 к.

М. С. Безобразова. Исторія одного воробья. Изд. журн. „Тропинка". Спб. 1906. Ц. 25 к.

В. Поливановъ. Воронъ.—Индѣйцы Изд. журн. „Тропинка". Спб. 1906. Ц. 25 к.

Анатоль Франсъ. Пчелка. Сказка. Изд. журн. „Трапинка". Спб. 1906. Ц. 25 к.

Николай Бердяевъ. Sub. specie aeternitatis. Спб. 1907. Ц. 2 р.

Хроника внутренней жизни.

I. Думская кампанія.—II. Указъ о грабежѣ.—III. Углубленіе революціи.—IV. Ея усложненіе.

I.

«Граждане, готовьтесь къ выборамъ!»—въ прошломъ году этотъ призывъ, исходившій отъ к.-д. партіи, раздался во время вооруженнаго возстанія. Избирательная кампанія началась, когда крайнія и вмѣстѣ съ тѣмъ наиболѣе активныя изъ борющихся силъ находились на другомъ театрѣ военныхъ дѣйствій. Подавивъ возстаніе, правительство увлеклось преслѣдованіемъ революціонеровъ и удѣлило сравнительно мало вниманія избирательной борьбѣ. Правда, его выстрѣлы попадали и въ тѣхъ, кто находился на этой аренѣ; но это были случайные перелеты, а не систематическій обстрѣлъ. Съ другой стороны, революціонеры, только что понесшіе тяжелое пораженіе, оказались не въ силахъ сколько-нибудь энергично развить принятую ими по отношенію къ Думѣ тактику бойкота. Изъ представителей революціонныхъ организацій на предвыборныхъ собраніяхъ мелькали кое-гдѣ лишь соціалъ-демократы, да и то изъ второстепенныхъ... Эти условія опредѣлили собою своеобразный характеръ прошлогодней думской кампаніи и обезпечили легкую побѣду к.-д. партіи на выборахъ.

Совершенно иначе складываются обстоятельства теперь. Выборы начинаются въ періодъ общественнаго затишья и полнаго отсутствія какихъ-либо массовыхъ выступленій. Идетъ лишь партизанская борьба. Схватки происходятъ многочисленныя и ожесточенныя, но по составу участвующихъ въ нихъ силъ онѣ не могутъ перейти въ правильное сраженіе. Отвлечь всѣ силы непріятеля эта борьба не можетъ: по крайней мѣрѣ, само правительство, выдвинувъ противъ партизановъ революціи военно-полевые суды, считаетъ, повидимому, себя съ этой стороны достаточно обезпеченнымъ. Думской кампаніи оно удѣляетъ теперь несравненно больше вниманія. Имъ уже предпринятъ на этомъ полѣ цѣлый рядъ тактическихъ обходовъ въ видѣ сенатскихъ разъясненій, всякаго рода подачекъ и другихъ, быть можетъ, не вполнѣ еще опредѣлившихся, движеній. Избирательная арена теперь будетъ имъ подвергнута, и подвергается уже систематическому обстрѣлу. Въ сферѣ огня оказывается на этотъ разъ и к.-д. партія. Но она не одна поведетъ кампанію. Революціонныя партіи, сбитыя съ боевыхъ высотъ, которыя онѣ было заняли, рѣшили принять въ думской кампаніи дѣятельное участіе. Многіе другіе участники

общественной борьбы волей-неволей должны были перейти туда, куда перешли ихъ враги и союзники. Въ эту сторону передвинулись, такимъ образомъ, организованныя силы той и другой стороны.

И оба стана средь равнины
Другъ друга хитро облегли...

Очевидно, здѣсь именно произойдетъ или, по крайней мѣрѣ, начнется ближайшее сраженіе. По составу силъ, намѣревающихся принять въ немъ участіе, оно можетъ оказаться однимъ изъ тѣхъ, которыя принято называть генеральными. Но это еще не значитъ, конечно, что оно рѣшитъ судьбу всей революціонной кампаніи...

II.

Не ограничиваясь ожесточенной борьбой съ партизанами революціи и усиленной подготовкой къ думскимъ выборамъ, правительство предприняло глубокій—стратегическій, если употребить военный терминъ,—обходъ всей революціи въ формѣ цѣлаго ряда аграрныхъ декретовъ. Объ этой «революціи наоборотъ» мнѣ пришлось уже говорить въ «Народно-соціалистическомъ Обозрѣніи» *). Теперь въ этомъ направленіи сдѣланы новые рѣшительные шаги. Въ тылъ революціонной арміи правительство выслало лихихъ наѣздниковъ. Оно обратилось къ «людямъ смѣлаго почина» изъ среды самого крестьянства и сказало имъ:

— Грабьте!... Только не помѣщиковъ, а своихъ же общинниковъ...

«Каждый домохозяинъ, владѣющій надѣльною землею на общинномъ правѣ—говорится въ указѣ 9 ноября—можетъ во всякое время требовать укрѣпленія за собою въ личную собственность причитающейся ему части изъ означенной земли». Можетъ требовать,—и общество не вправѣ отказать ему. Если оно не выполнитъ предъявленнаго къ нему требованія, то это сдѣлаетъ за него земскій начальникъ. Если оно добровольно не отдастъ свою землю, то у него возьмутъ ее силой.

Что въ данномъ случаѣ санкціонируется именно грабежъ, ясно будетъ для всякаго, кто хоть не много вдумается въ смыслъ «указа объ экспропріаціи». Можно ли, въ самомъ дѣлѣ, говорить, что общинная земля кому-либо причитается «лично» и тѣмъ болѣе «въ собственность»? «Каждый домохозяинъ... можетъ во всякое время требовать»... По существу это значитъ то же, что предоставить каждому право «во всякое время требовать въ личную собственность причитающуюся ему часть»... изъ государственнаго казначейства. Допустимъ даже, что это будутъ не обыватели, а

*) „Народно-соціалистическое Обозрѣніе", вып. I.

чиновники, между которыми дѣлятся у насъ казенныя деньги. Можно ли предоставить каждому изъ нихъ право укрѣпить «причитающуюся ему часть» казеннаго сундука въ его личную собственность?

«Причитающуюся ему часть»... Можетъ быть, въ этихъ словахъ заключается принципіальная разница между грабежемъ и укрѣпленіемъ общинной земли въ личную собственность? Этими словами указному грабежу какъ будто ставятся опредѣленные предѣлы: экспропріація частнаго имущества—имущества третьихъ лицъ—повидимому, не допускается. Но это только кажется. Въ дѣйствительности же...

Какимъ образомъ, въ самомъ дѣлѣ, указъ опредѣляетъ часть, «причитающуюся» отдѣльному домохозяину? «Въ обществахъ, въ коихъ не было общихъ передѣловъ въ теченіе 24 лѣтъ... укрѣпляются въ личную собственность... всѣ участки общинной земли, состоящіе въ его постоянномъ (не арендномъ) пользованіи». По отношенію къ такимъ обществамъ укрѣпленіе земли въ личную собственность представляется на первый взглядъ достаточно правомѣрнымъ и, вмѣстѣ съ тѣмъ, опредѣленіе доли каждаго домохозяина достаточно правильнымъ. Если въ общинѣ такъ долго не было общаго передѣла, то можно предполагать, что въ ней установился уже частно-правовой взглядъ на надѣльную землю и что послѣдняя считается собственностью тѣхъ домохозяевъ, въ пользованіи которыхъ она находится. Дѣйствительность, однако, далеко не всегда оправдываетъ такія предположенія. Можно было бы указать массу фактовъ, когда общины, не передѣлявшія землю 25—30 и даже 40 лѣтъ, возобновляли общіе передѣлы. Изъ этого слѣдуетъ, что отсутствіе послѣднихъ вовсе еще не означаетъ, что общинныя воззрѣнія уступили свое мѣсто другимъ взглядамъ на землю. Вопросъ объ общемъ передѣлѣ представляется обыкновенно столь сложнымъ и труднымъ, что рѣшить его утвердительно даже тамъ, гдѣ правомѣрность этого акта не вызываетъ въ населеніи никакихъ сомнѣній, удается далеко не сразу. Не рѣдко многіе годы проходятъ послѣ того, какъ потребность въ передѣлѣ всѣми сознана и признана, а крестьяне все не рѣшаются приступить къ нему: такая масса хлопотъ, неудобствъ и непріятностей сопряжена съ нимъ! Только зная, какъ много радости, бодрости и согласія вноситъ удачно совершенный передѣлъ въ общинную жизнь, можно понять, откуда, въ концѣ концовъ, берется у крестьянъ рѣшимость всетаки взяться за это дѣло.

Что касается количества земли, какое можетъ присвоить себѣ каждый домохозяинъ въ непередѣлявшихъ общинахъ, то даже съ частно-правовой точки зрѣнія 24-лѣтній срокъ пользованія надѣльною землею представляется безусловно-недостаточнымъ для обоснованія права собственности на нее. Не 24 года, а въ большинствѣ случаевъ много дольше платили крестьяне выкупъ за надѣль-

ную землю. На какомъ же основаніи присвоитъ себѣ данный участокъ тотъ, кто платилъ за него лишь послѣдніе 24 года, когда платежи были легче, и отниметъ даже надежду на него у того, кто выкупалъ эту землю, когда платежи были особенно тяжелы?

Въ дѣйствительности присвоеніе надѣльной земли, совершаемое по указу 9 ноября, въ непередѣлявшихъ общинахъ часто будетъ отливаться въ еще болѣе грубую форму. Дѣло въ томъ, что указъ говоритъ объ обществахъ, въ коихъ за послѣдніе 24 года не было «общихъ» передѣловъ. Между тѣмъ, если такихъ передѣловъ не было, то это вовсе еще не значитъ, что размѣры землепользованія отдѣльныхъ домохозяевъ все время оставались въ данной общинѣ неизмѣнными.

Въ нѣкоторыхъ случаяхъ общіе передѣлы, соединенные по установившемуся уже обычаю съ ломкою межъ, не возможны. Въ качествѣ примѣра укажу Весьегонскій уѣздъ Тверской губ. Въ Заможской его части почва крайне камениста; очищая отъ камней пашню, крестьяне стаскивали ихъ на межи, и послѣднія представляютъ изъ себя теперь каменныя ограды. Въ восточной части того же уѣзда встрѣчаются мѣста, гдѣ почва болотиста; чтобы предупредить вымоканіе хлѣба, крестьяне путемъ особой вспашки постепенно превратили здѣсь межи въ канавы. Само собой понятно, что ни въ той, ни въ другой мѣстности какая-либо ломка межъ не возможна. Уравнительное распредѣленіе земли, поскольку таковое практиковалось здѣсь, осуществлялось при помощи частныхъ передѣловъ, путемъ свалки и навалки. Въ другихъ случаяхъ—въ особенности въ мелкихъ общинахъ—общіе передѣлы часто бываютъ не нужны, такъ какъ для уравненія достаточно иногда бываетъ измѣнить число душъ у двухъ-трехъ домохозяевъ и изъ-за этого нечего устраивать общій передѣлъ даже въ «подвижку», такъ какъ свести полосы къ одному мѣсту можно путемъ «пересадки». Такимъ образомъ, и при отсутствіи общихъ передѣловъ размѣры землепользованія отдѣльныхъ домохозяевъ, благодаря частнымъ передѣламъ, которые вовсе игнорируются въ указѣ, могли существенно и при томъ не одинъ разъ за послѣдніе 24 года измѣниться. И тѣ участки, которые домохозяинъ укрѣпитъ въ свою личную собственность, быть можетъ, недавно были переданы ему сосѣдомъ или обществомъ.

Въ сущности, трудно себѣ представить такія общины—и я думаю, что онѣ представляютъ исключеніе,—въ которыхъ въ теченіе двухъ-трехъ десятковъ лѣтъ количество земли у всѣхъ домохозяевъ оставалось неизмѣннымъ. Если не было ни общихъ передѣловъ, ни частныхъ свалокъ, то, навѣрное, были «упалыя» души, оставшіяся послѣ вымершихъ дворовъ или ушедшихъ на сторону. Въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ общины, во избѣжаніе недоразумѣній, сдаютъ «мірскія» души не иначе, какъ въ срочное пользованіе. Не вездѣ, однако, крестьяне были такъ предусмотрительны, и въ громадномъ

большинствѣ случаевъ упалыя души розданы отдѣльнымъ домохозяевамъ безъ всякихъ условій или «до передѣла». Теперь эта земля можетъ быть ими присвоена въ личную собственность. Умершіе, конечно, не обидятся, но ушедшіе на сторону могутъ вѣдь вернуться. Не найдя своей «души», которая «ходила въ міру», они почувствуютъ себя, конечно, ограбленными.

Я съ нѣкоторою подробностью остановился на общинахъ, въ которыхъ давно не было общихъ передѣловъ, такъ какъ укрѣпленіе земли, находившейся въ постоянномъ пользованіи отдѣльныхъ домохозяевъ, въ личную ихъ собственность можетъ показаться съ перваго взгляда вполнѣ соотвѣтствующимъ установившемуся въ этихъ общинахъ правосознанію. Что касается обществъ, практикующихъ общіе передѣлы, то въ нихъ укрѣпленіе надѣльной земли въ личную собственность будетъ имѣть всѣ признаки самаго беззастѣнчиваго расхищенія общественнаго достоянія. По указу 9 ноября въ такихъ общинахъ укрѣпляются въ личную собственность домохозяина «всѣ тѣ участки общинной земли, которые предоставлены ему обществомъ въ постоянное, впредь до общаго передѣла, пользованіе». Предоставлены впредь до общаго передѣла... Договоръ, казалось бы, ясный: въ немъ нѣтъ никакого намека на собственность. Тѣмъ не менѣе земля можетъ быть присвоена домохозяиномъ, хотя бы ее выкупали до послѣдняго передѣла совсѣмъ другія лица. Само собой понятно, что этимъ правомъ на расхищеніе поспѣшатъ воспользоваться наиболѣе многоземельные домохозяева и въ особенности тѣ, которые при слѣдующемъ передѣлѣ почему-либо должны получить меньше земли, чѣмъ находится теперь въ ихъ пользованіи. Правда, одинъ изъ такихъ случаевъ предусмотрѣнъ въ указѣ: «если въ постоянномъ пользованіи желающаго перейти къ личному владѣнію домохозяина состоитъ земли больше, нежели причиталось бы на его долю на основаніи послѣдней разверстки по числу разверсточныхъ единицъ въ его семьѣ ко времени упомянутаго заявленія, то за нимъ укрѣпляется въ личную собственность то количество общинной земли, какое причитается ему по указанной разверсткѣ». Онъ, однако, можетъ и и излишекъ имѣющейся у него земли оставить за собою, «подъ условіемъ уплаты обществу его стоимости, опредѣляемой по первоначальной средней выкупной цѣнѣ за десятину». Но вѣдь «первоначальная выкупная цѣна» была много ниже того, что стоитъ теперь земля, и даже того, что переплатило за нее въ видѣ процентовъ и погашенія общество. Такъ, первоначальная выкупная цѣна за землю, поступившую въ надѣлъ помѣщичьимъ крестьянамъ, была назначена въ среднемъ около 25 руб. за десятину (тогда эта цѣна была, по крайней мѣрѣ, въ полтора раза выше рыночной); крестьяне уплатили выкупныхъ платежей около 50 руб. на каждую десятину; теперь рыночная цѣна ей около 100 руб. Уплатить 25 руб. за то, что стоитъ вчетверо дороже—это такая выгодная

афера, которую, конечно, не замедлятъ предпринять «удачники». «Причитающаяся имъ часть»... Легко понять, что имъ «причтется» ровно столько, сколько окажется въ наличности. Разница въ этомъ отношеніи съ обыкновенными грабителями только та, что они могутъ экспропріировать безъ всякаго риска.

Надо сказать, что указъ предусматриваетъ лишь одинъ случай «излишка» земли, а именно, когда уменьшилось число разверсточныхъ единицъ въ семьѣ желающаго присвоить ее домохозяина. Между тѣмъ, при слѣдующемъ передѣлѣ количество земли, причитающейся на его долю, можетъ уменьшиться и по другимъ причинамъ: можетъ увеличиться общее число разверсточныхъ единицъ, могутъ измѣниться основанія разверстки. Легко понять, что всѣ, для кого передѣлъ по тѣмъ или инымъ причинамъ можетъ быть не выгоденъ, поспѣшатъ заранѣе укрѣпить землю въ личную собственность. Съ изданіемъ указа 9 ноября передѣлы сдѣлались въ сущности невозможными, и недаромъ этотъ указъ получилъ названіе указа о разрушеніи общины.

До сихъ поръ я говорилъ о расхищеніи общественнаго и сосѣдскаго достоянія. Въ дѣйствительности указъ 9 ноября даетъ «смѣлымъ людямъ» еще большія права. Онъ говоритъ имъ:

— Грабьте не только однообщинниковъ, но и сродственниковъ... Дѣтей грабьте!.. Не грабьте только помѣщиковъ.

Земля вѣдь будетъ укрѣпляться въ *личную* собственность, и это настойчиво подчеркивается въ указѣ. Больше того: въ немъ имѣется спеціальный раздѣлъ, коимъ подворные участки повсемѣстно превращаются въ личные. Указъ разрушаетъ такимъ образомъ институтъ не только общиннаго, но и подворнаго землевладѣнія. Онъ наноситъ ударъ всему крестьянскому двору и вмѣстѣ съ нимъ крестьянской семьѣ.

Возможны и несомнѣнно будутъ имѣть мѣсто такіе случаи. Крестьяне очень часто уходятъ на сторону, не требуя себѣ отъ семьи земельнаго выдѣла. Нерѣдко даже выдѣленная земля передается брату, дядѣ или племяннику. Такихъ случаевъ, когда земля оставлена у «сродственниковъ», найдется очень много,—можетъ быть даже больше, чѣмъ тѣхъ, когда земля «ходитъ въ міру». Полученной отъ родственниковъ землей домохозяинъ обыкновенно пользуется совершенно такъ же, какъ и своимъ надѣломъ. Вмѣстѣ съ послѣднимъ онъ и укрѣпитъ ее въ свою личную собственность *).

*) Правда, въ указѣ говорится, что „въ тѣхъ случаяхъ... когда участки находятся въ нераздѣльномъ владѣніи нѣсколькихъ лицъ, не состоящихъ между собою въ родствѣ по прямой нисходящей линіи, они составляютъ общую ихъ собственность". Такимъ образомъ, права родственниковъ по боковымъ линіямъ какъ будто гарантированы.

Но это правило, судя по контексту, имѣетъ силу по отношенію къ тѣмъ лишь участкамъ надѣльной земли, которые изъ общиннаго владѣнія уже изъяты. Что касается первоначальнаго укрѣпленія въ личную

До сихъ поръ русскій пролетарій въ массѣ своей могъ имѣть надежду, что въ случаѣ чего онъ вернется на родину и вытребуетъ свою землю у міра или сродственниковъ. Многіе такъ и дѣлали. Теперь ушедшимъ на сторону возвращаться, можетъ быть, будетъ не за чѣмъ,—развѣ за тѣмъ только, чтобы узнать, что ихъ ограбили.

Опасность быть ограбленными грозитъ въ сущности всѣмъ членамъ крестьянской семьи. И тѣ, которые остаются въ деревнѣ, не могутъ считать себя въ безопасности. Не изъ ангеловъ же въ самомъ дѣлѣ состоитъ крестьянская семья. У домохозяина могутъ быть болѣе или менѣе любимые члены,—дѣти отъ живой жены, напримѣръ, могутъ быть ближе его сердцу и во всякомъ случаѣ болѣе энергично отстаиваемы передъ нимъ, чѣмъ дѣти отъ умершей. Кто же помѣшаетъ ему въ настоящей формѣ выразить свои чувства? Право собственности—вѣдь это не только право владѣнія и пользованія, но и право распоряженія. И вотъ все это право цѣликомъ можетъ теперь сдѣлаться—а по отношенію къ подворнымъ участкамъ и сдѣлано уже—личнымъ правомъ домохозяина. Онъ имъ и распорядится: однихъ вознаградитъ, другихъ обездолитъ. Въ случаѣ чего, онъ и всю семью выгонитъ: въ качествѣ личнаго собственника онъ не затруднится, конечно, обзавестись другими «правопреемниками». Кто помѣшаетъ, далѣе, домохозяину пропить свою «личную» собственность? Если онъ потащитъ со двора хомутъ или колеса, то дѣти могутъ это замѣтить... Ну, а землю—въ буржуазномъ обществѣ это ловко устроено—онъ всегда при себѣ имѣетъ.

Возьмите даже дружную семью, но съ незадачливымъ домохозяиномъ. Представьте себѣ, что онъ «обвяжется» векселемъ,—вѣдь эта «равноправность» теперь всѣмъ крестьянамъ дарована. Да и безъ векселя личную собственность не такъ уже трудно—за долгъ или недоимку—подвергнуть принудительному отчужденію. Правда, кое-какія преграды на этомъ пути еще остаются, но убрать ихъ не трудно и сдѣлать это даже необходимо, разъ только процессъ «закрѣпощенія надѣльной земли», какъ его съ самодовольствомъ назвалъ одихъ изъ «землеустроительныхъ генераловъ», начнется *). И не такъ страшны, конечно, сродственники, какъ

собственность, то оно должно производиться, какъ мы видѣли, на основаніи данныхъ о „постоянномъ пользованіи". Претенденты на ту же землю, имѣющіе въ ней идеальную долю и фактически ею не пользующіеся, легко при этомъ могутъ быть обойдены, — тѣмъ болѣе, если они отсутствуютъ и лишены возможности лично вступиться за свои интересы.

*) „Закрѣпощеніе земли"—таковъ лозунгъ, какой, повидимому, усвоило правительство и съ какимъ оно уже сдѣлало попытку, при посредствѣ землеустроительныхъ коммиссій, выйти въ массы. Чтобы пояснить самодовольство изобрѣвшаго его г. Риттиха (а, можетъ быть, и самого г. Гурко), не лишне будетъ напомнить, какъ долго не давалась самодержавно-дворянскому правительству эта краткая, но полная своеобразнаго

всякаго рода коршуны, которые отнынѣ будутъ кружиться около каждаго крестьянскаго надѣла.

Указъ 9 ноября уже имѣлъ въ этомъ отношеніи свое продолженіе. 15 ноября крестьянамъ даровано новое право: оптомъ и въ розницу закладывать свою надѣльную землю въ Крестьянскомъ Банкѣ. И цѣль, съ какою крестьяне могутъ использовать это право, въ указѣ 15 ноября совершенно ясно указана: это доплаты за помѣщичью землю, пріобрѣтаемую при посредствѣ того же Крестьянскаго Банка. Такимъ образомъ поживиться за счетъ крестьянскаго надѣла предоставлено прежде всего помѣщикамъ, которые желаютъ «добровольно» сбыть свои земли. Вполнѣ возможно, что этотъ мотивъ былъ однимъ изъ главныхъ, какимъ руководилось правительство, затѣвая экспропріацію крестьянской земельной собственности. Такъ или иначе, но указъ о грабежѣ можетъ имѣть болѣе широкія послѣдствія, чѣмъ то можетъ показаться съ перваго взгляда: внутренній грабежъ въ крестьянской средѣ логически долженъ завершиться ограбленіемъ всего крестьянства.

Принудительное отчужденіе... «Революціонеры наоборотъ» изъявили готовность произвести и эту операцію, но только они подвергнутъ ей не помѣщичью, а крестьянскую землю. Не сразу, однако, какъ я думаю, удастся имъ разрушить земельную общину и тѣмъ болѣе крестьянскій дворъ. Не такъ легко обезземелить крестьянскую массу. Предстоитъ мучительный и грозный процессъ, который, быть можетъ, затянется надолго...

Но диверсія произведена. Контръ-революція всадила ножъ въ самую глубь народнаго организма. Борьбу за землю она перенесла внутрь деревенской общины и крестьянскаго двора. Разсчетъ ея, конечно, ясенъ: соблазнившись землею сосѣда или брата, крестьянинъ можетъ быть не такъ жадно будетъ смотрѣть на землю помѣщика...

Таковъ главный тактическій смыслъ этой диверсіи. Но указъ о грабежѣ, несомнѣнно, будетъ имѣть и другія послѣдствія...

смысла формула. Еще весною 1905 г., немедленно по возникновеніи аграрныхъ безпорядковъ, было учреждено „особое совѣщаніе по вопросамъ о мѣрахъ къ *укрѣпленію* крестьянскаго землевладѣнія". Тогда это названіе породило лишь недоумѣніе: крестьяне такъ крѣпко держатся за свою землю, что въ мѣрахъ къ укрѣпленію ихъ землевладѣнія никакой надобности, казалось, не имѣется. Въ дѣйствительности задача совѣщанію была поставлена, конечно, другая: „охранить частное землевладѣніе отъ всякихъ на него посягательствъ" и „утвердить въ народномъ сознаніи убѣжденіе въ неприкосновенности частной собственности". Не удалось лишь найти подходящую формулу. Теперь каламбуръ найденъ: объявляя надѣльную землю своею личною собственностью, крестьянинъ будетъ думать, что онъ „закрѣпитъ" ее такимъ образомъ за собою не меньше, какъ „въ вѣчность"; въ дѣйствительности же все дѣло сведется къ тому, что онъ очень скоро, быть можетъ, передастъ ее другимъ, и вся суть въ томъ, что онъ сдѣлаетъ это посредствомъ купчей „крѣпости".

III.

Въ революціонныхъ и оппозиціонныхъ кругахъ указъ 9 ноября встрѣтилъ достаточно единодушное и, конечно, рѣзко отрицательное къ себѣ отношеніе *). Многіе, однако, и въ этой средѣ склонны думать.

*) Надо, впрочемъ, сказать, что въ данномъ случаѣ, какъ и всегда это бываетъ, оказались исключенія. Нѣкоторые находятъ содержаніе этого указа достаточно цѣлесообразнымъ и въ то же время достаточно правомѣрнымъ. Въ подтвержденіе послѣдняго указываютъ на то, что даруемое имъ отдѣльнымъ крестьянамъ право укрѣплять надѣльную землю въ собственность было предусмотрѣно еще при выходѣ ихъ на выкупъ. Ссылаются при этомъ, между прочимъ, на ст. 159 „Положенія о выкупѣ", въ которой сказано, что „по уплатѣ выкупной ссуды, распространяются на выкупленныя земли правила, установленныя въ общемъ положеніи о крестьянахъ, вышедшихъ изъ крѣпостной зависимости, въ отношеніи земель, пріобрѣтаемыхъ самими крестьянами въ собственность". По отношенію же къ землямъ послѣдняго рода въ „Общемъ положеніи" сказано (ст. 36): „Каждый членъ сельскаго общества можетъ требовать, чтобы изъ состава земли, пріобрѣтенной въ общественную собственность, былъ ему выдѣленъ, въ частную собственность, участокъ, соразмѣрный съ долею его участія въ пріобрѣтеніи сей земли". Кромѣ того, въ теченіе довольно долгаго времени, какъ извѣстно, дѣйствовала, хотя и не получила широкаго распространенія 165 ст. Положенія о выкупѣ, согласно которой „если домохозяинъ, желающій выдѣлиться, внесетъ въ мѣстное казначейство всю причитающуюся на его участокъ выкупную ссуду, то общество обязывается выдѣлить крестьянину, сдѣлавшему такой взносъ, соотвѣтственный оному участокъ, по возможности къ одному мѣсту по усмотрѣнію самого общества, а впредь до выдѣла, крестьянинъ продолжаетъ пользоваться пріобрѣтенною имъ частію земли въ составѣ мірского надѣла, безъ взноса выкупныхъ платежей". Съ отмѣною выкупныхъ платежей — согласно этому мнѣнію—наступило время для приведенія указанныхъ статей въ дѣйствіе, что и сдѣлано указомъ 9 ноября. Съ этой точки зрѣнія, послѣдній если и нуждается, то лишь въ частичныхъ поправкахъ. Я не буду входить въ разборъ юридической силы такого рода соображеній. Крайне характерно въ данномъ случаѣ то, что для признанія положительныхъ качествъ въ указѣ о грабежѣ люди дѣлаютъ ссылку не на народное правосознаніе, а на сочиненныя чиновниками, въ томъ числѣ и на недѣйствовавшія еще статьи, какія нашлись въ нынѣшнемъ сводѣ законовъ. Въ сущности можно было бы даже не упоминать о такого рода соображеніяхъ. Если я счелъ необходимымъ всетаки отмѣтить ихъ, то потому только, что на эту точку зрѣнія всталъ, между прочимъ, при обсужденіи указа 9 ноября въ Вольно-экономическомъ обществѣ, одинъ изъ представителей соціалъ-демократическаго направленія въ нашей литературѣ. Возможность такого факта сама по себѣ является знаменательной. „Философскія предубѣжденія противъ общины" въ нѣкоторыхъ частяхъ русской интеллигенціи настолько сильны, что съ увѣренностью полагаться на единодушное отношеніе ея къ указу 9 ноября, можетъ быть, и не слѣдуетъ. Если вопросъ объ этомъ указѣ придется рѣшать въ связи съ вопросомъ объ общинѣ, то нѣтъ ничего невѣроятнаго, что мы должны будемъ считаться съ попыткой отстоять существо столыпинскаго акта при помощи самыхъ разнообразныхъ соображеній, хотя бы и въ родѣ только что приведенныхъ.

что онъ не будетъ имѣть серьезныхъ послѣдствій въ народной жизни. Не сразу—разсчитываютъ одни—свѣдѣнія о новомъ законѣ проникнутъ въ крестьянскую среду и не сразу призываемыя имъ къ грабежу лица сумѣютъ использовать выгоды своего положенія. Тѣмъ временемъ соберется Государственная Дума, которая, конечно, откажетъ въ санкціи этому акту и такъ или иначе добьется его отмѣны. Другіе полагаются не столько на Думу, сколько на революціонное настроеніе крестьянской массы, при каковомъ хищническіе элементы деревни просто-на-просто не посмѣютъ воспользоваться указомъ...

Довольно проблематичныя надежды на Думу, какъ мнѣ кажется, лучше всего будетъ оставить въ сторонѣ. Мы можемъ сказать только: «дай, Боже, нашему теляти волка поймати». Конечно, если дѣйствіе указа 9 ноября будетъ вскорѣ же—скажемъ, черезъ два—три мѣсяца—отмѣнено или пріостановлено, то роль его въ народной жизни можетъ оказаться малозамѣтной и даже, быть можетъ, ничтожной. Но можемъ ли мы строить такіе разсчеты? Допустимъ даже, что Дума окажется въ этомъ отношеніи достаточно единодушной и не потерпитъ ни общей, ни спеціальной по данному вопросу аваріи,—однако и за всѣмъ тѣмъ ея борьба съ правительствомъ можетъ затянуться. Тѣмъ временемъ перенесенная внутрь деревенской общины и крестьянскаго двора борьба за землю будетъ разгораться. Когда же Дума получитъ, наконецъ, возможность пріостановить дѣйствіе аграрныхъ декретовъ, то, быть можетъ, не такъ уже просто будетъ это сдѣлать.

Во всякомъ случаѣ положеніе представляется мнѣ очень серьезнымъ. Прежде всего нельзя разсчитывать, какъ я думаю, на то, что новый законъ не скоро проникнетъ въ деревню. При обычныхъ условіяхъ для этого, дѣйствительно, можетъ быть, потребовались бы цѣлые годы. Но мы не должны забывать того напряженнаго состоянія, въ какомъ находится сейчасъ деревня. Она чутко ко всему прислушивается и нервно на все реагируетъ. И едва ли новый законъ,—законъ, касающійся земли,—можетъ пройти съ ея стороны незамѣченнымъ. Съ другой стороны, мы не должны упускать изъ виду отчаяннаго положенія крестьянъ, въ особенности въ голодающихъ мѣстностяхъ. При такихъ условіяхъ люди готовы хвататься за соломинку. И—кто знаетъ?—не ухватится ли въ силу только этого деревня за указъ 9 ноября. Укрѣпивъ надѣльную землю въ личную собственность, легче вѣдь продать, заложить ее,—однимъ словомъ, такъ или иначе утолить за ея счетъ свой голодъ...

Главное же, что необходимо въ данномъ случаѣ помнить, это то, что указъ 9 ноября—не обыкновенный законъ. Это—ударъ, занесенный надъ народомъ контръ-революціей. Само собой понятно, что она употребитъ всѣ усилія, чтобы этотъ ударъ пришелся не по воздуху только. Она постарается, конечно, отточенный ею ножъ вонзить возможно глубже. И мы знаемъ, что эти усилія уже пред-

приняты. Землеустроительнымъ коммиссіямъ не только поручено популяризовать лозунгъ «закрѣпощенія земли», но и предложено оказывать особое покровительство тѣмъ изъ крестьянъ, которые воплотятъ его въ жизни. Домохозяева, укрѣпившіе свои надѣльные участки въ личную собственность, будутъ пользоваться важными преимуществами въ дѣлѣ пріобрѣтенія помѣщичьей, казенной и удѣльной земли: ихъ требованія будутъ удовлетворяться въ первую очередь и земля имъ будетъ предоставлена по болѣе дешевымъ цѣнамъ. Другими словами: гарантировавъ въ законодательномъ порядкѣ безнаказанность грабежа, правительство въ административномъ порядкѣ установило за удачно совершенные набѣги еще особую премію. Соблазнъ настолько большой, что желаніе заняться столь прибыльнымъ промысломъ можетъ охватить даже зауряднаго, хотя бы и не очень отважнаго, крестьянина.

Само собой понятно, что предпринятая правительствомъ диверсія волей-неволей заставитъ передвинуться на ту же арену и революціонныя силы. Необходимо встрѣтить зашедшаго въ тылъ врага, нужно отразить его ударъ или, по крайней мѣрѣ, ослабить его силу. Революціонныя партіи и организаціи должны какъ можно быстрѣе освѣдомить деревню о нависшей надъ ней опасности и подготовить ее по возможности къ организованному отпору...

При такихъ условіяхъ борьба за надѣльную землю очень скоро можетъ получить широкій размахъ и массовой характеръ.

Представимъ себѣ, въ самомъ дѣлѣ, что въ той или иной деревнѣ одинъ изъ домохозяевъ, соблазненный землеустроительной коммиссіей или наученный знакомымъ человѣкомъ, а то и просто своимъ умомъ дошедшій, укрѣпитъ надѣльную землю въ личную собственность. Нѣтъ ничего мудренаго, что этотъ случай сразу же взволнуетъ не только все селеніе, но и цѣлую округу. При этомъ могутъ получиться разныя теченія. Въ одной мѣстности подобный фактъ, можетъ быть, будетъ воспринятъ крестьянами, какъ сигналъ: «спасайся, кто можетъ!» И вотъ сначала многоземельные, а затѣмъ и всѣ другіе бросятся укрѣплять за собою надѣльную землю. Легко понять, что если такое теченіе начнется, то остановиться ему будетъ уже трудно. Сегодня Иванъ, самый многоземельный мужикъ въ деревнѣ, спасая свою землю, укрѣпитъ ее въ личную собственнось. Завтра это долженъ будетъ сдѣлать слѣдующій за нимъ по количеству надѣльной земли, Петръ, которому, въ случаѣ передѣла, за уходомъ изъ общины Ивана, грозитъ теперь наибольшая опасность. Послѣзавтра то же самое продѣлаетъ Кузьма. Начнутъ бѣжать изъ общины тѣ, которые имѣютъ надѣлъ выше средняго, но, въ концѣ концовъ останутся въ общинѣ, если только останутся, лишь самые малоземельные.

Въ другой мѣстности создастся, быть можетъ, совсѣмъ другое, но тоже массовое теченіе. Опасаясь, что многоземельные крестьяне укрѣпятъ за собою общественную землю, міръ захочетъ подравнять

ее между домохозяевами: меньше будетъ соблазна, да и меньше—въ случаѣ чего—обиды. Правда, не легко это сдѣлать: слишкомъ долгая и трудная для этого нужна процедура, кромѣ того и законъ о передѣлахъ во многихъ случаяхъ можетъ явиться преградой. Нѣтъ, однако, ничего мудренаго, что міръ преодолѣетъ всѣ трудности. И—кто знаетъ?—Не вызоветъ ли указъ 9 ноября въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ передѣльнаго движенія, т. е. вмѣсто того, чтобы доканать общину, онъ, быть можетъ, оживитъ ее.

Возможны на этой почвѣ и другія явленія. Не лишне будетъ напомнить, что указъ о грабежѣ можетъ не только взволновать деревню, но и привести въ движеніе значительную часть города. Я представляю себѣ ярославца, обзаведшагося въ Петербургѣ или гдѣ-нибудь около него мелочною лавкою или другимъ торговымъ заведеніемъ. Онъ хорошо здѣсь устроился, держитъ при себѣ всю семью и, казалось бы, мало заинтересованъ въ земельныхъ отношеніяхъ. Однако и съ деревней онъ не порываетъ связей. Трудно разобраться въ его чувствахъ: можетъ быть, въ данномъ случаѣ сказывается въ немъ любовь къ родинѣ или инстинктивная тяга къ землѣ; можетъ быть, въ немъ говоритъ чувство тщеславія—въ деревнѣ вѣдь вершина благополучія, какой онъ достигъ, становится виднѣе; можетъ быть, имъ руководитъ смутное сознаніе непрочности городского благополучія и желаніе приготовить себѣ спокойный уголокъ на старость, гдѣ бы онъ могъ жить «ровно на дачѣ»... Такъ или иначе, но онъ чувствуетъ потребность, хотя бы изрѣдка—можетъ быть, разъ въ два-три года—побывать на родинѣ. Онъ ѣдетъ туда одинъ, а то и со всей семьей, оставивъ кого-либо изъ нея «при дѣлѣ», ѣдетъ на мѣсяцъ или на два, ѣдетъ лѣтомъ, когда такъ сильно манитъ къ себѣ природа, или осенью, когда запасшаяся хлѣбомъ и убоиной деревня справляетъ свои храмовые праздники... У него есть тамъ домъ,—и этотъ домъ хорошо знаютъ всѣ, бывавшіе въ Ярославщинѣ. Мѣстами чуть не въ каждой деревнѣ, среди заурядныхъ избъ, а то и жалкихъ лачужекъ, высятся одинъ-два такихъ, построенныхъ на городской манеръ, снабженныхъ городскою мебелью и крытыхъ желѣзомъ, дома. Не рѣдко вы видите, что эти дома, иногда совсѣмъ новенькіе, стоятъ наглухо заколоченные. На вашъ удивленный вопросъ, вы вездѣ получаете одинъ и тотъ же отвѣтъ: «это питеряки себѣ понастроили». На время пріѣзда своего питерскаго хозяина, въ особенности если онъ пріѣзжаетъ съ семьей, такой домъ оживляется, въ немъ толчется масса народа—всякихъ кумовьевъ и сватовъ, а на деревенской улицѣ появляются расфранченные, нацѣпляющіе на себя по двое часовъ или, по крайней мѣрѣ, по двѣ цѣпочки, кавалеры—дѣти разжившагося въ Питерѣ крестьянина... Подъ старость, сколотивъ копѣйку, нѣкоторые изъ питерцевъ дѣйствительно возвращаются жить въ деревню: одинъ открываетъ здѣсь лавку,—«такъ, для баловства больше», потому что какая же торговля въ деревнѣ; другой

занимается болѣе серьезнымъ дѣломъ — скупкой льна, напримѣръ, или лѣсомъ; но почти каждый изъ нихъ берется и за землю, хотя бы потому уже, что иначе трудно заполнить жизнь въ деревнѣ.

Живя въ Питерѣ, ярославецъ знаетъ, что пишутъ въ газетахъ. Не прочь онъ и самъ почитать или послушать, въ особенности тѣ статьи, въ которыхъ говорится о деревенскихъ непорядкахъ. Въ частности, онъ очень отзывчивъ къ разсужденіямъ на тему, что все зло въ общинѣ. Его душа уже сроднилась съ «личной собственностью», на основѣ которой онъ такъ удачно воздвигъ свое благополучіе. Кромѣ того, его тревожитъ судьба собственнаго надѣла, который онъ «препоручилъ» одному изъ сосѣдей. Какъ торговаго человѣка, его волнуетъ уже то, что этотъ капиталъ приноситъ такъ мало процентовъ. «Кабы къ рукамъ эту самую землю»... Не чуждо ему и чувство нѣкотораго безпокойства: «какъ бы тамъ, безъ него, земляки чего не надумали»... Указъ 9 ноября онъ сумѣетъ, конечно, оцѣнить и съ общей, и съ личной точки зрѣнія. Онъ быстро смекнетъ, къ чему это клонится,—и нѣтъ ничего мудренаго, что по этому случаю онъ подаритъ свою деревню неожиданнымъ визитомъ. Его неурочный пріѣздъ удивитъ, конечно, послѣднюю. «Всегда къ Петрову-дню пріѣзжалъ, съ дѣтками, съ супружницей, а тутъ нака-ся на масляной подкатился»... Дѣло, однако, скоро разъяснится,—и едва ли можно сомнѣваться, что ярославецъ вернется въ Питеръ успокоеннымъ. Такъ или иначе, но его деревня про новый законъ узнаетъ.

Такихъ «ярославцевъ» найдется, быть можетъ, не мало: одинъ поспѣшитъ укрѣпить надѣльную землю въ личную собственность, потому что «такъ спокойнѣе», другой съѣздитъ въ деревню, чтобы «окончательно развязаться». Для города такія поѣздки останутся, конечно, малозамѣтными, ибо, развѣ встрѣтившись за чайкомъ въ трактирѣ, земляки перекинутся: «думаю-де и я съѣздить». Но въ жизнь деревни онѣ, несомнѣнно, привнесутъ много новаго.

Я съ нѣкоторою подробностью остановился на этомъ типѣ проживающаго въ городѣ крестьянина, желая показать, какъ разнообразны здѣсь лица, которыя могутъ оказаться заинтересованными указомъ 9 ноября. Едва ли нужно говорить, что не только среди городскихъ удачниковъ имѣются они; несравненно больше ихъ найдется среди неудачниковъ. Представьте себѣ, что въ рабочую среду доносится изъ деревни крикъ: «грабятъ!» Несомнѣнно, многіе встрепенутся. На этой почвѣ—на почвѣ отыскиванія и укрѣпленія за собой своихъ надѣловъ—можетъ возникнуть цѣлое движеніе. Деревенская жизнь наполнится, въ такомъ случаѣ, своеобразнымъ шумомъ. Передъ міромъ неожиданно могутъ появиться лица, которыхъ деревня давно уже потеряла изъ виду. Такъ же неожиданно могутъ быть предъявлены семейные счеты, которые за давностью можно было считать ликвидированными. И въ городѣ это движеніе

будетъ, конечно, болѣе замѣтно, чѣмъ дѣловыя поѣздки на родину мелочныхъ лавочниковъ. Трудно, конечно, предусмотрѣть, какія оно можетъ имѣть послѣдствія: можетъ быть, связи между городомъ и деревней начнутъ рваться, можетъ быть, напротивъ, многія изъ нихъ, совсѣмъ было уже утраченныя, будутъ возстановлены и окрѣпнутъ. Для меня важно въ данномъ случаѣ лишь отмѣтить тотъ—очень широкій, какъ видитъ читатель,—кругъ лицъ и интересовъ, которые могутъ оказаться вдвинутыми въ борьбу за надѣльную землю.

Не менѣе вѣроятно, какъ я думаю, предположеніе, что эта борьба очень скоро можетъ сдѣлаться до нельзя острой. Чтобы уяснить себѣ хотя бы нѣкоторыя въ этомъ отношеніи перспективы, постараемся представить себѣ укрѣпленіе надѣльной земли въ личную собственность по возможности въ конкретныхъ формахъ.

Крестьянинъ Иванъ Сидоровъ желаетъ воспользоваться правомъ, какое даровано ему указомъ 9 ноября. Уже одно это желаніе можетъ возстановить противъ него всю деревню. Прежде, чѣмъ онъ даже высказалъ свое намѣреніе, въ сердцахъ его односельчанъ уже назрѣло, быть можетъ, злобное противъ него чувство. По сообщенію нѣкоторыхъ корреспондентовъ, крестьяне, прослышавшіе про указъ, уже начали опасливо и подозрительно посматривать на своихъ сосѣдей, владѣющихъ большимъ количествомъ надѣльной земли, чѣмъ имъ слѣдовало бы при уравнительной разверсткѣ. Но пусть Иванъ Сидоровъ даже не относится къ этимъ многоземельнымъ – уже одно его желаніе выдѣлиться и какъ бы обособиться отъ міра, когда всѣмъ живется скверно, легко можетъ породить въ его однообщественникахъ чувства недовѣрія и вражды.

Допустимъ, однако, что все сначала идетъ мирно. Это вполнѣ возможно, если данная община принадлежитъ къ числу тѣхъ, гдѣ фактически имѣетъ мѣсто подворно-наслѣдственное владѣніе надѣльной землей, и тѣмъ болѣе если Иванъ Сидоровъ, съ своей стороны, представитъ вполнѣ понятные міру резоны, для чего именно ему нужно «закрѣпостить» свой надѣлъ. Общество тѣмъ охотнѣе, быть можетъ, выполнитъ это желаніе, что въ его средѣ, несомнѣнно, найдутся охотники распить полъ-ведра, которые выставитъ по этому случаю Сидоровъ.

На первыхъ порахъ все дѣло сведется къ нѣкоторой формальности,—къ приговору, который выдастъ общество, а если оно откажетъ, то къ акту, который составитъ земскій начальникъ. Вполнѣ возможно, что самъ Сидоровъ смотритъ на дѣло тоже, какъ на формальность, и вовсе не желаетъ обособляться отъ общества и въ серьезъ дѣлаться личнымъ собственникомъ. Ему просто нужна «бумага», чтобы получить подъ свой надѣлъ ссуду и внести доплату за землю, которую онъ приторговалъ у помѣщика. Дѣло можетъ быть и того проще: онъ желаетъ ублажить земскаго начальника, который только при этомъ условіи соглашается охлопотать

его дѣло въ землеустроительной коммиссіи. Лишь потомъ, когда Сидоровъ окажется неисправнымъ плательщикомъ передъ банкомъ или кѣмъ-либо изъ другихъ своихъ кредиторовъ и они обратятъ взысканіе на его «личную собственность», пустивъ ее съ аукціона, онъ пойметъ, какое неожиданное значеніе можетъ имѣть въ современной жизни «бумага», которую онъ выправилъ для совершенно опредѣленной надобности. Пойметъ тогда и общество, что за полъ-ведра, выставленныхъ въ свое время Сидоровымъ, оно вынуждено теперь пустить въ свою среду совсѣмъ чужого человѣка, который, можетъ быть, испортитъ жизнь всей деревнѣ.

Возможно, однако, что Сидоровъ, укрѣпляя надѣльную землю въ личную собственность, дѣйствовалъ съ полнымъ сознаніемъ. Тогда чужой человѣкъ можетъ водвориться въ деревнѣ немедленно. Неудобства имѣть въ своей средѣ собственника общество можетъ испытать и въ лицѣ самого Сидорова, въ особенности если послѣдній имѣетъ хищническія наклонности. Допустимъ, однако, что онъ дѣйствовалъ всетаки съ самыми добрыми намѣреніями, не питая противъ своихъ односельцевъ никакого злого умысла. Предположимъ, что, укрѣпляя надѣльную землю въ личную собственность, онъ желалъ только одного: пріобрѣсти независимость, необходимую для задуманнаго имъ улучшенія своего хозяйства. Желаніе вполнѣ понятное и законное. Къ слову сказать, это вѣдь одна изъ главныхъ задачъ, которую будто бы имѣетъ въ виду указъ 9 ноября.

Итакъ, Иванъ Сидоровъ начинаетъ улучшать свое хозяйство. Если оно находится въ Московской или Смоленской губерніи, то онъ первымъ дѣломъ дѣлитъ свою пашню на четыре поля и сѣетъ клеверъ. Увеличить количество кормовыхъ средствъ—таковъ первый шагъ, который онъ долженъ сдѣлать: иначе ему нельзя прибавить скота въ хозяйствѣ. Та же задача стоитъ передъ крестьянствомъ значительной части Россіи. Итакъ, Сидоровъ сѣетъ клеверъ. Едва ли нужно говорить, что изъ этого выйдетъ...

На конференціи народно-соціалистической партіи былъ разсказанъ, между прочимъ, такой фактъ. Одинъ изъ членовъ этой партіи изложилъ крестьянамъ на сходѣ сущность указа 9 ноября. Его рѣчь встрѣтили гробовымъ молчаніемъ: задумались...

— Нѣтъ!—загалдѣли всѣ разомъ.—Это не подойдетъ...

— Да онъ, собственникъ-то, вику въ пару посѣетъ...

— Скотина этого не позволитъ...

И дѣйствительно «скотина не позволитъ». Пасти скотъ крестьянамъ вѣдь негдѣ, какъ только по жнивью и паровому полю. Если у какой деревни и есть спеціальный выгонъ, то его еле-еле хватаетъ на время междупарья. Собственникъ, можетъ быть, и найдетъ для своего скота мѣсто, хотя бы на томъ участкѣ бывшей помѣщичьей земли, который ему внѣ очереди предоставитъ землеустроительная коммиссія Но куда же дѣнется со своей скотиной вся остальная деревня? Волей-неволей она вынуждена будетъ тра-

вить вику. Но допустимъ, что Сидоровъ—человѣкъ мирный: онъ желаетъ жить съ обществомъ въ ладу и, чтобы избѣжать непріятностей съ нимъ изъ-за потравъ, онъ обгородитъ свои полосы. Но въ такомъ случаѣ поле сдѣлается непроѣзднымъ, и крестьянамъ останется одно—сломать поставленную имъ изгородь.

При всемъ своемъ миролюбіи Сидоровъ вынужденъ будетъ, въ концѣ концовъ, обратиться за защитой къ стражнику или уряднику. Начнутся протоколы о потравахъ, о самоуправствѣ и т. д. Насадивъ собственника, правительство обязано будетъ защищать его, и для охраны Сидоровской вики ему придется, быть можетъ, двинуть цѣлую роту... Борьба будетъ тѣмъ острѣе и упорнѣе, что она будетъ вестись изъ-за вопросовъ, хотя и мелкихъ, но для крестьянской массы особенно важныхъ, на почвѣ интересовъ, хотя и не широкихъ, но за то для всѣхъ вполнѣ очевидныхъ.

Я взялъ крестьянина мирнаго, одушевленнаго самыми благими намѣреніями. Но, какъ я уже сказалъ, на его мѣстѣ можетъ оказаться человѣкъ съ завѣдомо хищническими инстинктами. Потравы и самоуправство онъ введетъ въ свой разсчетъ, какъ доходныя статьи, принадлежащія личному собственнику. На этомъ онъ, быть можетъ, построитъ весь свой планъ—планъ войны съ обществомъ. Допустимъ, что никто изъ своихъ крестьянъ на такую войну не рѣшится,—но вѣдь могутъ со стороны налетѣть чуткіе на всякую поживу «ястребы». Нѣтъ ничего невѣроятнаго, что появятся особые промышленники, которые начнутъ скупать надѣлы, со спеціальною цѣлью устраивать изъ нихъ «западни»,—подобныя тѣмъ какія нѣкоторые изъ помѣщиковъ сумѣли устроить при надѣленіи крестьянъ. Мы знаемъ вѣдь цѣлыя имѣнія, главный доходъ которыхъ составляютъ штрафы за потравы. Мы знаемъ «отрѣзки», «клинья», «прогоны», за которые крестьянамъ приходится платить или отрабатывать чудовищныя суммы. Охотники поразставить новыя «западни»—на этотъ разъ уже внутри надѣла—и обложить такимъ путемъ крестьянскую массу новою данью, конечно, найдутся. Можетъ быть, она платить и не станетъ,—ея повышенное настроеніе въ данномъ отношеніи свою роль, несомнѣнно, сыграетъ; но отстоять себя она сможетъ не иначе, какъ борьбой, и при томъ самой упорной.

Возьмемъ, далѣе, возможное отнынѣ вселеніе въ деревню, помимо ея желанія и согласія, чуждыхъ и, быть можетъ, явно враждебныхъ ей элементовъ. Припомнимъ, какъ добивались въ свое время этой возможности кабатчики и какъ дорого, подчасъ, цѣнило общество свое дозволеніе. Теперь кабакъ внѣдряется царскимъ именемъ, и деревня противъ него безсильна. Но вѣдь и «паукъ» остался. Онъ только перемѣнилъ профессію: можетъ быть, не кабакъ онъ откроетъ, а лавочку... Такъ или иначе, но, облюбовавъ себѣ жертву, онъ постарается ее высосать. Указъ 9 ноября—это право, дарованное паукамъ, всюду раскидывать свои сѣти. Попав-

шейся въ такую сѣть деревнѣ остается одно, хотя бы и безпомощно, въ ней биться.

Въ настоящее время трудно, конечно, предвидѣть, въ какую форму отольется борьба за землю, перенесенная внутрь крестьянскаго двора. Нужно, однако, предвидѣть, что и тамъ возможны будутъ острыя вещи. Переходъ отъ семейной собственности къ личной, если бы таковой начался, неизбѣжно будетъ очень мучительнымъ. Стоитъ только представить себѣ крестьянскую семью, въ которой домохозяинъ можетъ «подписать» землю, кому вздумается, или даже просто въ силу той или иной оплошности лишить ея все свое потомство. Какую напряженность внесетъ это во всѣ семейныя отношенія! Мнѣ припоминаются нѣкоторые «личные» собственники,—таковые и теперь кое-гдѣ встрѣчаются въ крестьянской средѣ. Бываетъ, что какой-нибудь владѣлецъ купчей земли, умирая бездѣтнымъ, «подпишетъ» ее кому-либо одному изъ членовъ родственной ему семьи. Какая сложная и вмѣстѣ съ тѣмъ острая подчасъ борьба интересовъ начинается потомъ около этого клочка! Нужно знать, что такое земля для крестьянина, какъ велико его желаніе уширить эту основу своего существованія и какъ великъ его страхъ лишиться ея...

Лѣтъ 10 уже не бывалъ я въ деревнѣ, — не бывалъ въ томъ смыслѣ, чтобы окунуться въ глубь жизненныхъ ея интересовъ. Можетъ быть, многое въ ней измѣнилось. Но основываясь на прежнихъ своихъ впечатлѣніяхъ, я склоненъ думать, что сознательная часть крестьянства со страхомъ отпрянетъ передъ новымъ строемъ земельныхъ отношеній, – передъ римскимъ строемъ, въ которомъ homo homini lupus est, въ которомъ даже братъ брату приходится волкомъ. Связавъ выходъ изъ общины съ обязательнымъ переходомъ къ личной собственности, правительство, быть можетъ, тѣмъ самымъ положило бревно на дорогѣ направленнаго имъ въ формѣ указа 9 ноября въ крестьянскую среду контръ-революціоннаго мотора. Семейная собственность на землю, несомнѣнно, прочнѣе общинной, и если ничто другое, то, можетъ быть, потребность сохранить дворъ заставитъ крестьянство ухватиться за общину или же искать другую коллективность, которой оно могло бы довѣрить свое право на землю.

Вдумываясь въ характеръ возможной борьбы за надѣльную землю, необходимо помнить и еще одно обстоятельство. Значительная часть деревенской жизни проходитъ внѣ твердо-установленныхъ правовыхъ нормъ. И тѣ нормы, которыя уже выработаны народнымъ правосознаніемъ, почти не пользуются организованной защитой въ лицѣ государства. Прежде, хотя и скверно, эту роль выполняли волостные суды и сельскіе сходы. Но теперь, послѣ бюрократизаціи крестьянскихъ учрежденій, сходы и тѣмъ болѣе суды стоятъ настражѣ не столько крестьянскаго правосознанія, сколько правосознанія земскаго начальника. Мнѣ, по край-

ней мѣрѣ, извѣстны случаи, когда наканунѣ каждаго засѣданія волостного суда его предсѣдатель, какъ департаментскій чиновникъ, отправляется съ докладомъ къ земскому, гдѣ — допустимъ даже, послѣ справокъ въ законѣ, въ томъ числѣ и въ X томѣ, — подъискивается для каждаго дѣла рѣшеніе, наиболѣе пріятное или кажущееся наиболѣе справедливымъ «барину». То же право, которое выработано народомъ, каждому заинтересованному въ немъ приходится охранять самому, при той лишь слабой поддержкѣ, какую можетъ оказать ему общественное мнѣніе. Само собой понятно, что многіе вопросы рѣшаются при этомъ нерѣдко просто-напросто силой.

Указъ 9 ноября ставитъ на очередь и дѣлаетъ неотложными массу новыхъ правовыхъ вопросовъ при отсутствіи какихъ бы то ни было формъ, въ которыхъ могло бы высказаться коллективное правосознаніе, и при полномъ почти отсутствіи организованныхъ силъ, которыя могли бы выступить на его защиту.

Хуже того. Этотъ указъ—повторяю—контръ-революціонный актъ. Онъ имѣетъ совершенно опредѣленную задачу: борьбу, которая охватила уже почти всю поверхность русской жизни и которая сплотила уже массы, онъ задается цѣлью перенести въ самый низъ, вглубь народнаго организма и тамъ привести въ столкновеніе всѣ его частички. Перенесенная внутрь, борьба сохранитъ, конечно, въ общемъ тотъ же характеръ, что и на поверхности. Всѣ организованныя силы государственности, пока контръ-революція владѣетъ ими,—судъ и законъ, полицію и войско,—она направитъ на поддержку хищника противъ трудящагося, немногихъ счастливчиковъ противъ всей почти массы. И предоставленныя собственнымъ силамъ, частички этой массы, быть можетъ, не найдутъ другихъ средствъ для защиты своего права и своихъ интересовъ, кромѣ собственныхъ кулаковъ и дреколья.

Перенесенная внутрь деревенской общины и крестьянской семьи, борьба за землю можетъ получить не только широкій размахъ, но и крайне острый характеръ. Мы стоимъ, быть можетъ, лицомъ къ лицу передъ громаднымъ углубленіемъ революціи.

IV.

Я намѣтилъ нѣкоторыя возможности, болѣе или менѣе вѣроятныя, болѣе или менѣе близкія. Читателямъ понятно, конечно, что, намѣчая ихъ, я вовсе не хотѣлъ и не хочу сказать, что жизнь въ томъ или другомъ изъ указанныхъ мною направленій пойдетъ прямолинейно и что движеніе ея въ каждомъ изъ нихъ будетъ быстротечно.

Нельзя думать, чтобы имѣющіе громадное значеніе въ народной жизни институты общинной и тѣмъ болѣе подворной собственности

могли быстро и безслѣдно исчезнуть. Самое большее, что можетъ сдѣлать въ данномъ отношеніи революціонная, хотя бы и самая ожесточенная, борьба, это—заложить основы новаго права. Въ зависимости отъ исхода этой борьбы право можетъ получиться, конечно, разное. Можетъ быть ножъ, который всадила революція, откроетъ выходъ для застоявшагося въ соціальномъ организмѣ гноя; можетъ быть, этотъ ножъ привнесетъ въ него новое болѣзнетворное начало. Но гной будетъ вытекать или зараза будетъ распространяться лишь постепенно. Долгіе годы будутъ нужны, чтобы новыя правовыя начала вошли въ народную жизнь; въ очень медленномъ и, быть можетъ, крайне болѣзненномъ процессѣ отдѣльныя части соціальнаго организма будутъ приспособляться къ своимъ новымъ функціямъ, и не сразу структура этого организма, какую придастъ ему революція, пріобрѣтетъ необходимую устойчивость.

Вполнѣ возможно и даже вѣроятно, что во многихъ мѣстностяхъ указъ 9 ноября пройдетъ на первыхъ порахъ почти не замѣченнымъ. Жизнь окажется въ нихъ недостаточно къ нему воспріимчивой. Не менѣе возможно, что въ другихъ мѣстахъ, произведя сразу же очень сильное дѣйствіе, онъ вызоветъ затѣмъ столь же почти сильную реакцію. Перейдя, напримѣръ, къ личной собственности, крестьяне, быть можетъ, потомъ опять возстановятъ общинную. Надо сказать, что въ исторіи общины такіе случаи уже бывали. Подѣливъ (на основаніи ст. 115 мѣстнаго великор. полож.) по тѣмъ или инымъ соображеніямъ общинную землю въ подворную собственность, крестьяне затѣмъ нерѣдко даже забывали о состоявшемся на этотъ счетъ приговорѣ,—и изслѣдователямъ, ознакомившимся съ такимъ приговоромъ въ волостномъ архивѣ, приходилось потомъ на мѣстѣ находить практикующую передѣлы общину. Теперь такіе случаи разрушенія общины на время и даже только на бумагѣ могутъ быть особенно часты, въ виду возможности ублаготворить такимъ образомъ предержащія власти. Нѣтъ ничего мудренаго, что найдутся такіе ретивые и еще достаточно авторитетные земскіе начальники, въ участкахъ которыхъ всѣ крестьяне перейдутъ къ личной собственности. Само собой понятно, что институтъ послѣдней въ такихъ мѣстахъ не можетъ быть достаточно устойчивымъ. Вполнѣ возможно, однако, что, отказавшись отъ общины только на бумагѣ, крестьяне вынуждены будутъ дальнѣйшимъ ходомъ событій разрушить ее и на дѣлѣ.

Нельзя такъ же думать, что всѣ вопросы, съ которыми сопряженъ переходъ отъ одного земельнаго строя къ другому, встанутъ передъ всей страной сразу. Если бы это было такъ, то можно было бы съ достаточною увѣренностью разсчитывать на сознательное и, по крайней мѣрѣ, на единодушное отношеніе крестьянства къ ожидающимъ его перспективамъ. Въ дѣйствительности, конечно, дѣло пойдетъ иначе; въ однихъ мѣстахъ всплывутъ раньше одни вопросы, въ другихъ -- другіе, и крестьянство выну-

ждено будетъ идти ощупью, по частямъ рѣшать великую проблему.

Вообще картина, вѣроятнѣе всего, будетъ пестрая. И вмѣстѣ съ тѣмъ очень сложная.

Да, сложная... Предстоящую борьбу за надѣльную землю нельзя мыслить въ какой-либо одной упрощенной схемѣ. Многіе склонны представлять себѣ дѣло такимъ образомъ: хищники и черносотенцы будутъ нападать, сознательная и трудовая часть крестьянства будетъ защищаться. Въ дѣйствительности, однако, борьба, почти несомнѣнно, будетъ сложнѣе, и въ этомъ заключается, можетъ быть, главная ея опасность. Но благодаря этому же, въ случаѣ успѣха, она можетъ оказаться для трудового народа въ высшей степени благотворной.

Нападать будутъ не только хищники. Выше я взялъ въ примѣръ Ивана Сидорова, и его желаніе—обезпечить себѣ въ своемъ хозяйствѣ независимость — я квалифицировалъ, какъ вполнѣ понятное и законное. Такихъ Сидоровыхъ много найдется, особенно въ нечерноземной Россіи. Нынѣшняя община съ ея черезполосностью, принудительнымъ сѣвооборотомъ и т. д. неизбѣжно стѣсняетъ личность, стремящуюся и даже вынужденную всѣмъ хозяйственнымъ строемъ проявлять возможно большую хозяйственную предпріимчивость. Вполнѣ понятно поэтому, что во многихъ мѣстностяхъ наблюдается въ крестьянской средѣ довольно сильное тяготѣніе къ отрубному или участковому землепользованію. Помимо хозяйственной независимости, такое землепользованіе—когда вся земля тутъ же, вокругъ дома, подъ руками—при интенсивномъ хозяйствѣ представляетъ массу другихъ удобствъ.

Надо сказать, что отрубное землепользованіе вполнѣ совмѣстимо съ институтомъ коллективной и той же общинной собственности на землю. Община въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, въ виду выяснившейся и сознанной потребности, уже начала вырабатывать формы такого землепользованія. Напомню хотя бы ярославскую «сотню», при помощи которой крестьяне стараются свести мелкія и разбросанныя въ разныхъ мѣстахъ полосы въ немногочисленные для каждаго домохозяина и болѣе крупные участки. Съ другой стороны, подворная или личная собственность на землю отнюдь не гарантируетъ отрубнаго землепользованія. Напротивъ, мы знаемъ громадныя мѣстности—можно указать въ этомъ случаѣ на значительную часть Украины,—гдѣ подворная или личная собственность существуетъ на ряду съ крайне дробной черезполосицей и неизбѣжнымъ при ней принудительнымъ сѣвооборотомъ. Въ частности, указъ 9 ноября, допускающій укрѣпленіе въ личную собственность черезполосныхъ участковъ и допускающій требованіе о выдѣлѣ ихъ къ одному мѣсту только при общихъ передѣлахъ, неизбѣжно ведетъ къ созданію такой—наихудшей изъ всѣхъ существующихъ, какъ выразился А. А. Кауфманъ—формы землевладѣнія. Если бы укрѣпленіе въ личную собственность происходило

даже съ обязательнымъ выдѣломъ къ одному мѣсту, то и въ такомъ случаѣ, при нынѣшнемъ наслѣдственномъ правѣ, очень скоро должна была бы образоваться невѣроятная и крайне трудно устранимая черезполосица.

Къ сожалѣнію, въ числѣ всякихъ предубѣжденій противъ общинной земельной собственности едва ли не самымъ сильнымъ и едва ли не самымъ распространеннымъ является мысль, что такая собственность неразрывно связана съ черезполосицей, и съ другой стороны, — что личная собственность лучше, чѣмъ всякая иная, гарантируетъ ея владѣльцу обладаніе его землей въ одномъ мѣстѣ. Это предубѣжденіе распространено и въ крестьянствѣ. Нѣтъ поэтому ничего невѣроятнаго, что Иванъ Сидоровъ—одинъ изъ наиболѣе, быть можетъ, трудолюбивыхъ и вмѣстѣ съ тѣмъ наиболѣе энергичныхъ крестьянъ данной деревни, окажется вмѣстѣ съ хищниками въ числѣ нападающихъ на общину. Конечно, на нынѣшнюю общину,—и только потому, быть можетъ, что онъ не знаетъ о возможности перехода ея въ другую форму.

Не менѣе понятно и не менѣе законно другое желаніе того же, скажемъ, Ивана Сидорова. Онъ желаетъ, чтобы трудъ, который онъ вложитъ въ землю; а при интенсивномъ хозяйствѣ онъ можетъ быть очень значительнымъ,—не пропалъ понапрасну; при общинномъ же землевладѣніи онъ боится, что земля можетъ быть у него отобрана прежде, чѣмъ онъ использустъ произведенныя затраты. Отсюда его стремленіе укрѣпить свою землю «въ вѣчность». Мы знаемъ опять-таки, что коллективная собственность на землю, можетъ быть лучше, чѣмъ всякая другая, гарантировать трудящемуся плоды его трудовъ. Напомню и въ данномъ случаѣ, что община—нынѣшняя даже община—давно уже выступила на этотъ путь. Еще покойнымъ Орловымъ, при изслѣдованіи имъ общиннаго землевладѣнія въ Московской губерніи въ концѣ 70-хъ годовъ, было констатировано примѣненіе самыхъ разнообразныхъ формъ вознагражденія за произведенныя улучшенія, какія общины практиковали въ его время при передѣлахъ по отношенію къ домохозяевамъ, получавшимъ почему-либо худшую землю. Тоже наблюдалось изслѣдователями общинной жизни и въ другихъ мѣстахъ. И если такое вознагражденіе не получило до сихъ поръ общаго признанія и повсемѣстнаго распространенія, то, быть можетъ, потому только, что народное правосознаніе было лишено органа, при посредствѣ котораго оно могло бы отливать вырабатываемыя имъ нормы въ достаточно широкія и прочныя, надлежащимъ образомъ охраняемыя, правовыя формы. Напомню, съ другой стороны, что личная собственность отнюдь не гарантируетъ трудящемуся, что вложенный имъ въ землю трудъ будетъ вполнѣ вознагражденъ. Больше того: онъ легко можетъ не только лишиться права на вознагражденіе, но и права на землю. Тѣмъ не менѣе со стороны Ивана Сидорова вполнѣ возможно недоразумѣніе: опа-

саясь, какъ бы его не ограбили однообщинники, онъ пойдетъ вмѣстѣ съ завѣдомыми грабителями. И такихъ Сидоровыхъ—повторяю—можетъ оказаться не мало.

Но противъ нынѣшней общины можно предъявить и болѣе серьезныя обвиненія. Поскольку послѣднія не основаны на недоразумѣніи, всѣ ихъ можно свести къ одному первоисточнику, къ совершенно ненормальному—двусмысленному—положенію общины въ современномъ строѣ. Въ силу историческихъ условій, она сохранила до сихъ поръ принадлежавшій ей издревле характеръ территоріально-государственнаго союза; съ другой стороны, объединяя не всѣхъ жителей данной территоріи, а только земледѣльцевъ, она является частно-хозяйственнымъ союзомъ, въ качествѣ какового она только и можетъ правильно функціонировать. Благодаря этому, въ общинной жизни создался рядъ всевозможныхъ противорѣчій, которыя невозможно разрѣшить при нынѣшнемъ ея строѣ. Сущность всѣхъ этихъ противорѣчій сводится къ одному основному: въ качествѣ хозяйственнаго союза, община можетъ и должна быть союзомъ исключительно добровольнымъ; въ качествѣ государственнаго она продолжаетъ имѣть принудительный характеръ.

Чтобы пояснить свою мысль, возьму одну изъ сторонъ общинной жизни, очень рѣдко привлекающую къ себѣ вниманіе, но тѣмъ не менѣе крайне важную, какъ потому, что съ ней придется серьезно считаться при предстоящемъ государственномъ переустройствѣ, такъ и потому, что она можетъ сыграть очень серьезную роль въ интересующей насъ борьбѣ за надѣльную землю.

Выше я упомянулъ о вселеніи въ деревню, которое можетъ произойти нынѣ не иначе, какъ съ согласія общины. Правда, жизнь уже много сдѣлала въ этой стѣнѣ брешей, но и за всѣмъ тѣмъ она красуется еще вокругъ деревни. Среди охотниковъ расширить эти бреши и даже снести до самаго основанія всю стѣну, несомнѣнно, окажутся не только «пауки» и всякіе другіе хищники. Право гражданина жить, гдѣ онъ хочетъ,—такъ называемая «свобода передвиженія»—значится въ программахъ всѣхъ прогрессивныхъ партій. Но чтобы реализировать это право по отношенію къ деревнѣ, гражданинъ долженъ сдѣлаться обладателемъ надѣльной земли, что при общинномъ землевладѣніи не для всякаго доступно. Даже снять себѣ для этого въ аренду участокъ или нанять квартиру у кого-либо изъ общинниковъ, если этого не захочетъ міръ, не всякій можетъ. По крайней мѣрѣ, въ нѣкоторыхъ, наиболѣе жизненныхъ, общинахъ до сихъ поръ сохранилась эта власть міра. Казалось бы, эта власть должна быть уничтожена. Но, съ другой стороны, по отношенію къ хозяйственному союзу безусловно недопустимо какое бы то ни было принужденіе и, стало быть, право схода не допускать вселенія въ общину чуждыхъ ей элементовъ, помимо общаго на то согласія, должно быть признано и охраняемо. Понятно, что не легко развязать этотъ узелъ.

Допустимъ, что этотъ крайне трудный и въ то же время крайне важный вопросъ не привлечетъ къ себѣ вниманія при установленіи законодательнымъ путемъ «вольностей». Но вѣдь данная потребность вполнѣ назрѣла въ жизни, и она, несомнѣнно, начнетъ пролагать и уже пролагаетъ себѣ путь при помощи борьбы въ обходъ или наперекоръ наличнымъ правовымъ формамъ. Охотники вселиться въ деревню имѣются, какъ уже сказалъ я, не только среди хищниковъ; въ числѣ такихъ охотниковъ могутъ быть крайне цѣнныя для самой деревни культурныя силы. Нѣтъ ничего поэтому мудренаго, что даже наиболѣе благожелательно настроенныя по отношенію къ трудовому крестьянству лица окажутся въ числѣ разрушителей коллективной земельной собственности. Представьте себѣ, что учитель, сжившійся съ данной деревней, желаетъ прочно въ ней обосноваться, чтобы всего себя отдать мѣстной общественной жизни. Можетъ быть, міръ не найдетъ возможнымъ— при остромъ малоземельѣ это вполнѣ понятно, да и помимо того могутъ встрѣтиться преграды, — выдѣлить ему кусокъ общинной земли. Что же остается сдѣлать этому учителю?—найти Ѳадея или Ѳому, который желаетъ или вынужденъ развязаться съ землей и который, укрѣпивъ ее въ личную собственность, перепродастъ затѣмъ желающему слиться съ народомъ интеллигенту. Такимъ образомъ, на общину въ виду присущихъ ей аномалій нападетъ, быть можетъ, ея доброжелатель и даже сторонникъ коллективной собственности на землю.

Подобныхъ интеллигентовъ найдется, быть можетъ, не много. Но потребность вселенія въ деревню самыхъ разнообразныхъ элементовъ—повторяю— очень велика. Необходимо такъ или иначе создать такой деревенскій и общинный укладъ, который давалъ бы выходъ для этой потребности—и вмѣстѣ съ тѣмъ, гарантировалъ бы хозяйственный союзъ отъ вторженія въ него чуждыхъ ему элементовъ *).

Не менѣе велика другая потребность—потребность выхода изъ общины, въ связи съ выселеніемъ изъ деревни. Съ легкой руки

*) Легко понять, что этотъ вопросъ касается не только формы землевладѣнія, но и той первичной ячейки, которая должна лежать въ основѣ всей государственной организаціи,—не только земельной общины, которая должна реформироваться по типу коопераціи, но и сельскаго общества, которое должно быть устроено по типу муниципіи. Я не случайно взялъ для примѣра вселеніе. На немъ, какъ мнѣ казалось, наиболѣе наглядно можно было показать органическую связь въ низахъ народной жизни двухъ великихъ вопросовъ нашего времени: аграрнаго и политическаго. Общественная мысль до сихъ поръ слишкомъ мало еще продвинула вопросъ о мѣстномъ государственномъ устройствѣ. Дальше мелкой земской единицы не идутъ даже наиболѣе разработанные проекты. Между тѣмъ необходимо спуститься еще ниже. И мнѣ хотѣлось обратить вниманіе читателей на эту необходимость, а вмѣстѣ съ тѣмъ и на невозможность дать сколько-нибудь удачные проекты земельнаго и общаго мѣстнаго устройства внѣ связи ихъ другъ съ другомъ.

марксистовъ, до крайности запутавшихъ этотъ вопросъ, въ общественныхъ кругахъ довольно широко распространено убѣжденіе, что такому выходу мѣшали и мѣшаютъ круговая порука (уже отмѣненная), паспортныя стѣсненія (тоже недавно потерявшія для крестьянъ специфическую свою силу) и другія однородныя имъ ограниченія крестьянскихъ правъ, будто бы неразрывно связанныя съ общиной. Въ дѣйствительности, свободному выходу изъ нея мѣшало--по крайней мѣрѣ, по скольку рѣчь идетъ о послѣднихъ двухъ десятилѣтіяхъ,—лишь одно обстоятельство: невозможность реализировать пріобрѣтенныя права на надѣльную землю. Долгіе годы крестьянинъ вносилъ—нерѣдко «спуста», т. е. не пользуясь даже землей—выкупныя подати. Онъ «выкупалъ» свою землю и дѣлалъ въ этой формѣ изъ своего трудового достатка принудительныя сбереженія,—и вотъ теперь, когда земля «окуплена», когда она денегъ стоитъ, когда его надѣлъ даетъ «верхи», т. е. больше, чѣмъ сколько съ него сходитъ податей, онъ долженъ уйти отъ земли, не выручивъ ни копѣйки. Община его, конечно, отпуститъ и уплату податей за него на себя приметъ,—изъ тысячи общинъ можетъ быть найдется одна, которая къ его выходу поставила бы препятствія; но онъ не можетъ уйти самъ, психологически не можетъ, потому что это значило бы бросить нѣсколько радужныхъ, которыхъ стоитъ теперь его надѣлъ, и лишиться такимъ образомъ единственныхъ, быть можетъ, сбереженій, какія онъ имѣетъ. И вотъ онъ держится за этотъ надѣлъ и, даже уходя на жительство въ городъ, оставляетъ его за собою. Вполнѣ понятно, что возможность укрѣпить надѣлъ въ личную собственность и затѣмъ продать его явится для такого крестьянина единственнымъ средствомъ выручить свои сбереженія, и онъ, конечно, не замедлитъ имъ воспользоваться. Но легко вмѣстѣ съ тѣмъ понять и то, что пріобрѣтенныя этимъ крестьяниномъ права на надѣлъ могутъ быть выкуплены государствомъ, и, такимъ образомъ, свобода выхода изъ нынѣшней общины можетъ быть достигнута безъ обращенія земли въ личную собственность.

Противниковъ общины, въ родѣ указанныхъ мною,—противниковъ по недоразумѣнію и по неволѣ,—можетъ оказаться много. Не мало такихъ противниковъ можетъ найтись и у семейной собственности. Не только хищники--повторяю—окажутся въ числѣ нападающихъ, въ числѣ ихъ могутъ оказаться и такія силы, которыя будутъ бороться за права личности и трудовые интересы. Это обстоятельство можетъ спутать отношенія и до нельзя осложнить борьбу. Въ расчетѣ на такую путаницу контръ-революціонеры, быть можетъ, и предприняли свою диверсію. Зайдя въ тылъ революціонной арміи, они могутъ не только произвести въ ея рядахъ замѣшательство, но и противопоставить другъ другу боровшіяся доселѣ вмѣстѣ силы.

Для того, чтобы этого не случилось, есть, какъ я думаю, только одно средство. Разъ борьба за надѣльную землю возгорится, трудо-

вому народу нельзя остаться на оборонительныхъ позиціяхъ. Въ такомъ случаѣ отъ него отколятся и даже, быть можетъ, нападутъ на него наиболѣе дѣятельные его элементы. Необходимо вмѣстѣ съ ними перейти въ наступленіе. Нужно смѣло подойти къ противорѣчіямъ, какія имѣются въ земельной общинѣ и крестьянскомъ дворѣ, и постараться разрѣшить ихъ согласно съ правами человѣческой личности и интересами трудового народа. Въ этомъ случаѣ, какъ и во всѣхъ другихъ, между ними, если и есть противоположность, то только кажущаяся. Освободить личность въ крестьянскомъ дворѣ и земельной общинѣ, несомнѣнно, можно, сохранивъ землю въ коллективной собственности. Больше того: для освобожденія личности при данныхъ условіяхъ есть только одно дѣйствительное средство— это собрать всю землю въ распоряженіи болѣе широкой, чѣмъ община или дворъ, коллективности. Въ эту сторону и необходимо направить всѣ силы.

Диверсія, произведенная правительствомъ, на много, быть можетъ, осложнила и затруднила русскую революцію, но за то она открыла для нея новыя и при томъ очень широкія перспективы.

А. Пѣшехоновъ.

Викторъ Александровичъ Гольцевъ.

18 ноября, въ Москвѣ умеръ Викторъ Александровичъ Гольцевъ. Умеръ онъ 56 лѣтъ, въ возрастѣ, когда общественные работники на Западѣ считаются въ расцвѣтѣ силъ, т. е. когда жизнь дала имъ то, что могла дать изъ области познаній и опыта, а старость не успѣла еще подточить дѣятельныя силы и энергію... Гольцевъ уже нѣсколькихъ послѣднихъ лѣтъ былъ человѣкъ больной и разбитый. Хотя до конца онъ продолжалъ работать, редактируя «Русскую Мысль» и выступая съ литературными статьями, но всѣмъ, знавшимъ покойнаго, было ясно, что это уже далеко не «расцвѣтъ силъ», а печальный и ранній закатъ...

Отчего это случается въ нашемъ отечествѣ такъ часто? Въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ можно, разумѣется, указывать самыя разнообразныя обстоятельства, способствующія слишкомъ раннему закату порой такъ ярко начинающихся жизней. «Мы не умѣемъ экономить своихъ силъ», «мы не способны правильно организовать собственную работу», «мы не знаемъ мѣры въ трудѣ и отдыхѣ», «мы часто придаемъ послѣднему формы, не способствующія возстановленію растрачиваемой нервной энергіи»...

Пусть такъ. Пусть рѣдкая біографія русскаго даровитаго человѣка обходится безъ этихъ мотивовъ. Но за то наши болѣе счастливые европейскіе собратья не знаютъ уже давно другихъ мотивовъ, которыми до излишества богата жизнь только что скончавшагося писателя.

Въ концѣ семидесятыхъ и началѣ восьмидесятыхъ годовъ Гольцевъ появился на московскомъ горизонтѣ въ качествѣ приватъ-доцента по полицейскому праву. О молодомъ ученомъ сразу заговорили, какъ о силѣ, подающей блестящія надежды. Всѣ, кто хорошо зналъ покойнаго, знаютъ также, что именно устная рѣчь, лекція, импровизація являлись той формой, въ которой всего легче и всего свободнѣе развертывались его умъ и его интеллектуальная личность. Но профессорская карьера съ первыхъ же шаговъ была для него закрыта. Послѣ кратковременной высылки (тоже неизбѣжная черта русской интеллигентной карьеры) онъ былъ лишенъ права выступать на университетской каѳедрѣ,—правда, не навсегда: въ послѣдніе годы ему вернули это право, но это была только странная и довольно жестокая иронія: послѣ перерыва въ четверть вѣка Гольцеву предоставили возможность вернуться къ началу ученой карьеры, въ которой онъ подавалъ такія «блестящія надежды» въ свои молодые, далеко отошедшіе годы...

Въ эти четверть вѣка Гольцевъ отдалъ свои силы журналистикѣ. Онъ сталъ журналистомъ русскимъ, и это, конечно, уже матеріалъ для трагедіи. Но, кромѣ того, волею судьбы онъ былъ журналистъ московскій, а это уже трагедія двойная. Самодержавіе у насъ было, конечно, одно для всей страны. Для всей страны писались также и цензурные уставы. Но — земля наша, какъ извѣстно, велика и обильна разнообразіемъ всякаго гнета. «Единыя начала» преломляются на ея просторѣ весьма различно, въ зависимости отъ географическаго положенія и «мѣстныхъ историческихъ условій». Сухой «чиновничій» Петербургъ пишетъ «законы», «циркуляры» и «разъясненія», охватывающіе одной системой давленія всю страну, до самыхъ далекихъ окраинъ. Замѣчательно, однако, что никогда въ Петербургѣ, то есть у самаго источника этого репрессивнаго творчества,—цензурное давленіе не сказывалось съ такой угрюмою и мрачною силой, какъ въ добродушной и якобы не чиновничьей Москвѣ. Въ Петербургѣ работало центральное правительство, Петербургъ сочинялъ въ руководство и разъясненіе тысячи циркуляровъ... Но за то матушка Москва выдвинула изъ своихъ нѣдръ такихъ добровольцевъ изувѣрно-патріотическаго сыска, передъ которыми петербургскій князь Мещерскій со своимъ «Гражданиномъ»— только наивный и смѣшной младенецъ. Поэтому судьбы оппозиціонной печати въ Москвѣ въ общемъ были гораздо тяжелѣе, чѣмъ въ Петербургѣ. Разсказываютъ, что въ началѣ 80-хъ годовъ, когда самое существованіе «независимой политической» прессы объявлялось зломъ, подлежащимъ искорененію, одинъ административный

юпитеръ подвергъ опросу редакторовъ ежедневныхъ періодическихъ изданій относительно ихъ «направленія». Редакторы отвѣчали, какъ могли отвѣчать въ столь затруднительныхъ обстоятельствахъ, когда обвиненіе не ставится, но наказаніе готово разразиться по простому и довольно темному усмотрѣнію. Только одинъ изъ издателей, призванныхъ къ этому своеобразному допросу, вполнѣ удовлетворилъ грозное начальство. На вопросъ о его «направленіи» онъ отвѣтилъ кратко, довѣрчиво и просто:

— Кормимся, ваше—ство...

Это было цѣлое откровеніе и съ этихъ поръ оно стало лучшимъ критеріемъ при разрѣшеніи новыхъ газетъ и журналовъ: дозволить кормленіе посредствомъ литературы и искоренить въ ней идейныя стремленія—такъ окончательно опредѣлилась программа въ отношеніи періодической прессы. Издатель, которому приписывается эта своеобразная формулировка «направленія», былъ истиннымъ порожденіемъ Москвы, съ ея сорока сороками, лобнымъ мѣстомъ, Царь-колоколомъ и Страстнымъ бульваромъ. Впослѣдствіи этотъ догадливый человѣкъ былъ не однажды «декорированъ» орденами за особыя заслуги въ области отечественной литературы, и съ его легкой руки газеты и журналы всего легче разрѣшались—купцамъ.

Гольцевъ былъ тоже москвичъ и при томъ москвичъ истинный, до мозга костей. Но это былъ вмѣстѣ съ тѣмъ европеецъ, человѣкъ новыхъ стремленій, которымъ пришлось преломляться въ московской средѣ. Выступить на литературное поприще ему пришлось именно въ купеческой газетѣ, разрѣшенной подъ вліяніемъ указаннаго выше «курса». Московскому 1-й гильдіи купцу, г-ну Ланину, было дозволено изданіе ежедневной газеты «Русскій Курьеръ». Издатель обладалъ прекраснымъ цензомъ: онъ былъ владѣлецъ весьма извѣстной фабрики шипучихъ водъ, которыя носили выразительное названіе «ланинскаго» или «русскаго шампанскаго». Предполагалось, что человѣкъ, сумѣвшій замѣнить ударяющій въ голову западный напитокъ—скромной, хотя и шипучей водицей отечественнаго производства, сдѣлаетъ то же самое и въ области печатнаго слова. Оказалось, однако, что надежды начальства были обмануты: удаленный съ каѳедры молодой профессоръ, В. А. Гольцевъ, составилъ для новой газеты кружокъ сотрудниковъ, и въ «Курьерѣ» московскаго 1-й гильдіи купца Ланина неожиданно забилъ живой ключъ даровитаго, молодого и довольно крѣпкаго по тому времени либерализма... Московскіе добровольцы ударили тревогу, посыпались доносы, а за доносами, конечно, кары и «мѣропріятія». В. А. Гольцевъ долженъ былъ оставить газету вмѣстѣ съ своимъ кружкомъ. Ланинъ составилъ новый кружокъ сотрудниковъ, руководительство которымъ фактически взялъ въ свои руки. Въ концѣ концовъ газета, тоже «подававшая большія надежды» въ первые мѣсяцы послѣ своего выступленія, рѣзко теряла литературный обликъ и сконча-

лась среди смѣха москвичей-читателей, а Гольцевъ еще разъ почувствовалъ себя выбитымъ изъ занятой позиціи.

Послѣ этого онъ примкнулъ къ ежемѣсячному журналу «Русская Мысль», который издавался тоже московскимъ купцомъ В. М. Лавровымъ. Съ этихъ поръ біографія В. А. Гольцева тѣсно сливается съ исторіей этого журнала, въ которомъ онъ работаетъ уже безъ перерывовъ до конца своей жизни... Истый москвичъ, умудренный печальнымъ опытомъ, онъ сумѣлъ проводить журналъ, безъ особенно чувствительныхъ административныхъ крушеній, мимо опасныхъ подводныхъ рифовъ, и «Русская Мысль» долгіе годы являлась единственной представительницей независимой ежемѣсячной прессы въ Москвѣ... Одно время, послѣ закрытія «Отечественныхъ Записокъ», значеніе московскаго журнала сильно возрасло. Какъ по числу подписчиковъ, такъ и по литературному и моральному вліянію онъ занималъ первое мѣсто въ русской ежемѣсячной журналистикѣ. Впослѣдствіи это значеніе относительно ослабѣло. Но и въ періодъ расцвѣта, и въ болѣе трудные дни В. А. Гольцевъ являлся истиннымъ двигателемъ, душой этого изданія.

Послѣ его смерти явились въ газетахъ слухи, будто и «Русская Мысль» прекращаетъ свое существованіе. Эти слухи указываютъ только, какъ тѣсно въ глазахъ москвичей связана судьба журнала съ личностью его вдохновителя. Къ счастью, въ послѣднее время явились опредѣленныя извѣстія, что журналъ будетъ продолжать свое существованіе, и это, конечно, было бы лучшей данью уваженія со стороны интеллигенціи Москвы на могилу В. А. Гольцева.

Въ этой краткой замѣткѣ мы, конечно, не имѣли въ виду возстановлять передъ читателемъ всѣ черты этой сложной, живой, интересной и чрезвычайно своеобразной литературно-общественной физіономіи. Гольцевъ былъ человѣкъ очень живой и даровитый, съ яркимъ общественнымъ темпераментомъ, выбитый изъ колеи безсмысленной реакціей и безцѣльными репрессіями. Истинное его призваніе было—устное слово, каѳедра, быть можетъ, парламентская трибуна. Но и то, что онъ сдѣлалъ на поприщѣ русской журналистики,—заслуживаетъ не только теплаго поминальнаго слова, но также честныхъ усилій для продолженія дѣла, которому онъ отдалъ большую часть своей сознательной жизни и въ которое вложилъ наибольшую долю своей даровитой личности...

Желаемъ отъ души всякаго успѣха въ этомъ направленіи нашимъ московскимъ журнальнымъ товарищамъ...

Вл. Кор.

Николай Георгіевичъ Гаринъ-Михайловскій.

За три дня до своей смерти Н. Г. былъ у меня. Онъ пришелъ утомленный отъ той напряженной жизни, которую онъ, какъ всегда, велъ въ Петербургѣ, при которой спать ему приходилось два—три часа. Но съ первыхъ же словъ, съ перваго же вопроса о его дальнѣйшихъ намѣреніяхъ онъ воодушевился и сталъ развивать свой очередной планъ... Какъ всегда, блестяще развертывался грандіозный планъ, и, какъ всегда, въ основѣ вѣрный и остроумный, пока онъ оставался въ области мысли. Наканунѣ его смерти я зашелъ къ нему. У него оказалось огромное общество. Кончался обѣдъ, говорились рѣчи и развивался новый планъ—созданіе новаго театра. Тутъ же зарождались и другіе планы—новаго книгоиздательства, и въ центрѣ всѣхъ этихъ плановъ, какъ всегда, оказывался Николай Георгіевичъ. Въ тотъ вечеръ онъ былъ необыкновенно воодушевленъ и искренно огорчился моимъ скептическимъ отношеніемъ, моимъ отказомъ войти въ дѣло...

На другой день онъ умеръ. Умеръ въ редакціи, обсуждая литературныя дѣла, и, очень можетъ быть, я не знаю—за постройкой опять какого-нибудь плана.

Такъ было всегда. Можно сказать, вся жизнь Н. Г. была сплошнымъ фейерверкомъ смѣлыхъ мыслей, необыкновенной фантазіи, грандіозныхъ построеній. Это не значитъ, что его планы были только фейерверкомъ. Серьезные, солидные люди его инженерной спеціальности говорили мнѣ, что его планы были остроумны, всегда смѣлы по замыслу, всегда оригинальны по построенію, что онъ поразительно быстро схватывалъ существо дѣла и облекалъ его въ форму, нужную для этого существа дѣла. И если изъ грандіозныхъ плановъ не выходило того, что должно было выйти, то причина этому лежала въ другой сторонѣ характера Николая Георгіевича. Онъ былъ недостаточно хорошій исполнитель. Его интересовала идея, а не фактъ, и, какъ только идея начинала воплощаться въ жизнь, онъ уже терялъ значительную долю интереса къ ней, и новыя вереницы новыхъ идей и смѣлыхъ плановъ заполняли вѣчно мятущуюся мысль Н. Г. И безконечная доброта, особенная, безоружная, беззащитная доброта Н. Г., которую хорошо знали люди, близко познакомившіеся съ нимъ, не помогала хорошему исполненію плановъ. Черезъ его руки прошли милліоны де-
... Онъ никогда не любилъ деньги, какъ деньги, и онѣ такъ же
...чились отъ него, какъ и приливали къ нему.

И въ результатѣ нужно было добывать деньги, чтобы похоронить его.

Такъ прошла вся жизнь Н. Г. Такъ же необыкновенно, смѣло и фантастично было его выступленіе въ печать... Это тоже одинъ изъ порывовъ, внезапная идея, недовершенная Николаемъ Георгіевичемъ въ мѣру роста отпущеннаго ему таланта.

Въ возрастѣ около 40 лѣтъ, инженеръ, помѣщикъ, земецъ консервативныхъ взглядовъ, выступилъ съ «Дѣтствомъ Темы», яркимъ, ароматнымъ, необыкновенно нѣжнымъ произведеніемъ. Я не хочу слѣдить за его дальнѣйшей литературной карьерой. Быстро потухая и ярко вспыхивая, она шла все время, въ перемежку съ той бездной идей и плановъ, которые постоянно вспыхивали и потухали: онъ не успѣлъ сдѣлаться присяжнымъ литераторомъ въ томъ смыслѣ, въ какомъ понимала это исконная русская литература, неотступно и безраздѣльно овладѣвавшая русскимъ писателемъ. Н. Г. Михайловскій писалъ удивительно, какъ удивительно было все то, что онъ дѣлалъ. Мнѣ приходилось не разъ присутствовать при возникновеніи его литературныхъ замысловъ. Это были блестящія вспышки огня. Тутъ же, на моихъ глазахъ, идея принимала художественную форму, и такъ увлекательно развертывалась предо мной художественная ткань разсказа. Стихійная сила сидѣла въ немъ, онъ писалъ, какъ поетъ птица, какъ пахнетъ цвѣтокъ, и я мало знаю писателей, у которыхъ такъ легко создавались-бы образы и такъ неизбѣжно принимало бы художественныя формы все то, что выливалось въ словахъ. Въ этомъ была особенность литературнаго творчества Н. Г. Въ этомъ заключалась и слабость его. Какъ и во всемъ, исполненіе не всегда соотвѣтствовало замыслу. «Вылеживаніе» темы, долгая кристаллизація замысла, упорная, медлительная работа, кованіе формы, вся та черная работа, которая лежитъ въ писательскомъ трудѣ, были чужды ему, непривычны, до извѣстной степени претили ему. И здѣсь его больше интересовали мысли, планы, чѣмъ исполненіе. И опять это не было однимъ фейерверкомъ. Тема не покидала его. Разъ тема овладѣвала имъ, онъ работалъ лихорадочно, отбрасывая всѣ дѣла, которыя несмѣтною толпою кружились около него, работалъ, не отрываясь, превращая ночь въ день, наконецъ, сдавалъ рукопись въ редакцію и несся на курьерскомъ поѣздѣ на Уралъ, въ Сибирь, къ одному изъ своихъ неотступныхъ дѣлъ... А потомъ со станцій летѣли телеграммы, гдѣ онъ просилъ измѣнить фразу, передѣлывались или вставлялись цѣлыя сцены, иногда чуть не полъ-главы, и, пока онъ доѣзжалъ до мѣста и новое дѣло охватывало его, разсказъ или повѣсть оказывались передѣланными. Насколько мнѣ извѣстно, это былъ единственный русскій писатель, по телеграфу писавшій свои произведенія. И именно въ послѣднее время его потянуло къ литературѣ наиболѣе властно, и работа, на которой онъ умеръ,— «Инженеры»—раздвигалась все шире, все росла въ своихъ размѣрахъ.

Онъ не сдѣлался и политическимъ дѣятелемъ, настоящимъ политическимъ дѣятелемъ, всецѣло захваченнымъ опредѣленнымъ кругомъ идей и дѣлъ, какими сдѣлала русская жизнь за послѣдніе три года самыхъ тугоуздыхъ людей. Онъ считалъ себя соціалъ-демократомъ. Я не знаю, насколько онъ былъ твердъ въ своемъ катехизисѣ, но, несомнѣнно, и здѣсь его не столько интересовали пути и методы, сколько захватили тѣ художественныя перспективы и грандіозные планы, которые развертывалъ соціализмъ въ будущемъ. Въ одномъ онъ былъ твердъ и крѣпокъ,—въ своемъ глубокомъ демократизмѣ. Человѣкъ необыкновенной искренности, онъ порвалъ сразу и навсегда со всѣмъ своимъ прошлымъ, его глаза и сердце были обращены впередъ, къ свѣтлому демократическому будущему Россіи. Когда онъ развивалъ свои широкіе планы, то всегда привходилъ одинъ конецъ: «Тогда мы устроимъ вотъ что... Тогда мы будемъ сильны!»

Я не берусь въ короткой замѣткѣ возстановить образъ этого рѣдко-талантливаго, богато одареннаго русскаго человѣка, легко и безудержно разбрасывавшаго по пути, направо и налѣво, данныя ему отъ природы и такъ легко достававшіяся отъ жизни богатства. И, быть можетъ, не будетъ парадоксомъ сказать, что въ этомъ богатствѣ и въ исключительной удачливости Н. Г. лежали плюсъ и минусъ его жизни. Ему не приходилось проходить суровую школу бѣдности и труда, ему не было надобности заниматься черной работой жизни. Сами собой приходили къ нему деньги, быстро и блестяще создавалась его инженерская карьера, сразу, первымъ произведеніемъ получилъ онъ широкую извѣстность въ литературѣ. И, быть можетъ, это чрезмѣрное богатство натуры, эта легкость, съ которой получались и разбрасывались богатства, помѣшали ему въ должной мѣрѣ использовать дары, отпущенные ему природой.

Это былъ художникъ-мечтатель. Такимъ онъ былъ въ литературѣ, такимъ онъ былъ въ своей инженерской дѣятельности, такимъ былъ въ жизни. При томъ мечтатель съ необыкновенной фантазіей и необыкновенно быстро реализировавшій свои мечты, не знавшій и не признававшій препятствій къ немедленному осуществленію, какъ бы ни фантастичны казались онѣ. Подходило Рождество, люди говорили о елкахъ... Въ лѣсу, въ чащѣ заиндивѣвшихъ деревьевъ устраивается «елка». Огромная ель, не срубленная, тутъ же въ лѣсу растущая, роскошно декорируется, горятъ свѣчи, пылаютъ кругомъ костры, устраивается грандіозный пикникъ, на который приглашаются сотрудники Н. Г., его рабочіе, крестьяне изъ смежной деревни. Можно было бы исписать цѣлыя страницы такими примѣрами этихъ необыкновенныхъ фантазій, вспыхивавшихъ, какъ огни, и немедленно приводившихся въ исполненіе. Такъ жилъ въ вѣчныхъ мечтахъ, горѣвшій вѣчными планами, обладавшій необыкновенными фантазіями, Николай Георгіевичъ Михайловскій.

По натурѣ онъ былъ эллинъ, блестящій и изящный, словно вышедшій оттуда, изъ блестящихъ временъ расцвѣта Аѳинъ, безумно любившій красоту и художественность жизни, эллинскую красоту... И необыкновенно жизнерадостный, ненасытно жадный къ жизни... Всю жизнь, не отрываясь. пилъ онъ жадными глотками чашу жизни, ему мало было той жизни, какою жили другіе люди, ему мало было 24 часовъ въ сутки. И нерѣдко, мѣсяцами онъ спалъ два-три часа въ сутки для того, чтобы увеличить количество жизни. То были не кутежи,—Н. Г. почти не пилъ, то была кипучая жизнь, то были планы безъ конца, то были дѣла—мечты. Нервы натягивались, какъ струны, и не было отдыха натянутымъ, звенящимъ струнамъ.

Оттого онъ и умеръ. Только два года назадъ, передъ его отъѣздомъ въ Манчжурію, я, по просьбѣ его, устроилъ консиліумъ въ Ялтѣ. Мы всѣ, выслушивавшіе его, единогласно признали его сердце здоровымъ и, помню, вынесли діагностику «молодого сердца». Вскрытіе подтвердило отсутствіе измѣненій въ сердцѣ, и, повидимому, смерть произошла отъ чрезмѣрнаго переутомленія сердца и нервной системы, не знавшихъ отдыха въ послѣднее время...

Было что-то обаятельное въ этой чуткой, тонкой, нервной, художественной натурѣ, удивительно нѣжной и поразительно искренней. Такимъ останется Николай Георгіевичъ Михайловскій въ сердцахъ всѣхъ тѣхъ, кто успѣлъ близко вглядѣться въ него.

С. Елпатьевскій.

ОТЧЕТЪ

Конторы редакціи журнала „Русское Богатство".

ПОСТУПИЛО:

Въ пользу ссыльныхъ: черезъ В. Кудашеву, собран. въ г. Сочи—76 р. 50 к.; отъ Диножени, изъ Ростова на Дону — 2 р., изъ Бирска—38 р.: отъ д-ра А. В. Н.—5 р.: отъ И. В. С. — 15 р.; отъ А. С.—7 р. 10 к.; отъ Е. Львовой — 3 р.; собран. С. Конпалъ—20 р. 45 к.; отъ разныхъ лицъ, черезъ В. Бобровскаго—5 р.; отъ зем. фельдш. М. Афанасьева — 20 р.; отъ неизвѣстнаго—3 р.; отъ Н. М. Г.—10 р.; черезъ И. М. Г. — 5 р.; отъ И. И. Боброва—25 р.; отъ проф. Алова. изъ Ново-Александріи—70 р.; отъ П. — 20 р.; отъ сибирячки — 2 р.: отъ В. А. Щ—ва—2 р.

Итого . . . . 329 р. 05 к.

Въ пользу безработныхъ: отъ неизвѣстнаго—3 р.; отъ сибирячки—2 р.

Итого . . . . 5 р.

На школу Г. И. Успенскаго: отъ И. И. Боброва—25 р.

Отчетъ пожертвованій, поступившихъ въ пользу голодающихъ крестьянъ въ разныхъ губ. въ 1906 г.

Оставалось на 1 января въ конторѣ 986 р. 83 к. Поступило за 1906 г. отъ А. Михайловой—5 р.; И. Михайлова—5 р.; Милицы—1 р.; Нины—1 р.; Зои—1 р.; Вѣры—1 р.; З. Аргуновой—1 р.: Володи—3 р.; А. Жупанова — 1 р.; А. Шольянъ—1 р.; Б. Хаймовичъ—3 р.; Коникова—50 к.; М. Владина—1 р; Н. Полякова—3 р.; И. Шнеевейсъ—2 р.; Х. Эй—2 р.; отъ Ровенскаго, изъ Харбина — 7800 р. 60 к.: отъ в-ча Каменскаго—50 р.; черезъ в-ча П. Яценко—26 р. 45 к; отъ Л. Гржановскаго, со ст. Константиновской—5 р.; отъ кружка народн. учит., изъ Одессы—15 р.; отъ М. Демченко, со ст. Грабаровки—6 р.; отъ разныхъ лицъ изъ Харбина—225 р. 63 к; отъ Ровенскаго, изъ Харбина—1867 р.; отъ Боджарова, изъ Харбина—818 р. 20 к.: отъ в—ча Каменскаго—20 р.; отъ сестеръ Над—скихъ — 5 р.: отъ Васильевскаго муж. уч-ща въ Полтавѣ—3 р.; отъ N—3 р.; отъ в-ча П. Чистякова, изъ с. Курашинскаго—2 р.; черезъ П. Ошарова, изъ Канска—150 р.; отъ В. П., А. Н. и Ю. В. Колодчевскихъ—25 р.; отъ редакціи газ. «Харьковскій Листокъ»—20 р. 93 к.; отъ прихожанъ Бухторминскаго прихода, Устькаменогорскаго уѣзда—6 р.; отъ П. Клюшника, со ст. Александрополь—15 р.; отъ в-ча 17-го Вост. Сибир. стрѣлк. полка В. М. Гаккебушъ. передан. въ распоряженіе В. Г. Короленко—284 р.; отъ Е. Львова—3 р.; отъ в-ча Кохановскаго, изъ Урумчи — 88 р. 50 к; отъ причта Александр.-Невской больничной церкви въ г. Перми—2 р.; отъ П. Іодиной, изъ Костромы—300 р.; отъ Г. Халецкаго, изъ Вязьмы—3 р.; изъ Харбина—167 р. 20 к.; отъ Е. Калугина, изъ г. Осы—9 р. 75 к.; отъ Боджарова, изъ Харбина—26 р. 45 к.; отъ Страшевскаго кружка любит. драмат. искусства, черезъ М. Соколова—10 р. 60 к.; черезъ А. Яковлеву—112 р. 45 к.; отъ Е. Л.—3 р; отъ полковника Охлебинскаго, изъ г. Асхабада—4 р. 30 к.; отъ неизвѣстнаго, изъ Орла—1 р. 75 к.; отъ Х.—2 р.; отъ Э. Д.—20 р.; отъ А. И. М.—10 р.; отъ З. Цосифа, изъ Цюриха—10 р.; черезъ А. Яковлеву—33 р. 33 к.; со ст. Златоустъ—25 р; отъ Боджарова, изъ Харбина—121 р.; отъ Е. Б.—5 р.; отъ N. N. и Х.—5 р. 03 к.; отъ М. О.—2 р.; отъ подписчика № 9669—7 р. 50 к.; отъ лѣсныхъ чиновъ Красноярскаго лѣсничества—3 р. 70 к.; черезъ П. Захарянца—25 р.; отъ Н. Наймушина—10 р.; отъ Н. В. З. изъ Холма — 10 р.: отъ А. Арндтъ и М. П. — 17 р; отъ Воли и Миши—10 р.; отъ семьи Виноградовыхъ, изъ с. Дятькова—6 р.; отъ И. И. Боброва—25 р.; отъ N. N. и Х. за X и XI 1906 г.,—6 р.; отъ Е. Друри, Алупка—10 р; отъ сибирячки—2 р.; отъ политехниковъ, вмѣсто вѣнка умершему товар. Ивановскому—20 р. 55 к.; черезъ Политехническій институтъ—38 р. 19 к.

Итого . . . . 13522 р. 44 к.

Передано, черезъ Н Ѳ. Анненскаго, въ комитетъ по оказанію помощи голодающ. при В. Э. О.	4374 р. 84 к.	
Послано черезъ О. Яковлеву въ Тульскую губ.	400 р.	
Послано въ Рязанскій комитетъ обществ. помощи голодающимъ	2166 р. 50 к.	
Послано въ Пироговское общество врачей (Д. Н. Жбанкову)	3000 р.	
Послано г-жѣ Купріяновой въ Казанскую губ. .	3581 р. 10 к.	13522 р. 44 к.

Контора «Русскаго Богатства», при подпискѣ и доплатахъ, проситъ руководствоваться прилагаемыми образцами. Это избавитъ отъ ошибокъ, происходящихъ вслѣдствіе того, что почтовые штемпеля, попадая на адреса, совершенно ихъ закрываютъ.

Подписка.

Прилагая р. к., прошу высылать „Рус. Бог." въ теченіе 1907 г.

Имя:

Отчество:

Фамилія:

Городъ или станція:

Губернія:

Уѣзда (или ул. и домъ)

(или *ж. д.*)

Мѣсто почтоваго штемпеля.

Доплата:

№ бандероли.

Прилагаю:

2-й взносъ р. к.

3-й взносъ р. к.

Имя:

Отчество:

Фамилія:

Городъ

Губернія:

Уѣздъ:

(или *ж. д.*)

Мѣсто почтоваго штемпеля.

Подписка принимается въ конторѣ журнала — (ежедневно, кромѣ праздниковъ, отъ 9 до 4 час. дня). — **С.-Петербургъ, Лиговская ул., 44** и въ отдѣленіяхъ книгоиздательства „Донская Рѣчь“—въ **Москвѣ** (Срѣтенка, Ащауловъ переулокъ, 13), **Кіевѣ** (Крещатикъ, 27), въ **Ростовѣ-на-Д.** (Казанская, 42) и **Одессѣ** (Колодезный пер., 13).

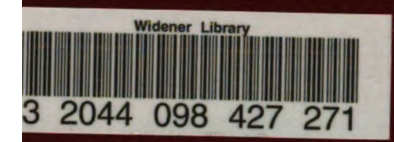
Вниманію заграничныхъ подписчиковъ. Въ виду интересовъ заграничныхъ подписчиковъ, контора журнала „Былое“ проситъ ихъ подписываться не черезъ контору, а черезъ ихъ мѣстное (заграничное) учрежденіе. При этомъ способѣ подписки годовой экз. журн. будетъ стоить **8** руб. **50** коп. вмѣсто тепереш. **10** р. Кромѣ того, выгода подписчиковъ будетъ та, что журналъ будетъ получаться аккуратнѣе. Новый способъ подписки начнется съ 1-го января 1907 г., при чемъ будетъ приниматься подписка на годъ и по четвертямъ года.

Редакція помѣщается въ **С.-Петербургѣ на Знаменской ул., д. 19.**

Личныя объясненія съ редакторами — по понед. вторн., четверг., пятницамъ (кромѣ праздниковъ) отъ 3 до 5 час. дня.

Редакторы: **В. Я. Богучарскій. П. Е. Щеголевъ.** Издатель **Н. Е. Парамоновъ.**

Редакторъ-издатель *В. Г. Короленко.*


Widener Library
3 2044 098 427 271